

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920027 9

полностью

ВЕСТНИК ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Содержание
№ 1
1. О состоянии дел в России
2. О состоянии дел в Европе
3. О состоянии дел в Азии
4. О состоянии дел в Африке
5. О состоянии дел в Австралии
6. О состоянии дел в Америке
7. О состоянии дел в Океании
8. О состоянии дел в Антарктиде
9. О состоянии дел в Арктиде
10. О состоянии дел в Гренландии
11. О состоянии дел в Исландии
12. О состоянии дел в Норвегии
13. О состоянии дел в Швеции
14. О состоянии дел в Финляндии
15. О состоянии дел в Дании
16. О состоянии дел в Пруссии
17. О состоянии дел в Австрии
18. О состоянии дел в Венгрии
19. О состоянии дел в Италии
20. О состоянии дел в Франции
21. О состоянии дел в Германии
22. О состоянии дел в Испании
23. О состоянии дел в Португалии
24. О состоянии дел в Греции
25. О состоянии дел в Турции
26. О состоянии дел в Египте
27. О состоянии дел в Сирии
28. О состоянии дел в Персии
29. О состоянии дел в Индии
30. О состоянии дел в Китае
31. О состоянии дел в Японии
32. О состоянии дел в Корее
33. О состоянии дел в Японии
34. О состоянии дел в Японии
35. О состоянии дел в Японии

И рече
Олегъ
Киевъ
се буди

Мати
срадыма
русскима

ВИЛЬНА

1867

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V 1867.

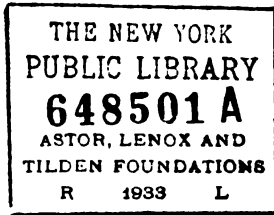
КНИЖКА I.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою 13-го Января 1867 года. Вильна.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

I.

№ 1.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРА- ВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Грамота святѣйшаго патріарха константинопольскаго
Іоакима, данная Александру Ходкевичу. 1505 г.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО).

„Іоакимъ, Божією милостію, архієпископъ цареградскій но-
ваго Рима и вселенскій патріархъ и пр.

Послику знаменитый (celebris) король польскій и великій
князь литовскій въ своемъ посланіи изъяснилъ намъ и нашему
смирению, что маршалокъ его державы благочестивый, пра-
вославный и знаменитый, господинъ Александръ, сынъ господина
Іоанна Ходкевичъ, изъ собственныхъ имѣній, изъ собственныхъ
сокровищъ въ своей собственной вотчинѣ и наслѣдствѣ въ лѣсахъ
Влудовскихъ, на берегу рѣки Супрасля, отъ самаго основанія воз-
двигъ и выстроилъ знаменитый и препочтенный монастырь подъ
взваніемъ пречистой и прѣблаженной Дѣвы Маріи Богородицы; а
такъ какъ этотъ господинъ Александръ въ своемъ письмѣ къ намъ
упомянулъ, что онъ выстроилъ эту знаменитую церковь большими
издержками изъ своей вотчины и позаботился о способахъ и сред-
ствахъ къ всегдашнему существованію этой церкви и къ поддержа-
нію жизни живущихъ при ней, въ честь и славу Христа, Господа

и Бога нашего, и для всегдшнята поининовенія родителей и предковъ создателя.

Наше смиреніе видя съ этой стороны сердечную его любовь къ Богу, явленную въ основаніи и построеніи сей св. киновіи изъ собственныхъ имѣній, сокровищъ и собственными трудами, благословляемъ создателей господина Александра и епископа смоленскаго Іосифа, и труды ихъ. Да будетъ жертва ихъ совершенна предъ Богомъ и милость Божія всегда да почіетъ на нихъ въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ.

Затѣмъ благословляемъ эту святую киновію и освящаемъ ее благодатію Святаго Духа; устанавливаемъ опредѣленные законы, правила и чинъ для всѣхъ теперь живущихъ и будущихъ. И во первыхъ: заповѣдуемъ всегда неопустительно воспоминать и благословлять въ молитвахъ создателей господина Александра съ Іосифомъ епископомъ. Также заповѣдуемъ живущимъ въ семъ св. монастырѣ, извѣстнымъ монашествующимъ братьямъ, чтобы они избирали изъ среды себя, а не откуда извнѣ, брата достойнаго игуменства или начальства, который бы зналъ пасти духовныхъ овецъ, защищать и заботиться о церкви Божіей по заповѣдямъ Божіимъ и по принятому уставу сей св. киновіи. Иноки въ этомъ монастырѣ пусть не пьютъ подслащеннаго напитка пива, и никакаго напитка упоевающаго. А кто хочетъ пить, тотъ пусть довольствуется хлѣбомъ и водою, что-бы не отвлекать своего ума отъ предметовъ божественныхъ. Безъ воли игумена и всѣхъ братій монашествующіе изъ монастыря да не исходятъ. А кто дерзнетъ преступить эти наши заповѣди, тотъ да отлучится и да будетъ ему анаема.

Заповѣдуемъ также, чтобы общее жителство ихъ было какъ можно чисто, по слову Божію. И ни одинъ также монахъ пусть не беретъ денегъ, ни другой вещи, которая была-бы излишняя. Но это все пусть будетъ въ рукахъ и во власти хранителя церковныхъ сокровищъ, котораго назначить игумень и изберуть братья вмѣстѣ съ игуменомъ. И такъ, по Духу Св., устанавливаемъ уставы и чинъ достойныя памяти сей св. киновіи Пречистой Богоматери, честнаго ея и святаго Благовѣщенія, на берегу рѣки Супрасля. Ради твердости и силы, мы дали это наше писаніе, подписавши его нашею рукою и укрѣпивши нашею всячею патріаршею печатью. Въ Цареградѣ, лѣта отъ сотворенія 7.013. и отъ Рождества Христова 1505.

Примѣчаніе. Грамота эта переведена съ латинскаго, позднѣй-

шаго перевода ея, хранящагося въ архивѣ супрасльскаго монастыря; но въ этомъ же архивѣ найдено начало древней копии съ подлинной грамоты патріарха, которое мы буквально здѣсь помѣщаемъ.

Іоакимъ милостью Божою Архіепископъ Конъстантинопольскій, Новаго Рима вселеньскій Патріархъ:

Понеже славный краль и превеликій князь всей Литвы в своихъ писанихъ показаномъ, и нашей смиренности, Како маршалокъ его державы, Благочестивый и православный, и великолепный Панъ Александро, Сынъ Пана Ивана Ходкевича, отъ своего имѣнія и отъ своего скарбу (казны) и отъ своего труда, на своей властной (собственной) отчизне и дѣдине (наслѣдіи) у пуши блудовской ускрай (на берегу) рѣки Супраслы, и сфудоменту (вновь — отъ основанія) созида и възнесе честный монастырь по имени пречистыя Владичица наша Богородица, честного ея Благовѣщенія. Такъ же своимъ посланіемъ воспомяну намъ Той православный Панъ Александро, Еже и сфудаменту воздвигну тую пречистую обитель, и приложи кней отъ своее отчизны о чемъ бы мѣла церковь божия на вѣки стояти, и живущи внеи чимъ бы мѣли поживитися, Во славу Христу Богу и родителемъ его впаметь вѣчную. Понже онъ есть ктиторъ и смирение наше видячи его сердечную любовь еже имати ко Богу, ижъ отъ своего труда и отъ своего скарбу, постави Боголюбезно отъ фундамента честную обитель: За то благословляемъ Ктиторы, Пана Александра, і епископа смоленского Іосифа и труды ихъ, да есть жертва ихъ совершена къ Богу, и отъ Господа Бога милости на нихъ да есть всий вѣкъ и вбудущий. Потомъ тую честную обитель.....

Документъ этотъ служить лучшимъ опроверженіемъ извѣстной клеветы позднѣйшихъ уніятскихъ писателей (Стебельскаго, Колловича, Кулеша и пр.), будто бы митрополитъ Іосифъ Солтанъ былъ уніятъ. Какой же онъ уніятъ, когда получаетъ благословеніе и уставъ для учрежденнаго имъ монастыря отъ православнаго константинопольскаго патріарха, которому тогда подчинена была русско-литовская церковь?!

Благословенная Грамота кievского митрополита Сувлестра (Белъвца), данная на имя архимандрита супрасльскаго монастыря Сергiя, съ разрѣшенiемъ приходящимъ изъ другихъ монастырей iеромонахамъ, а также женатымъ и вдовымъ священникамъ совершать въ монастырѣ литургию и всѣ церковныя службы. 1551. г.

Милостию божою и пречистое богоматери, Мы Селвестръ архиепископъ митрополитъ киевскiй и галицкiй и ксея руси, Мовиль (сказывалъ) намъ архимандритъ пречистое богородицы монастыря супряельскаго отецъ, Сергiй, о томъ штожь дей которые священники черные приходятъ до монастыря супряельскаго маючи (имѣя) волю втомъ святомъ монастырѣ мешкати (жить), а будутъ становеня впопы ненашого, котораго....., або митрополита, и жадалъ (просилъ) его, милость насъ абыхмо мы таковыхъ священниковъ черныхъ благословили службу божую служить Мы на жаданье отца архимандритова то вчинили, благословляемъ священноиноковъ, откуль который колвекъ до того светого монастыря приидеть, илибъ его милости отцу архимандриту ставленый и отнустный своего епископа або архиепископа его впопы совершилъ таковой да священствуеть и вси потребности церковныи да справуетъ втомъ светомъ монастыри по нашому благословению.... а если который священникъ белый маючи жону законвенчальную приидеть до того светого монастыря, листъ (грамоту) ставленый архимандриту окажетъ таковыи да священствуеть. а который священникъ жоны немаеть (не имѣеть) присегу вчинивши передъ отцомъ архимандритомъ водлугъ науки наше и тое присеги якъ мы отцу архимандриту дали; и тые да литоргисоють, и на то дали есмо отцу сергию архи-

мандриту супряельскому сей нашъ листъ благословенный
 з нашою печатью, писанъ у супрасли. Лето божого на-
 рожения (рождества) 1557 мца сентября 22 дня. *Во-
 лею божее Селевестръ архиепископъ митрополитъ
 киевский и галицкій и всея руси.*

М. П.

Подлинникъ хранится въ архивѣ супрасельскаго монастыря. Связка 14. № 2.

В.

Отрывокъ пзъ духовнаго завѣщанія виленскаго купца Па-
 вла Коссобуцкаго, по которому онъ отказываетъ разнымъ
 православнымъ монастырямъ и церквамъ разныя суммы
 денегъ. 1639 г.

(переводъ съ польскаго).

Посль обычнаго введенія

Такъ какъ я рожденъ въ святой православной греко-
 каѳолической вѣрѣ и всю жизнь мою былъ ей непоколе-
 бимо вѣренъ, то и впредь желаю и хочу пребыть въ ней
 до послѣдняго моего издыханія. Почему и тѣло мое
 грѣшное, убогую храмину изъ земли образованную, обра-
 тно землѣ, какъ собственный ея прахъ, возвращаю и
 предаю, вслѣдствіе чего требую, чтобы послѣ моей кон-
 чины оно было погребено по обряду и обычаю святой
 греко-русской церкви, въ моемъ собственномъ склепѣ,
 устроенномъ мною въ здѣшней виленской, братской Свя-
 то-Духовской церкви, гдѣ покоится первая моя жена, и

чтобы погребеніе его совершилось безъ мірской торже-
ственности, излишнихъ церемоній и издержекъ, лишь бы
только съ достаточнымъ надѣленіемъ деньгами убогихъ,
недужныхъ и православнаго духовенства. Возлюбленную
мою жену Христину Бѣльмацевичовну Зычевскую Кос-
собуцкую и сына моего Михаила; котораго я признаю уже
совершеннолѣтнимъ, назначаю опекунами надъ малолѣт-
ними моими дѣтьми— сыномъ моимъ Александромъ и до-
черью Анною Коссобуцкими— исполнителями сей послѣд-
ней моей воли. На погребеніе это, т. е. на поминъ души
моей ежедневный, въ продолженіи цѣлаго года, отъ дня
моей смерти, за исключеніемъ воскресныхъ и праздни-
чныхъ дней, на сорокоустъ, на всѣ погребальныя издерж-
ки, на погребальныя проповѣди, на наннихиды и обѣдни
оставляю *полтретя тысячи* злотыхъ наличными и
оныя отдаю въ распоряженіе вышеозначенныхъ моихъ
душеприказчиковъ, не сомнѣваясь, что они, помня о спа-
сеніи души моей, всѣ эти полтретя тысячи употребятъ
на погребеніе и молитвы, а также раздадутъ духовенству,
убогимъ и недужнымъ. А если бы этихъ денегъ оказа-
лось недостаточно, то возлюбленная моя жена и сынъ
мой не пожалѣютъ пополнить этотъ недостатокъ изъ оста-
вляемой мною имъ суммы денегъ. Кромѣ того, препо-
добнымъ отцамъ монахамъ братскимъ виленскимъ, какъ
въ общую монастырскую казну, такъ и на нужды каждаго
изъ нихъ, дабы молили Бога за мою душу, назначаю на-
личными *пятеоть злотыхъ польскихъ*. Пресвѣтлomu (Prze-
swietnemu) его милости братству свѣтскому виленскому,
не на частныя какія либо нужды членовъ его, но собст-
венно на починку вышесказанной церкви Святаго Духа
отказываю, тоже наличными *тысячу злотыхъ*. А имен-
но: жена моя и сынъ, тотъ часъ послѣ моей смерти, имѣ-
ютъ отсчитать сказанному братству наличными *семь сотъ*

злотыхъ, а на остальные триста возвратить ему заложенную у меня въ 300 злотыхъ серебрянную церковную братскую лампу, безъ всякаго взысканія этой суммы денегъ. Преподобнымъ инокинямъ, при той же братской церкви въ Вильнѣ находящимся, дабы въ молитвахъ своихъ мою душу поминали, злотыхъ двѣстѣ; для студенческаго придѣла во имя св. Константина и Елены, въ той же церкви находящагося, злотыхъ двѣстѣ; для придѣла гг. торговцевъ, во имя св. Иоанна Евангелиста, тоже двѣстѣ злотыхъ, прося эти обѣ корпорации, дабы имя мое вписали въ свои каталоги. На богодѣльную (шпиталь) братскую виленскую, для находящихся въ ней убогихъ, дабы поминали въ своихъ молитвахъ мою душу, злотыхъ сто; на церковь и монастырь *Левыйскій* — злотыхъ двѣстѣ и десять злотыхъ для роздачи убогимъ тамошней богодѣльни; для церкви и монастыря *Кронскаго* — злотыхъ двѣстѣ, а также и для убогихъ тамошней богодѣльни злотыхъ двадцать; для церкви братской, *Полоцкой* православной — злотыхъ двѣстѣ, а прежде я самъ лично отдалъ восемьсотъ злотыхъ, что составитъ тысячу злотыхъ; на тамошнюю богодѣльную русскую — злотыхъ сто; для церкви и монастыря тоже русскаго, братскаго, въ городѣ *Диснѣ* находящагося, — злотыхъ сто и на тамошнюю богодѣльную двадцать злотыхъ, съ тѣмъ однакожь, что возлюбленная моя жена и остающееся послѣ меня потомство, или наличными сто злотыхъ, или на эту сумму денегъ устроенную священническую ризу, имѣють отдать въ дисненскую православную церковь на поминъ души моей; для церкви и монастыря *Купятыцкаго* — злотыхъ сто; для церкви и монастыря *Новодворскаго* — злотыхъ сто; для церкви и монастыря *Марковскаго* (въ Витебскѣ) — злотыхъ сто. Все это, согласно сказанному выше, симъ моимъ добровольнымъ

духовнымъ завѣщаніемъ отказываю и закрѣпляю, такъ, чтобы все сказанное выше было приведено въ исполненіе возлюбленною моею женою и моимъ сыномъ до совершенія раздѣла между ними остальныхъ моихъ денегъ и поименованнаго въ этомъ завѣщаніи моего имущества.....

Писанъ въ Вильнѣ 1689 года, іюня 22.

Хранится въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря, связка подъ № 243 и 589.

Въ концѣ завѣщанія подпись завѣщателя и приглашенныхъ имъ свидѣтелей, съ приложеніемъ ихъ фамильныхъ печатей.

№ 2.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНИИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

1.

Выпись изъ городскихъ книгъ виленскаго воеводства реляціи (донесенія) виленскаго вознаго о нападеніи на виленскій Св. Духовскій монастырь, причиненіи инокамъ побоевъ и разныхъ безчинствъ въ этомъ монастырѣ людьми стольника ошмянскаго Позняка. 1732 г.

(переводъ съ польскаго).

Послѣ обычнаго заглавія >На урядѣ и проч....>

Я нижеподписавшійся генераль (возный) его королевской милости дѣлаю извѣстнымъ и сознаю сею моею реляціею, что сего 1772 года, мѣсяца іюля 27 дня, будучи приглашенъ преподобнымъ о. Амвросіемъ Юшке-

вѣдемъ, настоятелемъ виленаго монастыря, и всѣми предпочодобными греко-русскими неунитами, инонами сего Св. Духовскаго монастыря для осмотра причиненныхъ убытковъ, поврежденій, разломанія монастырской каменной, изрубленія ея, разодранныхъ образовъ, побитыхъ оконъ въ церкви, равно также и для осмотра ранъ избитыхъ монаховъ и вырванныхъ у нихъ съ головъ и бородъ волюсь подославными людьми пана стольника ошмянскаго Марціана Позняка и депутата главнаго трибунала велик. княж. лит. По моей обязанности, прежде всего я, съ шляхтою, явился въ монастырь вышесказанныхъ отцевъ монаховъ и видѣлъ оторванный у дверей монастыря звонокъ съ крестомъ, стекло у рѣшетчатого окошка этихъ дверей разбитымъ, дверь саблями изрубленную, образа св. Антонія и Θεодосія печерскихъ, надъ дверьми висѣвшіе, на мѣлкіе куски разорванными, глаза у изображенныхъ на церковныхъ дверяхъ святыхъ, иныя выколотыми, а другія выскобленными, нѣсколько большихъ оконъ въ церкви въ дребезги разбитыми и окно надъ самымъ престоломъ, на которомъ совершается литургія выбитымъ и чрезъ оное множество набросано камней на престолъ и въ олтарь, во время самага совершенія литургіи. Видѣлъ также у отца привратника (fortyana) разсѣченную саблей губу, а у другихъ монаховъ вырванные съ бородъ и головъ волоса, клоками лежавшіе на полу. На вопросъ мой: кто совершилъ эти насилія, отецъ настоятель отвѣчалъ, — совершили слуги пана Позняка, стольника ошмянскаго, по его приказанію.

И такъ, что видѣлъ и слышалъ, вписавъ въ эту мою реляцію, подписываюсь. Данъ въ Вильнѣ *ut supra* (какъ выше).

На этой реляціи подпись вознаго и шляхты слѣдующая:

648501 A

Я, присутствующій при семь осмотрѣ насилій, причиненныхъ Св. Духовскому монастырю, видѣлъ все выше прописаное, въ удостовѣреніе чего, въ присутствіи приглашеннаго для этого осмотра генералъ его королевской мости, собственноручно подписываюсь: Иванъ Глицовскій, новгородского воеводства. Іосифъ Каменскій генералъ его королевской мости виленскій.

Реляція эта, при личномъ присутствіи и сознаніи вышеказаннаго генерала, принята и вписана въ градскія книги виленскаго воеводства и выписъ изъ нихъ, подъ урядовою градскою виленскою печатью, преподобнымъ отцамъ дизунитамъ виленскимъ выдана. Данъ ut supra.

М. П.

За отсутствіемъ пана регента повѣрилъ съ подлиннымъ Свѣжпутовскій.

Подлинникъ этого документа хранится въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря № 617/269.

2.

Выписъ изъ градскихъ книгъ виленскаго воеводства донесенія виленскаго вознаго о нападеніи на дорогѣ людьми стольника ошмянскаго Позняка на настоятеля виленскаго Св. Духовскаго монастыря о. Амвросія Юшкевича и причиненіи ему побоевъ, разныхъ насилій и оскорбленій. 1732 г.

(переводъ съ польскаго).

По обычномъ заглавіи »На урядѣ... и проч.» прописано слѣдующее донесеніе.

Я нижеподписавшійся генералъ (возный) его королевской милости дѣлаю извѣстнымъ и сознаю сямъ мо-

илъ рапортомъ, что настоящаго 1732 года, мѣсяца августа 20 дня, будучи приглашенъ преподобнымъ отцемъ ~~Амросіемъ Юшкевичемъ~~, старшимъ (настоятелемъ) виленскаго монастыря, и отъ всѣхъ оо. греко-русскихъ неунитовъ — иноковъ сегожь монастыря Св. Духа для осмотра побоевъ преподобнаго настоятеля, вырванныхъ волосъ съ бороды и разодранной на немъ одежды и клобука и самого его запачканнаго въ грязь, въ которую при побояхъ втоптали его на улицѣ слуги пана Марціана Позняка, стольника опшмянскаго и депутата главнаго трибунала В. Кн. Литовскаго, нарочно имъ подосланные, вмѣстѣ съ трибунальною стражею, для поимки и побіенія о. настоятеля, — по моей обязанности, сдѣлавъ о случившемся насиліи слѣдующее дознаніе: Сперва я пришелъ въ монастырь съ шляхтою и видѣлъ преподобнаго настоятеля, лежащаго въ постели и сбитаго тупымъ оружіемъ, волосы на головѣ и бородѣ вырванные, колтунъ съ головы сорванъ, рясу новую и каптуръ (головной капишонъ) на немъ разорванные, и когда я спрашивалъ: ктобы причинилъ о. настоятелю столь великое оскорбленіе, побои и насиліе, мнѣ отвѣчали, что слуги стольника опшмянскаго пана Марціана Позняка, вмѣстѣ съ прикомандированною къ нимъ трибунальскою стражею. Они, по его приказанію, поймавъ о. настоятеля на дорогѣ, у каменнаго столба, въ четверть мили отъ Вильны, стащили съ тележки и нанося ему жестокіе удары, завели въ курдыгардію (на обахту), откуда потомъ вечеромъ лежащаго тащили за волосы и за бороду, повырывали волосы и въ куски разорвали рясу.

Все то, что я генераль, по моей обязанности, видѣлъ и слышалъ, записалъ въ этомъ моемъ рапортѣ и подалъ вписать въ актовую книгу виленской градской канцеляріи съ собственноручною моею подписью. Данъ въ Вильнѣ *ut supra* (какъ выше).

На этомъ рапортѣ подпись руки вознаго слѣдующая: **Иосифъ Каминскій, генераль его кор. милости виленскій.**

Донесеніе это (kwit), при словесномъ и личномъ за-явленіи вознаго, принято и вписано въ градскія виленскія книги, изъ которыхъ и выписъ эта съ градскою печатью выдана оо. виленскимъ дизунитамъ. Писанъ ut supra.

M. П.

Въ присутствіи пана регента провѣрилъ съ подлинникомъ **Свѣржпутовскій.**

Подлинникъ этого документа хранится въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря, № 618—270.

В.

Позывъ въ варшавскій трибунальный судъ настоятеля трокскаго доминиканстаго монастыря ксендза Иосифа Холховскаго съ братією, для выслушанія рѣшенія суда по жалобѣ на нихъ настоятеля виленскаго Св. Духовскаго монастыря о. Мельхиседека Богдановича о насильственномъ обращеніи православныхъ въ латинство и о воору-женномъ нападѣніи на деревню Балцершкн. 1747 г.

(переводъ съ польскаго).

По титулѣ:

Преподобному ксендзу Иосифу Холховскому промотору (старшему) Трокскаго доминиканскаго кляштора съ братією приказываемъ вамъ, дабы по этому позыву и даннымъ вамъ повѣсткамъ лично явились въ варшавскій комиссарскій судъ на 6-е ноября сего 1747 года, для оправданія по жалобѣ на васъ преподобнаго отца Мель-

исседека Богдановича, настоятеля виленскаго Свято-Духовскаго монастыря съ братью, которые позываютъ васъ за то, что вы, имѣя приходъ свой въ городѣ Евью, неизвестно почему вторгаетесь съ совершепемъ вашихъ религіозныхъ обрядовъ въ приходъ жалующихся, насильно обращаете въ римскую вѣру, людей, отъ предковъ своихъ исповѣдующихъ православную вѣру и дѣтей ихъ недозволяете крестить; такъ, между прочимъ, 25 февраля 1745 года, напавъ съ разнаго сословія людьми, мѣщанами и двумя шляхтичами, Олехновичемъ и Яновскимъ на деревню Балцеришки, вы выгнали изъ собственнаго дома крестьянина, по прозванію Михаила Браткѣвича, исповѣдующаго православную вѣру, а равно и священниковъ греческой вѣры, прибывшихъ окрестить ребенка, котораго отнявъ отъ больной послѣ родовъ матери, унесли въ вашъ костель и здѣсь окрестили его въ свою римскую вѣру, жену Ильи Лавриновича православную насильно обратили въ римскую вѣру и кромѣ того, сдѣлавшись самовольно пастырами чужой паствы, бѣгая по хатамъ и хлевамъ, православный людъ сгоняете въ костель и разныя другія дѣлаете преступленія и насилія. Поэтому вышесказанные жалующіеся зовутъ васъ въ судъ комисарскій, для законной съ вами расправы и огражденія себя впредь отъ вашихъ насилій и для взысканія съ васъ по закону за всѣ причиненныя вами жалующимся обиды и убытки. Данъ 24 іюня 1747 года.

М. П.

Янъ Игнатій Монковичъ, Писарь Трибунала Велик. Кн. Лит.

Изъ архива виленскаго Св. Духовскаго монастыря, № 27/1169.

4.

Позывъ въ судъ настоятеля виленскаго Св. Троицкаго, обращеннаго на унию, монастыря ксендза Максимиліана Завадзкаго со всѣми монахами базиліянами, въ этомъ монастырѣ живущими, для дачи объясненія по жалобѣ на нихъ настоятеля виленскаго Св. Духовскаго православнаго монастыря Мельхиседека Богдановича о нападеніи на этотъ монастырь и причиненіи разныхъ буйствъ и насилій. 1747 г.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

По титулѣ:

Преподобному ксендзу Максимиліану Завадзкому старшему (настоятелю) виленскому и всѣмъ преподобнымъ ксендзамъ базиліанамъ виленскаго Св. Троицкаго монастыря приказываемъ вамъ, преподобные, дабы по сему позву, по полученіи повѣстокъ, лично явились въ Варшаву на 6 ноября настоящаго 1747 года въ коммисарскій судъ, для оправданія себя по жалобѣ на васъ преподобнаго отца настоятеля виленскаго Мельхиседека Богдановича и всей монашеской братіи греческаго неунитскаго Св. Духовскаго монастыря, которые позываютъ васъ за то, что вы, сговорившись противъ монастыря и жалующихся на васъ монаховъ—довести посредствомъ разныхъ насилій до крайней гибели, не смотря на поданные вамъ позвы и предостереженія, осмѣливаетесь чрезъ подчиненныхъ вамъ людей нападать на монастырь и кладбище, между прочимъ и въ настоящемъ 1747 году 16 августа вы послали на монастырь и кладбище Св. Духовское бурсака Милашевскаго и съ нимъ какого то другаго товарища, по имени и фамиліи вамъ извѣстнаго, которые, съ бѣшенствомъ ворвавшись въ священное мѣ-

сто, напали съ обнаженными саблями на находившагося тамъ дизунита пана Петра Тулиновича, котораго навѣрно изувѣчили бы, если бы не успѣли вырвать изъ ихъ рукъ сабель. Вслѣдъ за симъ они съ яростью бросились въ монастырь и, вбѣжавъ въ келію о. настоятеля монастыря, изрыгали на него, съ крикомъ и шумомъ, разныя ругательства и угрозы и вмѣстѣ съ нимъ обругали также и находившагося здѣсь по дѣлу отца проповѣдника монастырскаго, потомъ гоняясь за ночевавшими на кладбищѣ монахами, кричали: „мы, живя по сосѣдству съ вами, до тѣхъ поръ будемъ васъ преслѣдовать разными притѣсненіями и нападеніемъ, пока всѣхъ отсюда не выживемъ и проч. . .“ Вслѣдствіе чего жалующіеся зовутъ васъ въ судъ, для законной съ вами расправы и обезпеченія себя впредь отъ вашихъ на нихъ напастей, обидъ, оскорбленій и посягательствъ на жизнь жалующихся, а также и для взысканія съ васъ за причиненныя вами убытки, во время нападеній вашихъ на Св. Духовскій монастырь, и судебныхъ издержки. О чемъ пространнѣе будетъ разсуждено во время суда. Данъ 1747 г. августа 22.

Иванъ-Игнатій Монкевичъ, Писарь главнаго трибунала Вел. Княж. Литт.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СѢВЕРНО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССИИ.

(Продолженіе) (*).

ПЕРІОДЪ II.

Отъ начала 1813 до 1831 года.

Можно вообразить, въ какомъ состояніи находились умы жителей здѣшняго края, по вступленіи въ него торжествующихъ русскихъ войскъ, а въ особенности послѣ пріѣзда въ Вильну Императора Александра. Ихъ преступныя чувства и дѣйствія, которыми они ображали себя во время пребыванія французовъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, были слишкомъ очевидны. Не было надобности прибѣгать къ какому нибудь изслѣдованію. Улика была на лицо. Обличитель ихъ, противу котораго невозможно было сдѣлать ни какого возраженія, находился въ рукахъ у многихъ. „Литовскій Бурьеръ“, описавшій съ такою подробностію все происходившее въ здѣшней странѣ въ продолженіи второй половины 1812 года, могъ обнаружить факты и участвовавшія въ нихъ лица яснѣе и вѣрнѣе всякой слѣдственной комиссіи. Нѣкоторые изъ главныхъ поборниковъ замысловъ враговъ Россіи удалились съ остатками французскихъ войскъ за границу. Непрѣвѣнныя возможности слѣдовать за ними, съ трепетомъ ожидали суда и праведнаго воздаянія; но къ величайшему удивленію, неожиданно, услышали голосъ милости. Императоръ Александръ приказалъ обнародовать общее прощеніе всѣмъ безъ исключенія, кои принимали участіе въ возстаніи, не смотря ни на какія степени ихъ виновности. Но ни видное участіе Провидѣнія въ спасеніи Россіи и въ уничтоженіи замысловъ ослѣпленныхъ мечтателей, ни великодушіе кроткаго монарха, не произвело на нихъ благотворнаго вліянія. Паденіе Наполеона, это громкое и убѣдительное

(*). Смотри „Вѣстникъ Западной Россіи“ за 1844/45 годъ.

поученіе самихъ небесъ, не прозвѣтило душъ, поработенныхъ стра-
стямъ и пороку. Подвигъ Александра изумилъ, но не вразумилъ ихъ.

Положеніе страны, изнуренной опустошительною войною, грабе-
жами мародеровъ и контрибуціями временнаго правленія, было са-
мое жалкое. Скорыя и мудрыя мѣры законнаго правительства бы-
стро приводили въ порядокъ разстроенныя дѣла, и возстановили
безопасность и спокойствіе, а благодарная земля по возможности воз-
наградила обильнымъ урожаемъ потери земледѣльцевъ. Но выгѣ-
стѣ съ тѣмъ множество частныхъ лицъ чрезвычайно обогатилось.
Несмѣтная добыча, награбленная французами въ Россіи, доста-
лась почти вся преслѣдовавшему ихъ русскому войску, или жите-
лямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ кои проходили остатки разбитой арміи.
Въ особенности въ Вильнѣ появилась такая масса денегъ и драго-
цѣнностей, какихъ она во все время существованія своего не ви-
дала. Карманные часы, перстни, разныя женскія украшенія, доро-
гія шубы и другія многоцѣнныя вещи, продавались по самой нич-
тожной цѣнѣ. Русскіе офицеры, получавшіе большія призовыя деньги
французскою монетою и не имѣя возможности держать ее при себѣ
въ походѣ, продавали пятифранковыя монеты по полтора рубля ас-
сигнаціями въ то время, какъ внутри имперіи серебрянный рубль
ходилъ въ четыре рубля ассигнаціями (1).

Въ этихъ то обстоятельствахъ быв. виленскій губернскій казначей
Пузыревскій оказалъ новую услугу государственной казнѣ. Онъ
представилъ министру финансовъ Гурьеву проектъ выгоднаго при-
обрѣтенія драгоцѣннаго металла въ сѣверо-западномъ краѣ. Полу-
чивъ уполномочіе и милліонъ рублей ассигнаціями, отданныхъ въ его
распоряженіе, онъ прибылъ въ Вильну, устроилъ пробирную палату
и покупая фунтъ чистаго серебра по 56, а чистаго золота по 800
и даже по 700 рублей ассигнаціями, въ короткое время значительно
увеличилъ ввѣренную ему сумму и представилъ ее чистымъ мета-
ломъ министру. Государь императоръ наградилъ его за эту опе-
рацію орденомъ св. Анны 2-го класса.

Глубокая тишина царствовала въ западномъ краѣ въ продолженіи
командій 1813 и 1814. Низній классъ жителей возвратился къ сво-
имъ занятіямъ и, казалось, вовсе не обращалъ вниманія на загранич-
ныя событія. Высшіе классы прилежно слѣдили за ними, но не об-

(1) А до бѣгства Наполеона изъ Москвы многіе обогатились об-
ратнымъ способомъ, именно—покупкою сторублевой русской ассиг-
націи по 1—3 рублей серебр.

зарукивали своимъ чувствъ. Невозможно было замѣтить, какой стонъ благопріятельствуютъ ихъ желанія. Остатки агитаторовъ 1812 года—одни дѣлали различныя соображенія и выводы, которыхъ результатомъ всегда оказывалось то, что *польская справа* еще не потеряна, и что рано, или поздно *ойчизна* должна выйдти изъ гроба. Само собою разумѣется, что такихъ мечтателей было не много, а еще менѣе тѣхъ, которые имѣли охоту слушать ихъ заключенія, тѣмъ болѣе, что никто не могъ угадать, на чемъ они основали свои надежды. Извѣстіе о лейпцигской битвѣ развязало этотъ Гордіевъ узелъ. Вѣсть о смерти князя Іосифа Понятовскаго повергла въ совершенное уныніе мечтателей, котораго они уже и скрывать не хотѣли. Нѣкоторые изъ нихъ, услыхавъ объ этомъ событіи, впади въ тяжкую болѣзнь и, въ припадкахъ ея, со стономъ восклицали: „пропала послѣдняя надежда на возстановленіе Польши!“ Извѣсти я поэты Нѣщевичъ, Мольскій и другіе, писали на этотъ случай думы и элегіи, въ которыхъ пробивались тѣже чувства и подобныя восклицанія. Произведенія эти были съ жадностію расхватываемы и читаемы съ увлеченіемъ поляками, а еще болѣе польками; но за чтеніемъ слѣдовалъ одинъ только тяжкій вздохъ и нѣсколько минутъ унынія. Казалось, всѣ были увѣрены въ истинѣ восклицаній, произнесенныхъ мечтателями во время ихъ болѣзни. Бѣжалъ Наполеонъ съ острова Эльбы и успѣхи его во Франціи разшевелили еще на игновеніе безпокойную партію агитаторовъ. Но это былъ послѣдній свѣтъ угасающаго огня. Послѣ сраженія подъ Ватерлоо, перестали уже говорить, а можетъ быть и думать о *польской справѣ*.

8-го марта 1813 года умеръ въ Дубнѣ извѣстный учеными трудами своими Өаддей Чацкій.

Со времени возвращенія Россіи Западнаго края, два человѣка неутомимо трудились надъ утвержденіемъ въ немъ польской народности. Это были Өаддей Чацкій и князь Адамъ Чарторыйскій. Оба они дѣйствовали съ такою осторожностію, и такъ искусно прикрывали предначертанія свои мнимомъ ревностію къ распространенію польскихъ знаній, что плоды ихъ усилій обнаружались уже только тогда, когда вся польская шляхта сняла съ себя личину и открыто встала противъ Россіи.

Чацкій сдѣлался извѣстнымъ еще въ послѣдніе годы существованія Польши. Обладая богатыми матеріальными средствами и умственными способностями, приобрѣвъ обширныя, какъ теоретическія, такъ и практическія свѣдѣнія, онъ трудился неутомимо надъ тѣми

предметами, ком могли бы доставить обильный запас матеріаловъ для исторіи Польши и Литвы. Его сочиненія по части законодательства, нумизматики и другихъ предметовъ польской и литовской исторіи признаны классическими. Переворотъ, котораго слѣдствіемъ было возвращеніе Западнаго края Россіи, казалось мало занималъ его умъ, посвященный исключительно учености. Онъ не принималъ участія въ политическихъ смутахъ въ концѣ существованія Польши, ни въ 1812 году. Но его сочиненія безпрестанно напоминали соотечественникамъ его о Польшѣ и возрождали ее въ ихъ воображеніи. По его предложенію, Императоръ Александръ согласился на учрежденіе волынскаго лицея въ незначительномъ до того времени городѣ Кременцѣ. Чацкій, сдѣлавъ самъ богатыя пожертвованія въ пользу новоучрежденнаго заведенія, объѣхалъ всю юго-западную Русь и силою одного убѣжденія собралъ огромныя суммы на его содержаніе. Въ короткое время возникло великолѣпное зданіе для помѣщенія лицея, явились богатѣйшіе кабинеты учебныхъ пособій и библиотекъ, принадлежавшихъ нѣкогда королю Станиславу Августу. Наконецъ, стараніемъ Чацкаго лицей получилъ отличныхъ преподавателей (1) и скоро приведенъ въ самое блистательное состояніе. Но все это не принесло существенной пользы государству. Воспитаніе въ лицей было вполне польское и поддерживало польскій духъ сильнѣе всякой открытой пропаганды. Русскій языкъ преподавался въ немъ какъ одинъ изъ иностранныхъ языковъ, и воспитанники дѣлали въ немъ мало успѣховъ. Сохраненіе польской народности было у нихъ всегда на первомъ планѣ, укоренилось и распространилось непримѣтно отъ взоровъ правительства, и переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Однимъ словомъ—Чацкій, котораго поведеніе, въ отношеніи къ политическимъ смутамъ, казались всегда безуборизненно, сдѣлалъ болѣе для укорененія польской народности въ западномъ краѣ, нежели громкіе возгласы мимо-патріотическихъ крикуновъ, которые, возбудивъ минутный пожаръ между соотечественниками, скоро исчезали потомъ съ лица земли вмѣстѣ со своими предначертаніями и системами.

Князь Чарторыйскій явился на политическое поприще позже Чацкаго. Сначала онъ не обнаруживалъ ни чувствъ, ни стремленій враж-

(1) Законоучителемъ для немногихъ православныхъ былъ приглашенъ волынскій кафедральный протоіерей (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій) Автовій Рафальскій. *Ред.*

дѣлныхъ Россіи, которыя въ послѣдствіи выказались въ немъ съ такою силою. Руководимый во всемъ своею матерью княгиней Изабеллою Чарторыйскою, урожденной Флемингъ, женщиною честолюбивою безъ предѣловъ, онъ не примѣчалъ того, что, думая дѣйствовать самостоятельно, поборялся только внушенію ея прихотей. Жертвою этихъ прихотей сдѣлалось въ послѣдствіи множество лицъ, которыхъ проски ея вовлекли въ дѣло преступнаго возстанія въ 1831 году. Думая служить дѣлу Польши, они не понимали того, что сдѣлались группою ея честолюбія и истительности.

Императоръ Александръ I, въ молодости своей, удостоилъ Чарторыйскаго своей дружбы и открывалъ передъ нимъ свои задушевные чувства и предначертанія. По вступленіи своемъ на престолъ онъ давалъ ему важныя государственныя порученія, и даже нѣкоторое время Чарторыйскій управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1810 году онъ назначенъ былъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Тутъ началась новая дѣятельность Чарторыйскаго и обнаружилось стремленіе, котораго плоды созрѣли спустя 20 лѣтъ, и тогда только настоящія чувства Чарторыйскаго явились въ дѣйствительномъ свѣтѣ. Въ самомъ началѣ управленія округомъ онъ рѣшился на поступокъ, который осужденъ былъ даже нѣкоторыми поляками, сохранившими, если не благонамѣренныя чувства, то крайней мѣрѣ здравый смыслъ. Древняя виленская православная митрополитальная церковь, перешедъ въ руки униатскаго духовенства, доведена была имъ до крайней степени запустѣнія. Чарторыйскій представилъ императору Александру, что эта церковь находится въ такомъ ветхомъ состояніи, что ежеминутно грозитъ разрушеніемъ, а потому просилъ разрѣшенія употребить стѣны ея на сооруженіе анатомическаго театра и кабинета при университетѣ. Получивъ на то Высочайшее соизволеніе, онъ употребилъ 75 тыс. рублей серебромъ на новую постройку. Церковь раздѣлена была на два яруса; въ каждомъ изъ нихъ построены новыя стѣны, чтобы составить нѣсколько залъ для помѣщенія кабинетовъ и для чтенія лекцій. Спустя 50 лѣтъ, когда, по распоряженію нынѣшняго начальства, приступлено къ возобновленію митрополитальной церкви, новыя пристройки развалились отъ первыхъ ударовъ молота, древнія же стѣны оказались совершенно цѣлыми и прочными и никогда не угрожали паденіемъ. Во время перестройки этой церкви въ анатомическій театръ, найдена въ погребѣхъ серебряная доска съ надписью, свидѣтельствовавшію о погребеніи въ этомъ мѣстѣ королевы

и великой княгини Елены Иоанновны, супруги Александра Ягеллона; но не известно, куда дѣвался этотъ, сугубо драгоценный, памятникъ.

Участіе фамиліи князей Чарторыйскихъ въ замислахъ поляковъ въ 1812 году было очевидно. Конфедерация выбрала королемъ князя Адама, отца попечителя.— Милостивый манифестъ Императора Александра покрылъ забвеніемъ всѣ ихъ дѣйствія. Князь Чарторыйскій остался попечителемъ университета; но никогда уже не могъ приобрести той довѣренности Императора, какою пользовался прежде, хотя Александръ не обнаруживалъ къ нему явнаго неблагорасположенія.

Что касается до населенія края, въ особенности средняго и низшаго класса, то оно не только, какъ сказано выше, не оказывало никакого стремленія къ возобновленію мнимо патристическихъ усилій, но предавалось добродушно неузыренному веселію при каждомъ торжествѣ, происходившемъ по полученіи извѣстій объ успѣхахъ русскаго оружія.— Когда пришли вѣсть о лейпцигской битвѣ и ея слѣдствіяхъ, въ Вильнѣ, въ продолженіи трехъ дней, торжествовали, пировали и веселились 23, 24 и 25 октября. Кромѣ торжественнаго благодарственнаго богослуженія и воинскаго парада, даны были великолѣпные обѣды у военнаго губернатора, гражданскаго губернатора и вилнскаго епископа-бискупа Стройновскаго; во время этихъ обѣдовъ пѣли кантаты въ честь Императора Александра и побѣдоноснаго войска при звукѣ многочисленнаго оркестта.— По вечерамъ происходили много рода увеселенія: 23 числа, въ великолѣпно освѣщенномъ театрѣ, дано было представленіе, съ соотвѣтствующими празднеству кантатами, на которыя публика отвѣтствовала оглушительными рукоплесканіями.— 24-го дворянство вилнской губерніи дало блистательный балъ въ домѣ Паца; а 25-го такой же балъ данъ былъ въ домѣ Миллера домовладѣльцами и купечествомъ города. Во всѣ три вечера городъ былъ добровольно иллюминированъ. Особеннымъ великолѣпіемъ и вкусомъ отличалась иллюминація въ зданіяхъ университета, ратуши, почтамта, синагоги и другихъ. „Литовскій Курьеръ“, органъ тогдашней вилнской публики, описывая эти празднества, говоритъ въ заключеніе: „Всеобщая радость народа изъяснялась громкими возгласами и благословеніемъ лучшаго изъ государей.“ И дѣйствительно, эта радость и эти благословенія были искренни, неподдѣльны. Малое число сумазбродовъ, принимавшихъ участіе въ прошлогоднихъ замѣнательствахъ, принуждены были скрывать свои чувства, молчали, а можетъ быть и

разстались съ своими безумными мечтаніями, не видя никакой надежды къ ихъ осуществленію. Но масса народонаселенія веселилась отъ души, видя торжество отечества, плодъ явного прекровительства небесъ.

Этими тремя днями не ограничились празднества виленскихъ жителей по случаю успѣховъ русскихъ армій. 31. октября члены виленскаго университета дали въ домѣ Миллера большой концертъ, въ которомъ принимали участіе любители и артисты. Въ числѣ номеровъ концерта, пропѣта была кантата въ честь побѣдъ русскихъ войскъ. Она принята была съ оглушительнымъ крикомъ восторга публики и, по требованію ея, повторена. Въ заглѣ поставленъ былъ на пѣдесталѣ бюстъ императора Александра I, увѣнчанный лаврами и окруженный трофеями; а по окончаніи концерта раздаваемы были публикѣ печатанныя стихотворенія въ честь русскаго оружія, составленныя членами университета на итальянскомъ, латинскомъ, французскомъ и польскомъ (1) языкахъ. — Однимъ словомъ, въ продолженіи 1813 и 1814 годовъ, въ сѣверо-западномъ краѣ ни въ чемъ не былъ нарушенъ законный порядокъ. Тинина и безопасность царствовали повсюду. Это состояніе дѣлъ и умовъ продолжалось бы по нынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ край избѣжалъ бы безчисленныхъ бѣдствій; которыми въ послѣдствіи времени подвергся отъ преступныхъ и безумныхъ замысловъ части своего народонаселенія. Но неожиданное обстоятельство смутило умы, пробудило страсти, а потомъ вовлекло множество жителей въ новую пропасть бѣдствій, а край въ разореніе. Это было возстановленіе Царства Польскаго и данная ему конституція императоромъ Александромъ I. Это событіе оживило преступныя надежды агитаторовъ, которые приобрѣтали часть отчужду болѣе единомышленниковъ. Начались совѣщанія, выводы, предсказанія. Заговорили громко о намѣреніи императора присоединить западныя губерніи къ Царству Польскому. Потомъ завелись къ разнымъ мѣстамъ тайныя общества и наконецъ вспыхнуло открытое возмущеніе, какъ то увидимъ ниже.

При всемъ томъ, къ чести обитателей здѣшняго края, мы можемъ утвердительно сказать хоть то, что никогда преступныя замыслы возмутителей не возникали первоначально въ его предѣлахъ. Эта гнусная и гибельная зараза приходила всегда съ завада, изъ Царства Польскаго. А потому, для подробнаго изслѣ-

(1) А русскій все-таки забытъ...

дованія, какими путями она проникла въ здѣшній край, намъ должно на нѣкоторое время выйти изъ его предѣловъ, чтобы рассмотреть, какъ образовались дружины, которыя въ послѣдствіи подвигли великую часть его народонаселенія къ безумному предпріятію въ 1831 году.

Спросимъ cadaго благомыслящаго человѣка, какого бы то нибыло происхожденія; пусть отвѣтитъ намъ по совѣсти: Была ли въ наше время на земномъ шарѣ страна счастливѣе Царства Польскаго, послѣ данной ему императоромъ Александромъ I. конституціи 1815 года? Чего не доставало полякамъ до конца несчастнаго 1830 года? Чего могъ бы желать еще какойнибудь народъ, въ особенности усмиранный, и что не было для него сдѣлано?— Законы, управленіе (замѣтимъ самое либеральное), языкъ, чиноположеніе, даже войско, — поляки имѣли свои собственныя, а миліоны денегъ вывозимы были часто изъ Россіи на улучшеніе сыновъ ея. И все это было не слѣдствіемъ какихънибудь заслугъ, подвиговъ, или усилій польскаго народа, но плодомъ великодушія Александра, облагодѣтельствовавшаго поляковъ такими преимуществами, какими не пользовались коренные и древніе подданные его династіи. А что польская корона была на главѣ не поляка, это не была новость для Польши: она видѣла неоднократно на своемъ престолѣ иноземца въ лицѣ француза, трансильванца, шведа, саксонца, и никто по этому случаю не жаловался на участь отечества и не считалъ этого для него униженіемъ. Послѣ всего этого не должно ли было надѣяться, что Польша за подвигъ великодушія заплатитъ подвигами преданности и самоотверженія; что благодарныя чувства свои передадутъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ, отдаленному потомству, и что не будетъ жертвы, какой бы они не рѣшились принести для оправданія искренности своихъ чувствъ къ своему благодѣтелю? Этого требовалъ, это внушалъ самый священный долгъ совѣсти и религіи; этого требовали та честь, то благодарство души, и вообще всѣ тѣ добродѣтели, которыя не сходили съ языка поляковъ, когда они говорили о качествахъ своего народа. И наконецъ, кто бы осмѣлился сомнѣваться въ непремѣнномъ осуществленіи этихъ пріятныхъ надеждъ, читая безчисленное множество рѣчей и публичныхъ возгласовъ, раздававшихся на первыхъ сеймахъ, которыми переполнены были тогдашнія газеты и брошюры? Кто бы осмѣлился не принять этихъ выраженій за проявленіе чувствъ всего народа?

Императоръ Александръ I. поставленъ поляками выше всего, что только когда нибудь являлось между великими людьми на землѣ шарѣ. Но не прошло десяти лѣтъ, и печальный опытъ разоблачилъ преступное притворство и представилъ вселенной мрачную дѣйствительность во всей наготѣ ея. Уже въ продолженіи этого короткаго періода проникательные люди замѣчали въ жителяхъ новоустроеннаго Царства проявленія чувствъ неблагопріятныхъ для великаго и единоплеменнаго русскаго народа. Русскіе военные и гражданскіе чиновники, находившіеся въ Царствѣ, принимаемы были поляками холодно, даже съ признаками презрѣнія и ненависти, которыхъ они не умѣли, а можетъ быть и не хотѣли скрывать. Чувствуя свое нравственное преимущество, русскіе не хотѣли выводить изъ того обидныхъ для поляковъ заключеній и полагали, что время и разумокъ побѣдятъ въ нихъ закоренѣлыя предубѣжденія, а благодѣянія великаго государя заставятъ образумиться самыхъ упорныхъ политическихъ фанатиковъ, для собственной же пользы ихъ отечества. Но эти надежды благородныхъ душъ не осуществились: вскорѣ послѣдовало самое грустное разочарованіе.

Въ продолженіи этого времени, когда поляки на словахъ и въ печати изъявляли столько чувствъ благодарности и преданности императору Александру и превозносили похвалами его дѣла, начали составляться тайныя общества, съ цѣлію возстановленія самостоятельности польскаго королевства, въ прежнихъ его предѣлахъ. Первое изъ такихъ обществъ возникло въ 1819 году. — Основателемъ его былъ майоръ 4 пѣхотнаго полка Лукасинскій, а первыми членами шуринъ его подполковникъ Вѣржебовичъ, судья Махванскій и адвокатъ Шредеръ. Путь къ достиженію этого нацѣленія облегчило имъ существованіе многихъ франкъ-массонскихъ ложъ въ государствѣ, терпимыхъ правительствомъ. Сохранивъ обряды, существовавшіе въ массонскихъ ложахъ, Лукасинскій далъ новолу учрежденію названіе *народнаго или военнаго франкъ-массонскаго общества*. Разница между ими состояла въ томъ, что обыкновенное массонство имѣло въ предметѣ весь родъ человѣческой, основанное же Лукасинскимъ заключалось только въ предѣлахъ польскаго братства; члены общества раздѣлены были на 4 степени. Въ первой говорено только о нуждѣ вспоможенія бѣднымъ военнымъ чинамъ, сдѣлавшимся жертвами послѣднихъ войнъ. Во второй и третьей степени разсуждаемо было о

средствахъ къ образованію непросвѣщенныхъ и распространенію народности. Наконецъ въ четвертой уже степени, къ которой принадлежали основатели, обнаруживалась прямая цѣль учрежденія общества, то есть возстановленіе независимости Польши. Лукасинскій выбранъ былъ великимъ магистромъ ложи, въ которой число членовъ умножалось безпрестанно. Стараніемъ Лукасинскаго образовались подобныя ложи въ полкахъ, а Доброгойскій. Цѣховскій и Добрицкій учредили ее въ Калишѣ, и приняли въ нее множество низшимъ чиновниковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ. Наконецъ, Людвигъ Щеняцкій получилъ приказаніе завести ложу въ Герцогствѣ Познанскомъ, что и приведено было имъ въ исполненіе.

Чтобы по возможности скрыть отъ глазъ правительства дѣйствительную цѣль общества, зачинщики этого преступнаго дѣла поручили членамъ первыхъ степеней соединить обязанности въ отношеніи къ королю съ обязанностями въ отношеніи къ отечеству. А потому помѣщены были въ ложахъ бюстъ императора Александра, какъ возстановителя польской народности. Въ ложахъ Царства Польскаго бюстъ этотъ оставался до самаго ихъ закрытія. Но когда, по той же самой предосторожности, поставленъ въ ложѣ Герцогства Познанскаго бюстъ короля прусскаго, заговорщики, собравшись въ одно изъ первыхъ засѣданій, разбили его въ куски. Велѣдъ за тѣмъ, въ томъ же герцогствѣ, члены низшихъ степеней начали разсуждать о тѣхъ предметахъ, которые, по плану основателей, принадлежали только членамъ высшей степени: Такимъ образомъ, познанское народное масонство начало дѣйствовать послѣдствіе варшавскаго и превратилось въ открытый заговоръ, подъ именемъ общества *коссіонеровъ*. Мѣсто ложъ заняли волости, надъ которыми принялъ начальство генералъ Мѣльжинскій. Такой оборотъ привелъ въ ужасъ Лукасинскаго, — тѣмъ болѣе, что и его учрежденіе обратило на себя вниманіе, варшавской полиціи. По доносу, поданному генералу Гауке, адъютантомъ его Скробецкимъ, полиція удвоила свою бдительность, слѣдя за дѣйствіями членовъ общества. Наконецъ императоръ Александръ приказалъ закрыть всѣ масонскія ложи въ государствѣ. Тогда Лукасинскій, подъ видомъ повиновенія высочайшей волѣ, закрылъ, повидимому, основанныя имъ ложи; а между тѣмъ онъ исключилъ только изъ нихъ членовъ, на которыхъ не могъ вполне полагаться и, оставивъ при себѣ только

смыслъ испитанныхъ, или лучше сказать, отчаянныхъ дѣятелей, рѣшился продолжать съ ними начатое предпріятіе въ видѣ *кар-ботерства*. Такимъ образомъ, и варшавское общество, дѣйствуя втайнѣ, и безъ всякаго благовиднаго основанія, превратилось, подобно познанскому, въ явный заговоръ.

Въ 1821 году генераль Уминскій, сдѣлавшійся душою познанскаго общества, высланъ былъ въ Варшаву для укрѣпленія союза и единообразнаго дѣйствія обоихъ обществъ. 3-го мая того же года варшавскіе заговорщики сошлись на Бѣлянахъ, въ лѣсу, куда прибылъ и Уминскій. Тамъ произнесена была уже формальная присяга не щадить имущества и жизни для возстановленія самостоятельности Польши, стараться всѣми силами объ умноженіи числа единомышленниковъ, сохранить втайнѣ дѣйствія общества, презирая всякаго рода прельщенія и угрозы, и наконецъ умертвить каждаго, въ комъ бы проявились слѣды измѣны, не обращая вниманія на отвѣтственность передъ закономъ и правительствомъ (1).

(1) Вотъ буквальный переводъ этой присяги. «Клянусь передъ лицомъ Бога и отечества, и ручаюсь словомъ чести, употребить всѣ силы, чтобы воздвигнуть мою несчастную, любезнѣйшую мать; посвятить имущество мое и жизнь для возвращенія ей свободы и независимости; не передавать и не открывать ни передъ кѣмъ ввѣренныхъ мнѣ тайнъ; напротивъ того приложу всѣ мои усилія къ содѣйствію успѣхамъ союза. Обѣщаю безусловное повиновеніе законамъ союза, какъ существующимъ, такъ и тѣмъ, кои впредъ будутъ постановлены.— Необращая вниманія ни на какія обстоятельства, пролью кровь не только измѣнника, но и всякаго кто былъ бы преградою къ счастью отечества. Если бы мнѣ измѣнили, или открыли меня, то скорѣе лишу себя жизни, нежели соглашусь открыть тайну или выдать членовъ союза. Обѣщаю также не имѣть при себѣ никакихъ бумагъ, относящихся къ дѣламъ союза, ни же списка именъ его членовъ, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда они будутъ мнѣ поручены старшимъ.— Еслибъ я сдѣлался виновнымъ, измѣнивъ этой священной, принятой на себя въ присутствіи высочайшаго существа обязанности, то пусть меня накажетъ самая лютейшая смерть, пусть тогда мое имя переходитъ изъ устъ въ уста, къ самому отдаленному потомству, а тѣло мое да будетъ брошено на сѣденье хищныхъ звѣрѣй. Да постигнетъ меня такое воздаянѣе за мой подлый поступокъ, для того, чтобъ я былъ ужасающимъ примѣромъ для тѣхъ, кои пошли бы по моимъ слѣдамъ. Призываю во свидѣтели Бога, а вы,— тѣни Жолкѣвскаго, Чарнецкаго, Поня-

Въ вечеру того же дня происходило въ городѣ засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Уминскаго, и учрежденъ центральный комитетъ, который долженъ былъ давать направленіе всѣмъ обществамъ, стремящимся къ одинаковой съ нимъ цѣли, какъ существовавшимъ уже, такъ и имѣющимъ образоваться въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ. Редакторъ „*Благо Орла*“ Моравскій составилъ общій планъ или уставъ общества. Согласно съ этимъ планомъ, вся организація раздѣлена была, по мѣстамъ своего пребыванія, на волости, изъ коихъ въ каждой могло находиться не болѣе 10 членовъ. Нѣсколько волостей составляли округъ; нѣсколько округовъ — провинцію. Всѣми ихъ дѣйствіями управлялъ центральный комитетъ, въ которомъ каждая провинція имѣла своего представителя. Первоначальными членами комитета были: Вѣржболовичъ, Лукасинскій, Козаковскій, Прондзинскій, Шредеръ и Моравскій. Съ комитетомъ имѣли прямыя сношенія только начальники провинцій, начальники округовъ сносились съ начальниками провинцій, а волости съ начальниками округовъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, заговорщики пріобрѣли множество соумышленниковъ въ Царствѣ Польскомъ между военными и гражданскими чиновниками и землевладѣльцами. Большія пожертвованія приносили для этого, якобы, общаго дѣла, и никто изъ принимавшихъ въ немъ участіе не могъ и не хотѣлъ проникнуть, что онъ, жертвуя своими усиліями, имуществомъ и самою личною безопасностію, служилъ только орудіемъ одной личности, которая, будучи обманута въ своихъ расчетахъ, рѣшилась принести на жертву своему честолюбію спокойствіе и благоденствіе всего края. Эта личность была княгиня Изабелла Чарторыйская, — мать попечителя виленскаго учебнаго округа.

Сказано было выше, что императоръ Александръ не оказывалъ уже Чарторыйскому того благорасположенія, которымъ онъ пользовался въ началѣ его царствованія. Это не приводило въ умніе княгини Изабеллы. Она никакъ не могла разстаться съ надеждою, что, при образованіи новаго царства, сынъ ея будетъ играть въ немъ важную роль. Въ конституціи этого царства помѣщена была одна статья, по которой, если король не на-

товскаго и Косцюшки, укрѣпите меня вашимъ духомъ, дабы я пробылъ твердъ въ своемъ предназначеніи (*).“

(*) Mochnacki T. II. стр. 197—198.

звать на мѣстникомъ его кого либо изъ членовъ своей фамилии, то званіе это долженъ занимать не кто иной, какъ мѣстный житель польскаго происхожденія. Чарторыйская вполнѣ была увѣрена, что въ званіе наместника возведенъ будетъ ея сынъ. Встрѣтивъ на первомъ шагу неудачу, она удвоила свои проски и успѣла приобрѣсти сильную партію между польскими чиновниками, которые усердно ходатайствовали въ пользу ея сына. Императоръ Александръ не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта и всѣми мѣрами избѣгалъ свиданія съ Чарторыйской. Наконецъ, вопреки ожиданію, она явилась въ домъ княгини Любомирской, въ то время, когда императоръ Александръ удостоилъ ее своего посѣщенія. Обѣ княгини обратились тогда къ императору съ неотступными просьбами о назначеніи князя Адама наместникомъ. Напрасно Государь старался доказать имъ неумѣстность ихъ поступка. Видя, что внушенія его не имѣютъ успѣха, онъ съ неудовольствіемъ оставилъ домъ Любомирской и въ тотъ же самый вечеръ, выѣхавъ изъ Варшавы, назначилъ наместникомъ Царства Польскаго генерала Заюнча (1).

Можно вообразить, какія чувства произвело извѣстіе о томъ въ сердцѣ Чарторыйской! Претерпѣвъ рѣшительное пораженіе въ самомъ началѣ своихъ дѣйствій, она возненавидѣла все, не исключая и своего отечества. Она считала его недостойнымъ не только благоденствія, но даже существованія, если ея сынъ не могъ управлять имъ въ качествѣ наместника. Судьбу этого самаго отечества она выбрала орудіемъ, для отомщенія за оскорбленное ея честолюбіе. Для ней лучше было видѣть его погибель, нежели смирить гордый свой духъ и необузданный характеръ. Съ тѣхъ поръ она дѣйствовала всѣми своими силами къ поддержанію дѣятельности заговорщиковъ, которыхъ всѣ предначертанія были ей извѣстны. Она поддерживала ихъ всѣми средствами, кои были въ ея распоряженіи: огромнымъ богатствомъ, вліяніемъ и связями съ самыми знатными и могущественными фамиліями. Она въ по-

(1) Записки повѣреннаго эдукационнаго фондуша Кужевица. Къ сожалѣнію, эти записки не напечатаны, и неизвѣстно гдѣ нынѣ находятся. Онѣ заключаютъ въ себѣ множество важныхъ и любопытныхъ событій, коихъ обнародованіе могло бы принести большую пользу, — особенно въ нынѣшнее время. Я имѣлъ случай пользоваться ими еще при жизни автора, который описывалъ то, чему, по большей части, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

слѣдствіи времени объѣхала всё западныя губерніи, входила въ ближайшія сношенія съ членами образованныхъ въ нихъ тайныхъ обществъ: ободряла ихъ и поддерживала своими деньгами, и никто не могъ проникнуть тайной цѣли ея дѣятельности, а легковѣрные, мнимые патриоты истощали послѣднія свои силы и подвергались величайшимъ опасностямъ, не примѣчая того, что они служатъ только игрушкой ея прожсвовъ и не предвидя того, что они вскорѣ должны будутъ пасть жертвою преступныхъ замысловъ ея.

Въ 1822 году варшавскій центральный комитетъ, для распространенія круга своихъ дѣйствій и пріобрѣтенія большаго числа сообщниковъ, разослалъ въ разныя мѣста своихъ агентовъ, изъ числа которыхъ Оборскій отправился въ Виленскую, а Людвигъ Собанскій въ Волынскую губерніи. Оборскій, избравъ свое мѣстопребываніе въ Вильнѣ, скоро преклонилъ на свою сторону Ромера, Вязозора, Станислава Солтана, Іосифа и Станислава Грузевскихъ, Теофила Микулчи и братьевъ Мацькѣвичей, а въ послѣдствіи Карла Прозора, Александра Поцѣя и Игнатія Завишу. Тутъ же учрежденъ былъ провинціальный совѣтъ, котораго членами назначены князь Константинъ Радзивиллъ, Войницловичъ, Новомѣйскій и Адамъ Солтанъ. Прочіе члены занялись образованіемъ волостей, такъ какъ, по инструкціи данной центральнымъ комитетомъ, каждому члену представлено было право составить и образовать волость. Въ то же самое время Собанскій, прибывъ въ Бердичевъ, учредилъ тамъ провинціальный совѣтъ и занялся составленіемъ волостей въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Такимъ то путемъ гибельная зараза, возникшая въ Царствѣ Польскомъ, проникла въ Западные Губерніи. Къ сожалѣнію зараза эта не только не нашла противудѣйствія въ западномъ краѣ, но напротивъ того распространилась съ изумительною быстротою. И неудивительно: край этотъ былъ наводненъ помѣщиками польскаго происхожденія. Это несчастное словіе заражено такимъ ослѣпленіемъ, что его никакія событія просвѣтитъ, никакія убѣжденія разувѣритъ, никакія подвиги великодушія и милости тронуть не могутъ. Послѣ паденія Наполеона, — этого громкаго вразумленія, посланнаго имъ самимъ провидѣніемъ, одинъ благомыслящій полякъ сказалъ въ одномъ частномъ собраніи въ Петербургѣ: „spodziewam sie, ze teraz nasi Polacy beda mieli rozum.“ (Надѣюсь, что теперь наши поляки по-

увѣрить). И нельзя было думать иначе. Если громадная армія, приведенная завоевателями запада въ Россію, исчезнувшая въ продолженіи полугода, не могли поддержать прихотливыхъ ихъ притязаній, и всѣ ихъ усилія обратились имъ же самимъ въ посрамленіе, то что еще могли имѣть въ виду и на чемъ могли основывать свои надежды ослѣпленные мечтатели? Каждый, солидный здраваго смысла, былъ вполне увѣренъ что послѣ этого, столь поучительнаго, урока, поляки навсегда откажутся отъ своихъ безумныхъ замысловъ, если не по честному побужденію — чувству долга и благодарности, то по крайней мѣрѣ по видимой невозможности привести ихъ въ исполненіе. Между тѣмъ послѣдствія показали совершенно противное. Фанатизмъ, а въ мѣстѣ съ тѣмъ легковѣріе этого народа такъ велики, что для взволнованія ихъ умовъ не нужно имѣть въ виду вѣрныхъ средствъ къ достиженію цѣли; надобно только указать правдоподобность успѣха, и большая часть поляковъ тотчасъ увѣрится въ непрекѣнномъ осуществленіи преступной идеи; въ ихъ воображеніи число нѣсколькихъ безумныхъ злоумышленниковъ въ короткое время возрастетъ до безчисленной арміи, ничтожный сборъ денегъ увеличится до баснословныхъ капиталовъ, скудный запасъ ружей, пистолетовъ и сабель обратится въ огромный арсеналъ, а нѣсколько незначительныхъ фразъ, помѣщенныхъ о дѣлахъ Польши въ иностранныхъ газетахъ покажутся имъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ живѣйшаго участія въ ихъ судьбѣ иноземныхъ государствъ и несомнѣннымъ предсказаніемъ, что скоро вся Европа прійдетъ къ нимъ на помощь. — Это не клевета, не вымысль, а убѣжденіе, основанное на многолѣтней опытности. Въ продолженіи сорокалѣтняго пребыванія моего въ здѣшнемъ краѣ, я встрѣчалъ множество примѣровъ, оправдывающихъ сказанное мною. Внушенія взрослыхъ и даже старыхъ мечтателей имѣли столь гибельное вліяніе на молодое поколѣніе, что недоучившіеся воспитанники учебныхъ заведеній, неоднократно составляли тайныя общества съ цѣлью возстановленія самостоятельности Польши въ древнихъ ея предѣлахъ (!!); собирали склады для общаго дѣла по гривеннику, завлекали въ свои общества столь же недорослыхъ и недоученыхъ товарищей и приводили ихъ тайно къ присягѣ. Конечно, такіе затѣи были скоро отрываемы начальствомъ и виновные строго наказаны. Но такіе выходы, повторявшіеся довольно часто, показываютъ слишкомъ явственно, какой духъ перепа-

ло это поколѣніе отъ своихъ родителей или занимавшихъ ихъ мѣсто. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что появленіе въ западномъ краѣ Оборскаго и Собаньскаго произвело сильное броженіе умовъ въ проживавшихъ тамъ полякахъ, а дѣйствія ихъ нашли множество соучастниковъ, такъ что въ концѣ 1822 года, въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ число членовъ тайныхъ обществъ простиралось до 5000 человекъ. Помѣщики начали тайно собирать оружіе и закапывали его въ землю, увеличивали число слугъ, чтобы въ послѣдствіи обратить ихъ въ солдатъ, увеличили стада лошадей, закупили нужную для нихъ сбрую, тщательно собирали деньги, однимъ словомъ—готовились къ явному возстанію. Подробности всѣхъ этихъ событій описаны Мохнацкимъ, принимавшимъ дѣятельное участіе, какъ въ дѣйствіяхъ заговорщиковъ, такъ и въ мятежѣ 1831 года (1).

Въ продолженіи этого времени (около 1818 года) въ Вильнѣ сдѣлались извѣстными двѣ личности, которымъ суждено было въ послѣдствіи показать плоды своихъ дѣйствій на двухъ совершенно противоположныхъ поприщахъ. Оба славились своими обширными познаніями и глубокою ученостію, каждый въ своемъ предметѣ, оба одарены были рѣдкими способностями, быстрымъ и пронзительнымъ умомъ и силою характера. Но одинъ изъ нихъ пошелъ путемъ неправды и ослѣпленія, принесъ дарованія свои на жертву несбыточной мечтѣ, и окончилъ путь свой открытою измѣной, вовлекиши безчисленное множество своихъ соотечественниковъ въ явную погибель. Другой шелъ всю жизнь своимъ путемъ истины, долга, вѣрности своимъ обязанностямъ и преданности законному правительству, наконецъ своею твердостію и благородіемъ вырвалъ множество жертвъ изъ зѣва гидры соблазна и крамолы. Эти двѣ личности были: Іоакимъ *Лелевель* и Венцеславъ *Пеликанъ*. Самая наружность ихъ представляла очамъ зрителей разительную противоположность. Казалось, самымъ вѣшнимъ ихъ видомъ природа хотѣла, при первой встрѣчѣ съ ними, дать понятіе о ихъ характерѣ и стремленіяхъ. Лелевель, съ блѣдными впалыми щеками, всегда повисшей головой, тонкими стиснутыми губами, быстрымъ, но неприятымъ взглядомъ, съ перваго раза возбуждалъ къ себѣ недовѣрчивость и даже родъ от-

(1) Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. Poznan 1863. T. II. str. 208.

врачѣнїи. Угрюмый и молчаливый, казалось, онъ постоянно за-
нять былъ какою то мрачною мыслию, которая не давала ему
покоя. Занимаясь исключительно и съ любовью исторїей, онъ из-
далъ многія сочиненїя по этому предмету, а преимущественно по
части польской исторїи, изученїю и изслѣдованїю которой посвя-
тилъ свои усилїя. При необыкновенной эрудици, слогъ его былъ
тяжелъ; нужно было долго свыкаться съ нимъ, чтобы свободно
читать его сочиненїя и скоро уловлять его мысли. Въ частной
жизни находилъ на нелюдима, рѣдко являлся въ обществахъ, не
заводилъ близкихъ сношенїй съ товарищами по службѣ, и на
предлагаемыя ему въ частныхъ бесѣдахъ вопросы отвѣчалъ ко-
ротко и какъ бы съ неудовольствїемъ. Одинъ только предметъ
преобразалъ совершенно Лелевеля, именно, когда рѣчь каса-
лась какого нибудь обстоятельства, относящагося къ польской исторїи
и вообще судьбы Польши. Тогда не возможно было узнать пре-
жняго угрюмаго и неприступнаго Лелевеля. Въ то время мертвое
лицо его оживлялось, глаза его загарались какъ бы поэтическимъ
огнемъ, изъ устъ его лилась рѣчка выводовъ, сравненїй и изслѣ-
дованїй, объясненїй, а наконецъ и предсказанїй, оживлявшихъ въ
внимательныхъ слушателяхъ надежды на осуществленїе несбыточной
идеи. Эти вспышки случались съ нимъ чаще съ тѣхъ поръ, какъ
онъ занялъ кафедру всеобщей исторїи въ виленскомъ университе-
тѣ въ 1821 году.

Целиканъ, одаренный прекрасною наружностью, звучнымъ и прїят-
нымъ голосомъ, увлекательнымъ даромъ слова, сдѣлался украшенїемъ
и славою виленскаго университета, въ которомъ преподавалъ ана-
томїю и хирургїю. Глубокія и основательныя его свѣдѣнїя во вра-
чебныхъ наукахъ и безпримѣрная искусство и ловкость въ хирур-
гическихъ операціяхъ сдѣлали его однимъ изъ славнѣйшихъ вра-
чей своего времени. Въ аудиторїяхъ онъ излагалъ предметы своего
преподаванїя съ необыкновенною ясностію и свободою, самымъ чи-
стымъ и правильнымъ языкомъ. Каждый членъ человѣческаго тѣла
со всѣми составляющими его подробностями, представленъ былъ имъ
какъ на картинѣ. Его хирургическія операціи приводили въ изум-
ленїе старыхъ врачей, и долго составляли занимательный предметъ
бесѣды въ цѣломъ городѣ. Между многочисленными его заслугами
въ коннѣ профессора неоспоримо видное мѣсто занимаетъ то, что
онъ, можно сказать, создалъ анатомическій кабинетъ, котораго боль-
шая часть лучшихъ препаратовъ была составлена студентами вра-

чебнаго отдѣленія подъ его руководствомъ. Хирургическая клиника, предъ тѣмъ почти не существовавшая, обязана ему также своимъ устройствомъ и блистательнымъ состояніемъ. Наконецъ онъ образовалъ множество отличныхъ врачей, операторовъ и прозекторовъ, изъ коихъ особенно примѣчанія достойны, занимавшіе послѣ него съ большимъ успѣхомъ и похвалою катедры анатоміи и хирургіи Вѣлькѣвичъ, Порціянко и Галензовскій, а также бывший въ послѣдствіи профессоромъ анатоміи въ московскомъ университетѣ Людвигъ Сѣврукъ. Въ частной жизни Пеликанъ былъ идоломъ виленской публики. Его открытое лицо, веселый нравъ, остроуміе безъ желчи, наконецъ испытанное неоднократно благородство души сдѣлали его любимцемъ всего виленскаго общества, въ особенности дамъ, которыя, какъ говорится, были отъ него безъ ума. Можно вообразить какими глазами смотрѣли на него появившіеся уже злоумышленники, какія усилія употребляли, дабы завлечь его въ свои сѣти, и какихъ успѣховъ могли ожидать въ своихъ замыслахъ отъ его способностей и популярности. Но Пеликанъ, во время профессорства своего въ университетѣ, занятъ былъ одними предметами своего преподаванія, и огромною практикою, которую имѣлъ въ городѣ, удѣляя свободное время пріятностямъ семейной жизни и кругу своихъ знакомыхъ; а когда его дарованія вызвали его на поприще управленія университетомъ, злонамѣренныя лица убѣдились при первыхъ его дѣйствіяхъ, что имъ невозможно и даже опасно разсчитывать на его содѣйствіе.

Теперь слѣдуетъ намъ заняться описаніемъ и изслѣдованіемъ одного важнаго событія въ университетѣ, котораго открытіе и разоблаченіе мѣстнымъ начальствомъ, вызвало столько неосновательныхъ толковъ и жалобъ на русское правительство, обвиняемое злонамѣренными или несвѣдущими въ дѣлѣ людьми въ неумѣстной строгости и даже жестокости. Это были тайныя общества, составившіяся между обучающимися въ университетѣ юношествомъ. Описывая это происшествіе, я буду руководствоваться показаніемъ такого писателя, который самъ былъ членомъ одного изъ такихъ обществъ, принималъ дѣятельное участіе въ мятежѣ 1831 года, вышелъ съ остатками мятежной арміи за границу, и тамъ уже обнародованы его записки сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Познани. (1) Описывая возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 году, онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, представляетъ всѣ обстоятельства, служившія подготовленіемъ къ этому возстанію, слѣд-

(1) Mochnacki Powstanie Narodu Polskiego. T. II.

ственно изображаетъ въ настоящемъ свѣтѣ намѣренія основателей и членовъ общества, побудительныя причины и цѣль ихъ существованія. Если бы дѣйствія русскаго мѣстнаго начальства были несправедливы, если бы русскіе чиновники, назначенные для изслѣдованія этого дѣла, доискивались чего нибудь не существовавшаго, то такой писатель какъ Мохнацкій неупустилъ бы случая обнаружить это обстоятельство передъ публикою въ своемъ сочиненіи, наполненномъ желчію, дышущемъ ненавистію противъ всего русскаго. Но онъ не говоритъ объ этомъ ни слова. Напротивъ онъ изображаетъ намѣренія и цѣль составленія обществъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ открыла ихъ слѣдственная коммиссія. Приведемъ отрывокъ его повѣствованія объ этомъ предметѣ, въ переводѣ. (1) Авторъ говоритъ о Занѣ, основателѣ одного изъ тайныхъ обществъ въ виленскомъ университетѣ.

„Изучивши основательно физику и математику, онъ постоянно посѣщалъ лекціи профессоровъ, затѣмъ только, чтобы быть въ университетѣ; а быть въ университетѣ хотѣлъ затѣмъ, чтобы чему нибудь болѣе нежели физикѣ и математикѣ научить юношество, котораго, какъ самый старшій студентъ, зналъ почти цѣлыя два нѣскольколѣтнія поколѣнія. Когда должно совершиться чему нибудь важному въ исторіи, провидѣніе народовъ обыкновенно высылаетъ сначала такихъ людей какъ Занъ (!?), чтобы были предтечами необыкновенныхъ событій, распространителями великихъ идей, дѣйствителями великихъ преобразованій (!!!). По мнѣнію Зана университетъ не былъ святилищемъ однихъ наукъ, а алгебра не состав- для послѣдняго предѣла, за которымъ не остается уже ни какого дѣла. Не ужели изъ этихъ жизненныхъ силъ студентовъ не возможно было вывести ничего для Польши? Занъ крѣпко ухватился за эту мысль, рѣшился привести ея въ исполненіе, и исполнилъ такъ счастливо.“

Эти нѣсколько строкъ уже явственно обнаруживаютъ какія были намѣренія Зана, когда онъ приступалъ къ составленію предполагаемаго имъ общества. Но послушаемъ далѣе разсказа, и настоящіе виды Зана будутъ для насъ еще яснѣе.

„Истинно склонный къ товариществу, кроткій нравъ, простота въ обращеніи, великій просвѣщенный умъ, старательное воспитаніе, нѣчто привлекающее и предупредительное, приобрѣли ему сердца вношества. Надо было быть имъ любимымъ, чтобы приобрѣсти его

(1) Тамъ же, стран. 218.

„доверенность; надо было имѣть его доверенность, чтобы его со-
 „двинуть и обратить его мысль къ великому предпріятію. Въ 1819
 „году Занъ составилъ между студентами университета нравственное,
 „патріотическое и учебное общество, котораго членамъ далъ названіе
 „*лучезарныхъ* (promienistych.). Семь классовъ общества представ-
 „ляли семь лучей, составляющихъ солнечный свѣтъ. Таково начало
 „революцій не только въ нравахъ, характерѣ и натурѣ товарище-
 „ства юношества, но и въ самой новѣйшей польской литературѣ, ко-
 „торую одинъ изъ *лучезарныхъ* (Мицкевичъ) сдѣлалъ поэтической,
 „оригинальною и великою, какою никогда не была, и въ которой
 „также одинъ изъ пріятелей Зана (Делеваль) историкъ и истори-
 „ческій критикъ приобрѣлъ имя, влияние и силу, столь громкія по-
 „томъ въ народномъ возстаніи.“

Кто жъ, прочитавъ эти строки, не увидитъ главнаго намѣренія Зана и его сообщниковъ. А между тѣмъ открытіе этаго общества мѣстнымъ начальствомъ вызвало объ немъ въ публикѣ самыя несправедливыя и даже обидныя отзывы, какъ то увидимъ ниже.

Видимая цѣль существованія этого общества состояла яко бы въ томъ, чтобы утвердить между членами правила нравственности, возбудить въ нихъ любовь къ наукѣ, оживить ихъ прилежаніе и ус-
 твенную дѣятельность и оказывать бѣднымъ и немѣющимъ осо-
 бенныхъ способностей ученикамъ, какъ матеріальную такъ и умствен-
 ную помощь. „Занъ, говоритъ Мохницкій, разумомъ бѣдныхъ поддер-
 живалъ богатыхъ, а имуществомъ богатыхъ поддерживалъ бѣдныхъ.“
 Но это была только одна сторона медали. Она одна только пока-
 зываема была учебному начальству, которое, не видя въ ней ничего
 предосудительнаго, не препятствовало распространенію и усиленію
 общества. Другая тайная цѣль, скрытая отъ начальства, известна
 была Зану и его тайному совѣту, состоящему изъ такъ называемыхъ
филаретовъ. Впрочемъ, если не всё, то большая часть лучезар-
 ныхъ легко могли догадаться въ чемъ состояло дѣло. У многихъ
 изъ нихъ появились маленькія бібліотеки, состоявшія изъ невидан-
 ныхъ до толѣ польскихъ книгъ, переходившихъ непрерывно изъ
 рукъ въ руки, и которыя они читали съ увлеченіемъ. Встречались
 между ними такіе, кои собственноручно и цѣлкою переписывали
 сочиненія *о составленіи конституціи 3-го мая и унакъ ея* и
 т. п. Появились во множествѣ патріотическія стихотворенія, какъ
 новыя, такъ и старыя выведены изъ забвенія. Студенты переписывали

изъ безпрестанно и звучивали наизусть. Все это направляла не видная рука Зана.

Движеніе и дѣятельность лучезарныхъ, а вмѣстѣ съ этимъ возбужденный въ нихъ Заномъ энтузіазмъ, примѣтно усиллился съ 1821 года, когда катедру исторіи занялъ Лелевель, а философіи—Голушевскій. Оба приняты были обучающимся юношествомъ съ величайшими восторгомъ. Безчисленное множество слушателей, въ числѣ коихъ находились и дамы, наполняли аудиторіи. Въ особенности Лелевель, излагая событія, относящіеся къ судьбѣ Польши, увлекалъ слушателей до такой степени, что они, забывая о мѣстѣ и приличіи, неоднократно отвѣчали ему громкими рукоплесканіями, какъ въ театрѣ. Популярность Лелевеля въ частныхъ сношеніяхъ со студентами содѣйствовала еще болѣе намѣреніямъ Зана, нежели громкія его лекціи. Будучи доступенъ для каждаго изъ нихъ, удѣляя каждому не только свидѣнія, въ которыхъ онъ нуждался, но вспомошествова неизмущихъ собственными деньгами, онъ привлекалъ ихъ къ себѣ толпами въ свое погѣщеніе и бесѣдовалъ съ ними часто до глубокой ночи. Его товарищи профессора, жалая посѣтить его въ вечернее время, находили у него всегда двери запертыми, въ то время когда за этими дверьми вели съ нимъ продолжительную и жаркую бесѣду множество студентовъ, приходившихъ къ нему другимъ входомъ. Въ засѣданіяхъ университетскаго совѣта, когда рѣчь касалась какого либо предмета, относящагося къ общимъ потребностямъ заведенія, Лелевель велъ себя скромно, и безпрекословно соглашался съ прочими; но коль скоро дѣло шло объ участи какого нибудь студента, особенно пользовавшагося его покровительствомъ, Лелевель принималъ его сторону съ жаромъ иногда излишнимъ, иногда сопротивленіе его волѣ отражалъ крикомъ и выраженіями доходившими до дерзости. При такомъ состояніи дѣлъ можно было легко предвидѣть, какой исходъ будутъ имѣть намѣренія Зана и учрежденнаго имъ общества. Тотъ же Мохницкій, который съ такою откровенностію описываетъ всѣ приготовленія къ вспыхнувшему потомъ возстанію, говоритъ между прочимъ: „со времени вступленія (въ университетъ) Лелевеля и Голушевскаго новый духъ въ университетѣ былъ нѣкоторымъ образомъ теоритическимъ выраженіемъ нравственнаго и патріотическаго стремленія *лучезарныхъ*, которые предъугадали его въ своемъ сердцѣ „и приготовили умы къ этому перевороту.“

И дѣйствительно къ возбужденію этого гибельнаго энтузіазма и этой обольстительной поэзіи много способствовали Лелевель и Голу-

ховский. Все что только питало воображеніе обращено было къ одной цѣли—къ судьбѣ Польши. Польская поэзія, направленная къ одной этой цѣли, произвела многія стихотворенія, изъ коихъ не одно слишкомъ ясно обнаруживало мятежный духъ и предосудительныя стремленія автора. Удивительно, что эти попытки не были остановлены въ свое время тогдашнимъ начальствомъ. Голосъ здравомыслящихъ не вразумилъ любителей поэзіи, увлекшихся одними ея красотами, и вовсе оставившихъ безъ вниманія настоящей смыслъ стихотвореній и тайную цѣль автора, хотя на то, чтобы проникнуть ее, не нужно было большой прозорливости.

Однако жъ горячка, привитая Заномъ виленскому обучающемуся юношеству, не могла обойтись безъ припадковъ, кои обнаружили ея существованіе даже предъ такими людьми, кои вовсе не имѣли нахвренія участвовать въ безразсудныхъ замыслахъ. Между профессорами виленскаго университета находились благонамѣренныя лица, кои несмотря на польское свое происхожденіе, были вѣрными долгу своей службы и не терпѣли сумазбродныхъ затѣй, угрожавшихъ не только чести заведенія, но даже спокойствію края. У нетерпѣливой молодежи, руководимой Заномъ, вырывались иногда вовсе не двусмысленныя выраженія, которыя могли внушить справедливыя подозрѣнія и не весьма дальновидному уму. Основательные люди тотчасъ это замѣтили и рѣшились истребить зло въ самомъ его началѣ. Въ 1822 году профессоръ математики Вывричъ подалъ Чарторійскому донесеніе, въ которомъ убѣдительно доказывалъ, что составленное Заномъ общество имѣетъ вовсе не ту цѣль, какую имѣло въ виду учебное начальство, но что члены его имѣютъ другое, тайное, противузаконное стремленіе, которое непременно должно открыть и изслѣдовать. Между прочимъ въ донесеніи своемъ онъ упомянулъ, что кромѣ общества *лучезарныхъ*, извѣстнаго учебному начальству, составилось отдѣленіе тайное, политическое, подъ названіемъ *филаретовъ*, и что этимъ отдѣленіемъ управляло нѣсколько лицъ подъ именемъ *филоматовъ*. Чарторійскій очень хорошо зналъ это стремленіе и цѣль общества; но какъ донесеніе Выврича подано ему было официально, то онъ и не могъ оставить его безъ вниманія. А потому, чтобы съ одной стороны удовлетворить долгу своей службы, а съ другой укрыть Зана и его сообщниковъ отъ взисканія, и чрезъ то не оставивъ ихъ дѣйствій, столь согласныхъ съ тайными его замыслами, поручилъ изслѣдованіе этого дѣла профессору ветеринарнаго искусства Болнусу. Последствія его рѣшенія Чарторійскій

очень хорошо предвидилъ. Боянусъ, какъ иноземецъ, мало интересовался судьбою Польши, и какъ человекъ преданный своей наукѣ, мало имѣлъ способностей для произведенія судебного изслѣдованія; а потому онъ довольствовался только поверхностнымъ изслѣдованіемъ дѣла, и единогласными показаніями студентовъ, приготовленныхъ къ тому Закономъ, и представилъ Чарторійскому, что обстоятельство это не заслуживаетъ никакого вниманія. Это рѣшеніе вполне удовлетворило Чарторійскаго, а Зану и его сообщникамъ придало новые силы и бодрость къ продолженію ихъ затѣй. Однакожъ Занъ, опасаясь дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя могли бы произвести люди опытыѣ Боянуса и болѣе свѣдущіе въ слѣдственныхъ дѣлахъ, созвалъ чрезвычайное засѣданіе, распустилъ филаретовъ и филонатовъ, сжегъ всѣ бумаги, могущія дать какую нибудь идею объ ихъ существованіи и цѣли, и обязалъ всѣхъ членовъ присягою къ сохраненію тайны.

Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, часть отчасу болѣе усиливалась дѣятельность заговорщиковъ и увеличивалось число членовъ тайныхъ обществъ. Тамъ также показались признаки ихъ существованія и злонамѣренности, но къ открытію ихъ приняты были мѣры слабыя, недостаточныя для разоблаченія замысловъ, составленныхъ людьми хитрыми и энергическими. Хотя Скробецкій, адъютантъ генерала Гауке, успѣлъ открыть нѣкоторыя подробности заговора и донесъ объ нихъ своему начальству; но Гауке, при всей благонамѣренности своей и правосудіи, не умѣлъ взяться за дѣло, какъ бы слѣдовало, а окружающія его лица старались болѣе затемнить нежели разъяснить дѣло. Начальствовавшій военными силами въ Царствѣ Польскомъ, великій князь Константинъ Павловичъ, въ видахъ сближенія народа польскаго съ русскимъ, посвятилъ себя совершенно пользамъ поляковъ, слишкомъ много положился на ихъ благодарность, а приблизившіеся къ нему агенты заговорщиковъ старались всѣми силами утвердить въ немъ увѣренность въ нелицемерной и непоколебимой къ нему преданности жителей царства. Однимъ словомъ, дѣйствія русскаго мѣстнаго начальства, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ были вовсе недостаточны для упрежденія угрожавшей государству опасности.

Къ счастью Россія имѣла въ то время мудраго, проницательнаго и дальновиднаго государственнаго мужа, котораго никакія хитрости обмануть, никакія обольщенія соблазнить не могли. Посреди множества неосторожныхъ и легковѣрныхъ людей, служившихъ рус-

сному правительству въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, онъ видѣлъ предметы въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ не былъ ослѣпленъ наружными признаками вѣрности и преданности поляковъ къ ихъ Государю. Онъ зналъ ихъ основательно, въ особенности ихъ сановниковъ, проникъ ихъ до глубины сердецъ, часто предупреждалъ и уничтожалъ ихъ замыслы въ самомъ зародышѣ, а на канунѣ постыднаго взрыва въ 1830 году тщетно представлялъ великому князю всѣ подробности заговора и убѣждалъ принять рѣшительныя мѣры къ предупрежденію соблазна и смятенія.

— Это былъ императорскій резидентъ въ Царствѣ Польскомъ, сенаторъ, графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ. Онъ зналъ, что противъ крамолы надобно дѣйствовать собственнымъ ея оружіемъ, а потому употребилъ хитрость противъ хитрости, чтобы добраться до источника злонаміренія. Многіе признаки навлекали сильное подозрѣніе на Лукасинскаго, но не было ни одного факта для его обличенія. Для достиженія этой цѣли избранъ былъ нѣкто Барскій, который, дѣйствуя согласно съ данною ему инструкціей, не только успѣлъ вступить въ число членовъ тайнаго общества, но даже приобрѣсти довѣренность Лукасинскаго, давшаго ему порученіе въ Парижѣ по дѣламъ общества. Увѣдомивъ заранѣе Новосильцева о времени своего возвращенія, онъ арестованъ былъ на обратномъ пути на границѣ, и выдалъ всѣ находившіяся при немъ бумаги, изъ коихъ обнаружались имена всѣхъ членовъ центрального комитета. Немедленно взяты были подъ стражу Лукасинскій, Доброгойскій, Дзвонковскій, Добржицкій, Махницкій, Кошущкій, Циховскій и Жиць, и посажены подъ арестъ въ кармелитскомъ клянторѣ въ Лешнѣ. Новосильцевъ вспомнилъ тогда донесеніе Скробинцаго. Начались по этому донесенію розыски. Скробинцкій указалъ на полковника Шнейдера, который былъ въ сношеніяхъ съ Лукасинскимъ и получалъ отъ него тайныя порученія въ Калишѣ по дѣламъ общества. Уликъ достаточныхъ не было; а Шнейдеръ не признался ни въ чемъ: но на этотъ разъ пришелъ на помощь случай. Шнейдеръ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ по другому дѣлу, а именно: за многоженство. Попавши въ бѣду Шнейдеръ, обѣщалъ все открыть, если съ него не будутъ взыскивать за этотъ проступокъ. Великій князь увѣрилъ его, что подъ этимъ условіемъ онъ получитъ желаемое; а потому Шнейдеръ рассказалъ все, что ему было извѣстно о тайномъ обществѣ и вычислилъ прозванія всѣхъ его членовъ. Въ доказательство справедливости своихъ показаній представлялъ

бумаги, полученныя имъ отъ Лукасинскаго. Не оставалось болѣе ни какаго сомнѣнія, и виновные отданы подь судъ. Дзвонковскій и Жецъ лишили себя жизни въ заключеніи. Лукасинскій, Доброгойскій и Добржицкій осуждены на лишеніе чиновъ и дворянства и отсылку въ крѣпостныя работы въ Замостьѣ, первый на 7 лѣтъ, а другіе два на 4 года. Кошупцкій, Махницкій и Шрейдеръ отданы подь надзоръ полиціи, Циховскій оставленъ въ заключеніи. Странная вещь! Открытіе явнаго заговора произвело въ Царствѣ Польскомъ общее негодованіе и жалобы на русское правительство, а наказаніе дѣйствительныхъ злодѣевъ названо нарушеніемъ конституціи. А какую участь ей уготовляли ихъ замыслы—показалъ 1831 годъ и его послѣдствія.

Розысканія, произведенныя надъ заговорщиками въ Царствѣ Польскомъ, обнаружили слѣды составленія тайныхъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Вѣсти полученныя Новосильцевымъ изъ Вильны о слѣдствіи, произведенномъ Боянусомъ, заставили его вытребовать все дѣло и производство по этому предмету къ себѣ. Разсмотрѣвъ внимательнѣе бумаги, относившіяся къ дѣлу, онъ тотчасъ проинкъ всю небрежность и недостатки изслѣдованія, и рѣшился самъ возобновить его. Вскорѣ нашелся къ тому случай.

Не смотря на предосторожность Зана, университетское юношество, послѣ неудачнаго изслѣдованія Боянуса, сдѣлалось смѣлѣе и не скрывало своихъ задушевныхъ идей. Въ громкихъ ихъ разговорахъ, даже въ присутствіи постороннихъ лицъ, принадлежащихъ къ ихъ кругу, вырывались такія выраженія, которыя могли бы возбудить подозрѣніе и не въ дальновидныхъ людяхъ. Наконецъ 3-го мая 1823 года, ученикъ гимназіи Михаилъ Плятеръ написалъ въ классѣ нѣлонъ на доскѣ: „Да здравствуетъ Конституція 3-го мая.“ Такъ пишутъ объ этомъ событіи Мохицкій. По свидѣтельству же очевидцевъ, Плятеръ написалъ на доскѣ слѣдующія слова: „Сегодня день Конституціи 3-го мая. Поляки! возстаньте для защиты великаго вашего дѣла.“ Учитель русскаго языка Островскій донесъ о томъ военному губернатору Римскому-Корсакову, а тотъ увѣдомилъ великаго князя, который для изслѣдованія этого дѣла послалъ въ Вильну Новосильцева.

Нѣтъ сомнѣнія, что не постуновъ несовершеннолѣтняго ученика заставилъ Островскаго обратиться съ донесеніемъ къ военному губернатору. Учебное начальство могло бы легко на нѣтъ обуздывать своеволие мальчишка и не оставить ни какихъ слѣдовъ его неумѣстной вы-

ходки, еслибъ это былъ только случайный примѣръ обыкновенной шалости или вѣтренности. Но поступокъ этотъ былъ проявленіемъ общаго духа всего тогдашняго обучающагося юношества. Островскій имѣлъ случай многократно видѣть примѣры своевольства и дерзости между обучающимися и слышать вовсе недвусмысленныя выраженія на счетъ ихъ намѣреній и надеждъ. Направленіе умовъ юношества было слишкомъ явственно; но нельзя же было идти съ донесеніемъ, основываясь на нѣсколькихъ словахъ, произнесенныхъ, какъ сказали бы тогда, безъ умысла, и отъ которыхъ очень легко могъ бы отказать виновный. А потому онъ воспользовался первымъ случаемъ, когда эти чувства выразились публично, въ классѣ, въ глазахъ учебнаго начальства, не опасаясь его надзора и взысканія. Голосъ большей части вилениской публики разумѣется, осуждалъ Островскаго за его поступокъ, но послѣдствія оправдали его совершенно.

Новосильцевъ, по прибытіи въ Вильну, скоро обнаружилъ источникъ существовавшаго между учениками духа. Слѣдствіемъ его розысковъ было то, что пятеро взрослыхъ гимназистовъ исключены были изъ заведенія. Великій князь простеръ свою строгость далѣе, приказавъ записать ихъ въ солдаты. Потомъ Новосильцевъ занялся дѣломъ филаретовъ. Въ квартирѣ университетскаго студента Янковскаго найденъ списокъ членовъ какого то якобы литературнаго и нравственнаго общества. Подозрѣніе пало на многихъ. Они были арестованы, и въ числѣ ихъ Янковскій и Занъ. Послѣдній сначала упорно отвергалъ явныя обличенія и увѣрялъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Но Янковскій открылъ все, что ему было извѣстно о филаретахъ. Арестованы были Чечотъ, Іезовскій и Мицкѣвичъ, а потомъ, вслѣдствіе показаній Янковскаго, взяты подъ стражу всѣ филареты и филоматы и заключены въ базилианскомъ монастырѣ. Занъ, вида, что нѣтъ надежды воспрепятствовать открытію истины, вздумалъ сыграть роль героя, рѣшился принять на себя одного всю отвѣтственность, и принести себя на жертву за всѣхъ. Онъ объяснилъ откровенно передъ Новосильцевымъ всѣ предначертанія и дѣйствія филаретовъ, но къ этому прибавилъ, что онъ одинъ только былъ изобрѣтателемъ этаго намѣренія и главою общества, а потому просить, чтобъ на него одного обращено было взысканіе. Несвоевременное признаніе и мнимое великодушіе Зана не воспрепятствовало обратить взысканіе на тѣхъ, кои особенно раздѣляли съ нимъ чувства и идею, и ревностно содѣйствовали успѣхамъ въ его предначертаніи. Одинадцать филоматовъ и девять филаретовъ разосланы

были въ разныя внутреннія губерніи. Въ числѣ ихъ находились Милгвичъ и Чечотъ.

Это изслѣдованіе и осужденіе виновныхъ, возбудило противъ Новосильцева жесточайшую ненависть между поляками, наполнившими западный край. По случаю производства этого дѣла, клевета приписывала ему самыя адскія предначертанія. Всѣ его поступки представляемъ въ самомъ отвратительномъ видѣ, съ приписью непростительной лжи. Къ этому поляки присоединяли самое несмысленное заключеніе, что своею хитростію и несправедливостію противъ *невинныхъ* дѣтей, онъ хотѣлъ только выслужиться (!!) передъ нашимъ правительствомъ и похвастать своею смѣтливостію и дальновидностію какъ будто успѣхъ въ этомъ изслѣдованіи могъ что нибудь прибавить къ его власти, значенію и вліянію на государственныя дѣла, которыя онъ уже давно пріобрѣлъ своимъ всеобъемлющимъ умомъ, многолѣтнею службою, великимъ характеромъ, безчисленными и важными услугами своему отечеству. Чтобы доказать неосновательность такого заключенія нужно разрѣшить одинъ важный вопросъ, а именно: справедливы ли были показанія студентовъ во время производимаго надъ ними слѣдствія? Шляхта западнаго края утверждала, что эти показанія были вынуждены слишкомъ строгими иъбрами, употребленными Новосильцевымъ при слѣдствіи. Но прошло не болѣе 10 лѣтъ, какъ за границею появились брошюры, составленныя польскими выходцами, по усмиреніи мятежа 1831 года, и печатанныя въ Лейпцигѣ, Парижѣ, Познани и другихъ мѣстахъ. Сочинители ихъ, участвовавшіе сами въ составленіи тайныхъ обществъ, описываютъ со всѣми подробностями и откровенностію всѣ тѣ событія, которыя служили подготовленіемъ къ мятежу. Между прочимъ, упоминая о дѣйствіяхъ Зана и его сообщникахъ, они представляютъ ихъ совершенно согласно съ показаніями виленскихъ студентовъ на допросахъ во время слѣдствія. Изъ этого нельзя не вывести самаго естественнаго заключенія, что эти показанія были справедливы. А если были справедливы, то въ чемъ же тутъ обвинять Новосильцева? Развѣ только въ томъ, что онъ открылъ истину? Если существовало злоумышленіе, то открытіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать осужденію. А что оно дѣйствительно существовало, въ этомъ, въ послѣдствіи, признались публично сами поляки, какъ сказано выше.

Поляки отвѣчали ненавистью, клеветами и сарказмами на дѣйствія Новосильцова, котораго дальновидный умъ угадывалъ ихъ

замысли и предупреждалъ ихъ исполненію. — Они не любилъ чело-
вѣка, который ставилъ на всякомъ шагѣ протрады къ исполне-
нію ихъ предосудительныхъ предначертаній. Не оскорбительно для
сердца русскаго то, что эти клеветы и эти сарказмы повторены
были нѣкоторыми изъ русскихъ такъ, какъ будто бы они имѣ-
ли самыя подробности и вѣрныя свѣденія о состояніи западнаго края.
Конечно поляки имѣли своихъ агентовъ во всей Россіи, особеннѣе
въ двухъ столицахъ. Многіе изъ нихъ, находясь долго въ русской
службѣ, успѣли войти въ ближайшія сношенія съ русскими, вкравшись
къ нимъ въ дружбу, и передавая имъ вѣсти полученныя изъ запад-
наго края, легко могли увѣрить ихъ, что поляки не могли дойти до
такого ослѣпленія, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ искать содѣй-
ствія и поддержки въ ограниченномъ числѣ недоученныхъ и даже несо-
вершенно-лѣтнихъ мальчиковъ. Довѣрчивость сердець чуждыхъ лу-
кавства могла согласиться съ мнѣніемъ обольстителей. Во вся-
комъ случаѣ, это была важная обманка для государственнаго мужа,
котораго намѣренія были чисты, а дѣйствія безукоризненны. Что-
бы справедливо оцѣнить важность этихъ дѣйствій довольно обра-
тить вниманія на послѣдствія появленія Зана къ университетѣ.
По примѣру Лучезарныхъ, начали составляться тайныя общества
и въ другихъ училищахъ виленскаго округа. Члены этихъ об-
ществъ, не имѣя руководителей, кои могли бы сравниться въ хи-
трости и осторожности съ Заномъ, слишкомъ рано обнаруживали
свои стремленія, и чрезъ то подвергали себя заслуженному воз-
сканію. Наконецъ въ кейданскомъ уѣздномъ училищѣ состав-
ленъ заговоръ на жизнь великаго князя. Одинъ изъ учениковъ
взялъ на себя исполненіе этого преступнаго замысла. Онъ хо-
тѣлъ подать просьбу великому князю, во время проѣзда его въ
Петербургъ, и во время чтенія имъ этой просьбы застрѣлить
его. Намѣреніе это было открыто. Виновиный, будучи допраши-
ваемъ самымъ великимъ княземъ, сознался передъ нимъ во всемъ,
безъ всякаго принужденія, даже съ дерзостію отъявленнаго зло-
дѣя. — Онъ сосланъ былъ въ каторжную работу, а кейданское
училище по высочайшему повелѣнію закрыто.

Теперь слѣдуетъ намъ отвѣтить на другой вопросъ: кака-
я участь постигла высланныхъ въ внутреннія губерніи филаретовъ
и филематовъ? Многіе изъ нихъ поступили въ этихъ губерніяхъ
на службу, заняли по разнымъ отраслямъ управленія выгодныя мѣ-
ста, обезпечившія ихъ содержаніе, а skutъ нѣсколько лѣтъ, со-

вержно переиначили образъ мыслей и сѣялись надъ сумазбродили затѣли своей молодости. Одинъ изъ нихъ Францискъ Малюскій, сынъ бывшаго ректора университета, вытребованный министромъ правительствомъ изъ заграницы, гдѣ онъ находился во время произведенія слѣдствія, сдѣлалъ въ послѣдствіи блистательную карьеру и, занимая въ Петербургѣ важное мѣсто, въ 1836 году былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и украшенъ звѣздой. Вотъ какъ Новосильцовъ губилъ тѣмъ названныя жертвы своей *несправедливости* и *жестокости*! Тотъ самый Занъ, который былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ смятеній, высланный сначала въ Оренбургъ, потомъ въ Тобольскъ, получилъ въ послѣдствіи полное прощеніе и разрѣшеніе прибыть въ Петербургъ; а потомъ позволеніе отправиться за границу.

Однакожь между ими были и такіе, которыхъ никакіе тяжкіе ошты не могли образумить: которыхъ даже великодушіе и милості монарха не могли навести на путь долга и истребить въ умахъ ихъ гибельныя мечтанія, имѣвшія столь плачевныя послѣдствія какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ соотечественниковъ. Такии были Чечотъ и Мицкѣвичъ. Первый, будучи всегда угрюмъ, залгъ своей неотвязною мечтой мнимаго патриотизма, посреди русскихъ добродушныхъ, велъ жизнь вполнѣ изгнанническую. Увлеченный безотчетною ненавистію ко всему русскому, считалъ преступленіемъ входить въ какія нибудь сношенія съ кѣмъ нибудь изъ русскихъ, особенно принять отъ нихъ какое нибудь пособіе въ нуждѣ. Переноса всевозможныя лишенія, и добывая съ необыкновенными усиліями средства къ пропитанію собственными трудами, онъ въ письмахъ своихъ упрекалъ Мицкѣвича за то, что проживая въ Москвѣ и въ Петербургѣ не презираетъ радунія русскихъ и пользуется знаками ихъ благосклонности. „Что касается до меня, писалъ онъ къ нему, то я лучше соглашусь умереть съ голоду, нежели принять какую нибудь помощь отъ русскаго“ (1).

Мицкѣвичъ поступалъ совершенно иначе. Онъ чувствовалъ, что подобнаго рода дѣйствія могутъ навсегда отдѣлить его отъ общества не только русскаго, но и польскаго. Первое бы его отвергну, ко второму бы его не допустили какъ опаснаго человѣка. Въ тону же онъ надѣялся самыхъ русскихъ обратить въ партизаны своей пропаганды и соучастниковъ въ распространеніи возму-

(1) Korespondencja Mickiewicza, Paruzi.

тительныхъ его идей. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1824 году, сдѣлавшись уже извѣстнымъ своими дѣйствительно прекрасными баладами, которыя были уже напечатаны. Оставаясь вѣрнымъ истинному предназначенію поэта, при необыкновенномъ своемъ дарованіи, онъ могъ бы занять высокое мѣсто въ ряду великихъ личностей, составляющихъ украшеніе человѣческаго рода. Но онъ пошелъ путемъ несвойственнымъ великимъ людямъ, заставляя свою прекрасную музу изрыгать желчь и сарказмы и бросать ядовитыя стрѣлы во все, что было противно задушевной его мечтѣ. Ненависть его къ русскому правительству выразилась во многихъ его стихотвореніяхъ, какими были I-я и III-я часть, такъ называемыхъ *Дядювъ* (поминки), „*Manewgu ruskiego woyska* и другія. Но эти сочиненія хранились въ рукописяхъ, и уже послѣ усмиренія мятежа 1831 года, напечатаны въ Парижѣ. Поляки, жившіе издавна въ Петербургѣ, ввели его въ дома русскихъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, которыя приняли его радушно. Въ короткое время онъ вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія съ многими тогдашними русскими литераторами и поэтами, кои удостоили его своей дружбы. Въ числѣ ихъ находился и нашъ славный поэтъ Пушкинъ. — Такой же пріемъ сдѣлали ему, спустя нѣкоторое время, въ Москвѣ; гдѣ онъ завелъ знакомство и даже вошелъ въ дружбу съ многими важными лицами, встречавшими его съ истинно-славянскимъ гостепримствомъ. — И въ это время, когда русскіе оказывали ему столько благосклонности, поддерживали его всѣми силами искренней любви, и даже исходатайствовали ему вниманіе и покровительство самаго монарха, Мицѣвичъ изготовлялъ тотъ знаменитый плодъ своего таланта, въ которомъ такъ ясно, такъ убѣдительно выразилъ свой настоящій духъ и направленіе своего дарованія, но смысла котораго одни только русскіе не поняли. — Именно въ это время написалъ онъ свою знаменитую поэму *Конрадъ Валленродъ*. Въ 1826 году она напечатана была — въ Петербургѣ!! Нѣтъ нужды излагать здѣсь содержаніе этой почти всѣмъ извѣстной поэмы. Уже одинъ италіанскій эпиграфъ, помѣщенный на первой страницѣ, достаточно объясняетъ намѣреніе, съ какимъ авторъ принялся за свое дѣло. „Вы не знаете, сказано въ этомъ эпиграфѣ, какъ надобно сражаться съ двумя поколѣніями. Надобно быть лисицею и львомъ.“ Характеръ Валленрода, натянутая догадка о его происхожденіи, гнусный, предательскій его посту-

нокъ съ крестоносцами, ввѣрившими ему начальство надъ орденъ, слишкомъ ясно обличаетъ автора, принявшаго на себя роль проповѣдника измѣны. „Къ счастію, сказалъ одинъ благоразумный цѣнитель литературныхъ произведеній, прочитавъ Валленрода, авторъ, не найдя въ исторіи столь отвратительной личности, принужденъ былъ изобрѣсти ее.“ Вся западная Европа угадала цѣль этого сочиненія. Всѣ ясно видѣли въ немъ стрѣлы направленные прямо противъ Россіи.— Нѣкоторые русскіе, подобно полякамъ, встрѣтили рукоплесканіемъ новое явленіе на литературномъ поприщѣ. Пресловутый Булгаринъ первый напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ родъ панегирика новому произведенію, увѣряя, что оно должно занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ славянской литературѣ. Пушкинъ и нѣкоторые другіе русскіе поэты переводили на отечественный языкъ отрывки изъ Валленрода. Во многихъ русскихъ журналахъ напечатаны были неумѣренныя похвалы автору и произведенію.— Конечно, русскіе могли увлечься красотами поэзи и вообще литературнымъ достоинствомъ сочиненія. Но было разгадать его направленіе не трудно.

Мицкевичъ снялъ съ себя личину и вполне обнаружилъ образъ своихъ мыслей и стремленій уже послѣ 1834 года.— Находясь за границею, куда отправился съ разрѣшенія и даже при пособіи русскаго правительства, онъ явно возсталъ противъ Россіи, присоединился къ шайкѣ выходцевъ и своимъ талантомъ поддѣрживалъ ихъ безумныя затѣи, какъ то увидимъ ниже. Я представилъ здѣсь черты характера Чечота и Мицкевича съ тѣмъ, что бы показать, какія личности находились между филаретами и филонатами, и можно ли было терпѣть существованіе такой заразы?

Окончивъ слѣдствіе надъ филаретами и филонатами, Новосильцовъ принялся за преобразование университета.— Прежде всего нужно было устранить изъ него лица, которыя по образу своихъ мыслей и дѣйствій разжыгали страсти и ободряли волненія между воспитанниками.— Чарторійскій уволенъ былъ отъ должности попечителя. На мѣсто его назначенъ членъ главнаго правленія училищъ графъ Ляваль. Но онъ не успѣлъ и вступить въ исправленіе этой должности. Скоро послѣ того назначенъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа Новосильцовъ. По его представленію удалены изъ университета четыре профессора Лелевель, Голуховскій, Даниловичъ и уніятскій священникъ

Вобровский, а вмѣстѣ съ ними и библіотекаръ Контрынъ. Последний, занимаясь болѣе дѣлами университетскаго правленія, нежели настоящею своею обязанностию, приобрѣлъ сильное вліяніе на бывшаго въ то время ректоромъ Твардовскаго, непредприимчиваго ничего безъ его одобренія, не смотря на то, что пронырливый и неблагонадежный нравъ Контрыма былъ всемімъ извѣстенъ.— Преобразовано было также университетское правленіе, усилена университетская полиція, учреждены должности эзекутора и четырехъ подынспекторовъ, для ближайшаго наблюденія за поведеніемъ студентовъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ. Наконецъ, такъ какъ студенты университета весьма слабо и небрежно обучались русскому языку и многіе изъ нихъ, окончивъ курсъ ученія, сдѣлали въ немъ весьма незначительные успѣхи, то чтобы заставить ихъ прилежнѣе учиться этому языку и свыкнуться съ нимъ по необходимости, повелѣно было, чтобы одинъ какой нибудь предметъ преподаваемъ былъ не иначе какъ на русскомъ языкѣ. Для этого выбрано было преподаваніе исторіи.

Но изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ Новосильцовымъ для утвержденія законнаго порядка въ университетѣ, самыя благотворныя послѣдствія имѣло назначеніе ректоромъ профессора Пеликана.— Это событіе составило новую эпоху въ исторіи университета, и съ тѣхъ поръ начался самый блестящій, но вмѣстѣ съ тѣмъ—последній періодъ его существованія. Будучи во цвѣтѣ лѣтъ, онъ принялъ въ свои сильныя руки управленіе заведеніемъ и первыя его распоряженія обнаружили пронзительный его умъ, твердость характера и совершенное знаніе дѣла.— Онъ привелъ въ восторгъ благонамѣренную и въ уныніе неблагонамѣренную публику западнаго края.— Скоро послѣдняя примѣтила, что не только нѣтъ надежды на сочувствіе его преступнымъ ее замысламъ; но что даже напротивъ того, съ самаго его вступленія въ должность ректора, начались сильныя и дѣятельныя противудѣйствія этимъ замысламъ. Онъ приступилъ къ преобразованію университета во всѣхъ частяхъ его: учебной, нравственной, административной, даже до обновленія и украшенія зданій заведенія. При управленіи прежнихъ ректоровъ, безпорядки и неустройства, вкравшіяся во всѣ части университета, проникли даже до засѣданій университетскаго совѣта. Не рѣдко въ этихъ засѣданіяхъ происходили сцены вовсе не соответствующія важности дѣли и достоинству сесловія. Возникали жаркіе споры, вырывались не-

причина выражения, доходило до ссоры и брани, какъ будто дѣло шло не о нуждахъ и благѣ заведенія, но объ удовлетвореніи личныхъ прихотей членовъ. — Такія личности, какъ Лелевъ и ему подобныя, выказывали свое мнѣніе съ неумѣренною горячестію, сопровождали его колкостями, крикомъ и даже угрозами, не для того, что мнѣніе это было справедливо, даже и не потому, что они были убѣждены въ его справедливости, но чтобы поставить на своемъ во чтобы ни стало, имѣя, впрочемъ, безъ сомнѣнія, и тайную, имъ однимъ извѣстную причину защищать его. Но съ тѣхъ поръ, какъ кресло предсѣдателя совѣта занялъ Пеликанъ, всѣ эти неустройства и беспорядки исчезли, какъ бы никогда не существовали. Казалось, невидимая сила, внушавшая къ себѣ довѣренность и уваженіе, управляла дѣйствіями заведенія совѣта, которому возвратила подобающую важность и достоинство. Свобода мысли не была ни чѣмъ ограничена. Каждый изъ членовъ, смѣло и непринужденно, могъ подавать свое мнѣніе; но во всякомъ случаѣ это было только одно мнѣніе, подаваемое на разсмотрѣніе и разрѣшеніе совѣта, а не упрямство, сопровождаемое дерзкою настойчивостію, какъ было въ прежнее время. Профессоры, какъ преподаватели, сохранили всѣ свои права и преимущества, согласныя съ уставомъ; но ректоръ обращалъ бдительное вниманіе на то, чтобы профессоры, всходя на кафедру, не выходили изъ круга предметовъ преподаваемой ими науки, не дѣлали бесполезныхъ отступленій и не тратили драгоценнаго для учащихся времени пустою болтовней и неумѣстными уступками, которыя такъ часто позволяли себѣ преподаватели при его предмѣстникахъ. Особенное вниманіе Пеликана обращено было на юностиство. Студентамъ университета тщательно было внушаемо, что вступая въ заведеніе, они принимаютъ на себя обязанности не только въ отношеніи къ учебному начальству, но даже въ отношеніи къ государству, а посему уже нѣкоторымъ образомъ поступаютъ на службу. А какъ всякаго рода служба требуетъ удовлетворенія двумъ условіямъ, а именно: точнаго исполненія своей обязанности и безусловнаго повиновенія начальству, то каждому поступающему въ университетъ съ самаго начала поставлено было на видъ, что во время пребыванія его въ заведеніи, онъ долженъ отказаться отъ своей воли, тѣмъ болѣе воли прихотливой, и неуклонно слѣдовать правиламъ объявленнымъ ему заранее. Онъ долженъ былъ подписать согласіе исполнять

съ точностію эти правила, безъ чего не могъ быть принятъ въ число студентовъ университета. Предъ тѣмъ посѣщенія лекцій происходили съ величайшею небрежностію и зависѣли вполне отъ произвола слушателей; но со времени ректорства Пелкана, университетская полиція бдительно наблюдала за правильнымъ и своевременнымъ посѣщеніемъ аудиторій, и каждая неисправность по этому предмету имѣла неблагоприятное слѣдствіе для недобросовѣстныхъ слушателей. Вниманіе каждаго воспитанника неуслышно обращасмо было на то, что время пребыванія его въ учебномъ заведеніи есть время труда и подвига, которые должны имѣть вліяніе на улучшеніе какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго быта всей его жизни, а часы свободные отъ занятій, должны быть употреблены только на то, чтобы освѣжить и укрѣпить свои силы для дальнѣйшихъ подвиговъ на поприщѣ своего образованія. А потому недозволяемо было студентамъ употреблять свободное отъ ученія время на тѣ бесполезныя, а часто и вредныя и неприличныя ихъ званію увеселенія, которымъ въ прежнее время они съ такимъ своевольствомъ предавались. Казеннокоштные студенты врачебнаго института и учительской семинаріи имѣли помѣщеніе въ казенномъ зданіи и находились подъ надзоромъ своихъ префектовъ и ихъ помощниковъ. Но своекоштные, которыхъ число было несравненно болѣе, расположены были на наемныхъ квартирахъ по цѣлому городу. Для ближайшаго присмотра за ними, городъ раздѣленъ былъ на кварталы. Каждый изъ нихъ находился въ вѣденіи подъянспектора, которому подробно извѣстно было каждое помѣщеніе, гдѣ находились студенты университета. Онъ имѣлъ право въ каждое время входить въ квартиры, занимаемыя воспитанниками, слѣдить за ихъ занятіями, образомъ жизни и развлеченіями, и если что нибудь находилъ не сообразнаго съ правилами, данными для ихъ руководства, тотчасъ доносилъ о томъ ректору. Посѣщеніе публичныхъ увеселеній, какъ то: театровъ, маскарадовъ, казина, и загородныя гулянья не были воспрещены студентамъ; но каждый изъ нихъ, желавшій участвовать въ этихъ увеселеніяхъ, обязанъ былъ испросить на то позволеніе отъ инспектора и имѣть отъ него билетъ. Вскорѣ примѣтили благотворныя послѣдствія такого, повидимому, стѣсненія свободы обучавшихся въ университетѣ. Ихъ нравственность, очищенная отъ заразы своеволія, дѣлала ихъ чась отчасу достойнѣе вниманія начальства, любви родителей, сродниковъ и

даже всей публики, а правильнымъ трудомъ приобрѣли они успѣхи въ наукахъ быстрѣе и прочнѣе, нежели подъ руководствомъ Зана и при небрежности предмѣстниковъ Пеликана. Доказательствомъ, что публика убѣдилась въ пользу преобразованій, введенныхъ Пеликаномъ, неоспоримо служить то, что со времени его ректорства, число поступавшихъ въ университетъ безпрестанно увеличивалось и въ послѣдніе годы доходило до 1800 человѣкъ. — Однимъ словомъ Пеликанъ, во все время ректорства своего, блистательно оправдалъ довѣренность начальства. Онъ дѣйствовалъ въ истинно вѣроподобномъ духѣ и съ искреннимъ желаніемъ добра не только обучавшемуся юношеству, но и цѣлому краю.

Изъ всего описаннаго нами ясно видно, что какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западной Россіи составляемы были безпрерывно преступныя предначертанія, а потому край этотъ наполненъ былъ злоумышленниками. Они съ ожесточеніемъ смотрѣли на Пеликана, дѣйствовавшаго съ непоколебимою твердостью, согласно съ законами долга и преданности престолу и вопреки ихъ предосудительнымъ стремленіямъ. А потому неудивительно, что такіе люди, а число ихъ было велико, преслѣдовали его ненавистію и клеветою, и представляли всѣ поступки его въ отвратительномъ видѣ. Но справедливое время скоро обнаружило во всемъ блескъ его способности и праводушіе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1825 года прибылъ я въ Вильну, въ которой оставался на службѣ по сіе время. Съ этихъ поръ я оставляю поприще повѣствователя, основывающагося на сказаніяхъ другихъ, а начинаю описывать то, чему я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, а потому продолженія моихъ замѣтокъ будутъ составлять собственныя мои впечатлѣнія.

II. Кукольникъ.

(Продолженіе впереди).

III.

КИЕВСКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1863 ГОДЪ.

Извѣстно, что съ 1670 года, со времени польскаго въ Россіи владычества, до 1853 года, — времени новыхъ, благодѣтельныхъ для края распоряженій нашего правительства, вызванныхъ большею частію именно послѣднимъ польскимъ мятежомъ, — сперва въ Бердичевѣ, а потомъ въ Житомирѣ и Киевѣ, издавался, въ сущности дѣла, слишкомъ обыкновенный и пустой, но, при помощи мѣстной польской и р.-католической пропаганды, пріобрѣтшіи необыкновенную популярность въ здѣшнемъ краѣ и расходившіеся ежегодно десятками тысячъ экземпляровъ по юго-западной Россіи, такъ-названный *Бердичевскій календарь*. Онъ издавался *бердичевскими ксендзами-кармелитами*, сперва на одномъ польскомъ, а потомъ на польскомъ и русскомъ языкахъ. Достоверно извѣстно, что это незначительное и совершенно невинное, повидимому, издание бердичевскихъ ксендзовъ, на самомъ дѣлѣ весьма много способствовало и содѣйствовало не только вообще колонизаціи и обогаченію юго-западной Россіи, но и распространенію польскихъ мятежныхъ замысловъ 1830 и 1863 годовъ (1). Такое значеніе

[1] Вотъ любопытныя, заслуживающія вниманіе нашихъ читателей, подробнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ календарѣ, заимствованныя нами изъ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и «Кіевлянина» за 1863 годъ. Онѣ покажутъ наглядно, имѣло ли мѣстное начальство достаточное основаніе воспретить подобное изданіе въ юго-западной Россіи. Вотъ что говорится въ этихъ изданіяхъ о *Бердичевскомъ календарѣ*, на основаніи официальныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ:

«Календарь началъ издаваться въ Бердичевѣ еще въ то время, когда поляки, омадѣвшие нашимъ краемъ, старались всякими мѣрами колонизировать его. Польскій календарь, на польскомъ языкѣ, распространяемый въ средѣ русскаго

этой, повидимому, вовсе незначительной, книжки давно уже обратило на себя справедливое вниманіе нашего правительства. Еще въ 1831 году, вслѣдствіе правительственнаго распоряженія, училище, основанное бердичевскими кармелитами на суммы, выручаемыя отъ продажи календаря, и находившіяся подъ непосредственнымъ ихъ управленіемъ, закрыто, а въ 1844 году уничтожена была и самая типографія, при кармелитскомъ костелѣ существо-

населенія, долженъ былъ служить однимъ изъ средствъ, направленныхъ къ той же цѣли. Въ 1670 году, въ г. Бердичевѣ, въ крѣпости, сооруженной поляками, былъ устроена типографія Св. Маріи. Въ ней, съ того времени, началось печатаніе календаря, составившагося кармелитами на польскомъ языкѣ. На суммы, выручаемыя отъ продажи календаря, было въ скоромъ времени основано кармелитами училище, находившееся подъ непосредственнымъ ихъ управленіемъ. Какъ календарь, такъ и училище приобрѣли большую извѣстность между поляками; въ нѣкоторые годы въ училищные списки вписано болѣе шестисотъ учениковъ. Въ 1831 году, вслѣдствіе правительственнаго распоряженія, училище это было закрыто, а въ 1844 году уничтожена и типографія. Несмотря на послѣднее обстоятельство, кармелиты, безъ испрошенія у правительства разрѣшенія издавать свой календарь, продолжали его выпуски, а съ 1861 года печатаніе его передали одной житомирской типографіи, заведенной, какъ внослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, съ тайною политическою цѣлю. По закрытіи житомирской типографіи, кармелиты перенесли печатаніе своего календаря въ Кіевъ, и здѣсь онъ издавался до послѣдняго года.

Изъ сличенія и внимательнаго разсматриванія экземпляровъ Бердичевского календаря за нѣсколько лѣтъ, оказалось, что до 1862 года календарь этотъ держалъ себя скромно: онъ предсказывалъ погоду и урожай, помѣщалъ разныя хозяйственныя замѣтки и представлялъ лишь одно серьезное неудобство—то, что *былъ польскимъ народнымъ календаремъ въ русскомъ краѣ*. Но въ 1862 году онъ вдругъ измѣнилъ простотѣ своего характера, украсился при каждомъ мѣсяцѣ виньетками, добавилъ къ своему составу разныя сентенціи, мысли и поговорки и пополнилъ свои святцы небывшими въ немъ прежде святыми. Что же заключаютъ въ себѣ эти новыя украшенія, добавленія и пополненія?

Въ виньеткахъ, на листѣ каждого мѣсяца, знаки зодіака украшены атрибутами, заключающими въ себѣ, повидимому, смыслъ примѣнительно или къ занятіямъ людей, или къ состоянію природы въ извѣстный мѣсяць. Въ нихъ изображены принадлежности хозяйства, занятій земледѣльца, охоты и тому подобное. Само собою разумѣется, что такія виньетки не могли бы имѣть никакого особеннаго значенія въ настоящее время, или задолго до начала польскаго возстанія. Но появленіе ихъ въ мятежную пору, и притомъ только въ это время, невольно заставляетъ видѣть въ нихъ другой смыслъ. Извѣстно, что руководители мятежа пользовались вслѣдствіемъ, даже ничтожнымъ обстоятельствомъ, къ возбужденію въ полякахъ фанатизма. Не имѣя возможности дѣйствовать открыто въ краѣ, гдѣ они составили незначительную горсть въ отношеніи къ русскому населенію, и гдѣ администрація слѣдила за ихъ дѣяствіями, агитаторы

важны, въ которой издавался Бердичевскій календарь. При всемъ томъ, бердичевскіе кармелиты, безъ испрошенія у правительства разрѣшенія издавать свой календарь, продолжали его выпускъ, а съ 1861 г. печатаніе своего календаря передали одной житомирской типографіи, заведенной, какъ сдѣлалось впоследствии известнымъ, съ тайною политическою цѣлю. По закрытіи житомирской типографіи, кармелиты перенесли печатаніе своего календаря въ Кіевъ, и тамъ издавался онъ до 1865 года, когда г. главный начальникъ края, находя календарь, издаваемый мо-

старались выразить свои планы и преступныя замыслы подъ благовидными предлогами. Принадлежности костюма, известнаго цвѣта платье, символическія надписи въ письмахъ, книгахъ, на выѣскахъ и т. п.,— все это было у нихъ условнымъ знакомъ, выразившимъ тайный, но для нихъ понятный смыслъ. Нельзя, поэтому, не видѣть особеннаго значенія въ выѣткахъ Бердичевского календаря на 1862 годъ. Всмотрѣваясь въ эти выѣтки, мы находимъ, напримѣръ, и такую, на которой паритъ вверху одноглавый орелъ, а внизу видѣется изображеніе, составленное изъ трехъ, висящихъ внизъ головами, курнатовокъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что всѣ вмѣстѣ онѣ представляютъ очень удачное подобіе ногтѣшаго и повѣшеннаго за ноги двуглаваго орла.

Между сентенціями, мыслями и поговорками, есть, между прочимъ, слѣдующія: «Сладокъ дымъ отечества. Куй желѣзо, пока горячо. Смерть, увѣче, боль, раны—сладки при оборонѣ отчизны».

Въ церковномъ календарѣ, подъ 12 числомъ ноября, показаны пять братьевъ польскихъ мучениковъ (5 braci polskich m.) Мученики эти появляются въ Бердичевскомъ календарѣ 1862 г. въ первый разъ. Въ предшествовавшіе годы подъ числомъ этимъ въ календарѣ было помѣщаемо имя Мартина паны; въ 1863 г. слово «польскихъ» выпущено, а въ 1864 году, по усмиреніи мятежа, имя Мартина замѣнило опять внезапно появившихся святыхъ пяти братьевъ мучениковъ. Ясно, что появленіе новыхъ мучениковъ въ эти годы имѣло цѣль особенную. Припомнимъ, что въ 1861 году, въ первой серьезной стчкѣ нашихъ войскъ съ бунтовщиками, на улицахъ Варшавы были убиты пять мятежниковъ. Предводители возстанія воспользовались этимъ случаемъ для возбужденія народнаго волненія. Тѣла убитыхъ были выставлены на показъ, жителямъ столицы были розданы, какъ святыни, куски ихъ платья, а убитые, уличные негодли, причислены къ лику мучениковъ. «Мы были свидѣтелями, говоритъ очевидецъ, какъ толпы стояли на колѣняхъ предъ убитыми и съ воздѣтыми къ небу глазами взывали: «молите Бога о насъ!». Такъ было въ Варшавѣ въ 1861 году; на слѣдующій годъ въ Бердичевскомъ календарѣ вписаны новыя святые пять братьевъ польскихъ мучениковъ, и польское общество въ самомъ Кіевѣ отпраздновало торжественныя панихимы по павшимъ въ Варшавѣ пяти бунтовщикамъ.

«Спрашивается востъ этого у всѣхъ благомыслящихъ людей: уместно ли было оставлять *Бердичевскій календарь* представлять польскую идею въ русскомъ край и разносить ее, изъ года въ годъ, во всѣ его концы, въ числѣ сорока тысячъ экземпляровъ?...» Кіевъ. за 1865 годъ № 114.

нахами бердичевского кармелитскаго монастыря, неудовлетворяющаго большинства русскаго населенія юго-западнаго края Россіи, призналъ нужнымъ прекратить дальнѣйшее продолженіе изданія сего (1). Вотъ въ немногихъ словахъ вся исторія Бердичевского календаря.

(1) На дняхъ прочитали мы въ «Кіевлянинѣ» (№ 115 за 1866 г.) извѣстіе о закрытіи и самаго монастыря кармелитскаго въ г. Бердичевѣ,—прочитали и, признаемся, только подивились безпримѣрному долготерпѣнію нашего правительства, которое только теперь нашло себя вынужденнымъ сдѣлать это, въ высшей степени справедливое и благодѣтельное для края, распоряженіе. Въ самомъ дѣлѣ, для чего столько лѣтъ существовалъ у насъ этотъ р.-католическій монастырь, существовалъ въ русскомъ городѣ, котораго народонаселеніе, какъ извѣстно, состояло всегда и теперь состоитъ исключительно изъ однихъ евреевъ и христіанъ православнаго вѣроисповѣданія? Много ли было и есть въ г. Бердичевѣ р. католиковъ, для которыхъ бы дѣйствительно нуженъ былъ такой огромный и великолѣпный костелъ, русскимъ вельможею (Тышкевичемъ), сманеннымъ іезуитами въ латинство, нѣкогда (1627 г.) построенный и потомъ все время трудами рукъ мѣстнаго русскаго народа существовавшій? А между тѣмъ, мы сами были не разъ свидѣтелями, какъ мѣстный православный русскій народъ нашъ, во время ярмарокъ въ особенности, привлекаемый звуками органа и особаго монастырскаго оркестра, побуждаемый любопытствомъ, не десятками, а сотнями валить бывало въ этотъ, стоящій въ лучшемъ мѣстѣ города и обрацающій на себя невольное вниманіе cadaго, р. католическій монастырь,—и, незамѣтно для себя и для насъ. усволяетъ себѣ тамъ сперва р. католическую обрядность богослуженія и польскій языкъ, а потомъ и самую сущность р.-католическаго вѣроисповѣданія. Для насъ вполне ясно и несомнѣнно, что какъ этотъ, такъ и другіе р.-католическіе монастыри, существовавшіе и нынѣ въ значительномъ еще количествѣ существующіе у насъ въ юго-западной и западной Россіи (построенные большею частію русскими же вельможами, перешедшими въ р.-католичество), не имѣли и не имѣютъ у насъ другаго значенія и назначенія, кромѣ пропаганды полонизма и р. католицизма въ русскую землю. Затѣмъ-то эти монастыри и существуютъ тамъ, какъ мы знаемъ, именно въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ обыкновенно бывають ярмарки и вообще большое стеченіе народа, а не по лѣсамъ и безлюднымъ мѣстамъ, какъ сродно монастырямъ, и какъ помѣщаются въ томъ же краѣ наши православные монастыри (Дерманскій, Загаецкій, Загоровскій, Мелецкій, Сатановскій, Коржовецкій, Головчинскій, Бершадскій и др.). Для чего, напримѣръ, р. католическіе монастыри, и притомъ въ такомъ количествѣ, въ Каменцѣ-Подольскомъ, Луцкѣ, Гроднѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ югозападной и западной Россіи? Соразмѣрно ли въ этихъ мѣстахъ, хотя сколько нибудь, число самыхъ приходскихъ р. католическихъ костеловъ съ численностію р.-католическаго народонаселенія каждой порознь мѣстности этого края? Взглянувши, во многихъ городахъ и мѣстностяхъ юго-западной и западной Россіи, на такое громадное количество, на самомъ дѣлѣ совершенно излишнихъ, р.-католическихъ костеловъ, невольно усомнишься, въ русскомъ ли

Вѣсто этого-то *Бердичевскаго календаря*, съ того же 1865 г. началъ издаваться *Кіевскій, чисто-русскій, народный календарь*, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь. Достаточно, кажется, взглянуть на это новое, весьма отрадное въ мѣстной литературѣ нашей явленіе, чтобъ убѣдиться въ томъ, что редакция и издатель этого новаго у насъ календаря хорошо поняли истинное значеніе и назначеніе въ здѣшнемъ краѣ подобнаго изданія. Съ самыхъ первыхъ дней его появленія, мы видимъ его уже на прямой и вѣрной дорогѣ. Кроме того, что въ Кіевскомъ народномъ календарѣ съ особенною заботливостію и предусмотрительностію собраны всѣ наиболѣе полезныя и необходимыя въ быту житейскомъ свѣдѣнія, такъ что онъ становится дѣйствительно необходимою для всякаго грамотнаго человѣка настольною книгою,—въ немъ, вотъ уже *третій годъ*, помѣщаются весьма дѣльныя и общепользныя, какъ имѣющія постоянный интересъ, такъ и вызываемыя или мѣстными потребностями, или современными вопросами и обстоятельствами, помогающія читателю стать на вѣрную точку зрѣнія, статьи. Такова, напримѣръ, въ календарѣ на 1865 годъ, статья: „Сказаніе о томъ, что была и что есть русская земля“ (издателя календаря *А. Андріяшева*). Такова въ календарѣ на 1866 г. статья: „Кіевопечерская лавра“ (свящ. *И. Подвысоцкаго*), „Храмъ св. апост. Андрея Первозваннаго“, „Почаевская лавра“ и др.... Кому изъ русскихъ, образованныхъ и необразованныхъ, видѣвшихъ и невидѣвшихъ въ натурѣ эти завѣтные для русскаго сердца предметы, не любопытно знать исторію ихъ и не пріятно

ни горюхъ, въ русской ли земли... Въ настоящее время истолко любопытны, но и необыкновенно полезны, необходимы у насъ точныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ р. католическихъ монастырей и приходскихъ костеловъ въ юго-западной и западной Россіи и объ отношеніи числа ихъ въ каждомъ городѣ, мѣстѣткѣ и селеніи къ числу мѣстнаго р. католическаго народонаселенія. Такія свѣдѣнія показали бы наглядно и намъ, и врагамъ нашимъ, сколько у насъ р. католическихъ костеловъ въ Россіи совершенно лишннихъ, а между тѣмъ существующихъ трудами русскаго народа, стоящихъ огромныхъ издержекъ нашему государству и положительно вредныхъ для нашего отечества, не говоря о многомъ другомъ, уже одною *постоянною и неутомимою пропаціею полонизма и р. католицизма въ Россіи*;—показали бы наглядно, съ одной стороны всю терпимость и снисходительность нашего правительства къ польскимъ ксендзамъ и вообще полякамъ въ русскомъ государствѣ, а съ другой всю наглость и нечестность притязаній ихъ, всю недобросовѣтность жалобъ ихъ, а за ними папы свѣтшаго и другихъ заграничныхъ друзей нашихъ, на мнимое притѣсеніе католичества въ Россіи.

взглянуть на одни даже изображенія этихъ предметовъ? Довольно вспомнить здѣсь ту простую и общезвѣстную истину, что мы ежегодно видимъ тысячи путешественниковъ богомольцевъ, которые со всѣхъ концовъ обширной Россіи съ жадностію спѣшатъ увидѣть и поклониться Киеву, этой дорогой и любимой всѣми матери городовъ русскихъ, горять нетерпѣніемъ взглянуть на его звѣтныя святыни и драгоценныя достопамятности, и запечатлѣть ихъ навсегда въ своей памяти и воображеніи, а потомъ съ неописаннымъ восторгомъ рассказываютъ другимъ обо всемъ, ими видѣнномъ и слышанномъ. И вотъ въ *Кіевскомъ народномъ календарѣ*, въ этой небольшой и необыкновенно дешевой настольной книжкѣ, они имѣютъ краткую и вѣрную исторію этихъ любимыхъ предметовъ и вмѣстѣ приобрѣтаютъ возможность постоянно какъ бы имѣть ихъ предъ своими глазами, потому что тутъ же, при самыхъ описаніяхъ, имѣются весьма вѣрныя и притомъ довольно изящныя изображенія этихъ предметовъ. На этомъ календарѣ читатели находятъ не только общій видъ Кіева, но и отдѣльные виды Десятинной церкви, Кіевопечерской лавры, Софійскаго собора и другихъ достопримѣчательностей города Кіева. Въ статьѣ „Кіевопечерская лавра“, между прочимъ, кратко, но вполне удовлетворительно, рассказана исторія первыхъ основателей Кіевопечерскаго монастыря и первоначальниковъ общежительнаго монашества въ Россіи, Антонія и Феодосія печерскихъ. Намъ кажется, что такія изданія никогда не могутъ потерять совершенно своей цѣны и значеніе. Мы думаемъ, что въ такой календаръ не разъ придется заглянуть и по прошествіи того года, на который онъ назначается. Здѣшнее общественное мнѣніе объ этомъ изданіи наилучшимъ образомъ выразилось въ томъ, что *Кіевскій народный календаръ на 1866 годъ разошелся въ здѣшнемъ краѣ*, какъ мы это достовѣрно знаемъ, *въ числѣ 38 тысячъ экземпляровъ* (1).

Между тѣмъ, весьма полезное и благодѣтельное, какъ мы думаемъ, не для здѣшняго края только, но и для Россіи вообще (особенно при оживившейся нынѣ заботѣ правительства о народномъ образованіи), изданіе это съ каждымъ годомъ видимо совершенствуется. Такъ *въ Кіевскомъ народномъ календарѣ на 1867 г.* мы находимъ, кромѣ многихъ другихъ, необходимыхъ и обыкновенныхъ въ подобныхъ изданіяхъ статей, между прочимъ, слѣдую-

(1) Кіевскій народный календаръ на 1866 годъ изданъ былъ въ пользу народныхъ училищъ.

ція: 1) Указатель св. мѣстъ г. Кіева и окрестностей его, съ видами церквей, а также и фонтана Сампсоновскаго; 2) Таблица населенія югозападныхъ губерній; 3) Разказы изъ русской исторіи по лѣтописи преподобнаго Нестора, съ картою древней русской земли; 4) Какъ Осипъ Ивановичъ Комисаровъ-Костромской спасъ жизнь Государя Императора, съ портретомъ О. И. Комисарова-Костромскаго; 5) Братское слово южнорусса землякамъ, которые не хотятъ довольствоваться общерусскимъ книжнымъ языкомъ и хотятъ выдумать новый книжный малороссійскій языкъ; 6) Предохранительныя правила на случай появленія холеры; 7) Карта почтовыхъ дорогъ: кіевской, подольской, волынской, черниговской и полтавской губерній; 8) Алфавитный указатель ярмаркамъ кіевской, черниговской, волынской и полтавской губерній; 9) важнѣйшія ярмарки другихъ губерній; 10) Узаконенія и распоряженія правительства съ 1 января 1865 г. по 1 апрѣля 1866 г.; а всего въ этомъ календарѣ 43 статьи. Трудно рѣшить, какая изъ этихъ статей важнѣе другихъ: каждая имѣетъ свой несомнѣнный интересъ въ извѣстномъ случаѣ. Кромѣ портрета Государя Императора Александра II, превосходно гравированнаго на стали въ одной изъ лучшихъ заграничныхъ литографій, Кіевскій народный календарь на 1867 годъ заключаетъ въ себѣ изображенія слѣдующихъ предметовъ: 1) памятника св. князю Владимиру, въ Кіевѣ; 2) лаврскихъ св. вратъ; 3) лаврской великой церкви; 4) лаврской колокольни; 5) Оскольдовой могилы; 6) софійскаго собора; 7) храма св. Андрея Первозваннаго; 8) церкви Десятинной; 9) сампсоновскаго фонтана; 10) памятника тысячелѣтію Россіи. Изображенія эти, вообще очень вѣрныя и довольно изящныя, тоже весьма много придаютъ интереса этому изданію.

Нельзя не отнести къ достоинствамъ Кіевскаго народнаго календаря и необыкновенной его дешевизны. Цѣна этого календаря на 1867 годъ 17 коп. съ пересылкою. Такая дешевизна этой, необходимой въ быту житейскомъ для каждаго грамотнаго человѣка, настольной книги, дѣлаетъ ее вполне доступною для людей всякаго званія и состоянія (1). Давно ли за пустѣйшія

[1] Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ редакцію *Кіевскаго Народнаго Календаря*, при кіевской 1-й гимназіи. Покупающіе не менѣе, какъ на сто рублей, разныхъ книгъ и портретовъ въ одинъ разъ, пользуются уступкою 20% съ цѣны книгъ.

и ничтожѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ *Бердичевскій календарь* платили мы здѣсь не менѣе 25 и даже 30 коп.?

Въ редакціи Кіевскаго народнаго календаря, какъ видно изъ объявленія ея (1), продаются, кромѣ того, тоже по самой дешевой цѣнѣ, и другія весьма полезныя, особенно для народнаго чтенія и образованія, книги. Отъ издателей календаря потребовано было въ прошломъ году такихъ книгъ, большею частію для простонародья югозападной Россіи, какъ намъ извѣстно, до 80 тысячъ экземпляровъ. Такая цифра книгъ, напечатанныхъ на *церковно-славянскомъ и чистомъ общерусскомъ языкѣ* и проданныхъ въ въ Кіевѣ, кромѣ другихъ книжныхъ магазиновъ, одною только редакціею Кіевскаго народнаго календаря, достаточно, кажется, свидѣтельствуешь, между прочимъ, и о томъ, до какой степени, неосновательны и нелѣпы были и есть затѣи нашихъ *хохломановъ*, желавшихъ навязать здѣшнему простонародью образованіе на такъ называемомъ *малороссійскомъ* или *южно-русскомъ нарѣчійі*!!! Одной только южно-русской и западно-русской *шляхтѣ польской* могла быть вполне по душѣ подобная затѣя.... Мы лично и достоверно знаемъ, какъ въ 1862 и 1863 годахъ, когда въ полномъ разгарѣ было у насъ хохломанское дѣло, цѣлые годы совершенно напрасно пролежали въ единственной нѣжинской книжной лавкѣ (Бѣлянкина) малороссійскія книги и брошюры, насланныя въ здѣшнія мѣста петербургскими хохломанами (Листи съ хутора: „Про злодія у селі Гавівниці“, Бабуся съ того світу“, и подобныя): никто изъ здѣшняго простонародья такихъ книгъ не требовалъ, хотя онѣ тоже продавались по цѣнѣ необыкновенно дешевой (по 2 и по 3 коп.). Нѣкоторые здѣшніе хохломаны, изъ ревности къ своему дѣлу, сами закупаали и раздавали такія книжки грамотнымъ здѣшнимъ простолюдинамъ; но послѣдніе, какъ извѣстно, всегда неохотно и съ ироніей принимали такіе подарки. „До чего намъ такіи книжки и такее письмо“ (къ чему намъ такіа книги и така грамотность): было обыкновенное при этомъ замѣчаніе каждаго болѣе другихъ смышленнаго здѣшняго простолюдина.

Въ заключеніе мы выскажемъ не обинуясь нашу увѣренность, что всѣ, заинтересованные русскимъ дѣломъ въ юго-западной Россіи, отъ души поблагодарятъ издателей Кіевскаго народнаго ка-

[1] Объявленіе это мы печатаемъ въ настоящей книгѣ нашего Вѣстника. Оно же напечатано и въ Кіев. Нар. Календарѣ на 1867 годъ.

ландаря за такой трудъ честный, разумный, общепользныи и въ высшей степени добросовѣстный. Съ своей стороны мы долгомъ считаемъ пожелать при томъ полной извѣстности и распространенія какъ этому, такъ и всѣмъ подобнымъ въ Россіи, истинно полезнымъ и патріотическимъ изданіямъ.

Ам. Добротворскій.

Нѣжинъ.
Ноябрь.
1866 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЛИТВѢ ПАВЛА КУКОЛЬНИКА. Вильна 1864 года.

Присутная къ изданію II-го періода „Историческихъ замѣтокъ о Литвѣ“ П. В. Кукольника, мы считаемъ не лишнимъ бросить хоть бѣглый взглядъ на извѣстную уже читающей публики первый періодъ этихъ „Замѣтокъ,“ или точнѣе—подѣлиться съ нашими читателями тѣми выводами и замѣчаніями, которыя были вызваны этими замѣтками. Эти выводы и замѣчанія тѣмъ пригоднѣе въ настоящемъ случаѣ, что онѣ объединяютъ идею „Замѣтокъ“ г. Кукольника и пѣкоторымъ образомъ служатъ для насъ звѣномъ, связующимъ части его труда, раздѣленныя значительнымъ промежуткомъ времени, протекшаго отъ изданія первой части, т. е. 1-го періода „Замѣтокъ“ до 2-ой ея части, которая помѣщается въ настоящей книжкѣ Вѣстника (1).

Въ западномъ краѣ Россіи давно сознавали недостатокъ историческихъ свѣдѣній о Литвѣ. Учебное вѣдомство виленскаго округа, по поводу послѣднихъ волненій, вызывало ученыхъ дѣятелей заняться этимъ предметомъ, чтобы историческую иллюзію замѣнить прямою истиною, и вотъ ветеранъ виленской русской литературы, г. Кукольникъ предлагаетъ теперь читающей публикѣ свои свѣдѣнія о Литвѣ, собранныя имъ на мѣстѣ во время сороколѣтняго изученія края. Литва, какъ самостоятельное государство, существовало не больше полутора ста лѣтъ, отъ Мендовга до соединенія княжества съ Польшою при Ягайлѣ въ 1385 г. Періодъ слишкомъ кратковременный, чтобы занять замѣтное мѣсто въ исто-

(1) 1-й періодъ помѣщенъ въ Вѣстникѣ Зап. Россіи за 1864—65 годъ.

рн. Оттого судьбы этого народа излагались эпизодически, или въ исторіи Россіи, или въ исторіи Польши. У нашихъ историковъ встрѣчаются слишкомъ краткія извѣстія о Литвѣ; историки польскіе разсказываютъ больше; но, какъ въ послѣднее время польская историческая литература отличалась выдумками, искаженіями фактовъ, а подчасъ и наглою ложью, такъ и старинные польскіе дѣписатели, особенно духовные, не могутъ похвалиться добросовѣстнымъ правдолюбіемъ. Желая заслонить Литву Польшею, польскіе историки, въ жару патріотическаго усердія, умноженно скрывали неблагоприятные для нихъ факты, или искажали ихъ, — иногда повѣствовали небылицы, наперекоръ существующимъ документамъ; историческіе памятники или скрывали, или оставляли въ пренебреженіи, или совсѣмъ истребляли. Въ слѣдствіе того, образованный русскій, прибывши въ Западный край, поражается изумленіемъ, выслушивая самыя дикія предубѣжденія, самыя отчаянныя парадоксы, высказываемыя рѣшительнымъ тономъ знатоковъ, образованныхъ въ виленскомъ университетѣ, или въ полоцкой іезуитской академіи. Жаль, что г. Кукольникъ своимъ историческимъ свѣточемъ озаряетъ только собственно Литву, а не все бывшее Великое Княжество Литовское. Но нельзя не быть благодарными автору и за эту монографію, составленную добросовѣстно, и полную интересныхъ подробностей, неизвѣстныхъ доселѣ читающей публикѣ. Авторъ сдѣлалъ свою задачу — уяснить развитіе въ Литвѣ русскаго элемента и вліяніе его на судьбу литовскаго края, и исполнилъ свое дѣло: тутъ не нужно ему было прибѣгать ни къ софизмамъ, ни къ звонкому фразерству, какими польскіе историки, особенно Лелевель, старались затмить истину; прямыя историческіе факты говорятъ сами за себя. Вотъ передъ нами исторія Литвы, изложенная по неопровержимымъ документамъ, передъ нами самыя документы; одни публикуются въ „Вѣстникѣ Западной Россіи,“ другіе приготовляются къ изданію археологическою комиссіею; передъ нами не совсѣмъ еще сокрушенныя памятники древней православной святыни въ Литвѣ, вооруженныя въ самую свѣтлую эпоху самостоятельности этого народа. Все громко свидѣлствуетъ, что Литва приобрѣла и силу, и славу, подъ вліяніемъ русской народности, а униженіе и оковы подъ владычествомъ Польши. Мы не имѣемъ въ виду оскорбить національное чувство литовцевъ этимъ напоминаніемъ былаго. Въ исторіи нерѣдко встрѣчаются племена, получившія извѣстность

только послѣ своей національности. Македоняне не унижали себя, усвоивъ греческую національность, а напротивъ стали на высотѣ всемірнаго преобладанія. Такъ и Гедимини, Ольгерды, Витовты не думали унижать своей націи, ставъ во главѣ русскихъ князей, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскую вѣру, русскіе обычаи. Этою тѣрпом они выдвинули свое бѣдное племя на трону историческую. Не смотря на русскую цивилизацію, въ литвинахъ не изглаждалось сознание своей національности. Можетъ быть, слѣдуя такому направленію Литва, при послѣднихъ русскихъ государяхъ Рюриковой династии, слилась бы съ Москвою, и составила съ нею одно русское государство; но Ягелло близорукою политикою прервалъ старинныя связи Литвы съ Россіей и направилъ ее къ Польшѣ, вслѣдствіе чего оказались неизбежными тѣ перевороты въ политическомъ, религіозномъ и социальномъ быту литовцевъ, которые истощили литовско-русскій край и погубили Польшу. Мы не ставимъ въ упоръ литовцамъ, что они, покоряясь ходу событій, въ известную эпоху привязались къ Польшѣ; жалѣемъ только, что Польша зловредными элементами своей государственной организаціи заразила и Литву, которая принуждена была раздѣлять страданія гнубущей націи. Справедливо говоритъ авторъ историческихъ замѣтокъ о Литвѣ, что уроки исторіи не должны пропадать даромъ для жизни. Но воспользуются ли ими литовцы?... Польская цивилизація при поддержкѣ есендзовъ, убила въ литвинахъ національное самосознаніе. Подвиги Радзивилловъ, Сапѣгъ, Лисовскихъ обращены въ ореолъ для Польши. Ни одинъ литвинъ не остановится надъ прахомъ своихъ великихъ и славныхъ князей, но благоговѣнно чтить Ядвигу и св. Казимира, о которыхъ напоминаютъ ему есендзы. Передъ нимъ лежатъ въ открытой дагѣ нетлѣнныя мощи первыхъ христіанскихъ мучениковъ въ Вильнѣ; онъ хочетъ даже знать именъ своихъ святыхъ собратій по вѣрѣ и племени; а приклоняетъ колѣна или другого угодника передъ тѣмъ, что выдаютъ ему за мощи св. Доната или другого угодника, сочиненнаго папою (*). Въ отвѣтъ на всѣ непререкаемыя историческіе докумен-

(*) Напр. Иосафата Кунцевича, Воболія въ Полоцкѣ, Фабіана въ Сводинахъ и др. Сюда можно отнести и известную исторію съ зашуманнымъ тѣломъ неавѣстно какаго то человека, стоявшемъ въ анатомическомъ кабинетѣ б. здѣшняго университета и въ 1826 г., при ректорѣ Пеликанѣ, р.-католическими есендзами перенесенномъ въ одинъ изъ виленскихъ костеловъ, гдѣ стали выдавать его за мощи какаго то латинскаго бискупа.

ты, какойнибудь Грабовскій скажетъ: „странное дѣло! хотѣть насъ увѣрить, что мы русскіе, тогда какъ мы сами сознаемъ себя поляками!“ Епископъ Феллинскій, при вступленіи на варшавскую кафедру, чуть не съ клятвою завѣрялъ свою паству, что онъ состоящій полякъ до костей и мозговъ. Польская цивилизація такъ перевернула разсудокъ у литовцевъ, что они ни какъ не могутъ понять всей нелѣпости своихъ убѣжденій. Когда задумано было соединеніе Литвы съ Польшою, тогда здравомыслящіе литвины отвергали этотъ проектъ, какъ оскорбительный для своей націи. Польша, говорили они, хочеть пришить къ себѣ Литву, какъ рукавъ къ кафтану; а тогда кафтанъ-то былъ еще, по крайней мѣрѣ, цѣлъ. Теперь же остались отъ него только лохмотья, а не смотря на то ренегаты русской вѣры и народности—литвины такъ и рвутся отъ здороваго русскаго кафтана, чтобы прилататься къ гнилому лоскутку Польши! Понятно самозванство какого-нибудь проидохи, когда онъ изъ выгодъ, или по тщеславію принимаетъ на себя чужое имя; но какія выгоды, какая честь литвинну признавать себя полякомъ въ настоящее время, когда поляки сдѣлались предметомъ посмѣянія и недоувѣрія для всѣхъ націй, когда сама польская національность существуетъ только въ больномъ воображеніи мечтателей, занимающихся неблагоприятными опытами воскресенія полунистлѣвшаго трупа. Вотъ какія размышленія пробудило въ насъ чтеніе историческихъ замѣтокъ Куволяника! Литвинъ, сознающій себя полякомъ, не прочтетъ этой книги, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что *все, написанное порусски, есть вздоръ*. Но если найдется здравомыслящій литвинъ, который рѣшится оставить польское знамя, то онъ найдетъ въ сочиненіи г. Куволяника для себя опору въ случаѣ нареканія со стороны своихъ земляковъ. Душевно желаемъ, чтобы на Литвѣ было какъ можно больше послѣдняго рода читателей. Заинтересованный важностью предмета читатель не будетъ взыскателемъ въ формѣ изложенія. По всему замѣтно, что авторъ сгѣшилъ издать свои замѣтки *во время*, по требованію обстоятельствъ край, и потому въ разсказѣ иногда не достаѣтъ строгаго систематическаго порядка. Вѣроятно самъ г. Куволяникъ сознаѣтъ этотъ незначительный недостатокъ своего замѣчательнаго труда, и потому озаглавилъ свое изданіе не *исторіею*, а *историческими замѣтками*.

IV.

ПОЛЯКУЮЩІЙ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА (N. N.)

Пала ты, какъ травка полевая, подъ косою
искуснаго косца!

Добрый вечер.

I.

Встрѣча.

Лѣтомъ въ 1862 году; первый разъ въ жизни мнѣ пришлось плыть на пароходѣ, „внизъ по матушкѣ по Волгѣ, — по широкому раздолью“. День былъ превосходный; на голубомъ чистомъ небѣ не пестрѣло ни одного облачка; на прибрежной березѣ листь не шелухнулся, вода въ Волгѣ стояла, какъ зеркало, лишь пароходъ бороздилъ водяную гладь своими крыльями и оставлялъ позади себя пѣнистые водовороты. Для меня, столичнаго жителя, все это было такъ ново, такъ очаровательно, что я, невольно, забывъ о своемъ мѣстѣ въ каютѣ 2-го класса, предпочелъ остаться на палубѣ и любовался великолѣпной панорамой..... „Неужели Рейнъ лучше Волги матушки?“ думалъ я. Куда ни оглянись вездѣ поэзія.... Берега видоизмѣнялись по мѣрѣ скорости парохода.... То помѣщицья усадьба съ готическими террасами представится глазамъ зрителя, то село, то деревня, то зеленѣющій лѣсъ, то пышные дуга, то на отлогой низменности засѣянное поле, то другой пароходъ промелькнетъ на встрѣчу.... Барки, унжаки, лодки, крохотные челноки рыболововъ, которые сердитый валъ послѣ парохода бросаетъ, какъ щепки изъ поднебесья въ преисподнюю. Надъ головой вашей летаютъ стада дикихъ утокъ, куликовъ, чакль.... Вотъ изъ осоиы выступила длинноногая, неуклюжая цапля, безобразно махая крыльями.... а тамъ на берегу, около причалившихъ барокъ, стоитъ цѣлый табунъ усталыхъ барочныхъ лошадей, энергично истребляя овесъ и сѣно.... Не много поодаль отъ лошадей, лодманы — коноводы и водоливы съ барокъ, развалившись около грудка съ огнемъ, въ ожиданіи готовящагося на немъ обѣда, составляютъ живописную группу....

При этомъ невольно вспомнилъ я стихи Розенгейма:

„Далеко, далеко....
 „Степь за Волгу ушла,
 »Въ той степи широко
 „Буйно воля жила.
 и т. д.

Хороша ты, родная Волга — кормилица и поилица наша!

Время также быстро летѣло, какъ и пароходъ — мы были верстахъ въ 60 отъ Ж.... Я все сидѣлъ на палубѣ; многіе изъ пассажировъ начали толковать о близости города. Но вотъ, раздался свистокъ капитана и велѣдъ за этимъ одинъ изъ доморощенныхъ матросовъ въ красной рубашкѣ бросился съ длиннымъ измѣрительнымъ шестомъ на носъ парохода и опустил шестъ въ воду.. Семь футовъ.... закричалъ матросъ, вынимая его изъ воды, и снова опуская — семь.... шестъ съ половиной.... шестъ... пять съ половиной.... пять... продолжалъ кричать матросъ.

Пароходъ убавилъ ходу. —

— „Пять.... четыре съ половиной.... четыре.... три... два... одинъ—н—нъ...“ замерло на носу парохода; но въ это время раздался глухой ударъ и пароходъ, получивъ толчекъ, остановился.

Экипажъ засуетился, — дали обратный ходъ, пароходъ не двгался.

— Что это такое случилось? Обращаясь ко мнѣ, спросилъ господинъ средняго росту, лѣтъ пятидесяти, съ перепуганной, заспанной физиономіей.

— Пароходъ на мель сталъ, отвѣчалъ я ему.

— Боже мой, какъ мы перепугались, а особенно дочь!.. Представьте себѣ: мы сидимъ въ каютѣ, я вздремнулъ немножко, жена тоже, дочь читала, вдругъ шумъ и трескъ.... Страшно напугали! Мы думали, что тонемъ... продолжалъ незнакомый мнѣ господинъ.

— Это своего рода удовольствіе, по крайней мѣрѣ для меня. Я люблю приключенія.... заключилъ я. Господинъ усмѣхнулся и покачалъ отрицательно головой.

— Хорошо удовольствіе, сказалъ онъ!

— Да вѣдь, кажется, благодаря Бога, вреда толчекъ не нанесъ пароходу — сказалъ я. —

— Оно такъ да для меня—то видите это неприятно; я долженъ быть сегодня непременно въ К.....

— А далеко Б?..

— Нѣтъ... верстъ десять....

— Пароходъ снимется съ мели и черезъ какихъ нибудь полчаса вы будете въ К..... горевать тутъ нечего.— Видите—какъ экипажъ началъ работать.

— Вашими устами медъ бы пить. сказалъ господинъ, отходя отъ меня... Спустили на шлюпку якорь, забросили его назадъ,— за бичеву ухватилась вся почти прислуга парохода и нѣсколько пассажировъ; на носу парохода остальной экипажъ ухватился за отводы и шесты; машина дала задній ходъ; затанули: „ой, дубинушка, охни!“— но пароходъ ни съ мѣста. — Капитанъ придумывалъ другіе способы, пассажиры почти все, исключая прекраснаго пола, помогали экипажу, — но все было напрасно. Уже ясное солнышко спряталось за горизонтъ и вечерняя лѣтняя заря оранжевымъ свѣтомъ разлилась по небосклону, а пароходъ былъ на томъ же мѣстѣ.

— Что, батюшка, вы думали что чрезъ полчаса мы будемъ въ К..., а вотъ и ночь приходится здѣсь провести, сказалъ мнѣ тотъ господинъ, подходя ко мнѣ.

— Для меня, какъ человѣка въ этихъ случаяхъ новаго, казалось, что это кончится пустяками, заключилъ я—

— Вы первый разъ на Волгѣ?

— Первый—

— Гдѣ живете?

— Въ Петербургѣ; а вы?

— Въ К..... Вотъ, если бы сегодня пришли ночевать въ К....., то у меня напились бы чаю съ ромкомъ....

Словомъ, мы съ нимъ познакомились. Этого господина звали Оо-на Петровичъ Морсовъ, онъ служилъ секретаремъ въ К..... думѣ.—

Работы для снятія парохода оставили до утра, ждали встречнаго парохода, на котораго капитанъ возлагалъ всю свою надежду.

На Волгу между тѣмъ началъ ложиться туманъ, — сдѣлалось свѣжо.

— Нужно въ каюту спускаться. Мнѣ хочется ѣсть, сказала я

— Пойдете вмѣстѣ. Вы во 2-мъ классѣ?

— Во второмъ.

— Нашъ сосѣдъ, — и прекрасно; кстати я васъ познакомя съ женой, дочерью, — чайкомъ вмѣстѣ погрѣмся, заключилъ Ѳома Петровичъ.

Мы спустились въ каюту. —

— Вотъ рекомендую мою жену Людмиллу Игнатьевну и дочь Юлиньку, — проговорилъ Ѳома Петровичъ, указывая руками на своихъ дамъ.

Я раскланялся и сказалъ свое имя.

— Садитесь, пожалуйста, сказала Людмила Игнатьевна.

Помѣстившись на табуретъ, возлѣ стола, занимаемаго семействомъ Морсовыхъ, мнѣ пришлось отвѣчать на множество вопросовъ, задаваемыхъ, то Ѳомой Петровичемъ, то его супругой, пожилой съ добродушнымъ лицомъ. Не смотря на развлеченіе бесѣдой, я часто бросалъ взгляды на Юлію Ѳоминышну и, при яркомъ свѣтѣ лампъ, хорошо разглядѣлъ лицо ея. Она была средняго роста, брюнетка; голова ея картинно-правильная; лицо блѣдно-матовое, черные какъ смоль и блестящіе какъ огненные искорки глаза, черныя брови, такіе же волосы, легкій чуть-чуть пробивающійся румянецъ, спокойно-строгое выраженіе лица — дѣлали ее красавицей; я еще не встрѣчалъ женщины такой классической красоты. Когда мы вошли, она, граціозно развалившись на диванѣ, читала книжку.

— Что вы читаете? обратился я къ ней съ вопросомъ, послѣ прервавшагося разговора съ ея родителями.

— Обломова повторяю, отвѣчала она мнѣ, нѣжно и утомленно улыбаясь.

— Юлинька охотница до чтенія: нѣтъ того дня, чтобъ она не читала какую нибудь книжку, — заключила Людмила Игнатьевна.

— Я для нее два журнала выписываю, — сказалъ Ѳома Петровичъ.

— Какіе? спросилъ я.

— „Русское Слово“ и „Вѣкъ“, отвѣтила Юлія Ѳоминышна.

— Но „Вѣкъ“ уже прекратилъ свое изданіе, — сказалъ я.

— Да... оказался недолговѣчнымъ, — заключила съ улыбкой Юлія Ѳоминышна.

Разговоръ нашъ пока на этомъ и прервался; тутъ подали чай; Людмила Игнатьевна принялась разливать его, а Ѳома Петровичъ пустился судить о крестьянскомъ вопросѣ.

Часа два прошло въ разговорѣ съ Ѳомой Петровичемъ; при-

звѣздъ, мнѣ было это очень досадно, потому что хотѣлось погово- рить съ Юліей Ѳомиинишной, которая не принимала ни какого уча- стія въ нашей болтовнѣ и была занята книгой; потомъ она встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери.

— Буда ты, мой другъ? Спросила ее Людмила Игнатьевна.

— На палубу; мнѣ хочется проходиться, сказала она, удаляясь.

— Смотри—не простудись, надѣла бы мою шаль,—продолжа- ла мать. —

— Не нужно, сказала Юлія Ѳомиинишна, скрываясь на лѣстницѣ.

— Одна у насъ—... одна Юлинька; любимъ ее, лелѣемъ, бе- режемъ; одна радость, одно утѣшеніе.... Эхъ, дѣтки, дѣтки!... не наградила Богъ насъ мальчикомъ, а дочка что!... чужая корысть, подвернется какой нибудь франтъ, напимѣръ, какъ вы, и ута- щитъ ее.... А ужъ извѣстно, жена мужа любить больше родите- лей... Охъ-хо...хо! — заключилъ Ѳома Петровичъ со вздохомъ. На эту тему варіировали еще сполчас.

— Что это она не идетъ; вѣдь можетъ простудиться. Эхъ, ка- кая она!.. хоть бы шаль снести ей туда,—сказала Людмила Игна- тьевна.

— Позвольте—я снесу,—съ радостью сказалъ я.

Людмила Игнатьевна подала мнѣ шаль и я бросился на лѣст- ницу. —

— Да посылайте ее поскорѣе въ каюту, сказалъ въ слѣдъ мнѣ Ѳома Петровичъ.

Я вышелъ на палубу и на минуту остановился, стараясь усмотрѣть въ темнотѣ Юлію Ѳомиинишну. Ночь была тихая, хо- лодная и свѣтлая; мириады звѣздъ ярко блистали на темно-голу- бомъ небѣ; млечный путь свѣтлой полосой дѣлилъ темный плафонъ неба на двѣ половины. На берегахъ—тамъ и сямъ—мелькали огоньки, освѣщая людей (барочныхъ бурлаковъ). Неслись зву- ки рожка, наигрывающаго какою то заунывную русскую пѣсню;— слышенъ былъ крикъ дергача; на берегу, неподалеку отъ парохо- да, гдѣ пылалъ грудокъ огня, раздалось протяжное „слуша-а-ай“, „поглядыва-а-ай“, отозвалось дальше, „по-сма-три-ва-а-ай“, гдѣ то далеко замерло.

Въ темнотѣ я увидѣлъ тихо идущую съ носовой части па- рохода Юлію Ѳомиинишну и пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Вамъ мамаша прислала шаль; я очень счастливъ, что могъ хоть этимъ быть вамъ полезенъ,—сказалъ я.

— Благодарю васъ, мнѣ не холодно, — сказала она, принимая отъ меня шаль и набрасывая ее на плечи.

Мы пошли вмѣстѣ съ ней по палубѣ, пассажиры спали крѣпкимъ сномъ (покрайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, по тишинѣ господствовавшей на палубѣ и по всхлипыванью и храпѣнью лежащихъ людей).

— Бѣдные!! Имъ вѣроятно спать здѣсь холодно, — сказала Юлія Оминишна.

— Кому?

— А пассажирамъ третьяго класса.

— Виновато парходное начальство; беретъ деньги, а не можетъ хоть парусинный навѣсъ устроить; все бы лучше было.

— Мнѣ ихъ жаль!

— У васъ доброе сердце. —

— Какъ и у всякаго человѣка.

— Съ этимъ я не согласенъ.

— Почему?

— Потому что во первыхъ вы женщина, — а у женщинъ сердце добрѣе чѣмъ у мужчинъ; — во вторыхъ....

— А еще будетъ и во вторыхъ? Спросила она, засмѣявшись.

— Да во вторыхъ. —

— Продолжайте.

При этомъ мнѣ хотѣлось сказать ей что нибудь любезное, но мысль и языкъ мой были не въ ладахъ между собой — и все это потому, что постоянное общество мужчинъ изъ меня сдѣлало бюрокка, неспособнаго къ болтовнѣ съ дамами. Въ умѣ моемъ возникъ образъ Обломова, и я въ душѣ засмѣялся надъ собой.

— Ну что вы замолчали? обратилась она ко мнѣ.

Я окончательно разстерялся, но маленькое обстоятельство, вывело меня изъ глупаго положенія: мы подходили къ носовой части парохода, гдѣ, возлѣ сигнальнаго фонаря, одинъ изъ матросовъ (караульный), закутанный въ шубу, привалившись къ борту, напѣвалъ себѣ подъ носъ:

„Зеленая рощица“

„Всю ночь прошумѣла“,

„А я молодешенька“

„Всю ночь просидѣла“.

— Нашъ русской народъ всегда и вездѣ поетъ, заключающа

Юлія Ѳомишишна, дѣлая нѣсколько шаговъ къ кормовой части парохода.

— Да, промычалъ я.

— Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ, — говоритъ Гоголь. „По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ — заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи и какъ грибы — вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное дворянство и недворянство. летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами казакъ, заряжая пицаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню.“ Говоря это, Юлія Ѳомишишна постепенно увлеклась; въ звучномъ пріятномъ голосѣ ея слинался восторгъ и гордость.

„Она, даже Гоголя цитируетъ наизусть“, подумалъ я.

— Вы патриотка, сказалъ я.

— Какъ и всякой русскій. Согласитесь сами, что все сказанное Гоголемъ правда.

— Согласенъ и благоговѣю предъ вами.

— Ну-вы опять за свое, сказала съ легкимъ упрекомъ Юлія Ѳомишишна.

— Какъ за свое?

— Да такъ... Вѣдь не доскажете, почему благовѣете предо мной...

— Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что вы еще не договорили, почему у меня доброе другихъ сердце.

— Да потому... потому... началъ я... Юлія Ѳомишишна раздражаясь звонкимъ смѣхомъ, я тоже не выдержалъ и началъ ей вторить.

— Ну что, не говорила ли я вамъ, что не доскажете, замѣтила она мнѣ.

— Не правда ли, что я глупъ въ настоящее время?

— Вы вызываете меня на комплементъ.

— Но....

— Пожалуйста — безъ но.... я пошутила, вы меня извините; я ужасная болтушка. Вы не сердитесь? а?

— Могу ли я на васъ....

— Сердиться? Да? Не можете и не сердитесь; лучше будете слушать соловья, — кажется гдѣ то поеть.

Мы остановились и обратились въ слухъ; гдѣ то далеко — далеко, соловьюшко переливался въ треляхъ: — то щекаль, то замираль, какъ будто на краю свѣта.

— Я люблю слушать соловья... Ахъ! отчего я не птичка, обратившись ко мнѣ, проговорила Юлія Фоминишна.

— А вы хотѣли бы быть ею?

— Желала бы.

— Для чего?

— Для того, чтобы порхать изъ конца свѣта въ другой, для того, чтобы быть на свободѣ, вдали отъ всякихъ интригъ, зависти и злобы, — проговорила она.

— Неужели вы разочарованы?

— Ахъ, нѣтъ! я еще хочу жить... страдать, наслаждаться и...

— И?... что это — „и“? Договаривайте.

— И любить, — сказала она полушопотомъ. На небѣ въ это время блеснулъ метеоръ и исчезъ за горизонтомъ.

— Но впрочемъ жизнь наша подобна этому метеору. Человѣкъ, не достигнувъ того, чего желаетъ, сходитъ въ могилу. А жить для мечтанья какъ то смѣшно, продолжала Юлія Фоминишна. —

— Я съ вами совершенно согласенъ; судьба не ко всемъ людямъ равно справедливо относится, заключилъ я.

— Напримѣръ? спросила она.

— Да вотъ вамъ примѣръ: я имѣлъ счастье сегодня познакомиться съ вами, говорю, наслаждатся вашей бѣсѣдой; а завтра утромъ придется проститься, — и кто знаетъ — можетъ быть навсегда.

— Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдутся, милый ты человѣкъ, — вѣшалась какая то женщина; растянувшаяся во весь ростъ на лавкѣ.

Мы засмѣялись и прибавили шагу; на встрѣчу намъ шелъ Ома Петровичъ.

— Юлинька! что это ты, мой дружокъ, такъ долго здѣсь дѣлаешь? можешь простудиться; мать просила тебя въ камту; спать пора, уже 3-й часъ, — сказалъ онъ.

— Иду, папаша, сказала Юлія Фоминишна. — Прощайте, обратилась она комнѣ; я раскланялся.

— А вы, батюшка, тоже спать пойдете? Вѣдь уже пора, — сказала мнѣ Ома Петровичъ.

— Нѣтъ, мнѣ спать не хочется; я еще погуляю по палубѣ, ночь — то хороша, — отвѣчалъ я.

— Ну такъ прощайте. Завтра еще увидимся, сказалъ Ома Петровичъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку и спускаясь въ каюту.

Оставшись одинъ, я долго ходилъ безсознательно по палубѣ, весь преданный мечтаніямъ. Знакомство съ Юліей Омичиной сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе. —

Начало разсвѣтать, огоньки береговые давно уже погасли; вадъ природой царилъ мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая соловьинымъ пѣніемъ. — Мнѣ наконецъ захотѣлось спать, и я спустился въ каюту. Лампы уже были погашены, блѣдный свѣтъ утренней зари проходилъ сквозь маленькія окошка каюты; я бросился на свое мѣсто, поставилъ подъ ноги табуретъ и непрощло грѣхъ минутъ какъ я спалъ сладкимъ-крѣпкимъ сномъ.

Утромъ, проснувшись, искалъ глазами Юлію Омичину, но ни ея, ни родителей ея не было уже на пароходѣ. Посмотрѣвъ въ око. я увидѣлъ что пароходъ идетъ —

— Что-мы были въ К....? спросилъ я у одного пассажира.

— Давно уже, — часовъ въ девять, — отвѣчалъ мнѣ сосѣд мой.

— Вамъ, сударь, тутъ одинъ господинъ, который слѣзъ въ К...., приказалъ кланяться и пожелать добраго здоровья. Они хотѣли разбудить васъ, да дочка не позволила, — поздно, говорить, извоили лечь спать, — не будите, папаша, — такъ и не разбудили, — доложили мнѣ одинъ изъ офиціантовъ, служащихъ при буфетѣ.

Жаль, подумалъ я, и грустный вышелъ на палубу. — Отчего мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ тяжело?! Отчего тоска, смѣшанная съ упрямомъ, давить мое сердце?.. Почему я самъ собой былъ недоволенъ?... Почему для меня сдѣлалось пусто на пароходѣ?..

Почему?! Юлія мнѣ понравилась! Ужели я нашелъ въ ней частицу своего идеала? Странно!?!..

А я — то глушенькій думалъ, что сердце мое застраховано отъ любви, что любовь-это только.... что-то такое..... А вогъ стоять только почаще видѣть ее, говорить съ ней, и я увѣренъ, что любился бы въ нее безъ памяти. Такова моя натура!

2.

Герой моего разсказа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я получилъ командировку въ уѣздный городъ N. одной изъ западныхъ губерній, который немногимъ отличается отъ многихъ бѣлорусскихъ городовъ: такіа же грязныя немощенныя улицы, на которыхъ лужи и грязи высыхаютъ только въ самое жаркое и сухое лѣто, и то по волѣ Божіей: очищать же ихъ никто и не думалъ, и не желалъ. Есть также, какъ и во всякомъ уѣздномъ городѣ, дворянская улица, именуемая полякующимъ людомъ шляхетской, и только эта улица въ вѣкоторыхъ мѣстахъ была вымощена, потому что на ней жили и гуляли народъ все гоноровый. Дома и другіе строенія города—одно-этажныя, деревянныя, и только двухъ-этажный каменный домъ, съ присутственными мѣстами и тюрьмою, какъ гигантъ среди пигмеевъ, гордо возвышался надъ всѣми зданіями. Гордость его смирялъ находившійся близъ него единственный православный каменный храмъ, съ высокой готической колокольней, а костеловъ въ городѣ три. Половина городского населенія состоитъ изъ евреевъ, другую половину составляютъ: городскіе мѣщане,— бывшіе уніаты, въ настоящее время—православные, чиновники, учителя и нѣсколько помѣщиковъ. Городъ имѣетъ свою прогимназію, въ которой учителя были всѣ поляки, исключая только русскаго инспектора, но и тотъ, по милости своей жены—польки, совершенно ополячился, дѣти его (православные) постоянно ходили съ матерью въ костель и не умѣли даже говорить по русски. Когда я былъ у него съ визитомъ, то, обратившись къ старшей дочери, спросилъ: „какъ ваше имя“, она пристально посмотрѣла на меня и, пожима плечами, обратилась къ матери.

— Мамуню! цо панъ муви? спросила она.

— Онъ пытасіе, якъ твое назвизко, отвѣчала мать.

Естественно, что ученики этой пятиклассной гимназіи, преимущественно поляки, дѣлали что хотѣли. Однажды, когда учитель А... только что хотѣлъ начинать урокъ свой, ученики подняли шумъ и, закрывъ книги, начали кричать.

— Учиться сегодня не хотимъ, потому что намъ некогда; мы идемъ выбирать доводу.

Учитель А..., не сказавъ ни слова, отправился домой. Чиновники города, начиная съ городничаго N., всё почти были поляки, одинъ только исправникъ былъ русскій, да еще молодой полицаикъ — Бояркинъ, — герой моего разсказа. Услышать русскую рѣчь было большой диковинкой. Дѣла мои скоро ознакомили меня со всей городской аристократіей и бюрократіей, которая, только по моему незнанію польскаго языка, рѣпалась говорить со мной по русски, но и то съ пренебреженіемъ, искажая почти всякое слово своимъ акцентомъ. Увидѣть мундиръ, или что нибудь форменное на чиновникахъ, считалось рѣдкостью, зато венгерки, чамарки, были обыденной одеждой; на поясныхъ лакированныхъ ремняхъ, красовались разныя революціонныя украшения, изъ коихъ главное — занималъ бѣлый, серебрянный, польскій одноглавый орелъ. На разныхъ запонкахъ носились портреты Костюшки, Мѣрославскаго и Гарибальди, о которомъ говорилъ польской людъ, что онъ идетъ съ своимъ войскомъ освобождать Польшу. Пани и паненки носили траурныя платья и вмѣсто шляпокъ надѣвали конфедератки съ одноглавыми орлами. Въ костелахъ каждое воскресенье пѣли гимнъ „Боже! цось польскень“, и говорились ксендзами проповѣди возмутительнаго содержания; кто же не носилъ жалобу (трауръ) и ходилъ въ цвѣтныхъ платьяхъ, мальчишки — гимназисты обливали платья составомъ, отъ котораго показывались черныя пятна ни чѣмъ не выводящія. Одна молодая пани какъ то разъ явилась въ костелъ въ пестромъ платьѣ, — и ксендзъ, во время чтенія проповѣди, сказалъ (1): „всѣ здѣсь пришли молить Бога о свободѣ своей ойчизны — въ жалобѣ, только одна пани явилась пестрой сорочкой“; при этомъ онъ показалъ рукой прямо на эту паню; всѣ обратили на нее вниманіе, она покраснѣла и вышла изъ костела. На другой день дядя ея подалъ прошеніе въ губернію, и чрезъ мѣсяцъ пережѣстили ксендза въ уѣздъ.

Озлобленная шляхта на доносчиковъ въ одно холодное ноябрьское утро, взявъ съ собой всѣхъ мальчишекъ — гимназистовъ, отправилась къ дому пестрой пани и угостила ее (2) кошачьей музыкой, перебили камнями стекла и ругались до самаго вечера,

(1) Переводъ съ польскаго.

(2) Кошачья музыка очень часто повторялась въ Варшавѣ — среди бѣлаго дня.

пока исправникъ не прислалъ на помощь беззащитной панн десять казаковъ, которые даровыхъ музыкантовъ познакомили съ своими нагайками. На другой день городничій предъявилъ претензію на исправника за то, что онъ осмѣлился вмѣшаться въ дѣла городской полиціи и превышалъ власть свою; составленъ протоколъ за подписью мѣстныхъ аристократовъ, въ которомъ говорилось: что исправникъ съ казаками напалъ на гуляющую толпу гимназистовъ и чиновниковъ и что казаки избили того-то, ранили того-то, и проч. Протоколъ этотъ послали въ губернію, откуда, для обслѣдованія дѣла, присланъ былъ чиновникъ особыхъ порученій. Но свой своему поневолѣ другъ, и потому чиновникъ — полякъ повернулъ такъ дѣло, что исправникъ былъ удаленъ отъ должности.

Узнавъ о случившемся съ исправникомъ и зная правоту его дѣла, я поспѣшилъ къ нему — подѣлиться его горемъ.

Вотъ, батюшка, за правду — то приходится терпѣть, сказалъ мнѣ бывший исправникъ.

Вы протестуйте... подавайте аппеляцію на рѣшеніе, сказалъ я.

Нѣтъ, батюшка: тутъ некому подавать и аппеляцію, — тутъ все спутано польской интригой. Дай Богъ только живому отсюда убраться, заключилъ исправникъ.

Вы куда намѣрены ѣхать?

Въ Петербургъ: тамъ найду дорогу къ Государю, расскажу Ему, что здѣсь дѣлается... Развѣ вы думаете — поляки на меня сердиты за эту исторію? Совсѣмъ нѣтъ; я имъ поперегъ горла сталъ; отъ меня они ничего не могутъ скрыть; оружіе ли привезутъ куда нибудь, я пронюхаю и конфискую; порохъ ли... Да все что хотите... во всемъ мѣшаю ихъ коварнымъ замысламъ; ну вотъ и грызли зубы на меня, ... пока не загрызли, — кончилъ съ грустью исправникъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ Бояркинъ, съ которымъ мы съ недѣлю тому назадъ познакомились. Отецъ Бояркина, когда то занесенный судьбой въ этотъ край, былъ русскій инженеръ, нажилъ при постройкахъ большія деньги и купилъ доходное имѣніе, потомъ онъ женился на одной богатой помѣщицѣ — полькѣ, за которой взялъ тоже имѣніе и изъ двухъ имѣній составилось одно — большое и богатое. На первый же годъ брака — родился у нихъ сынъ — названный Леонидомъ — (герой моего разсказа). Молодого Бояркина мать воспитывала въ своихъ

правлялъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не отвезъ его въ В... гимназію, гдѣ онъ тоже вращался постоянно въ кругу поляковъ. По окончаніи же гимназіи, Леонидъ поступилъ въ Горигорекскій институтъ, гдѣ и кончилъ курсъ. Въ годъ окончанія курса, осенью, онъ лишился сперва отца, а потомъ и матери и сдѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ. Онъ былъ хорошо сложенъ, высокого росту, блондинъ, съ очень симпатичнымъ и подвижнымъ лицомъ и голубыми, лукавыми глазами.

Ко мнѣ онъ пріѣхалъ въ черномъ, англійскаго сукна, сѣртукѣ, воротникъ котораго обшитъ былъ бѣлымъ шелковымъ ошуромъ. На жилеткѣ висѣла часовая цѣпочка съ символическими польскими набрякушками, въ черной большой галстукъ была воткнута булавка, изображающая сложенный крестъ.

— Что это значить? Вы въ траурѣ?— спросилъ я его.

— Да въ траурѣ, отвѣчалъ онъ, закуривая сигару.

— Меня, признаюсь, это удивляетъ? Вѣдь вы говорили, что папашу и мамашу давно похоронили, — лѣтъ пять?

— Я ношу трауръ, потому что теперь всѣ носить.

— А по комъ?

— Я ношу по убитымъ полякамъ въ Варшавѣ въ Февралѣ 1862 года.

— Но вы русскій? спросилъ я съ большимъ изумленіемъ.

— Конечно, русскій, но чтожъ изъ этого?

— Развѣ вы не любите свою и родину, сочувствуете полякамъ?

— Всякій человекъ любитъ свою родину, — люблю ее и я, но это не мѣшаетъ мнѣ любить и поляковъ и ихъ ойчизну, въ особенности мнѣ, у котораго мать была полька.

— За чѣмъ же вы ходите въ костель, когда вы православный?

— За тѣмъ во первыхъ, чтобы пѣть вмѣстѣ съ поляками гимны и воторыхъ за тѣмъ, что мать моя научила предпочитать костель церкви. — Это возмутительно!

— За то гуманно!

— Вы вѣрите въ Бога?

— Что за вопросъ? Конечно!

— Судя по вашему сужденію, я право думалъ, что вы атеистъ.

— Скорѣе нигилистъ.

— Теперь я васъ рѣшительно не понимаю.

— Жаль!... А мнѣ бы хотѣлось поближе съ вами сойтись.

— Желаніе это осуществимо, если вы, во первыхъ, не будете пѣть гимны въ костелахъ и не будете носить трауръ.

-- На это я не согласенъ, потому что я люблю поляковъ и сочувствую ихъ справѣ.

— Стало быть вы врагъ отечества своего отца, — врагъ Россіи; измѣнникъ!

— Называйте меня какъ хотите, а я останусь при своемъ, и вамъ совѣтую на будущее время быть осторожнымъ въ сужденіяхъ о полякахъ; во первыхъ вы этимъ себя компрометируете, потому что вы молодой человѣкъ; во вторыхъ можете испытать непріятности.

— Какія?

— Васъ угостятъ кошащей музыкой.

— Вы оглянитесь вокругъ себя, что тутъ дѣлается?

— Хорошо, оглядываюсь и вижу, что тутъ не польскій край и даже не Литва, а чистая Бѣлорусія. Поляки же здѣсь не болѣе какъ пришельцы, неимѣющіе никакого права претендовать на здѣшній край. А вы посмотрите на самое ядро населенія: крестьяне, мѣщане — все люди русскіе; только помѣщики, да чиновники ополяченные, — и что же? Костеловъ здѣсь гибель, а церкви пять во всемъ уѣздѣ; въ костелѣ поютъ свободно даже революціонные гимны, молятся какъ хотятъ. Здѣсь угнетеніе православнаго люда, поруганіе православія.

— Гдѣ это вы вычитали, что здѣсь Бѣлорусія? Спросилъ меня съ сарказмомъ Бояркинъ.

— Въ исторіи Карамзина, Соловьева, даже у Нарбута, Стрыйковскаго и проч., и проч....

— Ну ужъ нашли на кого опираться... Послѣ этой выходки я разсердился и не хотѣлъ продолжать разговора.

— Что же вы замолчали? Обратился ко мнѣ Бояркинъ.

— Да не хочу говорить съ вами, отвѣтилъ я.

— Почему?

— Потому что вы полякующій, отуманенный до ложнаго фанатизма, — вы господинъ, котораго называютъ....

— Договаривайте.

— Подлецомъ, — сказалъ я, увлекшись.

— Вы забылись, милостивый государь, ... я дворянинъ, я не позволю...

— Можете требовать удовлетворенія, — сказалъ я спокойно.

— Удовлетвореніе... удовлетвореніе!.. Ужъ не думаете ли дуэлью дать удовлетвореніе оскорбленному самолюбію? Знайте, что я либераль, и что дуэлью я не могу смыть безчестія, которое вы сдѣлали: вы меня оскорбили, да вы же меня и убьете; какое это удовлетвореніе? говорилъ, задыхаясь отъ бѣшенства, Бояркинъ.

— Все равно, мертвые срама не имуть, — сказалъ я.

— Имѣють, вособенности, когда смерть приключилась отъ руки такого варвара, какъ вы... Но знайте, что рожденъ отъ польки, я вамъ отомщу по польски, сказалъ онъ, взявъ шляпу.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я.

— Хорошо-съ, слово гонору.

— А желалъ бы я вамъ всадить пулю въ лобъ...

— Не желайте, сами ее скорѣе получите; прощайте.

— До свиданья, сухо сказалъ я.

Вечеромъ этого дня меня пригласилъ инспекторъ прогимназіи къ себѣ на крестины; часовъ въ 8 я отправился туда, гдѣ засталъ большое общество, въ томъ числѣ и Бояркина. Глаза наши встрѣтились и мы посмотрѣли другъ на друга больше чѣмъ небезно.

Часамъ къ 9-ти явился священникъ съ причетомъ и началъ облачаться.

— Какъ желаете назвать новорожденную? Обратился священникъ къ отцу, опеяченному русскому.

— Лючіей, отвѣчалъ отецъ.

Священникъ, немного подумавъ, сказалъ:

— Такого имени въ святцахъ православной церкви нѣтъ; дайте ей другое имя.

— Этого мать желаетъ, сказалъ отецъ новорожденной.

— Все-таки нельзя. Назовите ее Ксеніей, — благо и день именинъ близко, настаивалъ священникъ.

Послѣ споровъ, отецъ ушелъ въ комнату родильницы и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ замѣтнымъ неудовольненіемъ и согласился назвать дочь Екатериной.

Началось совершѣніе таинства. Бояркинъ былъ крестнымъ отцемъ, воспріемницей была дочь судьи,— заядлая полька. Съ воспріемникомъ вслухъ разговаривали, разумѣется попольски, свѣдѣлись и не читали молитвъ: „Вѣрую и Отче нашъ.“ Но когда священникъ хотѣлъ троекратно погрузить ребенка въ купѣль, то Бояркинъ, взявъ его за руку, остановилъ.

— Что вы хотите дѣлать съ ребенкомъ? спросилъ онъ.

— Какъ— что?— совершить таинство, по уставу нашей святой церкви,— погрузить дитя въ воду, сказалъ священникъ.

— Вы простудите ребенка,— вмѣшалась кума.

— Этого нельзя допустить, сказалъ Бояркинъ.

— Да вы, батюшка, такъ немножко на голову полейте, заключилъ отецъ.

— Въ такомъ случаѣ посылайте за ксендзомъ, сказалъ священникъ и, отдавъ ребенка на руки Бояркину, началъ разоблачаться.

— Я донесу начальству, батюшка, что вы не хотите крестить, вмѣшался городничій—полякъ.

— Въ свою очередь и я донесу своему начальству, что здѣсь латинствуютъ, конщунствуютъ надъ уставами православной церкви, сказалъ священникъ, намѣреваясь выйти изъ дому.

По окончаніи крещенія, его проводили очень скоро и очень сухо. Немного спустя, явился ксендзъ, который долго сидѣлъ въ комнатѣ родильницы съ кумой и кумомъ, а послѣ ужина ходилъ съ серебряннымъ блюдомъ и собиралъ у всѣхъ гостей на зубокъ новорожденной *Люци*.

Гости всѣ почти уподчивались старкой и жидовскимъ шампанскимъ; вино развязало у всѣхъ языки; польская рѣчь лилась обильнѣе старки. Многіе сѣли за карты, другіе— большою частью дамы, окруживъ ксендза, запѣли „Боже, цось польскень“...

Мнѣ сдѣлалось ужасно неловко; я взялся за шляпу.

— Да здравствуютъ императоръ французовъ и всѣ поляки, закричалъ ксендзъ, опрокидывая въ глотку бокалъ шампанскаго.

— Вивать!!! подхватили всѣ окружающіе ксендза. Бояркинъ первый толкнулся своимъ бокаломъ съ бокаломъ ксендза. Я горько улыбнулся и незамѣтно вышелъ въ переднюю.

Оттуда сей часъ же я отправился къ бывшему исправнику и рассказалъ ему все выше описанное; его это нисколько не удивило.

— Для меня это не новость. Тутъ не такія вещи дѣлались и дѣлаются!.. Назовите меня какъ знаете, если не будетъ скоро рѣзни, заключилъ онъ.

— Будьте осторожны,.. запаситесь револьверами и добрымъ кнжаломъ, добавилъ онъ.

— За чѣмъ?, спросилъ я.

— Для самосохраненія, — Боже насъ избави, — отъ вареоломеевской ночи,.. и, пожалуй, при настоящемъ буйствѣ поляковъ, дѣло и до этого дойдетъ.

Наступилъ 1863 годъ, прошло нѣсколько дней, и, дѣйствительно, въ Царствѣ Польскомъ поляки другой разъ запятали себя ночью, подобною вареоломеевской. Слухъ объ этомъ, какъ электрическій токъ, прибѣжалъ въ городъ N*** и былъ принятъ польскими людьми съ неописаннымъ восторгомъ. Тутъ-то нужно было посмотреть на ихъ дерзкія лица, дерзко закинутую назадъ голову. Въ костелѣ отслужили благодарственное молебствіе за счастливый успѣхъ начатаго дѣла. Послѣ богослуженія и революціонной проповѣди, огромною процессіей, съ знаменемъ, на которомъ былъ вышитъ одноголавый орелъ, отправились по городу, распѣвая гимны и крича: „да здравствуетъ Польша, да здравствуетъ *вольность!*“ и проч. Цѣлый день прошелъ въ такихъ волненіяхъ и демонстраціяхъ; православный людъ подвергался разнаго рода оскорбленіямъ и насиліямъ. У священника, нашего были выбиты два стекла; гимназисты шлепались по улицамъ огромною толпою и удрялись въ ратоборствѣ. Евреи со страху заперли лавки; я началъ бояться за себя; часовъ въ 6-ть вечера invalidный начальникъ прислалъ ко мнѣ записку слѣдующаго содержания: „Милостивый государь NN!.. Въ видахъ предосторожности, я посылаю вамъ 20 человекъ своей команды, для охраненія васъ. Я хорошо знаю поляковъ, потому что имѣю несчастье и самъ быть имъ. Не вѣрьте полякамъ, если они начнутъ увѣрять васъ въ личной безопасности. При настоящемъ положеніи, они способны на все. Вѣрьте имъ только тогда, когда они скажутъ вамъ, что поляки ненавидятъ русскихъ. Цѣлую ночь буду ходить съ патрулемъ и къ вамъ заѣду....,....*скиті.*“

Отдѣлъ IV.

Я былъ радъ гостямъ и всѣхъ солдатъ напоилъ чаемъ съ ромомъ; часовъ въ одиннадцать заѣхалъ ко мнѣ инвалидный начальникъ.

— Городничій никакихъ мѣръ не принимаетъ и не доноситъ о демонстраціяхъ въ губернію, поэтому я послалъ эстафету о случившемся, — сказалъ онъ.

— Около Варшавы дороги попорчены и телеграфъ порванъ. И на что только надѣются поляки? Ну народецъ! добавилъ онъ.

На другой день въ городѣ не оказалось нѣсколькихъ гимназистовъ, многихъ чиновниковъ и двухъ ксендзовъ, — а чрезъ нѣсколько дней узнали, что въ окрестностяхъ города, въ лѣсу образовалась цѣлая банда повстанцевъ, куда посѣщали еще нѣсколько молодыхъ людей и почти всѣ пани съ разными приношеніями и утѣшеніями. Въ это же время въ городъ N*** пришелъ батальонъ.... скаго полка и занялъ городъ, — мы успокоились.

Изъ газетъ и по слухамъ мы узнали, что Литва и Бѣлоруссія почти вся охвачена мятежемъ.

Описывать случаи въ N...скомъ уѣздѣ, я не нахожу нужнымъ, по краткости пребыванія своего въ N...; скажу только то, что у помощника управляющаго акцизнымъ сборомъ, тоже поляка, на дорогѣ въ N..., мятежники, по его словамъ, отобрали казенныя деньги. Когда же назначили слѣдствіе и формальное дознание, помощникъ этотъ пропалъ безъ вѣсти... Евреи поговаривали, что онъ укатилъ до лѣсу съ казенными деньгами.

Вскорѣ послѣ слѣланнаго нападенія и грабежа на Горки, начальникомъ банды „Топоромъ“, я былъ отозванъ обратно въ П....

Когда я садился въ дорожній экипажъ, мимо меня прошелъ Бояркинъ, погруженный въ размышленія.

До свиданья, м-сье Бояркинъ! — Вы у меня еще въ долгу, кричалъ я.

Скоро расплачусь, холодно отозвался онъ.

Тройка, запрошенная въ дышло, двинулась; заделся мой собственный колокольчикъ. Впереди ѣхала почта, по бокамъ и сзади скакали козаки, сопровождавшіе насъ.

При выѣздѣ изъ города, около кладбища, попался мнѣ священникъ; я приказалъ остановиться ямщику.

— Прощайте, батюшка!.. Благословите меня въ добрый путь, сказалъ я, подходя подъ благословеніе.

— Добрый путь! Богъ да благословить васъ, сказалъ онъ, благословляя меня.

— Вы въ Петербургъ?

— Въ Петербургъ.

— Какъ счастливы вы, что ѣдете туда, гдѣ все русское, родное... Не забывайте насъ, пишите.

— Непремѣнно!

Мы разстались. Тройка, понукаемая ямщикомъ, помчалась быстро. Проѣхавъ версты десять, я оглянулся назадъ, и городъ исчезъ изъ виду; одинъ только шпиль православной колокольни блестялъ на солнцѣ; ямщикъ мой затянулъ пѣсню.

— Вотъ, братецъ мой, у васъ сторона-то какая беспокойная,— мятежъ за мятежемъ, сказалъ я ямщику.

— Да вѣдь это, ваше благородство, все паны наши дѣлають. На Царя, вишь, сердятся; бо Онъ волю намъ хлопамъ дасть... про нихъ вѣдь и пѣсню сложили, сказалъ ямщикъ.

— Какую? спросилъ я.

Ямщикъ пропѣлъ пѣсню; къ сожалѣнію, я не записалъ ее, и только въ памяти осталось слѣдующее:

„Вотъ панамъ не дюжо ловко
Самимъ треба працювать,
Поболить не разъ головка,
Коли придется орать (*).
Не одинъ панокъ заплачетъ,
Да попляшетъ трепака,
Во ни чего не умѣли,
Якъ драть шкуру зъ мужика“.....

— А круто поступали помѣщики съ крестьянами? спросилъ я.

— Дюжо— круто, отвѣчалъ ямщикъ.

— Ты помѣщикій?

— Такъ, ваше благородство— помѣщика Воаркина, что съ вами кланялся.

— А онъ какъ съ вами обходился?

(*) Пахать.

— Онъ?.. гмъ!.. нехъ его перунъ спалить!.. настоящій людѣдь, что за моремъ объ одной ногѣ бѣгаетъ... Мы передъ нимъ за три версты шапки снимали, а не то— на конюшнѣ выдереть, говорилъ ящикъ.

— А! онъ съѣзъ крестьянъ?!

— Дужо съѣзъ... Опять до бабъ падучъ больно... Много отъ него въ разгулъ пошло,.. добавилъ онъ, постегивая лошадей.

Хорошъ либераль, подумалъ я.

Черезъ недѣлю я былъ въ Петербургѣ, а черезъ годъ судьба снова меня забросила въ Вѣлоруссію и въ тотъ же самый городъ N.

Уже имя графа Михаила Николаевича Муравьева тогда громъ гремѣло для польскаго люда по всей западной Россіи. Въ немъ поляки видѣли свою Немезиду; въ немъ они почувствовали кару Божію.

По пріѣздѣ моемъ въ заѣздный домъ города N***, явился ко мнѣ мой факторъ еврей.

— Ну— что поваго? спросилъ я его.

— Ой вай!.. все новое, ясновельможный пане, отвѣчалъ онъ.

— Ну что же тутъ было?

— Ухъ— цто тутъ било!.. цто тутъ било!.. гвалтъ!.. Дали-Букъ, гвалтъ!

— Ну что же— теперь въ городѣ спокойно?

— Спокойно.... цихо.... некому мятежницать.... цинovníки все русскіе.... поляковъ тылько три осталось....

— Гдѣ же прочіе?

— А цортъ ихъ знае... Нехъ имъ веревку на сею надѣвнуть. Цинovníковъ много увезли, другіе до лясу утекли... говорилъ еврей.

— А городничій?

— Увезли до Сибири... теперь городничій и исправникъ русскій...

— Какъ его фамилія?

— Морсовъ.

— Морсовъ?!? Не ужели? спросилъ я, невѣря своимъ ушамъ.

— Дали-Букъ.

— А какъ его имя?

- Запаянулъ... А якъ его имя то?... а вай... тц... тц... тц...
- У него есть дочь?
- Есть... есть.... такая ладная паненка...

Сердце мое дрогнуло отъ радости; но я, не вѣря своему счастью, послалъ предварительно фактора разузнать имя новаго исправника. Еврей воротился и сказалъ, что зовутъ его Ома Петровичъ. Наскоро одѣвшись, я поспѣшилъ, въ сопровожденіи еврея, къ Морсовымъ. Какъ для меня и для нихъ встрѣча эта будетъ пріятна! подумалъ я.

Скоро мы пришли къ дому, занимаемому Морсовыми. Въ передней никого не было, изъ зала неслись звуки рояля; женскій пріятный голосъ пѣлъ что то.

Доложить было некому, я вошелъ въ залу безъ доклада.

За роялемъ сидѣла Юлія Оминишна; она играла и подпѣвала, не сводя глазъ своихъ съ Бояркина, сидѣвшаго немного поодаль, облокотившагося рукой на рояль— и тоже, въ свою очередь, не сводившаго съ нее глазъ.

— Вы и этимъ романсомъ не довольны? сказала Юлія Оминишна, переставая играть и обращаясь къ Бояркину. Перестаньте скучать; я вамъ вапъ любимый спюю, добавила она и подъ аккомпаниманъ запѣла чистымъ симпатичнымъ сопрано:

„Какъ сладко съ тобою мнѣ быть,
И молча“

Въ это время я кашлянулъ, Бояричъ оглянулся и, увидавъ меня, испустилъ протяжное—А!!!!....

С. Калугинъ.

(Продолженіе впрядь).

НѢТЬ БОЛЬШЕ ПОЛЬШИ.

СОЧ. ФУКА, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(Продолженіе) (1).

Глава третья.

Общественныя отношенія.

Духовенство продолжаетъ стремиться къ давно задуманной цѣли со свойственной духовному классу настойчивостью; всѣ его сношенія съ націей клонятся къ распространенію его полного безусловнаго вліянія надъ духомъ народа, тогда какъ русское правительство старается своими дѣйствіями по возможности образовать всю массу людей, остававшуюся до сихъ поръ въ совершенномъ невѣжествѣ, вслѣдствіе того, что эти двѣ несомвѣстныя власти находятся въ постоянномъ разногласіи. Со времени окончательнаго раздѣла Польши, р. католическое духовенство отстранилось отъ евангельской миссіи и удовольствовалось тѣмъ, что постоянно возбуждало раздоръ; а ничего нѣтъ легче какъ подстрекать несогласія, когда политическія и религіозныя страсти въ разгарѣ. Несмотря однако на вліяніе, которое имѣетъ духовенство на всѣ классы общества, одно только дворянство безусловно за нимъ послѣдовало. А почему? Очень просто: интересы дворянъ и ксендзовъ сливаются въ одно и явно препятствуютъ интересамъ народа. Дворянство и духовенство вступило въ продолжительный и прочный союзъ противъ средняго сословія, т. е. противъ самой главной части народонаселенія, или даже цѣлой націи. Аристократія глубоко презираетъ мелкое сословіе дворянства, которое въ свою очередь крайне пренебрегаетъ шляхетствомъ и не можетъ смириться съ мыслию, что классъ этихъ выскочекъ совпадаетъ въ токъ дворянъ; совсѣмъ тѣмъ отбѣнки этихъ классовъ сливаются между собою и образуютъ сѣть предрасудковъ, которую никакая сила не можетъ распутать. Уничтожить распространеніе народнаго права, — вотъ девизъ просвѣщеннаго класса патриотовъ. Въ законодательствѣ поляковъ не встрѣчалось двусмысленностей; всѣ выраженія точны, и законъ заключается въ краткомъ изложеніи пра-

(1) Смотри «Вѣстникъ Зап. Россіи» за 1865—66 годъ, книжки 10 и 11.

вль относительно барщины. Когда въ настоящее время иностранные законы начали вразумлять польскихъ крестьянъ, то дворянство, не разбирая способовъ, всѣми силами старалось отсрочить эмансипацію. Обезчещенная и презрѣнная каста этихъ пролетарьевъ составляетъ главную часть народонаселенія. Помѣщикъ—глава (woit) въ своей волости и можетъ дѣйствовать самовластно, судя по мѣрѣ его личности, а гдѣ-же мужику найти судъ и расправу? Онъ хорошо понимаетъ, что смѣшно было-бы жаловаться *барину* на *барина*; опытъ давно научилъ его, что уѣздными начальниками жалобы принимаются неблагожелонно, такъ какъ и они такіе же помѣщики какъ и деревенскія власти, — его господа. Надо жить съ крестьянами, чтобъ удостовѣриться, что плачь и жалобы раздаются повсемѣстно; всюду ропоть на помѣщиковъ, но въ уборкахъ нѣтъ ни брани, ни громкихъ восклицаній; напротивъ они спокойны и глубоко выразительны. Въ центрѣ Царства Польскаго, какъ и въ Галиціи, крестьяне возлагаютъ всѣ ихъ надежды въ будущемъ на помощь иностранныхъ правительствъ. «Мы тогда» — говорятъ они — „полюбимъ наше отечество, когда выйдемъ изъ зависимости поляковъ, и тогда только станемъ молодыми.“ — И дѣйствительно, взысканія помѣщиковъ доходятъ до грабительства; малѣйшій контроль или искусно наведенная справка откормываетъ цѣлый рядъ преступленій, въ которыхъ видно, что крестьянъ грабятъ и разоряютъ ихъ владѣльцы. Вообще никогда нельзя представить, при нравственномъ развитіи, такого вреднаго направленія и безсовѣстныхъ поступковъ, какъ у несправедливыхъ польскихъ дворянъ. Такимъ образомъ, когда русское правительство пожаловало крестьянъ богатыми милостями, т. е. надѣлами земли, то количество крестьянской земли вмѣсто того, чтобы увеличиться въ квадратъ, значительно уменьшилось, вслѣдствіе обманчиваго размежеванія управляющими или, что почти одно и то же, людьми подкупленными помѣщиками, которые уменьшили надѣлы, насколько было возможно. Владѣльцы самовластно возлагаютъ поземельныя подати и денежные оброки такіе обременительныя, что крестьяне принуждены оставлять даже свои собственные земли, которыя, въ послѣдствіи, помѣщики обрабатываютъ въ свою пользу. Чтобы дать понятіе о требованіяхъ владѣльцевъ, достаточно сказать, что если мужикъ платитъ *рубль* (4 франка) за десятину казенной земли, то помѣщику онъ навѣрное даетъ *три* рубли или по крайней мѣрѣ (*minimum*) *два*, за то же самое ко-

личество земли. За то государственныя земли обработаны прекрасно и дают большіе доходы, а частныя помѣстья бѣднѣютъ и хлѣбъ остается часто на поляхъ не убранный. Но вѣдь помѣщику нѣтъ дѣла до нищеты крестьянина. Былъ бы только онъ самъ богатъ, это его единственное желаніе и цѣль. Установленные владѣльцами оброки простираются на все. Часто они запрещаютъ продавать на своихъ земляхъ вино, купленное не у своихъ помѣщиковъ. Кромѣ того, съ cadaго двора предварительно требуютъ оброкъ натурой, берутъ кашуновъ, цыплятъ, индѣекъ и т. д. Административная и политическая конституція Царства Польскаго не позволяетъ въ настоящее время уничтожить эти оброки натурой, такъ какъ правительство не въ состояніи услѣдить за точнымъ исполненіемъ закона. Помѣщикъ можетъ самопроизвольно налагать повинности, избѣгая тѣхъ пунктовъ закона, которымъ онъ долженъ повиноваться. Если какое нибудь обязательство его тяготитъ, онъ ловко отъ него уклоняется, безъ дальнихъ церемоній. Что сталося на примѣръ съ данными крестьянамъ правами указомъ 1846 года, гдѣ имъ предоставлялось пасти на помѣщичьихъ лугахъ стада и рубить въ барскихъ лѣсахъ дрова? Онѣ уничтожены тайной властью владѣльцевъ, какъ и многія другія права. Только врожденная кротость и страхъ властей заставляютъ мужика сносить съ покорностью свою несчастную долю, а еслибъ онъ не надѣялся на будущее, то навѣрное въ Польшѣ началась бы страшная рѣзня. Но, покоряясь сильнымъ міра сего, мужикъ выказываетъ самыя подлые и низкіе знаки преувеличеннаго и даже ложнаго уваженія. Онъ цѣлуетъ руки, колѣна и ноги у своего господина и, проходя мимо барскаго двора, еще издали снимаетъ шапку (1). Поляки безъ жидовъ обойтись не могутъ, а послѣдніе, пользуясь этимъ, ведутъ торговлю безсовѣстно и надуваютъ покупателей. Всѣ это знаютъ и всѣ терпятъ. Но еще страннѣе отношенія, связывающія помѣщиковъ съ *официалями*. Трудно угадать въ этой коммерческой сдѣлкѣ сознаніе собственнаго *достоинства* поляковъ, которое, благодаря нѣкоторымъ несвѣдущимъ панегиристамъ, чуть чуть было не обратилось въ пословицу. Сколько разъ я видѣлъ какъ слуги дерзко не исполняли приказаній господъ, вполнѣ увѣренные, что дерзость ихъ оста-

(1) Все вышесказанное авторомъ о владѣльцахъ и крестьянахъ Царства Польскаго, относится до изданія указа 19 Февраля 1864 года, вслѣдствіе котораго все тамъ измѣнилось къ лучшему.

сты не наказанной. Если же баринъ останавливалъ слугу и дѣлалъ ему замѣчанія, то послѣдній отвѣчалъ оскорбленіями и угрозами, которыя поражали слухъ человѣка непривычнаго. Подобное явленіе объясняется тѣмъ, что господинъ признаетъ въ своемъ слугѣ превосходство надъ собой и въ работѣ, и въ сметливости, и онъ согласенъ лучше снизойти съ своего достоинства, чѣмъ обойтись, хотя нѣсколько дней безъ дворецкаго, который ему прислуживаетъ и радѣетъ о его денежныхъ интересахъ. *Интересъ* матеріальный и денежный — вотъ настоящій богъ поляковъ, которому они поклоняются. Они стали скуны, стали жестоки, жертвуютъ денежнымъ интересамъ самыми священными чувствами и привязанностями и трудно опредѣлить до какихъ размѣровъ простирается въ нихъ это направленіе. Находясь въ окрестностяхъ Житомира, я провелъ нѣсколько дней у одного аристократа помѣщика — поляка, который выказывалъ самое непреклонное достоинство и чрезвычайно гордился окружающимъ его аристократическимъ элементомъ. Случилось, что онъ, вслѣдствіе какого-то важнаго дѣла, поссорился съ своимъ экономомъ и — надо правду сказать — что споръ былъ самаго любопытнаго свойства. Разгнѣванный хозяинъ пробовалъ доказать эконому всѣми правдами и неправдами, что онъ его босаго въ домъ взялъ и изъ нищеты вывелъ, а слугитель доказывалъ владѣльцу въ наглыхъ, но ясныхъ выраженіяхъ, что безъ его посредства въ домѣ не осталось бы и куска хлѣба. Должно быть помѣщикъ согласился съ послѣднимъ доводомъ, потому что замолчалъ, и управитель остался на своихъ мѣстѣ. Какъ видно польское достоинство простирается до извѣстныхъ границъ. Вотъ еще случай, изъ котораго видно что слуги позволяютъ себѣ безнаказанно дѣйствовать по своему произволу. Помѣщая здѣсь писанное мною къ отцу письмо 7-го августа 1863 года, — письмо безъ пропусковъ, которое покажетъ вѣстѣ съ тѣмъ, что происходило въ то время въ Польшѣ: — «Чтобы дать понятіе о тѣхъ опасностяхъ, которымъ мы ежеминутно подвергаемся, скажу, въ *предостереженіе Тебѣ*, что всякій офицеръ, уличенный въ незаконномъ наборѣ рекрутовъ, разстрѣливается тутъ-же во время присутствія; если кто идетъ по улицѣ ночью, тотъ рискуетъ быть если не убитымъ то сосланнымъ по приговору военного суда, на извѣстное время, напримѣръ въ *Ольмюцъ* (Olmütz). Вотъ положеніе края въ настоящую минуту. Выѣхавъ изъ В..., въ среду, я прибылъ въ Ц..., въ четвергъ, въ девять часовъ ве-

чера. Путешествіе, разумѣется, совершалось въ *бричсъ* (врагу своему не посоветую когда нибудь ѣхать такимъ образомъ), и вся моя поклажа заключалась въ чемоданѣ, да въ саблѣ съ пистолетами, зарытыхъ въ солому, въ глубинѣ экипажа. Я былъ одѣтъ въ обыкновенное гражданское платье и казался существомъ такимъ безвреднымъ, что встрѣчавшіеся по дорогѣ крестьяне, преусердно кланялись и снимали шапки, принимая меня, должно быть, за польскаго землевладѣльца. Первую половину путешествія мы проѣхали благополучно, но въ Д... событія приняли другой оборотъ. Мы здѣсь застали только что прибывшій русскій отрядъ, и я долженъ былъ выдержать строгій осмотръ этихъ господъ, которые надо имъ отдать справедливость, довольно безцеремонно осматривали меня съ головы до ногъ. Однакожъ я представился мѣстному властителю: узнавъ приказанія національнаго правительства, онъ рѣшился отправить меня съ проводникомъ въ деревню С..., куда на слѣдующій день русскіе солдаты не могли прійти. Принявъ рекомендательное письмо къ помѣщику деревни С..., я отправился пѣшкомъ. Проводникъ несъ на спинѣ мой чемоданъ и тщательно пряталъ оружія подъ грубымъ большимъ плащомъ; это мужицкое одѣяніе, которое туземцы называютъ *бурками* (*bürka*). Ночь была темная и надо было идти очень осторожно, чтобъ не наткнуться на патруль. Однако мы ее избѣгнули: около часу уже шли мы по широкой аллеѣ, усаженной роскошными тополями, какъ вдругъ раздался крикъ „*Стои кто ты?*“ Въ первую минутѣ я подумалъ объ измѣнѣ проводника и хотѣлъ уже въ него выстрѣлить, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, еслибъ былъ остановленъ и повѣшенъ; но я ошибся; надо отдать справедливость польскимъ мужикамъ; мой честный товарищ отвѣчалъ съ большимъ хладнокровіемъ начальнику патрули, что мы крестьяне деревни С..., а будучи цѣлый день по зороботкахъ въ сосѣдней селѣ, возвращаемся домой. „*Dobrze*“ (ладно) съострилъ по польски русскій фальдфебель и солдаты насъ пропустили, не подозрѣвая, что у нихъ былъ подъ рукой *революционеръ*. Перекрестясь и вздохнувъ свободно, мы начали тихонько пробираться по тропинкамъ черезъ поля, до самой деревни С... Когда мы подошли къ замку, собаки долго и съ ожесточеніемъ на насъ лаяли, пока наконецъ лакей не отперъ намъ дверь. Мы ему объяснили причину позднаго нашего посѣщенія, но лакей оказался безжалостнымъ; не смотря на моленія и слезы провожавшаго меня крестьянина, онъ грубо захлопнулъ

дверь и скрылся. Къ несчастью, я не могъ даже отомстить этому звѣрю, такъ какъ въ ночное время въ особенности опасно шумѣть оружіемъ, дабы не привлечь вездѣ бдительную патруль. Трудно выразить тебѣ какъ я былъ раздраженъ неприятнымъ своимъ положеніемъ! Назадъ идти безуміе; идти впередъ не имѣю позволенія національнаго правительства, а остаться на дорогѣ тоже невозможно: солдаты ходятъ безпрестанно и съ разсвѣтомъ непременно взяли бы меня въ плѣнъ, такъ какъ я не имѣлъ бы возможности скрывать далѣе оружія. Наконецъ я положился на своего проводника и говорю ему: сведи моль меня къ честному человѣку. Проводникъ сначала подумалъ, припоминая, должно быть, гдѣ тутъ есть честный человѣкъ (вѣрно въ негостепріимной Польшѣ это рѣдкость), а затѣмъ съ рѣшительностью пошелъ по узкой тропинкѣ извивающейся между избами. Долго шли мы, погруженные въ неутѣшительныя мысли, какъ вдругъ до слуха моего долетѣлъ металлическій звукъ ружейнаго приклада и напомнилъ мнѣ, что я въ Польшѣ. Но едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ впередъ, какъ очутились передъ какимъ-то войскомъ, но только это были не наши друзья поляки. Объясненіе, спасшее насъ одинъ разъ, не могло служить вторично въ часъ по полуночи, и къ спасенію оставалось одно—скрыться. Имъ то мы и воспользовались и, безъ всякаго стыда, пустились бѣжать. Нѣсколько пудъ полетѣло намъ въ догонку, которыя просвистѣли у самыхъ ушей, но мы до того шибко бѣжали, что скоро опасность осталась позади насъ. Благодаря Богу и стараніямъ моего вожатаго, мы прибыли къ г-ну Д..., который принялъ меня, какъ истинный вельможа, радушно и ласково, несмотря на то, что я разбудилъ и поднялъ его ночью. Въ этотъ разъ я навалъ на дѣйствительно хорошаго человѣка, что замѣтно было и по восклицаніямъ его лакея, безпрестанно повторявшаго, *добрыи баринъ, добрыи баринъ* (dobry pan). У Г. Д..., хотя онъ и не партизанъ инсуреціоннаго движенія, я казался именно тѣмъ, чѣмъ быть въ дѣйствительности, т. е., благороднымъ французомъ, жертвующимъ своей жизнью для блага другой націи, тогда какъ другіе поляки, такъ много говорящіе о патриотизмѣ, смотрѣли на меня какъ на человѣка будто имъ же обязаннаго. О себялюбивая, неблагодарная нація! Отдохнувъ немного, я рассказалъ объ отказѣ лочера въ С..., и Г. Д... былъ не только удивленъ, но и взволнованъ такимъ случаемъ, а такъ какъ при моемъ рассказѣ присутствовали нѣсколько постороннихъ человѣкъ, то чрезъ нѣсколько дней

весь палатинатъ уже зналъ о моемъ приключеніи. Поляки любятъ сплетни и пошли одинъ другаго лучше чернить и охуждать поступокъ владѣльца С..., пока, конечно, не дошли слухи и до самаго виновнаго. Тогда послѣдній, испуганный не на шутку, велѣлъ передать мнѣ его извиненіе, и объяснить, что виновенъ былъ одинъ дворецкій. Не думай только, милый отецъ, что невѣрный слуга былъ наказанъ и выгнанъ, — ты бы страшно ошибся. Въ Польшѣ не тѣ убѣжденія, что во Франціи. Въ ней царствуетъ денежный интересъ и никакое чувство деликатности сюда не проникаетъ. Что скажешь ты на это, старый партизанъ польскаго вопроса?"

Въ Польшѣ бьютъ слугъ и крестьянъ только ради денегъ. Нищіе, бѣдные слуги и убогіе крестьяне узнаютъ французовъ по щедрости, а между тѣмъ одному Богу извѣстно, много-ли заключалось денегъ въ кошелькахъ несчастныхъ иностранцевъ, привлеченныхъ въ Польшу инсurreкціей. Вдали отъ своихъ семействъ и отъ отечества, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ походу, они часто остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни, а врожденное чувство гордости не позволяло просить милостыню у агентовъ національнаго правительства, которые никогда не предлагаютъ пособія первые. Вотъ каковы поляки и какими я ихъ видѣлъ самъ, вмѣсто того чтобы встрѣтить людей угнетенныхъ, какими ихъ описываетъ плодовитое воображеніе журналистовъ, въ то время какъ мы представляемъ лбы наши, подъ дождь московскихъ пуль.

Глава четвертая.

Иммунизация.

Въ чемъ заключалась польская распушка? Въ обыкновенной олигархіи. Когда, вслѣдствіе европейскаго движенія и неоднократныхъ совѣщаній европейскихъ державъ, правленіе подобнаго рода стало невозможнымъ, Царство Польское впало въ такое разрушительное состояніе, что рано или поздно нельзя было избѣгнуть окончательнаго раздѣла и, судя по положенію дѣлъ, Польшѣ угрожало рѣшительное паденіе. Польша отвергнула всѣ жѣрмы къ просвѣщенію, принятія другими державами; знатные тѣснили и пренебрегали народомъ, а избираемые короли, расходясь постоянно въ убѣжденіяхъ съ дворянствомъ, не были въ состояніи организовать постоянную армію. Въ 1772 году Царство Польское, сохранившее еще признаки средневѣковаго варварства, держалось среди образованной Европы, новсворѣ оно рушилось. Король Станиславъ Лещинскій говорилъ однажды, что Польша есть един-

ственная страна въ свѣтѣ, въ которой народъ не отдаетъ долга человѣческимъ правамъ, и чувства котораго застыли до забвенія милосердія и состраданія. Если мы оглянемся на прежнюю Польшу, начиная отъ основанія вплоть до ея раздѣленія, то навѣрное не встрѣтится ни одного историческаго факта, въ которомъ проглядывали хотя бы малѣйшіе признаки просвѣщенія поляковъ (1).

Они были варварами въ девятомъ столѣтіи, варварами остались и въ девятнадцатомъ. Послѣ девятисотлѣтняго существованія сущность ихъ убѣжденій осталась таже и нравы, обычаи и склонности почти не измѣнились (2). Въ отношеніи просвѣщенія польская нація всегда оставалась позади всѣхъ европейскихъ государствъ, и медленный и нерѣшительный ходъ ея событій можно приписать эгонистическому, отсталому вліянію дворянства и духовенства. Духовныя лица, короли, намістники королевскіе (вицекороли) и вельможи, имѣя въ виду только личный денежный интересъ, были всегда врагами политическихъ улучшеній. Въ то время когда Великая Екатерина, Фридрихъ и Марія Терезія раздробили полудикія провинціи, которыя своимъ отсталымъ взглядомъ задерживали успѣхи цивилизаціи, тогда иностранное владычество всѣми силами своего вліянія, налегло на этотъ испорченный народъ и могло бы со временемъ довести его до возрожденія, если бы дворянство (какъ классъ все таки болѣе просвѣщенный) сумѣло воспользоваться сдѣланными Россіей, Пруссіей и Австріей улучшеніями. И дѣйствительно, иностранное правительство во многихъ отношеніяхъ улучшило матеріальное и моральное положеніе поляковъ. Это подтверждается словами Мирославскаго, который говоритъ въ своей *Исторіи польской революціи*, о царствованіи императора Александра І такимъ образомъ: „менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ все Царство Польское стало изрѣзано путями вдоль и поперегъ сквозь лѣса, болота и пески, остававшіяся съ незапамятныхъ временъ непокорными всѣмъ усиленнымъ человѣческимъ трудомъ. Столица Варшава, съ 80,000 жителей (3), возсіяла изяще-

(1) Одинъ изъ ученѣйшихъ нашихъ географовъ писалъ въ 1820 году: Въ Царствѣ Польскомъ сглаживаются послѣдніе слѣды варварства, благодаря разумному управленію нынѣшнихъ правительствъ и примѣру нѣмецкихъ колоній, число которыхъ значительно увеличивается.

(2) Смотри историческое прим. по окончаніи главы.

(3) Нынѣ до 200 тысячъ жителей.

ствоиъ и роскошью, а архитектурныя и скульптурныя украшенія необыкновенно скоро наполнили древнюю Варшаву. Всякій наперерывъ старался оставить за собой право украшать городъ, и театры, дворцы, казармы, монументы, гулянья, площади и улицы, точно волшебствомъ, появлялись изъ хаоса, въ который были ввергнуты *своерравнымъ смышеніемъ чванства и ничтожества во время Республики.* Провинціи засѣялись и торговые города строились съ удивительной быстротой. Искусный бережливый министр обогащаль Царство и укрѣпляль международный кредитъ. Государственные доходы, доходили до 90 милліоновъ польскихъ злотыхъ. въ банкѣ хранился капиталъ въ 150 милліоновъ и въ главномъ казначействѣ оставалось запасныхъ 30 милліоновъ. Народонаселеніе значительно увеличилось въ 8 воеводствахъ Царства Польскаго: въ нихъ насчитывали до 4-хъ милліоновъ душъ (1). Войско въ 35,000 храбрыхъ воиновъ дополняло матеріальное благосостояніе Польши. Торговля (этотъ ненавистный промыселъ буйной польской шляхты) начала мало по малу входить въ обыкновеніе и производилась по мелочамъ, гуртомъ“ и т. д. Графъ Монталамберъ говоритъ въ свою очередь: „Императоръ Александръ І дароваль Польшѣ конституцію, обезпечивающую поляковъ тѣми же ручательствами, какія заключались въ грамотъ, дарованной Людовику въ ХVІІІ Франціи, включая свободное печатаніе книгъ и отиѣненіе конфискацій; кромѣ того предоставлялось право назначать губернскую администрацію по выборамъ дворянства, и сверхъ того вѣнялось въ обязанность выбирать членами парламентской камеры, только изъ кандидатовъ той же камеры. Слѣдовательно, этотъ документъ важнѣе чѣмъ уставъ 1807 года. Считаю лишнимъ перечислять здѣсь всѣ разумныя реформы, всѣ нововведенія, происшедшія въ теченіи первыхъ 20 лѣтъ послѣ окончательнаго раздѣла Польши и освятившія царствованіе императора Александра І. Достаточно каждому здравомыслящему человѣку оглянуться на прошлое, и онъ яено пойметъ, что безъ нихъ Польша осталась бы и до сихъ поръ страной почти необитаемой. Всѣ начала, данныя иностранцами и Россією къ просвѣщенію поляковъ, всѣ правила относительно прогрессивнаго движенія, привели бы націю къ свободѣ и независимости, если бы старая закваска польскаго общества, — это неисправимая ари-

(1) Въ настоящее время число народонаселенія возросло до 5-ти милліоновъ душъ.

стократы, — систематически не воспрепятствовала тому своимъ корыстолюбивымъ непониманіемъ истиннаго благосостоянія своего отечества.“

Вотъ аксіома, которую вся Европа въ теченіи двухъ лѣтъ безпрестанно повторяетъ Польшѣ: развитіе увеличиваетъ нужды, это правда, но за то, оно же умножаетъ способы къ пріобретенію средствъ къ жизни. Для каждаго есть уголъ въ свѣтѣ, если только онъ съумѣетъ найти и занять предназначенное ему судьбою мѣсто, а не будетъ стараться воспользоваться чужими правами. Если же, къ несчастью, находятся (какъ и всегда бывало) честолюбивые интриганты, которые не довольствуются своимъ положеніемъ и стараются перешагнуть за обыкновенный кругъ ихъ дѣятельности, то общественный порядокъ не можетъ принять на себя отвѣтственность за неизбѣжные пороки, происходящіе отъ самолюбія и тщеславія отдѣльныхъ личностей.

Однако подобныя заблужденія должны быть истреблены силою общественного порядка и надо, право, быть весьма недобросовѣстнымъ, чтобы не признать явнаго прогресса въ этомъ отношеніи у другихъ, болѣе передовыхъ, народовъ. Благодаря похвальнымъ усиліямъ науки и филантропіи, которыя неутомимо заботятся объ улучшеніи матеріальнаго состоянія людей, недостаточность произведеній становится не такъ замѣтной, несмотря на безпрерывное увеличеніе народонаселенія. Наука гигиеническая (о сохраненіи здоровья), столь необходимая для жизни, составляетъ въ настоящее время, предметъ неусыпной и разумной заботы общественныхъ дѣятелей. Съ другой стороны, толковое преподаваніе наукъ распространяетъ просвѣщеніе во всѣхъ классахъ общества и много способствуетъ къ развитію умственныхъ способностей. Что бы ни говорили, но въ настоящее время всѣ скорѣе стремятся къ нравственному развитію, чѣмъ къ матеріальному. Понятія развиваются свободнѣе, общественныя отношенія цивилизованныхъ народовъ становятся честибѣ, благосклоннѣе и великодушнѣе, чѣмъ у народовъ непросвѣщенныхъ, и пороки, эгоизмъ, алчность и гордость, встрѣчаются уже рѣже. Сословныя предразсудки тоже совсѣмъ исчезаютъ и законы исполняются справедливѣе; они не допускаютъ исключеній и остаются равны какъ для перваго, такъ и для послѣдняго; суды теперь производятся безпристрастнѣе, слабый находитъ защиту въ своей справедливости противъ сильнаго и въ жизни человѣка его вѣрованія и убѣжденія болѣе уважаются; одними словомъ, число несчастныхъ ежедневно убавляется и надо

сознаться, что мы дожили до того времени, когда человекъ умный и съ доброй волей никогда не будетъ нуждаться въ необходимомъ. По тѣмъ переиѣнамъ, которыя произошли вслѣдствіе образованія, можно судить и о тѣхъ, которыя сдѣлаются вновь, и можно представить себѣ, каковы будутъ послѣдствія прогресса, если люди будутъ настолько тверды и благоразумны, что будутъ продолжать стремиться къ общественному благу и станутъ искать счастья въ дѣлахъ положительныхъ и серьезныхъ, а не въ мнимомъ земномъ блаженствѣ (утопіи), которое, напротивъ, отдаляетъ настоящее благосостояніе. — Каждый разъ какъ европейскіе дипломаты были приглашаемы для совѣщаній о польскомъ вопросѣ, Польскіе всегда подавались благоразумные совѣты въ такомъ смыслѣ: во первыхъ представляли полякамъ очевидные примѣры благотворнаго вліянія цивилизаціи; во вторыхъ, ободряли, или вѣрнѣе, поощряли ихъ, приглашая принять участіе въ общемъ движеніи, дабы имѣть существенную возможность возстановить свое отечество. Самые высокіе политики, люди самаго строгаго взгляда, старались ясно доказать полякамъ, что изъ всѣхъ средствъ, благопріятствующихъ къ развитію человѣческаго разума и прямо ведущихъ къ его усовершенствованію, самое дѣйствительное *изученіе исторіи*.

Сколько разъ повторяли они полякамъ: „Разберите факты, которые заключаются въ національной исторіи вашего народа, и во всемъ увидите собственные ошибки, глубоко врѣзавшіеся слѣды вашего заблужденія и вы навѣрное ограничите или смягчите свои обычаи и склонности, задерживающіе движеніе въ цивилизаціи.“ Но въ отвѣтъ на всѣ безкорыстныя убѣжденія и ободренія, поляки всегда противопоставляли свою бездѣятельность. У нихъ всякія реформы были и будутъ невозможны. Здѣсь весьма кстати привести знаменитую выписку, служившую не малое время точкой опоры польскимъ панегиристамъ, въ расточаемыхъ ими похвалахъ польскому народу. „*Науки и искусства*» говорили они, *отъ того не подвигаются у поляковъ впередъ, что Польша находится подъ югомъ враговъ.*» Но любопытно знать, на чемъ основывали они это предположеніе, говоря такимъ образомъ? На какіе же данные опирались они, полагая и внушая за тѣмъ, что небудь Польша подвластна 3-мъ могущественнымъ державамъ, которыя содѣйствовали къ развитію политическаго образованія поляковъ, тогда значительно бы расширились ихъ предѣлы и тѣмъ скорѣе распространились науки и искусства? Являлись-ли поляки когда

нибудь и въ какомъ нибудь дѣйствіи, въ теченіи всей ихъ національной жизни, народомъ, просвѣтительнымъ и либеральнымъ? Конечно нѣтъ. Въмѣсто того, чтобъ идти наравнѣ съ сосѣдями, и искать случая воспользоваться прогрессивными движеніями, они постоянно ловили какіе то призраки, мечтали и подвигались не впередъ, а назадъ. Самъ Наполеонъ, цѣнившій поляковъ за ихъ личную храбрость, неоднократно совѣтовалъ имъ отбросить опасныя химеры, способныя скорѣй подвергнуть ихъ стыду, чѣмъ возратить потерянную (по собственной же ихъ винѣ) независимость. Императоръ Александръ II, въ бытность свою въ 1860 году въ Варшавѣ, не разъ повторялъ полякамъ: „Нельзя-ли обойтись безъ мечтаній?“ Но это однако не помѣшало полякамъ создать въ воображеніи *Польшу—властительницу*. Безумные! они никогда серьезно не думали о томъ, какъ-бы создать край образованный, а хотѣли создать изъ Польши край независимый и *вполнѣ* свободный. Маркизъ Вельпольскій вообразилъ было *Польшу* управляющуюся самой собою, — *Польшу* въ предѣлахъ Россіи. Онъ вѣроятно думалъ, что при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, одинъ, безъ обыкновенныхъ политическихъ переворотовъ въ Европѣ, разрѣшить польскій вопросъ, возвращеніемъ Польшѣ свободы, и кто знаетъ было бы это ожиданіе обмануто или нѣтъ? Но графъ Андрей Замойскій, во время своего свиданья съ императоромъ Александромъ, началъ говорить о волынской подольской, кievской и другихъ губерніяхъ, населенныхъ коренными русскими, и тѣмъ испортилъ все дѣло. Онъ захотѣлъ безъ боя, труда и славы побѣды, покорить титулы, по чести, воеводства и староства (пожѣстья въ Польшѣ), и предоставить ихъ алчности дворянъ — аристократовъ. Онъ хотѣлъ завладѣть тѣми губерніями, которыя во время оно принадлежали полякамъ по случайному обстоятельству и предложилъ императору нѣкоторымъ образомъ раздѣленіе Россіи. Если бы графъ Замойскій, подстрекаемый дворянствомъ, не сдѣлалъ такой капитальной ошибки что сосредоточилъ всю важность вопроса въ просьбѣ объ уступкѣ упомянутыхъ чисто русскихъ губерній, если бы онъ только просилъ самостоятельности въ административномъ управленіи одного только, такъ называемаго Царства Польскаго, онъ имѣлъ бы возможность достигнуть цѣли. Но и въ этомъ случаѣ, какъ вездѣ, и всегда они увлеклись мечтами и не достигли желаемаго, хотя на этотъ разъ (сама судьба покровительствовала полякамъ) надо благодарить Бога,

что счастливая случайность. сберегла ихъ отъ окончательной гибели т. е. удержала Польшу въ зависимости русскаго правительства. Графъ Монталамберъ утверждаетъ, что уже въ наше время поляки, съ истинно геройскою стойкостью, отвергнули теорію панславизма самаго будто-бы развратнаго смысла, которой придерживаются всѣ славянскія поколѣнія. Правда что они геройски ее отвергнули, но для того, чтобы приобрести право *себя* распространять эту самую теорію. „Прійдетъ время, говорятъ они“, когда и мы будемъ царствовать надъ всѣми славянскими народами. Пресвятая Дѣва Марія обѣщала намъ эту милость въ награду, и тогда мы покоримъ Россію. Нѣтъ ни одной женщины, которая бы свято не вѣрила въ эту аксіому. Такія пустыя мечты были бы тогда простительны, еслибъ онѣ могли по крайнѣй мѣрѣ сдрузжить поляковъ и соединить къ одной предпринятой цѣли, но увы! въ нихъ шевелятся тѣ-же корыстолюбивыя побужденія, тотъ же личный эгоизмъ и все тѣ-же беспорядки въ засѣданіяхъ и спорахъ. Баронъ Биньонъ, бывшій министръ Наполеона I въ Варшавѣ, разсказываетъ въ такихъ словахъ, что происходило въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ самаго государя: „Чтобъ избѣгнуть злоупотребленій отъ бесполезныхъ преній, наполеоновская конституція ограничила обязанности присутствующихъ лицъ въ государственной палатѣ, тихимъ подаваніемъ голосовъ на заданные въ важныхъ случаяхъ вопросы. До тѣхъ поръ, пока гофмаршалъ президентъ не закрывалъ засѣданія, предписанный порядокъ былъ соблюдаемъ; но когда засѣданіе кончилось, одинъ предсѣдатель уходилъ, а депутаты начинали другой сеансъ, въ которомъ они себя щедро вознаграждали за молчаніе и безъ препятствій предавались непреодолимому влеченію поболтать. Засѣданія безъ президента бывали тѣмъ болѣе бурны, что законныя засѣданія бывали ненарушимо тихи, покойны. Тогда, долго сдерживавшіеся члены, свободно изливали свою злобу; они раздражались обвиненіями, колкостями и быстро разгорялась язвительная въ полномъ смыслѣ слова—брань.—Въ нѣкоторыхъ неофициальныхъ засѣданіяхъ не доставало только, чтобъ члены вооружились саблями, дабы вполне дополнить сходство *этихъ* собраній съ прежними съѣздами (сеймиками). Такъ разбирались и государственные вопросы, такъ же, среди споровъ, противорѣчій и личныхъ интересовъ, подавали мнѣнія и голоса въ вопросахъ, которые должны были быть разсматриваемы на слѣдующій день, въ

официальному засѣданію. Тѣ, которые присутствовали въ настоящее время при засѣданіяхъ революціонныхъ комитетовъ, могутъ судить измѣнило ли время старый порядокъ совѣщаній? Если сравнить Польшу въ средніе вѣка съ современной Польшей, то вѣрное убѣдишься, что съ того времени до сихъ поръ несчастія и опыты не служили полякамъ наукой и ни въ чемъ не измѣнили ихъ отечества. И дѣйствительно, смотря на Польшу съ точки зрѣнія образованія, — трудно опредѣлить, въ какомъ положеніи она находится въ этомъ отношеніи! Кромѣ слегка прикрашенныхъ нравовъ народа, т. е. не крестьянъ, а шляхты и мѣщанъ, надо сознаться что поляки имѣютъ много общаго съ турками и бедуинами (бедуины кочевые аравитяне). (1) У нихъ одни и тѣ же понятія, та же лѣность и безпечность, то-же невѣжество и безчувственность, одинаковый фанатизмъ и надменность. Вообще можно было-бы провести очень замѣчательную и любопытную параллель между этими народами, если позволено только такъ выразиться. Обычаи и привычки такъ же неразумны, какъ неразумно устройство и въ матеріальномъ отношеніи. Они не объясняютъ себѣ смысла нѣкоторыхъ обычаевъ и часто не подумаютъ измѣнить и улучшить самыя обыкновенныя вещи, которыя по своему безобразному виду дѣлаются совершенно негодными къ употребленію.

Потребность комфортабельности не существуетъ. Всѣ бѣдны; отсутствіе вкуса къ изящному и ко всему, что способствуетъ къ щегольской обстановкѣ, придаетъ дому челоуѣка и въ самомъ дѣлѣ богатаго видѣ недостаточный и бѣдный, который съ перваго-же взгляда обладаетъ васъ холодомъ, тогда какъ высшая аристократія выказываетъ самую пышную роскошь, представляющую оригинальную противоположность съ ужасной нищетой крестьянъ. Нѣкоторые мало свѣдушіе авторы много распространялись о пер-

(1) Извѣстно, что польская шляхта, т. е. паны, происходятъ отъ единоплеменныхъ туркамъ азіатовъ—сарматовъ, собственно же народъ, т. е. крестьяне, (снѣтору), коренные жители Польши, — славяне, единокровные всѣмъ славянамъ, въ томъ числѣ и русскимъ, которыхъ покорилъ одинъ изъ вождей сарматскихъ, по имени ляхъ, и съ ихъ осѣдлостями и землями раздалъ ихъ своимъ сподвижникамъ, потомки которыхъ (паны) держали ихъ подъ своимъ игомъ до 19 февраля 1864 года. Ред.

воначалной простотѣ, чистосердечіи и простодушіи патріархальнаго польскаго народа! Еслибъ они потрудились объѣхать все Царство Польское, тогда были бы въ состояніи судить о чистотѣ этихъ патріархальныхъ нравовъ и убѣдились бы въ полномъ и скандальномъ развращеніи общественной нравственности. Для этого стоитъ посѣтить публичныя бани въ Краковѣ, Варшавѣ и Лембергѣ; стоитъ пожить хоть короткое время въ польской семьѣ и послѣдить за поляками въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ и внѣшнихъ отношеніяхъ, и въ особенности въ ихъ сношеніяхъ съ крестьянами и слугами. Войдите въ любой трактиръ, гдѣ титулъ путешественника даетъ всевозможныя права надъ бѣдными служанками, и вы увѣритесь, что Польша не думаетъ даже скольконибудь прилично и умно прикрыть тѣ безчестныя поступки, которые если и встрѣчаются въ другихъ краяхъ, то тщательно скрываются (1). Поляки грубы до непристойности и желанія ихъ простираются до самыхъ грязныхъ степеней. Сколько говорили, что поляки гостепріимны, снисходительны, благосклонны, набожны, полны довѣрія, но въ теченіи многочисленныхъ моихъ столкновеній съ поляками я ничего этого не замѣтилъ. Правда что прибѣжище дается щедро, но чувство гостепріимства совсѣмъ неразвито, и потому именно, что кочующіе жители имъ злоупотребляли. Это преданіе идетъ изъ восточныхъ странъ и никто не старается разъяснить насколько оно справедливо. По настоящему гость долженъ быть уважаемъ хозяиномъ дома, въ настоящее же время онъ считается не больше какъ проходнемъ, присутствіе котораго не замѣчается, который ѣсть, пьетъ и уходитъ, не

(1) *Прим. отъ переводчи.* Въ этомъ случаѣ авторъ не совсѣмъ правъ; хотя онъ на все смотритъ справедливо, но желчно, а на сей разъ увлекся: можно быть всей душой русскимъ, а все таки отдать справедливость въ этомъ (быть можетъ единственномъ) отношеніи полякамъ, у которыхъ никакъ нельзя отнять вѣжливость, деликатность, предупредительность и любезность, иногда переходящую даже предѣлы надобности. Они пріятные собесѣдники, въ особенности мужчины. Женщины дѣйствительно болѣе рѣзки, эксцентричныѣ, но и ихъ обращеніе рѣдко доходитъ до грубости. За то авторъ забылъ прибавить, что подъ личиной этой деликатности кроется много, много фальши и часто злобы, въ чемъ можно удостовѣриться, прочитавъ Катехизисъ народнаго ржонда. Въ немъ есть мѣста понятныя для каждаго русскаго, — мѣста, удерживающія каждаго отъ сближенія не съ *грубыми*, а съ *деликатными* и *въясными* полякомъ.

оставивъ по себѣ ни малѣйшаго сожаленія. На это, быть можетъ, отвѣтять, что поляки пріютили даже изгнанныхъ евреевъ, но это случилось потому, что поляки нуждаются въ жидахъ и не могутъ обойтись безъ нихъ; интересъ — ихъ Богъ, и слѣдовательно стоять на первомъ планѣ. Это скорѣй походитъ на черезчуръ заманчивое гостепрѣимство аравійское, о прелести котораго свидѣтельствовали африканскіе офицеры, служившіе съ нами въ рядахъ инсurreкціи. Что-же касается до чувства благосклонности, то оно какъ-то странно притупилось въ душѣ польскаго народа, чему служить доказательствомъ то, что духъ нетерпимости развитъ у поляковъ до бѣшенства. Но жидамъ не дали же правъ гражданскихъ? Ихъ выключили изъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, запретили пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній, били, презирали, обкрадывали, и только недавно иностранныя правительства признали нужнымъ обратить вниманіе на этихъ ростовщиковъ — паріевъ. Хорошо-же пріютили они евреевъ! Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ *снисходительные* поляки съ остервенѣніемъ бросались на иностранцевъ, если послѣдніе не снимали шапокъ и низко не кланялись передъ мишурными процессіями, какія только съ незапамятныхъ временъ, могло изобрести пылкое фанатическое воображеніе поляковъ. Кому случалось видѣть въ Испаніи или на югѣ Франціи, во время торжественныхъ церемоній, усеянныхъ цвѣтами улицы и молодыхъ дѣвушекъ одѣтыхъ въ бѣлое, идущихъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, чтобы сильнѣе выказать великолѣпіе и блескъ своего богослуженія, тому не менѣе интересно было-бы присутствовать въ Краковѣ на праздникѣ тѣла Господня; такого зрѣлища нигдѣ нельзя встрѣтить, потому что это самая смѣшная путаница изъ всѣхъ, какія только производилъ въ былое время народъ во Франціи при сватбахъ и вообще пиршествахъ. Здѣсь соединяются всѣ неистовые звуки: шумъ, крикъ, бѣненіе въ тазы, грохотанье, стукъ, бубны, цымбалы, котлы и т. д. Въ то время какъ духовныя процессіи изъ всѣхъ пятидесяти церквей (которыя насчитываютъ въ Краковѣ) двигались къ Гроцкой площади, со мной былъ одинъ проѣзжій негоціантъ изъ Парижа и мы съ нимъ силой вырвали изъ рукъ народа двухъ французовъ, которыхъ заставляли снять шапки, и которые изъ силъ выбивались, защищая себя отъ разъяренной толпы. Что-же касается до религіозныхъ чувствъ инсургентовъ, то надо сказать правду, что они не отличались утонченной деликатностью; инсургенты жгли храмы греко-

російскаго вѣроисповѣданія, цѣлыми еловыми деревьями. Благосклонность, милосердіе и воздержаніе, — все это добродѣтели гражданскія, которыя никакъ не могутъ быть примѣнны къ полякамъ. У нихъ, какъ и вообще у слабохарактерныхъ и падающихъ народовъ, преобладаютъ инстинктивныя чувства — зависть и ненависть. Каждое существо, почему бы то ни было поставленное выше себя, полякъ считаетъ опаснымъ, а соперника въ политикѣ или религіи онъ называетъ врагомъ, глубоко его презираетъ, бранитъ, а часто даже клеветаетъ на него. Виѣ своей личности, полякъ ничего и никого не любитъ, приписываемое ему чувство состраданія не возбуждаетъ въ его народолюбивомъ сердцѣ ни малѣйшаго сочувствія къ бѣднякамъ собратіямъ. Самъ-же онъ принимаетъ знаки участія и вниманія къ себѣ, съ такимъ презрительнымъ равнодушіемъ, которое и въ самомъ дѣлѣ подъ часъ можетъ заставить подумать, что такія выраженія благосклонности, только справедливо отданныя почести его мнимымъ заслугамъ и качествамъ. Говорятъ, что будто бы въ порывѣ энтузіазма, поляки такъ выражаются: *„Небо высоко, а Франція далеко,“* т. е. что все хорошее для нихъ недоступно, но хотя эта фраза громка и льстива, тѣмъ не менѣе никакъ нельзя полагаться на преданность и любовь поляковъ къ французамъ. Выраженное поляками сочувствіе къ Франціи въ продолженіи итальянской войны, далеко не походитъ на постоянное наше вниманіе къ Польшѣ, и я смѣло могу увѣрить нашихъ храбрыхъ солдатъ, что еслибъ австрійцы остались побѣдителями, то народонаселеніе Галиціи было бы до крайности доволью, они бы хлопали отъ радости въ ладоши и иллюминировали бы свои города и дома, и все это по той очень простой причинѣ, что въ рядахъ нашихъ непріятелей находились и галиційцы. Въ этомъ увѣрили меня не нѣмцы, а сами же поляки. Все выше приведенное указываетъ, что всякое даже хорошее чувство, но развившееся не въ нѣбру, можетъ вредить, что случилось на этотъ разъ и во Франціи, такъ какъ здѣсь любятъ Польшу болѣе, чѣмъ сами поляки. Въ моемъ, слишкомъ великодушномъ отечествѣ люди настолько довѣрчивы и добры, что часто жертвуютъ собственными интересами для пользы угнетенныхъ націй, но къ несчастію излишнее донкихотство большею частію не получаетъ и десятой доли должной благодарности, а мы все таки никогда не излѣчимся отъ нашей рыцарской вздорности. Мнѣ кажется намъ было бы полезно изучать характеры иностранныхъ народовъ, изучать не по одной на-

ружьи сторонѣ, а стараться вливнуть въ самую жизнь ихъ и посылать народныя преданія. Тогда быть можетъ французы и поумножились бы немного. Тогдабы узнали что и въ Польшѣ (какъ бы въ противорѣчіе громкой фразы, что небо высоко, а Франція далеко) самое поганое животное, называется въ шутку *французомъ*, что не очень для насъ лестно. Впрочемъ есть и во Франціи поговорка, которая если не острѣе, то справедливѣе; ее часто повторяютъ старыя брюзги за рюмкой водки, говоря „*не умитесь бы намъ какъ полякъ*“ (le souler comme un Polak). Не знаю ведетъ ли употребленіе крѣпкихъ напитковъ къ усовершенствованію въ цивилизаціи, но смѣло поручусь, что не приведетъ къ независимости. Я это говорю, основываясь на фактѣ: когда я служилъ въ инсurreкціи, то одинъ изъ моихъ начальниковъ генераль М... преимущественно напивался. Что сказать послѣ этого о набожности и религиозноиъ благородствѣ польскаго народа? Религія его заключается въ моральномъ оцѣпенѣніи, вслѣдствіе чего принимаются всѣ догматы безъ различія, и народъ вѣритъ всѣмъ мнимымъ чудесамъ, вымышленнымъ представителями ихъ вѣры, р. католическими ксендзами. Ксендзовъ этихъ можно справедливо сравнить съ восточными факирами, безконечно пламенными и изступленными, отъ которыхъ бы и самъ Христосъ отрекся и выгналъ бы, какъ торгующихъ, изъ храма (1). Хотя Польша еще съ десятаго столѣтія приняла р. католицизмъ, но въ ней и до сихъ поръ незамѣтно чтобы развивались святыя евангельскія слова, и печать благотворнаго вліянія ихъ не положена ни на чешъ въ цѣломъ краѣ. Кажется въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого народа! Вездѣ и во всемъ обращаютъ болѣе вниманія на внѣшній обрядъ нежели на сущность, на глубину дѣла, и какъ то странно поражаетъ полудикое смѣшеніе язычества съ настоящей вѣрой именно у тѣхъ личностей, которыя стараются выказать преувеличенную набожность; ваше религиозное чувство и вашъ расудокъ глубоко оскорбляются при видѣ низкой простоты, непростыщенности и разбѣяннаго взгляда р. католика на вещи, которыя называютъ *святыми*. Однажды я спросилъ у одного польскаго помещика о моихъ двухъ товарищахъ по инсurreкціи — французахъ, которые провели нѣсколько дней въ его домѣ. Но панъ *полякъ* очень холодно отвѣчалъ мнѣ, что онъ потерялъ этихъ господъ французовъ совсѣмъ изъ виду, да и не интересуется ими, тѣмъ болѣе, что считаетъ ихъ врагами польскаго вопроса, кото-

(1) Слово автора.

рые, кромѣ революціонныхъ замысловъ, вдобавокъ еще дурные христіане, *немолящіеся даже по вечерамъ*. И говорилъ это человекъ, составившій себѣ репутацію, какъ умный и серьезный человекъ. Мужики менѣе заражены фанатизмомъ, и только тогда вѣшиваются въ инквизицію, когда можно повредить дворянамъ или инсургентамъ. Разъ случилось мнѣ ѣхать съ французскимъ унтеръ-офицеромъ разыскивать людей, оставшихъ отъ отряда полковника Ж...., но замѣтивъ дорогой, что ящикъ, сидѣвшій на козлахъ нашей брички, какъ-то странно на меня поглядываетъ съ самаго отъѣзда, мнѣ стало неловко отъ такого видимо подозрительнаго наблюденія; проводникъ-же мой замѣтилъ мое смущеніе, поспѣшилъ объяснить загадку. „Я живу“, сказалъ онъ, „въ этомъ краю дольше чѣмъ вы, а потому позвольте дать вамъ одинъ советъ, который можетъ предохранить васъ отъ непріятностей. Если вы не станете кланяться всякому кресту, часовнѣ, или святому, которые ежеминутно встрѣчаются намъ на дорогѣ, то рискуете, что ящикъ выдастъ насъ австрійскому жандармскому корпусу прежде чѣмъ успеемъ доѣхать до мѣста. Съ тѣхъ поръ я сталъ усердно молиться всему, что хоть немного походило на святую икону, и деревенскіе жители стали со мной сговорчивѣе и уступчивѣе. Сдѣлавъ столько интересныхъ наблюденій, разобравъ по одному всѣ различные элементы польскаго народа и вникнувъ безпристрастно въ его отношенія, надежды и стремленія, станетъ ясно, что въ такомъ запутанномъ центрѣ нѣтъ мѣста для разсужденій, и всякая попытка выразить свой взглядъ и убѣжденія дѣлается вопросомъ на столько щекотливымъ, что поневолѣ приходится молчать, — всякое нововведеніе отвергнуть заранѣе, потому что оно непременно кого-нибудь да стѣсняетъ. Разсудокъ въ этомъ случаѣ не помогаетъ, такъ какъ въ серьезныхъ вопросахъ, равно какъ и въ самыхъ незначительныхъ, всякое разсужденіе дѣлается невозможнымъ; оно непременно переходитъ въ споръ. Нѣтъ предмѣта о которомъ могли-бы въ теченіи нѣсколькихъ минутъ говорить хладнокровно, и надо хоть нѣсколько дней пожить въ отечествѣ Пястовъ, чтобъ объяснить себѣ источникъ тѣхъ бурныхъ сѣздовъ, на которыхъ не обходились даже безъ оружія. Въ самыхъ пустыхъ разговорахъ какъ-то щетинятся и часто собесѣдники доходятъ до такихъ колкостей, что ежеминутно можно придратъся; въ особенности въ разговорахъ съ людьми *учеными*. Знаніе ученаго поляка — доктора,

наиметь его такой гордостью, что онъ чувствуетъ глубокое презрѣніе къ французской цивилизаціи и весь отдается своей профессіи, воображая, что ничего не можетъ быть выше той науки, которая ему стоила столькихъ трудовъ. Чувство подозрѣнія до того развито, что часто безъ всякаго повода выходятъ недоразумѣнія, ошибки и т. д. Въ характерѣ паціи нѣтъ правдивости, и пристрастныя дѣйствія дѣлаются до того замѣтны, что часто принимаютъ даже смѣшной характеръ, а иногда переходятъ въ хвастовство и ложь. Человѣкъ самоувѣренный, будь онъ хоть неучъ, считается въ Польшѣ человѣкомъ ученымъ, передъ которымъ всѣ склоняются. Я слышалъ разъ, какъ одинъ господинъ рассказывалъ въ довольно большомъ обществѣ о формированіи *зуавовъ* (*zouaves*) въ Испаніи, первымъ ея государемъ, и о томъ какъ Наполеонъ, восхищенный храбростью поляковъ, назвалъ ихъ войска *зуавами*, такъ какъ *зуавъ* есть древнее польское слово, означающее храбрость (?!!). Я ручаюсь за достовѣрность этого анекдота и могъ бы назвать фамилію этого господина, котораго всѣ съ благоговѣніемъ слушали, но что сказали бы тогда поляки? Самые мало-важные разговоры принимаютъ крутой оборотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хвастовство зайдетъ далеко и становится трудно выпутаться и придать видъ вѣроятности тѣмъ дурно сплетеннымъ баснямъ, которыми хотятъ заставить повѣрить сначала. Если вы заговорите о наукахъ и искусствахъ, слушатели поднимаютъ плечи, а если коснетесь литературы и упомянете имя одного изъ извѣстнѣйшихъ авторовъ, то васъ засыплютъ похвалами Мицкевичу и будутъ доказывать, что польскую литературу можно сравнить развѣ только съ греческой или римской. Никакія опроверженія не могутъ разубѣдить ихъ въ такомъ мнѣніи, а о французской литературѣ лучше и не начинать разговора, они навѣрное разбранятъ ее, и приведутъ для подтверженія своихъ словъ, одну аксіому американскаго автора Стефенса, въ которой онъ будто-бы справедливо говоритъ, что „французскія сочиненія изображаютъ распутную нравственность и такую порочную философію, что они срамятъ современную французскую литературу и недостойны быть произведеніями людей XIX столѣтія (1). Конечно для насъ такой отзывъ

(1) *Примѣч. отъ переводч.* Я нахожу, что американскій писатель Стефенсъ очень справедливо отнесся о французской литературѣ. Конечно, простиительно французу быть пристрастнымъ къ литературѣ своего отечества, но мы русскіе, можемъ то-же подтвер-

не можетъ быть лестнымъ и непріятно его слышать, въ особеннѣсти, когда знаешь, что поляки, даже самые скверные французскіе романы читають съ жадностью. Извѣстно, что польскій языкъ есть собраніе согласныхъ буквъ и заключаетъ въ себѣ шипящія звуки, особенно непріятныя для слуха. Извѣстно также, что польскій языкъ чрезвычайно смягчается въ порядочномъ обществѣ. Разговоръ между дамами, — точно щебетанье птицъ. Тутъ языкъ пріобрѣтаетъ и нѣжность и гармонію, но все же эта музыка далеко не равняется съ звучной величественностью русскаго языка, который богатъ и грамматическими оборотами и перестановкою словъ, и поддается вообще всякаго рода измѣненіямъ. Хотя, конечно, были и въ Польшѣ замѣчательные писатели, тѣмъ не мѣнѣ польская литература не можетъ стать на ряду съ сосѣдними ей литературами, и до сихъ поръ польскій языкъ служилъ только для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей въ жизни. Нервы равно раздражаются какъ въ разговорѣ съ мужчиной, такъ и въ разговорѣ съ женщиной. Въ Польшѣ женщины разсуждаютъ о предметахъ совершенно чуждыхъ ихъ существованію и ужасно горячатся и сердятся, не смотря на свою набожность (основанную на преданіи), если имъ не удастся тотчасъ и безъ препятствій достигнуть заранѣе предположенной цѣли. А потому, если человекъ, который съ ними разговариваетъ находить всегда кстати, да въ тому же неоспоримые отвѣты, то онъ превращается въ самаго злѣйшаго врага женщины — польки. Обиженные и униженные передъ логикой своего противника, который ловко рѣжетъ ихъ на каж-

дить, что никогда французская литература не пользовалась огромной славой; конечно, были гениальные умы, какъ напр. Вольтеръ, Мольеръ, и другіе; но въ такомъ маломъ числѣ, что теперь имена этихъ авторовъ почти сглаживаются подъ наплывомъ современныхъ посредственностей. Плодовитыя воображенія Февалей, Жоржъ-Зандовъ и тому подобныхъ не задумываются передъ романами, а Александръ Дюма, говорить, даже канцелярію завелъ, гдѣ сидятъ десятки головъ надъ сочиненіемъ романовъ, издаваемыхъ затѣмъ подъ именемъ соч. Дюма. Въѣдъ недурная афера? Изъ современныхъ французскихъ писателей можно исключить только одного талантливаго. — Виктора Гюго, да и то скорѣе потому, что за немѣнѣемъ рыбы и ракъ рыба. Что же касается до исторіи польской литературы, то она мнѣ положительно неизвѣстна, такъ какъ я польскаго языка не знаю, и потому ни за, ни противъ сказать ничего не могу. Много слышно похвалъ Мицкевичу, но въ чемъ состоятъ красоты его произведеній, въ несчастію, судить не могу, но думаю что

доть пунктъ, онѣ доходятъ до того раздражительнаго состоянія нервъ, которое близко къ слезамъ. Я бывалъ свидѣтелемъ очень интересныхъ сценъ, въ особенности когда дѣло касалось до народной эмансипаціи, и очень бы хотѣлъ чтобъ эти строки попались на хорошенькія глазки польскихъ барынь, вѣроятно оцѣнившихъ бы правдивость моихъ словъ. Однимъ словомъ—сословіе *слишкомъ образованное* сохраняетъ въ нашему современному просвѣщенію такое же презрѣніе, какъ мусульмане. Этотъ фактъ до того вѣренъ, что самъ графъ Монталамберъ, не будучи въ состояніи скрыть его, пробуетъ обратить его въ похвалу полякамъ: „Они не поддались,“ говоритъ онъ, „никакимъ прельщеніямъ и подкунамъ, какими отовсюду ихъ засыпали, и матеріальное благосостояніе, и цвѣтущую промышленность, и безчисленные способы къ улучшенію, и безконечный прогрессъ и чего — чего не сумли имъ, но они на все съ твердостью отвѣчали *нѣтъ!*„ И дѣйствительно это самое вѣрное опредѣленіе отвѣта поляковъ. Но для насъ недостаточно доказать, что Польша до сихъ поръ не воспользовалась прогрессивными познаніями, можно доказать также, что моральное усиленіе будетъ продолжаться вплоть до тѣхъ поръ, пока польскіе помѣщики будутъ принимать участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Прогрессъ, къ которому настойчиво стремятся люди въ настоящее время, заключается въ полномъ развитіи нравственныхъ и физическихъ способностей. Въ каждомъ народѣ образованный классъ работаетъ къ усовершенствованію менѣе счастливыхъ сословій, поставленныхъ своимъ состояніемъ на низкія ступени общественнаго положенія. Опытъ давно доказалъ уже, что народъ падаетъ, когда наука не идетъ впередъ, и когда всякое движеніе останавливается. Тогда только можетъ существовать народъ, когда все движется впередъ. Вездѣ, гдѣ шевелятся и возбуждаютъ энергію лучшіе мыслители, тамъ увеличиваются и общественныя имуществва, что служитъ не малымъ доказательствомъ, что гдѣ работаетъ и дѣйствуетъ умъ, тамъ являются и благотворные плоды его трудовъ. Между людьми стараго поколѣнія, одни управляютъ, унося съ собою свои предубѣжденія, невѣжество и рутинныя понятія, другіе, одаренные лучшими способностями и болѣе воспріимчивыми характерами, безпрестанно перемѣняютъ образъ мыслей, а нынѣшнее поколѣніе, съ неописанной быстротой, стремится и въ отзывахъ о своемъ поэтѣ, поляки многое преувеличиваютъ, со свойственною имъ пылкостью воображенія.

къ своему усовершенствованію. Такимъ образомъ, ежели общественное положеніе Польши не измѣнится совершенно, трудно предполагать, чтобы образованіе и прогрессъ проникли въ ея предѣлы. Шляхетство не составляетъ отдѣльнаго сословія; напротивъ я сказалъ уже, что каждый свободный человѣкъ имѣетъ право и, пользуясь имъ, присоединяется къ дворянству. А послѣднее держится того правила, что въ сношеніяхъ съ крестьянами надо вліять не на его разсудокъ, такъ какъ (будто бы) Богъ не одарилъ мужичковъ умомъ, а надо дѣйствовать на его чувства, или лучше сказать на его ощущенія. Весьма естественно, что при такихъ доводахъ ни самое Царство, ни народъ не могутъ находиться въ цвѣтущемъ состояніи, ни даже поддерживать свое существованіе. Высшій классъ неспособенъ къ трудамъ для общаго усовершенствованія, напротивъ того, онъ порывается возвратиться къ прежнимъ счастливымъ днямъ феодальнаго управленія, и по возможности увеличиваетъ народное невѣжество, что впоследствии передается и дѣтямъ, которые уже съ молокомъ всасываютъ тоже заблужденіе и предразсудки и выучиваются также дѣйствовать, т. е. ничему не учиться и ничего не забывать. Молодые люди, приготовляющіеся къ семейной жизни, или едва только женившіеся, ничѣмъ не лучше отжившихъ стариковъ, и семь милліоновъ людей должны стоять на точкѣ замерзанія, по милости нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, которые положительно стоятъ преградой на ихъ пути къ образованію. Если предоставить Польшу самой себѣ, то ей не предстоитъ никакой будущности, а тѣмъ менѣе хорошей. Тотчасъ возвратится крѣпостное право, барщина и всякое переселеніе сдѣлается невозможнымъ, такъ какъ крестьяне будутъ прикованы къ помѣщичьей землѣ. Польская нація тогда станетъ на ряду съ другими націями и съ покойной совѣстью отвѣтитъ предъ судомъ Божьимъ, когда и въ ней найдутся избранные мыслители, которые, давъ волю своей дѣятельности, воскресятъ и возстановятъ народъ. Но такія мысли не могутъ родиться въ *настоящемъ* составѣ польскаго общества, а потому его необходимо надо преобразовать, тѣмъ болѣе, что никакія улучшенія не могутъ привиться добровольно, и для всего нужны энергическія побужденія иностранныхъ правительствъ. Въ отвѣтъ на всякую мѣру къ образованію, дворянство (преимущественно) сѣтуетъ и выводитъ такого рода умозаключеніе, какъ будто бы у Польши хотять отнять самое дорогое ея достояніе, ея *свободу*. Такимъ образомъ, не смотря на установленіе законовъ и пра-

внѣ касательно проселочныхъ дорогъ, экипажей, домашнихъ животныхъ и работъ, признанныхъ полезными для общества и т. д. Слуги, возбужденныя деньгами аристократіи, будутъ всегда препятствовать общественному благосостоянію. Съ польскимъ дворянствомъ тогда только можно разсуждать о цивилизаціи, когда слова ваши сопровождаются блескомъ штыковъ и ружей. Классъ аристократическій обладаетъ въ Царствѣ Польскомъ несмѣтными богатствами, а число нищихъ, изъ которыхъ набираютъ инсurreкціонное войско, до того велико, что его вѣрно даже и опредѣлить нѣтъ средствъ. Только силой достигли возможности ввести въ Царство нѣкоторыя улучшения; но и въ настоящее время, не смотря на всевозможныя попытки, внѣшняя торговля и промышленность еще весьма въ незавидномъ положеніи. Города грязны (чтобы не сказать воочию), дурно вымощены, но тому виновато не правительство, а самые жители. Въ Краковѣ, напримѣръ, водосточныя трубы лежатъ наравнѣ съ землею. Но происходитъ ли это отъ нерадѣнія государственной администраціи? Разумѣется, нѣтъ. Это явное слѣдствіе административныхъ распоряженій, мѣстныхъ національныхъ властей. Въ томъ же городѣ, т. е. Краковѣ, на Гроцкой площади существуетъ (не назову памятникомъ) просто развалина, служащая приютомъ всякой сволочи, отъ которой заражено все народонаселеніе. И эти то развалины называются *рынкомъ*. Они загораживають и безъ того уже занятое пространство часовой башнею, караульною гауптвахтою и маленькою часовнею, возвышающеюся при въѣздѣ на Гроцкую площадь. Не будь этихъ рынковъ, площадь была бы очень красива, но еще до сихъ поръ не достигли возможности ихъ уничтожить, не смотря на то, что бесполезность такихъ базаровъ признана несомнѣнной. А почему такое бездѣйствіе? По воспоминанію, что въ этой окрестности, разоренной и опустошенной, когда то польскіе короли принимали посольства отъ тѣхъ могущественныхъ державъ, съ которыми Польша находилась въ дружелюбныхъ отношеніяхъ.

Безпорядки того края отзываются на самыхъ разнообразныхъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ учрежденіяхъ. Напримѣръ, на каретахъ и дилижансахъ не считаютъ нужнымъ зажигать фонарей, такъ что пѣшеходы рискуютъ быть раздавленными какъ собаки. Вообще—въ Польшѣ всегда опасно удаляться отъ большихъ дорогъ и ходить по деревнямъ, въ особенности въ Галиціи. Общая апатія и безпечность даютъ полную свободу домашнимъ животнымъ,

такъ называемымъ сторожамъ, и нѣтъ силы, которая могла-бы укротить ихъ неистовые порывы такъ, что и я, въ свою очередь, бывалъ жертвой нѣсколькихъ печальныхъ приключеній, а одинъ изъ французовъ, молодой поручикъ А...., едва не лишился жизни, ибо на его лошадь напалъ колоссальный дворовый пестъ, спущенный съ цѣпи и представленный всѣмъ причудамъ своего свирѣпаго нрава, такъ что г. А...., чтобъ избавиться отъ свирѣпаго животного, былъ вынужденъ убить его наповаль выстрѣломъ изъ пистолета. У одной знакомой дамы я жаловался (въ разговорѣ) на такое непростительное равнодушіе хозяевъ, оставляющихъ совершенно полудивныхъ животныхъ на свободѣ, и доказывалъ фактами, какъ было бы легко заставить собакъ слушаться. Дворовыя собаки изъ того же замка, хотя и мало знали меня, тѣмъ не мѣнѣе чрезвычайно скоро и съ удивительною кротостью стихали, услышавъ мой голосъ. Надъ замѣчаніемъ моимъ много смѣялись, но я таки добился, чтобы собакъ привязали, хотя уже и поздно, потому что въ одно прекрасное утро я едва спасъ семилѣтняго пастушка отъ разъяренныхъ деревенскихъ церберовъ, готовыхъ разтерзать на клочки свою несчастную жертву. Слѣдовательно, я не привожу бесполезныхъ метафоръ, и слова свои подтверждаю фактами, что видно также изъ слѣдующаго примѣра: Висла раздѣляетъ въ настоящее время Казиміровское предмѣстьѣ отъ Подгорскаго, такъ-же какъ она отдѣляетъ Варшаву отъ Прагскаго предмѣстья; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ рукавовъ Вислы протекалъ черезъ Краковъ въ концѣ той большой улицы, которая пересѣкаетъ еврейскій кварталъ, во всю его длину. Такъ какъ уровень Вислы понизился, вслѣдствіе различныхъ движеній земли, то во время лѣтняго сезона, рукавъ этотъ вѣрнѣе походить на болото или заразительный ровъ, лежащій сверху надъ теченіемъ, вслѣдствіе чего и небольшія лужи, которыя еще въ немъ не высохли, постоянно въ застоѣ. Сюда бросаютъ всѣхъ мертвыхъ животныхъ и неопратное это мѣсто испускаетъ такое зловоніе, что немудрено, если вслѣдствіе такихъ причинъ, смертность значительно увеличена въ той части города, о чемъ судить по безчисленному множеству маленькихъ кургановъ, ежеминутно попадающихся на еврейскомъ кладбищѣ, тутъ-же возлѣ устроеномъ, вѣроятно для увеличенія и безъ того уже достаточно зловреднаго смрада. Австрійская администрація хотѣла велѣть засыпать до верху знаменитый ровъ, но вопросъ этотъ заживо задѣлъ щекотливость цѣлой толпы вліятельныхъ людей и

вызвалъ явное сопротивленіе къ принятію этой мѣры, на томъ основаніи, — что будто бы на берегахъ этой вонючей лужицы, Костяшко сражался во время перваго возстанія, защищая приступъ къ Бракову. Конечно, воспоминанія должны быть дороги, и я самъ раздѣлю это чувство и исполнѣ его уважаю, но тѣмъ не менѣе сознаю, что бываютъ случаи, когда и самыми священными воспоминаніями надо жертвовать для общественнаго благосостоянія — въ особенности, когда онѣ видимо противорѣчатъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ правиламъ здраваго смысла. Такимъ образомъ станутъ понятны тѣ причины, по которымъ императоръ Александръ I уничтожилъ пожалованную имъ-же самимъ, конституціонную грамоту Польшѣ, въ особенности принявъ въ соображеніе тѣ ежедневныя сопротивленія, которыя встрѣчалъ императоръ въ центрѣ парламента и вообще во всѣхъ составяхъ государственнаго управленія. Понятно также, что послѣ всевозможныхъ попытокъ, прусскій министръ Флотевель пришелъ къ тому заключенію, что для того, чтобы дать ходъ цивилизаціи и образованію въ Царствѣ Польскомъ, надо уничтожить до корня даже и слѣды польской національности. Г. Флотевель, говоря о Герцогствѣ Познанскомъ, выразился въ одномъ изъ своихъ рапортовъ слѣдующими словами: „Послѣ всѣхъ соображеній, надо стараться объ успѣшномъ, скоромъ и тѣсномъ слитіи этой провинціи съ прусскою монархіей, устранивъ послѣдовательно, направленіе, привычки и наклонности, свойственныя польскимъ жителямъ, которые тщательно пренятствуютъ тому союзу; кромѣ того, болѣе и болѣе распространять элементы германской жизни, въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, для того, чтобы впослѣдствіи, благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ нѣмецкой цивилизаціи, была достигнута окончательная цѣль предпринятой задачи: положительное соединеніе двухъ національностей.“ Смію увѣрить, что поляковъ невозможно будетъ просвѣтить другими мѣрами, кромѣ тѣхъ, которыя развиты въ замѣчательномъ декретѣ прусскаго государственнаго человѣка. *Польскіе патріоты* желаютъ свободы для того, чтобы имѣть возможность остаться варварами.

Конецъ 4-й Главы.

(Продолженіе впрѣдъ).

БИРУТА И КЕЙСТУТЬ.

Историческія быяны, въ 5 дѣйствіяхъ и 8 картинахъ съ прологомъ въ 2-хъ картинахъ, изъ временъ литовскихъ князей Ольгерда и Кейстута.

П Р О Л О Г ъ.

Дѣйствующія лица въ прологѣ.

Бирута, дочь Видымунда.

Ригальда, вайделотка (помѣшанная отъ горя).

Кейстуть, литовскій князь Трокскаго уѣзда.

Григорій, русинь, — любимецъ и оруженосецъ Кейстута (15 лѣтъ).

Князь Юрій, молодой русскій витязь, — начальникъ передоваго отряда Кейстута (лѣтъ 26-ти).

Видымундъ, князь Полунги.

Сигмода, старикъ, лицо подвижное и плутовское.

Постельничій князя Видымунда — старикъ, сгорбившійся.

1-й	}	русины — латники изъ передовой дружины Кейстута.
2-й		
3-й		
4-й		

Литвинь, тоже латникъ изъ этого отряда.

Соколъ, русинь, — конюхъ Кейстута.

Два рыбака.

Манка Бируты.

Князя, бояре (литвины и русины), дѣти боярскія, дѣвцы, служанка Бируты.

Первая картина.

Сцена представляет морской береговой откосъ (мысъ) примыкающий къ скалѣ,—на которой виднѣн храмъ *Прауримы*. Въ глубинѣ сцены море, сливающееся съ горизонтомъ. Небо чистое, безоблачное—солнце склоняется къ западу. Легкій вѣтерокъ чуть—чуть зыблетъ водяную гладь,—у берега слышенъ слабый плескъ волнъ.

Я В Л Е Н І Е 1-е.

Ригальда (Медленно сходитъ по уступамъ скалы. Съ головы ея въ безпорядкѣ спускается внизъ покрывало изъ бѣлой ткани. Дубовый вѣнокъ, надѣтый на голову, прикрѣпленъ къ покрывалу. На шеѣ рядъ стеклянныхъ самыхъ мелкихъ бусъ разнаго цвѣта, съ позолотою, ниже ихъ бронзовый обручъ, еще ниже ожерелье изъ маленькихъ бубенчиковъ, съ перехватами между ними изъ крупныхъ янтарей. Платье ея бѣлое, изъ такой же ткани какъ и покрывало, похоже на греческія или римскія тунки,—руки почти до плечъ обнажены. Талия перехвачена поясомъ (бронзовымъ), отъ котораго спускаются къ колѣнамъ ременные 2 пояска, украшенные бронзовыми частыми обручиками: эти пояска поднимаютъ платье въ разрѣзахъ почти къ колѣнамъ и окончиваются дѣвичьими бубенчиками, ноги одѣты въ сандали, на рукахъ браслеты и кольца. Сойдя со скалы, она подходитъ къ водѣ, молча снимаетъ съ своей головы дубовый вѣнокъ и поетъ).

Разплетися... разплетися

Рутяный (*) вѣночикъ,

Ты развѣйся... разогнися

Зеленый дружочикъ...

Да..... да..... да.....

Зеленый дружочикъ....

(Сначала она обрываетъ листья съ вѣнка и бросаетъ ихъ въ море, потомъ вѣнокъ разрываетъ на части и бросаетъ туда же). Плывите, рутяные листочки, далеко, далеко..... Плывите туда, гдѣ мое красное солнышко.

(*) Она не помнитъ ничего и по этому все мѣшаетъ и называетъ по своему. Въ сохранившихся литовскихъ пѣсняхъ зачастую воспѣвается рутяной, и не какой либо другой, вѣнокъ. (Авт.).

це закатилось..... гдѣ на высокой горѣ онъ спитъ вѣчнымъ сномъ, подъ зеленымъ покровомъ.... Пристаньте къ тому берегу и съ нимъ повидаетесь.... его косточки поцѣлуйте.... Скажите ему, что я несчастная сирота.... Кто приголубитъ меня теперь, кто поцѣлуетъ меня, кто скажетъ мнѣ сладкое слово. кто принесетъ мнѣ пахучую розу, кто заколетъ мнѣ въ черную косу бѣлую лилію?..... *) (Поднимаетъ глаза къ небу) *О Литува милая Литува!* ты скрылась въ пространствѣ небесъ.... въ голубой лазури и счастье мое унесла съ собою.... О, пожалѣй меня несчастную вдову, сойди съ неба и возврати мое счастье... моего прекраснаго юношу... моего храбраго витязя изъ могильнаго кургана [опускается на колѣна]. Святая *Праурима*.... прости мнѣ.... вырви изъ меня мое бѣдное сердце!... [Увидѣвъ себя въ водѣ]. Ты говоришь?..... Что ты говоришь?... Ты прощаешь меня?..... Я увижу его?... [Кричить]. Я опять увижусь съ нимъ!!? [Эхо вторить]. Увижу!!!..... Увижу снова моего мужа!.... О, *Праурима*, какъ ты добра!.... Я сама пойду на встрѣчу къ нему; я обмою ему раны.... Я поплыву по морю.... нѣтъ, я птичкою полечу [поетъ].

«Птичкою порхну я, рѣчкою я кану.

«А кручину—горе,—унесу съ собою...

«Слезу ли увижу, иль черную рану,

«Осуну я слезы и рану обмою....

[Въ это время недалеко отъ берега проплываетъ лодка съ двумя рыбаками, которые готовятъ закидывать сѣти. Съ лодки несетъ пѣсню).

«За рыбами, за камбалами

«Мы поплыли въ море.

«Въ сердитый холодный вюръ

«Боже *Дивосвитисъ*, спаси насъ

«И нашу старую лодку».

[Плывутъ далѣе].

Ригальда [Поднимается и смотритъ на пловцовъ]. Это мой мужъ ѣдетъ!.... онъ плыветъ ко мнѣ?!.... [кричатъ] Борисъ мой!.... ко мнѣ. [Вздрагиваетъ отъ шума набѣжавшаго небольшого вала и начинаетъ снова смотреть въ воду]. Нѣтъ! онъ не плыветъ.... Вонъ онъ гдѣ.... въ ужасномъ бою... Чу! какъ гремитъ и стучитъ браннымъ оружіемъ... Вездѣ текутъ ручьи крови.... Вонъ.... вонъ онъ на бѣломъ колѣ,

*) И розы и лиліи воспѣваются въ литовскихъ пѣсняхъ. [Авт.]

рубить мечемъ!..... что?... что это?... его ранили?... его... убили.... [Врещитъ]. Ахъ!... отдайте мнѣ его.... отдайте!...

Я В Л Е Н І Е 2-е.

Ригальда и Бирута.

Бирута [Выходитъ на откосъ. На головѣ ея золотая діадема, украшенная жемчугомъ; къ діадемѣ прикрѣплены 2 кольца, въ которыхъ заплетена коса. На шеѣ нѣсколько рядовъ нитокъ жемчуга, на рукахъ золотыя браслеты и кольца. Бюстъ ея изъ темной полосатой ткани, фасонъ его похожъ на бюстъ Ригальды. Подходя къ ней] Ригальда!.. за чѣмъ ты пришла сюда?...

Ригальда [Быстро оборачивается и увидавъ Бируту, падаетъ предъ ней на колѣна]. *Мильда.... Мильда!....* Ты заронила въ мое сердцѣ пылающую головню!.... ты послала сына твоего крылатого *Кауни-са* узвить стрѣлой мое сердце.... ты....

Бирута. Ригальда, опомнись!....

Ригальда [продолжаетъ] ...должна отомстить *Кавасу* за смерть моего Бориса.... О сжался *Мильда!....* сжался... пошли *Кауни-са* за нимъ, за моимъ прекраснымъ юношей и храбрымъ витяземъ. Пусть онъ не воюетъ... Мнѣ не нужно ни золотѣ, ни дорогихъ камней.... Мнѣ нуженъ онъ самъ, его жизнь и ласки....

Бирута [пожимая плечами] святая Праурима!.... спаси Ригальду, она совсѣмъ помѣшалась бѣдная....

Ригальда. Мильда!... прекрасная Мильда!.. Не разлучай меня съ моимъ Борисомъ!... Мнѣ разстаться съ нимъ нельзя.... ни какъ нельзя [показываетъ на сердце]. Вотъ здѣсь.... его залогъ любви.... [поетъ]:

«По камнямъ струится рѣчка *)

«Тихою струею....

Бирута. Ригальда!... бѣдная Ригальда!.... опомнись! я Бирута....

Ригальда [продолжаетъ пѣть].

«Ты о чемъ такъ горько плачешь

«Дѣвица надъ нею?....

*) Это пѣсня старинная литовская и передѣлана мною на русской языкъ.

«Какъ мнѣ бѣдной безпамятной

«Не грустить жестоко?

«Я ношу кручину въ сердцѣ

«Тайно, одиноко...

«И отъ той кручины горькой...

«Нѣту мнѣ спасенья

«Кромѣ слезъ однихъ съ надеждой

«Тайнаго мученья...

«Я желаю чтобъ разсталось

«Тѣло бы съ душою.

«Тѣмъ бы онъ на вѣкъ разстался

«Съ бѣдною со мною!... [Перестаетъ пѣть и обвиваетъ руками ноги Вируты].

Я В Л Е Н І Е 3-е.

Т ѣ ж е и князь Юрій.

Князь Юрій. [На немъ славянской шлемъ. На веру болгарскаго кафтана надѣты латы, чрезъ плечо на перевязи перекинута турецкая сабля, кафтанъ перевязанъ внизу латы персидскимъ кушакомъ, шаровары зеленые, шолковые, сапоги желтые]. Пригоже ли молодой княжнѣ одной по берегу моря ходить!?!...

Вирута [его тономъ]. Пригоже ли князю и храброму витязю подсматривать?!...

Князь Юрій. Княжна! видитъ Богъ не подсматривать.... А такъ—раздумье меня взяло, когда я съ веру увидѣлъ твою милость съ этой полоумной [показываетъ на Ритальду]. Рѣчей то я вѣдь не разслышалъ, а вижу она больно мечется.... Думаю, долго ли до хрѣха-то, ужъ не топить ли она задумала.... Такъ одной княжнѣ не справиться.... Дай пойду молю провѣдаю....

Вирута. Князь! ты христіанинъ, а язычница, но законъ и вамъ и намъ запрещаетъ смѣяться надъ помѣшанными людьми...

Князь Юрій. Полно, княжна, не грѣши!.... у меня и въ ужѣ—то не было охоты смѣяться надъ ней... Я вотъ уже почитаю три недѣли здѣсь и каждый день ее вижу на этомъ мѣстѣ... одинъ разъ въ воду бросилась... насилу я ее вытащилъ... Такъ до смѣху ли?!..

Вирута. Охъ, князь! велико ея горе.... Она прежде была ирляндкой, вышла замужь за одного болгарина русина, Бориса....

Отъ былъ первымъ бойцомъ у тоего отца во всякой битвѣ... Вотъ ровно годъ тому назадъ какъ отецъ мой ходилъ на нѣмцевъ,—взялъ и его съ собой, но онъ оттуда не возвратился... его, какъ всѣ наши говорятъ,—убили ляхи, на которыхъ наткнулся мой отецъ.... Получивъ извѣстiе о смерти мужа, она сейчасъ же поступила въ вайделотки въ храмъ Праурины... Но не могла молитвой превозмочь свое горе и сошла съ-ума.... Другiе говорятъ, что его нѣмцы полонили и....

Ригальда. [Все это время внимательно слушавшая и смотрѣвшая на князя Юрія, встаетъ на ноги]. Ахъ!.... это ты Борисъ!... я узнала тебя.... Ты опять пришолъ ко мнѣ.... Гдѣ жъ твое конье?... Гдѣ жъ твой щитъ?... Гдѣ твоя рана?—дай я ее обмою!.... [Приближается къ Юрiю, который патится].

Князь Юрiй. Сердечная!....

Ригальда [стоитъ на одномъ мѣстѣ и долго всматривается въ Юрiя]. Нѣтъ, это не Борисъ.... это не мой прекрасный юноша!... это гадкая собака изъ рижской псарни.... скверный хищный ястребъ нѣмецъ.... Это ляхъ.... убійца моего мужа.... О, погодите.... погодите, мы истопчемъ вашу польскую землю.... мы обмоемъ васъ, кровожадные ляхи... [Бросается на него съ кулаками].

Князь Юрiй. Я не ляхъ и не нѣмецъ [Увертывается отъ нея] я русинъ.... витязь изъ дружины Кейстута...

Бирута [Удерживаетъ Ригальду]. Онъ идетъ искать твоего мужа.... И если не найдетъ, то отомститъ ляхамъ за смерть его.

Ригальда [къ Юрiю] О, милой витязь!.... найди мнѣ моего Бориса.... Его убили.... Его нѣмцы бросили въ море... Вонъ туда [Указываетъ на море] ...Вонъ онъ лежитъ весь окровавленный.... Чу!.. онъ стонетъ.... зоветъ меня къ себѣ.... Иду, иду, мой прекрасный витязь! [Бросается въ море, Бирута вскрикиваетъ, а князь Юрiй бросается за ней].

Князь Юрiй [Выноситъ на рукахъ изъ воды Ригальду]. Вотъ, княжна, вѣрно самъ Богъ послалъ меня сюда на ея спасенье.... Другой разъ вытаскиваю ее изъ воды.

Ригальда [на рукахъ Юрiя]. Борисъ... мой милый Борисъ!... Куда ты меня несешь?... На скалу вѣчнаго блаженства?...

Князь Юрiй. Къ мужу....

Ригальда. Къ какому мужу?... У меня нѣтъ мужа... Его убили скверные латинцы [Несмотря на всѣ усилiя князя Юрiя удержать ее, она вырывается].

Бирута. Ригальда... мужъ твой ожидаетъ тебя тамъ [показываетъ на скалу] въ храмѣ святой Прауримы... спѣши туда.

Ригальда [къ Бирутѣ]. О, Мильда!... добрая Мильда!... ты возвратила моего прекраснаго юношу!... Я пойду къ нему, я обовью его своими руками, я скажу ему сладкое слово, согрѣю ему грудь и сладко поцѣлую его. [Бѣжитъ на скалу]. Иду... иду къ тебѣ мой мужъ! [напѣваетъ].

«Возвратилъ мнѣ моею юношу

«Миленькій крылатый божокъ Каунисъ.

(На половинѣ дорожки останавливается, долго смотритъ внизъ на Бируту и Юрія, начинаетъ дико хохотать, потомъ съ визгомъ и воплемъ, бѣжитъ на верхъ и скрывается отъ глазъ зрителя).

Я В Л Е Н І Е 4-е.

Тъ же безъ Ригальды.

Бирута. Видишь князь.... сколько зла отъ любви—то?!.. Остерегайся, князь, этого жгучаго огня Мильды.... не люби ни ко-го, а то также будешь страдать!..

Князь Юрій (Послѣ молчанія). Такія рѣчи непристали къ молодой княжнѣ... Ихъ можно только слушать изъ устъ пожилыхъ старухъ.... А тебѣ княжна далеко—да еще какъ далеко-то до старухи!..

Бирута. Я только говорю, что огонь Мильды страшнѣе и жгучѣе всѣхъ огней....

Князь Юрій. Вѣдаю княжна.... все вѣдаю.... Да вѣдь есть у насъ пословица: на всякой день не спасешься....

Бирута (Съ большимъ любопытствомъ) Ужъ не обжогся ли ты, князь?...

Князь Юрій (Махаетъ рукой и краснѣетъ) Такъ и быть, тебѣ княжна скажу, другимъ ни кому, матери родной не скажу... а тебѣ откроюсь.... Эхъ княжна! что ужъ отъ огня беречь того чело-вѣка, который весь огорѣлъ давно!..

Бирута. Неужто?... Бѣдный князь!

Князь Юрій. Да что много толковать!... Красна дѣвица ровно зельемъ какимъ меня къ себѣ приворожила.... Хожу какъ шальной днемъ—то, а ночью глазу не сомкну... все то мнѣ про нее думается, все мерещится... Только и полегчаетъ на сердцѣ, когда

ее увидишь, да словомъ и взглядомъ помѣняешься.... Прежде въ дальнихъ-то сторонахъ горевалъ, тосковалъ по своей родной сторонѣ, а теперь и матушку забылъ, только и... (спохватившись)... Забудешь про все, какъ помотришь на нее... (робко смотритъ на Бируту). Не даромъ ее Мильдой называютъ!.. Да что Мильда!... Она красивѣе ее.... Я видалъ бронзовую Мильду и въ Трокахъ у князя, и у тебя, княжна, въ покояхъ, но моя красна лѣвица не въ примѣръ лучше ее. Видитъ Богъ не вру.

Бирута. Кто жъ эта такая твоя Мильда-то?

Князь Юрій. Нѣтъ, княжна, не скажу.... Гнѣвись не гнѣвись, а не скажу...

Бирута. Что такъ?! Или боишься за тайну... не бойся не выдашь ее.

Князь Юрій. Ни кого и ни чего я не боюсь, а до поры до времени даль зарокъ себѣ эту тайну довѣрять только моему бузатному дружку (показываетъ рукой на мечъ).

Бирута. Да она здѣшняя?

Князь Юрій. Здѣшняя...

Бирута. Русинка или литвинка?

Князь Юрій. Ли.... Да на што тебѣ?

Бирута (Обезоруживаетъ его своимъ взглядомъ). Да, такъ!

Князь Юрій. Литвинка.

Бирута. Мірянка или вайделотка?

Князь Юрій. Все будешь знать, — скоро состарѣешься, княжна...

Бирута. Князь! я больше не буду докучать тебѣ разспросами... Отвѣть только — мірянка она, или вайделотка?

Князь Юрій. Мірянка... (Далѣе молчаніе. Взоры ихъ встрѣчаются и первый потупляется къ Юрію).

Бирута (Послѣ молчанія). А вотъ я, князь, ни кого не люблю, да и любить не стану....

Князь Юрій. Кто вѣдаетъ?... Можетъ такой случай придетъ и полюбишь... Сердце — то не камень.... Приглянется какойнибудь удѣльный князь и увидишь ты за него замужь, и расцвѣтешь ты краше прежняго, и будешь ты ему дорога и мида.... А я... я князь простой.... Въ ножнахъ булыжный мечъ, да буйная головушка на плечахъ.... Есть и угоды около Городни.... да вѣдь угоды не удѣлы.... Одначе я съ тобою, княжна, заговорился, а тамъ — чай твой батюшко по всему замку меня ищетъ....

Прощенья просимъ, княжна красавица... За хлѣбомъ солью увидимся....

Бирута. Пстой, князь!... Скажи ты мнѣ скоро ли придетъ самъ Кейстутъ... и куда вы отъ насъ пойдете?

Князь Юрій. Да самого князя надо ждать либо завтра, либо послѣ завтра, а куда мы пойдѣмъ,—это о кромѣ его самого никто не знаетъ, не вѣдаетъ... У Кейстута и Ольгерда ужъ такой обычай ни кому не говорить, куда поведутъ свои дружины....

Бирута. Должно быть на нѣмцевъ, на этихъ коршуновъ....

Князь Юрій. Князь Кейстутъ меня послалъ съ передовой дружиной къ твоему батюшкѣ, велѣлъ мнѣ ему бить челомъ и просить, чтобъ онъ набралъ изъ своихъ жмудиновъ и литвиновъ вспомогательное войско... Больше мнѣ онъ ничего не говорилъ, не приказывалъ.... Полагать нужно, что на нѣмцевъ, а то куда жъ еще?... На ляховъ, али на татаръ отъ Трокъ-то ближе...

Бирута. Ну дай вамъ Кавасъ счастья на войнѣ..... Я буду во весь вашъ походъ молиться нашимъ богамъ о скоромъ и благополучномъ возвращеніи.... Буду просить нашихъ боговъ, что бы наши дружины отомстили этимъ длиннохвостымъ ястребамъ за осаду Пилоны... Пусть тѣнь Германанды выйдетъ изъ могилы и будетъ сопутствовать вамъ во всякой битвѣ..... Ступай, князь, ступай, а то и впрямь мой отецъ хватится тебя... Да и люди злые могутъ примѣтить насъ здѣсь..... Будутъ, пожалуй, говорить небылицы.....

Князь Юрій. (Не спускавшій все это время съ Бируты глазъ). Иду, княжна.... иду; только сама ты—то, да еще и одна, почто посѣщаешь такое пустынное мѣсто?....

Бирута. Скажи мнѣ, князь, сперва,—какъ зовутъ твою Мильду, и я скажу тебѣ зачѣмъ вышла на берегъ...

Князь Юрій. Нѣтъ, княжна, ни кому я имени ея не скажу—ни за жизнь.... Она и сама про то не провѣдаетъ.... И ей не скажу, а свою печаль—тоску сложу вмѣстѣ въ могилу съ моею головошкой....

Бирута. Для чего же ей объ этомъ не узнать?

Князь Юрій. Для того, что не слѣдъ мнѣ любить такую красавицу.... За нее и получше и богаче меня женихи сватались, да не захотѣла выходить замужъ ни за одного...

Бирута. Можетъ ей тѣ не по сердцу приходились!

Князь Юрій. Я не лучше ихъ и не знатнѣе, значить и толковать объ этомъ нечего..... Прощенья просимъ, молодая княжна клянется въ поясъ и идетъ, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, возвращается назадъ). Княжна, не гнѣвись на меня за то, что я тебѣ молвлю: оторви отъ лѣваго плечика маленькой кусочекъ золотыхъ позументовъ твоихъ и дай мнѣ....

Бирута. За чѣмъ тебѣ, князь?

Князь Юрій (Со вздохомъ). Да такъ... -для памяти.... Можетъ быть на бранномъ полѣ умирать придется... такъ.... такъ "Голосъ его дрожитъ", все съ нимъ легче....

Бирута. Коли такъ мой позументикъ дорогъ для тебя, возьми хоть всю оборку..... А можетъ вмѣсто позумента—колючко возьми?... Оно для памяти—то лучше?.... Какъ думаешь ты, князь, объ этомъ?

Князь Юрій. Я и думать-то объ этомъ боюсь; да ужъ коли милость твоя есть на это, такъ подари колючко; можетъ съ нимъ счастливиѣе въ бою буду....

Бирута (Снимаетъ съ своей руки одно толстое золотое колючко въ формѣ согнутой змѣи). А что скажеть, какъ провѣдаетъ объ этомъ твоя Мильда? (К. Юрій молчитъ, Бирута подаетъ ему колючко). Приими, князь Юрій, это колючко.... золотую змѣйку..... Коли ты забудешь меня, то эта змѣйка засосеть у тебя сердце и заставитъ вспомнить обо мнѣ....

Князь Юрій (Забывшись). Тебя то не помнить, княжна?!.. Тебя то забыть?... Да вѣдь ты краше Миль... (Вспохватившись). Вѣкъ буду помнить!..... Да ужъ будь милостива—надѣнь сама на мою руку, твое колючко.....

Бирута. Изволь князь (Надѣваетъ кольцо ему на руку).

Князь Юрій. Спасибо тебѣ, княжна, за привѣтъ и ласковое слово... Сбасибо за колючко золотенькое..... Ни кто не вырветъ его изъ рукъ моихъ, ни кому не отдамъ его..... И самъ не сниму до поглы.... Беречь буду какъ душу свою, а въ бою будетъ оно щитомъ моимъ.... (Кланяется). Осчастливила ты меня, княжна, ожила.... И во снѣ—то объ этомъ подарочкѣ мнѣ не снилось... Спасибо тебѣ (Снова кланяется и идетъ).

Бирута (Вслѣдъ ему). Князь Юрій! (Онъ останавливается). По вѣковымъ обычаямъ русиновъ и литвиновъ, на всякой подарокъ должно отдавать..... Вотъ и тебѣ слѣдуетъ меня чѣмъ нибудь подарить.....

Князь Юрій. Чѣмъ же тебя дарить-то, ужъ я право не при-

думаю; колець у меня нѣтъ, серегъ я не ношу,—монеть у тебя и своихъ много..... Ужъ развѣ?...

Вирута. А вонъ что это у тебя, князь, на рукѣ-то, подъ рукавомъ кафтана, чернѣется?.....

Князь Юрій. Это матушкины четки.... Она надѣла мнѣ ихъ при прощаньи..... Да вѣдь ты ихъ не возьмешь; на нихъ крестъ христіанскій есть....

Вирута. Дороги они для тебя?

Князь Юрій. Еще бы нѣтъ!..... Матушка моя во слезахъ мнѣ ихъ вручила.....

Вирута. Дай мнѣ ихъ.....

Князь Юрій (Колеблясь). Княжна! да для чего тебѣ они?... Вѣдь носить ты не станешь ихъ, зане кресты на нихъ есть...

Вирута. Да вѣдь кресты—то твои не латинскіе?... Они съ твоей матери—русинки....

Князь Юрій. Извѣстно не латинскіе, а православныя.... Д все равно, ты носить ихъ не станешь?.....

Вирута. Князь Юрій! Отдавая тебѣ мое кольцо, я не спрашивала тебя будешьли ты носить его или нѣтъ.... А мое кольцо тоже святой символъ.... Ты просто скажи, что тебѣ жалко съ четками разстаться....

Князь Юрій. Эхъ, княжна! не вѣдаешь ты моего сердца!... Для тебя—то жаль?..... Да я для тебя готовъ жизнь свою отдать (Снимаетъ четки и отдаетъ Вирутѣ).

Вирута. Да ужъ и потрудись надѣть ихъ на мою руку.

Князь Юрій. (Надѣваетъ на правую руку Вирутѣ четки) Береги ихъ, княжна, не кидай.....

Вирута. Пока я жива, съ ними не расстанусь.... Помру, положить со мной въ урну.... Ты пожалѣешь обо мнѣ, князь, когда я помру—то?

Князь Юрій (Тяжело вздыхая). Можетъ я раньше помру.... Жизнь—то за горами, а смерть за плечами.... Наше дѣло ратное. того и гляди что убьютъ....

Вирута. Съ моимъ кольцомъ не убьютъ.... Кольцо это завѣтное.... Только ты, князь Юрій, когда сюда опять воротиться, приди на другой день рано утромъ навѣстить это мѣсто,—тогда я тебѣ скажу, за чѣмъ я сюда теперь приходила....

Князь Юрій. А я тебѣ тогда скажу, какъ зовутъ мою Миль-

ду, только дай Христосъ живому воротиться..... Ну дай Богъ тебѣ, княжна, милости господней и добраго здоровья.... Прощай....

Бирута. Прощай, Юрій. (Князь Юрій, поклонившись, уходитъ, Бирута провожаетъ его глазами).

Я В Л Е Н І Е 5 е.

Б и р у т а о д н а.

Бирута. (На глазахъ ея навертываются слезы,—потомъ она поспѣшно сжимаетъ четки и страстно цѣлуетъ ихъ, прижимая къ сердцу). Ахъ Юрій.. Юрій!.... Какъ я люблю тебя!... (Надѣваетъ снова четки и задумывается). Много я видала разныхъ витязей, а ни къ кому такъ сердце не льнуло, да и какъ не льнуть—то!.... Роду знатнаго, изъ себя статень, пригожь... Рѣчи такія скромныя... Стыдливъ—словно красная дѣвица! Чуть немножко кто что скажетъ непристойнаго, у него сейчасъ щеки зардѣются розовымъ цвѣтомъ.... (Вздыхаетъ). Я то догадалась, что я любя тебѣ, Юрій; ты то догадался ли, что мнѣ ты мнѣ,—что я тебя люблю, что ты мое счастье?! Нѣтъ не догадался!?!... А можетъ и догадался, да побоялся сказать мнѣ!?!.. (Поднимаетъ благоговѣнно глаза къ небу). Ты грозный, и добрый (поднимаетъ руки вверхъ) властитель всего міра, отецъ нашъ *Прамжу!* Услышь мои мольбы! Если твое предопредѣленіе о моемъ существованіи написано тобой на моемъ житейскомъ камнѣ,—то покоряюсь безронотно твоей волѣ, и если Юрій вернется съ бою здоровый,—то не посмотрю ни на кого и выйду за него замужъ..... Но если... если (голосъ ея дрожитъ). Кавасъ похититъ у меня Юрія,—то клянусь тобой, нашъ *Прамжу*, что всю свою жизнь я посвящу (Обращаетъ взоры на скалу, гдѣ стоитъ храмъ Прауримы) тебѣ святая Праурима и сдѣлаюсь вайделоткой..... Еще съ дѣтскихъ лѣтъ я полюбила тебя,—я привязалась къ тебѣ боготворимая дѣва.... Давно ужъ мнѣ хотѣлось сдѣлаться вайделоткой... я отказала многимъ женихамъ. Но явился витязь и заволокнулъ мое сердце..... Прости мнѣ, святая Праурима, прости за то, что полюбила христіанина..... (Молчаніе, послѣ котораго тихою поступью идетъ къ скалѣ, гдѣ видно углубленіе, возлѣ котораго лежитъ большой камень. Дойдя до него, она оглядывается на всѣ стороны, потомъ срываетъ съ кустика нѣсколько листочковъ и беретъ горсть земли: все это кидаетъ въ углубленіе). Земля наша мать... Земля родительница хлѣба и цвѣтовъ... (Беретъ маленькій камень и стучитъ по большому).

Голосъ изъ углубленія. Земля наша мань..... Земля родительница хлѣба и цвѣтовъ....

Вирута. Бѣлаго свѣта немного.... И я пришла къ тому, кто живетъ въ немъ!

Голосъ изъ углубленія. Кто нарушаетъ святой покой боговъ нашихъ? Кто выкликаетъ меня? Дочь солнца, мѣсяцъ или денница, или вечерница?

Вирута. Ни дочь солнца, ни мѣсяцъ, ни денница и вечерница, а княжна Вирута.

Я В Л Е Н І Е 6-е.

В и р у т а и С и г н о т а .

Сигнота (*). (Выходитъ изъ углубленія. Одѣтъ онъ до колѣнъ въ звериные кожи, подпоясанъ бѣлымъ поясомъ,— на головѣ такая же повязка). Боги наши всегда милостивы къ тебѣ, прекрасная княжна Вирута.... Повѣдай мнѣ, чего ты хочешь отъ нихъ?

Вирута. Я хочу знать предопредѣленіе святаго *Прамжу*, о ратномъ походѣ литовскаго князя Кейстута съ моимъ отцомъ въ нѣщевъ— и помолиться Кавасу о его къ намъ милости.

Сигнота. Похвально молодой княжнѣ обращаться во всемъ къ богамъ нашимъ... Они любятъ тебя и твоя молитва будетъ для нихъ угодна.... Обожди, княжна, я пойду и надѣну вѣнокъ дубовый, окроплюсь водой небесной и спрошу нашихъ боговъ... (Уходитъ).

Вирута. Святые Боги! внимайте моему коленю (говорить что то про себя, потомъ продолжаетъ громко). О, Кавась!... Кавась! умножь литовскую нашу силу—своимъ присутствіемъ въ бою.... Гдѣ ты тамъ {нѣтъ непріятеля..... Сохрани отъ стрѣлъ и мечей непріятельскихъ моего Юрія.....

Сигнота (Выходитъ изъ углубленія. На головѣ его дубовый зеленый вѣнокъ, на правой рукѣ онъ держитъ кольцеобразно обвившуща змѣю). Княжна!... Боги требуютъ очистительной жертвы....

Вирута (Немного подумавъ, снимаетъ одну нитку жемчуга съ шеи и подаетъ ему). Прими....

Сигнота (Береть). Хорошая княжна! прекрасная княжна! твои

(*) Сигнота—жрецъ—отшельникъ (Авт.)

жертвы всегда велики, но и велики къ тебѣ милости нашихъ боговъ (Уходитъ).

Вирута (Задумывается). Что какъ убьютъ его?!... Какъ обложится его мечъ или иступится?!.. И пробьютъ ему латы проклятые нѣмцы..... Разрубятъ ему грудь бѣлую—могучую, и изойдетъ онъ кровью... и померкнутъ, закроются его очи ясныя и... (Вздвигается). Ахъ!... Нѣтъ... нѣтъ!... Святые Боги! Умилосердитесь!... охраняйте моего Юрія.... Пусть онъ вернется опять сюда.... ко мнѣ.....

Сигонота (Выходить изъ углубленія). Боги изрекли волю святаго Прамжу: ратный походъ благополучно кончится для Кейстута; много падеть у насъ воиновъ, еще больше у нѣмцевъ, много нашихъ воиновъ попадутся въ плѣнъ къ нѣмцамъ, а больше того ихъ къ намъ..... Но великое горе постигнетъ наше войско, нѣмцы убьютъ одного нашего храбраго витязя—русина.

Вирута (Съ сильнымъ безпокойствомъ). Кого?... Какъ его имя?

Вионота (Протяжно). Юрія.....

Вирута (Вскрикиваетъ). Ахъ!.. (Опускается на камень). Юрій... Это онъ!... Охъ!... Легче бы мнѣ было, когда бы Первунъ своей стрѣлой прошилъ мнѣ сердце и всю меня превратилъ бы въ глину, чѣмъ слышать такое зловѣщее предсказаніе..... (Въ слезахъ). Святой Прамжу! Ты видишь мои слезы! Ты слышишь стонъ моего сердца.... Я молюсь къ тебѣ, услышь мою молитву; изгнй твое предопредѣленіе на житейскомъ камнѣ Юрія.... Повели Кавасу охранять его на ратномъ полѣ.... О, сжался! возврати Юрія съ поля битвы живымъ и невредимымъ... «Къ Сигоноту». Молись и ты, святой отшельникъ... молись!... Твоя молитва слышнѣ нашей.

Сигонота (Спокойно). Княжна! я буду молиться за христіанина, если позволятъ наши боги.... Пойду въ угоду тебѣ провѣдаю (Уходитъ—Вирута склонившись на камень тихо плачетъ. Выходить Сигонота). Прекрасная княжна, добрая княжна! Боги тронуты твоими слезами и будутъ слушать мою молитву.... Но Кавасъ и Пеклосъ требуютъ жертвы...

Вирута. О, боги! возьмите все... возьмите мою душу, только спасите его (снимаетъ еще нитку жемчугу). Вотъ возми Кавасу жемчугасъ (*) (отдаетъ жемчугъ, потомъ снимаетъ кольцо и подаетъ). А это отдай Пеклосу...

(*) По-литовски—Жемчугасъ—значитъ жемчугъ.

Сигнота. Ты, княжна, дашь много жертвъ, [но боги тоже не без милости (уходить)-

Вирута. О, Прамжу!... Прамжу! Зачѣмъ ты далъ людямъ сердца? Отчего они любятъ?... страдаютъ?... умираютъ?... Отчего ты не вложилъ человѣку въ лѣвый бокъ вмѣсто трепещущаго кусочка гѣла глиняной горшокъ, неспособный ни любить, ни страдать?!...

Сигнота. (Выходитъ). Княжна прекрасная! наши боги выслушали мою молитву и жертву твою любовно приняли, только Пеклосъ требуетъ еще жертвы, онъ хочетъ, что бы ты отдала ему свои четки, которыя далъ тебѣ князь Юрій....

Вирута. (Встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ отъ камня). Отдать четки?!?... Нѣтъ не отдамъ!.... Пусть онъ *ненасытный* пошлетъ на меня язву, пусть уморитъ меня!.... Пусть все его подземное царство нападетъ на меня, а четокъ я ему не отдамъ.... Онъ дороже мнѣ жизни!....

Сигнота. (Смиренно). Но не дороже самого Юрія!... Пеклосъ того требуетъ, и ты должна ему пожертвовать; тогда Юрій живъ будетъ, а если нѣтъ, то....

Вирута. (Съ лихорадочной поспѣшностью снимаетъ четки и отдаетъ Сигнотѣ). О, если такъ, возми, возми ихъ для жертвы Пеклосу, — пусть только онъ хранитъ моего Юрія отъ всякихъ несчастій и болѣзней.

Сигнота. Добрая княжна! ужели ты думаешь, что боги, принявъ такія обильныя жертвы, останутся глухи къ твоимъ мольбамъ? Они милостивы къ тебѣ и прощаютъ тебя за любовь къ христіанину.... Повѣрь мнѣ, княжна, что Юрій возвратится съ ратнаго поля невредимымъ....

Вирута. Я принесу еще богатыя жертвы богамъ нашимъ, только пусть твои слова исполнятся на дѣлѣ.

Сигнота. Эти слова не мои, а боговъ нашихъ.... Вѣрь имъ, прекрасная княжна!....

Вирута. О, вѣрю, вѣрю и буду молиться имъ, и ты молись святой отшельницѣ.... Твои молитвы чисты, какъ небесная лазурь.

Сигнота. И за тебя, и за весь вашъ славный родъ молюсь я ежедневно.... Иди, княжна, и не кручинься.... Да будетъ надъ тобой благословіе святой Праурими (Скрывается).

Вирута. (Послѣ долгого молчанія). На сердцѣ сдѣлалось не то страдно.... не то грустно.... а такъ что то.... никогда еще со мной

этого не было.... Бьется оно не шибко и не тихо.... И такъ легко сдѣлалось, приятно!.... И въ воздухѣ словно разлитъ запахъ розы.... И лазурное небо такъ чудно сливается съ моремъ... (Задумывается).
 Пойте живѣе, веселыя птички!.... Мнѣ теперь пріятнѣе, чѣмъ когда либо ваше пѣніе.... Я полюбила.... я люблю, я люблю... Ты лучезарное свѣтило — жизнь наша! освящай путь моему Юрію и будь моею матерью; потому что у меня нѣтъ матери, она давно спитъ въ зеленой могилѣ.... (Окидываетъ взоромъ всю окрестность).
 Вонъ тамъ горитъ отецъ нашъ *Зничъ* (Показываетъ на скалу, гдѣ хрмѣ Прауримы). Это сынъ твой, — жгучее солнце, — я послѣшу къ нему, поклонюсь священному огню и святой дѣвѣ Прауримы. (Идетъ на скалу и скрывается).

Я В Л Е Н І Е 7-е.

С и г н о т а о д и н з .

Сигнота. (По уходѣ Вируты выходитъ изъ углубленія, безъ вѣнка и жѣн, осматривается). Ушла?!... Если бь боги наши и въ самомъ дѣлѣ были богами, — задали бы они мнѣ славную трепку!... Не дурачь—моль людей.... Вотъ теперь княжна вѣрить, что все сказанное мною сказали боги!.... А боги то хоть на дыбы ихъ ставь, — хоть батожьями лупи, — словечка не промолвятъ. вѣтъ они чурбаны.... Да, княжна повѣрила! И какъ не повѣрять, когда я и о князь Юріѣ ей сказалъ.... Почему она знаетъ, что весь ихъ разговоръ я подслушала?!... А четки славныя!... Должно быть не дешево стоятъ!.... Завтра непременно пошлю своего Зидригайлу къ русину — что живетъ на посадѣ, — промѣнять на *алусъ*, а у насъ же его немного осталось.... А княжна теперь сюда повадится часто... Придется мнѣ поразвѣдать о князѣ Юріѣ хорошенько отъ его русиновъ, что съ нимъ пришли, — они часто сюда ходятъ купаться, — да такъ напѣтъ въ уши княжнѣ, чтобы весь ея жемчугасъ перешелъ ко мнѣ, (Улыбаясь) для жертвы.... А что жъ такое и самъ Криве-Кривейто? Такъ же плутуетъ и надуваетъ, какъ и мы грѣшныя.... Однако пойдти припрятать свои жертвы подальше... да вышить кружечку *алусу*. (Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 8-е.

Сцена нѣсколько минутъ пуста, потомъ входятъ воины к. Юрія, — русины и нѣсколько литвиновъ.

1-й Русинъ (нагѣваетъ).

» Ой ты ноченька (*)
 » Ненаглядная,
 » Что же ты милая
 » Невеселая? (перестааетъ пѣть).

Игнатій. — Попробуй сперва — на перво, холодна вода или нѣтъ?

» Ой темная ноченька
 » Дай невидная,
 « Ой штось моя милая
 » Невеселая (и проч.)

Игнатій (Подходить къ берегу нагибается и опускаетъ руки въ воду).
 Охъ братцы, — вода что твой ледъ.....

2-й Русинъ Ильинъ день почувала.

Игнатій. Еще до Ильиняго глаза вытрещишь.

1-й Русинъ. Ну что онъ, братцы, будетъ купаться или нѣтъ?

Игнатій. Кто хочеть полѣзай въ воду, а я не пойду.....

3-й Русинъ. И я тоже..,

1-й Русинъ. Да ужъ и я съ вами на бережку посижу....

4-й Русинъ. Здѣсь, братцы, вѣтеръ продуваетъ, отъ того, можетъ, и вода холодная.... Пойдемте вотъ туда, тамъ, можетъ, посѣдите.

Игнатій. Иди коли хочешь, а мы здѣсь помѣшкаемъ.

4-й Русинъ. Ну! братцы, кто со мной?.. Пойдемте. (уходитъ на лѣво по берегу, за нимъ слѣдуютъ нѣсколько русиновъ и литвиновъ. — 1-й, 2-й, 3-й, Игнатій и литвинъ, остаются на мѣстѣ и садятся на траву).

1-й Русинъ. Эвой, братцы, красивой видъ — отъ — на море то.... Не въпримѣръ лучше трокскаго...

Игнатій. Воно что сказалъ!... Знамо дѣло лучше... Кто же про это не вѣдаетъ?.. Вѣдь *Гальва* (**) то не море... Такъ точъ.

(*) На белорусскомъ нарѣчій она начинается такъ — (авт.)

(**) Озеро въ Трокяхъ.

3-й Русинъ. А что, братцы, долго мы еще здѣсь стоимъ?

2-й Русинъ. А Христось вѣдаетъ... Покудова самъ Кей-стий не придетъ....

Игнатій. (къ литвину). Что призадумался, пригорюнился?... Ахъ по молодой женѣ закручинился?..

Литвинъ. Отстань!...

Игнатій. Отстань... отстань! нѣтъ не отстану, ты доскажи перво— на перво— сказку объ ужѣ,— тогда и отстану...

2-й Русинъ. И то, братецъ, доскажи, мы послушаемъ...

3-й Русинъ. Ну, а ты не ломайся... Да сказывай, а не то погоди!... ей ей во всемъ твоёмъ звѣриномъ облаченіи выкупаю..

1-й Русинъ. Не тронь его... онъ и такъ раскажетъ...

Литвинъ. Коли слушать, такъ слушайте... А перебьете, такъ я и рассказывать не стану...

Всѣ } Хорошо... ладно... не перебьемъ.

Литвинъ. „Ну вотъ только, это самая дѣвица-то называлась Еглѣ (*) и пошла она разъ съ сестрами купаться въ озеро. Только это дѣло было къ вечеру, и ужъ солнце зашло. Вотъ, накупавшись въ волю, онѣ вышли на берегъ, стали надѣвать рубашки; тутъ Еглѣ какъ закричить, да побѣжить отъ рубашки, — сестры-то ее и спрашиваютъ: за чѣмъ ты кричишь! Что случилось? А она имъ на это: вонъ посмотрите, сестрицы мои милыя, въ рукавѣ-то моей рубашки забрался *Жалтисъ* (**). Сестры схватили рубашку и начали вытряхивать его оттуда, бились, бились, а *Жалтисъ* все въ рукавѣ... Что дѣлать? Какъ быть? Какъ достать рубашку?... Въ это время изъ рукава показывается голова его и говоритъ: выйду самъ изъ рубашки, коли ты согласишься быть моей женой; только сестры то Еглѣ— и говорятъ ей, дай ему слово... дай... все равно, говорятъ, онъ же на тебѣ не женится... Еглѣ дала слово. *Жалтисъ* послѣ этого выползъ изъ рубашки и ушелъ въ озеро... Приѣхали всѣ сестры домой.... приѣхали тоже вслѣдъ за ними три *Жалтиса* въ корытѣ... и говорятъ родителямъ Еглѣ:— *Жалтисъ* прислалъ насъ за невѣстой.“ (Въ это время Сиголота выходитъ незамѣтно для другихъ изъ углубленія и спускается къ нимъ).

(*) Елѣ.

(**) Ужъ.

Литвинъ. (продолжаетъ) „Родители Егль и такъ и сякъ... не „знають что дѣлать, мотають головою да и только.... Только на „эту пору случилась тутъ сосѣдка старуха. Дайте вы, говорить „она, вмѣсто дочери бѣлую овцу... Ничего, говорить,— Жал- „тись не узнаеть...

Сигонота. Храбрымъ воинамъ... славнымъ витяземъ... добрымъ людямъ... низко кланяюсь (кланяется).

Всѣ русины. Добро пожаловать....

Литвинъ. (идеть съ досады) Да этакъ и въ вѣкъ не кончишь...

Сигонота. Вы, неустрашимые воины,— краса и цвѣтъ нашей земли,— отъ Кіева и до нашего моря, куда теперь путь держите?

2-й Русинъ. Не вѣдаемъ,— куда поведутъ воеводы.

Сигонота. А сами-то вы витебляне или, полочане, или кіевляне!

2-й Русинъ. Изъ Трокскаго воеводства.... Кѣйстутіева удѣла.

1-й Русинъ. Недалеча, отъ Городни...

Сигонота. А воевода— то вашъ кто такой?

2-й Русинъ. Князь Юрій...

Сигонота. Тоже изъ вашихъ мѣстъ?

2-й Русинъ. Да....

Сигонота. Кого же онъ тамъ оставилъ: жену ли, мать, или отца?

2-й Русинъ. Мать.... Да ужъ она дома-то не живеть, потому удалилась отъ міра сего суетнаго въ монастырь.... который сама построила.... игуменьей теперь сдѣлалась.

Игнатій. А ты кто самъ— отъ?

Сигонота. Да вотъ.... живу я на посадѣ...

Игнатій. Ни разу не видалъ тебя я тамъ (слышень рожокъ).

1-й Русинъ. Чу! ни какъ рожокъ? Игнатій! поди на гору— провѣдай.... что такое.

Игнатій. И то провѣдать.... Ужъ не нѣмцы ли?

2-й Русинъ. Толкуй тутъ— нѣмцы.... Ихъ сюда теперь и калачомъ не заманишь....

Игнатій. (кричитъ сверху). Ухъ, братцы! какая пыль отъ гѣсу столбомъ идетъ,— страсти!...

1-й Русинъ. Это— гляди— что самъ Кѣйстутій идетъ.... (Снова слышится звукъ рожка и въ отдаленіи другой).

2-й Русинъ. Ну— наши и есть....

Игнатій. Наши, наши!... Вонъ и самъ князь Кейстутій на бѣлѣ конѣ... А знаменъ то бѣлыхъ сколько... видимо невидимо!... Братцы, пойдите!... кричите тѣмъ-то (махаетъ рукой и скрывается).

3-й Русинъ. (кричитъ кушающимся). Гей... вы!... слышите или нѣтъ?... Князь Бѣйстутій съ дружиной пришоль, идите скорѣй...

Голосъ изъ за кулисъ. Ладно... слышимъ...

2-й Русинъ. Ну— пойдите, братцы... Коней для бояръ нужно готовить, глядибось завтра въ путь поидежь?...

3-й Русинъ. Да, пожалуй, что такъ... (Уходитъ).

Сигнота. (Одинъ) А можетъ Выдымундъ приведетъ самаго князя Кейстута ко мнѣ, для бесѣды съ богами?!— Ничего, пускай яридутъ, да богатныхъ жертвъ принесутъ... Отвѣтимъ за боговъ на славу!... (Уходитъ).

(Конецъ 1-й картины).

Вторая картина.

Палата князя Выдымунда.

Стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расписаны фресками, въ нѣкоторыхъ убраны головами медвѣдей, волковъ и другихъ звѣрей.—Навѣшано оружіе, скамьи возлѣ стѣнъ обиты парчевой тканью. Длинныя столы идутъ глаголемъ—на нихъ уставлены разныя яства и напитки.

Я В Л Е Н І Е 1-е.

Кейстутъ, Выдымундъ, Кн. Юрій. Князя. Бояре. (Русины и литвины). *Дѣти боярскія. Григорій Русинъ и Соколъ.*

Кейстутъ. (Встаетъ изъ за стола, всѣ слѣдуютъ его примѣру). Ну, за хлѣбъ—за соль, добрый, гостепреимный хозяинъ (Кланяется Выдымунду)

Выдимундъ. На доброе и драгоценное здоровье твое, король *). (Низко кланяется). Да ужь соизволь послѣ хлѣба и соли отвѣдать малвазій; нарочно для тебя, король, берегѣ. (Подноситъ Кейстуту кувшинъ и чашу).

Кейстутъ. (Наполняетъ чашу). Пусть твой домъ, Выдимундъ, будетъ всегда полонъ богатствомъ и счастьемъ, какъ эта полная чаша..... Пусть замокъ твой будетъ полонъ радости и веселья, когда мы возвратимся съ ратнаго поля.... И пусть будетъ пусто во всѣхъ нѣмецкихъ твердыняхъ также, какъ въ этой чашѣ (выпиваетъ ее и пустую чашу ставитъ на столъ).

Выдимундъ. Пусть желаніе твое дойдетъ до слуха нашихъ боговъ. (Кланяется).

Кейстутъ. (Къ кн. Юрію), Что, князь, чай заждался меня? Небось соскучился?

Князь Юрій. Заждался, король и соскучился.... Да и ратники пригорюнились.... Три недѣли вѣдь не три дня...

Кейстутъ. Ну, не кручинься князь!... Скоро дѣло будетъ. (Обращаясь къ Выдимунду). Сколько же у тебя, Выдимундъ, наготовѣ ратниковъ теперь?

Выдимундъ. Жмудиновъ тысячъ до трехъ, да литвиновъ тысячъ до двухъ, да русиновъ до пятисотъ....

Кейстутъ. А мнѣ сдавалось, что у тебя, Выдимундъ, русиновъ то не много?...

Выдимундъ. Есть, король, есть таки.... молодцы добрые...

Кейстутъ. У меня въ дружинѣ почитай въ два раза больше русиновъ, чѣмъ литовцевъ, а Ольгердова такъ, почитай, и вся изъ русиновъ.

Выдимундъ. Дивится тутъ нечему... У тебя, король, половина подданныхъ изъ русиновъ, а у Ольгерда, почитай, всѣ русины, полочане, витебляне, кривичи, киевляне, да всѣхъ и не перечтешь.

Кейстутъ. (Ко всѣмъ). Ну, мои славные и храбрые витязи, мы поотдохнули..... хлѣбомъ солью заправились.... Теперь пора въ

*) Ольгерда и Кейстута за частую величали подданные титуломъ короля.

путь дорогу..... Велите готовиться, да сѣдлатъ коней, я скоро выйду (Къ Соколу). А ты, Соколы, — соколикъ мой ясный, осѣдлай *ворона*, а не *бллова*... ну, съ Богомъ!... Заночуешь гдѣ придется..... Лишь бы ближе къ мѣсту быть...

(Всѣ уходятъ, исключая Григорія русина и Выдымунда).

Я В Л Е Н І Е 2-е.

Кейстутъ, Выдымундъ и Григорій.

Выдымундъ. Что жъ, король, на дорожку-то еще выкушай *малвазін*. (Подноситъ кувшинъ и чашу).

Кейстутъ. (Наполняетъ чашу и пьетъ). Хороша твоя *малвазія*, а у меня въ *Трокахъ* еще лучше есть.... Ну — пей самъ....

Выдымундъ. (Наливаетъ чашу). Пусть жизнь твоя король, будетъ полна добрыми дѣлами.... Пусть всякій ратный твой походъ на *ливонцевъ*, *меченосцевъ*, *ляховъ*, *татаръ* — будетъ полонъ счастливыми побѣдами. Пусть жизнь твоя будетъ долголѣтна и безпечальна..... Да пошлютъ наши боги тебѣ, король, добраго здорovia. (Пьетъ).

Кейстутъ. Пусть боги услышать твои слова!... (Къ Григорію). Что ты такъ насунился; или нѣмецкую погань почувалъ?... Трусить началъ?!...

Григорій. Съ тобой, мой король, мнѣ нечего пужаться... Я не трусь.... Хотя и не бывалъ въ бояхъ я ратныхъ, а за тебя головушку сложу.... Вотъ самъ увидишь...

Кейстутъ. Молодъ больно храбриться-то.... Ну да ужъ покажи себя; убить тебя я не дамъ никому... а трусовъ не люблю...

Григорій. Нашъ весь родъ, король, трусами не былъ... рускіе похрабрѣе *литовцевъ* будутъ и были...

Выдымундъ. Молокосось!...

Кейстутъ. Не замай его, Выдымундъ; я люблю такихъ удалъ-

цовъ.... Вѣдь даромъ что молодъ, а меня изъ подъ медвѣда отъ смерти спасъ....

Выдимундъ. Неужто?... Святые боги!

Кейстуть. Не далека отсюда пошелъ я въ лѣсъ со стоянки, взялъ только его, и забрались мы въ такую глушь— да чащу, что солнца не видать.... Идемъ, идемъ, а лѣсъ все густѣе дѣлается... Только слышу не далеке отъ меня захрустѣлъ сухой молодяжникъ подъ чьими то ногами, обернулъ я голову— то въ ту сторону, смотрю, медвѣдъ въ трехъ шагахъ отъ меня, а было за мечъ... Куда—тебѣ! медвѣдъ ужъ сталъ на заднія лапы и бросается на меня..... Дѣваться, отсвочить мнѣ некуда, вокругъ сплошной лѣсъ, ну, думаю, пришла вѣрно смерть..... Ни разу не робѣлъ, а тутъ сробѣлъ, въ глазахъ зарябило, далѣе, не помню нечего..... Только слышу звукъ рожка и страшный ревъ медвѣда... Тутъ я очнулся, гляжу медвѣдъ валяется около моихъ ногъ въ крови и блажью реветъ, а онъ-то (показываетъ на Григорія) трубить въ рогъ, да самъ *мачурой* по бошкѣ его валяетъ.... Онъ, видишь, князь, зазвѣздилъ его на первый разъ въ самое тѣмя....

Выдимундъ. Хвала тебѣ, молодой витязь!... Ты спасъ того, кого боятся и страшатся многіе народы... Король! это хорошее предзнаменованіе....

Кейстуть. (Улыбался). Ужъ не спасетъ ли онъ и отъ нѣмецкой погани?.... Не даромъ сыномъ теперь его я величаю (къ Григорію). Одинъ ты сходи теперь къ князю Юрію, отдай ему изъ повозки этого медвѣда, и пусть князь снесетъ въ божницу Прауримы и отдастъ тамъ шривратницѣ— для жертвы, боготворикою дѣвъ, отъ Кейстута....

Григорій. (Кланяясь). Иду, король. (Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 3-е.

Кейстуть и Выдимундъ

Кейстуть. (По уходѣ его). Лихой будетъ витязь...

Выдимундъ. Какъ счастливъ ты, король, что имѣешь столько

такъ молодцовъ подданныхъ!... Вотъ тоже и князь Юрій,— просто душа радуется за него... Виднѣе и знатнѣе всякаго маистра....

Кейстуть. Да, князь Юрій, молодецъ во всемъ, и отецъ его такой же былъ.... Я помню еще при батюшкѣ, моемъ родителѣ Гединнѣ, бились мы съ ляхами и князь Иванъ отецъ Юрія вѣзся въ средину къ нимъ и бился такъ, что сотни ляховъ не могли одолѣть одного.... Мы подоспѣли и выручили.... Славный былъ воинъ, сынъ Юрійъ весь въ него....

Выдымундъ. Уменя тоже былъ славный боецъ русинъ Борисъ, да тоже съ ляхами въ бою пропалъ безъ вѣсти.... Кто говорить, что его убили, а кто, что взяли въ плѣнъ.

Кейстуть (Послѣ молчанія). Что жъ ты, князь, не пожаловалъ на свадьбу къ брату Ольгерду въ позапрошлое лѣто? Вѣдь къ тебѣ гонецъ былъ посланъ.

Выдымундъ. Не во гнѣвъ тебѣ, король, будетъ сказано.... Не охочъ я на пирахъ-то бывать, да и дома-то некого было оставить: нѣмецкая погань провѣдала бы, что меня нѣтъ, ну и бѣда.... Нагрязнула бы со всей своей силой.

Кейстуть. А пировали славно.... И гостей было много

Выдымундъ. Что тутъ дивнаго!.... роду она знатнаго; чай тверитянъ много было?...

Кейстуть. Много.... веселый народъ тверитяне.... только сама-то Ульянея больно угрюма.... только и знаетъ, что молится въ церкву, что въ верхнемъ замкѣ *) на горѣ въ Вильнѣ.... Ужъ нынче зимой сынъ родился.... Теперь два имя носить... наше и христіанское....

Выдымундъ. Неужто окрестили?!

Кейстуть. Окрестили.... Да это маленькой, пусть его, а вотъ какъ самъ братъ Ольгердъ объявитъ себя христіаниномъ.... да какъ прогонитъ самаго Криве-Кривейто!...

Выдымундъ. Святые боги!

Кейстуть. А до этого, пожалуй, дойдетъ дѣло.... Я самъ видѣлъ какъ братъ подходилъ къ кресту и цѣловалъ его.... Только ты помалчивай!..

Выдымундъ. Король! кому мнѣ говорить?.... Да и что за дѣло кому вмѣшиваться въ королевскія дѣла!... Видно того требуютъ дѣла.... Подданные то русины....

*) Развалины ея и въ настоящее время видны въ Вильнѣ.

Кейстутъ. Не латинцы, а православныя.... Вотъ противъ латинцевъ-то я мечъ бы свой обнажилъ..... Ну да ужъ отплачу я этимъ крестоносцамъ по своему!....

Я В Л Е Н І Е 4-е.

Т ѣ ж ѣ и Г р и г о р і й.

Григорій. Все сдѣлано, какъ ты приказалъ, король... Бнязь Юрій отдалъ медвѣдя въ эту... эту... какъ ее?... забылъ!..... Хотѣлъ зайти къ тебѣ за чѣмъ то....

Кейстутъ. Ладно.... Ну, Выдимундъ, пора въ дорогу, прощайся со своими, прикажи слугамъ, что нужно, да съ Бавасомъ и въ путь.

Выдимундъ. Не замѣшкаюсь, король. (Хлопаетъ въ ладоши.— входитъ постельничій Выдимунда).

Я В Л Е Н І Е 5-е.

Т ѣ ж е и П о с т е л ь н и ч і й.

Постельничій. (Низко кланяется). Почто звать извоилъ, нашъ добрый князь?!

Выдимундъ. Мнѣ лошадь осѣдлана?

Постельничій. Осѣдлана давно, князь; ее ключникъ у воротъ держитъ.

Выдимундъ. А конюхи гдѣ?

Постельничій. Конюхи съ кибитками возятся, да боярскихъ лошадей оглядываютъ...

Выдимундъ. Ну—смотри хорошенько за караульными и за самимъ ключникомъ и старостой... Всѣ ворота чтобы всегда были заперты, мосты подняты.... Развѣ только что нужно будетъ до по-

сада или до посадскихъ, пускай отопруть, а чужого ни кого не пускать.... Я на тебя больше всѣхъ полагаюсь.... Около побоевъ юной дочери на ночь ставить двойную стражу.... Въ храмъ Праурими провожать ее оставшимся латникамъ.... Хорошенько молитесь богу нашихъ о счастливомъ походѣ.... Каждый день приносите въ жертву Кавасу и Пеклосу по барану.... подай мнѣ щитъ и шлемъ. (Постельничій подаетъ). Подай мечъ. (Подаетъ).

Я В Л Е Н І Е 6-е.

Тѣ же и Князь Юрій.

Князь Юрій. (къ Кейстуту). Король! какъ ты соизволилъ приказать мнѣ, такъ я и сдѣлалъ. Жертву приняли и благодарствуютъ.

Кейстутъ. Спасибо, князь.... а дружины готовы?

Князь Юрій. Готовы.... Скоро затрубятъ....

Я В Л Е Н І Е 7-е.

Тѣ же и Бирута, ея мамка и нѣсколько дѣвизъ приолужницъ.

Бирута. (Входитъ тихою поступью къ отцу, глаза ее заплаканы). Я пришла проститься съ тобой, мой дорогой отецъ.... мой сердечный батюшко.... ты идешь въ ратное поле, на которомъ не лиліи и рута будутъ цвѣсти, а будутъ бѣжать ручьи крови... не птицы будутъ щебетать тамъ, а будутъ стонать люди.... кто знаетъ?!... Ратное дѣло такое!... можетъ мы съ тобой больше въ живыхъ-то не увидимся (Плачетъ). Можетъ боги возмутъ тебя на скалу вѣчнаго блаженства.... Прощай... прощай и благослови меня, мой добрый родитель (Обнимаетъ его).

Выдымундъ. (Растроганный цѣлуетъ ее нѣсколько разъ). Прощай, любезная моя дочь.... да охранить тебя святая Праурима.... Не плачь,—боги наши милостивы....

Бирута. Я каждый день буду молить Каваса о счастливомъ возвращеніи твоёмъ....

Выдымундъ. (къ мамкѣ). Смотри береги ее, старуха, — аки душу свою береги (къ дѣвицамъ). А вы дѣвицы красныя, забавляйте ее играми, да пѣснями.... Ну да благословлять наши боги всѣхъ васъ, — идите... Прощайте... прощай, Бирута!... (Обнимаетъ ее).

Бирута. Прощай, отецъ мой нѣжный.... (Снова цѣлуетъ его, обнимаетъ и, бросивъ взглядъ на Юрія, идетъ въ свои покои, сопровождаемая мамкою и служанками).

Я В Л Е Н І Е 8-е.

Тѣже безъ Бируты, ея мамки и служанокъ.

Кейстутъ. (Пристально смотрѣвшій на Бируту, по уходѣ ея долго молчитъ, потомъ обращается къ Выдымунду). Это твоя дочь, Выдымундъ?

Выдымундъ. Моя, король....

Кейстутъ. Красавица!.... ровно ковенская Мильда.... Если счастливо сходимъ на погань нѣмецкую, такъ я опять къ тебѣ найду въ гости.... дочери твоей женишка посватаю.... а у меня есть на примѣтѣ женихъ знатный.... удѣльный князь....

Выдымундъ. Много милостей, король (вздвигается).

Кейстутъ. Милостивы только боги (Смотритъ на Юрія). Что съ тобой, князь Юрій? На тебѣ лица совсѣмъ нѣтъ, да и глаза въ слезахъ....

Князь Юрій. Король... мнѣ вспомнилось мое разставанье съ моей доброй матушкой.... я также прощался-то.... съ сердцемъ не совладѣешь... ну и заплакалъ.... больно сгрустнулось.... не осуди, король.

Кейстутъ. Красавица твоя дочь, Выдымундъ!.... что твоя лебядь бѣлая!...

(На улицѣ трубать въ рога).

Кейстутъ. Трубить.... Совсѣмъ готовы значить! (Подходить къ окну). Посмотри, Выдымундъ, дружину-то.... витязей то монхъ (Выдымундъ подходит къ окну и смотритъ). Гдѣ жъ нѣмецкой погани выстоять противъ такихъ молодцовъ — удалцовъ?!... Земля задро-

жить отъ ногъ моей дружины и стѣны Мариенбурга въ мусоръ я превращу.... Григорій! труби (Григорій трубить. Съ улицы слышны шумъ, воинственные крики, бряданье оружіемъ и конской топотъ. Кейстутъ вынимаетъ мечъ). Идемъ, Выдымундъ.... Съ нами богъ Кавасъ!... (Идутъ къ выходу).

Григорій. (Во слѣдъ имъ). Нѣтъ, не Кавасъ, а Христосъ спаситель! (Всѣ уходятъ).

С. Калужинъ.

(Конецъ пролога.)

(Продолженіе впереди.)

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ГАЛИЦІИ (1).

Жолква 19/31 октября.

Вы хорошо понимаете значение, и послѣдствія назначенія графа Голуховскаго губернаторомъ Галиціи. Это есть истинная насмѣшка австрійскаго правительства надъ русскими его подданными и явная демонстрація Россіи. Австрія устроитъ истинно дѣла въ Галиціи такъ, какъ бы непременно вознамѣрилась нынѣ или завтра отдать эту провинцію, какъ чисто польскую область, будущему королю польскому. И по этой то причинѣ, при первомъ извѣстіи объ именованіи Голуховскаго, вострепетала вся Русь и съ опасеніемъ ждетъ, съ іезуитскою расчетливостью, вымѣренныхъ на нее ударовъ. И уже слѣдны знамена польскаго владычества всѣ уѣздные начальники получили запрещеніе не выдавать пашпортовъ въ Россію никому изъ учителей и священниковъ безъ вѣдома президіи; усилены полицейскія мѣры по всѣмъ деревнямъ; всѣ русскіе поставлены подъ строгій надзоръ и всякій полякъ и полякующій сталъ нынѣ самовольнымъ надзирателемъ русскихъ, шпиономъ и доносчикомъ на русскихъ. Съ другой стороны продолжаются польскія агитаціи, — особенно между неопытною и легковѣрною молодежью. Гимназіасты львовской академіи, гимназій Львова, подушенные, кажется, польскимъ катихистомъ, подали жалобу противъ учителя русскаго и Голуховскій принялъ ихъ сънисходительно, особенно похвалялъ, что на жалобѣ подписались заровно поляки, какъ и русскіе. Ксенофонту Климовичу и Искрицкому обеспечилъ Голуховскій содержаніе — и они начнутъ съ будущимъ годомъ опять издавать свою нелѣпую „Мету“, или другой какой нибудь журналъ Кулишевскимъ правописаніемъ и въ польскомъ духѣ. Архіепископъ Сембратовичъ пріѣхалъ изъ Рима, ѣздилъ по Галиціи и собиралъ деньги на канонизацію Юсафата Кунцевича и возбуждаетъ съ своимъ капеляномъ (духовникомъ) народъ противъ православія и русскихъ. Говорятъ, что Голуховскій получилъ особыя инструкціи на угнетеніе Руси: новое изданіе *projekta na zniszczenie Rusi*, — что знатнѣйшіе русскіе чиновники переписаны и должны пойти въ отставку, законоучители русскіе будутъ отстранены, русскій языкъ будетъ выброшенъ изъ гимназій и изъ университета. Даже самый университетъ львовскій, который подготовилъ столько учителей и кандидатовъ, будетъ уничтоженъ и перенесенъ въ Краковъ. Голуховскій выдалъ уже распоряженіе ко всѣмъ начальникамъ вѣдомствъ, чтобы отнюдь не

(1) Корреспонденція эта немножко уже запоздала, но мы ее не могли своевременно напечатать, по причинѣ перенесенія срока изданія Вѣстника съ іюля на январь. Помѣщаемъ ее буквально, безъ всякихъ поправокъ, и должны сказать, что авторъ природный галичанинъ, никогда небывавшій въ Россіи, и уніать по вѣроисповѣданію. Ред.

принимали никого въ чиновники, даже за вознаго, кто не владѣть совершенно польскимъ языкомъ; поверхностнымъ знаніемъ того языка они не должны довольствоваться. Die Presse, которая поѣстала это извѣстіе изъ вѣрнаго источника, сама примѣчаетъ, что въ этомъ указѣ Голуховскаго не упомянуто ни слова объ русскомъ языкѣ и удивляется, что графъ Голуховскій такъ нагло хочетъ ополячить всю Галицію. Между тѣмъ всѣ сословія: мѣщане, селяне, даже жида и нѣмцы, за исключеніемъ только одной польской шляхты, всендзовъ латинскихъ и интеллигенцію ихъ, ожидаютъ только Россію, чтобы спасла страну отъ гнета и неволи.

Для нагляднаго понятія, въ какое раздраженіе пришелъ галицко-русскій народъ, по случаю назначенія намѣстникомъ Галиціи ляха — Голуховскаго, препровождаю при семъ вамъ двѣ народныя пѣсни, одна на престонародномъ русскомъ, а другая на польскомъ языкѣ. Пѣсни эти появились недавно и ихъ поетъ народъ повсемѣстно, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что онѣ не по сердцу ляхамъ. Это гласъ русскаго народа, или лучше вопль его отчаянія, раздающійся на всѣмъ пространствѣ Восточной Галиціи.

Вотъ эти пѣсни:

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Ой цѣсарю нашъ Францишку,
 Що ти за неволя
 Губернаторомъ робити
 Ляха изъ Подоля.
 Ляхъ то страшне сотворенье,
 Одну гадку 1) має;
 Щобы всѣ такъ танцевали
 Якъ ляшокъ заграе.
 Ляхъ невдячна 2) гадъ цѣсарю,
 Що въ зимѣ свостнила,

1) Мысль. 2) Неблагодарна.

Якъ загрѣлась за пазухой
 Гауду 1) въ грудь вкусила.
 Придивися 2) ты нашъ царю,
 Где есть твои слуги?
 Працовиты 3) русски дѣти,
 Честны, годни други.
 Ляхъ ихъ выгналь, на ихъ мѣсто
 Понапихаль въ бюра 4),
 Выхрестъ, ляховъ, що такін
 Якъ онъ носятъ шюра 5),
 Русски дѣти хотъ учены
 Остаются въ задѣ,
 Ляхъ хотъ дуракъ, въ русской землѣ,
 Первый есть въ урядѣ.
 Татарскіи дики орды,
 Якъ насъ нападали,
 Забирали сребро, злото
 Мовысь 6) не касали,
 А ляписко, — сей захланникъ, — 7)
 И то хотѣль съѣсти;
 Г..... кій! а до норы
 Лучше было влѣзти.
 Влѣзь, сховайся, где не хочешъ,
 Утѣкай за свѣты,
 Ты загибнешъ, а Русь наша
 Такой будетъ жити.
 Бто подъ кѣмъ копае яму,
 Стромголовъ въ ню впадетъ,
 Губернаторъ Голуховскій,
 Насъ таки не сгладить,
 Пожди но ты, ляше племя
 Кровожадны смоку 8),
 Песси но ще русской крови,
 То ти розпретъ боки.

1) Хозяина. 2) Всмотрись. 3) Трудолюбивы. 4) Въ присутственныя мѣста. 5) Перья. 6) Языка. 7) Нахаль. 8) Смокъ—многоглавый змѣй.

ПѢСЕНЬ ВТОРАЯ

о галицкомъ канцлерѣ.

Видѣсто эпиграфа.

«Ѣдзѣ, Ѣдзѣ Зальманъ
«Ѣдзѣ, Ѣдзѣ Ёго братъ.
«Ѣдзѣ, Ѣдзѣ Зальманова
«Цала родзина.»

Галька—народная пѣснь ().*

I.

Ѣдзѣ, Ѣдзѣ Голуховски
Ядонъ польскѣ паны
И въ вѣнкшосьци сеймъ нашъ львовски
И канцлежъ боханы.

* * *

Чего хце Голуховски
Чего польскѣ паны?
И чего хце сеймъ нашъ львовски
И канцлежъ боханы?

* * *

(*) Эта пѣснь поется народомъ въ восточной Галиціи, при всенародныхъ играхъ, называемыхъ *Галки* или *Гамки*, совершаемыхъ въ дни свѣтлаго Христова Воскресенія. Во время этихъ игръ дѣвушки поютъ эту пѣснь во два хора.

Первый начинаетъ: Ѣде, Ѣде Зальманъ,
Ѣде, Ѣде его братъ,
Ѣде, Ѣде Зальманова
Цѣлая родина.

Второй хоръ отвѣчаетъ Чего хоче Зальманъ,
Чего хочеть его братъ,
Чего хочеть Зальманова
Цѣлая родина? и проч.

Эту пѣсню перенялъ и польскій народъ и поетъ ее попольски въ свои *велькопощия* святки (пасху) даже во Львовѣ, по преданіямъ.

Происхождение ей по преданію, есть слѣдующее.

Въ первой половинѣ 18-о столѣтія былъ богатый жидъ Зальманъ, арендаторъ коронныхъ солivarенъ Дрогобычскихъ въ Га-

Министерства, хоць безъ теки
 Хце графъ Голуховски,
 И надъ Русьонъ хце опъки
 Въ вѣнкшосъци сеймъ львовски.

* *

Бугъ заплаць канцлежу,
 Бугъ дай на здровѣ,
 Бугъ вамъ заплаць за аффектъ
 Польсцы нанове.

* *

Дзвоньонъ въ Руси вшыстѣ дзвонь,
 Попъ поклонь биѣ,
 Польска жондзи, шляхта ниѣ
 А хлопъ влучи брони.

* *

Радуѣ сѣн Голуховски
 Радуѣ сѣн паны
 Радуѣ сѣн сеймъ нашъ львовски
 И канцлежъ боханы.

* *

Зальманова ясна зоржа
 Надъ нами зальсьнила,
 И Русь шара, нахпталъ збожа,
 Паномъ сѣн скланила.

* *

лиціи. Онъ же арендовалъ и русскія церкви на всемъ погорѣ карпатскомъ. Бѣдный русскій народъ, дожидаясь пріѣзда арендатора, чтобъ за условленную плату отворилъ къ празднику пасхи церкви и далъ на лоскутѣ бумаги дозволеніе (цетлихъ) священнику посвятить пасхальные хлѣбы и совершать богослуженіе во все продолженіе пасхальныхъ праздниковъ, сложили эту пѣсню, радуясь пріѣзду арендатора Зальмана. Въ актахъ драгобическаго магистрата находится цѣлый актъ процесса съ арендаторомъ Зальманомъ.

(Смотри Die Kirchen und Statsatzungen etc, M. Malinowski, Lemberg 1851, pag. 613. Dziennik literacki. Lwów 1856 №№ 47 и 48).

Вся сила сатиры настоящей пѣсни состоитъ въ сопоставленіи аналогіи прежняго угнетенія ляхами галицкой Руси съ нынѣшнею польскою автономіей и самоуправствомъ ожидаемаго канцлера Голуховскаго.

Галицкій Корреспондентъ.

Склонила сѣн поневоли
 Склонила сѣн низко,
 Склонила сѣн вражей доли
 На уронговиско.

II.

Ѳдзѣ, Ѳдзѣ Голуховски
 Ядонѣ польскѣ паны,
 И въ вѣнкошосци сеймѣ нашѣ львовски,
 И канцлежѣ коханы.

* *

Ѳдзѣ министерѣ безѣ теки
 Тека за нимѣ Ѳдзѣ,
 А за текон чиновѣ стеки
 Намѣстникѣ на бѣдзѣ.

* *

Тужѣ съ панемѣ намѣстникѣмѣ
 Ни то орле стадо,
 Леци статутѣ польскимѣ шикѣмѣ
 Съ поватовонѣ радонѣ.

* *

И войтѣ дворскѣго корженя
 И выдзаятѣ краювы,
 Комиссыя освѣщеня
 И.... жондѣ народовы

* *

И розложили сѣн таборемѣ
 Панпольонизмѣ вражы,
 Юужѣ Азбука съ бѣднымѣ Іуремѣ
 Пошли до багажы.

* *

Пошедлѣ и Домѣ народовы.....
 Бесѣда.... Театерѣ,
 Жаль сѣн Боже русскѣй мовы,
 Звалѣ іон польски вятерѣ

* *

Зальманова ясна жожа
 Надѣ нами зальсьнида,

И Русь шара, навнтайтъ збожа,
Ляхомъ сѣн склонила.

* *

Склонила сѣн по нѣволи
Склонила сѣн низко,
Склонила сѣн вражей доли
На уронговиско.

III.

Бдзѣ, бдзѣ Голуховски
Ядон ляхы — паны,
И въ вѣнкшюсци сѣймъ нанѣ львовски
И канцлежъ боханы.

* *

Бдзѣ гисторицизмъ польски
Ягъ вѣльможна пани,
Фравенцимморн апостольски
И ультрамонтаны.

* *

Хоць панцизнен бѣсы взѣли
Доля наша сута —
Еще квинтон, якъ квинтеним
Польскѣ сервитута.

* *

Радуѣ сѣн людекъ вѣйски
И хлопскѣ капланы,
Радуѣн сѣн вшмстѣ станы
Въ Руси галицейскѣй.

* *

„Еще щербѣць Болеслава
„Въ добрей чесьци мамы,
„Еще загржи польска слава
„У кійовскѣй брамы.“

* *

Русь въ покорже чоло хили
Церкѣвъ въ длонѣ клеще,
Ахъ тамъ блогѣй для насъ хвили
Не дожилимсь еще.

* *

Зальманова жена зержа
 Надъ нами зальснила,
 И Русь шара, накшталтъ збожа,
 Польске сѣн склонила.

* *

Склонила сѣн понѣволи
 Склонила сѣн низео
 Склонила сѣн вражей доли
 На уронговиско.

* *

Ѣдзѣ, Ѣдзѣ Голуховски
 Ядон польскѣ паны,
 И въ вѣнхшосьци сеймъ нашъ львовски
 И канцлежъ воханы.

Для незнающихъ польскаго языка, мы помѣщаемъ буквальный переводъ этой пѣсни въ прозѣ.

Эпиграфъ.

„Ѣдетъ, Ѣдетъ Зальманъ, Ѣдетъ Ѣдетъ его братъ, Ѣдетъ Зальманова и вся родня.“

I.

Ѣдѣтъ, Ѣдетъ Голуховскій, Ѣдутъ польскіе паны, и большинство нашего львовскаго сейма и любезный канцлеръ (1).

Чего хочетъ Голуховскій? Чего польскіе паны? И чего хочетъ нашъ сеймъ львовскій и любезный канцлеръ?

Министерства, хотя безъ портфеля желаетъ графъ Голуховскій и большинство львовскаго сейма желаетъ опѣки надъ Русю.

Спасибо канцлеръ, дай Богъ тебѣ здравствовать, спасибо и вамъ польскіе паны за ваше доброжелательство

Звонятъ на Руси во все колокола, пощъ бѣтъ поклоны. Польна править, шляхта пьетъ, а хлопъ таскаетъ борону.

(1) Съ назначеніемъ Голуховскаго въ намѣстники Галиціи, поляки домогались въ Вѣнѣ о назначеніи особаго канцлера—тоже поляка, въ знакъ фактическаго признанія, со стороны австрійскаго правительства, автономіи польской національности въ Галиціи. Слухи уже носились, что какой то панъ уже и былъ сдѣланъ канцлеромъ, котораго прїѣзда въ Львовъ поляки нетерпѣливо ожидали, но онъ что то долго Ѣдетъ,—Ѣдетъ; но еще не прїѣхалъ.

Радуется Голуховскій, радуются паны, радуется нашъ сеймъ львовскій и канцлеръ любезный.

Свѣтлая Залманова заря засіяла надъ нами и сѣрая Русь, подобно колосьямъ, согнулась передъ нами.

Согнулась поневоли, согнулась низко, согнулась предъ враждебной судьбой на посрамленіе.

II.

Ѣдетъ, Ѣдетъ Голуховскій, Ѣдутъ польскіе паны, и большинство нашего львовскаго сейма, и канцлеръ любезный.

Ѣдетъ министеръ безъ портфеля, портфель Ѣдетъ за нимъ, а за портфелемъ толпа чиновниковъ и намѣстникъ на бѣдѣ (1).

А вмѣстѣ съ паномъ намѣстникомъ стадо коршуновъ летитъ и статуетъ въ польскомъ духѣ съ уѣзднымъ совѣтомъ.

И войтъ дворнаго происхожденія, и краевый отдѣлъ, (2) и комисія просвѣщенія.... народовой жондъ....

И расположился таборомъ вражій наполонизитъ, уже Азбука съ бѣднымъ Іурьемъ сданы въ багажъ (3).

Пошелъ и домъ народовой.... театръ (4), прощай и русскій языкъ: его согналъ польскій вѣтеръ.

Свѣтлая Залманова заря надъ нами засіяла и сѣрая Русь, подобно колосьямъ, согнулась предъ зяками.

Согнулась поневоли, согнулась низко, согнулась предъ враждебной судьбой—на посрамленіе.

III.

Ѣдетъ, Ѣдетъ Голуховскій, Ѣдутъ паны-ляхи и большинство нашего львовскаго сейма и канцлеръ любезный.

(1) Извѣстный двухъ-колесный экипажець,—разумѣется это слово здѣсь имѣеть аллегорическое значеніе.

(2) Здѣсь пѣснь эта намѣкаетъ, что съ прїѣздомъ Голуховскаго въ Галицію, появятся эти учрежденія.

(3) Указывается на гоненіе Голуховскимъ русскаго языка и руссой интеллигенціи, представительницею которой въ Галиціи считается Св. Георгіевская ставропигиальная лавра, со всѣми русскими ее учрежденіями, которая въ престонородіи называется Іурьемъ, а обитатели ее свято-іурцами.

(4) Домъ народовой.... Бесѣда, два учрежденія, въ родѣ русскихъ національныхъ клубовъ—съ библиотекой, училищами, учеными обществами, типографіею и русскимъ театромъ.

Ѣдетъ польскій историзмъ, какъ вельможная панья, Ѣдетъ апостольская фрауцимеръ (1) и ултрамонтаны.

Хотя барщина пошла къ черту и наша судьба завидная — но все еще процвѣтаетъ, какъ и процвѣтало, польское рабство.

Радуются деревенскій людъ и холопскіе священники, радуются всѣ сословія въ галицкой Руси.

„Еще *щербень* (2) Болеслава мы чтить не перестали, еще „загренить слава Польши у вратъ Кіева!“

Русь смиренно бьетъ челою, церковь рукоплещеть, — столь счастливаго времени еще для насъ не было.

Свѣтлая Залманова заря засіяла надъ нами и сѣрая Русь, подобно колосьямъ, согнулася предъ Польшей.

Согнулася поневоли, согнулася низко, согнулася предъ враждебной судьбой на посрамленіе.

Ѣдетъ, Ѣдетъ Голуховскій, Ѣдутъ польске паны и большинство нашего львовскаго сейма у канцлеръ любезный.

ВѢСТНИКУ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

при началѣ новаго періода существованія его съ
1-го генваря 1867 года (*).

Органъ правды и добра —

„Вѣстникъ Западной Россіи“,

Сколько горя, сколько зла

Перенесъ ты въ дни былые!..

(1) Фрауцимеръ — жена Голуховскаго — статсдама австрійскаго, апостольскаго двора.

(2) Сохранившійся у поляковъ мечъ короля ихъ Болеслава, который, онъ при вступленіи съ своими войсками въ Кіевъ, ударилъ въ ворота, въ знакъ завоеванія этой русской столицы, и который выщербился отъ этого удара, отъ чего и называется «щербень».

(*) Печатаемъ это стихотвореніе по усиленной просьбѣ автора, которому отказать мы не могли.

Всѣ возстали на тебя,
И лихіе *мосцены*,
И лжебратія своя—
Нигилисты, хохломаны;

Но, безстрашный, устоялъ
Храбро ты въ бою съ врагами,—
А теперь опять предсталъ,
Обновленный, передъ нами!—

Съ новымъ годомъ! будь же ты
Такъ правдивъ и смѣлъ, какъ прежде,
И подъ броней правоты
Наши оправдай надежды.

Безъ пощады поражай
Вредни польскихъ утопистовъ,
И всю ложь разоблачай
Нашихъ русскихъ нигилистовъ.

Стой на стражѣ,— бодро стой,
Не щадя полонофильства,
Ни гуманности слѣпой,
Ни всендзовскаго пронырства.—

Если здѣсь не всѣ поймутъ
Подвигъ твой неоцѣнимый,
То— благословить твой трудъ
Въ небесахъ Судья незримый.

И. К—ин.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Пріѣздъ въ Вильну главнаго начальника края, графа Э. Т. Варанова и слова его сіятельства къ дворянству на первомъ представленіи ему всѣхъ сословіи г. Вильна.

1-го декабря, его сіятельство г. главный начальникъ сѣверо-западнаго края графъ Эдуардъ Трофимовичъ Варановъ 2-й, изволилъ прибыть изъ С.-Петербурга въ Вильну. На другой день, 2-го декабря, въ 10 часовъ утра, во дворцѣ генераль-губернатора, его сіятельство изволилъ принимать командующихъ отдѣльными частями войскъ виленскаго военного округа, гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ тотъ же день въ дворцовой залѣ собрались для представленія его сіятельству начальники и члены отдѣльныхъ частей гражданскаго управленія, римско-католическое духовенство и мѣстное дворянство. Обходя ряды присутствующихъ и разговаривая почти съ каждымъ изъ нихъ о состояніи вѣренной ему части и о томъ, чѣмъ она должна быть, его сіятельство изволилъ обратиться къ мѣстному дворянству съ слѣдующими многозначительными словами:

„Господа! До свѣдѣнія моего дошло, что злонамѣренные люди распространяли между вами слухи, будто съ моимъ назначеніемъ измѣнится система управленія въ здѣшнемъ краѣ. Оставьте пустя мечтанія! Будьте увѣрены, что всѣ Высочайшіе указы, всѣ правительственныя распоряженія, относящіяся до здѣшняго края, будутъ непремѣнно исполнены.“

Journal de St.-Petersbourg о неизмѣнности системы управленія въ сѣверо-западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ.

Въ „Journal de St.-Petersbourg“ напечатано:

„Общественное мнѣніе было сильно озабочено по поводу отозванія генерала Кауфмана отъ должности виленскаго генераль-губернатора.

„Считаемъ неизлишнимъ предупредить ошибочныя толкованія, могущія найтись пищу въ подстрекательствахъ иноземной печати и даже въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ по близости Царства Польскаго.

„Отозваніе генерала Кауфмана не обусловливаетъ никакой перемѣны въ политической системѣ, принятой относительно западныхъ губерній Имперіи, или Царства Польскаго.

„Первыя должны вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлала ихъ исторія, областями существенно русскими, гдѣ народный, православный элементъ, образующій громадное большинство населенія, долженъ приобрѣсть принадлежащее ему преобладаніе.

„Что касается до Царства Польскаго, то Императорское правительство будетъ смѣло продолжать исполненіе обязанности, возложенной на него волею Государя, и состоящей въ освобожденіи польскаго общества отъ пороковъ, которые растрѣиваютъ его, слишкомъ часто дѣлая его гнѣздомъ безпорядка, анархіи и революціи, жертвой всѣхъ враждебныхъ вліяній извнѣ, и подрываютъ его будущность, препятствуя сліянію его интересовъ съ интересами Россіи.

„Въ теченіе Своего славнаго царствованія, нашъ возлюбленный Монархъ явилъ слишкомъ много доказательствъ Своей твердости и настойчивости въ стремленіи, помимо всѣхъ препятствій къ тому, что, по Его искреннему убѣжденію, справедливо, мудро и обусловлено національными интересами Россіи, чтобы могло возникнуть какое-либо сомнѣніе на счетъ Его намѣреній.

„Принятый Имъ путь не есть результатъ теоретической системы, могущій измѣняться, смотря по впечатлѣніямъ минуты. Онъ былъ настоятельно предписанъ долговременнымъ и горестнымъ опытомъ. Ни Государь, ни народъ русскій не могутъ забыть обязанностей, возлагаемыхъ такими уроками.“

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РОССІИ.

Величественное и отрадное зрѣлище представляетъ теперь собою западный литовско-бѣлорусскій край, въ религіозномъ отношеніи. Безъ шума, безъ кровопролитія, почти безъ борьбы возвращаются въ нѣдра православной церкви потомки тѣхъ православныхъ русскихъ и литовцевъ, которые нѣкогда боролись *до крове* за родное православіе и должны были уступить двойному напору—силы и коварства латино-польской стихіи.... Теперь какъ будто возстаютъ изъ гробовъ своихъ эти древніе защитники и мученики православія, духъ ихъ оживляетъ ихъ потомковъ,—и коварство папистовъ обличается, костелы обращаются въ церкви, юго-западные русскіе братья, разлученные нѣкогда недругами, обнимаются съ русскими братьями, пришедшими къ нимъ на-выручку съ могучаго сѣвера. Въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и «Виленскомъ Вѣстникѣ» постоянно сообщаются свѣдѣнія то о возобновленіи древнихъ церквей, то о закладѣхъ и освященіи новыхъ, то объ обраче-

ни костеловъ въ православные храмы, то о возвращеніи цѣлыхъ приходовъ въ православіе. Наконецъ и само западно-русское дворянство, ополяченное нѣкогда хитростію іезуитовъ, теперь, припоминая свое происхожденіе, начинаетъ стремиться къ возвращенію себѣ утраченнаго сокровища своихъ предковъ—православной вѣры. Прекрасный примѣръ этому показалъ недавно князь Александръ Друцкой—Любецкій. Заимствуемъ изъ названныхъ выше изданій нѣкоторыя свѣдѣнія объ освященіи церквей.

1.

Дни 17-го, 18-го, 19-го и 20-го іюля будутъ надолго памятны для многихъ мѣстностей Опшянского уѣзда, Виленской губерніи. Въ эти дни освящены, преемственно, 4 церкви его преосвященствомъ епископомъ ковенскимъ Александромъ, викаріемъ литовской епархіи, въ сослуженіи нѣкоторыхъ лицъ виленскаго коедральнаго духовенства и многихъ мѣстныхъ сосѣднихъ священниковъ.

2.

17-го іюля освящена каменная церковь въ м. Воложинѣ, во имя св. праведнаго Іосифа Обрученника. Церковь эта устроена изъ упраздненнаго костела, который былъ посвященъ имени того же св. Іосифа Обрученника. Извѣстно уже нашимъ читателямъ движеніе латинянъ къ православію въ Воложинѣ и другихъ приходахъ. Когда римско-католики воложинской римско-католической парафіи присоединились къ православной церкви, и когда такимъ образомъ съ древле православными составилъ громадный, свыше 6,000 душъ, приходъ, то присоединившіеся испросили, чтобы костель, оставшійся уже безъ прихожанъ, обращенъ былъ въ православную церковь, что и разрѣшено начальствомъ. Воложинскій бывший костель представляетъ обширное, отлично красивое зданіе; внутри мраморныя колонны; множество дѣльныхъ изображеній. Строитель его, бывший владѣлецъ мѣстечка Воложина, графъ Тышкевичъ, старался своимъ костеломъ выказать все свое богатство и усердіе къ латинской церкви предъ сосѣдними и другими магнатами страны; это же служило, конечно, по его намѣреніямъ, и къ склоненію бывшихъ въ сосѣдствѣ православныхъ и униатовъ въ латинство. Говорятъ, что вся постройка костела, оконченная въ 1815 году, стоила покойному ревнителю латинства до 200 тысячъ рублей, не включая сюда стоимости труда крѣпостныхъ людей. И дѣйствительно, церковь, устроенная изъ этого костела, великолѣпна и достойна была бы занять одно изъ первыхъ мѣстъ между соборами и церквами въ любомъ губернскомъ городѣ. Народа на освященіе собралось до 10 тысячъ. Торжество это почтили г. начальникъ Виленской губерніи и многія губернскія и уѣздныя власти. Зрѣлище было такое, какое рѣдко можетъ быть видимо, по разнообразію отрадныхъ впечатлѣній. За литургією было снадоблено причастія св. Тайнъ тѣла и крови Хри-

стовой до 500 человекъ, съ младенцами, большею частью новопри-
соединенныхъ изъ латинства. По освященіи св. храма, мѣстнымъ
священникомъ и благочиннымъ Адамовичемъ произнесено было къ
слушателямъ сильное слово о благотворности и могуществѣ право-
славія и о полнотѣ радости, наполняющей сердца слушателей.

На другой день, 18-го іюля, въ томъ же Воложинѣ, освящена
нововыстроенная деревянная церковь, во имя св. равноапостольныхъ
Константина и Елены. Это было продолженіемъ вчерашняго тор-
жества. По освященіи сказано было задушевное поученіе мѣстнымъ
священникомъ Іоанномъ Берманомъ.

3.

19-го іюля освящена церковь во имя Божіей Матери всѣхъ скор-
бящихъ радости, въ м. Цыцынѣ. Приходъ этотъ новооткрытый, по
случаю поселенія здѣсь большаго числа православныхъ крестьянъ,
церковь устроена изъ костела, который по излишеству былъ упразд-
ненъ. За литургіей приобщалось св. Христовыхъ таинъ до 100
человекъ.

4.

20-го іюля, въ день св. пророка Іліи, освящена церковь въ м.
Бѣницѣ, во имя Св. Живоначальной Троицы. И эта церковь устроена
изъ упраздненнаго бернандинскаго костела, который, по причинѣ
обращенія бѣницкихъ римлянъ, оказался ненужнымъ для латинскаго
богослуженія и испрошенъ ими на православную церковь. И здѣсь
собраніе народа было весьма многочисленное. Сподобились приоб-
щенія св. Таинъ также до 500 человекъ, съ младенцами, преим-
ущественно изъ присоединившихся.

Утѣшительно теперь особенно то, что въ Воложинѣ и Бѣницѣ
нынѣ—едино стадо—православное; тогда какъ доселѣ жители дѣ-
лились на православныхъ и латинянъ, и при томъ латинскіе храмы
красовались и высились на господствующихъ мѣстностяхъ, а нынѣ
сіяетъ здѣсь святыня свѣтозарнаго животворящаго православія.
По освященіи бѣницкой церкви, мѣстнымъ священникомъ Турде-
вичемъ было произнесено Слово.

5.

Свенцянскимъ благочиннымъ 22-го іюля соборнѣ совершена за-
кладка новой часовни въ м. Спяглѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ
крестьянскихъ властей и немалаго стеченія народа, а 24-го іюля
со борнѣ же освящена кладбищенская добутовская церковь.

6.

Исправляющимъ должность молодечянскаго благочиннаго, 24-го
минувшаго іюля, освящена приписная къ красносельской осовец-
кая церковь, въ память Преображенія Господня, при многочислен-

вань стеченіи народа; въ этотъ достопамятный для сей мѣстности день присоединилось къ православію болѣе 50 душъ.

7.

Закладка Крестовоздвиженской церкви въ Могилевѣ.

Въ воскресенье 5-го іюня въ Могилевѣ совершена была закладка Крестовоздвиженской каменной церкви, на мѣсто ветхой деревянной, существовавшей болѣе 250 лѣтъ. Въ малой древней каменной Глѣбо-Борисовской, оставшейся тамъ же при Крестовоздвиженской, воздвигнутой еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, отслужена литургія могилевскимъ архіепископомъ, высокопреосвященнымъ Евсеіемъ, соборнѣ съ градскимъ духовенствомъ, въ присутствіи испрвляющаго должность могилевскаго губернатора, вице-губернатора Н. Н. Бипена, исправляющаго должность начальника 28-й дивизіи; генералъ-майора Алексѣева 3-го, и прочихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ православнаго исповѣданія, множества православныхъ гражданъ-могилевцевъ и квартирующихъ въ Могилевѣ войскъ. Большая часть народа стояла внѣ церкви, не имѣя возможности помѣститься въ ней. Гражданскія и военныя чины были въ обыкновенной парадной формѣ. По окончаніи литургіи мѣстный протоіерей, отецъ Андрей Чоловскій промзнесъ слово. За тѣмъ крестнымъ ходомъ отправились на мѣсто заложения церкви. По обычномъ освященіи самимъ высокопреосвященнѣйшимъ Евсеіемъ положенъ первый камень Крестовоздвиженской церкви. Послѣ закладки провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему дому, начальнику края К. П. Кауфману, и могилевскому губернатору Беклемишеву. Когда крестный ходъ пошелъ обратно, хоръ военной музыки Старорусскаго полка исполнилъ гимнъ: «Коль славень нашъ Господь въ Сіонѣ». Въ домѣ протоіеря Чоловскаго была приготовлена закуска. Духовенство и чиновники собрались въ домъ протоіеря и раздѣлили радушную хлѣбъ—соль, за которой были предложены тосты за здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, начальника западнаго края и могилевскаго губернатора. Во все время закуски играла полковая музыка.

Весь день ликовала Глѣбо-Борисовская улица праздниѣмъ заложения новаго храма. Она по праздничному нарочито была вычищена и укрѣпшена, даже въ переулкахъ ведущихъ къ ней. Путь, по которому нужно было ѣхать высокопреосвященнѣйшему Евсеію и губернскому начальству къ Крестовоздвиженской церкви, отъ самаго Виленскаго моста обсаженъ былъ березками, рябинками и липами. Такого торжества, говорятъ могилевцы, никогда еще не видалъ у себя Могилевъ при подобныхъ событіяхъ. Прекрасная погода, тихая, теплая и солнечная, весьма благопріятствовала торжеству православныхъ могилевцевъ.

Вечеромъ было гулянье въ саду за губернаторскимъ домомъ. Полковая музыка играла до 10 часовъ вечера.

8.

Поѣздка въ мѣстечко Островець виленскаго уѣзда, по случаю освященія тамошней церкви.

Каждый русскій человекъ, брошенный судьбою въ Севѣро-Западный край, до тѣхъ поръ не узнаетъ его, пока не познакомится съ здѣшнимъ деревенскимъ миромъ, пока не выѣдетъ за черту здѣшнихъ оригинальныхъ, еврейско-польскихъ городковъ. Здѣшніе города менѣе всего дадутъ вамъ понятіе о Западной Россіи, т. е. о той скорбящей Бѣлой Россіи, изъ за которой такъ болѣло ваше сердце въ послѣдніе годы.

Засидѣвшись въ Вильнѣ, я очень обрадовался возможности поѣхать въ деревню, съ тѣмъ, чтобы присутствовать при освященіи костела въ православную церковь и притомъ въ приходѣ, недавно принявшемъ православіе.

Мы выѣхали изъ города въ субботу 11-го іюня, въ три часа по полудни. Путь нашъ лежалъ по большой минской дорогѣ. Въ деревняхъ Рукоймы и Цудзенишки мы осмотрѣли церкви, недавно передѣланныя изъ костеловъ. Внутренность этихъ храмовъ, этихъ вновь возжонныхъ свѣтильниковъ православія, ничего не оставляетъ желать лучшаго:—и свѣтло и изящно. Особенно хороши иконостасы, приготовляемыя въ самой Вильнѣ: они густо окрашены бѣлой краской и сіяютъ свѣжей позолотой; живопись мѣстныхъ иконъ удовлетворитъ даже прихотливый вкусъ городского жителя. Нѣкоторыя изъ наиболѣе чтимыхъ крестьянами р.-католическихъ иконъ оставлены на своихъ мѣстахъ:— таково правило, которому слѣдуютъ ревнители православія при обращеніи костеловъ въ русскія церкви.

Было восемь часовъ вечера, когда мы приѣхали въ Островець. Мы подѣхали прямо въ церковь, ярко сіяющую огнями. Только что началось всенощное богослуженіе. Церковь очень большая и помѣстительная, съ довольно красивыми колоннами и хорами, прекрасный иконостасъ стоитъ на большомъ возвышеніи. На освященіе хлѣбовъ и къ выносу евангелія выходилъ епископъ ковенскій Александръ, викарій литовскаго митрополита. Пѣли архіерейскіе пѣвчіе. Церковь была полна народомъ.

Въ мѣстечкѣ Островець нѣкогда находился доминиканскій монастырь, давно, впрочемъ, упраздненный; но монастырское зданіе—большой двухъ-этажный корпусъ, соединенный съ церковію корридоромъ,—еще цѣло, хотя надворныя строенія запусъбли и развалились. Въ нижнемъ этажѣ монастырскаго зданія устроено было помѣщеніе для пресвященнаго и для прибывшаго съ нимъ изъ

Видны духовенства. По окончаніи всенощной, мы были приглашены на чай и закуску. И то и другое было устроено въ одной изъ залъ нижняго этажа, въ которой, какъ можно думать, находилась трапезная отцовъ доминикановъ. Эта зала, кромѣ сводовъ, ничѣмъ особеннымъ не отличается, такъ какъ лѣпныя украшенія по карнизамъ оконъ и двери сдѣланы очень грубо какимъ нибудь самоучкой ваятелемъ; въ числѣ этихъ лѣпныхъ украшеній обращаетъ на себя вниманіе изображеніе собаки, имѣющее символическій смыслъ, и взятое изъ исторіи и сказаній доминиканскаго ордена (1). Сидя, за вечернимъ чаемъ, подъ мраморными сводами монастырской залы, въ обществѣ людей русскихъ, знакомыхъ, мы не могли не перенестись мыслію за нѣсколько десятилѣтій. Можетъ быть, въ тотъ же день и часть, собиравшихся, въ той же залѣ, отцы доминиканы и вели, быть можетъ, также оживленную бесѣду. Но иная велась рѣчь, иные здѣсь раздавались звуки. Почтенные представители ордена, поглядывавшіе, вѣроятно, не безъ чувства на свою эмблему, не могли, конечно, и подумать, что будетъ свидѣтелемъ сценъ 11-го и 12-го іюня; они не могли представить себѣ, что этотъ вѣрный стражъ монастыря переживетъ его и сохранится до той поры, когда презираемые ими схизматики придутъ сюда и воздвигнутъ свой алтарь. Въ числѣ сидѣвшихъ за столомъ находился отецъ Іоаннъ Стрѣлецкій, тотъ самый священникъ, который недавно (26-го марта) изъ всендзовъ перешелъ въ православіе; мы имѣли удовольствіе съ нимъ познакомиться. Отецъ Іоаннъ священствуетъ въ Подберезьи, въ 27 верстахъ отъ Вильны. Онъ успѣшно ведетъ святое дѣло обращенія крестьянъ р. католиковъ въ православіе и вѣруетъ въ несомнѣнное торжество его въ будущемъ. — свидѣтельство весьма утѣшительное, ибо о. Стрѣлецкій говоритъ тономъ челоуѣка, имѣющаго силу, которую не признать за нимъ невозможно. Простившись съ преосвященнымъ и радушными хозяевами, мы возвратились часу въ 11 вечера къ себѣ на квартиру, которую занимали въ волостномъ правленіи.

На другой день, въ воскресенье, я всталъ въ 7 часовъ утра. Въ ожиданіи службы, мы пошли гулять по деревнѣ. Мѣстечко Островецъ едва заслуживаетъ названія деревни, въ великорусскомъ смыслѣ этого слова: въ немъ не болѣе 30—40 дворовъ, составляющихъ одну небольшую улицу. Здѣшнія крестьянскія избы, говоря вообще, довольно хороши и даже красивы: похилившихся лачужекъ и сползшихъ почти до земли соломенныхъ крышъ мы не видали ни одной. Изобиліе и дешевизна строеваго лѣса, благоприятствуютъ прочности и красивости построекъ. Крыши здѣсь кроютъ соломой, но очень красиво,

(1) Это не что иное, какъ эмблема самаго ордена. Доминиканцевъ называли, въ насмѣлку, которою сами они однако же обращали въ похвалу себѣ, — *Domini canis*, собака Господа.
Ред.

подъ гребенку, на подобіе малоросійскихъ кровель изъ очерета (камышя). Бѣлорусскія избы безобразятся только отсутствіемъ трубъ и непомерно маленькими окнами. Обстройка усадьбы напоминаетъ Малороссію: дворъ не огороженъ сплошными, подъ одну крышу, сараями, клетями и др. постройками; плетень рѣдкое явленіе, — вмѣсто него болѣе красивый и прочный частоколь; не видно ни гумень, ни огородъ, съ неизбѣжными коноплями и подсолнечникомъ. Мы входили въ нѣкоторыя избы и, хотя праздничный день и праздничное настроеніе жителей мѣстечка лишали насъ всякой возможности судить о будничномъ, такъ сказать, благосостояніи крестьянъ, но хорошій, сытый домашній скотъ лучше всего доказывалъ, что уровень этого благосостоянія значительно поднялся, что и свидѣтельствуетъ мѣстное начальство. Надежда на хорошій урожай очень радуетъ здѣшнихъ крестьянъ, для которыхъ хлѣбъ единственное богатство. Входя во дворы и избы, мы всегда встрѣчали со стороны крестьянъ, въ особенности женщинъ, вполне русскій радушный приемъ; дѣти отъ насъ не бѣгали и не дичились. По случаю торжественнаго дня, единственная улица мѣстечка и площадь передъ церковію были убраны свѣжими березками. Народъ толпился на площади и валилъ въ церковь: начался благовѣсть. Мы отправились въ покой, занимаемый преосвященнымъ, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить и проводить его до церкви. Я не стану распространяться объ обрядѣ освященія храма, видѣнномъ мною, впрочемъ, въ первый разъ; но не могу не указать на два торжественные, знаменательные момента, при которыхъ остаться хладнокровнымъ не было ни какой возможности: это, во-первыхъ, обоженіе вокругъ церкви Св. Даровъ (мощей) и внесеніе ихъ въ церковь, при возглашеніи преосвященнымъ и пѣніемъ клира: — «и увидеть Царь славы; Господь Силь, — той есть Царь славы!» — Второй, потрясающій душу моментъ, — это живая, пламенная рѣчь о. Іоанна Стрѣleckаго, сказанная на бѣлорусскомъ нарѣчій. Почтенный ораторъ, обращаясь къ слушателямъ, еще недавнимъ р-католикамъ, призывалъ ихъ къ кроткимъ и мирнымъ благамъ, раздаваемымъ православными — церковью и храмомъ — каждой вѣрующей душѣ. Въ рѣчи о. Стрѣleckаго не было ничего полемическаго по отношенію къ прежнему исповѣданію: въ такую торжественную минуту самая невинная полемическая выходка была бы неумѣстна; и безъ нея, стоило только всмотрѣться въ эти сотни лицъ, устремленныхъ на проповѣдника, чтобы убѣдиться, что переходъ въ православіе дался многимъ не безъ борьбы душевной. Живое и умиротворяющее слово о. Стрѣleckаго произвело сильное впечатлѣніе на слушателей: многія женщины, слушая его, буквально обливались слезами. Мы не можемъ не сочувствовать тѣмъ мѣрамъ, которыя, съ одобренія высокопреосвященнаго митрополита литовскаго, прилагаются къ здѣшнимъ новообращеннымъ, — щадить по возможности внутреннее религиозное чувство и всѣ возбуждающія его предметы: вотъ почему оставляются въ церквахъ прежде чтимыя иконы и бѣлыя хоругви, пока не измѣняются прежде носимыя имена и не воз-

блается знаменованіе р. католическимъ крестомъ. Но, съ другой стороны, эти аномаліи въ православной обрядности, всѣмъ и каждому видимыя, эти, безъ сомнѣнія, невидимо существующія аномаліи и не въ одной обрядности, которыя могутъ исчезнуть развѣ во второй поколѣніи,—все это нѣсколько ослабляетъ тотъ восторгъ, который вы испытываете, смотря на толпы обращенныхъ, молящихся во вновь освященномъ храмѣ. Но утѣнитесь: вспомните, что вы находитесь въ странѣ чудесъ; что вы присутствуете въ великую минуту, при актѣ претворенія умирающей жизни въ иную, лучшую. Польское католичество заѣло жизнь здѣшняго крестьянина даже до умерщвленія въ немъ національнаго сознанія. «Вы русскіе?» обращались мы не разъ къ крестьянамъ и получали такой отвѣтъ:— «слава Богу, недавно стали русскими, когда приняли православіе.» —А прежде кто же вы были?— «Прежде были католики.» И какъ мы ни старались доказать имъ, что и прежде они были русскими и что языкъ у насъ съ ними одинъ русскій, но крестьяне твердили свое: *что прежде были католиками, или: за папами, за поляками, а только теперь, слава Богу, стали русскими.* Слово бѣлорусскъ чисто книжное, совершенно неизвѣстное здѣшнему крестьянину. Радость нѣкоторыхъ вновь обращенныхъ, *сдѣлавшихся*, по ихъ понятію, *русскими*, принимаетъ по истинѣ трогательный характеръ: это замѣтно и изъ ихъ разговоровъ, и по крестникамъ, которые они носить сверхъ одежды. —Откуда вы взяли столько крестиковъ?— мы ихъ спрашивали. —«Гдѣ батюшка (пресвященный) освящаетъ церковь, туда мы и ходимъ; онъ даетъ намъ образа и крестики» —былъ отвѣтъ. По окончаніи богослуженія въ островецкомъ храмѣ, совершавшагося съ особенною торжественностію, пресвященный Александръ долго раздавалъ народу кресты и иконы, а протоіерей виленскаго кафедральнаго собора В. И. Гомолицкій буквари и молитвенники. На вопросъ послѣдняго: —ты умѣешь читать? Не рѣдко получался такой отвѣтъ:—«умѣю по польски».

Обѣдня кончилась около двухъ часовъ. Въ церкви было нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ поляковъ съ ихъ семействами. На площадкѣ передъ церковью были разставлены сломы и устроены курени, въ которыхъ была приготовлена закуска для пришедшихъ издалека крестьянъ. Послѣ раздачи крестиковъ, пришли на эту площадку пресвященный Александръ и начальникъ губерніи. Пресвященный викарій благословилъ народъ; начальникъ губерніи провозгласилъ здоровье Государя Императора. Тихо и степенно стала расходиться народъ,—кто къ закусеѣ, кто по мѣстечку. Мы отправились уже въ знакомую намъ доминиканскую залу, гдѣ вчерашнее наше общество значительно увеличилось новыми лицами, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дамъ—помѣщицъ и одинъ ксендзь. Здѣсь опять угощали насъ чаемъ и скромной закуской. Опять изображеніе доминиканской эмблемы такъ и бросается въ глаза, противъ вашей воли. Какъ ни утомлены вы, но мысль ваша начинается слабѣе.

но работать, смотря на все васъ окружающее, припоминая недавно видѣнные вами сцены.

Начинаешь какъ бы осозать цивилизующую силу здѣшняго колонизма, выходящую изъ помѣщичьихъ домовъ и распространяющуюся въ массы народа. И невольно сравниваешь эту силу съ цивилизующимъ началомъ прежней русской помѣщичьей жизни; нельзя не быть пораженнымъ глубоко тѣмъ контрастомъ, который представляютъ цивилизуемые—наши и здѣшніе крестьяне. Контрасты сравнительно съ нашею жизнію здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу; но есть и вѣкторая аналогія. Самая индифферентная въ дѣлѣ религиозномъ натура здѣсь глубоко поражается жизненностію борьбы православія съ р.-католичествомъ. Польская помѣщичья цивилизація была бы слаба и ничтожна безъ р.-католичества. Съ ослабленіемъ помѣщичьяго начала и съ неизбѣжнымъ его паденіемъ должно ослабнуть и пасть междуздѣшними крестьянами и р.-католичество, — это ясно; но безъ борьбы, безъ долгой духовной борьбы, это сдѣлаться не можетъ, хотя должно сдѣлаться непремѣнно. Относясь съ глубокимъ сочувствіемъ къ дѣятельности ревнителей православія, вы не можете не пожелать имъ и себѣ, т. е. всѣмъ прибывшимъ въ край русскимъ людямъ, какъ можно болѣе духовности и нравственной крѣпости; ибо врагъ бралъ всегда именно эту силу. Время для подобнаго состязанія пріспѣло.

Въ пять часовъ вечера я выѣхалъ изъ Островца и очень хорошо себя почувствовалъ, когда возвратился въ Вильну: въ живой книгѣ народной жизни я прочелъ многое.

(Вил. губ. Вѣд.)

9.

Освященіе и закладка церкви въ г. Соколѣ, д. Веселовѣ, Лѣшнѣвѣ и Радостѣ.

Совольскій благочинный донесъ въ консисторію, что подчиненная сокольская кладбищенская церковь *освящена* имъ въ день Вознесенія Господня 5-го мая, при многочисленномъ собраніи народа.

Ново-Александровскій благочинный донесъ, что новопостроенная въ селѣ *Веселовѣ* церковь, *освящена* 24-ю іюля, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ этомъ торжествѣ, кромѣ духовенства Ново-Александровскаго уѣзда, участвовали мѣстныя уѣздныя власти, какъ то: военный начальникъ, исправникъ и многіе изъ гг. чиновниковъ—русскаго происхожденія, служащихъ въ городѣ. Къ назначенному для освященія дню, кромѣ прихожанъ, прибыло еще нѣсколько сотъ челоувѣкъ римскихъ католиковъ, особенно чувству-

никъ, находящуюся въ веселовской церкви, древнюю икону Божіей Матери, такъ что едва нѣкоторая лишь часть молившихся могла войти въ храмъ. Обрядъ освященія церкви и божественная литургія совершены были благочиннымъ свящ. Ковалевскимъ соборомъ при участіи діакона, нарочно приглашеннаго изъ динабургскаго великаго собора и наставниковъ нѣкоторыхъ народныхъ училищъ. Сія послѣдніе, вмѣстѣ съ причетниками, составляли довольно стройный хоръ. Нельзя было не замѣтить умиленія, съ какимъ молились даже р.-католики, и духовной радости, какою были проникнуты сердца православныхъ, объ увеличеніи въ здѣшней странѣ числа храмовъ. Уже прошло около двухъ мѣсяцемъ послѣ духовнаго праздника въ селѣ Веселовѣ и, благодареніе Богу, совершающееся въ тамошней церкви православное богослуженіе не проходитъ безъ участія большого или меньшаго числа латинянъ, которые не могутъ не сознавать важности и превосходства православія предъ р.-католицизмомъ. Въ день освященія веселовской церкви, крестьяне-католики, Смоленской волости, при официальной бумагѣ, подали приговоръ о перенесеніи волостнаго ихъ правленія изъ м. Смолвь, гдѣ находится ихъ приходскій костелъ, въ село Веселово, поближе къ православной церкви, — чтобы, какъ сказано въ приговорѣ, имъ было удобно молиться въ ней Богу и, подъ наблюденіемъ православнаго священника, воспитывать дѣтей своихъ. Такое единодушное желаніе крестьянъ принято губернскимъ начальствомъ въ уваженіе и волостное правленіе перенесено въ Веселово.

Слонимскій благочинный донесъ, что 10-го числа іюля мѣсяца совершенно имъ освященіе закладки въ селѣ Люшневѣ новой, каменной церкви. — Къ сему освященію собралось множество народа изъ всѣхъ сосѣдствующихъ деревень, не только прихожанъ люшневской церкви, но и другихъ приходовъ, а также прибыли изъ города Слонима гг. военный начальникъ, предводитель дворянства, мировой посредникъ, чиновникъ государственныхъ имуществъ по секвестрованнымъ имѣніямъ, становой приставъ, архитекторъ и нѣкоторые другіе чиновники; пѣвчіе были приглашены изъ м. Молчади, крестьянскіе мальчишки, обучающіеся въ народномъ училищѣ, съ пухъ наставникомъ, который и управлялъ хоромъ; — пѣвчіе во время богослуженія пѣли очень стройно и пріятно. Послѣ божественной литургіи, по прибытіи на мѣсто торжества крестнаго хода, священникъ Дашкевичъ предъ закладкой произнесъ къ народу рѣчь, пріятную тому торжеству, которое совершилось благолѣпно и поучительно.

Исправляющій должность каменецкаго благочиннаго священникъ Будиловичъ донесъ, что обновленная приписная къ радостской Михайловская Баранковская церковь, 30-го августа, въ день св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Его Императорскаго Величества, съ 5-ю сослужащими священника-

ми и діакономъ, при многочисленномъ народѣ (болѣе 3,000 душъ) имъ освящена по чиноположенію святой православной церкви. Починка и устройство церкви вмѣстѣ съ колокольнею и каменною во-кругъ ея оградой стоитъ 1,000 руб. Съ окончаніемъ извнѣ работъ около церкви и колокольни, не оказалось церковной суммы для приоб-рѣтенія хотя необходимѣйшей утвари. Но въ концѣ іюля мѣсяца сего года, брестскій военный начальникъ, по распоряженію г. на-чальника губерніи, передалъ ему, Василевскому, съ книгою для ве-денія отчета 300 руб. сер., штрафные, по жалобѣ крестьянъ, деньги съ имѣнія Большихъ-Баранковъ помѣщика Корженецкаго, который въ 1834 году, самопроизвольно, изъ святилища баранковской церк-ви, взялъ каменные мраморные плиты, и изъ нихъ въ передней ко-мнатѣ своего дома сдѣлалъ полъ, въ церкви же на мѣсто мрамора оставилъ кирпичъ. Священникамъ Стефану и Ѳомѣ Василевскимъ и прихожанамъ радостской Михайловской церкви за усердіе къ хра-му Божію и сдѣланные ими пожертвованія, преподано архипастыр-ское благословеніе его высокопреосвященства.

10.

Освященіе церкви въ м. Засвирѣ, Свенцяи-скаго уѣзда, Виленской губерніи.

Засвирь, или бывший засвирскій кармелитскій монастырь, на-ходится въ Свенціанскомъ уѣздѣ, въ 52 верстахъ отъ Свенцянь, въ весьма красивой мѣстности. Засвирь называется такъ отъ того, что находится за мѣстечкомъ Свирью, на противоположной сторонѣ озера тогоже имени, околица Свири и Засвирѣ имѣютъ одинаковую судьбу. Нынѣшніе Свенціанскій и Вилькомирскій уѣз-ды въ 12 и 13-мъ вѣкѣ составляли часть завилейской Литвы. Укрѣпленный замокъ, гдѣ жили завилейскія князья, былъ въ Уцянахъ (отъ Утена князя—Utenes), нынѣшнемъ мѣстечкѣ Виль-комирскаго уѣзда. Княжества христіанскія были въ сношеніи съ завилейскою Литвою. Въ Минскѣ около 1114 года княжилъ Глѣбъ Христіане, его подданные, не терпя строгости его управленія и продажи ихъ въ рабство, расходились въ сосѣднія княжества, Преимущественно въ завилейскую Литву. Самъ минскій Глѣбъ часто приходилъ сюда съ войскомъ. Ярополкъ, сынъ Мономаха, соединившись съ Завибунгомъ, княземъ завилейской Литвы, по-шелъ войною противъ минскаго князя Глѣба, и въ 1116-мъ году основалъ въ Литвѣ новый городъ, нынѣшній Новогрудокъ, въ соотвѣтствіи сѣверному великому христіанскому Новгороду. Въ Туровѣ въ то время княжилъ Борисъ Георгіевичъ, сынъ Георгія Долгорукаго. Въ 1275 году упоминается о князьяхъ минскихъ,

шедших войною на Литву съ другими русскими князьями. Городно или Городекъ, нынѣшній—Гродно принадлежалъ сыну Ярослава Великаго Всеволоду (1078—1093), сынъ котораго Владимиръ Мономахъ (1113—1132) отдалъ Городекъ въ приданное за дочьрю своею Агаею, т. е. своему зятю Всеволоду Давидовичу, внуку Игоря, который также имѣлъ сношеніе съ литовцами. Довмонтъ Гермундовичъ, въ крещеніи Тимофей, княжившій въ Полоцкѣ въ 13-мъ вѣкѣ, принадлежить къ литовскимъ князьямъ. Соименный ему Довмонтъ Ромундовичъ (около 1280 г.), получивъ въ удѣлъ Утаны, построилъ надъ озеромъ Свиромъ укрѣпленный замокъ Свирь, и гонимый братомъ своимъ Наримундомъ, ушелъ въ Псковъ къ брату его роднаго дѣда, вышеупомянутому Довмонту, и управлялъ нѣкоторое время послѣ него Псковомъ; а Свирь отдалъ своимъ дѣтямъ. Потому его потомки, владѣтели Свири, назывались Свирскими и Сѣверскими князьями. Замѣательнѣйшій около 1452 года свирскій деревянный храмъ во имя Святителя Николая; Богданъ около 1508 г. назначилъ этому храму десятину; Лука, Маршалъ Жмудскаго княжества (около 1569 г.), Георгій, посоль смоленскій, Маркъ, Михаилъ, Самуиль и другіе. Въ послѣдствіи свирскій храмъ деревянный замѣненъ на тожъ же мѣстѣ и во имя того же Святителя каменнымъ. Его архитектура восточная. Но такъ какъ около 1570 года почти вся шляхта около Свири и въ Свирѣ обращены были въ лютеранство, то и храмъ пришелъ въ запусѣніе. Кто и когда основалъ кармелитскій монастырь неизвѣстно. Онъ основанъ былъ, вѣроятно, съ цѣлію распространенія и утвержденія здѣсь латинства. Съ того вѣроятнаго времени, оставшіеся православные вокругъ Свири съ своими князьями перешли въ латинство. Свирскіе князья тогда уже обѣднѣли. О ихъ бѣдности говорить мѣстная пословица: »Шуми добрава, вѣдзѣць князь по дрова.« (см. *Starożytna Polska Balinskiego. Warszawa, tom III, 1846 г., pag. 241—243. Korona Polska Niesieckiego tom IV, 1743 г., pag. 249. Narbutt Dzieje Narodu Litewskiego tom IV. Wilno 1838 г., pag. 284*), засвирскій кармелитскій монастырь закрытъ въ текущіе годы по причинѣ малочисленности монашествующихъ и за безпорядки, тамъ господствовавшіе и оттуда въ окрестности распространяемые, состоявшіе въ содѣйствіи мятежу, и проч. Съ закрытіемъ монастыря упраздненъ и костель. Этотъ-то костель 22-го мая и освященъ на православную церковь. Устройству православнаго храма изъ упраздненнаго костела предшествовало присоединеніе окружающихъ римскихъ католиковъ къ православію, которое продолжается и доселѣ. Къ освященію прибыли въ Засвиръ 21-го мая преосвященный Александръ, епископъ ковенскій съ духовенствомъ и виленскій гражданскій губернаторъ съ чиновниками и много народа изъ присоединенныхъ римско-католиковъ. Послѣ всеобщей 140 человекъ римско-католиковъ изъявили желаніе присоединиться въ православной церкви. Присоединеніе ихъ

послѣдовало утромъ 22-го мая предъ освященіемъ храма. Къ 10-ти часамъ собралось съ окрестностей очень много народа по прежнему обычаю собираться въ этотъ день, потому что это былъ храмовой праздникъ Св. Троицы по римскимъ святцамъ, и совпалъ, неожиданно, съ освященіемъ храма. Храмъ также освященъ во имя Пресв. Троицы. Послѣ освященія сказано было слово инспекторомъ семинаріи архимандритомъ Модестомъ, а послѣ замвонной молитвы произнесено было приличное слово самимъ преосвященнымъ Александромъ. Изъ слова послѣдняго слушатели узнали между прочимъ и причину закрытія монастыря— возбужденіе къ возстанію на исповѣди и проч. При выходѣ изъ храма преосвященнѣйшій долго раздавалъ крестики присоединившимся къ православію, которые съ благоговѣніемъ и съ радостію принимали это благословеніе и даръ архипастыря. Богослуженіе окончилось около двухъ часовъ по полудни.— Помонастырскія зданія обращены на помѣщеніе церковнаго причта, сельскаго учителя и на другія общественныя потребности. Мѣстоположеніе здѣсь живописное и здоровое.

Архимандритъ *Модестъ*.

11.

Освященіе приписной бездѣвской церкви.

Бездѣвскій благочинный доноситъ въ консисторію, что приписная бездѣвская церковь, устроенная изъ костела, освящена имъ 9 мая сего 1866 года, во имя св. Николай Чудотворца, въ сослуженіи шести священниковъ. По окончаніи Божественной Литургіи, произнесено было принаровленное къ сему случаю поученіе, и отправлено благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, епархіальнымъ архипастырямъ, бывшему и настоящему начальникамъ края, христіюлюбивому воинству и всѣмъ споспѣшествовавшимъ устройству храма Божія. Къ таковому торжеству народа собралось довольно, но къ несчастію по причинѣ нѣскольконедельнаго самаго ненастнаго времени, не было такого стеченія богомольцевъ, какое обыкновенно бываетъ при подобныхъ случаяхъ, хотя сего знаменательнаго дня съ нетерпѣніемъ ожидали не только свои, но и окрестные прихожане, и присутствующіе торжествовали оный съ неподдѣльною радостію.

12.

Освященіе церквей въ г. Пружанахъ и деревни Высокій Дворъ.

9-го октября 1866 года въ гор. Пружанахъ совершилось торжественное освященіе новоотстроеннаго храма во имя Св. Благоувереннаго Великаго Князя Александра Невскаго. Краеугольный камень въ основаніе сего храма положенъ былъ 1864 года 29-го юня въ день Св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла преосвященнѣйшимъ Игнатіемъ епископомъ брестскимъ, викаріемъ литовской епархіи, и тѣмъ-же маститымъ іерархомъ храмъ сей по выстроеніи освященъ.

Сооруженіе храма, благодаря энергическимъ распоряженіямъ церковностроительнаго комитета и дѣятельному участію крестьянъ всего уѣзда, шло быстро и безостановочно. Въ осени 1865 года постройка храма вчернѣ была совершенно окончена; такъ что на слѣдующій годъ оставалась только чистая отдѣлка и внутреннее устройство храма, которыя и кончены вполнѣ ко дню освященія.

На канунѣ освященія—8-го октября народъ съ ранняго утра сталъ уже собираться большими кружками около старой и новой церквей, а въ особенности на заставѣ, чрезъ которую имѣлъ прѣзжать нашъ архипастырь. Въ 5-ть часовъ по полудни прибылъ и преосвященнѣйшій владыка, встрѣченный съ хлѣбомъ-солью и сопровождаемый огромною массою народа разныхъ званій, половъ и возрастовъ и музыкою Успенскаго пѣхотнаго полка, игравшею на всемъ пути чрезъ городъ гимнъ: «Коль славишь наипъ Господь въ Сионѣ.» Нельзя было смотрѣть безъ умиленія и постороннему на этотъ торжественный архіерейскій въѣздъ; густыя толпы народа, предшествовавшія и сопровождавшія, ихъ лица сіяющія радостію и любовію; звуки музыки, смѣшавшіеся съ стройнымъ колокольнымъ звономъ въ одинъ гулъ, все это невольно наполняло о торжественномъ шествіи нѣкогда въ Іерусалимъ и приводило всѣхъ въ восторгъ и умиленіе. Сей часъ-же начался въ новоотстроенномъ соборѣ благовѣсть къ всенощному бдѣнію, а въ шестомъ часу прибылъ въ соборъ и самъ преосвященнѣйшій. Всенощное бдѣніе совершалъ мѣстный священникъ, а на литію и полувеліе выходилъ самъ архипастырь въ сослуженіи протоіерея, 5-ти священниковъ и трехъ діаконовъ. Служба продолжалась съ полною торжественностію до 9-ти часовъ вечера. Храмъ былъ полонъ молитвенниками и молитвенницами; и всѣ они, въ величайшей радости, сподобились принять помазаніе освященнымъ елеемъ отъ самаго архипастыря. Тѣмъ и заключилось предначатіе духовнаго торжества, имѣвшаго назавтра совершиться окончательно.

На другой день—9-го октября, въ семь часовъ утра, благовѣсть

на колокольнѣ старой церкви возвѣстилъ толпившемуся уже народу о крестномъ ходѣ изъ старой церкви въ новую, съ которымъ было предположено перенести изъ послѣдней въ первую Св. Мощи. По перенесеніи Святыхъ тотъ часъ же началась ранняя Божественная Литургія въ старой церкви, а въ новой въ это время отслужено соборнѣ малое освященіе воды. Въ 9-ть часовъ утра начался перезвонъ въ новоооруженномъ соборѣ, а въ 10-ть часовъ прибылъ въ соборъ и преосвященнѣйшій. По прибытіи владыки немедленно приступлено къ освященію храма. Величественный обрядъ сего священнодѣйствія, никогда еще не виданнаго въ нашей мѣстности, у всѣхъ, видимо, произвелъ глубоко назидательное молитвенное настроеніе. Въ концѣ освященія опять открылся торжественный ходъ, съ которымъ перенесены были обратно изъ старой въ новую церковь Св. Мощи. Въ этомъ священномъ шествіи участвовали убѣленный сѣдинами святитель съ духовенствомъ цѣлаго уѣзда и нѣсколькими священниками даже изъ сосѣдняго Кобринскаго уѣзда, нарочито прибывшими на это радостнѣйшее торжество начальникъ губерніи, воинскіе и гражданскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, дворянство, старшины и старосты всего уѣзда, тысячи народа, прибывшаго изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Никогда еще не было въ нашемъ скромномъ городѣ такого величественнаго торжества, и едва-ли повторится оно когда нибудь. Стеченіе народа было такъ многочисленно, что не только церковь и ея погостъ, но и все пространство отъ новой до старой церкви, даже крыши домовъ, лежавшихъ на пути этой священной процессіи, буквально унизаны были народомъ. Множество свѣцовъ и хоругвей; благолѣпный сонмъ священнослужителей въ свѣтлыхъ праздничныхъ ризахъ; стройное пѣніе хвалебныхъ церковныхъ пѣсней; потрясающіе до глубины души—звонъ колоколовъ и звуки музыки; прекрасная теплая погода, ожидавшая, кажется, этого священнаго торжества; весь этотъ много знаменательный ходъ привелъ народъ въ умиленіе и вострогъ, воспламеняя сердца присутствующихъ мыслями и чувстваваніями небесными, осязательно навѣваемыми благодатію Божіею, всегда существующею нашей св. православной церкви. Освященіе храма заключено провозглашеніемъ обыкновеннаго многолѣтія. И въ слѣдъ за симъ начата Божественная Литургія, которую пѣли на два хора. Правый хоръ, обязанный своимъ существованіемъ личному содѣйствію г. военнаго начальника И. Г. Веселитскаго, составляли наши добрые чиновники и ученики мѣстнаго училища; на лѣвомъ пѣло духовенство. Умилительно-торжественное архіерейское служеніе, въ первый разъ еще здѣсь виденное; прекрасное пѣніе праваго хора какъ Литургіи, такъ и предшествовавшихъ священнодѣйствій, произвело на народъ самое отрадное и благотворное впечатлѣніе. Въ концѣ Литургіи произнесено мѣстнымъ священникомъ слово, День этотъ навсегда будетъ дорогъ и памятенъ для жителей всѣхъ сословій и всего уѣзда.

Не лишнимъ, кажется, будетъ при настоящемъ случаѣ, хотя краткое описаніе самаго храма и его принадлежностей. Храмъ построенъ въ самомъ центрѣ города, на самомъ видномъ и возвышенномъ мѣстѣ; храмъ каменный, теплый, съ тремя большими входными дверями, построенъ на семсотъ человекъ, въ видѣ корабля, съ большимъ и красивымъ куполомъ надъ алтаремъ и одною башней, значительной высоты, надъ колокольней. Корпусъ храма покрытъ листовымъ желѣзомъ; а куполь и башня, увѣнчанные чугунными восьмиконечными позолоченными крестами, покрыты бѣлою жестию. Колокольня снабжена девятью колоколами изъ завода с.-петербургскаго купца Пиккіева, отличной отдѣлки и съ чистымъ благозвучнымъ звономъ, иконостасъ дѣланъ тоже въ С.-Петербургѣ по плану и рисунку г. архитектора Сычева, подъ наблюдениемъ почетнаго члена комитета, полковника гвардіи Н. В. Элькина 2-го. Во всѣхъ частяхъ иконостасъ сдѣланъ изящно и вызолоченъ на полиментъ отлично лучшими мастерами столицы Козеровымъ и Сребряковымъ. Иконы для иконостаса и кіотовъ писаны тамъ же монахинями женскаго Воскресенскаго монастыря; иконы большія написаны на холстахъ, а меньшія на кардонахъ, въ византійскомъ вкусѣ на золотомъ фонѣ и, по суду знатоковъ, написаны съ полнымъ знаніемъ живописнаго искусства. Иконостасъ и иконы стоятъ до 2500 руб. сер. Ризница, священные сосуды, богослужебныя книги, и вообще вся почти утварь сего благолѣпнаго храма есть жертва достойнѣйшаго храмолюбиваго московскаго купечества. Вся эта утварь, сдѣланная въ Москвѣ, по заказу, самими лучшими мастерами.

Этимъ драгоцѣннѣйшимъ пожертвованіемъ пружанская Александро-Невская церковь обязана, между прочимъ, благому вниманію его превосходительства, тайнаго совѣтника Помпея Николаевича Батушкова.

Миръ и благословеніе Божіе да освѣняютъ отъ нынѣ и до вѣка всѣхъ боголюбивыхъ покровителей, благотворителей и создателей сей св. церкви!

13.

ЗАВЛАДКА

въ г. Слонимѣ часовни, сооружаемой въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ дѣлѣ противъ мятежниковъ подъ Миловидами.

Въ настоящемъ году,—во всю минувшую весну и начало лѣта,—по Слонимскому уѣзду произведено не мало завладокъ церквей и освящено нѣсколько возобновленныхъ. Такимъ образомъ, во все это время, не проходило у насъ почти недѣли, чтобы не совершилось гдѣ либо сіе духовное торжество. Слава Богу! время прежняго уничтоженія церквей нашихъ православныхъ исчезаетъ

въ памяти; въ замѣнъ столь мрачнаго прошедшаго наступила новая эра, обѣщающая свѣтлое будущее! Къ числу такихъ свѣтлыхъ торжествъ, повсюду у насъ совершаемыхъ, надобно отнести и происходившее недавно въ самомъ г. Слонимѣ. 15 числа іюня мѣсяца—въ день равноавостольнаго князя Владимира, перваго просвѣтителя Россіи свѣтомъ евангельскаго ученія, произведена закладка часовни, на городской площади, среди рынка, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1843 году римско-католическаго монастыря и костела. Часовня эта будетъ сооружена въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ миловидскихъ лѣсахъ Слонимскаго уѣзда, въ дѣлѣ съ польскими мятежниками.

Первую мысль къ сооруженію ея подалъ намъ почтенный русскій дѣятель по мировымъ учрежденіямъ Михаилъ Василевичъ Сильвестровъ. Онъ предполагалъ ее выстроить на частныя пожертвованія, и нынѣ собранной суммы на этотъ предметъ у него есть уже до 300 руб. сер. Планъ этой часовни очень красивъ. По смѣтѣ она будетъ стоить — безъ кирпича — до 750 руб.; кажется она обойдется вся, не менѣе 1,000 руб. Мы слышали, что дивизионный генералъ Ганецкій — извѣстный герой, усмиритель польскаго мятежа, узнавъ о постройкѣ сей часовни, обѣщавъ открыть по всей своей дивизіи денежный сборъ, и собранную сумму на сооруженіе оной прислать въ Слонимъ. Дай Богъ, чтобы это обѣщаніе генерала Ганецкаго сбылось, ибо часовня эта очень нуждается въ денежныхъ средствахъ и ждетъ доброхотныхъ подателей, которые, мы смѣемъ надѣяться, не откажутся отъ приложенія къ собранной уже суммѣ своей послышной лепты, въ ознаменованіе своего сочувствія къ сему благому дѣлу. Если, кромѣ дивизіи генерала Ганецкаго, и еще гдѣ либо найдутся добрые люди, готовые принести въ пользу строящейся часовни нашей свои денежные пожертвованія, то покорнѣйше просимъ таковыхъ жертвы свои присылать въ г. Слонимъ, на имя предсѣдателя комитета по устройству сей часовни, г. Сильвестрова.

Какъ для закладки часовни, такъ и для совершенія, предѣтѣмъ, Божественной Литургіи, по единодушному желанію и просьбѣ всего русскаго общества, прибылъ изъ жировицкаго монастыря архимандритъ Николай съ двумя своими діаконами; отслуживъ со всею торжественностію, подобающе оному дню, совмѣстно съ соборнымъ духовенствомъ, обѣдню, при стройномъ пѣніи хора слонимскихъ пѣвчихъ, вслѣдъ затѣмъ, сопровождаемый прибывшимъ для этого торжества сельскимъ духовенствомъ, онъ совершилъ на мѣсто закладки крестный ходъ. Здѣсь сказана была соборнымъ священникомъ Климентомъ Смольскимъ приличная сему случаю рѣчь, а вслѣдъ за тѣмъ началось и самое освященіе мѣста, по совершеніи коего провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому. Потомъ пропѣта бы а всѣмъ воинамъ, убитымъ въ Миловидскомъ лѣсѣ и прочимъ по всему западному краю во время минувшаго польскаго

итска: „вѣчная память,“ и наконецъ, опять многолѣтіе всему христіанскому побѣдоносному всероссійскому воинству, и тѣмъ кончилось духовное торжество, по окончаніи коего крестный ходъ возвратился въ церковь.

14.

Освященіе деревянной церкви и закладка каменной въ м. Куренцъ, Вилейскаго уѣзда.

Каждому русскому, прїѣзжающему въ Западный край изъ нашихъ внутреннихъ губерній, первое, что непріятно бросается въ глаза и производитъ тяжелое впечатлѣніе— это неимоверная бѣдность зданій нашихъ православныхъ церквей; маленькія, вѣтхія, часто полуразрушенныя, похожія болѣе на какія-нибудь экономическія постройки, онѣ еще болѣе кажутся тамъ убогими и прииженными, гдѣ около ихъ высятся великолѣпные костелы съ красными оградами: нерѣдко съ роскошными садами и рощами, на восхитительныхъ мѣстностяхъ, такъ что иной костелъ видѣнъ со всѣхъ сторонъ за 10 и за 20 верстъ, а нашу православную церковь замѣтишь развѣ тогда только, когда будешь проѣзжать около нея. Но если кому нибудь изъ насъ придется пожить здѣсь одинъ-другой годокъ, побывать въ одной-другой мѣстности, поприслушаться, поприсмотреться поближе ко всему, что здѣсь сдѣлано, что дѣлается и чего можно ожидать отъ признанныхъ къ этой дѣятельности лицъ, то можно встрѣтить много для себя удивительнаго. Если вы войдете иногда въ эту убогую полуразвалившуюся церковь и услышите правильное, чистое, истинно-православное служеніе, стройное хоровое пѣніе крестьянскихъ мальчиковъ и проповѣдь скромнаго сельскаго пастыря, нерѣдко такую проповѣдь, которая прямо идетъ къ сердцу и простаго и образованнаго человѣка, вы выйдете изъ этой церкви, отъ души помолившись, и забудете безобразную ея наружность. Распространеніе православія въ здѣшнемъ краѣ для каждаго русскаго, конечно, есть самое отрадное явленіе, тѣмъ болѣе, что оно идетъ своимъ естественнымъ путемъ— убѣжденія и нравственнаго вліянія многихъ лицъ изъ нашего духовенства въ общеніи съ народомъ. Насиліемъ нельзя было обратить тысячи р. католиковъ въ православныхъ въ такое короткое время: іезуиты и ксендзы оттого и совращали православныхъ цѣлыя вѣка, что употребляли возни и происки. Въ нынѣшнемъ году по одному Вилейскому уѣзду приняли православіе 6,351 ч. р. католиковъ. Нельзя не отдать справедливости (по Вилейскому уѣзду) отцамъ благочиннымъ протоіереемъ Игнатію Валицкому и священнику Кирилу Трояну, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по постройкѣ церквей. Нѣтъ сомнѣнія, что уѣздъ украсится въ непродолжительномъ времени многими бла-

голѣпными храмами. Русское общество въ уѣздѣ, хотя не большое, состоитъ только изъ служащихъ; но всегда является искренно-сочувствующимъ въ этомъ дѣлѣ; гдѣ закладка или освященіе храма, оно спѣшитъ туда, чтобы присутствовать на торжествѣ. какъ для выраженія благоговѣнія къ православной вѣрѣ, такъ и для заявленія сочувствія и уваженія къ нашему духовенству, любви и вниманія къ простому народу—крестьянамъ, къ младшимъ братьямъ нашимъ.

Чтобы судить о дѣятельности церковнаго комитета по Вилейскому уѣзду, достаточно сказать, что здѣсь уже построено двѣ каменныя церкви, въ г. Вилейкѣ и въ м. Ершевичахъ, и заложено десять, изъ которыхъ восемь строятся, а 2-го октября въ мѣст. Куренцѣ освящены: закладка уже 14-й каменной церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и деревянная во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Последняя обращена изъ костела, потому что крестьянское населеніе въ здѣшнемъ приходѣ состоитъ въ настоящее время почти все изъ православныхъ, за исключеніемъ 10—15 семействъ и шляхты, но и тѣ постепенно оставляютъ католичество и присоединяются къ нашей церкви.

Говорятъ, что въ 1863 году ксендзъ упраздненнаго куренецкаго костела Н. съ каедры зывалъ къ своимъ прихожанамъ, чтобы молились за убитыхъ повстанцевъ и въ костелѣ пѣлись патриотическіе гимны. Въ то же время, когда получено было извѣстіе о смерти р. католическаго архіепископа Жилинскаго, Н. съ другими ксендзами служилъ панихиду въ городищенской каплицѣ: большое было стеченіе народа—и помѣщиковъ и крестьянъ; многіе плакали, ужъ конечно изъ числа первыхъ, которымъ извѣстно было, что эта панихида служилась по убитыхъ повстанцахъ.

Замѣчательно еще то, что въ упомянутой каплицѣ куренецкій и другіе окрестные ксендзы собирались и праздновали съ большимъ торжествомъ 1-го октября—Покрова Пресв. Богородицы. тогда какъ этого праздника у р. католиковъ вовсе нѣтъ. Вѣроятно, что это дѣлалось съ тою цѣлю, чтобы отвлекать народъ отъ православной церкви, у которой этотъ день составляетъ большой праздникъ, и всякій изъ православныхъ обыкновенно спѣшитъ въ такой праздникъ помолиться Богу (1). Въ 1865 г. городищенская каплица упразднена, а ксендзъ высланъ.

Но я обращаюсь къ описанію нашего праздника 2 октября въ Куренцѣ,

Узнавъ, что многіе русскіе люди собираются на этотъ праздникъ, я поспѣшилъ присоединиться къ нимъ и около 10 часу утромъ 2-го числа мы прибыли въ Куренецъ, къ самому началу

(1) М. Куренецъ расположено на почтовой дорогѣ, отъ г. Вилейки на 7-й верстѣ, а каплица въ околицѣ Городищѣ на 3-й в., значить на колониѣ дорогѣ отъ Вилейки до Куренца, какъ тамъ, такъ и здѣсь бывають еженедѣльно многолюдные базары и по временамъ ярмарки.

богослуженія; народу было множество внутри церкви и въ оградѣ, имъ насилу могли пробраться, чтобы стать около клироса. Освященіе церкви совершалъ протоіерей Балицкій при сослуженіи четырехъ священниковъ и діакона. По окончаніи литургии священникъ, отецъ Иларіонъ, произнесъ поучительное слово, въ которомъ, изъяснивъ кратко о прежнихъ гоненіяхъ на православную церковь со стороны польщизны и р. католицизма, весьма справедливо выразилъ, что отнынѣ здѣсь — въ ново-освященномъ храмѣ только будетъ возноситься безкровная жертва Господу Богу, только будетъ проповѣдываться истинное слово Божіе; пѣніе же возмутительныхъ гимновъ недостойно божественнаго храма.

Послѣ того все духовенство въ полномъ облаченіи, со крестомъ, евангеліемъ и хоругвями, которыя несли крестьяне, крестный ходомъ отправилось изъ церкви къ мѣсту закладки, сопровождаемое множествомъ народа, такъ что шествіе протянулось во всю длину идущей чрезъ мѣстечко улицы. Мѣсто закладки освящено со всею подобающею торжественностію православной церкви, освященіе совершилъ въ томъ же порядкѣ о. протоіерей Балицкій. Мѣстный священникъ о. Константинъ произнесъ здѣсь также приличное настоящему событію поученіе.

Крестьянъ собралось на праздникъ болѣе 2,000 человекъ, особенно было много женщинъ. Стояла прекрасная погода, какъ будто нарочно для того, чтобы праздникъ нашъ сдѣлать болѣе веселымъ и оживленнымъ.

И. С.

15.

Освященіе теплой церкви въ гродненскомъ женскомъ монастырѣ.

Въ »Гродн. Губ. Вѣд.« пишутъ: минувшаго 4-го октября преосвященный Игнатій епископъ брестскій освятилъ соборнѣ вновь построенную въ гродненскомъ женскомъ монастырѣ теплую церковь во имя Св. Сергія Радонежскаго.

Доселѣ теплая церковь этого монастыря помѣщалась въ одной изъ келлій и была до того тѣсна, что въ праздничные дни трудно было выстоять службу по причинѣ духоты и давки. Покойный графъ М. Н. Муравьевъ, въ бытность свою главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края, по ходатайству мѣстнаго начальства, отпустилъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи суммъ около шести тысячъ на постройку новой теплой церкви. Она каменная и хотя невелика, но уютна. Иконостасъ темноглубаго цвѣта съ позолотою. Въ немъ всего девять образовъ. Простота и небогатое изящество — подали здѣсь, кажется, другъ другу руки. Въ этой церкви устроено особое мѣсто для монахинь. Этотъ новый храмъ южною стѣною примыкаетъ къ лѣтней Рождество-Богородичной монастырской церкви, основанной очень и очень дав-

но, и именемъ которой называется самая обитель. Исторія ея довольно разнообразна, почему я посвящу ей нѣсколько словъ. Здѣсь первоначально былъ каменный соборъ *Пречистая*. Первые извѣстія о немъ, дошедшія до насъ, относятся ко второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія; но, безсомнѣнія, онъ построенъ гораздо раньше. Подъ 1550 годомъ первый разъ упоминается объ этой церкви въ инвентарѣ, по случаю пожертвованія ей королею двухъ *уволокъ земли*. Потомъ о ней упоминается подъ 1565 годомъ въ привилегіи, данной ей Станиславомъ Августомъ, и въ привилегіи Стефана Баторія подъ 1581 годомъ. Въ 1595 году она заграблена уніатами и обращена въ уніатскую. Въ 1634 году при Пречистенскомъ соборѣ образовался женскій базилянскій монастырь съ цѣлю совращать православныхъ гродненскихъ дѣвицъ и женщинъ въ р- католичество. Въ первой половинѣ 17 вѣка базилянки устроили на мѣсто сгорѣвшаго каменнаго храма деревянную церковь, которая чрезъ пять лѣтъ, послѣ постройки, опять сгорѣла до тла. Въ началѣ же 18 вѣка митрополитъ *Кишка* построилъ нынѣшній каменный храмъ. Въ 1843 году, съ воссоединеніемъ уніи, онъ обращенъ въ Рождество-Богородичный женскій православный монастырь (*).

Вотъ въ перечнѣ исторія обители, праздновавшей 4-го октября освященіе своего новаго теплаго храма. Отъ самаго основанія ея до позднѣйшихъ временъ разные благодѣтели жертвовали ей и деньги, и земли; но время, этотъ неумолимый врагъ человѣчества, при помощи еще худшаго бича западной Россіи—враговъ православныхъ—сдѣлало то, что въ настоящее время этотъ монастырь многого не досчитываетъ въ своихъ рукахъ, часть монастырской собственности сдѣлалась польскою и еврейскою. Впрочемъ, это очень нерѣдкое явленіе въ западной Россіи. Общая цифра ежегоднаго содержанія этого монастыря въ настоящее время равняется 3,615 р. с. 32 к. с. Кромѣ игуменія, здѣсь 9 монахинь, 3 расфорныхъ и 8 нерасфорныхъ послушницъ и 3 воспитанницы изъ дѣвицъ духовнаго званія. Да проститъ мнѣ смиренство матушки игуменія Аонасіи, ежели я позволю сказать гласно, что своимъ современнымъ видомъ и порядкомъ гродненскій Рождество—Богородичный монастырь обязанъ ея двадцати-четырёхлѣтнимъ трудамъ и заботамъ. Она устроила алтарь на востокъ, она устроила маленькую теплую церковь (теперь упраздненную), она обвела монастырь каменной оградой, она выпросила у добротныхъ-москвичей пожертвованія на обитель деньгами, богослужебными книгами и утварью; она завела при своемъ монастырѣ маленькую бібліотеку книгъ религіознаго содержанія для услажденія ими своихъ монастырскихъ сестеръ во Христв! Трудись же, старица, на пользу православно-русскаго дѣла, какъ потрудилась доселѣ, прибывъ сюда изъ родимой тебѣ Москвы.

(1) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ Памятной книжки Гродненской губерніи на 1865 годъ.

На освященіи церкви былъ г. начальникъ губерніи, много чиновниковъ, дамъ и воспитанники гимназій. Нельзя не порадоваться приходу нашихъ гимназистовъ на это церковное торжество, которое и по своей рѣдкости не всякому удастся повидѣть и которое практически знакомитъ, между прочимъ, съ церковностію, что, я полагаю, должно быть основнымъ камнемъ нашего русскаго православнаго воспитанія.

16.

Освященіе Котчинской церкви.

Какъ на небесномъ небосклонѣ въ тихій безоблачный вечеръ появляются и сіяютъ въ своей красотѣ свѣтила; такъ послѣ бурныхъ испытаній, пронесшихся надъ нашимъ краемъ, на ея горизонтѣ воздвигаются въ подобающей красотѣ православные храмы Божіи. Едва минуло семь мѣсяцевъ и Господь удостоилъ насъ утѣшенія опять видѣть освященіе другой церкви въ перечинскомъ приходѣ—въ деревнѣ Котчинѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ м. Деречина. Котчинъ—имѣніе помѣщика Полубинскаго. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ, или вѣрнѣе со временъ самостоятельности Литвы и господства православной вѣры построены были православнымъ княземъ Полубинскимъ православный храмъ во имя святителя Николая, вблизи самаго дома владѣльца. По неизмѣннѣю никакихъ свидѣтельствъ о такой древности, не можемъ достоверно сказать, по какому поводу устроена здѣсь церковь и при ней, въ предѣлахъ деречинскаго прихода, сдѣланъ небольшой котчинской приходъ. Изъ рассказовъ старожиловъ знаемъ только, что тысячи богомольцевъ изъ дальнихъ мѣстъ притекали въ котчинскій храмъ въ образу Св. Николая и получали опыты молитвеннаго заступленія и небеснаго покрова Чудотворца. При церкви у насъ сохранилось рукописное котчинское евангеліе, въ которомъ сдѣлана выписъ изъ книгъ земскихъ справъ вѣчистыхъ повѣту Слонимскаго 1604 г., января 17 дня; изъ этого документа, сдѣланнаго въ томъ году княземъ Феодоромъ Полубинскимъ—еще православнымъ и завѣщающимъ похоронить себя по обряду православной церкви,—видно, что задолго до сего существовала здѣсь церковь и при оной для священника земельныя угодія, вновь утвержденныя симъ документомъ. Не знаемъ, какъ долго еще послѣ князя Феодора родъ Полубинскихъ былъ вѣренъ православной церкви и какой судьбѣ подвергался котчинскій храмъ. Старожилы показываютъ, что на мѣсто деревянной церкви впоследствии была выстроена нынѣшняя каменная. Дѣйствительно, зданіе, очень красивой архитектуры, не показываетъ глубокой древности и не имѣетъ византийскаго характера, которымъ, по всей вѣроятности,

отличалась предшествовавшая ей деревянная церковь. Нынешняя же церковь, въ 1835 году, по несогласію помѣщика привести ее въ приличный видъ, была закрыта, упраздненный при оной приходъ раздѣленъ между сосѣдними, образъ св. Николая съ другою утварью перенесенъ въ деречинскую церковь, гдѣ находился по сіе время, и самое зданіе котчинской церкви предоставлено было употребительному дѣйствию стихій и времени.

Время шло своимъ чередомъ; римско-католическая пропаганда дѣйствовала своими темными интригами; доморожденные оракулы и политики уже проповѣдывали здѣсь о паденіи опять возникшаго православія, и наканунѣ послѣднихъ кровавыхъ событій поборники папства заявили покушеніе сдѣлать изъ котчинской церкви костель. Такая беззащитность и была побужденіемъ къ возобновленію зданія. Епархіальное начальство благословило и предписало деречинскому причту мѣстными средствами исправить храмъ для открытія въ немъ богослуженія. Поврежденія были значительны и требовали значительныхъ денежныхъ средствъ, чтобы привести зданіе въ приличный видъ. Сначала слабая надежда представлялась на успѣшное исполненіе сего дѣла при бѣдности прихожанъ при скудости церковной суммы и безъ всякаго пособія отъ казны. Но молитвами Святителя Николая вопіющее заупустѣніе святни воспоминалось предъ Богомъ и Всемогущей подвигнулъ сердца для принесенія посильныхъ жертвъ во славу святаго имени Своего. Послѣ объявленія крестьянамъ свободы, — въ разгаръ мятежа, у насъ стали появляться денежные приношенія и приступлено къ каменнымъ работамъ, которыя исполнены самымъ удовлетворительнымъ образомъ; затѣмъ, по мѣрѣ приобрѣтенія средствъ, исполнялось и внутренне устройство.

Не скоро подвигалось дѣло; но за то исполнено такъ хорошо и изящно, что самое взыскательное требованіе компетентныхъ судей не найдетъ ничего лучше на средства, употребленныя при производствѣ работъ. Всѣ иконы, кисти художна Титова, написаны прекрасно, иконостасъ очень приличный, легкій и соответственный красотѣ самаго зданія; въ немъ царскія двери отличной рѣзной работы, всѣ вызолочены, облаченія всѣ благолѣпны и прочая утварь прилична. Изъ пожертвованныхъ вещей особенное вниманіе обращаетъ на себя образъ Святителя Николая, стариннаго письма на кипарисной доскѣ, обложенной массивною різью, вычеканенною изъ серебра и позолоченною — неизвѣстнымъ благодѣтелемъ, а также чаша съ приборомъ серебрянная вызолоченная — даръ Ея Величества. Какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ храмъ представляетъ одно изящное цѣлое, — отдѣланъ тщательно; во всемъ видна руководившая мысль — позаботиться объ отдѣлкѣ дома, предназначеннаго на жилище Господу силъ.

Освященіе сего храма совершено въ 22-й день мая мѣсяца настоятелемъ жировицкаго мнрастыря и смотрителемъ тамошняго духовнаго училища, о. архинандритомъ Николаемъ, при

служениі священниковъ. Наканунѣ въ возобновленномъ котчинскомъ храмѣ соборно было совершено всенощное бдѣніе о. архимандритомъ, при стройномъ пѣвнн жировицкихъ пѣвчихъ. — Среди землѣющихъ полей, въ тихій майскій вечеръ, послѣ долгаго за-
пустѣнія на мѣстѣ святѣ, — опять раздалась слава Всевышнему; каждое слово предназначительнаго псалма, пропѣтаго съ особенною
выразительностію и стройностію, отрадно ложилось на душу и вы-
зывало чувство высокаго благоговѣнія. Казалось каждый камень
въ стѣнахъ храма, каждый стебелекъ на полѣ вокругъ храма
мѣстѣ въ разумными существами, находившимися въ самомъ хра-
мѣ. вzywали съ псалмопѣвцемъ: „чудна дѣла Твоя Господи!“
Мысленному нашему взору представилась сѣдая древность, когда,
послѣ вавилонскаго плѣненія, благочестивый Ездра на развали-
нахъ Іерусалима, полагая краугольные камни для возобновленія
храма, проливалъ слезы со всѣми помнившими великолѣпіе Соло-
мона храма. Но то были слезы печали, а наши теперь — были
слезы отрады и умиленія.

Въ самый день освященія, послѣ ранней обѣдни въ деречин-
ской церкви, совершенно былъ крестный ходъ изъ Деречина въ
Котчинъ, и затѣмъ торжественно соборомъ священнослужителей
было совершено самое освященіе храма и принесеніе безкровной
жертвы во время Литургіи, при чемъ во время причастана было смя-
зано приличное торжеству слово. Послѣ обѣдни былъ пропѣтъ
молебень съ возглашеніемъ многолѣтствія Государю Императору
и всему Царствующему Дому, святѣйшему синоду и члену
оного митрополиту Іосифу со всею его богохранимою паствою,
создателямъ и благотворителямъ возобновленнаго храма и всѣмъ
православнымъ христіанамъ. Торжество освященія привлекло мно-
жество народа; мы замѣтили въ числѣ богомольцевъ многихъ чи-
новниковъ, прибывшихъ изъ г. Слонима и во главѣ ихъ слоним-
скаго военнаго начальника, усерднаго помощника мѣстному ду-
ховенству въ ихъ пастырскихъ трудахъ, также многихъ офице-
ровъ, и квартирующія войска.

По выходѣ изъ церкви на столахъ, устроенныхъ на полѣ,
была предложена народу и войскамъ закуска, которую о. архи-
андритъ благословилъ и вмѣстѣ поздравилъ всѣхъ съ оконча-
ніемъ трудовъ по устройству храма, при чемъ было выпито за
здоровье Государя Императора, и всѣмъ собраніемъ пропѣтъ
былъ гимнь: Боже Царя храни.

Слава Богу благодателю нашему, ущедряющему милости своя
къ боящимся и любящимъ Его.

Св. И. Кутневичъ.

17.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ЛОГОЙСКѢ.

6-го сентября прибылъ въ Минскъ главн. начальникъ края; пре-
жде еще распространился слухъ, что онъ посѣтитъ Борисовскій

уѣздъ. Все православное, русское ожило, всякій хотѣлъ видѣть сановника; по уѣзду предъугаывали маршрутъ его, но никому и въ голову не приходило, чтобы въ такомъ маломъ мѣстечкѣ, какъ Логойскъ, устроилось такое торжество, какое мы видѣли 11-го сентября. Оповѣщено было, что въ этотъ день будетъ освящаться новоустроенный каменный храмъ и что самъ начальникъ края придетъ къ освященію: тутъ уже не было мѣры радости православнаго духовенства и народа. Думали только, какимъ образомъ все это устроится, когда еще такъ много оставалось сдѣлать по внутреннему устройству храма, но заботливость и трудъ настоятеля церкви, благочиннаго Хруцкаго, все превозмогли. Въ одинъ день явилась необходимая утварь и облаченія. Въ субботу вечеромъ все приготовлено было въ возможно лучшемъ видѣ и порядкѣ. Къ сему времени явилось и духовенство для встрѣчи своего достойно-любимаго и уважаемаго архипастыря. Началось отправленіе всенощнаго богослуженія въ новоустроенномъ храмѣ. Народъ съ радостію смотрѣлъ на пріѣздъ своего владыки и предъугаывалъ величіе завтрашняго торжества. Вотъ проходитъ ночь. Со всѣхъ окрестныхъ приходоѡ спѣшатъ толпы народа, одѣтаго въ праздничныя одежды; все суетится и спѣшитъ къ великому празднику. Множество пріѣзжихъ чиновниковъ является въ Логойскѣ. Отслужили раннюю литургію въ старой церкви, наступаетъ пора благовѣста.

Радостно отозвался въ ушахъ православныхъ звонъ новоустроенныхъ колоколовъ; вездѣ поднялись руки для положенія на себя креста, все начало группироваться при церкви, сѣрныя сермаги и парадныя мундиры смѣшались. Выходятъ облаченные священники къ покоемъ архіерея; который оттолкъ шествуетъ въ мантіи въ преднесеніи свѣтильниковъ и пѣніи ликовъ. Никогда не виданное въ Логойскѣ торжество; каждый желалъ видѣть владыку и сопровождать его во храмъ. Не буду описывать самаго обряда освященія храма, равно какъ и торжественнаго крестнаго хода въ старую церковь,—скажу только, весь этотъ обрядъ оставилъ глубокое впечатлѣніе въ народѣ. Храмъ освященъ, совершенъ крестный ходъ, перенесены св. мощи, начался Божественная литургія. Церемоніялъ служенія, пѣніе архіерейскаго хора все это въ высшей степени возбуждало вниманіе предстоившихъ. Изъ конхъ многіе въ жизни своей ничего подобнаго не видѣли. На Литургіи пріобщены были св. таинъ новоприсоединившіеся изъ р. католицизма въ православіе крестьяне. Было бы несправедливо не сказать здѣсь, что къ присоединенію подалъ добрый примѣръ въ Муровано-дворской волости восьмидесяти-лѣтній старикъ, старшина той волости, Леонтій Шихта. Онъ первый подалъ голосъ въ пользу православія, первый возсоединился съ православною церковію и примѣромъ своимъ, а также чистотою побужденій къ принятію православія, привлекая до 400 душъ изъ волости къ вѣрѣ православной, которую Батюшка-Царь благодѣтель, и преданность

которому всегда проновѣдуютъ пастыри православной церкви. Но и говорился о присоединившихся; лишь только они были приобщены св. таинъ прибылъ во храмъ г. главный начальникъ края. Богослужение кончилось; всѣми взято благословеніе отъ архипастыря при выходѣ его изъ храма. Вышелъ и начальникъ края. Народъ, который представляли собою старшины, встрѣтилъ его высокопревосходительство съ хлѣбомъ и солью; мѣстный благодѣтельный, настоятель церкви, осѣнилъ его св. крестомъ, и произнесъ рѣчь, въ коей выразилъ благодарность за прибытіе къ освященію церкви, выяснилъ то значеніе, которое имѣло въ глазахъ кѣснаго населенія это посѣщеніе и окончилъ призваніемъ Божія благословенія на труды г. начальника края. Послѣ чего г. начальникъ края изволилъ сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ.

Потомъ г. начальникъ губерніи въ рѣчи своей къ крестьянамъ выяснилъ тѣ благодѣянія, которыя оказала народу Государь Императоръ, и ту благодарность, которою обязаны они Всемилолюбившему Высочайшему благодѣтелю. Предложенъ былъ тостъ за Государя, и долгое громкое „ура“ пронеслось по цѣлой площади и передавалось въ безчисленныхъ голосахъ далѣе и далѣе. Народъ приступилъ къ угощенію, которое тутъ для него было приготовлено отъ усердія строителя храма г. Свѣчниковова, не разъ жертвовавшего своими средствами для подобныхъ торжествъ, и заслуживающаго полнаго уваженія за добросовѣстное исполненіе принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ по устройству православныхъ церквей. Затѣмъ г. начальникъ края изволилъ отправиться въ домъ логойскаго помѣщика графа Тышкевича, куда приглашены были всѣ чины и духовенство. Во время даннаго тамъ обѣда провозглашены были тосты: обыкновенный и непремѣнный, гдѣ есть русскіе люди, за Государя Императора, за начальника края, за успѣхъ русскаго дѣла, за архіепископа Михаила и начальника губерніи; пропѣтъ былъ народный гимнъ: «Боже Царя храни», и громкое ура послѣ тостовъ и послѣ гимна оглашало всѣ залы дома и долго не умолкало. Полковая музыка, нарочно прибывшая изъ Минска, играла въ Логойскѣ до поздняго вечера. Народъ веселился отъ души; старики толковали, что такого праздника никогда не было въ Логойскѣ, а молодежь подхватывала: ну, ужъ гѣрно и намъ не видѣтъ и не дожидаться такого праздника. За все слава Богу, Государю и начальству.

Свящ. Романъ Москалевичъ.

1866 г. 15 сентября.

и. Гайна.

18.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ КРѢВѢ.

Пишу къ вамъ изъ Рухойны подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною съ освященія православнаго храма въ Крѣ-

Осѣль IV.

въ, этомъ древнемъ городѣ, достояніи литовско-русскихъ князей XIII и XIV столѣтій, городѣ, въ которомъ недвижимымъ, но краснорѣчивымъ памятникомъ сѣдой старины, стоитъ живописная развалина замка, видѣвшаго въ стѣнахъ своихъ борьбу язычества съ православнымъ христіанствомъ, коварные подступы латинской силы, кровавыя распри сыновъ Гедимина, а въ концѣ XV вѣка державную дочь Іоанна III, Елену, шествовавшую въ Вильну на бракъ съ княземъ Александромъ, — не на радостный ниръ, а для того, чтобы рядомъ страданій, почти мученическимъ подвигомъ возобновленія православныхъ храмовъ въ Вильнѣ, смыть съ Литвы пятно постыднаго конкордата Ягеллы съ Ядвигю. Наноминать ли печальную судьбу московской княжны, страдавшей при жизни, потревоженной въ могилѣ при передѣлкѣ Пречистенскаго собора на анатомическій театр? Такова судьба всего добраго, всего православнаго въ этой русской украинѣ: трудъ, горе, подвигъ, страданье, поруганіе, вотъ почва, на которой вырастаетъ объединеніе съ Россіей древняго ея удѣла, всѣми силами оттягиваемаго Западомъ, но который, по составнымъ своимъ частямъ, всецѣло принадлежитъ общему православному отечеству. — Есть впрочемъ существенныя отличія, но объ нихъ послѣ: они выработаны не свободною русскою жизнію, не свободнымъ ходомъ правильнаго, естественнаго, какъ возрастаніе, развитія.

Литва, Вильна, Рукойни, Крѣво, — Боже! что за почва для историческихъ воспоминаній, для историческихъ сопоставленій. *Право совершившагося факта* не признаетъ силы историческихъ вліяній и не хочетъ видѣть закона возмѣщенія. Новѣйшее право совершившагося факта, идучи въ разрѣзъ съ исторіей, есть одно изъ очевиднѣйшихъ проявленій современнаго нигилизма: но Богъ съ нимъ!

Я въ Рукойнѣ; отъ меня въ равномъ разстояніи — направо къ Вильнѣ, памятникъ полковнику Дѣву, убитому въ 1794 русскимъ римско-католическимъ священникомъ Цѣлицею, — налево къ Ошмянѣ, въ Мѣдникахъ развалины замка, въ которомъ болѣзненно-нервическій королевичъ Казиміръ, воспитанный римскими ксендзами, вымаливалъ съ 1380 года у отца цѣлый рядъ узаконеній, для убійства въ Литвѣ православнаго, присущаго ея русскому населенію, начала.

Далѣе направо у меня Немежь, послѣдній привалъ княжны Елены, и Вильна, столь долго заѣдавшая Русь своими латинскими учрежденіями. Налево Ошмяна, гдѣ встрѣтили литовскіе послы царственную невѣсту — Елену, и Крѣво, корень литовско-русскихъ князей. — Вотъ пространство въ восемьдесятъ верстъ, на которомъ разыгрывалась съ XIII вѣка и по сей день включительно литовско-русская историческая драма.

Видали-ль вы на югѣ Россіи зимою, среди снѣжной равнины, обнаженный отъ листьевъ развѣсистый дубъ, вершину котораго вѣнчаетъ пышная, зеленая вѣшь *омакс* (*viresum album*), этой е-

нствѣ въ растительномъ дарствѣ чужездкн, обоготворенной нѣкогда галлами за ея прѣлебныя свойства, и вторая, прилѣпившись своимъ ялейкимъ сѣменемъ въ корѣ дерева, пускаетъ въ древесную корн, питается соками дерева, и въ конецъ его иссушаетъ: вотъ подобіе латинства, привившагося къ здѣшнимъ людямъ. Но къ счастью, люди не бездушныя деревья, а разумныя существа; и если много обманутыхъ поколѣній ошибалось, и иссушено вредною чужездкою, то, слава Богу, мы дожили до времени, когда римской мѣры русскіе священники въ лицѣ о. Іоанна Стрѣлецкаго, ополячившія русско-литовскіе бояре, въ лицѣ потомка Владиміра Святаго, Друцкаго-Любецкаго, олатиненный народъ, въ лицѣ десятковъ тысячъ своихъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости представителей, отрекаются отъ чуждыхъ русскому духу римскихъ заблужденій, и громко, безстрашно, всенародно исповѣдуютъ грѣкъ предковъ, и свое искреннее желаніе стать *топаль* русскими.

Такого рода явленія былъ я очевиднымъ свидѣтелемъ и въ древнѣмъ Крѣвѣ, этомъ большомъ, въ 800 домовъ, съ четырьмя церквами, селѣ, которое полякующій людъ любилъ называть, въ отличіе отъ русскихъ селъ, *мѣстѣчкомъ*.

Признаки древняго города обозначаются развалинами. Тамъ, на краю села, у рѣки Крѣвянки, стоитъ древній замокъ съ углѣвыми на глубокихъ оконныхъ наличникахъ штукатуркою и фресковою по ней живописью. Четыре существующіе храма: Успенскій и Николаевскій, покосившіяся, соломой покрытыя зданія, и вновь возведенныя каменные Александровскій и св. Троицкій упоминаются въ смоленской лѣтописи 1495 года. Кромѣ нихъ, на окрестныхъ высотахъ видны развалины храма Богородицы и в.-м. Георгія. Въ другую сторону отъ села остатки основаній Воскресенскаго храма; въ двухъ верстахъ, гдѣ нѣкогда оканчивался городъ, теперь, среди дремучаго лѣса, церковнице съ древними кладбищенными крестами, и у опушки лѣса основанія древняго храма *Славо Преображенскаго*: такъ называется онъ и народомъ, котораго латинская унія съ Римомъ, благодаря бодрому духовенству, не успѣла отучить отъ древнихъ славянскихъ наименованій.

Часть жителей крѣвской волости, прихожане римскаго, обманомъ возведеннаго въ Крѣвѣ въ 1845 году костела, подъ влияніемъ собратій православныхъ крестьянъ (какъ тѣ, такъ и другіе воспитаны въ православныхъ обычаяхъ незабвеннымъ дѣятелемъ Львомъ Геронимовичемъ Зѣньковичемъ, пятьдесятъ одинъ годъ священствовавшимъ въ Крѣвѣ), обратились къ начальству съ просьбою возвратити крѣвскій костель къ первоначальному его назначенію, въ храмъ православной молитвы.

Исторія этого костела и обоихъ крѣвскихъ приходоу, исповѣдующихъ нынѣ Христа едиными устами и единымъ сердцемъ, неразрывно связана съ исторіею дѣятельности священника Зѣньковича. Потому, прежде чѣмъ говѣрять объ освященіи костельнаго зданія въ Крѣвѣ на православную церковь, мы обязаны сказать

нѣсколько словъ о жизни и трудахъ этого замѣчательнаго въ ряду мѣстныхъ священниковъ мужа силы, правды и подвига.

Воспитанникъ бывшаго при борунскомъ монастырѣ уѣзднаго учителя, потомъ ученикъ брестской уніатской епархіальной семинаріи, сынъ крѣвскаго священника Левъ Зѣньковичъ, до 1812 года занимавшій должность учителя въ домахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, въ эпоху отечественной войны, 24 лѣтъ отъ роду, имѣлъ непреодолимое желаніе вступить въ ряды нашего войска; но престарѣлый отецъ его, чувствуя приближеніе своей кончины, воспротивился тому и въ 1813 году, по смерти отца, молодой Зѣньковичъ, посвященный уніатскимъ епископомъ Головнею, занялъ преемственно должность крѣвскаго священника.

Съ 1813-го и по 1864-й годъ, когда 25 мая 76-ти-лѣтній отецъ Левъ Зѣньковичъ переселился въ вѣчность, въ теченіе 51 года проходилъ онъ должность священника, и проходилъ ее такъ, что неоднократно обращали вниманіе на дѣятельность его люди изъ различныхъ правительственныхъ сферъ. Такъ, литовское епархіальное начальство за успѣшное хожденіе о. Зѣньковича съ 1832 по 1857 годъ по дѣлу о возвращеніи скрытаго однимъ изъ помѣщиковъ капитала купеческой церкви, опредѣлило ему денежное награжденіе. По удостоенію святѣйшаго синода въ 1860 году награжденъ онъ камлавою. Императорское Географическое Общество, чрезъ вице-предсѣдателя своего, покойнаго гр. М. Н. Муравьева, изъявляло ему въ 1852 г. искреннюю признательность за доставленіе климатическихъ свѣдѣній. Дѣятельность его была самая плодотворная и разнообразная: поставленный среди множества окружающаго приходъ его костеловъ, онъ велъ неусыпную борьбу съ ксендзами не только для охраненія собственной паствы отъ латинской пропаганды, но успѣшно дѣйствуя къ распространенію православныхъ понятій между крестьянами олатиненныхъ приходовъ. Имѣющіяся въ рукахъ нашихъ бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго, свидѣтельствуютъ о ревности его къ защитѣ своихъ причетниковъ отъ обидъ полякующихъ помѣщиковъ, къ огражденію обращенныхъ имъ въ христіанство магометанъ и евреевъ отъ преслѣдованій плотныхъ общинъ и чиновниковъ изъ ихъ единоврѣцевъ. Особа его мнѣнія по дѣламъ духовенства, производившимся въ присутственныхъ мѣстахъ полякующими чиновниками, дышавъ энергіею, правдою и неуловимую осторожностью. Личный его нравъ заслужилъ ему общее уваженіе, ограждавшее его отъ ненависти, которую многіе изъ иновѣрцевъ питали къ нему за его неусыпную дѣятельность: Съ другой стороны, то видимъ его изучающимъ на старости лѣтъ греческій языкъ, чтобы доисаться доступныхъ народу объясненій перевода богослужебныхъ канонныхъ, то видимъ его собирающимъ самыя оригинальныя поговорки бѣлорусскаго крестьянина.

Но, конечно, вѣнцемъ лучезарнымъ, вѣнцемъ неувидаемымъ послужить памяти его. религиозно-нравственное воспитаніе своего пра-

вселеваго и сосѣдникъ латинствовавшихъ приходоѡ. «*Духъ христіанскій*», за октябрь 1861 года, посвятилъ нѣсколько страницъ общественному отзыву объ этой сторонѣ его дѣятельности. Дай только Господь силу и желаніе преемникамъ о. Зѣньковича подражать своему предшественнику въ его пастырскомъ трудѣ, плоды котораго нынѣ всѣмъ очевидны.

Въ теченіе послѣднихъ 18-ти лѣтъ жизни о. Левъ обратилъ все вниманіе свое на образованіе прихожанъ. Сознавая, что для большинства сельскаго населенія, неизмѣющаго ни времени, ни возможности достигнуть просвѣщенія путемъ образованія научнаго, храмъ Божій долго еще будетъ оставаться единственнымъ училищемъ, онъ устремилъ всѣ силы свои, чтобы сдѣлать богослуженіе доступнымъ пониманію всѣхъ; и для того, въ отпоръ бездушнымъ органамъ латинскихъ костеловъ и тривіальной проповѣди сосѣдей-ксендзовъ, по преимуществу увлекающихъ крестьянство въ костелы, гдѣ умъ и чувство посѣтителя находятся въ зависимости отъ музыки и рѣчи проповѣдника, скрывающихъ за звуками органа и словами проповѣди символическую, нравственную, историческую и учительную стороны богослуженія, онъ успѣлъ привлечь къ участию въ своемъ словесномъ богослуженіи *весь народъ*. Въ крѣвской церкви на возгласы священника отвѣчаетъ не одинъ клиросъ, а весь приходъ.— И отвѣчаетъ сознательно: это чувствуетъ ваше сердце, слыша слова богослуженія, производимыя не въ видѣ бессмысленной *мира жертвы*, а отчетливо, раздѣльно, при полномъ сочетаніи голоса съ мыслью. Весь напѣвъ идетъ речитативомъ; звонкіе люди слышать въ немъ отголосокъ столповаго пѣнія и древнѣйшихъ напѣвовъ, употребляемыхъ на востокѣ, напѣвовъ, извлекающихъ у поющаго и у слушающаго такое умиленіе, которое не остается безъ плода, и внѣ церкви, въ общественныхъ другъ къ другу отношеніяхъ прихожанъ. Однимъ словомъ, отецъ Зѣньковичъ, съ помощію Божіею, успѣлъ воплотить въ жизни катехизическое опредѣленіе церкви, сдѣлавъ изъ своего прихода собраніе вѣрующихъ (1).

Понятно, что въ виду такой дѣятельности священника Зѣньковича и подобнаго развитія крестьянъ, нѣжно любившихъ его, дальнѣйшее существованіе латинства въ крѣвскомъ округѣ дѣлалось немислимымъ. Поэтому такъ легко и такъ естественно совершилось воссоединеніе съ православною церковью прихожанъ

[1] Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени доставить читателямъ по возможности подробное жизнеописаніе о. Льва Зѣньковича. Нынѣ обращаемся ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ просьбою почтить память его пожертвованіемъ на учрежденіе при литовской семинаріи стипендіи «священника Льва Зѣньковича». Покойный умеръ бездѣтнымъ. Братъ его Флоръ, проживающій въ Крѣвѣ, находится въ крайней бѣдности. Онъ и жена его ходатайствуютъ объ опредѣленіи сына ихъ, Артемія, 12 лѣтъ, въ память дяди его, въ виленское духовное училище. Пожертвованія просимъ адресовать въ виленское Свято-Духовское братство. *Лет.*

крѣвскаго востела. Въ біографіи о. Льва будетъ подробно изложено весь тотъ рядъ мѣръ, которыя употреблялъ онъ для подготовки сего вождѣльнаго возвращенія русскихъ людей къ прародительской вѣрѣ.

Быстро, въ два мѣсяца, совершилось приспособленіе обширнаго зданія для нуждъ православнаго богослуженія, и 4-го сентября назначено освященіе храма епископомъ ковенскимъ Александромъ, викаріемъ литовской епархіи.

Незабвеннымъ должно остаться для всѣхъ присутствовавшихъ торжество это, совершившееся въ назначенный день, при ясной погодѣ, подъ яркимъ солнцемъ, въ присутствіи десяти тысячъ народа всевозможныхъ исповѣданій: и православныхъ, и старовѣровъ, и римлянъ, и лютеранъ, и евреевъ, и магометанъ, собравшихся почитать праздникъ обновленія храма, подготовленный человекомъ, всѣми ими уважаемымъ.

Счастливымъ случай привелъ на мѣсто торжества г. главного начальника края К. П. Фонъ-Кауфмана, который выѣхалъ наканунѣ изъ Вильны для обозрѣнія Виленской и Минской губерній, начальника виленской губерніи С. Θ. Панютина и начальника 30-й пѣхотной дивизіи генераль-маіора Пузанова, объѣзжающаго вѣренныя ему войска. Присутствіе сихъ начальниковъ, многочисленныя гости изъ Вильны и окрестностей Крѣва, множество офицеровъ изъ мѣстныхъ войскъ, духовенство и волостные старшины со старостами изъ цѣлаго уѣзда, придали празднику небывалый торжественный видъ, которому достойною обстановкой служили остатки крѣвскаго замка и окружающія село высоты, съ развалинами древнихъ храмовъ и уцѣлѣвшимъ Городищемъ надъ сморгонскою дорогою.

Народъ буквально наполнялъ собою улицы и небольшую площадку подъ возвышенностію, на которой стоитъ приготовленный къ освященію храмъ; толпился онъ и вкругомъ храма, наполнялъ онъ и самый храмъ. Когда же крестный ходъ подъ звуки гимна, исполненнаго полковою музыкой, «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ», тронулся съ архіереємъ во главѣ за антиминсомъ къ Успенской старенькой, покосившейся, соломою покрытой, церкви, то вся эта народная волна залила собою широкій путь, на полверсты почти идущій съ горы, по удолю, и опять на гору, гдѣ стоитъ Успенская церковь и домъ покойнаго отца Льва Зѣнковича.

Антиминсъ принесенъ; освященіе храма кончилось; просторный храмъ наполнился до возможности людемъ; началась литургія. Невозможно описать чувства, охватившаго сердца, этого трепета, проникающаго въ сокровеннѣйшіе тайники души, когда за словами священника слышались: протяжное, почти громовое, какъ бы изъ груди необычайнаго великана исходящее, звучное, согласное, всенародное: *аминь, Госпади помилуй* и прочія трогательныя молитвы литургіи. Пѣли *единими устми* прихожане почившаго отца Льва, пѣли воссоединенные ихъ сосѣди, пѣли римскіе католи-

ки, не воссоединившіяся еще, но подготовленные духомъ, пѣли мужики и женщины, взрослые, дѣти...

Все, что въ умѣ собралось представленій о величин христианской молитвы первыхъ вѣковъ нашей эры, все это воплотилось, гдѣ же, — среди русской Литвы, въ столицѣ языческаго Крѣва-Брѣвейты, въ центрѣ края, три вѣка безуспѣшно заѣдаемаго лапствомъ, среди русскаго населенія, тщетно доводимаго римскимъ католичествомъ до оступленія, до поглощенія христианской въ немъ шли политическимъ объединеніемъ его съ трупомъ Польши.

Много зла надѣлалъ Россіи полякъ и много онъ еще его надѣлаетъ, пока будетъ барахтаться въ опутавшихъ его сѣтяхъ запада, пока римская омега будетъ высасывать здоровѣйшіе соки изъ крови, и пока мы сами не сознаемъ вреда — прививать сѣмена чужезадки, отъ дерева ея уже изсушеннаго — къ здоровымъ же вѣтвямъ русскаго дерева.

Литургія оканчивалась. Къ святому причастію приступало до двухъ сотъ человекъ вновь воссоединенныхъ. Во время долгаго благоговѣйнаго причащенія ихъ ни въ комъ, нигдѣ въ церкви не показалось ни тѣни нетерпѣнія. Причащеніе это было какъ бы общою трапезою, общимъ пиромъ собравшихся христианъ. И такое общее чувство придало всему празднику особый оттѣнокъ, который совершенно ступенькавалъ собою неизбѣжныя въ теченіи дня, въ свѣтскихъ отношеніяхъ, при множествѣ собравшихся людей, различныя шероховатости.

На площади, предъ новымъ домомъ священника выстроены были части мѣстныхъ войскъ и разставлены столы для хлѣба-соли собравшимся изъ отдаленныхъ мѣстъ крестьянамъ. Главный начальникъ края, сопутствующимъ преосвященнымъ Александромъ и гражданскимъ губернаторомъ С. Ѳ. Панютинымъ, привѣтствовалъ воинство, и наконецъ, окруженный свитою, вошелъ въ средину столовъ. Въ это время взоры всѣхъ многихъ тысячъ собравшагося народа обращены были на начальника края, неусыпная дѣятельность котораго и просвѣщенная любовь къ русскому дѣлу успѣли дѣлаться всѣмъ извѣстными.

«Здоровье Государа Императора и всего Царствующаго Дома!» провозгласилъ генераль-губернаторъ, — и громкое, восторженное *ра* огласило всю окрестность.

«Здоровье преосвященнѣйшаго митрополита и епископа Александра!» воззвалъ С. Ѳ. Панютинъ. Многая лѣта! кликнулъ народъ.

«Твое здоровье, православный русскій народъ!» громко, медленно и внятно произнесъ наконецъ Константинъ Петровичъ. Невозможно выразить восторга, охватившаго при этихъ словахъ всѣхъ присутствовавшихъ. Нескончаемое, задушевное *ура* долго, долго повторялось изумленными окрестностями.

Отчего тебя съ нами не было, тебя виновника торжества, тебя, почившій отецъ Левъ Зѣньковичъ? — Дивный промыслъ Госпо-

день безпрестанно намъ указывать на дѣателей, которымъ не дается вкусить отъ плода трудовъ ихъ: такъ и Царь-Пророкъ не удостоился посвятить Богу храмъ, имъ основанный. Но тѣмъ не менѣе слава Царя-Пророка достигла отдаленнѣйшихъ потомствъ. Вѣримъ, что и имя, просвѣщеннаго Богомъ крѣвскаго іерея не забудется потомками просвѣщенныхъ имъ христіанъ. Миръ праху его! Вѣчная память его духу!

— «Здоровье генераль-губернатора! возгласилъ Степанъ Ѳеодоровичъ Панютинъ, когда замолкли одушевленные клики, возбужденные предшествовавшимъ задравіемъ.

Шалки полетѣли къверху, поднялись руки къ небу, крестились люди. Здоровье! ура! спасибо! благодарю! слышалось посреди общаго восторжественнаго гула.

Празднество окончилось почтеніемъ памяти покойнаго крѣвскаго священника. Въ понедѣльникъ утромъ, послѣ обѣдни, съ хоругвями, двинулся крестный ходъ на могилу отца Льва. И здѣсь-то высказались вся та любовь, все то уваженіе, которыя питали къ нему его прихожане.

На могилѣ поставленъ чугунный памятникъ съ слѣдующими на четырехъ сторонахъ его, подъ высокимъ крестомъ, надписями:

1) Священнику Крѣвской церкви Льву Зѣньковичу.

2) Родился 1788, умеръ 25 мая 1864; въ священномъ санѣ съ 9 мая 1813 года.

3) Достойному пастырю признательные прихожане и общество русскихъ офицеровъ, духовенства и чиновниковъ Опшянскаго уѣзда устроили этотъ памятникъ 1-го августа 1865.

4) Услышь нашу, пастырь, надгробную пѣснь твоего прихода, поющаго Господу: «со святыми упокой.»

Окруживъ памятникъ, прихожане своимъ своеобразнымъ нагѣвомъ пропѣли панихиду, которую служилъ преемникъ о. Зѣньковича, Деметій Константиновичъ Плавскій. Мужественные голоса громаднаго хора сливались въ одинъ стройный звукъ, и въ сознательномъ произношеніи молитвенныхъ словъ, слышалось то непередаваемое никакимъ описаніемъ чувство, которое нужно самому испытать, при той обстановкѣ, которой нужно быть очевиднымъ свидѣтелемъ.

Александръ Рачинскій.

(Вил. Вѣст.)

19.

ВОЗОВНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ СВ. НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Православная Вильна уже начинаетъ возникать изъ праха и заустѣнія: пройдетъ не много времени, годъ или два, и она явится во всемъ своемъ блескѣ. Два собора (Пречистенскій митрополи-

чій и Николаевскій кафедральный), двѣ церкви (Пятницкая и Николаевская) и женскій Маріинскій монастырь частью уже отдѣланы, частью готовятся къ окончательной отдѣлкѣ. И когда всѣ эти православныя святыни вознесутъ свои позлащенные кресты и главы надъ старой Вильной, видъ города сдѣляется не узнаваемъ: если не вся, то юго-восточная сторона Вильны приметъ характеръ вполне русскаго города чѣмъ она и отличалась во времена литовскаго владычества. На этомъ, относительно небольшомъ, пространствѣ, мы будемъ нѣтъ три монастыря (Св. Духовскій, Троицкій и Маріинскій—и женскій), два собора и три православныхъ церкви (Андреевскую, Николаевскую и Пятницкую). Искусство и благочестіе строителей ничего не пожалѣли, чтобы придать древней русской святынѣ въ Вильнѣ возможную степень красоты и изящества и сообщить ей, на сколько это возможно въ живописи и архитектурѣ, чисто православный характеръ. Что касается до архитектуры, то при всемъ стараніи, это желаніе не легко исполнимо; ибо виленскіе памятники православія, переходя изъ рукъ въ руки, отъ р. католиковъ къ уніатамъ и православнымъ и обратно, не могли не утратить древней чистоты и строгости своего стиля; по этой причинѣ не всѣ они въ архитектурномъ отношеніи удовлетворяютъ православному эстетическому вкусу. Но сдѣлано все, что можно, и кажется даже болѣе, чѣмъ можно; по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оказалось недостаточнымъ зодчество, живопись и валяніе (на сколько послѣднее допускается въ православныхъ храмахъ) расточили свои богатія средства для того, чтобы придать храму древле-православный стиль. Почти всѣ вновь воздвигаемые и возобновляемые виленскіе храмы и часовни отличаются древнимъ византийско-русскимъ стилемъ: изображенія на св. иконахъ написаны по золотому фону; иконостасы—дубовые, красиво и узорчато вырѣзанные, стѣны окрашены въ томъ же древнемъ вкусѣ, который въ одно и то же время любилъ и изящную простоту и затѣйливую узорчатость. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы виленскіе православныя церкви отличались утомительнымъ однообразіемъ. Не говоря уже о томъ, что не всѣ онѣ еще отдѣланы, а Пречистенскій митрополичій соборъ не готовъ даже и вчернѣ, но если, побывавъ въ женскомъ монастырѣ и въ Николаевской церкви, вы выносите почти одно и то же впечатлѣніе, обусловливаемое нѣкоторымъ сходствомъ священной художественной обстановки,—за то, войдя въ кафедральный Николаевскій соборъ, вы поражаетесь всецѣмъ инымъ чувствомъ: вмѣсто таинственнаго полумрака, какъ бы напоминающаго катакомбы древнихъ христіанъ, васъ обдають со всѣхъ сторонъ потоки свѣта, и такъ легко вы чувствуете себя подъ величественными сводами этого колоссальнаго храма! Да, десять православныхъ храмовъ своими крестами и металлическими голосами громко говорятъ вамъ, что Вильна—русскій городъ; эти возсіявшіе кресты—символы твердой вѣры и надежды нашей въ томъ, что древняя столица литовскихъ князей, переживъ свои

столѣтнія невгоды, отныиъ и навсегда вступаетъ се вѣдъмъ сѣверо-западнымъ краемъ на новый историческій путь, вакимъ шла и идетъ на необъятное пространство, раскинувшаяся сѣверо—и юго-восточная Россія! Вѣчная память тому, кто, внявъ общему голосу русскаго народа, двинулъ сѣверо-западную Русь на ея прямую Русь, на ея прямую историческую дорогу!

Основаніе Николаевской церкви, по несомнѣнному историческому сказанію, приписывается второй женѣ литовскаго князя Ольгерда, Іуліаніи Александровнѣ Тверской, и относится къ первой половинѣ XIV столѣтія, а именно ко времени между 1346—1377 годами. Но, по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца Ровіуша, въ самомъ началѣ царствованія Гедимина, именно въ 1315 году, была уже въ Вильнѣ русская церковь и гостинный дворъ для русскихъ купцовъ. Быть можетъ, Іуліанія только возобновила или украсила русскую церковь Святителя Николая, особенно чтимаго русскимъ народомъ, и, вѣроятно съ тѣхъ поръ прозваннаго литовско-русскими христіанами покровителемъ города Вильны. Это подтверждается жизнеописаніемъ св. виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, гдѣ говорится, что эти святые подвижники были погребены въ церкви св. Николая; мученическая же смерть ихъ послѣдовала, какъ извѣстно, никакъ не позже 1347 года. Сверхъ того, существуетъ преданіе, что мощи этихъ мучениковъ перенесены въ Троицкую церковь, именно изъ этой, а не изъ другой Николаевской церкви,—все это свидѣтельствуеетъ о существованіи Николаевской церкви еще до времени княгини Іуліаніи. По вліянію усилившейся въ Литвѣ латинско-польской пропаганды, оволо 1480 года король Казиміръ запретилъ постройне новыхъ и починку старыхъ православныхъ церквей. Вслѣдствіе этого распоряженія, православные храмы города Вильны начали приходить въ упадокъ. Но князь Константинъ Острогескій, послѣ побѣды между Оршею и Дубковкою (30 ноября 1514 года), исходатайствовалъ у Сигизмунда І-го грамоту на возобленіе каменною постройкою среди Вильны церкви св. Николая, прозваннаго Великимъ. Стараніями этого незабвеннаго ревнителя православія Николаевская церковь возобновлена въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она существовала до послѣдняго времени. Послѣ брестской церковной уніи (1569 г.) церковь эта еще долго оставалась за православными, такъ что когда рьяный поборникъ уніи, митрополитъ Поцѣй, отобралъ у православныхъ жителей Вильны 12 храмовъ, церковь Святаго Николая была еще въ числѣ семи, оставшихся за ними. Извѣстно печальное положеніе православныхъ храмовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ распространялась унія; но независимо отъ этого, виленскіе храмы испытали еще другого рода бѣдствія. Во время бывшихъ въ городѣ пожаровъ, въ 1646 и 1649 годахъ Николаевская церковь сильно обгорѣла, и, вмѣстѣ съ Пятницкою, Косьмодамиановскою и Воскресенскою церквами, подверглась почти совершенному уничтоженію. Православные и не могли,

и не имѣли права возобновить ее; поэтому она перешла въ вѣдѣніе уніатскаго (что нынѣ православный) Свято-Троицкаго монастыря, а вскорѣ послѣ того была отдана бѣлому уніатскому духовенству. Но такъ какъ уніатскія церкви все еще напоминали русское православіе, то непримиримые враги его употребляли всѣ средства, чтобы мало по-малу уничтожить этотъ памятникъ нашей христіанской древности. Нельзя умолчать объ этихъ средствахъ, благодаря которымъ Николаевская церковь, если и не уничтожилась, то сдѣлалась почти незамѣтной въ Вильнѣ. Такъ, напримѣръ, русскіе православные, а отчасти и уніатскіе, храмы обыкновенно начинали стѣснять всевозможными постройками, закрывавшими ихъ до такой степени, что, вмѣсто улицы или площадки, безъ которыхъ для насъ не мыслимъ храмъ Божій, послѣдній являлся на нечистомъ и смрадномъ дворѣ, въ которомъ, какъ бы нарочно, самыя нечистыя и распространяющія зловоніе мѣста обращались къ русской святынѣ. Точно тоже было и съ Николаевскою церковью. Стѣсненная и закрытая со всѣхъ сторонъ домами и пристройками, она только своею красивою колокольнею указывала ѣдущимъ и идущимъ по улицѣ на присутствіе здѣсь, въ нечистомъ дворѣ; какъ бы забытаго православнаго храма. По воссоединеніи униі, церковь Николаевская возстановлена въ православномъ чинѣ высокопреосвященнѣйшимъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ, а домъ, закрывавшій фасадъ церкви, былъ сломанъ; но, по недостатку средствъ, открывшійся храмъ только напоминалъ о прежнемъ угнетеніи православія въ здѣшнемъ краѣ. Насталъ 1863 годъ, 8 ноября, въ день ангела главнаго начальника сѣверо-западнаго края М. Н. Муравьева, помощники и сотрудники его въ дѣлѣ умиротворенія края, желая увѣковѣчить его подвиги на память потомству, порѣшили собрать сумму на сооруженіе церкви во имя архистратига Михаила въ томъ мѣстѣ, которое будетъ указано главнымъ начальникомъ края. Желаніе это было высказано въ слѣдующемъ письмѣ къ С. Ѳ. Панютину, начальнику Виленской губерніи:

«Вся русская земля преисполнена сочувствіемъ къ самоотверженію и подвигамъ Михаила Николаевича Муравьева. Въ православной русской землѣ нѣтъ памятника выше святыни. И мы положили воздвигнуть въ здѣшнемъ краѣ, въ мѣстѣ, которое будетъ указано его высокопревосходительствомъ, церковь во имя архангела Михаила. Мы желали бы, чтобы въ этой церкви постоянно приносились молитвы за долгоденствіе Михаила Николаевича и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвою при усмирении мятежа. Въ настоящій дорогой для насъ день мы, русскіе свидѣтели умиротворенія сѣверо-западнаго края, покорнѣйше просимъ исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе подписки для сооруженія церкви. Вильна, 8-го ноября 1863 года.»

Слѣдуетъ подписей 207.

Предложеніе это было принято покойнымъ графомъ, но съ

тѣмъ, чтобы пожертвованную сумму употребить на возобновленіе Николаевской церкви. Съ Высочайшаго соизволенія была открыта на сей предметъ подписка по всей имперіи, доставившая 82,431 р. 59 к. Но чтобы цѣль жертвователей была вполне достигнута, опредѣлено было устроить при этой же церкви часовню на имя Архистратига Михаила.

Возобновленіе церкви и сооруженіе часовни продолжалось ровно два года; часовня, впрочемъ, еще не отдѣлана. Работы производились подъ наблюденіемъ архитектора Н. М. Чагина, по рисункамъ профессора академіи художествъ А. И. Рязанова. Въ цѣломъ Николаевская церковь представляетъ замѣчательное архитектурное произведеніе, оригинальную смѣсь разныхъ стилей: не имѣя шатра, или главнаго купола православнаго храма, она вознаграждаетъ этотъ недостатокъ довольно массивной и шатрообразной часовней, пристроенной къ сѣверной ея сторонѣ, по одной линіи съ колокольней; послѣдняя, тонкая, стрѣльчатая и довольно высокая, покрытая кровлею изъ бѣлой жести, на манеръ древнихъ русскихъ церковныхъ построекъ, необыкновенно красива, хотя въ стилѣ ея есть что-то мавританское; внутри и снаружи вся церковь изящно раскрашена извѣстнымъ петербургскимъ художникомъ Ѳ. И. Бренсономъ. Освободившись отъ загромождавшихъ ее построекъ, Николаевская церковь съ лучшей виленской улицы, Большой, на которой и стоитъ она, красуется и виднѣется теперь, какъ на ладонѣ. Теперь только стало замѣтно, что этотъ храмъ стоитъ на возвышеніи, на холмѣ, согласно историческому преданію; это возвышеніе отдѣляется отъ улицы красивою чугунною рѣшеткой, утвержденной на гранитѣ. Въ Вильнѣ существуетъ комитетъ объ устройствѣ православныхъ церквей, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи; всѣ дѣла по возобновленію православныхъ храмовъ въ самой Вильнѣ и губерніи подлежатъ вѣденію этого комитета. Мы пересматривали дѣла его и не могли не обратить вниманія на тѣ затрудненія и хлопоты, которыя пришлось преодолѣть комитету по поводу приобрѣтенія домовъ и другихъ построекъ, стѣснявшихъ и уничтожавшихъ здѣсь наши храмы: такъ, чтобы дать приличный просторъ Николаевской церкви, потребовалось скупить пять частныхъ домовъ, употребивъ на это 16,250 р. (за вычетомъ 6 тыс., полученныхъ отъ продажи дома, принадлежавшаго той же церкви, но находившагося въ другомъ мѣстѣ). Церковный причтъ, состоявшій изъ двухъ священниковъ, диакона, двухъ дьячковъ и профсорми, помѣщается въ одномъ изъ купленныхъ домовъ, на церковномъ погостѣ. Къ Николаевскому приходу приписано 714 душъ мужскаго и 655 женскаго пола.

Николаевская церковь замѣчательна слѣдующими драгоценностями и особенностями:

1) Въ ней хранится частица мощей св. Николая Чудотворца, привезенная изъ Италіи.

- 2) Священническое облачение, пожертвованное Государынею Императрицей.
- 3) Такое же облачение, сдѣланное изъ покровы, которымъ былъ накрытъ гробъ гр. М. Н. Муравьева, пожертвованное графиней.
- 4) Священническая риза изъ бѣлаго газета, вышитая шелками и пожертвованная русскими дамами города Трокъ.
- 5) Цвѣтные, узорчатые стекла и запрестольный образъ благословляющаго Спасителя, сдѣланные за границей.
- 6) Хоругви, пожертвованные служащими по мировымъ учреждениямъ.
- 7) Разная церковная утварь, пожертвованная крестьянами Смоленской губернии, прїѣзжавшими въ Вильну въ 1864 съ благодарственнымъ адресомъ къ М. Н. Муравьеву за спасеніе ихъ отъ мятежннческихъ шаекъ.
- 8) Изящно сдѣланный металлическій, густо посеребренный престолъ.
- 9) Иконостасъ дубовый, рѣзной, иконы—работы художника Тихообразова. Предъ жѣотными иконами фарфоровыя свѣчи, исполнены на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ.
- 10) Въ старинномъ русскомъ вкусѣ печи, изъ изразцовъ, сдѣланныхъ по рисунку академика Рязанова.

Съ такимъ тщаніемъ и великолѣпіемъ обновленный древній храмъ сей, 8-го текущего ноября, въ празднованіе св. церквию Михаилу Архангелу, торжественно освященъ преосвященнымъ епископомъ Александромъ, въ сослуженіи всего высшаго виленайскаго духовенства и при собраніи множества народа изъ всѣхъ слоевъ общества, котораго только часть могла вмѣститься въ самой церкви: прочіе стояли и усердно молились внѣ ея. Блестящія облаченія священно-служителей, какихъ еще не видѣли виленскіе храмы, придавали особенную торжественность. Служеніе г. начальника губерніи С. Ѡ. Панютина во время всего богослуженія въ новой его—церковной должности,—въ должности старосты Николаевской церкви радовало православно-русское сердце, видѣвшее въ этомъ лицѣ трогательный примѣръ нашихъ нѣкоторыхъ благочестныхъ вельможъ—ктиторовъ и старость церкви. С. Ѡ. Панютина, согласно своему желанію, избранъ приходомъ Никольской церкви въ церковные старосты; помощниками ему выбраны предсѣдатель комисіи по крестьянскимъ дѣламъ при главномъ начальникѣ края Н. А. Зубковъ и членъ виленайскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Н. Е. Кастальскій. Особенно торжественъ и умилителенъ былъ крестный ходъ вокругъ церкви со св. Мощами; запрестольный крестъ, прекрасно устроенный изъ массивнаго металла, несенъ былъ впереди самимъ начальникомъ губерніи; хоругви, также металлическія вызолочен-

ныя, пожертвованныя мировыми учреждениями, несомы были мировыми посредниками, и другими чинами высшей мѣстной администраціи: народъ, толпою стоявшій предъ веревкою и окрестея, какъ бы невольно, въ благоговѣніи, преклонялся, а иные во-лѣбнопреклоненно повергались предъ несомою святынею, однако-во драгоценною и досточтимую для всякаго христіанина; не могъ было не уронить слезы при воспоминаніи того, что было, а при видѣ— что теперь..... Послѣ многолѣтія по освященіи храма провозглашена была вѣчная память незабвенному въ этомъ храмѣ Графу М. Н. Муравьеву. На Божественной Литургіи, совершаемой тамъ же просвященнѣйшимъ, во время причащаемаго, прознесено мѣстнымъ старшимъ священникомъ Петромъ Левицкимъ Слово.

20.

ПО ПОВОДУ ТОРЖЕСТВА 1-го ОКТЯБРЯ ВЪ М. РУКОЙНЯХЪ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Давно ли началось движеніе въ пользу православія въ Виленскомъ уѣздѣ? Едва годъ приходитъ къ концу отъ этой замѣчательной эпохи—а что мы видимъ? Въмѣсто одной на весь уѣздъ, и то стоявшей зѣ запустѣнія, церкви въ селѣ Кердѣевѣ, теперь посчитайте, сколько красуется по уѣзду православныхъ храмовъ! Юрьево, Быстрица, Шужскъ, Цудзенишки, Рукойни, Подберезье, Рудомино, Островецъ, кромѣ Кердѣева съ обновленнымъ храмомъ и именемъ, да кромѣ возобновленнаго въ кердѣевскомъ приходѣ храма вилькитскаго. А тамъ впереди близка окончательная отдѣлка вновь воздвигнутаго храма въ Интургахъ. Вѣдь это перевалило уже за десять! А слышали вы, что случилось съ большинствомъ прежняго православнаго люда, какъ капля въ морѣ теряннагося на широкое пространство окатоличеннаго Виленскаго уѣзда? Разсѣянные по уѣзду, они въ большей части только по спискамъ вѣдомы были православно. Духовенство городское должно было проѣзжать десятки верстъ, чтобы отыскивать ихъ по одному. А теперь ими заселены цѣлыя новыя деревни. Теперь ужъ излишне ломать голову—въ какихъ... ишегахъ живетъ такой то православный: поселенные вмѣстѣ они получили и соотвѣтственное имя. Вотъ село Нивольское, такъ Преображенское, далѣе Вознесенское и т. п.,—такъ и видишь, что тутъ живутъ православные. Оно и для выговора легче и душѣ отраднѣе. А какъ это отраднѣе для самихъ поселенцевъ! Немнѣшніе прежде гдѣ главы подклонити, испытывавшіе одни попреки да насмѣшки, теперь живутъ они одной семьей, на своей землѣ, ни чѣмъ нестѣсняемые, махнужаемые для куса хлѣба жертво-

ить дорогими уставами вѣры, они находятъ теперь полную отраду въ исповѣдуемомъ ими православіи. Дай Богъ, чтобы эта чистая завсаска произвела благодѣтельное дѣйствіе на окружающую его литовскую среду. Недалеко то время, когда мы будемъ радоваться исполненію теперешнихъ желаній. Вѣдь кто-бы могъ подумать годъ тому назадъ, что напр. въ Рукоиняхъ въ нынѣшнемъ году будутъ возможны тѣ явленія, которыхъ свидѣтелями мы были 1-го октября. Въ половинѣ октября прошлаго года ко дню открытія рукойнскаго училища подготовлено было къ присоединенію около двухъ десятковъ римскихъ католиковъ, которые, сознавъ себя русскими, рѣшились идти въ разрѣзъ съ предубѣжденіями своихъ односельцевъ. Но при всей искренности рѣшенія, нѣкоторые изъ нихъ не могли высказать своихъ опасеній,— что имъ житья не будетъ, что на всякомъ шагу въ нихъ будутъ тыкать пальцами. «Не смущайтесь, имъ было сказано, не обращайтесь вниманія на злую людскую молву, молчаніемъ и терпѣньемъ ее переможете, а правительство не дастъ васъ въ обиду». Другіе указывали на отдаленность церкви и духовенства на случай болѣзни или другихъ христіанскихъ потребностей. «Будьте покойны: явится нужда—дайте знать, а священнича ждать не придется; а тамъ дастъ Богъ и церковь будетъ». И начало мало-по-малу множиться число православныхъ. Уже являлась мысль устроить для воссоединенныхъ временную церковь, гдѣ-бы они могли находить по временамъ духовное услажденіе и укрѣпленіе. Необходимо это было среди многочисленнаго римскаго прихода, во главѣ котораго стоялъ есендзь ловкій. Но тогда какъ русскіе люди въ своемъ смиреніи только проектировали устройство временной церкви, перстъ Вожей иначе направилъ ходъ событій—болѣе чѣмъ предположенія человѣческія. Обращеніе быстрицкаго прихода электрической искрой пробѣжало по древнему населенію: пошли присоединенія быстрее и, вслѣдъ за быстрицкимъ, преобразились въ православные храмы—костелы въ Шумскѣ, Пудзенишкѣ, Рукоиняхъ, а потомъ и далѣе. Чѣмъ неожиданнѣе былъ такой поворотъ дѣла, тѣмъ усиленнѣе натянуты были струны застенной злобы латынства. Уже какихъ штукъ не выдумывали, на какіе фокусы не выдвигались, какихъ слуховъ не распускали,— да и теперь они, въ постоянномъ напряженіи, всячески стараются противодѣйствовать православію. Но оставимъ ихъ собственной ихъ злобѣ, въ которой найдутъ они въ свое время должное себѣ возмездіе. Наше дѣло свято, стоитъ оно непоколебимо, и никакая злоба, никакая хитрая интрига не въ силахъ его ниспровергнуть! Вотъ какія мысли и соображенія могло возбудить въ безпристрастномъ наблюдателѣ торжество 1-го октября, совершившееся въ м. Рукоиняхъ.

Праздникъ Покрова Богородицы былъ первымъ храмовымъ праздникомъ рукойнской церкви, первымъ послѣ освященія и, можетъ быть, единственнымъ по своей торжественности. Особенную

торжественность придало празднику слѣдующее обстоятельство. Въ своей материнской заботливости о чадахъ многочисленной русской семьи, Государыня Императрица благоизволила явить особенный знакъ своей любви къ новымъ чадамъ церкви православной она прислала образа въ нѣкоторыя церкви Виленскаго уѣзда. Въ числѣ другихъ Монаршаго дара сподобилась и церковь рукоинская. 30-го сентября образъ врученъ военному начальнику—какъ первому братчику рукоинской церкви—для препровожденія по принадлежности. Привезенный въ Рукоини на канунъ праздника, образъ помѣщенъ въ сельскомъ училищѣ до времени внесенія въ церковь. Къ празднику собралось духовенство въ такомъ числѣ, въ какомъ не вездѣ бываетъ и по другимъ уѣздамъ. Погода какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала торжественно-радостному настроенію собравшагоса духовенства, народа, воиновъ и гостей. Торжество началось послѣ водоосвященія, совершеннаго въ церкви предъ обѣдней. Съ колокольнымъ звономъ выступилъ величественно изъ храма крестный ходъ съ хоругвями и иконами и направился къ училищу, противъ котораго на дорогѣ расположилась парадомъ 1-я рота Троицкаго полка съ полковой музыкой, прибывшей изъ Вильны по случаю ротнаго праздника. Духовенство вошло въ училище, послѣ обычнаго кажденія, при гдѣни тропаря празднику, поднявши образъ, вручило его военному начальнику и мировому посреднику, которые послѣ, на пути, передали его двумъ старшинамъ. Полковая музыка привѣтствовала появленіе святыни гимномъ «Коль славень»; затѣмъ крестный ходъ, сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, въ обратномъ шествіи обоидя кругомъ церкви, вошелъ въ церковь, и даръ Императрицы помѣщенъ былъ на аналогіи среди вѣлика изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Материнская любовь Государыни угадала потребность храма: она прислала въ даръ именно выносный храмовой образъ, котораго не доставало—образъ Покрова Богоматери. Нечего говорить о высокомъ достоинствѣ иконы: живопись превосходная, украшеніе дорогое, — но всего дороже она будетъ для рукоинскихъ прихожанъ, какъ даръ любвеобильной Государыни. Затѣмъ началась литургія, которую совершилъ кафедральный протоіерей съ двумя священниками и діакономъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что во время богослуженія нововозсоединенные, особенно женщины, годъ тому назадъ дичившіеся всего православнаго, теперь смѣло и радостно ставятъ свѣчи по-православному. Послѣ обѣдни, во время которой о. Іоаннъ Стрѣлецкій въ краткомъ поученіи изложилъ сущность праздника и важность дара Государыни, совершенъ молебенъ предъ присланнымъ образомъ съ многолѣтіемъ Государю, Государынѣ и всему Царствующему Дому, св. синоду, нашену архипастырю, благоверному синелиту, воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Послѣ молебна окроплены св. водой воины, праздновавшіе свой ротный праздникъ, а затѣмъ все—и мѣстное православное населеніе и духовенство, музыка и ревнители православія, нарочно прибыв-

ше изъ Вильны—соединилось на дворѣ священника. Послѣ благословенія предложенной народу трапезы возглаголанъ тосты за Государя и за Государыню, осчастливившую Рукойми своимъ даромъ; гимнъ «Боже Царя храни» былъ на нихъ отвѣтомъ, при громкомъ единодушномъ «ура!» Затѣмъ послѣдовало здоровье всѣхъ православныхъ и съ *праздникомъ*—воинамъ. Послѣ сего солдаты со всѣмъ русскимъ радушіемъ стали угощать крестьянъ: и нельзя было не порадоваться тому единенію и любви, какое выражалось при этомъ между воинами и крестьянами. Крестьянинъ сознательно теперь чувствуетъ свое родство съ Россіей и отъ души сближается съ солдатомъ. Не менѣе радушнымъ приѣмомъ встрѣчены были въ домѣ священника духовенство и прочіе гости: торжественное веселіе невольно выражалось на лицахъ всего собранія. Послѣ закуски общество поспѣшило на площадку противъ церкви, гдѣ представлялось умиленное зрѣлище. Народъ отъ души ликовалъ, пляской и качелями выражая чувство непритворной радости; музыка и пѣсенники вторили общему веселію. Чтобы составить полное понятіе объ этомъ праздникѣ, надобно было его видѣть. Вплоть до вечера шло гулянье, а вечеромъ, возобновившись при свѣтѣ зажженныхъ костровъ и смоляныхъ бочекъ, продолжалось почти до полуночи. Вензелевое изъ лампы на домѣ священника изображение имени Государя и Государыни произвело на народъ радостное впечатлѣніе.

2-го числа въ воскресенье изъ обѣднѣ собралось довольно народу; не были только живущіе подалше отъ мѣстечка. Послѣ обѣднѣ мѣстный священникъ объявилъ прихожанамъ, что въ три воскресные дня будетъ совершаться особенное моленіе о здравіи Государыни предъ присланнымъ ею образомъ, а затѣмъ и совершено молебствіе съ сердечнымъ участіемъ народа. 3-го числа совершена за упокой родныхъ братская обѣдня, послѣ которой происходило собраніе братства: первымъ дѣломъ собранія было выраженіе чувствъ благодарности за даръ Государыни. Братчикъ старикъ Осипъ Родзевичъ изъявилъ желаніе купить подсвѣчникъ предъ присланный образъ—что уже и привелъ въ исполненіе.

(Вил. Вѣст.)

Сажур—г.

21.

— 22-го октября, въ городѣ Ковнѣ, изъ по — доминиканскаго костела, его преосвященствомъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, освящена церковь во имя святыхъ Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ. Ковенское Свято-Николаевское братство принимало искреннѣйшее участіе: церкви этой назначено служить для ковенской гимназій въ ея обновленію живительнымъ духомъ православія.

— 24-го тогоже октября преосвященнѣйшимъ же Александромъ совершено освященіе новостроенной каменной церкви въ Алек-

сандровской слободѣ, Ковенскаго уѣзда, во имя св. Благоуѣрнаго Князя Александра Невскаго. Александровская слобода года два образовалась изъ русскихъ поселенцевъ, которые строго сохранили русскій бытъ; а потому, освященіе православной церкви среди такого населенія, какъ для его обитателей, такъ и для многочисленной публики было торжествомъ русской народности—въ мѣстности, окруженной иновѣрнымъ и инороднымъ населеніемъ. Во время обихъ этихъ освященій его преосвященствомъ произведены знаменительныя, соотвѣтственно случаю и мѣстностямъ, поученія.

— 21-го ноября, протоіереемъ виленскаго кафедральнаго собора Викторомъ Гомоллицемъ освящена новоустроенная временная въ м. Ольженикахъ, Троцкаго уѣзда, церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, при стеченіи значительнаго собранія православныхъ, и даже иновѣрцевъ, и при бытности троцкаго военного начальника и прочихъ уѣздныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ.

— Лидскій благочинный доноситъ, что ноября 2-го дня, освящена имъ, въ сослуженіи четырехъ, изъ сосѣднихъ приходо-въ священниковъ, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, новоустроенная, въ селѣ Мытѣ, каменная церковь,—въ присутствіи мѣстнаго военного начальника, исправника, всего мирового учрежденія, многихъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ, прибывшихъ изъ г. Лиды, и довольно большаго стеченія народа, построена на 250 человекъ, довольно хорошей архитектуры, и стоитъ на возвышенномъ красивомъ мѣстѣ. Утварь.— и именно: дарохранительница, семейсвѣчный запрестольный подсвѣчникъ, водосвятная чаша, курница, дароносица, кадильница, напрестольный крестъ, молебный крестъ, евангеліе, большія двѣ лампы къ мѣстнымъ образамъ съ металлическими свѣчами, облаченіе изъ парчи для священника и діакона и хоругви.—прислана изъ Петербурга, отъ комитета погд предсѣдательствомъ г. тайнаго совѣтника Батюшкова. Изъ виленскаго губернскаго комитета по устройству церквей присланы запрестольный крестъ хорошей живописи, хоругви и плащаница, а также пожертвована г. начальникомъ Виленской губерніи очень хорошая парчевая крещатная риза. Мѣстнымъ комитетомъ приобрѣтены: серебряные вызолоченные потиръ, дискосъ, звѣздца, два блюда, ковшигъ для теплоты, копіе, мѣдный кувшинъ для святой воды. Донося о семъ консисторіи, о. благочинный присовокупляетъ, что вотчинникъ имѣнія Мыта, Миронъ Росудовскій, пожертвовавшій на постройку церкви лѣсъ и гонтъ, а также лѣсъ и деньги на постройки для духовенства мѣстнаго, которыя уже возводятся и будутъ весной окончены, заявляетъ ему—благочинному, что въ слѣдующемъ году, сдѣлаетъ церковную ограду, которая, по смѣтѣ не была положена.

ПИСЬМО КЪ КНЯЗЮ А. І. ДРУЦКОМУ-ЛЮВЕЦКОМУ.

Милостивый государь, князь Александръ Иеронимовичъ! Уроженецъ Виленской губерніи и отъ предковъ коренной литовець, свидѣтель всего происходившаго въ сѣверо-западномъ краѣ съ 1857 до 1865 годъ, я болѣе года оставилъ Вильну, но не переставалъ слѣдить за судьбами моей дорогой родины, лишенной покоя уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Родившись русскимъ подданнымъ и будучи въ теченіе 19 лѣтъ вѣрнымъ слугою моего Государя и моего отечества, я съ прискорбіемъ видѣлъ, какъ грозная и безумная пропаганда вызвала нашъ край на борьбу съ Россіей; видѣлъ, какъ пропагандисты погубили молодыхъ и еще неразвитыя силы нашей бѣдной родины. Событія 1863 и 1864 годовъ отошли въ исторію, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ я вижу у насъ страстное и напряженное состояніе и ни одного дѣйствія, которое по сущности своей могло бы послужить прочнымъ началомъ окончательному сліянію и затѣмъ прекращенію бѣдствій, столько времени терзающихъ край.

Письмо о присоединеніи вашемъ къ православію было для меня первымъ и единственнымъ утѣшительнымъ явленіемъ: во первыхъ потому, что вашъ взглядъ на р.-католицизмъ, папу, духовенство и эти фатальные для насъ остатки ученыхъ отцевъ іезуитовъ, оказавшіеся еще такъ недавно и въ нашемъ поколѣніи, по своей правдивости не подлежатъ опроверженію; вторыхъ, оно объясняетъ значеніе польской эмиграціи, отношеній нашихъ къ Польшѣ и вообще той пошлой роли, какую мы всегда играли, для осуществленія цѣлей и видовъ Чарторійскихъ, Мѣрославскихъ, іезуитовъ и всевозможныхъ шарлатановъ, разсчитывающихъ на нашу не основательность и лѣгковѣріе, на незрѣлость и непониманіе дѣйствительныхъ нашихъ интересовъ. Когда подумаешь, какія личности и какіе авторитеты руководили всѣми недавно еще происходившими дѣлами и какого рода нравственное начало лежало въ основаніи всего этого подземнаго предпріятія, то послѣдствія становятся вполне понятными. Потерявъ уваженіе покровителей, отрахнувшихъ руки за ненадобностью, мы потеряли и уваженіе и довѣріе нашего естественнаго центра. Наконецъ, письмо ваше, будучи живымъ отголоскомъ понятій и взглядовъ, быть-можетъ, многихъ изъ нашихъ земляковъ, преданное печати, а главное утвержденное дѣйствіемъ, вызоветъ рѣшимость, заставитъ понять настоящее и заглянуть въ будущее. По прочтеніи письма вашего, первымъ моимъ движеніемъ было протянуть вамъ руку, въ знакъ моего къ вамъ, князь, уваженія. Слова ваши проникнуты правдой; поступокъ вашъ глубоко обдуманъ и выражаетъ высокую привязанность къ родному краю. Пусть осуждаютъ васъ; пусть свирепствуютъ враги нашего благоденствія и спокойствія, подорвавшіе наши нрав-

ственных начала, уронившіе насъ во мнѣніи правительства и общества и лишившіе насъ возможности даже оправдываться противъ обвиненій, — обвиненій впрочемъ справедливыхъ, но иногда и несправедливыхъ. Вы подняли знамя, и вокругъ него ступируется сила, которая должна положить предѣлъ домогательствамъ и убѣдить всѣхъ, что какія бы судьбы ни готовили Польшѣ ея покровители и защитники, пусть на насъ не рассчитываютъ, пусть знаютъ, что на русско-литовской землѣ вызовы ихъ встрѣтатъ отъ насъ сильный и единодушный отпоръ.

Къ этому стремится правительство и сему содѣйствуетъ общественное мнѣніе всей Россіи; ранѣе или позднѣе подобный порядокъ будетъ водворенъ. Вы, князь, указываете путь, коимъ всѣ мы можемъ придти къ этому результату безъ потрясеній и безъ вражды. Вы дѣлаете изъ себя готовую цѣль, въ которую бросать камни злорада и клеветы, выходящія изъ разныхъ болѣе или менѣе нечистыхъ источниковъ; вы мужественно объявили борьбу предразсудкамъ, противодѣйствовавшимъ возрожденію нашей истинной народности. Довольно: пора сбросить узы, связывавшія нашу жизнь и наши дѣйствія; пора отказаться отъ стремленій, не упроченныхъ ни обычаями, ни склонностями народа; пора перестать служить чужимъ интересамъ, вѣчно играть двусмысленную роль то безтолковыхъ мутителей, то жалкихъ просителей, и у себя дома считаться пришельцами, тогда какъ мы можемъ быть гражданами и дѣтьми великой русской семьи. Шагъ вами сдѣланный долженъ отрезвить наконецъ нашихъ мечтателей и указать имъ, что наше, быть, наше благосостояніе, наша цивилизація только въ Россіи и съ Россіей; однимъ словомъ, мы должны объединиться во что то стало бы, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ для насъ лучше. Мало того, наше стремленіе къ объединенію мы должны выразить дѣйствіями и фактами такими, какихъ отъ насъ требуютъ. Слова и обѣщанія не убѣдятъ ни правительство, ни общество, которыя послѣ совершившихся событій съ 1863 года имѣютъ полное право намъ не вѣрить. Дѣла въ Польшѣ, отозвавшіяся и между представителями нашего края, остановили развитіе тѣхъ реформъ, которыя должны были слѣдовать одна за другою и отдалили ихъ водвореніе на неопредѣленное время, а между тѣмъ въ этихъ реформахъ заключается начало народнаго благоденствія и сила государства. Конечно, все это очень съ руки врагамъ Россіи вообще, въ особенности разрушительному элементу демагогіи и доктринеровъ, которыхъ приводитъ въ ужасъ развитіе юныхъ силъ Россіи на началахъ свободы и правосудія; и чѣмъ страшнѣе для нихъ это развитіе, тѣмъ необходимѣе скорѣйшее наше объединеніе, тѣмъ необходимѣе разомъ уничтожить всѣ надежды и расчеты на насъ, какъ на мертвящую благія начинанія силу; вмѣсто того пусть Россія видитъ въ насъ единодушный съ нею источникъ живыхъ и чистыхъ началъ, вносимыхъ нами чистосердечно на алтарь общаго нашего отечества. Мѣры нынѣ принятыя къ уничтоженію польскаго преобладанія, конечно,

болѣ или менѣ искусственны, онѣ требуютъ усилій, при которыхъ должны страдать частные интересы; вы же указываете путь естественный, скорый и дѣйствительный, безъ напряженія и безъ жертвъ. Врагъ нашъ не дремлетъ: пройдетъ весьма незначительное время, и послѣднія событія въ западной Европѣ вызовутъ новыя комбинаціи и дадутъ новую пищу эмиграціи, которая для усиленія средствъ своихъ опять приведетъ въ дѣйствіе свои пружины, чтобы волновать умы, питать бесплодную химеру и готовить опять новыя бѣдствія, отъ которыхъ спасетъ насъ только быстрое объединеніе.

Служебная дѣятельность не дозволяетъ мнѣ легко высказать чувство моего глубокаго къ вамъ уваженія, но гдѣ бы я ни былъ, отъ всей души желаю дабы наши земляки поняли смыслъ вашихъ дѣйствій, и вмѣстѣ того, чтобы искать утѣшеніе своимъ близорукимъ взглядамъ въ безсильной и мелкой сплетнѣ, расширили свой взглядъ и поняли, что объединеніе неотразимо какъ судьба, и что управленіе доморощенной политики заграждаетъ путь къ новому положенію въ будущемъ и дѣлаетъ нынѣшнее положеніе безвыходнымъ.

Примите и пр.

Командиръ 1-го пѣхотнаго Невскаго
полка, полковникъ *Антонъ Корса.*
(*Моск. Вѣд.*)

Исповѣдь польскаго римско-католика, обратившагося въ православіе.

Читатели наши, конечно, не забыли прекраснаго письма князя А. Друцкаго-Любецкаго о причинахъ, побудившихъ его возвратиться къ православію своихъ предковъ. Не менѣ замѣчательная статья, подъ заглавіемъ: «Моя исповѣдь», напечатана въ недавно вышедшемъ № (21) Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Чисто-кровный полякъ, уроженецъ царства польскаго, воспитанный въ самомъ строгомъ духѣ латинства и полонизма, человекъ образованный и зрѣлыхъ лѣтъ, г. А. Горжальчинскій, принявъ недавно православіе, въ слѣдствіе долгихъ размышленій здраваго ума, добросовѣстнаго изученія папства и православія, безпристрастнаго наблюденія за жизнью и проявленіями того и другаго, и только— послѣ долговременнаго колебанія и борьбы съ самимъ собою. Мы не можемъ перепечатать всей статьи его. Сообщаемъ только конецъ ея, гдѣ читатели найдутъ

много вѣрно и жѣтко сказаннаго, глубоко прочувствованнаго и любопытнаго въ высокой степени. Авторъ говорить, что онъ сначала, не желая быть ни іезуитомъ, ни революционеромъ, хотѣлъ однако оставаться полякомъ и р. католикомъ; но здравый умъ скоро привелъ его къ слѣдующему размышленію: »какой же я католикъ?...

«Не вѣрить въ папу значить не быть католикомъ. Я зналъ изъ исторіи флорентійскаго собора и изъ исторіи брестской уніи, что разница въ догматѣ о происхожденіи Св. Духа была въ разсужденіи соединеніи церквей второстепеннымъ вопросомъ, и положецо было признать: *что какъ р. католики, такъ и уніаты вѣруютъ хорошо, только еще до сихъ поръ не разрѣшили взаимнаго недоразумѣній*; это признано было потому, что признавъ вѣру въ непогрѣшимость папы, они повѣрятъ во все, во что прикажетъ вѣрить папа. А какъ унія придерживалась во всѣхъ отношеніяхъ, и въ обрядахъ, и догматахъ, чистаго ученія православной церкви, съ прибавкою только вѣры въ папу: то ясно что р. католикъ—славянинъ, отрицающій власть папы (если онъ христіанинъ), есть чистый православный.

«Не вѣрить въ папу, въ его непогрѣшимость, даже оспаривать его свѣтскую власть значить тоже, что не быть р. католикомъ и лишиться спасенія души въ будущей жизни, какъ объявилъ Бонифатій VIII, говоря: »всякая человѣческая тварь подвластна римскому папѣ, не вѣрующій въ это не можетъ спасти своей души.»

«Что я не могъ вѣрить въ непогрѣшимость папы, объ этомъ, кажется, нечего и говорить; за то ручается мое умственное развитіе: я не вѣрилъ въ свѣтскую власть папы такъ, какъ не вѣрятъ въ нее его собственные подданные; духовную же непогрѣшимость я отрицалъ такъ, какъ здравый мой разумъ отрицалъ святость Іосафата Кунцевича, котораго собственноручныя письма я читалъ въ подлинникѣ и зналъ эту фанатическую личность, руководившуюся іезуитскими правилами въ идеѣ, звѣрскими инстинктами на дѣлѣ.

«Я вѣрю, я знаю, я убѣжденъ, что во всемъ р. католическомъ мірѣ нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, который, будучи по имени р. католикомъ, оставался бы имъ по убѣжденію: всѣ они отрицаютъ папу, а за симъ и догматы религіи для нихъ потеряли свое значеніе, и потому то въ наше время въ Европѣ мы видимъ печальныя явленія отрицанія, атеизма въ формахъ философскихъ ученій Ренана и его школы. Но положимъ, что для нѣнца философскій парадоксъ въ состояніи наполнить всю религиозную потребность души; что поверхностный умъ француза одновременно можетъ аплодировать Ренану и идти на исповѣдь къ іезуиту; душѣ славянина нужно другаго, нужно для разумной его души другой пищи—пищи религиозной вѣры безъ эффектовъ, но вѣры чистой—христіанской. Таковую вѣру исповѣдуетъ православная

церковь, которая еще тѣмъ ближе къ намъ славянамъ, что ея богослуженіе производится на языкѣ нашихъ предковъ, ея управленіе въ рукахъ не итальянца, а св. синода, совѣта нашихъ славянскихъ епископовъ, который не измѣняетъ догматовъ, а сохраняетъ свято первобытныя христіанскія истины Евангелія.

Мы, славяне, счастливы тѣмъ, что намъ не нужно, отрицая р. католицизмъ, прибѣгать къ лютеранизму или же философскимъ ученіямъ, которыя не даютъ ничего, кромѣ пустоты и отчаянія въ душѣ. Мы имѣемъ свою церковь, и чтобы не признать ея превосходства, намъ нужно не быть славянами. Иезуиты въ Россіи при Павлѣ и Александрѣ I-мъ могли увлекать изъ православія въ р. католичество только тѣхъ, которые не понимали ни русской рѣчи, ни народнаго духа.

«Такимъ образомъ я думалъ часто, и въ душѣ давно пересталъ быть р. католикомъ.... И чтоже удерживаетъ меня отказаться отъ пустаго титула р. католика?— Спрашивалъ я себя, и во всѣхъ возраженіяхъ, которыя я могъ сдѣлать себѣ въ это время, было только одно: что скажетъ общественное мнѣніе, которое въ наше время такъ склонно еще заблуждаться, и часто видитъ въ соединеніи къ православію одни матеріальные расчеты?»

«Опять прошло довольно много времени, и я опять сталъ задавать себѣ другіе вопросы: обстоятельства мои сложились такъ, что я, по всей вѣроятности, долженъ буду жить на русской землѣ; могу— ли я быть дѣйствительнымъ гражданиномъ этой землѣ, почему должны оставаться здѣсь пришельцами, когда они здѣшніе— природные, когда я даже не стараюсь учить ихъ польски?..! Прошло однако же и послѣ этихъ вопросовъ еще довольно долгое время, и я не рѣшался не только сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, но даже заговорить объ этомъ съ другими.... Я опять думалъ— раздумывалъ, опять началъ читать исторію униі, просматривать собственныя записки, статьи, и занялся изученіемъ догматовъ и обрядовъ православной церкви... Наконецъ, я рѣшился заговорить о своемъ намѣреніи съ тѣми, которые знали меня и которыхъ мнѣніе я уважалъ. Мнѣ сказали откровенно: что я давно долженъ былъ принять православіе, что моя нерѣшимость относительно окончательнаго разрыва съ папизмомъ даже можетъ бросать тѣнь на искренность заявляемыхъ мною убѣжденій...

«Я присоединился къ православію, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, и послѣ этого акта, который совершился тихо, безъ торжественной обстановки, я чувствую, что я сдѣлалъ хорошо, сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать давно.— И всѣмъ полагаю, для того, чтобы избавить отъ истлѣнія остатки своего народнаго организма, нужно покончить разъ на всегда съ германскимъ католицизмомъ, привитымъ къ нему первыми началами цивилизаціи, и отдѣлившихъ всю націю и государство отъ великой семьи!.... Дѣло трудное— я самъ то знаю, но такое, что оно не-

обходимо для того, чтобы, сбросивши съ себя іезуитскій сабашъ мертвецовъ, воскреснуть для общей славянской жизни, какъ сыновьямъ народной русской церкви, бывшей когда-то и церковію нашихъ предковъ временъ первыхъ Болеславовъ.

Повѣрять-ли намъ, что мы дѣлаемъ это по убѣжденію?! Это вопросъ, который разрушитъ наша дальнѣйшая жизнь и послѣднее ея слово— наша смерть.— Но то вѣрно, что повѣрять нашимъ дѣтямъ, которымъ въ замѣнъ скитальнической революціонной жизни— коварства, лжи и обмана, талмудизма эмиграціи, іезуитской интриги, пустоты душевной, и хохота европейскихъ дипломатовъ, мы завѣщаемъ права гражданства, народности, чело-вѣческой честности и религіозныя убѣжденія.

Новый ректоръ холмской епархіальной семинаріи.

Съ удаленіемъ отъ управленія холмскою греко-уніатскою епархіею бывшаго ея нареченнаго епископа, священника Калининскаго, перныя заботы вновь поставленной въ Холмъ епархіальной власти были обращены на холмскую епархіальную семинарію. Хотя семинарія эта была предметомъ особеннаго вниманія правительства, тѣмъ не мене, при всѣхъ стараніяхъ его, она, благодаря преступной и, конечно, умысленной безпечности священника Калининскаго, оставалась во время всего управленія его въ состояніи прискорбнаго неустройства. Лишь благодаря самымъ положительнымъ состояніямъ мавнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, обновленъ былъ личный составъ преподавателей, на сколько дозволили это мѣстныя скудныя средства; при этомъ должность ректора была поручена пользовавшемуся большимъ уваженіемъ въ холмскомъ греко-уніатскомъ мірѣ протоіерею Шокальскому. Къ сожалѣнію, престарѣлый протоіерей сей, вскорѣ послѣ назначенія своего, скончался,— и семинарія осталась вновь безъ ректора. Исправляющій должность вице-ректора, протоіерей Гарасовскій обнаруживалъ мало способностей и усердія къ дѣлу и даже вздумалъ оказать достойное сожалѣнію сопротивленіе распоряженіямъ правительства о новомъ порядкѣ управленія дѣлами холмской епархіи, вслѣдствіе чего онъ былъ немедленно удаленъ изъ Холма.

Озабочиваясь замѣщеніемъ должности ректора семинаріи лицомъ вполне достойнымъ, новая епархіальная холмская консисторія избрала въ эту должность и представила на утвержденіе правительства священника Ипполита Криницкаго, бывшаго префекта вѣнской греко-уніатской семинаріи, а нынѣ, со времени прибытія своего въ Холмъ, состоявшагося законоучителемъ холмской русской греко-уніатской гимназіи.

По утверждени священника Криницкаго графомъ намѣстникомъ въ Царствѣ въ должности ректора холмской семинаріи, послѣдоваго въ ней 30-го сентября (12 октября) 1866 г. открытіе курсовъ текущаго учебнаго года. Къ сказанному дню въ семинарію собрались всѣ ея воспитанники, проводившіе каникулярное время у своихъ родственниковъ внѣ Холма, а также молодые люди, пожелавшіе вновь поступить въ семинарію; въ числѣ послѣднихъ прибыли въ Холмъ и нѣсколько человѣкъ изъ Галиціи, сыновья тамошнихъ греко-уніятскихъ священниковъ.

Началу учебныхъ занятій въ семинаріи предшествовалъ актъ введенія въ должность новаго ректора, которое и было совершено предсѣдателемъ-офиціаломъ холмской епархіальной консисторіи— протоіереемъ Войцицкимъ, въ присутствіи преподавателей и воспитанниковъ семинаріи. Протоіереемъ Войцицкимъ произнесено было по сему случаю краткое слово, въ коемъ онъ объявилъ воспитанникамъ, духовныя и гражданскія обязанности, на нихъ возлагаемыя тѣмъ высокимъ призваніемъ, которое ожидаетъ ихъ въ близкомъ будущемъ. Затѣмъ ректоръ семинаріи, священникъ Криницкій, обратился къ новымъ своимъ ученикамъ съ слѣдующими словами, произведшими глубокое впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ и свидѣтелей этого мирнаго и скромнаго торжества.

«Господа! По возвращеніи изъ домашнего отпуска въ семинарію, мы нашли перемѣну въ личномъ составѣ начальства этого заведенія. Такъ Высочайшему правительству угодно было, между прочимъ, назначить меня ректоромъ семинаріи. Искренно желаю явиться въ новой своей должности вѣрнымъ исполнителемъ обязанностей, съ нею соединенныхъ, и полезнымъ дѣятелемъ въ отношеніи къ нашей св. церкви и къ нашему народу. Это желаніе побуждаетъ меня строго смотрѣть на свои обязанности, изъ которыхъ главная: воспитаніе и образованіе васъ такое, которое было бы сообразно вашему будущему служенію. Оно же заставляетъ меня требовать съ вашей стороны точнаго, честнаго и добросовѣстнаго исполненія вашихъ обязанностей; ибо только при такомъ отношеніи къ дѣлу, и начальствующимъ, и учащимся, можетъ быть достигнута цѣль нашего заведенія, т. е. образованіе достойныхъ служителей нашей церкви.

«Съ перемѣною личнаго состава начальства заведенія, измѣняется отчасти и характеръ, такъ сказать, внутренняя жизнь заведенія. Такъ бываетъ почти всегда, а въ отношеніи къ нашей семинаріи, надобно сказать, что такъ и должно быть непремѣнно.

«Въ чемъ же должна быть такая внутренняя перемѣна въ нашей семинаріи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, я долженъ высказать вамъ такія мысли, касательно цѣли и духа нашего учебнаго заведенія, съ яснымъ сознаніемъ которыхъ вы по надлежащему должны бы вступить въ это заведеніе, но которыя, къ сожалѣнію, доселѣ еще представляютъ для насъ нѣчто новое и неудобопонятное.

«Вы, господа, сыновья сельскихъ русскихъ священниковъ, поступили сюда для того, чтобы получить образованіе, необходимое для достойнаго служенія нашей св. церкви, въ качествѣ пастырей нашего русскаго народа. Для этого и существуетъ наша семинарія, т. е. для воспитанія достойныхъ пастырей народа; это ея цѣль и задача.

«Имѣя въ виду такую задачу, наше заведеніе можетъ ли имѣть иные интересы, кромѣ интересовъ педагогическихъ, и можетъ ли имѣть иной характеръ, кромѣ религіозно-національнаго русскаго?»

«Служеніе священника— весьма важное и весьма трудное служеніе. Священникъ долженъ быть наставникомъ и руководителемъ своихъ пасомыхъ не только на пути земной ихъ жизни, но и на пути къ небу; онъ долженъ не только предохранить ихъ отъ соблазна и гибели, но и умѣть привести ихъ въ царство небесное; долженъ умѣть дать надлежащій отвѣтъ всякому, вопрошающему о словеси, быть всѣмъ вся, по слову Апостола: »да всѣхъ приобрести и спасеть.« За гибель единой овцы изъ вѣреннаго ему стада судъ Божій грозитъ ему вѣчнымъ наказаніемъ въ будущей жизни.

«Въ виду такихъ важныхъ обязанностей и такой страшной отвѣтственности осмѣлятся ли кто взять на себя служеніе священническое, не чувствуя призванія къ нему и безъ надлежащаго приготовленія? Не дай Богъ, чтобы столь дерзкіе и неразумительные оказались между вами. Вамъ даются всѣ средства приготовить себя къ достойному священству, и вы должны употребить съ своей стороны все стараніе къ тому, чтобы воспользоваться этими средствами съ выгодой для себя. Удаляясь отъ всего развращающаго душу и исполняя всѣ правила христіанскаго нравственнаго закона, вы въ то же время должны неуспынно и непрестанно заботиться о своемъ умственномъ развитіи, объ обогащеніи себя познаніями. Одного нравственнаго развитія недостаточно для достойнаго и полезнаго служенія священническаго. Пастырю народа весьма необходимо и научное образованіе, особенно въ наше время, богатое разнообразными и часто пагубными идеями, въ нашемъ краѣ, котораго народонаселеніе вообще стоитъ весьма низко въ умственномъ отношеніи.

«Опредѣляя частіе ваши обязанности въ отношеніи къ нравственному и умственному образованію нашему, я долженъ напомнить вамъ, что вы должны быть ревностно-усердны къ св. церкви и богослуженію, къ религіознымъ упражненіямъ, послушны и почтительны въ отношеніи къ начальникамъ, наставникамъ и ко всѣмъ лицамъ, трудящимся на служеніе обществу и государству— должны быть прилежны къ учебнымъ занятіямъ, не только по требованію наставниковъ вашихъ, но и по собственному выбору. Долгъ службы и совѣсти не позволяетъ намъ терпѣть между вами лѣность, непослушаніе, дерзость и какое бы то ни было ка-

чество или поступокъ, не соответствующіе вамъ, какъ духовнымъ воспитанникамъ.

Предупреждаю васъ объ этомъ, и надѣюсь, что ваше доброе поведеніе и усердіе къ наукѣ и къ своему образованію сообщитъ вашему заведенію черту новаго, лучшаго характера и положенія.

Другая новая сторона во внутренней жизни и характерѣ нашего учебнаго заведенія должна быть національная. Едва-ли и слѣдуетъ доказывать право этого заведенія называться и быть заведеніемъ русскимъ, русскою духовною семинаріею. Оно существуетъ въ краѣ русскомъ, содержится нашимъ правительствомъ русскимъ, устроено для блага народа русскаго, для образованія достойныхъ пастырей его. Это истины неподлежащія сомнѣнію, и прискорбно, если онѣ доселѣ не ясны для вашего сознанія и непривычны вашему уху.

Какъ русское учебное заведеніе, наша семинарія должна отличаться также характеромъ русскимъ, и въ самомъ дѣлѣ воспитанія, и въ жизни и поведеніи воспитанниковъ. Странно было бы въ настоящее время видѣть въ глубокой Польшѣ польское учебное заведеніе, котораго воспитанники отличались бы особенно приверженностію къ русскому религиозному обряду, къ русской рѣчи и литературѣ и нерасположенностію къ своему вѣроисповѣданію, къ своей родной рѣчи. Но не будетъ ли странностію подобное явленіе въ русскомъ краѣ и въ русскомъ учебномъ заведеніи, когда воспитанники его съ пренебреженіемъ относятся къ своему обряду, къ своему языку и предпочитаютъ ему языкъ польскій, и литературу иного народа — польскаго, который, какъ теперь всему свѣту извѣстно, всегда старался искоренить русскій обрядъ и языкъ и всѣ другія особеннсти жизни русскаго народа, чтобы уничтожить самый народъ.

Такое поведеніе воспитанниковъ въ отношеніи къ своему родному, національному, не будетъ ли измѣною нашей св. церкви, нашему народу и отечеству? Правительство наше обращаетъ свое милостивое вниманіе на нашъ край и народъ, униженный и забытый польско-католическимъ вліаніемъ; оно представляетъ намъ всевозможныя средства для возрожденія нашего народа, для улучшенія его положенія матеріальнаго и умственнаго. Пастыри народа наиболѣе могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи добраго для него, воспользовавшись этими средствами. Поэтому правительство обращаетъ особенное вниманіе и на наше духовенство, старается объ улучшеніи его быта, объ устройствѣ для него учебныхъ заведеній и между прочимъ о нашей семинаріи, для которой даетъ наставниковъ, всѣ средства содержанія и всѣ учебныя пособія, въ надеждѣ имѣть въ священникахъ, воспитавшихся въ этой семинаріи, своихъ помощниковъ въ дѣлѣ возрожденія и улучшенія быта нашего русскаго народа.

И такъ, и воля правительства, и долгъ вашъ въ отношеніи въ народу, требуютъ, чтобы вы воспитывались здѣсь въ русскомъ

духъ и характеръ, чтобы въ васъ видно было сочувствіе нашему русскому обряду, русскому языку и литературѣ, и вообще жизни русскаго народа, а не цивилизаціи и жизни польско-католической.

«Слушая лекціи по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса на русскомъ языкѣ, вы обязаны въ то же время, для уснѣшнаго изученія преподаваемыхъ вамъ наукъ, читать ученныя книги, которыя теперь довольно богата ваша бібліотека, и вообще знакомиться подробнѣе съ литературою русскою по всѣмъ наукамъ. Затѣмъ, въ разговорахъ между собою, въ объясненіяхъ съ начальниками и наставниками вашими и съ иными сторонними лицами, вы не будете употреблять много языка, кромѣ русскаго. Польская рѣчь, употребляемая вами постоянно, характеризуетъ васъ и нашу семинарію нерусскими, а такая аномалія отселѣ не можетъ быть терпима здѣсь.

«Повторяю высказанныя мною желанія и требованія отъ васъ въ самыхъ краткихъ положеніяхъ. Ведите себя благоправно, какъ прилично духовнымъ воспитанникамъ; трудитесь для своего образованія усердно и постоянно не только въ урочное время классныхъ занятій, не только предъ глазами наставниковъ, но и въ своихъ квартирахъ. Избѣгайте всего, что можетъ характеризовать васъ не какъ русскихъ воспитанниковъ!...

«Поступая такимъ образомъ, вы воспитаете въ себѣ достойныхъ служителей церкви и пастырей народа и оправдаете надежды, возлагаемыя на васъ нашею св. церковью и попечительнымъ правительствомъ. Въ противномъ случаѣ, уподобитесь лѣнивому и лукавому рабу, закопавшему въ землю таланты, данныя ему господиномъ, и понесете достойное наказаніе отъ людей и отъ Бога, призывающаго васъ на свое служеніе и вѣбрюющаго вашему пастырству свое словесное стадо. Да сохранить васъ отъ сего Духъ Святый, да укрѣпитъ ваши силы на благое дѣло вашего образованія и да наставитъ васъ на всякую истину.» (Слѣв. Поч.).

Р Ъ Ч Ь

къ воссоединеннымъ съ православною церковью отъ римскаго исповѣданія.

Братія по православною, нынѣ исповѣданной вами вѣрѣ!

Дѣло вѣры есть дѣло сердца, что же усвоено сердцемъ, тѣмъ оно питалось и жило съ дѣтства, что глубоко воплотилось въ духѣ нашемъ, съ тѣмъ сердце не легко и не безъ борьбы разстается: а вы произнесли нынѣ отреченіе отъ того исповѣданія, въ которомъ родились и въ которомъ издѣтства воспитаны. Вы совершили дѣло трудное, великій внутренній подвижъ. Привѣт-

стуетъ васъ съ этимъ подвигомъ, который совершить помогла вамъ милость божія, многими и разнообразными путями приводящая къ свѣту чистой истины Христовой.

Мы не имѣемъ причинъ сомнѣваться въ твердости вашихъ убѣжденій, но обращаемся къ вашему сердцу съ вопросомъ: полюбилъ оно нынѣ? не тревожитъ ли его сожалѣніе объ оставленныхъ вѣрованіяхъ? Напраснымъ было бы его безпокойство. Вы не отреклись отъ истины, а по принятіи православія увидѣли истину въ ея первобытной чистотѣ. Вы не отреклись отъ церкви, а только присоединились къ древней вселенской церкви, гдѣ впервые нареклося имя христіанъ и которой первой ввѣрено Христомъ сокровище евангелія. Вы не отреклись отъ вѣры апостольской, а только исповѣдали ее въ томъ истинномъ видѣ, какъ она сохранилась въ церкви, насажденной самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ и совокунными трудами многихъ апостоловъ. Вы не отреклись ни отъ одного изъ главныхъ догматовъ, а только признали символъ вѣры въ первобытной его цѣлости безъ святотатственнаго, вопреки заповѣди вселенской церкви, измѣненія. Да обрѣтаетъ же сердце ваше всегда успокоеніе въ этой увѣренности, что вы не измѣнили святой вѣрѣ, а только возвратились къ древлеотеческому, вселенскому православію.

Найдутся, безъ сомнѣнія, люди, которые дерзнутъ упрекать васъ въ отреченіи. Но можно ли тревожиться этими упреками? Вы отреклись отъ ложнаго мнѣнія о видимой верховной главѣ надъ церковью, которое изобрѣтено для поддержанія мірскаго властолюбія римскаго епископа, и которое отвергается нынѣ даже большинствомъ здравомыслящихъ послѣдователей римской церкви. Вы отвергли лжеученіе о *св. Духѣ*, несогласное съ прямымъ и рѣшительнымъ ученіемъ евангелія. Вы оставили церковь, которая лишаетъ вѣрующихъ причащенія *крови Господней* въ таинствѣ евхаристіи, вопреки примѣру и ученію апостоловъ, воспрещаетъ богослуженіе на родномъ общепонятномъ языкѣ, а св. молитвы и пѣснопѣнія замѣнила нѣмыми звуками бездушныхъ орудій. Можетъ ли когда сердце ваше истинно пожалѣть объ этихъ предметахъ вашего отреченія? Напротивъ, оно имѣетъ много и другихъ причинъ нынѣ радоваться.

Православная вѣра есть вѣра вашихъ отцевъ, насажденная здѣсь св. Андреемъ Первозваннымъ и свято хранимая до нынѣ. Этотъ край, въ которомъ вы родились и возросли, есть древнерусское отечество, откуда во всѣ концы пошла русская земля. Но римское исповѣданіе, поддерживаемое угнѣтеніями и насиліемъ, отдѣлившіи предковъ вашихъ отъ православной церкви, отторгло васъ и многихъ отъ родной русской земли, или правильнѣе—на землѣ родной сдѣлало васъ людьми ей чуждыми, а можетъ быть, и враждебными ея благу. Православіе возвращаетъ вамъ потерянную народность, вводитъ васъ опять въ родную русскую семью.

Сколько новыхъ причинъ радоваться вашему воссоединенію съ православною церковью!

Сохраните надолго въ себѣ эту св. радость; почувствуйте въ себѣ всеблагій промыслъ Божій, свято храните обрѣтенное вамъ сокровище истинной вѣры; входите въ тѣснѣйшее общеніе съ православною церковію, *тицаніємъ не ленимы, духомъ юрлице, Господомъ работающе*. Возсоединитесь, жизнью и дѣятельностію, вслѣдствію съ сынами православной Россіи. Будьте вѣрой православной душой русскими, — и радость ваша будетъ исполнена. Богъ и всеблагій да утвердитъ и совершитъ вы въ вѣру и во всякомъ мѣстѣ блазъ. Аминь.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ О ПРЕКРАЩЕНИИ КОНКОРДАТА 1847 ГОДА СЪ РИМСКИМЪ ДВОРОМЪ.

Въ Именномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату, въ 22-й день ноября сего года, за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: „Дѣйствіями римскаго двора прерваніи сношенія онаго съ Нашимъ правительствомъ и вслѣдствіе того заключенія съ симъ дворомъ 22-го іюля (3-го августа) 1847 г. условія и состоявшіяся въ дополненіе оныхъ особаго соглашенія относительно управленія дѣлъ римскаго исповѣданія въ предѣлахъ Россійской державы утратили всякую обязательную силу и не могутъ болѣе служить руководствомъ по управленію означенными дѣлами; а потому дѣла сіи должны впредь вѣдаться установленными для того въ государствѣ властями и управленіями, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и Царства Польскаго. Правительствующему сенату повелѣваемъ сдѣлать надлежащія къ исполненію сего распоряженія.“

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“ ОВЪ ЭТОМЪ КОНКОРДАТѢ

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 20-го мая напечатана обширная статья, разсматривающая конкордатъ, заключенный въ 1847 годъ съ папскимъ престоломъ, и проистекающія изъ онаго отношенія правительства къ р. католицизму въ Россіи. По причинѣ обширности этой статьи мы перепечатаемъ изъ нея лишь замѣчательнѣйшія мѣста.

Разсматривая статью XII конкордата, опредѣляющую порядокъ избранія р.-католическихъ епископовъ и суффрагановъ, которое постановлено производить «по предварительному соглашенію Его Императорскаго Величества съ святѣйшимъ престоломъ,» *Русскій Инвалидъ* говоритъ:

«Нельзя не замѣтить съ перваго же раза, что слово *соглашеніе* возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, что должно быть, если соглашеніе не состоится. Объ этомъ конкордатъ не говоритъ ни слова, но отъѣтъ мы можемъ легко найти въ исторіи. Екатерина Великая, не спрося папы, возвела Сестренцевича въ санъ епископа. Такимъ же образомъ поступила она въ 1793 году, послѣ возвращенія въ Россіи Минской, Кіевской и части Волынской губерній, и при утвержденіи въ нихъ трехъ римско-католическихъ епископствъ. Императоръ Павелъ, когда папскій нунцій Литта вздумалъ вмѣшаться въ назначеніе епископа, порѣшилъ вопросъ немедленнымъ удаленіемъ нунціатуры, и своею властію поставилъ епископа. Регламентъ 1798 г. опредѣляетъ прямо, что епископы всегда назначаются императоромъ и посвящаются митрополитомъ (архіепископомъ могилевскимъ) съ *благословенія папы*. О суффраганахъ тутъ же сказано, что они равнымъ образомъ посвящаются съ благословенія папы, по предварительному согласію на то его императорскаго величества. Въ высочайшемъ декретѣ о порядкѣ подчиненія римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ (1817 году), составляющемъ основной законъ римско-католической церкви въ Польшѣ, статьи VII и VIII говорятъ, что капитулы лишившіяся своихъ архипастырей, *имутъ* избирать трехъ кандидатствъ для замѣщенія открывшейся вакансіи и представляютъ о нихъ намѣстнику (т.-е. правительству). Подобное же право представленія кандидатовъ на мѣсто суффрагана епископу, чрезъ правительственную комиссію духовныхъ дѣлъ. Наконецъ, почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ вопросъ этотъ рѣшается такъ, что право назначенія принадлежитъ государственной власти, а папа даетъ только духовную инвестиру, и если эта инвестиру не послѣдуетъ, то избранныя лица все-таки управляютъ епархіей, а лицо, не одобренное правительствомъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается до отправления должности. Между тѣмъ, текстъ нашего конкордата не только не рѣшаетъ этого вопроса, согласно съ прежними неотмѣненными узаконеніями, приведенными нами выше, но даже даетъ поводъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, устанавливая какое-то равенство между компетентностію папы и правительства, равенство, котораго никогда не было и быть не можетъ, если государство не хочетъ терпѣть важный ущербъ своему авторитету.»

Далѣе *Русскій Инвалидъ* останавливается на пунктѣ, опредѣляющемъ подчиненность монашескихъ орденовъ власти епископовъ.

«И въ отношеніи этого важнаго пункта конкордатъ не даетъ отъѣта, слѣдовательно приходится руководствоваться прежними неотмѣненными и неизмѣненными законами. Законы эти суть: грамота папскаго нунція Аркетти, данная въ 1784 году на имя могилевскаго епископа Сестренцевича, положеніе регламента 1708 года и вошедшія изъ этого регламента въ декретъ 1817 года статьи IV, X, XV, XVI, XVII, XX. Въ особенности важна тутъ статья XX, которая прямо говоритъ: «Епископы должны имѣть бдительный надъ»

зоръ за вѣншею полиціей монастырей, кои токмо чрезъ посредствъ епископа, или консисторій, могутъ входить съ представленіями къ правительству.» Постановленія эти ясно подтверждены буллою папы Пія VII 30-го іюня 1818 года, гдѣ прямо постановлено: «Города и церкви вышечисленные, а также приходы и мѣста, подвѣдомственные каждой изъ церквей, какъ равно и ихъ жителей обоего пола, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ назначаемъ навсегда и подчиняемъ по духовнымъ дѣламъ поменованнымъ церквамъ и іерархамъ, вмѣстѣ съ городами, территорією, епархією, бѣлыми духовенствомъ и монашествующими обоего пола.... «Несоблюденіе этихъ положительныхъ законовъ и стремленіе монашествующаго духовенства, при всякомъ удобномъ случаѣ, не подчиняться мѣстной духовной власти, а прибѣгать къ своимъ римскимъ генераламъ или орденскимъ провинціаламъ, а съ другой стороны, потворствованіе этому сепаратизму со стороны римскаго престола и нѣкоторыхъ епископовъ, стремящихся къ тому, чтобы какъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было ослабить дѣйствія правительства, повели въ 1842 и 1846 годахъ къ изданію высочайшихъ указовъ объ уничтоженіи власти провинціаловъ и учрежденіи особыхъ визитаторовъ для надзора за монастырями.»

Что касается до порядка принятія въ Россіи и опубликованія папскихъ буллъ, то, замѣчаетъ *Русскій Инвалидъ*, этотъ важный вопросъ вовсе пройденъ молчаніемъ въ актѣ 1847 года; но за то русское правительство имѣетъ въ этомъ отношеніи важные antecedенты.

«Еще Екатерина Великая постановила правила, подтвержденныя регламентомъ 1798 года, которымъ запрещается принимать и публиковать папскія буллы безъ разрѣшенія правительства. Тѣ же правила вошли и въ Сводъ Законовъ (прим. къ ст. 47-й XI т. части первой), въ которомъ сказано: «Всѣ христіане римско-католическаго вѣроисповѣданія сносятся съ римскимъ дворомъ не иначе, какъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, который относится о семъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Никакія буллы, посланія и постановленія римскаго двора не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе въ Имперіи, Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ безъ высочайшаго ея императорскаго величества разрѣшенія, испрашиваемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ по предварительномъ удостовѣреніи, что сіи акты не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ и священнымъ правамъ и преимуществамъ верховной самодержавной власти.» Въ декретѣ 1817 года, XIX, ст. прямо постановляется: «Духовныя власти безъ вѣдома и дозволенія правительства не могутъ объявлять папскихъ буллъ.» Всѣ эти постановленія опредѣляютъ и для русскаго правительства неоспоримое право, существующее во всѣхъ европейскихъ государствахъ, даже р.-католическихъ, право не дозволить иноземной власти дѣлать какія бы то не было распоряженія, и приводить ихъ въ исполненіе безъ согласія и разрѣшенія собственной государственной

власти и право останавливать всякое распоряженіе несогласное съ юридическими законами и съ видами правительства. Право это неоднократно нарушалось римскимъ дворомъ и не далѣе, какъ въ послѣднее время мы имѣли разительный примѣръ той незащитчивости, съ которою папскій престолъ умѣетъ обходить и неисполнять условій, на которыхъ допускается его вліяніе на римско-католическую церковь и ея внутреннія дѣла, въ предѣлахъ папской территории.»

«Всякій конкордатъ, продолжаетъ *Инзамидъ*, носить на себѣ характеръ договора съ взаимными уступками, характеръ соглашенія требованій съ двухъ сторонъ. Конкордатъ же 1847 года есть только уступка со стороны русскаго правительства, гарантировавшего р.-католицизму полную свободу, новыя льготы и роскошную матеріальную обстановку, и неполучившаго взаменъ даже гарантіи своего юрисдикціоннаго права, права не терпѣть чужестраннаго вмѣшательства въ собственныя внутреннія дѣла и ограничить себя и своихъ подданныхъ отъ враждебныхъ вліяній. Таковое враждебное вліяніе римскій дворъ вполне обнаружилъ постояннымъ стремленіемъ дѣйствовать помимо правительства, поддержкою и возбужденіемъ оппозиціи въ р.-католическомъ духовенствѣ, поощреніемъ его къ противодѣйствію законной власти. Это доказываютъ дѣйствія Гутковского, Фелинского, Ржевусскаго, почти всего монашествующаго и благодуховенства и, наконецъ, послѣдніе поступки римскаго двора въ отношеніи къ русскому правительству. Спрашивается, можетъ ли правильно организованное государство терпѣть подобный порядокъ вещей, можетъ ли оно допускать рядомъ съ законно-основанною для блага государственнаго союза верховною властію, вмѣшательство чужой власти, равной или даже считающейся *всемогущею*, хотя бы это всемогущество и прикрывалось каноническими правами? Всемогущество исключаетъ всякую другую власть и согласіе объ этомъ невозможно. Не поэтому ли римскій дворъ не желаетъ разъясненія недоразумѣній, разъясненія, могущаго кончиться развѣ только уступкою римскаго двора, какъ это вполне доказываютъ мѣры, принятыя въ отношеніи къ нему большинствомъ европейскихъ правительствъ, и въ томъ числѣ многими р.-католическими? Не поэтому ли онъ избѣгаетъ рѣшенія вопросовъ, составляющихъ тему постоянныхъ споровъ съ нимъ, и предпочитаетъ вертѣться въ безконечномъ кругу противорѣчій, затягивать дѣло, спорить о немъ, а между тѣмъ дѣйствовать по своему, прикрываясь неприкосновенностію своей канонической власти и втягивая въ кругъ этой власти все, что ему угодно? Можно ли вообще ожидать отъ римскаго двора добровольнаго соглашенія и какой бы то ни было уступки, и можно ли подчинять государственныя интересы, внутреннее спокойствіе, необходимость успокоенія совѣстей милліоновъ р.-католиковъ, проживающихъ въ разныхъ странахъ, надеждѣ на прочное соглашеніе, на чисто-сердечную, искреннюю уступку *sine reservatione mentali*? Можно ли

существовать такой уступки отъ власти, приписывающей себѣ право разрѣшать и связывать совѣсти и уничтожать нравствъ?»

«Просматривая исторію нашихъ сношеній съ римскими диссортами, прослѣдивъ всѣ факты, свидѣтельствующіе объ отношеніи ея къ русскимъ римско-католикамъ и къ нашему правительству, обративъ особенное вниманіе на послѣднія 60 лѣтъ и на смыслъ всѣхъ переговоровъ съ Римомъ, а въ особенности конкордаты 1847 года, трудно предаваться еще какой бы то ни было надеждѣ. Незачѣмъ продолжать бесплодныя попытки выйдти изъ заколдованнаго круга, образуемаго папскимъ всегосподствомъ надъ совѣстями и церковью. Признавать неприкосновенность причинъ и стремиться къ нахожденію формъ для нейтрализаціи этихъ самыхъ причинъ, дѣло бесплодное, и исторія нынѣшняго столѣтія доказываетъ это вполне. Но та же исторія показываетъ намъ также примѣры, какъ слѣдуетъ разрѣшать подобныя вопросы. Постановленія Еккатеринны составляютъ *titulum* законныхъ требованій всякаго самостоятельнаго правительства, и она съумѣла устоять на этихъ требованіяхъ и безъ согласія папскаго престола, прервавъ бесплодный споръ, признавая папство только поволику оно власть епископская, и отнявъ у него всѣ средства непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла управленія мѣстною церковью. Подобнымъ же образомъ поступило французское правительство въ началѣ нынѣшняго столѣтія, да подобнымъ образомъ поступитъ и всякое правительство, охраняющее свое достоинство и внутреннее спокойствіе и желающее положить конецъ неуважительнымъ притязаніямъ.»

«Можетъ ли и долженъ ли пострадать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ р.-католицизмъ въ Россіи. Мы смѣло утверждаемъ, что нѣтъ. Р.-католицизмъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ папскою властью играетъ роль подчиненную. Только благодаря папскимъ интересамъ и его стремленію къ всевластію, р.-католицизмъ становится въ оппозицію къ другимъ христіанскимъ религіямъ, стремится выйдти изъ общаго уровня, гнушается равенства съ другими религіями и ищетъ господства или борется съ господствующими церквами, гдѣ таковыя есть.»

«Что касается до Россіи, говоритъ официальная газета въ заключеніе, то господство православія легко для иновѣрческихъ исповѣданій. Не слышно жалобъ ни отъ киргизовъ, ни отъ евреевъ и магометанъ; не слышно ихъ ни отъ армянъ, ни отъ протестантовъ и не будетъ ихъ и отъ р.-католиковъ, если римскія интриги и иронски извѣстной партіи польско-шляхетскихъ финтифлюшекъ перестанутъ разжигать изуверство и поднимать русскихъ р.-католиковъ на дѣло незаконное, на сопротивленіе государственной власти, на ненависть къ своимъ братьямъ христіанамъ, молящимся тому же единому Богу, хотябы и не по правиламъ римско-католической церкви.»

АЛЛОКУЦІЯ ПАПЫ ПІЯ ІХ.

Недавно, какъ извѣстно, папа Пія ІХ выпустилъ двѣ новыя аллокуціи—этогъ бесцѣльный гороховый шумъ, остатокъ старинныхъ ватиканскихъ громовъ. Въ первой аллокуціи святой отецъ оцѣнливаетъ преимущественно Италію и ея «субъальпійское правительство, несумѣвшее одѣвнѣть великія благодѣянія монашескихъ орденовъ, основанныхъ святыми людьми и одобренныхъ священной апостольской престоломъ,—орденовъ, которые принесли удивительныя (да, дѣйствительно удивительныя!) услуги христианскому обществу, какъ гражданскія, такъ и литературныя, столькими сластанными заботами (1) и столькими набожными и полезными.»

Истощивъ цѣлымъ рѣвомъ слезъ, по поводу гибельной заразы либерализма, свирѣпствующей между вѣрными, его святѣйшество возводитъ очи горѣ и возлагаетъ всю надежду на силы небесныя. Къ сожалѣнію, святой отецъ не выдерживаетъ характера до конца, и послѣ тяжкихъ сѣтованій на свое убожество, вдругъ совершенно неожиданно начинаетъ трубнѣть въ рогъ «некстоваго Роланда». «Горе, восклицаетъ смиренный священнослужитель, горе всѣмъ правителямъ, если, забывъ, что они благое орудіе Божіе, правители эти не будутъ заботиться (да когда они могутъ и обязаны) объ этомъ культѣ (католицизмѣ)! Они должны бояться и трепетать, когда собственными своими дѣлами разрушаютъ драгоценнѣйшее сокровище католической вѣры, безъ которой невозможно угодить Богу». Воображаемъ, какъ трепещетъ Викторъ-Эммануилъ, читая эти ужасныя строки, и какъ во теперь всѣмъ соблюдающимъ не тотъ культъ, безъ котораго, по словамъ папы, «невозможно угодить Богу.»

Вторая аллокуція громитъ Россію и ея правительство за то же самое, за что досталось и Италіи—за наше схизматическое неуваженіе цѣнить всѣ благодѣянія р. католическаго монашества. Въ этой краснорѣчивой аллокуціи непогрѣшимый папа на каждомъ шагу грѣшитъ противъ истины. Изъ-за того, что наше правительство вынуждено было удалить его «возлюбленнаго сына Павла Ржевускаго, генеральнаго викарія Варшавы и епископа Пруссіи in partibus in fidelium» (2) (хорошъ комплиментъ королевству Вильгельма І-го!), потому только, что наше правительство не желаетъ допустить совершеннаго облатиненія униатской холмской епархіи, его святѣйшество заключаетъ, что русское правительство задумало совершенное искорененіе въ своихъ владѣніяхъ р. католицизма, «безъ котораго невозможно угодить Богу». Папа сильно негодуетъ на послѣднія реформы въ управленіи католическихъ епархій въ Россіи. «Уничтожили, въ отчаяніи восклицаетъ Пія ІХ, капитулы кол-

(1) По французски это выходитъ еще свѣжѣе: par tant de glorieuses fatigues.

(2) Въ странѣ невѣрныхъ.

легальныхъ церквей, погубили авторитетъ и свободу епископовъ, которые теперь не могутъ (какая жалость!), безъ согласія гражданской власти, назначить ни одного администратора епархіи, ни даже викарія».

«Сношенія вѣрныхъ съ апостолическимъ престоломъ,—продолжаетъ скорбѣть неутѣшный намѣстникъ св. Петра,—также воспрещены и отмѣнены русскимъ правительствомъ съ такою строгостію, что мы, къ великой скорби души, совершенно лишены возможности исполнять свое апостольское призваніе въ этой части Господняго стада».

Объ обращеніяхъ изъ католицизма въ православіе кроткій Пій ІХ говоритъ, какъ объ «отторженіи отъ лона церкви (католической) сыновъ ея для того, чтобъ вовлечь ихъ въ самую гибельную изъ схизмъ (православіе)».

Громы, которые мечетъ его святѣйшество, до того страшны, что даже нѣкоторыя католическія газеты пришли въ ужась.

«Если русскій царь, говоритъ, конечно, иронически, *Indépendance Belge*», прочитавъ эти суровыя, обращенныя къ нему слова, не преклонитъ главы и не исправится, то придется отчаяться въ его спасеніи...»

Но что всего курьезнѣе, его святѣйшество только теперь вздумалъ порицать польскіе бунты. «О, еслибъ, Господи, восклицаетъ папа, ни одинъ изъ священниковъ нашей религіи не принялъ участія въ гибельныхъ волненіяхъ этого кризиса!»

Да, было бы дѣйствительно недурно, еслибъ подчиненные его святѣйшеству еседзы не занимались такимъ мірскимъ дѣломъ, какъ вѣшанье мирныхъ жителей и военачальство надъ повстанскими шайками! Но всѣмъ извѣстно, что не такъ было въ дѣйствительности. Все польское католическое духовенство, во время послѣдняго возстанія, пошло противъ законнаго правительства, ставъ на сторону княжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей, и благодушный Пій ІХ смотрѣлъ сквозь пальцы на подобныя шалости подчиненныхъ ему пастырей. Видя подобное потворство Рима убійствамъ въ Польшѣ и Италіи, наше и итальянское правительства, не надѣясь болѣе на папскую непогрѣшимость, признали за благо принять нѣкоторыя мѣры, чтобы повтореніе подобныхъ безобразій сдѣлать невозможнымъ въ средѣ, р.-католическаго духовенства ихъ владѣній. Мѣры эти имѣли несчастье не понравиться въ Римѣ. и Ватиканъ загремѣлъ аллокуціями и энцикликами. Но подъ трескъ этихъ римскихъ свѣчей и хлопнушекъ, Россія и Италія, безъ сомнѣнія, будутъ идти своею дорогою, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Что касается скорби Пія ІХ, то мы находимъ ее вполне законною. Ужъ одинъ неисправный взносъ динарія св. Петра долженъ сильно огорчать его святѣйшество.

Но мы, поистинѣ, взумляемся странному разстройству зрѣнія у его святѣйшества, видящаго все, такъ сказать, вверху ногами. Пій ІХ еще въ состояніи различить, что, какъ въ Италіи, такъ

и въ варшавскомъ военномъ округѣ происходятъ «grandes calamités de toute espèce», ¹⁾ но причины этихъ бѣдствій представляются ему совершенно въ превратномъ видѣ. Означенныя бѣдствія папа жедло приписываетъ правительствамъ этихъ странъ, не замѣчая разбойниковъ въ черныхъ рясахъ, которые выпарывали, подобно всенду Бжоско, дѣтей изъ живота повѣшенныхъ ими беременныхъ женщинъ, и которыхъ усердіе къ папскому престолу доведено въ Сициліи даже до людоедства. Безъ сомнѣнія, схизматикамъ еще позволительно сомнѣваться въ истинѣ столь чудовищныхъ злодѣяній, хотя они и засвидѣтельствованы официальными слѣдователями: но римскому первосвященнику, по его собственному убѣжденію, какъ особѣ непогрѣшимой, нельзя не знать, что истинною причиною оплакиваемыхъ имъ бѣдствій не кто другой, какъ подчиненное Риму р.-католическое духовенство. Къ чему же вся эта скорбь вавилонская? Къ чему всѣ эти сѣтованія и воздыханія?...

(Дом. Б.)

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССИИ.

По поводу рѣчи папы Пія IX, въ которой говорится, что р.-католическая церковь въ Россіи находится въ *бѣдственномъ* положеніи, «Московскія Вѣдомости», приводятъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: р.-католическихъ епископовъ съ суфраганами (викаріями) положено въ имперіи 15, налицо ихъ теперь 10, а послѣдователей р.-католическаго исповѣданія 2,800,000. Слѣдовательно, на каждого изъ р.-католическихъ архіереевъ, среднимъ числомъ, приходится паства въ 280,000. Православныхъ архіереевъ съ викаріями 64, а исповѣдующихъ православную вѣру 56 миліоновъ, стало-быть на каждого по 875,000 душъ паствы. Касательно содержанія р.-католическихъ архіереевъ видно то же неравенство: могилевскій р.-католическій архіепископъ, живущій въ С.-Петербургѣ, получаетъ изъ казны до 8,000 р. содержанія, остальные по 5 и по 6 тысячъ. Изъ православныхъ же архіереевъ получаютъ изъ казны на свое содержаніе: с.-петербургскій, по двумъ митрополіямъ, 5,444 р. 14 к., кіевскій 4,900 р., московскій 1,712 р. 16 к., семь архіепископовъ по 4,000 р., два по 3,200 р., херсонскій архіепископъ 2,414 р. 85 к., два епископа по 1,500 р., затѣмъ 12 епархіальныхъ архіепископовъ даже на главнѣйшихъ каедряхъ, какъ напримѣръ, на казанской, астраханской, тверской, рязанской и др., до 914 р. 85 к. и наконецъ, 26 епархіальныхъ епископовъ по 743 р. Нѣкоторые викарные епископы, какъ напримѣръ московскіе, получаютъ только по 358 р. 98 р., то-есть меньше чѣмъ многіе всендзы,

1) Великія бѣдствія всякаго рода.

получающіе изъ казны отъ 300 до 600 р. и болѣе. Въ Саратовѣ имѣютъ пребываніе два епископа: православный, у котораго полтора мильона паствы, и р. католическій, у котораго въ разныхъ губерніяхъ до 130,000 душъ паствы. Р. католическій получаетъ содержанія изъ русскаго казначейства около 5,000 р., а православный 743 р. 40 к. Бѣлыхъ р. католическихъ священниковъ теперь въ Россіи около 4,800 человекъ, стало-быть на каждаго приходится по 580 прихожанъ, а православныхъ бѣлыхъ священниковъ не болѣе 60 тысячъ, то-есть на каждаго 933 прихожанина. Стало-быть приходское р. католическое духовенство у насъ слишкомъ въ нѣсколько разъ многочисленнѣе, сравнительно съ духовенствомъ господствующей церкви по отношенію къ численности прихожанъ. Содержаніе, отпускаемое изъ казны священникамъ р. католическимъ и православнымъ, нельзя и сравнивать. Р. католическіе священники почти всѣ получаютъ содержаніе, не получаютъ его только заштатные; а изъ 60 тысячъ православныхъ причтовъ только 17,535 получаютъ казенное содержаніе. Притомъ на причтъ православной церкви, обязанный семействами и состоящій при каждой церкви изъ священника (въ большей части и дьякона) и двухъ причетниковъ, отпускается отъ 100 до 180 руб., а въ р. католическихъ приходсахъ одному безсемейному священнику дается отъ 300 до 600, и болѣе рублей.

НЕВѢРОЯТНОЕ РАЗМНОЖЕНІЕ ПОЛЬСКАГО ДВОРЯНСТВА.

Куда ни поѣзжай по Россіи, съ запада ея до крайняго востока, съ крайняго сѣвера до крайняго юга, вездѣ значительная доля, часто половина, всѣхъ служащихъ въ государственной службѣ поляки. О западномъ краѣ и говорить нечего; и теперь администрація состоитъ изъ нихъ въ довольно значительной части. Причина такого явленія многочисленность училищъ, заведенныхъ въ западномъ краѣ русскимъ правительствомъ, и особенно многочисленность тамошняго дворянства. Дворянство даетъ права на государственную службу, а окончаніе курса въ учебныхъ заведеніяхъ усиливаетъ эти права. Впрочемъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, польскій элементъ не былъ почти замѣтенъ въ администраціи; стало быть, указанныя причины обнаружили свое дѣйствіе лишь съ недавняго времени. Отъ чего же это такъ?

Начнемъ отвѣтъ, для полноты его, нѣсколько издавѣка. Не въ примѣръ русскому дворянству, медленно приращавшемуся отъ того, что къ нему велъ единственно путь признанной Государемъ большей или меньшей государственной заслуги, польское шляхетство развивалось съ поразяющею быстротой, благодаря приня-

той системѣ объединенія разнороднаго состава польскаго королевства посредствомъ шляхты. Польскіе короли находили въ шляхтѣ источникъ своей силы, или, по крайней мѣрѣ, условіе своей независимости отъ могущества магнатовъ; изъ нея же брались люди для войска королевскихъ. Нерѣдко цѣлыя тысячи народа, по воли короля, равно получали права шляхты. Стефанъ Баторій давалъ имъ цѣлыя волостямъ. При немъ всякій служившій въ войскѣ былъ шляхтичемъ. Поэтому шляхтичь въ польской республикѣ былъ отнюдь не тѣмъ, чѣмъ бываютъ дворяне въ другихъ государствахъ. Шляхтичь не могъ быть закрѣпощенъ; онъ былъ свободенъ отъ податей и т. п., но только въ третьемъ облагороженномъ поволѣніи онъ пользовался правомъ участія на сеймахъ. Значитъ польская шляхта—вольные люди, граждане въ строе другихъ государствъ.

Права и преимущества, сохраненныя императрицею Екатериною II польскому дворянству западныхъ русскихъ областей, не пространились на шляхту. Передвиженія же изъ шляхты въ дворянство не было почти до 1831 года.

Въ 1831 году польская шляхта, заявивши свою неблагонадежность, обратила тѣмъ вниманіе правительства на свое положеніе, какъ на источникъ постоянныхъ смуть и беспорядковъ. Правительство назначило шляхтичамъ сроки для доказательства дворянства и за тѣмъ настоятельно требовало приписки въ податныя сословія лицъ, именовавшихъ себя по преданію шляхтой и не доказавшихъ дворянства, съ наименованіемъ городскихъ обитателей изъ нихъ—гражданами, а сельскихъ—однодворцами. При исполненіи указа о томъ, отъ 19-го октября 1832 года, разрядъ шляхтичей, неутвержденныхъ въ дворянствѣ и невладѣющихъ имѣніемъ, былъ подвергнутъ, по новому указу 11-го ноября, подымному сбору и военной службѣ, слѣдовательно, сравненъ съ податными сословіями; первые же 2 разряда шляхтичей, — дворянъ, владѣющихъ имѣніемъ, и дворянъ, невладѣющихъ, но утвержденныхъ въ дворянствѣ, должны были, по указу отъ 25 іюля 1833 года, въ двухгодичный срокъ представить доказательства на дворянство, подъ опасеніемъ быть записанными въ однодворцы, граждане или почетные граждане по правамъ каждаго.

Но мѣстные власти затянули дѣло и тѣмъ вызвали новое Высочайшее повелѣніе отъ 5-го іюня 1838 года, съ установленіемъ окончательнаго трехлѣтняго срока на представленіе документовъ о дворянствѣ, съ тѣмъ, чтобы лица, которыя не сдѣлаютъ этого и между тѣмъ не владѣютъ имѣніемъ немедленно были записаны въ однодворцы.

Эти-то три года подарили Россіи десятки тысячъ дворянъ; но и при всемъ томъ, и по истеченіи срока, мѣстное начальство ходатайствовало за многихъ, не успѣвшихъ представить документы, вслѣдствіе чего новымъ Высочайшимъ указомъ, 5-го ноября 1841 года, трехлѣтній срокъ продолженъ до 1-го января 1844

года. Но....да опять: но, и на этотъ разъ ужъ самое замѣчательное.....

Идеи демократизма, сильно распространившіяся между поляками съ легкой руки Лелевеля, измѣнили взглядъ гонороваго польскаго дворянства: если-бъ оно было въ силахъ, то возведло бы тогда всѣхъ простолюдиновъ-католиковъ въ потомственное дворянство. По системѣ и раздавшейся проповѣди Мѣрославскаго, польскіе патриоты, чуждавшіеся до 1831 года коронной службы, должны были вторгнуться всей массой въ нашу государственную службу, овладѣть всѣми присутственными мѣстами, de facto стать властителями Россіи, чтобы потомъ хлопотать о созданіи новой Польши. Только, благодаря этой системѣ, сдѣлалось возможнымъ и безнаказанное развитіе разныхъ нигилизмовъ въ Россіи, и такіе демонстраціи, какъ постройка въ изумительно короткое время 14 костеловъ въ западной Сибири на казенный счетъ, между тѣмъ какъ православныя церкви въ западномъ краѣ разваливались.

Для такихъ подвиговъ нужны были руки. Приписка же шляхты въ податныя сословія отнимала бы силу у польской справи. Потому возведеніе всѣхъ по возможности шляхтичей въ дворянство давало ей ничѣмъ незамѣнимыя выгоды. И вотъ, наперекоръ указу 5 ноября 1841 года, дѣло вторженія шляхты въ дворянство подвинуто было съ такою энергіей, что чрезъ 20 лѣтъ польскій элементъ получилъ въ администраціи Имперіи то положеніе, которому мы теперь изумляемся.

Передвиженіе шляхты въ дворянство массами стало совершаться именно послѣ 1844 года, слѣдовательно—противозаконно. Укажемъ, для примѣра, что въ Виленской губерніи въ 1844 году считалось потомственныхъ дворянъ 3,688 мущинъ и 2,055 женщинъ, а въ 1857 году, по статистическому описанію Виленской губерніи (Корева), мы находимъ здѣсь потомственныхъ дворянъ 27,658 мужскаго и 24,242 женскаго пола, на 605% болѣе. Въ другихъ губерніяхъ, особенно въ Ковенской и Минской, движеніе было еще сильнѣе. Явились дѣятели фальшивыхъ документовъ старинныхъ актовъ на дворянское достоинство отъ имени Сигизмундовъ—Августовъ и другихъ польскихъ королей; за нѣсколько рублей можно было купить нужные документы. По возникшимъ дѣламъ о фальшивыхъ документахъ, дѣятельность польскихъ депутатскихъ собраній оказалась неутомимою въ пересмотрѣ документовъ и почти все утверждалось герольдіей.

Для прикрытія такого распложенія польскихъ дворянъ—этой насмѣшки надъ государствомъ и закономъ, — прибегнуто было къ легальнымъ формамъ. Во 1), испрошенъ 3-хъ лѣтній срокъ послѣ 1-го января 1844 г. на представленіе дополнительныхъ документовъ къ начатымъ уже дѣламъ (*), что имѣло значеніе возможности новыхъ доказательствъ послѣ уже 1844 года; 2) допу-

(*) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 31-о іюня 1845 г. Поля. Собр. Зак. № 16148.

как была признана къ родамъ утвержденнымъ въ дворянствѣ или доказывавшимъ его, такихъ лицъ съ семействами, о правахъ коихъ не было заявлено въ документахъ 1844 года; 3) дозволено принимать въ доказательство дворянства выписки изъ актовъ испребленныхъ пожарами, или другими случаями (*). Все это совершенно измѣнило смыслъ указа 5-го ноября 1841 года.

Тоже въ юго-западномъ краѣ патриотическая и дальновидная дѣятельность генералъ-губернатора Бибикова сужгла на время ослабить и остановить незаконное приращеніе польскаго дворянства. Повѣрочная коммисія его не признала слишкомъ 40,000 документовъ на дворянство. Отъ того въ юго-западномъ краѣ дворянства меньше, сравнительно съ сѣверозападнымъ, гдѣ не было таковой коммисіи.

Въ 1863 году по Высочайшему повелѣнію приостановлено разсмотрѣніе дѣлъ о дворянскихъ достоинствахъ лицъ изъ шляхты, а дѣлъ было еще значительное число. Въ 1864 г. послѣдовали новыя правила объ отысканіи дворянства шляхтой, и можно надѣяться, что въ ближайшее время мы не увидимъ хоть прежняго фантастическаго приращенія потомственнаго дворянства Имперіи. Но результаты сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ остаются пока огромнымъ затрудненіемъ для Россіи.

Вотъ эти результаты: по статистическимъ таблицамъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1863 г., общее число потомственныхъ дворянъ въ Европейской Россіи, безъ Польши и княжества Финляндіи, составляло 610,000 человекъ. Больше половины этого общаго числа приходится на 9 губерній западнаго края, именно слишкомъ 378,500 человекъ, а на остальную Россію не сполна 232,500 человекъ. И такъ нынѣ дворянство Имперіи въ значительномъ большинствѣ не принадлежитъ къ русскому народу. Процентное отношеніе (мы опускаемъ подробности цифръ дворянства по губерніямъ, представленныя «Московскими Вѣдомостями») потомственныхъ дворянъ ко всему населенію будетъ слѣдующее: въ сѣверо-западномъ краѣ 5.39‰; въ юго-западномъ—1,56‰; для 9 губ. всего края 3,56‰. Въ остальныхъ же 40 русскихъ губерніяхъ 0,48‰, между тѣмъ какъ, сравнительно съ западнымъ краемъ, число дворянъ должно бы въ этихъ губерніяхъ быть слишкомъ въ шесть разъ болѣе, т. е. около 1,500,000 человекъ, вмѣсто 242,446.

Въ частностяхъ эта разница по мѣстамъ еще поразительнѣе; въ Вильскомъ уѣздѣ, наприм., гдѣ $\frac{1}{8}$ населенія принадлежитъ къ потомственному дворянству, оказывается столько же потомственныхъ дворянъ, сколько ихъ въ цѣлой Смоленской губерніи, или сколько въ 3-хъ вмѣстѣ губерніяхъ — Владимірской, Калужской и Тверской. Дворянство города Вильны равняется числу дворянъ цѣлой Казанской губерніи.

(*) Полн. Собр. Закон. 1848 г. 1-го марта № 16574.

Вспомните при этомъ, что въ западномъ крайѣ господствуютъ дворянскій пролетаріатъ, всегда готовый устремиться на государственную службу. Въ Гродненской, напримѣръ, губерніи не мѣнѣе 35,500 безземныхъ дворянъ. Отъ того самая обыкновенная вещь въ западномъ крайѣ встрѣчать и имѣть прислугу изъ потомственныхъ дворянъ. Тѣмъ болѣе, конечно, мечты ихъ направлены были на государственную службу, они всей массой домались въ войско и администрацію. Училища, особенно дворянскія, которыхъ нигдѣ не было въ остальной Россіи въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, какъ нельзя болѣе содѣйствовали этому напору.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ войска, въ рядахъ офицеровъ, мы встрѣчаемъ болѣе 90% лицъ польскаго происхожденія (въ нѣкоторыхъ батальонахъ мѣстныхъ восѣкъ), и зачастую 30, 40 и 50%, причѣмъ любопытно, что преобладаніе поляковъ особенно замѣтно въ войскахъ, расположенныхъ по окраинамъ Россіи, именно тамъ, гдѣ мы слабѣе. Въ нашей администраціи цѣлыя вѣдомства, не только отдѣльныя управленія, набиты поляками. О политическихъ и гражданскихъ результатахъ этого явленія и говорить не нужно... Мы уже пожали плоды его...

За незначительными исключеніями, губернскіе и уѣздные предводители дворянства были компрометированы въ минувшій бунтъ, какъ руководители его. Но если сословіе уже достигло такого объединенія, что своими представителями выбираетъ враговъ Россіи, можно быть смѣло увѣрену, что по высылкѣ однихъ-виновныхъ, на ихъ мѣсто явятся другіе, не лучшіе. Вслѣдствіе того, правительство, вынужденное нарушить въ крайъ выборное начало, само назначаетъ предводителей дворянства. Различая людей враждебныхъ русскому народу и государству и людей равнодушныхъ, отъ людей преданныхъ или готовыхъ сдѣлаться такими, русская политика можетъ ослабить единство польской справы. Содѣйствіе же водворенію русскаго землевладѣнія должно разорвать солидарность мѣстнаго дворянства, а въ нѣкоторой его части можетъ пробудить воспомнаніе о его коренномъ русскомъ характерѣ и происхожденіи. Наконецъ, можетъ быть, полезно было бы учрежденіе ревизіонной комисіи для пересмотра дворянскихъ документовъ, при чемъ, конечно, государство избавилось бы отъ массы тунеядцевъ, готовыхъ на всякую крамолу и въ то же время свободныхъ отъ податей и рекрутства, отбываемыхъ за нихъ русскимъ народомъ. Впрочемъ, неправильность преобладанія польскаго элемента въ общемъ составѣ дворянства Имперіи такъ колоссальна, что и при этомъ потребуетъ общихъ мѣръ, которыя, очевидно, должны клониться къ распространенію на всѣ сословія права государственной службы, наравнѣ съ дворянами.

Но всѣ эти мѣры не имѣли бы смысла и силы, если бы продолжался переходъ изъ шляхты въ дворянство. По Высочайшему повелѣнію 19-го января сего года, шляхта должна быть

считательно приписаны въ мѣщанскихъ или восточныхъ общинахъ. Остатокъ ея и теперь еще значителенъ, а именно.

въ Виленской губ.	39,761	человѣкъ.
— Ковенской —	22,907	—
— Гродненской —	27,518	—
— Могилевской —	31,864	—
— Витебской —	14,369	—

Православныхъ изъ числа этой шляхты весьма мало. Въ Ковенской губерніи совсѣмъ нѣтъ, въ Виленской ихъ 10 человекъ, въ Гродненской 454.

При совмѣстномъ житьѣ группами въ околицахъ и при склонности шляхты въ праздности и мятезамъ, придется принять не мало мѣръ для ея перевоспитанія. А это тѣмъ болѣе трудно, что масса другой шляхты, признанной въ потомственномъ дворянствѣ живетъ рядомъ съ нею, не подлежа никакимъ повинностямъ, а внушая каждому изъ приписанныхъ къ сословіямъ, что съ нимъ вступили безсовѣстно и т. д.

Вотъ плоды польской цивилизаціи.

(Вилен. Вѣст.)

МОГИЛЕВСКАЯ ШЛЯХТА

(продолженіе) (*).

Образованіе шляхты.

Въ образованіи сельская шляхта нѣсколько дальше крестьянъ: шляхта болѣею частью грамотна, крестьянство болѣею частью безграмотно. Въ католической шляхтѣ почти всѣ грамотны, въ православной встрѣчаются изрѣдка безграмотные. Больше знаютъ грамоту польскую и не многіе русскую, даже православные шляхтичи, потому что у нихъ молитвенники остались попрежнему унитскіе, печатанные польскимъ шрифтомъ. Вообще же шляхта считала почти обязательной для себя грамотность, не чуждалась и высшаго образованія, шляхтичъ почти обязанъ былъ воспитываться у магната-патрона, чтобы сохранить свои шляхетскія преимущества, но шляхта всегда уступала въ любви къ наукамъ православнымъ горожанамъ, купцамъ и мѣщанамъ Могилевской губерніи. Хотя численность могилевскихъ гражданъ по всей губерніи тоже около 40 т., не болѣе численности всей шляхты, но изъ мѣщанства вышло гораздо болѣе людей ученыхъ и составившихъ себѣ извѣстность на ученомъ поприщѣ. Куторга, Грумъ, Азаревичъ и др. и еще болѣе съ

(* См. также «Вѣстникъ Зал. Россіи» за 1865/66 годъ.

образованіемъ въ высшихъ учебныхъ заведеній поступили и служатъ отличными чиновниками на государственной службѣ. Изъ шляхетства большею частью, если и учатся въ учебныхъ заведеніяхъ, то рѣдко продолжаютъ свое ученіе дальше, такъ называемаго дворянскаго училища, съ первыми пятью классами гимназій, или оканчивали науки въ уѣздномъ училищѣ, или наконецъ въ четвертомъ классѣ гимназій. Большинство мѣстнаго чиновнаго шляхетства съ образованіемъ низшихъ учебныхъ заведеній, или изъ некончившихъ курсъ въ среднихъ.

Нравы и обычаи шляхты.

Шляхтичъ такъ своеобразенъ, что его легко отличить вездѣ среди прочаго населенія, на базарѣ и въ дорогѣ, въ городѣ и въ деревнѣ. Онъ отличается въ наружномъ видѣ главнѣйше своими усами; бороду сбриваетъ. Даже чиновные шляхтичи носятъ усы, за немногими исключеніями. Одежда тоже отличается отъ мужицкой. Шляхтичъ не носитъ бѣлорусскихъ ни бѣлой свитки, ни бѣлой маргелки, но какой нибудь цвѣтной камзолъ, болѣе черный, въ родѣ длиннаго сюртука однобортнаго, на головѣ картузь, обыкновеннѣе черный, иногда принаряжается въ широкіе шаравари. Такъ что въ наружномъ видѣ своемъ шляхтичъ сохранилъ слѣды первоначальнаго своего служебнаго въ государствѣ назначенія, военнаго.

Эта же первобытная военщина осталась и въ нравахъ шляхты. Какъ настоящіе потомки древнихъ дружинниковъ, шляхтичи откровенны, гостеприимны, словоохотливы, привѣтливы, но и тщеславны, задорны, буйны. По старымъ преданіямъ, въ шляхтѣ не привилось разчета и сдержанности и, какъ мы видѣли уже, инакого промысловаго труда. Шляхтичъ на все смотритъ слегка. Да и не могло быть иначе. Въ старыя времена шляхта часто должна была отрываться отъ дому, то на войну, то на постройку и починку замковъ и крѣпостей, то на сеймики. При такомъ образѣ жизни, со дня на день, въ походахъ и разъѣздахъ, болѣею частью на содержаніи пана патрона, или на содержаніи государства во время служебное, не упоминая уже объ узаконеніяхъ, вошедшихъ въ убѣжденія шляхты, что торговля и промысловый трудъ не свойственны благородному человѣку, шляхтичи отъучались отъ всякой хозяйственной самодѣятельности, привыкали къ разгулу, и возвращаясь домой, ту же разгульную жизнь вносили въ родныя семьи свои и околицы. Хотя въ послѣднія 90 лѣтъ шляхта утратила свое служилое значеніе, но навыки не скоро исчезаютъ въ поколѣніяхъ, отъ того мы и нынѣ видимъ шляхту, какъ населеніе разгульное, беззаботное, и не много сварливое, какъ быть населенію старыхъ отставныхъ служаеъ или отслужившей дворяни. У шляхтича, мы видѣли, не красна изба углами, но за то, скажемъ здѣсь, красна пирогами; для гостя въ околицѣ все, что есть въ печи, на столѣ

меч. Это гостепрѣимство бываетъ иногда до того наивно и просто, если не сказать грубо, что гость, незнакомый съ нравами шляхты, какъ разъ встрѣтитъ такую выходку отъ широкой поразгулявшейся природы шляхтича, которая покажется многимъ весьма угловатой и не въ ладахъ съ понятіями гостепрѣимства порядочнаго общества. Задорное слово, крупный разговоръ, громкая рѣчь, а затѣмъ и рукопашная схватка — явленія весьма обыкновенныя у шляхты. Задоръ и хвастливость чаще обнаруживаются у шляхты другъ передъ другомъ и особенно передъ крестьянами, что часто доводило шляхту до жалобъ и судебныхъ разбирательствъ. Встрѣтятся шляхтичъ въ ворчмѣ съ крестьяниномъ, непременно потребуетъ себѣ почета, а то и въ рыло залезетъ, какъ отзывается многотерпеливый здѣшній мужичокъ. Только крестьяне раскольники, если случаются въ сосѣдствѣ, какъ народъ здоровый и зажиточный, гдѣбуть смирятъ кичливость шляхты. Любовь къ разгулу и нерасположеніе къ обстоятельному хозяйственному труду произвели, какъ и слѣдовало ожидать, въ нѣкоторыхъ околицахъ шляхетскихъ даже весьма непохвальныя привычки. Антуши, Марусеньки, Цертежь и Сѣножатки изстари пользовались дурной славой. На жителей ихъ привыкли смотрѣть какъ на буяновъ и озарниковъ, даже какъ на грабителей, такъ что сложились поговорки объ этихъ околицахъ: *пойдешь въ Антуши, не чуешь и души; а пойдешь въ Сѣножатки, душа уходитъ въ пятки, или пройдешь Сѣножатки, тогда уже не мады (1); Марусеньки зададутъ трусеньки; а зайдешь въ Тертежь, будешь не въ тертежь.* Но шляхтичъ напротивъ почтителенъ, исскателенъ и ласкателенъ передъ высшими и вообще людьми значительными и вліятельными. Онъ малѣйшее желаніе, прихоть особы для него важной старается угадать и исполнить, цалуетъ въ плечо и т. п. и за одну ласку значительнаго лица готовъ сдѣлать ему всякую послугу. Если же шляхтичъ сомнѣвается въ значительности лица, то почтеніе свое сдерживаетъ; разговаривая съ нимъ, онъ чтобы показать и свое значеніе, или станетъ фертомъ, или одну ногу небрежно оттопыритъ впередъ и непременно ввернетъ въ разговоръ, что у него братъ, свать, односельецъ, майоръ, капитанъ, титулярный совѣтникъ и т. п. Нравственной оцѣнки объ лицѣ шляхетство еще не дѣлаетъ, а цѣнитъ только по значенію и связямъ лица. Такая несамостоятельность ставитъ шляхту часто въ неправильное положеніе ко всему населенію прочему. Если въ кругу ихъ явится человекъ образованный, истинно достойный уваженія, изъ нихъ же шляхтичей, или изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, при томъ небогатыхъ, или прѣзжій, то шляхтичъ сперва смотритъ, какъ къ нему относятся тузы и по отношенію тузовъ мѣстныхъ и онъ такъ ставитъ себя къ нему. Напримѣръ въ Ч..... уѣздѣ прѣхалъ молодой помѣщикъ изъ высшаго учебнаго заведенія, хорошо знакомый всему

(1) Т. е. тогда нечего уже гадать или говорить, нечего беззастѣнливо опасаться.

омолодку, долго не дѣлать никому визитовъ; за это озлобивша сперва люди сильные мѣстные, а за ними и вся соседняя бѣдла шляхта, которая много надѣлала ему разныхъ гадостей, въ угоду сильнымъ. Подобные случаи, бывали и встарь и за частую въ послѣдніе годы. До такой степени уровень образованія и самостоятельности низокъ у шляхетства.

Шляхтянки тоже держатъ себя поодаль и на отличку отъ крестьянокъ, одѣваются въ юбки и платья, не носятъ кѣсень, мамія носятъ крестьянки, не носятъ нарядовъ съ узорами, наиболее встрѣчающимися на нарядахъ крестьянокъ, даже кольца и бусы покупаютъ поотличнѣе, какихъ не могло бы встрѣтиться у крестьянскихъ дѣвушекъ. Остальныя подробности о шляхтянкахъ мы сообщимъ въ одной изъ прежнихъ статей. Вообще шляхтянки очень радушны и гостепріимны, какъ мужья и братья ихъ, прекрасно ухаживаютъ за своими огородами и домашнимъ скотомъ, хотя и не отличаются опрятностью и чистотой въ домѣ и въ домашней посудѣ.

Неуважительность къ низшимъ и раболопство передъ высшими еще выпуклѣе становятся въ чиновномъ шляхетствѣ, что придаетъ своеобразный характеръ мѣстной служебной дѣятельности. Чиновникъ, какъ облеченный нѣкоторою властію, не дорожа мнѣніемъ неслужебнаго населенія, кромѣ пановъ, позволялъ себѣ большой произволъ и пристрастіе въ рѣшеніи дѣлъ, вполнѣ въ свою очередь подчиняясь волѣ пана начальника, такъ что крестьяне не находили совсѣмъ законнаго суда и расправы у мѣстныхъ властей, особенно если жалобы ихъ касались пановъ; чиновникъ шляхетичъ грубъ и рѣзокъ съ просителями не панами. Евреи всегда догадливые извлекаютъ свои выгоды изъ слабостей человѣческихъ и здѣсь не остались въ накладѣ. Какъ держали они въ зависимости отъ себя пановъ и чрезъ то становились панами надъ панскими крестьянами, такъ и въ судахъ держали въ рукахъ дѣлопроизводство. Въ каждомъ присутственномъ мѣствѣ былъ свой еврей, всеобщій адвокатъ, который замѣнялъ и предсѣдателя и секретаря и столначальника. Чтобы выхлопотать дѣло, сперва нужно обращаться къ этому еврею и разумѣется не съ пустыми руками. Вся тяжесть подобнаго судопроизводства падала на христіанское неблагородное населеніе. Въ каждомъ присутственномъ мѣствѣ торчалъ въ служебный день еврей, ходокъ по дѣламъ, который и выспрашивалъ просителя, къ кому и зачѣмъ пришелъ.

Поэтому сельское, неслужащее шляхетство, какъ промышленное своимъ честнымъ трудомъ, почтеніе шляхетства чиновника, которое при недостаточности жалованья старалось содержать себя доходами отъ службъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи низшее чиновничество великорусское, составленное изъ разныхъ званій, а больше изъ семинаристовъ, съ чиновничествомъ шляхетскимъ, мы находимъ, что великорусское чиновничество менѣе заносчиво и хвастливо, а болѣе сѣро, отъ того, менѣе нуждается въ источни-

нѣ въ щегольству и мотовству, гораздо неприязнительнѣе. Оно нѣдѣ ближе къ народу своимъ происхожденіемъ, воззрѣніями и нравленіями, между тѣмъ какъ чиновное шляхетство здѣшнее и по происхожденію и по направленію отдѣлялось отъ большинства населенія. Съ шляхетнымъ чиновничествомъ имѣеть много общаго чиновничество великорусское наследственное, которое изъ поколѣній въ поколѣнія состоитъ на службѣ, означивая много что титулярнымъ совѣтникомъ. У такого чиновничества тоже много спѣси, извѣстности, мотовства и вообще необстоятельности. Это, такъ давно называемыя въ литературѣ, двѣ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

Мол. Г. Вид.

Полиція на Руси.

„Корреспондентъ *Вилненскаго*“ *Вѣстника* разказываетъ, и совершенно вѣрно, что ссылаемые на жительство въ русскіе города поляки, за рѣдкими исключеніями, принимаются съ распростертыми объятіями всѣми кто претендуетъ на образованность; этого мало: они дѣлаются вліятельнымъ элементомъ въ каждой данной мѣстности. Можетъ ли быть иначе, когда все это подготовлялось и готовится цѣлыми десятками лѣтъ?

Да, мы не знаемъ города въ провинціи, который былъ бы свободенъ отъ этого элемента — не сосланнаго на жительство, а «опредѣленнаго», больше или меньше властнаго и всегда протезируемаго. Въ срединной Россіи есть города, — если угодно, мы помнемъ ихъ, — которые могутъ быть названы настоящими колоніями такихъ личностей, въ которыхъ все властное, отъ исправника до становаго, все вліяющее, отъ врача и до почмейстера, состоитъ изъ этихъ самыхъ личностей. Есть города, гдѣ, кромя того, двѣ-три польки, съ состоящими при нихъ русскими мушкетерами, составляютъ такой центръ тяготѣнія, — особенно для провинціальныхъ недорослей и недоучекъ, каковыхъ вездѣ съ избыткомъ, — что коренные истые русскіе дома уже и не помышляютъ о соперничествѣ съ ними.

Но нельзя достаточно надивиться той тупости (или какъ бы назвать это иначе?), съ которою наши провинціальныя общества, уже помимо служебныхъ вліаній, протягиваютъ свои шеи и карманы на всю волю этихъ господъ. Пусть бы, по крайней мѣрѣ, эти господа прибѣгали къ какимъ либо особенно тонкимъ уловкамъ для обмороченія нашей русской простоты, пусть бы маскировались во что-нибудь могущее обольщать нашу недалекую видимость, — были бы хотя какіе-нибудь предлоги для извиненія, а то ничего подобнаго нѣтъ и не бывало: дѣйствуютъ они, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, съ такою безцеремонностію, которая сваливается на насъ; дурачатъ нашу провинціальную интелли-

генцію съ такою беззащитностію, что сами же подъ .часъ и смѣются надъ этою интеллигенціей. И предобродушно смѣется при этомъ сама интеллигенція: случается, заливаясь гомерическимъ хохотомъ при такихъ выходахъ, отъ которыхъ должно бы воротить всякаго, въ комъ есть хоть капля русскаго чувства и здраваго смысла. Особенно эта беззащитность доходитъ до послѣдней крайности въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ при мужѣ сколько-нибудь власть имѣющемъ, жена полька. Что семейный языкъ тутъ польскій, что тутъ все, до начинающаго понимать ребенка, насъвозь, до костей и мозговъ, пропитано самою завзятою польщиною, объ этомъ и говорить нечего, это само собою разумѣется. Необходимо замѣтить еще одну особенность: польки у состоящихъ при нихъ русскихъ мужьяхъ съ служебнымъ значеніемъ часто служатъ секретарями по части дѣлопроизводственной; въ этомъ качествѣ онѣ и направляютъ дѣла едва ли нелучше самыхъ прожженныхъ секретарей при властвующихъ лицахъ; ни одна бумага, ни одно распоряженіе, откуда бы ни шли, не проходятъ безъ ихъ вѣдома, что разумѣется, не остается безъ своихъ естественныхъ послѣдствій. Пусть же представлятъ себѣ что-либо въ родѣ судебного слѣдователя, съ такимъ зоркимъ и вліятельнымъ секретаремъ (о высшихъ мы уже и не говоримъ) и поразсудятъ какъ и куда должны направляться дѣла, особенно въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ.

«Но этого быть не можетъ; это бездоказательныя обвиненія, скажутъ. Да?? Представлять доказательства, то-есть называть города и лица, мы и не желали бы, по той простой причинѣ, что излагаемъ дѣло вообще, и не имѣемъ въ виду компрометировать какія-либо личности. А для убѣжденія въ томъ, что мы излагаемъ дѣло именно какъ оно есть, предлагаемъ сдѣлать слѣдующій опытъ. Пусть кто-либо русскій, но, *conditio sine qua non, русскій* не по названію только, а по чувству, совершить путешествіе по Волгѣ, начавъ съ Твери и окончивъ гдѣ заблагоразсудитъ, и соберетъ точныя справки о количествѣ лицъ власть имѣющихъ и вліятельныхъ изъ поляковъ, или и русскихъ, но женатыхъ на полькахъ, въ каждомъ приволжскомъ городѣ: такія справки, вѣдемся, убѣдятъ безъ возможности дальнѣйшихъ сомнѣній, насколько польщизна сдѣлалась преобладающимъ элементомъ во всей нашей общественной жизни, и что размѣщается она по Россіи не совсѣмъ случайно. Вообще, дѣлать такія справки было бы сколько поучительно, столько же и полезно, полезно, по крайней мѣрѣ, для будущаго. Иное могло бы навести и на мысль поразсудовать: не шли ли, и если шли, то какимъ путемъ, русскія деньги на польскую справу; не подготовляются ли и опять гдѣ-либо фонды на это дѣло, и т. п. Скажемъ больше: иной опытъ могъ бы разъяснить тѣ побужденія и цѣли, во имя коихъ мѣстныя власти, по возможности, сосредоточиваются въ рукахъ чуждыхъ намъ патриотовъ.

Бываетъ, что эти почтенные благодѣтели провинціи и прорываются самымъ грубымъ и непростительнымъ для такихъ артистовъ образомъ. Разсчитывая, что русское *быдло* все вынесетъ, иной, при обираіи русскаго люда, оставляетъ въ сторонѣ всякую предосторожность, ну, и попадаетъ; да только чтожъ изъ этого? ровно ничего. Вотъ обраіикъ, какъ ведутся подобныя дѣла. Одинъ изъ таковыхъ года три тому, при рекрутскомъ наборѣ, былъ уличенъ въ чрезчуръ наглое обирательствѣ крестьянъ, и заставленъ былъ тутъ же, въ рекрутскомъ присутствіи, возвратить часть обранныаго. Двое, особенно хлопотавшіе о прекращеніи подобныхъ обирательствъ, не смотря на страшную бурю со стороны прочихъ, донесли объ этомъ въ «губернію», и, чудо изъ чудесъ! нашлось тамъ лицо, которое прямыми глазами взглянуло на это дѣло и рѣшилось повести его настоящимъ, законнымъ путемъ. Чтожъ за тѣмъ? А вотъ что: все мѣстное, выборно-чиновное, все съ претензіями на образованность, возстало на защиту этого господина и ударилося въ хлопоты о спасеніи его отъ законной кары, русское же *быдло* не стоитъ того, чтобъ изъ-за него этотъ господинъ лишился мѣста. Не помогло: «лицо» въ губерніи оказалось тѣмъ кровно-русскимъ пуристомъ правды, какими такъ крѣпка была Русь въ былыя времена. Что дѣлать въ такой бѣдѣ? Способъ извѣстенъ, затянуть дѣло; въ ожиданіи какихъ-либо благопріятныхъ перемѣнъ. И затянули. Тѣмъ временемъ, обоехъ хлопотавшихъ о прекращеніи наглого обирательства, тажъ, ни съ того, ни съ сего, удалили въ другіе города; потомъ и «лицу» въ губерніи дано было другое назначеніе. Мудрено ли угадать рѣшеніе? Не правда ли, обраіикъ довольно вразумительный?! *Ab uno disce omnia.*

Немного сдѣлали бы всѣ Мѣрославскіе, если бы въ нашей собственной средѣ, на нашъ собственный счетъ не формировались и не дѣйствовали у насъ Огрызки, а имя имъ легионъ. Б.

(*Моск. Вѣдом.*)

МНѢНІЕ ЩИГРОВСКАГО ЗЕМСТВА О ЧИНОВНИКАХЪ-ПОЛЯКАХЪ.

Въ Щигровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласный Л. А. Марковъ 21-го сентября, приводя буквально слова высочайшаго рескрипта 13-го мая 1866 года, на имя князя П. П. Гагарина, сказалъ: русскому человѣку невозможно не сочувствовать вполне русскому убѣжденію нашего Великаго Государя. Въ этомъ высочайшемъ убѣжденіи мы, вѣрнопопдаіные, видимъ ручательство за успѣхъ дѣла обновленія и истиннаго просвѣщенія нашей народности, которое, какъ извѣстно, встрѣчаетъ затрудненія. Враждебныя нашему русскому

дѣлу начала указаны въ приведенномъ рескриптѣ отъ 13-го мая, они извѣстны теперь какъ власти, такъ и намъ—обществу. Мы обязаны, господа, въ интересѣ дѣла нашей народности, неуклонно и энергично слѣдовать мудрымъ предначертаніямъ нашего Государя и, какъ гласныя отъ мѣстнаго населенія, мы должны выражать на нашихъ земскихъ собраніяхъ желанія населенія. Въ этомъ убѣжденіи я считаю своимъ долгомъ объяснить почтенному земскому собранію, что на государственной службѣ по Курской губерніи состоитъ значительное число чиновниковъ польскаго происхожденія, занимающихъ мѣста по всѣмъ министерствамъ. Этимъ я ни сколько не желаю сказать, чтобы господа чиновники польскаго происхожденія, служащіе по Курской губерніи, были всѣ неблагонадежны. Нѣкоторые изъ нихъ служатъ у насъ по губерніи давно и съ честью; мы знаемъ ихъ, какъ хорошихъ людей и честныхъ общественныхъ дѣятелей. Но можемъ ли мы сказать это о всѣхъ чиновникахъ-полякахъ, служащихъ по Курской губерніи? Нѣтъ.—Убѣжденные печальными событіями послѣднихъ лѣтъ во враждебныхъ отношеніяхъ поляковъ вообще ко всему русскому, мы не можемъ имѣть довѣрія къ общественнымъ дѣятелямъ польскаго происхожденія, какъ высшихъ, такъ и низшихъ инстанцій. Польскій элементъ, такъ несправедливо враждебно выразившійся въ возстаніи въ Польшѣ, въ западн. Россіи, а недавно и въ возстаніи въ Сибири, ничего не имѣетъ общаго съ элементами великорусскихъ губерній, къ которымъ принадлежитъ и Курская. Поляки-чиновники, не хотѣвшіе понять великодушныя и мудрыя начинанія нашего Великаго Государя въ Польшѣ, не поймутъ ихъ, какъ слѣдуетъ, въ интересѣ русскаго дѣла и въ Россіи; мѣсто дѣйствія не можетъ, по моему убѣжденію, измѣнить нравственный смыслъ дѣятеля. Иной дѣятель можетъ, пожалуй, примѣниться къ извѣстной обстановкѣ и при извѣстномъ личномъ интересѣ къ условіямъ, которые отъ него требуются формально обязанностями службы; но это примѣненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть чѣмъ-нибудь кромѣ формальнаго. За формальнымъ отправленіемъ своей обязанности, единственно только изъ-за опасенія потерять мѣсто, то-есть жалованье, иной чиновникъ-полякъ поддѣлывается къ формѣ нашего русскаго дѣла, не только не служа внутреннему жизненному мотиву нашего русскаго дѣла, но вредъ ему скрываетъ. Выразивъ такимъ образомъ взглядъ на вредъ большей части чиновниковъ-поляковъ для великорусскихъ губерній, не имѣющихъ съ ними ничего общаго, никакой родовой связи, я считаю своею обязанностію обратить вниманіе почтеннаго земскаго собранія на огромную цифру бѣдныхъ русскихъ дворянъ, часто совершенно безъ всякихъ средствъ; хотя способныхъ и достойныхъ съ пользою служить государству. Лишенные возможности служить и жалованьемъ поддерживать себя, недостаточные русскіе дворяне часто не могутъ дать своимъ дѣтямъ образованія дальше грамотности. А въ тоже время мѣста заняты большою частію людьми другихъ мѣстностей, другихъ интересовъ, часто совершенно различ-

ваго, съ нами, русскими людьми, происхожденія. Часто мѣста получаютъ не по достоинству, но по прояскамъ и по единомыслию высшаго, дающаго мѣсто, съ низшимъ, получающимъ его, по единомыслию вредному чисто русскому дѣлу, какъ на примѣръ обнаружено въ известномъ дѣлѣ Огрызки. Остановливаясь на этой мысли, не могу не обратить вниманія почтеннаго собранія на то обстоятельство, что мѣста съ высшимъ содержаніемъ по Курской губерніи, на примѣръ по акцизу, заняты большею частію поляками. Желательно бы видѣть на всѣхъ мѣстахъ по Курской губерніи, согласно Высочайшей волѣ, больше мѣстныхъ людей и меньше людей пришлыхъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ нашимъ русскимъ дѣломъ, ни съ нашимъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Представляя мое заявленіе на обсужденіе уѣзднаго собранія, льщу себя надеждой, что мои вѣрноподданинскія и русскія чувства встрѣтять въ немъ сочувствіе и что собраніе дастъ дальнѣйшее движеніе моему заявленію.

Собраніе съ сочувствіемъ и вполне одобрило заявленіе Л. А. Маркова и постановило: «войти съ представленіемъ въ курское губернское земское собраніе, прося, если признаетъ возможнымъ, ходатайствовать: расширить доступъ къ государственной службѣ по Курской губерніи лицамъ достойнымъ изъ мѣстныхъ жителей.»

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ О ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ.

I.

„Московскія Вѣдомости“ о разсужденіи львовскаго общества „Русской Матицы“ по вопросу правописанія.

Исторія знаетъ не мало примѣровъ, когда границы какой-либо національности не совпадали съ предѣлами ея государственной области, знаетъ страданія, которыя испытываются оторванными отъ народной массы заграничными отпрысками ея, не привившимися къ другому стволу. Но въ исторіи мало примѣровъ такой жалкой судьбы, какая постигаетъ усилія галицкихъ русскихъ, игнорирующихъ себя русскими и въ то же время стремящихся образовать изъ себя какое-то самостоятельное племя. Никогда это безсиліе галицко-русской интеллигенціи не выступало такъ ярко на свѣтъ, какъ въ недавнихъ годичныхъ засѣданіяхъ львовскаго

ученаго общества, Русской Матицы. Вотъ что повѣствуетъ газета „Слово“ о томъ днѣ, когда въ упомянутомъ обществѣ имъ разсужденія о томъ, какое правописаніе слѣдуетъ принять для галицкой литературы. Разсужденія начались съ вопроса, какъ писать: *русинскій*, *русскій*, *русьскій*, или *русьскій* (любопытныя могутъ справиться въ № 57 газеты *Слово*). Далѣе приступили къ спорамъ о томъ, какъ бы стереть различіе между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ. Ораторовъ было не мало; говорили и члены общества, и гости: гг. Качала, Жуковский, Глинскій, Ливчакъ, Искрицкій, Шашкевичъ, Гинилевичъ, Павликовъ, Вахнянинъ, Блишковичъ, Кулачковскій, Нестеровичъ, Лавровскій, Малиновскій—все представители галицко-русской интеллигенціи, учителя гимназій, писатели, журналисты; говорили съ десяти часовъ утра до втораго по-полудни и, не пришедши ни къ какому заключенію, отложили засѣданіе до послѣобѣденнаго времени. Въ три съ половиною засѣданіе открылось снова. На этотъ разъ споры шли о томъ, какъ писать: *физическій* или *физичный*, *логическій* или *логичный*; говорить ли: *господинъ*, или *государь*, или *панъ*; титуловать ли высшихъ лицъ: *честными*, *всечестными*, *всечестнѣйшими*, или *вельможными* и *ясневельможными*. Одинъ ораторъ предлагаетъ, чтобы „титулъ *господинъ* „яко не русское слово не употреблять, ае мѣсто того *панъ*.“ Ему возражаетъ другой; что *панъ*—слово польское. Вслѣдствіе того „повстаетъ великое неудовольствіе,“ какъ сказано въ официальном отчетѣ о засѣданіяхъ Матицы; „предсѣдатель звонкомъ взымае „до порядку, вертае до дебаты, и каже: слова *господинъ* откидати не потреба, бо ся не сопротивляе духови языка нашего, „причиняея только до богатства языкового.“ И это засѣданіе кончается ничѣмъ: главный вопросъ слагается на отвѣтственность особой комиссіи изъ пяти человекъ. Какъ будто бы эти пять человекъ могутъ вызвать къ жизни то чего нѣтъ въ дѣйствительности: создать языкъ, котораго не знаетъ ни литература, ни самъ народъ? Всѣ эти жалкія пренія совершаются почему-то въ присутствіи правительственнаго комиссара, г. Гена. Чему онъ могъ научиться среди столь ученаго общества? Какое понятіе о русской народности вынесъ онъ изъ этихъ плодотворныхъ преній? Нѣмецъ по рожденію, австріецъ по службѣ, галичанинъ по мѣсту жительства, онъ долженъ знать, что львовская русская рада добивалась въ 1848 году раздѣленія Галиціи на восточную

защиту ради сохраненія русской народности отъ польскихъ притязаній; что львовскіе ученые отказались въ 1859 году принять латинскій шрифтъ для галицко-русской письменности: и вдругъ онъ, въ крайнему изумленію своему, долженъ узнать, что эта самая народность, въ лицѣ образованнѣйшихъ представителей своихъ, находится въ полномъ невѣдѣніи на счетъ самыхъ первыхъ правилъ своей письменности: существованіе этой письменности подлѣжать еще спорамъ, составляетъ загадку для самихъ жрецовъ ея. Оказывается, что некого и нечего защищать отъ польскихъ притязаній. А между тѣмъ жрецы галицко-русской письменности включаютъ свою дѣятельность тѣмъ, что совершенно безъ всякой причины не удостоиваютъ выбрать въ члены своего ученаго общества редакторовъ *Меты* и *Нивы* и нѣкоторыхъ изъ ихъ соудиньбовъ, также людей съ шаткими убѣжденіями, также ищущихъ ошущю и въ потьмахъ выхода изъ окружающей ихъ вѣхъ безжизненной, безсодержательной дѣятельности. Чѣмъ первые лучше вторыхъ? Чѣмъ пишущій: *удостоверяе* справедливѣе, нежели пишущій *уптопае*? Первые хотятъ употреблять языкъ бѣнорусскихъ и малорусскихъ грамотеевъ XVII вѣка, языкъ сдѣлавшійся мертвымъ въ настоящее время; вторые хотятъ „уживати языкъ, якимъ народъ *теперь* говорить,“ забывая, что простонародный говоръ, безконечно измѣняющійся, не можетъ быть органомъ литературы и что литературный языкъ создается *долготрепнымъ трудомъ историческаго развитія*.

Тѣмъ же самымъ безсиліемъ, тою же самою безхарактерностію запечатлѣны и всѣ политическія дѣйствія галицко-русской интеллигенціи. Въ бывшей имперской думѣ русскіе депутаты изъ Галиціи играли постыднухъ роль безсловныхъ слугъ Шмерлинговой половифильствующихъ ученыхъ. Если въ окружномъ посланіи графа Балькреді, рекомендующаго своимъ чиновникамъ употреблять въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ народный языкъ, нельзя найти ни слова въ защиту фантастическихъ изобрѣтеній львовскихъ филологовъ; то спасетъ ли ихъ особая администрація въ восточной половинѣ Галиціи? На этотъ разъ польскія газеты правы въ своихъ отзывкахъ о языкѣ, которымъ пытается объяснить свои требованія галицко-русская интеллигенція, повинная коварнымъ подстрекательствамъ преимущественно изъ польскаго же лагеря. Въ замочъ дѣлѣ, можно ли на основаніи того языка, которымъ пишутся статьи, помѣщаемыя въ газетахъ: *Слово, Мета, Нива, Чу-*

таланта и т. д., некая для себя права на особое отъ западно-польской Галиціи существованіе? Развѣ одна кириллица, эта внѣшняя форма письменности, можетъ служить достаточнымъ новодомъ для того, чтобы называть языкъ упомянутыхъ газетъ, переносимый полонизмами и всевозможными искаженіями, языкомъ самостоятельнымъ и русскимъ? Перепечатайте эти газеты латинскимъ шрифтомъ, что останется въ нихъ русскаго? Вычеркните изъ исторіи галицко-русской церкви слабыя попытки „обрядовцевъ“, велико ли различіе будетъ тогда между униатскимъ и р. католическимъ обрядомъ въ Галиціи? Шрифтъ и обрядъ не могутъ спасти народность, отрекающуюся отъ своего истиннаго характера, какъ не спасетъ ее и административная перегородка, поставленная между восточной и западною Галиціей. Спрятаться отъ постороннихъ вліяній за щитомъ администраціи еще возможно; но укрыться отъ самого себя, отъ своего безмілія и безхарактерности нельзя. (1).

2.

ЛЬВОВСКОЕ „СЛОВО“ О ПОЛЬЩѢ И О ПОЛЯКАХЪ.

Галиційская газета „Слово“ занимается въ послѣднее время очень интереснымъ вопросомъ, о вліяніи польской цивилизаціи на малую Русь. По этому вопросу появлялся въ ней цѣлый рядъ статей. Приводимъ наиболѣе характерныя мѣста изъ одного номера названной газеты.

(1) Если передовые люди восточной Галиціи пришли къ сознанію, что они русскіе, отрѣзанные политическими обстоятельствами къ Австріи отъ великой русской семьи, называемой Россіей, то почему бы, кажись, вмѣсто бесплодныхъ споровъ, не принять въ употребленіе уже готоваго, образованнаго литературнаго языка этой семьи—языка Пушкиновыхъ, Ломоносовыхъ, Державина, Жуковскаго, Платона, Ив. Крылова, Филарета и безчисленнаго множества другихъ славныхъ русскихъ писателей, языка, выработаннаго изъ письменности древне-русской западной Россіи и неискаженнаго ни полонизмомъ, ни латинью, ни германизмомъ, ни жаргономъ мѣстныхъ какихъ-нибудь, хотя бы то и русскихъ нарѣчій; языка, наконецъ, обладающаго такою громадною массою литературныхъ произведеній, въ сравненіи съ которою всѣ произведенія, взятыя вмѣстѣ, литераторовъ всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, не исключая и польскаго, составляютъ ничтожное меньшинство.

Распространяясь о характеръ и политическомъ значеніи польскаго элемента, „Слово“ приводитъ одно мѣсто изъ польской исторіи Делевеля, который слѣдующимъ образомъ рисуеъ состояніе Польши въ теченіе XVIII вѣка: „Умственное порабощеніе, говорятъ онъ, и всѣ невзгоды, испытанныя Польшей, принесли свои шеды. Суевѣріе и фанатизмъ ожесточили и унизили народный духъ. Нравственное оупѣніе овладѣло низшими классами и небогатою шляхтой. Вся политическая дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ безпечнаго меньшинства, и Польша потеряла всякое значеніе въ европейской дипломатіи. При всей обширности своихъ владѣній, она въ политическомъ смыслѣ была только мертвою пустыней, отдѣлявшей Турцію отъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Польша больше всѣхъ другихъ державъ испытала на себѣ гибельныя послѣдствія тѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, которыя, не принеся никакой пользы папской пропагандѣ, тягостно отозвались для человѣчества. Испанія раздѣлила въ этомъ отношеніи участь Польши, но географическое положеніе спасло независимость Испаніи. Польша же, повергнутая въ состояніе грубости и безсилія, безоружная, сдѣлалась жалкою жертвой этой папской пропаганды: всѣ недруги презирали ее, а остальные народы не обращали на нее никакого вниманія. Польша смотрѣла, однако, съ высокоуміемъ на своихъ сосѣдей, хотя успѣхи ихъ въ политической жизни представляли поразительный контрастъ съ ея собственнымъ разложеніемъ. Чья рука могла отвратить отъ нея опредѣленіе этой судьбы? Если Польша продолжала еще влачить свое существованіе, то была обязана этимъ своей слабости и омертвѣнію; ея ничтожество было единственною причиною того, что она оставалась въ забвеніи и пренебреженіи другихъ народовъ до той поры, когда она, пробудясь отъ летаргіи, проявила нѣкоторые признаки жизни.“

Къ этой характеристикѣ Польши, написанной самымъ приверженнымъ къ ней историкомъ, „Слово“ прибавляетъ:

„Польша постепенно вовлекла съ собой и западную Русь въ то состояніе, въ которомъ сама находилась въ послѣдніе три вѣка. Она обратила въ землю холоповъ и тѣ мѣста, гдѣ княжили Владиміръ Св., Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Осмомыслъ, Романъ Волынской и Даниэль Галицкій, мѣста, которыя когда-то имѣли вѣчевой строй и общинные (мірскіе) суды. Древнее русское дворянство и городское сословіе постепенно отчуждились отъ

русской вѣры, языка народности, переродились въ противники своего русскаго, стали поляками, и пошли съ ними по одной дорогѣ. Простой народъ, хотя и сдѣланный насильственно членомъ римской церкви, сохранилъ однако остатки нѣкаго духа и память другой народности. Не имѣя возможности дѣйствовать иначе для охраненія своего роднаго, русскаго, онъ противопоставлялъ всѣмъ посягательствамъ непоколебимую стойкость русскаго, свое русское упорство, подавшее поводъ къ пословицѣ: „упрямъ какъ русскій.“ Притомъ нашъ простой народъ спасло еще то обстоятельство, что польская цивилизація дѣйствовала на него больше матеріальнымъ гнетомъ, чѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ, — послѣднее же выпало преимущественно на долю дворянства и горожанъ; русскіе холопы были до того бѣдны и презрѣнны, что польское духовенство и іезуиты не хотѣли долго трудиться надъ обращеніемъ ихъ въ свою народность. Мы, къ сожалѣнію, слишкомъ равнодушны къ своей исторіи, и не всегда понимаемъ ее наиболѣе замѣчательныя и высокія черты; но если когда нибудь сильный и правдивый историческій талантъ покажетъ въ надлежащемъ свѣтѣ судьбу западной Руси, то мы увидимъ, что рѣдво всемірная исторія представляла такое утѣшительное торжество праваго дѣла, столько столѣтій казавшагося безвозвратно погубленнымъ, такую величественную картину народа, который черезъ многія вѣка страданій и нравственнаго насилія, сберегалъ, какъ святыню, свои народныя начала, чтобы потомъ когда-то, въ неизвѣстной будущности, воскреснуть со всѣмъ русскимъ народомъ къ лучшей политической жизни.

„Гдѣ же тѣ факты, тѣ историческія доказательства, которыя свидѣтельствовали бы, что Польша была на высокой степени цивилизаціи, и что она цивилизовала западную Русь? Безправность городскаго сословія и самое тяжкое рабство поселянъ, безграничное самоуправство магнатовъ, мелкая или такъ-называемая сѣрая шляхта, огрубѣвшая, загнанная и часто обращаемая въ рабство, права собственности и личная свобода большинства гражданъ ничѣмъ необезпеченныя всеобщая продажность служебнаго сословія и грабительство національныхъ имуществъ; король, нѣмѣвшій никакой власти и бывшій игрушкой сеймовъ; престолъ, начиная отъ Генриха французскаго, продаваемый всякому, кто больше дастъ сеймовымъ избирателямъ; непрерывныя конфедераціи, раздиравшія державу и окончившіяся призывомъ иностран-

ныи войска для рѣшенія своихъ распрѣй, и, наконецъ, кромѣ всего этого нравственное господство іезуитовъ, безконечныи фанатизмъ и религіозныя пресѣдованія—это ли признаки, не говоря уже высокой цивилизаціи, но хоть сколько нибудь устроеннаго и способнаго къ дальнѣйшему существованію общества? Польско сѣимы, въ которыхъ сосредоточивалась политическая жизнь державы, прикрывалась громкимъ названіемъ Рѣчи-Посполитой, были въ сущности гнѣздилищемъ рабства для всѣхъ сословій, кромѣ богатаго дворянства, были истиннымъ притонемъ нечестивости, продажности, насилія и политическаго безсмыслія. Преследуемое сеймовое *вето* одно выражаетъ собою всю хаотическую неурядицу, царствовавшую въ польскомъ общественномъ устройствѣ. Цивилизація народная слагается изъ двухъ существенныхъ условий: крѣпкаго государственнаго порядка и возможнаго въ данную эпоху индивидуальнаго развитія, т. е. развитія нравственныхъ и дѣятельныхъ силъ народа. Въ Польшѣ было полное отсутствіе того и другаго: государственное устройство было образцомъ хаоса и непрочности, а индивидуальная самодѣятельность существовала въ одномъ незначительномъ меньшинствѣ, и то не въ смыслѣ гражданской свободы; а въ смыслѣ безграничнаго своеволія. Не Россия была причиной гибели Польши; Польша сама издавна носила въ своемъ организмѣ немощную болѣзнь и неудержимо стремилась къ разложенію.“

3.

ТОЖЕ „СЛОВО“ О НАСТОЯЩЕМЪ РАЗДРАЖЕНІИ МЕЖДУ РУССКИМЪ И ПОЛЬСКИМЪ НАСЕЛЕНІИ ВЪ ГАЛИЦИИ.

Газета „Слово“ сообщаетъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ раздраженіи, какого достигла въ настоящее время вражда между русскими униатскими и польскими населеніемъ въ восточной Галиціи, а равно между панями и сельчанами въ западной. Польскіе коендзы, имѣющіе надзоръ за школами, гдѣ учатся вмѣстѣ польскія и русскія дѣти, принуждаютъ послѣднихъ произносить имена святыхъ не порусски, а по польски, требуютъ ихъ къ себѣ на исповѣдь, насильно заставляютъ читать польскія книги, собственноручно снимаютъ со стѣнъ въ сельскихъ хатахъ образа, купленные въ кіево-печерскомъ или почаевскомъ монастыряхъ.

Полякъ, викарій перемишльскаго деканата, внесъ пять русскихъ шьюльниковъ, которые не послушались его внушенія: „тутъ нтъ русскихъ, а одни ученики, которые обязаны исполнять что имъ приказываютъ.“ Мальчики, лежа подъ розгами, кричали что они русскіе и повиноваться не будутъ. Не достигши своей цѣли, викарій сорвалъ свое сердце на томъ, что въ слѣдующее воскресенье промзнесъ громовую проповѣдь въ костелѣ, противъ „московскаго царя.“

„Вѣдныи московскій царь! восклицаетъ Слово: ему и не снится, какіе здѣсь страшные громы падаютъ на Него, за то что русскій мальчикъ въ Галиціи, ложась подъ розги, кричитъ: я русскій!“

Впрочемъ волненія происходятъ теперь не только въ восточной, но и въ западной Галиціи. Мазуры, пересчитывая дѣйствія польской партіи на послѣднемъ галицкомъ сеймѣ, изъявляютъ сильное негодованіе вообще противъ польскихъ землевладѣльцевъ. А корреспондентъ газеты *Czas* пишетъ изъ окрестностей Освѣтима: „Неустройство здѣсь великое. Ненависть сельчанъ къ панамъ усилилась до такой степени, что хлопы громко выражаютъ намѣреніе избить шляхту: она во всемъ виновата что теперь дѣлается; пусть только дадутъ хлопамъ волю, а они ужъ приведутъ все въ порядокъ“ и т. д. Такимъ образомъ это чуждаемое растеніе, называемое польскою шляхтою, одинаково тяготитъ собой и русскаго, и мазура. Можно судить заранѣе, упрочить ли свои дѣла австрійское правительство, опираясь, какъ оно повидимому намѣрено, на польскую шляхту.

Во время нынѣшней войны нѣмецкіе публицисты, какъ прусскіе, такъ и австрійскіе, часто разсуждали о Галиціи. Первые, желая имѣть на сторонѣ Пруссіи голосъ русскаго правительства, и предполагая, что получить этотъ голосъ въ свою пользу нельзя безъ предоставленія Россіи какой-нибудь существенной выгоды, указывали на присоединеніе Галиціи къ Россіи, какъ на достаточное, по ихъ мнѣнію, вознагражденіе за допущеніе совершившагося нынѣ переворота. При этомъ упоминалось и о томъ, что галицкое населеніе, при помощи подобной комбинаціи, вышло бы изъ его теперешняго ненормальнаго положенія и что слѣдовательно эта комбинація оказалась бы и для самого населенія серьезнымъ успѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ даже положительно утверждалось, будто прусскій король, тотчасъ же послѣ вѣдѣна-

тества Наполеона въ прусско-австрійскую распрю, послалъ въ Петербургъ приглашеніе занять русскими войсками всю Галицію. Но о занятіи Галиціи, по крайней мѣрѣ восточной, говорили еще задолго до начатія войны почти всѣ австрійскія газеты: славянскія газеты видѣли въ немъ не вознагражденіе Россіи за допущеніе какихъ-либо захватовъ въ Европѣ (не трудно понять, что серьезное вознагражденіе заключалось бы не въ Галиціи); онѣ видѣли въ немъ естественное послѣдствіе какъ прежней исторіи галицкой Руси, такъ и нынѣшняго положенія ея; газеты нѣмецкой партіи централистовъ высказывали живыя опасенія, по причинѣ легкости такого шага со стороны Россіи; русскія галицкія газеты, положеніе которыхъ, разумѣется, было крайне затруднительно, ограничивались простою перепечаткой извѣстій о готовящемся будто бы занятіи Галиціи русскими войсками. Польскія газеты, издаваемые въ самой Галиціи, видѣли въ этихъ толкахъ еще разъ представлявшійся случай пошумѣть противъ Россіи; но и онѣ не высказывали при этомъ особенныхъ симпатій къ Австріи. Онѣ злобно обвиняли русское населеніе Галиціи въ симпатіяхъ къ Россіи, въ ожиданіи русскихъ войскъ какъ своихъ избавителей отъ польскаго и нѣмецкаго владычества, въ послыжкѣ къ русскому императору съ изъявленіями своихъ желаній и чувствъ. Отъ нареканій не ушло и униатское духовенство Галиціи, которому ставилось въ преступленіе, что оно укрѣпляетъ національныя преданія въ массахъ, вверенныхъ его духовному руководству. Въ томъ интересѣ, который возбужденъ былъ въ галицко-русской журналистикѣ преобразованиями, коснувшимися нашихъ униатовъ холмской епархіи, польскія газеты видѣли готовность галицкаго духовенства возвратиться въ православіе. Это подозрѣніе они подкрѣпляли тѣми попытками очистить греко-униатскій обрядъ отъ искаженій, о которыхъ такъ много было говорено въ послѣднія лѣтъ въ средѣ галицкаго духовенства. Польскія газеты усматривали нѣчто недоброе для себя и въ томъ чувствѣ благодарности, съ какимъ встрѣчено было въ восточной Галиціи приглашеніе русскаго правительства къ тамошнимъ ученымъ принять мѣста священниковъ въ холмской епархіи и учителей во всей Россіи. На поѣздки къ намъ молодыхъ стипендіатовъ изъ галицкой и закарпатской Руси, враги русскаго населенія указывали чуть ли не какъ на государственную намѣну. То сочувствіе, съ какимъ было принято галицко-русскимъ обществомъ при-

глашение московскаго общества любителей естествознанія участвовать въ этнографической выставкѣ; они обывали насѣвшими и калесками. Газеты *Сzas*, *Przeгляд*, *Gazeta Narodowa* и теперь, когда наступило перемирие между Австріей и Пруссіей, продолжаютъ еще увѣрять, что русское населеніе Галиціи ждетъ съ распростертыми объятіями появленія русскихъ войскъ въ ея предѣлахъ. Газета *Слово*, замѣчающая польскіимъ публицистамъ, что они лучше позаботились бы объ утратѣ тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ польскимъ полякамъ, которыя открыто заявляются теперь сельскимъ населеніемъ даже въ западной Галиціи, говоритъ: „Наше природное сочувствіе для селеннаго нами народа великоруссовъ не нуждается въ оправданіи, и притомъ оно никому не вредитъ.“

Въ самомъ дѣлѣ было бы крайне странно и неестественно, если-бы галицко-русское населеніе не имѣло симпатій къ намъ. Это неконная русская земля, это наша Червоная Русь. Исторія застаётъ такъ-называемые червоорусскіе города принадлежащими къ киевскому великому княжеству. Владиміръ святой возвратилъ города Холмъ и Перемышль, отошедшіе было во время смутъ между его братьями къ Польшѣ. Данилъ Романовичъ образовалъ изъ этихъ городовъ, въ соединеніи съ Волынскимъ краемъ, особое Галицкое королевство. Но родъ Данила прекратился, и Галицкая земля присоединена была къ Польшѣ, подобно тому какъ Малороссія соединилась съ Литвой. Съ тѣхъ поръ судьбы галицкаго русскаго народа зависѣли отъ судьбы Польши: ея распаденіе предало Галицкую землю въ руки Австріи, но не могло связать эту провинцію національными чувствами ни съ Пештоуъ, ни съ Вѣной. Связи Львова и Перемышля со столицей Австрійской имперіи ограничивались административными отношеніями. Съ 1846 года австрійское правительство попыталось стать въ Галиціи на національную точку зрѣнія; но эта попытка еще усилила бѣдствія края. Для вѣнскихъ политиковъ, галицкое населеніе было только средствомъ: смотря по надобности, то давали они самыя неполныя обѣщанія полякамъ, то снова приподнимали русскихъ изъ-подъ временнаго угнетенія, то льстили полякамъ надеждою возстановленія Польши, хотя бы въ предѣлахъ Галицкаго королевства, то убѣждали русскихъ приняться за ихъ народное обособленіе, за развитіе ихъ мѣстнаго говора въ особый литературный языкъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, австрійское правительство ду-

нало достигнуть двухъ цѣлей: создать изъ польскаго населенія Галиціи ностоянный резервъ для революціи въ губерніяхъ Царства Польскаго, и распространить украинофильскую агитацію на юго-западные губерніи Имперіи. Последнее впрочемъ только отчасти удастся въenskимъ политикамъ: здравый смыслъ русскихъ галичанъ не позволилъ имъ порвать всѣ связи соединявшія ихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, какъ символомъ и органомъ единой общей русской народности. Но это еще болѣе раздражило поляковъ, и во время прошлагодняго сейма они приготовили цѣлый рядъ оскорбленій и несприятностей для русской партіи, совершенно безкомпромиссной и покинутой австрійскимъ правительствомъ. Въ настоящую минуту, судя по газетнымъ извѣстіямъ, Австрія еще разъ задумала опереться на польскій элементъ въ Галиціи и создать въ ней одно управленіе съ сильнымъ польскимъ преобладаніемъ. Возможно-ли, при такихъ обстоятельствахъ, намъ русскимъ, гражданамъ великаго русскаго государства, удержаться отъ того, чтобы не заявить нашего сочувствія страдающей почти трехмилліонной русской братіи на берегахъ Днѣстра и Сана, по отрогамъ Карпатъ? Все рушится и измѣняется вокругъ: кто можетъ обвинять русскихъ галичанъ, что въ нихъ живѣе чѣмъ прежде сказалось чувство ихъ народности, что они припоминаютъ свою исторію и смотрятъ, какъ на своихъ братьевъ, на насъ, которые имъ дѣйствительно братья? Можетъ ли Австрія требовать преданности своихъ *народовъ*, когда она сама не знаетъ что она такое и чѣмъ она будетъ завтрашній день?

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

въ 1867 года.

„МОСКВА“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИ-
ТЕРАТУРНАЯ,

будетъ выходить въ Москвѣ съ 1-го Января 1867 года,
подъ редакціей бывшаго издателя газеты „День“

И. С. Аксакова.

Распространяться о направленіи новой газеты едва ли нужно. Для тѣхъ, кто знакомъ съ Русскою журналистикой за послѣднія десять лѣтъ, оно достаточно опредѣляется всею прежнею дѣятельностію редактора; для лицъ же совершенно чуждыхъ литературы, наше объясненіе, въ тѣсныхъ предѣлахъ программы, объяснило бы очень пемпое. Ограничимся завлеченіемъ, что газета «Москва», обезпечивъ себѣ, посредствомъ внесенія залога, «изъятіе отъ дѣйствій предварительной цензуры», будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. МАНИФЕСТЫ, УКАЗЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ; движеніе по государственной службѣ.

II. ТЕЛЕГРАММЫ, политическія и торговля, какъ изъ-за границы, такъ и извнутри Россіи. Соглашеніе съ Русскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ даетъ намъ право надѣяться, что въ этомъ отношеніи Петербургъ не будетъ уже имѣть преимущества предъ Москвою, какъ прежде. Телеграммы Русскаго Агентства, учреждающаго съ будущаго года отдѣленіе своей конторы въ Москвѣ, будутъ приходить въ Москву почти одновременно съ Петербургомъ и появляться въ нашей мѣстѣ въ одинъ день съ появленіемъ ихъ въ Петербургскихъ

изданияхъ. Особенное вниманіе будетъ обращено на полноту и вѣрность коммерческихъ телеграммъ, заграничныхъ и внутреннихъ; такъ о денежномъ и вексельномъ курсѣ, такъ и о ходѣ торговли важнѣйшими товарами, примѣнительно къ потребностямъ Русскаго купечества.

III. СТАТЬИ ПЕРЕДОВЫЯ по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, законодательства, промышленности, торговли, финансовъ, и вообще по всѣмъ замѣчательнымъ явленіямъ Русской государственной и общественной жизни.

IV. ОТДѢЛЪ ВНѢШНЕЙ политики: дневникъ политическихъ новостей, или послѣднихъ извѣстій, извлеченныхъ изъ иностранныхъ газетъ; политическія обзорѣнія, статьи, корреспонденціи изъ-за границы. Сюда же примыкаетъ и

V. СЛАВЯНСКІЙ ОТДѢЛЪ, посвященный исключительно извѣстіямъ и статьямъ о судьбѣ славянскихъ племенъ внѣ предѣловъ Россіи и о положеніи такъ называемаго Восточнаго вопроса.

VI. ОТДѢЛЪ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ: извѣстіе и статьи по предметамъ нашего внутренняго государственнаго и общественнаго, матеріальнаго и духовнаго устройства.

VII. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ, т. е. корреспонденціи изъ губерній, извлечение изъ губернскихъ газетъ и обзорѣніе.

VIII. ОТДѢЛЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ. Мы желаемъ устроить этотъ отдѣлъ такимъ образомъ, чтобъ онъ могъ служить постояннымъ, полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ всѣхъ истинныхъ интересовъ и потребностей русской промышленности и торговли. Мы предполагаемъ помѣщать въ этомъ отдѣлѣ (завѣдываніе которымъ принимаютъ на себя люди хорошо знакомые съ теоретической и практической, съ научной и съ жизненной стороною русскихъ экономическихъ задачъ), кромѣ специальныхъ статей, также и корреспонденціи, торговли и биржевыя, изъ-за границы и изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи, равно какъ и различныя свѣдѣнія и извѣстія обо всемъ, что можетъ имѣть значеніе для русскаго коммерческаго міра.

IX. ОТДѢЛЪ СУДЕБНОЙ ЛѢТОПИСИ: отчеты о замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ въ Московскихъ и иногородныхъ судебныхъ мѣстахъ.

X. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ: критическія рецензіи и замѣтки о наиболее выдающихся произведеніяхъ Русской

литературы, преимущественно о книгахъ, издающихся для школ и для народа, полемика; небольшіе рассказы и очерки; отчеты о Московской публичной жизни, о театрахъ, выставкахъ и т. д.

Мы надѣемся, что всѣ, сочувствовавшіе «Дню», поддержатъ своимъ сочувствіемъ и новое наше изданіе. Мы пригласяемъ вновь на совмѣстный трудъ всѣхъ бывшихъ нашихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ. Впрочемъ, въ числѣ лицъ, въ постоянномъ содѣйствіи которыхъ мы увѣрены, мы имѣемъ право назвать уже и теперь: *Ю. О. Самарина, О. В. Чижова, И. К. Бабства, Н. П. Гильрова-Платонова, Н. А. Попова, А. О. Гильфердина, В. И. Ламанскаго, В. В. Григорьева, М. О. Колловича*, кромѣ многихъ другихъ, также обѣщавшихъ принять участіе въ нашей газетѣ.

Намъ остается сказать, что газета будетъ выходить листами большаго формата, ежедневно, кромѣ дней, непосредственно слѣдующихъ за табельными праздниками, и что въ ней могутъ помѣщаться и частныя объявленія, по особенной таксѣ.

Цѣна газета „МОСКВА“: на годъ, на полгода.

Безъ доставки 12 руб. 7 р.

Съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города 15 — 8 — 50 к.

Священно-служителямъ Западнаго края дѣлается уступка: на годъ 7 руб., на полгода 4 р. съ пересылкой.

Служащіе въ Москвѣ чиновники могутъ получать газету съ разсрочной въ платежъ денегъ, чрезъ посредство гг. казначеевъ и по соглашенію ихъ съ Редакціей.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ Редакція, на Малой Дмитровкѣ въ домѣ Ломоносова; въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, бывшемъ *Базиса*; въ Газетной Экспедиціи Почтамта. Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ газеты «МОСКВА», при книжномъ магазинѣ *А. О. Вазиса* на Невскомъ проспектѣ; также у книгопродавцевъ *Я. А. Исакова* и *Д. Е. Кожанчикова* и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта. Въ Харьковѣ у г-жи *Баллиной*; въ Кіевѣ у книгопродавца *Литоса*; въ Казани, Ярославлѣ и Варшавѣ, въ книжныхъ магазинахъ *Д. Е. Кожанчикова*. Редакція, впрочемъ, принимаетъ на себя отвѣтственность за вѣрную доставку

только относительно тѣхъ лицъ, которыя подписались въ самой Редакціи и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* — въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, у помѣщавшихъ трехъ книгопродавцевъ.
Редакторъ-издатель **И. АКСАКОВЪ**.

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“ ВЪ 1867 ГОДУ.

Журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кievской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1867 году, и начнеть съ 1-го января восьмой годъ.

Въ этомъ журналѣ, специально предназначенномъ для сельскихъ пастырей, будетъ помѣщаемо все, что можетъ и должно быть интереснымъ для нашего сельскаго духовенства. Избравъ однажды особенную цѣль — способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителямъ таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, «Руководство для сельскихъ пастырей» будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году оно будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держалось до сихъ поръ.

Въ составъ «Руководства для сельскихъ пастырей» во программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библиотекъ.

II. Исслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, приспособительныя къ потребностямъ сельскаго священника какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ къ прихожанамъ.

III. Произведенія проповѣднической литературы прошедшаго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части отечественной исто-

ни, а также материалы, относящиеся къ ней, съ надлежащею изъ обработкою. Изъ материаловъ набираются исключительно тѣ, которые по содержанию своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя сельскому священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ замѣчанія касательно отпрывленія богослуженія, благочинія церковнаго, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ вновѣрцамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденія, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ, материалы для уроковъ въ церковно-приходскихъ школахъ и соображенія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей священно и церковно-служительскихъ. Въ 5-хъ, библиографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ сельскому священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся сельскаго духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской церкви и въ частности—свѣдѣнія о достойныхъ сниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ. Эти свѣдѣнія будутъ извлекаемы частію изъ епархіальныхъ вѣдомостей, преимущественно же изъ корреспонденцій иноепархіальныхъ сотрудниковъ редакціи. 2) Свѣдѣнія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и церемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ томъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, входящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Разлитіе того или другаго отдѣла указываетъ современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вытекаютъ текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того,

чтобы журналъ нашъ могъ доставить сельскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Редакція, на основаніи цензурныхъ правилъ, покорнѣйше просить гг. сотрудниковъ переписывать свои статьи разборчиво и съ полями для отиѣтокъ цензуры.

«Руководство для сельскихъ пастырей» выходитъ ежемѣсячно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 25-ти до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ. (Въ 1860 году годовое изданіе состояло изъ 90 листовъ, въ 1861 изъ 102 листовъ, въ 1862 болѣе чѣмъ изъ 110 листовъ, въ 1863 изъ 125 листовъ, въ 1864 году въ 128 листовъ, въ 1865 изъ 124 листовъ. Около этого же числа листовъ будетъ выпущено и въ текущемъ 1866 году).

Подписная цѣна на мѣсяцъ 4 руб., съ доставкою на домъ и пересылкою во вся мѣста внутри Россіи 5 рублей серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, расстроена до сентября 1867-го года.

Въ редакціи находятся также экземпляры «Руководства для сельскихъ пастырей» за 1860, 1861, 1863, 1864, 1865 и 1866-й годы. Желающіе могутъ получить оныя въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 руб. серебромъ. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: *Въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей», въ Киевъ.*

Редакція «Руководства для сельскихъ пастырей» заботясь объ улучшеніи своего изданія по внутреннему его содержанию, въ то же время употребляетъ зависящія отъ нея мѣры къ своевременной и аккуратной высылкѣ подписчикамъ № № журнала; ит. же подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, покорнѣйше просить, чтобы они въ адресахъ своихъ означали

губерніи, уѣздъ и село; куда слѣдуетъ выслать журналъ, и разборчиво прописывать званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь № № журнала, редація покорнѣе проситъ обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно будутъ удовлетворяемы, по примѣру прежнихъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовыми вѣдомствами, окажется, что вторично требуемые № № действительно не досланы.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ *Оеоктиста*.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1867 году.

«Православное Обозрѣніе» достаточно извѣстно читающей публикѣ по его задачѣ и направленію. Въ будущемъ 1867 году оно вступитъ въ восьмой годъ своего существованія, и, опираясь на непрерывно-продолжающееся сочувствіе духовенства и общества, сближенію которыхъ оно служитъ въ высшихъ интересахъ вѣры, духовнаго вѣдѣнія и нравственно-религіозной жизни,—будетъ продолжать свое дѣло въ томъ же духѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и по степени большей или меньшей благопріятности внѣшнихъ обстоятельствъ.

Въ 1867 году «Православно Обозрѣніе», по прежнему будетъ издаваться ежемѣсячно — книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, по той же программѣ, въ которую входятъ:

I. Переводы книгъ Священнаго Писанія на русскій языкъ.

II. Отдѣлы богословскаго и назидательнаго чтенія: статьи бібліологическаго, догматическаго, нравственнаго, апологетическаго и церковно-историческаго содержанія.

III. Статьи, имѣющія предметомъ: философскія ученія о религіи,— религіи нехристіанскія, иновѣрные христіанскія общества и русскій расколъ въ его исторіи и настоящемъ состояніи.

IV. Критика и бібліографія: статьи о новыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ духовной литературы—русской и иностранной.

V. Замѣтки: небольшія статьи, извѣстія предположительно новѣйшія явленія современной религіозно-церковной жизни, распоряженія правительства по духовному вѣдомству, спеціальныя обзорѣнія по вопросамъ, приведеннымъ у насъ въ движеніе и еще не получившимъ окончательнаго разрѣшенія, педагогическія замѣтки, внутреннія корреспонденціи, отчеты по учрежденіямъ, пачинаніе которыхъ принадлежатъ духовенству, заграничныя извѣстія, журнальныя замѣтки, разныя извѣстія.

VI. Приложение: памятники христіанской древности въ русскомъ переводѣ, съ объяснительными введеніями и примѣчаніями. Съ будущаго 1867 года начнется переводъ важныхъ для исторіи борьбы церкви съ ересями первыхъ вѣковъ сочиненій—*св. Иулиана Лионскаго* пяти книгъ противъ ересей и *св. Иулиана* новооткрытаго сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ „*Philosophum*“.

Труды редакціи раздѣляютъ священники: *Г. Смирновъ* и *П. Преображенскій*.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ безъ доставки на домъ шесть рублей серебромъ, съ доставкою на домъ въ Москвѣ, равно съ пересылкою въ другіе города семь рублей серебромъ.

Въ *Москву* можно подписываться: въ конторѣ редакціи «Православнаго Обзорѣнія», на Остоженкѣ, въ приходѣ Новаго Воскресенія, въ домѣ свящ. Смирнова-Платонова,— въ конторѣ Унверситетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ,— и въ книжныхъ магазинахъ гг. Соловьева (бывшемъ Баунова), Ферапонтова, Глазунова, Салаева и другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ *Петербургѣ*: въ книжныхъ лавкахъ гг. Баунова, Овсянникова, Крашенинникова, Кораблева, Исалова, Давыдова и другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Изгородные, для скорѣйшей и вѣрнѣйшей доставки журнала, благоволятъ адресоваться съ своими требованіями прямо и исключительно: въ контору редакціи «Православнаго Обзорѣнія» въ Москвѣ.

За прежніе годы можно получать изъ конторы редакціи

нѣше экземпляры «Православнаго Обзорѣнія» по слѣдующимъ цѣнамъ:

За 1860 г.	безъ пересылки	4 р.	съ пересылкою	5 р. с.
» 1861	»	3 »	»	4 »
» 1862	»	3 »	»	4 »
» 1863	»	3 »	»	4 »
» 1864	»	3 »	»	4 »
» 1865	»	4 »	»	5 »
» 1866	»	6 »	»	7 »

Новые подписчики на 1867 годъ, желающіе приобрести «Православное Обзорѣніе» съ начала изданія, платятъ какъ за всѣ прошедшіе семь лѣтъ, такъ и за 1867 годъ, вмѣстѣ—безъ пересылки 25 р.. съ пересылкою 30 р. с. Въ адресахъ необходимо обозначать, что въ прошедшіе годы подписки не было.

Редакторъ прогоіерей *М. Сергіевскій*.

Ординарный профессоръ богословія въ московскомъ университетѣ.

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

въ 1867 году

ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Цѣна газеты съ пересылкою:

На годъ 9 р. 20, на полгода 4. 60 к., на четверть года 2 р. 30, на мѣсяць 80 к.

Подписка принимается въ Варшавѣ, въ главной конторѣ Дневника, на Медовой улицѣ, № 487, въ С. Петербургѣ и Москвѣ въ почтамтахъ, въ Одессѣ, Вильнѣ и Гроднѣ въ почтовыхъ конторахъ, а въ Царствѣ польскомъ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ.

„ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА“.

ИЗДАЕТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, СЪ ОКТЯБРЯ 1866 Г., БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- а) Переіовые романы, повѣсти, разказы и т. п.
- б) Русскіе оригинальные: романы, повѣсти, драматическія пьесы, стихотворенія и проч.
- в) Записки путешественниковъ, историческіе мемуары, біографіи и т. п.
- г) Статьи по важнѣйшимъ современнымъ вопросамъ общественной и политической жизни, по исторіи политической и литературной, по предметамъ естествознанія, нравственно-философскаго содержанія и проч.
- д) Обзорнія общественной жизни, литературы и искусства въ Россіи и заграничѣ, въ видѣ фельетона, корреспонденцій изъ важнѣйшихъ городовъ Европы и т. п.
- е) Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ русскихъ и иностранныхъ, съ изложеніемъ содержанія и разборомъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ.
- ж) Разнаго рода мелкія статьи, замѣтки, извѣстія, анекдоты и т. п.

Нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ и почтенныхъ нашихъ литераторовъ будутъ принимать участіе въ „Литературной Библиотекѣ“ своими трудами.

«Литературная Библиотека» выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 150 и болѣе страницъ убористаго и красиваго шрифта.

	Безъ достав-	Съ доставкою
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА	назначается: ки въ Спб. и на домъ и съ пер-	Москвѣ. рес. въ города
На годъ	9 р.	10 р.
На полгода	5 р.	6 р.
На три мѣсяца (октябрь ноябрь и декабрь 1866 г.)	3 р.	3 р. 50 к.
На годъ и три мѣсяца (съ 1 октября 1866 г. по 1 января 1868 г.	11 р.	12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ преимущественно: отъ жителей С. Петербурга въ книжныхъ магазинахъ *Овсянниковъ, Я. Исакова, Базунова и Кожанчикова*; отъ жителей Москвы

въ книжномъ магазинѣ *Соловьева* (бывшій *Базунова*); иногородные же благоволятъ обращаться прямо въ Редакцію, надписывая свои требованія такъ: *въ С. Петербургъ, въ редакцію журнала «Литературная Библіотека» или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.*

«Литературная Библіотека» печатается въ большомъ числѣ экземпляровъ, и потому требованія новыхъ подписчиковъ будутъ удовлетворяться безъ замедленія съ первою отходящею почтою.

Издатель и Редакторъ *Ю. Богушевичъ.*

ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1867 году.

Духовный Вѣстникъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1867 году въ томъ-же направленіи, въ какомъ уже заявилъ себя читающей публикѣ, ежемѣсячно книжками до 10-ти печатныхъ листовъ.

Цѣна журнала въ 1867 году какъ съ пересылкою и доставкою, такъ и безъ пересылки—5 руб. Цѣна журнала за 1862, 1863 и 1864 г., съ пересылкою и доставкою—4 рубля. За 1865 годъ цѣна журнала 5 руб. съ пересылкою, безъ пересылки—4 р. Отдѣльно, за всѣ годы, каждой книжкѣ цѣна, съ пересылкою, 60 коп.; безъ пересылки—50 коп.

Для облегченія подписчиковъ, котораго соглашается, чтобы желающіе выслали плату по частямъ, чрезъ свое начальство, въ началѣ каждаго полугодія, не менѣе половины подписной цѣны.

Редакція съ удовольствіемъ будетъ принимать статьи инопородныхъ сотрудниковъ, присылаемыя для помѣщенія въ журналъ, и общаетъ ихъ авторамъ денежное вознагражденіе, если они того пожелаютъ, по роду и достоинству статей.

Подписка принимается:

Въ *Харьковѣ* въ главной конторѣ журнала, въ домѣ протоіерея *И. Л. Чижевскаго*, и въ книжномъ магазинѣ *Скалона* и *К.* (бывшемъ *П. И. Анарина*).

Въ С. Петербургѣ: въ конторѣ журнала «Духовный Вѣстникъ», при книжныхъ магазинахъ *Кораблева, Сиринкова и Осемникова*. А также въ квартирѣ законоучителя Павловскаго военнаго училища, священника *В. Я. Михайловскаго*, на Васильевскомъ острову, въ 1-й линіи.

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ *Ө. И. Салаева и А. Н. Шереметова*.

Иногородные, желающіе подписаться на полученіе журнала, благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ *Контору Духовнаго Вѣстника въ Харьковѣ*. Почтамту извѣстно помѣщеніе конторы.

При этомъ контора поворѣйше проситъ *точно и четко* прописывать адресъ, обозначая отчетливо свое имя, чинъ или званіе и мѣсто жительства (губернію, уѣздъ, городъ, или почтовую контору), куда слѣдуетъ доставлять книги; а также присылать свои требованія заблаговременно, дабы она могла знать приблизительно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ печатать изданіе.

Контора «Духовнаго Вѣстника» готова исполнѣ удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ гг. подписчиковъ за всѣ случайныя неисправности, могущія встрѣтиться при разсылкѣ книгъ. Для сего покорнѣйше проситъ обращаться съ жалобами *своевременно и непремѣнно прописывать номеръ адреса*, за которымъ получается журналъ. По наведеніи всѣхъ нужныхъ справокъ, контора немедленно удовлетворяетъ подписчика.

Редакторъ, Ордин. Професоръ Гогословія въ Харьковскомъ университетѣ, Протоіерей *В. Добротворскій*.

Редакторъ-Сотрудникъ, Протоіерей *Александръ Федоровскій*.

КИЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1867 году.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ наступающемъ 1867 г. съ 1-го января. Слѣдую программѣ, утвержденной св. Синодомъ, онѣ будутъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: *оффиціально и духовно-литературнаго*.

I. Въ составъ перваго отдѣла войдутъ :

1) Высочайше манифесты и повелѣнія по духовному ведомству.

2) Указы и распоряженія св. Синода, какъ общія, такъ и касающіяся собственно кievской епархіи; извѣстія о наградахъ по кievской епархіи, изъясненія благословенія и благодарности отъ лица св. Синода.

3) Распоряженія епархіальнаго начальства, касающіяся всей епархіи или значительной ея части; извлеченія изъ отчетовъ по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія.

4) Назначеніе и увольненіе лицъ должностныхъ по епархіальному и духовно-учебному управленіямъ въ кievской епархіи, и извѣстія о священно и церковно-служительскихъ вакансіяхъ.

5) Некрологи должностныхъ лицъ и священно-служителей кievской епархіи.

II. Второй отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ :

1) Пастырскія наставленія, касающіяся всей паствы; слова и рѣчи, произнесенныя по особымъ случаямъ; лучшія поученія, катихизическія бесѣды и рѣчи священнослужителей кievской епархіи; назидательныя размышленія и духовныя совѣты, касающіяся потребностей кievской паствы.

2) Историко-статистическія свѣдѣнія о приходахъ, церквахъ, монастыряхъ и духовенствѣ кievской епархіи, о духовныхъ училищахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, біографіи іерарховъ, замѣчательныхъ священнослужителей, воспитателей духовнаго юношества, благотворителей церкви, подвижниковъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ благочестивою жизнью; описаніе нравовъ, религіозныхъ обычаевъ, суевѣрій и предрасудковъ въ кievской епархіи.

3) Извѣстія о школахъ грамотности при церквахъ кievской епархіи и указаніе лучшихъ способовъ обученія.

4) Грамоты, акты и другіе замѣчательные документы, касающіяся церквей, монастырей и духовенства кievской епархіи.

5) Краткія бібліографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ книгахъ, относящихся къ духовной литературѣ, а также извѣстія о духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

6) Епархіальную хроніку: разныя свѣдѣнія о современномъ состояніи церкви, духовенства и кievской паствы.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить, какъ и прежде, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го чиселъ, выпусками отъ 1½ до 3-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ пересылки три рубля серебромъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи, 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева, на Старомъ Кіевѣ, и 3) въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова—на Крещатику.

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться такъ: Въ редакцію *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, въ Кіевъ, означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ содѣйствовать ей своими трудами; въ особенности она приглашаетъ священнослужителей кіевской епархіи сообщать ей свѣдѣнія, относящіяся къ историко-статистическому описанію сей епархіи, а также—акты, грамоты и другіе документы касающіеся исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

Редакторы: протоіерей *Петръ Лебединцевъ*.
священникъ *Алексій Колосовъ*.

ХАРЬКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ 1-го января 1867 года, въ замѣнъ «Духовнаго Дневника», будутъ издаваться «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости», по программѣ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ.

Въ составъ Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей войдутъ:

1. Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству.

2. Указы и распоряженія Св. Синода какъ общіе, такъ и касающіеся собственно Харьковской епархіи; извѣстія о наградахъ по епархіи, изъясненія благословенія и благодарности Св. Синода.

3. Распоряженія Епархіальнаго Начальства, касающіяся всей епархіи, или значительной ея части, извѣщенія объ

ответовъ по разнымъ частямъ епархіального управленія и общія распоряженія Семигарскаго начальства.

4. Назначеніе и увольненіе лицъ должностныхъ по епархіальному и духовно-учебному управленію въ Харьковской епархіи и извѣстія о священно-церковнослужительскихъ вакансіяхъ.

5. Постановленія и распоряженія Харьковскаго губернскаго училищнаго совѣта, извѣстія объ открытіи начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи, краткій отчетъ о состояніи всѣхъ вообще въ губерніи начальныхъ народныхъ училищъ и объявленія объ учительскихъ вакансіяхъ въ этихъ училищахъ.

6. Свѣдѣнія объ открытіи приходскихъ попечительствъ въ Харьковской епархіи и замѣчательныя ихъ постановленія и дѣйствія.

7. Некрологи должностныхъ лицъ и священно-служителей Харьковской епархіи.

8. Епархіальная хроника. Сюда войдутъ разныя свѣдѣнія о современномъ состояніи церкви и духовенства Харьковской епархіи.

9. Разныя извѣстія и замѣтки, касающіяся современнаго состоянія православной отечественной церкви, духовно-учебныхъ заведеній и духовенства.

Примѣч. Въ видѣ приложения время отъ времени будутъ помѣщаемы слова и рѣчи, произнесенныя по особымъ случаямъ, и лучшія поученія священно-служителей Харьковской епархіи.

Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го чиселъ, выпусками, отъ 2-хъ до 2½ печатныхъ листовъ. Цѣна съ пересылкою и безъ пересылки 3 руб. сереб.

Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣе проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ и въ особенности просвѣщенное духовенство Харьковской епархіи сообщать ей свѣдѣнія о современномъ состояніи церквей и приходоѡ, объ открытіи и замѣчательныхъ дѣйствіяхъ приходскихъ попечительствъ, объ открытіи и состояніи начальныхъ народныхъ училищъ, воскресныхъ школъ и вообще о ходѣ народнаго образованія въ приходахъ, и въ цѣлыхъ уѣздахъ и другія болѣе или менѣе интересныя извѣстія.

Подписка принимается въ Редакціи «Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» при Духовной Консисторіи, у всѣхъ епархіальныхъ благочинныхъ и въ Типографіи Императорскаго Харьковскаго Университета.

Всѣ иногородные, желающіе подписаться на получение Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ Редакцію *Харьковскихъ Вѣдомостей* при Духовной Консисторіи; посланіи и письма адресовать туда-же.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Чижевскій.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ГЛАСНЫЙ СУДЪ

ГАЗЕТА СУДЕБНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.

По утвержденной Правительствомъ программѣ, газета наша будетъ содержать слѣдующіе отдѣлы: 1) Судебный; 2) Земскій, 3) Отчеты о собраніяхъ ученыхъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, дворянскихъ собраній и др. 4) Правительственныя распоряженія и постановленія, 5) Иностранныя извѣстія, 6) Литературный, преимущественно въ интересахъ общественныхъ вопросовъ, 7) Смѣсь и 8) Телеграфическія извѣстія.

По принятому обычаю, каждый издатель, предпринимая новое изданіе газеты или журнала, заявляетъ предварительно о будущемъ направленіи своего изданія. Мы считаемъ это личнымъ, послѣ того какъ состоялся Высочайшій рескриптъ, 13 минувшаго мая. Рескриптомъ всѣ направленія сводятся къ одной общей обязанности, содѣйствовать Правительству всѣми зависящими средствами къ утвержденію тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ зиждется благоустроенное общество. Поэтому журнальная литература, какъ проводникъ этихъ началъ и отголосокъ общественнаго мнѣнія, можетъ только отличаться въ способѣ какимъ удобнѣе достигнуть цѣли, ясно указанной Высочайшею волею.

Имѣя въ виду болѣе практическую сторону жизни, въ основахъ которой лежатъ экономическая наука, а не ложное гол-

вошіе ея, не подкрѣпленное дѣйствительными фактами, держась строго научныхъ истинъ, мы желали бы дать имъ объясненіе, вполне сообразное съ дѣйствительной обстановкой той среды, въ которой наука могла бы быть примѣнена. Поэтому, прежде всего и во главѣ всѣхъ нашихъ сужденій, мы намѣрены обращать вниманіе на обстоятельства, сопровождающія нашу общественную дѣятельность и на средства направить ее къ тому, чтобы научныя улучшенія вполне достигали своего значенія.

Сообразуясь съ такимъ пониманіемъ науки, въ примѣненіи къ жизни, мы намѣрены дать слѣдующее развитіе отдѣламъ газеты.

I. ОТДѢЛЪ СУДЕБНЫЙ.

Едва начался «Гласный Судъ» какъ всѣ испытываютъ зачатки того плодотворнаго вліянія, какое онъ неминуемо долженъ имѣть на возрожденіе народной нравственности. «Судъ Гласный» не можетъ не быть судомъ *«правымъ и милостивымъ»*. Такъ, изреченіе Великаго Законодателя дѣлается не мертвою буквою, а непреложнымъ, естественнымъ уже закономъ потому, что нарушить его не въ силахъ ничья своевольная и безправная воля. Гласному суду въ основаніи присуща истина; никто не скроетъ свѣтильника ея подъ снудомъ, но поставитъ на свѣчникъ, гласнаго суда, да освѣтятся имъ и лягутъ предъ всѣми дѣла каждаго. Какой тяжущійся, не потерявшій сознанія, рѣшится вопреки совѣсти скрывать свои дѣла за ложнымъ истолкованіемъ закона, какой судья произнесетъ приговоръ не по крайнему своему разумѣнію, если его судъ привлечетъ къ нему общественныя симпатіи, или послужитъ для него позоромъ, въ лицѣ публичнаго, ничѣмъ неподкупнаго судьи—общества. Его убѣжденія также дѣйствительны, также неподкупны, какъ тайный голосъ совѣсти. *«Гласный Судъ»* есть великое народное училище, гдѣ наставникомъ нравственности дѣлается не школьный учитель, а собственное сознаніе. Поэтому, мы не нашли ничего лучшаго, какъ принявъ своимъ девизомъ «Гласный Судъ», обратить его въ наименованіе нашей газеты и поставить во главѣ нашего изданія «судебный отдѣлъ»; по искреннему убѣжденію, что веденіе его имѣетъ нравственную и практическую пользу. Нравственную потому, что скорѣе всякой грамотности и всякаго школьнаго образованія достигается цѣль *«простыненія»* популярною переда-

чею процессовъ, для полнаго сознанія, что правда и милость царствуютъ въ судѣ и что всѣ становятся равными предъ закономъ. Практическую потому, что ихъ уразумѣніе не только изгонитъ изъ судебной практики побужденія ко вчианію двусмысленныхъ тяжбъ, но даже образуетъ свѣдущихъ защитниковъ тяжущихся сторонъ при гласномъ рѣшеніи дѣлъ. Мы убѣждены, что помѣщеніе замѣчательнѣйшихъ судебныхъ докладовъ и указаній на полноту или недостатокъ ихъ можетъ быть полезно не только для тѣхъ округовъ, гдѣ введено уже гласное судопроизводство, но и для остальныхъ судебныхъ мѣстъ, дѣйствующихъ еще на прежнихъ основаніяхъ. Убѣждены также и въ томъ, что изложеніе судебныхъ преній, съ объясненіемъ способа передачи существа дѣла, даже безъ разбора самыхъ приговоровъ, послужитъ къ лучшей подготовкѣ дѣлъ.

Не ограничиваясь изложеніемъ *замѣчательнѣйшихъ процессовъ*, происходящихъ въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ, мы намѣрены помѣщать: 1) *Особенные случаи изъ практики мировыхъ судей*. Этимъ способомъ можно при личной защитѣ изучить смѣтливость и природное пониманіе правоты и виновности нашимъ далеко непонятымъ народомъ. Еще такъ недавно вачалась практика мировыхъ судей; но уже успѣла поселить въ немъ самое благопріятное впечатлѣніе: 2) *ученыя юридическія статьи*, преимущественно возбуждаемыя самими процессами. Объясненіе буквы закона по источникамъ происхожденія даетъ возможность избѣгать тѣхъ недоразумѣній, отъ которыхъ возникаютъ тяжбы; 3) *замѣчательнѣйшіе иностранные процессы*. Эти процессы, кромѣ поучительныхъ примѣровъ для юристовъ, при тщательномъ выборѣ и популярномъ изложеніи, постоянно возбуждаютъ любопытство публики; и 4) *Судебный указатель*: назначеннымъ къ докладу дѣламъ.

Для тяжущихся, желающихъ, въ видѣ особыхъ приложений, разсылать при нашей газетѣ полныя свѣдѣнія о своихъ процессахъ, будутъ печатаны отчеты, записанные нашими стенографами.

II. ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Если нужда и неволя убиваютъ народный духъ, приступая умственные способности, то свобода и довольство возвышаютъ и облагораживаютъ людей. Эта истина вполне подтвердилась двумя колоссальными опытами, первый освободилъ 20 милліо-

вошь крестьянъ отъ неволи, *второй* призвалъ земство къ самоуправленію, отъ котораго зависить будущее народное до-вольство. — И то и другое преимущество иноземные народы достигали путемъ долгихъ испытаній, мы напротивъ всѣмъ обя-заны доброй волѣ вельведущаго Монарха. Вотъ почему об-щественный органъ, если желаетъ пріобрѣсть къ себѣ довѣріе, долженъ итти рука объ руку съ самими много-объщающими правительственными учрежденіями. Понимая такъ свою обя-занность намъ придется часто останавливать вниманіе общества на дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій.

Дѣйствительно, не смотря на недавнее открытіе земскихъ управъ, нельзя не убѣдиться въ ихъ полезной дѣятельности, какъ для народнаго образованія, такъ и для улучшенія эконо-мическаго быта. Извѣстія о земскихъ собраніяхъ, помѣщаемыя въ газетахъ, до сихъ поръ, не могли удовлетворить тѣхъ, для кого вопросъ о дѣятельности управъ не былъ предметомъ про-стаго любопытства. Самыя земскія управы не имѣли возмож-ности повѣрить себя по сравненію съ трудами другихъ управъ; поэтому, мы намѣрены давать систематическіе отчеты о зем-скихъ собраніяхъ и земскихъ управъ. Сборникъ подобныхъ от-четовъ будетъ заключать данныя для изученія исторіи земскихъ учрежденій и для руководства управъ въ ихъ дальнѣйшей дѣ-ятельности.

Въ этотъ же отдѣлъ войдутъ извѣстія о дѣятельности город-скихъ обществъ.

Редакція, желая дать земскому отдѣлу особое развитіе, будетъ благодарна управамъ, если онѣ примутъ на себя трудъ доставлять относящіяся до ихъ дѣятельности свѣдѣнія.

III. ОТЧЕТЫ О СОБРАНІЯХЪ УЧЕНЫХЪ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ и ДРУГИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Труды нашихъ сельскохозяйственныхъ и ученыхъ обществъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ развитію и улучшенію произ-водительности, не достигали вполне своей цѣли, потому что дѣятельность подобныхъ обществъ не находила проводника для приложенія къ народной жизни. Съ учрежденіемъ земскихъ управъ, этотъ важный недостатокъ устраненъ. Просвѣщенная дѣятельность нашихъ обществъ, вѣроятно найдетъ теперь пол-ное сочувствіе въ управахъ. Ни одна изъ нихъ не откажется быть проводникомъ результатовъ, испытанныхъ обществами.

Но, побѣдивъ одно препятствіе, является другое. Хозяйственные съѣзды, довольно распространенные по губерніямъ и общества, — существующія съ цѣлю ознакомленія съ экономическими усовершенствованіями, до сихъ поръ, дѣйствовали врознь, не имѣя органа, который бы соединялъ ихъ труды и давалъ возможность слѣдить за ними. Въ устраненіе этого важнаго недостатка, мы признали необходимымъ дать мѣсто въ нашей газетѣ тѣмъ отчетамъ ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, которые имѣютъ прямое приложеніе къ сельскому хозяйству и промышленности. Отдѣльные оттиски этихъ отчетовъ могутъ принести значительную пользу при распротраненіи ихъ между хозяевами и промышленниками.

Отчеты обществъ, находящихся въ губерніяхъ, — будутъ помѣщаемы въ газетѣ, немедленно по доставленіи въ редакцію самими обществами.

IV. ОФФИЦАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

Для сбереженія мѣста будутъ помѣщаемы въ текстѣ газеты только содержаніе постановленій Правительства; тѣ же изъ нихъ, которыя могутъ интересовать землевладѣльцевъ и промышленниковъ, какъ-то: уставы банковъ, частныхъ компаній и др., мы будемъ печатать отдѣльными оттисками.

V. ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мы пришли къ убѣжденію, что одного ежедневнаго сообщенія читателямъ о всѣмъ текущихъ иностранныхъ новостяхъ, недостаточно для уясненія политическихъ событій. Съ этою цѣлю, мы намѣрены, независимо отъ текущихъ извѣстій, помѣщать обзорѣнія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и переводныя статьи политическаго содержанія.

VI. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Отдѣлъ этотъ, какъ сказано въ самой программѣ, будетъ состоять изъ статей, преимущественно въ интересахъ общественныхъ вопросовъ. Правительство постепенно вводитъ свои полезныя реформы; соответственно тому и въ нашемъ общественномъ строѣ замѣтно пробужденіе. Въмѣсто прежней апатіи, общество обращаетъ вниманіе на все, что можетъ служить къ обновленію его нравственной и экономической жизни. Рядомъ съ матеріальными интересами возникаютъ нравственные.

потребности общества, безъ удовлетворенія которыхъ, первыя не осуществимы. Поэтому, земство конечно не останется равнодушнымъ къ предметамъ, относящимся до народнаго образованія. Мы не будемъ затѣвать споръ о классическомъ или реальномъ образованіи, предназначенномъ для высшихъ классовъ, потому что прежде всего нужно подумать о народномъ образованіи. Разъ поднятый о немъ вопросъ, не можетъ не вызвать постояннаго сочувствія. До сихъ поръ, мы не имѣемъ точныхъ отвѣтовъ въ литературѣ о распространеніи грамотности. Земство въ состояніи дать средства для распространенія грамотности въ народѣ. Земство вездѣ сочувственно отозвалось къ этой прямой своей обязанности, поэтому мы полагаемъ, что, если въ нашей газетѣ будутъ являться *періодическія извѣстія*, что сдѣлано по такому важному предмету, то это не только удовлетворитъ общественному любопытству, но и принесетъ пользу тѣмъ дѣятелямъ земства, которые въ народномъ образованіи видятъ единственное, вѣрное ручательство за будущій прогрессъ нашего отечества. Рядомъ съ народнымъ образованіемъ стоятъ вопросы о тѣхъ предметахъ, которые вліяютъ на народную нравственность, какъ-то, объ улучшеніи быта духовенства, направленіи его дѣятельности и о духовныхъ училищахъ. Безъ разрѣшенія удовлетворительно этихъ жизненныхъ вопросовъ, нравственный уровень народа не подымется выше, безъ чего придется встрѣчать на каждомъ шагу препятствія въ примѣненіи и выполненіи всѣхъ реформъ. Послѣ нравственности, первое мѣсто занимаетъ народное благосостояніе. Оно не можетъ совершиться безъ распространенія ремесленности въ народѣ, и установленія цѣнности поземельной собственности, при содѣйствіи поземельнаго кредита. Только при возстановленіи цѣнности земли, она привлечетъ для своего улучшенія капиталы; а безъ общественной ссуды подъ залогъ земли, она будетъ считаться мертвою собственностію. Недостаточно сознавать пользу желѣзныхъ дорогъ, но необходимо возбудить соревнованіе къ сооруженію ихъ своими средствами. Всѣ эти, и другіе, возникающіе на ряду съ ними вопросы требуютъ не случайнаго, но постояннаго обсужденія для того, чтобъ общественное мнѣніе высказалось по этимъ вопросамъ и обратило вниманіе гѣхъ вѣдомствъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ рѣшеніе.

VII. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Къ этому отдѣлу относимъ: 1) Всѣ извѣстія и корреспонденціи изъ губерній; 2) очерки, разсказы и друг., и 3) биржевыя извѣстія.

VIII. ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ отдѣлѣ телеграфическихъ извѣстій будутъ помѣщаемы телеграммы, какъ русскаго, такъ и иностранныхъ телеграфическихъ агентствъ. Отдѣлъ этотъ особенно долженъ развиться, такъ какъ русское агентство предполагаетъ сообщать телеграфическія извѣстія изъ внутреннихъ губерній.

Объяснивъ программу и способъ выполненія, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что изданіе газеты «Гласный Судъ», сколько это зависитъ отъ редакціи, удовлетворитъ разностороннимъ требованіямъ той части общества, которая съ просвѣщеннымъ вниманіемъ *слѣдитъ*, равно и той среды, которая въ нотѣ лица *трудится* для общаго блага, съ полнымъ желаніемъ воспользоваться новѣйшими усовершенствованіями по всѣмъ предметамъ сельскаго и промысловаго хозяйства.

Если намъ удастся вызвать дѣльными хозяйственными замѣтками изъ губерній—мы въ особенности будемъ дорожить такого рода корреспонденціей и для нея всегда найдется мѣсто въ нашей газетѣ.

2) ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ:

САМОУЧИТЕЛЬ СТЕНОГРАФІИ.

При газетѣ «Гласный Судъ» будетъ также издавагься еженедѣльная газета «Самоучитель стенографіи». Издатель этой газеты, какъ опытный специалистъ въ стенографическомъ искусствѣ, первый ввелъ въ Россіи обученіе стенографіи, посредствомъ частнаго преподаванія и въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ. Почти всѣ стенографы приговорены подъ его руководствомъ въ Петербургѣ. Желая распространить стенографическое знаніе повсемѣстно, въ виду предстоящаго веденія гласнаго суда во всей Россіи,—издатель поставилъ воюю задачу передать волюнѣ въ своей газетѣ свой способъ преподаванія, въ такой обще-доступной формѣ, которая устраняетъ необходимость личнаго руководства. Для изученія и приобрѣтенія навыка въ употребленіи стенографическихъ знаковъ газета будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ:

1. ТЕОРІЯ СТЕНОГРАФІИ.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы объясненія стенографическихъ знаковъ, наставленія къ ихъ употребленію, примѣры и другія относящіяся до изученія стенографіи свѣдѣнія, въ такомъ объемѣ, чтобы читатель могъ легко и скоро усвоить себѣ это искусство.

2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Здѣсь будутъ помѣщаемы произносимыя въ собраніяхъ рѣчи, отчеты ученыхъ обществъ, публичныя лекціи и изустный разборъ дѣлъ у мировыхъ судей, записано стенографическими знаками.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ редакція надѣется найти своихъ подписчиковъ настолько приготовленными въ стенографіи, что можно будетъ перейти прямо къ одному стенографическому печатанію. Тогда газета, имѣющая въ виду не измѣнять свой объемъ и форматъ, сдѣлается изданіемъ, интересующимъ всѣхъ, кто желаетъ продолжать усовершенствованіе въ стенографіи, посредствомъ пріобрѣтенія навыка къ легкому и скорому записыванію стенографическими знаками, такъ какъ въ этой быстрой и заключается главнѣйшая польза стенографическаго письма.

Издатель, располагая достаточнымъ числомъ приготовленныхъ стенографовъ, находитъ полную возможность удовлетворить требованія, какъ разныхъ обществъ и собраній, такъ и частныхъ лицъ, нуждающихся въ передачѣ изустныхъ рѣчей.

Изданіе обѣихъ газетъ начнется, по истеченіи каникулъ судебныхъ мѣствъ, съ 1-го будущаго октября.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на обѣ газеты, вмѣстѣ, и на каждую порознь, принимается въ газетной экспедиціи С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ; въ С.-Петербургѣ въ конторѣ газеты «Гласный Судъ» и «Самоучитель Стенографіи» — при книжномъ магазинѣ *С. В. Звонарева и К.* (бывш. при конторѣ «Современника») на Невскомъ просп. противъ Анничкова дворца; — въ самой редакціи — на Невскомъ просп. въ д. Максимовича № 82; въ Москвѣ у *И. Г. Соловьева* (быв. Базунова), въ конторѣ *Олешина*, на Тверской, д. Гяшпуса и у всѣхъ извѣстныхъ книго-

продавцевъ. Иногородные подписчики благоволятъ, исключительно, обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору газетъ, — при магазинѣ Звонарева и К., или прямо въ редакцію, помещеніе которой С.-Петербургскому почтамту извѣстно.

Подписная цѣна на ежедневную газету «Гласный Судъ» (въ форматѣ большого листа) На годъ съ доставкою и пересылкою, 15 р. — Такъ какъ читающая публика привыкла, большею частію, подписываться на газеты въ Декабрѣ мѣсяцѣ, то редакція во избѣжаніе лишннихъ расходовъ со стороны Гг. подписчиковъ, имѣетъ честь предложить подписку.

Съ 1 Октября 1866 года по 1 Января 1868 г., т. е. на 15 мѣсяцевъ, съ доставкою и пересылкою, только 15 руб. Желающіе подписаться по 1 Января 1867 г., т. е., за 2 мѣсяца платятъ 5 р. за 1 мѣсяць — 2 руб.

При подпискѣ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ на газету «Гласный Судъ» допускается разсрочка въ платежѣ, за поручительствомъ гг. Кавначеевъ; неслужащіе — по соглашенію съ редакціею.

Подписная цѣна на ежедневную газету «Самоучитель Стенографіи».

Подписавшіеся на газету «Гласный Судъ» — съ 1-го Октября 1866 г. по 1-е Января 1868 г. платятъ за то же время, при подпискѣ на «Самоучитель» 3 р. съ пересылкою и доставкою.

Подписавшіеся на одну газету «Самоучитель» платятъ съ пересылкою и доставкою, 4 руб. 50 коп.

Кромѣ того, въ газетѣ «Гласный Судъ» будутъ по самой дешевой цѣнѣ, помещаемы частныя и казенныя объявленія.

ИЗДАНИЕ РУЧНАГО СВОДА ЗАКОНОВЪ.

Редакція испрашиваетъ также разрѣшенія правительства на компактное изданіе ручнаго свода законовъ; если таковое послѣдуетъ и подписка на газету: «Гласный Судъ» достигнетъ до 4,000 номеровъ, то редакція тотчасъ же приступитъ къ изданію упомянутаго ручнаго свода подъ руководствомъ опытныхъ специалистовъ.

Книжки «Ручнаго Свода Законовъ» будутъ выходить въ слѣдующемъ порядкѣ: законы гражданскіе (X т.); законы торговые (XI т.); законы уголовные (XV т.). Изъ остальныхъ двенадцати томовъ будутъ извлечены только тѣ положенія и уставы, которые наиболѣе необходимы въ частномъ быту; а также

люны о состояніяхъ, съ перемѣнами, произведенными положеніемъ о крестьянской реформѣ.

Въ такомъ же компактномъ форматѣ будутъ изданы сокращенные уставы новаго судопроизводства.

Полное изданіе «Ручнаго Свода Законовъ» составитъ карманную энциклопедию законовъ, столь необходимую для руководства частныхъ лицъ, которымъ недоступно употребленіе общаго свода, не только по цѣнѣ, но и по самой обширности изданія.

Для тѣхъ, которые подпишутся въ числѣ первыхъ четырехъ тысячъ подписчиковъ газеты «Гласный Судъ», издатель дѣлаетъ уступку на полученіе полнаго изданія «Ручнаго Свода Законовъ», за пять рублей.

Все же изданіе Ручнаго Свода Законовъ будетъ стоить, при отдѣльной подпискѣ, десять руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На ежедневную газету: „Гласный Судъ“ съ доставкой и пересылкою: на годъ 15 р., на полгода 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 5 р., на 1 мѣсяць 2 руб.

Желающіе подписаться съ 1 Октября 1866 г., по 1 Января 1868 г. т. е. на 15 мѣсяцевъ платятъ только 15 рублей.

На еженедѣльную газету: „Самоучитель Стенографии“ съ доставкой и пересылкою: 4 р. 50 к.

Подписавшіеся на газету „Гласный судъ“ приплачиваютъ за „Самоучитель стенографии“ 3 руб. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Конторѣ газеты „Гласный судъ“ и „Самоучитель стенографии“— при книжномъ магазинѣ Звонарева и К., (быв. при конторѣ Современника) на Невскомъ проспектѣ, проспектѣ, противъ Аничкова дворца; въ самой редакціи на Невскомъ проспектѣ, въ д. Максимовича № 82.

Въ Москвѣ: у И. Г. Соловьева (быв. Базунова), въ конторѣ Оленина; на Тверской д. Гиппіуса и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные подписчики благоволятъ исключительно обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору газетъ,—при книжномъ магазинѣ Звонарева и К., или прямо въ редакцію, помѣщеніе которой С.-Петербургскому почтамту извѣстно.

Редакторъ-издатель А. Н. Артоболевскій.

Почти семилѣтній уже опытъ изданія духовнаго учебно-литературнаго журнала «Странникъ» — весьма достаточно показалъ, на сколько это изданіе благопогребно для членовъ православной отечественной церкви, принадлежащихъ ко всякаго рода званію и состоянію. Черезъ это мы поставляемся всеблагимъ промысломъ Божиимъ въ нравственную необходимость продолжать свое періодическое изданіе и въ будущемъ 1867 году.

Твердо уповавъ на помощь Господа, питаемъ надежду что испытанное нами со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей сочувствіе къ посильнымъ трудамъ нашимъ и участіе въ нихъ нашихъ собратій, гдѣ бы ни находились они, не ослабѣетъ и на будущее время, какъ не должно ослабѣть и наше собственное усердіе къ общему благу. Мы по прежнему будемъ слѣдовать своей программѣ, одобренной св. Синодомъ въ 1859 году, ни въ чемъ не измѣняя ни ея духа, ни направленія, и наблюдая ту же аккуратность въ своевременномъ выпускѣ мѣсячныхъ епископъ, какою нашъ журналъ отличался въ вышнемъ году.

Издаваемая при «Странникѣ» съ 1863 года газета «Современный Листокъ» политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій, слѣдующая тому же религіозно-нравственному направленію, и имѣющая въ виду тотъ же кругъ читателей и сотрудниковъ, также будетъ продолжаться и въ наступающемъ году, въ прежнемъ объемѣ, по два выпуска въ недѣлю.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на каждое изъ нашихъ повременныхъ изданій, или на оба вмѣстѣ, остаются прежнія, а именно: 1) за годовое изданіе «Странника», состоящее изъ 12-ти книжекъ, со всѣми приложеніями, портретами, и т. п., съ пересылкою во всѣ почтовые мѣста имперіи, *четыре рубля серебромъ*; 2) за годовое изданіе «Современнаго-Листка», состоящее изъ 104 номеровъ съ пересылкою два раза въ

ведлю, во всѣ почтовыя мѣста, также *четыре рубля серебромъ*; 3) для подписывающихся на «Странникъ» и «Современный Листокъ» вмѣстѣ, годовая плата на послѣдній повышается до *шести рублей*, и такимъ образомъ за оба изданія—журналъ и газету слѣдуетъ высылать *семь рублей серебромъ*.

Желающіе могутъ выписывать полныя годовыя изданія „Странника“ за 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и нынѣшній 1866 годы, со всѣми бывшими при нихъ приложеніями; а также прибавочные томы Проповѣдѣй и томы Чтенія для дѣтей, изданія 1863 и 1864 года (всего 4 тома).

Цѣна остается прежняя—за каждый годъ журнала: *3 р. 50 коп.* безъ пересылки, и *4 р. сер.* съ пересылкою; а за каждый томъ либо Проповѣдей, либо Чтенія для дѣтей—по *1 р. сер.* Но кто пожелаетъ выписать изданіе журнала вдругъ за пять или за шесть лѣтъ, тому оба тома Проповѣдей и оба тома Чтенія для дѣтей будутъ высланы въ придачу, безмездно.

Можно выписывать и полныя экземпляры «Современнаго Листка» за 1865 и 1866 годы,—по прежней цѣнѣ: *3 р. с.*, за годовое изданіе, состоящее изъ 104 №. №. (За 1863 и 1864 годы «Современнаго Листка» полныхъ экземпляровъ въ редакціи уже нѣтъ).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: *Въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ“ въ С. Петербургъ.*

Редакторъ и издатель: Протоіерей *Василій Гречулевичъ*, заготовитель Императорскаго Воспитательнаго Общества *благородныхъ дѣвиць*.

XXVIII
ЗАПАДНО-РУССКІЙ
М Ѣ С Я Ц Е С Л О В Ѣ

на 1867 годъ.

Съ портретомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича, изображеніемъ Св. Виленскихъ мучениковъ и чудотворцевъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія и портретомъ Осипа Ивановича Комисарова - Костромскаго.

На назанной оберткѣ изображены слѣдующіе памятники православія въ Виленѣ: часовня во имя св. Александра Невскаго, Храмъ Пречистыя Богородицы, Соборъ св. Николая, церковь св. Параскевы и церковь св. Николая.

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

1) Предварительныя свѣдѣнія: церковное счисленіе Православной церкви и церковное счисленіе римско-католической церкви. 2) Псаломъ 64, читаемый на молебнѣ при вступленіи въ новый годъ. 3) Святцы православной и римско-католической церкви съ показаніемъ еврейскихъ и магометанскихъ праздниковъ и постовъ. 4) Табелъ торжественныхъ, церковныхъ и гражданскихъ праздниковъ. 5) Правительственныя постаовленія о праздникахъ для крестьянъ. 6) Нѣкоторые особые праздники и церковные обряды. 7) Алфавитная роспись святыхъ, празднуемыхъ православною церковію, съ показаніемъ времени празднованія: а) имена мужскія, б) имена женскія. 8) Время восхода и захода солнца по Виленскимъ часамъ, а также повѣрка карманныхъ и стѣнныхъ часовъ по солнечнымъ, на каждое воскресенье. 9) О четырехъ временахъ года. 10) О затмѣніяхъ. 11) Россійскій Императорскій Домъ. 12) Страданіе Святыхъ Антонія, Іоанна, и Евстаѳія, Виленскихъ Мучениковъ и Чудотворцевъ (съ картиною). 13) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ древнихъ православныхъ монастыряхъ, церквахъ, чудотворныхъ иконахъ и другихъ святыняхъ въ сѣверо-западномъ краѣ. 14) Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. 15) Обращеніе въ православіе князя Александра Друцкаго-Любецкаго. 16) Освященіе церкви въ селѣ Крѣвѣ. 17) Православное Виленское Свято-Духовское братство. 18) Братство Могилевскихъ Але-

исадро-Невской при богоугодныхъ заведеніяхъ и Николаевской при тюремномъ замкѣ церквей. 19) Видомость о числѣ учащихся, по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа за 1866 годъ: I, гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училища; II, приходскія училища съ женскими при нихъ смѣнами, народныя и сельскія училища; III, женскіе пансіоны и школы; IV еврейскія учебныя заведенія. 20) О бывшихъ русскихъ типографіяхъ въ западномъ краѣ Россіи. 21) Доблестный подвигъ Осипа Ивановича Комисарова-Костромскаго (съ портретомъ). 22) Указатель достопамятныхъ историческихъ событій въ Россіи. 23) Главнѣйшія ярмарки во внутреннихъ губерніяхъ сѣверо-западномъ краѣ и въ царствѣ польскомъ.

Изданіе большого формата, 116 страницъ убористой печати. Цѣна, безъ пересылки, 20 коп., съ пересылкою 25 коп.

Выписывающимъ значительное количество экземпляровъ дѣлается уступка, по соглашенію съ издателями.

Гг. иногородные благоволятъ требованія свои адресовать:

Въ г. Вильну: Въ типографію Р. М. Ромма, Жмудскій переулокъ въ собственномъ домѣ или въ типографію А. Сыркина, улица Нѣмецкая противъ театра.

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.“

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

въ 1867 году,

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I) Часть официальная: Высочайшіе указы и правительственныя распоряженія; распоряженія главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края.

II) Часть неофициальная: А) Статьи, относящіяся до исторіи, этнографіи, статистики и экономическаго положенія края. В) Извѣстія и корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ шести западныхъ губерній и замѣчательнѣйшія явленія изъ совершенной жизни другихъ областей Россіи.

III) Политическія извѣстія.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ без доставки на домъ 6 руб. сер.; а съ доставкою и пересылкою во весь городъ 7 руб. сер. Желающіе получить „Христіанское Чтеніе“ въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) 10 руб. сер. Въ видахъ облегченія подписчиковъ Редакція во примѣру прошедшаго года допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по полугодно—за ручательствомъ впрочемъ лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопродавца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры „Христіанскаго Чтенія“ за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы по 5 руб. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою 6 р. сер.; экземпляры 1849—1866 годовъ по 6 руб. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. сер. Кто пожелаетъ выписывать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 3 руб. сер. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра.

Подписка на „Христіанское чтеніе“ принимается въ Редакціи журнала при С.-Петербургской дух. академіи, или въ правленіи этой академіи; также—въ правленіяхъ иногородныхъ д. семинаріи, въ газетной экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта и въ конторѣ редакціи находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

ВОЕННЫИ
СБОРНИКЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ,
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,
ВЪ 1867 ГОДУ,

будеть выходить ежемѣсячно книжками до 20-ти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой.

Въ 1867 году, десятомъ со времени своего основанія, «Военный Сборникъ» будетъ издаваемъ по прежней программѣ и на прежнихъ основаніяхъ. Главная цѣль журнала: распространять въ нашей арміи основательныя свѣдѣнія по всемъ отраслямъ военныхъ знаній, сообщать свѣдѣнія о современномъ состояніи военнаго дѣла у насъ, въ Россіи, и въ иностранныхъ государствахъ и служить посредникомъ для обмѣна мнслей и наблюденій между военпослужащими и вообще всеми лицами, интересующимися успѣхами военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Послѣдняя задача «Военнаго Сборника» пріобрѣтаетъ еще большее значеніе съ развитіемъ въ журналѣ, съ 1862 года, особаго отдѣла — по сообщенію *всѣхъ главнѣйшихъ предложеній военнаго министерства относительно предпринимаемыхъ и уже предпринимаемыхъ преобразованій по улучшенію устройства и быта нашей арміи.* Значеніе этой задачи одинаково важно какъ для самаго военнаго министерства, такъ равно и для читающей публики. Съ одной стороны, названный отдѣлъ удовлетворяетъ весьма понятному любопытству военпослужащихъ и публики относительно общаго хода военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ; съ другой — открываетъ полную возможность каждому дѣльному мнѣнію, основанному на глубокомъ изученіи предмета и на личномъ опытѣ, и каждой свѣтлой мысли способствовать успѣхамъ военнаго дѣла. Основныя предположенія военнаго министерства могутъ вызвать людей знающихъ и опытныхъ на сильное выясненіе дѣла и на разработку частныхъ онаго, что, въ свою очередь, влечетъ за собою сопоставленіе различныхъ мнѣній, проникнутыхъ одною цѣлію, однимъ стремленіемъ — достигнуть наивозможно лучшаго рѣшенія вопроса.

Вполнѣ сознавая важность этой задачи, редація «Военнаго Сборника», съ своей стороны, принимаетъ все мѣры для возможно болѣе удовлетворительнаго исполненія оной, но въ то же время надѣется на дружное содѣйствіе членовъ военнаго общества, безъ котораго усилія редаціи не вполнѣ бы достигли своей цѣли.

Другая задача — способствовать распространенію въ нашей арміи основательныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ военныхъ знаній — составляетъ предметъ тѣхъ же заботъ и усилій редаціи. Имѣя въ виду навозможно болѣе удовлетворить этой важной цѣли, редація надѣется въ будущемъ развить отдѣлъ *военно-историческихъ и тактическихъ* статей, по преимуществу относящихся къ новѣйшимъ войнамъ, обративъ при этомъ вниманіе, по мѣрѣ матеріальныхъ средствъ, на возможно большее помѣщеніе *картографическихъ* приложений.

Поставивъ себѣ задачу — постоянное усовершенствованіе изданія журнала, редація «Военнаго Сборника», тѣмъ не менѣе, вовсе не полагаетъ, чтобы кругъ чтенія постоянныхъ подписчиковъ на редактируемый ею журналъ могъ ограничиться только этимъ изданіемъ. А потому, признавая огромную пользу за *войсковыми библіотеками* и имѣя въ виду въ недавнее время затронутый военнымъ министерствомъ вопросъ объ ихъ возможномъ улучшеніи и благоустройствѣ, редація «Военнаго Сборника», желая хотя въ нѣкоторой степени содѣйствовать этой важной задачѣ, и въ особенности рациональному пополненію войсковыхъ библіотекъ, намѣрена возможно болѣе развить *библиографическій отдѣлъ*. Въ этихъ видахъ, въ библиографическомъ отдѣлѣ, кромѣ извлеченій изъ наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій, будутъ помѣщаемы болѣе или менѣе подробные отзывы о всѣхъ военныхъ журналахъ, книгахъ и картахъ, полезныхъ для пріобрѣтенія войсковыми библіотеками, а также о прочихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ по своему содержанию прямую связь съ военнымъ дѣломъ или представляющихъ значеніе для всякаго образованнаго общества.

Программа «Военнаго Сборника» Высочайше одобренная, остается неизмѣнною и въ 1867 году:

I. Отдѣлъ *официальный*: а) Извлеченія изъ приказовъ военнаго министра, главнокомандующихъ арміями, генераль-ни-

спектора по инженерной части, генераль-фельдцейхмейстеръ, по главному штабу, главному управленію военно-учебныхъ заведеній и командующихъ войсками военныхъ округовъ. б) Извлечения изъ циркулярныхъ объявленій главныхъ управленій и департаментовъ военнаго министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣють какое-либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній:

II. Отдѣлъ военныхъ наукъ: а) Тактика; б) Военная исторія; в) Военная администрація; г) Военная статистика и географія; д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи и артиллеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію военнаго искусства способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ войнъ и сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ прилагаемы, если понадобится, соотвѣтствующія карты и планы.

По военной администраціи — все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи — обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По фортификаціи и артиллеріи будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, набѣгая техническихъ подробностей, для обсужденія которыхъ существуютъ у насъ спеціальныя журналы.

III. Отдѣлъ литературный: а) Разказы изъ военнаго быта; б) Записки военныхъ людей (мемуары); в) Путешествія, имѣю-

ція военный интересъ; г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. Современное обозрѣніе. Отдѣлъ этотъ въ настоящее время получалъ большее развитіе. Онъ состоитъ изъ: 1) *Библиографіи*, въ которой помѣщаются: библиографическіе разборы русскихъ періодическихъ военныхъ изданій; извѣстія изъ иностранныхъ военныхъ журналовъ; разборы военныхъ книгъ на русскомъ и иностранномъ языкахъ, а также сочиненій, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ (этой части отдѣла редакція имѣетъ въ виду придать большее развитіе). 2) *Русское военное обозрѣніе* — предположенія и главнѣйшія постановленія правительства по воеоной части; свѣдѣнія о нашей арміи въ ея служебной и боевой дѣятельности. 3) *Иностранное обозрѣніе* — свѣдѣнія о ходѣ военнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ и о военныхъ дѣйствіяхъ иностранныхъ армій.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію журнала. При этомъ редакція предлагаетъ лицамъ, неиспытавшимъ своихъ силъ на военно-литературномъ поприщѣ, не стѣсняться литературною формою изложенія статей, лишь бы онѣ отвѣчали общей цѣли и направленію журнала, которыя достаточно извѣстны читателямъ. Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана при первой возможности; въ случаѣ неодобренія — возвращается автору, по его личному востребованію, или довѣренному отъ него лицу. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ-либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники. Чертежи, прилегаемыя къ статьямъ, редакціи проситъ составлять, по возможности, въ форматѣ осьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ статьи для печати подписывать имена свои и адреса *четко и ясно*. По желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только *одному* редактору. Статьи и письма *неподписанныя* редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ», определено: за переводы отъ 12 до 20 руб. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи до 30 руб. сер., за оригинальныя статьи до 50 руб. сер. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получить бесплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчалъ о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается:

Въ С.-Петербургѣ: *въ конторѣ редакціи «Военнаго Сборника», на Литейной, домъ Денфера, № 13.*

«Военный Сборникъ» выходитъ *ежемесячно*, книжками въ 20 листовъ и болѣе въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или за *двенадцать книжекъ*, 6 р. 50 к. съ пересылкою, а въ Петербургѣ съ доставкою на домъ (*).

Редакція «Военнаго Сборника» *покорнѣйше просить* гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на «Военный Сборникъ», съ тою цѣлю, чтобы книжки журнала могли быть отправлены на имя каждаго подписчика, чрезъ гавезную экспедицію с.-петербургскаго почтамта, въ наглухо-задѣланныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя періодическія изданія.

Желающіе имѣть «Военный Сборникъ» за 1859 годъ, съ *картою Италіи*, и за 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы съ соотвѣтствующими *приложеніями*: «Тактика» *Гристейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Нолана*, благоволятъ обращаться съ требованіями въ редакцію. *Цѣна годоваго изданія съ доставкою и пересылкою*—шесть рублей.

Главный Редакторъ «Военнаго Сборника», *Генеральнаго Штаба Генералъ-Майоръ Меньковъ.*

*) При этомъ лица, мѣняющія свой адресъ послѣ подписки: *иностранцы на городской и обратно, въ этихъ случаяхъ приписываютъ еще 50 коп. сер.*

Съ 1-го января 1867 года издавается въ Петербургѣ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА „НАРОДНЫЙ ГОЛОСЪ“.

Печатное слово, его значеніе и сила, не только всегда служили мѣриломъ общественной и политической жизни государства, но кромѣ того литература всегда была и будетъ пульсомъ, по которому всегда можно опредѣлять; дышетъ-ли народъ-и какъ онъ дышетъ. Мы понимаемъ признаніе публицистики быть народной трибуной, открытой кафедрой, съ которой народные интересы, достоинства и надежды всегда могли бы слышать защиту и помощь. Припомнивъ себѣ громадный (?) успѣхъ Каткова во время польскаго мятежа, мы видимъ, что печатное слово и у насъ въ Россіи дало почувствовать свою силу;—по лучшая вѣра въ печатное слово есть надежда на то, что не обстоятельства времени должны вліять на мысль, а мысль—на обстоятельства.

Народная жизнь,— это широкое слово особенно широко звучитъ, когда дѣло коснется до нашей громадной родины. Кабинетная петербургская теорія не можетъ быть практична, положила на оренбургской почвѣ. Полтава и Амуръ, Варшава и Архангельскъ, имѣютъ свои особенныя условія, требованія и данныя, и подводить ихъ подъ одну общую мѣрку было бы не ловко. Когда дѣло идетъ о вѣдшей политикѣ государства, то тамъ слышится одинъ интересъ общенародный, но когда касается внутренней частной жизни, то на-примѣръ характеры мировыхъ сѣвдовъ Вологды и Кіева будутъ діаметрально противоположны другъ другу.

•Нашъ экономическій и гражданскій бытъ ищетъ разработку, но западныя теоріи не должны служить нашею цѣлю. Все что намъ пригодно, изъ Китая ли они или изъ Англіи, мы возьмемъ, но возьмемъ самостоятельно, оставивъ въ сторонѣ и космополитизмъ, и узкій патриотизмъ, подчиняясь царству одной идеи-идеи челоуѣчности.

Изучайте прошедшее, слѣдите за настоящимъ и думайте о будущемъ, та формула, которой должна держаться публицистика! Она должна и слушаться голоса вѣка, но и не должна забывать того, что голосъ вѣка тоже подлежитъ критикѣ. Мы не можемъ останавливаться на послѣднемъ словѣ

времени, но должны его анализировать и ждать слова лучшего, болѣе новаго и такъ далѣе идти все впередъ.

Сила и будущность нашей родины лежать въ земскихъ учрежденіяхъ, только одни они поведутъ къ лучшему нашъ социальный строй жизни, они-же вызовутъ порывотъ и въ другихъ сферахъ гражданской жизни. Развитие труда и знаній всегда зависѣло отъ экономическихъ условій. Наша публицистика прежде путалась въ хаосѣ разныхъ теорій, но Рука Великаго Государя указала путь для русской мысли, этотъ путь-земскія учрежденія, свободное слово, залогъ народной свободы въ евангельскомъ смыслѣ, начало великаго будущаго!

Мы неможемъ высказать передъ публикой всей сущности нашего направленія въ нѣсколькихъ словахъ, но мы можемъ только намекнуть на будущій характеръ „Народнаго Голоса“. Надѣемся, что читатели поняли, что мы не будемъ слѣдовать никакимъ заранѣе опредѣленнымъ планамъ, не будемъ задаваться крайностями или фэйрверочными идеями, но постараемся глядѣть на событія теплымъ критическимъ взглядомъ, чуждымъ и абсолютному отрицанію и поклоненію; будемъ работать надъ *данными* минутами и не дадимъ затеряться безсѣбно ни одному свѣтлому факту, ни одной свѣтлой мысли. Нельзя же за ранѣе сказать будемъ ли мы либералами или консерваторами, потому что нельзя вѣдь предсказать ходъ событий; в „TIMES“, первый журналъ въ мірѣ, не имѣетъ другой программы кромѣ барометра общественнаго мнѣнія, которое мы будемъ стараться подвергать закону исторической истины;— а потому-то мы и сдѣлали нашу газету (*литературную, политическую и общественную*) догущею для всего народа.

ПРОГРАММА

„НАРОДНАГО ГОЛОСА“

С Л Ъ Д У Ю Щ А Я :

I. ПОЛИТИКА.

1. Руководящія статьи,
2. Вѣшняя политика Россіи.
3. Иностранныя извѣстія.

XXXIX

4. Звграничныя телеграммы и
5. Корреспонденція.

II. РОССИЯ.

1. Движеніе по государственной жизни,
2. Земскія учрежденія,
3. Статьи по текущимъ вопросамъ,
4. Телеграммы,
5. Провинціальныя хроника и
6. Корреспонденція.

III. ФЕЛЬТОНЪ.

1. Повѣсти, рассказы и романы,
2. Стихотворенія,
3. Статьи учено-литературныя, духовныя, сельско-хозяйственныя, экономическія, юридическія и критико-библиографическія,
4. Звграничная жизнь,
- 5) Хроника Петербургской жизни,
- 6) Хроника Московской жизни,
- 7) Литературныя, музыкальныя и художественныя извѣстія.

IV. ДНЕВНИКЪ.

1. Судебная хроника,
2. Городскія происшествія,
3. Петербургская биржа,
4. Репертуаръ театровъ,
5. Железныя дороги и пароходы,
6. Объявленія,
7. Рекламы, и
- 8) Отвѣты реакціи.

Газета „НАРОДНЫЙ ГОЛОСЪ“ будетъ издаваться безъ предварительной цензуры, ежедневно, кромѣ по недѣльникамъ и дней слѣдующихъ за праздниками, въ листъ большого формата.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Н А Г О Д Ъ .		Н А П О Л Г О Д А .	
Безъ доставки . .	5 руб.	Безъ доставки . .	3 руб.
Съ доставкою . .	6 „	Съ доставкою . .	3 р. 50 к.
Съ пересылкою . .	7 „	Съ пересылкою . .	4 „

Для гг. состоящихъ на службѣ редація допускаетъ подписку съ разсрочкою, только не иначе, какъ чрезъ гг. казначеевъ ихъ мѣста службы.

Всѣ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста, волостныя правленія, оо. благочинны: церквей и настоятели монастырей и соборовъ, за первый мѣсяць, т. е. январь 1867 года, газету „Народный Голосъ“ могутъ получать бесплатно: а потому благоволятъ присылать своя адреса въ контору редакціи заблаговременно.

Для петербургскихъ подписчиковъ допускается подписка и помесячно.

ЦѢНА на 1 МѢСЯЦЪ СЪ ДОСТАВКОЮ 60 КОП.

Гг. иногородные благоволятъ исключительно обращаться въ редакцію журнала „Народный Голосъ“: адресъ извѣстенъ Почтамту.

Для петербургскихъ жителей подписка принимается въ главной Конторѣ редакціи: на Невскомъ проспектѣ (противъ публичной Библіотеки), домъ Демидова № 54, и въ книжныхъ магазинахъ: Кожанчикова въ томъ же домѣ. С. В. Звонарева и К., на Невскомъ проспектѣ, домъ Меньшикова № 64, и въ другихъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; кромѣ того редакціею устроена контора на Васильевскомъ островѣ, на углу 2-й липы и Набережной Невы, при магазинѣ русскихъ книгъ.

Редакторъ-издатель П. А. Юрковичъ-Литвиновъ.

ДУХОВНАЯ БЕСѢДА СЪ ЦЕРКОВНОЮ ЛѢТОПИСЬЮ.

«Духовная Бесѣда», благополучно оканчивая девятый годъ своего существованія, готовится, съ надеждою на помощь Божию, продолжать свое дѣло служенія св. церкви въ будущемъ

1867 году. Программа и направление ея остаются неизмѣнными. По прежнему, она будетъ выходить каждую субботу, въ двухъ отдѣлахъ, какъ бы въ видѣ двухъ еженедѣльных журналовъ. Первый, подъ именемъ собственно „Духовной Бесѣды“, будетъ заключать въ себѣ статьи по всѣмъ отраслямъ духовной науки и жизни. Цѣль этого отдѣла, соотвѣтственно самому названію его, поддерживать и развивать духъ вѣры и благочестія, любовь и повиновеніе къ св. православной церкви. На будущее время редація „Духовной Бесѣды“ надѣется, по мѣрѣ возможности, подавать свой голосъ и о *современныхъ вопросахъ* въ духовной наукѣ и церковной жизни.

Во второмъ отдѣлѣ журнала, имѣющемъ особое названіе— „Церковная Лѣтопись“, отдѣльный счетъ страницъ, шрифтъ и характеръ статей, будутъ помѣщаемы на первомъ планѣ статьи официального характера: Высочайшіе рескрипты, грамоты, манифесты и указы, распоряженія и указы Святѣйшаго Синода, свѣдѣнія, сообщаемыя изъ канцеляріи г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Этотъ отдѣлъ „Церковной Лѣтописи“ есть собственно и почти единственно-официальный; количество, содержание и самое изложеніе статей его не зависятъ отъ редакціи. Такой-же характеръ имѣютъ и статьи (весьма немногія и только обще-интересныя), сообщаемыя для напечатанія изъ с.-петербургской духовной консисторіи. Во всемъ прочемъ статьи „Духовной Бесѣды“ и „Церковной Лѣтописи“ лежатъ на отвѣтственности редакціи и могутъ подвергаться суду читателей. Говоримъ и торжественно заявляемъ это, потому что не разъ статьямъ и корреспонденціямъ частныхъ лицъ, напечатаннымъ въ нашемъ журналѣ, приписывали, не только у насъ, но и за границей, официальное значеніе. „Духовной Бесѣды“ въ иностранныхъ газетахъ давался несоотвѣтствующій ей эпитетъ *Gazette officielle du Sainte Synode*.

Подъ третьей рубрикой „Церковной Лѣтописи“ помѣщаются свѣдѣнія о церквахъ и вѣроисповѣданіяхъ заграничныхъ. Читатели видѣли уже здѣсь корреспонденціи изъ Іерусалима, Константинополя, Рима, Мадрида, Женевы и проч. На будущее время постараемся, чтобы этотъ отдѣлъ пріобрѣлъ еще большую полноту и занимательность. Особого улучшенія требуетъ четвертая рубрика— *библіографія* и критика духовныхъ книгъ; и этотъ недостатокъ будетъ, по возможности, восполненъ, какъ относительно русскихъ духовныхъ книгъ, такъ и иностранныхъ.

Пятый отдѣлъ „Церковной Лѣтописи“, подъ общимъ названіемъ *Смѣсь* никогда не имѣлъ недостатка въ матеріалахъ. Внутренняя корреспонденція изъ разныхъ мѣстностей Россіи, отъ Соловецкаго острова до Херсониса Таврическаго, отъ Забайкалья до Закавказья, выдержки (очень рѣдкія) изъ другихъ газетъ и журналовъ, замѣтки и объявленія составляютъ неистощимый матеріалъ для смѣси. Впрочемъ и относительно всѣхъ другихъ отдѣловъ журнала можно сказать, что редакція никогда не встрѣчала затрудненія въ недостаткѣ статей, благодаря усердію своихъ сотрудниковъ.

И такъ повторяемъ: „Духовная Бесѣда“ будетъ выходить и въ 1867 году съ тѣмъ же направленіемъ, по той же программѣ, съ тою же неизмѣнною своевременностію выпуска номеровъ, и по той же цѣнѣ: 3 р. 50 к. безъ пересылки и 4 р. съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. Редакція употребляетъ всѣ мѣры, не щадя хлопотъ и издержекъ, чтобы подписчики „Духовной Бесѣды“ получали журналъ своевременно и исправно. Но мы покорнѣйше просимъ особенно иногородныхъ читателей исполнить, частію для ихъ-же пользы, три наши усерднѣйшія желанія: 1) чтобы подписывались своевременно, въ началѣ, а не въ срединѣ и концѣ года; 2) чтобы присылали свои требованія прямо *въ редакцію* „Духовной Бесѣды“, *въ С.-Петербургъ*, минуя всякія другія посредства, иначе редакція не отвѣчаетъ за исправную доставку журнала; 3) чтобы четко и полно писали свой адресъ, особенно — обозначали опредѣлено ту станцію, съ которой имъ ближе и удобнѣе можно получать журналъ. Редакція бываетъ въ затрудненіи, куда посылать свой журналъ, когда читаетъ, напримѣръ, такой адресъ: Смоленской губерніи, сичевскаго уѣзда въ село N. Единственнымъ полти указаніемъ почтовой конторы, чрезъ которую желаютъ получать журналъ, служитъ штемпель ея на конвертѣ. Редакція обыкновенно и адресуетъ туда журналъ, — и случаются ошибки.

Новые подписчики на „Духовную Бесѣду“ за текущій 1866 годъ получаютъ вполнѣ всѣ вышедшіе номера, съ приложеніями, за четыре рубля съ пересылкою. Можно также получать въ редакціи полные брошюрованные экземпляры „Духовной Бесѣды“ за всѣ прежніе годы съ 1858 по 1865-й, за три рубля каждый. Въ той же редакціи продаются слѣдующія книги и брошюры:

- 1) Катехизическія Бесѣды і рт. *І. Яхонтова*, три выпуска, н. 2 р.
- 2) Письма къ отступнику православія, *его же*, ц. 1 р.
- 3) О православіи Россійской Церкви, *его же*, ц. 25 коп.
- 4) О ПРАЗДНИКАХЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, 2-е дополненное изданіе, *его же*, ц. 50 коп.
- 5) КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ СвЯТОЙ ЗЕМЛИ, *его же*, ц. 25 к.
- 6) Три поученія въ день св. ЕКАТЕРИНЫ, *его же*, ц. 10 к.;
- 7) БУДЕТЬ ЛЯЛИЙ, ц. 25 к.;
- 8) Слова и привѣтствія высокопр. Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, ц. 50 к.;
- 9) О мытарствахъ, ц. 15 к.;
- 10) О папизмѣ и протестантизмѣ, ц. 10 к.;
- 11) Поученіе въ день столѣтія храма, ц. 5 к.
- 12) О Тихвинской иконѣ Божіей Матери, съ подробнымъ описаніемъ древнихъ и новыхъ чудесъ, совершившихся при ней, ц. 40 коп.

Редакторъ Протоіерей *І. Яхонтовъ*.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

о продолженіи изданія *Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей въ будущемъ 1867 г.*

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости имѣютъ издаваться и въ 1867 году, въ нихъ соотвѣтственно утвержденной св. Синодомъ программѣ, будутъ сообщаемы:

1) Распоряженія правительственныя.—вышія и мѣстныя, относящіяся ко всей литовской епархіи, или къ значительной ея части;

2) Извѣстія о новыхъ учрежденіяхъ въ православной церкви, о перемѣнѣ вышихъ правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, о наградахъ и благодарности—Высочайшихъ, отъ святѣйшаго синода и епархіальнаго начальства по литовской епархіи;

3) Увѣдомленія о назначеніи и увольненіи должностныхъ лицъ по епархіальному и духовно-учебному вѣдомствамъ литовской епархіи, о праздныхъ священно и церковно-служительскихъ мѣстахъ, объ открытіи новыхъ приходоу или упраздненіи существующихъ;

4) Свѣдѣнія объ особенно-замѣчательныхъ событіяхъ въ литовской епархіи,—а также въ другихъ епархіяхъ, если эти событія могутъ быть полезны или для соображенія, или какъ прихвръ по Литовской епархіи;

5) Извлеченія изъ годовыхъ экономическихъ и статистическихъ отчетовъ по разнымъ мѣстамъ духовно-училищнаго и епаріального вѣдомствъ;

6) Слова и рѣчи, произнесенныя духовными особами на особымъ случаямъ; лучшія изъ поученій священно-служителей мѣстной епархіи и воспитанниковъ мѣстной семинаріи;

7) Описаніе по частямъ всего, что въ епархіи есть особенно замѣчательнаго касательно историческихъ лицъ, событій и церковныхъ древностей.

8) Граматы, акты и другіе замѣчательные документы на русскомъ языкѣ или рѣ переводѣ на оный, относящіеся къ монастырямъ, церквамъ, духовенству и проч. литовской епархіи;

9) Очерки народныхъ нравовъ и обычаевъ, относящихся къ религіозной сторонѣ, и народныхъ суевѣрій, препятствующихъ успѣхамъ вѣры и народнаго благочестія;

10) Краткія библиографическія свѣдѣнія о книгахъ и изданіяхъ, относящихся къ Церкви, вновь выходящихъ и прежде вышедшихъ на русскомъ или иноземномъ языкѣ,—имѣющихъ особенный интересъ для края помѣстнымъ обстоятельствамъ, и извлеченія изъ этихъ книгъ.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться отдѣльными нумерами—по два нумера въ мѣсяцъ; объемъ каждаго нумера—до двухъ листовъ, а въ случаѣ надобности—и болѣе; форматъ—въ 8 долю листа.

Цѣна годовому изданію *пять рублей* съ пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи.

Подписка принимается *въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при Литовской Духовной Семинаріи—въ Вильнѣ*, куда могутъ посылать свои требованія и гг. иногородные подписчики, ясно обозначая свое званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ симъ приглашаетъ ревнителей о благѣ отечественной церкви особенно духовенство епархіи литовской, витебской и минской, присылать свои статьи для помѣщенія въ вѣдомостяхъ соответственно содержанию вышенрописанной программы.

Редакторъ Ректоръ Семинаріи *Арх. Іосифъ*.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

на 1867 годъ.

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И
ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ИХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТА-
БЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА :

а годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяць 1 р. 50 к. Безъ
оставки подписна не принимается. Служащіе гг. офицеры и
гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ каз-
ачесвъ, съ разсрочкою.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ

взимается за 1 разъ: петитомъ—8 к. за строку. Печатаю-
щіе объявленіе 3 раза пользуются уступкою. Рекламы 20 к.
за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется $\frac{1}{4}$ цѣны всего
объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій—по 4
рубля съ тысячи.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: *Въ С. Пе-*
тербургѣ: въ Конторѣ редакціи, въ зданіи Главнаго Штаба,
въ отъздѣ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ
главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, *Я. А. Исакова*,
въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин. №. 24; *Н. А. Санюковскаго*
Комп., на Невск. пр., противъ Анничкова дворца, д. № 60;
Ф. Базунова, по Невск. пр., въ д. Ольгиной; *А. И. Давы-*
дова, на Невскомъ, противъ Анничкова дворца, № 58; въ *Во-*
енной Типографіи, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ
редакцій: *Сынъ Отечества*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ
Стропановской церкви, и *Сиб. Пол. Вѣд.*, на Адмиралтей-
ской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ
проспектомъ, домъ Гамбса, №. 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ
магазинѣ *И. Соловьева* (бывш. *И. В. Базунова*), на Страсс-
комъ бульварѣ. *Въ Почтамтахъ:* с.-петербургскомъ и москов-
скомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на га-
зеты принимается.

КАЗЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

Главный Редакторъ Полковникъ *Зыковъ*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ
въ 1867 году.

„Домашняя Бесѣда“ въ наступившемъ году вступать въ *десятый* годъ своего существованія. Постепенно, шагъ за шагомъ, завоевывала она себѣ мѣсто между органами нашей журналистики, и, выбравъ золотую средину между строго-духовною и легко-свѣтскою литературою, выработала для себя характеръ православнаго и патріотически-правственнаго журнала. Благодаря Бога, читатели оцѣнили ея стремленія, и весьма многіе искренно полюбили ее за то, что она служитъ — не картавить и, не принадлежать ни въ какой партіи, смѣло говорить всѣмъ и каждому сущую правду, не по своему измышаснію, а по указанію слова Божія и ученію Церкви православной.

Въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи будетъ продолжать она свою дѣятельность и впредь, постепенно расширяя ее, на сколько то позволятъ ей матеріальныя ея средства.

Подписная цѣна остается таже, что и въ прошломъ году, именно: *четыре* рубля безъ пересылки: *четыре* рубля *пятидесять* коп. съ доставкою въ Петербургъ и *пять* рублей съ пересылкою по всей Имперіи.

Подписка принимается (въ Петербургѣ) преимущественно въ Конторѣ Редакціи, у Измайловскаго моста въ домѣ г-жи *Ждановой*; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ *Андрея Николаевича Овраночтова*, на Никольской улицѣ; а равно и у всѣхъ книгопродавцевъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

Всѣ книгопродавцы, принимающіе у себя подписку на „Домашнюю Бесѣду“, пользуются *двадцатью пятью* коп. съ

каждаго экземпляра всѣхъ годовъ, кроме 1858 года, и сверхъ того пересылку денегъ по почтѣ относить на счетъ Редакціи.

Въ Конторѣ Редакціи находятся полныя, отброшюрованные экземпляры прежнихъ годовъ, продающіеся по уменьшенной цѣнѣ.

Домашн. Бес.	1858 г.	50 к.
—	—	1859 г. безъ пер. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р.	75 к.
—	—	1860 г. — — 1 — 50 — — 1 —	75 —
—	—	1861 г. — — 2 — — — 2 —	50 —
—	—	1862 г. — — 2 — — — 2 —	50 —
—	—	1863 г. — — 2 — — — 2 —	50 —
—	—	1864 г. — — 2 — — — 2 —	50 —
—	—	1865 г. — — 4 — — — 4 —	50 —
—	—	1866 г. — — 4 — — — 4 —	50 —

Выписывающіе же журналъ за всѣ годы платятъ *осмнадцать* рублей съ пересылкой.

Редакторъ-издатель *Викторъ Аскоченскій*.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ИЗЯЩНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Слѣпца Григорія Ширяева:

ПРОПОВѢДНИЧЕСКІЕ ПОДВИГИ АПОСТОЛОВА СЛАВЯНЪ

СВЯТЫХЪ КИРИЛЛА И МЕӨОДІЯ

И ВЛИЯНІЕ ИХЪ ПОДВИГОВА НА НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ, КАКЪ ВСЕГО СЛАВЯНСКАГО МІРА ВООБЩЕ ТАКЪ И РОССІИ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

соч. *А. С. Князева*.

Гравюры исполнены академикомъ *Л. А. Суряковымъ* по рисункамъ профессора *Ө. А. Бронникова*.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Это, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, изданіе, украшенное *осмнадцатью* гравюрами и *двадцатью-двумя* виньетками, и безъ переноса словъ впервые въ Россіи отпечатанное, продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

ДЕРЖАНИЕ 1-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ,“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ь I.

1. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.— 1) **Грамота** константиноп. патриарха *Іоакима*, данная Александру Ходкевичу. 1506 г. Стр. 1.— 2) **Грамота** кievск. митр. *Свѣтостра*, данная архимандриту супрасльскаго монастыря *Серію*. 1551 г. Стр. 4.— 3) **Стрыковъ** изъ духовнаго завѣщанія виленск. купца *Коссобукиаго*, отказавшаго разныя суммы денегъ разнымъ православнымъ церквамъ и монастырямъ. 1639 г. Стр. 5.
2. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНИИ.— 1) **Донесеніе** виленскаго вознаго о нападеніи людьми столяника Позняка на Св. Духовскій монастырь и причиненіи инокамъ побоевъ и разныхъ насилій. 1732 г. Стр. 8.— 2) **Донесеніе** виленскаго вознаго о нападеніи на дорогѣ людьми тогожъ Позняка на настоятеля тогожъ монастыря о. **Амвросія Юшневича** и причиненіи ему побоевъ и оскорбленій. 1732 г. Стр. 10.— 3) **Позывъ** въ судъ пріора доминиканскаго трокскаго монастыря кс. **Іосифа Холховскаго** по жалобѣ на него настоятеля виленск. Св. Дух. монастыря о. **Мелхиседека** о насильственномъ совращеніи православныхъ въ латинство и проч. 1747 г. Стр. 42.— 4) **Позывъ** въ судъ настоятеля Св. Троицкаго, обращеннаго на унию монастыря ксендза **Завадзкаго**, для дачи объясненія по жалобѣ на него тогожъ о. Мелхиседека о нападеніи униятами на Св. Духовскій монастырь. 1747 г. Стр. 14.

О Т Д Ъ Л Ь II.

ТОРИЧЕСКІЯ замѣтки о сѣверо-западномъ краѣ Россіи. (продолженіе). Періодъ II. **Н. Вукельшина** Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ь III.

ЕВСКІЙ народный Календарь на 1867 годъ. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ь IV.

ІАКУЮЩІЙ (изъ дневника МѢ). 1) **Встрѣча**.— 2) **Герой моего разсказа**. С. **Калугина**. Стр. 1.

ГЬ богѣ Польши, соч. **Фуна**, переводъ съ французскаго (продолженіе). Глава III— Общественныя отношенія. Глава IV.— Цивилизація. Стр. 22.

РУТА И БЕЙСТУТЬ. Историческія былины, въ 5 дѣйствіяхъ и 8 картинахъ съ прологомъ. С. **Калугина**. Стр. 58.

ПРЕСПОНДЕНЦІЯ изъ Галиціи и двѣ народныя галицко-русскія пѣсни, по случаю назначенія графа Голуховскаго намѣстникомъ Галиціи. Стр. 76.

СТНИКУ западной Россіи, при началѣ новаго періода существованія его съ 1-го генваря 1867 г. (стихотвореніе). Стр. 85.

ВМѢЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.— **Пріѣздъ** въ Вильну графа Э. Т. Баранова и слова его сіятельства къ дворянству на первомъ представленіи ему всѣхъ сословій г. Вильны. Стр. 87.— *Journal de St.-Petersburg* о неизмѣнности системы управления въ сѣверо-западномъ краѣ и въ Ц. Польскомъ. Тамъ же — **Успѣхи** православія въ сѣверо-западной Россіи.— Освященія и закладки церквей. Стр. 8.— **Возобновленіе** Св. Николаевской церкви въ Вильнѣ и освященіе ее. Стр. 120.— **Почоводу** торжества 1 октября въ м. Руюкняхъ. Стр. 126.— **Письмо** къ князю А. І. Друцкому-Любеckому. Стр. 131.— **Менювъдъ** польскаго р. католика, обратившагося въ православіе. Стр. 133.— **Новый** ректоръ холмской униатской семинаріи. Стр. 136.— **Рѣчь** къ воссоединеннымъ съ правосл. церк. отъ римск. испов. Стр. 140.— Высочайшій указъ о прекращеніи конкордата 1847 г. съ Римомъ. Стр. 141.— **Русскій Шивалидъ** объ этомъ конкордатѣ. Стр. 142.— **Аллоуція** папы Пій IX. Стр. 146.— **Сравнительное** положеніе р. католической церкви въ Россіи. Стр. 149.— **Невѣроятное** размноженіе польскаго дворянства. Стр. 150.— **Польская** шляхта (продолженіе).— Образование, нравы и обычаи шляхты. Стр. 155.— **Польшизма** на Руси. Стр. 159.— **Мифы** цигровскаго земства о чиновникахъ польскихъ. Стр. 161.— **Выдержки** изъ газетъ о восточной Галиціи: 1) „Московскія Вѣдомости“ о разсужденіи общества „Матници“ по вопросу правописанія. Стр. 163.— 2) Львовское „Слово“ о Польшѣ и полякахъ. Стр. 169. 3) Тоже „Слово“ о раздраженіи между русскими и поляками въ Галиціи. Стр. 166.

ЯВЛЕНІЯ о журналахъ и газетахъ на 1867 г. Стр. 1.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ редакціи „Вѣстника западной Россіи“ продаются нижеслѣдующія книги и брошюры.

1) **ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ**, изд. 1864 г. въ Кіевѣ, цѣна съ пересылкой, выписывающимъ отъ 1—5 экз. по 60 коп. за экземпляръ; отъ 5—10 экз. по 50 коп.; отъ 10—25 экз. по 40 коп.; отъ 25—50 экз. по 35 коп.; отъ 50—500 экз. по 30 коп.; отъ 500 и болѣе по 25 копѣекъ. Безъ пересылки сбавляется 5% съ означенныхъ цѣнъ.

Эта Исторія Польши въ особенности рекомендуется для учебныхъ заведеній какъ лучшей и единственный учебникъ на русскомъ языкѣ.

2) **ЖИЗНЬ ЮСАФАТА КУНЦЕВИЧА**, изд. 1865 г., въ Вильнѣ.

Цѣна съ пересылкой отъ 1—5 экз. 40 коп.; отъ 5—25 экз. по 30 коп.; отъ 25—50 экз. по 25 коп.; отъ 50—100 экз. по 20 коп.; безъ пересылки уступается 5%. Весьма интересная и замѣчательная эта книжка переведена за границей на французскій языкъ и издана, въ настоящемъ году, въ Берлинѣ.

3) 2-й **ВЫПУСКЪ СБОРНИКА** документовъ, касающихся отношеніе латино-польской пропаганды въ западной Россіи къ православію и русской народности.

Цѣна съ пересылкою:

Выписывающему 1 экземпляръ	70	коп.
Отъ 2 — 10 — — —	60	—
Отъ 10 — 100 — — —	50	—
Отъ 100 — 500 — — —	40	—
Отъ 500 — 1000 — — —	35	—
Отъ 1000 и далѣе — — —	30	—

Обращаться съ требованіями къ редактору—издателю „Вѣстника западной Россіи“, Ксенофонту Говорьскому, въ г. Вианну, и къ книгопродавцамъ—комисіонерамъ этого журнала.

РАСТУЖИКА

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Домъ Бюро
Копіе
Брасс
Россіе

Вильна
1867

и рече
Олегъ
Кіевъ
се буди

матри
родомамъ
русскимъ

1867

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ на 1867 годъ выходитъ съ генваря мѣсяца, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Вильнѣ*, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *Г. И. Феннера б. Сенниковскаго*; въ *С.-Петербурѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ѡ. Безунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной; въ *Москвѣ* въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. И. Герасимова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ заиконспаскаго монастыря и у книгопродавца *г. Черенина*, на Никольской улицѣ; въ *Варшавѣ*, у книгопродавца *г. Кожанчикова*, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всякомъ родѣ Имперіи 8 руб.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю „Вѣстника“ *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*, въ *Вильну*.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дѣлается уступка: за 18^{62/63} годъ, для жителей *Вильны* по 5 руб. для иногородныхъ по 6 руб.; за 18^{63/64} годъ — для первыхъ по 5 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб.; за 18^{64/65} г. — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 р. 50 к. — съ пересылкой. Такаяжъ цѣна и за 18^{65/66} годъ. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за истекшіе годы не менѣе 5-ти экз. дѣлается еще 5% уступки въ цѣнѣ.

Редакторъ-издатель *К. Говорскій*.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V 1867.

КНИЖКА II.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою 16-го Марта 1867 года. Вильна.

I.

№ 3.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

1.

Выписъ изъ ошмянскихъ градскихъ книгъ духовнаго завѣщанія **Аполоніи Михайловны изъ Огинскихъ Зеновичовой**, которымъ она отказываетъ разныя суммы денегъ въ пользу нѣкоторыхъ православныхъ церквей и виленскаго Св. Духовскаго братства и подтверждаетъ свою фундушевую записъ на сооруженную ею мнѣвичскую церковь. 1657 г. (*).

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО)

Послѣ официальнаго заглавія на русскомъ языкѣ и обычнаго предисловія къ духовному завѣщанію, слѣдуетъ:

Вопервыхъ, когда Всевышній Господь соизволитъ позвать меня грѣшную изъ сей плачевной юдоли въ обиталище Своей святой славы, то любезный сынъ мой Іеронимъ Паць воевода троцкій, тѣло же грѣшное имѣетъ погребсти въ построенной мною церкви во имя Ученія Пресвятой Богородицы, въ моемъ имѣніи ошмянскаго повета Манкевичахъ, по обряду греческой благочестивой (православной) вѣры, въ сослуженіи четырехъ монаховъ неунитовъ и священниковъ изъ блага духовенства, тоже благочестивой вѣры. Этихъ

(*) Документъ этотъ доказываетъ православіе фамилій *Огинскихъ*, *Зеновичей*, *Талцовъ*, *Корейвовъ*, *Качановскихъ* и *Ходосовичей*.

четырёхъ монаховъ пригласить изъ виленскаго монастыря братства Св. Духа, которые должны совершить погребеніе непременно съ святою литургіей. Хотя на сказанную церковь я уже сдѣлала фундаментальную запись при ея основаніи въ моемъ имѣніи Манкевичахъ, но и теперь послѣднею моею волею запись эту на вѣчныя времена подтверждаю и прошу любезнаго моего сына, чтобы все въ ней сказанное свято и ненарушимо было исполнено, а также прошу его, чтобы послѣ моей смерти соорудилъ гробницу на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ положено мое грѣшное тѣло; и эту гробницу любезный мой сынъ имѣеть устроить внутри церкви, по совѣту сказанныхъ виленскихъ монаховъ. На поминъ грѣшной души моей отказываю оо. инокамъ, въ пользу этой церкви, наличными 500 злотыхъ, съ тѣмъ, чтобы еженедѣльно, по средамъ, совершалась въ ней, за упокой души моей, святая литургія. А такъ какъ, при основаніи этой церкви, я выдала оо. инокамъ виленскаго монастыря братства Св. Духа обязательство (запись) на 3000 злотыхъ, въ пользу этой церкви, и до сихъ поръ денегъ этихъ еще не уплатила, то обязываю моего любезнаго сына непременно ихъ, по сему обязательству, оо. инокамъ выплатить изъ моего манкевичскаго имѣнія, но съ тѣмъ условіемъ, что отцы иноки проценты отъ этой суммы денегъ должны употреблять только на нужды манкевичской церкви, самая же сумма должна на вѣчныя времена оставаться при этой церкви, что должны наблюдать какъ сами сказанные отцы и ихъ преемники, такъ въ особенности господа братья мои ясно-вельможный Огинскій, каштелянъ и вельможный панъ Самуилъ Огинскій, тивунъ троескій, и ихъ потомки, о чемъ покорнѣйше прошу. . . .

(Слѣдуетъ распредѣленіе имѣній и денежныхъ суммъ между сыномъ завѣщательницы, отъ перваго супружества, Иеронимомъ Пацемъ, двумя братьями ея и дальними и близкими родственниками, что, какъ непреналежащія къ нашему предмету, пропускаемъ).

. на церковь *Городзинскую* злотыхъ 50 на церковь *Мядзельскую* злотыхъ 50 и на богодѣльню (шпиталь) при сей церкви злотыхъ 40; на церковь *Сурдецкую* отписанную злотыхъ 100 и особенно на богодѣльню при *Манкевичской* церкви злотыхъ 200, которая сумма, по совѣту оо. иноковъ, оставаться должна при сей богодѣльнѣ на вѣчныя времена; для нищихъ злотыхъ 10; также на погребеніе грѣшнаго моего тѣла по христіанскому обряду: на хлѣбъ, кушанье и напитки для нищихъ злотыхъ 200.

. (слѣдуетъ распредѣленіе вещей и денегъ между слушателями)

и знакомыми и проч. . .).

. Данъ въ Манкевичахъ 1657 года, мѣсяца Іюля 15 дня, Полонія Огинская Зеновичева сіе завѣщаніе собственноручно подписываю.

Слѣдуютъ подписи свидѣтелей: *Иванъ Корейво*, судья градскій опшмянскій; *Алекса́ндеръ Качановскій*, градскій опшмянскій писарь; *Иванъ Ходосовичъ* возный опшмянскій.

Документъ этотъ хранится въ архивѣ впаецкаго Св Духовскаго монастыря. Писанъ попольски съ русскимъ заглавіемъ и окончаніемъ,—на двухъ полуслѣдшихъ листахъ.

Выписъ изъ земскихъ книгъ Оршанскаго повѣта **Фундушевой** записи судьи земскаго брацлавскаго **Севастьяна Мірскаго**, на церковь и монастырь **Мірскій** имѣнія **Лещиловичъ** (*).

(Переводъ съ польскаго)

(Послѣ предисловія на русскомъ языкѣ).

Я Севастьянъ Мірскій, судья земскій брацлавскій, чиню явно объявляю симъ письмомъ, вѣчною фундушевою записью, всемъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ людямъ, что, побуждаясь христіанскимъ долгомъ (слѣдуютъ излиянія чувствъ благочестивой души). . . ., по примѣру моихъ предковъ другихъ славной памяти благочестныхъ людей, заботившихся больше о приобрѣтеніи небесныхъ, нескончаемыхъ, чѣмъ земныхъ тлѣныхъ благъ, которые на честь и славу Творца нашего созидали еркви и слугъ Божіихъ, совершителей св. тайнствъ, надѣляли гнѣнами и всякими нужными для приличнаго ихъ содержанія средствами и разными другія святія дѣла милосердія и благочестія совершали и, въ чаяніи спасенія своего въ будущей жизни, съ вѣрой надеждой оставляли сей дольний міръ; и я грѣшный, все это приводя на память и желая, при помощи и милости Божіей, выслать, на честь и хвалу Божію, часть изъ моихъ имѣній, отъ

*. Документъ этотъ доказываетъ православіе фамилій. *Мірскихъ*, *Косилоскихъ* и *Жинко-Ошанскихъ*.

Бога мнѣ данныхъ, и находясь при полной памяти и здравомъ умѣ, съ тѣмъ, чтобы, какъ при моей жизни, такъ и по смерти, въ разныхъ священныхъ мѣстахъ возносились безпрестанныя молитвы во время божественной литургіи и при другихъ церковныхъ, по обряду восточной церкви совершаемыхъ службахъ, за меня, жену мою, потомковъ и родственниковъ моихъ, — я прежде сего построилъ и основалъ нѣсколько церквей или домовъ молитвенныхъ въ честь и хвалу имени Господа Бога нашего и Пресвятой, Пречистой Богородицы, Матери Господа Спасителя нашего, а теперь основалъ монастырокъ въ моемъ имѣніи Мірахъ, въ брацлавскомъ уѣздѣ находящемся; но, желая, чтобы этотъ монастырокъ снабженъ былъ достаточными средствами для безбѣднаго содержанія при немъ и прокормленія достойныхъ, способныхъ и благочестивыхъ иноковъ, которые обязаны будутъ совершать въ немъ молитвы и всякое, установленное восточною церковью богослуженіе, сею добровольною моею записью отдаю, дарую и на вѣчныя времена свято, ненарушимо и безвозвратно *фунду* и отписываю имѣніе мое *Лещилосичи* въ Полоцкомъ воеводствѣ состоящее, которое я купилъ у пана Федора Шантыра и супруги его паньи Полицы Корсаковой за десять тысячъ злотыхъ, со всѣми принадлежностями: съ землями, подданными рѣчками, рѣчками, всякою данью и повинностями, съ пашнями дворянскими, со всякимъ хлѣбомъ, чиншами, медомъ, съ женами и дѣтьми этихъ подданныхъ, съ сѣнокосами и морожеными лугами, и жнями на сей монастырь мірскій (міорскій) отдаю. Кроме того въ имѣніи моемъ Мірахъ, гдѣ этотъ монастырь учреждаю, при семъ же монастырѣ одну уволокку земли, сдѣлавши прежде извѣстное соглашеніе съ игуменомъ, исповѣдующимъ нашу православную вѣру и съ монахами, въ братствѣ состоящими, истинно вѣрующими и исповѣдывающими древнюю греческую неуніатскую религію, о томъ чтобы этотъ, учрежденный мною монастырь мірскій былъ снабженъ достаточнымъ числомъ монаховъ и разныхъ церковныхъ служителей, отдѣляю, во владѣніе и власть монастырю отдаю, и добровольнымъ моимъ письмомъ — записью дарую и отписываю на вѣчныя времена, впрочемъ до тѣхъ поръ, пока нетолько эти монахи но и ихъ преемники въ семъ мірскомъ монастырѣ твердо и крѣпко божю. будутъ оставаться въ древней истинной вѣрѣ нашей, и слушаніи подѣ благословеніемъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха, и они, какъ связано выше, обязаны будутъ по заботиться, дабы мірскій монастырь, какъ теперь такъ въ

шія времена, снабженъ былъ достойными и способными монахами, которые бы не только совершали въ церкви ежедневныя службы по обычному чину и уставамъ матери нашей святой церкви, но чтобы въ праздничные и торжественные дни проповѣдывали слово Божіе на пользу и утѣшеніе душъ человѣческихъ. Чтобы въ мірскомъ монастырѣ постоянно было неменѣе четырехъ монаховъ, изъ коихъ одинъ или два должны быть іеромонахи, а также хорошо было бы если бы и шеолка для дѣтей при семъ монастырѣ была учреждена на счетъ доходовъ изъ сказаннаго имѣнія Лещиловичи. А я вышеименованный и послѣ меня дѣти и потомки мои, послѣдователи православной греческой вѣры и подѣ благословеніемъ патріарха состоящіе, должны, въ качествѣ опекуновъ и надсмотрщиковъ моихъ имѣній, наблюдать за точнымъ исполненіемъ сей моей воли, дабы хвала Божія не уставала, равно также и другія лица въ семъ церковномъ братствѣ нашемъ состоящіа, должны смотрѣть за порядкомъ церковнымъ и исполненіемъ монашескихъ правилъ. А также въ имѣніе это, мною отказанное на сей монастырь, ни въ доходы отъ него, ни въ дани, ни въ какую либо часть его, ни подѣ какимъ предлогомъ, ни я, ни потомки мои никакого доступа и власти имѣть не будемъ. И всякого, кто бы эту мою волю, относительно отказаннаго монастырю мірскому сего моего имѣнія, нарушилъ, на судъ Божій и общественное право позываю. Равно также этою фундушвою записью предостерегаю и завѣщаю, что если бы, сохрани Богъ, со стороны игумена, или архимандрита, или братіи кутейнскаго монастыря, теперѣ въ живыхъ находящихся, или со стороны ихъ преемниковъ случилось отступничество отъ *послушенства* святѣйшаго константинопольскаго патріарха, или же какое нибудь, не дай Богъ, сдѣлано насиліе и понужденіе архимандриту, инокамъ и братству кутейнской церкви къ такому отступничеству отъ людей противныхъ хвалѣ Божіей, которые всячески стараются о насилственномъ совращеніи людей истинно вѣрующихъ, въ послушаніи константинопольскаго патріарха находящихся, тогда монастырь мой этотъ, со всѣми надѣльными ему мною нынѣ имѣніями, угодьями и церковными принадлежностями, отдать архимандриту, инокамъ и братству такимъ, которые не отступили отъ послушанія константинопольскому патріарху, въ противномъ случаѣ имѣ и потомкамъ моимъ вольно будетъ монастырь этотъ обратно взять у отступниковъ, держать въ своемъ вѣдѣніи и отступникамъ отнюдь не отдавать, не допуская ихъ ни къ власти,

ни къ вмѣшательству въ учрежденный мною этотъ монастырь—чисто православный. Посему какъ я самъ, такъ и мои потомки имѣютъ *подавать* (рекомендовать епископу) на настоятельство этого монастыря не иного кого изъ иноковъ, какъ только такого, который не отступилъ отъ православія и признаетъ власть и начальство константинопольскаго патріарха, почему и предаю проклятію и призываю на судъ Божій всякого, кто дерзнетъ нарушить эту мою волю. Что касается церковныхъ утварей, мною для этой церкви подаренныхъ, какъ то: серебра, колоколовъ, ризъ и другихъ церковныхъ вещей, то все должно находиться при сей церкви, которыми утварямъ и описъ передаю моимъ господамъ друзьямъ, ниже поименованнымъ и подписавшимся, по моей просьбѣ, свидѣтелями на сей записи, которыхъ прошу дѣлать ежегодно повѣрку этимъ утварямъ и заботиться, чтобы церковное имущество не только не умалялось, но постоянно увѣличивалось. Въ удостовѣреніе всего вышесказаннаго и даю сію мою добровольную фундушевую записъ съ подписомъ руки моей и приложеніемъ моей печати, а также съ собственно ручными подписями и приложеніемъ печатей упрощенныхъ мною свидѣтелей. Данъ въ Брацлавѣ, 1644 года, мѣсяца мая 25 дня.

Севастіанъ *Мірскій*, судья земскій брацлавскій рукою собственною; упрощенные свидѣтели: Иванъ *Косцялковскій*, писарь земскій брацлавскій собственною рукою; Иванъ *Шостаковскій*, подстаростій брацлавскій собственною рукою; Самуилъ *Жинко - Ошанскій* собственною рукою.

М. П.

Писанъ попольски, но начало и конецъ, а также и скрѣпа порусски, въ трехъ полулистахъ обветшалой бумаги, хранится въ архивѣ Св. Духовскаго монастыря. № 948.

№ 4.

ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ ПРАВОСЛАВІЯ
ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Жалоба ктиторовъ Осовской церкви Пинскаго повѣта на пинскихъ оо. Францискановъ и совратившихся въ латинство другихъ нѣкоторыхъ ктиторовъ этой церкви, о впаденіи и отнятїи ея у православныхъ. 1742 г. (*).

(Переводъ съ польскаго).

ВЫПИСЬ ИЗЪ ГРАДСКИХЪ КНИГЪ ПИНСКАГО ПОВѢТА.

Тысяча семсотъ сорокъ втораго года мѣа марта 12 дня.

На урадѣ его королевской милости градскимъ, пинскимъ предомной Францемъ-Антоніемъ Ширмою подстаростомъ судовымъ Пинскаго повѣта лично предстали господа ихъ милости Иванъ и Маріанна изъ Полховскихъ *Карповичи*—супруги; ихъ милости, господа Григорій и Анна съ Карповичей *Полховскіе*—супруги; ея милость госпожа Андреева Ноздрынова *Плотницкая*, съ своимн опекунами ихъ мидостями господами Николаемъ Федоровичемъ *Комаромъ—Стаховскимъ*, Николаемъ и Мартыномъ Евстафїевичами *Гриневичами—Стаховскими*; ихъ милость, господа Иванъ и Анна *Ноздры-*

(*) Документъ этотъ служить доказательствомъ во первыхъ насильственнаго отнятїи православныхъ церквей на унию и латинство папистами и во вторыхъ православїа упоминаемыхъ въ немъ фамилій: *Полховскихъ, Карповичей, Плотницкихъ, Комаровъ, Гриневичей—Стаховскихъ, Качановскихъ, Славутовъ, Терлежскихъ* и *Мильскихъ*,—нынѣшніе потомки которыхъ принадлежать уже въ иску полякующихъ р. католиковъ.

новы— *Плотницкіе*— супруги; ея милость госпожа Теодора съ *Вереничевъ Стаховская* Иванова *Ноздрьнова*— *Плотницкая* съ опекунами ея; его милость Андрей *Качановскій*; ихъ милость господъ Иосифъ и Анна *Слауты*— супруги; ея милость госпожа Ева Павлова *Слаутина* съ опекунами ея; ихъ милости, господъ Семень и Евдокія *Слауты*— супруги и его милость господинъ Самуилъ *Вабищевичъ*— *Плотницкій*,— какъ фундаторы и ктиторы *Осовской* церкви,— сказывали и торжественно жаловались на ихъ милость господъ Андрея и Констанцію изъ *Тарлецкихъ* женъ родныхъ братій Михаила и Франца *Карповичевъ*, на ихъ милостей господъ Ивана и Александра *Масальскихъ*— родныхъ братій, на его милость господина Самуила *Моричъ*— *Качановскаго*, его милость господина Андрея Павловича *Комара*, какъ самыхъ главныхъ агитаторовъ и предводителей, и на господина Антонія *Ляданскаго*, въ одномъ съ ними заговоръ и замыслъ бывшаго, а также на высокопреподобнаго (przewielebnego) его милость ксендза Бонавентуру *Данисевича*, *гвардіана* (пріора) и *плебана* (настоятеля) пинскаго, ихъ милостей ксендзовъ Франциска *Ольшевскаго* регента и Филипа *Олешу*, какъ самыхъ главныхъ, и на всѣхъ ихъ милостей ксендзовъ францискановъ пинскаго кляштора, о томъ, что его милость покойный Григорій *Карповичъ*, еще до своей кончины, духовнымъ своимъ завѣщаніемъ отдѣлилъ отъ своего имѣнія *Осово*, въ пинскомъ повѣтъ остоящаго, дворъ, корчму и двѣ усадьбы земли, со всѣмъ принадлежностями, доходами и усадьбами отписалъ на церковь Божию русскую въ *Осовѣ* и передалъ во владѣніе тогдашнему мѣстному священнику и преемникамъ его, поручивъ опеку и наблюденіе исполненіемъ этого завѣщанія отцамъ православнаго пятицкаго монастыря и, наложивъ клятву на нарушителей

лей сей его воли, въ Бозѣ отошелъ нѣ вѣчность. После его смерти, предки вышелоименованныхъ обжалованныхъ господъ Карповичей только четвертой части ктиторами были этой фундаціи, жалующіеся же трехъ-частей ея оставались ктиторами и теперь остаются. Но обжалованные ихъ милость господа Карповичи, сдѣлавшись недавно католиками, объявили ихъ милостямъ ксендзамъ пинскимъ францисканамъ, что яко бы только они одни были и есть фундаторами и ктиторами сказанной осовской церкви и выдали имъ на бумагѣ дозволеніе отнять эту церковь отъ насъ православныхъ и взять ее въ свое вѣденіе, и на этомъ основаніи ихъ милость ксендзы францисканы, полагая, вѣроятно, что кромѣ господъ Карповичевъ нѣтъ другихъ ктиторовъ этой церкви, въ нынѣшнемъ 1742 году, февраля 8 дня, ихъ милость ксендзы Францишекъ Ольшевскій регентъ и Филиппъ Олена тоже францисканы, съ согласія обжалованныхъ господъ Карповичевъ—вѣроотступниковъ, именующихся фундаторами и ктиторами сказанной церкви, отнявъ насильно ключи отъ мѣстнаго осовскаго священника, церковь отворили и, намѣреваясь обратить ее на унию, рѣшились совершить, по своему латинскому обряду, въ ней богослуженіе, для чего и свѣчи уже было—позажигали; но въ это время, не столько мучины, сколько женщины, ибо тогда жалующійся его милость. гоенодиць Григорій Пелховскій, съ нѣкоторыми другими ктиторами, былъ въ отлучкѣ изъ Осова, увидѣвъ въ церкви огонь, хотя обжалованные, для утайки, и окна изнутри церкви позакрывали, и думая, что въ церкви горитъ что нибудь, съ крикомъ и воцвѣмъ для потушенія огня спѣшно къ ней приближались; тогда ксендзы францисканы, полагая, что толпа народа стремится въ церковь не для потушенія огня, но для драки съ ними, весьма перепугались. Однакожь,

когда толпа эта узнала въ чемъ дѣло и, считая себя болѣе законными фундаторами и ктиторами этой церкви, чѣмъ обжалованные Карповичи, не причиняя ксендзамъ никакого насилія, уговорила только ихъ оставить въ покоѣ непринадлежащую имъ церковь и удалиться съ Богомъ во свояси. Испуганные ксендзы, послушавшись этого совѣта толпы (съ которою бороться сочли не по силамъ), такъ поспѣшно удалились изъ церкви, что забыли взять съ собою и свои костельныя вещи, привезенныя ими для совершенія въ этой церкви миссы (которыя вещи для возвращенія имъ и доселѣ въ цѣлости сохраняются), и въ Пинскъ возвратились. Но здѣсь, посовѣтовавшись между собою и снесшись съ обжалованными господами Карповичами, только до четвертой части фундуша церкви осовской принадлежащими лицами, подали на жалующихся жалобы въ пинскія градскія книги о насильномъ яко бы захватѣ сказанныхъ костельныхъ вещей, и только за недѣлю до начала судовыхъ *рочковъ* (срока) подавъ позывъ чрезъ вознаго, и слѣдовательно пользуясь отсутствіемъ жалующихся, за глаза выхлопотали въ судѣ декретъ, 7 марта сегожь года. Вооружившись этимъ декретомъ, они не только дѣлають нашествія на имѣнія жалующихся, но и угрожаютъ ихъ самихъ подвергнуть обидамъ и насилію и чрезъ это вводятъ ихъ въ судебныя протори и убытки. Вслѣдствіе чего жалующіеся, желая вѣдаться съ обжалованными ихъ милостями Карповичами и ихъ милостями ксендзами пинскими францисканами по законамъ въ надлежащемъ судѣ, а именно, чтобы фундушевую запись покойнаго Григорія Карповича, въ пользу осовской церкви, съ разными другими документами, подтверждающими эту запись, какъ то: съ декретами градскими и трибунальными и съ королевскими привиллегіями, судебнымъ порядкомъ подтвердить и отъ нарушенія ее оградить, а жалующихся,

какъ главныхъ и законныхъ фундаторовъ и ктиторовъ таковыми признать и право подаванья церкви за ними укрѣпить; чтобы ксендзовъ пинскихъ францискановъ обязать принять обратно, неизвѣстно почему ими же самими оставленныя ими въ церкви Осовской костельныя вещи; чтобы исторгнутый обжалованными въ судъ, въ отсутствіе жалующихся, декретъ, какъ незаконный и несправедливый, уничтожить; обжалованныхъ Карповичей обязать, чтобы они жалующимся не препятствовали завѣдывать дѣлами осовской церкви, какъ законнымъ и главнымъ ея фундаторамъ и ктиторамъ, сами же отъ всякаго вмѣшательства въ эти дѣла были устранены, какъ имѣющіе право только къ четвертой части ктиторства этой церкви, котораго, впрочемъ, лишились совершенно чрезъ свое отступничество отъ греческой православной вѣры, которой принадлежитъ эта церковь; чтобы личная безопасность жалующихся ограждена была законами отъ насилья и отъ приведенія ими въ исполненіе угрозъ противъ жалующихся и, наконецъ, подвергнуть обжалованныхъ наказанію за нападеніе на осовскую церковь, отнятіе ключей и произведеніе смятенія въ народъ, а также подвергнуть ихъ денежному взысканію въ пользу жалующихся за понесенныя ими протори и убытки, по случаю сего съ ними судебного процесса и проч. Жалоба эта въ пинскія урядовыя градскія книги подана вышеименованными жалующимися, и есть вписана; а по просьбѣ ихъ выдана эта выпись изъ сказанныхъ книгъ со скрѣпою и урядовою, градскою, старостинскою пинскою печатью и съ подписью писарской руки:

М. П.

Антошъ Орещо вейскій и писарь гродскій повѣта Пинскаго.

Писано непольски, хранится въ архивѣ пинскаго православнаго монастыря. Сообщено игуменомъ сего монастыря.

Свѣрилъ Протасовицкій.

Позывъ въ варшавскій комиссарскій судъ голдовскихъ ксендзовъ базилианъ, по жалобѣ на нихъ настоятеля виленскаго Св. Духовскаго монастыря о. Мелхиседека Богдановича, о насильственномъ завладѣніи ими православнаго голдовскаго монастыря, обращеніи его на унию, отнятіи всѣхъ принадлежащихъ монастырю имѣній и угодьевъ и причиненіи побоевъ и разныхъ насилій монахамъ 1747 г.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

По титулѣ:

Преподобному ксендзу старшему голдовскаго монастыря и всѣмъ сегожъ монастыря ксенздамъ базилианцамъ.... повелѣваемъ, дабы ваша милость по сему позыву и по выданной вамъ сего 1747 г. 6 ноября повѣсткѣ, лично явились въ будущій варшавскій комиссарскій судъ для оправданія себя по жалобѣ на васъ высокопреподобнаго отца Мелхиседека *Богдановича*, настоятеля виленскаго, Св. Духовскаго монастыря, съ братьею греческой, неуніятской вѣры, которые жалуются на васъ, что голдовскій монастырь, съ давнихъ временъ, по волѣ основателей его, въ ихъ владѣніи находившійся, а также голдовская, находящаяся при немъ, церковь, въ Лидскомъ повѣтѣ состоящая, всѣ имѣнія,

имущество и всё принадлежности монастыря и церкви постоянно состояли въ ихъ вѣденіи и распоряженіи; но вы, въ 1718 году, безъ всякаго повода и причины, напавъ вооруженною рукою на этотъ голдовскій монастырь, жившихъ тамъ на основаніи фундаша, перевязали, били, мучили и истязали, потомъ, выгнавъ ихъ полуживыхъ и измученныхъ изъ монастыря, захватили въ свое владѣніе монастырь, церковь и людей насильно въ свою унію обратили, а также все имущество и привилегіи и документы, сему монастырю и церкви данныя ихъ основателями, похитили и до сихъ поръ незаконно у себя держите, поэтому жалующіеся позываютъ васъ въ варшавскій коммисарскій судъ для взысканія съ васъ по законамъ за такое нападеніе и насиліе, возвращенія имъ голдовскаго монастыря и церкви со всѣми принадлежностями, возвращенія имъ всѣхъ доходовъ съ монастыря и церкви, за все время незаконнаго пользованія ими, для уплаты за всѣ тяжёбныя проторы и убытки, какія понесли жалующіеся по поводу сего ихъ иска, для возвращенія имъ захваченныхъ вами привилегій и документовъ, монастырю сему и церкви принадлежащихъ, и для удовлетворенія, наконецъ, избитыхъ и поруганныхъ вами монаховъ сего голдовскаго монастыря. Данъ 1737 года, мѣсяца Іюня 1 дня.

Слѣдуютъ подписи градскаго виленскаго писаря Ивана Марѣвича и свидѣтельство вознаго Лаврентія Радовскаго о подачѣ сего позыва базилианамъ голдовскимъ.

Подлинный писанъ попольски,—находится въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря, подъ № 35.

(*) Однакожь, не смотря на таковую жалобу православныхъ на базилианъ и позывъ ихъ въ судъ, базилиане до конца уніи владѣли этимъ монастыремъ, который въ эпоху воссоединія уніатовъ обращенъ въ православную приходскую церковь. *Ред.*

3.

Выпись изъ книгъ мѣльницкаго замка жалобы бѣльскихъ православныхъ мѣщанъ и братства Богоявленской церкви на уніятскаго владимірскаго епископа Іосифа Мокосѣя Боковецкаго и на бѣльскихъ уніятвъ о нападеніи на Богоявленскую церковь и обращеніи ее на унію. 1633 года.

(Переводъ съ польскаго).

Явившись лично въ урядъ мѣльницкаго замка мѣщане г. Бѣльска: Савка Гливчиць—бургомистръ *старой рады* и Иванъ Прокоповиць Манаховиць—*райца* (гласный) *старой рады*, градскіе старосты и дозорцы Григорій Пацкевичъ—Степанковичъ, Германъ Тимофеевичъ Холшковичъ и всѣ другіе братья древней неуніятской греческой вѣры братства Богоявленской церкви,—съ давнихъ временъ существующей въ г. Бѣльскѣ, на основаніи королевскихъ грамотъ и привиллегій, сеймовыхъ конституцій и общихъ законовъ рѣчи посполитой,—объявили и жаловались на велебнаго (преподобнаго) отца Іосифа Мокосѣя Боковецкаго, владимірскаго и брестскаго уніятскаго епископа, главнаго ниже описаннаго дѣла зачинщика и руководителя, и на велебныхъ Тимоѣея Симоновича—на мѣстника его, на протопопа Ѳедора Якубовича, Іоанна попа Троицкаго, Іоанна Гарасимовича попа брянскаго, также на Ивана Бюрка—бургомистра, Филона Пацевича—райцу и Ивана Сергеевича Васковича—лавника г. Бѣльска,—какъ способниковъ и исполнителей воли сказаннаго епископа, о томъ, что его милость отецъ владыка, презрѣвъ королевскія привиллегіи и права, одобренныя всею рѣчью посполитою для умиротворенія православныхъ, сперва, въ бытность свою въ Бѣльскѣ, во услышаніе всѣмъ, объявилъ, что намѣренъ искоренить пра-

вославіе въ Бѣльскѣ и отнять на унію Богоявленскую церковь, а потомъ, для приведенія въ исполненіе этаго своего намѣренія, въ прошлый четвергъ, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, прислалъ въ Бѣльскъ вышесказаннаго о. Симоновича, который, сговорившись съ протопопомъ, попами и съ вышепоименованными, недавно совращенными въ унію, бургомистромъ, райцей и лавникомъ, взбунтовалъ всѣхъ собравшихся въ этотъ день, по случаю праздника, въ костель, людей какъ изъ шляхты и мѣщанъ, такъ и изъ черни р.-католической и уніятской вѣры (которыхъ имена имъ хорошо извѣстны), которые, вооружившись разнаго рода огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, цѣлой толпою бросились къ вышесказанной церкви, но нашедши ее запертою, разломали замки у двери, ворвались во внутрь и такимъ образомъ завладѣвъ ею со всѣми утварями и книгами, заперли своими замками, а живнаго подлѣ церкви дьячка выгнали изъ его дома, который вмѣстѣ съ церковью насильно забрали въ свое владѣніе. Все это подтвердилъ и приглашенный въ урядъ коронный возный Иванъ Петронко, который, будучи, въ тотъ же самый день, призванъ жалующимися, лично явился въ церковь, во время нападенія на нее вышесказанной толпы, засталъ ее еще тамъ и видѣлъ какъ протопопъ и попы уніятскіе запирали дверь своими замками.

Желая поискивать за это насиліе съ виновныхъ форму суда, вышепоименованные жалующіеся просили жалобу эту ихъ вписать въ замковыя книги, которая и есть вписана, и сія выпись изъ нихъ выдана жалующимся, съ приложеніемъ печати Мѣльницкаго замка.

М. II.

Альбертъ вице-капитанъ
Мѣльницкаго Замка.

Копія этой выписи, за сѣрѣпою адвоката Михаила Кучевского, хранится въ архивѣ бѣльскаго православнаго собора, подъ № 3 и 83.

4

Выпись изъ книгъ замка Луцкаго увѣщательнаго письма короля Владислава IV къ старостѣ Дрогичскому Мартину Лешмовольскому, дабы пересталъ притѣснять православныхъ мѣщанъ г. Дрогичина и возвратилъ имъ отнятыя на унію тамошнія церква. 1636 г.

(Переводъ съ польскаго).

По титулѣ.

Его благородію Мартину Лешмовольскому старостѣ нашему дорогичскому *вѣрно* намъ любезному наша королевская милость. Подано намъ прошеніе отъ имени поданныхъ нашихъ дрогичскихъ мѣщанъ греческой вѣры—*диззунитовъ* и отъ тамошнихъ священниковъ: Петра *Павковскаго*—Свято-Спасскаго, Луки Савицкаго—Св. Троицкаго, Стефана *Кучинскаго*—Св. Николаевской церкви въ которомъ прошеніи доносятъ намъ, что терпятъ твоей вѣрности разныя притѣсненія, насилія и обиды между прочимъ, что по приказанію твоей вѣрности означенные свѣщенники выгнаны изъ Дрогичина и такимъ образомъ должны были оставить и свои дѣла, и свое имущество. А мѣщане тамошніе, по твоей омилости, претерпѣваютъ притѣсненія, сопровождающіяся немаловажными убытками, а также не рѣдко подвергаются побоямъ, тюремному заключенію и разнымъ другимъ насиліямъ. Что если въ самомъ дѣлѣ такъ—не похваляемъ твоей вѣрности, ибо можно найти другія средства для устраненія разновѣрія, а не такую агонію (*agonie*) По этому

повелеваемъ твоей вѣрности, чтобы впредь такое неспо-
кое обращеніе съ дрогичскими мѣщанами и священника-
ми оставилъ и дома и церкви ихъ собственныя, отнятыя
у нихъ, возвратилъ и чтобы впредь, какъ мѣстный старо-
ста, наблюдалъ, дабы они не протерпѣвали никакихъ непри-
ятностей и обидъ, а пребывали бы въ покоѣ и безопасности.
Что вѣрность твоя, ради милости нашей, имѣетъ испол-
нить. Данъ въ Меречь, мѣсяца сентября 15 дня 1636
года, царствованія нашего польскаго четвертаго, шведска-
го пятаго.

Correxit Kruszewski.

М. П.

Vladislaus Rex.

Agidius Dombrowski Vice-
capitaneus Lucensis.

Древній списокъ этого документа хранится въ архивѣ бѣльска-
го собора, кодъ № 9 и 88.

Б.

Ышсь изъ градскихъ книгъ замка Мѣльницеаго
нахобы намѣстника православныхъ бѣльскихъ цер-
вей, іеромонаха Пансіа *Мосцицкаго*, отъ имени право-
славнаго дужоуенства и мѣщанъ города *Бѣльска*, на
Бѣльскаго подстаростія Іеронима Венбновскаго и на
Бѣльскихъ священниковъ и мѣщанъ, совращенныхъ въ
нію, о вооруженномъ нападеніи на церкви Богояв-
ленскую, Николаевскую и Воскресенскую, насиль-
ственномъ обращеніи ихъ на унию и причиненіи по-
соть, обидъ и насилій православнымъ жителямъ г.
Бѣльска. 1636 г.

(Переводъ съ польскаго).

Явившсь лично въ урядъ старостовъ мѣльницкихъ
реподобный Пансіа *Мосцицкій* іеромонахъ, намѣстникъ
Бѣльскихъ церквей: Св. Богоявленія, Св. Николая и Св.
Воскресенія Христова, въ городъ его королевскаго ве-
чества Бѣльскъ находящихся, — сдѣланный намѣстни-

комъ преподобнымъ въ Христѣ отцемъ Аванасіемъ *Пузиной* епископомъ луцкимъ—дизъунитомъ,—а также мѣщане города его королевскаго величества Бѣльска *Іоакимъ Поповичъ* и *Гриць Обца*, отъ своего и всѣхъ православныхъ жителей города Бѣльска имени, торжественно и официально протестовали и жаловались на пана *Іеронима Бенбновскаго* подстаростія бѣльскаго,—какъ главнаго виновника нижесказаннаго поступка,—также и на уніятскихъ поповъ: *Федора Пречистскаго*—бѣльскаго и *Іоанна Герасимовича*—брянскаго,—какъ на главныхъ его соучастниковъ,—кромѣ того, на мѣщанъ уніятской вѣры: *Станислава Кулешу*, *Івана Самойлика*, *Войцьха Печевскаго*, *Мартина Шварца*, *Івана Восковича*, *Христофора Мѣчника*, *Костра Самойлика*, *Павла Цимбалиста*, *Николая Шевца*, *Станислава Кринскаго*, *Івана Сергейчика*—зятя попа Пречистскаго, *Каспра Блядовскаго*,—какъ помощниковъ и соучастниковъ,—о томъ, что сказанные выше главные виновники съ своими помощниками, нестрашась строгости общественнаго права противъ посягателей на церкви Божія, призвавъ себѣ на помощь пана *Яна Сокола*—ротмистра пѣхоты его королевскаго величества, имѣвшаго подъ своею командою до 200 человекъ пѣхоты, вооруженныхъ заряженными карабинами, на церковь *Богоявленскую*, въ г. Бѣльскѣ находящуюся и отъ самаго начала ее основанія принадлежащую православнымъ, за каторыми утвердилъ ее, согласно съ законами, и декретъ комиссаровъ его королевскаго величества, по случаю недавняго отнятія ее уніятами, внезапно напали, и тамъ, не смотря на общественное право и на недавно изданный универсалъ его королевскаго величества, запрещающій причинять бѣльскимъ православнымъ мѣщанамъ обиды и насилія, панъ подстаростій, въ 1636 году, послѣ праздника пятидесятницы, неизвѣстно по какому побужденію, со всѣми вышесказанными своими помощни-

ками на церковь Богоявленскую напалъ, и окруживъ ее вооруженною заряженными карабинами пѣхотою, замки, висѣвшіе на обѣихъ дверяхъ, разломалъ, а когда, разломавши эти замки, внутренняго замка не могъ отворить, то велѣлъ проломать крышу и чрезъ этотъ проломъ помощниковъ своихъ во внутрь церкви впустилъ, которые, изъ внутри отворивши двери, всѣхъ остальныхъ туда впустили и здѣсь они, забывъ страхъ Божій и уваженіе къ святому мѣсту, подняли страшный крикъ и гамъ, разныя дѣлали безобразія, а находящихся тогда внѣ церкви, на кладбищѣ, православныхъ людей жестоко били, окровавливали, ругали и причиняли имъ разныя обиды и насилія, потомъ, покончивши съ этою церковью, со всею толпою и вооруженною пѣхотою, отправились къ церквамъ Св. Николая и Воскресенія Христова, и оныя, самовольно, опечатали и насильно обратили на унію, и самого жалующагося О. Пансія Мосцицкаго, заковавъ въ кандалы, заключили въ темницу, рвали бороду и разныя другія дѣлали насилія и всякаго рода беззаконія. Все это объявленное въ урядѣ замка Мѣльницкаго жалующимися подтвердилъ и лично здѣсь присутствовавшій возный коронный панъ, Янъ Піотренко, который именно показалъ, что онъ самъ лично видѣлъ нападеніе на бѣльскіе церкви выше поименованными лицами, насильственное ихъ внѣхъ вторженіе, опечатываніе и отнятіе отъ православныхъ, а также былъ личнымъ свидѣтелемъ причиненія побоевъ, оскорбленій и разныхъ насилій православнымъ людямъ, въ то время находившимся на кладбищѣ у Богоявленской церкви, изъ которыхъ между прочимъ, Григорія понамаря палкою жестоко по лицу и головѣ били и окровавили, Мину Шевца (сапожника) ударомъ саблею ранили лѣвую руку, а правую палками сокрушили, Клима Васковаго сына голову такъ избили, что вся опухла, а лице обезображено кровавыми синцами, Иванъ Проко-

повичъ жестоко избить большею восковою свѣчею въ самой церкви, Годесѣвой ковалихъ много кровавыхъ ранъ задано, а плечи покрыты синими полосами отъ ударовъ палкою, Василихъ кожемячихъ нанесено по головѣ два сильные удара: видя все это возный, по обязанности своей, съ бывшими тогда при немъ шляхтою панами Маркомъ и Иваномъ Бенковскими и другими, объявилъ и засвидѣтельствовалъ. Которую жалобу о разныхъ насиліяхъ и незаконныхъ поступкахъ вышепоименованныхъ лицъ, а также и свидѣтельство вознаго, гг. жалующіеся просить вписать въ книги, что и исполнено и выдана имъ настоящая выпись.

Mathias Rokit m. p. r.
Vice-capitaneus Melnicensis.

М. П.

Correxit Radlewski.

Подлинникъ этой выписи хранится въ архивѣ бѣльскаго градскаго собора, подъ № 5 и 86. Ветхъ.

II.

ГЕДЕОНЪ БАЛАБАНЪ, ЛЬВОВСКІЙ ЕПИСКОПЪ.

(Окончаніе) (*).

Обвиненіе, взводимое на православнаго львовскаго епископа Гедеона Балабана въ склонности (будто бы) его къ униі и даже— участіи въ замыслахъ о ней ().**

Общая мысль обвиненія, взводимаго на Гедеона, можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: „Гедеонъ, епископъ львовскій, оскорбленный обидными для него распоряженіями восточныхъ патріарховъ касательно львовскаго ставропигіальнаго братства и безуспѣшнымъ споромъ о духовной власти съ тѣмъ же братствомъ, прервалъ было союзъ съ восточными патріархами, съ намѣреніемъ

(*) Смотри «Вѣстникъ Западн. Россіи» за 18^{63/64} годъ. Окончаніе этой статьи запоздало по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Ред.

(**) Очеркъ дѣятельности львовскаго епископа Гедеона представленъ читателямъ въ іюльской и августовской кн. Вѣстника юго-западной Россіи за 1864 годъ. При всѣхъ ясныхъ и несомнѣнныхъ доказательствахъ своей ревности по вѣрѣ православной, Гедеонъ не избѣгъ, со стороны враговъ православія, обвиненія въ неправотѣ своихъ дѣйствій по отношенію къ православію. Кирилъ Терлецкій, епископъ луцкій, и Поцѣй—епископъ владиміро-волынской, а вслѣдъ за ними и другіе униаты, также нѣкоторые польскіе и даже русскіе писатели приписываютъ Гедеону склонность къ униі и участіе въ замыслахъ о ней. Побужденіемъ къ этому обвиненію послужило, преимущественно, желаніе отступившихъ отъ православія избавиться отъ того справедливаго упрека, что униа, вводимая насильственными мѣрами, первоначально измышлена была и принята только двумя лицами — Терлецкимъ и Поцѣмъ, безъ общаго согласія клира и народа. Смотри Алф. Списокъ въ Вѣст. Зап. Р. за 18^{64/65} г. кн. 3 и 4. Слово Балабанъ Гедеонъ. Ред.

подчиниться римскому папѣ и принять унію ⁽¹⁾, потому не убѣжденію Терлецкаго, дѣйствительно согласился на принятіе уніи ⁽²⁾ и участвовалъ въ замыслахъ о ней до самаго отъѣзда Терлецкаго и Поцѣя въ Римъ, для изъявленія своей покорности папѣ Клименту VIII ⁽³⁾“.

Для надлежащаго рассмотрѣнія этого обвиненія, обратимъ вниманіе:

I) на распоряженія восточныхъ патріарховъ касательно независимости львовскаго братства отъ мѣстнаго епископа, и на споры Гедеона съ тѣмъ же братствомъ, служившіе для него будто бы побужденіемъ къ принятію уніи;

II) на отношеніе Гедеона къ Терлецкому, будто бы убѣдившему его согласиться на принятіе уніи;

III) на соборныя совѣщанія объ уніи, въ которыхъ будто бы участвовалъ Гедеонъ.

I.

Первое обстоятельство, — побудившее, какъ говорятъ, Гедеона прервать союзъ съ восточными патріархами съ намѣреніемъ подчиниться римскому папѣ, — это распоряженія патріарховъ (антиохійскаго Іоакима и константинопольскаго Іеремія) касательно независимости львовскаго братства отъ мѣстнаго епископа ⁽⁴⁾.

(1) Supplem. ad. Hist. Russ. Monim. стр. 474. Акты Запад. Россіи. Т. IV, стр. 211; Полн. собр. русс. лѣтописи. Т. II, стр. 371.

(2) Акты Запад. Росс. Т. IV, стр. 211; Полн. собр. Русс. Лѣт. Т. II, стр. 371.

(3) Акты Запад. Росс. Т. IV, стр. 211 и 115. Specim. eccl. Ruth. Pag. 111. стр. 126 и 127. Dzieje y prawa kościoła Polsk. Ostrow. t. III, стр. 380, и др.

(4) Поцѣй, обвиняя такимъ образомъ Гедеона въ письмѣ своемъ къ провинціалу доминиканскаго ордена, для подтвержденія своего свидѣтельства, ссылается на львовское братство, на львовскаго латинскаго архіепископа Яна-Димитрія Соликовскаго и особенно на Терлецкаго: «Władcyki Lwowskiego Apostasia nie dziw, że się przytey jedności świętey nie ostał: bo ją był zaczął *non sincero corde*, ani dla cbawały Bożey, ale więcey dla przywaty swojej, iż nań byli ciężcy patryarchowie za bractwo Lwowskie: czego y sami braciszkwowie Lwowscy poświadczają. Nawet y sam jegomość xiądz arcybiskup Lwowski przyjeżdżał do jedności, do Dunajowa, prosząc y z płaczem upadając do nóg, aby go z niewoli patryarchów Constantinopolskich wyzwolił, obiecując bydz pod posłuszeństwem Papieża Rzymskiego. Ale, jeśli kto tak śmiały, że go obmawia, niechże mu raczej poradzą, aby władcykę

Но 1, патриархъ антиохійскій Іоакимъ, первоначально наименовавшій (въ 1586 г.) львовское братство ставропигією и давшій ему уставъ, который оно должно было управляться, вовсе не касался отношеній мѣстнаго епископа къ братству (1); слѣдовательно онѣ должны были оставаться въ томъ же видѣ, въ какомъ были и прежде, т. е. братство, состоявшее изъ львовскихъ мѣщанъ и мѣдѣвшее церковію и монастыремъ св. Онуфрія, должно было находиться въ подчиненности львовскаго епископа. Равнымъ образомъ, и константинопольскій патриархъ Іеремія (въ зависимости котораго находилась западно-русская православная церковь), подтвердивши своею грамотою (въ 1588 г.) учрежденія патриарха антиохійскаго, не дѣлалъ никакого опредѣленія касательно независимости львов-

Łuckiego pozwalał o to: który nań gotów *evidentissimis testimoniis* pokazać, że nie kto inszy, jedno on naprzód tą jedność był zaczął u patryarchów odstąpił». (Suppl. ad histor. R. monum. стр. 474). Но а) если братство знало о намѣреніи Гедеона принять унию, то почему оно ни разу необличило его въ этомъ? Правда, въ одномъ письмѣ своемъ къ патриарху (писанномъ въ 1592 г.) оно говоритъ, между прочимъ слѣдующе: «уже двократы попы епископскіе урядовѣ папѣжскомъ ключѣ церковные отдаючи здражали» (Акты запад. Россіи т. II, стр. 47); откуда Зубрицкій заключаетъ, что Гедеонъ, два раза измѣнялъ православію, и хотѣлъ перейти въ папство». (Лѣт. Львов, Брат. стр. 66). Но братство говоритъ здѣсь не объ епископѣ, а о попахъ епископскихъ, которые могли сдѣлать это въ отсутствіе епископа, безъ его вѣдома, въ противномъ случаѣ оно непремѣнно присовокупило бы, что это сдѣлали священники, по волѣ епископа. б) Гедеонъ, по свидѣтельству польскихъ писателей, со времени вступленія своего на кафедру львовскую, всегда былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ львовскому латинскому архіепископу Суликовскому. (Starożyt. Galic. стр. 41). Невозможно представить даже, чтобы Гедеонъ, два раза, съ полнымъ успѣхомъ, отразившій притязанія Суликовскаго (это—во первыхъ—противодѣйствіе Суликовскаго къ вступленію Гедеона на кафедру львовскую,—во вторыхъ—намѣреніе Суликовскаго ввести новый календарь въ Львовѣ—Starożyt. Galic. Żegoty, стр. 41. Krop. Miasta Lwowa, стр. 91) на вмѣшательство въ управленіе православною епархією львовскою, могъ унизиться предъ нимъ до такой степени. в) Что же касается до очевиднѣйшихъ свидѣтельствъ Терлецкаго, то онѣ опровергнуты самимъ же Гедеонъ въ протестѣ (1 июля 1595 года противъ дѣйствія Терлецкаго и Поцѣя. (См. Hist. Eccl. Slavon. Ecclesiarum Andkwengersiis, стр. 466; свес. Апокрисисъ, Часть I. Отд. 7, страница 49, на обор. также ч. II, отд. 4, страница 95 и 96).

(1) Лѣтопись Львов. Бр. стр. 15. Въ журн. Мин. нар. прес. 1848 г. часть 62.

сваго братства отъ мѣстнаго епископа (1). Постону, въ томъ же 1588 г., Гедесонъ, именемъ патріарха константинопольскаго, исповѣсть посылъ братству съ повелѣніемъ — явиться старшимъ братчикамъ въ Вильну на соборъ, за то, что они, будучи подъ клятвомъ, осмѣлились войти въ церковь и присланнаго имъ священника сбросили съ каедръ. Когда же они не явились на соборъ, то Гедесонъ, въ слѣдующемъ 1589 г. вторично обратился къ патріарху (находившемуся въ это время въ Замостьѣ, на возвратномъ пути изъ Москвы) съ жалобой на непокорныхъ братчиковъ. Патріархъ лично вручилъ Гедесону грамоту, въ которой нѣкоторые братчики отлучались отъ общенія съ вѣрными за то, что епископскаго священника сбросили съ каедръ (2). Только въ слѣдствіе усиленной просьбы братства, патріархъ согласился, въ томъ же 1589 г., сдѣлать его независимымъ отъ мѣстнаго епископа (3), но постановленіе это сдѣлано было патріархомъ, кажется, неохотно (4) и не имѣло въ глазахъ самаго патріарха, значенія суда окончательнаго и неизмѣннаго, потому что, спустя два года (именно въ 1592 г.), онъ намѣренъ былъ опять подчинить львовское братство мѣстному епископу, Гедесону (5). Очевидно послѣ этого, что распоряженіи патріарха константинопольскаго, касательно независимости львовскаго братства, хотя и оскорбительны были для Гедесона, но не заключали въ себѣ повода къ разрыву съ патріархомъ. Если патріархъ, имѣя въ виду тогдашнее опасное положеніе западно-русской церкви, не могъ не удовлетворить требованій братства, отличававшегося ревностію по православію и имѣвшаго, поэтому, благотворное вліяніе на народъ русскій, то въ то же время онъ старался поддержать и права Гедесона, какъ мѣстнаго епископа.

2) Есть ясныя указанія и на то, что Гедесонъ и до введенія униі, также оставался вѣренъ патріарху константинопольскому, какъ и послѣ, и никогда не прерывалъ тѣхъ іерархическихъ отношеній,

(1) Лѣт. Львов. Бр., стр. 19.

(2) Тамъ же, стр. 19 и 21.

(3) Лѣт. Львов. Брат., стр. 20 и 22.

(4) Братство львовское, вслѣдствіе этого постановленія, должно было находиться во власти митрополита кievскаго Рагозы. Но патріархъ Іеремія не доволенъ былъ на него за то, что онъ хотѣлъ созывать собора, по возвращеніи его изъ Москвы, и даже сомнѣвался въ твердости Рагозы въ православіи. (См. Акты Запад. Россіи Т. III, стр. 206 и 207).

(5) Акты Запад. Россіи Т. IV, стр. 44.

какія надрѣвля существовали между греческою и русскою церковію. Несомнѣнно извѣстно, что до 1589 г. Гедеонъ находился въ совершенномъ повиновеніи патріарху константинопольскому. Возвращаясь изъ Москвы, патріархъ Іеремія остановился въ Замостьѣ, въ ожиданіи собора, который, по его требованію, долженъ былъ созвать кievскій митрополитъ Михаилъ Рагоза. Въ числѣ прочихъ епископовъ западно-русскихъ, является къ нему и Гедеонъ, съ совершенною покорностію, какъ подчиненный къ своему начальнику, и патріархъ, „во всемъ по чину искусивше его, отпустилъ съ миромъ прощеннаго и благословеннаго (1)“. И въ послѣдующіе годы Гедеонъ не измѣнялъ своего отношенія къ патріарху Іеремію. Въ 1592 году (какъ замѣчено выше) патріархъ намѣренъ былъ подчинить братство львовское, по духовному управленію, Гедеону; а въ 1594 году, тотъ же патріархъ константинопольскій Іеремія предоставляетъ ему санъ экзарха кievской митрополи (2). Оба эти обстоятельства ясно показываютъ, что іерархическія отношенія между Гедеономъ и константинопольскимъ патріархомъ Іереміемъ не прекратились до самой смерти этого патріарха, послѣдовавшей въ 1594 г.

Другое обстоятельство, побудившее, какъ полагаютъ, Гедеона склоняться къ униі, — это безуспѣшный споръ его съ львовскимъ братствомъ. Жегота говоритъ, что Гедеонъ велъ споръ съ братствомъ по личнымъ властолюбивымъ видамъ. Встрѣтивъ сильное сопротивленіе со стороны братства, онъ, съ досады, обратился къ униі, считая ее надежнѣйшимъ средствомъ къ подчиненію себѣ львовскаго братства (3).

(1) Акты Запад. Росс. Т. IV, стр. 28.

(2) Тамъ же, стр. 243. Въ Описаніи Кіево-Софійскаго собора (стр. 144) говорится, что львовскій епископъ Гедеонъ получилъ санъ экзарха кievской митрополи въ 1597 году. Но въ мировой записи львовскаго епископа Гедеона и тамошняго ставропитіальнаго братства (на которую мы ссылаемся) ясно сказано: что это экзархатство предоставлено было Гедеону отъ константинопольскаго патріарха Іеремію, который, какъ извѣстно, скончался еще въ 1594 г. (См. orient. christ. 1, стр. 328). Слѣдовательно и назначеніе это послѣдовало не позже 1594 года. А Мелетій, александрійскій патріархъ, какъ управлявшій, по смерти константинопольскаго патріарха Гавріила, умершаго въ 1596 году, константинопольскою церковію, во время между—патріаршества. (См. Orient. Christ. 1, стр. 330) могъ дать Гедеону, въ 1597 году, подтвердительную грамоту на санъ экзарха.

(3) Starożytn. Galic. стр. 42.

Обвиненіе, ничѣмъ неподтверждаемое.

а) Единственною причиною спора, со стороны львовскаго братства, была непокорность его духовной власти Гедеона, какъ мѣстнаго епископа.

До 1584 г. патріархъ константинопольскій не утверждалъ независимости братства отъ львовскаго епископа (1), слѣдовательно Гедеонъ, какъ мѣстный епископъ, имѣлъ полное право требовать отъ братства повиновенія своей власти, а за неповиновеніе подвергать суду духовному непокорныхъ—тѣмъ болѣе, что право это поддерживалъ и патріархъ константинопольскій (2). Въ 1589 году состоялось опредѣленіе константинопольскаго патріарха о независимости львовскаго братства отъ мѣстнаго епископа, и споръ между Гедеономъ и братствомъ былъ прекращенъ, но не надолго. Братство несправедливыми жалобами (3) на епископа и своевольными поступками нарушало права іерархическія и уничтожало власть епископскую. Въ 1591 году, оно, безъ вѣдома Гедеона, принимаетъ къ себѣ (изъ его епархіи) гологурскаго священника со всѣмъ его приходомъ (4). Съ другой стороны непокорность и своеволіе братства были причиною такой же непокорности и своеволія мѣщанъ другихъ городовъ: Рогатина, Гологуръ, Гродка и другихъ, которые принимаютъ уставъ братства львовскаго, безъ вѣдома епархіальнаго епископа, и едва ли даже не по наущенію самаго братства (5). Въ 1591 году Гедеонъ отлучаетъ отъ общенія церковнаго нѣкоторыхъ мѣщанъ галицкихъ за то, что они, по примѣру львовскаго братства, присвоили себѣ власть въ дѣлахъ церковныхъ и не хотѣли повиноваться ему, какъ епархіальному епископу (6). Нужно было пред-

(1) Лѣтоп. Львовскаго братства. Стр. 21 и 22.

(2) Тамъ же, стр. 19 и 21.

(3) Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ патіарху Іеремію оно жалуется, что Гедеонъ дозволяетъ народу, по старому суевѣрному ихъ обычаю, святить вмѣсто дня воскреснаго пятницу, также приносить пироги на заутріе Р. Хр. къ уничтоженію Богородицы. (См. Акты Запад. Россіи Т. IV, стр. 44), тогда какъ Гедеонъ, въ пастырскомъ посланіи своемъ къ духовенству, въ 1591 г., строгъ запрещаетъ этотъ обычай и побуждаетъ священниковъ, чтобы они научали людей «недѣлю святити, а не пятокъ, а въ пятокъ страсти Христовы воспоминаѣти» и проч. (Акты Запад. Росс. Т. IV стр. 40).

(4) Лѣтопись Львовскаго братства, стр. 62.

(5) Тамъ же, стр. 19.

(6) Supl. ad. Hist. Russ. monum., стр. 470.

принять мѣры къ уничтоженію этихъ безпорядковъ. Но такъ какъ главной причиною было братство львовское, то Гедсону необходимо было первѣе всего ограничить права братства, подчинивъ его епархіальной власти, дабы чрезъ это пресѣчь худое вліяніе его на всю паству. Такимъ образомъ, споръ съ львовскимъ братствомъ, съ стороны самаго Гедсона, происходилъ не изъ властолюбивыхъ видовъ его, а единственно изъ стремленія къ іерархическому порядку, который нарушаемъ былъ непокорностію и своеволіемъ братства.

б) Упорное сопротивленіе львовскаго братства іерархическимъ вѣдѣніямъ Гедсона никогда не доводило его до того состоянія досады и злобной мести, въ какомъ представляетъ его Жегота и нѣкоторые другіе писатели (1). Напротивъ, видимъ, что Гедсонъ, не смотря на всѣ поступки братства, оскорбительные для него, какъ епископа, всегда дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ своего долга и своихъ правъ, и, по своему великодушію и пастырскому благоразумію, охотно забывая личныя оскорбленія, причиняемая ему братствомъ, всегда готовъ былъ и вслѣдствіе старался прекратить споръ съ нимъ для существенныхъ пользъ церкви православной. Такъ, при первомъ возникновеніи спора съ братствомъ (въ 1586 г.), Гедсонъ тотъ часъ же примирился съ нимъ. Затруднительныя обстоятельства, въ какихъ находилось тогда братство, заставили его забыть личныя оскорбленія и принять живое участіе въ благочестивыхъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ братства. Воззваніями 1 и 20 мая онъ приглашалъ духовенство своей епархіи оказать пособіе братству въ возобновленіи сторѣвшей братской церкви, странноприимницы и церковныхъ домовъ, а письмомъ отъ 10 декабря совершенно одобрилъ порядокъ, введенный во вновь устроенной братской школѣ и типографіи (2). Вынужденный во второй разъ, въ 1588 году, неповиновеніемъ братства къ непріязненнымъ противъ него дѣйствіямъ, Гедсонъ, предвидя худыя слѣдствія этого спора для церкви, при тогдашнихъ обстоятельствахъ ея, опять искалъ примиренія. Но упорная вражда братства лишила его всякой надежды на миръ, безъ посредства, уважаемаго самимъ братствомъ, княземъ Острожскаго Константина, къ которому онъ и обратился. Константинъ пригласилъ Гедсона въ Острогъ на третью недѣлю во Пасхѣ и желалъ, чтобы къ тому же времени прибылъ и одинъ

(1) Starozyt. Galic. стр. 42.

(2) Лѣт. львовск. братс. стр. 16 и 17.

изъ членовъ братства (1). Сѣзжались ли они, или нѣтъ, неизвѣстно; только неудовольствія продолжались, хотя Гедeonъ и не оставлялъ своего намѣренія примириться съ братствомъ и въ послѣдующіе годы. Въ 1590 году, по случаю угнетенія львовскихъ ибщанъ поляками, онъ просилъ покровительства Константина Острожскаго (2). Въ 1590 году, братство, вмѣстѣ съ гратами патріарховъ константинопольскаго и антиохійскаго и митрополита кievскаго, послало во всѣ россійскія страны и грамоту епископа Гедeона о вспоможеніи на возобновленіе братской церкви съ больницей и страннопріимнымъ домомъ (3). Оба эти обстоятельства ясно показываютъ, что Гедeонъ желалъ сохранить доброе согласіе съ братствомъ. Желаніе это особенно старался онъ осуществить въ 1595 году, когда замыслы объ униі начали уже обнаруживаться; для этого самъ ѣздилъ въ Острогъ просить посредничества Константина Острожскаго. Хотя братство, не смотря на убѣжденіе Константина, и не согласилось окончательно примириться съ епископомъ своимъ, однакоже дало обѣщаніе забыть на время споръ (4).

Изъ этихъ миролюбивыхъ дѣйствій Гедeона по отношенію къ братству, само собою отеривается, какъ онъ всегда далеко былъ отъ желанія итти непріязненному братству и, для подчиненія его своей власти, приступить къ униі. Дѣятельное участіе Гедeона въ устройствѣ братствомъ православнаго училища львовскаго, и возобновленіи типографіи и другихъ дѣйствіяхъ братства, способствующихъ къ утверженію православія, защищенію правъ народа русскаго, неизмѣнно дружеское отношеніе къ ревностному поборнику православія Константину Острожскому, и особенное стараніе о примиреніи съ братствомъ, въ то именно время, когда замыслы объ униі начали обнаруживаться, отрицаютъ всякую возможность сдѣланности Гедeона къ униі; напротивъ, показываютъ всецѣлую и неизмѣнную преданность Гедeона православной церкви.

(1) Supl. ad. Hist. Russ. Monum. стр. 468.

(2) Тамъ же, стр. 61. Цѣль угнетеній была религіозная—принудить русскихъ, чтобы они, для сохраненія своихъ правъ, приняли латинскую вѣру, или по крайней мѣрѣ, приступили къ униі.

(3) Лѣт. Запад. Росс. Т. IV, стр. 49.

(4) Лѣт. львов: брат., стр. 72 и 75.

II.

Изъ предыдущаго нашего изслѣдованія видна уже отчасти несправедливость и того, что Гедеонъ будто бы согласился было, по убѣжденію Терлецкаго, на принятіе уніи (1).

Если распоряженія патріарха константинопольскаго, равно какъ зусильный и продолжительный споръ Гедеона съ братствомъ, сильны были произвести въ немъ склонности къ уніи, и мы действительно не замѣчаемъ никакихъ слѣдовъ склонности къ уніи въ отношеніяхъ Гедеона къ патріарху константинопольскому, ни пастырской дѣятельности его по отношенію къ братству, то что могло заставить его преклониться на живыя убѣжденія Терлецкаго? И могъ ли Терлецкій рѣшиться на открытіе Гедеону сего тайнаго замысла, зная ревность его къ православію, твердый и непреклонный его характеръ? То и другое могло случиться очевидно только тогда, когда бы между Терлецкимъ и Гедеономъ цвѣтла тѣсная взаимная дружба. Но изъ взаимныхъ отношеній того другаго этого не видно.

Львовскій священникъ, описавшій начало и распространеніе уніи въ замыслахъ Терлецкаго (2), представляетъ два частные случая, показывающіе, повидимому, дружеское отношеніе между ними епископами. Это, во первыхъ,—поѣздка ихъ (въ 1589 году) къ патріарху константинопольскому, жившему въ то время въ Замостьѣ, въ ожиданіи собора. Патріархъ велѣлъ митрополиту кievскому, Михаилу Рагозѣ, созвать соборъ, посылку „до того слухи доходятъ и рѣчи дивныя о епископѣхъ..... чего еднѣ довѣдалъ Кирилъ, самъ до патріарха съ львовскимъ епископомъ Гедеономъ поѣхалъ..... они два привели патріарха на то: аучи себе, же они хотять исправитися, а на иныхъ разные великіе вины повскладали и намовили патріарха, же злѣдив-

(1) Акты Запад. Росс. т. IV, стр. 211.—Собр. русс. лѣт. т. II, стр. 371. Здѣсь говорится слѣдующее: «Кирилъ (Терлецкій) лукавъ, во бѣсъ, умысли отторгнутися отъ патріарха, бояся, да нѣкогда безчестія своя впадетъ въ руцѣ его; и начать нелѣпною подвизатися, прельщая прочіи епископы, дабы ихъ могъ отторгнуть отъ патріарха, и во первыхъ, Гедеона Балабана прельсти епископа львовскаго.... Итакъ Балабанъ епископъ львовскій, прельщенъ; приста къ нему, гнѣвашея бо и той на патріарху за Ставроногій львовскую».

(2) Акт. Запад. Росс. т. IV. стр. 211.

ни епископу луцкому дозоръ собору, самъ поѣхавъ до вельховъ“ (1). Но дѣло было совершенно иначе. Гедсонъ, вѣроятно, случайно съѣхавшись съ Терлецкимъ, былъ у патріарха вовсе не для того, чтобы просить прощенья въ какой либо винѣ, а съ жалобою на братство (2). Не Терлецкій съ Гедсономъ „повскладали разныя и великія винны“ на другихъ западно-русскихъ епископовъ, а Гедсонъ, оставшись, по отъѣздѣ Терлецкаго, у патріарха, открылъ ему поведеніе Терлецкаго, хотя показаніи его и были отвергнуты патріархомъ (3).

Другой случай, описанный тѣмъ же львовскимъ священникомъ, когда Гедсонъ представляется дѣйствующимъ согласно съ Терлецкимъ, — это испрошеніе у польскаго короля полоцкой архіепископіи Григорію, протонотарію кievской митрополіи, за причиненныя ему слугами Терлецкаго побой. «Зѣхавшия съ митрополитомъ луцкій и львовскій (епископы) онаго Григорка поедмали, и владычество полоцкое у короля ему зъеднали и его посвятили“ (4). Но Гедсонъ не имѣлъ никакого участія въ поступкѣ Терлецкаго съ Григоріемъ протонотаріемъ (5), и слѣдовательно не имѣлъ нужды мириться съ нимъ; полоцкое же архіепископство Григорій получилъ (въ 1595 году) по ходатайству кievскаго митрополита Михаила Рагозы, Поцѣя и Кирилла Терлецкаго (6). Такимъ образомъ свидѣтельство львовскаго священника о дружескомъ отношеніи и единодушномъ дѣйствованіи Гедсона съ Терлецкимъ несраведливо.

Изъ грамоты патріарха константинопольскаго Іереміи, посланной имъ изъ Замостья, вскорѣ по отъѣздѣ отъ него Гедсона, пр-

(1) Акты Запад. Россіи, т. IV. стр. 207 и 208.

(2) Лѣтоп. львовск. брат. стр. 21.

(3) Акты Запад. Россіи, стр. 28.

(4) Акты Запад. Россіи, т. IV. стр. 209.

(5) Терлецкій, узнавъ, что патріархъ Іеремія послалъ къ Михаилу Рогозѣ Григорія протонотарія, съ повелѣніемъ созвать соборъ для разсмотрѣнія преимущественно поведенія епископовъ западно-русскихъ, и боясь подпасть суду патріарха за свою порочную жизнь, приказалъ своимъ слугамъ отнять у Григорія патріаршую грамоту. Слуги Терлецкаго сдѣлали болѣе, чѣмъ сколько имъ велѣно было. Они «догнавши Григорія въ лѣсахъ за Пинскомъ, разбили его, листы побрали, и на поли еле живаго оставили.» Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 208.

(6) Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 91 и 417.

вславному западно-русскому духовенству ясно открывается, что Гедеонъ чуждъ былъ дружескихъ отношеній къ Терлецкому и имѣлъ самое невыгодное понятіе о Терлецкомъ. Въ граматѣ этой говорится, между прочимъ, слѣдующее: „ознаймуемъ снмъ листомъ нашимъ, имъ будучи при насъ епископы володимирскій (Мелетій Хребтовичъ), луцкій и львовскій, ихъ же мы во всемъ по чину искушивше, отпустихомъ ихъ съ миромъ прощенныхъ и благословенныхъ, изъ нихъ же единъ Гедеонъ львовскій при насъ zostалъ, въ же самъ заочнѣ о епископѣ луцкомъ Кириллѣ вещи неключины глаголахъ и исповѣдалъ: съ чего видѣхомъ того Гедеона зависти, зазорлива, противно епископу луцкому; онъ же благочиніе и порядокъ его добрый духовный затерти и превратити хотяще, клеветами значнѣ о немъ глаголахъ.“ Столь рѣзкое публичное обличеніе Гедеона, въ разныхъ противъ Терлецкаго наѣздахъ, естественно должно было поселить вражду между тѣмъ и другимъ. Особенно Терлецкій не могъ, послѣ этого, имѣть добрыя къ Гедеону, а долженъ былъ смотрѣть на него, какъ на пачаго и притомъ скрытнаго врага, который, разъ не успѣвши обвинить его предъ патріархомъ, не упуститъ удобнаго случая обвинить его въ другой разъ.

Недовѣріе и тайная вражда Терлецкаго къ Гедеону продолжались и послѣ. Въ 1590 году, на соборѣ брестъ-литовскомъ, по случаю жалобы братства львовскаго на Гедеона, митрополитъ съ четырьмя епископами, въ числѣ коихъ былъ и Терлецкій, приняли вопреки желанія Гедеона, Онуфріевскій монастырь принадлежашимъ братству, а братство свободнымъ отъ власти Гедеона и будущихъ его преемниковъ (1). На другомъ брестъ-литовскомъ соборѣ, въ 1591 году, на которомъ также присутствовалъ Терлецкій, подтверждено епископу львовскому не препятствовать братству въ управленіи братскою церковію и Онуфріевскимъ монастыремъ (2). Не смотря на то, что на этихъ соборахъ председательствовалъ кievскій митрополитъ Михаилъ Рагоза, рѣшенія сборныя едва ли не зависѣли главнымъ образомъ, отъ Терлецкаго. Патріархъ константинопольскій Іеремія, наименовавши въ 1589 году Терлецкаго экзархомъ кievской митрополіи, предоставилъ ему право „всѣхъ епископовъ исправляти и порядку вслѣ-

(1) Лѣтоп. львов. Братства стр. 60.

(2) Тамъ же, стр. 63.

каго нежи ними досмотрати, и напомяти, а негодныхъ и извергати“ (1). Быть не можетъ, чтобы Терлецкій не пользовался этимъ правомъ власти надъ Гедеономъ, какъ личнымъ врагомъ своимъ, при столь благоприятныхъ обстоятельствахъ. Предположеніе это подтверждается и послѣдующими обстоятельствами. Въ 1592 году, Гедeonъ, не надѣясь успѣшно рѣшить споръ съ братствомъ судомъ властей духовныхъ, обратился къ королю польскому Сигизмунду III. Король повелѣлъ учредить подъ предсѣтельствомъ Кирилла Терлецкаго комисію, которая должна была изслѣдовать, подлежатъ ли городская и онуфриевская церкви власти львовскаго епископа, или кievскаго митрополита. Если бы Терлецкій имѣлъ уже совѣщаніе съ Гедеономъ объ уніи, и послѣдній соглашался на принятіе ея, то очень естественно было бы ожидать, что Терлецкій рѣшитъ дѣло въ пользу Гедеопа. Но случилось иначе. Комисія открыла свои дѣйствія въ самомъ Львовѣ (6 февраля 1593 года) и дѣйствительно рѣшила согласно желанію Гедеопа, что въ Львовѣ право суда имѣеть не митрополитъ кievскій, а мѣстный епископъ, что объ церкви (городская и онуфриевская) и самое братство должны находиться въ управленіи львовскаго епископа. Но такое рѣшеніе, подписанное четырьмя католиками (членами комисіи), не подписалъ Терлецкій, предсѣтель комисіи (2). Спрашивается: отъ чего? Вѣрнѣе всего, — по личнымъ неудовольствіямъ и враждѣ къ Гедеоу. Позже, въ томъ же году (1593 г., 27 іюня), Терлецкій вмѣстѣ съ митрополитомъ и Поцѣмъ, епископомъ владимірскимъ, заочно осуждаютъ Гедеопа на отлученіе (3), а въ 1594 году (іюль) запрещаютъ ему совершать богослуженіе въ епископскомъ облаченіи до тѣхъ поръ, пока не оправдается въ обвиненіяхъ, приписываемыхъ ему братствомъ львовскимъ (4). Все это показываетъ, что между Гедеономъ и Терлецкимъ не было никакихъ дружескихъ отношеній (съ 1589 г. по 1594 годъ включительно). Поэтому Гедeonъ, какъ находившійся въ непріязненномъ отношеніи къ Терлецкому, — и именно въ то время, когда послѣдній рѣшился подчинить западно-

(1) Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 29.

(2) Лѣтоп. львов. Брат. стр. 66 и 68.

(3) Лѣт. львов. Брат. стр. 67.

(4) Тамъ же, стр. 56.

русскую церковь папѣ (1), и заботился о привлеченіи на свою сторону западно-русскихъ епископовъ,— не могъ имѣть совѣщанія съ ними объ униі, и слѣдовательно не соглашался на принятіе ея, по убѣжденію Терлецкаго. Въ противномъ случаѣ, мы никакъ не объяснимъ себѣ дѣйствій Терлецкаго, оскорбительныхъ и совер-

(1) Обстоятельство,— рѣшительно побудившее Терлецкаго отгоргнуться отъ патриарха константинопольскаго, по свидѣтельству львовскаго священника, описавшаго начало и распространеніе униі,—это обнаруженіе однимъ изъ урядниковъ острожскихъ преступной жизни Терлецкаго предъ Константиномъ Острожскимъ. Вотъ рассказъ львовскаго священника: «Кирилль луцкій упалъ у коробу (болѣзнь), поѣхалъ до Сендомира на лекарство, дано потомъ знати, жебы мѣлъ умерти. Кгды вѣдомость пришла до Острога, одинъ зъ урядниковъ замковыхъ острожскихъ, подобно стародавнимъ звычаймъ, вполъ до мѣшканья и хованья его и юбрь и тамъ штосъ забрано, а спать, невелѣ, а кгды онъ изъ Сендомира пріѣхалъ и о томъ довѣдался, же ему тамъ забрано, каючи ласку великую у княжати пана воевода кіевскаго скаржилъ о то и просилъ о справедливость: нижли и тамъ-тотъ не у меншей ласцѣ будучи, давалъ справу о себѣ, же то Кирилль змышляеть, и такъ мѣли посварокъ потаеменный промежду себе. По отѣханью владычномъ, тотъ на вого скаржено, ижъ много выступковъ на него вѣдалъ, которыхъ частью до вѣдомости княжати его милости не допускалъ, частью тежъ, по обмовѣ Кирилля, него самого выступки хотѣчи повѣдати, такъ учинилъ, ижъ потомъ снадѣ и его милость княжа о всемъ вѣдомость skutечную взявши, пославши по епископа, почалъ ему то на очи выкидати. Свѣдѣки стали у очно и признали о двоженствѣ, о забитью Филипа Маляра, о мѣшканью съ чужею женою зъ братовою роженною и о иншихъ сквернодѣйствахъ, о обцованію зъ злодѣями, чи то ему воли до кухнѣ его воживали, о ѣденью мяса, о кованью фальшивыхъ червонныхъ золотыхъ и пр. Ни чимъ иншимъ Кирилль не боронилъ, только тымъ, же то изъ васни, а подъ часъ изъ гѣвву за подвигненьемъ того суперника его дѣтсѣя. И такъ по малу, малу, почалъ его опущати княжа панъ воевода кіевскій. Што бачучи Кирилль, ижъ южъ надежда обороны его устала, злюсть ся открыла, явнѣ почалъ о немъ мовити, шукалъ дороги, яко бы могль грядущія бѣды увойти.» (Акты Запад. Росс. т. IV-стр. 210 и 211). Обстоятельство это происходило въ концѣ 1591, или въ началѣ 1592 года, поелику жалобы Терлецкаго о томъ, что урядникъ Боровницкій распространилъ слухъ о его смерти и завладѣлъ его имуществомъ относятся къ 23 дек. 1591 года). Оп. кн. грод. Луцк. съ 1-го ноября 1591 года, листъ 126). Слѣдовательно, Терлецкій рѣшительно сталъ дѣйствовать въ пользу униі никакъ не раньше 1692 года.

шенно противныхъ намѣреній Гѣдеона, и притомъ въ такое время, когда ему крайне необходимо было поддерживать добрыя отношенія къ себѣ западно-русскихъ епископовъ, какъ для того, чтобы приобрести согласіе ихъ на унію, такъ особенно для того, чтобы тайный замысль его прежде времени не обнаружился и не подвергъ его суду патріарха константинопольскаго.

III.

Какъ несправедливо обвиненіе, вводимое уніатами на Гѣдеона въ склонности къ уніи и въ участіи его въ замыслахъ главнаго виновника ея Кирилла Терлецкаго, — точно также и еще болѣе несправедливо свидѣтельство уніатскихъ и польскихъ писателей о томъ, что Гѣдеонъ присутствовалъ на частныхъ сѣздахъ и соборахъ, созываемыхъ поборниками уніи, Терлецкимъ и Поцѣмъ, для совѣщанія о ней, и вмѣстѣ съ другими западно-русскими епископами соглашался на принятіе ея.

Чтобы уяснить этотъ предметъ, рассмотримъ 1, сѣзды и 2, соборы уніатскіе, бывшіе, по свидѣтельству уніатскихъ и нѣкоторыхъ другихъ писателей, до обнаруженія уніи въ 1596 году.

1.

Въ посланіи вилenskaго православнаго духовенства новгородскому воеводѣ Феодору Скумину, сѣзды уніатскіе перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ: сокальскій, красноставскій, безъ означенія времени; потомъ кобринскій и брестскій, бывшіе въ 1595 году (1). Въ актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, напечатана грамота литовско-русскихъ епископовъ о принятіи уніи, составленная на сѣздѣ луцкомъ, бывшемъ также въ 1595 г. (2). О нѣкоторыхъ изъ этихъ сѣздовъ, — именно красно-ставскомъ, кобринскомъ, мы почти не имѣемъ никакихъ свѣденій (3), поэтому обратимъ вниманіе только на два сѣзда: сокальскій и луцкій, какъ болѣе извѣстные.

а) Сокальскій сѣздъ происходилъ, по свидѣтельству львов-

(1) Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 123.

(2) Тамъ же, стр. 115.

(3) Изъ письма Поцѣя и Терлецкаго (отъ 20-го мая 1595 г.) къ митрополиту кievскому, Михаилу Рагозѣ, видно, что они приглашали его въ Кобринъ, на недѣлю о самаринцахъ, и сами были

скаго священника, описавшаго начало и распространіе уніи, подъ предсѣдательствомъ Терлецкаго, въ присутствіи Гедеона львовскаго епископа и Михаила Копыстенскаго, епископа перемышльскаго, и всѣ три епископа совѣщались единодушно объ уніи (1). Когда же и дѣйствительно ли это было? Судя по тому, что на этомъ сѣздѣ не присутствовалъ Поцѣй (2), неразлучный сотрудникъ Терлецкаго въ дѣлѣ уніи, можно съ достовѣрностію полагать, что сѣздъ сокальскій былъ не позже 1592 года. На это находимъ нѣкоторое указаніе и въ письмѣ кіевскаго митрополита Михаила Рагозы къ Феодору Скумину (писанномъ въ 1595 году іюля 14), въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „ихъ милость епископы: луцкій, львовскій, холмскій, перемышльскій, пинскій вписалися въ едність до церкви послушенства календару нового и подъ мощь папешскую, уже тому лѣтъ четыре“ (3), т. е. около 1592 года. Къ этому же времени (т. е. 1592 г.) относится и письмо перемышльскаго епископа Копыстенскаго, львовскому ставропигиальному братству, въ которомъ онъ опровергаетъ взведенную на него молву о преклонности къ уніи (4). Такимъ образомъ, годъ сѣзда сокальскаго падаетъ на 1592 годъ. Но между Гедеономъ и Терлецкимъ, какъ мы видѣли, не было въ это время дружескихъ отношеній, поэтому трудно предположить, чтобы Терлецкій рѣшился сдѣлать участникомъ своего замысла Гедеона, который еще недавно обвинялъ его предъ патриархомъ. Но если бы Гедеонъ даже и былъ на этомъ сѣздѣ, и Терлецкій предлагалъ ему унію, то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гедеонъ не соглашался съ нимъ на принятіе уніи; это потому, что

здѣсь въ означенное время, но, не дождавшись митрополита, чрезъ три дня уѣхали изъ Кобрина, и приглашали въ Брестъ-Литовскъ, прося, чтобы онъ, какъ можно скорѣе прибылъ туда, для личныхъ совѣщаній съ ними объ уніи. (Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 92). О красновоставскомъ сѣздѣ нѣтъ никакихъ свѣденій.

(1) Акты Запад. Росс. т. IV, стр. 20. «Намовилъ (т. е. Кириллъ Терлецкій) до себе Гедеона (епископа) львовскаго.... И такъ сѣхавшись до Сокаля, потаемную раду на пришлый учинокъ намовили, и перемышльскаго Михаила епископа до тогожь притягли, который въ тотъ часъ въ неблагословеніи митрополитовомъ за непослушество (?) былъ.»

(2) Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 81.

(3) Тамъ же, т. IV. стр. 96.

(4) Тамъ же, т. IV. стр. 61.

въ слѣдующемъ же году 1593, Терлецкій не подписалъ прошения комисіи, назначенной королемъ для разсмотрѣнія спора Гедеоны съ братствомъ львовскимъ, не смотря на то, что дѣло разсматриваемо было въ самомъ Львовѣ (1). Такъ какъ на сѣздѣ сокальскомъ былъ, по свидѣтельству львовскаго священника, и перемышльскій епископъ Михайлъ Копыстенскій, между тѣмъ какъ сей послѣдній опровергъ эту молву въ письмѣ къ львовскому братству, то кажется, справедливѣе заключить, что Гедеонъ такъ же, какъ и перемышльскій епископъ, вовсе не зналъ объ этомъ сѣздѣ (или только онъ былъ), и что Терлецкій, чрезъ своихъ сообщниковъ, распространилъ эту молву для своихъ цѣлей, и главнымъ образомъ для привлеченія на свою сторону боязливаго и нерѣшительнаго митропола Михаила Рагозы (2).

б) Сѣздъ луцкій, какъ видно изъ грамоты, составленной на немъ, былъ въ 1595 году августа 27. На немъ присутствовали, будто бы, какъ показываютъ подписи этой грамоты, Терлецкій, Михайлъ Копыстенскій, епископъ перемышльскій, Гедеонъ, епископъ львовскій и Діонисій Збируйскій, епископъ холмскій, которые всѣ единодушно согласились принять унію. „Що вторицею (3) ствержаючи знеслися мы ниже подписанные епископы до своихъ поблизшихъ епископій сей списокъ нашъ добровольный учинили есмо и постановили есмо, — и жъ дей того святого соединенія не имаетъ до смерти отступовати (4) и проч.“

Удивительно, какъ составитель этой грамоты не позаботился даже о томъ, что бы сколько нибудь сдѣлать свою ложь правдоподобною. Всѣмъ извѣстно, что Гедеонъ цѣлымъ мѣсяцемъ раньше сѣзда луцкаго (именно 1-го іюня 1595 года) протестовалъ пу-

(1) Лѣт. львов. Брат. стр. 68.

(2) Поцѣй употребляетъ именно этотъ способъ для убѣжденія Михаила Рагозы къ принятію уніи. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему, онъ говоритъ: „для Бога, потреба се намъ о томъ почувати, яко быхмо сами только не застали, бо то вже рачъ ваша милость запевнѣ вѣдати, и жъ вже вси на томъ: хотя быхмо не хотѣли, насъ отступити и удатися до нихъ. А гдѣ ся расторгнемъ, самъ ваша милость обачити можешъ, якая жъ то справа и потужность наша будетъ.“ См. Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 82).

(3) Составитель акта намекаетъ, вѣроятно, на сѣздъ сокальскій.

(4) Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 115.

ближню противъ дѣйствій Терлецкаго и Поцѣя, и объявилъ, что онъ никогда не соглашался на унію и не престанетъ до конца жизни своей защищать церковь православную отъ всякихъ нововведеній.

Всѣмъ извѣстно было также, что и перемышльскій епископъ Михаилъ Копыстенскій, участвовалъ въ этомъ ревностномъ поступкѣ Гедеона (1). Такъ то достовѣрны свидѣтельства уніатовъ!

2.

Соборы уніатскихъ, бывшихъ до обнародованія уніи въ 1595 году, по свидѣтельству польскихъ и уніатскихъ историковъ, было три: первый — по однимъ (2), въ 1590 году, а по другимъ въ 1591 году (3) въ Брестѣ-литовскомъ; второй въ 1593 г. (4), или въ 1595 г. (5) въ Львовѣ; третій и послѣдній въ 1594 г. (6), а по другимъ въ 1595 году (7), опять въ Брестѣ-литовскомъ. Разногласіе писателей въ означеніи года этихъ соборовъ и лицъ, присутствовавшихъ на двухъ первыхъ соборахъ, хронологическая невѣрность въ означеніи года, въ которомъ Ипатій Поцѣй сдѣланъ былъ епископомъ, разногласіе въ разсужденіи опредѣленій соборныхъ объ уніи и согласія на эти опредѣленія лицъ, бывшихъ на соборахъ, наконецъ, молчаніе современныхъ писателей касательно всѣхъ поименованныхъ соборовъ, заставляеть насъ, прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію исторіи о тѣхъ соборахъ, спросить: дѣйствительно ли были соборныя совѣщанія объ уніи до обнародованія ея на брестскомъ соборѣ въ 1596 году?

По свидѣтельству Зубрицкаго, еще въ 1580 г. іезуиты неутомимо трудились надъ выполненіемъ задуманнаго ими плана—

(1) Hist. Ecclesiastica Eccles. slavon. Andr. Wengerscii, стр. 466.

(2) Specimen. Eccl. Ruthen. par. III стр. 221; Dzieie y prawa kosc. Polskego, Ostr. t. III стр. 380 и пр.

(3) Акты запад. Росс. т. IV стр. 211; Опис. Кіево-Софійскаго соб. стр. 129.

(4) Описаніе Кіево-Софійскаго собора, страница 130.

(5) Акты западной Россіи. т. IV страница 84.

(6) Specim. Eccl. Ruth p. III стр. 222, также см. Опис. Кіево-Соф. соб. стр. 131.

(7) Dzieie y Prawa kosc. Polsk. Ostrow. t. III стр. 386.

соединить западно-русскую церковь съ церковію западною (1). Умы высшаго сословія народа русскаго и частію духовенства различными средствами постепенно подготовляемы были къ этому важному перевороту. Плодомъ усилія хитрыхъ іезуитовъ было, безъ сомнѣнія, желаніе нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ соединенія враждующихъ племенъ польскаго и русскаго подъ верховную власть папы (2). Но желаніе это, принадлежавшее не многимъ образованнымъ людямъ, совершенно чуждо было средняго и низшаго сословія народа русскаго. Притѣсненія, претерпѣваемыя русскими со стороны поляковъ, язвительныя насмѣшки надъ ученіемъ и обрядами восточной церкви, усиливали въ нихъ, съ каждымъ годомъ, ненависть къ полякамъ и къ вѣроисповѣданію ихъ. При такихъ обстоятельствахъ, соединеніе церкви православной западно-русской съ римскою было совершенно невозможно, и частное мнѣніе Константина Острожскаго, высказанное въ письмѣ къ Поцѣв, въ 1593 году, не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій (3).

(1) Historycz. Badania o Drukarniach Russko-sławian. w Galicyi стр. 3.

(2) Таковы, напр. Константинъ Острожскій, Феодоръ Скуминъ, воевода новгородскій, и др. (см. Авт. Запад. Росс. IV стр 63 66 96 и 97).

(3) Мнѣніе изложено Константиномъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

«1) На первый, абыхмо; при всѣхъ своихъ обрядахъ, яко церковь восточная держить, вцалѣ зостали.

2) Абы панове Римляне церквей нашихъ и наданья ихъ на свое костелы не обращали.

3) Абы за постановленіемъ згоды, если бы ее на потомъ хто зъ нашихъ до римскаго костела удати хотѣлъ, не пріймовали, а не принуждали, а звлаща при отдаванью малженства яко то звиди чинити.

4) Абы духовные наши въ таковомъ же пошанованью, яко и ихъ были, митрополитъ и владыкове въ радѣ и на соймникахъ мѣстце имѣли, хотя и не вси.

5) Потреба бы и патріарховъ обослатъ, жебы се до згоды склонили, жебысьмы однимъ сердцемъ и едиными усты пана Бога хвалили.

6) Потреба и до Московскаго и до Волохъ послати, жебы се на одно зъ намп згодили, а здало бы ся найслушнѣй до того ужити, до Москвы е. м. отца епископа Володимерскаго, а до Волохъ отца львовскаго.

7) Потреба тежъ поправы некоторыхъ рѣчей въ церквахъ, нашихъ, а звлаща около вымысловъ людскихъ.

Очевидно послѣ этого, что Терлецкій и Поцѣй, рѣшившіеся соединить церковь русскую съ римскою, никакимъ образомъ не могли обнаруживать своего тайнаго намѣренія. а тѣмъ болѣе не могли, какъ свидѣтельствуя уніатскіе и польскіе историки (1), ѣздить по городамъ и селамъ для убѣжденія русскаго народа къ принятію уніи. Напротивъ, Терлецкій и Поцѣй обдумывали свои планы тайно, никому не открывая ихъ прежде времени. Слѣдовательно, соборныхъ совѣщаній о принятіи уніи, по естественному ходу дѣлъ, не могло быть никакихъ до самаго брестскаго собора, въ 1596 году, на которомъ обнародована, принятая уже Терлецкимъ и Поцѣемъ, унія.

Обратимся теперь къ историческимъ указаніямъ. Что замысли объ уніи содержимы были Терлецкимъ и Поцѣемъ втайнѣ до самаго отъѣзда ихъ, въ 1595 году, въ Варшаву, къ польскому королю Сигизмунду III, а отсюда въ Римъ, къ папѣ Клименту VIII, и что, слѣдовательно, не было ни одного собора для совѣщанія о принятіи уніи, — на это мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства въ письмахъ самаго Поцѣя къ митрополиту кievскому Михаилу Рагозѣ и Константину Острожскому, въ письмахъ Рогозы къ Феодру Скумину, воеводѣ новогрудскому, въ посланіяхъ Константина Острожскаго — и виленскаго православнаго духовенства, также и въ современныхъ историческихъ сочиненіяхъ православныхъ писателей. Изъ писемъ Поцѣя къ Михаилу Рагозѣ видно, что замыслы объ уніи онъ и Терлецкій старались сколько возможно болѣе скрывать. Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ въ 1595 году, генваря 16, замыслы объ уніи онъ называетъ *таемными*, и передаетъ совѣтъ луцкаго р. католическаго епископа, Бернарда Мацѣвскаго, что это дѣло должно совершиться *потиху*. „И ждалъ (т. е. Мацѣвскій) насъ (т. е. Поцѣя и Терлецкаго) о то, обихмо до вашей милости (т. е. Михаила Рагозы) сами ѣхали, абы съ вашою милостью отомъ о всемъ домовили (слѣдовательно, прежде 1536 года, ни митрополитъ, ни прочіе епископы за-

8) О закладаньи школъ и наукъ вольныхъ, а звлеща, для цвнченья духовнымъ пильно потреба, же быхмо мѣли ученые пресвитеры и казнодѣи добре: боза тѣмъижь безъ наукъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилося.»

(Ак. Запад. Росс. т. IV стр. 68).

(1) Dzieie y Prawa Kościoła Polskiego Ostrowskiego t. III стр. 382, спис. Опис. Кіев. Софійскаго собора стр. 130.

падно-русскіе, кромѣ Терлецкаго и Поцѣя, не совѣщались еще объ уніи), а когда, повѣда (т. е. Мацѣевскій), згодитея, дайтежъ намъ знати *нотиху*, а мы вже нетолько отъ короля, але и отъ самага папежа до васъ пословъ ѣти будемъ, зываючи васъ къ единенію, и синодѣ отъ короля назначенъ быти мусить (слѣдовательно до 1595 года не было еще соборовъ для совѣщанія объ уніи); тамъ же на ономъ синодѣ, будемъ зъ вами трактовать яко бы то, въ чемъ ся не сгожаемъ, первѣй погодити“ и пр. Въ заключеніи этого письма говорится: „а того листу, покорнѣ прошу, никому ваша милость не указуй, кгда то я вашей милости, яко старшому пастырю повѣряю“ (1), Михаилъ Рагоза не исполнилъ, однакожъ, этой просьбы Поцѣя; (2) онъ тотчасъ же (именно 20 генваря) открылъ намѣренія Поцѣя и Терлецкаго Теодору Скумину, называя ихъ, „*новою новиною, неслыханною*.“ „Милостивый пане (пишетъ Рагоза), во всемъ, што бы ся новаго поговляло о церкви нашей и о мнѣ богомольцу вашей милости, маючи на печи (попеченіе), абымъ вашей милости, яко столпу церкви нашею знати давалъ, -- *новую новину*, а вельце продбожъ нашимъ и вашей милости моему милостивому пану *неслыханную*, отъ ихъ милости отцовъ епископовъ листъ, о предсязятію ихъ къ послушенству костела римскаго до мене писанный.“ (3) Въ письмѣ къ Константину Острожскому, писанномъ въ 1595 году, марта 17, Поцѣй утверждаетъ, что объ уніи онъ никогда не помышлялъ, и что это дѣло, если бы оно и предпринято было, немнѣе можетъ совершиться, какъ съ общаго согласія клира и народа русскаго. „О бытности преосвященнаго лужскаго въ Краковѣ, я здѣсь уже (т. е. въ Владимірѣ) пріѣхавши, узналъ. Но чтобъ онъ отъ кого былъ туда посылаемъ, Богомъ свидѣтельствуюсь, что я о томъ и не слыхалъ, и не думаю, чтобъ онъ туда ѣздилъ съ какимъ либо отъ кого посольствомъ. А чтобъ мы что нибудь такое между собою постановить хотѣли, о семъ намъ и не снилось. Развѣ мы

(1) Акт. Запад. Росс. т. IV стр. 81 и 82.

(2) Спустя нѣсколько времени, Поцѣй и Терлецкій, въ письмѣ къ Михаилу Рагозѣ, укоряли его за открытіе ихъ тайнаго замысла: «если ваша милость до насъ прибыти не рачишь то насъ ваща милость, правѣ, яко на мясные ятки выдалъ, же насъ погубишь и самъ не воскреснемъ: бо то не съ соимъ братомъ жартовати.» См Акты Запад. Росс. т. IV стр 67).

(3) Акты Запад. Росс. т. IV стр. 82 и 83 96 и 97.

этого не видимъ, что хотя бымы архіереи всѣ на оную унію согласились, а христіанство все объ оной не благоволило, былъ бы по тщетный трудъ, и безчестіе намъ предъ отцами нашими..... Да намъ бы и непозволительно было толь тайно, *безъ собора и безъ вѣдома всей братіи нашей меньшей, но равныхъ с. музъ церкви Божіей, и прочихъ христіанъ, а наипаче безъ вѣсть годовъ христіанскихъ*, такое дѣло заключать или начинать, о чемъ не дай Богъ и подумать.“ (1) Въ другомъ письмѣ къ Константину Острожскому, писанномъ въ 1595 г. августа 5, Поцѣй, соизавая уже себя участникомъ въ дѣлѣ уніи, говорить: „когда отъ насъ требовано (въ Краковѣ), чтобы мы ѣхали съ покорностію въ Римъ, снабдивая насъ всякими потребностями, сказали мы, что не у еще конецъ, ибо мы сами только, другъ друга увѣряя, подписались, но нужно намъ подумать еще и о овцахъ Христовыхъ паствы нашея, дабы и они согласились съ нами..... А когда мы между прочими дѣлами важнейшимъ представляли, что ваше вѣтельство, какъ крѣпчайшій столбъ и украшеніе церкви Божіей, будучи тогожъ съ нами благочестія, еще съ нами о томъ не согласились, потребуете собора, о созваніи котораго и мы предъ симъ съѣздомъ весьма настояли, то дѣло доведено было до того, что шель быть позволенъ съѣздъ и время назначено было; но послѣ того, по причинѣ нѣкоторыхъ новостей, отказано быть собору, и велѣно ѣхать въ путь сверхъ чаянія скоро. (2).

Ревнитель православія Константинъ Острожскій, въ окружномъ посланіи своемъ къ духовенству и мірянамъ (отъ 24 іюня 1595 г.) съ крайнею скорбію сердца жалуется, что, „митрополить зъ епископы въ волю претворишася, и единыя истинныя вѣры святыя восточныя церкви отвергшеся, святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей вселенскихъ отступили и ко западнымъ приобщашася, *только еще кожею лицемѣря своего, яко овчиною, закрывающе въ себѣ внутреннего волка, не объявляютъ съ тымъ вотаемъ согласившися зъ собою окаяніи, яко Христопродавца Иуда съ жидовами умыслили всѣхъ благочестивыхъ въ здѣшней области крестьянъ безъ вѣсти отторкнувши, съ собою въ погибель вринуть, яко самыя пагубныя и скрытыя ихъ*

(1) Апокрисисъ (Рукоп. Кіево. Печерск. Лавры.) часть I отд. 2 стр. 20.

(2) Апокрисисъ. стр. 21 часть I отд. 2.

*писанія объявляютъ..... Штото имать быти паче сего безстуднѣйши и беззаконѣйши, яко еже шести или седми (1) злоправнымъ человекѣмъ злодѣйски соизволившимся и пастырей своихъ святѣйшихъ патріарховъ, отъ нихъ же поставлены суть, отвергшеса, насъ всѣхъ правовѣрныхъ, властнѣ, яко безсловесныхъ собѣ вмѣняюще, но своей волѣ смѣюще отъ истины отрывати и въ пагубу насъ отводить“ (2). Подобнымъ образомъ и виленское православное духовенство, въ посланіи своемъ (1595 г. въ ноябрѣ) къ Θεодору Скумину, жалуется, что „владыкове, покинувши мѣстце и часъ певный въ Берестью для соборовъ всему духовенству нашему застановленный, иные собѣ соборища *покутные* (скрытны), и праве подступные намъ всѣмъ духовнымъ чинять,“ „И съ тыхъ тогда причинъ, ижъ владыкове и отецъ Митрополитъ *то таемнѣ учинили*,.... ажъ до сойму явнѣ голосити не хочуть..... люде православія греческаго порозумѣвши. же то они подступъ и вѣчное зневоленье нашего набоженства, безъ вѣдомости своихъ старшихъ и насъ меншихъ всего духовенства и безъ вѣдомости вашихъ милостей нашихъ милостныхъ пановъ и всѣхъ православныхъ хрестіанъ, сами только четыре альбо пять особъ тое справуютъ“ (3) и проч.*

Львовскій священникъ, описавшій начало и распространѣніе уніи, согласно со всѣми приведенными нами свидѣтельствами, говоритъ, что замыслы объ уніи содержимы были Терлецкимъ и Поцѣемъ втайнѣ до самого послѣдняго отъѣзда ихъ къ королю польскому, а потомъ къ папѣ римскому. „Въ томъ часѣ (т. е. въ началѣ 1595 г.) знать о томъ (т. е. намѣреніи Терлецкаго и Поцѣя принять унію) дано княжатъ пану воеводѣ Кіевскому. который мало нешто день листы писалъ, упоминаючи, абы того не чинили, безъ вѣдомости всѣхъ, также и митрополита самого. до котораго заразомъ послалъ, есть ли то зъ его вѣдомостью. О чомъ Митрополитъ писалъ не по единокротъ до княжати ознай-

(1) Константинъ Острожскій не разумѣлъ въ числѣ этихъ шести, или седми человекъ Гедеона, епископа львовскаго, потому что Гедеонъ первыхъ чиселъ іюля былъ уже въ Острогѣ и совѣщался съ Константиномъ для отвращенія опасности, угрожавшей церкви православной, со стороны уніатовъ. (См. Лѣт. Львов. Бр. стр. 100 и 101.

(2) Акты запад. Россіи т. IV. стр. 100 и 101.

(3) Акты запад. Росс. т. IV. стр. 123 и 124.

лучи „же о томъ не вѣдаю, и до нихъ (т. е. Терлецкаго и Поцѣя) носылалъ листы, упоминаючи, абы того заиѣхали.“ „Такожь и до тыхъ епископовъ разослалъ листы заразомъ, пытаючи, есть ли то есть зъ ихъ вѣдомостью, и упоминаючи ихъ въ томъ. И до Патріарха далъ знати о томъ неомѣшваючи. Нижни Луцкій и Володимирскій въ листѣхъ своихъ до княжати пана воеводы Кіевскаго не по единокротъ писанныхъ явиѣ писали, же о томъ не мыслятъ. А наконецъ, кгда король его милость у Люблинъ зъ ними ся зѣхалъ, а они криво пустилися до Кракова съ своимъ замысломъ. Тамъ, кгда ихъ княжа упоминалъ и листы митрополитовы и иныхъ владыковъ показывалъ, же оны вси о томъ не вѣдаютъ: то они обадва прятиса того, съ клятвою и присягою повѣдали, же и до Кракова не ѣдутъ и о томъ не мыслятъ“ (1).

Наконецъ писатель Апокрисиса обвиняетъ Поцѣя и Терлецкаго, главнымъ образомъ, за то, что они безъ всякаго вѣдома митрополита, епископовъ и всего духовенства, равно какъ и народа русскаго, приняли унию. Приведши слова изъ грамоты папы Блумента VIII, по случаю соединенія церкви римской съ западно-русскою: „все то (что согласились принять Терлецкій и Поцѣй) архиепископъ или митрополитъ и епископы или владыки русскіе, или товарищи, и духовенство и свѣтскіе люди охотно и точно пріймутъ, и что такое же исповѣданіе вѣры учинять и такоежь послушаніе отдадутъ, и все то, что чрезъ ихъ пословъ дѣлано и обѣщано, подтверждать и сохранять,“ — онъ продолжаетъ: „вы Владимирскій и Луцкій епископы! какъ послы ихъ оброчю вѣрою и искреннимъ сердцемъ обѣщали подъ присягою предъ Богомъ, который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. О какъ же, любезные, самозванные послы, великая и дерзновенная ездуность ваша! О коль дерзкая совѣсть! Едвали не адской пропасти подобна, когда вы смѣли обѣщать, и обѣщать подъ клятвою и присягою то, чего вамъ не поручено обѣщать, и чего вы въ рукахъ своихъ не имѣли и не имѣете, то, чего съ помощію Божію никогда въ дѣйство не приведете, то, къ чему ты не токмо вамъ склонности своей не оказывали, но еще разъяренныя и противныя тому сердца имѣли“ (2). И въ другомъ мѣстѣ: „не касаясь другихъ поступковъ и житія ихъ (т. е. Тер-

(1) Акты запад. Росс. т. IV. стр. 212.

(2) Апокрисисъ, часть 1. отъ. 7. стр. 54. на обор.

лецкаго и Поцѣя) справедливо негодуешь на то, что безъ собору, безъ всякаго совета и нимаго о томъ намъ не сказавши, не только безъ позволенія, но и безъ вѣдома нашего, и что больше извѣстны будучи о противномъ намѣреніи нашемъ, вѣдая о протестаціяхъ, которыя мы, по причинѣ глухихъ только вѣстей объ оныхъ замыслахъ до ушей нашихъ доходящихъ, во многихъ мѣстахъ учинили, на то дерзнули, что насъ всѣхъ въ послушаніе въ Римъ отдали и какъ скотъ какой, по призыву Іуды, сказавшаго, что дасте мнѣ, и азъ вамъ предаю Его, не безъ явнаго вѣроломства новой верховной власти подчинили (1).

Такимъ образомъ, всѣ приведенныя нами свидѣтельства современныхъ введенію уніи лицъ, ясно показываютъ, что до 1594 года не только не было соборовъ для совѣщанія объ уніи, но и самыя замыслы о ней содержимы были Терлецкимъ и Поцѣемъ въ тайнѣ. Обнаруженіе намѣреній Терлецкаго и Поцѣя въ 1595 году, всеобщій ропотъ и жалобы духовенства и мірянъ были только побужденіемъ для поборниковъ уніи къ скорѣйшему выполненію своихъ плановъ. Слѣдовательно, свидѣтельства уніатскихъ и польскихъ писателей о соборахъ, бывшихъ до 1595 года для разсужденія объ уніи, вовсе несправедливы, и самыя дѣянія соборныя (послужившія, можетъ быть, матеріаломъ для этихъ историковъ) подложны.

Такое заключеніе о соборахъ уніатскихъ, бывшихъ до 1595 года, вполне подтверждается и самою исторіей ихъ.

Первый уніатскій соборъ, по свидѣтельству Льва Кишки, и нѣкоторыхъ другихъ уніатскихъ историковъ, созванъ былъ самимъ Поцѣемъ, въ 1590 году, 24 іюня, въ епархіальномъ городѣ Брестѣ, на которомъ онъ предложилъ вопросъ о введеніи уніи. Но поелику на это не согласились многіе князья православныя и притомъ не утверждены были еще королемъ польскимъ древнія права церкви православной въ Польшѣ и Литвѣ, то предложеніе Поцѣя отложено было на будущее время (2). Напротивъ Кульчинскій, Стебельскій и Островскій говорятъ, что

(1) Апокр. часть 4, отд. 9, стр. 223.

(2) Левъ Кишка не упоминаетъ о митрополитѣ Рагозѣ, а говоритъ, только, что на соборѣ кромѣ Поцѣя, были епископы лужскій—Кириллъ Терлецкій, пинскій—Леонтій Пельчинскій, холмскій—Діонисій Збируйскій, львовскій—Гедеонъ Балобанъ. (Описание Киево-софійскаго собора, стр. 128).

этотъ соборъ созванъ былъ самимъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, на которомъ онъ предложилъ собранію вопросъ, кого лучше признавать главою русской церкви—Іережію ли, бродящаго по Россіи, или Митрофана, или Неофита, живущихъ въ Константинополѣ (1). На это будто бы весь соборъ единогласно отвѣчалъ, что приличнѣе малороссійской церкви подчиниться покровительству римскаго апостольскаго престола (2). Но—1, Поцѣй, котораго уніатскіе историки представляютъ дѣйствующимъ ищемъ на этомъ соборѣ, не былъ еще епископомъ,—Мелетій Хреботовичъ—Вогуринскій, епископъ владимірскій, былъ еще живъ (3), и умеръ не раньше 1593 года (4). Санъ епископскій Поцѣй получилъ уже въ 1593 году (5). 2. Въ этомъ же 1590 году, іюля 20, дѣйствительно былъ соборъ въ Брестѣ-Литовскомъ, созданный уже митрополитомъ кievскимъ Михаиломъ Рагозою; по совершенно по другой причинѣ. Константинопольскій патриархъ Іережія, при отъѣздѣ своемъ изъ Россіи въ 1589 году, установилъ, чтобы митрополитъ ежегодно созывалъ соборъ изъ епископовъ и знатнѣйшаго духовенства, для разсужденія о церковномъ благочиніи, имуществѣ и другихъ церковныхъ нуждахъ. Первый такой соборъ и состоялся въ 1590 году (6).

(1) Патриархъ Іережія уѣхалъ изъ Россіи въ 1589 г.; съ 1586 до 1594 г. неизмѣнно былъ онъ патриархомъ константинопольскимъ; Митрофанъ скончался еще въ 1589 году, а Неофитъ до 1600 г. не былъ патриархомъ (см. L' Art. de verifier les dates des faits historiques т. IV. стр. 126 и 127).

(2) Specimen Eccles. Ruthen. pars III. стр. 221. Żywoty ss. Panien y Matek Eufrozyny y Paraskewii Zakonnicy y Ihumeniy Polockich, tom II. с. 162. Dzieje y Prawa Kościoła Polskiego, tom III. стр. 380.

(3) Акты запад. Росс. т. IV. стр. 135.

(4) Въ концѣ 1591 года Мелетій былъ еще живъ; подъ опредѣленіемъ соборнымъ 1591 года, октября 26, имя его находится между подписями западно-русскихъ епископовъ (см. Начало уніи Збуріиц. въ Чтен. Им. общ. истор. Росс. 1848 года № 7).

(5) Акты запад. Росс. т. IV. стр. 63.

(6) На этомъ соборѣ опредѣлено было, чтобы въ этомъ самомъ мѣстѣ и въ это самое время, въ будущее и послѣдующіе годы, каждый епископъ являлся съ знатнѣйшимъ своимъ духовенствомъ. (Акты запад. Росс. т. IV. стр. 34).

Львовскій священникъ, описавшій начало и распространіе. (Акты запад. Росс. т. IV. стр. 211.), равно какъ и Русскій Хронографъ, приводимый въ Описаніи Кіево-Соф. Соб. (стр. 129), отно-

Второй уніатскій соборъ, по свидѣтельству Льва Кишки, созванъ былъ Ипатіемъ Поцѣмъ, въ 1593 году, 28 генвара, въ Львовѣ. Но предложеніе Поцѣя о принятіи уніи отвергнуто было всѣми присутствовавшими на этомъ соборѣ (1). Между тѣмъ, въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ сохранилось дѣяніе львовскаго собора, но только бывшаго не въ 1593 году, а въ 1595 г. 28 генвара, подъ предсѣдательствомъ не Поцѣя, а Гедеона, епископа львовскаго (прочія лица тѣже), на которомъ рѣшено принять унію (2). Спрашивается откуда произошло такое противорѣчіе? Невѣрность въ означеніи года не имѣетъ большой важности, она могла произойти отъ описки. Но разность въ означеніи лицъ, предсѣдательствовавшихъ на этомъ соборѣ и особенно въ рѣшеніи соборномъ, служитъ яснымъ доказательствомъ несуществованія львовскаго уніатскаго собора.

1) Соборъ львовскій, по сказанію Кишки, созванъ былъ, въ 1593 году, 28 генвара, и происходилъ подъ его личнымъ пред-

сѣть первый уніатскій брестскій соборъ къ 1591 году. Первый писатель говоритъ, что этотъ соборъ созванъ былъ по настоянію Терлецкаго, на которомъ онъ обманомъ получилъ два бланкета, подписанныхъ епископами и скрѣпленныхъ ихъ печатями, — съ тайною цѣлію вписать на нихъ, въ удобное время, прошеніе къ папѣ и королю польскому — о соединеніи западно-русской церкви православной съ церковію римскою, и прибавляетъ, что „одни (епископы), которые южъ знали, на що то учинено, хутливе позволили, а другихъ, яко то митрополита и иншихъ невѣдомыхъ, долго намовили.“ Но а) соборъ 1591 года созванъ былъ не по настоянію Терлецкаго, а состоялся въ слѣдствіе опредѣленія собора 1590 года. (См. Акты запад. Росс. т. IV. стр. 34). б) Что же касается до бланкетовъ, которые Терлецкій получилъ по опредѣленію собора, для того, чтобы переписать въ нихъ просьбу къ королю и представленіе сейму о похищенныхъ, отобранныхъ въ казну потерянныхъ имѣніяхъ церковныхъ (Начало уніи Зубр. стр. 26 и 37, въ Чт. Имп. общ. ист. и древн. Росс. 1848 г. N 7), то не только нѣкоторые епископы (между коими польскій священникъ разумѣлъ и Гедеона), а даже и самъ Терлецкій едвали имѣлъ намѣреніе употребить ихъ на другой предметъ. Обстоятельство, рѣшительно побудившее Терлецкаго приступить къ уніи, описанное тѣмъ же львовскомъ священникомъ, относится (какъ замѣчено было въ примѣч. 47 а) къ концу 1591 года, между тѣмъ соборъ 1591 года былъ въ юнѣ мѣсяцѣ (смотри Нач. уніи Зубрицкаго тр. 26 и 27).

(1) См. Описаніе Кіево-Софійскаго Собора стр. 136.

(2) Акты Запад. Росс. т. IV: стр. 84.

дательствомъ. Но Поцѣй въ генварѣ, 1593 года, не былъ еще епископомъ, королевская привиллегія о назначеніи его владиміро-польскимъ епископомъ состоялась въ мартѣ 1593 года (1); въ современныхъ актахъ "Литовской метрики", писанныхъ іюля 10 того же 1593 года, Поцѣй титулуется „електомъ“, т. е. избранымъ или нареченнымъ епископомъ, но съ удержаніемъ еще мирскаго имени (2). Кромя того въ архивѣ ставропигіального львовскаго братства, члены котораго со всѣмъ тщаніемъ наблюдали за дѣлами вѣры и имѣли право присутствовать на каждомъ оборѣ, не осталось никакихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи какого либо львовскаго православнаго или уніатскаго собора, въ 1593 году (3). Слѣдовательно, свидѣтельство Кишки о томъ, что въ 1593 году былъ соборъ въ Львовѣ, для разсужденія объ уніи, подъ предсѣдательствомъ Поцѣя, есть чистый вымыселъ.

2) Не было собора въ Львовѣ и въ 1595 году; потому что объ немъ не упоминаетъ ни братство, ни современные писатели русскіе, ни даже уніатскіе. Дѣяніе соборное составлено, по всей вѣроятности, въ послѣдствіи какимъ либо уніатомъ, воспитанникомъ іезуитовъ, или даже самими іезуитами. Это видно, во первыхъ, изъ самаго содержанія его, которое обличаетъ въ сочинителѣ всецѣлую преданность папѣ, и безотчетную увѣренность въ томъ, что только подъ владычествомъ папъ возможно спасеніе души, и вмѣстѣ съ тѣмъ закоренѣлую ненависть къ восточнымъ патриархамъ, — черты свойственныя преимущественно іезуитамъ (4).

(1) Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 93.

(2) Акты Запад. Росс. т. IV. Примѣчаніе 3.

(3) Зубрицкій въ своей хроникѣ говоритъ только, что въ 1593 году былъ въ Львовѣ соборъ изъ католическаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ архіепископа львовскаго Суликовскаго Krop. miasta Lwowa стр. 223).

(4) Такъ, напр., въ дѣяніи собора львовскаго говорится: „уважачи частокротѣвъ ихъ разореніе Церкви Божей есть шкодливое ловеснымъ христовымъ овцамъ и хотащимъ спастися неудобно съ безъ единости святой зъ первопрестольникомъ римскимъ поучити вѣчныя и безконечныя блага, ихъ же достигнути намъ астрыремъ о честномъ иже о Христѣ иноческому чину и презвитерству подобаетъ и душопомочно есть.“ И еще: „Сію Святую соборную кафедральскую апостольскую церковь римскую, отъ которой неразумнѣ по вселенскомъ соборѣ Флорентійскомъ патриархи реческіе оторвалися, за правдивую, истинную, царствующую и

Во вторыхъ, подъ дѣяніемъ соборнымъ подписаны такія лица, которыя никогда не принимали уніи, такъ напр., кромя Гедеопа, епископа львовскаго, Лука, митрополитъ бѣлградскій изъ Славоніи, Пансій Красикай, епископъ изъ Греціи пришедшій. архимандриты: кієво-печерскій Никифоръ Туръ, супрасльскій Иларіонъ Масальскій, аферманскій Геннадій, Аванасій грекъ изъ афонской горы, игумены, протоіерей и священники, вообще почти всѣ тѣ же лица, которыя присутствовали на Врестскомъ православномъ соборѣ въ 1596 году, и низложены были съ своихъ сановъ уніатскимъ брестскимъ соборомъ, бывшимъ въ одно и то же время съ православнымъ (1). Въ третьихъ, въ концѣ соборнаго дѣянія, по замѣчанію издателя Актовъ западной Россіи, приложено 44 печати, а подписей находится только 24. такъ что, при нѣкоторыхъ подписяхъ нѣтъ печатей, а при нѣкоторыхъ печатяхъ нѣтъ подписей,— явный знакъ подложности акта.

Третій уніатскій соборъ, по свидѣтельству уніатскихъ и польскихъ историковъ, созванъ былъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, по убѣжденію Терлецкаго и Поцѣя, въ 1594 году. 2 декабря, въ Брестѣ Литовскомъ. На немъ присутствовали, кромя Терлецкаго и Поцѣя, самъ митрополитъ, архіепископъ полоцкій—Наванаялъ Селицкій, епископы: перемишльскій—Михаилъ, пшецкій—Леонтій, холмскій—Дионисій, львовскій—Гедеопа, многіе архимандриты, игумены и знатнѣйшіе изъ бѣлаго духовенства. Со стороны р. католиковъ, по назначенію короля польскаго, были архіепископы: гвѣзненскій Станиславъ Карнковскій, львовскій Димитрій Суликовскій, епископы: лудскій Бернадъ Мацѣевскій, холмскій Старапъ, или Станиславъ Гоголинскій, также многіе сенаторы, князья и шляхта. Поцѣй открылъ засѣданіе пространною рѣчью, въ которой старался убѣдить всѣхъ православныхъ принять унію и покориться папѣ. Много было разсужденій и споровъ между духовенствомъ и свѣтскими особами, наконецъ сдѣлано единодушное опредѣленіе: принять унію и отпра-

власть надъ всею вселенною, имающую визнаваемъ, и подъ утратою збавенія вѣчнаго, неотступовати святѣйшихъ первопрестольниковъ римскихъ, безъ нихъ же немощно церковная правити, симъ спискомъ нашимъ обѣцуюмъ и проч.“

(1) Акты Запад. Росс. т. IV. стр. 143, 149 и 242.

вить, отъ лица собора, Терлецкаго и Поцѣя, съ донесеніемъ объ этомъ къ королю польскому и папѣ Клименту VIII (1).

1) Посланку опредѣленіе о принятіи уніи сдѣлано было на этомъ соборѣ публично, то о немъ должны были знать, какъ духовенство, такъ и народъ западно-русскій, не говоря уже о лицахъ, присутствовавшихъ на соборѣ. Между тѣмъ Михаилъ Рагоза, въ 1595 г., извѣщаетъ Окумина объ уніи, какъ о дѣлѣ, иногда имъ не слыханномъ (2); Константинъ Острожскій, въ писмахъ къ митрополиту и епископамъ, въ 1595 году, спрашиваетъ ихъ о замыслахъ касательно уніи, тоже какъ о дѣлѣ совершенно новомъ для него и неизвѣстномъ до того времени; епископы и митрополитъ отвѣчаютъ ему, что замыслы объ уніи вовсе неизвѣстны имъ (3); словомъ, никто изъ современныхъ писателей, не только православныхъ, но и польскихъ, не упоминаетъ о Врестскомъ, уніатскомъ соборѣ, бывшемъ, по свидѣтельству позднѣйшихъ уніатскихъ и польскихъ историковъ, въ декабрь 1594 года.

2) Въ томъ же 1594 году, дѣйствительно, былъ соборъ въ Врестѣ, но не въ декабрь, а въ іюнь, и совершенно для другой дѣли. На немъ изложены были, какъ видно изъ соборной грамоты, правила о церковныхъ братствахъ, о подсудимости духовныхъ лицъ, служащихъ при церквахъ братскихъ (4) и пр.; на немъ же совершился судъ митрополита съ двумя епископами: Терлецкимъ и Поцѣемъ надъ Гедеономъ, епископомъ львовскимъ, вслѣдствіе котораго ему запрещено было совершать богослуженіе въ епископскомъ облаченіи, до тѣхъ поръ, пока онъ не оправдается въ обвиненіяхъ, приписываемыхъ ему братствомъ львовскимъ (5).

3) Что же касается соборной грамоты (6), составленной будто бы на этомъ соборѣ, о желаніи митрополита и западно-русскихъ епископовъ отторгнуться отъ союза съ восточною церковію

(1) См. Опис. Кіево-Софійскаго собора, страница 831.

(2) Акты Запад. Росс., т. IV, стр. 83.

(3) Акты Запад. Росс., т. IV, стр. 212.

(4) Акты Запад. Росс., т. IV, стр. 67.

(5) Лѣт. Львов. брат., стр. 69.

(6) Акты Западной Россіи т. IV, стран. 77. Впрочемъ, между подписями епископовъ нѣтъ рукоприкладствъ ни Гедеона, епископа львовскаго, ни Михаила, епископа перемышльскаго, нѣтъ ихъ и въ спискѣ этой соборной грамоты, помѣщенной Бароніемъ въ лѣтописяхъ церковныхъ (Annal. Escl. t. VII, стр. 817).

и подчиниться папѣ, то она составлена была частнымъ образомъ. Въ ней, между прочимъ, говорится слѣдующее: „а такъ то собѣ предъ Паномъ Богомъ обѣцуетъ, иже, или зъ насъ бы могло быти, сердцемъ щирнымъ и упрійнымъ, и съ пильностію, въ такой справѣ повинною, будемъ ся вси сполнѣ и каждый зособно старати чрезъ посродки пристойныя, абыхны и другую братью нашу духовную и увесь людъ посполитый до единности вели и за поможы Божією привели. А жебы тымъ большую побудку мели есно до пильнаго старанья, тоє писъмо межы собою даемо, и щирую и упреймую волю нашу до соединенія съ востеломъ римскымъ, тымъ же собѣ освѣдчаемъ“ (1). Отсюда видно, что только немногія лица, т. е. составлявшія грамоту и подписавшіяся подъ нею, изъявили согласіе принять унію, что все прочее духовенство и весь людъ посполитый еще не соглашались на принятіе ея и что ихъ нужно было еще привести до единности. Кто же составлялъ и подписалъ эту грамоту? Митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза не только не участвовалъ въ составленіи ея, но и совершенно не зналъ о ней (2); по всей вѣроятности, не знали о ней крогѣ Терлецкаго и Поцѣя, и другіе епископы, которыхъ имена подписаны въ концѣ ея. Въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, по свидѣтельству издателя актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, находится грамота (1594 г. декабря 2) о принятіи уніи въ подлинникѣ, но только за подписью двухъ епископовъ, — владимірскаго и луцкаго, съ приложеніемъ ихъ печатей (3). Такимъ образомъ, можно думать, что грамота составлена была въ 1594 году декабря 2 Терлецкимъ и Поцѣемъ при участіи іезуитовъ (4), а въ послѣдствіи времени, писано

(1) Акты Запад. Росс., т. IV, стр. 78.

(2) Акты Запад. Росс., т. IV, стр. 83.

(3) Акты Запад. Росс., т. IV, стр. 78.

(4) Участіе іезуитовъ въ составленіи этой грамоты видно изъ того, что въ ней всѣ ереси, появившіяся въ Западной Руси (разумеется, вѣроятно, лютеранизмъ и кальвинизмъ) производятся отъ «разрозненья русскихъ съ паны римляны», что русскіе православные христіане «терпятъ великія препятствія въ дѣлѣ спасенія безъ единности съ церковію Римскою, въ которой единности почавши отъ Христа Збавителя нашего и Апостоловъ Его Святыхъ зажды предковъ наши были (?) и признавали папу, по правиламъ соборовъ и святыхъ Отець (?) главой и первопрестольникомъ всей церкви христіанской».

въ 1595 году, предъ отъѣздомъ ихъ въ Римъ, съ этого подлинника списана копія для представленія папѣ, съ присовокупленіемъ подписей митрополита кievскаго и епископовъ западно-русскихъ, хотя безъ измѣненія прежняго числа года и мѣсяца (1).

(1) Послѣ этого понятно, почему Григорій или Германъ Загорскій, протонотарій митрополіи кievской, наименованъ въ этой соборной грамотѣ, по списку Баронія (Bar. Anpal. t. VIII, стр. 817), нареченнымъ архіепископомъ полоцкимъ, а по списку, напечатанному въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи (т. IV, стр. 77), (который вѣроятно, сдѣланъ позже), просто полоцкимъ архіепископомъ, и Іона Гоголь, архимандритъ вобринскій,—нареченнымъ епископомъ пинскимъ. Оба они получили отъ короля польскаго привилегіи на эти мѣста уже въ 1595 г., въ сентябрѣ (см. Акты Запад. Росс., т. IV, стр. 91 и 118).

Въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, напечатаны еще 1. «Наказъ литовскихъ православныхъ епископовъ посланнику, отправленному къ польскому королю Сигизмунду, съ изложеніемъ договорныхъ статей, на основаніи коихъ они соглашались приступить къ униі, писанный въ 1594 году, въ декабрѣ» (т. IV, стр. 79), съ подписями Поцѣя, Терлецкаго и епископовъ перемышльскаго и львовскаго.

Наказъ этотъ также, какъ и упомянутая соборная грамота, составленъ Поцѣемъ и Терлецкимъ, а подписи Гедеона и Михаила епископа перемышльскаго, сдѣланы чужою рукою. Если кто, то Гедеонъ не могъ быть въ это время въ единомысліи съ Терлецкимъ в Поцѣемъ, потому что они соборными опредѣленіями 27 іюня, 1593 г., и 1 іюля 1594 года, лишили его епископскаго сана и отлучили отъ церкви (Лѣт. Львов. Брат., стр. 67 и 69).

2) «Соборная грамота митрополита Михаила Рагозы и литовскихъ православныхъ епископовъ папѣ Клименту VIII, о готовящести ихъ съ паствами своими вступить въ союзъ съ римскою церковію» и проч. (стр. 94); она же приводится въ лѣтописяхъ Баронія на латинскомъ языкѣ (Anpal. Escl. t. m. стр. 94). Въ ней, между подписями другихъ епископовъ, находятся рукоприкладства Гедеона, епископа львовскаго и Михаила, епископа перемышльскаго. Но скажемъ словами писателя Апокрисиса: «незнающему ихъ руку легко было чужія подписи вмѣсто ихъ собственныхъ представить. А если то правда, что на томъ письмѣ были собственноручныя ихъ подписи, то такъ разумѣю, что сіе на бланкетахъ, на иное какое дѣло данныхъ, владимірскій и луцкій епископы ложную вѣрющую себѣ написали. И потому въ письмѣ ономъ не изъ одного какаго извѣстнаго мѣста, (которое для совокупнаго совѣщанія, для постановленія о дѣлахъ и отправленія пословъ, а паче толь необыкновенныхъ нужно было), но изъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго отпускъ написали (въ концѣ грамоты

Такимъ образомъ, какъ изъ современныхъ введении унїи свидѣтельствъ, такъ и изъ разсмотрѣнїа самой исторїи унїатскихъ соборовъ, видимъ, что они вовсе не существовали, а выдуманы унїатами для оправданїа себя въ томъ справедливомъ нарекани со стороны православныхъ, что дѣло унїи совершенно было, вопреки желанїю клира и народа, своевольно двумя лицами (именно Терлецкимъ и Поцѣмъ (разумѣется, при содѣйствїи іезуитовъ), немѣвшими на это никакого права.

Послѣ сего очевидна уже, сама собою, несправедливость обвиненїа унїатами Гедеона въ соучастїи его въ замыслахъ объ унїи и въ согласїи его на принятїе ея.

И такъ клевета унїатовъ на Гедеона въ склонности его къ унїи и участїи его въ замыслахъ о ней не имѣеть никакого основанїа ни въ дѣйствїяхъ, ни въ отношенїяхъ его къ патріарху константинопольскому, къ братству львовскому и главному митрополиту унїи—Терлецеому, равно какъ и соумышленнику его Поцѣ. Напротивъ, изъ всего видно, что Гедеонъ былъ совершенно чуждъ мысли объ унїи и немогъ раздѣлять, и дѣйствительно не раздѣлялъ ея, съ Терлецкимъ и Поцѣмъ, которые не имѣли къ нему никакого дружескаго отношенїа, и которые со всею тщательнїемъ старались скрывать свои тайные замыслы даже и тогда, когда они болѣе или менѣе извѣстны были западно-русскому православному духовенству и народу. Поэтому, ни львовское братство, спорившее съ Гедеономъ около 16 лѣтъ, и о всѣхъ дѣйствїяхъ его доносившее патріарху константинопольскому, ни другой кто либо изъ современныхъ писателей (исключая львовскаго священника и писателя Густынской Лѣтописи, которыхъ свидѣтельства, по своей неопредѣленности и неясности, не имѣють болѣе

написано: «дана въ панствѣ господара нашего въ коронѣ польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ»), показывая, что сіе такъ вѣрно и истинно, чтобы однимъ и тѣмъ же людямъ, вдругъ, въ одно время, на разныхъ мѣстахъ, въ Польшѣ и Литвѣ, быть. Въ самомъ же дѣлѣ, чтобъ показать правду, сами они на вѣрющей будто имъ данной, обманъ сей дѣлая, и сами себѣ вѣрять приказывая, чужїя руки подписали. Таковой обманъ, какъ бы оной не былъ скриваемъ, не утаится, какъ шло въ мѣшкѣ, но всегда обнаруживается.» (Апокр. ч. I, отд. 7, стр. 49, на обор. также: часть II, отд. 4, стр. 95, на обор. и 96; снес. Hist. Eccl. Slav. Eccl. Andr. Wergerscii, стр. 466).

ного змислені) (1), не обвиняють его въ склонности къ уніи і соучастіи въ замыслахъ о ней (2). Современный писатель Амвросіа (напечатаннаго въ 1567 г.) въ двухъ мѣстахъ доказываетъ (3), что какъ Гедеоу, епископъ львовскій, такъ і Михаилъ перемышльскій, не имѣли никакого участія въ замыслахъ Терлецкаго и Поцѣя и никогда не соглашались съ ними за подчиненіе западно-русской православной церкви римскому престолю. Самъ Гедеоу засвидѣтельствовалъ свою неизмѣнную преданность православію присягою. Вотъ что писалъ объ этомъ Михаилъ Рагоза къ Константину Острогскому въ 1595 году, въ картѣ мѣсяцѣ: „какъ прежде, такъ и нынѣ въ сходственность цювольнаго нашего совѣтованія, когда я старался обнаружить тотъ скрытый обманъ, весьма встати случилось, что я теперь въ случюу монастырѣ засталъ преосвященнаго епископа львовскаго, отъ котораго надѣюсь не встанеть тотъ вредный церкви нашей вочной и всему православному народу пожаръ. Ибо онъ, какъ таковомъ другихъ епископовъ предпріятіи несвѣдомъ, такъ лишь ихъ умысламъ весьма противенъ и въ томъ на евангеліи далъ клятву, что какъ о томъ не знаетъ, такъ и сообщаться съ

(1) Оба они передаютъ свои свидѣтельства объ участіи Гедеоу въ замыслахъ Терлецкаго, безъ означенія времени, когда совершалось это, а послѣдній не опредѣляетъ и мѣста взаимнаго согласія на унію этихъ епископовъ,—слѣдовательно передаютъ по наслышкѣ, а не по собственному непосредственному убѣжденію въ истинности передаваемого свидѣтельства.

(2) Зубрицкій, въ своей лѣтописи львовскаго братства, приписывая Гедеоу склонность къ уніи (стр. 18), двукратную измѣну православію и намѣреніе перейти въ папство (стр. 66) и наконецъ колебаніе въ избраніи стороны православныхъ, или уніатовъ (стр. 75) противорѣчитъ собственному отзыву о Гедеоу, высказанному имъ въ другомъ сочиненіи своемъ—«Начало уніи», гдѣ онъ представляетъ его «приверженцемъ своей вѣры, непреклоннымъ на убѣжденія, непоколебимымъ въ старомъ, т. е., православномъ исповѣданіи» (см. Нач. уніи въ чтен. им. общ. ист. древн., 1848 г. № 7, стр. 24 и 28, примѣч. 64),—черты, справедливо приписываемыя Гедеоу и совершенно исключаютія всякую нерѣшительность, колебаніе и переизмѣчивость образа мыслей и желаній.

(3) Именно тамъ, гдѣ касается соборнаго посланія митрополита кievскаго Михаила Рагозы и западно-русскихъ епископовъ къ папѣ Клименту VIII, о готовности ихъ съ папствами своими вступить въ союзъ съ римскою церковію и проч., (см. Апокр. ч. I, отд. 7, стр. 49, часть II, отд. 4, стр. 95 и 96).

нини не жалость, и обещался, вслѣдствіе о семъ развѣдывавъ въ королевствѣ, не токмо меня о всемъ увѣдомлять, такъ и къ вашему сіятельству о чемъ непослышнѣе извѣщать“ (*). Но главнымъ образомъ чистота вѣры Гедсона и преданность его православію выразились въ неуспѣшной и многотрудной дѣятельности его въ пользу церкви православной, съ каковою дѣятельностію наши читатели знакомы уже (или могутъ познаться) изъ прежней статьи, для которой настоящимъ служить дополненіемъ.

А—скій.

СУПРАСЛЬСКИЙ БЛАГОВѢЩЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Супрасльскій Благовѣщенскій православный монастырь находится въ литовской епархіи, на берегу рѣки Супрасли, Гродненской губерніи, Бѣлостовскаго уѣзда (**).

Исторія основанія, устройства и управленія супрасльскаго монастыря рѣзко отличается по двумъ періодамъ: 1) отъ основанія монастыря до вовлеченія его въ унию; 2) отъ принятія монастыремъ унии до возвращенія въ нѣдра православной церкви, — то и другое время исторіи управленія и жизни монастыря имѣеть свои

(*) Апокр. ч. 1. отд. 2, стр. 17.

(**) До 1834 года здѣсь, кромѣ монастыря, одного заѣздаго дома и небольшой мельницы, не было никакихъ жилыхъ строеній, но съ этого года, дворянинъ Захертъ, съ неутомимымъ стараніемъ, въ продолженіи 15 лѣтъ, на мѣстѣ покрытомъ дремучимъ лѣсомъ, выстроилъ мѣстечко съ красивыми каменными и деревянными (крытыми черепицею) домами, окружающими красивую площадь, съ построеннымъ на ней каменнымъ гостиннымъ дворомъ. Всѣхъ домовъ было 400, въ томъ числѣ 36 каменныхъ, одинъ еврейскій молитвенный домъ, а для послѣдователей р. католическаго исповѣданія, не давно построенъ каменный костелъ. Кромѣ обширной суконной фабрики, помѣщенной въ главномъ монастырскомъ корпусѣ и въ нѣсколькихъ каменныхъ и деревянныхъ новыхъ пристройкахъ по р. Супрасли, г. Захерту принадлежитъ 300 домовъ. Населеніе мѣстечка, включая въ то число и черноработныхъ на фабрикахъ, составляетъ 3,450 душъ обою пола, 1,398 мужскаго и 2,052 женскаго. Въ общемъ числѣ считается 1,327 православныхъ, 2,086 р. католиковъ, 790 лютеранъ, 227 евреевъ, иностранныхъ поселенцевъ полагаютъ свыше 400 семействъ, составляющихъ до 1,050 душъ. Большинство поселенія занято весьма дѣятельнымъ приготовленіемъ шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій на фабрикахъ. Въ 1833 году устроена первая суконная фабрика г. Захертомъ; спустя 24 года (въ 1857 годѣ) было уже шесть суконныхъ фабрикъ.

особенности, любознательныя и поучительныя во многихъ отноше-
ніяхъ.

I.

Первый періодъ исторіи монастыря—отъ основанія его до принятія уніи.

По устному и записанному въ памятникахъ преданію, новорудскій воевода, великій маршалъ великаго княжества Литовскаго, Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, исповѣдывавшій православію вѣру, вызвалъ монашествующихъ съ Аeonской горы, въ ка-
ествѣ духовниковъ и богомольцевъ своихъ, и первоначально по-
милъ ихъ въ лѣсахъ своего имѣнія—Гродекъ (нынѣ мѣстечко),
аходящагося въ 35-ти верстахъ отъ Бѣлостока, на покотостяхъ
серега рѣки Супрасли, недалеко отъ ея истоковъ. Монашествую-
щіе вели здѣсь жизнь пустынную, жили отдѣльно другъ отъ
друга, по лѣсу, и только на молитву собирались въ малый храмъ
святаго Іоанна Богослова. Поселеніе ихъ въ Гродекъ относится
къ концу XV столѣтія. Но они не могли тамъ оставаться и жить
долгое время. Около 1497 года Ходкевичъ построилъ въ Гродекъ
укрѣпленный замокъ, по желанію и просьбѣ игумена Пафнутія,
и жителя своего и слугъ своихъ (*), и, можетъ быть, для
защиты монастыря и княжескихъ богатствъ отъ случай-
ной войны, происходившей тогда между литовскимъ великимъ
княземъ Александромъ и московскимъ великимъ княземъ Іоанномъ
Калитвичемъ (**). Съ построеніемъ укрѣпленнаго замка въ Грод-
екъ и съ переселеніемъ туда Ходкевича со всѣмъ дворомъ и слу-
гами, прежде бывшее уединенное мѣсто сдѣлалось шумнымъ и
неудобнымъ для пустынной жизни. Неудобство затворнической
жизни среди пышной мірской обстановки сознавали братія мона-
стыря. Въ слѣдствіе этого нѣкоторые монахи ушли изъ Гродка
въ киево-печерскую лавру (***) . Это видѣлъ и смоленскій епи-
скопъ Іосифъ Солтанъ, нареченный тогда митрополитомъ киевскимъ
и всей Руси; и потому вмѣстѣ съ братією монастыря просилъ
князя перенести монастырь на другое, уединенное мѣсто. Такъ

(*) Въ подлинникѣ документа: „на жаданье Игумена Пафнотія, себѣ и слу-
гамъ своимъ къ сховаью.“

(**) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Т. I. 1846, стр. 182.

(***) *Translatio de monast.* (Архивъ монаст.)

въ „записи“ своего имѣнія на монастырь говорить объ этомъ самъ Ходкевичъ (*): „въ моей отчизнѣ, въ лѣсной чащѣ, на берегу рѣчки Супрасли, я было—соорудилъ общій монастырь, и потомъ, по просьбѣ игумена Пафнутія, для жительства своего и своихъ слугъ, я выстроилъ въ этомъ монастырѣ нашъ замокъ. Тогда сказаль мнѣ господинъ отецъ нашъ митрополитъ кievскій и всей Руси, покойный Юсифъ, по прозванію Солтанъ, и при немъ всѣ старцы, что, ради мірскаго безпокойства, трудно имъ сохранять общежителство монастыря, и просили меня, чтобы, для переселенія оттуда, я далъ имъ мѣсто въ нашей же лѣсной пуцѣ вниз по этой же рѣкѣ Супрасли берегъ „Грудъ сухой,“ между двумя малыми рѣчками, Березовкою и Грабовкою. Посовѣтовавшись съ господиномъ отцомъ, его милостію митрополитомъ, по его благословенію, мы дали это мѣсто для переселенія этого монастыря, и позволили изъ этой нашей пуцы брать матеріалы для строенія, дрова и все, что нужно.“ Впрочемъ это мѣсто для новаго монастыря, какъ говоритъ тоже преданіе, совпадало съ желаніемъ и самихъ монашествующихъ. Помолвившись соборнѣ, чтобы самъ Господь указаль имъ мѣсто для новой обители, они пустились вилавъ по рѣкѣ Супрасли крестъ съ частицею животворящаго древа Креста Господня, принесенною съ Аѳона, и поручили двумъ іеромонахамъ слѣдить за плывшемъ по рѣкѣ сватынею, а сами продолжали молиться въ храмѣ, пока не дано имъ знать, что крестъ остановился въ Блудовскомъ лѣсу, въ „Сухомъ Грудѣ,“ въ мѣстѣ впаденія въ рѣку Супрасль рѣчекъ Березовки и Грабовки. Это мѣсто, отстоящее отъ Бѣлостока въ 16-ти, а отъ первоначальнаго мѣста обители въ 30-ти верстахъ ниже, и есть настоящее мѣсто монастыря (**).

Перенесеніе монастыря изъ Гродка въ Сухій Грудъ началось 1500 г. (при Александрѣ Казимировичѣ, великомъ князѣ литовскомъ). Прежде всего, въ октябрѣ 1500 года, начали строить небольшую теплую церковь во имя святаго Іоанна Богослова. Она окончена была въ 1505 году и 25 мая того-же года освящена митрополитомъ Юсифомъ. Чтобы упрочить существованіе воздвигнутаго монастыря, создатели постановили испросить для него благословеніе у константинопольскаго патріарха. Они обратились къ Александру, литовскому великому князю съ просьбою снестись объ этомъ съ на-

(*) Изъ записи 1533 года 30 декабря Ходкевича монастырю на итинѣ Хвороще и Пуцы.

(**) Матеріалы о Гродн. губерніи. Бобровскаго 1863 года, стр. 1023—1024.

патріархъ. При этомъ они и сами писали къ константинопольскому патріарху, испрашивая у него благословеніе обители и правила жизни монашеской. Тогдашній цареградскій патріархъ, исполняя ихъ просьбу, прислалъ грамоту слѣдующаго содержания (*): „Іоакимъ, Божию милостію архіепископъ цареградскій, юваго Рима и вселенскій патріархъ и проч. Поелику знаменитый юроть польскій и великій князь литовскій въ своемъ посланіи изъяснилъ намъ и нашему смиренію, что маршалокъ его державы, благочестивый, православный и знаменитый господинъ Александръ, знь господина Іоанна, Ходкевичъ, изъ собственныхъ имѣній, на обшественныя издержки, въ своей собственной отчизнѣ и наслѣдствѣ— въ лѣсахъ Блудовскихъ, на берегу рѣки Супрасли, отъ сагаго основанія воздвигъ и выстроилъ знаменитый и пречестный юнастырь, подъ названіемъ пречистой и преблаженной Дѣвы Маріи-Богородицы, и такъ какъ этотъ православный господинъ Александръ въ своемъ письмѣ къ намъ упомянулъ, что онъ выстроилъ ту славнѣйшую церковь большими издержками своей отчизны и позаботился о способахъ къ всегдашнему существованію этой церкви и къ поддержанію бытія живущихъ при ней въ честь и славу Христа, Господа и Бога нашего, и для всегдашняго поминанія родителей и предковъ его, какъ создателя храма; то наше мнреніе, видя съ этой стороны искреннюю и сердечную его любовь къ Богу, явленную въ основаніи и построеніи сей святой кинюни изъ собственныхъ имѣній, сокровищъ и собственными трудами,— благословляемъ создателей господина Александра и епископа смоленскаго Іосифа и труды ихъ. Да будетъ молитва ихъ овершена предъ Богомъ и милость Божія всегда да почіетъ на ихъ въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ. За тѣмъ блявословляемъ ту святую киновію и освящаемъ благодатію Святаго Духа. Насегда ненарушимо устанавливаемъ опредѣленные законы, правила, знь для всѣхъ, теперь въ кинови живущихъ и будущихъ. И оверныхъ— заповѣдуемъ всегда неопустительно воспоминать и благословлять въ молитвахъ создателей господина Александра съ епископомъ. Также заповѣдуемъ живущимъ въ семъ святомъ монастырѣ монашествующимъ братьямъ, чтобы они избирали изъ среды себя, а не откуда нибуде извнѣ, брата, достойнаго игуменства или начальства, который умѣлъ бы пасти духов-

(* Эта грамота звнолѣ сохранилась въ архивѣ монастыря только на латинскомъ языкѣ, а на славянскомъ есть только ея начало.

ныхъ овецъ, защищать церковь Божию, по заповѣдямъ Божиимъ и по принятому уставу сей святой киновіи. Инокѣ въ этомъ монастырѣ пусть не пьютъ подслащеннаго напитка, пива и никакого напитка опьяняющаго. А кто хочетъ пить, пусть довольствуется водою, чтобы чрезъ пьянство не отвлекалъ своего ума отъ предметовъ божественныхъ. Безъ воли игумена и всѣхъ братій, монашествующіе да не исходятъ изъ монастыря. А кто дерзнетъ преступить эти наши заповѣди, тотъ да отлучится, и да будетъ ему анаѣема! Заповѣдуемъ также, чтобы общее жительство ихъ было, какъ можно, чисто, по слову Божию. Ни одинъ также монахъ пусть не беретъ денегъ, ни другой вещи, которая была бы излишняя. Но это все пусть будетъ въ рукахъ и во власти хранителя церковныхъ сокровищъ, котораго назначить игуменъ и изберутъ братья вмѣстѣ съ игуменомъ. И такъ, по Духу Святому, устанавливаемъ уставы и чинъ достойный памяти сей святой киновіи пречистой Богоматери, честнаго ея и святаго Благовѣщенія, на берегу рѣки Супрасли. Для твердости и силы, мы дали это наше писаніе, подписавши его нашего рукою и укрупивши нашею всячею патриаршею печатію. Въ Царѣградѣ, глѣта отъ сотворенія міра 7013 и отъ рождества Христова 1505 года.

1505 г., 11-го маія, смоленскій епископъ Іосифъ подарилъ супрасльскому монастырю свои имѣнія: Тонилецъ (*), Бадюты и Пищево, подаренныя ему польскимъ королемъ Александромъ „за вѣрную его службу, которую онъ оказалъ противъ непріятеля (**). Побужденіемъ къ пожертвованію монастырю имѣній была благочестивая забота святителя о чести и славѣ Божіей и о душевномъ своемъ спасеніи. „Якъ же есть обычай живущимъ въ вѣрѣ христіанскѣй“ говоритъ благочестивый архимонахъ въ своей дарственной записи, „подобаетъ больши всего печаловаться о душевномъ спасеніи... боячися пригоды и упаду смертнаго (боясь нечаянной и случайной смерти), и для того, хотя имѣти память вѣчную по своей души у церкви Божіей Пречистой Благовѣщенія, еже есть у скрай рѣки Супрасли... мое власное имѣніе придалъ и далъ есмь къ церкви Божіей... ко чти (къ чести) и хвалѣ, а имъ служителемъ церковнымъ на поминовеніе вѣчно и непорушно.“ Александру Ходкевичу и его потомкамъ попечительный архивъ

(*) Тонилецъ—нынѣ село съ православнымъ храмомъ.

(**) Когда онъ былъ еще въ свѣтской службѣ, какъ упоминаетъ объ этомъ въ записи самъ святитель.

тырь завѣщаль защищать это имѣніе отъ обидъ и отнятія. А кто захотѣлъ бы обижать или отнять его, на томъ, по словамъ писца, „не будетъ милости Божія и буди на таковыхъ клятва латыхъ отецъ трехъ сотъ и осмидесяти, и разсудится тотъ со шюу на страшномъ судѣ Христовѣ“ (*). Забота создателей и игумена Пафнутія состояла особенно въ томъ, чтобы воздвигнуть великолѣпную каменную церковь. Пресвятой Дѣвы Богородицы, въ память честнаго ея благовѣщенія, съ двумя придѣлами: во имя латыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба и преподобныхъ отецъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Строевые матеріалы заготовлялись еще съ 1505 года. Въ 1509 г. игумень Пафнутій испросилъ у короля польскаго и великаго князя литовскаго Сигизмунда 1-го дозволеніе на построеніе этой церкви. „Билъ намъ чоломъ,“ говорится въ королевской грамотѣ, „Игумень Супрасльскій Пафнутій о томъ, што онъ працюю (трудомъ) своею построилъ монастырь у пуци пана Александра Ходкевича на рѣкѣ на Супрасли, чтобы мы дозволили церковь и монастырь муровати. Ино мы ль ласки нашею на его... (просьбу) дозволили есьмо ему церковь и монастырь муровати (строить каменный) у той пуци пана Александра... Гдѣся будетъ видати (вѣдати) ему годно будовати и на то казали есьмо ему дати шешъ (этотъ) нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ въ Краковѣ, 1509 г. 15 марта (**). Въ слѣдующемъ 1510 г., 13 октября, князь Александръ Ходкевичъ записалъ монастырю на вѣчныя времена свое имѣніе Хворощу (***), По благословенію господина и отца нашего митрополита кievскаго и всея Руси Іосифа, говорится въ записи, и помовивши зъ его милостію для богомоля нашего и памяти душъ зохлыхъ (усопшихъ) родителей монахъ и всего роду нашего, Богу милому къ ти и хвалѣ и мнѣ грѣшному на вѣчную память, хотячи, абы тотъ монастырь общій на нашей отчизнѣ твердо на вѣки стоить нашимъ вспоможенемъ, далъ есьми церкви Божіей, игумену и братіи мой отчизный дворъ и мѣсто Хворощу.“ Ходкевичъ при этомъ подтвердилъ въ своей записи, чтобы «коли Игумень преставится, ино братья тогожъ монастыря сами межн

(*) Изъ архива монаст. „записный листъ“ епископа смоленскаго Іосифа къ церкви Божіей о имѣніи его владычнѣмъ.“

(**) Въ актахъ гродненскихъ, откуда 1779 г. этотъ документъ выписанъ, сказано, что онъ написанъ по-русски на пергаментѣ, во многихъ мѣстахъ истертъ и порванномъ. Его заглавіе такое: „Изъ Сигизмондъ, Божію милостію король польскій, великій... князь руски, княжа пруское, Замоиски ..“

(***) Нынѣ здѣсь православная церковь.

себе мають набрати брата на игуменство, который бы вѣль держати и исправовати podle ихъ принятого уставу, по благословенію и заповѣди господина и отца нашего Іосифа архієпископа, митрополита кіевскаго и всея руси, зъ нашимъ вѣданьемъ. Безъ итія піянаго жити имъ. Меду и пива въ монастырѣ томъ не держати» 1). Въ томъ же 1510 году, 15 октября, митрополитъ Іосифъ и князь Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, совѣщавшись между собою и съ братією «обители», составили «указъ устава общежительнаго монастыря у скраи рѣки Супрасли» 2).

Въ томъ же 1510-мъ году, скончался въ супрасльскомъ монастырѣ первый игумень его *Пафнуцій Свѣтъ* 3), много потрудившійся при перенесеніи и устройствѣ монастыря. Каменная церковь окончена постройкою при игуменѣ Каллиствѣ, и въ 1516-мъ году, 15 октября, освящена архієпископомъ Іоною, бывшимъ нескѣ Іосифа Солтана митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси. Судя по надписи на серебрянномъ напрестольномъ крестѣ, можно полагать, что монастырь освященъ митрополитомъ Іоною, вмѣстѣ съ епископами: Іосифомъ, Вассіаномъ и Александромъ. Монастырь имѣлъ нѣкотораго рода самостоятельность: митрополитъ и фундаторъ были совмѣстными его протекторами и судьями. Когда, по какому-то дѣлу, князь Константинъ Острожскій пожаловался кіевскому митрополиту Іосифу III на супрасльскаго игумена Іону и митрополитъ потребовалъ игумена къ себѣ и запретилъ ему священнослуженіе, тогда Сигизмундъ, король польскій, своею грамотою, отъ 1526 года 16-го октября, индикта 15, поставилъ на видъ митрополиту, что, сообразно опредѣленію прежняго митрополита кіевскаго Іосифа Солтана, онъ долженъ былъ бы спросить, по дѣлу игумена монастыря супрасльскаго, его фундатора Ходкевича, и предписатьъ, чтобы впредь въ духовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ монастыря онъ не дѣлалъ ничего безъ Ходкевича.

Во время долголѣтняго настоятельства благочестиваго и дѣятельнаго архимандрита *Сергія Кимбаря*, монастырь достигъ самаго цвѣтущаго состоянія. Архимандритъ обратилъ вниманіе сперва на то, что вокругъ имѣнія Хвороци, подареннаго монастырю Ходкевичемъ, размножились корчмы, къ соблазну братіи и служителей монастырскихъ. Потому, еще митрополитъ Іосифъ Солтанъ, игу-

1) Въ монаст. арх. «Листъ записный пана Александра Ходкевича ко церкви Божіей на монастырь о Хвороци.»

2) Уставъ этотъ напечатанъ въ 8 кн. Вѣстника за 1855/56 г.

3) Происхожденіе и подробности жизни его неизвѣстны.

ить и братія монастыря просили замѣнить имъ Хворощу другимъ мѣнемъ. Исполняя ихъ просьбу, Александръ Ходкевичъ, въ 1529 году, съ согласія короля Сигизмунда, вмѣсто Хворощи далъ монастырю свои имѣнія: Фастово¹⁾ или Хвосты и Поросль и лѣса округъ монастыря, да на полѣсь и Хворостово, Пужицы и Клевиово съ дворцемъ, находящимся въ Клевиновѣ²⁾.

1533 г., 30 декабря, Ходкевичъ снова подтвердилъ актъ этой имѣнии, «желая,» какъ онъ написалъ, «чтобы этотъ общій монастырь въ его отчизнѣ твердо и непорушно на вѣки стоялъ ку хвалѣ Божой греческаго закону, а ку богомолью господарскому и нашему и для памяти душъ зомлыхъ (отшедшихъ, т. е. покойныхъ) едителей монахъ и всего рода нашего и намъ грѣшнымъ ку вѣчной памяти,» и отдалъ эти имѣнія тогдашнему—«архимандриту Сергію Климбарю и всей братіи и по немъ будущимъ того монастыря греческаго закону»³⁾. Монастырскія имѣнія заключали въ себѣ 400 морозъ съ 1000 душъ, кромѣ пахатной земли, лѣсовъ и сѣнокосовъ, принадлежали монастырю до 1793 г.⁴⁾ Архимандритъ Сергій въ 1532 году учредилъ во всѣхъ монастырскихъ имѣніяхъ духовный удѣл и разныя подати натурою замѣнилъ денежною платою. «За купцу по три гроши узкихъ, а за свадебную (подать) по два гроши узкихъ, а если случится пересуда, то отъ рубля по пяти грошей узкихъ, а отъ меньшаго преступленія по расчету, т. е. отъ 0-ти грошей полгроша узкаго, а если преступленіе случится злодѣйское, убійственное (скота), чародѣйное, пожженное и въ насильственномъ прелюбодѣяннѣ и за ослушаніе, то пѣня назначается, отъ рубля по 10-ти грошей узкихъ, а отъ воны по 6-ти грошей узкихъ. А отъ меньшей вины по тому расчету»⁵⁾. Неменѣе архимандритъ Сергій Климбаръ заботился и о благолѣпнѣ церковномъ. При немъ росписалъ алтарь, подѣланы серебрянныя съ позлотою оклады на четьехъ мѣстныхъ иконы, писанныя на мѣдныхъ доскахъ, также позолочены всѣ церковныя образа, обожженны молніей. При немъ же въ иконостасѣ помѣщены праздничныя иконы, приобрѣтены нѣкоторые колокола и выстроена вновь каменная трапеза, а въ Топилѣ (въ Гонильцѣ) на монастырской землѣ съ позволенія короля Сигизмунда

¹⁾ Нинѣ здѣсь село съ правосл. церковью.

²⁾ См. матеріалы для стат. и геогр. Россіи, Гродненской губ. Бобровскаго 1863 г. стр. 1027-

³⁾ Изъ монастырскаго архива.

⁴⁾ См. описъ монаст. 1829 г. стр. 71, отд. VII § 16.

⁵⁾ Изъ монаст. арх. Фас. 9 № 13-й. Вона литовскихъ грошей составляла тогда 26 злотыхъ и 10 грошей, или около 4-хъ руб. сер.

построена въ 1552 году на рѣкѣ Нервѣ мельница. Митрополитъ кievскій Сильвестръ Бѣлкевичъ, посвященный въ этотъ санъ въ 1556 году, въ слѣдующемъ 1557 году въ октябрѣ посѣтилъ сурпальскій монастырь. Архимандритъ Сергій Кымбаръ испросилъ у него дозволеніе служить литургіи и другія совершать богослуженія въ обществѣ приходящимъ іеромонахамъ и мірскимъ священникамъ. Ему выдана грамота отъ 25 октября тогоже года, въ которой между прочимъ говорится, что митрополитъ сдѣлалъ это по желанію архимандрита и дозволилъ, чтобы «откуль который кольвекъ (какойнибудь) священникъ черный до того святого монастыря придетъ и листъ его милости отцу архимандриту ставленный и отпущенъ своего епископа, албо архіепископа окажется... таковой да священствуетъ и вси sprawy справуетъ въ томъ святомъ монастырѣ по нашему благословленію. А если который священникъ бѣлый, мѣючи жону законну вѣнчальную придетъ до того святого монастыря и листъ ставленный архимандриту окажется, таковой да священствуетъ, а который священникъ жоны не маєт, присягу чинивши предъ отцемъ архимандритомъ ведуть (сообразно) науки наше и тое присяги, якъ мы тую Архимандриту дали, и тѣмъ да литургисають» (1).

Въ слѣдующемъ 1558 году, по желанію того же митрополита Сильвестра и съ дозволенія Сигизмунда, короля польскаго, долженъ былъ состояться въ Вильнѣ соборъ. Епископы, архимандриты и всѣ духовныя власти греческаго закона (т. е. православныя), по указу королевскому, должны были съѣхаться къ дню, назначенному митрополитомъ, именно къ 1-й недѣлѣ великаго поста. Въ числѣ прочихъ долженъ былъ явиться въ Вильну и архимандритъ сурпальскій Сергій Камбаръ. Но опекунъ монастыря Юрій Александровичъ Ходкевичъ донесъ королю, что архимандритъ Сергій, по полученному отъ него увѣдомленію, не можетъ пріѣхать на соборъ какъ по причинѣ глубокой своей старости, такъ и по болѣзни, и вмѣсто себя посылаетъ другаго ученаго монаха. Король далъ званіе объ этомъ митрополиту. О чемъ разсуждали на соборѣ, — неизвѣстно. Изъ королевской грамоты видно только, что соборъ негдѣ былъ «ку постановленію вѣры и закону христіанскаго,» что король желаетъ «абыся на все добре podle слова и приказанія Божьего скончило».

По смерти первыхъ строителей монастыря митрополита Юсифа

(1) Изъ монастырск. архива. Смотри 1 кн. Вѣстника за 1867 г.

Солтана и Александра Ходкевича уставъ данный ими монастырѣмъ, во многомъ не исполнялся, по небрежности и «слабости нынѣшняго вѣка,» какъ выразились потомки Ходкевича. Особенно «многое нестроение учинилося и уставъ, и обычай въ нѣкоторыхъ не выполнялся,» по смерти благочестиваго и трудолюбиваго архимандрита Сергія Кимбара, при настоятельствѣ архимандрита Тихона. Потому сыновья перваго основателя монастыря Григорій и Юрій Александровичи Ходкевичи съѣхались въ супрасльскій монастырь 1568 г. и въ присутствіи архимандрита Тихона и братіи объяснили и подтвердили первоначальный общежительный уставъ монастыря и воспретили всякія отъ него уклоненія. Для предупрежденія злоупотребленій они издали правила, объясняющія первоначальный уставъ монастыря.

Въ 1588 г. прибылъ въ Россію константинопольскій патриархъ Іеремія II-й, и, будучи въ Вильнѣ въ 1589 году, по данному ему королемъ Сигизмундомъ разрѣшенію, между прочими дѣйствіями ко благу православной церкви, произвелъ судъ надъ супрасльскимъ архимандритомъ Тимошеемъ, по прозванію, Злобою, по обвиненіямъ въ убійствѣ и въ другихъ преступленіяхъ. Лишивъ Злобу сана, на его мѣсто онъ возвелъ въ архимандрита іеромонаха Иларіона Масальскаго, изъ рода князей Масальскихъ (1), и подарилъ ему, по преданію, драгоценную митру, которая и теперь хранится въ монастырѣ. Архимандритъ Иларіонъ замѣчательнъ стойкостью въ православіи, въ эпоху введенія уніи въ Литвѣ. Онъ былъ твердъ въ православіи и не подчинялся митрополиту Ипатію Поцѣю. Тогда много возбуждали ревность къ православной вѣрѣ посланія Мелетія, патриарха александрійскаго, къ Константину Острожскому и къ инымъ православнымъ христіанамъ. «Братіе, писалъ онъ 1594 г., будьте, абы кто васъ не прельстилъ философією и тщетною вѣстію; держите отеческая преданія непревратно, ни въ чемъ не отступая Богоносныхъ Отецъ.»—«О, благочестивый княже,» писалъ онъ 1596 г., «и православніи панове и господіе боголюбивіи священники съ христоименитымъ народомъ! Ваши суть почести и вѣны, якоже Господь рече: мзда многа на небеси. Зане же истинною вѣрою оградившеся, и еже къ Богу теплою, спасительною любовію въ отеческихъ догматъ и степеней ниже мало къ отступленію зволити восхотѣсте. Ниже отступайте, пощади Христе Царю!»

(1) Акты относ. къ Зап. Рос. Т. 4-й 1851 г., стр. 20, 222, № 149; Опис. Соф. об. 1825 г. стр. 123.

Такия и подобныя письма князь Острожскій, начатавни въ Острогѣ 1598 г., разсылаѣ вездѣ, и такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, достались онѣ и въ супрасльскій монастырь (1). Иларіонъ Масальскій рѣшился на смѣлое дѣло. 1601 г. онъ вмѣстѣ съ братією, соборно огласилъ Иларію Поцѣя недостойнымъ и лишениымъ епископскаго сана и запретилъ братіи монастыря повиноваться самозванцу. Митрополитъ Ипатій Поцѣй вошелъ на него съ жалобою къ Сигизмунду III. Король издалъ окружную грамоту 1601 года 19 генваря, въ которой, упомянувши о поступкѣ архимандрита, заключаетъ: «Мы, не терпячи въ панствахъ нашихъ такового своевольства... прерочоного (вышереченнаго) Ларіона Масальскаго, яко бунтовщика старшому *преложному* (верховному) пастыру, и зверхности (верховой власти) нашей господарской противной, — во всихъ земель и панствъ нашихъ выволать (изгнать) есмы велѣли и симъ листомъ выволанцомъ (изгнанникомъ) его чинимъ» (2) — Ревностный хранитель православной вѣры былъ лишенъ настоятельства, и въ 1607 г. 8 августа, съ письменнымъ ходатайствомъ подскарбія великаго княжества литовскаго Ходкевича, потомка Александра Ходкевича, послалъ къ митрополиту Ипатію Поцѣю и отъ себя письмо, въ которомъ просить, чтобы Поцѣй ходатайствовалъ у короля объ отиѣнѣ сего повелѣнія, и чтобы далъ ему какое-нибудь назначеніе. Но въ письмѣ не упоминается о перемѣнѣ вѣры. Письмо подписано только съ титуломъ архимандрита, безъ слова супрасльскій. Позволено ли жить ему въ монастырѣ послѣ того и управлялъ ли онъ имъ — не извѣстно. Въ 1604 году изгнанъ изъ Свято-Троицкаго виленскаго монастыря архимандритъ Самуилъ Сѣвичило или Сѣчило и поселился въ супрасльскомъ монастырѣ. Вскорѣ за виленскимъ и супрасльскімъ монастыремъ насиліемъ подчиненъ униатскому митрополиту Ипатію Поцѣю и вмѣстѣ съ тѣмъ обращенъ въ унию. Въ 1614 г., супрасльскій монастырь несомнѣнно уже былъ униатскимъ, потому что братія монастыря переписавши катихизисъ униата, пинскаго протоіерея Петра Архидія, прибавила къ нему въ этомъ году отъ себя предисловіе: «Шлихетнымъ и честнымъ отцомъ и господиномъ священникомъ и крестошаномъ и всимъ православнымъ причетникомъ церковнымъ». Это предисловіе начинается такъ: «Сума (сущность) науки христіанское, которая прошлыхъ часовъ, за розказанемъ въ Божѣ велебѣи»

(1) Одинъ экземпляръ хранится въ библиотекѣ супрасльскаго монастыря.

(2) Акты, отн. къ ист. Зап. Россіи, Т. 4-й 1851 года, стр. 242, № 156.

ю его милости отца Ипатія Потѣя, митрополита кievскаго... Петръ Архудій грекъ, протопопа пинскій написавши «ея въ монастырь шленскомъ оставилъ.» Послѣ предисловія подписались: «Священноиноцы супрасльскаго монастыря.» Въ концѣ катихизиса есть исповѣданіе вѣры Самуила Сѣнчила, написанное и подписанное имъ собственною рукою. По своей особенноти оно стоитъ того, чтобы привести изъ него въ переводѣ на современный языкъ, нѣкоторыя выраженія. Оно начинается такъ: Я Самуилъ Сѣнчило, недостойный іеромонахъ (онъ былъ лишентъ архимандритства) супрасльскаго монастыря, будучи здоровъ, своею собственною рукою и при овершенномъ зрѣніи, добровольно и безъ всякаго принужденія или людскаго наущенія, принимая во вниманіе бывшіе наши спомы и реляцію, непристойно и непохвально изданную печатно въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ, признаю и исповѣдаю всѣ догматы, которые заключаются въ символѣ, то есть, вѣрую и проч... (весь символъ вѣры съ прибавленіемъ: и отъ сына). Также вѣрую и принимаю и признаю все то, что постановилъ и объяснилъ святой селенскій флорентійскій соборъ, то есть, что Духъ Святой вѣчно сходитъ отъ Отца и Сына... Вѣрую и признаю святую соборную, апостольскую, римскую церковь матерію и учительницею всѣхъ церквей, и обещаю истинное послушаніе римскому епископу, наместнику Господа нашего Иисуса Христа (1)...» Такъ то отъ гнева и гоненій поколебался въ твердости исповѣданія православной вѣры тотъ, кто прежде былъ ея ревнителемъ! Волею или неволею и онъ присталъ къ униі. Исполнилась ли однако надежда супрасльскихъ монаховъ, что въ униі послѣдуютъ лучшіе порядки въ церкви? Это докажетъ состояніе супрасльскаго монастыря во ремя униі.

(Продолженіе впрѣдъ).

(1) Эта книга находится въ библиотекѣ супрасльскаго монастыря.

III.

НЕУДАЧНОЕ и ОБИДНОЕ qui pro quo.

Въ одной изъ виленскихъ корреспонденцій, подписанной истиннымъ, или точѣе неизвѣстнымъ X., между прочимъ, сказано: отъ назначенія новаго генераль-губернатора (графа Баранова) можетъ оказаться не въ авантажѣ лишь кружокъ виленскихъ клериковъ (sic!), о чемъ ни вы, ни я не будемъ сожалѣть.“

Въ нашей прессѣ нѣсколько уже разъ встрѣчались слова: клерикалъ, клерикальный,“ въ разныхъ видахъ и комбинаціяхъ. Мы уже нѣсколько разъ сказали и доказали, что слова эти рѣшительно неумѣстны въ нашей прессѣ,—въ примѣненіи къ нашему духовенству, что въ нихъ заключается или отсутствіе всякой дед, или клевета на православное духовенство и самое православіе. Тѣ, кого касались наши замѣчанія, или забыли, или не дали ихъ, или, съ упорствомъ *стригущей* женщины (1), головно отрицаютъ одну изъ очевидныхъ истинъ. Первымъ мы должны припомнить старое, въ болѣе развитомъ видѣ, вторымъ сказать то, что для нихъ было незнакомо, а послѣднихъ просимъ повергнуть нашу аргументацію, иначе за ними по праву остаются названія упрямыхъ невѣждъ, или клеветниковъ.

Подъ именемъ клерикаловъ нужно разумѣть людей съ индивидуальными политико-религіозными стремленіями и дѣйствіями. Клерикальная партія есть партія всегда реакціонная, сепаративная, революціонная, оппозиціонная. Цѣли этой партіи, никогда не бывають чисто-религіозными; религія только изрѣдка служитъ

(1) Терминъ заимствованъ изъ малорусскаго анекдота. Мужъ оворилъ—брито, жена твердила—стрижено. Сколько мужъ ни резонировалъ жену, сколько ни бранилъ ее, ни билъ, она то—и дѣло твердила: стрижено. Выведенный изъ терпѣнія, мужъ бросилъ пряжку въ рѣку. Тонувшая жена выставила правую руку изъ оды и двумя пальцами подражала движенію стригущихъ ножницъ о тѣхъ поръ, пока не захлебнулась водою.

предлогомъ, прикровомъ тенденцій политическихъ. Не распространіе, уясненіе и утверженіе христіанской истины и нравственности, не спасеніе. человѣка управляетъ дѣйствіями клерикальной партіи, а жажда мірскихъ приобрѣтеній, политическаго преобладанія, заправленія текущими дѣлами націи, вліянія на администрацію и тому подобныя затѣи. Средства, употребляемыя клерикальной партіей для достиженія этихъ цѣлей, также смѣшанны, мутны, или просто нечисты, какъ и цѣли. Насиліе, интрига, обманъ, лесть, подкупъ, измѣна и проч. составляютъ обычные приемы при осуществленіи намѣреній той партіи, для которой всѣ средства подходящи, коль скоро онѣ ведутъ къ цѣли.

Изъ этого краткаго абриса фізіономіи клерикальной партіи видно, что она можетъ организоваться только изъ среды папистовъ: клерикальная партія и ультрамонтанская—синонимы. Такая партія возможна только тамъ, гдѣ есть ея организаторъ и агитаторъ, гдѣ есть лице, облеченное видимою, хотя-бы то и самозванною, верховною властію, служащее рычагомъ и щитомъ партіи. Такое лице есть римскій первосвященникъ, въ теченіи десяти вѣковъ заявляющій притязанія на власть надъ народами и государствами, волнующій міръ своими завоевательными агитаціями, разсѣявшій по всему земному шару миллионы своихъ ратоборцевъ подъ его командою, воюющихъ за мнимыя права свои и своего повелителя, посѣвающихъ смуты, раздоры, междоусобія, революціи, и составляющихъ огромную корпорацію, извѣстную подъ именемъ клерикальной партіи.... Вникните поглубже въ смысл и тайны пружины событій, волновавшихъ міръ въ теченіи тысячелѣтія, и вы увидите, что римскій главнокомандующій и его армія принимали не малое участіе въ ихъ иниціативѣ, развитіи и эгоистическомъ направленіи. Нѣтъ націи, нѣтъ моменты историческаго, когда бы клерикальная партія—такъ или иначе—не боролась съ текущимъ ходомъ событій, съ нормальными отношеніями народа къ власти, націи къ націи, свѣтской власти къ духовной,—когдабы она не усиливалась создать государства въ государствахъ, поглотить всяческую власть властью своего ватиканскаго повелителя. Дѣйствуя для обоюдной пользы, сознавая обоюдное безсиліе безъ взаимно-дѣйствія, римскій вождь и его воины отличаются безпримѣрною въ мірѣ солидарностью мыслей и намѣреній, симпатій и антипатій, дѣйствія и бездѣйствія. Они знаютъ, что только при строгости дисциплины могутъ дѣлать завое-

анія, отражать нападенія, защищать ту цитадель, въ которую только Лютеръ могъ пробить брешь, и доселѣ незадѣланную.

Отсюда видно, что православное духовенство, ни въ какомъ смыслѣ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть названо партией не только клерикальной, но и партией вообще. Что такое равславный священникъ? Служитель Христовъ, представитель евангiи, учитель народа, совершитель таинствъ, и только. Далѣе духовной миссиі—дѣятельность его не простирается: отъ политическихъ реакцій, отъ интригъ административныхъ, отъ всего, что мѣтитъ печать партіи,—онъ удаленъ на неизмѣримое разстояніе. Русское православное духовенство есть сословіе самое консервативное, благонамѣренное, мирное. Оно преслѣдуетъ только духовные интересы своей паствы и стороннимъ лишь образомъ пользы ея матеріальскія и бытовныя; оно пользуется только нравственными средствами къ достиженію цѣлей своей миссиі: учить, просить, наставлять, запрещаетъ, утѣшаетъ; ни явно, ни тайно оно не агитируетъ противъ властей предрержащихъ, существующихъ постановленій и учреждений,—а напротивъ, съ самоотверженіемъ, доходящимъ нерѣдко до исповѣдничества и мученичества, борется со всякимъ напоромъ отрицательныхъ теорій, отстаиваетъ начала „здравыя, охранительныя, добронадежныя,“ внушаетъ уваженіе къ долгу и присягѣ, повиновеніе властямъ, законамъ божескимъ и человѣческимъ; оно никогда не дѣйствовало особнякомъ, путемъ интриги и секретнаго внушенія противъ законнаго *statu quo*, никогда не сквернило, подобно „клерикальной партіи,“ своихъ рукъ агитаторствомъ въ физическія насилія и революціонныя разрушенія. Раскройте исторію, и вы увидите, что православное духовенство едва было замѣтно въ эпохи мира и благоденствія Россіи, тихо и мирно проходило служеніе своего званія, и что оно являлось доблестнымъ сподвижникомъ правительства и народа въ годину лишь смутъ, всеобщей бѣды и вражескихъ нашествій. Даже тогда, когда патріархи стояли рядомъ съ князьями и царями и въ совѣтъ, и въ указахъ, первые удостоивались этой чести только по великодушію послѣднихъ, по искреннему уваженію къ народу къ высшей власти духовной, а не по личному извѣстельству и честолюбію представителей религіи. Самъ Никонъ былъ скорѣе исповѣдникъ истины, жертва зависти, чѣмъ агитаторъ политическій: съ слезою на глазахъ подписалъ добрый царь мученіе друга-святителя.

Изъ сказаннаго до наглядности очевидно, что русское православное духовенство есть званіе, сословіе,—но не партія; что усвоеніе ему названія „клерикальной партіи“ болѣе чѣмъ неосновательно и злонамѣренно; что идти впередрѣзъ убѣжденій и дѣятельности православнаго духовенства, значить уклоняться на грустную, темную и тернистую тропинку нигилизма политическаго и религіознаго,—значить дѣйствовать во вредъ началамъ, проповѣдуемымъ этимъ духовенствомъ и освященнымъ незабвеннымъ манифестомъ 13 мая 1866 года, — значить воздвигнуть гоненіе на православіе, а потому и на русскую народность. Особенно важно значеніе и неизмѣнность практики православнаго духовенства западной Россіи. Въ этой части Россіи одно духовенство спасло отъ исчезновенія и православіе и народность русскую,—оно одно устояло и противъ звѣрства пытокъ, и противъ соблазна прианокъ и оболщеній,—въ средѣ его не мало нашлось мучениковъ, кровью своею запечатлѣвшихъ „крѣпкую какъ смерть любовь“ свою къ Россіи и православію. Такое духовенство нужно не стѣснять, а протезировать, нужно защитить отъ интриги противъ него и враговъ, и лжебратій, отъ гнетущей его бѣдности и униженія, нужно поднять его гражданское значеніе и расширить его вліяніе на дѣла окружающей его среды. Отъ чего приходи и націи протестанскія отличаются такого семейностью и дружелюбіемъ отношеній одною сословія къ другому, такую стройностью теченія дѣлъ общинныхъ, такимъ довольствомъ, покоемъ и счастьемъ притока, такую ничтожною цифрою преступленій, какъ не отъ того, что пасторъ есть не требоисправитель только, но и учитель народный, судья, глава общества, совѣтникъ и руководитель во всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ?

„ДЕВЯТЬ ГУБЕРНІЙ ЗАПАДНО-РУССКАГО КРАЯ“.

*Н. Столянскаго, изд. Дерикера, съ картою девяти губерній.
Цѣна 1 р. 25 к.*

Подъ этимъ заглавіемъ недавно вышло описаніе обширнаго пространства Россійской Имперіи „въ топографическомъ, геоно-

жическомъ, статистическомъ, экономическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ“.

Хотя „Русскій Инвалидъ“ въ одноѣ изъ своихъ обзорѣннѣхъ высказалъ справедливое заключеніе объ этой новой книгѣ; но мы вѣшлись вновь подвергнуть ее подробному разбору, такъ какъ выпланный нами громкій титулъ на ея оберткѣ не только не соотвѣтствуетъ своему назначенію, ни по плану составителя, ни по одержанію, но придуманъ, должно быть, съ какою-либо особою цѣлю, — вѣроятно, съ тою, чтобы пустить въ ходъ сочиненіе, въ сущности представляющее одну сухую номенклатуру географическихъ названій, искаженіе нѣкоторыхъ фактовъ и сборникъ цифръ, не только не осмысленныхъ статистическими выводами, но и невѣрныхъ, разрозненныхъ, неправильно сгруппированныхъ и не только бесполезныхъ для науки, но и не пригодныхъ для справокъ. Въ началѣ авторъ дѣлаетъ общій, крайне сжатый и безжизненный обзоръ всего Западнаго края. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе каждой губерніи отдѣльно. Въ каждой губерніи отдѣльно описываются границы, географическое положеніе, пространство, физическія свойства поверхности, горы, воды, климатъ, естественныя произведенія, заселеніе края и описаніе уѣздовъ. Такой неудобный планъ привелъ автора къ необходимости повторять нѣсколько разъ одно и то же, причемъ частныя описанія противурѣчатъ общему, тратится множество строкъ на описаніе границъ, которыя несравненно нагляднѣе можно видѣть на приложенной картѣ. Да и какую практическую пользу можетъ имѣть перечисленіе названія уѣздовъ, прилегающихъ, положимъ, къ сѣверной границѣ Минской губерніи. Гораздо проще было бы обозначить краскою на картѣ очертаніе всѣхъ уѣздовъ; или, на примѣръ, къ чему это протяженіе губернской границы въ верстахъ? Какое приложеніе можетъ имѣть перечисленіе фабрикъ и заводовъ, взятыхъ цѣликомъ изъ отчетовъ, съ невѣрнымъ означеніемъ числа рабочихъ, съ ошибочнымъ опредѣленіемъ цѣнности издѣлій? — Въ каждой губерніи и въ каждомъ уѣздѣ повторяется: „Главное занятіе жителей земледѣліе, избытокъ хлѣба идетъ въ продажу, или на винокуреніе“. Сказавъ это о Гродненской губерніи, авторъ черезъ нѣсколько строкъ говоритъ (1): „Гродненская губернія принадлежить къ мануфактурнымъ губерніямъ“ (?)

(1) См. Стр. 52.

Но что всего болѣе насъ поражаетъ, — это племенной составъ, изобрѣтенный г. Столпянскимъ для западныхъ областей Россіи. У него въ Виленской губерніи явились *Кривичи*; въ Гродненской *Ятвяги*; въ Волынской — *Думбы*, *Поляне*, *Дресалне*, *Хорваты*, *Литовцы*, *Жмудь*, *Латыши*; въ Подольской прибавлены еще *Тиверцы* и *Уличи*. Недовольствуясь этими археологическими открытіями, г. Столпянскій, со словъ Лебедкина, насчитываетъ десятки тысячъ литовцевъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ и находитъ ихъ чуть-ли не во всемъ югозападномъ краѣ. Въ одной Гродненской губерніи, обязательный авторъ насчитываетъ до 150,000 великоруссовъ, между тѣмъ какъ такого числа великоруссовъ въ дѣйствительности нѣтъ на весь пространствѣ сѣверо-западнаго края (1). Еще большія несообразности выходятъ у него въ исчисленіи племеннаго состава по уѣздамъ. Трудно себѣ составить понятіе, о какой странѣ въ Россіи ведетъ рѣчь этнографія г. Столпянскаго. Такое заблужденіе могло бы быть еще извинительнымъ, если бы онъ не зналъ о существованіи болѣе новыхъ и вѣрныхъ источниковъ. Но онъ знаетъ объ изданіи атласовъ Эркерта и Батюшкова (или Риттиха), и хотя самъ сознается, что „существованіе этихъ племенъ (Кривичи, Поляне и проч.) съ ихъ характеристическими чертами, свойственными имъ только, едва ли возможно“ (2), однако вводитъ въ свое описаніе цифры, неимѣющія никакого сходства съ дѣйствительно существующимъ племеннымъ составомъ западныхъ областей Россіи. Свѣдѣнія о населеніи, говоритъ авторъ въ предисловіи, взяты изъ таблицъ центральнаго статистическаго комитета за 1864 годъ, а племенной составъ населенія показанъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Лебедкинымъ, для котораго матеріаломъ служили приходскія списки 1857 года. Потомъ, отвергнувъ точность этихъ цифръ (стр. X). ниже, въ описаніи уѣздовъ, авторъ дѣлаетъ подробное перечисленіе несуществующихъ ятвяговъ, кривичей, тиверцевъ и т. п. и указываетъ на огромную массу литовцевъ и великоруссовъ тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало. Что же это въ самомъ дѣлѣ? Если нельзя имѣть вѣрныхъ цифръ во

(1) Конечно, господинъ Столпянскій не считаетъ войскъ: по если бы къ коренному населенію страны онъ рѣшился причислить этотъ подвижной элементъ, то и тогда во всей Гродненской губерніи не набралось бы великоруссовъ болѣе 30-ти тысячъ.

(2) Общее обзорѣніе, въ примѣчаніи, сей Стр. X.

гъздавъ, — то къ чему же навязывать этнографіи ложныя цифры? И это дѣлается въ 1866 году, когда обществу извѣстны этнографическіе атласы, въ которыхъ наглядно выражено — какой племенной составъ представляетъ каждая изъ 9-ти описываемыхъ губерній!

Мы не можемъ понять издательской цѣли, съ громогласнымъ заголовкомъ на сочиненіи, содержаніе котораго извращаетъ всѣ наши понятія о западной Россіи. Злая ли это насмѣшка надъ общественнымъ мнѣніемъ, или совершенное незнаніе страны, за описаніе которой берется составитель „Десяти губерній Западно-Русскаго края?“ Или это просто памфлетъ, пущенный въ ходъ послѣ гѣхъ изслѣдованій, которыя въ настоящее время сдѣланы въ историческихъ и статистическихъ трудахъ о Западной Россіи. Если бы „Десять Губерній“ вышли гдѣ нибудь въ Западной Европѣ, на иностранномъ языкѣ, мы бы приняли это должнымъ образомъ (обошли бы равнодушнымъ молчаніемъ), зная — съ какимъ невѣжествомъ относятся ко всему русскому иностранные публицисты и благонамѣренные писатели Ламбертова отеля и Панургова стада; но эта книга напечатана порусски и издана въ С.-Петербургѣ!

Намъ говорятъ, что этнографическая часть изданія основана на приходскихъ спискахъ, разработанныхъ г. Лебелкинымъ. Но уже не разъ говорено, какъ прихожанъ западныхъ губерній причисляютъ на приходскихъ спискахъ охотнѣе къ литовскому племени, чѣмъ къ бѣлорусскому или малороссійскому. Подобное заблужденіе дѣлается не съ какою либо злонамѣренною цѣлью, а просто по незнанію — къ какому племени въ приходахъ причислить крестьянъ, говорящихъ ни попольски, ни политовски, а какимъ то особымъ языкомъ, который пресловутый латинизмъ называетъ *хлоскимъ*. Только недавно, въ областяхъ, населенныхъ бѣлоруссами и малоруссами, ученые изслѣдованія, изъ хлама польскихъ историковъ, выкопали названія: Бѣлая Русь, Черная Русь, Полѣсье, Подлѣсье или Подляхія, а мѣстные изслѣдователи подмѣтили въ нихъ сплошное русское населеніе, говорящее бѣлорусскимъ или малорусскимъ нарѣчіями, съ различными мѣстными отбѣнками. Въ нихъ — то, въ этихъ мелочныхъ отличіяхъ языка, нѣкоторые готовы видѣть останки кривичей, дреговичей, древлянъ, тиверцевъ и т. д.?!

Г. Столянскій, потративши не мало труда на сочиненіе весьма важное по цѣли, но крайне неудачное по исполненію, оказалъ бы, безъ сомнѣнія, важную услугу, если бы представилъ общій

систематическій очеркъ всего сдѣланнаго для западной Россіи, хотя бы только въ *географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ*. Но, не выполнивъ и этой задачи, набросавъ массу цифръ безъ всякихъ выводовъ и даже безъ должнаго научнаго метода, какого принято держаться во всѣхъ подобнаго рода изслѣдованіяхъ, онъ бросился въ область *историческую* и на этомъ поприщѣ обнаружилъ окончательную несостоятельность.

Историческая часть его труда носить заголовокъ: „Заселеніе края.“ Любопытный читатель думаетъ найти общій очеркъ историческаго развитія о распространеніи латинства и колонизаціи края, о борьбѣ русскихъ и православныхъ стихій съ польскими и латинскими, о систематическомъ гнетѣ русскихъ народностей и греко-восточной вѣры, о развитіи латино-польскихъ школьнотипографій. Ни чуть не бывало! Въмѣсто систематическаго очерка, для котораго въ настоящее время подготовлено такъ много матеріаловъ, авторъ, слѣдуя своей системѣ сказать особо о каждомъ уголкѣ, набросалъ нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, которые не даютъ ровно никакого понятія. Такъ, въ описаніи Минской губерніи, сказано, что въ концѣ X и XI вѣка въ предѣлахъ Минской губерніи *упоминаются* (?) княжества и города: Туровское и Изяславское, Минскъ, Логожскъ, Пинскъ, Слуцескъ, Новогрудокъ, Влеческъ, Брягинь, Мозырь. (Ст. 73). Да и какія это были княжества, неизвѣстно? По предъидущему можно заключить, что это были княжества славянскія. Но почему же не сказать, что это были княжества русскія, имѣвшія самобытную жизнь и крѣпкую связь съ Кіевомъ. Но подобныя русскія княжества были въ пространствѣ нынѣшней Гродненской и восточной части Вилнесской губерніи, — и это обойдено молчаніемъ. Почему не сказать о послѣдствіяхъ заселенія края татарами, евреями, поляками, нѣмцами и вообще развить всѣ тѣ факты, которые уясняютъ современнѣйшій этнографическій складъ Западно-Русскаго края? Что можетъ выразить, напримѣръ, слѣдующая фраза: „Въ началѣ XIV столѣтія литовскіе князья завладѣли всѣми городами нынѣшней Могилевской губерніи, которые потомъ были *привоединены* къ Польшѣ и окончательно *ононь присоединены* (?) къ Россіи въ 1772 году“ (стр. 116)? Намъ неизвѣстно, когда это города Могилевской губерніи *были ононь присоединены* къ Россіи; какою исторіею рѣшится такъ исказить фактъ возвращенія Бѣлороссіи къ Россіи!

Можно много также найти промаховъ и недомолковъ въ описаніи городовъ и населенныхъ мѣстъ. Но мы и безъ того обременяемъ читателя, указывая на недостатки книги, имѣвшей въ виду ознакомленіе въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ съ страной, благосостояніемъ которой въ настоящую эпоху заняты всѣ умы русскихъ людей и всей русской администраціи. Намъ остается только искренно пожалѣть, что на изданіе книги, лишенной всякаго значенія, потрачено не мало времени, а между тѣмъ какую пользу могъ бы принести трудъ, хорошо направленный, заданный цѣлью представить сжатый статистическій очеркъ Западно-русскаго края. Мы не говоримъ объ исторіи: эта область слишкомъ обширна и важна, чтобы можно было сказать послѣднее слово науки, безъ надлежащаго предварительнаго разслѣдованія историческихъ документовъ, непрерывно вновь издаваемыхъ. Но и то, что добыто наукою изъ архивовъ и что уцѣлѣло отъ злополучныхъ временъ іезуитскихъ коллегій и истребленій, заключаетъ такое изобиліе фактовъ, что мы съ прискорбіемъ должны отвести къ заголовку, такъ невѣрно выражающему въ книгѣ содержаніе историческихъ вопросовъ.

Мы обходимъ *экономическую* сторону сочиненія, полагая, что это слово въ заголовкѣ попало по ошибкѣ, хотя и эта ошибка, или обмолвка, повторена въ предисловіи.

О средствахъ для образованія, о народной нравственности, о многихъ другихъ статистическихъ вопросахъ, въ книгѣ г. Столпянскаго ничего не сказано.

Но авторъ обѣщаетъ познакомить общество не съ одними сѣверо-западными областями, а со всею Россіей. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи,“ собираемые трудами офицеровъ генеральнаго штаба по губерніямъ, составляютъ лучшія монографіи для изученія Россіи; но труды эти далеко еще не окончены, а по своей многосложности не для всѣхъ доступны. Сознавая же необходимость подробныхъ свѣдѣній о Россіи, мы сочли возможнымъ составить описаніе Россіи, по имѣющимся даннымъ, и въ объемѣ доступномъ для всѣхъ, — *издать ее по отдѣламъ*. „Девять губерній Западно-Русскаго края,“ по обстоятельствамъ времени, являютъ въ свѣтъ первыиъ“ (1)

(1) Смотри начало предисловія, къ сочиненію г. Столпянскаго.

Если эти отдѣлы будутъ являться въ подобномъ изложенномъ и неполномъ видѣ, какъ составленная въ объемъ доступнаго первая книга о „Деяти губерніяхъ“, то мы не можемъ не выразить еще прискорбія объ издательской самонадѣянности, рѣшившейся такъ безцеремонно обращаться съ лучшими нашими источниками о Россіи, чтобы только сдѣлать ихъ доступными для публики. Если не будетъ измѣненъ планъ изданія, а источники останутся безъ должной оцѣнки, то едва ли можно ожидать пользы и для издателей, и для всѣхъ тѣхъ, которыхъ необходимость заставить обратиться къ такому безцѣльному и неполному сочиненію о Россіи, въ ея топографическомъ, геогностическомъ, статистическомъ (?), экономическомъ (!), этнографическомъ (!?) и историческомъ (!?) отношеніяхъ.

Не лучше ли было бы сказать въ заголовкѣ просто: „нѣкоторыя географическія замѣтки о „Деяти губерніяхъ западно-русскаго края“. Цѣлая бездна лежитъ между изданіемъ г. Дерябина и изданіемъ географическаго общества, между „Деятю Губерніями“ и „Статистическимъ Временникомъ“. Сколько же будетъ стоить вся Россія, если за девять губерній надобно заплатить 1 р. 25 коп.?

И. Бобровскій,

29 октября.

(Вил. Вѣсти).

ОЧЕРКЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ПРАВОСЛАВІЮ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Изданіе состоящей при кievскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1866 г.

Недавно въ Кіевѣ появилась брошюрка подъ выписаннымъ заглавіемъ, съ предисловіемъ, подписаннымъ председателемъ комиссіи, г. Юзефовичемъ. Она не лишена своего рода интереса, потому что хотя и представляетъ очень мало новыхъ фактовъ, но въ ней въ первый разъ сгруппированы всѣ законодательныя мѣры, которыя принимались польскимъ правительствомъ противъ православія. Въ виду этого интереса, мы считаемъ нелишнимъ

познакомить наших читателей съ содержаніемъ названной брошюры.

Законодательныя мѣры противъ православныхъ въ Королевствѣ Польскомъ въ первый разъ были приняты въ 1667 г. Но и до-тѣхъ-поръ приданіе литовско-русскимъ землямъ католическо-польской оболочки шло довольно успѣшно, съ помощію интригъ іезуитовъ и приманокъ, которыя дѣлали русскому дворянству и духовенству дворянство и духовенство польское, а также—съ помощію болѣе или менѣе послѣдовательныхъ частныхъ стѣсненій православныхъ. Надо признаться, что литовско-русское дворянство и даже высшее духовенство не показали достаточной стойкости въ сохраненіи своей вѣры и національности; эта стойкость была только въ народѣ. Фактъ поучительный и для настоящаго времени. Онъ показываетъ, на что должно опираться русское государство въ земляхъ, бывшихъ подъ властію Рѣчи Посполитой. Литовско-русское дворянство сначала боролось за свою національно-религіозную самостоятельность. Тому подтвержденіемъ служатъ: 1) просьбы, которыя подавало литовско-русское дворянство королю въ 1544 г., на брестскомъ сеймѣ, и въ 1547 г., на виленскомъ—чтобы поляки, какъ чужеземцы, не были допускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ въ предѣлахъ Литвы и Руси; 2) просьба королю Сигизмунду I-му, въ 1526 году, чтобы онъ короновалъ своего сына на великое княженіе Литовское. „Когда великое княжество Литовское—писали дворяне—будетъ имѣть свою корону, тогда нельзя будетъ присоединить его къ коронѣ Польской, потому что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ. Тогда панамъ-полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было уничтожено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь заодно противъ каждаго непріятели.“ 3) Въ статутѣ литовскомъ было постановлено, чтобы все дѣлопроизводство въ княжествѣ было ведено по-русски,— и когда въ 1576 г. Стефанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ брацлавскихъ дворянъ позваши, писанными по-польски,— дворянство брацлавское не пустило ихъ и напомнило королю, что всѣ листы, присылаемые имъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны по-русски. 4) Не менѣе заботилось сначала дворянство литовско-русское о защитѣ своей вѣры. Съ этою цѣлью подавались прошенія королямъ и сеймамъ, составлялись братства. Между статутами ихъ замѣ-

чателенъ уставъ люблинскаго братства, въ 1601 г., который подписали кн. Острожскій, кн. Сангушко-Коширскій, кн. Борецкій, кн. Друцкой-Горскій, кн. Чарторыйскій, кн. Четвертинскій, Тышкевичи и др. Потомки почти всѣхъ этихъ лицъ стали потомъ польскими аристократами. Недолго литовско-русское шихетство держалось своей національной политики. Его славныя богатя староства, политическія права, равныя съ правами польскихъ пановъ, явилась возможность униі люблинской. Правда, она совершилась не безъ сопротивленія; въ королевскомъ универсалѣ, въ которомъ изложена форма присяги на эту унию, говорится: а кто бы совершить эту присягу воспротивился, у того, какъ у сопротивляющагося власти нашей и государственнымъ законамъ, имѣніе конфисковать будемъ. Но сопротивленіе это не было такъ сильно, какъ прежнія. Дворянъ русскихъ и польскихъ сблизало крѣпостное право. Дворянство русское было раздѣлено отъ своего народа. Оттого-то даже тѣ изъ дворянъ, которые стояли противъ брестской униі, не поняли истиннаго смысла казачаго движенія. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ іезуитскаго воспитанія и все болѣе росшаго социальнаго раздѣленія дворянства и народа, дворянство русское принимаетъ польскій и католическій характеръ. Сынъ православнаго—Іеремія Вишневецкій является главнымъ противникомъ Хмѣльницкаго; въ 1651 г. дворяне воеводствъ Киевскаго, Черниговскаго и Волынскаго ходатайствуютъ о восстановленіи и возвращеніи прежнихъ владѣльцамъ костеловъ, разрушенныхъ казаками (1). Въ половинѣ XVII вѣка русскихъ и православныхъ дворянъ стало такъ мало, что польскому правительству и католическому духовенству можно было выступить рѣшительнѣе. Вступая на престолъ, король Янъ-Казиміръ далъ обѣтъ не предоставлять ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного староства не-католику; обѣтъ этотъ былъ повторенъ и послѣдующими королями. Въ 1667 году вышло сеймовое постановленіе, по которому униатское духовенство освобождалось отъ постоя и другихъ военныхъ повинностей, которыя упали только на православное духовенство. Въ 1676 г. изданъ законъ, запрещавшій православнымъ, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имуществъ, выѣзжать за-границу и пріѣзжать оттуда.

(1) Всѣ до-сихъ-поръ изложенные факты взяты изъ статьи г. Иванова, въ 1-й части II-го тома «Архива юго-западной Россіи».

тотъ законъ имѣлъ цѣлю остановить общеніе православныхъ съ единовѣрцами въ Россіи и Молдавіи, такъ необходимое при устройствѣ православной іерархіи въ предѣлахъ Польши. Въ 699 году воспрещено допускать православныхъ къ магистратскимъ должностямъ; тогда же воспрещено было православнымъ жить въ Каменцѣ, самомъ важномъ торговомъ городѣ края. Въ 712 году запрещено канцлерамъ прикладывать печать къ какимъ и то ни было актамъ, которые прямо или косвенно содержали го-нибудь выгодное для не-католиковъ. Наконецъ, конфедераціей 1732 г. издано слѣдующее узаконеніе: „Церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою, никакимъ образомъ, ругихъ вѣроисповѣданій; иновѣрцы, т. е. православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты на сеймы, въ трибуналы (областные суды) и спеціальныя комиссіи, составленныя по какимъ бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ правами евреевъ, и духовные ихъ не должны явно по лицамъ ходить со св. дарами; крещеніе, браки, похороны они имѣютъ право совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія католическаго епископа, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью. Въ городахъ иновѣрцы должны присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ. Въ селахъ они не должны имѣть колоколовъ при церквяхъ. Дѣти, рожденныя отъ мѣшанныхъ браковъ, должны причисляться къ католической церкви и даже православные пасынки отчима-католика должны принимать католичество. Каноническіе законы католиковъ должны быть обязательны и для иновѣрцевъ (1).“ Облегченія изъ этихъ узаконеній были сдѣланы только по настоянію Россіи, но воплотившія не были отменены до самаго конца Польши.

Если такія общія стѣснительныя мѣры направлялись противъ православныхъ вообще, то противъ православнаго духовенства принимались болѣе частныя мѣры. Послѣ брестской уніи, царское правительство принимало мѣры, чтобы въ государствѣ не было православныхъ епископовъ. Въ 1664 г., православный ми-

(1) Это узаконеніе приведено у Морачевского (Польскія Древн. I, 195). Замѣчательно, что въ изданіи «Volumina legum» I. Огрызко, нѣтъ постановленій конфедераціи 1732, хотя тамъ есть трактатъ съ Россіей 1775 г., изъ котораго видно, что постановленія ея имѣли силу закона. Такова историческая добросовѣстность польскихъ ученыхъ!

трополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ безъ вины и суда посаженъ въ маріенбургскую крѣпость. Имѣнія и доходы епископовъ православныхъ были отчислены униатамъ. Въ архимандриты и игумены православныхъ монастырей униатовъ, даже свѣтскихъ. Собранія православныхъ для выбора священниковъ и епископовъ разгоняли, выборовъ король не утверждалъ, отчего многіе епископы, выбранные православными, принимали унию. Съ 1709—1795 г. въ Южной Руси не было ни одного православнаго епископа. Наконецъ, въ силу постановленія 1647 года, по которому священникъ не могъ занять прихода безъ позволенія помѣщика, либо державца въ королевскихъ имѣніяхъ, часто и сельскіе приходы оставались безъ священниковъ. Кромѣ этихъ *актъныхъ* преслѣдованій, сколько было самыхъ грубыхъ обидъ отъ буйной шляхты: нерѣдки были случаи, что шляхта нападала на православную церковь во время богослуженія, била священника, разгоняла народъ и разоряла церковь.—Вотъ содержаніе брошюры кievской комиссіи. Нельзя не поблагодарить ее за собраніе фактовъ, которые рельефно рисуютъ политику поляковъ по отношенію къ православію.

С. П. В.

IV.

ПОЛЯКУЮЩІЙ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА (N. N.)

(Продолженіе.)

Пала ты, какъ травка полевая, подъ косою
искуснаго косца!

Добролюбовъ.

3.

Оборотни.

— Здравствуйте, Юлія Фоминишна, сказалъ я, раскланиваясь съ ней.

Она молчала и въ недоумѣніи смотрѣла на меня.

— Вы меня не узнаете? спросилъ я.

— Не узнаю; извините, — хоть убейте, не могу узнать, отгвѣтила она, улыбаясь и пытливо смотря на меня.

— А помните, какъ мы съ вами на пароходѣ по Волгѣ путешествовали?... Забыли?...

— Ахъ!!... мой благоговѣющій... Это вы?.. какъ я рада!...

Она протянула мнѣ руку.

— Радъ или нѣтъ, а я, какъ только узналъ, что вы здѣсь, не стерпѣлъ, явился. — Вашъ батюшка, матушка здоровы ли?..

— Благодарю васъ, живы и здоровы... Ваше неожиданное появленіе ихъ крѣпко обрадуетъ... Вы точно съ неба упали... Скажите, какими судьбами здѣсь очутились?...

— Я здѣсь былъ годъ тому назадъ и снова возвратился, по званію своего начальства... Но вы какъ сюда попали? въ свою очередь, спрошу васъ, сказалъ я.

— По волѣ судьбы... Отецъ захотѣлъ въ этотъ край... Однако нужно пойти ему сказать о такомъ сюрпризѣ... Извините, то я васъ оставляю на минуту съ м-сье Воаркинымъ; вы незнакомы съ нимъ? Позвольте познакомить: Леонидъ...

— О, нѣтъ, мы давно знакомы, перебилъ я ее.

Знакомы?.. тѣмъ лучше... Я очень рада, что вы пріѣхали; покрайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ будетъ мнѣ говорить, что у меня сердце доброе, а то вотъ м-сье Бояркинъ называетъ меня злой... Однако я пойду къ отцу... А помните, что сказала одна женщина на пароходѣ? Вѣдь напроговорила, — сказала Юли Омнинишна и ушла въ другую комнату. Мы остались одни съ Бояркинымъ, который, послѣ протяжнаго „а... а!“, не закрывалъ своего рта и какъ будто что то обдумывалъ.

Я прошелся по комнатѣ.

— На долго вы къ намъ? спросилъ меня Бояркинъ.

— Пока вы не уплатите мнѣ долгъ, сказалъ я колео.

— Какой долгъ? Я вамъ ничего не долженъ.

— А забыли мое оскорбленіе?

— Ахъ, да!... вы еще помните? Напрасно!

— Почему?

— Лежачаго не бьютъ, гласить русская пословица, заключилъ Бояркинъ.

— Вы даже русскія пословицы знаете?

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Я вѣдь русскій.

— Кто-жъ изъ насъ лежачій?...

— Конечно, я, отвѣтилъ Бояркинъ, послѣ нѣкотораго колебанія.

— Почему же вы лежачій?

— Да потому, что меня обвиняютъ въ участіи въ мятежѣ.. Взяли огромную контрибуцію съ моего имѣнія, да еще хотятъ, что бы я прогулялся по владимірской дорожкѣ... Враги мои утверждаютъ, что я заядлый полякъ или полякующій.

— Такой же вы и есть; къ чему же тутъ оправдываться?!

— Я и не оправдываюсь, я говорю, что я лежачій.. Надѣюсь, что и вы не будете вспоминать последнее и вредить мнѣ.. У меня и такъ враговъ много, а если вы добавите нѣсколько словъ къ моему обвиненію, я пропаду. Прощу васъ, какъ человѣка благороднаго, пощадите меня.... Клянусь вамъ — я совершенно переѣмился, — я сдѣлался русскимъ... даже патриотомъ. Заблужденіе мое открылось предомной во всей своей наготѣ, завѣса съ глазъ спала... Еще разъ прошу васъ — пожалѣть меня и не мстить за глупость. — говорилъ Бояркинъ, вставая и наиѣреваясь взять меня за руку.

— Лучше поздно чѣмъ никогда, сказала я; очень радъ то могу еще разъ доказать, что русскіе не варвары, что они все всѣхъ способны прощать своихъ враговъ. Но смотрите, м-сье Бояркинъ, если вы лжете, обманываете меня и только думаете воспользоваться моею довѣрчивостью, — я врагъ вашъ до самой смерти...

— Не будете врагомъ, когда узнаете меня короче. Клянусь всеми родителями, моею честью... что я болѣе не полаяющій, о горячій — русскій патриотъ, сказалъ Бояркинъ.

Я подалъ ему руку, а онъ бросился цѣловать меня.

Въ это время вошли Ома Петровичъ, его супруга и Юлія Оминнишна. Они приняли меня и обласкали какъ роднаго.

— Вотъ, батюшка, и я отозвался на призывъ Михаила Николаевича Муравьева, — пріѣхалъ сюда служить отечеству, польскія приносить, говорилъ Ома Петровичъ послѣ ужина.

Долго я просидѣлъ у нихъ. Разговоръ не умолкалъ ни на минуту; большею частію говорили о польскихъ дѣлахъ. Бояркинъ тоже не былъ чуждымъ; когда доходило дѣло до поляковъ, онъ начиналъ ругать ихъ самыми оскорбительными словами и называлъ ихъ даже сумасшедшими.

Прощаясь, Юлія Оминнишна мнѣ погрозила пальцемъ.

— Что это значитъ? спросилъ я ее.

— Завтра скажу, а теперь прощайте, прибавила она.

Я уѣхалъ на квартиру въ сопровожденіи Бояркина.

На другой день, сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я отправился въ Морсовымъ, гдѣ засталъ Бояркина.

— Вы у насъ обѣдаете? спросила Юлія Оминнишна.

— Если позволите, то...

— Безъ сомнѣнія у насъ, — вмѣшался Ома Петровичъ.

— Немного прошло времени до обѣда, послѣ котораго Ома Петровичъ поѣхалъ въ уѣздъ на слѣдствіе, — супруга его отправилась въ объятія Морфея, который всегда такъ убѣдительно проплетъ къ себѣ послѣ сытнаго обѣда людей пожилыхъ.

Мы остались втроемъ: Юлія Оминнишна, Бояркинъ и я.

— Растолкуйте мнѣ вчерашнюю свою угрозу, — сказала я Бояркину.

— Вы не поняли? спросила она.

— Нѣтъ не понялъ.

— Жаль!... Послѣ скажу, а теперь скажите вы намъ, что нибудь новенькаго.

— Я столько же знаю, сколько и вы.

— Вы недавно изъ Петербурга, — должны больше знать.

— Новаго немного. Петербургъ также хорошъ, такой же шумъ и такая же толкотня на Невскомъ. Развѣ нигилистки только могутъ быть для васъ новостью?

— Ахъ, расскажите; до сихъ поръ — я знала только о корпораціи нигилистовъ... типъ Базарова у меня не выходилъ изъ головы.

— А теперь есть и корпорація нигилистокъ; съ каждымъ днемъ численность ихъ умножается, волосы стригутся, носятъ очки... и... я, не договоривъ, засмѣялся.

— Вы смѣтаетесь надъ ними?

— Да конечно такъ... я смѣюсь надъ ихъ формой... Подумайте, вѣдь это скандалъ, это профанация даже слова нигилистъ и нигилиства... Они не понимаютъ значенія этого слова, — для нихъ только форма главное... Надѣтъ очки, Богъ знаетъ для чего, остричь волосы — и кричать о прогрессѣ....

Наступило молчаніе. Юлія Фоминишна задумалась.

— А вы читали: „Что дѣлать?“, — спросила она меня.

— Читала.

— Вотъ м-сье Бояркинъ находитъ, что это коранъ нашъ.

— М-сье Бояркинъ находитъ, а вы?...

— Я... Да — а — а... ничего, читала, не скучая...

— Я тоже не скучала... хотя многому не сочувствовалъ.

— Почему?

— Да просто потому, что находилъ многое неприемлемымъ къ жизни... Воображеніемъ я иногда бываю „и затуманеннымъ пятномъ водоворота лорда Росса бываю и внутри земли, — летаю около колецъ Сатурна“, но вѣдь это только воображеніе.

— Но нельзя-же не отдать должной справедливости автору этого романа, — заключилъ Бояркинъ.

— Противъ этого я ни слова.

— Вы нигилистъ? спросила меня Юлія Фоминишна.

— Нѣтъ, — обыкновенный человѣкъ.

— Стало быть вѣрите въ любовь? — продолжала Юлія Фоминишна съ улыбкой.

— А вотъ м-сье Бояркинъ нигилистъ, — не вѣрять въ любовь, — шутливо сказала Юлія Ѳоминишна.

— Юлія Ѳоминишна сегодня расположена шутить, заключилъ Бояркинъ.

— На словахъ нигилисты дѣйствительно отвергаютъ любовь, на дѣлѣ оказываются фразерами, — сказалъ я.

— А что такое любовь? пристально смотря на меня, спросила Юлія Ѳоминишна.

— Я въ свою очередь спрошу васъ, что такое любовь?

— Вотъ какъ!... ха... ха!... М-сье Бояркинъ, что такое любовь?

— Юлія Ѳоминишна! что такое любовь? спросилъ Бояркинъ.

— Мы всѣ расхохотались.

— А вы читали „Взбаламученное море“, спросилъ я Юлію Ѳоминишну.

— Или, какъ называетъ м-сье Бояркинъ, взбаламученные помыслы, — читала.

— Почему же вы такъ называете этотъ романъ? обратился къ Бояркину.

— Потому что молодое поколѣніе смѣшано съ грязью, — отвѣчалъ Бояркинъ.

— Я этого не нахожу. Мнѣ кажется, что Писемскій выставлялъ въ своемъ романѣ голую дѣйствительность; а за чѣмъ же брать на зеркало, въ которомъ видите свою личность, со всеми недостатками, и въ тоже время восхищаться своимъ не похожимъ портретомъ потому только, что онъ, оправленный въ золотую рамку, красивѣе оригинала.

— Такъ за чѣмъ же выставлять на судъ публики портретъ мловѣка съ недостатками? продолжалъ Бояркинъ.

— Ужели вы думаете, что есть люди безъ недостатковъ? вспомните мудрое изреченіе Грибоѣдова: „и въ комъ не сыщемъ чуждого“. По вашему значитъ Гоголь, обрисовавъ типъ Хлестакова, тоже смѣшалъ съ грязью молодое поколѣніе?

— Я этого не скажу.

— Не лучше ли видѣть свои слабости и по возможности исправлять ихъ, чѣмъ восхищаться небывалымъ идеаломъ?

Разговоръ въ подобномъ родѣ продолжался до самаго чая, къ которому явился расстроенный Ѳома Петровичъ.

— Что съ вами? спросилъ я его.

Э, батюшка! тутъ хотъ кого разстроитъ... Бѣда съ этими поляками начальниками, — сами увѣряютъ въ преданности русскому правительству, а между тѣмъ своихъ подчиненныхъ русскихъ тѣснятъ...

— Кто это? спросилъ Бояркинъ.

— Да все сіятельный графъ Жердаковскій... Представьте себѣ, — перессорилъ всѣхъ русскихъ и уволилъ одного русскаго, дѣльнаго, честнаго и горячаго патріота Змѣйкина за то, что тотъ открыто порицалъ Жердаковскаго въ пристрастїи къ полякамъ... Да вѣдь какъ и уволилъ — то? по іезуитски... Не за это дѣло, а нашелъ какое то упущеніе по службѣ, подговорилъ нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ вторить себѣ, — а тѣ, дуручье, и ради подслужиться начальнику. Змѣйкинъ протестовалъ и хочеть ѣхать въ губернію жаловаться...

— Ну чтоже Жердаковскій? спросилъ Бояркинъ.

— Что? ничего... У него на все есть оправданія; умѣлъ молодчикъ поставить себя предъ начальствомъ: я, говоритъ, хотъ и каюликъ, а доказалъ въ 1863 году, что преданъ Россїи.

— Да, доносами на тѣхъ людей, съ которыми имѣлъ личности и которыхъ боялся... Вѣрите, если онъ вамъ напоетъ басней... Ему болѣе ничего не оставалось, какъ доносить; потому что онъ самъ замѣшанъ въ польскомъ дѣлѣ... О! онъ самый заядлый полякъ, — продолжалъ Бояркинъ.

— Ну да и вы то, батюшка, хороши, а еще русскій православный, — заключилъ съ упрекомъ Оома Петровичъ.

— А чтоже? спросилъ, покраснѣвъ, Бояркинъ.

— Вы сами должны знать... Ксендзамъ покровительствовали, а священника позволили ограбить въ своемъ имѣніи.

— Да меня тогда не было въ имѣніи.

— Послѣ бы помогли ему...

— Я помогъ...

— Да, теперь, когда контрибуцію взяли съ васъ, да дѣло завязалось... Нѣтъ, батюшка, вы лучше не оправдывайтесь; знаю я всѣ ваши дѣянія.

— Я раскаиваюсь въ своемъ заблужденїи...

— Полно — такъ ли?

— Клянусь...

— Ну не клянитесь!... вѣрю... Давай Богъ! Польская интрига хотъ кого отуманить.

— Совершенно справедливо, — заключил Бояркинъ.

Въ это время вошелъ военный налальникъ; разговоръ нашъ пока на этомъ прервался, — я познакомился съ вошедшимъ. — Весь вечеръ прошелъ у насъ въ оживленномъ разговорѣ. Предъужиномъ я упробилъ Юлію Ѳомиинишну спѣть что нибудь: она была снисходительна къ моей просьбѣ — и своимъ звучнымъ, симпатичнымъ сопрано запѣла очаровательный романсъ „Птичка.“ Какая улыбка скользила по лицу Юліи Ѳомиинишны во время пѣнія! Сколько нѣги, сколько страсти я видѣлъ тогда, — и что дѣлать, какъ, я полюбилъ ее всей душой.

— Скажите же, что значить ваша угроза пальчикомъ? прощаясь, спросилъ я ее.

— Секретъ, отвѣчала она.

— Ну — скажите.

— Ужъ такъ и быть... я грозилась вамъ для того, чтобы вы не смѣли ни предъ кѣмъ кромѣ меня благоговѣть, — сказала я, лукаво улыбаясь.

Я раскланялся.

Отъ Морсовыхъ Бояркинъ заѣхалъ ко мнѣ.

— Не правда ли, что Юлія Ѳомиинишна — красавица? обратился я къ Бояркину.

— Да — а... влюбиться не долго, — отвѣчалъ онъ, зѣвая.

— Вы спать хотите?...

— Нѣтъ... мнѣ всегда зѣвается, когда говорить о женщинахъ, отвѣчалъ Бояркинъ.

— Я не согласенъ съ вами.

— Почему?

— Потому что въ обществѣ женщины человекъ дышетъ какъ то иначе... живетъ другой жизнью... Сердце дѣлается нѣжѣе добрѣе. По моему мнѣнію, женщина можетъ превратить даже рубого дикаря — въ человека гуманнаго...

— Только не Юлія Ѳомиинишна...

— Договаривайте...

— Она не въ моемъ вкусѣ.

— Стало быть вы согласны съ моими словами: найдись — женщина въ въ вашемъ вкусѣ, вы бы полюбили ее?...

— Въ томъ то и бѣда, что не находится...

— Ну — полноте! я слыхалъ отъ бывшего вашего крестьянина совсѣмъ противное.

— Не всякому слуху вѣрьте.

— Мы простились, онъ уѣхалъ, а я бросился въ постель и, находясь подъ обаяніемъ новаго чувства, заснулъ сладкимъ — безмятежнымъ сномъ.

— На другое утро я началъ свои занятія, послѣ которыхъ заѣхалъ къ инвалидному начальнику, — тому самому, который въ роковой день прислалъ мнѣ солдатъ. Онъ очень мнѣ обрадовался и рассказалъ о своихъ наградахъ.

— Я, милостивый государь, приговоренъ былъ народнымъ жондомъ къ смерти, — со смѣхомъ сказалъ онъ мнѣ.

— И вы боитесь за себя? спросилъ я.

— Я боюсь?... ха... ха... ха!... Да пока меня убьютъ, я успѣю на каторгу отправить ихъ тысячи. Конечно, я принималъ предосторожности, это не мѣшаетъ; край нашъ еще не совсѣмъ ушпирень...

— Ну а теперь — поляки какъ ведутъ себя?

— Въ нашемъ городѣ немного ихъ и осталось, — да и тѣ, то попрятались — въ кануры, то разыгрываютъ роль русскихъ патриотовъ!.. Для нихъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ словно кара Божія... Онъ одинъ только теперь можетъ здѣсь сдѣлать дѣло... О! я ему такъ преданъ, что жизнь за него положу. Мѣры приняты Михаиломъ Николаевичемъ необходимы... Тутъ полумѣрами ничего не подѣлаешь... Я хорошо зналъ поляковъ, я помню еще тридцать первый годъ: они тогда тоже присмирѣли, а потомъ все таки опутали всю администрацію польской интригой, теперь — пустите немного послабѣе, и опять русское дѣло проиграно въ здѣшнемъ краѣ... Нѣтъ, по моему, если вырывать вредное растеніе, такъ вырывать съ корнемъ, что бы отпрысковъ не пускало... Чиновниковъ поляковъ я бы всѣхъ погналъ изъ службы, — замѣнилъ бы русскими.

— Но вѣдь есть же исключеніе изъ нихъ?

— Нѣту, государь мой... я ихъ хорошо знаю... Каждый полякъ былъ причастенъ къ мятежу, если не матеріально. то нравственно....

— Да вотъ вы, папримѣръ?

— Я?!.. ну я... да что обо мнѣ говорить! Ей Богу перваго бы себя просилъ выгнать, если бы правительство приказало всѣхъ поляковъ чиновниковъ безъ исключенія замѣнить русскими. Эта мѣра необходимая; а то въ одномъ мѣстѣ остается

нѣсколько поляковъ, въ другомъ то же, — ну и опять польскій катехизисъ въ дѣло, и будутъ выживать русскихъ да опредѣлять поляковъ... Они теперь присмирѣли; преданными правительству прикидываются, а на самомъ то дѣлѣ они ядъ... Вы посмотрите на вашихъ прежнихъ знакомыхъ здѣсь, — вы ихъ не узнаете... Вотъ, наприимѣръ, Бояркинъ: былъ врагомъ русскихъ до Муравьева, а теперь такъ и пышитъ патриотизмомъ.

— Это ложь, гнусная ложь; это плоды польскаго катехизиса... Еще есть тутъ графъ Жердаковскій, — такъ ужъ этотъ оберьъ іезуитъ, доложу я вамъ... Вы его не знаете?

— Нѣтъ.

— Представьте себѣ, — человекъ такъ успѣлъ себя поставить предъ начальствомъ, что ему вѣрятъ; всякая ложь и клевета на русскаго принимается отъ него за чистую монету, самъ же во всемъ покорный слуга возлюбленной — польки самой заядлой... Запрещаетъ своимъ подчиненнымъ говорить попольски, а самъ говорить съ человекомъ своимъ попольски.

— Не могу равнодушно вспомнить его, когда онъ былъ на вечерѣ у военнаго начальника, гдѣ, по желанію русскихъ, полковая музыка играла гимнъ: Боже Царя храни....

— Что же?

— Представьте себѣ: пробился на первый планъ и началъ поддѣвать подъ музыку. О, господи!... не могу вспомнить эту физиономію безъ смѣха и досады, — говорилъ добродушный инвалидный начальникъ...

Отъ него я поѣхалъ, разумѣется къ Морсовымъ и просидѣлъ у нихъ до ночи; Бояркинъ тоже былъ тамъ.

Прошло двѣ недѣли отъ моего пріѣзда въ городъ N...; въ это малое время я успѣлъ перебывать у всѣхъ своихъ прежнихъ знакомыхъ и успѣлъ убѣдиться въ истинѣ словъ инвалиднаго начальника.

Я не узнавалъ своихъ знакомыхъ... Всѣ такъ переименились, всѣ старались казаться русскими... Куда дѣлась польская спѣсь и увѣренность! Инспекторъ прогимназіи не пропускалъ ни одного богослуженія въ церкви и даже началъ водить въ нее своихъ дѣтей, которыя съ изумленіемъ смотрѣли на православное богослуженіе и клали крестъ, то православный, то латинскій. Въ бытность мою у него, — когда онъ ушелъ зачѣмъ то въ другую комнату, я обратился къ его супругѣ съ вопросомъ:

— Ну — какъ ваша дочь Варинька? здорова ли?

— Ничего; такая быстрая дѣвочка; зубокъ прорѣзлся.

— Якая же она Варинька? Она не Варинька... Она Люція, — вмѣшался въ разговоръ четырехъ-лѣтній сынъ инспектора.

Мать его схватила за руку и крѣпко, должно быть, сказала, потому что ребенокъ закричалъ и, заплакавъ, убѣжалъ въ другую комнату.

Потекла моя жизнь въ N.. обыкновенной колеей: каждый день я былъ занятъ дѣломъ и каждый вечеръ бывалъ у Морсовыхъ.

Изъ этихъ частыхъ моихъ посѣщеній Морсовыхъ вышло то, что я полюбилъ Юлію, если то было возможно, еще болѣе. Я задумалъ непремѣнно жениться на ней, Бояркинъ, тоже бывавшій у Морсовыхъ, успѣлъ замскать мое расположеніе и что то похожее на дружбу. Однажды вечеромъ, когда у меня сидѣлъ Бояркинъ, я ему открылся во все.

— Чтожь?... Отъ души желаю вамъ счастья съ ней... готовъ шаферомъ у васъ, сказалъ Бояркинъ, послѣ нѣкотораго молчанія...

— Не спѣшите быть шаферомъ; я еще не знаю любить ли она меня, пойдетъ ли она за меня замужъ? заключилъ я.

— Разумѣется, пойдетъ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, а о любви безпокоиться тоже не стоитъ. Если теперъ и не любить, то привыкнетъ, полюбитъ... я знаю женщину, продолжалъ Бояркинъ.

— Это не въ моихъ правилахъ: я хочу знать ея мнѣніе, ея чувства; женитьба — дѣло великое, продолжалъ я.

— Ну — будь по вашему!... Только я, дѣйствительно, послѣшилъ предложеніемъ быть шаферомъ: это любя васъ... Если свадьба и состоится, то никакъ не раньше — весны?...

— Да.

— Ну — вотъ, видите ли, а я къ тому времени долженъ быть заграницей; потому что имѣніе свое я продалъ... Дѣла мои, благодаря Морсову, кончились въ мою пользу; я вольная птица.

— Но только о женитьбѣ секретъ.

— Будьте увѣрены.

— Не знаю, хватить ли духу переговорить съ ней?

— Вы мужчина.

— Такъ чтожь?

— Будьте тверды и благоразумны, — начните завтра же атаку.

— Подумаю.

На завтра открыться я не могъ, — отложилъ до слѣдующаго дня, потомъ ежедневно откладывалъ до удобнаго случая, — который недѣли черезъ три представился.

Пріѣхавъ къ Морсовымъ, я засталъ Юлію Ѳомиинишну одну юна. Она почему то на этотъ разъ старалась избѣгать моихъ взоровъ и была такъ мила, такъ очаровательно — хороша въ этотъ вечеръ, что я окончательно отдался ей всѣмъ сердцемъ и всей жизнью. Чистая и непорочная любовь моя — возвратила мнѣ твердость и я бросился къ ногамъ ея.

— Юлія Ѳомиинишна! выслушайте меня, сказалъ я, поцѣловъ ея руку.

— Что это значить? спросила она, совершенно растерявшись.

— Я люблю васъ!!... люблю безгранично... Скажите мнѣ югули я надѣяться на счастье считать васъ своею, говорилъ я адыхающимся отъ волненія голосомъ.

Юлія Ѳомиинишна долго и бессознательно смотрѣла на меня; глаза ее сверкали какимъ то огнемъ, щеки зардѣлись румянцемъ, она, послѣ долгаго молчанія и волненія, сказала полушопотомъ:

— Встаньте!

Я повиновался и сѣлъ возлѣ нея.

— Дайте мнѣ недѣлю сроку подумать...

— Но скажите — могу ли я надѣяться?...

— Дайте подумать, повторила она.

Я замолчалъ; сердце мое какъ то болѣзненно сжалось.

— И вы меня истинно любите? спросила она.

— Истинно... свято... неизмѣнно и непорочно...

— Не шутите!

— Юлія Ѳомиинишна! такими словами не шутятъ.... Увѣрю васъ честью, что языкъ мой не въ состояніи выразить мою преданность вамъ.

— Дайте подумать... въ воскресенье вечеромъ я дамъ вамъ отвѣтъ; храните это въ глубокой тайнѣ, — сказала она, едва скрывая свое волненіе.

— Съ часъ мы просидѣли, храня глубокое молчаніе; изрѣдка украдкой смотря другъ на друга; грудь моя сильно волновалась. Мнѣ кажется, что въ ту минуту я не могъ бы сказать ни одного слова.

Въ это время — вошелъ Бояркинъ. Поздоровавшись, онъ сѣлъ между нами — и пристально всматривался то въ меня, то въ нее.

— Что это у васъ сегодня лицо такъ озабочено чѣмъ то? спросилъ Бояркинъ Юлію Фоминишну.

— Ничѣмъ... это вамъ показалось, — отвѣчала она, отрицательно покачавъ головой.

— Очень радъ, что такъ мнѣ показалось... Вамъ не въ лицу сентябрьская физиономія.

— А вы о чемъ грустите? обратился ко мнѣ Бояркинъ съ улыбкой.

— Я не грущу; это вамъ такъ кажется, — отвѣчалъ я.

— Слава Богу, что все только кажется, — лишь бы на дѣлѣ этого не было...

А я сегодня особенно веселъ и счастливъ, говорилъ Бояркинъ.

— Почему? спросила Юлія Фоминишна.

— Деньги за имѣніе получилъ, паспортъ тоже получу скоро; намѣренъ покинуть этотъ край; надоѣлъ онъ мнѣ хуже чортъ знаетъ чего, — продолжалъ Бояркинъ.

— Но вѣдь здѣсь ваша родина, вмѣшался я.

— Для меня родина тамъ, гдѣ хорошо, — отвѣчалъ онъ.

— Чѣмъ же здѣсь вамъ не хорошо.

— Всѣмъ... Тутъ того и гляди, что за какое нибудь слово будетъ бѣда: произволь на каждомъ шагу... Ей Богу жалко разливается, смотря на все окружающее... Человѣческихъ идей ни въ комъ не найдешь...

— До сихъ поръ — вы этого не говорили, сказалъ я.

— А теперь говорю!...

— Такая переѣвна меня удивляетъ...

— Если бы вы знали новость, то не удивлялись бы.

— Какую?

— Муравьевъ уѣхалъ изъ Вильны въ Петербургъ и больше не возвратится, — сказалъ онъ съ радостной улыбкой.

— Вы радуетесь этому?

— Конечно...

— Это меня заставляетъ думать, что ваше раскаяніе...

— Было нескрэнно, хотите высказать? перебилъ меня Бояркинъ.

— Да.

— Успокойтесь... Успокойтесь... я больше всёхъ убить этимъ извѣстїемъ... но надо же что нибудь болтать, что бы васъ занять, а то вы съ Юліей Ѳоминишной нынче, ей Богу, на себя не похожи, — продолжалъ Бояркинъ съ сарказмомъ.

Тутъ онъ пустился болтать разные анекдоты, которые меня несколько не занимали; я отдался своей мысли, Юлія же Ѳоминишна изрѣдка улыбалась.

Вскорѣ возвратились изъ гостей Ѳома Петровичъ съ супругой. Завязался длинный разговоръ объ отъѣздѣ Михаила Николаевича въ Петербургъ. Ѳома Петровичъ и я объ этомъ чень соболѣзновали.

— Теперь поляки опять подымутъ свои головы, сказалъ Ѳома Петровичъ.

Но вотъ пробило 12 часовъ; мы съ Бояркиномъ взяли за шляпы.

Отъ Морсовыхъ я заѣхалъ къ Бояркину — и, взявъ съ него честное слово держать секретъ, рассказалъ ему о своемъ предложеніи. Онъ бросился меня цѣловать; даже была выпита бутылка шампанскаго.

Слова: „И вы меня истинно любите?“ заставляли меня надѣяться на счастливый исходъ дѣла. Пріѣхавъ домой, я долго не могъ уснуть; будущая семейная жизнь рисовалась мнѣ въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Хорошо быть влюбленнымъ, — приятно мечтать и страдать. Весь Божій міръ дѣлается тогда милѣе и красивѣе. Человѣческое сердце тогда неспособно ни къ чему злему. Но для этого нужно истинно любить, — любить такъ, какъ я любилъ Юлію.

Прошла страстная недѣля, — дни христіанскаго покаянія и смиренія миновали; наступилъ праздникъ, — праздникъ, когда и ясное солнышко принимаетъ участіе въ этой общей радости, играя — пріадами разныхъ цвѣтовъ.

Первый день пасхи былъ для меня — день, въ который назначено было услышать да или нѣтъ.

Послѣ богослуженія, я поспѣшилъ сдѣлать визиты. Первый визитъ былъ, разумѣется, къ Морсовымъ. Въ гостиной я засталъ Юлію Ѳоминишну.

— Христосъ воскресъ, — привѣтствовалъ я ее.

— Во истину воскресъ, — отвѣчала она, протягивая мнѣ руку.

Я поцѣловалъ руку. Въ это время я почувствовалъ поцѣлуй на своей щекѣ. .

— Папаша нѣтъ дома, а мамаша улеглась спать, — сказала Юлія Ѳомишишна.

— Не угодно ли разговѣться, — добавила она, показывая на столъ, установленный разными закусками.

Поцѣлуй Юліи Ѳомишишны сдѣлалъ изъ меня безсознательнаго автомата: я машинально пошелъ къ столу и, взявъ нѣсколько кусковъ какой то закуски, въ минуту истребилъ ее; но, опомнившись, душевно засмѣялся надъ собой и молчалъ, пока прошло мое замѣшательство.

— Юлія Ѳомишишна! — сегодня вы дали слово сказать мнѣ — быть или не быть,.. проговорилъ я, запинаясь...

— Простите меня, я еще не успѣла обдумать... Отложите до пятницы, если вы меня истинно любите, добавила она.

— Покрайней мѣрѣ скажите хоть одно слово...

— Въ пятницу узнаете все...

Нечего дѣлать, — повиновался я ей и обрекъ себя на мучительную неизвѣстность.

Обычно текли дни праздника. Польскій людъ дѣйствительно поднималъ головы. На улицахъ то и дѣло гремѣла польская рѣчь; въ одной гостинницѣ лилось рѣвкой шампанское; графъ Жердаковскій какъ то особенно смотрѣлъ на русскихъ и не стѣснялся говорить попольски. Многіе, изъ боязни прежде не ходившіе въ костелы, начали ихъ посѣщать преусердно. Лица поляковъ какъ то особенно сіяли. За то русскій людъ приунылъ; онъ сознавалъ глубоко свою утрату; изъ — подъ него какъ бы ушла почва...

Наступилъ четвергъ. Вечеромъ у Морсовыхъ было много гостей, — большею частію сражавшихся на зеленомъ полѣ. Боярства почему то не было.

— Что это Бояркинъ не показывается? спросилъ я Юлію Ѳомишишну.

— Не знаю, — сказала она и покраснѣла.

Это меня крайне удивило.

Разговоръ между мной и Юліей Ѳомишишной какъ то не задался. Она была въ этотъ вечеръ видимо чѣмъ то встревожена и на вопросы мои отвѣчала отрывисто.

Что это съ ней? Ужь не ставить ли мое предложеніе ее въ затрудненіе? подумаль я и рѣшился объясниться.

— Юлія Ѳоминашна!... вы сегодня чѣмъ — то встревожены?.. ради Бога, не стѣсняйтесь со мной, будьте откровенны; быть можетъ я не нравлюсь вамъ, — скажите, я мужчина, я вынесу... Я васъ ажь люблю, что готовъ на всякую жертву.

— И вы думаете, что будете со мной счастливы, — перебивъ, просила она, взявъ меня за руку.

— Увѣрень...

— Абсолютнаго счастья нѣтъ на землѣ... сказала она, судорожно сжимая мою руку. Я посмотрѣлъ ей въ лицо и увидѣлъ, что глаза ея наполнились слезами.

— Что съ вами?! съ участіемъ спросилъ я ее.

— Такъ, ничего... принесите мнѣ стаканъ воды...

Я побѣжалъ за водой и, схвативъ первый попавшійся графинъ стаканъ, принесъ Юліи Ѳоминашнѣ.

— Выпейте, сказалъ я, подавая стаканъ съ водой.

Она выпила воду и поблагодарила меня.

— Ахъ, какъ мнѣ скучно сегодня... какъ мнѣ скучно сегодня... если бы вы знали!..

При этомъ глаза ея снова наполнились слезами; она поднесла чашку къ лицу и, зарыдавъ, убѣжала въ спальню.

Я поспѣшилъ къ матери ея и расказалъ все; она бросилась въ спальню и, тотчасъ выбѣжавъ отсюда, испуганнымъ голосомъ кричала: доктора... доктора!... Ѳома Петровичъ? посылай за докторомъ... съ Юлинькой истерика сдѣлалась...

Прислуга Морсовыхъ забѣгала и засуегилась; за докторомъ я здѣлъ самъ.

— Ну — что? какъ больная? спросилъ я доктора, когда онъ вышелъ отъ больной.

— Ничего пройдетъ... Нервы растроены, — отвѣчалъ онъ.

Послѣ этого я сей часъ же уѣхалъ домой и былъ долгое время какъ помѣшанный; все видѣнное для меня было необъяснимо. Я то начиналъ плакать, то напѣвать что то, то шагать по комнатѣ... Послѣ слезъ, человѣку дѣлается легче, и, дѣйствительно, заплакавшись въволю, не раздѣваясь, я бросился въ постель и скоро заснулъ.

На другое утро очень рано прибѣжалъ ко мнѣ мой факторъ — еврей.

— Ночью — панъ Бояркинъ уѣхалъ... вамъ записочку велѣлъ передать, — сказалъ мнѣ факторъ, подавая письмо, Я распечаталъ конвертъ, вынулъ письмо и прочиталъ слѣдующее.

„Я уѣзжаю, заплативъ вамъ мой долгъ — съ процентомъ; ми съ вами квиты. — Врагъ вашъ — Бояркинъ.“

Что за чепуха, подумалъ я. Но въ это время, зашумѣвъ, вбѣжалъ ко мнѣ Морсовъ.

— Велите жиду выйти вонъ, — сказалъ Фома Петровичъ.

Факторъ удалился; — Фома Петровичъ заплакалъ.

— Вы не знаете нашего несчастія, завопилъ онъ.

— Что такое?!.. Ужъ здорова ли Юлія Фоминишна?..

— Она ничего, здорова... только она бросила отца, мать и бѣжала съ разбойникомъ Бояркинымъ.

— Какъ такъ?!..

— Вотъ... вотъ письмо, которое нашли въ ея сумкѣ... прочтите... посмотрите... пожалуйте насъ стариковъ, говорилъ Фома Петровичъ, подавая мнѣ письмо и рыдая.

Я въ безпамятствѣ схватилъ письмо и, развернувъ его, прочелъ слѣдующее: „милые мои и неоцѣненные родители! — извините меня за то, что — я васъ оставляю и уѣзжаю секретно съ Бояркинымъ, съ которымъ я хочу соединить свою судьбу. Я люблю его; но вы, мои дорогіе, не согласились бы отдать меня за Бояркина, поэтому мы рѣшились обвѣнчаться — въ О—*** и чрезъ нѣсколько дней упасть къ вашимъ ногамъ. Ваша покорная и преступная дочь...“ Письмо выпало изъ моихъ рукъ, въ глазахъ потемнѣло; далѣе не помню, что было со мною....

(Окончаніе впереди).

ПЯТЬ БОЛѢ ПОЛЬШИ.

СОЧ. ФУКА, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(Продолженіе) (1).

Прибавленіе къ четвертой главѣ.

Историческій указатель, опредѣляющій параллель между исторіей Россіи и исторіей Польши, начиная отъ десятаго столѣтія, до окончательнаго раздѣла Польши.

Поселеніе славянскаго племени поляковъ (2) на сѣверѣ Европы носится къ шестому столѣтію, но вплоть до девятаго вѣка по-

(1) Смори Вѣстникъ Зап. Россіи за 18^{65/66} годъ, книга 10 и 11, за 1867 годъ кн. 1.

(2) Авторъ неправильно называетъ поляками древнія славянскія племена, населявшія до 9-го вѣка сѣверо-западную Европу, гдѣ протекаетъ рѣка Висла. Здѣсь обитали единоплеменные славянамъ восточнымъ, — изъ соединенія которыхъ образовалось русское государство, — группы славянъ, подъ именами кашубовъ, ленчичанъ, явовъ, мазовчанъ и проч., но около 9-го столѣтія, изъ глубины Азіи шли савроматы, которые, опустошивъ огнемъ и мечемъ все пространство нынѣшней Россіи, отъ береговъ Волги до Вислы, на берегахъ той послѣдней рѣки остановили свое грозное шествіе, и подъ предводительствомъ своего вождя Леха поработили себѣ мирныхъ славянъ, зъ соединенія которыхъ подъ единоедержавіе Леха образовали *лехское* (лехитовъ, *Lechovia*), т. е. *полянское*, въ послѣдствіи *польское* государство. Лехъ, по древнему обычаю азіатскихъ завоевателей, раздѣлилъ покоренныя имъ земли съ обитателями ихъ между своими одвижниками, называвшимися *панами*, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось высшее, господствующее въ государствѣ сословіе шляхты, доведшее природныхъ славянъ, которыхъ оно себѣ закабалило какъ невольниковъ, до самаго уничтожительнаго остоянія. А какъ паны составляли огромное меньшинство, сравнительно съ поработеннымъ ими славянскимъ населеніемъ, то они въ теченіемъ времени приняли мѣстный языкъ — славянскій и мѣстные обычаи, хотя въ нихъ и по настоящее время не изгладился типъ армятскаго, т. е. азіатскаго происхожденія, — типъ рѣзко отличающій шляхту отъ мирныхъ земледѣльцевъ — истинныхъ славянъ по происхожденію. Въ этой расѣ народонаселенія Польши, называемой шляхтою, остались и азіатская спѣсь, и деспотизмъ, и буйство, и ладострастіе, и любовь къ роскоши, и чванство, и дѣтское легкомысліе, и необузданная фантазія и хвастовство, и всѣ свойственныя азіатамъ пороки, которымъ шляхта до конца существованія польши, предавалась открыто и безнаказанно, но отъ которыхъ теперь вздерживается только законами русскаго правительства. Ред.

ляки находились въ состояніи совершеннаго варварства, такъ что первый историческій фактъ, именованный на страницахъ ихъ лѣтописей, считается въ 842 г., а именно: это было основаніе (тогда ещё) княжества Польши, первымъ польскимъ княземъ Пястомъ. Только въ концѣ десятаго столѣтія Болеславъ I (Boleslaw I), прозванный Великимъ, получилъ отъ императора Оттона III титулъ *короля*, вслѣдствіе чего Польша, хотя немного, но освободилась отъ вліянія, чтобы не сказать отъ власти Германіи. Не задолго до того времени, Мечиславъ I обратился въ христіанство и своимъ примѣромъ ввелъ оное и въ Польшу; то-же старался распространить и утвердить его епископъ Адалбертъ, призванный на дворъ Болеслава проповѣдывать ученіе Іисуса Христа, и вскорѣ достигнувшій распространенія здѣсь римско-католическаго вѣроисповѣданія, которое и сдѣлалось господствующей религіей въ Польшѣ. Это былъ уже большой шагъ впередъ, такъ какъ до того времени поляки были закоренѣлыми идолопоклонниками и ни о какой вѣрѣ не хотѣли даже слышать (1).

(1) Авторъ жестоко ошибается и въ этомъ отношеніи. Вѣра христіанская занесена была въ Польшу еще въ IX столѣтіи изъ восточныхъ учениками Кирилла и Меодія, а въ 10 вѣкѣ она имѣла здѣсь уже много послѣдователей. Впрочемъ, вѣра эта не была латинской, но греческою, и богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ, о чемъ свидѣлствуютъ древніе польскіе лѣтописцы. (Смотри Мацѣевскій *O początkach Christianizmu między słowianą*). Самъ князь Мечиславъ, женившись на православной княжнѣ чешской Домбровкѣ, крестился въ православной вѣрѣ, и только, послѣ смерти Домбровки, когда папа и нѣмецкій императоръ, изъ политическихъ видовъ, женили его на монашенкѣ бенедиктинскаго ордена Оды, родственной императору герцогинѣ,—Мечиславъ измѣнилъ православію, принявъ латинство, и, за титулъ короля, далъ клятву вѣсти оное и во всемъ своемъ государствѣ. Замѣна славянскаго обряда латинскимъ сопровождалась кровавыми сценами, народъ не хотѣлъ непонятнаго для него латинскаго слова ни въ ихъ храмахъ, православные священники, понуждаемые къ оставленію женъ и принятію латинской библии, стали во главѣ народа, который, взбунтовавшись, вырѣзалъ многихъ латинскихъ ксендзовъ, а самаго Мечислава заставилъ бѣжать изъ Гнѣзна въ Зальцбургъ—къ императору, и только съ помощію саксонскихъ войскъ, съ которыми онъ возвратился въ Польшу, успѣлъ усмирить взбунтовавшихся подданныхъ и насильно, посредствомъ саксонскаго оружія, навязать полякамъ латинскую вѣру, а православную искоренить почти на всемъ пространствѣ Польши. Ред.

До XIV столѣтія исторія Польши не содержитъ ни одного замѣтельнаго факта, а только составляетъ перечень тѣхъ войнъ, которыми польскіе короли безпрестанно беспокоили своихъ сосѣдей. Вольфъ, говоря о тѣхъ временахъ выражается такъ: „Польша заочуетъ въ себѣ болѣе варварства нежели христіанства, и до XIII вѣка сохраняетъ обычай древнихъ сарматовъ— азіатовъ, какъ примѣръ, убіеніе младенцевъ, которые рождаются съ недостатками, убіеніе немощныхъ старцевъ.“

Альбертъ Великій посѣщалъ Польшу во времена грубаго нежества и старался измѣнить нѣкоторые дикіе обычаи, но прою не мало времени, пока онъ добился ничтожныхъ реформъ. Въ же самое время, польскіе короли, пользуясь междуцарствіемъ, бывающимъ предъ возшествіемъ на императорскій престолъ Габсбургской династіи, совершенно освободились отъ платежа поземельныхъ податей, которыми до тѣхъ поръ ихъ сильно обременяли германскіе императоры.

Затѣмъ, изъ дальнѣйшаго анализа видно, что Польша даже послѣ семисотлѣтняго существованія не приобрѣла основныхъ началъ, дающихъ право надѣяться на будущее существованіе своей націи; однимъ словомъ тогда не проявилось даже еще и зародковъ къ будущему благосостоянію Польши. Мы и въ XIII вѣкѣ находимъ поляковъ похожими на вестготовъ V-го столѣтія, а до того времени польская нація была въ такомъ бездѣйствіи, что она едва проявляла чѣмъ жила. Твердо зная, такимъ образомъ, неясное основаніе націи, легко было бы опредѣлять будущность и его края, и почти за вѣрное можно сказать, что въ ней нѣтъ ничего утѣшительнаго, и что въ XVII столѣтіи, во время царствованія Людовика XIV во Франціи, мы найдемъ въ Польшѣ того же короля безъ власти, дворянство алчное и *черезчуръ* могущественное, народъ порабощенный, неправильно организованное войско, состоящее болѣею частью изъ кавалеріи, ни малѣйшаго знаменнаго искусства и укрѣпленій, ни промышленности—однимъ словомъ, найдемъ обычаи и управленіе временъ франковъ и германцевъ (1). Тѣмъ не мѣнѣе начнемъ съ основанія того скользкаго государства, по которому судьба цѣлыхъ пять столѣтій влекла Польшу къ гибели до могилы.

На престолъ польскій взомель Казиміръ III и вслѣдъ за его

(1) Вѣкъ Людовика XIV.

возшествіемъ (въ 1333 году) послѣдовали нѣкоторые улучшения: Казиміръ основалъ нѣсколько школъ и госпиталей, далъ своему народу первые законы, хотя написанные на латинскомъ языкѣ, а 200 лѣтъ спустя, поляки получили законы писанные на своемъ отечественномъ языкѣ. Въ то-же самое время они сражались съ чехами, татарами и рыцарями тевтонскаго ордена, искавшими случая вторгнуться и поселиться въ Пруссіи, — и ловко отражали неприятеля. Въ 1370 году, со смертію Казиміра Великаго, погасла династія Пястовъ.

Польская корона, принадлежавшая короткое время дому Анжуйскому, перешла въ руки Ягелла, князя литовскаго. Рѣшившись принять р.-католическое вѣроисповѣданіе и присоединить Литву къ Польшѣ, — Ягелло, чтобъ упрочить свои вѣзеты, женился на Ядвигѣ, дочери Людовика Анжуйскаго и принялъ имя Владислава II. Ему наследовалъ сынъ его Владиславъ III, избранный въ короли венгерцами. Онъ заключилъ съ Аугратомъ II торжественный миръ, скрѣпленный присягою; одинъ поклялся предъ Евангеліемъ, другой предъ кораномъ, но фанатикъ Юліанъ Кессарійскій, папскій легатъ въ Германіи, убѣдилъ Владислава нарушить этотъ договоръ, на что и папа Евгеній IV изъяснилъ свое согласіе. Владиславъ предпринялъ походъ противъ турокъ, но былъ разбитъ на голову и убитъ подъ Варною. Такимъ образомъ окончилось это царствованіе, общавшее въ началѣ благодѣтельный миръ и, быть можетъ, нѣкоторый прогрессъ.

Послѣ печальнаго убіенія Владислава III, турки въ союзѣ съ тевтонскими рыцарями, были долгое время врагами поляковъ. и только въ 15-мъ столѣтіи, въ царствованіе Казиміра IV (1), окончилась кровопролитная война, долгое время поддерживаемая преимущественно тевтонскими рыцарями противъ польскихъ королей. У рыцарей осталась во владѣніи восточная Пруссія, а начальниѣ ихъ принялъ титулъ воеводы и вассала при королѣ польскомъ, съ правомъ засѣдать въ государственныхъ сеймахъ. Въ то время изъ всѣхъ гражданъ, только воеводы одни имѣли право голоса на общихъ сѣздахъ королевства, и только въ 1460 году Казиміръ вызвалъ депутатовъ дворянства, пригласивъ и ихъ отдавать голоса на государственныхъ сеймахъ. Затѣмъ, когда дворяне приобрѣли уже это право, они тщательно его удерживали

(1) На парижскомъ договорѣ въ 1466 году.

легше ужъ не теряли. Воеводамъ и дворянамъ дана была еще одна важная льгота: ни за какое преступленіе ихъ не смѣли арестовать, прежде чѣмъ виновность ихъ будетъ доказана юридически. Они располагали жизнью и смертью своихъ рабовъ, могли безнаказанно ихъ убивать, только съ условіемъ, чтобъ на оглу несчастной жертвы положить талеровъ десять или приблизительно. Ежели помѣщикъ у помѣщика убивалъ мужика, тогда *omni costi* заставлялъ перваго пополнить убытки другаго возвратомъ новаго раба. Но что всего оскорбительнѣе и унижительно для человѣчества, заключилъ Вольтеръ, это мысль, что подобная льгота существуетъ для владѣльцевъ и понынѣ (18-ое столѣтіе).

Воеводы и дворяне составляли самую большую и долговѣчную часть изъ всего народонаселенія. Показанъ народъ, мучимый юнми тиранами владѣльцами, прозябалъ въ полномъ невѣжествѣ, почтенные паны изнурялись безплодными спорами въ соперничествѣ безъ цѣли, и тѣмъ самимъ ставили преграду ко всякаго рода прогрессу. Они заботились только объ увеличеніи своихъ богатствъ и сохраненіи полной, независимости въ отношеніи къ королямъ, старались, насколько было силъ, ослабить и остановить королевскую власть, и безъ того уже малозначущую. Такое положеніе дѣлъ тянулось во все время существованія Польши и было ея первою причиною ея паденія. Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ дворяне способствовали къ образованію народа и пеклись объ основаніи молодаго свѣжаго общества, вояне въ Польшѣ ухищрялись умножать способы, приносявшіе сомнѣнный вредъ народу, который они ставили въ полное политическое бездѣйствіе, вплоть до того самаго времени, когда дворянское сословіе, вмѣстивъ въ себя всѣ жизненныя силы цѣлой аціи, рушилось со всѣми своими правами и повлекло за своимъ паденіемъ цѣлый край и націю.

Руссы, въ 9-мъ вѣкѣ, образовали новое славяно-русское государство изъ разрозненныхъ восточныхъ славянскихъ племенъ, слѣдовательно нѣсколько позже поляхскаго, именно въ 862 году, варяжскіе князя (1) положили основаніе Руси въ Новгородѣ. Знаменитый варяжскій князь Рюрикъ, съ братьями Синеусомъ и Труворомъ, призванъ

(1) Варягами назывались жители Даніи, Швеціи и Норвегіи, назывшіе Балтійскимъ или Варяжскимъ моремъ.

(что особенно замѣчательно) самими славянами, княжить надъ ними, и, такимъ образомъ, онъ былъ первымъ княземъ варяго-русскимъ, поселившимся, какъ ужъ сказано, въ Новгородѣ. Синеусъ занялъ Бѣлое-озеро, а Труворъ—Изборскъ, но по смерти обоихъ Рюрикъ присоединилъ ихъ владѣнія къ своему княжеству, и тогда уже правильно основалъ Россійскую монархію, что относится къ 864 году.

Рюрикъ добровольно сосредоточилъ подъ свою власть внутреннихъ славянъ и нѣкоторыя финскія племена, земли ихъ раздѣлилъ между своими воинами, назвавъ ихъ боярами, утвердилъ на Русіи систему помѣстную или удѣльную. Далѣе, замѣнилъ славянскій языкъ—русскимъ (1), и умеръ въ 879 г., послѣ 15-ти-лѣтняго княженія. Въ то же самое время, двое изъ товарищей и единоплеменниковъ Рюрика, по имени Аскольдъ и Диръ, завладѣли славянскими городами Кіевомъ, откуда предпринимали походы далѣе, и опустошали все, что попадалось имъ на пути, до самаго Константинополя.

Сынъ Рюрика, Игорь, присоединилъ Кіевъ къ Новгороду (2), укрѣпилъ рождающееся государство покореніемъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ и прославилъ себя нападеніями на Грецію.

Съ самаго начала существованія Россіи, въ нее проникло христіанство. Оно проникло даже въ великокняжескій дворъ, въ лицѣ княгини Св. Ольги, — матери Святослава, а затѣмъ въ X-мъ, Владимиръ I принялъ святое крещеніе, какъ по убѣжденію, такъ и для возможности вступить въ бракъ съ греческою царевною Анною.

(1) Опять абсурдъ! Напротивъ какъ онъ, такъ и прибывшіе съ нимъ русскіе вожди и дружинники сами усвоили славянскій языкъ. Развѣ возможно, чтобы ничтожное меньшинство могло навязать свой языкъ громадному большинству? И теперь современный русскій языкъ гораздо ближе къ своему корню славянскому — въ крайней мѣрѣ церковному, чѣмъ всѣ діалекты разныхъ другихъ славянскихъ народовъ. Нѣчто подобное случилось и въ Польшѣ: завоеватели славянъ привислянскихъ ляхи, тоже оставили свой природный азіатско-сарматскій языкъ, а усвоили языкъ славянскій, туземный, — языкъ большинства, такъ что потомки ихъ и нынѣ шляхта и понятия уже не имѣютъ о языкѣ своихъ предковъ, а говорятъ языкомъ славянскимъ, хотя и испорченнымъ латинью и германизмомъ. Ред.

(2) Тоже на оборотъ — Новгородъ къ Кіеву, названному еще Олегомъ матерью городовъ русскіихъ, т. е. столицею Россіи.

Ред.

ею императоровъ, Василія и Константина), и своимъ при-
рою обратилъ въ христіанство большую часть своихъ под-
ныхъ. Владиміръ былъ княземъ великимъ и извѣстнымъ по
юеству славныхъ дѣяній. Онъ основалъ школы и церкви, за-
лся о всѣхъ нуждахъ своего народа, помогалъ ему, и въ исто-
и извѣстенъ какъ великій государь на Востокѣ.

Россія быстро слагалась и характеръ націи скоро обозначился
ь самыхъ рѣзкихъ чертахъ; появился классъ свободныхъ торгов-
въ, какъ во Франціи, и дворянское сословіе, съ своими рабами,
въ въ Польшѣ. Ярославъ Мудрый дополнилъ дѣла своихъ пра-
цевъ, изданіемъ перваго подробнаго свода законовъ въ
928 году. Съ того времени, не смотря на свое одинокое по-
женіе, Россія старалась сближаться съ Европой, что и доказы-
ютъ браки трехъ дочерей Ярослава съ королями: французскимъ,
нгерскимъ и норвежскимъ. Но вмѣстѣ съ смертію Ярослава, въ
оссии кончается благоденствіе; начались распри, наступило опять
значаліе, въ теченіи котораго, исторія гласитъ только о граж-
дскихъ войнахъ, набѣгахъ, опустошеніяхъ и грабежахъ. Осаж-
нная со всѣхъ сторонъ поляками, болгарами, шведами и монго-
ли, Россія почувствовала всю тяжесть своего безвыходнаго по-
женія и погибала со всѣми мудрыми началами, совѣмъ ужъ
дготовленная воспользоваться брошенными въ нее сѣменами про-
рѣченія; но Богъ не желалъ гибели Россіи,— явился храбрый
изъ Іоаннъ III Васильевичъ, который освободилъ ее отъ всѣхъ
раговъ, завладѣлъ Новгородомъ, выгналъ литовцевъ и мон-
мовъ и покорилъ наконецъ Тверь, Ростовъ и Казань. Іо-
нъ III прославился не одними побѣдами; онъ былъ также зако-
дателемъ, возвратилъ народу потерянное, во внутреннихъ сму-
ахъ и отъ набѣговъ иноплемениковъ, благосостояніе и, мало
о мау, въ Россію опять проникли искры просвѣщенія. Іоаннъ былъ
сенатъ на греческой царевнѣ Софіи Палеологъ, племянницѣ по-
бѣднаго греческаго императора, выстроилъ Кремль и заложилъ
ородъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии былъ основанъ
.-Петербургъ. Затѣмъ призвалъ ко двору инженеровъ, архи-
екторовъ, художниковъ и литераторовъ изъ иностранныхъ госу-
арствъ, преобразовалъ армію, администрацію, юридическій судъ,
и наконецъ скончался въ 1505 году. Сынъ его Василій IV, от-
илъ у литовцевъ Смоленскъ, окончательно завоевалъ Псковъ и

покорилъ татаръ. Онъ продолжалъ также заботиться и о внутреннемъ устройствѣ Россіи, поощрялъ искусства и поддерживалъ настоящіи сношенія съ Карломъ, Львомъ X, Соломаномъ II и Густавомъ Вазою.

Наслѣдникъ его, Іоаннъ IV Грозный, началъ свое царствованіе подъ тяжелой опекой своей матери *Елены*. Храбрый воинъ и славный законодатель, онъ поощрялъ торговлю, которая приходила уже въ цвѣтущее состояніе, ввелъ книгопечатаніе въ Москвѣ, замѣнилъ феодальное ополченіе стрѣльцами, вооружилъ ихъ ружьями и окружилъ себя ловкими иностранцами. Передъ концомъ жизни, онъ утвердилъ свое окончательное владычество въ Казани и Астрахани и открылъ Сибирь. Прозвище Грознаго, Іоаннъ IV, получилъ вслѣдствіе крутыхъ мѣръ, которыми онъ подавилъ безпорядки и распри бояръ. Впрочемъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ былъ вспыльчивъ, жестокъ и неумолимъ. Онъ былъ 51-мъ и вѣстѣ съ тѣмъ предпоследнимъ царемъ изъ рода Рюрика.

Мы достигли такимъ образомъ 16-го столѣтія, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Попробуемъ, если возможно, съ помощью безпристрастной исторіи этихъ двухъ народовъ, узнать каковъ былъ до тѣхъ поръ національный духъ у каждаго изъ нихъ и опредѣлить, какова предстоитъ имъ будущность. Что было съ Польшею до 13-го столѣтія? Въ чемъ заключалась жизнь и нравственное развитіе ея народа? Достоверно можно сказать что эта нація сохранила варварство болѣе чѣмъ Россія; платила дань Германіи, непрерывно воевала съ сосѣдними народами не извлекая изъ того никакой пользы, а между тѣмъ общество вовсе не было посвящено въ таинства цивилизаціи, — тогда какъ русскіе, едва сформировавъ націю, начали заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства; первый русскій князь Рюрикъ, хотя и поддерживалъ войны для охраненія и распространенія своихъ предѣловъ, но и тогда уже составилъ планъ дѣйствій для прочнаго существованія своего народа.

У русскихъ уже въ 1028 году появились первые, писанные на отечественномъ языкѣ, законы, тогда какъ поляки получили законы ровно тремя стами лѣтъ позже, и то на латинскомъ языкѣ. Учрежденіе политическихъ законовъ, которыя должны были дать Россіи единство въ управленіи отдѣльными областями, шли одинаково, какъ въ Россіи такъ и въ Польшѣ; тѣмъ не менѣе, первая, хотя и

жиденная и порабощенная татарами въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, вдругъ проснулась и, выгнавъ враговъ съ помощію своею — освободителя, воскресла для новой жизни. Проникнувшее почти въ одно и то же время въ центръ обѣихъ націй христіанство, имѣло пагубное дѣйствіе въ Польшѣ, потому что оно роняло сюда изъ враждебнаго славянамъ лагера — изъ запада, что подтверждается положеніемъ дѣлъ въ 15-мъ столѣтіи, когда вліяетъ одного фанатика — легата благосостояніе Польши было подоргнуто *большой* опасности, подъ предлогомъ крестоваго похода въ вѣроломныхъ турокъ. И такъ, послѣ десятистлѣтнаго существованія мы находимъ Польшу почти такую же какою, она была въ началѣ своей жизни, т. е. вѣчно воюющей и въ будущемъ не вищей ничего кромѣ войнъ. Вотъ что говорить по этому поводу ольтеръ: „Поляки только и знали что воевать и войны были ихъ единственнымъ помысломъ. Не зная совѣтъ военнаго искусства, которое замѣтно усовершенствовалося на югѣ Европы, они рожались въ безпорядкѣ, и вовсе не имѣли укрѣпленій. Вся сила ихъ заключалась, какъ и теперь, въ кавалеріи (1). Торговлей они не занимались и даже пренебрегали ею. Только въ 13-мъ столѣтіи были открыты, по требованію нужды краковскіе соляные заводы, которые въ настоящее время составляютъ одно изъ главныхъ богатствъ края. Торговля ржи и соли была предоставлена евреямъ, которые обогащались, благодаря спѣсивой праздности дворянъ и рабству народа (2).

(1) До раздѣленія Польши (въ 1772 году) поляки не имѣли другаго оружія кромѣ лука и стрѣлъ, а также не имѣли постояннаго правильно — организованнаго войска.

(2) Къ несчастію и теперь, во 2-ой половинѣ 19-го столѣтія, торговля въ Царствѣ Польскомъ и въ ополяченномъ западномъ краѣ идетъ въ порядкѣ среднихъ вѣковъ. Всѣ отрасли торговли, а равно и ремесла находятся въ рукахъ однихъ евреевъ и всякая конкуренція положительно невозможна. Если какой-нибудь наивный купчичъ изъ велико-россовъ вздумаетъ открыть лавку, то въ самомъ скоромъ времени евреи достаютъ такой-же точно товаръ (контрабандою) и продаютъ его дешевле, съ цѣлью отбить у русскаго всѣхъ покупателей и заставить его, понеобходимости, передать лавку за половину ея стоимости. Отъ этого страдаютъ рѣшительно всѣ, начиная съ крестьянъ и до мѣстныхъ служащихъ православныхъ чиновниковъ. На всякій шабашъ и жидовскій праздникъ, торговля прекращается и тогда на нѣсколько дней и жителямъ нельзя доставать даже самыхъ необходимыхъ продуктовъ, какъ напр. хлѣба, муки, крупы, масла, соли, мяса и т. д. Люди достаточные, имѣютъ еще возмож-

Въ Польшѣ уже въ то время насчитывалось болѣе двухъ сотъ синагогъ (1), тогда какъ въ то-же самое время въ Россіи неутомимо работаетъ Владиміръ надъоснованіемъ школъ и церквей, Иоаннъ строитъ Кремль и призываетъ ко двору достойныхъ иностранцевъ, набираетъ постоянное правильное войско, снабжаетъ его ружьями, обогащаетъ отечественную торговлю плаваніемъ по Черному морю и промѣномъ мѣстныхъ товаровъ на англійскія произведенія. Политическая организація этихъ двухъ государствъ показываетъ еще яснѣе ихъ противоположное направленіе. Въ Польшѣ равные между собою дворяне, безъ особыхъ титуловъ, управляютъ собственнымъ судомъ на ихъ общественныхъ сборищахъ, и никто болѣе изъ цѣлой націи не заглядываетъ въ ихъ дѣло и не полюбопытствуетъ, что и какъ они рѣшаютъ. Тѣ помѣщики, которые тщательно берега-

ность дѣлать запасы, но бѣдняки, лишенные всякихъ средствъ, покупающіе здѣсь, — какъ говорится, на *проши*, что должны дѣлать и какъ должны себя пропитывать во время жидовскихъ шабашей?... Въ дни-же христіанскихъ праздниковъ, когда народъ желаетъ молиться, необходимость заставляетъ его толкаться по базару, уже съ 5-ти часовъ утра, набитомъ евреями. Тутъ встрѣчаются предметы самаго заманчиваго свойства и завлекающіе всякаго рода покупателей; однимъ словомъ жидовскіе базары напоминаютъ толкучій рынокъ, гдѣ есть рѣшительно *все*; а потому весьма естественно, что, при такомъ положеніи торговли, вниманіе каждаго христіанина невольно отвлекается отъ церковнаго благовѣста, призывающаго къ молитвѣ. Когда желающіе купить кое-что семь на праздникъ, боятся вмѣстѣ съ тѣмъ опоздать къ *мессѣ*, еврей пользуется этой поспѣшностію и запрашиваетъ въ 10 разъ болѣе дѣйствительной стоимости предмета, такъ что ставитъ покупателя въ крайнее затрудненіе: какъ начать торговаться и насколько менѣе предложить цѣну? Тогда бываетъ всегда одно изъ двухъ или покупатель пропуститъ обѣдню, или, чтобы скорѣй отвязаться отъ еврея, заплатитъ ему требуемую цѣну. (Отъ переводч.)

(1) Лучше всего можно опредѣлить господствующій духъ польскаго народа словами: *неподвижность* или *бездѣйствіе*. Даже и въ настоящее время, та часть народонаселенія, которую неправильно называютъ дворянами (ибо они не имѣютъ земли), обогащается чужимъ трудомъ. Народъ истощается въ крѣпостномъ привѣ, а торговля вся перешла въ руки евреевъ (смотри выше № 1) и нѣмцевъ. Такимъ образомъ рельефно выдаются три группы: одна-работающая, другая — бунтующая противъ законнаго правительства, и наконецъ третья — извлекающая пользу изъ обѣихъ группъ. Все богатство края захвачено евреями, привычными считать Польшу за свое отечество. А в т о р ѣ.

и свои помѣщичьи права и всѣми силами пренятствовали къ освобожденію народа, только о томъ и ратовали, какъ-бы оградить всю собственную свободу отъ вѣянія королей и остаться навсегда независимыми. И такъ, приходится повторить еще разъ, что польскую націю составляютъ дворяне, терзающіе народъ и опутывающіе короля, которому (надо замѣтить) они давали только 1200 вровъ, для поддержки его королевскаго сана, тогда какъ сами шли въ необузданной роскоши и щеголяли азіатскимъ великолѣіемъ. Кромѣ того, паны присвоили себѣ право голоса на польскихъ сеймахъ, гдѣ ихъ замѣняли земскіе депутаты, которые повѣляли дѣйствія короля (1). Конечно, и русское дворянство въ старину шло не менѣе гордо; но легко замѣтить, что неповиновеніе то происходило вслѣдствіе общей слабости рождающейся цивилизаціи, и разумный монархъ имѣлъ всегда достаточно силъ, чтобы ввести среди своими боярами должную дисциплину. Мы увидимъ скоро русскихъ дворянъ, дружно соединившихся для выбора себѣ царя, и выносящихъ общаго врага среди тѣхъ странныхъ беспорядковъ, которые составляютъ неминуемое слѣдствіе каждой междоусобной войны; тутъ-же рядомъ съ высокимъ проявленіемъ патріотизма въ Россіи, мы находимъ въ Польшѣ безтолковые раздоры, сохранившіе слѣды и до 18-го столѣтія; эти раздоры, вызываютъ вторженіе иностранныхъ элементовъ, а тѣмъ самымъ и окончательное раздѣленіе, котораго, конечно, могла-бы избѣгнуть Польша, если бы сыны ея ослѣпней націи, хоть на мгновеніе потушили внутреннія распри и личные, грязные интересы, братски протянувъ другъ другу руку, для пользы и блага своего отечества.

Новая эра наступаетъ для Польши. Едва замѣченная до сихъ поръ всѣми европейскими государствами (отъ которыхъ, между

(1) Графъ Монталамберъ утверждаетъ, что душа польскаго народа потому только сохранилась *здоровою и невредимою*, что поляки сумѣли ловко оградить себя отъ неограниченной деспотической власти короля. Но по моему мнѣнію, деспотизмъ цѣлаго сословія гораздо вреднѣе деспотизма одной личности, что и подтверждается самими логичными фактами, какъ напр. Франція и Россія безспорно и до настоящаго времени же остаются могущественными державами, хотя онѣ имѣли своихъ Карловъ Великихъ, Людвиговъ XIV, Людовиговъ XI и въ особенности Петра Великаго, тогда какъ Польша уже давно не существуетъ ни тѣломъ, ни душой.

прочимъ она не заимствовала ни одного средства къ образованію), она то и дѣло защищала свои владѣнія отъ вторженій турокъ, татаръ и тевтонскихъ рыцарей; но разъ, какъ эти войны прекратились, ей пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ двумя могучими сѣверными державами: *Швеціей* и *Россіей*. Вовлеченная въ гибельную борьбу съ этими державами Польша, безъ всякаго расчета и безъ всякой политической цѣли, воевала и мирилась не по заранѣ обдуманнѣмъ планамъ, а какъ-бы случайно, непрерывно мѣняя своихъ союзниковъ, которыхъ также быстро обращала и во враговъ. Но само собою разувѣется, что такое положеніе дѣлъ не могло долго длиться и окончилось совершеннымъ пораженіемъ Польскаго королевства, на развалинахъ котораго расцвѣтаетъ Россія, богатая средствами къ образованію, полная силъ и надежды на будущее. Постараемся рассмотреть теперь тѣ причины, которыя повлекли Польшу къ ея роковому паденію.

1) Неугомонные турки, хотя и неоднократно выгнанные и разбитые наконецъ Сигизмундомъ I, достигли однако своей цѣли. При султанѣ Магометѣ II, они проникли въ центръ Польши, завладѣли Украиной, Подоліей и Волынью, и наложили на поляковъ подать въ 20,000 тамеровъ, которая и не прекращалась, равно какъ и вторженія турокъ, до того времени, когда послѣднимъ пришлось защищать свое собственное отечество отъ наплыва современной цивилизаціи.

2) Тевтонскіе рыцари, нападаая непрерывно на Польшу, отняли у нее восточную Пруссію, которую одинъ изъ ихъ начальниковъ, Альбертъ Брандебургскій, преобразовалъ въ герцогство и присоединилъ къ своему отечеству. Прибавимъ къ этимъ разрушительнымъ причинамъ извнѣ страшный раздоръ внутри; между поляками и литовцами возникла зависть, волновавшая весь народъ и беспощадно дробившая ихъ провинціи на мелкія чasti. Введеніе реформаціи, породило другаго рода несогласія; составились отдѣльныя религіозныя секты, и наконецъ, что положительно губило поляковъ, неповиновеніе властямъ и ослушаніе законовъ. Неповиновеніе возростало быстро и безгранично; каждый думалъ и дѣйствовалъ для себя лично, ни мало не заботясь о національности, и *это* называлось *свободою*! Смерть послѣдняго изъ Ягелловъ — Сигизмунда Августа была сигналомъ къ окончательному паденію Польши, которая видимо исчезала въ безднѣ беспорядковъ

и междоусобій. Послѣ Сигизмунда, престоль сдѣлался избирательнымъ, и выборы королей происходили обыкновенно на сеймахъ, гдѣ Вазиміръ позволилъ присутствовать и всѣмъ вообще дворянамъ. Но послѣдніе, въ своей чрезмѣрной гордости, сочинили законъ, чтобы короли избирались не иначе, какъ по согласію *всѣхъ*; (даже и по большинству голосовъ выборы не допускались, а требовалось согласіе или несогласіе каждаго вообще и всѣхъ вмѣстѣ); такъ что часто, мѣсто верховныхъ рѣшеній, превращалось въ кровавую арену.

Среди такихъ смуть, былъ выбранъ на польскій престоль Генрихъ Валуа, пользовавшійся, какъ необыкновенно отважный воинъ, большою славой. Такая быстрая переимѣна, казалось, не ослѣпила Генриха, онъ гордо сталъ подъ королевскій балдахинъ, но скоро успѣлъ ознаменовать свое царствованіе малодушнымъ поступкомъ, подписавъ *Pacta — Conventa*, — актъ, которымъ дворяне налагали ноня условія, ограничивающія верховную власть. Затѣмъ, онъ, какъ польникъ, ускользнулъ изъ Польши, подъ видомъ прогулки въ Францію, отсюда ужъ болѣе и не возвращался къ сѣвернымъ варварамъ.

Въ царствованіе Сигизмунда ІІІ началась война между Польшею и Швеціей, но слѣдствіемъ ея было то, что побѣды Густава-Адольфа и Карла-Густава доказали первенство Швеціи, а безсиленная и истощенная Польша подверглась всѣмъ бѣдствіямъ и безропотно должна была сносить удары могучей Россіи.

Внукъ Густава-Вазы, сынъ Екатерины Ягелланки — Сигизмундъ вошелъ на престоль въ 1587 году, и, не смотря на то, что самъ былъ р. католикъ, сталъ силою оружія требовать отъ протестантской Швеціи короны, которой впослѣдствіи былъ окончательно лишень въ стокгольмскомъ сеймѣ, въ іюль 1599 года. Тщетно старался Сигизмундъ возвратитъ владѣнія своихъ отцевъ; слѣдствіемъ его попытокъ было то, что и преемники его поддерживали то же призываніе, а слѣдовательно поддерживали вѣчный поводъ къ неудовольствіямъ между Швеціей и Польшею. Адольфъ покорилъ уже польскую Пруссію и вѣроятно распространилъ бы свои побѣды далѣе, еслибы кардиналъ Ришелье, своими ловкими продѣлками, не нашелъ нужнымъ прекратить эту войну, въ виду того, чтобы прогнупуставитъ шведскаго короля австрійскому царственному дому. Вслѣдъ за лишеніемъ королевскаго сана королевы Христіны, Іоаннъ-Вазиміръ неосторожно потребовалъ у Швеціи возвращенія престо-

ла и возбудилъ этия требованіемъ гнѣвъ Карла-Густава, который завладѣлъ Польшею, прошелъ до Варшавы и уничтожилъ всѣ ея укрѣпленія. Вмѣстательство русскаго и австрійскаго императоровъ, желавшихъ поддержать политическое равновѣсіе на Сѣверѣ великаго курфирста, которому Іоаннъ-Казиміръ, въ 1657 году, задаетъ неограниченную верховную власть надъ Пруссіей, — удержало въ счастію для поляковъ, дальнѣйшіе успѣхи шведскаго героя. По смерти Карла Густава Іоаннъ-Казиміръ подписалъ договоръ 1660 года 3 мая, въ которомъ онъ отрекался отъ правъ на шведскую корону, уступая ей Лифляндію и Эстляндію, — слѣдовательно Швеція восторжествовала.

Іоаннъ-Казиміръ былъ сначала іезуитомъ, а потомъ кардиналомъ; тѣмъ не менѣе, смотря съ политической точки зрѣнія, онъ былъ жалкій король.

Въ его царствованіе былъ окончательно утвержденъ знаменитый законъ *Liberum Veto*; — законъ дающій право всякому гражданину свободно дѣйствовать въ видахъ собственныхъ интересовъ, ни мало не заботясь о томъ, что часто личные интересы бывають помѣхою вопросамъ цѣлой націи.

Іоаннъ Казиміръ скончался въ Парижѣ, въ Сень-Жерменскомъ монастырѣ, куда онъ переселился въ послѣдніе дни своей жизни. Іоаннъ потерялъ большую часть своихъ владѣній въ войнахъ съ Швеціей и Россіей. Съ этого злополучнаго царствованія начинается окончательное паденіе Польши. Турки завладѣли всѣмъ королевствомъ, покорили Подоль, Украину, Волынь, и наложили ежегодную подать 20,000 талеровъ, какъ уже было говорено выше. Наконецъ въ одномъ изъ договоровъ, Іоаннъ Собіескій снхлъ этотъ стыдъ съ своего отечества, но все таки принужденъ былъ оставить туркамъ Каменецъ—Подольскъ и часть Украины. Избранный въ короли подъ именемъ Іоаннъ III, — Собіескій хотѣлъ организовать постоянное правильное пѣхотное войско, дабы отражать турецкую армію, но раздоры дворянъ и сила закона *Liberum Veto*, говорящая отъ имени всей Польши (которая, казалось, сама содѣйствовала своей гибели), препятствовали Собіескому въ исполненіи его плана. Освободивъ Вѣну отъ осады турокъ, Собіескій былъ оставленъ австрійцами и долженъ былъ купить союзъ русскаго правительства. царевны Софіи уступкою Смоленска, Чернигова, Кіева и Сѣверскаго княжества. Вскорѣ онъ умеръ, оставивъ государство страшно разстроеннымъ, и не надѣясь на возстановленіе своего отечества. При

съхъ потрясеніяхъ, говоритъ Вольтеръ, Польша не измѣнила ни одной черты въ своемъ управленіи, ни законовъ, ни обычаевъ. Она не разбогатѣла и не обѣднѣла, и военная дисциплина нисколько не улучшилась, тогда какъ Петръ Великій, съ помощью иностранцевъ, овелъ военную дисциплину до совершенства, и результатомъ его трудовъ было то, что презираемые поляками *русскіе* заставили Польшу въ 1783 году принять того короля, котораго они сами избрали, нѣсколько тысячъ *москалей* учредили для польскаго дворянства коны, которые тѣ и должны были безропотно принять. Хотите ли знать, каково было то управленіе, которое благородные поляки оддерживали, не смотря на его явные и тайные недостатки? Поведадимъ для этого слова Вольтера, котораго, конечно, нельзя упрекнуть въ несправедливости или пристрастіи, такъ какъ онъ не *сумитъ*, а рассказываетъ только факты, извѣстные всѣмъ истинкамъ.

„Польская конституція была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вѣрнѣ копія съ древняго управленія франковъ и готовъ. Въ другихъ—она вѣрнѣ походила на образъ правленія древнихъ римлянъ, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда каждый дворянинъ изображалъ собою народнаго представителя, и когда каждый имѣлъ право сопротивляться постановленіямъ сената,—однимъ словомъ—*ето!* Право это, распространяющееся на всѣхъ вообще гражданъ доходящее до того, что одинъ голосъ отбиваетъ желанія всей республики,—превратилось въ анархію,—такъ, народный трибуна чтился у римлянъ лицомъ законодательнымъ, а каждый гражданинъ, свободнымъ членомъ, или подданнымъ государства. Право того члена состояло въ томъ, что онъ свободно могъ мутить всѣ условія въ государствѣ, а право это такъ дорого цѣнилось самопоміемъ поляка, что еслибы на одномъ изъ сеймовъ предложить то уничтожить, то навѣрное можно поручиться, что за такое смѣлое предложеніе, виновный былъ бы растерзанъ.

Послѣ Собіескаго начались одновременно выборы Августа II и Августа III, покровительствуемыхъ Россією, а также Станислава Лещинскаго, возведеннаго на престолъ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Но дворяне продолжали дремать, забывая свой долгъ. Въместо того, чтобы дружно соединясь, отвращать общими силами видимо приближающуюся опасность извнѣ,—они раздѣлялись на нѣсколько враждующихъ партій и ускоряли паденіе всей націи, своими пустыни распрями.

Тѣмъ временемъ, императрица Екатерина II, воспользовавшись заблужденіемъ польскихъ пановъ, посадила на польскій престолъ одного изъ своихъ приверженцевъ — Станислава Понятовскаго, и убѣдившись въ нейтралитетѣ Франціи и Пруссіи, незамѣтно приняла подѣ свое покровительство иновѣрческія польскія секты, угнетаемыя р. католиками. Дворянамъ не хотѣлось поддаться вліянію русской царицы, а потому они образовали, — съ цѣлью начать сопротивленіе; извѣстный союзъ подѣ названіемъ *барской конфедерации*, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли неосторожность выпустить Понятовскаго; тогда Екатерина, подѣ предлогомъ возстановить своего приверженца, заняла Польшу русскими войсками и съ содѣйствіемъ Пруссіи и Австріи, совершила первое раздробленіе Польши въ 1772 году.

Вслѣдъ за этимъ раздѣленіемъ Станиславъ Понятовскій возвратился въ королевство, гдѣ пробовалъ переобразовать конституцію; но часть дворянства, желавшая поддержать прежнюю конституцію, взбунтовалась и просила помощи у Екатерины, но, конечно, Екатерина отказалась подать требуемое пособіе. Тогда совершилось, не смотря на мужественное сопротивленіе Іосифа Понятовскаго и Костюшки — второе раздробленіе Польши. Безпрестанно повторявшіеся возмущенія въ Варшавѣ, Вильнѣ и на Литвѣ, довели Польшу до третьяго, окончатѣльнаго раздѣла, результатомъ коего было полное пораженіе Польши. Углы границъ Пруссіи, Россіи и Австріи сошлись при Краковѣ, а имя Польши было стерто съ карты Европы.

Мы оставили Россію послѣ царствованія Іоанна IV, повидимому, варвара, но великаго законодателя, справедливо сравненнаго съ кардиналомъ Ришелье, такъ какъ оба одинаково, увеличили и укрѣпили царское достоинство въ ущербъ удѣльному раздробленію, и оба употребляли съ пользою одно и то-же средство: эшафотъ.

Въ царствованія преемниковъ Іоанна Грознаго, внѣшнія нападенія волновали народъ и грозили нарушить благосостояніе всей націи, но вотъ вступаетъ на престолъ Феодоръ, хотя самъ по себѣ и безхарактерный царь, но онъ женится на сестрѣ Бориса Годунова, которому передаетъ управленіе дѣлами государства. Однако Борисъ Годуновъ не оправдалъ довѣрія шурина. Онъ умертвилъ, чрезъ подосланныхъ убійцъ, царевича Дмитрія, и послѣ смерти Феодора завладѣвъ незаконно престоломъ подвергнулъ Россію цѣлому ряду важныхъ событій, имѣвшихъ пагубное вліяніе на развитіи Россійскаго государства. Но сдѣлавшись похитителемъ престо-

въ, Борисъ не долго жилъ, а послѣ его смерти являются истребители короны самозванцы въ лицахъ *Лжедимитріевъ*, и всѣ эти обстоятельства, составляющія, цѣль внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ, возбуждаютъ нападенія шведовъ и поляковъ, и, во видимоу, быстро влекутъ Россію къ паденію.

Казалось, не было и надежды на спасеніе: но именно въ критическую минуту и проявляется вторично патріотизмъ русскихъ оаръ! Они сдерживаютъ свои порывы, забываютъ всѣ личные интересы, междоусобную вражду и думаютъ лишь о спасеніи отечества. Съ общаго согласія, они выбираютъ въ цари Михаила Федоровича Романова, который тотчасъ-же выгоняетъ непріятелей съ предѣловъ Россіи и, дабы упрочить миръ, уступаетъ имъ часть усской земли, прежде завоеванной русскими князьями.

Сынъ его Алексѣй Михайловичъ, мирнымъ договоромъ въ 1656 году, возвратилъ все то, что потерялъ его предшественникъ.

„Занятіе Азова и присоединеніе малороссіи“, говоритъ Г. Фельере, достаточно свидѣтельствуютъ о силѣ молодого государства и о томъ гоществѣ, которое ему предстоитъ въ будущемъ“.

Въ теченіи слѣдующихъ царствованій, Россія совершенно освобождается отъ того одинокаго положенія, которое придавало ей арварскій видъ среди всей Европы и вступаетъ въ сношенія съ шадными народами. Тогда - то и является Петръ Великій, счтенный основателемъ Россійской имперіи; онъ прекрасно понялъ нужды своего народа, и самъ старался ихъ удовлетворить; этотъ гучій геній царствовалъ одинъ съ 1689 года. Не станемъ погорать и безъ того уже всѣмъ и каждому извѣстной исторіи Петра Великаго. Съ его возшествія на престолъ, начали серьёзно бращать вниманіе на цивилизацію великороссовъ, неправильно розванныхъ (поляками) москалями; тѣмъ не менѣе легко забыть, что Петръ Великій, только продолжалъ дѣла своихъ предковъ; онъ дѣйствовалъ лучше и быстрѣе—вотъ и все. Онъ касался рѣшительно всего — создавалъ и усовершенствовалъ. Силія его особенно клонились къ тому, чтобы вдвинуть Россію въ общую европейскую колею и подчинить ее общепринятымъ системамъ. Петръ составилъ флотъ, распространилъ на 36,000 верстъ ои владѣнія, убѣдился въ послушаніи своихъ подданныхъ по въ экзекуціи взбундовавшихся стрѣльцовъ, которыхъ строго казали и наконецъ основалъ С.-Петербургъ, на мѣстности, выборъ

которой одинъ достаточно говорить объ обширныхъ прозвѣгахъ Петра Великаго на будущее.

„Можно ли было предвидѣть“ сказалъ однажды Вольтеръ, говоря о первобытномъ состояніи Россіи, „чтобы когда нибудь русскій царь могъ основать городъ въ болотѣ, въ глуши Финскаго залива, — городъ превратившійся въ новую столицу, куда ежегодно приставтъ до 250 иностранныхъ кораблей (1), и откуда будетъ выходить многочисленная армія для выбора королей въ Польшу, для помощи Германіи противъ Франціи, для раздробленія Швеціи, для двоекратнаго взятія Крыма, и наконецъ, что флотъ его будетъ обѣждать въ Дарданеллахъ“.

Остальное мы постараемся сократить и скажемъ въ двухъ словахъ: въ царствованіе Екатерины I и ея преемника Петра II (1726—1730) русскіе были исключительно заняты Азіей, но Анна Іоанновна возвратилась къ системѣ Петра Великаго и предвѣстала начатія нѣмъ преобразованія. Она вступилась въ дѣла Польши, расположила русскія войска даже на берегахъ Рейна и рѣшилась принять миролюбивый договоръ въ Вѣнѣ 1738 года.

Екатерина II довершила все начатое и довела свое отечество до высшей степени его могущества. Она раздробила Королевство Польское, и сдѣлалась участницею многихъ европейскихъ вопросовъ.

Здѣсь мы остановимся.

Остальное заключается въ одной фразѣ: внѣ отечества — духъ завоеванія и цивилизаціи, внутри, — стремленіе къ просвѣщенію и преобразованію. Каждому легко вывести заключеніе. Мы передавали только тексты изъ исторіи, но всякій безпристрастный человѣкъ, слегка прикасаясь къ нѣкоторымъ фактамъ, можетъ шагъ за шагомъ слѣдить за развитіемъ народнаго духа обѣихъ націй и видѣть тотъ роковой скатъ, по которому Польша стремилась къ паденію, — Россія къ усовершенствованію, и если ея не полному, то все такъ уже видимо.

Но развѣ не легко было предвидѣть такую развязку и начала? Къ чему же стараются достигнуть невозможнаго — какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ? Исторія рѣдко противорѣчитъ стремленіямъ народа.

Духъ польской націи не сочувствуетъ современной цивилизаціи: это вкоренилось уже издавна, но и самое прошедшее не доказыва-

(1) Во времена Вольтера.

тъли намъ въ неоднократныхъ обстоятельствахъ, что если народъ ротиворѣчить прогрессу, то всегда рождается иностранное вліяніе, которое сначала кажется несправедливымъ, но въ послѣдствіи оказыва-
 тся благодѣтельнымъ? Къ чему препятствовать Провидѣнію, возбуж-
 дя новыя преграды въ постоянномъ ходѣ цивилизаціи? Развѣ на мо-
 учей Россіи не лежитъ обязанность бороться вездѣ одинаково, какъ
 въ Китаѣ, такъ и въ Персіи, какъ въ землѣ черкесовъ, такъ и въ
 Польшѣ и Турціи, съ цивилизаціею противною общей европейской?
 Конечно, да; съ сѣвера, востока и юга границы земли русской при-
 некаютъ къ землямъ дикихъ народовъ, а образованность ея ни-
 сколько не отличается отъ цивилизаціи Франціи. Въ дѣлѣ просвѣ-
 щенія, русскіе идутъ по одной дорогѣ съ Франціей и Англіей; ко-
 нечно, они нѣсколько поотстали, но ихъ привлекаютъ одѣ и тѣ
 же идеи, и они неутомимо работаютъ. Общая цѣль всѣхъ
 насъ соединяетъ, и про Россію можно только сказать, что она
 доле насъ, но составляетъ общую нераздѣльную семью, съ могу-
 цественными европейскими державами—Англіей и Франціей. И по-
 тѣ всего этого, какова-же пропасть между Россіей и Польшей?
 Когда русскіе бояре, воодушевленные патріотизмомъ, дружно сое-
 диняются для спасенія отечества,—польскіе воеводы—фанатики со-
 бираются для торжественнаго опредѣленія верховной власти *Пре-
 зытой Богородицы* надъ землей польской, а затѣмъ безпощадно
 бьютъ другъ друга, при первомъ поводѣ къ разногласію. Когда
 каждый элементъ русской націи ищетъ возможности вполнѣ соеди-
 ниться съ прочими элементами, чтобы противопоставить иностран-
 намъ существенную силу своей связи,—поляки добровольно забы-
 ваютъ что республика есть тоже что дружный союзъ, но отнюдѣ
 не эгоистическое своеволие отдѣльныхъ личностей. Такимъ образомъ,
 и въ то, чтобы создать государство могучее, они составили
 правленіе безобразное, которое не было ни республикой, ни монар-
 хіей; ни правленіемъ неограниченнымъ, ни конституціоннымъ.
 Поляки создали чудовищный корабль безъ кормила и весель,
 который, не будучи въ силахъ сопротивляться бурямъ политичес-
 каго океана, съ шумомъ пошелъ ко дну.

(Продолженіе впрѣдъ).

ВИРУТА И КЕЙСТУТЬ.

(Продолженіе) (*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

ВЪ 1-мъ ДѢЙСТВІИ 3-й КАРТИНЫ.

Вирута, княжна, дочь Выдимунда.

Ригальда, Вайделотка— помѣшанная (жена витязя Борса).

Странникъ, русинъ, старикъ лѣтъ 70-ти.

Борись, русинъ— витязь (мужъ Ригальды).

Мамка Вируты.

Постельничій К. Выдимунда.

Дѣвцы— служанки.

Стражъ— латынкъ.

Латынки.

В О 2-мъ ДѢЙСТВІИ 4-й КАРТИНЫ.

Вирута, Вайделотка— (старшая).

Кейстуть, в. кн. трокскій.

Григорій, молодой русинъ, любимецъ Кейстута.

Сигмонта.

Вайделотки (ихъ должно быть не мѣнѣе 8).

В о о н ѣ.

К. Юрій— Рыцари— Лятовцы— Русины— боги— богини— Вирута и проч.

(*). Смотри 1 книжку Вѣстника.

ВЪ 3-мъ ДѢЙСТВІИ 5-й КАРТИНЫ.

Князь Юрій (въ бѣлой рыцарской мантии, съ огромнымъ щитомъ, въ рыцарскомъ шлемѣ и съ мечемъ).

Вѣдьма (*колдунья*, лѣтъ 60-ти).

Бирута.

Странникъ.

Кейстуть.

Григорій.

1-й бояринъ {

русины.

2-й бояринъ }

3-й бояринъ— литовець.

А. {

Б. { латники—русины.

В. {

Готко, латникъ, изъ жмудиновъ.

Врубгайла, латникъ литовець.

Бояре, ратники, латники— (русины, литовцы и жмудины).

ДѢЙСТВІЕ I-е.

(Картина 3-я).

Дѣйствіе происходитъ на дворѣ замка Видминуда: Въ глубинѣ стѣнъ—(на верхность зубчатая). Ворота (жѣлѣзныя). По стѣнѣ ходитъ стражъ-латвикъ.

Я В Л Е Н І Е 1-е.

Стражъ-Латвикъ (ходитъ и поетъ).

- » У бояръ кушилъ (*),
 » Братецъ, коника.
 » Куятай, балабай,
 » Братецъ, коника.
 » Отъ Пеклоса свободилъ,
 » Братецъ, дѣвицу.
 » Куятай, балабай,
 » Братецъ, дѣвицу.
 » Отъ чего же ржетъ
 » Коникъ гнѣденкой?
 » Гоць!.. Гоць!.. го... го!..
 » Коникъ гнѣденкой.
 » О чемъ плачетъ
 » Красна дѣвица?
 » Гоць!.. Гоць!.. го.. го!..
 » Красна дѣвица.
 » Коникъ ржетъ
 » По зеленомъ лугу.
 » Дамъ... дамъ... дали дамъ...
 » По зеленомъ лугу.
 » Плачетъ дѣвица
 » По своей веснѣ.
 » Дамъ... дамъ... дали... дамъ...
 » По своей веснѣ.»

(*) Передѣлана съ старинной литовской пѣсни.

(Обиравается на воше). Ничего не видать, ничего не слышать!... неба высоко, а на землѣ жутко.... Хе, хе; хе!... (вздыхаетъ). Ити бы воронъ, что ли, принесъ вѣсточку съ ратнаго поля... то вотъ мѣсяць цѣлый какъ ушли—ни слуху, ни духу... Точекъ синимъ водамъ ушли... Не ладно такъ страшать. Доло бы народу не было, а то гонцовъ!... (Смотритъ на лѣво). А вотъ юдая княжна Вирута опять сюда идетъ... Хоть бы ее-то вѣсконой порадовали, а то страхъ какъ тоскуеть...

Я В Л Е Н И Е 2-е.

ражъ-латникъ, Вирута, мамка Вируты, двоицы-слу-жанки, постельничій князя и нѣсколько латниковъ.

Вирута. (Тихо и задумчиво выходитъ и садится на большой камень, ко се блѣдно, глаза заплаканы). И день-то сегодня, какъ нарочно, хій; вѣтерокъ чуть чуть колыхаетъ листочки деревъ, птички чно сговорились— ужъ такъ поютъ, такъ поютъ, что просто ить меня.... Не пойте, милныя пташки, я не хочу веселиться, я могу радоваться.... Я хочу плавать; пусть день будетъ та-й же бурный, какъ теперь, въ моемъ сердцѣ; пусть голубую беснующую лазурь покроютъ темныя тучи, пусть заблещетъ пер-пеловъ огонь и раскаты грома огласятъ воздухъ... пусть плачетъ бо!... Да, лейтесь слезы небесныя... плачь природа!... Пусть ринный вѣтеръ унесетъ тоску мою къ моему.... батюшкѣ (обра-вется къ мамкѣ). Ахъ, какъ тоскуеть мое сердце... какъ тоскуеть мое сердце!... Какъ мнѣ скучно!... Святая Праурима! (плачетъ).

Мамка. Прекрасная моя княжна, дорогой ты мой цвѣтокъ пышный, бѣлый ты ландышъ,— не лей ты слезъ— горючихъ, кручинься раньше времени, не томи себя напрасно! Можетъ, скоро вѣсточка придетъ съ поля ратнаго, вѣсточка радостная, во-отится твой батюшка,— нашъ князь Выдумундъ, приласкаетъ бо, приголубитъ, скажетъ тебѣ слово ласковое... Не губи же бо по веснѣ, цвѣтокъ ты мой пышный!

Вирута. Какъ же мнѣ не тужить? Какъ же мнѣ не плавать? Моя весна безъ зелени, моя рута поистоптана. Кто знаетъ, кто ѣдаетъ, что случилось съ моимъ милымъ отцомъ, съ княземъ Кей-туттожъ, со всей нашей дружиной?!.. Можетъ, перебиты нѣмец-кой поганью, или скверными лихами?... И лежать ихъ тѣла из-дубленные, изувѣченныя на чистомъ полѣ—не сожженныя, гложутъ

ихъ косточки звѣри лютне.... Охъ! не доброе чуло мое сердце, когда понили наши отсюда!...

Постельничій. Княжна прекрасная, послушай меня старика.. Бывалъ я на ратныхъ бояхъ не одинъ десятокъ съ твоимъ батюшкой— нашимъ княземъ Выдимундомъ; видалъ смерть своими глазами, рубилъ татаръ, ляховъ и латинцевъ,— не пугажа ничего, купался въ крови точно въ морѣ. Такъ дѣло ратное я знаю хорошо; недаромъ князь отдалъ мнѣ оборону всего замка.... Не разбить всей латинской силѣ нашу дружину ни вовѣки. И отъ младшей дружины нѣмцы бѣжали, а тутъ съ королею Белстутомъ и старшая, и младшая, и передовая. Кабы нѣмцы нашихъ повоевали, али въ полонъ забрали,— погань бы привнесла сюда, а можетъ статься, какъ я смекаю, король забралъ замок да и пошелъ дальше, али стоитъ подъ стѣнами Мариенбурга и бьетъ стѣны машинами, гонца можетъ и посмалли, да его нѣмцы перехватили, али еще схватки не было,— такъ дичь послать?.. Здѣсь все будетъ покойно; за тебя, княжна, мы всѣ головы сложимъ, коли придется. Не печаль же себя и насъ, добрая княжна (къ дѣвицамъ). А вы, дѣвицы милыя, красивыя, потѣшите свою княжну дорогую пѣснями, да забавами; можетъ княжнѣ— то на сердцѣ и полегчаетъ?!...

Мамка. И то правда,— ну-ко, дѣвицы— красавицы, запѣвайте-ка пѣсню звонкую— веселую, шировую— плясовую!..

Постельничій. А я, княжна, пойду, возьму *чернаю* (*) пѣтухъ и *черную* курицу, отнесу ихъ къ Сигнотѣ— для жертвы Кавсу и Пеклосу; можетъ, боги сегодня изрекутъ чтонибудь?!.. Да по пути зайду къ страннику-христианину, что вчерась пришелъ къ намъ; пусть онъ тебѣ, княжна, расскажетъ про Вильму, про Пековъ, про Кіевъ... Рѣчи его— все славныя, кажись бы— все слушалъ его... я позову?

Вирута. Позови!

Постельничій. Что же вы, дѣвицы, стали? Начинайте, запѣвайте!.. (Уходитъ).

(*) Въ языческой Литвѣ, въ подобныхъ случаяхъ, приносились въ жертву черныи пѣтухъ и черныя куры.— Иногда для Пеклоса маленькии дѣтей рѣзали и кидали на костеръ, думая кровью младенческою умилостивить ненасытнаго Пеклоса.

Я В Л Е Н І Е 3-е.

Тѣже, безъ ностельничаго.

Хоръ дѣвиць.

»Храбрый витязь мой (*),

»Молодой русинь!

»За чѣмъ смотришь ты

»На меня сироту?

Вирута. Нѣтъ, нѣтъ... не пойте этой тоскливой пѣсни; займите другую!

Нанка. Пирovou, плясовую... Становитесь въ круговую.
(дѣвицы становятся во кругъ Вируты).

Хоръ дѣвиць.

»Будемъ пѣть и плясать (**),

»Будемъ веселиться;

»Вѣночекъ мой,

»Зеленый мой (пляшутъ и снова становятся):

»У меня есть отецъ,

»У меня есть и братъ;

Вѣночекъ мой,

Зеленый мой (пляска повторяется).

»У меня есть мать

»Есть зеленый вѣнокъ;

»Вѣночекъ мой,

»Зеленый мой.

»Съ рутянымъ вѣнчкомъ

»Я живу, веселюсь и пою;

»Вѣночекъ мой

»Зеленый мой.

»Какъ прійдетъ за мной

»Витязь-юноша мой;

»Вѣночекъ мой

»Зеленый мой.

»Сниметь онъ вѣночекъ

»Надѣнетъ повязку;

(*) Начало древнѣйшей литовской пѣсни. (Авт.)

(**) Переделано изъ исторической литовской пѣсни. (Авт.)

- »Вѣнчечъ мой
 »Зеленый мой.
 »Тогда я заплачу,
 »А теперь пою;
 »Вѣнчечъ мой
 »Зеленый мой.
 »Будемъ пѣть и плясать,
 »Будемъ веселиться;
 »Вѣнчечъ мой
 »Зеленый мой (пляска кончается).

Мамка. Ну что же, княжна прекрасная, мой *жемчужка* дорогой, по сердцу ли тебѣ приплась эта пѣсенка? Аль еще спать! (Барута молчитъ). Дѣвицы красавицы, запѣвайте пѣсню новую, — пѣсню ратную; можетъ отъ той нашъ милый ландышъ зацвѣтетъ скорѣй??..

Хоръ дѣвиць.

- »Содице на небо восходить (*)
 »И всѣхъ людей оживляетъ огнемъ;
 »*Лаума* на небѣ по поясу ходить
 »И *Кавасъ* играетъ блестящимъ мечемъ.
 »Наши трубятъ въ рога
 »И идуть на врага.

(Принимъ этотъ поютъ всѣ, — даже латники и стражъ).

- »Смѣлѣе-дружнѣе
 »Идите впередъ,
 »На знамя смотрите
 »И смерти не бойтесь,
 »Стѣною сомкнитесь,
 »Врага не шадите,
 »Храбрѣе деритесь,
 »Умрете со славой (2).

Хоръ дѣвиць.

- »Застонала земля
 »Отъ ударовъ мечей,

(*) Пѣсня эта передѣлана изъ одной древнѣйшей латышской литовской. (Лит.,

- »Ахъ мой конь вороной,
 »Не урони подо мной! (2)
 (поить всѣ).
 »Бейте, рубите,
 »Гоните, колите,
 »На знамя смотрите,
 »Дружите смѣлѣ,
 »Деритесь братья (2)
 (Дѣвцы однѣ).
 »А если падете, падете со славой, —
 »Мы память о васъ прославимъ въ курганѣ.»

Бирута. Не пойте этой пѣсни; у меня и такъ сердце но-
 ь... И такъ ужъ я все о смерти думаю... Спойте лучше ку-
 нечку.

Хоръ дѣвицъ.

- »Скажи мнѣ, птичка милая,
 »О моей судьбѣ
 »Куку... куку... куку (2).
 »Гдѣ мой милый юноша,
 »Гдѣ мой храбрый вятязь?
 »Куку... куку... куку (2).

Я В Л Е Н І Е 4-е.

Тѣже, Постельничій и Странникъ.

Бирута. Полно пѣть, красныя дѣвицы... Я не могу слу-
 ать. На веселье вамъ, — спасибо! (Обращается къ Постельничему). Ну
 го сказали боги?

Постельничій. Сигонота сказалъ, что послѣ жертвы Кавасъ
 казалъ: наши дружины по добру по здорову скоро воротятся съ
 латой добычей, а Пеклосъ еще проситъ жертвы; я послалъ мо-
 одого барашка.... Звѣзды, говорятъ Сигонота, тоже хорошее
 редвѣщаютъ.

Странникъ. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу тру-*
ишася зидущій... Всѣ наши мудрованія человѣческія — сует-
 се... Господь Богъ нашъ, творецъ нашъ праведный и милосерд-
 ный, сотворившій и солнце, и луну, и звѣзды, всю твердь небес-

ную, обитаетъ надъ звѣздами и посылаетъ знаменія-небесныя; во волхованія и мудрованія человѣческія по звѣздамъ— одинъ грѣхъ...

Бирута. Да вѣдь гдѣ звѣзды, тамъ и боги.. Тамъ жь вѣтъ властитель всего міра отецъ *Прамжу*.

Странникъ. Не Прамжу, а Богъ истинный, Вотъ правды... Гнѣвись— не гнѣвись, княжна, а пора бы тебѣ прозрѣть мысленными очами и бросить поганскую вѣру, да принять святое крещеніе, возрождающее человѣка... Въ православномъ вѣрованіи ты бы, княжна, уготовила себѣ въ будущей— вѣчной жизни пресвѣтлый рай...

Бирута. Ты вѣруй и молись какъ знаешь, а мы въ свой вѣрѣ будемъ...

Странникъ. О, добрая княжна... Ты въ этой поганской вѣрѣ не спасешься, не уготовишь себѣ царствія Божія...

Бирута. Гдѣ это царствіе Божіе?

Странникъ. Тамъ (показываетъ рукой на небо), тамъ, гдѣ Сынъ Бога живаго,— Который сказалъ: *приидите ко мнѣ вси труждающіеся, и азъ упокою вы...*

Бирута. Откуда ты родомъ, кто такой и куда путь держишь!

Странникъ. Родомъ я изъ Виленскаго воеводства, самъ я изъ бояръ— русинъ; Иванъ мнѣ нѣмца далъ: прежде я тоже былъ храбрымъ витяземъ, бывалъ въ сѣчахъ, еще съ самимъ покойникомъ Гедининомъ, а потомъ и съ *Ондрьемъ* (*) Гедининовичемъ и съ Кестутиемъ, ... видалъ всего, нагрѣшилъ много... Господи помилуй мя!.. Теперь вотъ захотѣлось поваляться, духомъ смириться, поревновать святымъ угодникамъ... Хожу теперь— странствуя по святымъ мѣстамъ... вотъ сюда зашелъ навѣстить, провѣдать кое— кого изъ русиновъ... крестиковъ для нихъ принесъ, да еще что другое...

Бирута. Старецъ! смекаю я, что ты князя Ольгерда называешь *Ондрьемъ*.

Странникъ. Да, добрая княжна, Господь нашъ Иисусъ Христосъ озарилъ истиннымъ свѣтомъ князя Ольгерда; онъ въ святомъ крещеніи нареченъ *Ондрьемъ*.

Бирута. Такъ онъ крестился?!

Странникъ. Княжна добрая! онъ ни когда язычникомъ то и не былъ... Родился онъ отъ матери христіанки православной

(*) Вѣриже— по моему Ольгерда называть Ангрѣемъ. Доказательствомъ будутъ служить факты историческіе въ послѣднихъ дѣйствіяхъ. (Авт.)

льги, и имя то дали ему от нея, — Ольгердъ; это значитъ сына родила.... Его еще, до перваго постриженія (*), мать тайно отъ Гедимина окрестила, а потомъ вотъ, женившись на Гуляніи Александровнѣ, княжнѣ тверской, опять крестился; душа о вишь того захотѣла, а Гуляніа Александровна ему тутъ и звала „будь“, говорить, „ты мойи мужемъ, а имя носи моего родителя Александра.“ А князь ей на это молвилъ: „по што гѣ другое имя, коли меня мать крестила и назвала Ондрѣемъ?“ Знаю я, все вѣдаю“, сказала княгиня: „да ты ужъ отсталъ отъ вѣры, забылъ ее и захотѣлъ креститься еще, ну такъ и имя прии другое...“ Такъ Александромъ и назвали при второмъ — то крещеніи... А мы — русины Ондрѣемъ величаемъ, какъ допрежъ о называли.... Вотъ теперича Богъ послалъ сына Якова Ондрѣича.... А литовцы — язычники по своему Ягайлой назвали...

Вирута. А князь Кейстутій объ этомъ вѣдаетъ?

Странникъ. Какъ чай не вѣдать!... При мнѣ во Псковѣ — то, когда мы ходили оборонять псковичей отъ погани нѣмецкой, псковичи начали приставать къ князю Ольгерду и молить ю, „прими“, говорятъ, „крещеніе и садись у насъ на столъ ѣжить.“ — „Нѣтъ“, говоритъ „креститься мнѣ второй разъ не ля чего, за не я крещенъ уже, и княжить я у васъ не хочу; вотъ возьмите моего сына, Ондreja, на княженіе“ (**). Тутъ и Кейстутій былъ и словомъ не перечилъ, — за не онъ самъ гѣ одной матери христіанки родился...

Вирута. А ты, старецъ, князя Юрія знаешь?

Странникъ. Княжна милостивая, много князей Юріевъ и Ольгерда и у Кейстутія въ дружинахъ; о которомъ ты соизволишь спрашивать?

Вирута. О которомъ я спрашиваю, тотъ Юрій воеводой въ горожевой дружинѣ Кейстутія.

Странникъ. Знаю этого храбраго витязя, славнаго князя Орія Витовтовича; онъ во Псковѣ тоже былъ съ королемъ Оль-

(*) Обрядъ постриженія существовалъ у славянъ и литовцевъ; когда ребенокъ могъ сидѣть на лошади, ему стригли первый разъ волосы; этотъ обрядъ опровергался ирешествами. (Авт.)

(**) Смотри Соловьева исторію, томъ 3-й.

гердожь набольшиниъ воеводой у него былъ (*), а теперь вотъ перешолъ къ Кейстутію.

Бирута. Его Иванничемъ по отчеству величаютъ, а не Витовтовничемъ.

Странникъ. Знаю, добрая княжна, все вѣдаю... Отецъ его былъ сперва въ молодыхъ-то лѣтахъ тоже язычникъ, какъ вотъ и ты же, да потомъ просвѣтился святиниъ крещеніемъ и позналъ вѣру своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ... Слышь ты, княжна, Витенесь его дѣдъ маленькииъ взялъ изъ *Гурями*, за не сиротой остался; отца убили, а мать умерла... Ну вотъ Витенесь и взялъ его къ себѣ, да такъ въ поганствѣ языческыиъ и воспиталъ его; христіанское имя перемѣнилъ на языческое, а потомъ женилъ на русиниѣ, вотъ и родился у нихъ сыиъ и назвали его Витовтожь.... Потомъ, когда Витовтъ выросъ, ему рассказали, что его дѣды и прадѣды были православными—христіанами; онъ окрестился подъ именемъ Ивана и женился, а чрезъ годъ родился сыиъ Юрій... Вотъ его теперь кто Иванничемъ, кто Витовтовничемъ величаютъ.... Господи помилуй его!.. Славный князь! Всѣмъ онъ любъ, у насъ и псковичи его больно полюбили.

Бирута. Да и батюшкѣ моему онъ полюбился.

Странникъ. Что говорить, княжна добрая, пре такихъ людей, которые не токмо людямъ, да и Богу милы за усердіе къ Отцу Небесному. Прошлаго года онъ въ Вильнѣ деревья во им своего святаго Ангела выстроилъ; вотъ за это Богъ ему счастье дастъ: ни въ одномъ еще ратномъ дѣлѣ рука вражья до его тѣла не коснулась...

Бирута. Скажи ты мнѣ, старецъ маститый: по истинѣ добѣжали до насъ слухи, что вѣру нашу и самого нашего судьи надъ судьями Криве-Кривейто Ольгердъ тѣснить началъ, божицы наши разоряють, вайделотовъ и вайделотокъ выговяють?..

Странникъ. Добрая, милостивая княжна! развѣ не вѣдомо тебѣ, что въ чужомъ огородѣ и на чужой землѣ овощи нехи вырастають?.. Зане уходу нѣтъ за ними, развѣ не вѣдомо тебѣ, что много лѣтъ назадъ ваша языческая вѣра, съ самими Криве-Кривейто, пришли незванныя непрошенныя—изъ Ромномъ

(**) Соловьевъ, томъ 3-й; при этомъ прошу читателя прослѣдить за всей судьбой Юрія—изъ послѣдующихъ актовъ—и сравнить съ исторіей. (Авт.)

въ Вильну, гдѣ земля искони вѣковъ была русская?.. А русины же со времянь святаго Владиміра кіевскаго бросили свое поганство и обратились въ христіанство православное... Въ этомъ уроищѣ, надъ рѣкою Нерисъ, гдѣ пріютился Криве - Кривейто со земли погаными богами, — ужъ не прогнѣвайся за мои слова, — покойникъ Гедиминъ основалъ городъ большой; живутъ въ немъ почитай все христіане православные и заняли они большую половину и храмовъ, монастырей настроили, благолѣпно украсили ихъ, и два двора мѣстныхъ торговыхъ выстроили... Есть тоже лемчиники, но ихъ не больно много, а меньше того жмудиловъ... Такъ на что же христіанамъ божицы — то поганскія? Известно, ихъ разметали, а на мѣста ихъ церквей понастроили... Да и литовцы, то и дѣло, переходятъ въ нашу вѣру, за неповажили Бога истиннаго.... А тѣснить Криве - Кривейто ни князь, ни кто другой не думали, да и что тѣснить и бить того, кто жить; у насъ есть русская пословица: лежачаго не бьютъ... Известные бояре и князья литовскіе ужъ давно приняли крещеніе... А Довмонтъ, литовскій князь, сподобился быть причисленнымъ къ числу святыхъ... Вотъ, добрая княжна, и тебѣ съ отцомъ твоимъ пора бы примѣру ихъ послѣдовать... Родъ вашъ тоже святой...

Вирута. Пстой, старецъ, пстой!.. Вѣрой ты меня не жулай... ты вотъ что мнѣ скажи: что послѣ смерти бываетъ у насъ христіанъ?

Странникъ. Коли который человекъ дѣяніями своими уготовилъ для себя путь въ царствіе Божіе, то онъ наслѣдуетъ вѣчную жизнь на небеси, съ ангелами Божіими... О, Господи, помилуй мя грѣшного!

Стражъ-латникъ. (Трубить). Всадники... Отъ лѣса много латныхъ людей скачетъ... и пѣшіе есть...

Вирута. (къ Постельничему). Поди скорѣй на стѣну, провѣдай, кто такіе, — наши или нѣмцы?

Постельничій. Должно, наши... Дай то боги!.. (онъ и латники крѣпко уходятъ нагѣво и, не много погодя, показываются на стѣнѣ).

Стражъ-латникъ. Кажись, наши?!.. (Черезъ сцену пробѣгаетъ много латниковъ и потомъ они являются на стѣнѣ).

Вирута. (Въ волненіи). Ну, что?!.. Наши?... Нѣтъ?...

Постельничій. (Со стѣны). Пылъ то отъ конскихъ копытъ больно великъ...

Вирута. А можетъ нѣмцы?..

Постельничій. Не бойся, княжна, хотябъ и нѣмцы; мость вод-
нять, ворота со всѣхъ концовъ заперты, ровъ вычищенъ... Пу-
щай подѣвдуть, угостимъ ихъ на славу!.. а въ замокъ не пу-
стимъ, развѣ только по востанъ нашихъ пройдутъ... Да нѣтъ—
не, нѣмцы... Вонъ видно одѣяны... Ну наши и есть (слышевъ въ от-
даленіи рогъ). Чу! трубятъ, наши... наши... Хвала богамъ!..

Вирута. Наши?!!.. О, боги! Вы услышали мою молитву...
Вамъ я принесу богатыя жертвы.

Странникъ. (про себя). Блаженъ мужъ, иже не иде на се-
вѣтъ нечестивыхъ!.. (Отходить въ сторону).

Постельничій. А вонъ, кажись, плѣнной рыцарь... Мантия
виднѣется... Святые боги, да вѣдь это Витязь-Борисъ?!!

Голоса-латниковъ. Борисъ... охъ... куда... въ плѣну, долж-
но, былъ?

Постельничій. Скачутъ въ мосту... Пойдите— отпереть во-
рота (кричить), опускай мость (сходить со стѣны, отпирать ворота и
скрываются въ нихъ).

Я В Л Е Н І Е 5 е.

Тѣже безъ Постельничаго и латниковъ.

Вирута. Какъ бьется сильно сердце!.. Какъ стучитъ оно, —
заныло, застонало ретивое... Ужъ добрыя ли вѣсти?

Мамка. Ну, вотъ мой дорогой камень — *изморозь*, дожди-
лась ты вѣсточки. Придетъ гонецъ, порадуешь тебя.

Стражъ-латникъ. (Со стѣны). Витязь Борисъ и есть... Вотъ
слѣзаетъ съ коня... здороваается, идетъ въ ворота.

Вирута. Борисъ живъ?!.. Послать бы кого за Ригальдой
можетъ, увидится съ мужемъ и въ разумъ придетъ...

Мамка. Прекрасной мой цвѣтокъ, бѣлый ландышъ... За-
чѣмъ же за ней посылать то?!.. Вѣдь она ужъ не мѣрица, а
вайделотка... Женой ей Бориса опять быть нельзя (Борисъ входитъ
въ ворота: на немъ славянской шлемъ и мантия крестоносцевъ, за нимъ идутъ
латники и Постельничій).

Я В Л Е Н І Е 6-е.

Тѣже; Борисъ, Постельничій и латники.

Борисъ. (Входитъ, крестится и кланяется на три стороны). Ну вотъ

ривель Христось небесный опять родимую сторону увидѣть (подходить къ Вирутѣ и низко кланяется). Не чаялъ я еще увидать тебя, княжна, красавица, а вотъ сподобилъ Богъ милости твоей низко кланяться и замолвить словечко отъ родительскаго княжескаго сердца: что бы ты была здорова, не печалилась, что погань нѣмецкую прогнали далеко... Положили ихъ много на ратномъ полѣ; а и много рыцарей полонили... Много отецъ твой и нашъ князь Выдимундъ съ королемъ Кейстутіемъ въ жертву богамъ приносили... Меня и много нашихъ жмудновъ и русиновъ изъ олона освободили. У хищныхъ ястребовъ отбили...

Постельничій. (къ Борису). Что—и—то, бояринъ храбрый, ты въ латинскомъ облаченіи? Неужто вѣру латинскую принялъ?

Борисъ. Охъ, грѣшный человекъ! принялъ поневолю... Ужъ абы они меня мучили съ—первоначало,—нѣтъ, ерѣшился я и православной церкви измѣнять не хотѣлъ, да ужъ потомъ не въ моту пришлось и согрѣшилъ. Думаю, душевно-то буду православнымъ, а видомъ латинецъ... Заставили надѣть вотъ эту поганую мантию, начали учить полатынѣ... Да не съ однимъ со мной они такъ поступали, со всѣми, кого только полонять; вотъ аши тоже жмудины, что со мной изъ полону пришли, и ихъ крестили, они вонъ теперъ побѣжали на море смывать латинское крещеніе.

Вирута. А много нашихъ легло?

Борисъ. Много и нашихъ побито... Чуть было и самого коюмъ Кейстутія проклятые не убили; ужъ съ лошади его спшибли, да на выручку подоспѣлъ князь Юрій: Кейстутія то выручилъ, а амъ легъ на ратномъ полѣ (крестится). Царство ему небесное!

Вирута. (Въ отчаяніи). Юрія!... Какого Юрія? Что воеводой былъ въ сторожевой дружинѣ?

Борисъ. Да, добрая княжна, онъ самый. Много слезъ было пролито надъ нимъ. Самъ Кейстутій плакалъ по немъ...

Вирута. (Встаетъ и хочетъ что то сказать, но не можетъ; блѣднѣетъ, губы дрожать, глаза наполняются слезами; въ такомъ положеніи она стоитъ нѣсколько секундъ,—потомъ пронзительно вскрикиваетъ и, зарывавъ, падаетъ на камень).

Машка. Святые боги! Что съ тобой, милая, прекрасная княжна?... Развѣ не слышишь, что погань нѣмецкая побита?

(Всѣ съ участіемъ окружають князю). Развѣ не слышишь, что много ихъ положили?

Вирута. (Совладѣвъ съ собой). Ничего... я такъ... мнѣ что то кольнуло здѣсь вотъ (прикладываетъ руку къ сердцу). Да такъ больно... больно, точно оторвалось сердце; ну вотъ я и вскрикнула (перемѣнила разговоръ). А ты, бояринъ, слышалъ ли о своемъ те грѣ?... Вѣдь твоя Ригальда помѣшалась и пошла въ вайделотки...

Ворисъ. (грустно). Слышалъ, добрая княжна! Что дѣлать! Видно такъ Богу угодно, что бы не видали мы съ ней ясныя дни, что бы не радовались вмѣстѣ... Вѣрно за мои грѣхи Господь наказуетъ... Ужъ теперь оно для меня все равно, что умерла, изъ вайделотокъ ей выходить нельзя... Хоть бы посмотрѣть то на нее бѣдную мнѣ позволили, да ласкавыя словеса перекинуться...

Постельничій. Да вотъ она и сама идетъ (изъ воровъ входитъ Ригальда).

Я В Л Е Н І Е 7-е.

Т ѣ ж е и Р и г а л ь д а.

Ригальда. (На головѣ зеленый вѣнокъ, лицо блѣдное. Идетъ она тихо и поетъ).

»Черный воронъ летѣлъ (*)
 »Съ поля ратнаго;
 »Бѣлу рученьку несъ,
 »Съ золотымъ кольцомъ;
 »Ты откуда летишь,
 »Черный воронъ мой?

»Я былъ далеко за Нѣманомъ,
 »Гдѣ кровь льется за курганомъ,
 »Гдѣ сплелись лѣса мечей,
 »Гдѣ льются слезы изъ очей;
 »Много отцовъ и дѣтей перебито,
 »Много тамъ крови пролито,

(*) Передѣлка съ исторической литовской пѣсни. (Авт.)

»Вѣдь кольцо то мое,
 »Ты отдай мнѣ его.
 »Не расстанусь я съ нимъ,
 »Буду плавать надъ нимъ.«

Борисъ. (Всхлеснувъ руками). Господи Боже мой! И на себя
 она стала не похожа!..

Постельничій.. (къ Ригальдѣ). Ригальда! Мужъ твой, славный
 (храбрый бояринъ, воротился... Вотъ онъ (показываетъ на Бориса).

Ригальда. (Подходить къ Борису окидываетъ его взоромъ и долго мол-
 итъ). Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ моего милаго витязя, нѣтъ Бориса...
 Кто не онъ!.. У меня былъ мужъ... давно былъ... былъ хорошій
 мужъ... Борисомъ звали, а теперь нѣтъ его... Убили его... А ты...
 ты зачѣмъ надѣлъ эту скверную мантию?!.. Ты убилъ моего мужа
 христіанина и самъ носишь крестъ (береть его за мантию). За чѣмъ
 ты пришелъ сюда?.. За мной?.. Нѣтъ, я раздеру тебѣ и мантию
 твою, и лицо твое... Ты скверный ляхъ...

Борисъ. (сквозь слезы). Видно я несчастный не въ рубахѣ
 юдился на бѣлый свѣтъ... Не на радость меня горемычна-
 ю изъ полону освободили... Не даромъ мнѣ такіе сны стра-
 шные грезились... Весталанннй я, безродный... Боже милостивый!
 (горько плачетъ) Люди добрые, пришибите меня, доконайте, тошно
 мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ!..

Ригальда. О чемъ ты плачешь?.. Тебя обидѣли? Кто те-
 бя обидѣлъ?!..

Борисъ. Богъ меня обидѣлъ, Ригальда... Вѣдь я мужъ твой,
 Борисъ твой... Не узнаешь?

Ригальда. Мужъ?.. Нѣтъ ты не мужъ мой!.. У мужа мое-
 го нѣтъ латинской мантии... Мужъ мой русинъ...

Борисъ. (Сбрасываетъ съ себя мантию). Я русинъ... Не узнали
 и не узнаешь того, кто тебя миловалъ... цѣловалъ, сладкія рѣ-
 чки говаривалъ... Кто тебя Марьей называлъ?

Ригальда. (При словѣ *Марьей* вздрагиваетъ, потомъ смотритъ то на
 Бориса, то на Вируту и приходитъ въ себя). Борисъ! (Вскрикиваетъ и па-
 дается къ нему на шею).

Борисъ. Очнулась... Очнулась... Благодарю тебя, Господи!
 (Целуетъ ее). Марья, голубушка ты моя ненаглядная!.. Не расста-

пускай я съ тобой теперь ни за жизнь; пускай хоть убьют меня, а не отдашь тебя ни кому...

Ригальда. Охъ... точно послѣ тяжелаго сна (осматривая себя). Святые боги! я вайделотка!.. Я не мирянка, я не могу прикажъ къ сердцу своего милаго Бориса, не могу поцѣловать его!.. Я клятвой обязалась быть всю жизнь вайделоткой... Ахъ, я несчастная! (Обнимаетъ мужа и плачетъ).

Вирута. (Встаетъ). Не печалься Ригальда... Живи съ мужемъ въ счастьи и любви, обѣтъ и клятву твою я принимаю на себя; за тебя я буду всю свою жизнь служить святой Праримѣ... Я больше не мирянка, я вайделотка!...

(Конецъ 1-го дѣйствія и 3-й картины).

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

(Картина 4-я).

Храмъ Прауримы.

Въ глубинѣ храма, по срединѣ— на возвышеніи, поставленъ идолъ *Прау-кмы*; въ рукахъ она держитъ по каменной небольшой ступѣ, въ нихъ пала-тъ огоньки. Противъ идола, на камнѣ, въ большомъ углубленіи горитъ *Въ-имъ Змичъ*, по стѣнамъ разставлены и развѣшаны разные языческіе божки и ижи, высѣчены и выкрашены виды солнца, мѣсяца и звѣздъ.

Я В Л Е Н І Е 1-е.

Вайделотки и Бирута (*въ костюмъ вайделотки*).

При открытіи занавѣса Бирута стоитъ на колѣнахъ предъ Прауримой, рочи же вайделотки обходятъ кругомъ: однѣ подкладываютъ топливо *въ Змичъ*, другія вынимаютъ топливо щипчиками, третьи— вливаютъ изъ кувшиновъ (золотенныхъ) въ ступы благовонное горячее масло, четвертны бросаютъ на полъromaticескія травы.

Хоръ вайделотокъ.

- »Святая дѣва Праурима!
- »Сжался ты надъ нами!
- »О, прекрасная богиня!
- » Будь ты вѣчно съ нами!
- »Въ чистотѣ насъ соблюдай,
- »Свой ты храмъ не оставляй.
- »Кого любишь ты;
- »Того награждаешь,
- »Полюби же ты насъ,
- »Награди же ты насъ (2)
- »На скалѣ блаженства (2).

Хоръ вайделотовъ.

- »Божество въ небесахъ ужъ сокрылось
- »И земля погрузилась въ мракъ;

»Блестящее солнце давно закатилось

»И насъ освѣщаетъ божественный *Змиць*.

»Лило... лило... лило... лило... лило. (*)

Ло—лоло... ло—лоло.

»Лило, Праурима!.. Лило прекрасная княжна!

Ло—лоло... ло—лоло.»

Всѣ наклоняются предъ Прауримой и что то шепчутъ, потомъ встать.

Вирута. О, святая дѣва Праурима! Не лиши меня твоихъ даровъ и милостей; сохрани меня въ дѣвственной чистотѣ до самой смерти. Пусть мое вѣчное служеніе будетъ приятно тебѣ. У меня нѣтъ ни чего въ свѣтѣ здѣшнемъ, что было бы дороже тебя, святая дѣва! О, непорочная! ты отвергла и жениховъ, и свѣтъ, и все мірское, и безъ трудности взошла на стезю вѣчнаго блаженства... Помоги и мнѣ... помоги и мнѣ (скажется и читаетъ молитвы про себя. Прочія вайделотки обходятъ во кругъ *Змица*).

Вирута. (Обращается къ вайделоткамъ). Мои милыя сестры, мои дорогія подруги, вы выбрали меня въ старшія вайделотки... Ки-нусь вамъ предъ святой Прауримой и предъ всѣми вами, что обътъ свой сохранию до могилы, буду служить непорочной дѣвѣ въ чистотѣ... Отрекаюсь я отъ княжескаго рода своего, отъ богатства, отъ всего мірскаго (обращается къ Прауримѣ); къ тебѣ рвется мое сердце, тебѣ я посвящаю всю жизнь свою... Не оставляй моихъ молитвъ и жертвъ... Не будь глуха къ нимъ (накло-няется, потомъ всгааетъ и обращается къ вайделоткамъ). Любезныя мои сестры, дорогія подруги, кто же нынче останется при божественномъ огнѣ? Чья очередь сторожить *Змиць*?

Одна изъ вайделотокъ. Нынче приходилось Ригальдѣ, да ея ужъ нѣтъ... Такъ останется Брида...

Вирута. Нѣтъ, пускай Брида идетъ спать, а сторожить буду я священный огонь... Я замѣнила Ригальду, я и очередь ея должна исполнять... Да и не соснуть мнѣ нынче ночью!... Мнѣ молиться хочется... Я помолюсь въ уединеніи... Ступайте, мои подруженьки спать... пора уже...

Вайделотки. (поварно идутъ, кланяются въ землю Прауримѣ и волею Виругѣ). Да пошлютъ тебѣ боги, старшая сестра наша, свои и-

(*) Ублаженіе.

гости... Пусть молитвы твои будутъ пріятны нашимъ Богамъ...
 Пусть Праурина слышитъ тебя (уходить попарно).

Я В Л Е Н І Е 2-е.

Вирута, безъ вайделотокъ.

Вирута. (послѣ долгаго молчанія). Ну вотъ я и вайделотка!..
 Обернулись мои надежды на вѣки... Все должна я забыть, все
 ставить въ мірѣ... Вся юность моя прошла точно какъ въ ту-
 манѣ... Туманъ разсѣялся и, какъ блѣдная тѣнь скользить въ
 оей памяти только образъ того, кто заставилъ мое сердце тре-
 етать, изнывать и замирать... Его нѣтъ уже!.. Онъ убитъ, я
 вайделотка, я должна забыть его (сквозь слезы). Забыть его?!...
 Не могу... не могу!.. Пусть вырвутъ мое сердце и тогда увидятъ,
 го образъ Юрія въ немъ цѣлъ... О, святая Праурина! прости
 и меня за любовь мою, вынь изъ меня мое сердце и тогда я
 забуду Юрія... На бѣду я увидала его... Погибъ мой дѣвичій
 окоя на вѣки!.. Охъ больно мнѣ, тошно мнѣ, смерть моя!.. И
 нѣ умеръ не вѣдая, что я люблю его!.. Легче бы было мнѣ,
 когда бы онъ зналъ про мою любовь... Лежитъ онъ теперъ въ
 шрой могилѣ и не знаетъ, что я бѣдная — несчастная плачу по
 емъ... О, Пеклосъ! какъ ты ненасытенъ и несправедливъ!.. Не
 обѣ ли я приносила богатныя жертвы? Не тебѣ ли я отдала чет-
 и?.. И ты похитилъ его!.. О сжался, возврати мнѣ хоть чет-
 и его... Я пойду завтра къ Сигоноу, возьму ихъ... Онѣ до-
 оги мнѣ... (Рыдаетъ). Зачѣмъ ты милый юноша меня покинулъ?!..
 Зачѣмъ ты скосилъ цвѣтокъ по веснѣ?!.. О, Мильда, Мильда!
 жался надо мной!.. Святая Праурина, подкрѣпи меня!.. Мнѣ
 кучно... скучно (пронзноситъ въ рыданіяхъ несвязныя слова и въ изне-
 оженіи опускается на ступеньки предъ Прауриной и долго плачетъ). Давѣ-
 на утрое и птички весело щебетали... ласточки такъ безопасно
 летали. Два голубка бѣленькихъ, пріютившись подъ кровлей,
 ворковали и цѣловались... Только я одна злополучная не радова-
 лась, а горевала; чуяло мое сердце что то недоброе... Ну вотъ
 такъ и вышло... Прошла моя весна; отцвѣлъ ландышъ... Хо-
 я бы умереть скорѣй... Тамъ бы мы увидѣлись съ нимъ, на
 валѣ вѣчнаго блаженства... (Успокаивается и задумывается). Да...
 умереть легче, чѣмъ жить и страдать... Жить и страдать!...
 прожмась невнятные слова, склоняется на ступеньки и засыпаетъ).

Сонъ Бируты.

Глубина сцены покрывается туманомъ, потомъ облаками. Звучитъ плачетъ не очень ярко. Облака расчищаются. Вдали видна битва, тамъ и сямъ виднѣются знамена литовскія и тевтонскія, стукъ оружія, крики, звуки трубъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ раненные и стонуть. На правой сторонѣ князь Юрій бьется съ 3-мя рыцарями и, застоявъ, падаетъ. Облака покрываютъ эту картину и потомъ расчищаются. Поле — тоже, много убитыхъ; на полѣ могильная тишина, кн. Юрій лежитъ и одинъ только стонетъ, голова его покоится на убитой лошади, онъ подноситъ свою окровавленную руку къ губамъ и, поцѣловавъ кольцо, говоритъ: *„Въ послѣдній разъ цѣлую сладко твое кольцо... Прощай, моя Бирута, я умираю!“* Облака снова закрываютъ картину, потомъ исчезаютъ, является стѣна.

Я В Л Е Н І Е 3-е.

Бирута и Сигонота.

Сигонота. (Выходитъ тихо изъ правой двери и, остановившись, оглядывается, — замѣчаетъ Бируту и дѣлаетъ шагъ — говоритъ шепотомъ). Брида!?... Брида!?... (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ). Брида ты?... (наклоняется и дѣлаетъ поспѣшно нѣсколько шаговъ назадъ). Святые боги! Да это сама княжна Бирута!... Неужели она сама сторожитъ захотѣла на первый-то разъ?... Брида мнѣ сказала, что бы я приходилъ сегодня.... Говорила: ночь то моя... Вѣрно сама княжна захотѣла быть на очереди?... Должно быть такъ... Ну все равно, благо четки то я принесъ, хотѣлъ Бриду просить, чтобъ она ей потихоньку на подушку положила, а теперь самъ на ступеньки положу... Проснется, такъ увидитъ ихъ (кладетъ четки Брида на ступеньки). За милость боговъ сочтеть... Еще больше въ вѣрѣ окрѣпнеть... А то, пожалуй, вралежь меня назоветь, да и въ вѣрѣ усумнится, а вѣдь я навѣрное отъ Пеклоса сказалъ, что Юрій — то живъ будетъ, а онъ палъ въ битвѣ... Я ужъ справлялся отъ нашихъ жмудиновъ, которые пришли съ поля бранного... Ладно, что я не продалъ ихъ, а то бы досталось мнѣ... Теперь я спокоенъ... Гляди, что завтра придетъ она спрашивать?!... Ни чего! скажемъ устами боговъ нашихъ (смѣется). Скажемъ, что Боги прогнѣвались за любовь къ христіанину.

Вирута. (бредить во снѣ). Юрій... мой милый Юрій!..

Сигнота. (испугавшись). Говорить?!.. Имя его поминать? го мы попомнимъ, а теперь, боги, давайте ноги, а то пожауй, проснется... А нашему брату, ходить сюда нельзя, боги зарегили... Одна Брида не сердится, что я, когда она бываетъ в сторожѣ, ее навѣщаю... Ну, то Брида, а это Вирута. . (осиѣнно уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 4-е.

Вирута одна.

Вирута. (бредить). Я опять... съ тобой, мой Юрій...

Продолженіе сна,

Облака застилаютъ заднюю стѣну и расчищаются. Въ облакахъ *на скалѣ блаженства* видны литовскіе главные боги и боини (*литовскій олимпъ*). К. Юрій съ Вирутой (*), обнявшись, входятся въ летящемъ положеніи, какъ будто стремятся на скау къ богамъ.

Вирута. (во снѣ). Теперь я не покину тебя...

Картина темнѣетъ. Перкунасъ бросаетъ въ Юрія молніи и шмится раскатъ грома. Облака мгновенно застилаютъ картину (расчищаются). Видна стѣна.

Вирута. (вскрикиваетъ и просыпается). Охъ!... О, боги! Я во нѣ все это видѣла, а не наяву?... Охъ! какъ я испугалась, акъ бьется мое сердце!.. Мнѣ снилось, что мы вмѣстѣ съ Юіемъ летѣли на скалу вѣчнаго блаженства... О, какъ отрадно нѣ было тогда!.. Мнѣ даже чудилось, что Юрій цѣловалъ меня... Но Перкунасъ бросилъ стрѣлы въ Юрія, я вскрикнула и проснулась (молчаніе). Лучше бы не просыпаться!.. Такіе сны не асты... (смотреть на четки). Что это?! четки Юрія?!.. Ну да... ихъ въ жертву Пеклосу принесла?!.. Какъ же они сюда попали?... Это это?! неужели тоже сонъ?!.. Нѣтъ, это на яву... (цѣлуетъ четки). Ю какъ они?!..

(*) Для этого нужно, что бы актриса, исполняющая во снѣ Вируту, была одного роста со спящей Вирутой и также одѣта. Лицо ея не видно, оно обрачено къ богамъ. Лицо к. Юрія видно въ профиль. (Авт.)

Я В Л Е Н І Е 5-е.

Вирута и Кейстуть.

Кейстуть. (Входитъ и, окинувъ весь храмъ взоромъ, останавливаетъ его на Вирутѣ). Вотъ гдѣ моя Мильда — то!....

Вирута. (отступая къ ступенькамъ). Кто ты таковъ?.. Чей голосъ слышу я? И какъ дерзнулъ ты переступить чрезъ порогъ храма святой дѣвы Прауримы?..

Кейстуть. Я Кейстутій... Неужь-то не распознала?.. Какъ на прощаньи съ отцомъ твоимъ меня видѣла?

Вирута. Ты Кестутій?..

Кейстуть. Кейстутій, моя красавица...

Вирута. Князь! твое имя гремитъ отъ моря и до моря. Тебя страшатся ляхи, татары, меченосцы, ливонцы. Тебя любятъ всея жудины, русины и литвины... Въ тебѣ мы литовцы и жудины имѣемъ защиту противъ гонителей нашей вѣры... Такъ тебѣ славный князь не подобаетъ нарушать законъ нашихъ боговъ, входить въ эту храмину...

Кейстуть. Не кори меня и не ругайся!.. Боги всегда ко мнѣ были милостивы... Они не будутъ гнѣваться за то, что я вошелъ сюда... Да и не къ богамъ пришелъ я, а къ богинѣ...

Вирута. Если ты пришелъ къ богинѣ Прауримы, за живой, или жертву принесъ, то исполняй скорѣе свое дѣло и уходи отсюда...

Кейстуть. Не къ святой Прауримы пришелъ я, а къ другой богинѣ... Къ живой... На Мильду, которая похожа...

Вирута. Здѣсь нѣтъ такой богини...

Кейстуть. Какъ нѣтъ?!.. Она предо мной...

Вирута. (въ смущеніи). Князь!.. Князь!.. За чѣмъ ты пришелъ сюда смущать святой покой вайделотки?!.. Тебѣ не пришло же издѣваться надъ слугой непорочной дѣвы Прауримы...

Кейстуть. (голосъ его дрожитъ). Развѣ я виноватъ, что ты похоронила себя заживо?!.. Я пришелъ, что бы тебя опять вытащить на свѣтъ изъ могилы... Ты вотъ говоришь, что некая на, а я вотъ изъ за тебя чуть было изъ ума не выжилъ... Въ ты краше Мильды... И въ бояхъ ратныхъ я былъ самъ не свой... Все о тебѣ думалось, все ты въ головѣ вертѣлась... Въ мое сердце ты такъ крѣпко засѣла, что всея латинской силѣ не вы-

ицѣ тебя оттуда... Съ браннаго поля вихремъ несея я на бор-
тѣ конѣ впереди дружины... Твой отецъ обѣщаль отдать те-
бѣ и мнѣ въ жены... Примчавшись сюда, я спросилъ о тебѣ, а тутъ
воротъ, что ты въ вайделотки ушла... Закипѣло мое сердце,
чѣмъ синее море, — я бросился сюда... увидѣлъ тебя, — хвала бо-
гу!.. Теперь ужъ тебя я не покину, а увезу съ собой въ
роки... Будь моею милою женою... Прекрасной княжной (прибли-
жается къ ней).

Вирута. Князь! не подходи... Не нарушай клятвы моею
вѣстивной... Я вайделотка и вѣкъ останусь ею, а женою твоею
я буду.

Кейстуть. Будешь!.. Кто можетъ противиться мнѣ?!

Вирута. Наши боги и святая Праурима не поустятъ это-
го... Они защитятъ меня...

Кейстуть. (приближается). Княжна прекрасная, съ твоею ли-
цосотой увядать во цвѣтѣ лѣтъ?! Тебѣ ли быть вайделоткой?!
Собѣ ли, моя Мильда, загдохнуть здѣсь, не видавши радости на
лѣтъ!.. Нѣтъ, княжна, ты будешь моею женою, ты будешь
княжить со мною...

Вирута. Не буду я княжить, я хочу быть вайделоткой...
Скорейся, князь, съ моихъ глазъ!.. Не смущай меня!..

Кейстуть. Кори себя за то, что сама смутила меня... За-
вѣтъ такой красавицей на свѣтъ родилась?..

Вирута. Князь, прошу тебя уйди, а не то!..

Кейстуть. Ну— что а не то?.. Пугать меня вздумала?

Вирута. Князь, подумай, что ты въ храмѣ Прауримы...

Кейстуть. Я думаю только о тебѣ, моя красавица... Пусть
или Пеклосъ и Кавасъ явятся сюда на защиту тебя и у нихъ
убью отобью... Ахъ ты, моя Мильда прекрасная!.. Задушю я те-
бя на своей груди, замучу своими жгучими поцѣлуями... (кидает-
ся на нее).

Вирута. (отбѣгаетъ къ стѣнѣ). Не подходи, князь, я закричу,
роснутъ всѣ вайделотки...

Кейстуть. А что мнѣ до твоихъ вайделотокъ, кричи сколь-
ко голосу хватить... Не боюсь я ни чего (приближается).

Вирута. (поспѣшно брасается въ другой уголъ, беретъ со стѣны жерт-
венный ножъ). Только одинъ шагъ сдѣлай, и я зарѣжу себя...

Живая я тебѣ не отдамся, а мертвой владѣи сколько хочешь, хищный мотосъ (*).

Кейстутъ. (на мгновение останавливается). Опустн кожь твою, а не то, смотри, укремъ оба вѣстѣ (выхватывает свой мечъ). Ты укрешь, а я раньше тебя, мой мечъ наху не дастъ (замыкается самъ на себя).

Вирута. (Легко вскрикиваетъ и безъ сознанія опускаетъ руку съ кожанъ).

Кейстутъ. (Замѣтивъ это, брасается къ Вирутѣ, обезоруживаетъ ея, кидаетъ свой мечъ и, не смотря на всѣ усилія, беретъ ее на руки, цѣлуетъ и несетъ). Говорилъ вѣдь, что моя будущъ... (кричить). Григорій!..

Вирута. (барахтается и кричить). Подруженьки мои, спасите меня!.. Ратуйте!..

Я В Л Е Н І Е 6-е.

Т ѣ ж е и Григорій.

Григорій. (входитъ изъ дверей). Я здѣсь, король.

Кейстутъ. Подними мой мечъ... Да постой возлѣ выхода, — не пускай ни кого, пока я сяду на коня, а потомъ догоняй меня, когда услышишь рогъ.

Григорій. Твоей волѣ, король, повинуюсь (Кейстутъ уходитъ Вируту, а Григорій поднимаетъ мечъ и становится къ дверяхъ). Вишь вѣдь за какой жертвой — то пришелъ, а?.. Не-ча сказать жертва важная!...

Я В Л Е Н І Е 7-е.

Григорій и Вайделотки.

Вайделотки. (Выбѣгаютъ съ заспанными испуганными лицами). Что такое?.. Что за крикъ?.. Гдѣ же княжна?.. Ее нѣтъ!? (Съ удивленіемъ слышатъ крики Вируты. Всѣ бросаются къ двери). Она кричитъ въ улицѣ!? (увидавъ въ дверяхъ Григорія). Это кто?.. Ты кто?.. Ее похитили... (Слышатъ слова Вируты „ратуйте, спасайте“). Побѣжьте сестры... побѣжьте... Прочь.. брасаются на Григорія).

Григорій. (Размахивая мечемъ). Тише вы, чертова саранча... А не то — смотрите, шутить не стану, мечъ самобой и вся ваша сатанинская сила не покожетъ (слышатъ въ отдаленіи звукъ рога). Ну — князя не догоните, ускакалъ, а меня не поймаете... Прощенья просимъ (уходитъ).

С. Калужна.

Конецъ 2-го дѣйствія 4-й картины.

(Окончаніе впродѣ.)

(*). Левъ.

Объ освященіи 6-ти церквей, въ житинскомъ благочиніи, Вобруйскаго уѣзда.

31-е число іюля сего года, 1-е, 6 и 7-е августа, 14 и 18 числа сентября и для нашего кружка останутся надолго памяты! Въ эти дни, съ архипастырскаго разрѣшенія, освящались нашимъ благочиннымъ, священникомъ Петромъ Голеневичемъ, въ сослуженіи священниковъ своего благочинія, — шесть православныхъ нашихъ храмовъ: два новыя, устроенныя на пожертвованную сумму правительствомъ, два обновленныя починкою на средства отъ тѣхъ же (едротъ — правительства, одинъ, украшенный новымъ иконостасомъ пожертвованнымъ то же правительствомъ и, наконецъ, одинъ храмъ, обновленный на средства мѣстныхъ прихожанъ, при помощи содѣяннаго номѣщика — римскаго католика.

Часто случается въ нашей жизни какъ семейной, такъ и гражданской, что разнородныя обстоятельства пріятныя, или непріятныя, какъ бы сложатся къ одному времени, какъ бы прольются съ одного источника и въ одно мгновеніе — къ нашей радости, или печали. Не мало такихъ разнородныхъ обстоятельствъ, или лучше посѣщеній Божиихъ, и нашъ духовный кружокъ испыталъ не давно. Давно ли, наприм., были: 62 и 63 годы!? И сколько на нашу долю выпало въ эти годы такого рода ощущеній, отъ которыхъ и теперь сжимается сердце. Эта ксендзо-шляхетская индигенція, отуманенная и офанатизированная полонизмомъ и латинизмомъ, смущала нашу мысль, силилась разрушать наши добрыя намѣренія и начинанія. Сколько и мы, какъ и другіе наши братья, въ наше краѣ, потерпѣли отъ нихъ и лжей, и клеветъ, и притѣсненій, и трозъ, и все это приходилось терпѣть всѣмъ намъ почти ежедневно и на каждомъ шагу. Казалось, что пропасть самаго ада прорвалась тогда, чтобъ излить всю свою злобу въ наше мученіе, въ наше испытаніе⁽¹⁾, Мы терпѣли и думали, что терпѣнію

(1) Нашъ отецъ благочинный и свислоцкой Николаевской церкви священникъ Іоаннъ Мацкевичъ были приговорены псевдо-королемъ (*) судинской шайки, ратоборцемъ польской справы Свен-

(*) Въ нашемъ округѣ Свенторжецкій слызъ за кружъ польскаго, Коркуничъ за воеводу минскаго. Судинскою шайку называю потому, что въ деревнѣ Судинѣ, Игуменскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Житина, мѣстожительства нашего благочиннаго, былъ сборный пунктъ пресловутаго легіона означеннаго псевдо-кружъ.

нашему не будетъ конца. Но, вотъ повѣялъ духъ благодати, духъ мира и любви и, мы вздохнули свободнѣе, и мы возматраемъ сторицею за намѣ терпѣніе новыми, отрадными ощущеніями, и да Богъ такіа ощущенія всегда испытывать намъ и дѣтямъ нашимъ!

Вотъ появился къ намъ, нашъ земной архистратигъ Михаилъ Николаевичъ, и буря страстей и зятѣй вражескихъ утихла, и мы встрепенулись и страхнули съ себя и омыли въвинудея въ намъ тѣло быдую грязь и пыль и зажгли новою отрадною жишнѣю. Затеплились, словно лампады въ небѣ, золотые кресты нашихъ православныхъ церквей, начали ступешивываться признаки незаконнаго пресбиданія въ краѣ чуждой вѣры и народности, парализи рованы зятѣй враждебной намъ пропаганды... Пошли за тѣмъ приснопамятныи освященія нашихъ православныхъ храмовъ, и Господь намъ Іисусъ Христосъ видимо поселился между нами отнынѣ и до вѣка. Да будемъ надвѣяться, что Господь поселился теперь между нами и не оставитъ насъ отнынѣ и до вѣка. Истинно Возіе благоволеніе почло теперь на нашемъ краѣ! И нашъ кружокъ не лишился общихъ всему краю святыхъ утѣшеній. Вотъ мы освятили не одинъ храмъ Богу живому, а шесть, и почти въ одно время.

Первый храмъ освященъ былъ въ селѣ Голынкѣ 31-го іюля. Отецъ благочинный нашъ, совмѣстно съ двумя священниками селоческихъ церквей, коритнянскимъ священникомъ и мѣстнымъ-отцемъ Ильею Андреевскимъ, при сослуженіи бобруйскаго крѣстнаго діакона, освятили церковь въ семь селѣ, вновь устроеную, съ отлично отдѣланнымъ рѣзнымъ иконостасомъ г. Савицкаго, во имя Покрова Пресв. Богородицы. Освященію благопріятствовала отличная погода, а торжеству большое стеченіе народа.

За тѣмъ, на слѣдующій день, освящена была обновленная съ новымъ иконостасомъ, церковь, ввѣренная отцу Іоанну Эреніку, въ мѣстечкѣ Свислочи, въ честь Успенія Пресвятыи Богородицы.

Потомъ—6-го августа была освящена церковь тарасовицкая, приписная къ коритнянской, во имя Преображенія Господня. Счи-

торжецкимъ и его псевдо-воеводою минскимъ Коркузевичемъ къ смерти и о томъ были освѣдомлены подброшенными въ ихъ дома записками. Отъ какой опасности они берегли себя укривательствомъ по ночамъ вѣвъ своего дома, до разбитія сей паны. О нѣкоторыхъ другихъ изъ насъ также разносились подобнаго рода вѣсти.

яю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о сей церкви. Церковь та построена въ 1818 году владѣльцемъ имѣнія Тарасовичъ Іцкомъ Осѣцкимъ—римляниномъ, по проекту его жены Мары Осѣцкой, на могилахъ ихъ родныхъ. Отъ недостатка поддержки, въ теченіи почти полувѣка, крыша и куполы на церкви али и образовались другія поврежденія. Эту-то церковь въ 65 оду крестьяне мѣстнаго села Тарасовичъ, въ числѣ 21 двора, ри помощи наслѣдника Осѣцкихъ—Осипа Осѣцкаго, нынѣшняго владѣльца имѣнія, починили и устроили на ней новую рышу,— вмѣсто бывшихъ двухъ, по римскому стилю, куполовъ, ный куполь въ православномъ вкусѣ и мы теперь освятили ее. Не смотря на свою крайнюю бѣдность, крестьяне понесли расходовъ о сей починкѣ болѣе 200 рублей, а недостающее дополнилъ г. сѣцкій.

7-го августа освящена была отцемъ благочиннымъ, ввѣренная священнику Григорію Рункевичу, самостоятельная коритняная церковь, съ иконостасомъ, вновь устроеннымъ г. Санковскимъ, о имя святителя Василя Великаго, при сослуженіи: голынского священника, двухъ городокскихъ: настоятеля и заштатнаго священника, старца отца Любича и настоятеля самой церкви.

О коритнянской церкви не могу не добавить, что прихожане ей церкви, не смотря на то, что имѣютъ церковь самостоятельную и двѣ приписныя: тарасовицкую и въ селѣ Замошѣ, сего лѣта, еще возобновили, съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Іхана, архіепископа минскаго и бобруйскаго, ветхую церковь, аходившуюся въ лѣсу, въ 4 верстахъ отъ самостоятельной церкви, то имъ также обошлось не безъ за трудненій, при ихъ бѣдности. Церковь эта когда то была въ цвѣтущемъ состояніи и славилась удотворною иконою Матери Божіей Скорбящей (1), чтимою народомъ всей туземной околицы. Говорятъ старожилы, что въ праздникъ ея—пятокъ 10 недѣли послѣ Пасхи, въ такъ называемую ародомъ *десятуху*, собиралось огромное количество народа; но съ ѣхъ поръ, какъ упалъ ея куполь, чему уже прошло около 40 ѣтъ, собранія народныя мало по малу уменьшались; но память о ей и до сихъ поръ слыветъ въ народѣ всего округа. Вотъ эта-то амять народная и вызвала прихожанъ коритнянской церкви, вмѣ-

(1) Чудотворная иконка эта Матери Божей сохранена въ цѣлости—въ церкви самостоятельной.

стѣ съ ея настоятелемъ, возобновить, хоть въ скромномъ видѣ, разрушающуюся святыню, и теперь уже, слава Богу, подоспѣваетъ и эта церковь къ освещенію. Эти факты довольно громко уличаютъ тѣхъ нашихъ псевдо-либераловъ и глашатаевъ извращеннаго гуманизма, которые нерѣдко дѣлаютъ намъ—пастырямъ западнаго края упреки въ нашей неподвижности и апатіи ко всему священному и религіозному, а народу нашему—въ ихъ невѣжествѣ и нравственномъ ничтожествѣ. Такъ, не болѣе какъ въ два года, обоглись прихожанамъ небольшого и бѣднаго коритнянскаго прихода, состоящаго изъ 125 дворовъ, въ 500 рублей сереб. жертвы религіозно-нравственныя. Да не подумаетъ ктонибудь, что этия качества обладаетъ лишь одинъ приходъ коритнянскій; мы могли бы указать много прихѣровъ подобныхъ жертвъ и по другимъ сосѣднимъ намъ приходамъ, если бы это входило въ составъ нашего письма и не отвлекло отъ нашего предмета.

За тѣмъ, 14 сентября освящена была отцемъ благочиннымъ съ сосѣдними священниками, ввѣренная ему церковь житинская, вновь обновленная правительствомъ и украшенная новымъ, г. Зотова, иконостасомъ,—при огромномъ стеченіи народа изъ сосѣднихъ приходовъ,—въ честь Святителя и Чудотворца Николая.

Наконецъ, сентября 18 дня, освящена и вновь построенная, хотя деревянная, но великолѣпная церковь, въ м. Городкѣ (1). тѣмъ же отцемъ благочиннымъ, съ сосѣдними священниками, во имъ св. беззребренниковъ: Космы и Даміана, при стеченіи народа изъ пяти сосѣднихъ приходовъ и съ торжествомъ небывалымъ въ глазахъ нашего простолюдья. Если къ этому прибавить, что нашихъ торжествамъ всегда благопріятствовала отличная ясная погода,—то нельзя не радоваться и не благодарить Вседержителя Бога за ниспосланіе намъ свыше столькихъ торжествъ и радостей.

Въ заключеніе нашего письма не можемъ не вспомнить, съ грустію въ сердцѣ, что, хотя о торжестввахъ нашихъ заранѣе было извѣстно всему почти уѣзду, но мы не можемъ похвалиться сочувствіемъ къ нашимъ православнымъ торжествамъ нашихъ многочисленныхъ *шановныхъ пановъ* сосѣдей и даже, увы! и сочувствіемъ нашей мѣстно-уѣздной православной ассоціаціи. Почти ни одного торжества и праздника не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и только никто изъ извѣстныхъ намъ псевдо-полюбовъ помыслитъ:

(1) Ввѣренная о. Владимиру Чеховичу.

ковъ, — но даже мы не видѣли въ церкви ни кого изъ мѣстныхъ нашихъ православныхъ властей и, что всего прискорбнѣе, непочтили своимъ присутствіемъ эти наши торжества даже соседніе мировые посредники, — эти представители въ край народности русской и православія. Такое безучастіе въ торжествахъ православія лицъ, которыя должны бы стоять во главѣ ихъ, слишкомъ бо-
гѣзненно чувствовалось и народомъ и духовенствомъ. Русская семья явилась на пиръ духовный не въ полномъ сборѣ. Этотъ фактъ такъ грустенъ и такъ поразителенъ въ нашихъ глазахъ, что мы не можемъ умолчать о немъ въ нашей замѣткѣ.

Свящ. Гр. Рункевичъ.

1866 года сентября 25 дня.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ЦИРКУЛЯРЪ Г. ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ГОСПОДИНУ ВИЛЕНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

До свѣдѣнія моего дошло, что между помѣщиками польскаго происхожденія, владѣющими недвижимыми имѣніями во ввѣренномъ моему управленію край, распространяются слухи о возможности разсчитывать на измѣненіе Высочайшихъ повелѣній, изложенныхъ въ указѣ правительствующаго сената отъ 23 и 31 декабря 1865 года, на основаніи которыхъ секвестрованные имѣнія, а равно имѣнія, принадлежащія лицамъ высланнымъ изъ края административнымъ порядкомъ, должны быть проданы лицамъ русскаго происхожденія въ теченіи 2-хъ лѣтъ, считая съ 10 декабря 1865 года.

Для разсѣянія подобныхъ, ни на чемъ не основанныхъ, слуховъ, прошу ваше превосходительство ра-

спорядиться напечатаніемъ въ мѣстныхъ губернскихъ ведомостяхъ во всеобщее свѣдѣніе, что выше приведенное Высочайшее повеленіе непременно будетъ приведено въ исполненіе во всей его силѣ, и что тѣ изъ подлежащихъ обязательной продажѣ имѣній, которыя не будутъ проданы къ 10 декабря нынѣшняго года, будутъ безотлагательно подвергнуты публичной продажѣ.

*Подписалъ Генералъ-Адъютантъ
Графъ Барановъ.*

Депеша вице-канцлера князя Горчакова, адресованная во все россійскія посольства и миссіи за границею изъ Петербурга, отъ 7-го января 1867 года.

Недавно появился во всѣхъ газетахъ документъ чрезвычайной важности. Это депеша вице-канцлера князя Горчакова ко всѣмъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, касающаяся перерыва дипломатическихъ сношеній съ римскимъ дворомъ. При депешѣ приложена обширная записка, объясняющая причины, вызвавшія какъ эту мѣру, такъ равно и послѣдовавшую за нею отмѣну конкордата 1847 года. Мы сочли необходимымъ помѣстить здѣсь этотъ документъ во всей полнотѣ. Надѣемся, что читатели за это на насъ не посѣтуютъ.

Познакомившись съ этимъ важнымъ документомъ, они осязательнымъ образомъ убѣдятся въ томъ, что римскій дворъ постоянно дѣйствовалъ по отношенію къ Россіи въ крайне враждебномъ направленіи. Двукратный польскій мятежъ послужилъ для римской курии особенно благопріятнымъ случаемъ къ обнаруженію ненависти, которую глава латинской церкви никогда не переставалъ питать къ русскому православному правительству. Римскій дворъ постоянно заявлялъ предъ лицомъ свѣта, что это правительство подвергаетъ жестокамъ гоненіямъ р. католическую религію въ лицѣ исповѣдующихъ ее своихъ подданныхъ. Этими заявленіями, имѣющими рѣшительный авторитетъ р. для католиковъ, уважающихъ главу своей церкви, римскій дворъ имѣлъ въ виду возбудить общее негодованіе противъ правительства, которое такимъ образомъ будто бы дѣйствовало по отношенію къ своимъ собственнымъ подданнымъ, а чрезъ то конечно и противъ вѣры, которую исповѣдуетъ это правительство и которая находится подъ его верховною охраною. Въ апрѣ-

лѣ 1864 года, святой отецъ не отступилъ даже передъ обвиненіемъ въ мнимомъ гоненіи противъ р.-католической церкви нашего августѣйшаго Монарха. Мы съ чувствомъ глубокаго негодованія прочли въ историческомъ изложеніи князя Горчакова мѣсто, гдѣ сказано, что папа Пій ІХ обвинялъ лично Государя Императора: «въ томъ, что Онъ будто бы мучить и притѣсняетъ церковь, посягаетъ на р. католическую вѣру и преслѣдуетъ несчастныхъ за то, что они оставались до самой смерти вѣрными религіи Іисуса Христа.» До сихъ поръ мы еще сохраняли уваженіе къ личности главы р.-католической церкви, котораго считали вовлеченнымъ въ ошибки всей предшествующей исторіей р.-католицизма. Но послѣ этой черной клеветы противъ великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, представившаго тысячи доказательствъ отеческой любви ко всѣмъ своимъ подданнымъ и безкорыстной вѣротерпимости, обеспечивающей каждому безпрепятственное отправленіе его религиозныхъ обязанностей, — послѣ этой клеветы мы находимся въ горькой необходимости отложить и ту долю уваженія, которое подобаешь первосвященнику христіанской церкви и государю. Мы не хотимъ допустить здѣсь даже ослѣпленіе, которое все-таки могло бы служить папѣ нѣкоторымъ извиненіемъ. Мы видимъ здѣсь намѣренное искаженіе истины, проистекающее изъ ненависти къ единственно православному въ цѣломъ мірѣ Монарху, который есть естественный охранитель священнаго залога вѣры, ввереннаго Ему Провиденіемъ.

Въ изложеніи князя Горчакова упоминаются еще двѣ неправды, которыя не постыдился произнести предъ лицомъ свѣта Пій ІХ, поддерживаемый въ этомъ его вѣрнымъ слугою кардиналомъ Антонелли.

Упомянувъ о письмѣ къ Государю Императору, въ которомъ папа предъявилъ между прочимъ небывалое притязаніе, чтобы р.-католическому духовенству въ Польшѣ предоставлено было право «руководить народомъ и вліять на народное обученіе», Пій ІХ говорить, что письмо это осталось безъ отвѣта, тогда какъ самъ же папскій дворъ въ другомъ мѣстѣ свидѣтельствуешь, что отвѣтъ на это письмо былъ полученъ и врученъ папѣ.

Въ другой разъ, папа выразилъ нашему правительству конфиденціальное неодобреніе дѣйствій духовенства въ Польшѣ, принимавшаго, какъ извѣстно, дѣятельное участіе въ мятежѣ. Между тѣмъ, въ то же время, онъ препроводилъ къ бывшему архіепископу варшавскому, монсиньору Фіалковскому посланіе, въ которомъ выражалось поощреніе тому же самому духовенству и сочувствіе къ стремленіямъ польскаго народа, которыя папа называлъ законными!

Даже съ трудомъ вѣрится, чтобы тотъ, который величаетъ себя намѣстникомъ Іисуса Христа на землѣ, могъ дойти до такого состоянія нравственнаго паденія. И между тѣмъ все это глубочайшая истина, засвидѣтельствованная самимъ римскимъ дворомъ. Такимъ образомъ, на запросъ нашего правительства, кардиналъ Антонелли призналъ дѣйствительность существованія этого тайнаго по-

сланія къ монсеньору Фіалковскому, только онъ объяснилъ его необходимостью для папы «защититься противъ осужденій, обвиняющихъ его въ нераденіи къ интересамъ церкви», и прибавилъ къ этому слѣдующую замѣтку, которую какъ будто читаетъ въ Паскалевскихъ Provinciales, столь остроумно разоблачившихъ, какъ извѣстно, іезуитскую систему умственныхъ ограниченій и умогнаний, въ лицѣ знаменитаго испанскаго іезуита Эскобарда: «Папскаго посланія, говоритъ новый Эскобардъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, не было, а написано было простое письмо отъ папы на латинскомъ діалектѣ, но только не на пераментъ, а на простой бумагѣ, которое и отправлено было изъ секретаріата латинскихъ писемъ, а не изъ канцеляріи папскихъ буллъ и грамотъ.»

Смѣемъ увѣрить читателей, что то, что сейчасъ они прочли, дѣйствительно было написано кардиналомъ Антонелли, въ чемъ впрочемъ они убѣдятся и сами при чтеніи записки князя Горчакова.

Да, губоко, значить, потрясено зданіе римско-католической церкви, если самъ глава ея могъ дойти до публичнаго произнесенія неправды и до двуличности, недостойной не только мнимаго наѣстника Иисуса Христа, но и всякаго честнаго человѣка, чтобы онъ ни былъ. Грустно подумать до чего могло довести папство вѣренную его руководству церковь. А все это произошло оттого, что въ составъ этой церкви вошли совершенно несвойственные ей мирскіе элементы, со всею неправдою, которая составляетъ ихъ печальную, но неизбѣжную необходимость, со всею тлею, которая медленно, но непрерывно подтачиваетъ ее въ самомъ корнѣ.

Утешимся покрайней мѣрѣ тѣмъ, что съ паденіемъ р.-католической церкви, считающей себя единственной хранительницею Христовой вѣры, не падетъ христіанство; и что на востокъ Европы есть держава, которая, допуская въ предѣлахъ своихъ полную вѣротерпимость, служитъ однакоже твердымъ оплотомъ напротивъ козней враговъ истинной вѣры. Съ такимъ оплотомъ не погибнетъ и христіанская нравственность, столь прискорбно потрясенная въ томъ самомъ пунктѣ, который, какъ будто въ укоръ истинно вѣрующимъ людямъ, горделиво величаютъ центральной точкою христіанскаго мира.

Д Е П Е Ш А.

«Образъ дѣйствій римскаго двора, поставивъ Государя Императора въ невозможность продолжать дипломатическія сношенія съ папскимъ правительствомъ, вызвалъ необходимость отмѣнить дѣйствіе конкордата 1847 года, опредѣлявшаго отношенія правительства Его Императорскаго Величества къ римскому престолу.»

«Указъ Государя Императора по этому предмету вамъ уже извѣстенъ. Документъ этотъ ограничивается однимъ лишь заявленіемъ состоявшейся отмѣнѣ конкордата и не заключаетъ въ себѣ ни-

какихъ соображеній, объясняющихъ поводы, вызвавшіе принятіе этой мѣры. Сдержанность, обнаруженная въ этомъ случаѣ Императорскимъ кабинетомъ въ отношеніи къ римскому первосвятительскому престолу, не была соблюдена римскимъ правительствомъ. Оно сочло нужнымъ обнародовать цѣлый рядъ документовъ, содержаніе и основная мысль которыхъ имѣетъ цѣлью отклонять отъ папскаго престола всякую отвѣтственность, возлагая ее исключительно на Императорскій кабинетъ. Въ этихъ видахъ, обнародованные документы излагаютъ ходъ послѣдовавшаго между обоими правительствами прискорбнаго столкновенія самымъ пристрастнымъ и невѣрнымъ образомъ.»

«Этимъ самымъ римскій дворъ вынуждаетъ насъ отрѣшиться отъ обычной нашей сдержанности. Онъ вызываетъ насъ на почву преній и даже поставляетъ намъ въ обязанность послѣдовать его примѣру.»

«Дѣйствія моего Августѣйшаго Монарха не страшатся свѣта.»

«Прилагаемый при семъ документъ содержитъ вполне вѣрное и безпристрастное изложеніе фактовъ, приведшихъ къ разрыву дипломатическихъ сношеній между обоими государствами.»

«Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, придать означенному документу надлежащую гласность.»

«Вы не приминете въ то же время поставить на видъ то обстоятельство, что, слѣдуя примѣру римскаго двора, Императорскій кабинетъ, вступая на почву преній, ни мало не руководствуется какою-либо неприязненною въ отношеніи къ папскому правительству мыслью. Единственная путеводная цѣль его намѣреній заключается въ возстановленіи истины.»

«Принципы вѣротерпимости, постоянная заботливость Государя Императора и благоволеніе Его ко всѣмъ религіямъ, исповѣдуемымъ въ предѣлахъ Его государства, остаются по прежнему неизмѣннымъ правиломъ Его политическихъ убѣжденій.»

«Насколько это будетъ зависетьъ отъ Его Императорскаго Величества, подданные Его римско-католическаго вѣроисповѣданія не потерпятъ ущерба отъ прекращенія сношеній, которыя Августѣйшій Монархъ мой старался поддержать съ римскимъ дворомъ, въ видахъ обоюдныхъ религіозныхъ интересовъ.»

Приложеніе къ денешъ. Историческій обзоръ дѣйствій римскаго двора,

РАЗРѢШИВШИХСЯ ПРЕКРАЩЕНІЕМЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ МЕЖДУ ПАПСКИМЪ ПРЕСТОЛОМЪ И ИМПЕРАТОРСКИМЪ КАБИНЕТОМЪ И ОТМѢНОЮ КОНКОРДАТА 1847 ГОДА.

Начала вѣротерпимости входятъ въ правительственныя преданія и нравы Россіи. Отправленіе иноземныхъ обрядовъ было допущено

но въ Имперіи законовъ въ царствованіе Петра Великаго, съ которыми иѣражи, болѣе оборонительными, чѣмъ ограничительными, сходными съ тѣми, какія были приняты большинствомъ государствъ, даже и католическихъ.

Эти иѣры, вошедшія съ тѣхъ поръ въ составъ основныхъ законовъ Имперіи, нисколько не нарушали началъ самой широкой терпимости. Отъ нихъ едиственнымъ цѣлю предохраненіе господствующей церкви отъ пропаганды и огражденіе верховной власти отъ притязаній римскаго двора, запрещая русскимъ подданнымъ, исповѣдующимъ р. католицизмъ, прямыя сношенія съ первосвященникомъ, который есть въ то же время и иностранный государь.

Эта пропаганда и эти притязанія могли безнаказанно развиться въ тѣхъ областяхъ Имперіи, которыя, около двухъ столѣтій, были подчинены польской республикѣ. Сотни тысячъ православныхъ были обращены тамъ въ латинство по собственному желанію, или же насильственно. Еще большее число православныхъ было вынуждено средствами, крайняя насильственность которыхъ засвидѣтельствована исторіей, признать главенство папъ, приставъ къ сдѣлкѣ, гораздо болѣе политической, чѣмъ религіозной, и извѣстной подъ названіемъ *унии*. Когда эти области были освобождены отъ угнетавшаго ихъ владычества и снова стали русскими, тогда великая государыня, совершившая это славное дѣло, не только не старалась прибѣгнуть къ возмездію, но даже выказала свою терпимость, уредивъ римско-католическія епархіи, примѣнительно къ мѣстнымъ требованіямъ, участвуя въ расходахъ на католическую церковь, создавъ семинаріи и ввѣривъ высшее управленіе интересами римской церкви духовной коллегіи, предсѣдательствующей добродѣтельными и просвѣщеннымъ прелатамъ.

Но въ то же время императрица Екатерина совершенно откровенно объяснялась съ папою Піемъ VI, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Если по примѣру моихъ предковъ, я желаю торговать въ немалыхъ обширныхъ владѣніяхъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ безъ исключенія, и въ томъ числѣ римское, то я никогда не соглашусь, чтобы исповѣдующіе римскій католицизмъ зависѣли въ чемъ бы то ни было отъ какой нибудь иноземной власти. Поэтому буллы и посланія римскаго двора могутъ быть обнаруживаемы въ Россіи лишь съ согласія государя.»

Преемники императрицы Екатерины не отступали отъ тѣхъ же правилъ.

Императоръ Александръ I, которому оружiе доставило господство надъ Польшею, поступалъ въ отношенiи къ р. католической церкви съ такимъ же великодушiемъ и довѣрiемъ, какiя выказаны имъ относительно польской наци. Латинское духовенство сохранило все присвоенныя имъ привилегiи, недвижимыя имущества и влiянiе. Правительство ограничилось только тѣмъ, что положило конецъ вопиющимъ злоупотребленимъ клерикальнаго преобладанiя и религiознаго фанатизма, способствовавшимъ паденiю Польши.

Участiе латинскаго духовенства въ возстанiи 1830 года, признанное самимъ папскимъ престоломъ, въ посланiи 15-го августа 1832 года, указало необходимость положить границы тому влiянiю, которымъ такъ злоупотребляло это духовенство.

Поэтому императоръ Николай I былъ вынужденъ ограничить матеріальныя средства, которыми располагала римская церковь въ Россiи и Польшѣ. Съ этою цѣлю часть огромнаго недвижимаго имущества, сепарированнаго латинскимъ духовенствомъ, была секуляризована и назначена на удовлетворенiе дѣйствительныхъ потребностей церкви; нѣкоторые римско-католическіе монастыри, неимѣвшіе каноническаго числа монаховъ или монахинь, были упразднены, наконецъ, были строго запрещены всякія прямыя сношенiя съ папскимъ престоломъ и всякаго рода латинская пропаганда.

Римскій дворъ, признавшій существованiе зла, счелъ однако же долгомъ препятствовать примѣненiю единственныхъ средствъ, способныхъ дѣйствительно устранить его. Онъ протестовалъ противъ нѣкоторыхъ мѣръ. Онъ отказался содѣйствовать къ примѣненiю другихъ или прямо одобрить ихъ.

Въ 1845 году, въ бытность императора Николая I въ Римѣ, папа Григорій XVI изложилъ своимъ жалобамъ папскаго престола въ запискѣ, врученной императору самимъ его святѣйшествомъ.

Заключенiя ноты, переданной папѣ чрезъ два дня, содержатъ въ себѣ сущность тѣхъ началъ, которыми руководился императоръ Николай I, и воодушевлявшихъ его намѣренiй относительно римской церкви.

«Императоръ—сказано въ этомъ актѣ,—проситъ государя-первосвященника быть твердо убѣжденнымъ, что никто не принимаетъ такъ близко къ сердцу, какъ Его Величество, охраненiе римской церкви въ томъ достойномъ и почетномъ положенiи, какое она занимаетъ въ Россiи и Польшѣ. Молитвы, возсылаемыя Императоромъ къ Богу, обнимаютъ собою, съ равною заботливостiю и безъ раз-

лчія вѣроисповѣданій, духовные интересы всѣхъ народовъ, судьбы которыхъ вѣрены ему Божественнымъ Провидѣніемъ. Все, что возможно сдѣлать для исполненія намѣреній святаго отца, безъ прамаго нарушенія органическихъ законовъ Имперіи и безъ посягательства на права и каноны господствующей Церкви, будетъ сдѣлано. Императорское слово ручается въ этомъ его святѣйшеству. Но, какъ было сказано выше, есть вещи и необходимости, отъ которыхъ императоръ не властенъ отрѣшиться.»

Императорское слово было честно исполнено заключеніемъ конкордата 1847 года, уступавшаго римской церкви все, что только было возможно уступить въ вышеозначенныхъ границахъ. Но папскій престолъ всегда заявлялъ въ Россіи притязаніе переступить эти границы.

„Сущность р. католической религіи заключается въ нетерпимости,“ писалъ въ іюнѣ 1805 года кардиналъ-государственный секретарь Консальви къ кардиналу Капрара. (1) Особенно въ Польшѣ и Россіи римскій дворъ оставался вѣренъ этому принципу.

Какъ охранители законовъ Имперіи и покровители православной церкви, русскіе государи не могли удовлетворять подобнымъ требованіямъ.

Такова первоначальная причина непрерывно возобновляющихся разногласій между дворами императорскимъ и римскимъ, разногласій, разрѣшившихся, въ слѣдствіе дѣйствій, въ которыхъ починъ и отвѣтственность принадлежатъ Пію IX, прекращеніемъ всякихъ политическихъ сношеній и отиѣною конкордата 1847 года.

Это доказывается краткимъ обзоромъ сношеній между обими дворами въ настоящее царствованіе.

Личные чувства Императора Александра II и намѣренія Его относительно римской церкви вѣрно изложены въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ по повелѣнію Его Величества, къ нашему министру при папскомъ дворѣ, отъ 13-го мая 1863 года.

„Принципъ свободы совѣсти, сказано въ этомъ письмѣ, глубоко начертанъ въ убѣжденіяхъ нашего Августѣйшаго Государа, но, какъ принципъ понимаемый во всей его чистотѣ, а не въ томъ смыслѣ, какой всегда придаетъ ему римскій дворъ, требуя для р. католической вѣры безграничной свободы, въ ущербъ всѣмъ другимъ вѣркамъ

(1) Записки кардинала Консальви, переписка съ кардиналомъ Капрара, по случаю коронаціи Наполеона I.

сповѣданіямъ. По своему духу, православная церковь не есть ни воинствующая, ни пропагандирующая, но она имѣетъ право не быть преданною безъ защиты захватамъ церкви и воинствующей и пропагандирующей.“

„Мы не ищемъ и не будемъ стараться отнять овецъ въ чужомъ стадѣ, но мы имѣемъ право и обязанность наблюдать, чтобы наши единовѣрцы не были отвлекаемы отъ своей вѣры. Словомъ, наша церковь не имѣетъ притѣснительнаго характера. Странно было бы претендовать на то, чтобы въ странѣ, гдѣ огромное большинство жителей исповѣдуютъ православную вѣру, народная церковь была поставлена въ подчиненное положеніе.“

Чрезвычайный посланникъ св. отца, присланный въ Россію для присутствованія при коронаваніи Его Величества Александра II, могъ убѣдиться изъ того благосклоннаго приѣма, котораго онъ былъ удостоенъ со стороны Его Величества, въ хорошихъ намѣреніяхъ, какими русское правительство было одушевлено относительно папскаго престола.

Монсеньору Киджи было поручено въ то же время предъявить различныя требованія относительно примѣненія и толкованія нѣкоторыхъ статей конкордата 1847 г. Онъ могъ убѣдиться въ томъ, что, съ самаго вступленія своего на престолъ, Императоръ поручилъ особому комитету, состоявшему изъ высшихъ правительственныхъ лицъ Имперіи, разсмотрѣніе этихъ требованій, и что комитету поручено было удовлетворить послѣднія въ законныхъ предѣлахъ.

Докладъ этотъ комиссіи былъ сообщенъ тогда же римскому двору, который недавно обнаружилъ его вмѣстѣ съ другими документами въ сборникѣ, носящемъ слѣдующее заглавіе „Документальное изложеніе постоянныхъ заботъ, употребленныхъ его святѣйшествомъ папою Піемъ IX, для исправленія тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергается католическая церковь въ предѣлахъ Россіи и Польши.“

Изъ этого доклада явствуетъ, что всѣ требованія папскаго правительства были предметомъ самаго добросовѣстнаго разсмотрѣнія; при этомъ всѣмъ требованіямъ, которыя найдены были справедливыми или которыя не были несовѣстны съ органическими законами Имперіи или съ правами господствующей церкви, дано было быстрое и полное удовлетвореніе.

Папское правительство не осталось, однакоже, довольнымъ важными уступками императорскаго правительства, и отвѣтило на нихъ

удвошеніемъ своихъ требованій; впрочемъ, до 1859 года образъ дѣствій его имѣлъ характеръ, относительно, довольно умирненнй.

Въ письмѣ, которое папа написалъ 31-го января 1859 года къ Императору Александру, св. отецъ воздавалъ должное уваженіе „высокимъ качествамъ ума и сердца Его Величества;“ отъ изымалъ также „свою искреннюю благодарность за то, что Императоръ доставилъ ему возможность назначить нѣкоторыхъ епископовъ и суффрагановъ на вакантныя мѣста.“ Далѣе, въ числѣ другихъ просьбъ, папа изъявлялъ желаніе, чтобы ему разрѣшено было имѣть постоянного представителя въ Россіи.

Императоръ отвѣтилъ папѣ увѣреніями въ живой и постоянной заботливости своей объ интересахъ римско-католической церкви въ Имперіи. Въ тоже время Императоръ сообщилъ его святѣйшеству, что русскому посланнику въ Римѣ дано порученіе объясниться съ кардиналомъ Антонелли насчетъ подробностей, упомянутыхъ въ папскомъ письмѣ, „со взаимною откровенностью и благорасположеніемъ, какими всегда отличались сношенія обонхъ правительствъ.“

Бъ сожалѣнію, папское правительство уже начало въ это время отступать отъ этой откровенности и этого благорасположенія, которыя были совершенно забыты имъ относительно императорскаго правительства во время прискорбныхъ событій, слѣдовавшихъ въ Польшѣ съ 1858 по 1864 годъ.

Императоръ Александръ началъ свое царствованіе, возвративъ изъ ссылки 9,000 поляковъ. Бъ Польшѣ была принята по возможности умирненная и мягкая система управленія: введены были различныя реформы, составленныя въ весьма либеральномъ духѣ и способныя къ дальнѣйшему развитію.

Польшѣ даны были привилегіальныя учрежденія: личная свобода была обезпечена; судебныя учрежденія были по возможности усовершенствованы.

Всѣ эти благодѣянія были приняты съ недоувѣреніемъ или съ такимъ упорнымъ недоброжелательствомъ, котораго не въ состояніи было обезоружить самое великодушное терпѣніе. Высшіе классы польскаго общества организовали и постоянно поддерживали агитацію, которая, благодаря поощреніямъ и возбужденіямъ, приходящимъ извнѣ, не замедлила превратиться въ возстаніе.

Причины, побуждавшія къ этому высшія польскія классы, объясняются простымъ сопоставленіемъ чиселъ.

Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, которое въ началѣ предст-

ило, новидимому, непреодолимыя препятствія, въ 1859 году водигалось весьма успѣшно. Такая обширная социальная реформа въ Россіи должна была неминуемо отразиться на Польшѣ, и повести гѣмъ или инымъ путемъ къ освобожденію сельскаго населенія и Польши отъ того дѣйствительнаго, если и невыраженнаго открыто, зрѣвостнаго состоянія, въ которомъ оно находилось. Аристократическая партія рѣшилась положить, во что бы то ни стало, препятствія осуществленію этой реформы, необходимымъ послѣдствіемъ которой должно было явиться уничтоженіе феодальной власти и привилегій. Забывая о своемъ прошломъ и о всѣхъ основныхъ принципахъ, она протянула руку космополитической революціи, которая держалась на сторожѣ, въ ожиданіи подобнаго поворота въ политическомъ образѣ дѣйствій польской аристократіи.

19-го февраля 1861 года въ Петербургѣ былъ подписанъ указъ объ освобожденіи крестьянъ. Земледѣльческое Общество собралось въ Варшавѣ, самозванно присвоило себѣ характеръ учредительнаго собранія, и приняло резолюціи, которыя еще прежде того были одобрены Мѣрославскимъ. Послѣдній писалъ, недѣлю спустя, въ Парижъ, „что эти резолюціи должны служить исходной точкой народному возстанію.“

Съ самаго начала этихъ смуть значительная часть римско-католическаго духовенства способствовала своими тайными интригами приготовленіямъ къ возстанію.

Въ 1858 году, болѣе 20-ти духовныхъ лицъ въ полоцкой епархіи были уличены законнымъ образомъ въ томъ, что они открыто проповѣдывали неповиновеніе законнымъ властямъ, и, подъ предлогомъ учрежденія обществъ трезвости, разсѣивали смуты въ умахъ.

Другіе римско-католическіе священники витебской губерніи были преданы въ томъ же году суду за то, что они, вопреки органическимъ законамъ Имперіи, приобщали св. таинъ лицъ православнаго исповѣданія.

Эти прожекты не были безызвѣстны папскому правительству. Объ нихъ упоминается въ римскомъ собраніи документовъ (на стр. 154 и 160). Они не только не заслужили неодобреніе римскаго правительства, но, напротивъ, въ докладѣ статсъ-секретаріата (стр. 38) о виновникахъ ихъ упоминается съ похвалою, а о русскихъ властяхъ съ укоромъ.

Подобный образъ дѣйствій папскаго правительства и поощренія, получаемыя римско-католическимъ духовенствомъ въ Польшѣ изъ

Рима, посредствомъ путей тайныхъ и незаконныхъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже, не замедлили ввести духовенство это на тотъ путь, на которомъ оно столь тяжкимъ образомъ нарушило достоинство священнослужительскаго сана, равно какъ и религіозныя и матеріальныя интересы вѣрной ему паствы.

Пользуясь вліяніемъ своимъ на низшіе классы общества и въ особенности на женщинъ, пользуясь могущественнымъ орудіемъ исповѣди, духовенство дополняло и распространяло революціонную организацію.

Религіозный фанатизмъ, привычка вмѣшиваться постоянно и безъ всякаго разбора въ свѣтскія дѣла, а также ослабленіе дисциплины въ бѣломъ и черномъ духовествѣ, укрѣпили эту святотатственную связь между церковью и революціей.

Историческій обзоръ участія римско-католическаго духовенства въ послѣднемъ польскомъ возстаніи былъ подробно изложенъ въ официальномъ документѣ, получившемъ гласность. Но между тѣмъ необходимо привести здѣсь нѣкоторые изъ данныхъ, заключающихся въ этомъ донесеніи, для того, чтобы можно было лучше оцѣнить ту роль, которую римскій дворъ счелъ нужнымъ принять на себя во время прискорбныхъ событій, театромъ которыхъ была Польша.

Первая значительная демонстрація происходила 11-го сентября 1860 года, по случаю какихъ-то похоронъ. Монахъ Слѣпшицскій произнесъ при этомъ проповѣдь, имѣвшую сильный революціонный оттѣнокъ.

Вслѣдъ затѣмъ проповѣди возмутительнаго содержанія стали раздаваться съ кафедръ, сначала въ Варшавѣ, а послѣ того и въ провинціяхъ. Почти во всѣхъ церквяхъ стали публично продаваться печатныя собранія революціонныхъ гѣсенъ, равно какъ и портреты корифеевъ революціи. Въ Варшавѣ и въ другихъ городахъ монахи стали выставлять передъ монастырями статуи Богоматери и различныхъ святыхъ, зажигали передъ ними лампы и свѣчи, и приглашали праздную толпу пѣть революціонныя гимны.

Эти возбужденія вели часто къ достойнымъ сожалѣнія сценамъ. Такъ напримѣръ, у входа въ церковь св. Креста, въ окрестностяхъ Радома, послѣ проповѣди бернардинскаго монаха Казимира, одного изъ главныхъ виновниковъ этихъ религіозныхъ сборищъ, толпа чуть не умертвила мужчину и женщину, возбудившихъ, неизвѣстно почему, его подозрѣніе.

Въ 1861 году начался цѣлый рядъ духовныхъ процессій, имѣвшихъ явный характеръ политическихъ демонстрацій.

Въ то же время, какъ бы желая доказать, что это не были личныя дѣйствія, а систематическое и коллективное клерикальное возстаніе, во всемъ Царствѣ стали организоваться многочисленныя собранія священниковъ и монаховъ. На одномъ изъ этихъ собраній, происходившемъ 2-го (14-го) ноября 1861 года въ Лысагорѣ, явилось болѣе 300 монаховъ и священниковъ, произносившихъ возмущительныя рѣчи и молившихся публично объ успѣхѣ революціи. Но самымъ многочисленнымъ было собраніе духовенства Подляхін, происходившее въ ноябрѣ 1862 года. На этомъ собраніи единогласно принята была резолюція, свидѣтельствовавшая о полномъ и тѣсномъ согласіи, установившемся между духовенствомъ и революціонною партіей.

Депутаты различныхъ другихъ епархій выразили свое сочувствіе цѣлой революціонной программѣ, въ которой, впрочемъ, сдѣланы были изъятія въ пользу правъ римско-католической церкви; и которая, между прочимъ, налагала на духовенство обязанность „приводить къ присягѣ лицъ, которыя принимали на себя исполненіе порученій, данныхъ имъ центральнымъ комитетомъ.“ Извѣстно, что большая часть этихъ порученій заключалась въ убійствахъ. Съ прискорбіемъ приходится упоминать здѣсь о томъ, что многіе священники не только приводили къ присягѣ этихъ „дѣятелей,“ но даже сами соединялись съ ними и замѣняли ихъ.

Для того, чтобы дополнить эти данныя, достаточно будетъ сказать, что болѣе 500 римско-католическихъ священниковъ уличены были законнымъ образомъ въ прямомъ и матеріальномъ участіи въ кровавыхъ дѣлахъ польскаго возстанія.

Съ самаго начала проявленія преступныхъ революціонныхъ происковъ римско-католическаго духовенства въ Польшѣ, Императорское правительство обратило на нихъ вниманіе папскаго правительства, и приглашало папу употребить свою духовную власть на то, чтобы возвратить латинское духовенство къ мирному исполненію священной его обязанности. Когда первая попытка въ этомъ смыслѣ осталась совершенно безплодною, и когда варшавское епархіальное духовенство выказало желаніе усилить народное волненіе закрытіемъ церквей, вице-канцлеръ Имперіи обратился къ посланнику Его Величества въ Римѣ съ слѣдующимъ письмомъ, отъ 9-го октября 1861 года.

„Я посылаю вамъ копію съ донесенія графа Ламберта (намѣстника Императора въ Варшавѣ) о послѣднихъ событіяхъ. Вы увидите

изъ этаго донесенія, какую роль играетъ римско-католическое духовенство въ Царствѣ Польскомъ; роль эта не измѣнилась нисколько съ первой минуты, когда начались смуты въ этой странѣ.

Если духовенство сочло нужнымъ закрыть варшавскія церкви потому, что считало ихъ оскверненными, то мнѣ кажется, оно этииъ само осудило свои дѣйствія. Оскверненіе церкви началось съ той самой минуты, когда человѣческія страсти проникли въ священную ограду, и когда возмутительные гимны заступили мѣсто христіанскихъ молитвъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, церкви были осквернены; и если духовенство, освятивъ ихъ снова, откроетъ ихъ затѣмъ съ твердой рѣшимостью не терпѣть въ нихъ ничего несогласнаго съ заповѣдями господними, то оно этииъ исполнитъ только долгъ свой. Но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ оно было одушевлено подобными чувствами. Мнѣ, напротивъ, кажется, что оно намѣрено распространить мѣру закрытія церквей на все Царство Польское для того, чтобы лишить всю страну благодати Божественнаго ученія, и этииъ средствомъ способствовать къ возбужденію мірскихъ страстей. Мнѣ пріятно сомнѣваться въ томъ, что оно рѣшится довести дѣло до этой крайности. Если, несмотря на предостереженія, которыя будутъ даны ему съ этой цѣлю, оно дѣйствительно поступитъ такимъ образомъ, то я сочту своею обязанностию предложить это дѣло на судъ святаго отца.

„Въ настоящее время, я не поручаю вамъ никакого официального дѣйствія относительно папскаго правительства. Я не желаю возобновлять нынѣ призывъ, на который въ первый разъ не обратили вниманія. Я уполномочиваю васъ только прочесть кардиналу Антонелли донесеніе графа Ламберта и настоящее письмо. Я глубоко убѣжденъ въ высокомъ политическомъ пониманіи его преосвященства, и не могу поэтому сомнѣваться въ томъ, что онъ, въ интересахъ самой религіи, взглянетъ съ надлежащей точки зрѣнія на образъ дѣйствій р. католическаго духовенства въ Царствѣ, и что, узнавъ о тамошнихъ событіяхъ, онъ пойметъ необходимость положить конецъ такому порядку вещей.“

Это сообщеніе, въ подкрѣпленіе къ которому приложены были соотвѣтственные документы, не произвело желаемаго дѣйствія, и папское правительство отвѣчало на него уклончивымъ образомъ. Кардиналъ Антонелли, по порученію папы, объявилъ г. Киселеву, что „св. отецъ конфиденціальнымъ образомъ не одобряетъ поведенія польскаго духовенства.“ Но когда нашъ посланникъ потребовалъ,

чтобы это неодобрение было высказано публичнымъ образомъ, кардиналь статсъ-секретарь отвѣтилъ: „св. отцу тѣмъ труднѣе выказаться относительно этого предмета публично и опредѣлительнымъ образомъ, что польское духовенство, съ своей стороны, тоже жалуетя на препятствія, которыя оно встрѣчаетъ при исполненіи духовныхъ обязанностей своихъ; къ тому же папское правительство не имѣетъ никакихъ прямыхъ и свободныхъ сношеній съ польскимъ духовенствомъ; не имѣя также представителя въ Россіи, оно лишено всякаго официальнаго источника для полученія необходимыхъ ему свѣдѣній, и всякаго средства прямо вліять на означенное духовенство.“ (1)

Оцѣливая по достоинству важность тогдашнихъ обстоятельствъ, и желая избѣгнуть даже малѣйшаго предлога къ враждебному настроенію со стороны римскаго двора, Императорское правительство рѣшилось сдѣлать ему важную уступку, и допустить присылку въ Россію римскаго прелата. Поэтому князь Горчаковъ обратился, по приказанію Его Величества, къ г. Киселеву съ депешей, въ которой онъ говорилъ между прочимъ:

„Передавая вамъ слова св. отца, кардиналь статсъ-секретарь сообщилъ вамъ также о жалобахъ польскаго духовенства относительно тѣхъ препятствій, которыя оно будто бы встрѣчаетъ при исполненіи духовныхъ обязанностей своихъ, и въ особенности о недостаткѣ прямыхъ и свободныхъ сношеній между папскимъ правительствомъ и польскимъ духовенствомъ; этотъ недостатокъ прямыхъ сношеній будто бы лишаетъ папское правительство всякой возможности получать свѣдѣнія, и всякаго средства вліять на духовенство. Его преосвященство изъявилъ вамъ при этомъ желаніе, чтобы папскому правительству разрѣшено было послать въ Варшаву какаго-нибудь прелата, который могъ бы сообщить польскому духовенству приказанія и совѣты св. отца.“

„Если въ Россійской Имперіи, какъ и во многихъ странахъ, и даже въ странахъ, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру, пришлось подчинить сношенія духовенства съ властью, стоящею внѣ государства, извѣстнымъ формальностямъ, то это дѣлалось въ силу политическаго принципа, допущеннаго всей Европой, и въ силу конкордата, свободно заключеннаго съ папскимъ правитель-

(1) Довесеніе г. Киселева, посланное изъ Рима 29-го декабря (10-го января) 1861 года.

ствожъ. Поэтому нѣтъ ни малѣйшаго основанія отступать отъ этого общаго правила, которое нисколько не препятствуетъ сношеніямъ духовенства съ Римомъ, и ограничивается тѣмъ, что устанавливаетъ форму и ходъ этихъ сношеній.

„Нашъ Августѣйшій Государь считаетъ одною изъ священнѣйшихъ своихъ обязанностей обезпеченіе всѣмъ своимъ подданнымъ полнѣйшей религіозной свободы, и всѣмъ духовнымъ лицамъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали — самаго широкаго покровительства при исполненіи ими духовныхъ обязанностей ихъ. Подчиняя ихъ, однакоже, единственно законамъ, предписаннымъ для огражденія общихъ интересовъ Имперіи, Его Величество исполняетъ только обязанность, лежащую на государяхъ всѣхъ странъ. Его Величество не думаетъ, чтобы эти законы, возлагая на духовенство обязанность не нарушать порядокъ, не производить смутъ и соблазна, могли возлагать на духовенство обязанности, которыя не согласовались бы съ христіанскимъ назначеніемъ его, или которыя стѣсняли бы свободу его при исполненіи этого назначенія. Въ этихъ необходимыхъ условіяхъ, Императоръ принялъ за руководящее правило, съ самаго вступленія своего на престолъ, принципы самой широкой вѣротерпимости. Вы можете, м. г., повторить г. кардиналу статсъ-секретарю увѣреніе въ постоянной заботливости Его Величества о духовныхъ потребностяхъ Его подданныхъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Съ цѣлю дать новое доказательство этой заботливости, нашъ Августѣйшій Государь обратилъ вниманіе на выраженное св. отцомъ желаніе послать въ Россію прелата, которому будетъ поручено сообщить польскому духовенству увѣщанія и совѣты его святѣйшества.

„Императоръ готовъ согласиться на это въ доказательство своего дружественнаго расположенія къ его святѣйшеству.

„Его Величество желаетъ, чтобы всѣ дѣйствія его были гласными; онъ отвергаетъ только клевету, подрывающую взаимное довѣріе. Посланникъ св. отца будетъ имѣть возможность удостовѣриться собственными глазами въ истинномъ положеніи дѣлъ, и сообщить о томъ его святѣйшеству. Онъ убѣдится, что во время послѣднихъ событій въ Царствѣ Польскомъ нисколько незатронуты духовные интересы, и что, напротивъ, только недостойная профанція могла заставить религію спуститься на попріище страстей“ (1).

(1) Деша князя Горчакова къ г. Киселеву отъ 27-го ноября 1861 года.

Исполняя возложенное на него порученіе, г. Киселевъ далъ нять кардиналу статсъ-секретарю, что Императорское правитель-во было бы даже согласно на то, чтобы временное посольство релата, присланнаго св. отцомъ, превратилось въ постоянное по-льство. Но въ то самое время, когда св. отецъ высказывалъ ифиденціальнымъ образомъ неодобреніе свое поведенію Польскаго духовенства, и когда онъ пользовался тогдашнимъ положеніемъ въ для того, чтобы требовать и получать такія важныя уступки, въ секретнымъ образомъ прислалъ варшавскому архіепископу, мон-шьору Фіалковскому, грамоту, содержащую въ себѣ только по-дреніе для духовенства и заявленіе сочувствія папскаго прави-льства къ желаніямъ польскаго народа, — желаніямъ, которыя бы-ли названы въ этой грамотѣ *законными*, не смотря на насиль-венныя и разрушительныя проявленія ихъ.

Существованіе этого посланія было подтверждено, послѣ смерти архіепископа Фіалковскаго, двумя печатными органами, преданны-ми римскому двору. Трудно было сомнѣваться въ подлинности его. Однако Императорское правительство протестовало только въ фор-мѣ предположительной противъ содержанія его и противъ неза-конности его доставленія, помимо установленныхъ путей.

Кардиналъ статсъ-секретарь, не отвергая прямо существованія того посланія, далъ г. Киселеву слѣдующія объясненія: „св. отецъ, говорилъ онъ, обязанъ защищаться противъ обвиненія въ томъ, что онъ не достаточно ревностно заботится объ интересахъ цер-кви. Къ тому же, собственно говоря, не было грамоты, а было только письмо св. отца, писанное правда, на латинскомъ языкѣ, но не на *пергаментъ*, какъ обыкновенно пишутся посланія, а на ростою бумагѣ; оно было отправлено изъ канцеляріи латинскихъ исеиъ, а не изъ канцеляріи посланій“ (1)

Эти тонкости нисколько не уменьшали значенія документа, ис-ходящаго отъ самаго папы; тѣмъ болѣе, что подлинность его при-зается нынѣ самимъ римскимъ дворомъ, который включилъ его въ обнародованный имъ недавно сборникъ дипломатическихъ до-кументовъ (стр. 168. № 55).

Около этого времени умеръ варшавскій архіепископъ, мон-шьоръ Фіалковскій, и папское правительство стало настаивать на *необходимости* назначить ему, какъ можно скорѣе преемника. Им-

(1) Донесеніе г. Киселева, посланное изъ Рима 19-го (31-го) октября 1861 года.

Императорское правительство немедленно исполнило это желаніе, назначивъ архіепископомъ варшавскимъ священника Феликсаго. Съ отецъ соблаговолилъ выразить въ аудіенціи, которую онъ далъ г. Киселеву 15-го (27-го) декабря 1861 года, на сколько ему приятно это назначеніе. Онъ прибавилъ, что онъ отъ души благодаренъ Императору, какъ за благорасположеніе, выказанное Его Величествомъ относительно его особы, такъ и за выраженные имъ желанія относительно сохраненія хорошихъ отношеній между обоими правительствами. Кромѣ того, его святѣйшество заявилъ желаніе, чтобы прелатъ, котораго онъ предполагалъ послать въ Россію, остался здѣсь въ качествѣ постоянного представителя его святѣйшества.

Нѣсколько времени спустя (въ мартѣ 1862 года), кардиналъ Антонелли увѣдомилъ конфиденціальнымъ образомъ г. Киселева, что папа назначилъ монсиньора Берарди нунціемъ своимъ въ С.-Петербургѣ. Но въ то же время кардиналъ-статсъ-секретарь предложилъ посланнику нашему вопросъ, который ясно выказывалъ шибреніе римскаго двора отвѣчать на такую важную уступку однимъ только удвоеніемъ требованій. Его пресвященство спросилъ, будутъ ли примѣнены къ апостолическому нунцію законы, запрещающіе прямыя сношенія между папскимъ правительствомъ и русско-католическимъ духовенствомъ?

Г. Киселевъ попросилъ кардинала изложить этотъ вопросъ письменно, для того, чтобы онъ могъ сообщить о томъ своему правительству и получить отъ него опредѣлительный отвѣтъ. Тогда кардиналъ Антонелли изчислилъ въ словесной нотѣ всѣ законы Имперіи, отиѣна которыхъ казалась ему желательною, и о существованіи которыхъ римскій дворъ до сихъ-поръ будто не зналъ. (1)

Императорское правительство не замедлило отвѣтомъ на эти требованія. Оно поручило г. Киселеву выразить римскому двору удовольствіе его по случаю назначенія монсиньора Берарди нунціемъ; оно поручило ему также выразить надежду на то, что присутствіе этого прелата въ Россіи дастъ намъ лучшее понятіе о направленіи и цѣляхъ дѣйствій Императорскаго правительства, и разсѣетъ нерасположеніе, которое клеветники стараются внушить намъ относительно Императорскаго правительства. Далѣе г. вице-

(1) Донесеніе г. Киселева отъ 27 февраля (11-го марта) 1862 года, и прибавленія къ нему.

анцлеръ, по приказанію Императора, сообщилъ г. Киселеву слѣдующее :

„Существующіе законы дѣйствительно распространяютъ на нунціявъ требованіе, чтобы всѣ сношенія между папскимъ правительствомъ и р. католическимъ духовенствомъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, производились только при посредствѣ правительства. Это правило должно быть соблюдено и на будущее время, такъ какъ оно основано на высшихъ политическихъ соображеніяхъ, а не на какомъ-либо чувствѣ недовѣрія или нерасположенія. Монархъ, который одинъ въ состояніи судить объ общихъ интересахъ Имперіи, въ числѣ которыхъ интересы религіи привлекаютъ особенную его заботливость, по этому самому одинъ можетъ обнимать совокупность этихъ интересовъ и направить ихъ къ одной конечной цѣли, къ достиженію которой онъ долженъ стремиться, а именно ко благу страны.

„Если эти принципы примѣняются къ официальнымъ сообщеніямъ, которыя папское правительство находитъ необходимымъ дѣлать римско-католическому духовенству, то они тѣмъ болѣе должны примѣняться къ сообщеніямъ апостолическаго нунція, который есть только посланникъ и представитель папскаго правительства. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить еще то, что эти принципы болѣею частью допущены даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ римско-католическое вѣроисповѣданіе есть вѣроисповѣданіе господствующее, и чѣмъ они не были найдены несовмѣстными съ присутствіемъ поганыхъ нунціевъ“. (1)

Римскій дворъ, конечно, не могъ требовать отъ государя Имперіи, въ которой господствующимъ вѣроисповѣданіемъ считается православное исповѣданіе, чтобы онъ даровалъ папскимъ нунціямъ оубе обширныя права, нежели какими пользуются представители папскаго правительства во Франціи, на примѣръ, гдѣ римско-католическое вѣроисповѣданіе есть государственная религія.

Между тѣмъ, французское законодательство слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ положеніе папскаго нунція во Франціи: статью 1-ю органическихъ постановленій, составляющихъ продолженіе къ конкордату 1801 года и до-сихъ-поръ строго соблюдаемыхъ, воспрещаются всякія сношенія римскаго двора съ французскимъ ду-

(1) Дешеша князя Горчакова къ г. Киселеву, отъ 27-го марта 1862 года.

ховенствомъ, помимо правительства. Ст. 2-я тѣхъ же постановленій говоритъ слѣдующее: „ни одно лицо, называющееся апостолическимъ нунціемъ, легатомъ, викаріемъ или комиссаромъ, не имѣетъ права исправлять на французской землѣ, безъ разрѣшенія правительства, никакой должности, относящейся къ церковнымъ дѣламъ“. Статья 207 и 208-я французскаго уголовного кодекса налагаютъ строгія наказанія за всякое нарушеніе этихъ предписаній, а именно: денежную пеню до 500 фр., тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ и изгнаніе съ французской территоріи.

Недавній случай показываетъ, что папа призываетъ эти постановленія французскаго законодательства, что онъ предписываетъ своимъ представителямъ исполнять ихъ, и что тезисъ „*non possumus*“, развиваемый римскимъ дворомъ по отношеніи его, несогласенъ ни съ требованіями справедливости, ни съ требованіями логики.

Апостолическій нунцій въ Парижѣ, монсеньоръ Киджи, обратился въ 1865 году къ епископамъ орлеанскому и пуатьескому съ посланіями, которыя были доставлены этимъ епископамъ иными путями, нежели тѣ, на которыя указываетъ законъ. Когда эти посланія получили гласность, французскій посланникъ въ Римѣ задовался на это нарушеніе существующихъ законовъ. Такъ какъ папское правительство медлило дать требуемое удовлетвореніе, то французское повторило свои требованія. Тогда папское правительство выразило неодобреніе свое поступку монсеньора Киджи. „*Всеобщій Мониторъ*“ отъ 7-го (19-го февраля 1865 года) заявилъ, что «папскій нунцій представилъ императору Наполеону, въ частной аудіенціи, извиненія свои по поводу случившагося, и далъ увѣреніе, что онъ никогда не желалъ отступать отъ уваженія, которое всѣ обязаны оказывать постановленіямъ международнаго права.

Для того, чтобы объяснить себѣ настойчивость, съ какою римскій дворъ предъявлялъ требованія, которыя, какъ ему самому было извѣстно, ни въ какомъ случаѣ не могли быть допущены, — для того, чтобы понять медлительность, съ какою онъ приступалъ къ разрѣшенію дѣла, которое еще недавно, казалось, такъ сильно его интересовало, достаточно будетъ напомнить, что въ это самое время смуты, поднятыя въ Польшѣ, послужили исходною точкой и предлогомъ къ дипломатической агитаціи, направленной противъ Россіи. Послѣдствія этихъ смутъ и этой агитаціи не замедли

разиться въ попыткахъ, сдѣланныхъ большею частію европейскихъ правительствъ въ вмѣшательству во внутреннія дѣла Имперіи.

Папское правительство, болѣе нежели какое-либо другое, было подвержено дѣйствию этой агитаціи. Есть полное основаніе предполагать, что такова была побудительная причина дѣйствій, численія которыхъ будетъ достаточно для доказательства того, кто отвѣтственъ за настоящій разрывъ между Россіей и Римъ падаетъ на папское правительство.

Въ то самое время, когда завязывались переговоры о назначеніи папскаго нунція въ Россію, когда Императорское правительство давало неоднократныя доказательства своего искренняго желанія довести ихъ до удовлетворительнаго результата, — Пій IX ова послалъ, секретнымъ образомъ и вопреки органическимъ заповѣдямъ Имперіи, письмо къ новому варшавскому архіепископу. Въ этомъ письмѣ его святѣйшество становился, такъ сказать, на мѣсто законнаго государя страны и приглашалъ архіепископа Фелингского покинуть свою епархію и отправиться въ Римъ, въ то самое время, когда присутствіе его едва въ состояніи было возвратити суверенство страны къ исполненію своихъ обязанностей, отъ которыхъ оно все болѣе и болѣе удалялось.

Указывая г. Киселеву на это новое нарушеніе международныхъ правилъ, вице-канцлеръ замѣтилъ еще разъ:

„Мы искренно желаемъ наилучшихъ отношеній къ папскому правительству. Мы представили ему доказательства этого; однако я долженъ вамъ сказать съ глубокимъ прискорбіемъ, но и съ глубокимъ убѣжденіемъ, что путь, какимъ, повидимому, намѣрено вѣдывать это правительство, не ведетъ къ соглашенію... Если римскій дворъ хочетъ принять за исходную точку, что одна уступка должна вести за собою другія до безконечности, то онъ преается заблужденію, которое, въ видахъ добраго согласія, какое мы желаемъ упрочить между нами, я обязанъ разсвѣять съ самаго начала.“ (1)

Необходимо замѣтить, что эти тайныя сообщенія папскаго престола имѣли непосредственнымъ слѣдствіемъ усиленіе и поощреніе манифестацій польскаго духовенства.

(1) Письмо князя Горчакова къ г. Киселеву отъ 11 апрѣля 1862 г.

Едва монсеньоръ Фелинскій получилъ папское письмо, какъ уже счелъ долгомъ освободиться отъ всякаго повиновенія и даже отъ всякой умѣренности въ отношеніи къ властямъ Царства.

Правительство, освѣдомившись, что процессія, совершаемая обыкновенно въ Варшавѣ въ день св. Марка, должна была подать поводъ къ беспорядкамъ, просило архіепископа варшавскаго, чтобы, на этотъ разъ, церемонія была совершена внутри церкви, а не на улицахъ.

Архіепископъ оградилъ себя изворотами о принципѣ и, вопреки неоднократнымъ настояніямъ властей, вопреки запрещеній, напечатанному въ газетахъ и сообщенному каждому изъ приходскихъ священниковъ, приказалъ духовенству совершить эту процессію съ необычайною торжественностью.

Предусмотрѣнные беспорядки разразились. На улицахъ варшавскихъ дѣло съ трудомъ обошлось безъ кровопролитія, и когда Императорскій намѣстникъ потребовалъ у монсеньора Фелинскаго объясненій, то архіепископъ отвѣчалъ:

„Что духовенство дѣйствовало по его приказанію, что, при „будущихъ процессіяхъ, онъ самъ станетъ во главѣ, не смотря ни „на какое запрещеніе правительства; что онъ рѣшительно осмари- „васть у послѣдняго право запрещать свободу исповѣданій; что, „въ случаѣ надобности, онъ готовъ закрыть церкви, и наконецъ, „что онъ *предпочитаетъ видѣть десять тысячъ челоѣкъ на „землѣ убитыми*, нежели уступить частицу права, признаваемо- „го за нимъ каноническими законами.“

Этотъ образъ выраженій былъ сообщенъ въ Римъ, но не вызвалъ никакого каноническаго осужденія.

Къ тому же, въ это время (въ апрѣлѣ 1863 г.) папскій престолъ открыто присоединился къ дипломатической коалиціи, образовавшейся противъ Россіи.

Пій ІХ прислалъ къ Его Императорскому Величеству, отъ 22-го апрѣля 1863 г. письмо, „вызванное обнаруживающимися со „всѣхъ сторонъ, у народовъ и правительствъ, живымъ участіемъ „въ пользу Польши,“ — письмо, гдѣ изчислялись въ подробности мнимыя препятствія, противопоставленныя отправленію латинской вѣры. Святой отецъ требовалъ не только для римскаго духовенства преимуществъ, несообразныхъ съ независимостью и безопасностью государства, а равно и съ дѣйствиемъ верховной власти, но еще и права *руководить народамъ и вліять на народное обученіе*

he il clero ricuperi la sua influenza nel insegnamento é dire-
me del popolo).“

Въ тайной консисторіи, собиравшейся въ Римѣ 29-го октября
1863 г., Пій IX высказалъ слѣдующее положеніе:

„Ни требованія наши, предъявленныя русскому правительству
черезъ нашего кардинала статсъ-секретаря, ни письма, адресо-
ванныя нами къ Императору, не имѣли послѣдствій: наше письмо
отъ 22-го апрѣля 1863 г. осталось безъ отвѣта.“ (1)

Съ глубокимъ сожалѣніемъ должны мы заявить, что это увѣ-
неніе неточно. Государь Императоръ получилъ упомянутое письмо
1-го апрѣля 1863 г. 11-го мая того же года. Его Величе-
во отвѣчалъ святому отцу. Отвѣтъ этотъ былъ отправленъ въ
Россію съ чрезвычайнымъ курьеромъ и врученъ кардиналу Антонел-
ли 20-го мая (1-го іюня) 1863 года.

Отвѣтное письмо было написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Пресвятой отецъ!

„Мой министръ въ Римѣ передалъ мнѣ письмо вашего свя-
тѣйшества. Я прочелъ его съ тѣмъ вниманіемъ, какое Я всегда
обязываю сообщеніямъ, исходящимъ отъ васъ и которыя по-
ложены важнымъ интересамъ, охраняемымъ Мною и вами. Я, од-
накоже, сожалѣю о томъ, что ваше святѣйшество пишете мнѣ
письмо о прошлыхъ событіяхъ. Въ нѣкоторыхъ неудовлетворен-
ныхъ жалобахъ римско-католической церкви въ Царствѣ Поль-
скомъ вы усматриваете исключительную причину безпорядковъ, ны-
нѣ удручающихъ эту страну. Между тѣмъ, въ Европѣ не много
государствъ, которыя испытывали бы болѣе жестокіе удары рево-
люціи, чѣмъ тѣ государства, гдѣ римско-католическая церковь
пользуется безграничною властью. Изъ этого должно заключить,
что зло порождено иными причинами. Я отчасти указалъ ихъ
вашему святѣйшеству, обращая ваше вниманіе на дурное поведе-
ніе и даже на преступленія большого числа членовъ римско-като-
лическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ. Я сдѣлалъ это не
въ цѣль высказать укоризны, но съ твердымъ убѣжденіемъ, что
достаточно сообщить вашему святѣйшеству о столь предосудитель-

(1) Nihil autem valuerunt nostrae expostulationes per nostrum car-
dinalem a publicis negotiis factae apud illum Gubernium, nihil no-
strae litterae ad ipsum serenissimum principem scriptae (22 april
1863) quibus nullum fuit datum responsum. (Изложеніе римскихъ до-
кументовъ, приложение С, стр. 330).

нихъ крайностяхъ, чтобы вы почерпнули въ собственной совѣсти чувство негодованія, а въ духовной вашей власти необходимое влияние для возвращенія къ долгу тѣхъ членовъ духовенства, которые такъ тяжело уклонились отъ него.

„Этотъ союзъ служителей церкви съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу, есть одно изъ самыхъ возмутительныхъ явленій нашего времени. Сердцу вашего святѣйшества, какъ и Моему, должно быть присуще желаніе прекратить это явленіе.

„Чтобы предотвратить столь печальное положеніе, Я, уступая постоянному желанію вашего святѣйшества и вашихъ августѣйшихъ предшественниковъ, заявилъ въ прошломъ году Мое согласіе на присылку апостольскаго нунція. Сожалѣю о тѣхъ препятствіяхъ, которыя, независимо отъ Моей воли, до сихъ поръ замедлили исполненіе этого плана. Я всегда готовъ допустить посла отъ вашего святѣйшества и принять его съ дружественными чувствами, которыя Я желаю сохранить въ нашихъ отношеніяхъ. Я убѣжденъ, что прямое соглашеніе на основаніи конкордата, заключеннаго между Моимъ правительствомъ и вашимъ святѣйшествомъ, пролило бы на самое дѣло тотъ свѣтъ, котораго Я желаю, для устраненія недоразумѣній, причиненныхъ ошибочными или злонамеренными донесеніями, и послужило бы въ пользу дѣлу политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому и другому приходится защищаться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія Моего царствованія и Мои заботливости о духовныхъ интересахъ Моихъ подданныхъ всѣмъ вѣроисповѣданій служатъ залогомъ тѣхъ чувствъ, съ которыми Я буду относиться къ настоящему дѣлу.

„Я прошу ваше святѣйшество вновь принять увѣреніе въ Моемъ высокомъ уваженіи и искреннемъ почтеніи.“

Подписано: Александръ.

Въ то же время вице-канцлеръ Имперіи поручилъ министру Его Величества въ Римѣ увѣдомить римскій дворъ, что, „относительно положенія нунція при Императорскомъ дворѣ, Государь Императоръ готовъ принять за правило законодательство Франціи, гдѣ римско-католическая вѣра есть господствующая.“

Сверхъ того, г. Киселевъ былъ снабженъ обстоятельно запиской, которая, на основаніи неоспоримыхъ фактовъ и цифръ, оцѣнивала изложенныя въ папскомъ письмѣ жалобы.

Наконецъ, въ конфиденціальному письмѣ къ г. Киселеву, князь Горчаковъ, предвидя, что эти уступки могутъ показаться недотачными, высказывалъ слѣдующія замѣчанія:

„Я не чуждъ мысли, что римскій дворъ имѣеть болѣе широкія притязанія; но едвали онъ сознается въ нихъ, ибо это знало бы сбросить маску передъ всею Европой. Если папское правительство не удовольствуется допущеніемъ его посла на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ послы его пребываютъ въ католической странѣ, то отвѣтственность за отказъ падеть не на насъ, и тогда вы займетесь объ оглашеніи льготъ, предлагаемыхъ Императорскимъ кабинетомъ.“ (1)

Надо замѣтить, что римскій сборникъ тщательно избѣгаетъ явнѣйшаго упоминанія о бумагахъ такой важности, а также о полагавшихся за ними переговорахъ. Между тѣмъ достовѣрно, что г. Киселевъ имѣлъ продолжительныя объясненія съ кардиналомъ Антонелли объ этой перепискѣ святаго отца съ Государемъ Императоромъ. Относительно присылки нунція, кардиналъ даже спрашивалъ русскаго министра, что разумѣютъ подъ тѣмъ положеніемъ, какое занимаетъ представитель папскаго престола въ Парижѣ. Онъ старался объяснить различіе между теоріей французскаго законодательства и практикой, въ силу которой ограничительныя постановленія органическихъ законовъ не примѣняются во Франціи. Эта настойчивость, съ какою присылка нунція ставилась въ зависимость отъ дарованія преимуществъ, въ которыхъ сама католическая Франція всегда отказывала папскому престолу, какъ показываетъ вышеприведенный случай, бывшій въ 1865 году, обнаруживала заднія мысли, къ которымъ Императорскій кабинетъ имѣлъ право относиться недовѣрчиво и которыхъ необходимымъ послѣдствіемъ было устраненіе упомянутого плана въ настоящее, а также и на будущее время.

Впрочемъ, святой отецъ очень ясно высказался по этому предмету 6-го (18-го) іюня 1863 года. Принявъ г. Киселева въ частной аудіенціи, его святѣйшество, послѣ долгаго разговора о письмѣ Государя Императора, — письмѣ, существованіе котораго нынѣ отвергается, присоединилъ, что „считаетъ настоящую минуту слишкомъ трудною, чтобы присутствіе нунція въ С.-Петербургѣ

(1) Конфиденціальная депеша и письмо князя Горчакова къ г. Киселеву отъ 11-го мая 1865 г.

могло быть дѣйствительно полезно, и что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, онъ считаетъ присылку нунція *затруднительною*.“

Неблагодарность и враждебное настроеніе римскаго двора проявлялись въ это время тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе усложнялись внутреннія и внѣшнія затрудненія, противъ которыхъ боролось Императорское правительство.

31-го августа 1863 года римскій кардиналь-викарій обнародовалъ посланіе, въ которомъ приглашалъ жителей столицы участвовать въ процессіи, предназначенной къ отвращенію Божьяго гнѣва за упадокъ вѣры и за несправедливости, характеризующія наше печальное время. Указавъ на свирѣпствовавшій въ папскихъ владѣніяхъ падежъ скота, какъ на знакъ этого Божьяго гнѣва, кардиналь-викарій оканчивалъ свое посланіе словами:

„И за тѣмъ святой отецъ желаетъ, чтобы при этомъ были вознесены особыя молитвы за несчастную Польшу, которая, къ его прискорбію, стала въ настоящее время позорищемъ убійствъ и кровопролитія. Польскій народъ всегда былъ католическимъ и служилъ оплотомъ противъ вторженія заблужденій; онъ, конечно, заслуживаетъ молитвы объ его освобожденіи отъ удручающихъ его бѣдствій, о томъ, чтобы онъ никогда не утратилъ своего характера и всегда оставался вѣренъ своему призванію.“

Между тѣмъ русскій народъ съ рѣдкимъ въ исторіи увлеченіемъ группировался около трона. Онъ заявлялъ передъ лицомъ всего міра свою готовность пролить послѣднюю каплю крови, чтобы защитить достоинство своего Государя и цѣлость своей территоріи. Вооруженная сила усмирала возстаніе. Иностранное вѣшательство ослабѣвало и истощалось за отсутствіемъ согласія и условій, необходимыхъ для открытаго дѣйствія.

Когда было окончено трудное, но необходимое усмиреніе мятежа, Государь Императоръ былъ обязанъ въ отношеніи къ самому себѣ, какъ въ отношеніи къ здраво понятымъ интересамъ всѣхъ подданныхъ, предотвратить возвратъ столь бѣдственныхъ потрясеній, исцѣляя одинъ за другимъ органическія пороки, развѣдавшіе польское общество. Рядъ преобразованій, указанныхъ опытомъ и политическою мудростью, были подвергнуты изученію, обсужены, обработаны, и изъ постепеннаго, но непреклоннаго ихъ примѣненія возникнуть, съ Божіею помощію, столь спасительное и столь желанное дѣло истиннаго возрожденія народа, одноплеменнаго, подвластнаго одному

кнперту съ русскимъ народомъ, и котораго судьбы нераздѣльны поэтому съ судьбами Россіи.

Въ числѣ этихъ реформъ, быть можетъ, не было ни одной бо-
же настоящей, чѣмъ та, которая касалась римско-католическаго
духовенства въ Царствѣ Польскомъ. Число монашескихъ учреж-
деній размножилось до безконечности, а вышеприведенные факты
показали, какое дѣятельное участіе принимало монашествующее ду-
ховенство въ польскомъ возстаніи. Не смотря на каноническія пра-
вила и на буллу Бенедикта XIV отъ 2-го мая 1744 года, въ
Царствѣ Польскомъ было 75 монастырей, существовавшихъ вопреки
постановленіямъ этой буллы. Монастыри эти были упразднены. Не-
движимое имущество монастырей было секуляризовано, и доходы
съ него назначены на содержаніе сохранныхъ монастырей, а также
на благотворительность и на народное образованіе. Такія же мѣры
приняты относительно приходскаго духовенства. Доходы этого ду-
ховенства были распределены неразумно и несправедливо. Значи-
тельное большинство приходскихъ священниковъ были обречены ни-
щетѣ; между тѣмъ, какъ высшее духовенство и нѣкоторые сча-
стливцы получали большія суммы. Такому печальному положенію
дѣль положенъ конецъ рядомъ мѣръ, сходныхъ съ тѣми, какія были
приняты во многихъ р. католическихъ государствахъ.

Невозможно было оставить на епископскихъ кафедрахъ Цар-
ства Польскаго тѣхъ прелатовъ, которые отличались незаконностью
и рѣзкостью своего поведенія. Въ особенности монсиньоръ Фелин-
скій, котораго дѣйствія мы изложили, не могъ оставаться въ Вар-
шавѣ. Онъ былъ посланъ въ Ярославль, но сохранилъ свою юрис-
дикцію и свое архіепископское содержаніе. Однакоже, въ послѣд-
ствіи, такъ-какъ онъ упорствовалъ въ своемъ образѣ дѣйствій, и
даже, вопреки формальному и письменному обѣщанію, посылалъ тай-
ныя наставленія своему викарію Ржевускому, чтобы онъ не сни-
малъ церковнаго траура въ Царствѣ, монсиньоръ Фелинскій былъ
лишенъ права управлять своею епархіею.

Правительство поступило еще менѣе строго съ греко-уніатскимъ
епископомъ, монсиньоромъ Калинскимъ, не смотря на дѣятельное его
участіе въ возстаніи и на фанатизмъ, съ которымъ онъ старался
навязать своей паствѣ обряды римской церкви. Власти въ Царствѣ
Польскомъ получили приказаніе не соглашаться на посвященіе этого
епископа.

24-го апрѣля 1864 г., въ день праздника св. Фиделія Зиг-

марингенгенскаго, святой отецъ произнесъ въ римской коллегіи пропаганды аллокуцію. Въ послѣдствіи онъ пытался ослабить ея рѣзкость и отречься отъ ея выраженій, но достовѣрно, что Пій IX обвинялъ лично Его Величество Государя Императора „въ томъ, что Онъ мучить и притѣсняетъ церковь, посягаетъ на католическую вѣру и преслѣдуетъ несчастныхъ за то, что они оставались до самой смерти вѣрными религіи Іисуса Христа.“

Такия же обвиненія повторились съ неменьшею заносчивостью въ окружномъ посланіи, разосланномъ папой отъ 30-го іюля 1864 г. къ епископамъ польскимъ, для убѣжденія ихъ къ постоянству и твердости.

Теперь уже стало несомнѣнно съ достоинствомъ Императора имѣть представителя при государѣ, который дѣйствовалъ такимъ образомъ въ отношеніи къ Его Величеству.

Г. Киселевъ былъ отозванъ изъ Рима. Завѣдываніе дѣлами Императорскаго посольства было поручено первому секретарю, барону Мейендорфу, получившему приказаніе соблюдать строгую сдержанность и не принимать почина ни въ какихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ. Императорскій кабинетъ, сознавая въ то же время бесполезность поддерживать послѣдовательныя сношенія съ правительствомъ, котораго систематическая враждебность обнаружилась подобными дѣйствіями, ограничился съ тѣхъ поръ тѣмъ, что только увѣдомлялъ о порученіи сообщеній римскаго двора, воздерживаясь отъ всякаго обсужденія и даже отъ всякаго обихва мнслей.

Сообразно съ своими инструкціями, баронъ Мейендорфъ цѣлыи годъ даже не являлся въ Ватиканъ. Ему было внушено офиціознымъ путемъ, что эта сдержанность производить тягостное впечатлѣніе, и что съ удовольствіемъ увидѣли бы ея прекращеніе.

Онъ испросилъ приказаніе Императорскаго кабинета, и ему было разрѣшено принести святому отцу поздравленіе, во время пріема дипломатическаго корпуса въ праздникъ Рождества.

Итакъ, 15-го (27-го) декабря 1865 года, баронъ Мейендорфъ имѣлъ честь быть допущеннымъ въ присутствіе папы.

Прискорбныя случайности этой аудіенціи были доведены дослѣдствія публички и истолкованы самымъ произвольнымъ и ошибочнымъ образомъ.

Такъ какъ никто не присутствовалъ при этой аудіенціи, то приходилось противопоставить показанія простаго дипломатическаго чиновника заявленіямъ римскаго первосвященника.

Въ слѣдствіе побужденій сдержанности и приличія, которыя легко могутъ быть оцѣнены, Императорскій кабинетъ уклонился отъ этого, и не исправилъ неточныхъ толкованій, которыя было принято выгоднымъ пускать въ ходъ.

Римскій дворъ счелъ приличнымъ поднять столь щекотливый вопросъ.

По этому поводу онъ напечаталъ, въ своемъ изложеніи официальныхъ документовъ, увѣренія, которыя теперь невозможно не исправить.

Изчисливъ вопросы, которыхъ коснулся святой отецъ въ этой аудіенціи, официальный повѣствователь папскаго престола выражается слѣдующимъ образомъ:

„Г. повѣренный въ дѣлахъ не колебался оспорить подлинность фактовъ столь извѣстныхъ; послѣ нѣсколькихъ неприличныхъ намековъ относительно св. отца, онъ позволилъ себѣ сказать, что не случилось бы ничего подобнаго, еслибъ католики вели себя какъ протестанты, которые приняли сторону правительства во время возстанія, и получили много преимуществъ, отнятыхъ у католиковъ, ради враждебности занятаго ими положенія, и довелъ свою смѣлость до того, что заключилъ, будто нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ дѣйствіи католиковъ, такъ какъ католицизмъ тождественъ съ революціей. При этомъ выраженіи, папа вспыхнувъ справедливымъ негодованіемъ, чувствуя оскорбленіе, нанесенное всѣмъ вѣрующимъ, которымъ онъ августѣйшій глава, отвѣчалъ ему, отпуская его: „я уважаю и почитаю Его Величество Императора, но не могу сказать того же объ его повѣренномъ въ дѣлахъ, который, конечно, вопреки волѣ своего Государя, оскорбляетъ меня въ моемъ кабинетѣ.“ (1).

При всемъ желаніи пощадить послѣдователей римской церкви отъ изложенія подробностей, которыя могли бы лишь опечалить ихъ, нельзя не опровергнуть нѣкоторыхъ изъ этихъ увѣреній.

Русскій повѣренный въ дѣлахъ не позволилъ себѣ сказать, что католицизмъ и революція одно и то же.

Онъ сказалъ что въ Польшѣ католицизмъ вступилъ въ союзъ съ революціей.

Этотъ столь глубоко-прискорбный фактъ сдѣлался достояніемъ исторіи. Онъ неоднократно былъ указанъ папскому престолу, отъ

(1) Официальное изложеніе римскихъ документовъ стр. 53 и 54.

котораго зависѣло бы предупредить его. Такъ какъ святой отецъ приписалъ Государю Императору стремленіе къ религіознымъ гоненіямъ, то повѣренный въ дѣлахъ Его Величества могъ и долженъ былъ противопоставить этому, столь голословному обвиненію, истину, безъ сомнѣнія прискорбную, но неопровержимую.

Такъ какъ русскій повѣренный въ дѣлахъ былъ рѣзко отлученъ святымъ отцомъ, то всякое дипломатическое сношеніе съ римскимъ дворомъ сдѣлалось невозможнымъ, и въ слѣдствіе этого Императорскій кабинетъ далъ барону Мейендорфу приказаніе предупредить кардинала Антонелли, что въ слѣдствіе приѣма сдѣланнаго ему его святѣйшествомъ, его политическое назначеніе кончено, такъ какъ Государь Императоръ не можетъ оставить при папскомъ престолѣ представителя интересовъ Россіи, если достоинство ея не будетъ ограждено отъ всякаго посягательства.

Баронъ Мейендорфъ исполнялъ данныя ему приказанія 28-го января (9-го февраля) 1866 года.

Кардиналъ Антонелли, выразивъ свое сожалѣніе, спросилъ его: долженъ ли онъ принять этотъ шагъ за отозваніе Императорскаго посольства? Баронъ Мейендорфъ сказалъ ему, что онъ останется въ Римѣ до новаго приказанія простымъ производителемъ текущихъ дѣлъ, и что теченіе дѣлъ въ посольствѣ будетъ продолжаться.

Это положеніе продолжалось до 1-го (13-го) марта.

Отъ означеннаго числа, кардиналъ Антонелли сказалъ официально барону Мейендорфу, что, „послѣ его объявленія объ окончаніи его порученія, римскій дворъ считаетъ русское посольство уже несуществующимъ; что папа не прислалъ ему паспортовъ только потому, что его святѣйшество зналъ, что онъ долженъ уѣхать черезъ нѣсколько недѣль, что, такъ какъ онъ объявилъ, что останется въ Римѣ до новаго приказанія для рѣшенія текущихъ дѣлъ, то его высокопреосвященство согласился на продолженіе теченія дѣлъ въ посольствѣ, желая дать ему полную возможность окончить ихъ до своего отъѣзда; что, наконецъ, св. отецъ не приметъ преемника, котораго аккредитовали бы при немъ, послѣ отъѣзда барона Мейендорфа; что его святѣйшество не желаетъ видѣть возстановленіе русскаго посольства въ Римѣ; а что касается до интересовъ русскихъ подданныхъ, то баронъ Мейендорфъ можетъ поручить ихъ попеченіямъ посольства другой державы.“

Въ слѣдствіе этого объявленія, 2-й секретарь посольства, оставшійся въ Римѣ для храненія архивовъ, получилъ приказаніе

зять немедленно гербъ съ дома посольства, и объявить кардиналу Антонелли, что „такъ какъ папа принялъ на себя починъ разрыва, то Его Величество отклоняетъ отъ Себя всякую отвѣтственность за послѣдствія, могущія изъ того произойти.“

Въ одномъ изъ официальныхъ сообщений римскаго двора, кардиналъ статсъ-секретарь писалъ въ 1865 году:

„Святой отецъ надѣется, что Императоръ не поставитъ его собою въ неотклонимую необходимость изобличить передъ цѣлымъ вѣтомъ рядъ притѣсненій, которые постоянно терпитъ католическая церковь въ Императорскихъ и Царскихъ владѣніяхъ.“ (1).

На эту угрозу былъ данъ отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Совѣсть нашего Августѣйшаго Государя оправдываетъ Его въ всякаго намѣренія притѣснять католическую религію. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ожидать исполненія угрозы, которую канчивается меморія кардинала Антонелли.“

Вышеизложенные факты свидѣтельствуютъ, что Императорскій кабинетъ имѣлъ весьма уважительныя побужденія не страшиться того воззванія къ общественному мнѣнію, и что, отмѣняя конкордаты 1847 г. и истощивъ все способы къ примиренію, онъ только принималъ послѣдствія положенія, въ которомъ починъ и отвѣтственность принадлежатъ папскому престолу.

Объ участіи бѣлаго римско-католическаго духовенства въ мятежѣ (*).

Бѣлое римско-католическое духовенство въ Царствѣ Польскомъ, подобно монашествующей своей братіи, играло огромную преступную роль въ минувшемъ мятежѣ, и даже очень часто являлось руководителемъ беспорядковъ.

Нижеприводимые факты, служащіе очевиднымъ доказательствомъ этого заключенія, могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть дополненіемъ къ всеподаннѣйшему докладу особой комиссіи, учрежденной въ 1863 году, въ Варшавѣ, по дѣлу о римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ.

Съ самаго начала волненія, обнаружившагося въ Варшавѣ въ 1860 году, бѣлое духовенство является дѣятельнымъ помощникомъ шайки заговорщиковъ.

(1) Меморія кардинала статсъ-секретаря 1-го (20-го) января 1865 года.

(*) Статью эту заимствуемъ изъ всеподаннѣйшаго отчета генераль-полицеймейстера за 1865 годъ Царства Польскаго.

Сознавая искони существовавшія фанатическо-религіозныя стремленія польскаго общества, духовенство отъ 1860 года, безпрестанными церковными церемоніями, имѣвшими по большей части чисто политическій характеръ, необузданными проповѣдями и продажей революціонныхъ гимновъ, старалось приготовить край къ мятежу.

Высшіе сановники церкви не только не противились этой преступной дѣятельности, но напротивъ того, своимъ вмѣшательствомъ въ мірскія дѣла, какъ бы помогали агитаторамъ. Такъ, архіепископъ варшавскій *Фіалковскій* лично принималъ дѣятельное участіе въ 1861 году въ составленіи въ Варшавѣ, послѣ кровавыхъ событій 15 (27) февраля, городской делегаціи, которая, подъ личною предложенной правительству услуги, помогала заговорщикамъ развить и укрѣпить въ массахъ народа неповиновеніе къ властямъ.

Ксендзы: *Вышинскій* и *Стецкий*, съ дозволенія архіепископа были назначены членами делегаціи, а первый изъ нихъ, кромѣ того, былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, завѣдывавшей сборомъ пожертвованій со всего Царства. Собранныя, подъ видомъ сооруженія памятника—на могилѣ пяти убитыхъ 16 (27) февраля огромныя суммы впослѣдствіи послужили членамъ партіи красной средствами для заготовленія оружія.

По смерти *Фіалковскаго*, въ томъ же самомъ духѣ продолжалъ дѣйствовать заступившій его мѣсто, прелатъ *Бялобржесскій*.

Извѣсто, что рядъ самыхъ дерзкихъ манифестацій, произведенныхъ агитаторами, заставилъ наконецъ правительство, для прекращенія зла, 2 (14) октября 1861 года, объявить въ краѣ военное положеніе. Но взволнованныя страсти не могли скоро утихнуть, и 2 (15) октября, огромныя толпы народа, торжественно молились о славномъ конфедератѣ *Костюшкѣ*.

Не смотря на то, что войсками было сохранено глубокое уваженіе къ святынѣ, агитаторы распространили по Варшавѣ слухъ, что въ костелѣ св. Яна совершенно солдатами убито.

Заступавшій мѣсто варшавскаго архіепископа, прелатъ *Бялобржесскій* хотя былъ вполне убѣжденъ въ совершенной нецѣлости этого слуха, но желая возбудить народныя страсти, рѣшился торжественно подтвердить ложь распоряженіемъ своимъ о закрытіи всѣхъ костеловъ, поруганныхъ будто бы русскими войсками.

Приѣхавшій въ Варшаву, въ началѣ 1862 года, архіепископъ *Фелинскій*, 1/12 февраля открылъ костелы. При чемъ въ костелѣ св. Яна сказалъ рѣчь, въ которой склонялъ народъ вѣрить правительству, готовому дать краю широкія гражданскія реформы.

Но голосъ *Фелинскаго*, при всей его воздержности и сочувствіи шляхетскимъ стремленіямъ, не могъ удержать фанатической толпы, наэлектризованной духовенствомъ. Само же духовенство, не только не спѣшило встать на сторонѣ своего архипастыря, но напротивъ, въ отвѣтъ на слова *Фелинскаго*, написало письмо къ нему, подъ заглавіемъ: «Слово польскаго народа къ превелебнѣи-

Лигизмунду Щенскому Фелинскому, архіепископу и митрополиту архидіецезіи варшавской».

Въ письмѣ этомъ, отпечатанномъ въ тайной типографіи и распространенномъ ксендзами въ народѣ, въ доказательство—что они не раздѣляютъ мысли своего владыки, агитаторы ксендзы совершенно уже откровенно выясняютъ планъ своихъ дѣйствій, требуя: прекращенія всѣхъ переговоровъ съ Царемъ; общаго усиленнаго тремленія къ тому, чтобы, воспользовавшись нѣсколькими мѣсячнымъ рокомъ, организовать и укрупнить элементы возстанія: продолженія пассивнаго сопротивленія всѣмъ распоряженіямъ, направленнымъ для угнетенія народа; устраненія—во чтобы ни стало—всѣхъ препятствій для народной организаціи; наконецъ перехода, при первомъ удобномъ случаѣ, къ вооруженному возстанію съ тѣмъ, чтобы силою оружія поддерживать требованія поляковъ».

Честолюбивый, но безхарактерный Фелинскій, подъ вліяніемъ того письма и совѣтовъ своихъ собратій—фанатиковъ, отказался отъ борьбы за правду, и открыто присоединился къ агитаторамъ, какимъ образомъ, онъ обманулъ довѣріе своего Августѣйшаго благодѣтеля.

Подобное покровительство, оказываемое революціонерамъ высшими сановниками церкви, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что высокоцерковное духовенство, не находя преграды для своей преступной дѣятельности, забывъ свой священническій санъ и церковные обѣты, составило, въ началѣ ноября 1862 года, свою особую революціонную организацію. Первый примѣръ къ этому подала сандомірская епархія, которая, учредивъ у себя организацію, примкнула къ центральному комитету. Примѣру ея послѣдовали епископства куявско-браковское, подляское, хелмское грекоуніятское и наконецъ,—люблинское.

Остальные епископства старались о томъ же, но на сколько приведено было, это въ исполненіе—неизвѣстно.

Форма этой организаціи была очень несложна: Діецезія (епископство) дѣлилась на деканаты. Всѣ ксендзы деканата, безъ различія іерархическихъ степеней своего сана, избирали одного деканальнаго мужа довѣрія. Всѣ же деканальные мужи, въ свою очередь, выбирали изъ среды своей одного діецезіальнаго мужа довѣрія и его помощника.

Послѣдніе сносились съ гражданскими властями организаціи, и получаемыя отъ нихъ распоряженія, передавали деканальнымъ мужамъ довѣрія, которые сообщали эти распоряженія уже всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ ксендзамъ.

Діецезіальные мужи довѣрія находились въ нѣкоторой зависимости отъ начальниковъ воеводствъ и комиссаровъ. Выборы мужей довѣрія производились во время храмовыхъ праздниковъ, на которые, по заранѣе разосланнымъ объявленіямъ, съѣзжалось иногда до 80 человекъ ксендзовъ. На собраніяхъ этихъ всегда присутствовали уполномоченные агенты отъ центральнаго комитета.

Дієцезіальними мужами довѣрія, въ концѣ 1862 года, были избраны:

Въ сандомірской епархіи ксенезъ каноникъ Касперъ Котковскій—на сѣздѣ присутствовалъ депутатъ центрального комитета Игнатій Маціевскій.

Въ кувяско-краковской—ксендзъ Вроновскій (по другимъ Вюровскій); депутатъ — Владиславъ Яновскій.

Въ поляской и хелмской—ксендзъ Левъ Королець и ксендзъ Панковскій, депутатомъ былъ Иванъ Майковскій.

Въ люблинской — каноникъ Сосновскій; депутатъ — Іосифъ Яновскій.

Изъ означенныхъ мужей довѣрія, ксендзы: Котковскій, Панковскій и Королець, лично были извѣстны центральному комитету и находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ.

Такъ организованное духовенство, сознавая свои заслуги и подготовительныхъ дѣйствіяхъ мятежа, хотѣло играть главныя роли и имѣть первенствующее вліяніе на дѣла центрального комитета; но послѣдній, при посредствѣ своихъ агентовъ, успѣлъ въ самомъ непродолжительномъ времени вполне овладѣть всѣми дѣйствіями мужей довѣрія, такъ что все духовенство сдѣлалось съ нимъ орудіемъ централистовъ.

Однако нецеремонное обращеніе уполномоченныхъ комиссаровъ вызвало, въ декабрѣ мѣсяцѣ, неудовольствіе со стороны ксендзовъ, которые выслали съ протестомъ въ Варшаву своихъ депутатовъ ксендзовъ: Котковского, Корольца, Панковского и др. къ нимъ присоединился, игравшій тогда уже значительную роль, ксендзъ Микосшевскій.

Собранные въ монастырѣ доминикановъ, депутаты объявили высланному къ нимъ для переговоровъ, члену центрального комитета, Оскару Авейде слѣдующія условія:

1. Чтобы центральный комитетъ позволилъ дієцезіальнымъ мужамъ довѣрія избрать изъ среды себя одного ксендза, который былъ бы принятъ въ составъ комитета и въ дѣлахъ религіи имѣлъ бы безапелляціонный, рѣшительный голосъ.

2. Чтобы комитетъ дозволилъ духовенству написать и переслать папѣ чрезъ архіепископа Пржилускаго адресъ, въ которомъ духовенство могло бы выяснить св. отцу цѣль и характеръ своей организаціи, дабы тѣмъ защитити себя отъ послѣдствій папской буллы, изданной противъ тайныхъ духовныхъ обществъ.

Центральный комитетъ, боявшійся, что въ случаѣ отказа духовенство, отдѣлившись отъ него, можетъ присоединиться къ шихетскому комитету, обѣщавъ исполнить предложенныя условія, действительно учредилъ духовное отдѣленіе, но завѣдываніе онымъ поручилъ не выборному, а извѣстному ему ксендзу Карлу Микосшевскому, который управлялъ отдѣленіемъ этимъ подъ именемъ «Сикстуса», и имѣлъ съ таковою же надписью печать.

Относительно втораго пункта, комитетъ принялъ на себя обя-

тельную редакцію адреса, предупредивъ, что въ адресѣ не должно говориться о свѣтской власти папы и итальянскомъ вопросѣ; прочежь, адресъ этотъ не былъ написанъ.

Въ полномъ смыслѣ революціонеръ въ душѣ, всендзъ Микошевскій дѣлается особенно извѣстнымъ въ концѣ іюня 1862 года. въ это время, онъ и всендзы: Волунскій и Шабральскій, подъ главнымъ редакторствомъ всендза Жулинскаго, начали издавать релігиозно-политическій журналъ «Глосъ Каплана», въ которомъ, оведя софисмы до крайней степени, не только оправдываютъ—о даже благословляютъ царубійство.

Сдѣлавшись членомъ центрального комитета, Микошевскій наисалъ проповѣдь, напечатанную по распоряженію комитета и въ громномъ количествѣ экземпляровъ распространенную по всему царству Польскому. Въ проповѣди этой Микошевскій, доказывая необходимость изгнанія русскихъ изъ Польши, требуетъ, чтобы съ народъ, для успѣха дѣла, покорился центральному комитету.

Вспыхнувшій вооруженный мятежь окончательно увлекъ римско-католическое духовенство въ круговоротъ революціонныхъ грастей. Оно, забывъ не только долгъ вѣрности своему Монарху, о всю святость своихъ обѣтовъ, сдѣлалось ревностнымъ участникомъ тайной организаціи; всендзы, съ крестомъ въ одной рукѣ, и въ кинжаломъ въ другой, явились во главѣ мятежническихъ бандъ, обагрjali руки свои кровью.

Въ дѣйствіяхъ викарнаго всендза г. Лукова, Станислава *Бржоска*, арестованнаго 17 апрѣля 1865 года, въ дѣревнѣ Ситишка—Цяхетскіе, выразилось все, на что только можетъ быть способенъ польскій всендзъ. Бржоско первоначально является членомъ мѣстной духовной революціонной организаціи; за тѣмъ командуетъ бандой въ 1000 человекъ, присутствуетъ, при повѣшеніи двухъ несчастныхъ, сдѣлавшихся жертвами фанатизма повстанцевъ и наонецъ, собравъ подъ свою команду десятокъ воровъ и отъявленныхъ негодяевъ, титулуется главнымъ капеланомъ и генераломъ народныхъ войскъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка скажемъ, что военно-слѣдственныя дѣла—объ участіи духовенства въ мятежь—составляютъ еще значительный процентъ въ комиссіяхъ, таеъ что въ одной аршавской временной военно-слѣдственной комиссіи, въ теченіи 1865 года, было въ производствѣ 17 подобнаго рода дѣлъ.

Нижеизложенные факты доказываютъ, что духовенство далеко еще не отказалось отъ оппозиціи, и своимъ закоренѣлымъ упорствомъ затрудняетъ правительственныя власти въ окончательномъ спокойеніи края:

15 (27) октября 1865 года, преємникъ архієпископа Фелинскаго, администраторъ варшавской дієцезіи єпископъ *Ржевускій*, высланъ, по распоряженію правительства, на жительство въ Астрахань. Мѣбра эта вынуждена была постояннымъ систематическимъ противудѣйствіемъ Ржевускаго приведенію въ исполненіе всѣхъ

распоряженій правительства. Стремленіе его къ безплодной и неслышной съ интересами самой церкви оппозиціи обнаружилось точасъ же по вступленіи его въ должность администратора. По распоряженію его, въ видахъ возбужденія народа противу законнаго правительства, наложенъ былъ на всѣ костелы варшавской діецезіи трауръ, по поводу высылки архіепископа Фелинскаго, за преступныя дѣйствія его, на жительство въ г. Ярославль. Трауръ состоялъ въ прекращеніи звона, пѣнія и игры на органахъ въ костелахъ. Распоряженіе это, сдѣланное во время агитаціи края, подерживало революціонное движеніе и волненіе умовъ. Ржевускіи упрямо сопротивлялся снятію этого траура, принимая на себя тяжкую отвѣтственность за солидарность съ врагами порядка. Богдальнѣйшій ходъ событій въ Царствѣ самъ собою принудилъ Ржевускаго прекратить революціонныя манифестаціи, которыя сдѣлались тягостными не только для всего народа, но и для самаго духовенства, а водворившійся постепенно порядокъ развѣлъ преступныя мечты, и тогда онъ не отказался отъ противодѣйствія правительству, при всякомъ удобномъ случаѣ, не обращая вниманія на предостереженія. Такъ, напримѣръ, вопреки основнымъ законамъ государства, онъ не только не уклонился отъ непосредственныхъ сношеній съ папскимъ нунціемъ при вѣнскомъ дворѣ, а напротивъ, получивши отъ послѣдняго, безъ вѣдома правительства, распоряженіе, касающееся интересовъ духовенства въ Царствѣ, отважился, 16 (28) августа 1865 года, собственною властію облечь это распоряженіе въ форму закона, и сдѣлать его обязательнымъ не только для своей діецезіи, но разослалъ его въ консисторіи, подчиненныя другимъ епископамъ и администраторамъ Царства. Поступокъ этотъ составляетъ умышенное нарушеніе существующихъ въ Царствѣ законовъ, начиная отъ декрета саксонскаго короля, князя варшавскаго, отъ 16 (28) іюля 1808 года, до Высочайшаго указа 6 (18) марта 1817 года, которые неоднократно были подтверждаемы впослѣдствіи. Точно также нарушены были имъ законоположенія, относящіяся до назначенія монашествующихъ лицъ на должности, установленныя въ монастыряхъ. Такое ослушаніе Ржевускаго распоряженіямъ правительства и нарушеніемъ законовъ служило соблазномъ и для духовенства, и для народа, и перешло мѣру, сохраняемаго къ нему продолжительное время, снисхожденія.

Администраторъ варшавскаго Александровскаго костела, свѣтскій ксендзъ Юліанъ *Здитовецкій*, удерживалъ изъ жалованья подвѣдомственныхъ ему ксендзовъ извѣстный процентъ и, собирая такимъ образомъ капиталъ, высылалъ, какъ вспомоществованіе, бѣжавшимъ за границу ксендзамъ того же прихода Жульскому и Стодудьскому. Мало того, по дѣламъ управленія имуществомъ костела, Здитовецкій испрашивалъ письменно разрѣшенія ксендза Велюнскаго, сосланнаго за политическія преступленія.

Давно розыскиваемый полиціей, ксендзъ Леонъ *Годлескій*, при-

дившій жандармовъ-вѣшателей къ присягѣ на убійство генераль-лиціймейстера Царства Польскаго, Свиты Его Величества генераль-маіора *Тренова*, наконецъ былъ пойманъ, и за преступленіе о преданъ полевому военному суду.

При этомъ открыто, что Годлевскій, во время своего укрывательства, носилъ одежду монаховъ различныхъ орденовъ и принималъ ложныя фамиліи. Полевому военному же суду преданы ендзы: *Якубъ Кандерскій* и *Макарій Ковалевичъ*, способствовавшие укрывательству Годлевскаго.

Бромъ того, три ксендза, принимавшіе дѣятельное, участіе въ нувшемъ мятежѣ, преданы полевому военному суду, а 18—подругнуты различнаго рода административнымъ взысканіямъ. При ому нельзя неупомянуть о двухъ выдающихся фактахъ:

При производствѣ дѣла о беспорядкахъ, бывшихъ въ велишевой гминѣ, о чемъ уже было упомянуто, обнаружено, что мѣстный приходскій ксендзъ былъ содержателемъ корчмы.

Ксендзъ ордена капуциновъ *Пасюта*, оставленный для надзора надъ имуществомъ упраздненнаго варшавскаго капуцинскаго монастыря, пользуясь тѣмъ, что отъ него не была взята росписка о принятіи имъ церковной утвари, выкралъ изъ костела драгоценную дароносицу, пожертвованную костелу бывшимъ намѣстникомъ, княземъ *Паскевичемъ*, и нѣсколько серебряныхъ чашъ, которыя скрылъ въ частномъ домѣ; но предувѣдомленное о томъ управленіе генераль-полиціймейстера возвратило вещи эти костелу, а асюта, по резолюціи Намѣстника, преданъ духовному суду.

(*Варш. Днев.*)

Нѣсколько словъ о римско-католическомъ духовенствѣ въ царствѣ польскомъ одного полковаго ксендза капеллана.

За нѣкоторое время до минувшаго польскаго повстанья, я былъ присланъ изъ западнаго края начальствомъ, на должность военнаго капеллана въ городъ Люблинъ, (1862 года 26 сентября) находясь по настоящее время въ Царствѣ Польскомъ, объѣзжая ежегодно войска, расположенныя въ трехъ епархіяхъ, варшавской, подляской и люблинской, имѣлъ случай и время хорошо присмотрѣться и узнать какво польское духовенство, и на что нужно обратить вниманіе. Видя же въ настоящее время дѣлаемые правительствомъ полезныя реформы, считаю долгомъ написать нѣсколько словъ о духовенствѣ.

Число католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ такъ велико, что церкви и правительству не приносятъ настоящей пользы

а только вредъ, какъ оказалось на дѣлѣ. Польшу можно назвать гнѣдомъ темнаго фанатизма потому, что духовенство распространяло въ народѣ вражду и ненависть ко всему некаатолическому; кромѣ того, оно всегда вмѣшивалось въ дѣла политики, и принимало сильное участіе во время повстанья. Итакъ, разными своими предѣлами оно сдѣлало изъ христіанской римско-католической религіи какую-то новую польско-католическую. Въ Люблинѣ считается 19,000 жителей, половину которыхъ составляютъ евреи, а остальная часть состоитъ изъ католиковъ, православныхъ, униатовъ и лютеранъ. Костеловъ же католическихъ 14 при нихъ находилось 7 мужескихъ и 3 женскихъ монастыря. Вопросъ, какую и кому приносили монахи пользу въ этомъ городѣ? Нѣкоторые изъ жителей отвѣтили бы мнѣ, что монахи молились за насъ Богу. Держать монаховъ для того только, чтобы они за насъ молились, а не молиться каждому за себя, какъ мы обязаны по религіи, не принесетъ намъ пользы въ будущей жизни.

Въ первыя же времена христіанства не было монастырей, а религія была въ цвѣтущемъ состояніи, и нравственность людей стояла гораздо выше.

Какіе люди были въ польскихъ монастыряхъ? по большей части люди низшаго сословія, часто уходившіе отъ наборовъ въ войска, безъ образованія и воспитанія; малое только число изъ нихъ соответствовало значенію духовнаго сана. Чѣмъ же они занимались? Кружили головы женщинамъ на исповѣди, фанатизировали легковѣрныхъ, и вели политическія тайныя интриги. Честъ правительству, что оно наконецъ рѣшилось уничтожить эти зловредныя общества. Жаль только, что не всѣ.

Извѣстно вслѣдому, что Испанія — край фанатическо-католическій, а давно уничтожила монастыри за введеніе монахами инквизиціи и интриги противъ мавровъ.

Приходское духовенство усердно не занималось прямою своею обязанностію, а только хозяйствомъ; всякій настоятель приходъ не имѣлъ времени быть настоящимъ пастыремъ, и всѣ духовныя обязанности возлагалъ на своего помощника (викарнаго), который иногда, при всемъ своемъ усердіи, не могъ ихъ исполнить, такъ что часто прихожане лишены были требъ, за что и обывали недовольствіемъ ксендзамъ.

Положеніе этихъ молодыхъ ксендзовъ, т. е. викарныхъ, было незавидное, потому что они зависѣли отъ фантазій настоятелей, и часто были изгоняемы изъ одного мѣста въ другое, получая за свои труды какихъ-нибудь 50 или 60 руб. въ годъ, и малую часть доходовъ. Ксендзы настоятели въ этомъ край собирали капиталы и имѣли хорошія хозяйства, но за то ихъ костелы въ нѣкоторыхъ приходахъ въ самомъ жалкомъ положеніи, органы попорчены, иконы въ алтаряхъ похожи на дубочныя произведенія, ризы грязныя.

Повторяю: честь правительству, которое отняло отъ приходскаго духовенства земли, и назначило ему достаточное жалованье.

ѣмъ заставило ксендзовъ заниматься прямой своей обязанно-
ію.

Въ примѣръ привожу слѣдующее: хорошо извѣстно изъ исто-
и, что французское духовенство, до революціи, имѣло громадныя
енія, а роскошь довела до того, что стало пренебрегать своими пря-
ыми обязанностями, и подавать самыя грязныя примѣры; народъ,
идя это, пересталъ вѣрить въ Бога, чѣмъ самымъ и подготови-
сь революція, въ которой духовенство потеряло имѣнія, и само
рашно пострадало. Въ настоящее же время, французское духовен-
во, хотя получаетъ малое жалованье, но за то во всѣхъ отно-
еніяхъ занимаетъ первое мѣсто во всемъ католичествѣ.

Приходскіе ксендзы въ Польшѣ получали образование въ се-
инаріяхъ, бывшихъ до сихъ поръ въ рукахъ миссіонеровъ; благо-
ря Богу, правительство отняло у нихъ эту монополію воспита-
я. Миссіонеры эти, тѣ же іезуиты, только въ другой рясы, и ста-
ались принимать въ семинаріи тѣхъ только лицъ, которыя имѣ-
и меньше способностей, но болѣе слѣпой іезуитской покорности;
ого требовала ихъ политика. И такъ, нѣкоторые поступали въ
еминаріи прямо изъ дома, а другіе, окончившіе не болѣе 4-хъ
ласовъ гимназій. Предметы всѣ читались на латинномъ языкѣ.
еминаристы учили ихъ наизусть, потому что большая часть не
оимала по латыни. Развѣ это было развитіе способностей? На-
римѣръ исторія церкви, безъ сомнѣнія, важный предметъ и обя-
ательный для всякаго христіанина, тѣмъ болѣе для ксендза; меж-
у тѣмъ, многіе ксендзы на приходѣ вовсе ее не знаютъ, потому
то не понимали, изучая ее на латинскомъ языкѣ.

Философію тоже преподавали по латыни; этотъ предметъ не
ля всякаго доступенъ на родномъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на ла-
инскомъ. Въ настоящее же время, слѣдовало бы обратить особое
вниманіе на все это, и въ семинарію принимать людей болѣе спо-
обныхъ и окончившихъ покрайней мѣрѣ 5 или 6 гимназическихъ
ласовъ, и имѣющихъ отъ роду не менѣе 20 лѣтъ; преподавате-
и должны быть: половина духовныхъ и половина свѣтскихъ, а пред-
еты преподаваться болѣе на родномъ языкѣ. Духовную акаде-
ію въ Варшавѣ не худо было бы совсѣмъ уничтожить, а болѣе
способныхъ изъ семинарій посылать въ петербургскую.

Всѣ консисторіи въ Царствѣ Польскомъ переобразовать со-
ласно съ существующими въ западномъ краѣ Россіи.

Вмѣнить въ обязанность епископамъ, чтобы они сами ука-
ывали правительству тѣхъ ксендзовъ, которые будутъ женщинамъ
за исповѣди ежечасно кружить головы, такъ, какъ дѣлали мона-
хи, а такихъ ксендзовъ высылать изъ городовъ въ отдаленныя
мѣста епархій, ибо всѣ они тайные враги правительства и самой
церкви.

Говоря сущую правду, и вполне увѣренъ, что многіе ксен-
дзы не фанатики, согласятся съ моимъ мнѣніемъ; хотя другіе бу-
дутъ распространять въ народѣ обо мнѣ ложныя слухи, какъ о пре-

слѣдователь католической религіи; на это отвѣчалъ, что обнаруженіе фанатизма нѣкоторыхъ ксендзовъ за злоупотребленія нельзя назвать преслѣдованіемъ религіи; религія всегда чиста, свята и невзрушима.—г. Варшава, 8 (20) января 1867 г. Дивизионный канцелярь 2-ой гренадерской дивизіи, почетный каноникъ. ксендзъ *Степанъ Фелицкий*.

Нравственная сторона польскаго духовенства.

Печатая эту корреспонденцію, мы можемъ только прибавить, что вполне раздѣляемъ воззрѣнія корреспондента на вопросъ, который самъ собою подвергается всякому, кто только прожилъ нѣкоторое время въ здѣшнемъ краѣ на провинціи и присмотрѣлся къ строю общественной и семейной жизни въ польской средѣ.

Нашъ русскіхъ сердечно порадовало опубликованное въ газетахъ извѣстіе о прекращеніи духовныхъ связей Рима съ русско-католическими епархіями. Это событіе такого свойства, что способно питать нѣкоторыя отрадные надежды, даже пожеланія и не надежды, а только мечты, но мечты столь почтенныя, что могутъ быть заявлены и вслухъ. Такъ какъ отнынѣ всѣ дѣла римскаго исповѣданія должны вѣдаться установленными для того въ государствѣ властями и управленіями, то само собою рождается мысль—не настало ли теперь время поставить р.-католическое духовенство Имперіи и Царства въ такія условія, при которыхъ могла бы очиститься и возвыситься сильно упавшая нравственность этого духовенства. Очевидно, что паліативныя мѣры тутъ ни къ чему не приведутъ: сколько ни приставляйте, хоть къ каждому ксендзу поголовно, разныхъ менторовъ и полицейскихъ наблюдателей, дѣло останется въ своемъ прежнемъ видѣ, и ксендзы будутъ все тѣми же ксендзами до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ дѣйствовать тѣ вліянія, при которыхъ узаконились и питаются безобразіе и распущенность нравовъ р.-католической курии. Нужны средства радикальныя,—средства, могущія устранить отъ р.-католическаго духовенства многочисленныя источники соблазновъ и естественнымъ порядкомъ установить его домашнюю жизнь и общественную дѣятельность на такихъ началахъ, которыя приблизили бы его къ духовно-нравственному совершенству. Какія въ частности средства были бы пригодны для достиженія указанной цѣли, это вопросъ такой великой важности, что принимать на себя его предпріиміе мы не беремъся, но намъ бы хотѣлось хоть вскользь выставить факты, вопіющіе.

Толкаясь болѣе десяти лѣтъ по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ западнаго края и Царства Польскаго, мы имѣли почти возможность близко присмотрѣться къ сословію польскаго духовенства не въ томъ показномъ видѣ, когда ксендзъ, съ лицемер-

нимъ благочестіемъ, стоя предъ олтарею, прикидывается способнымъ взлетѣть на небо, но въ его дамашнемъ, закулисномъ, обыкновенномъ быту. Мы пользовались возможностью проникать въ тайны и внутренней жизни и частныхъ отношеній польскихъ ксендзовъ, и вынесли крѣпкое убѣжденіе въ глубокомъ и циническомъ разратѣ большинства этого духовенства. Когда, по новости нашего пребыванія въ здѣшнемъ краѣ, доводилось слышать о томъ, что безбрачныхъ ксендзовъ почти нѣтъ, мы отказывались вѣрить и читали эти толки порожденіемъ клеветы и недоброжелательства. Теперь, къ сожалѣнію, мы убѣдились, что эти толки близки къ истинѣ, и исключенія изъ числа безбрачныхъ составляютъ, болшею частью, только престарѣлые ксендзы. Что почти при каждомъ ксендзѣ живетъ, такъ называемая, госпожня (хозяйка), племянница, или двоюродная сестра весьма подозрительнаго свойства, и иногда и по двѣ разомъ, это вещи всѣмъ извѣстныя, даже тѣмъ патриархально-простодушнымъ прихожанамъ, которые, по упрямому слѣпленію, силятся видѣть въ своемъ ксендзѣ представителя христіанской нравственности. Сами р.-католики, изъ шляхты, разказываютъ, что когда, одно время, строго было предписано высцею р.-католическою властію, чтобы никто изъ ксендзовъ не смѣлъ держать хозяйки моложе шестидесяти лѣтъ отроду, то нѣкоторые мудрили поручать свое домоводство, вмѣсто одной, тремъ двадцатилѣтнимъ женщинамъ, и такимъ образомъ правило о лѣтахъ было соблюдено не въ ущербъ хозяину. Положимъ, что это и анекдотъ, но во всякомъ случаѣ весьма характеристичный. Замѣтательно, что церковные дома, обитаемые ксендзами, такъ ужъ всегда и строятся съ приспособленіемъ къ семейнымъ потребностямъ хозяина.

Обыкновенно эти дома представляютъ двѣ половины; изъ нихъ одна, офиціальная и показная, а другая, закулисная. Также въ порядкѣ вещей и то, что ксендовскія хозяйки, въ извѣстные періоды, на долго куда-то выѣзжаютъ, и потомъ снова возвращаются, голько замѣтно похудѣвшія. Благо, что въ Варшавѣ существуетъ благодѣтельный пріютъ Младенца Іисуса, куда, можно сбывать лишнее время, и потомъ опять идти своей дорожкой. Другіе, менѣе церемонные родители держатъ при себѣ цѣлос гнѣздо дѣтей, и употребляютъ ихъ на разныя дамашнія и церковныя послуги. Такой порядокъ вещей до того укоренился между ксендзами, до того кажется имъ естественнымъ и какъ бы узаконеннымъ, что одною изъ первыхъ заботъ почти всякаго окончившаго семинарію молодого человѣка и поступившаго на приходъ, бываетъ присканіе хозяйки. Удивительно при этомъ то, что молодые ксенды, пренебрегая каноническими правилами р.-католицизма, оправдываютъ свое поведеніе одною лишь молодостью, но еще удивительнѣе, что многіе, простодушные прихожане, не вмѣняютъ разврата въ грѣхъ не только сожителницамъ ксендзовъ, но даже и самимъ служителямъ алтара.

Этотъ развратъ, хотя и гнусный самъ по себѣ, все же ирра-
 чается за благовидную виѣшность, а бываетъ и гораздо хуже. Мы
 лично знаемъ множество примѣровъ явнаго, самаго безстыднаго
 распутства есендзовъ въ корчмахъ и гдѣ ни попало. Архивъ ком-
 мисіи духовныхъ дѣлъ заваленъ слѣдствіями о поступкахъ р.-като-
 лического духовенства, запечатлѣнныхъ возмутительнымъ циниз-
 момъ,—поступкахъ, назвать которые невозможно безъ нарушенія
 благопристойности. Такое поведеніе представляетъ еще ту пе-
 чальную сторону, что безнравственные члены польскаго духовен-
 ства часто употребляютъ таинство исповѣди и право проповѣ-
 дничества, какъ средство для совращенія другихъ съ пути истины
 и для удовлетворенія своимъ грѣшнымъ побужденіямъ. Очевидно,
 что при такихъ условіяхъ неминуюемо должна страдать и нрав-
 ственность паствы. Было бы несправедливо приписывать эти чер-
 ные качества всѣмъ служителямъ р.-католическаго алтаря, безъ раз-
 бора, напротивъ, къ безукоризненнымъ есендзамъ мы питаемъ пол-
 ное почтеніе, и отдаемъ всю справедливость ихъ благочестію и
 безупречной нравственности, мы уважаемъ ихъ какъ достойныхъ
 представителей чистоты евангельской, но въ то же время называемъ
 факты, ихъ собственными именами. Предположимъ даже, что яв-
 ленія, нами отмѣченныя, составляютъ исключенія, но если такіа
 исключенія повторяются сплошь и рядомъ, то становятся господ-
 ствующимъ зломъ. Вѣдь не видимъ же мы столь ирискорбныхъ
 примѣровъ паденія въ средѣ православнаго и лютеранскаго духо-
 венства, которое, если и представляетъ иногда исключенія, то во
 всякомъ случаѣ весьма рѣдкія. Значитъ, требуется перепахать
 почву, способную производить вредныя плевела, значитъ настоя-
 тельно надобно перестроить фундаментъ, на которомъ зиждется запы-
 ленное зданіе р.-католической іерархіи. Потребность этого новаго
 порядка вещей сознается даже въ сферѣ р.-католическаго духовен-
 ства другихъ странъ; напримѣръ, въ Италіи, многіе патеры, при-
 знавая безбрачное состояніе великимъ затрудненіемъ въ дѣлѣ
 соблюденія нравственной чистоты, и стѣсняемые р.-католическимъ
 постановленіемъ, вступаютъ въ браки гражданскіе. Подобный актъ,
 несогласующійся съ строгой законностію, показываетъ, однакоже,
 возрождающійся въ нѣдрахъ самого р.-католичества протестъ про-
 тивъ порядка, неудобоприложимаго къ требованіямъ жизни. Этихъ
 примѣровъ мы не указываемъ направленія, по которому должны
 идти преобразованія; мы только заявляемъ факты, сами собою во-
 нющіе о реформахъ, для которыхъ, кажется, теперь наступаетъ
 самое благоприятное время. *Земь.*

(Варш. Дневн.)

Воспитаніе духовенства въ папской семинаріи въ Римѣ.

Не одинъ разъ случалось намъ слышать и читать сужденія о превосходствѣ образованія р.-католическаго духовенства надъ нами православнымъ. Но дѣйствительно ли это такъ на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли образованіе р.-католическаго духовенства такъ обширно и такъ основательно, чтобы оно было во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣе образованія нашего духовенства? Предлагаемая замѣтка представляетъ намъ въ полномъ свѣтѣ всю скудость и ограниченность образованія и ложность воспитанія р.-католическаго духовенства въ папскихъ семинаріяхъ. Мы имѣемъ въ виду собственно фактическую сторону дѣла. Факты списаны съ дѣйствительности и вѣрны ей, какъ въ этомъ можно бы убѣдиться личнымъ наблюденіемъ, или замѣчаніями лицъ безпристрастныхъ—е р.-католиковъ, впрочемъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ.

Авторъ этой замѣтки, отвергнувши нѣсколько неблагоприятныхъ предположеній о р.-католическомъ духовенствѣ, говоритъ, то священники р.-католическіе недостаточно изучаютъ слово Божіе, е проникаются истиннымъ духомъ его, и въ самомъ воспитаніи воемъ извращаются ложнымъ направленіемъ, ложными системами, завязанными западному р.-католичеству папствомъ. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ изображенію самаго воспитанія римско-католическаго духовенства.

Духовенство р.-католической церкви раздѣляется на монашествующее и бѣлое. Въ воспитаніи того и другаго есть большая разница. Оставляя въ сторонѣ описаніе воспитанія монашествующаго духовенства, такъ какъ это воспитаніе дается въ монастыряхъ разныхъ религіозныхъ орденовъ р.-католическихъ, соотвѣтственно ихъ особеннымъ цѣлямъ,—представимъ фактическую сторону воспитанія и образованія римско-католическаго бѣлаго духовенства въ семинаріяхъ. Мы будемъ въ этомъ описаніи пользоваться подлинными словами автора ¹⁾).

«Воспитаніе молодыхъ людей, готовящихся къ духовному званію, въ семинаріяхъ, говоря вообще, представляетъ мало утѣшительнаго. Здѣсь всячески стараются сдѣлать невозможнымъ познаніе истиннаго христіанства и внѣдряютъ въ умы питомцевъ ложное убѣжденіе, что нѣтъ религіозной истины внѣ церкви римско-католической и нѣтъ спасенія внѣ ограды ея и проч. Такова цѣль, которую себѣ намѣтила римская церковь при обученіи своихъ семинаристовъ, и такъ какъ она предположила себѣ непременно достигнуть этой цѣли, какими бы то ни было средствами—хорошими или худыми, то она не посовѣстилась прибѣгнуть и къ такимъ, которыя дѣйствительно клонятся къ подавленію ума и сердца ду-

¹⁾ Christian Work throughout the world. Авг. и окт. 1863 г.

ховнаго юношества. Результатомъ такой системы бываетъ, что если съ возрастомъ и при основательнѣйшемъ занятіи науками каковой нибудь воспитанникъ семинаріи успѣетъ какъ нибудь развиться до того, что пойметъ ложность навязываемыхъ ему доктринъ,—то если недостаетъ въ его нравственной природѣ энергіи и честности, онъ дѣлается скептикомъ, но внѣшности не отдѣляясь отъ своей церкви: мало этого, онъ даже прикрывается притворствомъ внѣшней ревности по вѣрѣ, которой у него нѣтъ въ душѣ, или напускаетъ на себя ханжество, не дерзаетъ судить о правилахъ, привитыхъ ему воспитаніемъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлается святошей и становится совершеннымъ рабомъ и орудіемъ своихъ начальниковъ.

Излагая воспитаніе духовнаго юношества въ семинаріяхъ, я ограничусь тою одною точкою зрѣнія, которой держится папство и которая имѣетъ въ виду вкоренить въ сердцахъ молодыхъ людей вражду ко всякому другому исповѣданію христіанскому и безусловное повиновеніе папѣ. Въ этихъ видахъ воспитаніе это повреждаетъ имъ и сердце своихъ питомцевъ, преслѣдуя не знаніе и истину, но торжество своей секты.

Если бы я писалъ объ этомъ предметѣ въ духѣ партіи, я избралъ бы въ примѣръ для себя тѣ провинціальныя семинаріи, изъ которыхъ выходитъ эта толпа низшаго духовенства, наполняющаго большіе города Италіи—невѣжественныхъ и безнравственныхъ людей, къ великому соблазну народа, часто посѣщающихъ кофейни и другія публичныя мѣста, торгующихъ мессами и проч. Но чтобы не обвиняли меня въ преувеличеніи или пристрастіи, я не хочу останавливаться на этихъ незавидныхъ семинаріяхъ: я ограничусь описаніемъ воспитанія въ папской семинаріи въ Римѣ, которая служитъ образцомъ для всѣхъ р.-католическихъ семинарій, которая состоитъ подъ дирекціею кардинала викарія, на глазахъ самаго папы, изъ которой вышло столько прелатовъ, кардиналовъ и даже папъ. Всякій согласится, что я избралъ самую лучшую семинарію, которую притомъ я совершенно знаю; и потому несправедливо было бы обвинять меня въ преувеличеніи.

Я не намѣренъ здѣсь говорить о физическомъ воспитаніи, хотя и это могло бы представить обильный предметъ для изслѣдованія; ограничусь только изображеніемъ нравственнаго, научнаго и религіознаго воспитанія.

Было бы несправедливо утверждать, что въ этихъ семинаріяхъ проповѣдывали или на практикѣ приучали воспитанниковъ къ безнравственности. Есть правда, въ Италіи нѣкоторыя заведенія этого рода, въ которыхъ чувствуется значительный недостатокъ въ надзорѣ и въ которыхъ встрѣчаются поэтому страшныя злоупотребленія. При всемъ томъ воспитаніе, даваемое въ этихъ семинаріяхъ, съ нравственной точки зрѣнія, оставляетъ желать многого. Мнѣ кажется, что оно поставило себѣ задачею низвергать природныя начала честности, которыя напротивъ всѣми силами нужно бы было поддерживать и развивать въ сердцахъ воспитывающаго

ся юношества. Впрочемъ, я могу обманываться, и потому представляю на усмотрѣніе читателей факты, изъ которыхъ они могутъ видѣть, вѣренъ, или невѣренъ мой взглядъ. Въ этомъ воспитаніи, мнѣ кажется, два главные недостатка: первый—разрывъ и пренебреженіе семейныхъ связей и второй—привычка ко лжи.

Молодые люди поступаютъ въ семинарію въ самомъ нѣжномъ возрастѣ—отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ (позже двѣнадцати уже не принимаютъ въ семинарію), и съ этихъ поръ они смотрятъ на себя, какъ на совершенно отдѣльныхъ отъ своихъ семействъ. Правда, они могутъ видѣть своихъ родителей и родственниковъ въ семинаріи, въ опредѣленные дни, но въ свои дома они никогда не ходятъ, развѣ только когда кто опасно боленъ, или въ другихъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ, но и тогда ихъ сопровождаетъ ректоръ, или вице-ректоръ. Первую преграду между воспитанниковъ и его родными составляетъ костюмъ, который долженъ носить всякій семинаристъ. По своему костюму мальчикъ разомъ причисляется къ духовному сословію, вообще стоящему выше мірянъ, къ которымъ принадлежатъ его родители и родственники. Чтеніе религіозныхъ книгъ, бесѣды семинарскія—все направлено къ тому, чтобы внушить маленькому церковнику мысль о своемъ превосходствѣ надъ самыми лучшими мірянами,—отсюда малое дитя въ своей *сутанѣ* (подрясникѣ) и съ своей *тонсурой*¹⁾ считаетъ себя лучше и умнѣ своего отца. Черезъ малое время, по поступленіи дитяти въ семинарію, отецъ и мать теряютъ для него всякій авторитетъ, и оно не знаетъ другаго начальника надъ собою, кромѣ ректора.

Кромѣ того семинаристы предназначаются для безбрачной жизни; поэтому они не только не имѣютъ никакого понятія о семейной жизни, но смотрятъ на нее, какъ на какое-то зло, и даже родители, по своему невѣжеству, дѣйствуютъ на дѣтей въ видахъ ректоровъ семинарій; и тѣ и другіе постоянно толкуютъ дѣтямъ о безпокойствахъ и тяжести семейной жизни; преувеличиваютъ всѣ ея темныя стороны и скрываютъ отъ нихъ ея радости и достоинства. И такимъ образомъ дѣти съ раннихъ лѣтъ приобрѣтаютъ убѣжденіе, что самое худшее изъ всѣхъ состояній—есть семейная жизнь, и что, напротивъ, нѣтъ въ мірѣ счастливѣйшаго положенія, какъ жизнь священника.

Все въ семинаріи направлено къ тому, чтобы убить въ дѣтяхъ семейныя чувства. Дитя, лишенное матернихъ ласкъ, вырванное изъ круга родныхъ, которые для него дороги, естественно теряетъ всякую мысль о семействѣ. Здѣсь нѣтъ женщины, которая могла бы принять на свое попеченіе дѣтей, оторванныхъ отъ нѣжныхъ заботъ матери. Они сразу принимаются въ большія комнаты, называемыя камерами, изъ которыхъ въ каждой помещается отъ двадцати до двадцати трехъ мальчиковъ. Въ этихъ комна-

1) Особенная стрижка волосъ.

тахъ стоять ряды постелей, отдѣленныхъ одна отъ другой досками (которыя служатъ гнѣздилищемъ насѣкомыхъ), посрединѣ помѣщается большой столъ, общій для всѣхъ. Для каждой камеры назначается особый блюститель, называемый префектомъ;—это вообще одинъ изъ самыхъ невѣжественныхъ священниковъ. Обязанность префекта состоитъ въ томъ, чтобы доносить ректору обо всѣхъ мелочахъ, какія случаются въ его отдѣленіи; потому семинаристы его ненавидятъ и вообще смотрятъ на него, какъ на шпіона. Шпіонство—это болѣзнь р.-католическихъ религіозныхъ школъ: оно возлагается на всѣхъ служителей, оно внушается и самимъ воспитанникамъ, которые поэтому держатъ себя осторожно и даже скрытно одинъ предъ другимъ. Такимъ образомъ мѣсто распространенія въ этой братской общинѣ семейной любви, вѣны сердца питомцевъ приучаются къ замкнутости и скрытности; подозрительность и недоувѣрчивость вполне овладѣваютъ ими, а всѣ благородныя чувства задушаются и уничтожаются. Послѣ такого воспитанія, что удивительнаго, если р.-католическій священникъ грубъ, подозрителенъ и всегда готовъ худо думать о другихъ?

Другой важный недостатокъ въ нравственномъ воспитаніи этихъ семинаристовъ состоитъ, какъ я сказалъ выше, въ приученіи молодыхъ людей ко лжи. Дѣйствительно, это замѣчательное зло въ Италіи: первое, чему научаются здѣсь дѣти—это есть уменьшать. Ко лжи они приучаются отъ колыбели. Прежде нежели дитя начнетъ говорить, мать обманываетъ его разными фальшивыми предлогами, и потому какъ только дитя начнетъ понимать и выговаривать слова, оно въ свою очередь также начнетъ лгать. Но когда дѣти поступаютъ въ семинарію, они находятъ здѣсь ложь, введенную въ систему. Старшіе семинаристы учатъ новичковъ искусно лгать, и кто болѣе и искуснѣе другихъ лжетъ, тотъ почитается человекомъ, имѣющимъ величайшій талантъ. Ложь, по каноническому опредѣленію р.-католиковъ, раздѣляется на восемь видовъ, изъ которыхъ три составляютъ нравственный грѣхъ, а остальные пять считаются извинительными; но, по ученію богослововъ, ложь раздѣляется только на три вида, именно: 1) *ложь шуточная*, т. е. когда кто говоритъ неправду для забавы, или для удовольствія, не рассчитывая чрезъ это получить какую нибудь выгоду для себя или для другихъ; 2) *ложь оффиціальная*, когда кто лжетъ съ цѣлю оправдать себя, не нанося чрезъ это обиды никому другому, ни въ какомъ случаѣ; къ этому же виду принадлежитъ и *иромаская ложь*, когда лгутъ съ цѣлю пріобрѣсть какую либо выгоду для себя или для другихъ; 3) *ложь злобная*, приносящая вредъ или обиду нашему ближнему. Первые два вида составляютъ грѣхи извинительные, и только послѣдній считается собственно нравственнымъ грѣхомъ. Послѣ этаго въ римской церкви извинительный грѣхъ такая малая и ничтожна вещь, что даже не считается нужнымъ исповѣдываться въ немъ, чтобы уничтожить его. Извинительный грѣхъ, говоритъ Ома Аквинатъ, можетъ быть загладенъ.

безъ исповѣди, тремя способами: во первыхъ, принятіемъ какого нибудь таинства, которое, освящая челоуѣка, ех opere operato, уничтожаетъ извинительный грѣхъ; во вторыхъ, битьемъ себя въ грудь (tussio pectoris) въ продолженіи чтенія молитвы Господней; въ третьихъ, принятіемъ благословенія отъ епископа, или священника, который преподааетъ оное всѣмъ на концѣ мессы; спринсканіемъ себя святою водою, полученіемъ индульгенціи» и проч.... Учители тщательно внушаютъ дѣтямъ эту доктрину въ своихъ кагехизисахъ. Что дивнаго, если молодой семинаристъ прибѣгаетъ ко лжи, чтобы избѣжать наказанія?

Такимъ образомъ, воспитаніе, которое получаетъ юношество въ папскихъ семинаріяхъ, стремится уничтожить и ту малую частичку добра, которую Богъ благоволилъ оставить еще въ сердце падшаго челоуѣка, т. е. родственныя чувства и стремленіе къ истинѣ.

Бросивши бѣглый взглядъ на нравственное воспитаніе юношества въ папскихъ семинаріяхъ, теперь скажу нѣсколько словъ и о научномъ его образованіи. И въ этомъ отношеніи я не буду прибѣгать къ описанію провинціальныя семинарій. Я ограничусь папскою семинаріею въ Римѣ. Посмотримъ теперь на самый курсъ чтенія.

Первые два года, почти исключительно, посвящаются изученію латинской грамматики, слѣдующіе за тѣмъ три года—латинскимъ классикамъ; въ эти послѣдніе два года употребляется нѣсколько времени на изученіе греческаго языка, впрочемъ, очень не много,—проходятъ нѣсколько главъ изъ Дѣяній Апостольскихъ. Послѣ того о греческомъ языкѣ уже ничего не говорятъ, да онъ, впрочемъ, считается совершенно ненужнымъ при изученіи латинскаго богословія.—Послѣ классиковъ приступаютъ къ философіи, которую изучаютъ въ папской римской семинаріи и въ другихъ семинаріяхъ перваго класса—два года, а въ остальныхъ низшихъ—одинъ годъ. Въ этомъ курсѣ прежде всего преподается логика. Впрочемъ, не нужно предполагать, будто эта логика имѣетъ цѣлю пріучить воспитанниковъ составлять здравыя сужденія или выводить правильныя заключенія изъ основательныхъ посылокъ. Семинарская логика состоитъ въ плетеніи силлогизмовъ, по правиламъ и формамъ средневѣковаго схоластицизма.—За логикой слѣдуетъ метафизика, которая обнимаетъ онтологию, космологию, психологию и естественное богословіе. Метафизика, дѣйствительно, должна служить къ полнѣйшему развитію умственныхъ способностей; но та метафизика, которая преподается въ италіанскихъ р.-католическихъ семинаріяхъ, напротивъ, стремится подавить эти способности тысячью самыхъ запутанныхъ и невысказанныхъ вопросовъ, такъ что у священниковъ обратилось въ привычку называть все непонятное и недоступное для ума метафизическимъ. Чтобы еще болѣе запутать смыслъ учениковъ, эти два года, номинально посвященные философіи, наполнены такимъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ наукъ, что успѣтъ въ философіи, при такомъ множествѣ предме-

товъ, оказывается положительно невозможнымъ. Физика, химія, алгебра, геометрія, тригонометрія, механика, астрономія, нравственная философія, съ началами юриспруденціи и наконецъ еврейскій языкъ — все втиснуто въ этотъ двухгодичный курсъ. Блжкихъ философовъ, послѣ этого, нужно ожидать изъ римскихъ семинаристовъ? Этихъ фактовъ достаточно, чтобы показать, что философія р.-католическихъ школъ есть чистая химера; она есть обманъ, рассчитанный на то, чтобы подавить умственные силы духовенства и сдѣлать его неспособнымъ къ свободнымъ занятіямъ разума, короче, чтобы они не могли рассуждать и сдѣлать выборъ между тою, или другою партією.

Можно бы спросить здѣсь, зачѣмъ введено въ этотъ курсъ изученіе еврейскаго языка? Подлинно, я никогда не понималъ основанія, для чего изучаютъ тамъ этотъ языкъ такъ мало и неословательно; но теперь я, кажется, понимаю это. Протестанты угрожаютъ р.-католическое духовенство въ незнаніи еврейскаго языка и слѣдовательно въ неспособности изучать Св. Писаніе въ подлинникѣ: папа, чтобы придать хоть какой нибудь видъ истины, называя протестантовъ клеветниками въ этомъ случаѣ, но въ тоже время чтобы поддержать и общее незнаніе еврейскаго языка, открылъ въ своей семинаріи каедру еврейскаго языка, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) изученіе языка необязательно; 2) преподаваніе продолжается только одинъ учебный годъ и по одному часу въ недѣлю; 3) языкъ этотъ изучается воспитанниками въ такое время, когда голови слишкомъ забиты изученіемъ столь многихъ и столь разнообразныхъ наукъ, какъ метафизика, математика и естественныя науки. При такихъ условіяхъ очевидно, если бы кто и искренно желалъ изучить еврейскій языкъ, — то найдетъ это совершенно невозможнымъ.

Перейдемъ теперь къ богословскому курсу. Курсъ этотъ продолжается четыре года и заключаетъ слѣдующія богословскія науки: 1) богословская топика; 2) св. писаніе; 3) догматическое богословіе; 4) нравственное богословіе; 5) церковная исторія; 6) церковныя древности и литургика.

Въ р.-католической церкви богословская топика составляетъ основаніе науки богословія, источники, изъ которыхъ она почерпаетъ всѣ свои доказательства. Топика изучается цѣлый годъ и преподается особымъ профессоромъ. Всѣхъ богословскихъ тоникъ десять. Первая изъ нихъ библія, или точнѣе — переводъ Вульгаты, изъясняемый согласно воззрѣніямъ папы. Въ этомъ отдѣленіи трактуются о божественности и каноническомъ достоинствѣ библіи и особенно апокрифовъ, о высочайшемъ достоинствѣ Вульгаты, о неумѣстности дозволенія мірянамъ свободно пользоваться библіей, о ея темнотѣ и разныхъ смыслахъ, въ которыхъ можно понимать ее, о вытекающей отсюда необходимости подчиняться въ пониманіи смысла священнаго текста толкованію церкви, т. е. папы. — Вторая богословская топика есть преданіе. Здѣсь р.-католическіе

огословы доказываютъ, что преданіе есть такое же слово Божіе, какъ и библія, и должно имѣть такой же авторитетъ; доказательства этого нужно основывать на твореніяхъ отцевъ, опредѣленіяхъ соборовъ и папскихъ декреталяхъ. Но такъ какъ всякому частному лицу трудно отыскать извѣстную доктрину въ преданіи, то необходимо ждать рѣшенія папы—можно ли считать преданіемъ, ли нѣтъ, ту или другую доктрину.—Третія топка есть церковь, е. опредѣленія вселенскихъ соборовъ; четвертая—папа, который считается непогрѣшимымъ и котораго поэтому буллы и догматическіе декреталя имѣютъ такое же значеніе какъ и библія; пятая топка—авторитетъ помѣстныхъ соборовъ; шестая—авторитетъ отцовъ, отдѣльно взятыхъ; седьмая—мнѣнія богослововъ; осьмая—естественный разумъ; девятая—авторитетъ философовъ; десятая—исторія.

Изученіе св. писанія не сопровождается экзегетикой и не предлагаетъ правилъ основательнаго толкованія. Экзегетика невозможна безъ пониманія оригинала, а толкованіе, можно сказать, бесполезно въ римской церкви, гдѣ одинъ только папа можетъ вольно толковать писаніе, по своему усмотрѣнію.

Все изученіе библіи, продолжающееся четыре года, направлено къ рѣшенію курьезныхъ и сравнительно неважныхъ вопросовъ; апр., гдѣ точно было положеніе земнаго рай, какого рода былъ лодъ, который съѣлъ Адамъ, какимъ оружіемъ Каннъ убилъ Авеля. какъ были устроены солнечные часы царя Езеки? и проч.—какихъ плодовъ можно ожидать отъ такого изученія? Занятые устоями юноши привыкаютъ отыскивать въ писаніи только мещочные вопросы, вмѣсто того, чтобы искать тамъ Христа и Его ремудрость, и серьезные умы, не основываясь на чемъ нибудь боже высокомъ въ св. писаніи, получаютъ апатію къ изученію его. когда дѣлаются священниками, рѣдко заглядываютъ въ библію.

Догматическое богословіе раздѣляется на нѣсколько трактатовъ: о существѣ Божіемъ и Божіихъ дѣлахъ, о твореніи, объ ангелахъ, о первородномъ грѣхѣ, о воплощеніи, о почитаніи святыхъ, о благодати и о таинствахъ. Само собою, всѣ эти вопросы необходимо входятъ въ составъ догматическаго богословія; но дѣло въ томъ, какъ излагаются они. Вся догматика у нихъ состоитъ изъ спора съ иновѣрными исповѣданіями и особенно съ протестантами; и въ этихъ спорахъ дѣло не обходится безъ преувеличенія, неумѣстной брани, извращенія истины и даже клеветы. Ложь въ этомъ случаѣ признается дозволенною, потому что она имѣетъ въ виду торжество Рима. Этимъ путемъ догматика стремится возбудить ненависть и презрѣніе ко всѣмъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ. Что касается, такъ называемаго, нравственнаго богословія, то это не болѣе какъ школа самой глубокой безнравственности. Самое возмутительное распутство возведено здѣсь въ систему; нѣтъ порока, какъ бы онъ ужасенъ ни былъ, который не обсуждали бы съ самымъ возмутительнымъ хладнокровіемъ въ школахъ

и особенно въ курсѣ нравственной казуистики, преподаваемой въ семинарской церкви, въ которую не допускаются миряне. Кому хочется знать, о чемъ толкуютъ въ этихъ школахъ, тотъ пусть прочтетъ нравственное богословіе St. Alfonso di Liguori.

Церковная исторія читается исключительно въ видахъ папства и для этого не задумываются часто извращать даже факты. Христіанскія древности преподаются въ томъ же самомъ духѣ: документы, всѣмъ извѣстные какъ апокрифическіе, выдаются за несомнѣнно подлинныя. Все это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы доказать, что римская церковь никогда не измѣнялась, что она была точно такою же и въ первыя вѣка христіанства, какъ и теперь. Литургика занимается изъясненіемъ мессы и знакомить учениковъ съ церемоніями римско-католическихъ службъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о религіозномъ воспитаніи. Въ этомъ отношеніи важную роль играетъ еженедѣльное исповѣданіе грѣховъ. По воскреснымъ днямъ поется великая месса и всѣ семинаристы участвуютъ въ хорахъ. Каждое утро всѣ семинаристы въ камерѣ читаютъ вслухъ нѣсколько молитвъ на латинскомъ языкѣ и потомъ идутъ въ церковь слушать мессу. Послѣ обѣда школа закрывается и семинаристы гуляютъ часа два; въ это время они посѣщаютъ нѣкоторыя церкви, минутъ на пять каждую. По возвращеніи домой, идутъ въ свою церковь и пять разъ читаютъ *Pater noster*. Вечеромъ опять читаютъ нѣсколько молитвъ, также какъ и по утру.

Могутъ спросить меня: если дѣйствительно такое образованіе и воспитаніе дается въ р.-католическихъ семинаріяхъ, то какъ выходятъ изъ нихъ такіе ученые и такіе благочестивые люди? На это я отвѣчу: не изъ семинарій выходятъ они такими учеными или благочестивыми, а дѣлаются такими вслѣдствіе своихъ занятій послѣ школы. Кардиналъ Вейсманъ (*Wiseman*), напр., воспитывался въ римской семинаріи; но онъ совсѣмъ не такимъ оттуда вышелъ, какимъ является теперь. Ничего не осталось у него отъ школьнаго образованія, кромѣ безграничной привязанности къ папству и слѣпой ненависти къ другимъ исповѣданіямъ: это такъ глубоко засѣдаетъ въ души студентовъ, что безъ особеннаго чуда нельзя его искоренить».

Изъ предложеннаго описанія воспитанія р.-католическаго духовенства въ римской семинаріи нельзя не замѣтить, что въ этомъ воспитаніи есть нѣкоторыя черты, сходныя съ нашими духовными школами. Главное раздѣленіе курса воспитанія на философскій и богословскій, названіе воспитанниковъ философами и богословами, названіе окончившихъ курсъ академіи магистрами—все это есть и въ нашихъ духовныхъ школахъ. Но это сходство чисто внѣшнее и зависитъ отъ того, что школы наши, при пересадкѣ къ намъ въ Россію западнаго просвѣщенія, западной науки, были устроены по

дружной формѣ чисто по образцу р.-католическихъ школъ. Съ теченіемъ времени, развитіе просвѣщенія, потребности вѣка совершенно измѣнили духъ и характеръ нашихъ духовныхъ школъ. Коластичизмъ давно уже кончилъ свое господство въ русскихъ семинаріяхъ; богословскія и церковно-историческія науки получаютъ въ нихъ большое и большее развитіе, и съ нѣвотораго времени исторія, алгебра и геометрія также стали приобрѣтать себѣ читателей между воспитанниками семинарій.

Но если научная сторона воспитанія нашихъ семинаристовъ имѣетъ сколько нибудь и самыми внѣшними чертами напоминаетъ р.-католическія семинаріи, то нравственное и религіозное воспитаніе ихъ не имѣетъ и малѣйшаго сходства съ воспитаніемъ р.-католическимъ. Совершенное подавленіе свободы, деспотизмъ мысли, систематическое приученіе ко лжи и къ религіозному притворству и лицемерию и проч.,—такія явленія, которыя въ нашихъ школахъ духовныхъ не только не существуютъ, но даже и немислимы.

Замѣчаніе это мы приложили не для тѣхъ, которые хорошо знакомы съ нашимъ семинарскимъ образованіемъ: тѣ сразу поймутъ все безконечное различіе въ воспитаніи между нашими и р.-католическими духовными школами. Мы имѣли въ виду собственно тѣхъ, которые знаютъ о семинаріяхъ только по слуху, которые судятъ о воспитаніи духовнаго юношества въ нихъ по нѣвоторымъ зарисовкамъ семинарскаго образованія, снятымъ очевидно съ образцовъ древнихъ, давно минувшихъ, и потому, не будучи предостережены, могутъ обмануться и по самымъ поверхностнымъ чертамъ сходства сдѣлать фальшивое заключеніе о полномъ и совершенномъ тождествѣ воспитанія р.-католическаго и нашего духовнаго, тогда какъ то и другое воспитаніе и по духу, и по цѣли, по приемамъ совершенно различны.

(Рук. д. с. II.)

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ ЯРШЕВИЧАХЪ И ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ ЛИТОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ эпоху нравственно-религіознаго возрожденія западнаго края Россіи обращаетъ на особенное вниманіе каждый актъ торжества православія и русской жизни. Къ числу такихъ принадлежитъ освященіе новопостроенной церкви въ селѣ Яршевичахъ, Виленскаго вѣзда, совершенное въ 27 день декабря 1866 года молодецкиемъ благочиннымъ, священникомъ Кырилломъ Трояномъ.

Селеніе Яршевичи, лежащее на рубежѣ литовской епархіи, на границѣ Минскаго вѣзда, имѣло старую деревянную церковь,

которая по своей ветхости явно носила на себѣ слѣды чуждаго здѣсь владычества; но къ постройкѣ новой церкви никакихъ средствъ не предвидѣлось, такъ-какъ весь приходъ состоялъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, — а кому же было заботиться объ ихъ святыхъ. Но послѣ совершившагося ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, они едва ли не первые въ уѣздѣ, по внушенію бывшаго ихъ любимаго пастыря, съ слабыми средствами задумали устроить болѣе приличный храмъ. По старанію того же пастыря явилось къ нимъ на помощь московское братство и началось заготовленіе матеріаловъ. Попечительное правительствѣ приступивъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ къ постройкѣ церквей, ассигновало и для яршевицкой церкви пять тысячъ рублей; на эти-то средства, при безвозмездномъ трудѣ прихожанъ, выстроена новая, вмѣстительная и очень красивая каменная церковь. Не будемъ распространяться о торжествѣ освященія церкви, но можемъ смѣло сказать, что оно совершилось съ отъѣннымъ еще небывалымъ у насъ, великолѣпиемъ. Не только все духовенство молодецянскаго благочинія и всѣ окрестные прихожане събрались въ церковь, но еще съ трехъ пограничныхъ приходоу минской епархіи явился народъ съ своимъ духовенствомъ. Стройный хоръ молодецянскихъ семинаристовъ, при умирительной молитвѣ нѣсколькихъ тысячъ народа, придавалъ этому торжеству особенное величіе. Въмѣсто причастнаго стиха, молодецянскимъ благочиннымъ сказано было поучительное слово, обращенное къ яршевицкимъ прихожанамъ съ наставленіемъ: какъ они должны быть благодарны Царю-Освободителю за всѣ благодѣянія, а особенно оказанное имъ пособіе въ постройкѣ благоутѣннаго дома Божія, а равно сколько они обязаны московскому братству, принявшему теплое участіе въ ихъ духовныхъ нуждахъ. Духовное торжество окончилось моленіями за здравіе и долгоденствіе Государи Императора и Его Августѣйшаго семейства, св. правительствующаго синода, доблестнаго архипастыря нашего, митрополита Іоанна, строителей, благотворителей св. храма и всего московскаго братства. Не лишнимъ нахожу присоединить еще одно обстоятельство, усугубляющее торжество этого дня. Одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей с. Яршевичъ (кандидатъ старшины), пользующійся особеннымъ почетомъ въ своей средѣ, накануне освященія явился къ благочинному съ слѣдующими словами: «Батюшка! если такія церкви будутъ строити вездѣ, то, видно, латинскіе костелы будутъ здѣсь лишніе. Дѣтей своихъ, какъ вамъ извѣстно, я давно присоединилъ къ православной церкви; но самъ оставался въ латинствѣ, по причинамъ не отъ меня зависящимъ. Теперь, по милости Царя, препятствія эти устранены, и я хочу молиться на родинѣ изыгѣвъ съ своими собратьями; будте такъ добры: завтра меня поисповѣдуйте и причастите.» Желаніе это было исполнено тѣмъ болѣе охотно, что примѣръ новообращеннаго въ столь важный день и при такомъ многочисленномъ собраніи народа безспор-

произведеть сильное впечатлѣніе на весь яршевичскій приходъ.

Память этого дня останется навсегда въ народѣ. Мы же своей стороны сердечно желаемъ подѣлиться своими чувствами благодотворителями яршевичской церкви, московскими ея братчима, и принести имъ всѣмъ, отъ имени прихожанъ этой церкви, шевную благодарность за ихъ заботы и пожертвованія, а въ особенности благодареніе его превосходительству С. А. Маслову, станиемъ. вкладами крего и сборомъ пожертвованій, бѣднейшая долѣ яршевичская церковь нынѣ считается почти богатѣйшею уѣздѣ.

Безвозмездно трудившіеся прихожане при постройкѣ церкви ильно угощены были архитекторомъ Полозовымъ, а для членвъ церковнаго совѣта и почетнѣйшихъ прихожанъ устроена бы- благочиннымъ закуска, куда введенъ былъ военнымъ начальни- мъ и новосоединившіи прихожанамъ яршевичской церкви, кото- му священникъ Троянъ подарилъ серебряный вызолоченный естѣ.

Сокольскій благочинный донесъ консисторіи, что 1) бывшій жаностокскій по-монастырскій костель, по распоряженію граж- данскаго начальства, закрыть 15-го сентября; 16-го сентября изъ ого костела были устранены всѣ римско-католическія принадлеж- сти; 17-го числа, въ исходѣ 11-го часа, утромъ онъ — благочин- ный служилъ предъ особенно-чтимою иконою Пресвятой Богоро- пы молебенъ съ многолѣтіемъ Его Императорскому Величеству всему Царствующему Дому, святайшему правительствующему ноду и члену онаго высокопреосвященнѣйшему Юсифу, митро- литу литовскому и виленскому, всему христіанскому воинству всѣмъ православнымъ христіанамъ; тогоже числа въ 6-ть ча- въ вечера совершенно всенощное бѣніе; на другой день въ 10-ть совъ утра начались часы и обѣдница, затѣмъ сказано было при- чное слово къ народу, и наконецъ молебенъ съ Акаѣистомъ къ ресвятой Дѣвѣ. Народъ молился съ видимымъ на лицахъ уни- ніемъ; православные отличались неподдѣльною радостію, — рим- іе же рѣшительно этимъ не огорчались, и участвовали въ мо- твахъ къ Пресвятой Дѣвѣ, по своему обыкновенію, стоя на ко- ѣнахъ и молись тихо и усердно. На вечернѣ весь народъ мо- лся съ прежнимъ усердіемъ. 2) За прибытіемъ архитектора, по ищему совѣту, для придѣльной церкви была очищена одна изъ изницъ, въ которую и перенесена св. икона Божіей Матери. Эта рковь освящена благочиннымъ 25-го сентября во имя Іоанна лослова, при многочисленномъ стеченіи мѣстныхъ богомольцевъ, торыхъ не могло вмѣстить пространство придѣльной церкви. 3) ередѣлка б. рожаностокскаго костела въ православную кра- юставскую церковь производится дѣятельно; работы должны окон-

дится въ декабрю мѣсяцу. Освященіе этой церкви предполагается совершить архіерейскимъ священнодѣйствіемъ и самымъ торжественнымъ образомъ.

— Подороскій благочинный доноситъ, что имъ освящена 18 сентября новоустроенная церковь во имя св. Архистратига Михаила, при соборныхъ прихожанахъ и гражданскихъ чиновникахъ; при семъ торжествѣ было произнесено слово духовникомъ подороскаго благочинія священникомъ Ширинскимъ.

— Бездѣжскій благочинный донесъ, что вновь устроенная иконостась въ перковичской церкви освященъ имъ 1-го октября сослуженіи четырехъ священниковъ и діакона, при многочисленномъ стеченіи народа и весьма стройномъ пѣніи мальчикомъ вроднаго антолептскаго училища подь руководствомъ наставника г. Турцевича. На устройство собственными средствами прихожанъ, иконостаса, сдѣланіе новаго пола въ алтарной части и покраску онаго, возобновленіе кіота, покраску церковныхъ дверей и на исправленіе штукатурки употреблено 704 руб. серебромъ. Болѣе другихъ усерднымъ въ этомъ дѣлѣ оказался старшина перковической волости и вмѣстѣ церковный староста Пательмонъ Веремейчикъ. Сверхъ сего мѣстный священникъ Владиміръ Осташевскій пожертвовалъ отъ себя ризу въ приборокъ икону св. Владиміра и крестъ напрестольный и для крестнаго хода, а всего, примѣрно полагая, на 93 руб. сереб.

— Вилейскій благочинный рапортуетъ, что 2 октября бывшій куренецкій римско-католическій костель освященъ имъ въ православную церковь, равно какъ и мѣсто на вновь строимую куренецкую церковь,—при многочисленномъ собраніи народа, гражданскихъ и военныхъ чиновъ.

— Вилкомирскій благочинный рапортуетъ, что временно-устроенная въ мѣстечкѣ Ушполѣ мировымъ посредникомъ Бируковичъ церковь, 16-го числа октября освящена во имя св. Равноапостольнаго князя Владиміра, намѣстникомъ цолайскаго монастыря архимандритомъ Антоніемъ въ сослуженіи его благочиннаго, іеромонаха Василия, антолептскаго священника Андреевскаго и въ рижской епархіи священника Скруздинскаго, при многочисленномъ собраніи мѣстныхъ прихожанъ и прибывшихъ на это торжество изъ окружныхъ мѣстъ посѣтителей военнаго и гражданскаго ведомствъ.

— Волковскій благочинный донесъ, что освященіе вновь построенной на волпянскомъ кладбищѣ часовни совершенно мѣстнымъ священникомъ Викторомъ Кунаховичемъ 22 истекшаго октября.

— Преосвященнѣйшій Игнатій довелъ до свѣдѣнія, что его преосвященствомъ освящены новосооруженныя каменные съ желѣзными крышами церкви — 6-го ноября въ м. Сѣмятичахъ — въ

я св. апостоловъ Петра и Павла, а 8-го тогоже ноября въ селѣ уройкахъ — во имя св. Безребренниковъ Космы и Даміана, при астіи мѣстнаго духовенства, въ присутствіи собравшихся къ се- торжеству многихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ при многочисленномъ стеченіи народа.

Въ день праздника Свят. и Чудотворца Николая 6 декабря, древнемъ городѣ Бѣльскѣ происходило такое торжественное со- тіе, которое, по предмету, по долговременнымъ ожиданіямъ и впечатленію составляетъ явленіе рѣдкое и не въ уѣздномъ го- дѣ, и надолго останется памятнымъ для жителей Бѣльска: го- римъ объ освященіи новой, каменной соборной церкви. Городъ ьльскъ, какъ и уѣздъ его въ восточной полосѣ, принадлежитъ числу тѣхъ немногихъ мѣстностей нашего края, которыхъ нѣе всего коснулись тлетворныя латинскія вліянія униі. Въ са- мѣ Бѣльскѣ до самого воссоединенія униі съ св. церковію былъ авославный приходъ съ православнымъ, хотя и убогимъ, храмомъ; православіе, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. авославномъ заблудовскомъ монастырѣ, свѣтилось привѣтливою ѣздочкой для стремившихся къ соединенію съ завѣтною, пра- дительскою, церковію. Отъ того, неудивительно, что при ѣздѣ въ Бѣльскъ, при видѣ пяти нынѣ существующихъ пра- славныхъ храмовъ, хотя деревянныхъ и небогатыхъ наружно- ю, какъ то пріятнѣе дышется, чувствуется что-то родное.— о латинство и здѣсь силлось водвориться въ дни господства о на сеймахъ и въ домахъ вельможъ и шляхты: въ Бѣльскѣ въ ги времена явился каменный, на самомъ видномъ мѣстѣ города, ри большой почтовой дорогѣ, не малый и красивый для уѣзднаго родка костель съ кармелитскимъ при немъ монастыремъ, конечно ля окончательнаго выдавленія православнаго духа изъ униі и ля совершеннаго уничтоженія православія. Но православіе уцѣ- ѣло и процѣло, животворною своею силою, притянувъ къ се- ѣ унию отъ Рима; костель же, по закрытіи кармелитскаго мона- гыря, послѣ перваго польскаго мятежа, и по упраздненіи въ немъ атинскаго богослуженія по немнѣнію въ томъ нужды, стоялъ устой, и съ 1837 года какъ бы ожидалъ только оживленія для еби православною святынею. Читателямъ нашимъ извѣстно, что ѣ 1864 году окончательно сдѣлано было ассигнованіе 15,000 ру- лей сер. на устройство православнаго соборнаго храма для го- ода Бѣльска въ этомъ зданіи. И вотъ, въ концѣ ноября, храмъ былъ же готовъ. И милостивое правительство, и частныя добрыя лю- и сдѣлали то, что соборный храмъ Бѣльска не только для него дужить украшеніемъ и радостію, но и есть одинъ изъ лучшихъ рамовъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Освященіе храма совершено реосвященнѣйшимъ Игнатіемъ, нарочно прибывшимъ къ этому ажному и святому торжеству; въ сослуженіи архипастырю участ-

вовало мѣстное и уѣздное духовенство, въ присутствіи военныхъ и гражданскихъ чиновъ и при стеченіи многочисленнаго народа между которыми замѣчены были и римскіе католики—не только міряне, но и духовнаго сана. Храмъ освященъ во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы.

Въ воскресенье — 11-го декабря освящена была новоустроенная при виленской Свято-Михайловской церкви, теплая церковь въ память страданій Господа нашего І. Христа; освященіе совершено соборнѣ, съ подобающимъ благогѣніемъ, виленскимъ благочиннымъ кафедральнымъ протоіереемъ Викторомъ Гомолицкимъ.

Тогоже 11-го декабря совершенно было подоросскимъ благочиннымъ, священникомъ Іосифомъ Восинскимъ, въ сослуженіи 12 окрестныхъ священниковъ, освященіе каменной церкви въ м. Іасковѣ, устроенной изъ упраздненнаго костела; торжество было въ собственномъ смыслѣ обще-радостное, при стеченіи народа свыше 4000 человекъ и при бытности мѣстныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ; во все продолженіе службы пѣли очень стройно два хора изъ крестьянскихъ мальчиковъ—учениковъ сельскихъ школъ; громадный храмъ представлялъ умилительное и до слезъ радостное зрѣлище. Къ довершенію торжества было произнесено священникомъ зельвянской церкви Августинномъ Куцевичемъ достойное слово великаго праздника слово.

(Лит. Еп. Внд)

Праздничный вечеръ въ сельской школѣ.

Со времени назначенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ русскихъ православныхъ чиновниковъ по вѣдомству мировыхъ учреждений, началась для простаго народа новая эра. Если матеріальный бытъ и нужды крестьянъ стали предметомъ особенныхъ заботъ и самыхъ сочувственныхъ попеченій гг. мировыхъ посредниковъ, то уже по этому можно судить о томъ, какъ сочувственно отнеслись они къ дѣлу народнаго образованія.

Дѣйствительно, въ дѣлѣ образованія народа, особенно по Виленской губерніи, заботливость, сочувствіе и содѣйствіе гг. мировыхъ посредниковъ вездѣ пошли объ руку съ плодотворною дѣятельностію въ этомъ отношеніи виленской дирекціи народныхъ училищъ.—Неудивительно затѣмъ, что грамотность въ народѣ приноситъ теперь повсемѣстно самыя утѣшительныя результаты.

Къ числу лицъ, трудящихся на поприщѣ этой истинно полезной дѣятельности, по справедливости можетъ принадлежать посредникъ 2 участка Дисненскаго уѣзда, Василій Николаевичъ Тепловъ, искавшій общую любовь народа и уваженіе православнаго духовенства. Существоющія въ подвѣдомыхъ ему волостяхъ народныя училища видятъ въ Василіѣ Николаевичѣ то теплое сочувствіе дѣлу грамотности, которое свойственно только вполне посвященному уму и религиозной душѣ. Будучи всегда строгимъ исполнителемъ своихъ обязанностей, онъ оказываетъ самое благотворное влияние на окружающую его среду, служа примѣромъ сердной дѣятельности. Отъ того и волостные чины, какъ то: гаршны, старосты и проч., являются у него добросовѣстными оспѣшниками въ распространеніи между народомъ началъ доброй равенности и русской народности. Народныя училища, не мѣе и сами наставники оныхъ, въ цѣломъ участкѣ В. Н. Теплова е нахвалятся исправнымъ посѣщеніемъ дѣтьми и готовностью къ бученію ихъ со стороны родителей. Желая возможно большаго реуспѣванія великому дѣлу образованія, Василій Николаевичъ казываетъ свое влияние на него частнымъ личнымъ посѣщеніемъ училищъ, вниманіемъ къ способу обученія дѣтей, возбужденіемъ въ нихъ охоты къ ученію отеческимъ задушевнымъ словомъ, соединяя съ этимъ и поощрительные подарки. Но особенно подѣйствовалъ В. Н. Тепловъ на стремленіе крестьянъ къ обученію дѣей ихъ ежегоднымъ устройствомъ дѣтскихъ праздниковъ съ ѣлами. Объ одномъ изъ таковыхъ, бывшемъ въ прошломъ декабрѣ гѣсадѣ, я намѣренъ рассказать, хотя вкратцѣ. Мѣстомъ радостнаго дѣтскаго торжества было назначено селеніе Ластовица, Дисненскаго уѣзда. Это мѣсто уже не въ первый разъ было свидѣтелемъ радушія Василя Николаевича къ поселянамъ и ихъ дѣтямъ. Въ концѣ минувшаго года, на святкахъ, ему также суждено было сдѣлаться мѣстомъ самыхъ пріятныхъ для посѣтителей впечатленій.

Къ дѣтскому торжеству приглашены были окрестные священники, наставники народныхъ и сельскихъ училищъ съ своими питомцами (по 15 человекъ изъ каждаго училища) и крестьяне—опцы дѣтей. Настоящее собраніе почтили своимъ присутствіемъ: глубокскій благочинный, всѣми уважаемый отецъ Іоаннъ Виллямовскій, дисненскій уѣздный лѣсничій, чиновникъ по секвестрованнымъ имѣніямъ въ Дисненскомъ уѣздѣ, и нѣсколько благородныхъ дамъ, въ числѣ которыхъ присутствовала и супруга г. поредника, бывшая хозяйкою праздника. Къ торжеству явились также старшины всѣхъ волостей, старосты и выборные. Учениковъ было до 130 человекъ; при всемъ томъ, по обилію комнатъ и громадному размѣру, обширное помѣщеніе ластовицкаго волостнаго правленія дало возможность просторно размѣститься такому большому собранію гостей.

Ровно въ 4 часа, по полудни, послѣ обѣда, нарочно устроен-

наго г. посредникомъ для всѣхъ прибывшихъ учениковъ, когда приглашенные предстали на лицо, Василій Николаевичъ, ставъ при ярко освѣщенной ёлкѣ, открылъ празднество краткою, но сильною рѣчью, въ которой выразилъ цѣль и побужденіе устроеннаго имъ торжества. Сказавъ, что, благоговѣя къ великому дѣлу народнаго образованія, равно искренно желая преуспѣванія этому дѣлу въ средѣ вверенныхъ ему крестьянъ, онъ ежегодно имѣетъ пріятность приглашать въ общее собраніе питомцевъ мѣстныхъ скромныхъ разсадниковъ грамотности съ ихъ родными, жала, во-первыхъ, дать случай однимъ показать на дѣлѣ успѣхи своего ученія, а другимъ—видѣть степень этихъ успѣховъ;—во-вторыхъ, чтобы нѣсколько приучить сельскую дѣтскую застѣнчивость къ большой общительности, къ смѣлости и свободѣ въ выраженіи мыслей и приобретенныхъ знаній предъ лицомъ разнороднаго и многочисленнаго общества; наконецъ, чтобы отличѣншіе по успѣхамъ и поведенію ученики видѣли вниманіе къ ихъ трудамъ и получили бы за нихъ хотя скромныя награды. Вслѣдъ за этою рѣчью, грянулъ изъ сотни устъ русскій народный гимнъ «Боже, Царя храни». Онъ пропѣтъ былъ мальчиками и дѣвочками училищъ: псуяскаго, свильскаго, пишскаго, глубоускаго, ластомискаго, ковальскаго, верхнянскаго и осино—городскаго. Пѣніе было самое воодушевленное какъ со стороны учениковъ, такъ равно и со стороны всѣхъ присутствовавшихъ. За троекратнымъ повтореніемъ гимна, послѣдовали монологи и діалоги, въ концѣ мальчики свильскаго училища, преимущественно предъ всѣми, обнаружили свою развитость, бойкость и правильность въ произношеніи. Не менѣе въ бойкой русской рѣчи исполнили длинный діалогъ мальчики съ дѣвочками ковальскаго училища, изъ сценическаго прошлаго быта крестьянъ подъ крѣпостною зависимою, приведшей на присутствовавшихъ сельскихъ обывателей глубокое впечатлѣніе, по сравненію бывшаго ихъ положенія съ настоящимъ. По предназначенной программѣ, за разговорами, занявшими до 2-хъ часовъ времени, наступили рѣчи и поздравленія. Изъ рѣчей лучшая принадлежитъ ученику верхнянскаго училища; она отличалась преимущественно выразительностью и правильною произношеніемъ. Поздравленія и привѣтствія говорили мальчики осиногородскаго училища. Этимъ окончился первый актъ торжества. Необходимо уже было дать отдыхъ и какую нибудь награду отличившимся дѣтямъ. Прежде всего пришлось обратиться къ богатой ёлкѣ. Начали съ лакомствъ: конфеты, пряники и яблоки, приготовленные на издержки г. посредника, были раздаваемы обильно всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія, при чемъ дѣвочки были осчастливлены особеннымъ вниманіемъ супруги г. посредника. Этою раздачею закончена была первая часть празднества, послѣ которой почетнѣйшіе гости приглашены были хозяевами къ чаю, а дѣтямъ между тѣмъ предоставлена была свобода порѣзвиться; при этомъ, для ихъ развлеченія дано было представленіе отрывка изъ театра—

ой пьесы „Царь Максимилианъ“, исполненнаго нарочно прибывшими изъ м. Глубокаго сельскими актерами.

Послѣ этого представленія, продолжавшагося съ часъ времени, дѣти были призваны для произношенія басень и сказокъ. Роли разсказчиковъ выдержали съ честью ученики всѣхъ училищъ. Заключение этихъ разсказовъ выпало на долю присутствовавшихъ на раздникѣ двухъ малютокъ, сыновей г. посредника, прекрасно прочитавшихъ басни. Послѣ чтенія басень, началось пѣніе. Составились кружки по училищамъ. Начали съ народныхъ пѣсень; самое серьезное вниманіе В. Н. Теплова обращено было на пѣніе ерковное, въ которомъ сдѣланъ былъ серьезный экзаменъ дѣямъ. Пѣніе это, по важности и святости предмета, привлекло все обращеніе ко вниманію и благоговѣнію. Говорь и шумъ утихли, и адалось стройное гармоническое пѣніе свильскаго хора, котонмъ управлялъ свильскій священникъ о. Евфимій Сулковскій. (ропѣты были партесно хвалебные стихи поліелея, великое слаословіе, гимнъ Тебе Бога хвалимъ и другія богослужебныя пѣсноваленія. Пѣвчіе были награждены денежными подарками, чему ервый примѣръ подали г. посредникъ и его супруга. Пѣли ученики и другіхъ училищъ. Послѣ свильскаго хора, особенно обратилъ на ебя вниманіе хоръ глубокаскій, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ ринимали участіе и дѣвочки. Во все время пѣнія хвалебныхъ ерковныхъ гимновъ, слышны были глубокіе вздохи нѣкоторыхъ присутствовавшихъ крестьянъ. Видно было, что стройное, благоовѣнное и возвышенное православное церковное пѣніе имъ пришоь вполне по сердцу, умиляло ихъ души болѣе, чѣмъ бездушные остельные инструменты, нисколько не сродные духовной природѣ еловѣка и несоотвѣтствующіе цѣли богохваленія со стороны суества мыслящаго и словеснаго.

Между тѣмъ время незамѣтно уходило; становилось довольно ожно. Окончаніе вечера состояло изъ раздачи довольно цѣнныхъ одарковъ успѣшнѣйшимъ ученикамъ всѣхъ училищъ. Мальчикамъ аздавалъ г. посредникъ, а дѣвочкамъ его супруга. Въ числѣ одарковъ первое мѣсто занимали священные книги: Евангелія, молитвословы и нѣкоторыя другія. Затѣмъ слѣдовали платки, перошнныя ножны, куски матерій на разные предметы убранства, а аи дѣвочекъ, кромѣ этого, еще и нѣкоторые приборы для рукоцѣля. Было замѣтно, что дѣти-восхищены были ласками и внитаніемъ своего начальника. Это чувство благодарности Василию Николаевичу они выразили въ прощальной рѣчи, которую отъ лиа всѣхъ учениковъ произнесъ маичикъ осиногородскаго училища. асильій Николаевичъ обнялъ и поцѣловалъ этого мальчика. Въ аключение торжества, все общество обратилось къ иконамъ и имнѣ «Боже, Царя храни» повторился снова всѣми присутствующими. Съ послѣднимъ его звукомъ г. посредникъ попрощался съ обраніемъ, высказавъ пожеланіе сойтисъ совсѣми и на слѣдующій одъ.

По уходѣ дѣтей, Василій Николаевичъ просилъ священниковъ, наставниковъ и почетнѣйшихъ гостей раздѣлить съ нимъ вечернюю трапезу: тутъ гостепрѣимство и обычное радушіе хозяевъ высказались въ полной мѣрѣ.

Св. Александръ Котлинскій.

Состояніе грамотности въ виленскомъ учебномъ округѣ.

Я могу подѣлиться съ вами вполне отрадными извѣстіями объ успѣхахъ народной грамотности въ вѣдѣніи виленской дирекціи народныхъ училищъ.

По истинѣ отрадное явленіе представляетъ виленская дирекція своею горячею заботливостію о народномъ образованіи въ предѣлахъ своего округа. Эта заботливость выражается во многихъ утѣшительныхъ фактахъ.

Такъ, заботамъ дирекціи слѣдуетъ приписать ту значительную цифру народныхъ училищъ, которою по справедливости могутъ гордиться виленская и гродненская губерніи. Ея вниманію обязаны эти училища почти вездѣ счастливымъ выборомъ и назначеніемъ наставниковъ, понимающихъ свое дѣло, и добросовѣстно исполняющихъ свои обязанности. Благодаря предусмотрительности дирекціи, достойные наставники получаютъ соотвѣтственныя своимъ заслугамъ награды и пособія, и потому всячески стараются оправдать оказываемое имъ вниманіе.

Наконецъ, со стороны дирекціи приняты мѣры къ наибольшему и повсемѣстному распространенію пособій для образованія устройствомъ по нѣкоторымъ главнѣйшимъ пунктамъ частныхъ библиотекъ, съ цѣлью доставить народу возможность самымъ легкимъ и дешевымъ образомъ приобрѣтать полезныя для него книги, особенно религіозно-правственнаго содержанія. Само собою разумѣется, что всѣ эти просвѣщенныя дѣйствія виленской дирекціи не могли оставаться безъ благотворныхъ послѣдствій, и дѣйствительно я, какъ личный свидѣтель, могу положительно сказать, что зависящія отъ этой дирекціи школы достойны всякой похвалы какъ по внѣшнему устройству, такъ по внутреннему обезпеченію, и по ходу въ нихъ ученія. Въ числѣ ихъ, я могу указать на Осино-городокъ, дисненскаго уѣзда; Селець и Сошицу, пружанскаго; Приборовъ, Орѣховъ, Олтушь, Руду и Малорыту брестскаго. Опишу вамъ одно изъ этихъ училищъ, малорытское, которое, по обстоятельствамъ, мнѣ пришлось посѣтить нѣсколько разъ.

Пріятное впечатлѣніе производитъ прежде всего небольшое, но свѣтлое, чистое, новое помѣщеніе школы, обязанной своимъ существованіемъ и настоящимъ положеніемъ заботливости мѣстнаго

вѣщенника Іоанна Ситкевича, который есть вмѣстѣ и наставникъ школы. Домъ, въ которомъ помѣщается школа, раздѣленъ на три асти. Первая и главная предназначена для мальчиковъ, вторая — для дѣвочекъ, а третья для библиотеки и помѣщенія учителя. Коматы снабжены прилично новою мебелью, въ составѣ которой входятся: форменныя классныя скамьи, стулья, учительскій столъ, голы учениковъ, шкафъ для храненія книгъ и тетрадей, съ другими принадлежностями, икона съ лампадкою, портретъ Государя Императора, и проч. Все это поддерживается въ безукоризненной истотѣ, которая не можетъ не оказывать добраго вліанія на дѣей, будучи полезна и для ихъ здоровья. Сколько я могъ замѣять, всякій изъ дѣтей старается держать себя опрятно, соотвѣтвенно порядку, заведенному въ училищѣ.

Учебными пособиями въ книгахъ и другихъ принадлежностяхъ школа обезпечена въ такой мѣрѣ, что изъ наличныхъ экземпляровъ этихъ пособій составлена очень порядочная библиотечка, помѣщающаяся въ удобномъ и приличномъ шкафѣ, въ систематическомъ порядкѣ. Всѣмъ пособиямъ содержится исправный каталогъ. Съ чести виленской дирекціи слѣдуетъ сказать, что въ составѣ книгъ, высылающихся по ея распоряженію въ училище, видна релігиозно-нравственная идея, руководившая вполне раціональнымъ выборомъ сочиненій. Въ числѣ книгъ я замѣтилъ по нѣскольку экземпляровъ Евангелій, съ русскимъ переводомъ; священныхъ исторій, съ краткимъ катихизисомъ; молитвослововъ и даже собранныхъ Чети-Миней на всѣ мѣсяцы. Довольно есть книгъ историческихъ, нравоучительныхъ и учебниковъ по начальному чтенію, по ариметикѣ, по нотному пѣнію, по гражданской и церковной русской исторіи. Нельзя не сказать спасибо наставнику за исправность и бережливость, съ которыми у него содержится все это дорогое достояніе школы. Я не помню, чтобы у него были училищныя книги не переплетенными, и все это едва ли не на собственный счетъ о. Ситкевича. Объ одномъ только можно пожалѣть, что въ училище нѣтъ какого нибудь дѣльнаго журнала или газеты. Въ прежнее время высылался туда «Вѣстникъ Западной Россіи», и было очень кстати. Таковой журналъ весьма годился бы для мѣстныхъ народныхъ училищъ; но теперь, неизвѣстно почему, его нѣтъ въ нихъ. На мѣсто его высылается «Грамотѣй», который что-то не очень привлекаетъ къ себѣ вниманіе.

Методъ ученія въ описываемой мною школѣ соблюдается новый. Впрочемъ, даровитость и опытность о. Ситкевича на педагогическомъ поприщѣ даютъ ему возможность съ большимъ успѣхомъ развивать понятія дѣтей разными приѣмами. Въ преподаваніи предметовъ изустныхъ онъ держится метода разговорнаго, въ формѣ разсказа, что и занимательно для дѣтей, и лучше удерживается въ памяти. Этотъ способъ ученія особенно примѣняется у о. Ситкевича при изложеніи историческихъ событій, при толкованіи значенія богослужебныхъ обрядовъ и священнодѣйствій, при изясненіи

ніи истинѣ вѣры и смысла молитвъ. Дѣти такъ привыкли къ рациональному преподаванію своего наставника, что нисколько не затрудняются въ передачѣ своихъ мыслей, и съ замѣчательнымъ умѣньемъ передають въ короткихъ словахъ смыслъ прочитаннаго такъ и дѣвочки.

Курсъ ученія ограничивается слѣдующими предметами: чтеніе церковное и гражданское; письмо; ариметика съ счетоводствомъ; пѣніе; наконецъ законъ Божій, въ составъ котораго входятъ: исторія священнаго ветхаго и новаго заветъа и краткій катихизисъ. Размѣръ этихъ предметовъ въ преподаваніи принаравливается всегда къ возрасту и степени развитія учащихся. Такимъ образомъ питомцы малорытской школы дѣлають весьма значительныя успѣхи въ помянутыхъ наукахъ. Тѣ, которые посѣщаютъ школу по другой зимѣ, могутъ уже читать безъ запинки съ соблюденіемъ какъ знаковъ препинанія, такъ и вѣрнаго произношенія въ статьяхъ, словъ совершенно новыхъ и въ разбивку.

На письмо о. Іоаннъ обращаетъ не менѣе серьезное вниманіе и принимаетъ въ занятіяхъ учениковъ письмомъ непосредственное участіе. Хотя о. Ситкевичъ держитъ по училищу постоянно и на свой счетъ двухъ помощниковъ; однако, сшить дитяти тетрадь, разграфить въ ней линіи, починить перо, наблюдать за всѣми приемами при письмѣ, онъ принимаетъ на себя. Такая отеческая его снисходительность и кроткое всегда обращеніе съ дѣтьми, до того привлекають ихъ къ ученію, что нѣтъ почти случаевъ, чтобы кто изъ дѣтей пропустилъ урокъ по лѣности, не смотря на то, что ихъ считается въ училищѣ не менѣе 60 человѣкъ.

Ариметика съ счетоводствомъ, по своей образовательной важности въ ряду другихъ предметовъ, обращаетъ на себя также все вниманіе о. Іоанна. На третьемъ году ученія, питомцы его дѣлають уже всѣ четыре первыя ариметическія дѣйствія, со всею отчетливостію.

Наконецъ предметы, которыми о. Ситкевичъ занимается съ особенною внимательностію—это законъ Божій и пѣніе церковное. Поэтому въ числѣ его учениковъ есть дѣти, которыя разскажутъ совершенно отчетливо главнѣйшія библейскія событія, смыслъ молитвъ, Сивола вѣры, десяти заповѣдей. Даже дѣвочки безъ запинки дають понятія о значеніи богослужебныхъ обрядовъ и таинственномъ значеніи священныхъ предметовъ, не говоря уже о правильности изображенія на себѣ крестнаго знаменія и произношенія повседневныхъ молитвъ. Благодаря усердію и опытности о. Іоанна въ иѣніи на столько, что, при пособіи дьячка могутъ иѣть всѣ службы. Мало того, у него заведенъ такой порядокъ, что дѣти непремѣнно принимаютъ участіе въ чтеніи на клиросѣ часовъ, а нерѣдко и Апостола на срединѣ церкви. Все это благотвельно дѣйствуетъ на дѣтей, сообщая имъ чувства благоговѣнія къ Богу и благодарности къ тѣмъ, которые заботятся объ ихъ образованіи. Вообще

замѣтилъ, что прежнія грубыя привычки и разныя шалости дѣтей стались только въ воспоминаніи.

Вотъ что можетъ произвести благонамѣренная и просвѣщенная бдительность людей, истинно преданныхъ своему призванію! Можно сомнѣваться, что то же было бы повсемѣстно, если бы вездѣ во образованія велось съ такимъ вниманіемъ и съ тою разумностью, которыя составляютъ залогъ и основаніе успѣха всякаго дѣла.

Священникъ Александръ Котминскій.

Открытие русскаго женскаго 6-ти класснаго училища въ г. Холмѣ для греко-уніатскаго населенія Царства Польскаго.

Русское греко-уніатское населеніе Царства Польскаго, столько вѣковъ страдавшее подъ тяжкимъ игомъ фанатизма польско-католическаго, съ каждымъ годомъ получаетъ теперь все болѣе правыя средства въ самостоятельной жизни и образованію. Годъ тому назадъ русская публика была извѣщена объ открытіи одновременно въ г. Холмѣ двухъ среднихъ учебныхъ заведеній для греко-уніатскаго населенія Царства, — русской семиклассной гимназій ужской и русскихъ педагогическихъ курсовъ, равно о преобразованіи въ русскую 5-ти классную прогимназію польскаго 5-ти класснаго училища въ г. Бѣлѣ. Съ началомъ нынѣшняго учебнаго года объявлено Высочайше утвержденное 29 іюля (10 августа) сего года постановленіе учредительнаго комитета въ Царствѣ о преобразованіи бѣльской прогимназій въ русскую 7-ми классную гимназію, объ учрежденіи тамъ же русскихъ педагогическихъ курсовъ, преобразованіи сѣдлецкой польской гимназій въ русскую, объ учрежденіи въ г. Сѣдльцѣ четырехъ—классной женской русской прогимназій, равно объ учрежденіи въ г. Холмѣ женскаго 6-ти класснаго училища, а въ г. Замостьѣ русской четырехъ—классной мужской прогимназій и о преобразованіи 5-ти класснаго польскаго училища въ г. Грубѣшовѣ въ русскую четырехъ—классную прогимназію. Все это сдѣлано или предполагено сдѣлать именно для греко-уніатскаго населенія Царства Польскаго, которое такимъ образомъ въ самый короткій срокъ приобретаетъ до 10-ти среднихъ учебныхъ заведеній, не считая множества начальныхъ училищъ, открытыхъ и открываемыхъ при самомъ щедромъ и неограниченномъ въ своихъ размѣрахъ пособіи отъ правительства, такъ что среднимъ числомъ приходится теперь по одному среднему учебному заведенію на 20,000 и по одному начальному училищу на каждую тысячу душъ греко-уніатскаго населенія. Преобразование сѣдлецкой гимназій и бѣльской прогимназій совершилось почти съ

началомъ сего учебнаго года; открытіе же или преобразование другихъ учебныхъ заведеній послѣдуетъ въ концѣ этого или въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Открытіе женскаго училища въ г. Холмѣ, по обстоятельствамъ чисто хозяйственнымъ, не послѣдовало съ началомъ учебнаго года, и могло совершиться только 27 октября (8 ноября) сего года.

Событіе такого рода принадлежитъ къ разряду обыкновеннымъ явленій тамъ, гдѣ теченіе жизни общественной идетъ своимъ естественнымъ путемъ и ни чѣмъ не нарушено ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ; тамъ оно и не привлекаетъ ничего внѣшннн, кромѣ людей ближайшимъ образомъ въ немъ заинтересованнымъ. Событіе, о которомъ мы хотимъ говорить, тѣмъ и выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ въ этомъ родѣ событій, что оно составляетъ лишь возвратъ къ естественному порядку вещей послѣ продолжительнаго, вѣковаго нарушенія этого порядка. Отсюда именно оно получаетъ свой смыслъ и значеніе интереса не мѣстнаго только, но общаго для всѣхъ истинно-русскихъ людей; и мы надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы въ разказѣ объ этомъ торжествѣ вдадимся даже въ нѣкоторыя подробности.

Открытіе холмскаго женскаго училища отличалось особомъ торжественностію, каковая возможна только въ столь незначительномъ городкѣ, какъ Холмъ. Ко дню открытія нарочито прибыли въ Холмъ изъ г. Варшавы г. главный директоръ комиссіи внутреннихъ дѣлъ князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и почетный попечитель этого училища, а также исполняющій должность главнаго директора комиссіи народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. По заранѣ составленному и ими разсмотрѣнному и одобренному плану, открытіе холмскаго училища совершено было въ слѣдующемъ порядкѣ:

Послѣ предварительнаго, на канунѣ торжества, всенощнаго бдѣнія, совершеннаго въ православной холмской церкви для учащихся и учащихъ православнаго исповѣданія, 27 октября (8 ноября) въ день самаго открытія, по примѣру прежняго года, отслужена была ранняя литургія, одновременно въ церквахъ всѣхъ трехъ исповѣданій, къ которымъ принадлежать учащіе и учащія въ холмскихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно: въ холмской православной церкви, въ кафедральномъ греко-униатскомъ соборѣ и въ пошарскомъ р.-католическомъ костелѣ, дабы всѣ, имѣвшіе принять участіе въ торжествѣ, могли помолиться въ этотъ знаменательный день каждый по обряду своего исповѣданія. Въ греко-униатскомъ соборѣ за обѣдней пѣлъ хоръ, устроенный изъ учениковъ педагогическихъ курсовъ, а въ православной церкви хоръ гимназическій, отлично организованный изъ учениковъ гимназій и служащихъ въ холмской учебной дирекціи учителей и другихъ лицъ. Церковь православная на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго наполнилась, кромѣ живущихъ въ Холмѣ православныхъ

вогими лицами, нарочито прибывшими въ Холмъ къ торжеству. (а литургія присутствовали г. главный директоръ комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ г. исправляющій должность главного директора комиссіи народнаго просвѣщенія. Литургія, начавшаяся послѣ 9 часовъ, окончена во всѣхъ трехъ церквахъ къ 10^{1/2} часовъ, и затѣмъ въ 11-ть часовъ служащіе и учащіея всѣхъ сповѣданій собрались въ кафедральный греко-униатскій соборъ на одну литургію, которую соборнѣ съ греко-униатскимъ духовенствомъ, какъ мѣстнымъ, такъ и галиційскимъ, совершилъ предсѣватель холмской консисторіи, завѣдывающій дѣлами епархіи, пріерей Войцицкій. Предъ началомъ литургіи, по прибытіи въ соборъ по сіятельства князя Черкаскаго, о. протоіерей Войцицкій, видя къ алтаря съ сослужащимъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, привѣтствовалъ его слѣдующими сильно прочувствованными возвышеннымъ голосомъ произнесенными словами.

«На землѣ русскаго народа, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ, возвынутый мощною рукою равноапостольскаго князя Владиміра, трѣбаемъ теби, князь Владиміръ Александровичъ, какъ защитника угнетеннаго и приниженнаго въ этой русскои странѣ нашего русскаго народа.

Пусть же братья наши не смотрять на насъ какъ на блудныхъ сыновъ, но какъ на единоплеменниковъ!...

Тебя жъ, желанный гость нашъ, просимъ и напередъ не лиять насъ своей защиты и покровительства и быть ходатаемъ нашимъ предъ престоломъ Всемилостивѣйшаго Отца народовъ—нашего Монарха, ибо и мы есмы кость отъ костей и тѣло отъ тѣла общей матери нашей Россіи.

Теперь соединимъ на мѣстѣ семь молитвы наши къ Царю Царей, да подастъ Онъ здравіе и долгоденствіе Милостивому нашему Благодѣтелю Царю, тебѣ—князь, и всѣмъ, подвизающимся въ обновленіи дорогой нашей вѣры и народности».

Эта краткая, но много говорящая рѣчь, это торжественное призываніе: *есмы кость отъ костей и тѣло отъ тѣла* общей матери, Россіи, произнесенное тамъ, гдѣ еще такъ недавно не слышно было слова и имени русскаго, и послужившее какъ бы отголоскомъ одобнаго же заявленія, сдѣланнаго недавно галицео-русскою пресвою, эта наконецъ моляба ко всѣмъ русскимъ: пусть не смотрять на насъ, какъ на блудныхъ сыновъ—тронули всѣхъ присутствующихъ (о глубины души. Не менѣе другихъ тронутый князь отвѣчалъ, что его всегдашнюю заботливостію и постояннымъ задушевнымъ желаніемъ было всегда возстановленіе поправленной здѣсь русскои народности и обновленіе до первобытной чистоты греко-восточнаго обряда въ мѣстной униатской церкви, искаженнаго позднѣйшими римскими нововведеніями, и что самъ—онъ, послѣ всего, что предпринято было имъ съ этою цѣлію, прибылъ наконецъ въ Холмъ—центръ мѣстной униіи, между прочимъ съ цѣлію присмотрѣться ближе къ ходу этого дѣла, изыскать, если то нужнымъ окажется,

новья средства къ дальнѣйшему успѣшному продолженію оного и напомнить всѣмъ и каждому священнѣйшій долгъ быть своей вѣрѣ и народности преданнымъ, и благодарнымъ благодѣющему монарху.

Непосредственно затѣмъ начата божественная литургія, въ совершеніи которой, сверхъ упомянутаго официала-Войницкаго и мѣстныхъ греко-уніатскихъ священниковъ, участвовали три недавно зачисленные въ холмскую епархію галиційскіе священники (*).

Холмъ давно не видалъ столь торжественнаго богослуженія. Въ замѣнъ дико гудѣвшаго прежде органа теперь пѣли два отлично устроенные хора,—на правомъ клиросѣ хоръ гимназическій, на лѣвомъ хоръ педагогическихъ курсовъ вмѣстѣ съ пѣвчими существующей при кафедральномъ соборѣ греко-уніатской школы дьяковъ. Послѣ *Буди имя Господне*, законоучитель открываемаго женскаго училища галиційскій священникъ Ливчакъ произнесъ сообразное торжеству слово, начавъ оное, по существующему въ Галиціи обычаю, словами; *Христосъ посреда насъ*, вмѣсто общаго у насъ начала: *Во имя Отца и Сына и св. Духа*. Провѣдникъ, выступая изъ дневнаго евангельскаго чтенія, заключающаго въ себѣ обличительную противъ книжниковъ и фарисеевъ бесѣду Спасителя, и остановившись на томъ именно мѣстѣ ея, въ которомъ Спаситель говорить, что они, держа въ своихъ рукахъ *ключъ разумія*, сами не уразумѣли истины и другихъ не привели къ познанію ея,—провелъ поучительную параллель между положеніемъ іудейскаго народа руководимаго, по слову Христа, вождями слѣпыми, и судьбою русскаго населенія подъ владычествомъ поляковъ. Указавъ затѣмъ на учрежденныя и учреждаемыя издержками правительства учебныя заведенія для греко-уніатскаго населенія Царства, въ особенности же на знавъ величайшей милости къ этому населенію Царя—Освободителя, онъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ къ теплой благодарной молитвѣ за него и за всѣхъ исполнителей столь благодѣтельной Его воли.

Послѣ отпуска совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе о Высочайше дарованной мѣстному населенію милости въ учрежденіи холмскаго женскаго училища, — съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, а за тѣмъ начался торжественный ходъ изъ кафедральнаго собора къ мѣсту торжества. Процессія, пройдя по главной улицѣ, мимо зданія мужской гимназіи и обогнувъ оное, направилась въ пореформатское зданіе, предназначенное по передѣлкѣ къ помѣщенію холмскаго женскаго училища. Порядокъ ея былъ слѣдующій: 1) Бургомистръ г. Холма съ двумя жандармами холмскаго участка, 2) святые кре-

(*) Ректоръ холмской семинаріи, докторъ богословія, о. Николѣй Крижакій, вице-ректоръ о. Іоаннъ Лавровскій, отличный знатокъ церковнаго гѣмъ и искусный композиторъ, и о. Филиппъ Дачанъ, учитель греческаго языка въ холмской гимназіи, глубокой филологъ, авторъ извѣстной въ Галиціи греческой грамматики.

и в хоругви, 3) военно-участковый холмский начальникъ, 4) хоръ педагогическихъ курсовъ съ пѣвчими школы дьяковъ, 5) ученики ученицы польскаго начальнаго училища съ учителемъ, 6) ученицы греко-уніатскаго начальнаго женскаго училища съ учительцею, 7) ученики образцоваго русскаго начальнаго училища съ учителемъ, 8) ученики педагогическихъ курсовъ и позади ихъ учащіе, 9) ученики гимназій и учащіе, 10) ученицы открываемаго холмскаго 6-ти класснаго училища, 11) инспекторъ гимназій, инспекторъ педагогическихъ курсовъ и главная воспитательница открываемаго женскаго училища, 12) начальникъ холмской учебной рекціи, 13) гимназическій хоръ пѣвчихъ, 14) войты ближайшихъ гминъ и братчики холмскаго прихода съ свѣчами въ рукахъ, 15) воспитанники холмской греко-уніатской семинаріи и служащіе при ней, 16) священнослужащіе и священнодѣйствующіе съ иконами и крестами, 17) главноначальствующіе и всѣ присутствовавшіе при богослуженіи и принимавшіе участіе въ торжествѣ. Всѣ учащіе шли стройными рядами по пяти въ рядъ, войты же, братчики и всѣ священнослужащіе по два въ рядъ. Въ другой разъ второящаяся такая священная процессія служила въ глазахъ холмской публики съ одной стороны, какъ бы освященіемъ для самихъ улицъ холмскихъ, три года тому назадъ, во время бушевавшаго здѣсь повстанья, оскверненныхъ дикою оргіею, въ которой безумно-мятежническими криками пронесена была по тѣмъ же улицамъ получившая постыдную извѣстность измѣнница Пустовойва, съ другой—живымъ весьма поучительнымъ урокомъ.

По прибытіи въ такомъ порядкѣ процессіи въ пореформатское зданіе, въ сборной залѣ совершенно было служащимъ духовенствомъ, по чину греко-уніатской церкви, водоосвященіе, по окончаніи котораго возглаголено многолѣтіе Государю Императору со стороны Царствующимъ Домомъ, управляющему дѣлами холмской семинаріи со всею Богохранимою холмскою паствою, а также всѣмъ учащимъ и учащимся; а когда священнослужащіе отправились для освященія зданія священою водою, въ это время хоръ гимназическій пропѣлъ концертъ: *Господи Боже израильскъ*, молитвенное содержаніе котораго какъ нельзя болѣе приличествовало минутѣ торжества.

За тѣмъ г. исправляющій должность главнаго директора правительственной комисіи народнаго просвѣщенія, его превосходительство Осипъ Григорьевичъ Михневичъ, прочитавъ Высочайшій указъ объ открытіи въ г. Холмѣ русскаго греко-уніатскаго женскаго 6-ти класснаго училища, и ознакомивъ собраніе съ главнѣйшими статьями устава и штата онога, обратился къ нему съ братскою рѣчью, въ которой, указавъ на чрезвычайную заботливость правительства объ образованіи русскаго греко-уніатскаго населенія (архидіаконства въ лицѣ представителей его, призываетъ это населеніе къ ревностности и дѣятельному сочувствію благимъ намѣреніямъ попечительности правительства.

Послѣ сего г. инспекторъ холмской русской гимназiи А. А. Стефановичъ, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и инспекторъ ново открываемаго женскаго училища, прочиталъ отчетъ о раскоряженiяхъ, какiя сдѣланы были до того времени правительственною комиссiею народнаго просвѣщенiя по учрежденiю и устройству холмскаго женскаго училища, равно о первоначальныхъ дѣйствiяхъ педагогическаго совѣта этого училища.

Когда такимъ образомъ собравшаяся публика ознакомлена была съ основными положенiями открываемаго училища, его цѣли, средствами, составомъ и проч., и вмѣстѣ окончилось все служившее такъ сказать приготовленiемъ къ открытiю, г. начальникъ холмской учебной дирекцiи Ѳ. Г. Лебдинцевъ прочелъ актъ самаго открытiя и пригласилъ присутствующихъ скрѣпить своими подписями какъ самый актъ, такъ и отдѣльный протоколъ съ подробнымъ изложенiемъ порядка, въ какомъ происходило торжество открытiя. Въ промежуткѣ этого времени хоръ, къ удовольствiю публики, пропѣлъ старинный, но какъ нельзя болѣе идущiй къ мѣсту и времени кантъ: *Колѣна россы приклоните* (*).

Прекрасное исполненiе его, богатая, величественно-торжественная музыка, въ особенности содержанiе не только не устарѣвшее, но какъ бы нарочно для нашего мѣста и времени придуманное, останутся на долго въ сердцахъ и памяти присутствовавшихъ.

Колѣна Россы, приклоните,
 Благоговѣнный дружный сомъ!
 На небо мысль и умъ вперите.
 Стремись Творцу хваленья громъ!
 Не онъ ли чудно насъ избавилъ
 Отъ грозныхъ счастья перемянъ,
 Соблюлъ въ годину золь, прославилъ
 И выше всѣхъ вознесъ племянь!
 Услыши Господи моленье
 Призвательныхъ твоихъ рабовъ.
 Посли Царю благословенье
 И козни сокруши враговъ.
 Прочь! прочь! отъ насъ коварство злоба
 Одни лишь русскiе душой,
 Монарху вѣрны до гроба,
 Возвыште съ нами голосъ свой.
 Да въ адъ низвергнется измѣна
 Погибнетъ съ шумомъ духъ крамоль,
 И узы да постигнуть плѣна
 Виновниковъ нестройствъ и золь.
 Услыши Господи моленье
 Призвательныхъ твоихъ рабовъ

(*) Такъ какъ этотъ кантъ давно забытъ и нигдѣ не слышится, то съ тѣмъ не лишнимъ возобновить въ память читателей его текстъ:

После Царю благословенье
 И козни сокруши враговъ.
 Всевышнему да будетъ слава
 Завистникамъ Россіи срамъ;
 Да вѣкъ цвѣтетъ ея держава;
 Да вѣкъ курится оніамъ
 Тебѣ отъ храмовъ позлащенныхъ.
 Да поздніе славянъ сыны
 Тѣснятся въ сѣняхъ ихъ святыхъ
 Къ тебѣ усердемъ возжены.
 Услыши Господи моленье
 Призвательныхъ твоихъ рабовъ
 После Царю благословенье
 И козни сокруши враговъ.
 Храни о Боже Русь святую
 И твой межъ Россами законъ;
 Продли судьбу ея святую
 Петровъ навѣкъ возвыси тронъ.
 Да злобныхъ притупятся стрѣлы
 О неприступный твой оплотъ;
 Да въ наши не дерзнетъ предѣлы
 Ни гладъ, ни огонь, ни ярьсть водъ.

Торжество открытія заключено было рѣчью г. начальника холмской учебной дирекціи, въ которой онъ, коснувшись въ общихъ чертахъ характера воспитанія въ Польшѣ въ прежнее время, въ частности же воспитанія женщины, и того печальнаго положенія, въ какомъ находится въ отношеніи къ образованію жившее въ предѣлахъ Польши русское населеніе и преимущественно женская половина онаго, со всѣми плачевными послѣдствіями этого положенія, сдѣлалъ отсюда выводъ о томъ, какъ дорога Высочайше дарованная милость для греко-уніатскаго населенія Царства въ учрежденіи холмскаго женскаго училища, какъ велика о немъ заботливость правительства и какъ признательно оно должно быть за эту милость и заботу благодѣтелю—Царю и попечительному правительству. Затѣмъ, упомянувъ о существующихъ въ мѣстномъ населеніи предубѣжденіяхъ относительно цѣли и характера воспитанія въ открываемыхъ для этого населенія русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и изложивъ свой взглядъ на дѣло воспитанія вообще и въ частности женскаго въ ювооткрываемомъ училищѣ, г. начальникъ дирекціи пригласилъ присутствовавшихъ на торжествѣ представителей мѣстнаго греко-уніатскаго населенія къ дружной единодушной работѣ въ дѣлѣ ювостановленія здѣсь русской народности, причемъ, очерчивая грудность предстоящаго подвига, указалъ имъ на примѣръ сосѣдей Галиціи—съ краткимъ и душевнымъ привѣтствіемъ галицко-русскимъ дѣятелямъ, заключивъ свою рѣчь открытымъ благожеланіемъ, дабы мѣстные греко-уніаты, пришли вскорѣ въ мѣру возвра-

та сосѣднихъ своихъ братій галичанъ, и чтобы пробужденная имперская Русь прониклась однимъ духомъ со всею остальною Русью. Трудно передать ту благодарную радость и сердечное веселіе, которыя овладѣли присутствовавшими здѣсь галичанамъ при этихъ въ столъ торжественную минуту отъ сердца сказанныхъ словахъ: «еще такъ недавно и самъ я былъ въ средѣ ихъ (галичанъ), видѣлъ эту твердую какъ камень Русь, слышалъ ихъ огненные смѣлыя рѣчи, видѣлъ, какъ мужественно и дружно вступали они на провозмогающую силу сопротивную, и дивился неисповѣдимымъ путямъ Божіаго промысла, который хранитъ сіе злое стадо и видимо побораеть по немъ. Привѣтъ вамъ братья наши галицкіе и угорскіе, славные вонтели дней нашихъ» и проч. равно выразилъ силу общаго впечатлѣнія при словахъ: *помыслите братіе дружно*, и при мысли о томъ, что три части раздробленнаго по волѣ судьбы единаго племени сходятся теперь на территоріи холмской въ святомъ дѣлѣ возстановленія вѣками поправленнаго здѣсь народности русской.

Окончивъ рѣчь г. Лебединцевъ привѣтствовать отъ лица восторжественнаго заведенія почетнаго попечителя онаго, князя В. А. Черкаскаго и г. исправляющаго должность главнаго директора комисіи народнаго просвѣщенія О. Г. Михневича, благодаря извѣстѣ съ тѣмъ за ихъ высокое вниманіе къ заведенію, оказанное между прочимъ въ нарочитомъ прибытіи ко дню перваго его торжества. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, его сіятельство благодарилъ начальника дирекціи и все общество служащихъ при холмскихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ за тѣ чувства удовольствія, которыя онъ испыталъ при этомъ торжествѣ, и истинно патристическое настроеніе этого общества, о которомъ онъ обѣщалъ засвидѣтельствовать предъ высшею правительственною властію въ Царствѣ.

Торжество оканчивалось, или взаимныя привѣтствія, поздравленія и благожеланія. Минута была самая торжественная: общее чувство присутствовавшихъ было настроено на самый восторженный тонъ и просилось высказаться въ сердечномъ изліяніи передъ Тѣмъ. Кому всѣ обязаны были радостію этого дня и къ Кому устремлены были теперь мысли и чувства всѣхъ. Отгадывая общее всѣхъ желаніе, князь Черкасскій тутъ же написалъ телеграмму на имя графа-намѣстника Царства съ просьбою довести до свѣденія Его Величества о вѣрнопоподанническихъ чувствахъ преданности и глубочайшей любви и признательности всего торжественнаго собранія и всей осыпанной Его щедротами и благодѣяніями земля Холмской. Громкое восторженное ура было отвѣтомъ на прочитанную телеграмму, которая немедленно отправлена была эстафетою до ближайшей телеграфной станціи, и затѣмъ голоса всѣхъ присутствовавшихъ слились въ народномъ гимнѣ: *Боже Царя храни*, по окончаніи котораго всѣ участвовавшіе въ торжествѣ открытія приглашены были въ квартиру главной воспитательницы открытаго училища къ обѣдному столу.

Вечеромъ того дня городъ былъ иллюминовать по мѣрѣ средствъ свѣтъ, а на зданіи новооткрываемаго училища горѣло вензелевое ображеніе начальныхъ буквъ имени Государа Императора и Государыни Императрицы; всѣ же прибывшіе къ торжеству провели нецъ этого памятнаго для Холма дня въ задушевной бесѣдѣ за емъ у г. начальника дирекціи.

Вѣчь волынскаго губернскаго предводителя дворянства.

Въ *Киевлянинѣ* пишутъ: На дняхъ волынской губерніи предводитель дворянства князь *Имеретинскій*, принимая представлявшаго ему въ первый разъ депутатовъ, дворянъ и чиновниковъ депутатскаго собранія, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Господа депутаты и мил. гг.! Я только что пріѣхалъ сюда на службу и не успѣлъ еще вступить въ должность, какъ уже первые шаги знакомства съ нею заставляютъ меня опасаться, что я и въ ли буду въ силахъ оправдать ожиданія и надежды тѣхъ, которымъ угодно было заранѣе почтить меня нѣкоторыми заявленіями. Спѣшу высказаться откровенно, и чѣмъ раньше тѣмъ лучше. Вы видите во мнѣ перваго губернскаго предводителя на древней русской Волыни, назначеннаго правительствомъ не изъ мѣстныхъ ворянъ. Душевно желаю, чтобы отношенія наши установились, какъ можно проще и естественнѣе. Не буду говорить про обязанности предводителя, какъ члена различныхъ административныхъ учрежденій, а прямо приступаю къ самому щекотливому предмету—представительству дворянскихъ интересовъ. Понятно, что я долженъ и готовъ защитить ходатайства, исполнять требованія и же предупредить желанія каждаго изъ гг. дворянъ, на сколько все это допускаютъ законныя ихъ права и мои. Но истинное представительство предполагаетъ солидарность въ чувствахъ и понятіяхъ; поэтому мнѣ слѣдуетъ честно и опредѣлительно высказаться: съ кѣмъ я могу быть солидаренъ въ означенномъ смыслѣ. Прежде всего буду помнить, что я русскій дворянинъ, стало быть могу представлять только тѣхъ, кто во первыхъ прямодушно рѣшился разорвать всякую связь съ чуждыми и враждебными русскому отчеству стремленіями, а напротивъ способствовать тому, чтобы здѣшній край служилъ оплотомъ Россіи, а не проводникомъ ея враговъ, недоброжелателей. Я солидаренъ съ тѣми, кто твердо и неуклонно вѣритъ въ неизбежность полного объединенія Западнаго края съ Россією, которое, рано или поздно, а должно осуществиться непременно. Я готовъ наконецъ, представлять того, кто возлагаетъ исключительно и безусловно всю надежду на великую будущность 50 милліонной единовѣрной и единоплеменной русской силы. Повторяю, что сила эта неизбежно должна слить

воздвигно съ Россією когда-то оторванную, на время, древнюю и новую Волынь, какъ и прочія земли Кіева—матери городовъ русскихъ и колыбели нашей вѣры и нашей славы ¹⁾“.

Обратясь къ чиновникамъ дворянскаго депутатскаго собранія. г. предводитель продолжалъ:

„Всемилюстивѣйшій Государь высоко воздвигаетъ и укрѣпляетъ главнѣйшій двигатель всякаго преуспѣянія—законъ. Подразать такимъ усиліямъ велить долгъ и совѣсть. По новости служебнаго положенія моего прошу ближайшихъ моихъ сотрудниковъ, несомненно помогать мнѣ постояннымъ напоминаніемъ и предъявленіемъ подлиннаго текста статей закона, какія будутъ встрѣчаться въ дѣлахъ и бумагахъ. Правило это будетъ для меня важнѣйшимъ пособіемъ, такъ какъ я принимаю должность въ трудное переходное время напряженной дѣятельности. присущей всякому сильному развитію общественнаго организма“.

Выдержки изъ газетъ о Восточной Галиціи.

1.

Корреспонденція изъ восточной галиціи (*).

Польскій мятежъ оставилъ и по Галиціи, заселенной русскими свои разорительные слѣды. И у насъ составлялись въ 1863 годъ полки революціонеровъ. Вся шляхетская Польша мечтала, что царится на прежнихъ сенаторскихъ креслахъ въ Варшавѣ и подѣлитъ между собой богатую добычу, забранную въ Руси. А потому она не щадила никакихъ жертвъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ собраннымъ официальнымъ путемъ и доставленнымъ бывшему австрійскому министру внутреннихъ дѣлъ фонъ-Шмерлингу, за это время накопилось долга на помѣщичьихъ имѣніяхъ въ одной только Галиціи 30 милліоновъ гульденовъ. Цифра ужасная для каждаго, кто знаетъ и понимаетъ, что значить въ Галиціи долгъ и какими высокими процентами онъ оплачивается: 20, 30% адѣе не рѣдкость! На львовскомъ сеймѣ депутатъ нашъ, графъ Борковскій, высказалъ самую истину, что теперь въ Галиціи существуютъ помѣщичьи-поляки лишь *de nomine*; ибо помѣстья ихъ переходятъ въ чужія руки, а оставшіяся при нихъ красуются въ тебулярныхъ книгахъ тѣнью, блуждающею среди долговъ по Епископскимъ полямъ прежнихъ воспомнаній. Такія откровенныя слова, рѣдко вырывающіяся изъ патріота-поляка, произвели на поль-

¹⁾ Ахъ, еслибъ, дворянство Волынской губерніи, да и все польское дворянство западной Россіи получше вчиталось поглубже здумалось, въ эту прелесть рѣчь и позаботилось о той „солидарности“ съ своимъ доблестнымъ преставителемъ, какою онъ указалъ имъ, и какою такъ искренно желаетъ имѣть съ нимъ.

кихъ слушателей чрезвычайно горькое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, хозяйство въ нынѣшнее время не доставляетъ въ Галиціи, даже при очень хорошемъ порядкѣ и управленіи, больше 5%. А оскопичить хочется по давнему и еще мечтать о восстановленіи жизни. Герои изъ-подъ Радзивилова требуютъ теперь ежедневно отъ своихъ владѣльцевъ: «Давайте хлѣба, давайте одежды; мы проливали кровь за ойчизну, а вы сидѣли въ палатахъ». Новыя затрудненія, новыя хлопоты! Кто не давалъ и не хочетъ давать побѣ революціонерамъ, того домъ съ цѣлою жатвой и инвентаремъ бращается въ пепель. Послѣ этого, понятно, отчего въ Восточной Галиціи многіе города и деревни лежатъ въ развалинахъ. Они острадали за то, что не сочувствовали мятежу; всѣмъ помѣщикамъ е-полякамъ въ русской Галиціи было совершенно не по вкусу послѣднее возстаніе, на которое они должны были, помимо своего желанія, давать 6% изъ своихъ доходовъ, по той единственной причинѣ, что помѣстья ихъ были когда-то польскими. Разореніе, угрожающее богатымъ, остается не безъ вліянія и на другихъ, преимущественно городскихъ жителей. Съ другой стороны, надежда на лучшую будущность, подъ которою разумѣется Польша въ давнихъ редѣлахъ, вмѣстѣ съ заграничными, а нынѣ и домашними вліяніями, поддерживаетъ патріотическій духъ, о которомъ такъ много толкуютъ по европейскимъ журналамъ, оплачиваемымъ поляками. Но взгляните на сущность дѣла, и вы увидите *гробы новопольскіе*.

Средѣ голода, свирѣпствовавшего въ цѣлой Восточной Галиціи, масса народа, хотя примымъ и несознательнымъ способомъ, была уже принуждена принести свою, тяжкимъ трудомъ заработанную, енту на польскій мятежь. Какое противорѣчіе, какая странность, русскій народъ помогать ковать булатъ на убіеніе самого себя! Въ Галиціи полякъ-помѣщикъ изощрился во всевозможныхъ хитростяхъ, чтобы вытягивать у своихъ прежнихъ подданныхъ, хлопковъ, часть добываемаго кровавымъ пототъ дохода. Въ дни жатвы помѣщикъ потворствуетъ селянамъ, осыпаетъ ихъ ласками и бѣшаніями всякаго рода, лишь бы только они работали на его отстранныхъ поляхъ. Добродушные люди попадаютъ въ эти сѣти, пѣшатъ пособить пану; осенью порой наступаетъ разочарованіе. Бѣшанія бозденежной дачи топлива и лѣсу на хозяйственныя потребности не исполняются или исполняются въ десятой долѣ. Есть акіе Поляки-помѣщики, которые за воду, за грибы, за пастбище и за выгонъ скота требуютъ насильственно работы и денегъ отъ бѣдныхъ селянъ въ такой мѣрѣ, что всѣ эти удобства обходятся имъ торое дороже. Не поможетъ ни жалоба, ни тяжба; вездѣ панъ будетъ торжествовать. Чиновникъ полякъ, или подкупленный нѣмецъ, рѣшаетъ тяжбу селянъ съ помѣщикомъ въ пользу послѣдняго. Не думайте, что эти вынужденныя подати ограничиваются небольшою цифрой. Нѣтъ, по достовѣрнымъ изслѣдованіямъ, они достигаютъ выше двухъ гульденовъ съ души. Если помѣстье состоитъ изъ 2,000 душъ, до 4,000 гульденовъ идутъ даромъ въ карманъ

патріота-поляка на его политическія затѣи. Мы указали только на обще-извѣстные способы, какіе употребляются въ Галиціи, чтобы русскій народъ опять заковать въ крѣпостное состояніе. Но это далеко еще не можетъ дать вѣрнаго понятія о порабощеніи народа. Прибавьте насильственное похищеніе земли, прибавьте ежегодно повторяемую повинность сельчанъ содержать ночной и дневной караулъ на дворѣ помѣщика, то невольно удивитесь, какъ могъ въ Галиціи русскій народъ такъ долго жить подъ ненавистнымъ гнетомъ Польши, повидимому отжившей, но продолжающей свое владычество. Не диво, что народъ при каждомъ восстаніи спрашиваетъ себя: зачѣмъ цесари не велятъ истребить лихо съ лица земли? И въ самомъ дѣлѣ, если бы нетерпѣливая совѣсть народа, то польскій вопросъ ужъ давно бы покрывлся могильнымъ молчаніемъ. Мы были очевидцами какъ въ 1846 году наглы, одноплеменный и единовѣрный съ панами народъ, въ западной части Галиціи, обогрѣяли землю кровью своихъ пановъ. Кто же можетъ поручиться, что второй Шеля не явится и въ восточной Галиціи? Нынѣшнія отношенія въ этомъ краѣ не такого рода, чтобы могли устранить наши опасенія. Это очень хорошо знаютъ тѣ вторые изъ благоразумнѣйшихъ поляковъ, смотрящихъ трезво на отношенія русскаго народа къ панамъ. Предъ ихъ зоркимъ окомъ не утаилось это въ высокой степени непріятное для нихъ движеніе въ пробужденной русской народности, принявшей теперь за исчисленіе всѣхъ оскорбленій, накопившихся въ продолженіе шестисотъ лѣтъ. Зная о томъ, польская аристократія воспользовалась угрожающимъ массѣ русскаго народа голодомъ и долго лепетала у центрального правительства въ Вѣнѣ, пока не получила полной власти въ раздачѣ денегъ и хлѣба бѣдствовавшему простолюдину: открыты были комитеты, составленные большей частью исключительно изъ польскихъ пановъ. У поляковъ есть умѣнье затѣвать какое-либо удачное дѣло, но повести его хорошо и править въ свою и общую пользу, тому они еще не научились. Вотъ что случилось съ «голодовыми комитетами», какъ называли сами поляки. Взято у нѣкоего гамбургскаго банкира взаймы 3,000,000 гульденовъ. По уплатѣ различнаго рода коммерческихъ издержекъ съ процентами осталось на опредѣленную дѣль 2 1/2 милліона почти на 2,750,000 населенія, простиравшаго свои руки за милостыней. Тутъ надо было заpastись христіанскимъ чувствомъ безъ всякой задней мысли. Какъ же поступаютъ поляки при такомъ общемъ бѣдствіи? Собираются шайки въ своихъ комитетахъ, толкуютъ народу лицемѣрно, что теперь въ ихъ рукахъ его жизнь и избавленіе отъ смерти, что они единственно изъ своихъ средствъ несутъ ему пособія; пускай онъ только повинуется своимъ панамъ и заявитъ дѣломъ *братнюю любовь и злоду*. Народъ наслушавшись до омерзѣнія такихъ толковъ въ прежніе годы, началъ роптать и доискиваться правды у прочихъ сословій о „дѣломъ голодовомъ дѣлѣ“. Вдругъ открылось, что паны не совсѣмъ

е права и цѣлыя округа отвернулись отъ своихъ покровителей. Колочовскій, Жолокевскій, Тарнопольскій, Чортковскій и Колошійскій округа заявили, что лучше имъ съ голоду умереть, чѣмъ зъ рукъ поляковъ принять какое-либо пособіе. Нѣкоторые члены комитетовъ были такъ раздражены, видя непріязненное расположеніе народа, что угрожали висѣлицей цѣлымъ селеніямъ въ случаѣ, если они будутъ упорствовать въ непріятіи отъ нихъ помощи. Волынскій, русскій депутатъ, коренной крестьянинъ изъ Чортковского округа, заявилъ на львовскомъ сеймѣ о недовѣрїи русскаго народа къ полякамъ и объ угрозахъ висѣлицей несчастнымъ селянамъ. Когда же находившіеся на лѣвой сторонѣ и на галлерейхъ оляки зашумѣли на этого депутата, дерзнувшаго ихъ компрометировать, то онъ заключилъ свою рѣчь словами: «панове, у насъ (ужиковъ есть такожь свои руки). Народъ русскій въ Галиціи начался терпѣнїю, но когда его страданія и обиды превыпаютъ мѣру, тогда подымается онъ ураганомъ и готовъ предать все погибели, что ему попадается на пути. Нынѣ ужъ онъ не скрываетъ своего ропота и угрозъ на своихъ притѣснителей, иго которыхъ тало для него несноснѣйшимъ ига татарскихъ баскаковъ. Любопытно было для безпристрастнаго наблюдателя завести разговоръ з селянами, сѣдовласыми крестьянами, представленными подъ карауломъ жандармовъ въ Львовъ 27 сентярря предъ уголовный судъ за то, что дерзнули отстаивать свое поле насильственно отгаемое полякомъ-помѣщикомъ. Они говорили всѣмъ въ лицо. „Еще есть Богъ и правда на свѣтѣ, а у насъ есть руки и косы. Когда мы погибнемъ, то есть другіе еще люди. На цесарскіе суды нѣтъ надежды“. Такихъ крестьянъ полно въ восточной и западной Галиціи. Не знаемъ, что думаетъ австрійское правительство, смотря за такое расположеніе народа. Кажется, что оно, по давнему, то вооружаетъ крестьянъ на пановъ, то пановъ на крестьянъ. Поляки должны бы понять, что они мечтають о созданіи ойчизны надъ вулканомъ. Предостерегаемъ ихъ, пусть не играютъ огнемъ. Намъ все-таки ихъ жалъ какъ заблудшихъ членовъ славянской семьи.

І. Н. Кис....

26 Октября 1866 года.

2.

«МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ» О ДѢЛАХЪ ГАЛИЦІИ.

Въ Галиціи польскія власти и польская печать въ большомъ волненіи. Что ни скажутъ русскіе, что ни сдѣлають, все не по сердцу ихъ польскимъ землякамъ. То они недовольны тѣмъ, что профессоръ русскаго языка и словестности читаетъ лекціи о дѣйствительно русскомъ языкѣ, о дѣйствительно русской словестности: можно ли сомнѣваться что онъ подкупленъ московскими рублями? То они пугаются при чтеніи императорскаго рескрипта, писаннаго

на русскомъ языкѣ, и имъ кажется, что и вѣвское министерство въ разговорѣ противъ нихъ. Проѣдетъ ли русскій чиновникъ изъ Одессы въ Петербургъ по кратчайшему пути черезъ Львовъ, польскія газеты принимаются благимъ матомъ вопить о томъ. Показутся на львовской биржѣ русскія ассигнаціи,—это слѣды русской пропаганды. Польскіе публицисты уже не называютъ теперь русскихъ галичанъ русинами,—вѣдь еще императоръ Іосифъ II называлъ ихъ русскими; за то у насъ отрицается право на названіе русскихъ, и Россія именуется не иначе какъ *Москвою*, а все исходящее изъ нея *московскимъ* въ противоположность русскому. На дняхъ въ Галиціи былъ совершенный переполохъ по части преслѣдованія Москвы и московскихъ агентовъ будто бы раскиданныхъ по всей Галиціи. Наконецъ-то, голосили польскіе крикуны, удастся намъ открыть одного изъ такихъ агентовъ! онъ арестованъ и высланъ изъ Галиціи въ Молдавію самимъ правительствомъ: какое еще нужно доказательство дѣйствительнаго существованія московскихъ козней?

Заподозрѣнный польскими газетами въ русской пропагандѣ между сельчанами одного изъ южныхъ округовъ Галиціи былъ г. Ивановъ-Желудковъ, тотъ самый, который прислалъ намъ двѣ интересныя статьи напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ заглавіемъ: *Русское село въ Малой Азии* и *Словацкія села подъ Пресбургомъ*, и высылалъ изъ Галиціи также весьма интересныя письма въ газету *Голосъ*. Двѣ статьи, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, были получены нами изъ Вѣны; ихъ направленіе было самое лучшее, и мы ихъ приняли, хотя ихъ авторъ не былъ намъ лично извѣстенъ; мы сочли его за русскаго путешественника, интереснаго славянской археологіей и этнографіей. Въ этомъ интересѣ онъ и путешествовалъ по Галиціи, гдѣ наконецъ былъ по подозрѣнію арестованъ и высланъ за границу. Этого факта было достаточно чтобы поднять страшный шумъ о московской пропагандѣ. Шумъ былъ поднять и въ газетахъ, и въ сеймѣ, и что же вышло? Г. Ивановъ-Желудковъ даже не русскій подданный. Газета *Слово* говоритъ, что онъ изъ некрасовцевъ; по другимъ извѣстіямъ, онъ мордвинъ, принадлежащій къ одной изъ раскольниковыхъ сектъ. Вѣрно то, что онъ подданный турецкаго султана, а не бѣлаго Царя. Правительственный комиссаръ г. Поссингеръ, объявилъ въ одномъ изъ засѣданій львовскаго сейма, что г. Ивановъ-Желудковъ, пріѣхавъ изъ Вѣны въ Краковъ, явился къ нему и увѣдомилъ о дѣлѣ своего путешествія, при чемъ показалъ свой турецкій паспортъ. Затѣмъ г. Ивановъ-Желудковъ направился изъ Кракова на вѣкъ черезъ Перемышль, Львовъ и т. д. *Gazeta Narodowa*, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ номеровъ, говоритъ, будто бы г. Ивановъ-Желудковъ подбивалъ русскихъ сельчанъ въ Коломыйскомъ округѣ написать просьбу о присоединеніи восточной Галиціи къ Россіи. Какъ подобная агитація естественна отъ чловѣка, состоящаго турецкимъ подданнымъ? Что дѣло было дѣйствительно не такъ, можно понять

же и изъ того, что австрійское правительство не нашло нужнымъ греслѣдовать г. Иванова-Желудкова въ судахъ, какъ оно поступио съ недавно задержаннымъ въ окрестностяхъ Кракова агентомъ Иброславскаго. Если бы г. Ивановъ-Желудковъ былъ политическимъ агентомъ въ Галиціи, то кто бы убѣдилъ Австрію пропустить таюіу прекрасный случай обвинить русскихъ въ замыслѣ на восточную Галицію? *Gazeta Narodowa* не остоновилась на обвиненіи г. Иванова-Желудкова: она опрокидывается на русскихъ уніатскихъ священниковъ восточной Галиціи, которые принимали его у себя, давали ему разные археологическія поясненія, снабжали его рекомендательными письмами въ своимъ знакомымъ; она обвиняетъ всѣ эти лица въ политическихъ сношеніяхъ съ «московскимъ агентомъ.»

Одинъ изъ польскихъ депутатовъ, дѣлая запросъ правительственному комиссару о дѣйствіяхъ высланнаго изъ Галиціи русскаго путешественника, ядовито намекаетъ, что г. Петрушевичъ (извѣстный учоный между галицкими русскими) былъ особенно усерднымъ руководителемъ его. Далѣе *Gazeta Narodowa* сообщаетъ, что, уже по удаленіи г. Иванова-Желудкова въ Молдавію, получено было въ Коломыѣ на его имя письмо изъ Петербурга съ деньгами; помянутая газета видѣла въ этомъ фактѣ новое обвиненіе противъ загадочнаго путешественника. Но безпощадное *Слово* постѣшило и на этотъ разъ разочаровать польскую *Народовку*, какъ называютъ сокращенно вышеупомянутую польскую газету. «Сколько намъ извѣстно, говоритъ *Слово*, письмо это было прислано отъ редактора газеты *Голось*, которому г. Ивановъ посылалъ свои кореспонденціи по части здѣшней этнографіи, и за свои письма получалъ такую же плату, какъ и кореспонденты нашихъ или вѣнскихъ газетъ. Впрочемъ, прибавляетъ далѣе *Слово*, мы знаемъ, что каждый, кто бы случайно ни сошелся съ г. Ивановымъ, не совѣтовалъ ему путешествовать по Галиціи; но онъ, обыкновенно съ усмѣшкой, возражалъ на то: пробдусь по Галиціи, хоть бы для того, чтобы задать немножко страха вашей *Народовкѣ*. Такъ оно теперь и вышло!» Г. Ивановъ-Желудковъ рассказываетъ въ *Голось* уже изъ Яссъ, какъ онъ былъ взятъ наканунѣ Дмитріева дня (25-го октября) и посаженъ въ волостную тюрьму печенѣжимской волости Коломыйскаго округа. «Четыре дня, говоритъ онъ, сидѣлъ я въ этой тюрьмѣ, куда съ меня снимали протоколъ (дѣлали допросы), телеграфировали къ Голуховскому, и наконецъ, послѣ четырехъ дней ареста выпроводили за границу подъ административнымъ надзоромъ на мой собственный счетъ.» Прибывъ въ Яссы, онъ хочетъ протестовать противъ поступка съ нимъ графа Голуховскаго. «пускай меня принимаютъ за правительственнаго агента, съ правительствомъ (русскимъ) у меня нѣтъ ровно никакихъ связей; я путешественникъ по страсти, по специальности, меня никто не посылалъ—я изучаю эти захолустья, какъ ботаникъ новыя растенія, изучаю сравнительно, потому что я уже много видѣлъ и могу сравнивать. Переходя изъ панскихъ хоромъ въ тюрьму, а изъ тюрьмы въ отель, разумѣ-

ется, я знаю много такого, чего никто еще не знает. Политических русских агентов нѣтъ—я могу завѣрить въ этомъ графа Голуховскаго; „русскій шпионъ и русскіе рубли“ суть выдумки польскихъ шляхтичей, которые дальше своей Коломыи ничего не выдаютъ.

И такъ шумъ былъ поднятъ изъ пустяковъ, и «Москва» остается не уличенною въ тѣхъ нарушеніяхъ правилъ добраго сосѣдства, которыя были такъ часто допускаемы Австріей по отношенію къ Россіи, и которыя именно теперь не только допускаются, но и совершаются австрійскими властями Галиціи. О вымышленныхъ русскихъ агентахъ и шпионахъ пошумѣть не мѣшаетъ, чтобы под шумокъ принимать противъ Россіи враждебныя мѣры. Затрудни криками о московскихъ агентахъ въѣздъ въ Галицію всѣмъ, кого только можно заподозрить въ сочувствіи къ тамошнему русскому населенію, польскія власти въ этомъ краѣ стараются затруднить въѣздъ изъ Галиціи въ Россію. Тотъ самый графъ Голуховскій, который предъ 1846 годомъ и въ 1848 году такъ пышно принималъ въ своемъ имѣніи польскихъ пановъ, частенько навѣщавшихъ его изъ Подольской и Волынской губерній, сильно гнѣвается теперь на то, что русскіе изъ Галиціи переѣзжаютъ иногда на службу въ холмскую епархію. Онъ недавно сообщилъ львовской греко-уніатской консисторіи, что ни одинъ учитель не получитъ паспорта для въѣзда за границу, не выхлопотавъ предварительно разрѣшенія на то отъ своихъ ближайшихъ властей; а по отъѣздѣ въ Россію никто не можетъ вступать въ ней въ государственную службу, не получивъ на то дозволенія отъ галицкаго намѣстничества, если не хочетъ быть занесеннымъ въ списокъ эмигрантовъ.

Между тѣмъ прошлогоднія притѣсненія, испытанныя русскими депутатами львовскаго сейма, начинаютъ повторяться съ большею противъ прежняго силой. Русскихъ депутатовъ почти вовсе не избираютъ ни въ одну изъ комиссій; ни одного изъ ихъ предложеній не выслушиваютъ; высказываемыя ими мнѣнія считаются опасными; а нѣкоторые изъ русскихъ депутатовъ подверглись на сеймѣ даже личнымъ оскорбленіямъ. Но этого мало: поляки съ одной стороны стараются образовать, развить и усилить между русскими въ Галиціи потерявшую было свое значеніе украинофильскую партію; а съ другой, добиваются всякими средствами посорить между собою представителей русской интеллигенціи на львовскомъ сеймѣ съ депутатами отъ русскихъ же сельскихъ общинъ. Но и то, и другое имъ удастся плохо. Украинофиловъ презираютъ во Львовѣ: они сдѣлались предметомъ постоянной потѣхи для газеты *Справодъ*; а согласіе между уніатскимъ духовенствомъ и сельчанами не нарушается.

Митриподитъ Литвиновичъ, человекъ осторожный и тугой на слова, въ объясненіяхъ своихъ съ княземъ Сапѣгой, председателемъ сейма, былъ вынужденъ замѣтить, что «галицкая Русь терпитъ гоненія на сеймѣ, и ея народныя права попираются польскимъ большинствомъ, репутація русскихъ депутатовъ роняется, и для рус-

кихъ нѣтъ надежды, при такихъ обстоятельствахъ, на свободное азвитіе ихъ народности.» На уклончивыя слова князя Сапѣги мирополюить возразилъ, что «большинство польскихъ депутатовъ на сеймѣ совершенно враждебны русскому народному дѣлу, и что созація не будетъ и быть не можетъ при такихъ обстоятельствахъ,» заключилъ, что русскіе не ожидаютъ себѣ ничего хорошаго отъ лицакаго сейма. Князь Сапѣга совѣтовалъ русскимъ заботиться гѣ сейма о своей народности, языкѣ и церкви; но допускалъ только *правдивую* русскую народность, въ Россіи воспрещенную. На это гнѣ въ *Словѣ* торжественный отвѣтъ: «Мы и весь нашъ народъ имемъ одну только русскую народность, одинъ русскій языкъ и ину русскую церковь.» Это единство, позволительно думать, теперь уже не можетъ быть нарушено никакими происками, будутъ и они относиться къ образованной части галицкихъ русскихъ или къ сельчанамъ. О послѣднихъ *Слово* говорить: Между нашими депутатами, съ радостью сказать можемъ, объявляется наилучшее единмыслие и солидарность. Нѣкоторые изъ депутатовъ сельчанъ, ѣдившись что несогласіе ихъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ на бывшей сессіи сейма съ людьми образованными не только не принесло гѣ никакихъ выгодъ, но подрѣвило противную имъ партію, идутъ перь всѣ громадой съ русскою интеллигенціей рука въ руку. Слуз, распространенные въ польскихъ и нѣмецкихъ газетахъ о камъ-то раздорѣ въ русской партіи, совершенно неосновательны и гѣ просто злыя выдумки.»

3.

ПИСЬМО ИЗЪ ГАЛИЦИИ ВЪ ГАЗЕТУ «МОСКВА».

(Матеріальное угнетеніе русскихъ, голодъ и голодовая коммиссія. Гоненіе на гражданскія и церковно-славянскія цѣмена. Нынѣшнія требованія русекихъ).

Въ матеріальномъ отношеніи графъ Голуховскій всегда покровительствовалъ полякамъ и помагалъ имъ угнетать другихъ жителей Галиціи, особенно крестьянъ. Нужно тогда взглядѣться, каимъ образомъ совершенъ былъ выкупъ крестьянскихъ участковъ къ таготѣвшей на нихъ барщины! Коммиссія, устроенная гр. Голуховскимъ, по его же наставленіямъ, оцѣнила требованія помѣшковъ по столь высокимъ цѣнамъ, и высчитала выкупныя суммы оль выгодно для пановъ, что они получили выкупъ за самую барину вдвое и втрое большій чѣмъ вся стоимость цѣлаго помѣстья, прочіе доходы: земли, лѣса, сѣножатія, пастбища, пропинація, мельницы, пруды и т. под. остались въ пользу помѣщика. Самъ л. Голуховскій, пользуясь такими узаконеніями, купилъ у гр. Заблскаго помѣстье Гусятинъ за 100,000 гульденовъ. Тагъ умѣтъ люди хозяйничать въ подвластномъ имъ муравейникѣ! Вслѣдъ къ освобожденіемъ отъ барщины крестьянъ паны захватили лѣса,

кустарники, пруды, земли такъ крѣпко въ свои руки, что мужику не вольно было и переступить черезъ канаву въ лѣсъ, не вольно было даже напоить скоть въ панскомъ пруду; и, не смотря на то что издревле сельчане имѣли право рубки лѣса и право вѣсти съ нихъ деруть ужасныя штрафы, по 2 и по 5 гульденовъ со штуки скота, или велятъ зарабатывать за всякій разъ, когда встрѣтитъ лѣсничій мужику въ лѣсу или полевой скотину его на панской землѣ. Зимой страждетъ народъ отъ холода. лѣтомъ худеть скоть отъ голода и жажды, а жестокосердый ляхъ дереть за всякую лучину и сухой хворостъ. Лѣтомъ за паству скота въ панскооствольномъ лѣсу должны отработывать мужики со штуки скота: день съ плугомъ, день съ косой, день съ серпомъ и еще день съ заступомъ; или должны оплачивать по 3, по 5 гульденовъ и бѣлѣ съ каждой штуки скота въ мѣстахъ, гдѣ и травы нѣтъ. развѣ что (по саркастическому, но вѣрному выраженію крестьянина) «Хлопская корова ходитъ по панскому лѣсу и иногда почувствуетъ объ панскій дубъ!» Прежде собирали бѣдные люди по лѣсамъ на кустамъ грибы, всякія ягоды, орѣхи, жолуди и пр.; и никто не возбранялъ имъ того; нынѣ бѣдный крестьянинъ долженъ работать и за то, что «дитина вступитъ въ панскую рощу и сниметъ грибокъ или ягоду», и если не укажетъ *табличку*, то обдерутъ ее панскіе приставы и прикащики, и нагую пустятъ въ село! Словомъ ляхи завели фактически панщину, еще худшую чѣмъ бывшая до 1848 года. Коммиссія Голуховскаго не приняла выкупа на эти сервитуты, хотя они искони были въ употребленіи, ибо по милости тѣхъ же ляховъ они не были записаны въ инвентаряхъ. Такихъ дармовыхъ рабочихъ дней накопилось у внаго пана столько, что онъ уступалъ сотни рабочихъ дней своему посессору или арендатору еврею. А въ семь голодномъ году сколько народа забавляло даже себя и своихъ дѣтей въ долготѣнную панскую работу за кусокъ чернаго хлѣба или за кварту другую отрубей! На это не обратила вниманія *голодовая коммиссія*, въ которой тотъ же гр. Голуховскій былъ предсѣдателемъ. Куда? Голуховскій получаетъ еще выгоды изъ опредѣленныхъ для голодныхъ жителей денегъ. Онъ повѣрилъ за тяжкіе проценты порученныя коммиссія суммы еврею Йоселю Колишеру, своему компаніону по ипотечному банку, а въ вознагражденіе за прибыль, пріобрѣтенную проворнымъ Йоселемъ для графскаго кармана, панъ Голуховскій изъ суммъ голодовой же коммиссія, вопреки положительному закону, опредѣлилъ значительную сумму для евреевъ-мѣщанъ въ Тисменицы, гдѣ не было голода. Между тѣмъ оставлены русскіе восточной Галиціи на жертву голодовой смерти! (*) Впрочемъ и самый голодъ въ Галиціи восточной свирѣпствовалъ въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ только потому, что помѣщичьи-поляки, с

(*) По официальнымъ рапортамъ умерло въ 1866 году въ восточной Галиціи сверхъ 50,000 ч. отъ голода.

ожоцію жидовъ и при пособіи чиновниковъ-поляковъ ободрали крестьянъ и привели къ крайнимъ долгамъ и разстройству хозяйства въ пѣлыхъ общинахъ, даже ожурагахъ, чтобы принудить крестьянина покориться яху. Но крестьяне твердятъ: Times anaos. выражаясь рѣзче по своему: «не вѣрь яхюви, якъ ска-сетому псови.» Народъ стонетъ подъ ужаснымъ по его соб-венному выраженію «истеснимымъ ляцкимъ ярмомъ», и вошеть къ Богу— когда придетъ спасеніе? кто освободитъ отъ этой выносной работы!

Представители и коноводы русскаго народа не разъ, хотя на-расно, просили объ отмѣненіи закона или лучшаго примѣненія юна, который, будучи самъ по себѣ отвлеченъ, столько причи-нлъ споровъ и обидъ по вопросу о владѣніи сѣножатами крестъ-скими и даже церковными. По закону опредѣлено такъ: если въ инвентаряхъ записана крестьянская или церковная сѣножать, то владѣльцу ея, крестьянину или священнику, вольно пользо-ваться растущею на ней травою; но если на сѣножати выростутъ деревья, и помѣщикъ позволитъ себѣ когда-нибудь срубить дере-во или сучья, то они принадлежать помѣщику, какъ верховному надѣтелю, который имѣетъ исключительное право надзиратель-ства за всѣми лѣсами (prawo do lasu).

Но обратимъ вниманіе еще на одно важное событіе, котораго новникомъ былъ также графъ Голуховскій, хотѣвшій было за-ять русской народности самый язвительный ударъ. Враги рус-скаго народа испытали въ продолженіе 500 лѣтъ, что самую силь-ѣйшею, непреоборимою твердиной русской народности была, есть будетъ русская церковь, въ которой нашелъ гонимый народъ рибѣжище и твердый щитъ. По той причинѣ вида, что пока уществуетъ тѣсная связь письменности русской съ церковью, до-ѣтъ поръ останется и народность непреоборимою, гр. Голухов-скій съ своими приверженцами составилъ планъ разъединить ты-ячелѣтную связь русской письменности съ церковью, завести въ алицко-русской литературѣ вмѣсто искони употребляемой кирил-лицы польскую латинку, и, такимъ образомъ, отторгнувъ галиц-ко-русскую письменность отъ прочей Руси, подготовить соединеніе алицко-русской словестности съ польскою, подвергнуть ее поль-скому вліянію и ополячить галицко-русскій народъ. Планъ былъ итро обдуманъ заблаговременно и подготовленъ. Многократно овторяемыми доносами, что будто русскіе въ Галиціи обнаружи-аютъ безпрестанное тяготѣніе къ Россіи и православію, что буд-о богослужебныя книги русскіхъ, по причинѣ никоновскаго ис-правления, носятъ отпечатокъ московщины, что галицко-русская письменность и нашъ письменный, языкъ, образуясь подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка, должны слиться съ велико-русскою собственно-русскою) литературой (*), увѣрили наши недруги ми-

(*). См. статью: Ein Hirtenbrief und die ruthen. Sprache, въ газетѣ офици-альной львовской за 1859 годъ и въ особомъ оттискѣ по-нѣмецки и попольски.

нистра графа Туна, который притомъ самъ былъ большой поклонникъ ультрамонтанизма и пріятель іезуитовъ, что нужно принять рѣшительныя мѣры, чтобы спасти униатскія души отъ выйдящагося православія. Съ другой стороны, они старались доказать, что будто приближаясь къ настоящему обще-русскому языку, галицко-русская письменность становится непонятна народу и препятствуетъ успѣшному распространенію просвѣщенія и образованію массъ. Самую даже науку языковѣднія злоупотребили зтѣйщники, перекручивая и извращая для своихъ цѣлей историческія событія и положительныя начала фонологіи, и представили будто галицко-русское нарѣчіе ближе къ польскому, даже чешскому, чѣмъ къ русскому языку (*). Десятилѣтніе толки и мудрованія въ томъ же направленіи привели гр. Туна къ такому решению, что онъ, министръ богослуженія (культы), возставалъ противъ богослужебнаго языка, называлъ богослужебный языкъ (присшедшій отъ св. Кирилла и Мефодія) ничтожною нескладницею (wertloses Gebilde) (**), и согласился на замѣну кириллицы въ русской письменности латинскою азбукой. Въ своемъ высшемъ мѣри графъ Голуховскій хотѣлъ было отмѣнить даже въ церковномъ употребленіи юліанскій мѣсяцесловъ, побудилъ слабодушного епископа Литвиновича къ тому, что онъ энцикликой запретилъ духовенству употреблять церковно-славянскія выраженія въ проповѣдяхъ и церковныхъ наукахъ, и, что всего страннѣе, онъ, Голуховскій, мірской человекъ, требовалъ отъ того же епископа, чтобы онъ запретилъ законоучителямъ употреблять самыя тексты священнаго писанія по богодуховенному переводу св. Кирилла и Мефодія, а приказалъ поручить кому-нибудь переводъ священнаго писанія на *простонародный* русскій языкъ (in den *rustischen* ruthenischen Volksdialekt (***)).

Наученный кознями Голуховскаго, министръ гр. Тунъ приказалъ учредить особую комиссію (въ 1859 г.), которая подъ предсѣдательствомъ Голуховскаго должна была обсудить присланный изъ Вѣны печатный проектъ введенія латинскаго алфавита въ русскую письменность, съ совершеннымъ отверженіемъ кирилловскихъ буквъ. Къ той комиссіи присланъ былъ особый делегатъ въ лицѣ министерскаго секретаря Іосифа Пречка, и Голуховскій созвалъ комиссію, приготовивъ читающую публику къ свѣтѣ кириллицы на латинку статьями, напечатанными въ официальныхъ и другихъ газетахъ, а своихъ чиновниковъ снабдилъ тайными инструкціями. Все было приготовлено, ожидали только согласія русскихъ членовъ комиссіи. Тутъ русскіе увидѣли, какъ какою пропастью поставлена ихъ народность, оберегаемая и защищаемая ими въ продолженіе пятисотъ лѣтъ: они увидѣли, что

(*) Die latein. Schriftzeichen in der ruth. Sprache (въ львовской оффиціальной газетѣ и въ особомъ оттыскѣ 1859 года).

(**) Die ruthen Sprach und Schriftfrage. 1861. стр. VI.

(***) Ein Hirtenbrief und die ruthen. Sprache. Lemb. 1859 года.

мо шло о жизни или смерти нѣсколько миллионнаго народа!— ободрились русскіе, и возстали всѣ какъ одинъ человекъ, представивъ съ своей стороны сильныя протесты (*), противъ каждаго посягательства на священное достояніе своихъ предковъ. Эта интрига разоблачилась, и министръ, принужденъ былъ взять назадъ свои декреты. Итакъ, кирилловскія буквы, гражданскій рифтъ и русская скоропись были спасены! Удивительно! турки и татары оставили неприкосновенными наши буквы и наше письмо; пятьсотъ лѣтъ угнетала Польша нашъ народъ тягчайшимъ игомъ, но никто не нашелся, кто бы дерзнулъ посягнуть на эту святыню нашу! Только въ XIX столѣтіи придумала злобная ненасть къ русскимъ лишить насъ тысячелѣтней старины, и графъ Голуховскій давалъ средства къ тому.

Вотъ почему вся галицкая Русь пришла въ ужасъ и трепеть, когда резнеся слухъ о назначеніи гр. Голуховскаго губернаторомъ Галиціи. Русскіе знали, что посвѣянные имъ плевели укоренились въ польской партіи. Русскіе знали, что хотя гр. Голуховскій, принявъ въ 1860 году министерскій портфель, послѣ мимѣсячной дѣятельности, пошелъ въ отставку; но имъ поставленные органы продолжали и продолжаютъ въ его духъ угнетать русскихъ и ополичивать страну, вводя польскій языкъ въ дѣловодство, или давая латинкой писанныя рѣшенія русскимъ людямъ. Видѣли русскіе, какъ гр. Голуховскій въ сеймѣ былъ всегда на сторонѣ крайнихъ гонителей Руси, и какъ онъ рукоплескалъ самымъ непріязненнымъ отзывамъ рьяныхъ польскихъ руссофобовъ! Чегожь добраго можно было падѣяться отъ него?..

Послѣ столькихъ опытовъ, болѣзненныхъ утратъ и горькихъ разочарованій немудрено, что русскіе стали недовѣрчивы даже въ обѣщаніямъ высшихъ властей. Еще въ 1861 году, послѣ паженія гр. Голуховскаго, во время вторично данной институціи и уваго либеральнаго министерства, подали русскіе свои адреса изложили желанія русскаго народа, которыя были ни чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ прежнихъ прошеній, предложеній, требованій и алобъ. Какой же отвѣтъ послѣдовалъ на эти справедливыя требованія вѣрнаго русскаго народа?— Сеймовый уставъ, вслѣдствіе котораго Русь погложена искусственно навязаннымъ ей польскимъ большинствомъ. Русскіе, хотя и въ меньшинствѣ, защищали честно и отважно свои права на сеймѣ, ссылаясь на исторію, на естественныя права и гражданскіе законы и постановленія; протестовали противъ всѣхъ оскорблявшихъ ихъ конституціонныя права рѣшеній сеймоваго большинства, надѣясь, что центральная власть въ Вѣнѣ выслушаетъ въ лицѣ 50 русскихъ полковъ требованія трехмилліоннаго русскаго народа, и что императоръ откажется въ своей высочайшей санкціи рѣшеніемъ польска-

(*) Эти протесты намечатая въ сочиненіи: Die ruthen. Sprach- und Schriftfrage in Galizien. Lemberg. 1861 года.

го большинства. Но вопреки жалобамъ и протестамъ русскихъ пословъ, эти рѣшенія подтверждаются одно за другимъ, и наконецъ, какъ бы на ругательство русскому народу, посылается гр. Голуховскій въ намѣстники, съ особенными инструкціями для утѣненія русскихъ!

Чтожь теперь дѣлать русскимъ въ Галиціи? Чего хотятъ. чего требуютъ они нынѣ?... Ни больше ни меньше, — они требуютъ прекращенія этого польскаго хозяйничанья въ искони русской землѣ; они требуютъ отмены пагубныхъ для нихъ узаконеній и опредѣленій, смѣны виновниковъ этихъ нестройствъ, гоненій и притѣсненій; они требуютъ равныхъ правъ съ другими народами, требуютъ автономіи, чтобы сами могли управляться въ своихъ народныхъ и церковныхъ дѣлахъ; они требуютъ на русской землѣ управления и дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, требуютъ управителей русскихъ или невраждебныхъ русскихъ, — словомъ, они требуютъ, чтобы русская Галиція была на дѣлѣ русской, русской, русской!

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЮМОРНИСТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ „СТРАХОНУДЪ.“

Съ сентября мѣсяца, послѣ нѣскольکو-мѣсячнаго молчанія, началъ опять выходить „*Страхонудъ*“, галицко-русская газета, издаваемая въ Вѣнѣ г. Ливчакомъ. На первый разъ перепечатывается цѣликомъ интереснѣйшія корреспонденціи, предназначавшіяся для *Народовки*, безсовѣстнѣйшей и вѣстѣ съ тѣмъ жалкой польской газетишки, управляемой извѣстнымъ Яномъ Добжанскимъ, безчестные поступки котораго, даже съ своими, были недавно обнародованы въ „*Варшавскомъ Дневникѣ*“ и выдержки изъ № 7-го сей газеты. „Для читателей, незнакомыхъ съ „*Страхонудомъ*“, замѣтимъ, что журналъ этотъ — „политико-юмористическій.“

Корреспонденціи предназначены для „*Народовки*“,

а попавшіи случайно въ „*Страхонудъ*.“

(Въ переводѣ изъ Польскаго).

1. Петербургъ, 15 августа.

Сновь приходится мнѣ извѣстити васъ о новой *московской* комедіи сыгранной въ Петербургѣ.

„*Москаль*“ трублять по всей Европѣ, що будто пріѣхала депутация изъ Америки въ Петербургъ и привезла Царю адресу отъ имени цѣлаго народа сѣверной республики. Ваши простодушные читатели навѣрно увѣрили сию вѣсть, розсѣваннымъ черезъ *Московскихъ* агентовъ въ Европѣ, а между тѣмъ, въ тѣхъ объявленіяхъ и слова правды нѣтъ. Дѣло стоитъ вотъ якъ: *Пржемыслъ*

а москва (1), зная хорошо, якимъ уваженіемъ пользуется либелльный американскій народъ въ Европѣ, задумала зааранжовати въ свою пользу остентацію—будто американскаго народа. Въ таой цѣли приказалъ царь соорудити одну ескадру на американскій способъ, одѣяти матрозовъ въ американское платье и приплити подъ американскимъ флагомъ въ Кронштадъ, а послѣ и въ Петербургъ, и вручити собѣ поддѣльный адресъ будто отъ Американцевъ, составленный однимъ чиновникомъ тайной полиціи. Такъъ сталося. Флотъ приплылъ и всѣ кацаны увѣрили, що то флотъ американскій. Но въ счастьяю исторіи существуютъ еще Поляки, которыи открывають *фалшше московске* (2).

Треба уже быти слѣпымъ, щобъ не видѣти що русскіи попы риготовляются до якой-то великой зрады. Недавно доносилъ я намъ, що здѣшний попь роздалъ хлопамъ косы „на одробокъ“ (3). еперь приходится менѣ донести до вашей вѣдомости о еще больше подозрѣтельныхъ начинаніяхъ русскихъ поповъ. Прошлой недѣли окрестилъ здѣшний попь двое дѣтей и одному далъ имя—Александръ, а другому—страшно сказати—Михаилъ! Треба быти уже словѣкомъ безъ мысли, щобъ не догадаться, що тыми именами хотѣлъ здѣлати намекъ на Царя и на—Муравьева, бывшаго губернатора, который, якъ сами знаете, назывался—Михаилъ. Очевидно намѣряеть тотъ попь здѣлати въ народѣ популярнымъ не только московскаго „Царя, но даже и Муравьева!!!... Но на томъ еще не онецъ: пять дней тому назадъ всадылъ тотже попь два вепри въ хлѣбъ гвармливати! Зачѣмъ ему кормити ажъ двѣ свиньи на разъ? Вѣдъ раздника не будетъ, свадьбы также нѣтъ, крестинъ нѣтъ? Зачѣмъ гу кормити свиньи? А вотъ зачѣмъ: щобъ было чѣмъ угостити „Москвензъ,“ когда вступитъ въ Галицію.... Впрочемъ мы никого не хотимъ подозрѣвати и вызываемъ лишь рогатинскаго попа, щобъ онъ убѣснилъ намъ, зачѣмъ онъ кормитъ двое свиней. Увидимъ, що здѣяеть правительство.

Прим. Газ. Народ.

Рогатинь, 20-го августа.

(1) Прому редакціи „Газеты Народовой“ щобъ изволила печатати „москвензъ“ тогда малою буквою: м. Прим. корресп.

(2) Въ сей корреспонденціи, писанной по поводу рѣшенія американскаго конгресса—выслати въ Петербургъ депутацію, розказываетъ полякъ-корреспондентъ дрянномъ народѣ Американцевъ и ихъ пустыхъ конституціяхъ.—„Мы не печатаемъ сей корреспонденціи потому, що все въ ней сказанное, было недавно напечатано въ передовой статьи краковскаго „Часа.“

(3) „Ходяжъ то донесене показало сенъ Фалшвыимъ, то однакожъ то доводи о чего наши попы совъ здохны.“

Прим. Газ. Нар.

№ 7-й (отъ 15-го сентября) открывается картиной изображающей доктора *Страхонуда* у графа Голуховскаго въ то время, какъ послѣднему *Czas*, лаской въ немецкой ливреѣ, и *Naradowka*, добрая баба, подають русскія яства: азбуку съ з, в, и, л, русскій языкъ, тепло, церковный обрядъ и русскую правду. Докторъ говорить Голуховскому: „предостерегаю васъ, графъ, будьте теперь осторожны: русская пища тверда и неудобоварима; я боюсь, чтобы на васъ не напала холера.“ Въ числѣ телеграммъ *Страхонуда* помѣщена слѣдующая: „*Львовъ*. Говорятъ, что графъ Голуховскій рѣшился не только прогнать всѣхъ чиновниковъ служившихъ вредной для поляковъ системѣ бывшего министра Шмерлинга, но еще обѣщала еще посадить въ тюрьму всѣхъ полицейскихъ, пока не отсидятъ того времени, которое просидѣли всѣ польскіе повстанцы 1863, 1864 и 1865 годовъ, заключенные за сочувствіе польскому дѣлу, которое, на основаніи нынѣшней системы, не только не было преступленіемъ, но напротивъ законнымъ и спасительнымъ для Австріи дѣломъ.“ Затѣмъ приведенъ слѣдующій разговоръ на улицахъ Львова: „*Полякъ*: Але якимъ же то способомъ стало сѣн,—врядъ же панъ того не запрещышь,—же былесь Малорусинемъ, а те разъ мовишь, жесь Великорусинемъ? *Русскій*: Естественно: врандѣ я былъ *малый*—значить Малорусъ, а те пѣръ я выросъ *великій*—значить я ужъ Великорусъ.“ Но подзрѣвая, что въ самой Россіи есть еще приверженцы украинофильскихъ теорій, *Страхонудъ* предлагаетъ слѣдующее средство для излѣченія ихъ: „Чтобы окончательно рѣшить вопросъ малоросійскій совѣтуеть *Страхонудъ* русскому правительству переселить всѣхъ своихъ загорѣлыхъ украинофиловъ въ Галицію и позволить имъ испытать *wolność gminną i braterstwo polskie*. *Страхонудъ* полагаеть навѣрно, что въ продолженіи одного мѣсяца, повернуть всѣ вылѣченные назадъ въ Московскую неголю,“ Касательно торжественной встрѣчи, которую приказалъ митрополитъ Литвиновичъ графу Голуховскому при его въѣздѣ во Львовъ, *Страхонудъ* помѣстилъ у себя такую замѣтку подъ заглавіемъ *Русскій митрополитъ яко пастыръ польскихъ овецъ*: „Какъ извѣстно привѣтствовалъ новаго намѣстника графа Голуховскаго изъ русскихъ только одинъ митрополитъ Литвиновичъ; съ нѣсколькой же стороны встрѣчало его все польское населеніе Львова, а исключеніемъ представителей польскаго духовенства. И такъ русскій пастыръ, оставивъ своя русскія овцы, сталъ на челѣ польскихъ овецъ: не можемъ сказать овецъ, ибо, какъ извѣстно, поляки не

гть на головахъ четыре рога.“ (Намекъ на конфедерату.) Тутъ же *Страхонудъ* пользуется однимъ изъ распоряженій митрополита Литвиновича, указывающимъ на наклонность этого іерарха къ католицизму, чтобы предсказать кончину униі. Онъ говоритъ: „Въ главную квартиру *Страхонуда* доносить о слѣдующемъ событіи: На спешіе Пресвятыя Богородицы сего года, совершался въ униатской ерѣви торжественное богослуженіе, какъ въ день храмоваго праздника. Самъ митрополитъ служилъ обѣдню, при содѣйствіи львовскихъ канониковъ и перемышльскаго каноника г. Юзычинскаго, но при „великомъ выходѣ“ возгласилъ митрополитъ по новому, имѣющемуся печататься, униатско-конкордіяно-польско-ржондовому служебнику: „и васъ всѣхъ католицкихъ христіанъ да помянетъ“ и пр., гдѣсто „и васъ всѣхъ православныхъ,“ какъ то до сихъ поръ во всѣхъ служебникахъ, хотя и униатскихъ, задержалось и по всѣмъ униатскимъ церквамъ еще точно соблюдалось. И такъ митрополитъ пиридонъ есть первый, который въ десятомъ году своего епископскаго пастырства открылъ ересь въ „божественной литургіи св. Іоанна Златоуста, Василя Великаго и Григорія Двоеслова!“ О! сколько же мы несчастны, схизматики, безусловно вѣрующіе въ вдохновеніе, неогрѣшимость и святость святыхъ, исповѣдуемыхъ св. церковью! О коль бѣдна, слаба, шизматичкая, православная церковь! Ты все еще думаешь, что все признанное и исповѣдуемое тобою святымъ должно дѣйствительно считаться и почитаться святымъ... Доносяще о томъ спрашиваютъ у *Страхонуда*, что то все значитъ; *Страхонудъ* говоритъ, что то суть знаменія и чудеса, знаменующія приближающійся конецъ униі.“

Чрезвычайно интересенъ разговоръ графа Бисмарка съ Наполеономъ III о польскомъ вопросѣ, подслушанный однимъ изъ агентоу *Страхонуда*: въ этомъ разговорѣ вѣрно высказались тѣ понятія, которыя имѣютъ о польскомъ дѣлѣ не только русскіе въ Галиціи, но и вообще славянскіе патріоты въ Австріи. Вѣчное исканіе опоры во Франціи и даже между нѣмцами, отчужденіе отъ массы собственнаго народа и постоянный разладъ съ общеславянскими интересами, всѣ эти историческія качества польской шляхты ярко очерчены въ помянутомъ разговорѣ, не лишонкомъ современнаго интереса, „*Наполеонъ*. А какъ думаете, графъ, что сдѣлаемъ съ Польшей? *Графъ Бисмаркъ*: Sire! вы знаете, что я ненавижу поляковъ, а потому и не думаю о возстановленіи Польши. *Наполеонъ*. А я думаю, напротивъ, что вы сочувствуете польскому народу. *Графъ Бисмаркъ*. На какомъ же основаніи, Sire, мо-

жете вы такъ думать? *Нанссонъ.* !А именно на томъ основаніи, что я знаю, что вы ужасный противникъ возстановленія Польши: ибо каждый, кто содѣйствуетъ полякамъ въ возстановленіи Польши, есть на дѣлѣ врагъ польскаго племени. Творить независимыя государства среди одноплеменнаго народа въ нынѣшнее время „объединенія народовъ,“ значитъ раздѣлять народъ на партіи, сѣять вражду и возбуждать междуусобную брань.... Какую же роль можетъ играть Польша, какъ „самостоятельное государство?..“ Народъ шестимилліонный среди великихъ объединенныхъ націй никогда не можетъ проводить своей самостоятельной политики: волей, неволей онъ всегда будетъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, и вмѣсто того чтобы быть господиномъ останется рабомъ. *Гр. Б.* Ну, да это для васъ, конечно, понятно: но я удивляюсь, что поляки ограничены до такой степени, что не понимаютъ такой простой истины. *Нан.* Какъ можете удивляться полякамъ, если сами ваши просвѣщенные гѣи сражались противъ спасающихъ ихъ пруссаковъ? *Гр. Б.* Да! къ сожаленію!.. Вотъ что могутъ сдѣлать страсти и интриги недобросовѣстныхъ самолюбцевъ! *Нан.* Такими слабостями людей никакъ пользоваться, ибо въ томъ то и состоитъ вся политика. Потому я и желалъ бы возстановить Польшу, ибо если она погибнетъ, тогда и осуществится идея панславизма. *Гр. Б.* Пст.... Кто-то вслушивается насъ (это былъ агентъ *Страхоуды!*) Не славянинъ ли какой? *Нан.* Не бойтесь, графъ! все равно: вѣдь славяне хорошо знаютъ, что мы боимся панславизма; а они, однако, продолжаютъ свой партикуляризмъ и пагубный сепаратизмъ. Не забудьте, графъ, что у людей обыкновенныхъ страсть господствуетъ надъ разумомъ. *Гр. Б.* Ну такъ если изъ возстановленія Польши выйдетъ для поляковъ худо, то я соглашаюсь, *Sire*, содѣйствовать вамъ въ этомъ дѣлѣ, я ненавижу поляковъ. *Нан.* Да; но вотъ бѣда въ томъ, успѣемъ ли мы совершить такое дѣло! Тамъ вѣдь, изъѣвъ илхутъ и эмиграцію, самъ народъ и знать не хочетъ Польши, а вѣдь вы знаете, что я поставилъ въ Европѣ принципъ „*suffrage universel*.“ *Гр. Б.* Это удвительно, что столь численная польская интеллигенція не въ состояніи обработать массу народа и приобрести себѣ довѣріе у него. *Нан.* Ничего удвительнаго: не смотря на вѣковыя вліянія запада на Польшу, корень народа польскаго все-таки остался вѣрнымъ своимъ славянскимъ началамъ, и отъ того-то отнесся онъ всегда равнодушно къ образованнымъ, воспитаннымъ на чуждыхъ народныхъ, не славянскихъ началахъ. Съ другой же стороны чѣ-

вуетъ народъ себя счастливымъ подъ кроткимъ владѣніемъ Александра II и разсуждаетъ весьма просто, что царь, который его не мѣняеть, не можетъ быть „чужимъ“ завоевателемъ, а долженъ быть своимъ, народнымъ. . . . Разсужденіе весьма простое, но самое вѣрное (входитъ адъютантъ Наполеона.) *Адъютантъ. Sire!* Князь Меттернихъ проситъ позволенія войти. *Нап.* Просите! (*Къ Бисмарку:*) А вотъ, князь Меттернихъ это лучше знаетъ!“ Остальныя статейки *Страхопуда* посвящены Россіи. Такъ, напримѣръ, *страхопудъ* совѣтуетъ, какія реформы должна предпринять Россія, чтобы заслужить симпатію западной Европы. Вотъ эти совѣты: „I. Какъ долго Сибирь будетъ называться Сибирью, такъ долго будетъ тяготѣть на Россіи признакъ „варварства.“ Чтобъ стѣснить и этотъ слѣдъ варварства, и приобрѣсти право называться либеральною“ и „гуманною,“ нужно назвать Сибирь *Каенною*. II. Вѣсто простой, варварской висѣлицы употреблать многосложную цивилизованную гильотину. III. „Обрусеніе края“ должно повсюду безусловно прекратиться, и если Россіи хотеть уничтожить въ своемъ государствѣ какую-нибудь народность, то должна дѣлать это въ пользу нѣмецкой или французской или англійской, а ни какъ не въ пользу русской народности, ибо въ западной Европѣ нигдѣ никогда не объявляли „обрусенія края.“ IV. Россія не должна чувствовать христіанамъ, страдающимъ подъ турецкимъ игомъ, а напротивъ должна по примѣру западной *католической* Европы поддерживать мусульманъ и морально и матеріально, чтобъ они тѣмъ лучше пригнетали христіанскую вѣру и еще на нѣсколько столѣтій адержали развитіе южныхъ славянъ. V. Такъ какъ ни одна держава въ Европѣ не руководится славянскою политикою, то и Россія должна отказаться отъ славянской полтики. VI. Россія должна возстановить Польшу въ границахъ 1772 года и сотворить такимъ способомъ славянскій дуализмъ, для того чтобы славяне истощали свои силы въ борьбѣ между собой, и тѣмъ скорѣе удостоились попасть въ службу либеральной Европы. VII. Если вспыхнетъ въ Россіи какое-нибудь возстаніе, то русское правительство не должно отдавать власть своимъ „варварскимъ генераламъ,“ а должно приобрѣсть себѣ гуманныхъ европейскихъ, какого-нибудь Французскаго Пелисье изъ Алжирѣ, или Англичанина изъ Индіи, которымъ свободно жечь людей сотнями безъ оскорбленія гуманности. VIII. Наконецъ докажетъ Россія свой либерализмъ либеральной Европѣ всего лучше тѣмъ, если ей отдастъ половину своего достоя-

нѣ или если предназначить ежегодно половину своихъ филансовъ на жалованье всей европейской сволочи, питающейся облагомъ публики.“ *Страхонуда* заканчивается иллюстраціей, которая объясняетъ „постепенно увеличивающуюся ненависть Европы къ Россіи.“ Иллюстрація эта состоитъ изъ трехъ картинокъ. На первой живо изображена Россія въ видѣ молодой дѣвушки въ допетровскомъ одѣяніи, работающей за прялкой; на лѣво изображена Европа въ видѣ молодой женщины, сильно прифрантившейся; сзади ея стоитъ служанка карликъ, изображающая Польшу и указывающая Европѣ на Россію; Европа однакожь говоритъ: „моя сосѣдка хотя женщина необразованная, но честная душа, я вовсе не вижу причинъ не любить ее.“ На второй картинкѣ тѣ же самыя лица, но немного постарѣвшія, и Польша по прежнему подталкиваетъ Европу на Россію; Европа говоритъ: „Что я вижу? Моя сосѣдка надѣваетъ уже тонкое платье; да и книжка ужъ у нее на столѣ! Неужели она вздумала стать на равнѣ со мной!!“ На третьей картинкѣ Россія изображена играющей на фортепіано, на нее наскочила съ поднятыми кулаками одряхлевшая старуха Европа съ собаченкой подъ мышкой, служанка по прежнему подталкиваетъ ее впередъ, и Европа кричитъ: „Ахъ, ты варварка какая! не ужли ты думаешь, что я тебя не знаю? Ты хлопократка! Какъ ты смѣешь не уважать меня и ясно-вельможную Польшу? Ты хочешь прогнать еще и вельможную Турцію и освободить христіанское хлѣбство! Постой я тебя научу!“...

Картина *Страхонуда* изображаетъ Европу дѣлающую визитъ Галиціи. Европа представлена въ видѣ пожилой дамы, Польша — бойкая панна, живо напоминающая лѣсную геронню, въ шубѣ съ конфедераткою на головѣ, а Русь — бѣдная, истомленная женщина, стоитъ у дверей. Европа: „Здравствуй Полонія! (указывая на Русь) А это кто такая — эта бѣдная женщина?“ Полонія (по польски): „Это — моя служанка.“ Европа: „Твоя служанка!.. Что же ты ей есть не даешь? Она смотритъ такую истомленною, бѣгивающею.“ — Русь (слабымъ голосомъ): „Не служанка, не служанка, а сестра ея; я имѣла свое имѣніе, была богатою, а теперь, благодаря равноправности, пухну отъ голода.“ — Полонія что ты ее слушаешь, Европа! я даю тебѣ честное слово, что это все ложь. Это не Русь, а привидѣніе, вызванное клерикальною московскою партією.“ — Европа: „*C'est bagatelle*“ (это пустяки)... Нальма вѣрнѣе представить отношенія Польши и Европы къ галицкой Русь.

Во второмъ номерѣ *Страхонуда* за нынѣшній годъ, есть также много остроумныхъ замѣтокъ, касающихся мѣстныхъ отношеній галицкаго края, какъ и въ предыдущихъ номерахъ. Въ числѣ телеграммъ помѣщена слѣдующая: „*Петербургъ*. Часть обранныхъ рублей въ пользу галичанъ русское правительство назначило для *Народовки*, чтобы тѣмъ болѣе могла ругать Галицкую Русь, и такимъ образомъ поддерживать въ ней настояще-русскій духъ.“ Самая любопытная часть *Страхонуда* состоитъ изъ астрономическихъ предсказаній на 1867 годъ“, господствующая планета есть Сатурнъ съ косою и длинною бородой— ясно, что одъ будетъ имѣть гайдамацкій характеръ и схизматичскій вмѣтъ. Состояніе вѣтра будетъ переменчиво: сначала будетъ вѣтъ легонькій сѣверовосточный вѣтеръ, принесетъ въ Галицію поненькихъ, одной серіи, московскихъ рублей; потомъ наступитъ жасный югозападный и жителямъ Галиціи придется твердо держаться на ногахъ, чтобы не улетѣть на сѣверо-востокъ. Величественнѣйшее изъ затмѣній будетъ затмѣніе луны, эмблемы мурманскаго міра и т. д. Есть письмо султана къ папѣ, гдѣ первый проситъ послѣдняго провозгласить крестовый походъ въ защиту вѣры и царства великаго пророка Магомета. Собрано 108 словъ иностранныхъ, употребляемыхъ въ польскомъ языкѣ, и 108 русскихъ, вполне замѣняющихъ оныя, въ доказательство богатства польскаго и бѣдности русскаго языковъ.“

— o —

Воззванія митрополитовъ московскаго Филарета и кievскаго Арсенія въ пожертвованію въ пользу кандіотовъ.

I.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Часть народа, намъ россіянамъ единовѣрнаго, предавшаго предкамъ нашимъ, а чрезъ нихъ и намъ, безцѣнное сокровище православной вѣры, претерпѣваетъ въ настоящее время тяжкія бѣдствія: лишеніе достоянія, отъ угрожающей смерти бѣгство изъ земли обитанія, недостатокъ ежедневныхъ жизненныхъ потребностей. Въ такомъ состояніи находятся обитатели древняго Крита (по нынѣшнему Кандін) и изъ нихъ особенно женскій полъ, дѣти и старцы; и это потому, что крѣпкіе изъ нихъ истощаютъ свои силы и средства въ вооруженной борьбѣ.

Дѣйствиі сихъ послѣднихъ не касаяся никакимъ сужденіемъ. Въ сему мы не призваны.

Но сострадать и, по возможности, вспомоцствовать бѣдствующимъ и особенно, по ученію Апостола, присинъ въ вѣрѣ, есть христіанскій долгъ. И какъ, посправедливости, неже было бы обвинять насъ, если мы пренебрегали сей долгъ, такъ напротивъ, если мы заботимся о исполненіи сего долга, сі дѣло челоувѣчества и христіанства не должно подлежать пресеканіямъ даже отъ тѣхъ, которые иными, нежели мы очами изрѣютъ на подвизающихся и бѣдствующихъ кртянѣ.

Признавъ сіе въ частномъ совѣщаніи, московское духовенство положило предпринять, и предпринимаетъ добровольную подписку для собранія пособій бѣдствующимъ кртянамъ, съ готовностію споспѣшествовать участію въ семъ дѣлѣ и другихъ званій и принять съ уваженіемъ всякую лепту отъ руки малосердіа.

Главное мѣсто принятія подписокъ и подписаннаго въ каедральной Чудовѣ монастырѣ, гдѣ составляется для сего комитетъ изъ архимандритовъ Андроніевскаго и Стрѣтенскаго и еоедральнаго протоіерея.

Собранныя суммы, какъ можно немедленно и вѣрнымъ путемъ, препровождаемы будутъ митрополитомъ московскимъ отвѣтственно назначенію.

Филаретъ, митрополитъ московскій.

Января 3-го дня 1867 года.

II.

„Въ духовенству кievской епархіи. Подражая добруму примѣру духовенства московскаго, по долгу христіанской любви и милосердіа къ страждущимъ по вѣрѣ собратіямъ, открывшаго добровольную подписку, для собранія пособій бѣдствующимъ кртянамъ, съ готовностію споспѣшествовать участію въ семъ дѣлѣ и другихъ званій и принять съ уваженіемъ всякую лепту отъ руки благотворительной, и уже успѣвшаго собрать около трехъ тысячъ руб. серебромъ, симъ приглашаю духовенство кievское открыть подобную подписку и по кievской епархіи и твердо вѣдѣясь, что Кіевъ, какъ мать всѣхъ городовъ русскихъ и какъ первый вступившій въ родственныя по вѣрѣ сношенія съ царствомъ греческимъ, не попуститъ себѣ, въ семъ богоугодномъ дѣ

ѣ, остаться позади другихъ, но паче всехъ прочихъ нощѣ-
ить съ своею посильною помощію къ своимъ приснымъ по вѣ-
ѣ, угрожаемымъ неминуемой смертію отъ холода и голода.

„Главнымъ мѣстомъ принятія подписокъ и подписанныхъ по-
ертвованій назначается кievское Свято-Владимірское братство,
оторое обязывается собранныя суммы въ возможной скорости пред-
авить ко мнѣ, а мною немедленно препровождены будутъ, со-
вѣтственно назначенію....

„Для большаго же удобства въ собраніи и пересылкѣ подпи-
екъ и подписаннаго, поручаю: въ монастыряхъ настоятелямъ и
остоятельницамъ, въ губернскомъ городѣ кафедральному протоіе-
ею, а въ уѣздныхъ мѣстныхъ протоіереямъ, въ селахъ и мѣ-
гочкахъ мѣстнымъ благочиннымъ всемѣрно позаботиться о
емъ, не пренебрегая особенно отъ крестьянъ и колѣбчными по-
ертвованіями.

„*Арсеній, митрополитъ кievскій.*“

17-го января 1867 г.
Кievъ.

Пошертвованія въ пользу кандіотовъ:

Отъ московскій кафедры 1000 руб., митрополита 506 руб.,
авино-сторожевскаго монаст. 100 руб., епископа дмитровска-
о 100 руб., Андроніева монастыря 50 руб., настоятеля архим.
Иннокентія 50 руб., Данилова монастыря 150 руб., настояте-
я онаго 25 руб., Златоустаго монастыря 100 руб., настоятеля
наго 25 руб., кафедральнаго собора 50 руб. кафедральнаго про-
іерея 25 руб., Покровскаго собора 50 руб., протоіерея Ал.
Зоскросенскаго 25 руб., всевятской церкви 25 руб., всевят-
каго протоіерея 15 руб., Воскресенскаго, въ Варашахъ, прот.
10 руб., предтечинской, подъ Боромъ, цер. 25 руб., пред-
ечинскаго протоіерея І. Рождественскаго 15 руб., Спасо-налив-
каго протоіерея І. Благовѣщенскаго 10 руб., Петро-павловска-
о, въ Басманной, протоіерея Петра Терновскаго 20 руб., про-
іерея Александра Нечаева 10 руб., протоіерея Николая Тер-
ювскаго 20 руб., скорбященскаго протоіерея 10 руб., ново-пи-
иновскаго протоіерея 20 руб., протоіерея платона Капустина
20 руб., воскресенскаго-таганскаго священ. Успенскаго. 25 руб.,
протоіерея Введенской, что въ б. Новинскомъ монастырѣ, цер-

кви 25 руб., протоіерея Николаявленской, что на Арбатѣ, цер. Стефана Зернова 20 руб., единовѣрческой Троицкой церкви, отъ священ. Іоанна Березина 51 руб.

Въ Аѳинахъ составленъ комитетъ изъ дамъ для вспоможенія несчастнымъ жертвамъ кровавой борьбы.

Графиня Анастасія Дмитриевна Протасова (въ Петербургѣ. въ собств. домѣ, на невок. проспектѣ) беретъ на себя вѣрную доставку въ дамскій аѳинскій комитетъ подалній, какія благоволятъ прислать ей въ пользу этого дѣла мѣлосердія и любви.

Московскимъ градскимъ головою 25 декабря 1866 года открыта подписка въ пользу христіанъ, пострадавшихъ на островахъ Кандіи и собрано по 21 января до 8,000 руб.

Затѣмъ пожертвованія принимаютъ въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ и получено уже къ 23-му январа 4,258 руб. 47 коп.; изъ нихъ 4,028 руб. 47 коп. уже переданы по назначенію. Наконецъ, въ редакціи газеты „Москва“ получено, по послѣднему отчету, 643 руб. 50 коп. сер.

Въ *Моск. Вѣд.* пишутъ изъ Симбирска: „На обѣдѣ, бывшемъ въ благородномъ собраніи, по случаю годовщины учрежденія этого собранія, была предложена подписка въ пользу несчастныхъ кандіотовъ, и не болѣе какъ въ полчаса времени собрана довольно значительная сумма, которая и будетъ отправлена по назначенію. Сверхъ того у насъ предполагается съ этою же цѣлію устроить благородный спектакль. Итакъ страданія единовѣрныхъ намъ народовъ нашли сочувствіе и въ насъ, далеко не пользующемся прежнимъ благосостояніемъ, городѣ (отъ претерпѣнныхъ имъ въ 1864 году пожарныхъ бѣдствій) какъ и въ другихъ, болѣе благополучныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества.“

—Митрополитомъ *Арсеніемъ* пожертвовано 500 руб. и Кірово-печерскою Лаврой 1,000 руб.

Съ этой цѣлью данъ былъ въ одномъ изъ С.-петербургскихъ театровъ маскарадъ, отъ котораго собрано до 60,000 руб.

ПРИГЛАШЕНИЕ

къ пожертвованіямъ на постройку православнаго храма въ Нью-Йоркѣ.

Съ Высочайшаго соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по благословенію святѣйшаго правительствующаго сѹнода, предпринимается постройка православной церкви въ Нью-Йоркѣ.

Это будетъ первый русскій храмъ въ Америкѣ, необходимый многимъ причинамъ. Тамъ проживаютъ наши соотечественники и единоувѣрные намъ славяне и греки, при неизмѣннй православнаго храма, лишенные возможности почерпнуть благодатное свѣщеніе и духовное утѣшеніе въ священнодѣйствіяхъ и молитвахъ святой нашей церкви.

Тамъ и мѣстное населеніе съ нѣкоторыхъ поръ, явно обнаруживаетъ сильное желаніе ближе узнать святое православіе, въ видахъ духовнаго единенія. Предполагаемому къ учрежденію въ Нью-Йоркѣ православному храму предстоитъ, такимъ образомъ, послужить къ духовной пользѣ какъ нашихъ соотечественниковъ единоувѣрцевъ, такъ и той націи, среди которой привелось имъ проводить свои дни.

Потребность сія ясно выразилась уже въ иновѣрной Америкѣ, знава она и въ православной Россіи. При первой вѣсти о предложеніи устроить православный храмъ въ Нью-Йоркѣ, нѣкоторые американцы, не принадлежа къ исповѣдуемой нами вѣрѣ, пожелали принять непосредственное участіе въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ и пожертвовали на это предметъ до 5,500 долларовъ. Въ рѣдѣлахъ Россіи, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ также оспѣшили принести свои посильныя лепты на Нью-Йорскую церковь.

Но собранной такимъ образомъ суммы еще далеко недостаточно на довершеніе предпринятаго. Посему съ благословенія святѣйшаго сѹнода, приглашаются христолюбивыя чада святой ашей церкви споспѣшествовать своими посильными приношеніями осуществленію святаго дѣла.

Православный народъ русскій искони славится своею пламенною ревностію въ благодѣшнй и благоустроеннй св. церкви; его благодѣтельными усердіемъ воздвигнуты, поддерживаются и благоуукрашаются, къ славѣ и торжеству православія, многочисленные храмы не въ одной только св. Руси, но и во многихъ единоувѣрныхъ и иновѣрныхъ странахъ; за его жертвы въ недавнее время сооружены православныя церкви въ Парижѣ и Женевѣ.

Безъ сомнѣнія не откажется православный русскій народъ и впредъ съ сердечною готовностію раздѣлить великую и святую заботу объ устройствѣ православнаго въ Нью-Йоркѣ храма, изъ коего впервые возсіяетъ на американской землѣ благодатный свѣтъ пра-

вославно-вселенскаго ученія и который будетъ новымъ достопамятнымъ памятникомъ живой и плодоносной вѣры и неизсякаемой щедродательности благочестивыхъ сыновъ Россіи.

Желающіе могутъ прислать свои пожертвованія по почтѣ или въ хозяйственное управленіе при святѣйшемъ синодѣ, или для доставленія въ оное, къ мѣстнымъ въ каждой губерніи православленнымъ.

При отношеніи брагинскаго церковнаго совѣта, редакция „Вѣстника Западной Россіи“ получила слѣдующее приглашеніе къ пожертвованію:

В О П Л Ъ

*церковнаго совѣта брагинской Николаевской церкви,
Минской епархіи, Рѣчицкаго уѣзда.*

Минской епархіи, Рѣчицкаго уѣзда, въ м. Брагинѣ, съ 1-го іюня прошлаго года, началъ устроиться теплый храмъ, во имя новопрошеннаго св. Тихона, Задонскаго Чудотворца. Церковь эта устроится изъ бывшаго латинскаго костела, переданнаго 12-го августа 1865 года въ православное вѣдомство. Церковь—небольшаго размѣра, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, на разстояніи 6-ти сажени отъ самостоятельной Николаевской церкви, покрыта желѣзомъ, по снятіи куполовъ, устроенныхъ было въ латинскомъ вкусѣ, послѣ чего остался одинъ только средней квадратъ, съ стариннымъ придѣломъ, ризницей и пономарней. Здѣсь, съ 1747 года, была устроена униатская церковь, а потомъ, спустя неширокаго времени,—костель, съ видами латинской пропаганды, подъ контролемъ іезуитовъ (1); но скромное братство, съ 1745 года и въ сіе время существующее при брагинской Николаевской церкви тихо, но успѣшно, противудѣйствовало ея цѣлямъ. Прежде всего князья Вишневецкіе, владѣльцы м. Брагиня, до 1743 года бывшіе православными, какъ это видно изъ документовъ о землѣ церковной 1743 и 1744 г., хранящихся и по нынѣ при Николаевской церкви,—«на тень часъ иль риту Греко зостаенныхъ» (2), перешли въ латинство, потомъ приближенная дворовая прислуга, послѣдовала за своими панями: но простой народъ, въ селѣ м. Брагинѣ и его окрестностяхъ, крѣпко держался своего исконнаго православія, такъ что, никто изъ сдѣшнихъ жителей не сохотѣлъ въ латинство.

(1) Какъ выражено въ документѣ львовскаго епископа Каетана Салтыковскаго разрѣшившаго устроить въ м. Брагинѣ костель.

(2) Г. е. въ то время (1743 г.) въ обрядѣ греческомъ находившихся.

Не станемъ въ подробности объяснять, по какому случаю переданъ брагинскій костелъ въ православное вѣдомство. Скажемъ кратко, что въ ономъ отысканы принадлежности униатской церкви. Польскія же манифестаціи и въ этомъ костелѣ совершались своимъ порядкомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ. И такъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ латинскій костелъ, существовавшій около 115 лѣтъ, съ своею пропагандою, нынѣ развѣвается хоругвь православія, на краѣ въ имя новоявленного Святителя Тихона. Бывало скромное гнѣие во храмѣ угодника Христова Николая, заглушалось звуками органа въ костелѣ, съ умысломъ расположившагося въ 18 аршинахъ отъ храма, дабы различными уловками завлекать чадъ православія въ рабство папства.

Храмъ въ чернѣ отстроенъ; эта постройка обоилась церковному совѣту въ 1,235 руб. (1). Всѣ усилія и всѣ мѣстныя средства исчерпаны окончательно, чтобы сколотить эту сумму и залепить на зиму, хотъ неоконченный храмъ Божій и избѣгать сарказмовъ и насмѣшекъ со стороны латинниковъ 2). Привести краѣ къ окончанію, устройствомъ иконостаса, двухъ печей и внутренней штукатурки, снабженіемъ книгами, утварными и ризничными вещами, къ предполагаемому дню освященія церкви 13 августа будущаго 1867 года, церковный совѣтъ рѣшительно не обладаетъ уже никакими средствами, и даже около 200 руб. имѣетъ долгу, упоая лишь на одно покровительство и несомненную помощь Святителя новоявленного Чудотворца Тихона.

Къ вамъ благочестивые христіяне и почитатели новоявленного Святителя Тихона, церковный совѣтъ упомянутой церкви вопіетъ именемъ родственнаго намъ Покровителя новоявленного храма Божія: помогите, кто чѣмъ можетъ, привести къ окончанію начатый храмъ, во имя Св. Тихона, со слезами молившагося нѣкогда, о соединеніи церквей и о сверженіи крѣпостнаго ига. Храмъ этотъ будетъ знаменательнымъ памятникомъ православія въ здѣшней мѣстности, и пока онъ боуетъ существовать, при принесеніи безкровной жертвы, будетъ въ немъ возсылаемы къ Богу и Его великому угоднику молитвы о спасеніи и здравіи всѣхъ благодѣателей и о упокоеніи во блаженной памяти преставившихся въ жизнь вѣчную ихъ сродниковъ и знаемыхъ.

Жертвы, покорнѣйше просимъ высылать на имя церковнаго совѣта, по ниже означенному адресу.

(1) По просительной книгѣ, выданной изъ Консисторіи на имя благочиннаго священника Эремича, настоятеля сей церкви, собрано 168 руб., въ память 4 апрѣля 1866 года, — крестьянами пожертвовано 298 руб. 85 коп. Старшинами церковнаго совѣта собрано 193 руб. Церковная сумма въ количествѣ 385 руб., по распоряженію консисторіи, издержана вся и въ двухъ сосѣднихъ церквяхъ одолжено 491 руб.

(2) Когда переданъ былъ костелъ въ православное вѣдомство и болѣе года оставался безъ всякаго улучшенія, сосѣдніе латинскіе ксендзы и ихъ чада, издѣвались надъ нами, говоря: «отобрали намъ костелъ и будутъ въ него загонять еврейскихъ козъ» и пр. и пр.

По полученіи пожертвованій, онѣ будутъ записаны въ инвентурную книгу церковнаго совѣта; о количествѣ же пожертвованныхъ денегъ или вещей, равно какъ и о расходованіи первыхъ, совѣтъ, въ свое время, увѣдомить Редакцію Вѣстника, для сообщенія болѣе гласности доброму дѣлу.

Предсѣдатель церковнаго совѣта брагинскій благочинный,
Николаевской церкви священникъ Максимъ Эрмачъ.

Члены церковнаго совѣта:

Брагинскій волостный старшина Иванъ *Полумногъ*.
Церковный староста Стефанъ *Кочуба*.

Старшины церковнаго совѣта:

- 1) Яковъ Лаврентіевъ *Виницкій*.
- 2) Лаврентій *Боготко*.
- 3) Филиппъ *Кочуба*.
- 4) Алексѣй *Сидоренко*.
- 5) Николай *Савенко*.
- 6) Давидъ *Гацко*.
- и 7) Иванъ *Ермоленко*.

А изъ нихъ неграмотныхъ, по ихъ личному прошенію, росписался первый изъ старшинъ—Яковъ Лаврентіевъ *Виницкій*.

А д р е с ъ:

«Минской епархіи, въ г. Рѣчицу, для пересылки въ м. Брагинъ, церковному совѣту брагинской Николаевской церкви.» М. Брагинъ.
1866 года 30 ноября.

ДЕРЖАНИЕ 2-ой кн. „Вѣстника западной Россіи.“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.— 1) **Выписки** изъ градскихъ омианскихъ книгъ духовнаго завѣщанія **Аноленіи Михайловны**, изъ **Огнискннхъ, Зеновичевой**, отказавшей разныя суммы денегъ въ пользу нѣкоторыхъ православныхъ церквей и виленскаго св. Духовскаго братства. 1657 года. Стр. 17.— 2) **Фундушевая** записка Севастьяна **Мірскаго** на церковь и монастырь мірскій кнѣзья Лещиловичъ. 1644 г. Стр. 19.

ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— 1) **Жалоба** ктиторовъ осовской церкви на писемныхъ оо: Францискановъ и проч., о нападеніи и отнятїи ее отъ православныхъ. 1712 г. Стр. 23.— 2) **Письмъ** въ комиссарскій судъ годдовскихъ всендзовъ базилїанъ по жалобѣ на нихъ настоятеля виленскаго св. Духовскаго монастыря о. Мелхиседека Богдановича о насильственномъ завадѣнїи годдовскимъ монастыремъ и причиненїи разныхъ обидъ и побоевъ монахамъ. 1747 г. Стр. 28.— 3) **Жалоба** бѣльскихъ православныхъ мѣщанъ на уніатскаго епископа Іосифа Мокосѣя Воковецкаго о нападенїи на Богоявленскую церковь и обращенїи ее на унію. 1633 г. Стр. 30.— 4) **Жалоба** православныхъ жителей города **Вѣльска** на уніатскихъ всендзовъ и мѣщанъ о насильственномъ отнятїи трехъ церквей, обращенїи ихъ на унію и причиненїи православнымъ побоевъ и разныхъ обидъ. 1636 г. Стр. 33.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ЮНЪ ВАДАВАНЪ львовскій епископъ (окончаніе). Стр. 37.

АСЬСЬКІЙ Благовѣщенскій монастырь.— 1) отъ основанія его до обращенія на унію. Стр. 70. Арх. *Модеста*.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ІАЧНОЕ и обидное qui pro quo. Стр. 13

ІТЬ губерній западно-русскаго края. соч. Н. Столицнскаго (критическій очеркъ). Стр. 16.

РКЪ отношенїи польскаго государства къ православію и православной церкви. Стр. 22.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ІКУЮЩІЙ (продолженіе).— 3) Оборотни. Стр. 175.

Б болѣе Позыши, соч. Фука (продолженіе). Прибавленїе къ 4 главѣ. Стр. 191.

ТА И КЕЙСТУТЬ, драма. (Продолженіе). Дѣйствїе 1-е и 2-е. Стр. 211.

ОСВЯЩЕНІИ 6 ти церквей въ Бобруйскомъ уѣздѣ. Стр. 235.

ІЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— **Циркуляръ** г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ. Стр. 239.— **Денежа** вице-канцлера князя Горчакова, касающіяся перерыва сношенїи съ римскимъ дворомъ. Стр. 240.— **Пршломленїе** къ этой денешѣ, заключающее историческій обзоръ дѣйствїи римскаго двора. Стр. 243.— **Объ участїи** р. католическаго духовенства въ польскомъ мятежѣ. Стр. 269.— **Шъсольные** словъ объ этомъ духовствѣ въ Царствѣ Польскомъ одного полковаго всендза капелана. Стр. 275.— **Правственнїя** сторона польскаго духовенства. Стр. 278.— **Воспитанїе** духовенства въ папской семинаріи въ Римѣ. Стр. 281.— **Освященїе** церкви въ селѣ Яршевичакъ и друг. Стр. 289.— **Праздничный** вечеръ въ сельской школѣ. Стр. 294.— **Состоянїе** грамотности въ виленскомъ учебномъ округѣ. Стр. 298.— **Открытіе** русскаго женскаго училища въ г. Холмѣ (въ Ц. Польск.). Стр. 301.— **Рѣчь** волынскаго губернскаго предводителя дворянства. Стр. 309.— **Выдержки** изъ газетъ о Восточной Галиціи. Стр. 310.— **Выдержки** изъ юмористической газеты „**Страхонудъ**“. Стр. 322.— **Воззванїя** митрополитовъ московскаго **Филарета** и кїевскаго **Арсенїя** къ пожертвованїю въ пользу кандїотовъ. Стр. 329.— **Помертвованїя** въ пользу кандїотовъ. Стр. 331.— **Приглашенїе** къ пожертвованїямъ на постройку православнаго храма въ Нью-Йоркѣ. Стр. 333.

Дѣ церковнаго совѣта брагинской Николаевской церкви, Рѣчицкаго уѣзда. Стр. 334.

ЦѢНА 2-му ВЫПУСКУ СБОРНИКА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Выписывающему 1 экземпляръ 70 коп.

Отъ 1 — 10 — — — 60 —

Отъ 10 — 100 — — — 50 —

Отъ 100 — 500 — — — 40 —

Отъ 500 — 1000 — — — 35 —

Отъ 1000 и даѣе — — — 30 —

Обращаться съ требованіями къ редактору-издателю „Вѣстника западной Россіи“ *К. А. Говорскому*, въ г. *Вильну* и книгопродавцамъ — комисіонерамъ этого журнала.

Въ редакціи „Вѣстника западной Россіи“ продаются нижеслѣдующія книги.

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ, изд. 1864 г. въ *Кіевѣ*, цѣна съ пересылкой, выписывающимъ отъ 1—5 экз. по 60 коп. за экземпляръ; отъ 5—10 экз. по 50 коп.; отъ 10—25 экз. по 40 коп.; отъ 25—50 экз. по 35 коп.; отъ 50—500 экз. по 30 коп.; отъ 500 и болѣе по 25 копѣекъ. Безъ пересылки сбавляется 5% съ означенныхъ цѣнъ.

Эта исторія Польши въ особенности рекомендуется для учебныхъ заведеній какъ лучшій и единственный учебникъ на русскомъ языкѣ.

ЖИЗНЬ ЮСАФАТА КУНЦЕВИЧА, изд. 1865 г., въ *Вильнѣ*.

Цѣна съ пересылкой отъ 1—5 экз. 40 к.; отъ 5—25 экз. по 30 коп.; отъ 25—50 экз. по 25 коп.; отъ 50—100 экз. по 20 коп.; безъ пересылки уступается 5%. Весьма интересная и замѣчательная эта книжка переведена за границей на французскій языкъ и издана, въ 1866 году въ *Берлинѣ*.

СОДЕРЖАНІЕ 2-ой кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- № 3. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.— 1) **Выпись** изъ старыхъ ошмянскихъ книгъ духовнаго завѣщанія **Анолонія Михайловича, Огнискнхъ, Зеновичевой**, отказавшей разныя суммы денегъ въ пользу которыхъ православныхъ церквей и виленскаго св. Духовскаго братства. 1831 Стр. 17.— 2) **Фундушевая** записка Севастыяна *Мирскаго* на церковь в имѣніи *Мирскій имѣнія Лещиловичъ*. 1644 г. Стр. 19.
- № 4. ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— 1) **Жалоба** ктиторовъ осовской церкви на иианскихъ оо. Францискаго и о нападѣнн и отнятіи ее отъ православныхъ. 1712 г. Стр. 23.— 2) **Польскій** комиссарскій судъ годдовскихъ ксендзовъ базидіанъ по жалобѣ на нихъ епископа виленскаго св. Духовскаго монастыря о. Мелхиседека Богдановича о насильствѣ завладѣніи годдовскимъ монастыремъ и приниженіи разныхъ обидъ и *зоборы* хамъ. 1747 г. Стр. 28.— 3) **Жалоба** бѣльскихъ православныхъ мѣщанъ *Явскаго епископа Іосифа Мокосія Боковецкаго* о нападѣнн на Богоульскіе и обращеніи ее на унию. 1633 г. Стр. 30.— 4) **Жалоба** православныхъ женовъ рода Бѣльска на униитскихъ ксендзовъ и мѣщанъ о насильственномъ отнятіи церквей, обращеніи ихъ на унию и приниженіи православныхъ побоевъ и обидъ. 1636 г. Стр. 33.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- ГЕДЕОНЪ БАЛАБАНЪ львовскій епископъ (окончаніе). Стр. 37.
СУПРАСЛЬСКІЙ Благовѣщенскій монастырь.— 1) отъ основанія его до обращенія въ 1700 г. Стр. 70. Арх. *Модеста*.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- НЕУДАЧНОЕ и обидное qui pro quo. Стр. 13
ДЕВЯТЬ губерній западно-русскаго края. соч. Н. Столянскаго (критическій очеркъ). Стр. 14
ОЧЕРКЪ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви. Стр. 15

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- ПОЛЯКУЮЩІЙ (продолженіе).— 3) Обороти. Стр. 175.
НѢТЬ болѣе Польни, соч. Фука (продолженіе). Прибавленіе къ 4 главѣ. Стр. 181.
БИРУТА И КЕЙСТУТЬ, драма. (Продолженіе). Дѣйствіе 1-е и 2-е. Стр. 211.
ОБЪ ОСВЯЩЕНІИ 6-ти церквей въ Бобруйскомъ уѣздѣ. Стр. 235.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— **Циркуляръ** г. главнаго начальника свѣр-завѣдѣнія края гг. губернаторамъ. Стр. 239.— **Депеша** вице-камплера князя Герцманъ савицкая перерыва сношеній съ римскимъ дворомъ. Стр. 240.— **Приказъ** этой депешѣ, заключающее историческій обзоръ дѣйствій римскаго двора. Стр. 241.— **Объ участіи** р. католическаго духовенства въ польскомъ мятежѣ. Стр. 242.— **Нѣсколько** словъ объ этомъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ одиельно отъ го ксендза капелана. Стр. 275.— **Правствениая** сторона польскаго дѣла. Стр. 278.— **Воспитаніе** духовенства въ панской семинаріи въ Ригѣ. Стр. 280.— **Освященіе** церкви въ селѣ Яршеничахъ и друг. Стр. 289.— **Праздничное** вечеръ въ сельской школѣ. Стр. 294.— **Состояніе** грамотности въ польскомъ учебномъ округѣ. Стр. 298.— **Открытіе** русскаго женскаго училища въ Гроднѣ (въ Ц. Польск.). Стр. 301.— **Рѣчь** волынскаго губернскаго предводителя дворянства. Стр. 309.— **Выдержки** изъ газеты о Восточной Галліи. Стр. 310.— **Выдержки** изъ юмористической газеты „*Страхонудъ*“. Стр. 322.— **Возмездіе** митрополитовъ московскаго *Филарета* и кievскаго *Арсенія* къ пожертвованію на каменную школу въ Гроднѣ. Стр. 329.— **Пожертвованія** въ пользу кадетскаго училища въ Гроднѣ. Стр. 333.— **Приглашеніе** къ пожертвованіямъ на постройку православнаго храма въ Гроднѣ. Стр. 333.
- ВОПЛЬ церковнаго совѣта брагинскаго Николаевской церкви, Рѣчицкаго уѣзда. Стр. 334.

НЕСТОР ПЕЧКАРЪ
ИЗДАТЕЛЬ

ВЪ
СВЯТЫХЪ
ПИСАНИЯХЪ
ИЗДАНЫ
ВЪ
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ
1887

БМВРПНВ

1887

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V 1867.

КНИЖКА III.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою.. 2-го Мая 1867 года. Вильна.

I.

№ 1.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

1.

Универсалъ короля Владислава IV о возвращеніи православнымъ жителямъ г. Бѣльска и м. Клешеля церквей, отнятыхъ на унию.
1633 года.

(переводъ съ польскаго).

Владиславъ, Божіею милостію король польскій и проч. проч.... Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому поюзнь, преимущественно же воеводамъ, каштелянамъ, мадѣльцамъ, старостамъ, земскимъ и градскимъ властямъ и всѣмъ короннымъ и Великаго княжества Литовскаго гражданамъ и всему народу, что на прошломъ участливой коронаціи нашей сеймъ, съ согласія всѣхъ инновъ коронныхъ и Великаго княжества Литовскаго, въ видахъ примиренія людей вѣры греческой—неунитской съ людьми вѣры унитской, съ римскимъ костеломъ соединившимися, постановлено, — пока, дастъ Богъ, не послѣдуетъ на будущемъ сеймѣ полное, окончательное примиреніе, — возвратитъ неунитамъ нѣкоторыя цер-

кви и монастыри, со всѣми ихъ принадлежностями, мы приказываемъ, отдать имъ, между прочимъ, церковь св. Богоявленія въ Бѣльскѣ и св. Николая въ Клещеляхъ. Для отобранія которыхъ отъ уніатовъ и передачи иуунитамъ въ вѣчное ихъ владѣніе назначаемъ нашего дворянина, луцкаго земскаго писара Семена Гулевича, повелевая, чтобы уніаты эти церкви со всѣми ихъ принадлежностями немедленно, въ присутствіи сказаннаго дворянина, передали во владѣніе людямъ греческой религіи иуунитамъ, безъ всякаго сопротивленія, препятствій и затрудненій въ свободномъ совершеніи въ нихъ богослуженія, подъ страхомъ лишенія нашей королевской милости. Данъ въ Краковѣ, марта 14 дня 1633 года, государствованіи нашего польскаго и шведскаго перваго.

Vladislaus Rex.

Документъ этотъ въ современной официальной копіи хранится въ архивѣ бѣльской Богоявленской церкви, подъ №№ 1 и 81.

3.

Рѣшеніе бѣльскаго войтовскаго суда по жалобѣ православныхъ жителей г. Бѣльска на тамошнихъ уніатовъ объ отнятій сими послѣдними у первыхъ церквей и причиненій разныхъ обидъ и насилій. 1643 года.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

По дѣлу о. Мелетія и мѣщанъ греческой религіи дисъунитовъ-истцевъ съ одной, а отвѣтчиковъ, названныхъ въ судъ о. протопопа и другихъ поповъ уніатовъ, съ другой стороны, о томъ, что сіи послѣдніе не смотря на декретъ комисарскій и привиллегіи, весь

ма сильно притѣсняютъ неунитовъ, церковь ихъ насильно захватили, земли отняли, похищеннаго креста не возвратили и разныя другія совершили беззаконія.

Собравшись сего дня въ судъ, обѣ стороны вели между собою пренія, именно, сторона жалующихся пренедобный отецъ Мартыновичъ, игумень лепесовскій и намѣстникъ преосвященнаго его милости отца Аванасія Пузины, луцкаго епископа, отъ его имени и всѣхъ мѣщанъ бѣльскихъ неунитовъ, жаловался предъ нынѣшнимъ судомъ на преподобнаго отца Лукіана Федоровича Богованьскаго, администратора бѣльской протопопіи, Ивана Герасимовича Березовскаго, Ивана Малишевскаго, Федора Воскресенскаго и другихъ, коихъ имена и фамиліи имъ извѣстны, о томъ, что, во первыхъ, нарушая общественное спокойствіе, попирая права и свободы, противясь пунктамъ примиренія, между диссидентами, изданнымъ на счастливой елекціи его королевской милости и конституціей 1635 года подтвержденнымъ, осмѣлились, въ городѣ его королевской милости Бѣльскѣ, года и числа означеннаго въ жалобѣ, напасть на двѣ церкви: св. Богоявленія и св. Воскресенія Господня, панами комиссарами возвращенныя не унитамъ и официально-переданныя въ ихъ владѣніе, насильно взявши отъ пана Сокола вооруженныхъ охотниковъ, идя какъ бы на сраженіе съ зазженными факелами, бывшихъ при сихъ церквахъ людей неунитовъ побить и поранить, и такимъ образомъ святое мѣсто окровавили и обезчестили, замки поотбивали и обѣ эти церкви насильно отъ неунитовъ отняли и жившихъ при нихъ людей прогнали, а также принадлежащее имъ имущество и имѣніе заграбили и въ свое владѣніе взяли, наконецъ и отъ третьей церкви св. Николая, принадлежавшей неунитамъ, отняли земли и до сихъ поръ въ своемъ владѣніи держали. Во вторыхъ, что вышеска-

занные запрещая неунитамъ свободное совершеніе богослуженія, ѣдущимъ и идущимъ какъ въ полѣ, такъ и въ самомъ городѣ съ св. дарами къ умирающимъ забѣгаютъ дорогу, какъ это и недавно случилось, что унітскій попъ Малишевскій, настоятель св. Троицкой церкви, встрѣтивъ идущаго съ св. дарами и съ серебрянымъ позлащеннымъ крестомъ въ рукахъ священника св. Николаевской церкви, насильно остановилъ его на дорогѣ и, избивъ его какимъ то необыкновеннымъ, похожимъ на огромный ножъ, оружіемъ, насильно отнялъ крестъ и до сихъ поръ держитъ его у себя.

Тѣла усопшихъ, противъ естественному закону, арестуютъ, и потомъ требуютъ за оныя выкупа, также, совершать въ неунитскихъ церквахъ бракосочетаніе запрещаютъ, а если бы кто совершилъ, волювъ забираютъ. Въ третьихъ, жаловалися, что тѣже отцы уніаты, вопреки законовъ и свободы совершенія богослуженія, вынудили отъ нѣкоторыхъ мѣщанъ бѣльскихъ какую то подписку, на основаніи которой всѣхъ жителей г. Бѣльска неунитовъ насильно заставляютъ принимать унію и подъ предлогомъ религіи, причиняютъ имъ несносныя обиды и доводятъ ихъ до большихъ убытковъ. Несправедливые дѣлаютъ протесты о дѣлахъ никогда небывалыхъ, какъ напр. объ отнятій якобы у нихъ церкви св. Николая, которая искони принадлежала неунитамъ, и хотя навремя и была у нихъ насильно отнята унитамъ, но возвращена первымъ по декрету комиссарскаго суда. Касательно перваго пункта, жалующіеся неуниты просятъ высшій судъ, дабы возвращены были имъ двѣ, насильно отнятыя уніатами церкви св. Богоявленія и св. Воскресенія, такъ какъ права на эти церкви утверждены были для неунитовъ прежде епископомъ брестскимъ и владимирскимъ Поцѣмъ, еще до начала уніи, но благо-

словенію курь Іереміи, константинопольскаго патріарха, потомъ его королевскою милостію подтвержденныхъ, наконецъ эти обѣ церкви присуждены были, по случаю отнятія ихъ на унію, неунитамъ пунктами елекціоннаго сейма, изданными для примиренія диссидентовъ и подтвержденными конституціею 1635 года, всѣдствие чего онѣ, со всѣми принадлежностями и были переданы неунитамъ, назначеннымъ сеймомъ для сего комиссарами. Въ доказательство чего жалующіеся представили въ судъ и подлинныя документы и при томъ просили также о возвращеніи имъ, захваченныхъ уніятами отъ св. Николаевской церкви земель. Касательно втораго пункта жалующіеся просили, чтобы строго запрещены были всякія насилія, нападенія уніатовъ на пути, чтобы серебряный крестъ былъ возвращенъ, а отнявшій его насильно уніять-попъ, подвергнутъ былъ за это строгому наказанію и чтобы, наконецъ, неуниты впредь пользовались бы свободою богослуженія. Касательно третьяго пункта, просили, дабы вышесказанная подписка, незаконно и насильно исторгнутая уніятами у нѣкоторыхъ бѣльскихъ мѣщанъ неунитовъ, на основаніи которой они, вопреки правъ, конституцій и свободы вѣры незаконно понуждаютъ всѣхъ неунитовъ къ принятію уніи, — была уничтожена, а виновники всѣхъ вышесказанныхъ, по тремъ пунктамъ, обвиненій, подвергнуты были, по всей строгости законовъ, наказанію и уплатѣ жалующимся всѣхъ прогорей и убытковъ и проч....

Сторона отвѣтчиковъ, не входя ни въ какія пренія съ жалующимися, не приводя въ свое оправданіе никакихъ доказательствъ и возраженій, объявила, что такъ какъ всѣ внесенныя жалующимися на нихъ претенсіи и обвиненія требуютъ дознанія, то просить судъ рѣшеніе этаго дѣла отложить до того времени, когда оно

будеть уяснено слѣдствіемъ. Поэтому, нынѣшній судъ войтовскій, выслушавъ пренія обѣихъ сторонъ и хорошо оныя обдумавши, поелику дѣло идетъ объ отнятїи двухъ церквей со всѣми ихъ принадлежностями, имуществами и угодьями и сторона отвѣтчиковъ проситъ отстрочки рѣшенія, дѣло это отсылаетъ ко двору ево королевскаго величества и срокъ явки для обѣихъ сторонъ назначаетъ шесть недѣль отъ сегодняшняго числа. Въ удостовѣреніе чего, съ приложеніемъ фамиліиной печати, собственноручно подписываюсь.

Адамъ Казановскій.

Подлинникъ находится въ архивѣ бѣльскаго Боголюбленской церкви, ветхъ, состоитъ въ описи подъ №№ 16 и 96.

3.

Жалоба православнаго инока, настоятеля бѣльскаго св. Николаевской церкви на уніятскаго попа св. Троицкой церкви Іоанна Малишевскаго о нападеніи на него, идушаго по улицѣ къ больному съ св. дарами, причиненіи ему побоевъ, отнятїи дарохранительницы и серебряннаго креста и пр. пр. 1644 г.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Данъ въ мѣльницкомъ обозѣ, на кануи праздника св. Трехъ Царей (Боголюбленія) 1644 года.

(К о п і я).

Явились предъ урядомъ нынѣшнихъ старостинскихъ городскихъ мѣльницкихъ книгъ преподобный отецъ Никодимъ *Федоровичъ*, иннокъ греческой религіи, настоятель церкви св. Николая въ г. Бѣльскѣ, съ великою скорбію и со слезами жаловался, и свою обиду и ношеніе рассказывалъ и протестествовалъ, какъ отъ се-

бя, такъ отъ имени преподобнаго о. Матвея Мартыновича, игумена лепесовскаго монастыря и бѣльскаго намѣстника, отъ преосвященнаго отца, его милости, луцкаго епископа-неунита назначеннаго, противъ бѣльскаго св. Троицкой церкви уніятскаго попа о. Іоанна Малишевскаго о томъ, что въ прошлый понедѣльникъ, забывъ страхъ Божій и уваженіе къ своему духовному сану, а привыкши издавна угнетать и преслѣдовать людей духовныхъ и свѣтскихъ древней греческой религіи, нарушая общественный миръ, въ особенности утвержденный между греческою религіею кенституціонными постановленіями и, наконецъ, вопреки правъ и законовъ рѣчи посполитой,— тѣла умершихъ арестуетъ, за браки православныхъ въ церквахъ неунитскихъ воловъ грабить, на священниковъ на дорогѣ нападаетъ, какъ это случилось и недавно, что у священника, идущаго къ больному, серебряный крестъ отнялъ и неизвѣстно куда дѣвалъ, и разныя другія тяжкія и несносныя обиды, насилія и беззаконія, съ необузданною яростью, неунитамъ причиняетъ. Такъ, между прочимъ, когда сказанный жалующійся, напутствовавъ св. дарами одного больного, возвращался домой, тогда онъ, собравъ какихъ то безпутныхъ людей, заступилъ ему дорогу на улицѣ и самыми студными и подлыми словами ругалъ, билъ, хваталъ за бороду, волоса рвалъ, по землѣ таскалъ, ризу, епатрахиль и монашескую рясу съ него содралъ, серебрянную чашу съ серебрянной лжицей и шелковыми воздухами насильно отнялъ, оставшіеся отъ больного частицы св. даровъ выбросилъ изъ чаши на землю и всѣ эти вещи, отнятыя разбоемъ, взялъ и унесъ съ собою. Противъ всего этого, сказанный отецъ Никодимъ Федоревичъ, на Троицкаго попа Іоанна протестовалъ, предоставивъ себѣ право вѣдаться съ нимъ законнымъ порядкомъ за тако-

вый, неслыханный въ христіанствѣ, его поступокъ отцу преосвященному его милости, отцу владыкѣ луцкому, неуниту, или его намѣстнику въ г. Бѣльскѣ. Почему и просилъ жалобу эту его вписать въ старостинскія градскія мѣльницкія книги, куда она и вписана и выдана ему сія копія съ приложеніемъ печати.

Correxit Radlewski.

М. П.

Ex actis Capitanealibas
Costro Mieln. Rillewicz.

Хранится въ архивѣ Богоявленской бѣльской церкви, надъ № 21, 100.

4.

Копія рѣшенія комиссарскаго суда по дѣлу объ отнятіи въ г. Бѣльскѣ православныхъ церквей уніятами и причиненіи сими послѣдними православному духовенству и мірянамъ разныхъ обидъ и насилій. 1668 г.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Составленъ (Actum) въ бѣльской королевской канцеляріи 1668 года, послѣ Фоминнаго воскресенія.

Въ присутствіи обознаго капитанскаго брянскаго уряда, мѣщанинъ бѣльскій Власій Аришевичъ представилъ ко вписанію въ градскія книги декретъ королевскихъ комиссаровъ, съ просьбой выдачи ему копій сего декрета, скрѣпленной собственноручною ихъ подписью, съ приложеніемъ ихъ печатей, слѣдующаго содержанія. Данъ (Actum) въ городѣ Бѣльскѣ 1636 года. Мы комисса-

ры его королевскаго величества, съѣхавшіеся сюда въ г. Бѣльскъ для примиренія несогласныхъ (dissidentes) въ греческой религіи, объявивъ чрезъ вознаго короннаго пана Шимона Вѣжбицкаго открытіе нашего комиссарскаго суда, приступили къ выслушанію обвиненій и оправданій обоихъ сторонъ. И во первыхъ, неуниты слезно жаловались на тяжкія притѣсненія и обиды, какія они претерпѣвали за вѣру, какъ отъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ людей, такъ что не только сами много *терпѣли на здоровьи и чести*; но, что еще прискорбиѣе, и въ вѣрѣ такъ были притѣсняемы, что не только лишились всѣхъ находящихся здѣсь церквей, но не могли свободно совершать богослуженія и таинства вѣры, дѣтей крестить, погребать умершихъ, что никому никакимъ закономъ не запрещено; уніаты же ссылались на какой то контрактъ, полюбовнымъ будто бы способомъ заключенный съ неунитами и *заактикованный* (вписанный въ градскія книги) въ *городъ* брянскомъ, а потомъ въ петрковскомъ трибуналѣ, однакожь мы, удостоверившись, что этотъ контрактъ не подтвержденъ высшими властями и сеймами, а только служилъ поводомъ постоянныхъ споровъ и раздоровъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, между унитами и неунитами, согласно конституціи 1635 года, которая всякія подобныя, мнимо законныя, происки, служащія только къ воспламененію давнихъ несогласій, запрещаетъ и уничтожаетъ, и мы уничтожаемъ и обѣимъ сторонамъ приказываемъ сообразоваться съ конституціей о примиреніи диссидентовъ и требуемъ, чтобы впредъ мѣщане его королевской милости ни отъ кого не были противозаконно позываемы въ суды и трибуналы. За тѣмъ приступаемъ къ дѣйствительному продолженію нашей комиссіи. И во первыхъ, представляемъ вниманію унитовъ и неунитовъ, что, кромѣ нѣсколькихъ унитовъ,

лично намъ представленныхъ, болѣе ихъ мы не видимъ. Неунитовъ же большую толпу людей и длинный реестръ домовъ и всѣхъ нежелающихъ быть въ уніи намъ указанъ и поданъ, поэтому мы, сосчитавши вѣрно и сравнивши число въ уніи и не въ уніи находящихся людей, поелику священники Воскресенской и св. Николаевской церкви съ своими прихожанами объявили что въ уніи быть не желаютъ и подъ послушаніемъ унитскаго владыки, развѣ по незнанію, никогда не были, узнавши притомъ что и церковь св. Богоявленія была некогда утверждена за неунитами Ипатіемъ Поцѣмъ, кіевскимъ митрополитомъ и владимірскимъ епископомъ, и отдана бѣльскому братству куръ Іеремією константинопольскимъ патріархомъ, на что намъ предъявлена и конфирмація его королевскаго величества вмѣстѣ съ универсаломъ, даннымъ пану Гулевичу, писарю земскому луцкому на передачу этой церкви неунитамъ, то мы, принявъ во вниманіе, что всѣ, безъ исключенія, прихожане церковей Воскресенской и св. Никольской желаютъ остаться при своихъ священникахъ неунитахъ и отступить отъ своей вѣры не соглашаются, а болѣе всего, имѣя въ виду вышесказанную королевскую конфирмацію привилегіи, данной неунитамъ на церковь св. Богоявленія еще покойнымъ владыкою Поцѣмъ и передачу этой церкви куръ Іеремією патріархомъ константинопольскимъ бѣльскому братству и наконецъ, принимая во вниманіе и универсалъ и спеціальнѣйшій реестръ для отдачи этой церкви неунитамъ, данный его королевскимъ величествомъ на коронаціонномъ сеймѣ, въ имя сказаннаго выше пана Гулевича, — всѣ эти три церкви, т. е. Воскресенскую, Богоявленскую и Николаевскую, со всѣми ихъ принадлежностями, землями и имуществомъ; присуждаемъ неунитамъ, во владѣніи теперешняго и потомъ будущаго луцкаго владыки сос-

тоящимъ. Для унитовъ же, которыхъ столь малое здѣсь число находимъ, достаточно было бы и одной церкви; но, въ надеждѣ на приращеніе ихъ, двѣ церкви, т. е. Пречистенскую и Троицкую, со всѣми давними ихъ принадлежностями, землями и имуществомъ, присуждаемъ и въ дѣйствительное владѣніе обоимъ сторонамъ передаемъ, съ тѣмъ однакожъ поясненіемъ, что людямъ въ неуніи состоящимъ, хотя бы они и были приписаны къ уніятскимъ приходамъ, даемъ право, на основаніи пунктовъ, изданныхъ на елекціонномъ сеймѣ для примиренія между уніятами и неунитами, ходить въ неунитскія церкви и тамъ свободно совершать свое богослуженіе, что относится къ обѣимъ сторонамъ. Кроме того, гражданамъ города Бѣльска неунитамъ, согласно вышесказаннымъ пунктамъ, даемъ свободный доступъ къ городскимъ должностямъ. А дабы обѣ стороны наше это рѣшеніе твердо и безъ всякихъ уклоненій исполнили, то на всякаго нарушителя общественнаго спокойствія налагаемъ штрафъ, т. е. уплату 30,000 гривенъ польскихъ, а для общаго согласія и взаимнаго обѣихъ сторонъ уваженія не только между греческою религіей, но и духовенствомъ римско-католической церкви, всякое обѣимъ сторонамъ другъ къ другу, въ особенности къ р.-католическимъ ксендзамъ приказываемъ оказывать почтеніе и честь— (honorem). Этотъ декретъ на подлинномъ скрѣпленъ собственноручными подписями господъ комиссаровъ такимъ образомъ: *Зборовскій*, староста городельскій, *Янъ Станишевскій*, ключникъ луцкій, секретарь его королевскаго величества, *Григорій Четвертынскій*, *Андрей Загоровскій*, дворянинъ и комиссаръ его королевскаго величества, собственною рукою. Печатей фамильныхъ, ихъ милостей господъ комиссаровъ, четыре. Который декретъ, представленный въ подлинникъ, здѣсь вписанъ

есть, и выдана съ него сія копія изъ обозныхъ бзвн-
танскихъ брянскихъ актовыхъ книгъ.

М. П. Correxit Zochowsky.

Копія эта, въ современномъ подлинномъ спискѣ. хранится въ архивѣ бѣльской Богоявленской церкви, подъ №№ 18, 97..

5.

Вводъ во владѣніе иноковъ борисовскихъ церковью и монастыремъ св. Воскресенія, находящемся на предмѣстьи г. Борисова, по уступкѣ каштеляна сандомірскаго Казановскаго.

Лета отъ нароженя Сына божого тисеча шест сотъ сорокъ втораго мца Генваря двадцать осмого дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ о трехъ кролахъ Святе рымскимъ приналыхъ и порядкомъ права посполитаго судовне в орши отправоваыхъ. Переднами миколаемъ боратынскимъ Судьею Якубомъ вислоухомъ подсудкомъ яномъ гекторомъ подберезкимъ Писаромъ врадниками судовыми земьскими Повету оршанскаго. Ставши очевисто у суду енераль дворны его королевское млсти Повсту оршанскаго, Стефанъ Ратомскій Квить свой иньтромисыйный Призналъ и ку записаню до книгъ земскихъ оршанскихъ подалъ втые слова писаный, я Стефанъ Ратомскій енераль дворны его королевское млсти повету оршанскаго Сознаваю тымъ моимъ иньтромисыйнымъ к्वитомъ ижъ вроку теперъ идучемъ тисеча шест сотъ сорокъ второмъ мца генваря четырнадцатого дня. маючи я пры

собе стороною трехъ шляхтичовъ Пана Филона Богдановича, Пана Самуеля будьнаго и Пана томаша чешейка, скоторыми был есми на справе ниже мененой вместе его королевское мсти борысовскомъ напредместью вконецу называемое улицы савичне спрысаду оршаньского пры гостинцу отъ реки Схи будованомъ, там же втом монастыру борысовскомъ вбозе велебный его мсть отецъ теодозы Комаренский, Игумень того монастыра воскресенскаго невунии але в благочестии будучый, з многим згромаженемъ мещан борысовскихъ, отдали до мене енерала листъ отворыстый, от ясне вельможнаго Пана его милости Пана адама на казинове и чапникахъ казиновского белскаго, Солецкого старосты. Вкаторомъ рачыль его мсть писать домене, ябымъ а енералъ зъѣхавъши доместа борысовскаго, туюжъ звыш менованую церковь Светого воскресеня змонастыромъ напредместью борысовскомъ прыгостинцу оршанском, а пры границы кгрунтовъ пна Филона бобровицкаго збудованым, водлуг привилею его королевское мсти, и водлугъ цесы и его мсти пна сендомирскаго, мещаномъ места борысовскаго и преложоному духовному втом монастыру мешкающему, не вунии, але вблагочестии подпослушенствомъ Патрыархи Констанътинополскаго будучому даное, до посеши подал, и увезаль, где Приотданью того лису его мсти Пана старосты борысовскаго, Прывилей найяснейшаго Короля его мсти владыслава чвартаго Пана щасливе тепер компануючаго, наданя осми плацов на побудоване тое церкви воскресенское не вунии будучое звольнымъ уживанемъ вшелякихъ обрадковъ и цыремонии Старожытнаго набоженства греческаго, такъ же и тую цесью его мсти Пана сендомирскаго написме спечатью и сподписомъ руки его мсти, мне енералу и той стороне шляхте, примне будучой указавшы, жодали мене тыи мещане борысовские, и его мсть отецъ теодозый

Комаревскій игумен того монастыра воскресенскаго, Абымъ я ведлугъ тое цесыи запывилеемъ его Королевское млости, втую церковь воскресеньскую виллицы, и втотъ монастыр воскресенскій притой церкви будованый, оныхъ интронитовал, А такъ я енераль зъ его млстью отцомъ теодозымъ Комаренекии, игуменомъ воскресеньскимъ, неунияцкимъ, але благочестивый и стороною шляхтою примне будучою, измногимъ згроженемъ мещан борысовскихъ затаковымъ листомъ до мене от его млсти пна старосты борысовскаго Писанныи, также за цесыею его млсти видечы привилей его кор. млсти слушный, обышедшы около тотъ монастыр воскресеньскій дывеванемъ огорожанный, и огледавши тые впывилею помененые Цяцы, и въ все будынокъ церковный монастырскій напредместю борысовскомъ прыгостинцу спрыезду оршанскаго одреки Съхи пры границы и грунтовъ Цана Филона бобровницкого землянина повету оршанскаго оную церковь заложена светого воскресеня христова, зе вшелякимъ охендовствомъ аператами церковными зе звонами, зе вшелякимъ будованемъ втомъ монастыру будучимъ вмоцъ вдерженье и въ спокойное вчыстое уживанье его млсти отцу теодозыю Комаренскому теперешнему игумену того монастыра воскресенскаго яко наместнику отъ велебнаго вбозе его млсти отца сывлестра косова владыки метиславскаго, оршанскаго и моголевскаго благочестиваго не вунни будучаго до того монастыра зосланому, и потомъ наступуючымъ по ихъ сукцесоромъ, владыкомъ, игуменомъ, подпослушенствомъ Патриарховъ Константиполскихъ благочестивыхъ а невунии будучыхъ, зовсимъ навсе водлугъ тое цесыи и пывилею его королевское млсти, до посесыи и спокойнаго уживаня ихъ млсти подал и завелъ есми и затаковымъ моимъ енералскимъ интронитованемъ отецъ игумень теперешний воскресенскій и борысовскій и сукце-

сорове его млсти наступуючы въ благочестии а неву-
 нн будучым тое церкви и монастыря воскресенскаго за
 цесею Іасне Велможного Пана его млсти пана Сендо-
 мирскаго старосты борысовъскаго, и затымъ привилеемъ
 его королевское млсти Поссесорами зоставшы, и въ по-
 томные часы Спокойне держачыми быти мають, вкото-
 рой справе іа енерал дал еси его млсти отцу теодо-
 зему комаренскому Игумену воскресенскому борысов-
 скому и сукъцесорамъ его милости сесь мой инътреми-
 сыйный квитъ подъ печатю и сподисом руки моее,
 также подпечатями Стороны шляхты примне будучое
 и сподисомъ рук ихъ которые писать умели, Писанъ
 вмонастыру воскресенскимъ на предместю борысовъским
 в концу улицы Савичое рока мца и дня вышъ писана-
 го, у того инътромисыйнаго квиту печатей прытиснен-
 ныхъ чотыры А подписъ руки енералское и стороны
 шляхты подписано естъ тыми словы Stephan Rotomski
 Ienerał dworny Iego Korolewskiey msci Apria, Іако сторона
 филонь богдановичъ рукою, Іако strona Czeszeiko Tomasz
 wlasna Benka Который тотъ инътромисыйный квитъ за-
 признаемъ выш речоного енерала докнигъ земъскихъ
 естъ уписанъ, А по уписаню и выписъ ихъ млстямъ
 выданъ.

Вит. Губ. Вид.

II.

СУПРАСЛЬСКИЙ ВЛАГОВЪЩЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

(Продолженіе) (1)

2.

Устояніе супрасльскаго монастыря отъ принятія монастыремъ уніи до воссоединенія съ православною церковью.

Хотя братія супрасльскаго монастыря, принявшая унію, издавая съ свѣтъ катихизисъ пинскаго протоіерея Петра Аркудія, надѣялась улучшить состояніе церкви въ соединеніи съ римскою церковью, о надежда ея болѣе чѣмъ не оправдалась. Знаменитый монастырь потерялъ прежнее свое значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде имъ, часто именуясь лаврою, пользовался полною самостоятельностью, но принятіи уніи, имъ старались владѣть то фундаторы монастыря, то орденъ базилянскій, то разные прелаты, избравшіеся съ супрасльскіе архимандриты. Монашествующіе, въ борьбѣ съ разными посягателями на овладѣніе монастырскими кившіями, оскудѣли числомъ и добродѣтелями подвижничества. Прежде фундаторы не стѣсняли духовной власти митрополитовъ и вліянія ихъ на дѣла монастыря, а напротивъ помогали имъ во всемъ, такъ что безъ оныхъ и благословенія митрополита никакое важное дѣло не совершалось въ монастырѣ. А по принятіи уніи, попечители монастыря вѣсто не подчинялись ихъ власти и даже старались стѣснять ее. — Для того, чтобы пожаловаться тебѣ на своихъ унитовъ, говорятъ

(1) Смотри 2 книжку «Вѣстника.»

митрополитъ Петръ Могла въ своемъ „Листоу“, (1) достаточно тобѣ, братъ, посмотрѣть на нихъ и видѣть, что они дѣлають съ монастырями и церквами, надѣленными фундушами. Развѣ не великіе были фундуши знаменитаго въ Литвѣ супрасльскаго монастыря? Однако прежде, при православныхъ фундаторахъ, жило тамъ сто, а наименьше восемьдесятъ монашествующихъ братій, вромѣ иерешанъ; а теперь, подѣ управленіемъ унитовъ, до того дошло, что едва нѣсколько ихъ тамъ находится. А особенно важно то, что тамъ прежде ииѣніями монастырскими управлялъ самъ архимандритъ, по принятіи же унии управлялъ и управляетъ ими свѣтскій господинъ и чрезъ слугу своего выдаетъ монашествующимъ содержаніе, какое ему угодно, и доходы съ нѣсколькихъ десятковъ селъ употребляетъ на свои пожитки, а трусливые униты не обращаютъ на это вниманія. Спроси въ томъ же монастырѣ, гдѣ дѣвались ео древнія иконы, обложенныя серебropозолоченными деками, и ты узнаешь, что это серебро обращено на частныя потребности—идѣльцевъ монастыря, а въ церкви, вмѣсто серебряныхъ, поставлены полотняныя—итальянскія иконы. Хорошо съ Господомъ Богомъ торгуютъ, давая ему за позолоченное серебро-полотно!“ (2).

Едва только умеръ попечитель монастыря, при которомъ монастырь перешелъ въ унию, какъ его братъ Христофоръ Геронимъ Ходкевичъ въ 1627-мъ г., нагло и обманомъ овладѣлъ монастырскими ииѣніями. Приѣхавши въ монастырь 20 января и созвавши всю братію въ трапезу, онъ далъ архимандриту Герасиму Великоктію листъ, на которомъ были прежде уже написаны ииѣ правила и условія для жизни монаховъ того монастыря.

„Послѣ кончины,“ говорится въ этомъ листѣ, „послѣдовавши въ прошломъ 1626 году, великоменитаго господина Александра Ходкевича. . . воеводы трокскаго, старосты борисовскаго, брата моего, и по правамъ и обычаямъ, утвержденнымъ въ нашей Холмевичевской фамиліи, ктитора супрасльскаго монастыря, ктиторово или надзоръ, а также власть надъ этимъ монастыремъ перешли ко мнѣ по праву, мнѣ прирожденному. Когда я, въ нынѣшнемъ 1627 году, получилъ власть надъ этимъ монастыремъ и посѣтилъ его, тогда увидѣлъ, что чернецы этого монастыря не поступаютъ согласно съ правилами св. Василя Великаго, на основаніи которыхъ“

(1) Изданномъ подѣ псевдонимомъ Евсевія Пимины.

(2) См. «Lithos.» 1644 г. Кііow, стр. 365.

просить этот монастырь (?), и ни въ чемъ вообще не слѣдуютъ ни въ правилахъ, заботясь о мірскихъ, а не о духовныхъ предметахъ. Въ слѣдствіе этого, я рѣшился возстановить порядокъ, завѣдѣній во небреженіи настоятелей, ... и, проникнутый ревностію о славу Божію, я тотчасъ это исполнилъ. Такъ какъ я видѣлъ между чернецами этого монастыря немало такихъ, которые не только не знали устава, но даже и не слыхали о немъ, и съ которыми ужно было скоро и рѣшительно поступать, чтобы предохранить ихъ отъ совершеннаго паденія, то я счелъ нужнымъ въ такомъ важномъ дѣлѣ дать имъ нѣсколько времени на размышленіе, именно до 5-го октября сего 1627 г. Прежде всего я поставилъ имъ въ обязанность, чтобы назначенный нами чтець ежедневно въ трапезѣ во время обѣда читалъ уставъ, котораго они не знаютъ, и повторялъ бы по нѣкоторое время съ упомянутаго дня до моего посѣщенія. Что это было имъ заранѣе извѣстно, дабы во время моего посѣщенія не отговаривались незнаніемъ, — я далъ имъ на этомъ моемъ письмѣ точныя наставленія, относящіяся къ монастырю и нужныя для него, чтобы они знали подъ какимъ надзоромъ должны жить, т. е. для того, чтобы не пришлось насильно мѣшаться въ дѣла, подлежащія церковному начальству. Достопочтенный отецъ митрополитъ, — если найдетъ нужнымъ, по дѣламъ духовнымъ, для порядка церковнаго богослуженія, посѣтить монастырь, — долженъ дѣлать это въ мое вѣдомъ, какъ фундаментатора, впрочемъ такъ, чтобы ни самъ чтець митрополитъ, ни кто другой отъ него уполномоченный, не касался дѣлъ свѣтскихъ и угодій, завѣщанныхъ монастырю супрасльскому, потому что это, по правамъ нашимъ, принадлежитъ мнѣ и моему потомству. Гдѣ дѣвались тѣ вещи, которыя, по ревизіи отца митрополита, отъ всѣхъ монаховъ имѣли бытъ снесены въ общую кладовую? Если это не было сдѣлано, то теперь каждый непременно долженъ это исполнить; потому что это должно было исполнить еще одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Если кто-нибудь изъ монаховъ не захотѣлъ переимѣнить своихъ давнихъ худыхъ привычекъ и уклонился отъ исполненія устава и своихъ обязанностей, то такому не должно потакать и таковой долженъ быть наказанъ митрополитомъ или его полномочнымъ. Все же это пусть дѣлается съ вѣдома моего и потомства моего, исключая маловажныхъ проступковъ, которые самъ архимандритъ съ братією имѣетъ право разсудить согласно съ уставомъ. О. архимандритъ обязанъ держать при церкви въ монастырѣ не болѣе 6-ти іеромонаховъ благочестивыхъ.

вой жизни и равностныхъ къ славѣ Божіей. Изъ нихъ должны быть избраны одинъ намѣстникъ и другой для помощи и совѣта отцу архимандриту, а также одинъ изъ іеромонаховъ долженъ быть назначенъ, который пусть выберется изъ наиболее способныхъ къ этому дѣлу. Кроме того, о. архимандритъ долженъ имѣть двухъ діаконовъ, людей благочестивныхъ и испытанныхъ въ правилахъ монастырскихъ. За ними нужно наблюдать, чтобы не были праздными, даромъ хлѣба монастырскаго не ѣли, а чтобы занимались чтеніемъ св. писанія. По кончинѣ cadaго іеромонаха, по распоряженію отца митрополита, и за мѣстъ и потомства моего вѣдомъ, они могутъ поступать на священство, какъ питомцы монастыря этого. На мѣсто же поступившаго долженъ быть избранъ другой; изъ способнѣйшихъ же одинъ можетъ быть назначенъ, а другой—ризничимъ. Дьяковъ для пѣнія имѣть нужды имѣть, потому что могутъ пѣть въ церкви приготовляющіеся къ монашеству. Монахъ или чернецъ не долженъ своевольно и безъ нужды, — какъ это они прежде дѣлали, — отлучаться изъ монастыря, а только съ вѣдома и позволенія архимандрита, а въ его отсутствіе — съ вѣдома намѣстника, какъ его помощника. Принимать монаховъ въ монастырь изъ корысти о. архимандритъ не долженъ — безъ моей рекомендаціи (объявленія) или вѣдома. Не должно помѣщать въ монастырѣ какихъ либо гостей обыкновенныхъ, также монашескихъ подданныхъ, а особенно людей не духовныхъ, а о. архимандритъ, посоветовавшись съ своимъ намѣстникомъ, долженъ для таковыхъ и для лошадей ихъ избрать годное мѣсто недалеко отъ монастыря. Однако для людей знатныхъ, которые бы пріѣхали на богомолье, не запрещается отводить квартиры въ монастырскихъ зданіяхъ. Списки правъ и привилегій, принадлежащихъ монастырю, должны быть собраны въ одинъ сундукъ и тамъ храниться подъ моею замкомъ и печатью. А если бы чего не доставало (изъ документовъ), а находилось въ другомъ мѣстѣ, то я владѣтельный фундаторъ, вмѣстѣ съ отцомъ архимандритомъ, должны это отыскать, а отыскавши, все по порядку записать въ реестръ, одинъ экземпляръ котораго долженъ храниться при мнѣ, а другой при отцѣ архимандритѣ, за печатями и собственноручными подписями. Опись серебра, золота, украшеній и другихъ вещей должна быть исправно сдѣлана и находится при мнѣ и при отцѣ архимандритѣ, а если что прибудеть къ церковному имуществу, то всякій разъ должно приписываться къ описи его. Лежащая при монастырѣ нива

супрасльская должна, по прежнему, оставаться при отцѣ архимандритѣ и въ ней работы должны отправляться обыкновеннымъ порядкомъ. Мельницы, сукновальни и крупчатки также должны оставаться при монастырѣ во власти о. архимандрита. Съ доходовъ мзы и мельницъ, всякій архимандритъ долженъ надѣлять клирошанъ и монастырскую прислугу, платя каждому изъ нихъ столько, сколько слѣдуетъ по уговору; тѣхъ, безъ которыхъ вообще можно обойтись, не нужно держать, чтобы не было ни грѣха, ни ущерба. Во всѣхъ доходахъ о. архимандритъ, съ старшею братією, долженъ будетъ ежегодно дать отчетъ тому, кого я пришлю. Остатокъ отъ расходовъ отдавать нужно въ казнохранилище. Отецъ архимандритъ за всѣ прошлые годы, съ того времени, какъ поступилъ, обо всѣхъ разныхъ доходахъ, которые поступали въ его руки, долженъ оставить исправный отчетъ, потому что церковное добро должно быть употребляемо на нужды церковныя, а не на что-нибудь другое. Если самъ архимандритъ обиженъ, или кто изъ монаховъ обиженъ гѣмъ нибудь какъ отъ архимандрита, такъ и отъ наместника, пусть доносятъ мнѣ. Я же, съ своей стороны, постараюсь разсудить ихъ самымъ справедливымъ образомъ. Что касается до двухъ мызъ, принадлежащихъ супрасльскому монастырю и находящихся при этихъ мязахъ полѣскихъ земель, то все, что прежде съ нихъ отпускалось, и теперь управляющій мой долженъ давать. Эти угодья, согласно съ правами и давними обычаями, будутъ во власти моей и юнкъ управителей, которыхъ я буду постановлять изъ людей способныхъ, и самъ буду надсматривать, по обязанности моей, чтобы въ этихъ угодьяхъ всякое хозяйство шло исправно и приумножалось. А управляющіе мои и мои потомковъ должны будутъ обо всѣхъ доходахъ, получаемыхъ съ мзы и подданныхъ, за каждый годъ правленія своего давать отчетъ предо мною или лицомъ отъ меня назначеннымъ. Всякіе доходы съ податей, житницъ, светныхъ дворовъ и мзы, по распоряженію моему и о. архимандрита, будутъ даваемы монастырю, а что останется, то, обративъ въ деньги, вмѣстѣ съ деньгами податными, я съ о. архимандритомъ положимъ въ укладъ, находящійся въ монастырѣ, въ церкви, и запираемый двумя ключами — моимъ или управителя моего и архимандричьимъ. Эти доходы будутъ обращаемы на починку церкви и на разныя монастырскія нужды и строенія. Съ тѣхъ же доходовъ будетъ приготавлиема одежда и полотно для монаховъ и священниковъ, при чемъ архимандритъ долженъ наблюдать, чтобы монахъ носилъ одеж-

ду, согласно съ своимъ призваніемъ и уставомъ, не подражая свѣтскимъ обычаямъ, а только прикрывая тѣло, какъ подобаетъ убогому монаху. Когда нужно брать деньги на выше упомянутыя нужды, то о. архимандритъ обязанъ вынимать ихъ вмѣстѣ съ своимъ управителемъ и столько лишь, сколько требуетъ нужда. Одинъ безъ другаго не имѣютъ права брать, и оба должны будутъ дать въ этихъ деньгахъ отчетъ, какъ выше сказано. Въ тотъ же сундукъ о. архимандритъ пусть кладетъ и деньги, жертвенныя или данныя и молебныя; туда же должно класть деньги, кѣмъ-нибудь, по завѣщанію, записанныя на церковь, или кѣмъ-нибудь отказанныя. Даи Богъ, чтобы со временемъ, дѣятельнымъ надзоромъ и хорошимъ и рассудительнымъ употребленіемъ денегъ, собралась какая-нибудь церковная сума, для большаго приумноженія славы Божіей. Я пишу объ этомъ Господа Бога отъ искренняго сердца. Управляющій мой, по моему распоряженію, долженъ имѣть правила, касающіяся жизни монаховъ и управленія мызами, и по нимъ жить и поступать. Мой управляющій обязанъ защищать подданныхъ отъ жолнерскихъ вѣздовъ и другихъ обидъ, случающихся отъ сосѣдей, наблюдать за справедливостію и удовлетворять требующихъ ее, имѣть постоянный надзоръ за границами имѣній и наконецъ охранять здѣшніе лѣсъ отъ порубки. Обо всемъ вышесказанномъ я всегда хочу знать, какъ наслѣдственный ктиторъ. Вслѣдствіе чего, этотъ рескриптъ мой, съ которымъ согласился отецъ архимандритъ и всѣ монахи, я далъ отцу архимандриту и монахамъ за печатью и собственноручною подписью. Другой же такой рескриптъ, за подписью отца архимандрита супрасльскаго, я взялъ къ себѣ. (Дано въ Супраслѣ 20 генваря 1627 г.).“ По прочтеніи этого листа, Ходкевичъ приказалъ архимандриту подписаться въ принятіи всего, что въ немъ написано. Архимандритъ сначала медлил въ исполненіи этого, потому, какъ онъ говорилъ, что не совѣтовался съ братією. Не потому, уступая настоянію и угрозамъ Ходкевича, подписался, съ условіемъ, впрочемъ, если и другіе подпишутся. По порядку слѣдовало подписаться Самуилу Сѣвичиллѣ, бывшему архимандриту вилецкаго Свято-Троицкаго монастыря. Но Сѣвичилло не подписался, сказавши, что онъ откладываетъ это дѣло на дальнѣйшее время. За это Ходкевичъ грозилъ ему изгнаніемъ изъ монастыря. Другіе отцы изъ страха подписались. За тѣмъ Ходкевичъ велѣлъ прибавить къ подписанному листу монастырскую печать и подписанный листъ взялъ къ себѣ, а монастырю оставилъ копию, имъ подписанную, при-

казавъ, монахамъ жить по этимъ правиламъ впредь до 5 сентября, или до того времени, когда онъ прїѣдетъ.

Скоро послѣ составленія вышеозначеннаго документа, составленнаго Ходкевичемъ, митрополитъ Велиаминъ-Рутскій вызвалъ къ себѣ на судъ супрасльскаго архимандрита Герасима и нѣкоторыхъ братій. На судъ представлена была архимандритомъ копія правилъ, данныхъ Ходкевичемъ. Судъ рѣшилъ, что этотъ листъ противенъ правиламъ святыхъ отецъ, именно, 4-е правило халкидонскаго собора говоритъ такъ: „не подобаеъ монастыромъ подѣ властію людей мірскихъ быти и безъ благословенія епископа не строити ихъ. Мнихомъ повиноватися епископу своему. Аще же кто преступитъ повелѣнное правиломъ, да будетъ безъ общенія. Подобаеъ епископомъ подобное промышленіе монастыромъ творити.“ Тогоже собора правило 24-е: „монастыри, яко божественная мѣста и Богу поручени суще, да пребываютъ не притворени, не обидими и мірская жилища николи же да не будутъ въ нихъ, да сохраняютъ же и мѣста и стяжанія, села и винаграда и вся прочая неотъемлема, неотходна отъ нихъ. Аще ли кто преступитъ повелѣніе сіе, отъ правилъ запрещенію да будутъ повинни.“ Правило перваго и втораго (первовтораго или двукратнаго, бывшаго въ 861-мъ году) собора въ Константинѣ градѣ: „да будетъ монастырь и вся въ немъ внутренняя и внѣшняя и да будутъ подѣ властію епископу и безъ воли епископа не подобаеъ ни самому создавшему игуменити (игуменствовать, на игумена поставлять).“ Собора Никейскаго втораго, вселенскаго VII-го правило 12-е: „церковнаго имѣнія или сосуда, или завѣсы, или отъ иныхъ вещей что, или отъ жить или отъ иного что не подобаеъ продати, ни отдати епископу или игумену. Елика же суть недвижимая, рекше, села или нивы, или винограды, въ нихъ же нѣсть прибытка, но пакость церкви наводитъ, ни того непродати властотелемъ мѣста того, но причетникомъ, или землю дѣлающимъ, рекше, селянамъ, иже орютъ землю. Преступаяи же повелѣнная, аще убо епископъ есть, да извергнется, аще же игумень, да изженется изъ монастыря, яко злѣ расточающіи, иже не собраша.“ Приведши эти правила, судъ призналъ, что „у всѣхъ этихъ правилъ одинъ смыслъ, именно, что лица свѣтскія не имѣютъ никакой власти надъ лицами духовными, ни надъ монастырями и ихъ имѣніями внутренними и внѣшними, движимыми и недвижимыми, и даже исключаются создатели (то есть, ктитори по-гречески, создатели по-славянски, а фундаторы по-ла-

тнѣ). А что они должны быть подъ властвію епископа, и что лица свѣтскія не могутъ управлять лицами духовными, изъ кнѣвъ и имѣнїи, это подтверждаетъ здравый смыслъ. Ибо какъ отъ Бога установлено двойное состояніе, такъ есть двойкія права и двоякая власть. И это соблюдается во всѣхъ христіанскихъ царствахъ, а также въ Коронѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и нѣтъ ни одного такого закона, чтобы какой-нибудь господинъ, выстроившій монастырь и надѣлившій его имѣнїями, самъ же и управлялъ этимъ монастыремъ и держалъ въ своихъ рукахъ имѣнїя, данныя этому монастырю.“ Это сказано судомъ вообще противъ письменнаго постановленія Христофора Ходкевича. За тѣмъ опровергнуты заключающіяся въ этомъ листѣ частныя его статьи. „Такъ, говоритъ судъ, Ходкевичъ пишетъ, что по нерадѣнію в-чальниковъ, перестали соблюдаться монашескія правила въ монастырѣ, а между тѣмъ, въ томъ же листѣ ниже пишетъ, что просвященный Вельяминъ - Рутскій, назадь тому одивацать лѣтъ посѣщавшій монастырь, произвелъ въ немъ перегибы, только лѣтъ бесполезныя. Между тѣмъ извѣстно, что эти перегибы принесли пользу. Это знаютъ казнохранители монастыря, что была прибыль и въ серебрѣ и въ церковныхъ одеждахъ. Это долженъ подтвердить и самъ архимандритъ. А если перегибы, произведенныя итropolitanомъ въ этомъ монастырѣ, не произвели надлежащей пользы, то это потому, что управленіе монастырскими имѣнїями не исполнено надлежащимъ образомъ данныхъ ему правилъ. Далѣе, въ этомъ письмѣ господинъ Ходкевичъ пишетъ, что онъ хочетъ возстановить забытыя правила св. Василія Великаго. А между тѣмъ ниже написалъ противъ правилъ св. Василія Великаго, именно: 1) принимать въ монашество за вѣдомомъ и съ согласія Ходкевича и его потомства; 2) монаховъ въ этотъ монастырь не принимать безъ вѣдома его или супрасльскаго управляющаго, его слуги; 3) итropolitanъ не долженъ посѣщать этотъ монастырь иначе, какъ извѣстивъ объ этомъ Ходкевича; 4) на стѣнѣ священства монашествующихъ не иначе посвящать, какъ за вѣдомомъ Ходкевича; 5) отъ архимандрита долженъ представить отчетъ за всѣ прошлые годъ, хотя на полѣ листа написано, что Ходкевичъ увольняетъ отъ этого о. архимандрита, но самыя слова не были вымараны въ листѣ; 6) кто имѣетъ какую-либо обиду отъ о. архимандрита, тотъ пусть идетъ ему—Ходкевичу, а онъ будетъ чинить судъ—расправу (какъ это правило несовѣстно съ властью итropolitanа, очевидно); 7)

фальварки монастырскіе должны быть во власти Ходкевича или урядника, отъ него постановленнаго, а духовные не должны въ нимъ вѣдаться; 8) а что будетъ оставаться изъ отпускаемыхъ монастырю доходовъ, означенныхъ особо на листѣ о. архимандриту, все это отдавать въ монастырское казнохранилище. Также, если кто пожертвуетъ монахамъ что-либо на одежду или на молебень, это класть въ казнохранилище. Ключъ отъ казнохранилища одинъ долженъ быть у Ходкевича, или у его урядника, а другой у отца архимандрита. 9) Какъ урядникъ, такъ и архимандритъ должны давать отчетъ во всемъ Ходкевичу, или тому, кого онъ назначитъ. Все это противно правиламъ святаго Василія Великаго. А послѣку архимандритъ супрасльскій виѣстъ съ братією подписали листъ Ходкевича, противный правиламъ св. Василія и свят. отецъ, то, по этимъ же правиламъ, онъ не можетъ быть настоятелемъ монастыря. Впрочемъ, такъ какъ архимандритъ приводилъ доказательства, что подписалъ уже готовый листъ и притомъ изъ страха и по принужденію, а не по доброй волѣ, потому что ему и братіи не дано было времени на размышленіе, и обѣщалъ впредь быть послушнымъ митрополиту, то на этомъ судебномъ изслѣдованіи послѣдовало такое рѣшеніе митрополита: „Мы Архіепископъ, сидя на судѣ и имѣя предъ очами своими страшнаго судію—Христа, удостоверяемся въ томъ, что отецъ архимандритъ и братія супрасльскаго монастыря не должны были давать на себя тотъ листъ его милости господину Ходкевичу, ни отъ него принимать правило монашеской жизни, и особенно потому, что въ этомъ листѣ только на словахъ утверждаютъ власть духовную, а на самомъ дѣлѣ ее уничтожаютъ. По духовному суду, о. архимандритъ и братія монастыря виновны въ томъ, что подписались подъ этимъ письмомъ и, по правиламъ, подлежали бы наказанію, если бы это сдѣлали не по принужденію, а добровольно. Потому, сдѣлавши имъ теперь словесный выговоръ и запретивши нашимъ благословеніемъ, чтобы они впредь не рѣшались этого дѣлать, помня ученіе небеснаго учителя, что „никтоже можетъ двѣма господама работати,“ теперь прощаемъ имъ эту вину и освобождаемъ отъ наказанія, и нашею архіерейскою властію уничтожаемъ обязательство, которое они на себя приняли подписями своихъ рукъ, и симъ декретомъ нашимъ признаемъ, что этотъ листъ противенъ божественному праву, правиламъ святыхъ богоносныхъ отцовъ и обычаямъ всего христіанства; обявляемъ отца архимандрита, чтобы онъ самъ исполнилъ

этотъ декретъ и привелъ къ этому другихъ, находящихся подъ нашею властію. Чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ для всѣхъ, онъ долженъ, собравши всю братію въ трапезу, прочесть.”

Митрополитъ немедленно представилъ въ томъ же 1627 году, въ новгородскій судъ жалобу на несправедливое притязаніе Ходкевича. Судъ рѣшилъ это дѣло въ пользу монастыря и отослалъ его въ королевскій трибуналъ. Отсюда оно лошло до короля, который рѣшилъ отдать имѣнія монастырю. Ходкевичъ, съ своей тоже стороны, подалъ жалобу королю, излагая всѣ причины, почему онъ такъ поступилъ съ монастыремъ. Между тѣмъ, 26-го сентября 1630 года, Ходкевичъ увѣдомилъ монастырь, что онъ ѣдетъ туда, и потому, какъ только въ монастырѣ услышатъ звукъ трубы, тотчасъ должны звонить во всѣ колокола, а бывший архимандритъ Самуилъ Свѣчило (или Свѣчло), съ другими монахами, одѣвшеся въ ризы, должны встрѣтить его на монастырскомъ дворѣ. По прѣздѣ въ монастырь, Ходкевичъ взялъ себѣ 10-ть келлій, объявивъ монахамъ, что онъ будетъ жить въ монастырѣ и управлять ими. Узнавши, что митрополитъ намѣренъ прѣхать въ монастырь, Ходкевичъ велѣлъ вездѣ покопать рвы, чтобы воспрепятствовать этому прѣзду. Свѣчило, 27 сентября, изъ любопытства, вышелъ за ворота монастыря посмотреть на копаншіеся рвы. Тогда Ходкевичъ, въ отищеніе за неподписаніе прежде данныхъ монастырю правилъ, велѣлъ не пустить его обратно въ монастырь. Не смотря на просьбы Самуила Свѣчиловъ, его не пустили и не выдали даже его собственныхъ вещей, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться прямо въ Вильну къ митрополиту. Митрополитъ опять подалъ жалобу королю на Ходкевича. Сигизмундъ III немедленно потребовалъ Ходкевича въ Варшаву къ отвѣту. Наконецъ рѣшено съѣхаться митрополиту, архимандриту супрасльскому и Ходкевичу въ Варшаву и въ присутствіи папскаго нунція рѣшить дѣло по общему согласію. Съѣздъ этотъ послѣдовалъ въ мартѣ 1632 г. Сперва приведены были въ 3 пунктахъ слѣдующія постановленія перваго fundатора Александра Ивановича Ходкевича:

1-е Упомянутый основатель, въ замѣтъ Хороши, отдастъ Песвиновъ и села, находящіеся на Полѣсьи—въ воеводствѣ новгородскомъ, въ совершенную власть и вѣчное пользованіе супрасльскому монастырю.

2-е Тотъ же основатель, не отчуждая отъ монастыря ничего себѣ, потомкамъ и инымъ наследникамъ своимъ, отказываетъ эти имѣнія

на вѣчное время супрасльскому монастырю, во власть и распоряженіе архимандрита и монастыря, слѣдующими словами: „миѣ Александру и женѣ и дѣтямъ моимъ и потомкамъ, во все вышеозначенныя пожертвованія наши церкви Божіей не должно ни въ чемъ и ни во что входить и не должно дѣлать какихъ-нибудь обидъ, какъ въ этихъ пожертвованіяхъ, такъ и самимъ имъ.“

3-е Основатель присоветовалъ и то, чтобы монастырь супрасльскій не выходилъ изъ попечительства Ходкевичей, слѣдующими словами: „они же изъ покровительства нашего, дѣтей и потомковъ нашихъ не должны освобождаться и нашихъ пожертвованій не должны ни замѣнивать, ни продавать. А когда дастъ Господь Богъ, что дѣтямъ нашимъ придетъ время дѣлиться имѣніями, тогда дѣти и потомки наши монастыремъ этимъ и нашими пожертвованіями не должны дѣлиться, ни въ раздѣлъ входить, и никогда не могутъ вмѣшиваться въ это. Напротивъ того, мы, и дѣти, и потомки наши должны считать своимъ долгомъ церковь Божію и выше описанныя пожертвованія наши охранять отъ всякихъ обидъ, стоять за нихъ и защищать своими силами и трудами, чтобы не были уменьшены и обижены. Притомъ, если придется имъ имѣть дѣло съ судомъ, то мы должны давать ему отпоръ и заступаться. Отецъ архимандритъ съ братією за готовымъ наблюдать, дабы церковь Божія была цѣла и невредима.“

На основаніи упомянутыхъ статей фундатора, состоялся слѣдующій договоръ.

„1632 года, мѣсяца марта 3 дня, въ Варшавѣ, при благороднѣйшемъ и въ Богѣ достойнѣйшемъ его милости отцѣ Гоноратѣ, вице-посланикѣ, архіепископѣ ларисскомъ свѣтѣйшаго господина нашего Урбана 8-го нунціѣ польскомъ и великаго княжества литовскаго, постановленъ уговоръ, который состоялся между въ Богѣ достойнѣйшимъ его милостію отцомъ Велиаминомъ—Рутскимъ, архіепископомъ митрополитомъ кievскимъ и его милостію благороднымъ господиномъ Бриштофомъ (Христофоромъ) Ходкевичемъ, конюшимъ великаго княж. литовскаго, старостою гродненскимъ и, по преемству отъ предковъ и наслѣдниковъ, попечителемъ и заступникомъ супрасльской обители, а также между его милостію достойнымъ въ Бозѣ отцомъ Герасимомъ Великонтиемъ, архимандритомъ супрасльскимъ (отъ этой обители посланъ былъ монахъ о. Стефанъ Коханевичъ). Договоръ состоитъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ и обязанностяхъ:

1. Архимандритъ супрасльскаго монастыря, согласно съ постановленіемъ фундатора, какъ и нѣгдѣ, такъ и нѣгдѣ быть самъ единственнымъ начальникомъ и управителемъ въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ.

2. Въ Возѣ достойнѣйшій его милость отецъ митрополитъ будетъ имѣть власть надъ архимандритомъ и братією этого монастыря, согласно съ фундаторскимъ постановленіемъ и по правамъ исключительнымъ этого монастыря. Тѣхъ братій, которые приняли тамъ монашество, не будетъ перемѣщать безъ особенной церковной нужды, а также не долженъ и вводить туда другихъ безъ основательной причины.

3. Онъ будетъ посѣщать монастырь съ вѣдома попечителя и наслѣдниковъ его, но съ доходовъ не будетъ ничего брать, исключая того, что будетъ отпускаемо изъ пинци на время его пребыванія и не будетъ тамъ долго медлить.

4. По кончинѣ архимандрита, монахи будутъ избирать изъ своей среды достойнаго занять эту должность и избраннаго будутъ представлять попечителю и наслѣдникамъ его. Попечитель представитъ его для посвященія и утвержденія его милости отцу архіепископу митрополиту.

5. Архимандритъ властію своею и съ вѣдома попечителя пусть поставитъ эконома, который бы ежегодно сдавалъ отчеты архимандриту, въ присутствіи попечителя, или лица отъ него присланнаго. Это должно повторяться и при наслѣдникахъ. Всѣ вышеозначенные пункты, со всѣми ихъ постановленіями и статьями, должны храниться неотвѣнно и крѣпко, не должны нарушаться, а соблюдаться съ обѣихъ сторонъ. Чтобы они, подъ какима — нибудь предлогомъ или видомъ исключительнаго права, прямо, или ложно не считались сомнительными, для этого, отъ себя и наслѣдниковъ своихъ, мы утвердили и скрѣпили ихъ въ присутствіи апостольскаго посла. Эти же пункты приняты и утверждены апостольскимъ нунціемъ. Всѣ стороны и ихъ наслѣдники должны сохранять наше рѣшеніе точно и свято подъ опасеніемъ штрафа въ 1000 червонныхъ злотыхъ, которые имѣютъ быть употреблены на свѣчи этого мѣста, по рѣшенію апостольскаго нунція. За всѣ вышеупомянутыя вещи, стороны, непослушныя этому рѣшенію въ отношеніи къ другой сторонѣ, желающей его сохранить, должны отвѣчать: сторона духовная предъ апостольскимъ нунціемъ, а сторона попечителя и его наслѣдниковъ — предъ законнымъ судомъ, къ чему всѣ стороны эти

этомъ добровольно и охотно соглашались и обязывались. Для добровѣрности всего означеннаго, въ присутствіи апостольскаго нунція, съ присутствовавшими собственноручно актъ сей подписали и печатьми припечатали.“

Чтобы Ходкевичъ не могъ жаловаться на монаховъ за несоблюденіе ими правилъ жизни св. Василя Великаго и въ безпорядочномъ управленіи монастыремъ, митрополитъ, посѣтивъ въ 1635 году монастырь, велѣлъ руководствоваться правилами общими для бальянскихъ монастырей. Кромѣ того, онъ далъ монастырю особныя правила внѣшняго и церковнаго управленія. Но соблюденіе этихъ правилъ не обезопасило монастырь отъ насилій Криштофа Ходкевича. По смерти архимандрита Герасима Великонтія, Ходкевичъ избралъ архимандритомъ супрасльскаго монастыря Алексѣя Дубовича (1). Не смотря, однакожъ, на такое избраніе, на общее установленіе въ Варшавѣ и на то, что всѣ документы на имѣнія отданы были тогда же митрополиту Іосифу, Ходкевичъ не далъ монастырю имѣній—Хоростово и Пужицы—до 1647 г., и деньги съ другихъ имѣній обращалъ на свой дворъ и свои нужды. Супрасльскій архимандритъ, Алексѣй Дубовичъ, жаловался на это самоуправство въ разные суды и разнымъ вельможамъ, но ничто не помогало. Христофоръ Ходкевичъ на требованіе суда отвѣчалъ, что онъ потому не отдаетъ имѣній, что архимандритъ разоряетъ ихъ и что будто бы монастырскія деньги употребляетъ только на себя; а архимандриту онъ угрожалъ не только лишеніемъ сана, но и самой жизни, если онъ будетъ жаловаться на него (2).—Дубовичъ просилъ защиты у польскаго короля и великаго князя литовскаго Яна Казимира. Казимиръ писалъ Христофору Ходкевичу и женѣ его Софіи: „докладывалъ намъ почтенный Алексѣй Дубовичъ, архимандритъ супрасльскій, что вы дѣлаете большія обиды супрасльскому монастырю, потому что, будучи попечителемъ этого монастыря, кѣшаетесь въ имѣнія, принадлежащія ему, взмскиваете подати съ фольварковъ и съ тамошнихъ подданныхъ сами и чрезъ своего урядника, о чемъ подробнѣе архимандритъ объясняетъ въ своихъ жалобахъ по судамъ. А теперь опять, невинно преслѣдуя его угрозами, разными способами покушаетесь на его здоровье (жизнь) са-

(1) Прежде бывшаго архимандритомъ въ Свято-Троицкомъ виленскомъ монастырѣ. (Obrona monastera Wilenskiego 1702 rok.).

(2) Fasc. I. N. въ архивѣ монастырск.

ни и чрезъ другихъ лицъ, и нарочито это дѣлать, чтобы, отогнать его отъ того мѣста и отъ власти архимандритской, ванъ неже было въ это время дѣлать еще большія обиды монастырю и конвенту (общинѣ). А потому, считая себя не безопаснымъ касательно своего здоровья и желая при томъ пользоваться своимъ супрасльскимъ архимандритствомъ, на которое былъ посвященъ, почтенный отецъ архимандритъ подалъ намъ просьбу, чтобы, принявши его подъ свою защиту, мы обезопасили его отъ нападеній ванскихъ и обезпечили его жизнь. Потому, мы, король, снисходя къ такому усердию его прошенію, беремъ его подъ свое королевское покровительство. А чтобы вы сами лично, чрезъ своихъ слугъ и подчиненныхъ особъ, безъ права и безъ причины не удаляли его съ этого мѣста и не дѣлали помѣхи въ его управленіи имѣніями, принадлежащими этому монастырю, и чтобы этого береглись, — мы налагаемъ на васъ, для поручительства, десять тысячъ литовскихъ копъ, половина которыхъ будетъ принадлежать нашему казначейству, а другая — просителю, желая чрезъ это, чтобы вы, не причиня никакой несправедливости, относились въ судебныхъ мѣста, если бы возникли какія-либо притязанія къ нему." Ходкевичъ принужденъ былъ помириться съ архимандритомъ, чтобы не подвергнуться взысканію. 1647 г., 20 января, онъ писалъ, возмущенно Матвею Погоржельскому: „хочу, чтобы вы, по полученіи этого листа, тотчасъ съѣхали въ Хоростово къ его милости о. Дубовичу, архимандриту супрасльского монастыря, и отдали двѣ деревни Хоростово и Пужицы въ управленіе архимандрита, такъ какъ они вѣчно принадлежать супрасльскому монастырю." Этими и кончился споръ монастыря съ его фундаторомъ (1).

Домогательство Ходкевича овладѣть монастырскими имѣніями и давать направленіе внутренней жизни монастыря, навело на мысль многихъ изъ лицъ высшаго духовенства и монашествующихъ монастыря избирать въ настоятели монастыря, не только лицъ изъ среди своей брагii, но также изъ другихъ монастырей и лицъ высшаго духовенства — епископовъ и митрополитовъ. Такое избраніе позволялось и 4-ю статью варшавскаго договора 1632 г., „если того требовала церковная нужда." Съ другой стороны, супрасльскій монастырь, по завѣщанію первыхъ его основателей, подлежалъ вѣденію только митрополита, настоятеля и Ходкеви-

(1) Изъ монастырск. архива.

ей, и, при раздѣленіи митрополитомъ Іосифомъ Веліаниномъ—Рутиниѣ всѣхъ униатскихъ монастырей на провинціи, подѣ самостоятельнымъ управленіемъ прото-архимандрита, супрасльскій монастырь, хотя принадлежалъ къ литовской провинціи, но не подлежалъ власти прото-архимандрита базильянского ордена (1), не смотря на домогательства этого ордена. На митрополитахъ лежала обязанность охранять самостоятельность супрасльскаго монастыря. При томъ въ униі обращено было особенное вниманіе на монашество и базильянскіе монастыри. Монастыри давали тогда многихъ просвѣщенныхъ архипастырей церкви. Въ 1635 году король Владиславъ опредѣлилъ, чтобы епископство получали одни только достойные монахи (Summagiusz parięgów, 1785 года). Въ монастыряхъ съ большою силою охраняемы были обряды восточной церкви, а такъ какъ простой народъ всегда имѣлъ особенное уваженіе къ монашеству, то поддержанія униатскаго монашества требовали съ одной стороны необходимость нравственно—религіознаго вліянія на простой народъ, а съ другой усиліе униатской пропаганды — отклонить простой народъ отъ привязанности къ православному монашеству, и какъ бы противопоставить ему послѣднему униатское монашество. Необходимо было сдѣлать монастыри расадниками просвѣщенія и религіозной пропаганды (2). А такъ какъ супрасльскій монастырь былъ слишкомъ богатъ для того, чтобы приносить пользу всей униатской церкви и базильянскому ордену, то митрополиты соглашались и даже желали быть настоятелями этого монастыря. Первымъ такимъ настоятелемъ, по избранію 1656 года братія и виленскаго каштеляна Яна Казимира Ходкевича, былъ полоцкій архіепископъ Гавріилъ Коленда, администраторъ униатской митрополіи (3). Вудучи еще архіепископомъ, онъ, въ 1661 году, учредилъ въ Супраслѣ базильянскую конгрегацію (собраніе представителей ордена) подѣ своимъ председа-

(1) Monasterium Suprasliensis regitur independenter a Proto-archimandrita congregationis Ruthenae Basilianorum (nota de monast. Suprasl. 1773 an., нах. въ монастырск. арх.).

2) Postscriptum do noty listów Anonyma do Małachowsk. Rok 1789 г. Kart. 49—64 et cet. Въ этой брошюрѣ, находящейся въ библіотекѣ литов. семинаріи, опровергаются мнѣнія неизвѣстнаго автора, заявлявшаго проэктъ на униатскія епископскія каеедры избирать не изъ базильянскихъ монашествующихъ, а изъ бѣлаго духовенства.

(3) Бобровск. Гродн. губ. 1857 г.

тельство, на которой сдѣланы были нѣкоторые поправки, неблагоприятны для уставовъ ордена. Можно думать, что митрополитъ домогался получить прото-архимандритство, которое, со смерти митрополита Антонія Сялыны (съ 1655 до 1661 года) никому не было даваемо, и сдѣлать монастырь резиденціею базильянскаго ордена и подчинить ему другіе монастыри. Провинціаль или викарій базильянскаго ордена Венедиктъ Терлецкій, въ томъ же году составилъ капитулу (судебное собраніе) въ Вильнѣ, на которой, съ своими совѣтниками и настоятелями нѣкоторыхъ монастырей, занесъ жалобу и протестъ противъ супрасльскаго конгрегациі и ея уставовъ. Тоже сдѣлала и бывшая въ томъ же году конгрегациа въ Жировицахъ, на которой предсѣдательствовалъ Яковъ Суша, епископъ Холмскій, тамъ же и въ то же время избранный въ прото-архимандрита. Отсюда произошелъ раздоръ между орденомъ и митрополитомъ. Поэтому, въ 1665 году, была собрана вторая конгрегациа въ супрасльскомъ монастырѣ, но предложенію и подъ предсѣдательствомъ папскаго въ Польшѣ и Литвѣ нунція, Игнатія Пикквателло, епископа ларисскаго, на которой присутствовавшей архіепископъ Колонда, помирился съ епископомъ Сушею и другими представителями ордена. Когда Колонда въ 1666 году, сдѣлался митрополитомъ, то епископъ Суша, на брестской конгрегациі самъ уступилъ ему прото-архимандритство (1). Принятіе митрополитомъ прото-архимандритства и его настоятельство въ супрасльскомъ монастырѣ возвысило этотъ монастырь болѣе прежняго. По его ходатайству вѣдь королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ, монастырю дано право рубки дерева и спущены пастбища въ пушть, называемой кузнецкою, крикскою, сокольскою, лежащею между рѣками Соколвою и Супраслью; также право на рыбную ловлю въ сокольскихъ рѣчкахъ, — на пользованіе тамошними сѣнокосами (2) и новыми урочищами: Дубовики, Крижовоте, Жерѣствяне, Очиско, Конне до Суковичъ (3). Богатство монастырскихъ имѣній, раскинутыхъ въ разныхъ мѣстахъ, въ близости съ имѣніями другихъ лицъ, возбуждало зависть и недоброжелательство въ сосѣднихъ помѣщикахъ и ихъ крестьянахъ. Обиды, наносимыя ими монастырю вынуждали приносить

(1) Przydatek do Chronologii Stebelskiego. Wilno 1783 г. kart. 178, 278, 280; Христ. Чт. январь 1864 года, стр. 52—62.

(2) Księga dokumentów klasztoru. Rok. 1560 et cet. 78.

(3) Изъ монаст. архива. Fasc. 19 N. 39.

на нихъ жалобы въ судъ. Такъ, 30 апрѣля 1665 года, митрополитъ Коленда подалъ жалобу въ гродненскій судъ на Станислава Свинярскаго, старосту заблудовскаго двора князя Богуслава Радзивилла, что онъ причинилъ и причиняетъ немало грабительствъ и убийствъ супрасльскому монастырю, и даже велить рубить монастырскую пуцу, смежную съ заблудовскимъ имѣніемъ князя Радзивилла, а 22-го апрѣля 1665, когда два кучера митрополита, по его приказанію, ѣхали изъ фольварка Топильца въ Супрасль съ уговыми лошадьми, Свинярскій съ яростью, и, можетъ быть, по приказанію своихъ господъ, съ разными своими знакомыми, оставилъ кучеровъ на вольной дорогѣ, крѣпко избилъ ихъ и зарабилъ пару лошадей со всею упряжью. Митрополитъ въ это время, по особенно важнымъ дѣламъ, долженъ былъ немедленно ѣхать на трибуналъ, состоявшій въ Вильнѣ, тогоже года; но, по случаю такого насилія, остался въ монастырѣ. Это же засвидѣтельствовавъ возный гродненскаго уѣзда, Флоріанъ Цирановичъ, который, по просьбѣ митрополита, ѣздилъ въ Топилецъ для изслѣдованія этого дѣла. 1666 года, 11 ноября, намѣстникъ митрополита, іеромонахъ Антоній Кишчиць, подалъ въ гродненскій судъ жалобу на сельскихъ дворянъ и бояръ князя Богуслава Радзивилла, Михаила Стасюкевича и Матвея Комнилика, какъ главныхъ виновниковъ нападеній на монастырскихъ людей. Получивъ приказаніе отъ Радзивилла всѣми способами обижать и даже бить супрасльскихъ подданныхъ, они часто это дѣлали, а 6-го ноября 1666 года напали въ селѣ Криницѣ на ассесора Клевиновскаго, захватившаго въ монастырь изъ мѣстечка Заблудова съ деньгами и разными вещами, купленными для монастыря, и сильно избилъ его и забрали много вещей и денегъ, говоря, что они имѣютъ приказаніе отъ Радзивилловъ бить и обижать всѣхъ подданныхъ супрасльскихъ (1).

По смерти митрополита Коленды, на супрасльское архимандритство избранъ былъ изъ среды братіи Иосафатъ Михневичъ. Во время его управленія (1676—1687), особенно, когда онъ, по причинѣ старости и болѣзни, не могъ, какъ слѣдуетъ, смотрѣть за монастыремъ, произошло много безпорядковъ во внутренней и внѣшней жизни монастыря. Трапезная пища была скудна, и братія

(1) Księga dokumentów klasztoru od R-u 1560 et cet. стр. 81, 82.

приготовляла себѣ мясную по келліямъ; она также нуждалась въ одеждѣ; монастырскія имѣнія управлялись худо, и за 11-ть лѣтъ архимандритъ никому не давалъ отчета ни въ приходѣ, ни въ расходѣ монастырскихъ суммъ; имѣніе Мазуры отдано было въ аренду какому-то Кукчину, который, отправляя изъ упомянутого имѣнія, по рѣкѣ Нарвѣ, разныя произведенія сельскаго хозяйства, для продажи, въ Данцигъ, получалъ прибыли тысячи злотыхъ, а монастырю платилъ мало. Іеромонаховъ въ монастырѣ было недостаточно для отправленія богослуженія. Оттого, приходилось одному служить нѣсколько седмиць сряду. Провинившіеся были назначаемы публичныя наказанія; не было никакой прислуги для монашествующихъ. Мірскіе ремесленники, живя въ самомъ монастырѣ, беспокоили братію и въ келліяхъ, и въ трапезѣ. Богослуженіе отправлялось небрежно: всенощной и великаго славословія не пѣли, а мѣсячныя Минен, или Трифологіонъ, были въ полномъ забвеніи; паннихидъ за фундаторовъ, какъ требовалъ уставъ, не отправляли, а если и отправляли изрѣдка, то безъ свѣчь и безъ кутьи. Для больныхъ монашествующихъ не было никакихъ лечебныхъ пособій; а умершихъ монаховъ не погребали въ мѣстностяхъ. Было въ монастырѣ много и другихъ безпорядковъ. А потому, митрополитъ Кипріанъ Жоховскій, посовѣтовавшись съ впечателемъ монастыря Григоріемъ Карломъ Ходкевичемъ, обознымъ великаго княжества литовскаго, при своемъ посѣщеніи монастыря. 1687 года, издалъ нѣкоторыя правила для возстановленія порядка и лучшаго управленія, а для помощи архимандриту въ управленіи, назначилъ намѣстника и совѣтниковъ (1). По смерти архимандрита Михневича (въ 1689 году); митрополитъ Жоховскій, домогаясь супрасльскаго архимандритства, требовалъ, чтобы монахи избрали на эту должность его, или по крайней мѣрѣ его свояка, іеромонаха Дорощевского. Братія ослушалась и единодушно избрала на архимандритство суперіора (игумена) жировицкаго монастыря и протоконсультора (первосовѣтника) ордена, Стусова Елпріановича. Митрополитъ счелъ неправильнымъ такое избраніе, не утверждалъ его и не посвящалъ избраннаго въ архимандрита. Братія подала на митрополита жалобу и протестъ папскому нунцію въ Варшавѣ. Вслѣдствіе чего нунцій увѣщивалъ Жоховскаго не стѣснять братію въ свободѣ избранія архимандрита. Въ 1691

(1) Изъ монаст. архива: «акты мон. съ 1781 и по 1799 годъ»

году митрополитъ съ своей стороны, въ жалобѣ папѣ Иннокентію XII, обвинялъ монаховъ супрасльскихъ въ худой жизни. Узнавъ объ этомъ монахи, 31-го августа 1692 года, подали на митрополита жалобу въ королевскій трибуналь. Тогда Жоховскій произнесъ решение отъ церкви непокорныхъ монаховъ. Однако римская нунциатура подтвердила избраніе Кипріяновича, митрополитское отлученіе на монаховъ сняла и запретила Жоховскому вмѣшиваться въ это дѣло, а послѣ его смерти, выше упомянутый папа издалъ (9-го октября 1664 года) буллу, утверждающую Симеона Кипріяновича въ званіи супрасльского архимандрита. Митрополитъ Жоховскій умеръ и погребенъ въ супрасльскомъ монастырѣ въ 1693 году (1).

По смерти митрополита Льва Кишки (сконч. 1728 года), братія монастыря 15-го генваря 1729 года избрали на супрасльское архимандритство Корнелія Столповицкаго-Лебенецкаго, бывшаго провизіаломъ, а потомъ епископомъ владимірскимъ и брестскимъ. Онъ скончался 22-го генваря 1730 года (въ ятвисскомъ римско-католическомъ монастырѣ, Гродненской губ.). Того же года 24-го генваря, настоятелемъ монастыря избранъ изъ среды братіи Инноцентій Харькевичъ. Но и онъ чрезъ три года скончался. Тогда, 20-го генваря 1733 года, избранъ архимандритомъ Георгій Булгавъ, епископъ пинскій и туровскій.

Вліяніе на монастырь митрополитовъ и епископовъ, бывшихъ его архимандритами, не могло правиться попечителямъ монастыря — Ходкевичамъ; потому что уменьшало ихъ вліяніе, да имъ жаль было и монастырской казны, употребляемой митрополитами по своей волѣ. Попечитель монастыря, брестскій воевода Адамъ Ходкевичъ, заявилъ монахамъ Супрасля, что для нихъ не выгодно избирать своими настоятелями кого либо, кромѣ своей братіи; при томъ, по завѣщанію Александра Ходкевича, митрополита Іосифа Солтана, по благославленію константинопольскаго патріарха и по варшавскому договору 1632 года, должно избирать архимандритовъ изъ среды братіи супрасльского монастыря, а не изъ готовыхъ уже архимандритовъ другихъ монастырей, особенно епископовъ и митрополитовъ. Ибо извѣстно, говорилъ онъ,

(1) Изъ мон. арх., извлеченія изъ докумен. 1500—1744 года, N. 15-й, стр. 15 и 16, — Еще: Fasc. 16, N. 9-й, Fasc. 19, N. 39. Христ. Чт. генварь 1864 годъ, стр. 64.

что митрополиты, употребляя доходы монастыря на себя, а не на нужды обще—церковныя, довели монастырь до такого упадка, что разрушаются самыя крыши монастыря. Такіе доводы Ходкевича были натянуты, потому что митрополиты заботились о пользѣ монастыря также, какъ и всей церкви, строили и поправляли монастырскія зданія, защищали выгоды монастыря въ судахъ и обогащали его пріобрѣтеніемъ новыхъ имѣній. Не смотря на то, наместникъ монастыря, іеромонахъ Иосафатъ Жылка, съ братією обители, 8-го генваря 1740 года, заключили съ Ходкевичемъ условіе о возстановленіи прежняго монастырскаго закона, касательно избранія архимандритовъ изъ среды братіи и, безъ вѣдома митрополита и пинскаго епископа Георгія Булгака, который былъ архимандритомъ супрасльскаго монастыря, подали просьбу намѣ объ этомъ. Кромѣ того, Ходкевичъ просилъ брата своего Гейника, іезуитскаго прокуратора—въ Варшавѣ и ректора Стрыжскаго, извѣстныхъ тогда *многощикомъ* (т. е. готовыхъ за деньги все здѣлать), употребить всѣ усилія для полученія желаемой папской буллы. И дѣйствительно, папа Венедиктъ XII-й, 1-го февраля 1741 года, издалъ буллу слѣдующаго содержанія: 1) По договору 1632 года, на супрасльское архимандритство было позволено избирать лицъ изъ провинціи (базильянской) (?), исключая архіепископовъ. 2) Избирали на архимандритство епископовъ, но они большими расходами разоряли монастырь. 3) А потому фондаторъ, по этимъ причинамъ, заключилъ съ супрасльскими монахами новое условіе—избирать архимандритовъ только изъ среды братіи монастыря. 4) Такъ какъ папа почелъ это дѣло честнымъ и основательнымъ, то и утвердилъ это условіе. 5) Папа отвергъ только судъ патронатскій, котораго домогался Ходкевичъ. Съ этого времени, монахи, кромѣ другихъ обѣтовъ, давали обѣщаніе не исходить изъ монастыря до смерти и защищать его права (1). Впрочемъ, пинскій епископъ и коадьюторъ митрополіи Георгій Булгакъ и самъ также былъ въ Римѣ и, вѣроятно, тамъ исходатайствовалъ себѣ право остаться супрасльскимъ архимандритомъ на нѣкоторое время. Въ знакъ благословенія, онъ привезъ изъ Рима и подарилъ монастырю нѣкоторыя мощи святыхъ (2).

(1) Изъ монастырск. Арх. Summaryusz dokumentów Suprasl. 1785 г.—Wypis z ksiąg Ziemijskich powiatu Grodzieski. 1794 г.

(2) Печатныя свидѣтельства Рима на эти мощи находятся въ монастырѣ. Мощи подарены намѣстнику монастыря Николаю Рад-

Монастырь, не имѣя возможности привести въ дѣйствіе папскую буллу, послалъ въ 1753 году въ Римъ монаха Ясона Смогоржевскаго — исходатайствовать у папы дозволеніе избрать изъ среды братіи намѣстника и казначея монастыря (1). Въ 1751 году, Булгакъ, какъ архимандритъ Супрасля, посѣщалъ свой монастырь и постановилъ, чтобы пиво, подаваемое братіи, не было крѣпкое и давалось бы только въ трапезѣ, а не по келліямъ. Несомнѣнно, что еще при его жизни, согласно папской буллѣ, братія избрали изъ среды себя новаго архимандрита — Антонина Млодовскаго, хотя нельзя точно опредѣлить времени этого избранія. Антонинъ Млодовскій въ 1761-мъ году поминается уже не только какъ настоятель Супрасля, но и какъ туровскій епископъ, коадьюторъ пинскій, а потомъ епископъ брестскій. А Георгій Булгакъ, оставшійся, вѣроятно, епископомъ пинскимъ, скончался въ 1769-мъ году, въ бытенскомъ монастырѣ, гдѣ и погребенъ въ приготовленномъ имъ самимъ гробѣ (2).

Такъ какъ настоятели супрасльскаго монастыря были теперь не митрополиты, то прото-архимандриты смѣлѣе стали домогаться подчинить его своей власти, и въ доказательство своихъ надъ нимъ правъ указывали на то, что монастырь посылалъ своихъ представителей на базилійскія капитулы. Но супрасльскій монастырь доказалъ, что, если онъ и посылалъ одинъ разъ отца Іоаннѣ Пѣшка на капитулу баяльскую, то не по той причинѣ, будто Супрасль долженъ былъ посылать своихъ пословъ, — потому что онъ на основаніи фундаторскихъ постановленій изъять изъ подчиненія прото-архимандриту, — но, по опредѣленію, отъ 5-го сентября 1706 года, администратора митрополии Георгія Винницкаго, данному вслѣдствіе представленія монастыря, чтобы прото-архимандритъ ордена, ѣхавшій въ римскую нунціатуру, взялъ на себя ходатайство по нѣкоторымъ дѣламъ Супрасля, — и только. Чтобъ устранить домогательство капитулы, Ясонъ Смогоржевскій, 22-го ноября 1755 года, подалъ папѣ монастырскій меморіаль, въ которомъ просилъ утвердить право сохраненія монастыремъ всѣхъ древ-

кевичу 1750 года, за собственнымъ подписомъ архимандрита супрасльскаго, — пинскаго епископа Георгія Булгака.

(1) Письмо Смогоржевскаго къ Радкевичу изъ Рима 1753 и 1758 годовъ. *Summariusz Supraslskich papierów od 1626 do 1785 r.*

(2) *Przydatek do Chronologii Stebelskiego.* — Wilno 1782 r. Pag. 272—273.

нихъ обычаевъ и запретить внимательство прото-архимандрита въ избраніяхъ настоятеля Супрасля. Утвержденіе монастырскихъ правъ и привилегій послѣдовало въ Римѣ 10-го декабря 1794 года папою Піемъ VI-мъ, по новой просьбѣ архимандрита Θεодосія Вислоцкаго отъ 1-го декабря 1794 года (изъ мон. архива). Антонинъ Млодовскій, живя на Волыни и управляя тамошней владимірскою епархіею, не могъ посѣщать супрасльскаго монастыря. Однако просилъ Ясена Смогоржевскаго, архіепископа полскаго, назначеннаго визитаторомъ въ Супрасль, чтобъ онъ договорился съ монахами выдавать ему ежегодно извѣстное количество денегъ и часть монастырскихъ пожитковъ. Смогоржевскій, 15-го генваря 1769 года, постановилъ въ монастырѣ слѣдующій актъ: „такъ какъ достопочтенный отецъ Антонинъ Млодовскій, епископъ брестскій, по опредѣленію папы, управляетъ епископствомъ владимірскимъ, которое находится въ крайнемъ угнетеніи, и пестырскою заботливостію и своею личною особою долженъ его охранять отъ дальнѣйшаго разрушенія и начавшагося преслѣдованія, то онъ не въ состояніи ѣздить въ здѣшнее свое супрасльское архимандритство. Однако, желая получать отъ него слѣдующее пособие для своего пропитанія, задумалъ довольствоваться отъ него очень утѣренными доходомъ, и пока будетъ занятъ вышепоказаннымъ управленіемъ, онъ охотно соглашается довольствоваться такою частію супрасльскихъ доходовъ, какою, по высказанной на бумагѣ намъ (т. е. визитатору) его волѣ, а также, по соглашенію съ монастыремъ, мы назначимъ своею визитаторскою властію. То есть, достопочтенный отецъ Ѡаддей Зарусскій, достойный намѣстникъ супрасльскаго архимандритства, долженъ отсылать ему подъ росписку ежегодно одну часть денегъ—2,500 злотыхъ польскихъ въ мѣсяцъ мартъ, а другую такуюжъ часть въ мѣсяцъ октябръ, — всего на сумну 5,000 злотыхъ, начиная отъ настоящаго опредѣленія, а также съ хоростовскаго фольварка, въ приличное время, отсылать надлежащую половину меду, шкуръ и звѣринаго мяса. Кромѣ указанной выдачи, все, что выдавалось для выгодъ и потребностей архимандрита изъ всякаго рода произведеній монастырскихъ, онъ долженъ откладывать, обращать въ деньги и вносить ихъ въ монастырскую кассу на экстренныя нужды и пользу одного только монастыря, безъ права, впрочемъ, касательно этихъ сборовъ, разѣ только по увѣдомленіи, совѣту и обыкновеннымъ на письмѣ дозволеніемъ почтеннаго консултора. (совѣтника). Настоящее уя-

женіе визитаторскою (т. е. ревизорскою) нашею властію установляемъ, провозглашаемъ и даемъ для точнаго соблюденія на время только управленія Млодовскаго владимірскимъ епископствомъ, и утверждаемъ его приложеніемъ нашей печати и вмѣстѣ собственноручною подписью.“

Изъ документовъ монастырскихъ видно, что, по требованію Антонина Млодовскаго, съ 1762 по 1778 годъ, выдано и выслано было ему изъ монастыря деньгами, скотомъ и разными прочими вещами всего на сумму 108,413 злотыхъ. Монахи жаловались на Млодовскаго фундатору Ходкевичу, который заявилъ противъ него въ судѣ слѣдующій обвинительный документъ: „предъ актами градскими повѣта Лидскаго торжественно заявлено отъ имени достопочтеннаго господина Ивана-Николаевича графа на Турку, Петриковъ и Чернобылѣ Ходкевича, старосты жмудскаго, противъ достойнаго въ Бозѣ отца Антонина Млодовскаго, епископа брестскаго, супрасльскаго архимандрита, слѣдующее: обжалованный превелебный въ Бозѣ отецъ Млодовскій, епископъ Бреста Литовскаго, получивъ супрасльское архимандритство и законное утверждение на это достоинство, нарушаетъ фундушевыя права, установленныя для монастыря первыми его фундаторами и предшественниками приносящаго настоящую жалобу, и удаляясь изъ супрасльской резиденціи, не исполняетъ данныхъ имъ обѣщаній; кромѣ того, забралъ документы фундушевыя и другіе, нужные для монастыря, также повывозилъ серебрянныя стаканы и другія вещи, завѣщанныя фундаторами для воспоминанія древности; имѣніе Хоростово, лежащее на полѣсьи, взявъ въ свое вѣденіе, всѣ доходы съ него употребляетъ въ свою пользу; приказываетъ ежегодно привозить въ свою резиденцію, для своего удовольствія, сборы съ монастырскихъ имѣній; назначаетъ въ фольварковыхъ монастырскихъ имѣніяхъ своихъ комиссаровъ и распорядителей, какъ для большаго извлеченія доходовъ съ имѣній, такъ и для управленія ими; нисколько не заботится о починкѣ церкви, приходящей въ значительное опустошеніе. А потому, опасаясь, чтобы церковь и монастырскія имѣнія не пришли въ упадокъ и опустошеніе, Ходкевичъ далъ записать это объявленіе въ книгахъ городскихъ лидскихъ. Оно принято и записано и Ходкевичу выдана копія, утвержденная городскою лидскою печатію.“

Худое управленіе монастыремъ имѣло вредное вліяніе на его состояніе. Такъ, въ прежнія времена монастырскія имѣнія при-

носили дохода въ монастырскую казну 200,000 польскихъ злотыхъ, а около 1773 года онѣ приносили дохода только 20,000 злотыхъ, исключая, впрочемъ, того, что можно было бы выручить отъ продажи потребляемаго хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ какъ монастырскія имѣнія прилежали къ рѣкѣ Нарвѣ, впадающей въ рѣку Вислу, то остатокъ хлѣбныхъ и другихъ произведеній отправлялся для продажи по водѣ въ Гданскъ. Отъ этой продажи выручалось въ годъ 12 или 13 тысячъ злотыхъ польскихъ, и только, такъ что весь доходъ управленія монастыря не превышаетъ 25,000 злотыхъ. Монаховъ въ супрасльскомъ и въ двухъ зависящихъ отъ него монастыряхъ, въ 1773 году, считалось около 30. Въ монастырѣ прежде были ученые монахи, а въ 1773 году указывали только на двухъ молодыхъ монаховъ, получившихъ образованіе. Одинъ изъ нихъ, Амвросій Шумиловскій, по распоряженію Антонина Млодовскаго, епископа владимирскаго и брестскаго, коадьютора митрополіи и архимандрита супрасльскаго монастыря, былъ посланъ въ польскую базиліанскую провинцію, и въ тамошнихъ школахъ шесть лѣтъ обучался богословскимъ и философскимъ наукамъ. Другой монахъ, Левицкій, былъ посланъ въ г. Гродну, для образованія въ тамошнихъ іезуитскихъ школахъ. Остальные же монашествующіе были грубы и необразованны. Невозможно было найти въ средѣ братіи достойныхъ лицъ для занятія должностей наѣстника и начальника новицатовъ, т. е. послушниковъ. Супрасльскіе монахи едва умѣли говорить по русски и пѣть на клиросѣ, и не отличались особенною нравственностію, какъ увѣряетъ очевидецъ, прожившій въ монастырѣ около 4-хъ мѣсяцовъ и доносившій объ этомъ панскому нунцію въ Варшавѣ. Такъ какъ настоятели—епископы не жили въ монастырѣ, а Ходкевичи, потерявшіе право патронатскаго суда, не вмѣшивались во внутреннее управленіе монастыря, а если и вмѣшивались, то безуспѣшно; потому и управленіе было плохое какъ въ Супраслѣ, такъ и въ двухъ подчиненныхъ ему монастыряхъ. Необходимо было брать достойныхъ лицъ изъ базиліанской провинціи, подлежащей власти прото-архимандрита, хотя бы даже изъ провинціи польской. Это средство къ поддержанію значенія монастыря не отнимало, однако, у него самостоятельности, потому что митрополиты и епископы, бывшіе архимандритами Супрасля, въ необходимыхъ случаяхъ, и прежде обращались къ прото-архимандриту или къ провинціалу съ просьбою о присылкѣ

монашествующихъ для занятія должностей въ супрасльскомъ монастырѣ. Неизвѣстное лице, доносившее папскому нунцію, 1778 года, по его требованію, о монастырѣ, изобразивъ неудовлетворительное состояніе Супрасля, предлагало еще проесть, чтобы варшавскій монастырь посылалъ отъ себя монаховъ для образованія въ польскую базильянскую провинцію, дабы потомъ ихъ можно было посылать для занятія должностей въ Супрасль и Бузницу. Въ этомъ проесть особенно поставлялось на видъ нунцію, чтобы онъ исходатайствовалъ у папы буллу о совершенномъ изыятіи монастыря изъ власти митрополита и епископа, потому что воеводитель митрополіи — епископъ Антоній Млодовскій, игѣя богатѣйшія діоцезіи (минскую и владимірскую), не заботился о благѣ Супрасля. Такъ какъ вообще базильяне старались не опустить лучаевъ — уменьшить вліяніе митрополитовъ на монастыри, то визитаторъ Супрасля доносилъ нунцію, что при посѣщеніи митрополитомъ монастыря, особенно бываетъ много расходовъ. Такъ, когда митрополитъ прожилъ однажды въ Супраслѣ недѣлю, то, судя, на однихъ его лошадей было израсходовано болѣе тысячи польскихъ злотыхъ, не говоря о другихъ расходахъ. Такъ описано состояніе монастыря папскому нунцію. Такого же понятія была и братія монастыря, которая также домогалась совершенной независимости отъ митрополита въ выборѣ архимандрита и въ правленіи монастыремъ (1). Свое домогательство братія основывала

(1) Не потому ли супрасльскіе монахи усиливались освободиться отъ власти митрополита, чтобы не имѣть въ нихъ своихъ бличителей? Вотъ что пишетъ, между прочимъ, нунцію визитаторъ Кесарій Киннеръ 12-го декабря 1768 года: »Rząd w Supraslu hultayski, pijacki, niedbały: o flaszcze: o kawie i o lulce (подражывается заботится). То есть: правленіе въ Супраслѣ распущенное, пьяное, нерадивое, заботится только о бутылкѣ, о кофе, трубкѣ. Другой говоритъ: »Quod Spiritualia spectat, pulcherrimum sane, de vicariis (т. е. о наѣвстникахъ) tribuitur testimonium. Quod hi in id potissimum incumbant, ut tranquillam, felicem et hiarem vivant vitam. Videre scilicet non raro est apud illos, jam omni commorentes, jam ad praedia migrantes, opiparas comessationes, computationesque magnificas hospitem, praecipue de muliebri exu... musicesque lusus, irreverendos cantus... Jam vero qualis iorum omnium monachorum cultus Divini incuria sit, in Ecclesia, quam exacrandaе temulentissimorum oratorum concionantium blasphemiae scandalaque; in choro, quam praecipitatae festinationes, commissioes... in Refectorio, quam inhonestae clamitationes, jurgia,

вала съ одной стороны на монастырскихъ документахъ, касающихся супрасльскаго архимандритства, а съ другой — на несправедливостяхъ и обидахъ, причиняемыхъ, будто бы, митрополитами монастырю при выборѣ архимандрита. Между тѣмъ, защитники митрополитской власти обвиняли братію и попечителей монастыря въ интригѣ и неповорности своему архипастырю и опровергали ихъ требованія. Монастырь не хочетъ поддѣжаться власти митрополита при выборѣ архимандрита, и при этомъ указываетъ на свои права!... Но спрашивается: имѣютъ ли эти права такую силу, чтобы преинимали власть митрополита? — Нѣтъ. Извѣстно, что митрополитъ Іосифъ Солтанъ, на прошеніи Александра Ходяевича, касательно управленія супрасльскаго лавры, опредѣлилъ тройную власть митрополита въ дѣлахъ супрасльскаго монастыря: во первыхъ судебную — „судить игумена;“ потомъ власть посвящать монастырь и руководить монаховъ „чтобы жили чинно и законно, — намъ, митрополитамъ, стеречь, руководить и виноватаго наказывать.“ Наконецъ, власть избирательную: „коли игумень преставится, тогда того монастыря старцы, по нашему архіепископскому благословенію, мають межъ себе брата, годнаго и достойнаго на степень игуменства, избрати (1).“ Монастырь оспариваетъ избирательную

portiones abjectiones murmurationesque. Missa sunt, quod a radiibus, incultis, atque soli abdomini servientibus hominibus, meliora sperari in omni commoditate nequeunt.» Nota de monaster. Suprasliensi 1773 anno). — То есть: «что касается духовнаго, то мы приведемъ дѣйствительно прекрасное свидѣтельство о намѣстникахъ. Они наиболѣе заботятся, какъ бы провести спокойную, счастливую и веселую жизнь. Ибо, дома ли они находятся, или отправятся въ имѣнія, нрѣдко можно видѣть у нихъ великолѣпныя пршества и пышныя угощенія гостей, преимущественно женскаго пола: музыкальныя игры, непристойныя пѣсни. А какъ нерадиво Богопочтеніе всѣхъ этихъ монаховъ! Какія, въ церкви, безстыдныя богохульства и скандалы пьянѣйшихъ ораторовъ проповѣдниковъ! Какая въ хорѣ поспѣшность, опущенія! Какія, въ трапезѣ, непочтительныя вопли, ссоры, ропотъ и недовольство нищев! Не говоримъ о томъ, что отъ людей грубыхъ, необразованныхъ и служащихъ одному чреву, нельзя ожидать лучшаго во всѣхъ полезныхъ потребностяхъ монастыря.»

(1) Это опредѣленіе въ полномъ составѣ — слѣдующее:

7022 года отъ сотворенія міра (1516), февраля 5-го. «А ели коли кому будетъ которое либо до самого игумена, такого дна і вещи смотрѣти намъ митрополитамъ, судить игумена, съ тѣмъ тежъ въ монастырскомъ пребываніи, абы игумень съ братією жи

власть митрополита; но правила восточной церкви ясно защищают это право. Такъ, изъ нихъ видно, что патріархи поручали епископамъ надзоръ надъ монастырскими выборами. Этотъ надзоръ впоследствии перешелъ во власть митрополитовъ. По той власти, онъ подтверждаетъ сдѣланный выборъ, напередъ испытать, законно ли оный послѣдовалъ. Кто же можетъ рѣшать споры, несогласія и безпорядки, какіе случаются при избраніи, если митрополитъ не будетъ принимать въ немъ наблюденія? Кому же избиратели отдадутъ свои голоса, когда они всѣ равны между обою? И можетъ ли митрополитъ, безъ своего контроля, слѣпо вѣрить, что выборъ, сдѣланный безъ его вѣдома, сдѣланъ свободно, безъ стачки, и безъ подкупа? Монахи указываютъ на то, что выборы въ монастырѣ архимандритовъ бывали безъ предсѣдателя митрополитскаго. Но эти выборы не оправдываютъ ихъ притязаній, потому что были незаконны и дѣлались по безпечности, самоволію, невѣжеству, или по какому-либо неустройству въ краѣ, или церковной іерархіи. Исключеніе изъ правилъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не можетъ быть правиломъ. Незимѣнныя каноническія правила, при избраніи, такія: „монахи должны всѣ вмѣстѣ собраться и просить у Бога благодатной помощи; за тѣмъ, совѣщаться о томъ, кто достойнѣе избранія и выполнить присягу, что изберутъ достойнѣйшаго. Потомъ избирать въ одномъ мѣстѣ, посредствомъ тайныхъ голосовъ (vota). Эти голоса должно подавать такъ называемымъ изслѣдователямъ и подавать должны всѣ монахи, даже больные. Наконецъ, предсѣдатель, вѣрно сочитавши голоса, долженъ объявить, кто избранъ большинствомъ голосовъ.» Эти правила при избраніи должны строго соблюдаться, и никакой монастырь не можетъ быть отъ нихъ свободенъ. Какъ же можно, послѣ того, что супрасльскій монастырь, пользуясь свободою избранія архимандрита, можетъ

чинно и законно, по уставу принятому тою честною обители, и по утвержденіи святѣйшаго Вселенскаго Патріарха Константинаграда, новаго Риму Киръ Іоакима, и по нашего смиренія благословенію, того намъ митрополитомъ назирати и стерещи и направляти и виноватаго казнити духовнымъ караніемъ. А коли въ томъ монастыри игуменъ преставится, тогда, того монастыря старцы, по нашему архіепископскому благословенію мають меже себе брата годнаго и достойнаго на степень игуменства vybrати и ко митрополиту прислати.»

избирать его незаконнымъ образомъ? И можно ли допустить, что бы, въ случаѣ незаконно сдѣланнаго имъ выбора, онъ былъ свободенъ отъ всякаго контроля, которымъ могъ бы осудить и отвергнуть это избраніе? Всѣ усилія Супрасля основаны на договорахъ: варшавскомъ 1632 года и супрасльскомъ 1640 года, утвржденномъ въ Римѣ. Но этими договорами не уничтожается власть митрополита и не исключается при выборахъ президентъ, посылаемый отъ него. Каноническія правила и совѣсть требуютъ, чтобы митрополитъ вынулъ, правильно ли сдѣланъ выборъ, или нѣтъ. Иначе онъ не можетъ и не долженъ утверждать это избраніе и посвящать въ архимандриты, если не увѣренъ въ достоинствѣ избраннаго и въ законности его избранія.

Фактическимъ доказательствомъ того, какіе происходили беспорядки въ Супраслѣ отъ усилія монаховъ не зависѣть отъ митрополитовъ при избраніи настоятеля, служитъ незаконный выборъ въ архимандрита Феодосія Вислоцаго.

По смерти епископа Антонина Млодовскаго, монахи 1778 г. 20-го іюня, по полудни, собрались въ монастырскую ризницу и выбрали на архимандритство изъ числа братій іеромонаха Феодосія Вислоцаго. Это избраніе не было предварено никакимъ объявленіемъ, — не было при выборѣ президента, изслѣдователей, свѣщанія и присяги; не приглашали къ выбору варшавскихъ монаховъ; только объявили, что этотъ выборъ сдѣланъ на основаніи условій 1632 года, запрещающихъ выборъ изъ провинціи, при чемъ подписалось 12 іеромонаховъ и 12 монаховъ. Вотъ самъ актъ, составленный въ слѣдствіе этого, избранія: „мы нижеподписавшіеся, составляющіе собраніе супрасльскаго архимандритства, объявляемъ всѣмъ, кому нужно, что мы 20-го іюня 1778 году получили извѣстіе о смерти архимандрита нашего Млодовскаго. Имѣя предъ глазами осиротѣніе монастыря и насъ, мы приступили къ избранію новаго архимандрита по силѣ права, даннаго основателями, а особенно по условію, заключенному въ Варшавѣ 1632 года, въ присутствіи Гонората вице-посланника апостольскаго, состоявшемуся между Іосифомъ Великимъ-Рутскимъ, архіепископомъ кievскимъ и митрополитомъ всея Руси съ одной стороны и попечителемъ монастыря Христофоромъ Ходкевичемъ — съ другой, а также — Герасимомъ Великонтіемъ, супрасльскимъ архимандритомъ и всѣмъ супрасльскимъ собраніемъ — съ третьей стороны. Это право опредѣляетъ, чтобы монахи, по смерти архимандрита,

ыбирали новаго, изъ среды себя, и избраннаго представляли фундатору, фундаторъ же митрополиту для посвященія, въ силу условія (конкорданціи), заключеннаго въ 1740 году, въ присутствіи амвстника монастыря Іоасафата Жилки со всѣмъ супрасльскимъ браіемъ, а также въ присутствіи Адама Ходкевича. Того же ня (т. е. 20-го іюня), собравшись въ ризницу и призвавъ на омошь Пресвятаго Духа, мы приступили къ избранію кандидавъ чрезъ секретныя голоса и подобнымъ же образомъ къ избранію архимандрита, который былъ бы угоденъ Богу и намъ. Мы збрали Θεодосія Вислоцкаго, монаха и профессора супрасльскаго, отораго надлежащимъ образомъ представили фундатору и митрополиту. Возраженіягъ, противнымъ нашему избранію, противопавляемъ то объясненіе, что, исключая Θεодосія Вислоцкаго, мы никого другаго не жалаемъ имѣть архимандритомъ. Если же айдется противный нашему избранію, то такого отлучаемъ изъ зоего общества и не хотимъ знать его. Увѣреніе это, подтверивши собственноручно, вносимъ въ акты. 20-го іюня 1778 года въ Супрасль.“

Когда сдѣлано было представленіе объ этомъ избраніи къ фундатору и митрополиту Льву Шептицкому, митрополить, чрезъ 1-ть дней послѣ этого избранія, т. е. 29-го іюня, написалъ къ опечителю монастыря Яну-Николаю-Ксаверію графу Ходкевичу, гаростъ жмудскому и лейтенанту російскихъ войскъ, чтобы онъ е выдавалъ неправильно избранному Вислоцкому, такъ называемой „презенты,“ или права представлять его къ архимандритству, обѣщавъ, пославши въ монастырь визитаторомъ епископа, который повѣрилъ бы законность избранія,—споспѣшествовать къ возеденію въ архимандрита полезнаго человѣка. При томъ, попечитель выдалъ уже прежде „презенту“ сперва Рылъ, епископу олмскому, а потомъ, когда послѣдній отказался отъ ней,—бѣльу, архидіакону Стефану Левинскому, митрополичьему секретарю въ Варшавѣ, бывшему впоследствии митрополитскимъ викаріемъ (супфраганомъ). Попечитель, дѣйствительно, не выдалъ презенты Вислоцкому и нѣсколько разъ писалъ въ супрасльскій монастырь, тобы братія не противилась попечительской презентѣ, выданной Левинскому. Что же должна была дѣлать братія, когда попечитель послѣдовательно выдалъ презенты двумъ, а она выбрала третьяго кандидата на архимандритство? Она рѣшилаеь отказаться отъ прежняго своего избранія о. Вислоцкаго и приступила

въ избранію о. Левинскаго. Но римская нунціатура, своимъ постановленіемъ 12-го декабря 1778 года, не утвердивъ избраніи мірскаго-архидіакона Левинскаго въ архимандрита. Напротивъ, она опредѣлила, что 1) архимандритство принадлежать однимъ достойнымъ монахамъ. 2) А такъ какъ монахи приступили къ избранію архимандрита безъ вѣдома митрополита, который, потому отвергъ его и старался объ избраніи о. Левинскаго, то 3) монахамъ дозволяется избрать себѣ настоятеля, согласно договору 1632 года и новому условію 1741 года, утвержденному папою Венедиктомъ XIV-мъ. Монастырь не приступалъ къ новому выбору, а митрополиту хотѣлось наградить о. Левинскаго за его заслуги церкви, и потому опредѣленіемъ отъ 3-го апрѣля 1779 года, онъ постановилъ выдавать ему третью часть изъ всѣхъ доходовъ Супрасля. Но получать доходы и сдѣлаться архимандритомъ иначе не лзя было, какъ постригшись въ монахи, а Левинскій, не смотря на убѣжденія монаховъ, не хотѣлъ этого сдѣлать. По донесенію изъ Варшавы, отъ 13-го марта 1780 года и король хотѣлъ, чтобы Левинскій, пользовался 3-ю частію монастырскихъ доходовъ, не принимая монашества, такъ какъ онъ нуженъ для королевскихъ палатъ. Что было дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Монахи убѣдили, наконецъ, Левинскаго согласиться до конца жизни получать отъ монастыря 3,000 польскихъ *тынфоз* съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ данной ему презенты на архимандритство. Но Левинскій не отдавалъ презенты до тѣхъ поръ, пока не было получено изъ Рима утвержденіе обѣщанной ему изъ монастыря пенсіи. Въ продолженіи этого времени управляли монастыремъ іеромонахи Василій Ерихъ и Лебединскій, присланный изъ Варшавы нунціатурою. 19-го апрѣля 1780 года монахи избрали въ управленіе монастыремъ сперва Вислоцкаго, а потомъ, когда митрополитъ его не утвердилъ, Никодима Сосновскаго, и просили новаго митрополита (по смерти Шептицеаго) Ясона Смогоржевскаго подтвердить этотъ выборъ. А жмудскій староста Ходкевичъ, письмомъ отъ 30-го іюня того же года, увѣрялъ братію Супрасля, что онъ очень радъ сдѣлать Вислоцкаго съ Левинскимъ, и что онъ не отдастъ никому презенты. 6-го сентября того же года общество монашествующихъ выслало въ Варшаву двухъ іеромонаховъ, Бенфатія и Мелетія, для совѣщанія съ архидіакономъ Левинскимъ, состоявшимъ при митрополитѣ секретаремъ, и подали ему слѣд-

вишее представлѣніе: „супрасльское собраніе, надѣясь на заступничество почтеннаго отца архидіакона благодѣтеля, въ теперешнемъ опасномъ положеніи высказываетъ слѣдующія мысли для благополучнаго исхода дѣла. Все собраніе единогласно желаетъ видѣть на степени архимандритства, почтеннаго отца Вислоцкаго и, чтобы это дѣло получило ходъ какъ можно скорѣе, торжественно спрашиваетъ у почтеннаго благодѣтеля отца архидіакона двухъ писемъ отъ своего имени и отъ имени двора къ почтенному фундатору монастыря о выдачѣ „презенты.“ Иначе, если общество монастыря долгое время будетъ волноваться подъ одною только временною администраціею, кромѣ всегдашней тревоги и нестройной, нужно ожидать окончательнаго опустошенія монастырскихъ книгъ и уже начавшагося упадка монашескаго благочинія. Что дѣлать, спрашиваемъ, чтобы успѣшно достигнуть возведенія въ архимандритство о. Вислоцкаго? Собраніе повторяетъ просьбу дать милостивое рѣшеніе и отвѣтъ на вышесказанныя мысли и торжественно обѣщать, что съ вашей стороны монастырь не будетъ бояться никакой отсрочки отъ времени до времени удовлетворенія правъ монастыря. Получивши на письмѣ благопріятный отвѣтъ, въ полной надеждѣ на благоуспѣшность, мы больше будемъ обязаны молиться за особу почтеннаго нашего благодѣтеля. „На это представлѣніе, архидіаконъ Левинскій 10-го сентября далъ такое рѣшеніе: „Слава Богу за постоянное единомысліе свѣтлѣйшаго супрасльскаго собранія, касательно достопочтенной особы отца Вислоцкаго и непремѣнное желаніе видѣть его на степени архимандрита! Это много меня утѣшаетъ. Зная свои обязанности къ Супраслю, я готовъ споспѣшествовать, чтобы это дѣло какъ можно скорѣе было приведено къ концу. Съ большою охотою я и теперь бы послужилъ этому дѣлу такъ, какъ желаетъ монастырь, если бы отъ того не удерживала меня мысль воздержаться съ этою услугою до прибытія сюда (въ Варшаву) митрополита. Богъ видитъ, что это для пользы монастыря. Чтобы дополнить послѣднее опредѣленіе священной конгрегации для распространенія вѣры, для этого нужно монастырю подтвердить избраніе особы о. Вислоцкаго. Тогда положительное или отрицательное рѣшеніе митрополита укажетъ, какъ нужно дѣйствовать. Увѣряю совѣстію и честію, что супрасльскія права не встрѣтятъ съ моей стороны никакого пререканія. Напротивъ, для доказательства моей признательности къ Супраслю, я постараюсь защищать ихъ

и привести къ желанному удовольствованію, а между тѣмъ вѣривъ себя святынь молитвамъ братства.“ 16-го сентября посланные возвратились въ Супрасль и монашествующіе монастыря тотчасъ начали заботиться о подтвержденіи избранія (ратификаціи) Вислоцкаго. 23-го числа въ самомъ дѣлѣ приступили къ допoлненію подтвердительнаго избранія въ такомъ видѣ, какъ предписываютъ каноны. Въ 10-ть часовъ утра, по данному знаку къ звонку, монашеское общество собралось въ транезу. Тамъ, послѣ предувѣдомленія о подлежащемъ дѣлѣ и послѣ призванія Св. Духа, всѣ единогласно избрали секретаремъ для изслѣдованія голосовъ Амвросія Шумиловскаго, кузницкаго игумена и вмѣстѣ секретаря супрасльскаго монастыря. Онъ выполнилъ присягу на вѣрность секретарства въ слѣдующихъ словахъ: „Я Амвросій Шумиловскій, іеромонахъ закона св. Василія Великаго, котораго собраніе избрало секретаремъ, присягаю Господу Богу, единому и Св. Троицѣ, въ томъ, что, вѣрно списавши голоса, безъ какого-либо обмана или утайки, подамъ ихъ для всеобщаго объявленія. Такъ мнѣ Воже помоги!“ По исполненіи этой присяги секретаремъ, отцы и братія приступили къ подачѣ голосовъ. Эти секретные голоса о. секретарь собралъ въ чашу и, списавши, объявилъ ихъ вмѣстѣ съ Василиемъ Ерихомъ, предсѣдателемъ собранія. Въ пользу Вислоцкаго оказалось 25 голосовъ. Когда избраніе окончилось, составленъ былъ на латинскомъ языкѣ слѣдующій актъ. „Дѣлалось въ супрасльскомъ монастырѣ и архимандритствѣ, 23-го сентября 1780 года. Мы ниже подписавшіеся отцы и братія супрасльскаго архимандритства, которое остается не занятымъ, по кончинѣ достойнаго господина Антонина Младовскаго, епископа владимірскаго и супрасльскаго архимандрита, и основаніи завѣщанія фундатора и законнаго договора, утвержденаго 3-го марта 1632 года и по другимъ законамъ, и по новому опредѣленію священной конгрегациі для распространенія вѣры, послѣдовавшему въ Римѣ 29-го мая 1789 г., въ которомъ слово въ слово такъ говорится: „да будетъ вольно супрасльскимъ монахамъ приступить къ избранію новаго архимандрита, по собственнымъ управленіямъ этого монастыря, утвержденнымъ апостольскою властію,“ — собравшись по зову звона на мѣсто собранія, мы не избрали новаго архимандрита, но, сохраняя то, что должно сохранить по суду, мы приступили къ тому же избранію, и того же достопочтеннаго отца Θεодосія Вислоцкаго, котораго еще прежде, 20-го июня

1778 года, избранъ на архимандритство, и теперь снова избираемъ секретными голосами и единодушнымъ заявленіемъ, и прежде законно сдѣланное нами избраніе, возобновляемъ и утверждаемъ, и не желаемъ имѣть другаго новаго архимандрита, вопреки нашимъ законамъ, желаніямъ и голосамъ. Для вѣрности всего вышеозначеннаго, мы утвердили это избраніе нашею монастырскою печатью и собственноручными подписями.“ Предсѣдатель, іеромонахъ Василій Ерохъ и проч.; всѣхъ подписей 23. Митрополитъ же утвердилъ и этого избранія, потому что оно сдѣлано было безъ его вѣдома, въ отсутствіи многихъ, безъ надлежащей духовной торжественности и вопреки предписанію римской нунціатуры — избрать новаго архимандрита, а не повторить прежнее избраніе. Монахи просили фундаторшу Людовику Ходкевичеву, жену умершаго Ходкевича, старосты жмудскаго, ходатайствовать объ нихъ предъ митрополитомъ. 26-го генваря 1782 года, она писала митрополиту, что никто не долженъ мѣшаться въ избраніе супрасльскаго архимандрита, что она выдала презенту на архимандритство о. Вислоцкому, что митрополиты уже отказались отъ этого архимандритства, и потому митрополитъ не захочетъ съ нею судиться. 3-го марта того же года монахи и сами подали митрополиту прошеніе слѣдующаго содержанія: „Знаменитѣйшій, высочайшій господи́нь, господи́нь архипастырь и единственный покровитель! По удовлетвореніи почтеннаго о. Левинскаго, домогавшагося супрасльскаго настоятельства, мы доселѣ не знаемъ о судьбѣ сего же не занятаго архимандритства, и всякій разъ скорбимъ, видя себя сиротствующими уже болѣе 4-хъ лѣтъ, съ опасностію нарушенія нашихъ правъ. Мы твердо, однако, увѣрены въ высокомъ покровительствѣ и милостяхъ найяснѣшаго и найвысшаго отца, которыя вы всегда оказывали и оказываєте этому мѣсту и которыя на вѣки возвеличатъ имя ваше, за особенное снисхожденіе къ Супраслю, и вѣчно будутъ побуждать насъ и нашихъ преемниковъ благодарить вашу архипастырскую особу. Осмѣливаемся единодушными голосами упрашивать знаменитѣйшаго и высочайшаго благодѣтеля милостиво услышать наши просьбы, съ которыми прибѣгаемъ къ отцовской добротѣ вашего сердца и помочь намъ окончить дѣло о незанятомъ архимандритствѣ въ лицѣ почтеннаго отца Θεодосія Вислоцкаго, котораго мы избрали. Пусть уже утѣшима дѣйствительнымъ покровительствомъ отъ васъ, нашего благодѣтеля, котораго благодѣянія мы ежедневно превозносимъ. Пусть

мы увидимъ совершенное успокоеніе насъ при жизни архипастыря, за доброе здоровье и дорогую жизнь котораго, мы ежедневно возносимъ молитвы къ Богу. Эта-то наша просьба, которую мы повергаемъ покорно къ стонамъ вашимъ чрезъ почтеннаго отца Бедосія Вислоцкаго, администратора, а также чрезъ почтеннаго отца Николая Бориславскаго, нашего казначея и профессора богословія. Поручая всѣхъ насъ вашему господскому покровительству и архипастырскому благословенію, остаемся въ живѣйшихъ чувствахъ обязанностей нашихъ, знаменитѣйшаго, высочайшаго и пренотеннѣйшаго господина, господина архипастыря и единственнаго покровителя глубочайшіе....“ Подписалось 23 монашествующихъ Супрасльскіе монахи, въ декабрѣ тогоже года, по требованію Ходкевичевой, снова избрали Вислоцкаго на архимандритство и просили попечительницу выдать ему „презенту“ и защищать ее. 12-го генваря 1783 года попечительница дѣйствительно выдала „презенту“ Вислоцкому и писала объ этомъ митрополиту, прося о исвященіи въ архимандрита Вислоцкаго. Но нунціатура, по вѣстоимію митрополита, отказала въ подтвержденіи этого избранія, на томъ основаніи, — что при избраніи не было президента отъ митрополита: ибо монахи должны были просить митрополита или самому быть президентомъ, или послать кого-либо вмѣсто себя. Этотъ отказъ очень оскорбилъ попечительницу. Она подала жалобу на митрополита въ гродненскій судъ и прекратила вовсе переписку объ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, митрополитъ рѣшился удовлетворить настоятельной просьбѣ супрасльской братіи: 12-го апрѣля 1785 года, онъ выдалъ епископу Левинскому, своему суффрагану и послу, право предсѣдательства въ Супрасль при избраніи архимандрита. Епископъ Левинскій, по этому праву, долженъ былъ отправиться въ Супрасль и тамъ надлежащимъ образомъ увѣриться въ законности выбора и въ достоинствѣ избраннаго. 13-го апрѣля тогоже года митрополитъ увѣдомилъ о томъ же и попечительницу. 10-го іюля того же года, Левинскій, прибывъ въ Супрасль, посредствомъ присяжныхъ свидѣтелей, увѣрился, что первый выборъ Вислоцкаго, бывшій въ 1778 году, 20-го іюня и послѣднее подтвержденіе монастыремъ этого выбора, не имѣли надлежащей законности, потому что во время избранія не были созваны всѣ избиратели, имѣющіе право голоса, и не всѣ были согласны какъ на прежній выборъ, такъ и на его подтвержденіе; не было присяги на выборъ достойнѣйшаго; выборъ сдѣланъ

безъ президента и вопреки предписанію римской нунціатуры и конгрегациі для распространенія вѣры (de propaganda fide). Митрополитъ повѣренный (делегатъ) епископъ Левинскій, своимъ опредѣленіемъ (декретомъ), приказалъ сдѣлать новый выборъ. Супрасльскій монастырь ясно увидѣлъ ничтожность прежняго своего выбора и его подтвержденія, а потому приступилъ къ новому выбору. Выборъ послѣдовалъ 22-го іюня 1785 года. На немъ избранъ большинствомъ голосовъ тотъ же Θεодосій Вислоцкій. И такъ, будучи избранъ законно на архимандритство, Вислоцкій былъ посланъ къ попечителю монастыря за презентомъ. Въ полной надеждѣ, что онъ получитъ попечительское согласіе на его архимандритство, Вислоцкій просилъ митрополитчаго повѣреннаго произвести законное изслѣдованіе о его жизни, привычкахъ и прижитѣяхъ. Когда это было сдѣлано, посвященіе его въ санъ архимандрита отложено до того времени, когда получено будетъ попечительское согласіе (презента). Узнавши объ этомъ, митрополитъ 29-го ноября сообщилъ попечителю писменно, что Вислоцкій ожидаетъ ея „презенты“, и, если она замедлитъ выдать ее, то, на основаніи каноническихъ правилъ, будетъ приступлено къ его посвященію; потому что этими правилами повелѣвается посвящать безъ попечительскаго свидѣтельства, если оно не будетъ выдано въ теченіе четырехъ-мѣсячнаго срока. Такъ какъ попечительница не дала митрополиту никакого отвѣта, то онъ 22-го декабря снова повторилъ ей это требованіе. Но, когда и послѣ этого не получилъ отвѣта, митрополитъ 12-го февраля 1786 года предписалъ Левинскому сдѣлать къ нему представленіе о посвященіи Вислоцкаго въ архимандрита. 6-го марта онъ дѣйствительно сдѣлалъ это представленіе и отослалъ Вислоцкаго къ митрополиту для посвященія въ санъ архимандрита. Такъ о. Вислоцкій, послѣ многихъ слущеній и неустройствъ, получилъ, наконецъ, супрасльское архимандритство (1).

(Продолженіе будетъ.)

(1) Изъ мон. арх.: Informacya Suprasl. elekcyi X. Wisłockiego R. 1786. Summar. papier. Suprasl. 1785 г. и другіе акты на латинскомъ и польскомъ языкахъ, въ правленіе о. Вислоцкаго, съ 1781 по 1799 годъ.

АНДРУСОВСКИЙ ДОГОВОРЪ

И

ПЕТРЪ ДОРОШЕНКО.

Г л а в а I.

Андрусовскій договоръ. Взглядъ на внутреннее состояніе Малороссій. Характеристика Бруховецкаго и Дорошенка.

Присоединеніе Малороссіи къ Московскому, обще-русскому государству, въ 1654 году, было поводомъ къ долголѣтней борьбѣ между Польшей и Россією. Въ первое время, перевѣсъ былъ на сторонѣ польской и, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, поляки должны были заключить, въ 1656 г. виленскій договоръ, по которому не только уступили Россіи Бѣлоруссію и Малоруссію, но и признали царя Алексѣя Михайловича наследникомъ польскаго престола, обязались искоренить унію и предоставить свободу и равноправность съ „католиками (*)" лицамъ православной вѣры.

Необходимость и опасность со стороны Швеціи заставила поляковъ подписать условія столь тяжелыя для фанатической Польши. Потому, лишь только избавилась Польша отъ шведовъ, какъ рѣшительно отвергла статьи виленскаго договора и война вспыхнула снова. На этотъ разъ поляки одержали верхъ. Русскія войска должны были очистить Бѣлоруссію и западную Малоруссію, гдѣ значительная партія держалась польской сторонѣ, и царь склонился на предложенія поляковъ о мирѣ.

Договоръ былъ заключенъ въ Андрусовѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Прекратить военныя дѣйствія на тринадцать съ половиною лѣтъ, между тѣмъ условиться о вѣчномъ мирѣ.

2) Смоленскому и Сѣверскому княжествамъ оставаться за Россією.

3) Полоцкъ и Витебскъ возвратить Польшѣ.

(*) Хотя мы и оставили въ этой статьѣ за напечатаніемъ названіе *католиковъ*, но, по заявленному нѣсколько разъ причиняемъ, мы, по прежнему, убѣждены въ его неправильности и противорѣчій названію съ характеромъ истиннаго *католичества*. Пользуемся настоящимъ случаемъ просить нашихъ сотрудниковъ, какъ изъ уваженія къ яслямъ, такъ и для избавленія редакціи Вѣстника отъ излишнихъ исправленій *qui pro quo*, неупотреблять въ статьяхъ, присылаемыхъ въ эту редакцію, словъ: *католикъ*, *католическій* и проч., вмѣсто *наистъ*, *наистій*, *римскій*, *латинскій* и проч. (Ред.)

4) Днѣпръ будетъ границею двухъ государствъ. Запорожье остается подъ ихъ общимъ покровительствомъ.

5) Кіевъ возвратитъ Польшѣ чрезъ два года.

Правда, русскія войска потерпѣли нѣсколько поражений, но Россія не была еще въ такомъ положеніи, чтобы соглашаться на столь значительныя уступки, какъ отдача полякамъ всей западной Малороссіи, тѣмъ болѣе, что московскому двору были хорошо извѣстны: бѣдственное внутреннее состояніе Польши, совершенное истощеніе ея казны и постоянные бунты и беспорядки, производимые жолнерами за не уплату жалованья. Уступка Польшѣ западной Малороссіи можетъ быть только объяснена событіями, совершавшимися въ Малороссіи, и тогдашнимъ ея положеніемъ (*). Чтобы объяснить его, намъ надо зайти нѣсколько назадъ и взглянуть, изъ какихъ элементовъ слагалось малороссійское общество второй половины 17-го вѣка, и какого рода былъ гражданскій строй его.

До Хмѣльницкаго, элементъ козачества (de jure) былъ развитъ весьма слабо въ Малороссіи. Козацкихъ полковъ было всего шесть: чигиринскій, черкасскій, корсунскій, переяславскій и бѣлоцерковскій, число реестровыхъ козаковъ не превышало десяти тысячъ. Всѣ они были (какъ видно изъ самаго названія полковъ) поселены по берегамъ Днѣпра, съ обязанностію охранять страну отъ татарскихъ набѣговъ. Но кромѣ этихъ козаковъ было множество, такъ называемыхъ, *выписчиковъ*, которые считали себя казацкаго происхожденія и были готовы при всякомъ случаѣ вредить полякамъ за то, что они обратили ихъ въ холопство. Выписчики составляли ядро всѣхъ козацкихъ возстаній, бывшихъ до Хмѣльницкаго. Все остальное народо-населеніе южной Россіи раздѣлялось на дворянство, духовенство, мѣщанство и *посполъство*, то есть крестьянство; поселенное на земляхъ коронныхъ и помещичьихъ.

На югъ отъ нынѣшнихъ Кіевской и Полтавской губерній лежали никому не принадлежація степи и тутъ образовалось воинственное козацкое братство, извѣстное подъ именемъ Запорожья. Въ составъ его вошли всякіе выходцы и оно постоянно пополнялось новыми бѣглецами изъ Малороссіи. Случалось, что въ Запорожье бѣжали магнаты и шляхтичи, осужденные республикою; примѣромъ тому служить извѣстный Самуилъ Зборовскій; но больше всего Запорожье пополнялось украинскими посполытами, покинув-

(*). Такъ какъ первая глава этой статьи представляетъ только общій взглядъ на положеніе Малороссіи въ началѣ 2-й половины 17-го вѣка и приводимые въ ней факты общезвѣстны, то я не счелъ нужнымъ упоминать, откуда они заимствованы. Въ концѣ-же 1-й главы, заключающемъ въ себѣ характеристику Бруховецкаго и Дорошенка и ихъ біографіи, а слѣдовательно и факты болѣе мѣлкыя, я дѣлалъ вездѣ замѣтки, изъ какихъ источниковъ они почерпнуты. Авт.

шими родину, вслѣдствіе угнетеній, бѣдности, семейнаго нелада или страха наказанія. Другихъ влекла на Запорожье жажда битвъ, опасностей, привольной независимой жизни, а иногда и менѣе благородныя побужденія: корысть, гѣдность, тунеядство. Доступъ на Запорожье для всякаго былъ легокъ: запорожское правлю говорило: „*приди, ратище остроми, личарку повеси, май мези собі, хочь три мьсли, ній и изъ ютове* (*).“ Только безотчетная храбрость и презрѣніе къ жизни требовались безусловно отъ пришельца; даже въ имени его нѣчто не нуждался; правда въ Сѣчь, всякій могъ назваться какъ угодно.

Естественно, что при такихъ условіяхъ и при безбрачій запорожець, у нихъ долженъ былъ развиваться полный демократизмъ, а слѣдовательно и антипатія ко всѣмъ сословнымъ различіямъ. Эта антипатія мало по малу превратилась въ ненависть къ дворянству, когда оно ополчилось, приняло унию или латинство, и стало принуждать къ нимъ своихъ подданныхъ. Но, кромѣ этого общаго чувства, у нѣкоторыхъ недѣльныхъ оно было еще сильнѣе вслѣдствіе тѣхъ личныхъ обидъ, которыя принудили ихъ покинуть родину,—и новыя пришельцы, своими, часто преувеличенными, разсказами, усиливали вражду къ полякамъ. Не признавая принципа панства, запорожцы не признавали польской администраціи и только одного короля считали своимъ номинальнымъ повелителемъ. Когда же поляки начали вмѣшиваться въ дѣла коша и препятствовать запорожцамъ грабить татаръ, то запорожцы, для которыхъ война и грабежъ были обычнымъ занятіемъ и, въ то же время, средствомъ къ существованію, начали дѣлать набѣги на Польшу, при чемъ грабили имѣнія коронныя и магнатскія, не только не обижая посольства, но и помогая ему въ нуждѣ и объявляя себя его защитниками и покровителями. Толпы выписчиковъ и посполитыхъ приставали къ запорожцамъ, и поляки должны были вооруженною силою подавлять возстанія.

Такой характеръ носятъ на себѣ всѣ козацкія войны до Хмѣльницкаго, и хотя ни одна изъ нихъ не была вполнѣ удачна и народъ еще болѣе страдалъ послѣ возстанія отъ усмирившихъ его пановъ, но чувство расположенія, доходившее до какого-то обожанія къ запорожцамъ, оттого не уменьшалось въ народѣ, а увеличивалось. Украинскому простолудину запорожець представлялся идеаломъ доблести, а запорожское вѣчевое устройство образцомъ благоустройства и порядка. Хмѣльницкій, предпринимавъ возстаніе, тоже прежде всего обратился къ запорожцамъ, какъ къ ступаламъ и несчастные его предмѣстники: *Сумма, Павлюкъ и Остраница*; но успѣхъ Хмѣльницкаго объясняется тѣмъ, что, будучи самъ писаремъ городовыхъ реестровыхъ козаковъ, онъ снялъ ихъ довѣріе, вслѣдствіе чего всѣ городовые казаки, въ рѣ-

(*) Запис. о южной Руси Т. I, стр. 181.

нительный моментъ, передъ самою желтоводскою битвою, перешли на его сторону и тѣмъ положили начало успѣху возстанія. Все посольство приняло сторону ново-избраннаго гетмана, который обѣщаль избавить ихъ отъ пановъ и дать давно желанное козацкое общинное устройство. Съ необыкновеннымъ успѣхомъ Хмѣльницкій началъ дѣло: менѣе чѣмъ въ два года страна была очищена отъ польскихъ властей, и основаніе козацкой автономіи положено зборовскимъ договоромъ; но ожиданія народа сбылись не полнѣ: устройство, данное Хмѣльникамъ, многимъ отличалось отъ запорожскаго равенства; тому причиною былъ разладъ въ крайнемъ обществѣ. Освободившемуся отъ поляковъ, Хмѣльницкому предстояла еще труднѣйшая задача: дать южной Россіи внутреннее устройство и миръ.

Представлялись къ тому непреодолимые препятствія; важнѣйшее изъ нихъ было то, что люди, единодушно свергнувшіе польскую власть, руководствовались при этомъ различными цѣлями и были, по своему своему положенію, естественными между собою врагами. Изъ запорожскаго атамана, превратясь въ представителя, или, лучше сказать, въ повелителя цѣлой страны, Хмѣльницкій долженъ былъ войти въ сношенія съ сосѣдними государствами; послы его безпрестанно ѣздили въ Варшаву, въ Москву, въ Стамбулъ, въ Молдавію, въ Венгрію, въ Крымъ. Полу-дикіе запорожцы, способные грабить и драться съ поляками и татарами, не могли совладѣть съ дипломатіей, требовавшей значительнаго умственнаго развитія. Волею-неволею—Хмѣльницкій долженъ былъ обратиться за совѣтомъ къ тѣмъ южно-русскимъ дворянамъ, которые, оставаясь вѣрными православію, при самомъ началѣ возстанія, приняли его сторону. А такихъ было не мало, потому что фанатизмъ поляковъ, называвшихъ православныхъ схизматиками и лишившій ихъ многихъ гражданскихъ правъ (если не de jure, то de facto), оттолкнулъ эту часть народонаселенія отъ польскихъ интересовъ. Такимъ образомъ, составила весьма значительная, по нравственному вліянію, партія изъ православнаго южно-русскаго дворянства. Въ главѣ ея находились: правая рука Хмѣльницкаго, войсковый писарь Иванъ Выговскій, посолъ Хмѣльницкаго въ Варшавѣ Прокопъ Верещака и, превосходившій своихъ соотчичей современниковъ способностями и образованіемъ, молодой Юрій Немиричъ. Партія эта отнюдь не желала дать южной Россіи полное демократическое устройство. Воспитанная въ шляхетскомъ духѣ, она принимала за образецъ порядокъ вещей, бывшій въ Польшѣ, но изъ чувства патріотизма и народной гордости, тяготилась польскою автономією, введенною послѣ люблинскаго постановленія 1569 года, и желала, чтобы Малороссія, управляясь самобытно мѣстною аристократією, была въ федеративномъ союзѣ съ Рѣчью посполитою, на правахъ равныхъ, превосходящихъ права Литвы, при чемъ государственною религією должно было быть православное исповѣданіе. Только въ этомъ послѣд-

немъ и совпадало стремленіе этой партіи съ желаніемъ востольства, расходясь въ остальномъ діаметрально.

Высшее духовенство также вполне раздѣляло убѣжденія партіи Выговскаго, какъ по своему панскому происхожденію, такъ и по тѣмъ выгодамъ, которыя приобрѣло бы оно, если бы цѣль Выговскаго осуществилась. Хмѣльницкій поддакъ вліянію аристократической партіи, и послѣ неудачи подъ Берестечкомъ, дѣженъ былъ заключить въ 1651 году, въ Бѣлой Церкви, миръ съ поляками, по которому помѣщики снова вступили въ свои права и число городовыхъ козаковъ было уменьшено до 30 тысячъ. Слѣдовательно, всѣ козаковавшіе поселане, уже разъ записанные въ казацкіе реестры, должны были обратиться въ вынискчиковъ, т. е. въ панскихъ *подданныхъ*. Къ чему-жъ, спросишь тутъ по неволѣ, повели побѣды желтоводская, корсунская, пиливская и зборовская? Изъ за чего бился народъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ?

Начался глухой ропотъ и мѣлкія возстанія на пановъ; популярность Хмѣльницкаго слабѣла; чернь становилась противъ него; надо было найти въ чемъ нибудь поддержку, гетманъ вышелъ ее въ городовыхъ или реестровыхъ казакахъ. Имъ даны были поляками огромныя права; мало чѣмъ не равнялись они шляхтѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и превосходили ее, такъ, напр.: съ реестровыхъ козаковъ не бралось ни какихъ пошлинъ и земли ихъ были избавлены отъ постоевъ; въ рѣшеніи своихъ дѣлъ реестровымъ казакамъ было предоставлено право самоуправленія, и шляхетская юрисдикція не могла имѣть на нихъ никакого вліянія. Тридцать тысячъ семействъ получали полное право свободныхъ гражданъ, а сражавшіеся рядомъ съ ними поселане не вошедшіе въ реестры, опять попадали подъ панское иго. Естественно, что городовые казаки готовы были стоять за столь выгодное для нихъ положеніе, чѣмъ и положено было основаніе въковой враждѣ *лейстровиковъ* и *посполства*.

Запорожцы, которымъ принадлежала инициатива возстанія, тоже не только не приобрѣли ни какихъ выгодъ, но и были отодвинуты на второй планъ: представителями казачества въ южной Руси стали уже не они, а *лейстровики*, гордые своими побѣдами и правами, разбогатѣвшіе во время войны и своимъ образомъ жизни и чванствомъ напоминавшіе, столь ненавистную для съчевыхъ братчиковъ, польскую шляхту.

Бѣлоцерковскій договоръ не могъ успокоить Малороссію. Надѣясь на Хмѣльницкаго и аристократическую партію, ставшую въ главѣ управленія, польскіе паны поѣхали въ свои имѣнья и думали зажить по прежнему, но это уже было не своевременно. Поселане, только— что бившіеся съ ними, на отрубъ отказали имъ въ повинненіи и началась новая война. Хмѣльницкій не могъ противиться общему движенію, но онъ видѣлъ, что на этотъ разъ война изъ за свободы и собственности можетъ кончиться только окончательнымъ паденіемъ одной изъ сторонъ и, не надѣясь на

однѣ южно-русскія силы, парализованныя сильнымъ антагонизмомъ, рѣшились искать чьей либо протекціи. Аристократическая партія, участіи тянула къ Польшѣ, но посольство не хотѣло и слышать о полякахъ. Образовалась и турецкая партія изъ молодыхъ лейб-стрелковъ; расчетъ этой партіи былъ тотъ, что турецкая власть будетъ только номинальною и южная Русь будетъ пользоваться независимостью, какъ Валахія и Молдавія, а въ главѣ правленія, конечно, станетъ реестровое козачество. Но религиозное чувство массы было противъ признанія невѣрнаго своею главою. Оставался третій сосѣдъ: Московское государство, къ нему тяготѣла Малороссія, какъ къ странѣ единоплеменной и единовѣрной, а посольство радо было покориться царю самодержавному, „единному яко солнцу сіяющему.“ Шляхетское самоволіе оскорбляло его самолюбіе и сдѣлалось ненавистнымъ.

Демократизмъ и самодержавіе, при всей кажущейся разницѣ, въ сущности весьма между собою близки. Чернь не навидитъ только многоначаліе и охотно подчиняется одному лицу. Для нея мало разницы въ томъ выбрано ли оно, или получило власть по наслѣдству. Казакамъ же было вообще безразлично кому ни подчиниться; они желали только санкціи своихъ правъ и, конечно, въ этомъ отношеніи болѣе могли надѣяться на царя, чѣмъ на шляхту, которая, при малѣйшемъ успѣхѣ, не задумывалась нарушать и отнимать данныя казачеству права. Запорожье тоже предпочитало московскую протекцію польской. Хмѣльницкій не однократно созывалъ рады и оовѣтовался: помириться ли съ поляками или подчиниться царю. Наконецъ было принято послѣднее рѣшеніе и, 8 января 1654 года, произошло такъ на долго прерванное обстоятельствомъ соединеніе южной Руси съ сѣверной (*).

Переяславскимъ договоромъ Хмѣльницкій прибрѣлъ возможность дать Малороссіи внутреннее спокойствіе. Реестровые казаки были довольны тѣмъ, что все управленіе попало въ ихъ руки и что московское правительство гарантировало права ихъ. Кромѣ того, реестровые казаки и старшины ихъ захватили земли, принадлежавшія дворянамъ и стали владѣть ими безошлнно. Самые завзятые изъ выписчиковъ тоже успокоились, потому что явилась возможность сдѣлать ихъ лейб-стрелками, такъ какъ число реестровыхъ козаковъ, ограниченное, по бѣлоцерковскому до-

(*) Условія заключенныя Хмѣльницкимъ съ Московскимъ Государствомъ въ Переяславѣ состояли въ слѣдующемъ:

- 1) Казаки судятся по своимъ правамъ, безъ вмѣшательства московскихъ чиновъ.
- 2) Войска казацкаго должно быть пятьдесятъ тысячъ.
- 3) Всѣ права, данныя польскими королями, остаются въ прежней силѣ.
- 4) По смерти гетмана, войско избираетъ новаго и только извѣщаетъ царя.
- 5) Чужеземныхъ пословъ гетманъ принимаетъ самъ и только извѣщаетъ московское правительство.
- 6) Подати съ Малороссіи будутъ собирать къ казну малороссіане, а не московскіе чиновники.

говору, до 30 тысячъ, было удвоено. Поспльство же радовалось тому, что избавилось отъ панства и угнетеній за вѣру; но не сравненно выгоднѣйшее положеніе реестровыхъ казаковъ, владѣвшихъ лучшими землями безпощинно, тогда какъ поспльство клятву подати,— возбуждало его зависть. Вражда между поспльствомъ и лейстровниками усиливалась еще тѣмъ, что управление пошло въ руки старшинъ реестровыхъ казаковъ. Вся страна была раздѣлена на округа, называемые полками; каждый полковникъ былъ губернаторомъ округа и начальникомъ поселенныхъ въ нихъ казаковъ, въ его же рукахъ были судъ и расправа надъ поспльствомъ.

Пока былъ живъ Хмѣльницкій и дѣла поляковъ, стѣсненныхъ Ракочіемъ и шведами, шли весьма дурно, Малороссія оставалась спокойною; но какъ только умеръ Хмѣльницкій и Польша избавилась отъ вѣнскихъ войнъ, всѣ враждебные элементы пришли въ столкновеніе и началась продолжительная гражданская неурядица. Послѣ смерти Хмѣльницкаго, гетманскою булавою овладѣлъ войсковой писарь Иванъ Выговскій, воинскій шляхтичъ православнаго исповѣданія, и тотъ часъ же началъ тайныя сношенія съ поляками. Сторону его приняли многіе дворяне и нѣкоторые зацкіе старшины. Въ главѣ противной демократической партіи оставшейся вѣрно царю, выступилъ противъ Выговскаго полтавскій полковникъ Пупкаръ и запорожцы. Выговскій побѣдилъ ихъ и заключилъ съ поляками гадячскій договоръ, по которому Малороссія оставалась республикою, въ федеративномъ союзѣ съ Польшою, а шляхетству польскому снова возвращались земли, отнятыя у него Хмѣльницкимъ (*). Выговскій жертвовалъ выгодами оказавшихся поселенъ интересамъ своей партіи. Не всѣ старшины приняли сторону гетмана; нѣкоторые изъ честолюбія и желанія получить булаву, другіе, понимавшіе интересы нижнихъ классовъ, изъ желанія добра народу. Не смотря на рядъ усѣховъ, Выговскій не былъ въ силахъ подавить общее возстаніе поспльства и большинства реестровыхъ, и послѣ двухъ пораженій

(*). Статьи договора были слѣдующія :

1) Унію уничтожить, государственною религіею въ южной Россіи будетъ православное исповѣданіе.

2) Митрополитъ кievскій и четыре православныхъ епископа имѣютъ право засѣдать въ сенатѣ польскомъ. Гетманъ казацкій будетъ въ то же время и великимъ воеводою.

3) Старинныя православныя церкви и монастыри будутъ отданы казакамъ и при нихъ будутъ основаны академіи, архивы и типографіи.

4) Всѣмъ, воевавшимъ противъ Польши, дается полная амнистія.

5) Подати будетъ собирать гетманъ; онъ же и управляетъ обочиною Малороссій, безъ всякаго вмѣшательства поляковъ, и имѣетъ право ежегодно представлять королю сто казаковъ, для нобилитаціи, т. е. дарованія имъ дворянскаго достоинства.

6) Польскія войска, при вступленіи въ Малороссію, должны находиться подъ начальствомъ казацкаго гетмана и могутъ становиться на квартиры только въ королевскихъ и духовныхъ имѣніяхъ.

одъ Свидовцемъ и Хмѣльникомъ (*), лишился булавы, а скоро-ти и жизни. Главою партіи польско-шляхетской сдѣлался на его вѣсть, сначала полу-идіотъ Юрій Хмѣльницкій, потомъ Павелъ етера, человекъ отлично образованный, хорошій дипломатъ, но лишенный всякой энергіи и рѣшительно неспособный управлять транною въ смутное время. Эта партія имѣла перевѣсъ на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, при помощи поляковъ, держала въ повиновеніи народъ.

Въ главѣ московско-демократической партіи стояли полковникъ Якимъ Самко и Василій Золотаренко, оба хорошіе военачальника, оба шуринъ Хмѣльницкаго (**), и честолюбивые искатели бу-авы. У реестровыхъ казаковъ они пользовались большою популярностью, но посольство, не любившее всѣхъ *значныхъ*, не лю-ило и ихъ. Запорожье тоже держалось московской стороны; тамъ езпрестанно смѣнялись кошевые, но направленіе пока не измѣня-ось: таже вѣрность царю, защита посольства противъ всѣхъ ысшихъ сословій и вражда къ шляхетско-польской партіи и го-одовымъ казакамъ.

Пользуясь смутами, запорожцы наводнили восточную Малорос-ію и, помогая народу противъ поляковъ и ихъ приверженцевъ, въ тоже время, вооружали посольство противъ реестровыхъ ка-аковъ, говорили о всеобщей равноправности и требовали выбо-а новаго гетмана на мѣсто Тетери, передавашагося полякамъ, ри чемъ настаивали, чтобы въ выборѣ гетмана участвовали не олько реестровые казаки, но и все народонаселеніе. Запорожцы спѣли достигнуть своей цѣли, и въ гетманы былъ избранъ въ Нѣжинѣ предводитель ихъ Иванъ Бруховецкій (въ 1663 году). Между тѣмъ, Тетера, державшійся только польскою помощію, съ

7) Казаки имѣютъ право чеканить свою монету.

8) Войти въ сношенія, чтобы устроить свободную навигацію до Чернаго моря.

9) Казаки только тогда участвуютъ въ войнѣ съ Москвою, если ея войска войдутъ въ казацкіе предѣлы.

10) Всѣмъ, кто былъ во время войны на сторонѣ казацкой или шведской, возвращаются прежнія права и честь, и всѣ постановленія о нихъ, находящіеся въ книгахъ, будутъ замазаны и уничтожены.

11) Гетману казацкому не искать чужой протекціи.

12) Съ Крымомъ сохранять дружбу, царя московскаго не оскорблять ни чѣмъ, если не будетъ обидъ съ его стороны.

13) Взяты во время войны города и имущества возвратитъ прежнимъ владѣльцамъ.

14) Учредить въ Малороссіи придворныя должности, подобно существующимъ въ Ливъ и Коронѣ.

15) Чигиринъ остается по предѣльному при гетманской булавѣ.

(*) Въ первомъ былъ убитъ Юрій Немиричъ. Второе сраженіе было проиграно Выговскимъ, въ слѣдствіе перехода Петра Дорошенка, со всѣми казацкими полками на сторону царя.

(**) У Богдана Хмѣльницкаго было три жены: 1-я Анна Самковна, сестра Якина Самка; 2-я вдова Чаплинскаго; 3-я вдова Анна Филиппа, сестра Васи-лія Золотаренка.

удаленіемъ польскихъ войскъ, лишился всякаго значенія и, заграбивъ войсковыя сокровища и клейноды, ушелъ въ Польшу. Реестровые казаки на мѣсто его выбрали въ Чигиринѣ въ гетманы Петра Дорошенка (въ 1666 г.); такимъ образомъ Малороссія стала управляться двумя гетманами, естественно другъ другу враждебными. Границу ихъ владѣнія провести трудно, хотя вообще на правомъ берегу Днѣпра властвовалъ Дорошенко, а на лѣвомъ Бруховецкій; но Каневъ признавалъ власть Бруховецкаго, а нѣкоторые мѣста на лѣвомъ берегу— Дорошенка.

Въ такомъ положеніи находимъ дѣла въ Малороссіи, когда былъ заключенъ андрусовскій договоръ; взглянемъ теперь на характеръ и прежнюю дѣятельность двухъ ея правителей.

Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ получить власть только во время внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, анархіи и соперничества партій. Своимъ характеромъ Бруховецкій напоминалъ Марію. Подобно римскому консулу, кровожадный, преданный пьянству, всегда готовый на предательство, хладнокровно храбрый, во время опасности малодушно нерѣшительный передъ ея наступленіемъ, одаренный блестящими военными талантами, способный къ возбужденію чужихъ и къ мелкой интригѣ, но лишенный политическаго такта, вслѣдовательности въ поступкахъ и умѣнья пользоваться своими успѣхами,— онъ превосходилъ Марію корыстолюбіемъ и совершеннымъ отсутствіемъ гражданской чести и убѣжденій.

Молодость свою Бруховецкій провелъ въ домѣ Хмѣльницкаго (*), гдѣ исполнялъ должность въ родѣ камердинера, но во время Богданова гетманства ему не удалось выдвинуться и занять какое нибудь мѣсто въ казацкомъ войскѣ. По смерти Хмѣльницкаго, Бруховецкій остался при сынѣ его Юріѣ, въ тойже должности, а на политическое поприще выступилъ въ то время, когда молодой его господинъ былъ избранъ въ гетманы на мѣсто Выговскаго. Съ этимъ извѣстіемъ Юрій Хмѣльницкій послалъ Бруховецкаго на Запорожье въ 1659 году. Къ гетману, который, по примѣру своего предшественника, перешелъ на сторону Польши, Бруховецкій уже не возвращался и, оставаясь на Запорожьи, успѣлъ приобрести расположеніе низоваго товарищества. Въ Малороссіи въ это время кипѣла междуусобная война и партія козковско-демократическая оставалась безъ главы, такъ какъ царь не утвердилъ гетманомъ полковника переяславскаго Самка, который уже два года исполнялъ должность наказнаго гетмана. Причиной этого отказа былъ нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, тоже добывавшійся булавы, который въ доносахъ царю обвинялъ Самка въ измѣнническихъ намѣреніяхъ и склонности къ полякамъ.

(*) Лѣт. Величка Т. 1, стр. 15.

Между тѣмъ Юрій Хмѣльницкій (1662 г.), сдавъ свою власть герѣ, постригся въ монахи. Запорожцы, присягнувшіе Юрію Хмѣльницкому при его выборѣ, но покинувшіе его послѣ пзмѣны Чудновымъ, еще не торопились выбирать новаго гетмана, тѣ бы ожидая не перейдетъ ли Хмѣльницкій снова на сторону я. Когда булаву получилъ Тетеря, то запорожцы, которымъ былъ ненавистенъ, какъ малодушный трусъ, умѣвшій только юрить рѣчи, писать универсалы, заключать и нарушать договоры, а не поддерживать ихъ силою оружія,— рѣшительно отказали ему въ признаніи гетманомъ, и часть ихъ, вольными головами, огласила гетманомъ Бруховецкаго (1). Не теряя времени, уховецкой, съ нѣсколькими сотнями запорожцевъ, прибылъ въ точную Малороссію и явился къ князю Ромодановскому, возвратившемуся изъ похода на Юрія Хмѣльницкаго (2). Бруховецкій пробылъ нѣсколько времени съ княземъ, успѣлъ расположить его къ себѣ и увѣрить въ преданности царю запорожцевъ и лорусскаго народа. У Ромодановскаго Бруховецкій познакомился епископомъ Меоодіемъ, тогдашнимъ блюстителемъ митрополичьяго престола, привлекъ его къ себѣ подарками и, по удаленіи модановскаго въ Бѣлгородъ, переѣхалъ съ своими запорожцами Гадячь къ Меоодію. Изъ Гадяча Бруховецкій цѣлую зиму 662—65 г.) ѣздилъ въ Бѣлгородъ къ Ромодановскому и добился того, что воевода сталъ ходатайствовать за Бруховецкаго у царя (3). Въ то же время запорожцы начали для вида ласкать Зотаренка; нѣсколько времени льстили ему, увѣряя, будто держатся его партіи и тѣмъ убѣдили еще рѣшительнѣе дѣйствовать ютивъ Самка, а между тѣмъ послали въ Москву письмо, въ которомъ говорили, что хотя Самко и избранъ своею партіею, но родъ не желаетъ этого, зная, что онъ измѣнникъ (4); при этомъ они вообще обвиняли реестровыхъ казаковъ въ непостоявѣ и желаніи снова соединиться съ Польшею и просили московское правительство собрать „чорную раду,“ т. е. такое собраніе, въ которомъ бы участвовали не одни казаки, а все посольство; но простой народъ преданъ царю и, конечно, изберетъ такогo гетмана, который будетъ сохранять повинновеніе московской власти; агенты же Бруховецкаго, разсѣянные по Малороссіи, волновали родъ, увѣряя, что если Бруховецкій будетъ гетманомъ, то не будетъ уже различія казаковъ и посполитыхъ, а всѣ сдѣлаются казаками.

Такимъ образомъ чернь, и безъ того враждебно смотрѣвшая

(1) Лѣт. Самовидца стр. 37.

(2) Лѣтоп. Величка. Т. II, стр. 30.

(3) Царю такъ рекомендовалъ Ромодановскій Бруховецкаго: „хоть не ученъ, а уменъ и ужастъ какъ воровать исправенъ.“

(4) Въ доказательство измѣны Самка приводили то обстоятельство, что, заздѣвъ послѣ битвы подъ Хмѣльникомъ, подлиннымъ гадячскимъ договоромъ, Самко держитъ его у себя, а не отправляетъ къ царю. (Лѣт. Величка Т. II, стр. 38).

на лейстровниковъ и на ихъ представителя Самка, теперь возмужавшая еще болѣе противъ него за то, что, какъ догадывались, онъ думалъ, подчинивъ себѣ Малороссію, соединиться съ Молдавіей, на основаніи гадячскаго договора, дававшаго Малороссіи независимое народу аристократическое устройство. Успѣхъ Самка грозилъ народу власть лейстровниковъ (1), или, что еще хуже, паны, власть же Бруховецкаго обѣщала установленіе вольности и равенства правъ. Запорожцамъ Бруховецкій обѣщалъ раздать въ Малороссіи уряды и поставить ихъ въ главѣ управления. По всему можно было видѣть, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ Бруховецкаго, хотя Золотаренко и помирился съ Самкомъ и лейстровники, раздѣленные на двѣ партіи, соединились.

Весною 1663 года, прибылъ въ Малороссію посланный царемъ князь Великочагинъ, для присутствованія на радѣ. Бруховецкій успѣлъ склонить его на свою сторону, и 17 іюня, подъ Нѣжиномъ собралась рада. Едва князь Великочагинъ началъ читать царскій титулъ, которымъ начинался указъ, толпы приверженцевъ Самки огласили его гетманомъ, въ тоже время запорожцы и червь провозгласили Бруховецкаго и кинулись на соперниковъ. Произошла драка, разбитая московскими войсками. Видя это и замѣчая, что Великочагинъ держится стороны Бруховецкаго, лейстровники перешли на его сторону и Бруховецкій оглашенъ гетманомъ.

Слѣдствіемъ этого выбора были: разграбленіе черни и казни старшинъ и казни полковниковъ: Самка, Золотаренка, Слича, Шуровскаго и Шамрицкаго (2), обвиненныхъ не извѣстно въ какихъ преступленіяхъ. Мѣста ихъ получили запорожцы, такъ напр., полтавскимъ полковникомъ сталъ Витязенко, кіевскимъ Василій Дворецкій, переславскимъ Дашко, черниговскимъ, хотя и служившій въ реестровыхъ казакахъ, при Хмѣльницкомъ, ношедшій изъ черни, Романъ Многогрѣшный. Гвардіею Бруховецкаго начальствовалъ искренно ему преданный запорожецъ Иванъ Чугуй. Еще запорожцы не успѣли воспользоваться плодами своей побѣды, какъ король вступилъ съ польско-казацкою арміею въ восточную Малороссію и сталъ у Остра на зимнія квартиры.

Съ наступленіемъ весны король продолжалъ походъ во внутрѣ Малороссіи; большая часть городовъ сдавалась безъ бою и реестровые казаки, въ отмщеніе Бруховецкому, переходили на сторону короля, съ которымъ были гетманъ Тетеря и полковники Богунъ и Гуляницкій,—оба старые сподвижники Хмѣльницкаго; но народъ держался московской стороны, такъ что не давалъ полякамъ провіанта, и польская армія страшно страдала отъ недостатка продовольствія.

Тѣмъ не менѣе Бруховецкій находился въ крайне затрудительномъ положеніи. Русскіе воеводы: князья Куракинъ и Чер-

(1) Лѣт. Самов. стр. 39 и 40.

(2) 1-й Былъ полковникомъ переславскимъ; 2-й нѣжинскимъ; 3-й черниговскимъ; 4-й наказнымъ переславскимъ и 5-й лубенскимъ

васкій, будучи боярами, не хотѣли идти на помощь къ князю Ромодановскому, который былъ только околыничимъ и стояли въ бездѣйствіи. Между тѣмъ король прошелъ всю Малороссію, почти безъ битвы, и осадилъ Глуховъ, гдѣ заперся генеральный судья Бивотовскій.

Съ трудомъ собравъ до 30 тысячъ войска, Бруховецкій рѣшился не дожидаться московской помощи и пошелъ на короля, у котораго было до 100 тысячъ войска поляковъ и казаковъ, не считая татаръ. Съ утра до ночи продолжалась битва подъ стѣнами Глухова (*). Два раза поляки отражали казаковъ Бруховецкаго, который видѣлъ, что только одна побѣда можетъ утвердить власть его. Въ личной храбрости у Бруховецкаго недостатка не было, — въ минуты опасности онъ являлся героемъ. Онъ повелъ въ третій разъ свое войско и, не смотря на страшную пальбу изъ польскаго лагеря, пользуясь наступившею ночью, опрокинулъ поляковъ, овладѣлъ ихъ обозомъ и заставилъ короля отступить отъ Глухова.

Глуховская побѣда была одна изъ тѣхъ знаменательныхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбу народа; ею восточная Малороссія навсегда избавилась отъ поляковъ. Недаромъ малороссійскій историкъ Величко ставитъ подвигъ Бруховецкаго выше побѣдъ Хмѣльницкаго. По слѣдамъ короля, пошелъ князь Ромодановскій и сталъ отбирать городъ за городомъ. Король удалился въ Бѣлоруссію, а Чарнецкій въ западную Малороссію. Теперь то для Бруховецкаго настало время удовлетворить свою мстительность, кровожадность и корыстолюбіе. Вида во всѣхъ „значныхъ“ приверженцевъ Польши и своихъ враговъ, гордый своею побѣдою, Бруховецкій началъ жечь города, покорившіеся королю, грабить и казнить. Онъ довелъ до того свое неистовство, что сжегъ публично въ Гадячѣ живую полковницу Острую. Никто изъ реестровыхъ не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Превжній слуга или *наймитъ* могъ явиться къ своему господину и дѣлать съ нимъ, что угодно (**). Высшее казачье сословіе пылало местью къ Бруховецкому, который, потому, и давалъ свободу черни. Но и чернь не была уже къ нему расположена по прежнему; причиною тому были: съ одной стороны запорожцы, которые, безчинствуя въ Малороссіи, обижали не только реестровыхъ, но и посполство; съ другой стороны московскіе войска сурово мстили за измѣну царю, такъ что даже Ромодановскій не былъ въ состояніи (***) удержать месть ихъ въ Лохвицѣ.

Насытивъ кровью своихъ враговъ, Бруховецкій, въ томъ же 1664 году, прошелъ за Днѣпръ, съ намѣреніемъ овладѣть Чигириномъ, что ему однако это не удалось. По дорогѣ онъ сжегъ Черкас, гдѣ полковникомъ былъ Петръ Дорошенко, вполсѣдствіи ма-

(*) Лѣт. Величка, Т. II, стран. 88.

(**) Лѣт. Самовидца, стран.

(***) Лѣт. Величка, стр. 85, Т. II.

лороссійскій гетманъ, и сталъ на зимнія квартиры въ Каневѣ: здѣсь его осаждала многочисленная армія польско-татарская, подъ главнымъ начальствомъ знаменитаго Чарнецкаго, но Бруховецкій и тутъ доказалъ свое мужество, — отбилъ всѣ приступы и заставилъ, съ большимъ урономъ и безславіемъ, отступить непрітеля.

Весною 1665 года, онъ выступилъ въ походъ къ Бѣлой Церкви и призвалъ на помощь калмыковъ (1), но не достигъ своей цѣли, потому что козаки, ненавидѣвшіе его, взбунтовались, нѣкоторые разошлись по домамъ, другіе-же выбрали гетманомъ какого-то Рецика и бросились грабить Волинь и Полгѣсье (2).

Такимъ образомъ, Бруховецкій лишился надежды на подчиненіе себѣ западной Малороссіи и убѣдился, что никакими мѣрами нельзя принудить къ повиновенію раздраженныхъ реестровыхъ козаковъ. Ежеминутно опасаясь за свою жизнь, онъ долженъ былъ искать большаго обезпеченія, чѣмъ самовольные запорожцы, сѣтавшіе его своимъ твореніемъ, и посольство, постоянно оскорбляемое запорожцами. Въ столь критическихъ обстоятельствахъ для Бруховецкаго оставалось одно: ѣхать въ Москву къ царю и „ударить челомъ великому юсударю всеми юродами малороссійскими“ (3), т. е. вмѣсто прежней протекціи и союзничества Московскаго государства, признать полное подданство Малороссіи царю великорусскому. Съ этою цѣлью, въ половинѣ августа 1665 года, гетманъ собралъ въ Глуховѣ полковниковъ и генеральную старшину и, передавъ управленіе страной переяславскому полковнику Дашку, бывшему запорожцу, поѣхалъ въ Москву съ преданными себѣ старшинами. Великолѣпныя встрѣчи и приемы дѣлались по дорогѣ гетману. Всюду его встрѣчали, какъ владѣтельнаго князя; это щекотало грубое самолюбіе запорожца.

Въ Москвѣ Бруховецкаго встрѣтилъ съ почетомъ ясельничій царскій Иванъ Желябужскій и думный дьякъ Богдановъ. Гетману предложили боярское достоинство, которое гетманъ принял съ восторгомъ (4). Гетмана женили на царской родственницѣ (5), не женатыхъ старшинъ также переженили, угощенія продолжались до 22 октября, и въ этотъ день были подписаны слѣдующія статьи:

1) Малороссія поступаетъ въ совершенное подданство царя; для сохраненія въ ней должнаго порядка, въ царскую казну будутъ взыскаемы подати (кромѣ казаковъ).

2) Казаковъ судить можетъ только гетманъ и старшины; русскимъ начальникамъ въ казацкія дѣла не вмѣшиваться.

(1) Лѣт. Самов. стр. 46 и 47.

(2) Лѣт. Величка, стр. 89, Т. II.

(3) Истор. Мал. Россіи Т. II, стр. 79 и 82.

(4) Лѣт. Велич. стр. 96, Т. II.

(5) Эта несчастная, называемая Дарьею, была дочь боярина Теодора Петр. Шереметьева, или окольничаго Дмитр. Агѣксѣев. *Долгорукова*. (Ист. Мал. Россіи, Т. II, стран. 62).

3) Въ случаѣ смерти гетмана, клейноды отвѣзятся въ боярамъ въ Кіевъ и новозбранный гетманъ долженъ ѣхать въ Москву за утвержденіемъ.

4) Въ Кіевѣ быть митрополиту изъ Москвы.

5) Царскимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ прибыть въ Малоросію и размѣститься въ городахъ: Кіевѣ, Переяславѣ, Каневѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Новгородѣ-сѣверскомъ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Острѣ и Мотилевѣ. Тысяча должна быть послана на Запорожье ратныхъ московскихъ людей.

6) Лохвицѣ и Ромнамъ состоять при гетманской арматѣ.

7) Ратнымъ людямъ запрещается давать украинцамъ фальшивую монету.

8) Запрещается называть казаковъ измѣнниками.

9) Гетманъ лишается права сноситься съ чужеземными послами.

10) На право магдебургское послѣдуетъ отъ царя подтвержденіе.

Подписавъ эти статьи, Бруховецкій поѣхалъ въ обратный путь. Съ нимъ прибыли въ Малоросію московскіе начальники, съ двѣнадцатю тысячами ратныхъ людей и размѣстились по городамъ. Весною 1666 года прибыли въ Малоросію переписчики; они переписали городскихъ и сельскихъ жителей, съ означеніемъ, гѣмъ кто занимается и наложили подать на хлѣбопашцевъ и ремесленниковъ; по городамъ были поставлены цѣловальники, которые брали извѣстные проценты со всѣхъ торговъ; подлинная перепись жителей была отослана въ Москву, копія же съ нея хранилась у воеводъ (1).

Еще до отѣзда въ Москву Бруховецкаго, какъ выше было сказано, уѣхалъ въ Польшу, заграбивъ войсковыя сокровища, западный гетманъ Тетеря. Реестровые казаки западной Малоросіи не хотѣли и слышать о Бруховецкомъ и, собравшись въ Чигиринѣ, 1-го октября 1665 года, избрали наказнымъ гетманомъ Петра Дорошенка и вручили ему всѣ дѣла и бумаги гетманскія; окончательное-же введеніе въ должность гетмана отложили до рождественскихъ святокъ (2).

Посполитые, услышавъ о томъ, что Бруховецкій поѣхалъ въ Москву и опасаясь вредныхъ для себя послѣдствій этой поѣздки, собрались и огласили гетманомъ медведовскаго уроженца — Опару (3). Опара успѣлъ овладѣть нѣсколькими городами, сталъ сноситься съ запорожцами и посольствомъ лѣваго берега Днѣпра и намѣревался, прогнавъ стоявшую подъ Чорнымъ Лѣсомъ Орду, которая пришла на помощь Польшѣ, овладѣть Бѣлою Церковью и другими замками и, очистивъ страну отъ поляковъ, утвердить въ ней господство посольства (3). Городовые казаки и Дорошенко приняли мѣры къ укрощенію народнаго возстанія и вошли въ сноше-

(1) Лѣт. Самов. стр. 48.

(2) Лѣт. Велыча, Т. II, стр. 89.

(3) Лѣт. Грабянки, стр. 189.

нія съ крымскимъ султаномъ (1), который пригласилъ къ себѣ Опару, какъ бы для совѣта (2). Тотъ повѣрилъ и прѣхалъ; султанъ арестовалъ его и, въ декабрѣ 1665 года, отправилъ въ Варшаву, гдѣ его разстрѣляли (3). Оставшееся безъ начальства, нопосольство должно было покориться Дорошенку и татарамъ; только Брацлавъ защищался нѣсколько времени подъ начальствомъ Дрозда, но наконецъ принужденъ былъ сдать. Дроздъ отвезенъ въ Чигиринъ, гдѣ также разстрѣлянъ (4). Усмиривъ нопосольство, Дорошенко собралъ въ Чигиринѣ раду, 7 января 1666 года, успѣвъ расположить къ себѣ старшинъ и былъ единогласно избранъ въ гетманы (5).

Петръ Дорощеевичъ Дорошенко происходилъ изъ богатого семейства городскихъ казаковъ; дѣдъ его Михайло былъ гетманомъ; отецъ Дорощъ или Дорощей— полковникомъ. Родился Петръ Дорошенко въ 1628 году (6) у Богдана Хмѣльницкаго, успѣвъ приобрести его расположеніе и, вмѣстѣ съ Тимошемъ Хмѣльницкимъ, Насачемъ и Пушкаремъ, былъ посланъ въ первый походъ въ Молдавію, въ званіи арматнаго писаря. По смерти Богдана Хмѣльницкаго, Дорошенко, вмѣстѣ съ Выговскимъ, подписалъ гадяцкій договоръ. Въ сраженіи подъ Хмѣльникомъ измѣнилъ Выговскому и, со всѣми реестровыми казаками, перешелъ на сторону Самки (въ 1659 г.). Дорошенко участвовалъ въ избраніи Юри Хмѣльницкаго и былъ посланъ имъ для заключенія договора съ княземъ Трубецкимъ, въ Переяславѣ (7). Въ слѣдующемъ 1660 году Дорошенко, вмѣстѣ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, вторично перешелъ на польскую сторону и (съ Кравченкою и Михайлою Ханенкомъ) заключилъ условія соединенія съ Польшою, названныя по мѣсту заключенія ихъ чудновскими (8).

Что дѣлалъ Дорошенко до 1665 года не извѣстно, а въ этомъ году онъ является черкасскимъ полковникомъ, генеральнымъ *ас-сауломъ* и наказнымъ гетманомъ (9). Въ томъ же году онъ, какъ мы выше видѣли, *усмиривъ возстаніе нопосольства* и, въ началѣ 1656 г., былъ избранъ въ дѣйствительные гетманы.

По свему происхожденію, Дорошенко принадлежалъ къ аристократическому семейству городскихъ казаковъ и получилъ двѣ

(1) Latorpisiac S. Jerlicza, T. II, стр. 106—107.

(2) У крымцевъ султаномъ назывался главно-командующій.

(3) Krótkie zebranie lat, od roku 1560—4667. (Рукопись, хранящаяся въ Императ. публ. Библиотекѣ).

(4) Lator. S. Jerlicza, T. II, стр. 107. Krótkie zebranie lat, введомствъ и страницъ. Лѣт. Грабянки, стр. 189.

(5) Лѣт. Самовидца, стр. 47.

(6) Лѣт. Велич. Т. II, стр. 94 и 95.

(7) Лѣт. Велич. Т. I, стр. 15.

(8) Чудновскія условія не были ни кѣмъ утверждены и не имѣли никакого значенія.

(9) Лѣт. Велич. Т. II, стр. 29.

юего времени блестящее образование (1). Въ самой ранней молодости, находясь при дворѣ Хмѣльницкаго, онъ узналъ политическія отношенія страны, потому и былъ столько разъ уполномоченъ для заключенія договоровъ. Политическія убѣжденія Дорошенка состояли въ желаніи дать автономію южной Россіи, соединить обѣ ея части въ одно цѣлое, подѣ чьей бы то ни было ротекціей, а если можно, дать ей и независимое положеніе. Погѣднее было задушевнымъ желаніемъ чигринскаго гетмана, и къ той цѣли онъ стремился въ продолженіе своего десятилѣтняго вѣдѣнства. Въ главѣ управленія Дорошенко думалъ, подобно амку и партіи реестровыхъ, поставить городове казацкое сослое, подчинивъ ему и посполство, избавленное отъ пановъ и каацкой юрисдикціи.

Что касается до характера Дорошенка, то онъ былъ типомъ крайнца того времени, когда гражданскія войны деморализировали общество и іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства, сдѣлалось всеобщимъ. Дорошенко получилъ воспитаніе въ колѣ Хмѣльницкаго, гдѣ подвиги самоотверженія, безпредѣльной любви къ родинѣ и свободѣ смѣнялись рядомъ предательствъ, ордости и униженія, сообразно обстоятельствамъ. Въ изысканіи средствъ, въ равнодушіи къ пролитію крови, въ нарушеніи клятвъ обязательствъ, въ презрѣннн къ челоѣческой личности, Дорошенко равнялся Бруховецкому, но далеко превосходилъ его умомъ, редпримчивостью, умѣнемъ извернуться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, твердостью воли, послѣдовательностью въ погупкахъ, политическимъ тактомъ и пониманіемъ интересовъ края. ромѣ того, въ то время, какъ Бруховецкій, жертвуя интереса страны, думалъ только объ удовлетвореніи своего узкаго эгозма, кровожадности и корыстолюбія, Дорошенко, властолюбивый е менѣе его, отказывался отъ всѣхъ лично предлагаемыхъ ему ыгодъ, если онѣ были невыгодны для Малороссіи. Честолюбіе го не ограничивалось желаніемъ быть правителемъ страны,— онъ отѣлъ быть ея властелиномъ. Если прибавить къ этому красноѣче Дорошенка, образование его и величественную наружность, мѣвшую громадное значеніе при народномъ вѣчовомъ правленіи, о легко понять, что при борьбѣ, которая должна была возникнуть между двумя соперниками, всѣ шансы успѣха были на стоонѣ Дорошенка.

При самомъ своемъ избраніи, Дорошенко обнаружилъ—какимъ принципомъ онъ намѣренъ руководствоваться. Присягая войску, онъ нарочно пропустилъ тотъ пунктъ, гдѣ упоминалось о повинненіи королю польскому, или царю московскому (смотря потому

(*) Дорошенко одинаково хорошо зналъ языки: латинскій, польскій и тогдашній русскій, былъ свѣдущъ въ исторіи и обладалъ краснорѣчіемъ. Письма го къ Собѣскому и на Запорожьѣ показываютъ, что онъ владѣлъ неромъ въ соершенствѣ. Польскіе письма Дорошенка помѣщены въ *Ojezuzyste Spominki, A. rabulvskaго; русскія въ Лѣт Величка.*

чьей стороны держались казаки). Войско также присягнуло вонзбранному гетману, не упоминая о чьей либо протекции (1). Присяга подобного рода была первым примѣромъ въ исторіи казачества. Этимъ поступкомъ Дорошенко показалъ явно, что намѣренъ стремиться въ независимости родины; этимъ онъ привлекъ на свою сторону только что побѣжденное имъ посольство, которое не хотѣло и слышать о польской власти, сопряженной съ возобновленіемъ панства.

Не теряя времени, Дорошенко послалъ письма въ Крымъ и на Запорожье (2) и разослалъ универсалы въ восточную Малоросію, гдѣ, въ ожиданіи возвращенія Бруховецкаго, управлялъ, въ качествѣ наказнаго гетмана, переславскій полковникъ Дашко, бывшій запорожець. Крымскій ханъ, получивъ письмо Дорошенка и явивъ цѣль его, съ удовольствіемъ согласился на его просьбу о присылкѣ помощи и обѣщалъ также помогать ему, какъ помогалъ прежній ханъ Богдану Хмѣльницкому. Запорожцы-же, твердо державшіеся московской стороны, отвѣчали приглашеніемъ не принимать польской протекции и подчиниться царю.

Въ универсалахъ, разосланныхъ на восточный берегъ Днѣпра, Дорошенко приглашалъ народъ возстать поголовно противъ Бруховецкаго и соединить разрозненную обстоятельствами Малоросіи въ одно цѣлос.

Въ генварѣ 1666 года, въ то время, какъ только начали распространяться прокламаціи Дорошенка, возвратился въ Малоросію Бруховецкій. «*Возмутился душко и ужаснулся сердиско*» онъ (3), пишетъ лѣтописецъ, — когда узналъ, что избрали Дорошенка. Онъ зналъ его еще въ домѣ стараго Хмѣльницкаго и понималъ, съ какимъ соперникомъ имѣеть дѣло. На помощь реестровыхъ казачковъ Бруховецкій надѣяться не могъ; посольство его ненавидѣло, плоха была надежда и на ратныхъ людей московскихъ: ихъ было всего 12 тысячъ, разсѣянныхъ на всей Малоросіи. Народная нерепись и налоги, которыми обременилъ народъ Бруховецкій, возмутили прежде всего жителей днѣпровскаго побережья; переславцы возстали, убили Дашку и другихъ запорожцевъ, заставили московскаго воеводу запереться въ переяславскомъ замкѣ и призвали на помощь Дорошенка. Противъ возмутившихся былъ отправленъ московскій отрядъ подъ начальствомъ Щербатова, который заставилъ ихъ отступить къ Золотоношѣ, гдѣ они и заперлись (4). Дорошенко пошелъ на помощь къ Золотоношѣ и при помощи татаръ, овладѣлъ всею страню по Нѣжинъ и Прилуки, но былъ принужденъ отступить за Днѣпръ, куда призвали его дѣла западной Малоросіи.

(1) Лѣт. Величка, Т. II, стр. 99.

(2) Лѣт. Величка, Т. II, стр. 97—100.

(3) Лѣт. Величка, Т. II, стр. 96.

(4) Черниговская Лѣтоп. стр. 32. Лѣт. Самов. стр. 48.

Не смотря на письмо, полученное отъ короля (1), которымъ подтверждалъ казакамъ гадячскій договоръ и обѣщаль удовлетворить желанія всѣхъ, лишь бы они присягнули ему на вѣрность, Дорошенко, не выражая явно своихъ враждебныхъ намѣреній, отговаривался отъ присяги подъ разными предлогами. Переговоры продолжались до осени 1666 года, наконецъ поляки потеряли терпѣніе и региментаръ Себастьянъ Маховскій вступилъ съ польскими войсками, на зимнія квартиры, въ брацлавскій полкъ (2). Мелеры начали грабить поспольство, которое имъ сопротивляясь, разорили Иванъ-городъ и перебили множество жителей (3). Давъ о такомъ поступкѣ поляковъ, — явно нарушающихъ гадячскій договоръ, по которому польскія войска, входящія въ Малоросію, должны были поступать подъ команду казацкаго гетмана, Дорошенко, вмѣстѣ съ султаномъ Нурадиномъ, пошелъ къ Кальнику. Маховскій отступилъ и окопался у села Печоръ, близъ Неррара.

Дорошенко остался въ Кальникѣ и послалъ противъ Маховскаго уманскаго полковника Бѣлогруда и татаръ. Бѣлогрудъ разбилъ Маховскаго у Печоръ. Оставя свой обозъ въ рукахъ казаковъ, региментаръ бѣжалъ къ Бару и Меджибожу (4). Казаки и татары гнались по его слѣдамъ и осадили его въ Брацлавѣ. Орда окружила городъ, а Бѣлогрудъ пошелъ на приступъ, безъ труда овладѣлъ городомъ и перебилъ множество поляковъ, не давая никому пощады. Это была справедливая месть за жестокости, которыя дѣлалъ Маховскій во время своихъ походовъ. Съ тремя оружьями вырвался онъ изъ Брацлава, но попалъ въ руки татаръ, которые взяли его въ плѣнъ, съ остаткомъ уцѣлѣвшаго войска. Золотопоною и брацлавскою побѣдами, Дорошенко прославилъ свое имя и получилъ популярность на обоихъ берегахъ Днѣпра, даже между поспольствомъ, въ интересахъ котораго были даны обѣ битвы. Повсюду разослалъ онъ универсалы, приглашая къ поголовному вооруженію. Универсалы эти произвели тѣмъ болѣе впечатлѣнія, что уже носился слухъ въ народѣ объ андрусовскомъ договорѣ.

Въ западной Малороссіи началось избіеніе жидовъ, католиковъ и униатовъ. Въ восточной Бруховецкій едва держался, при помощи жившихъ въ Малороссіи сѣчовиковъ и московскихъ ратныхъ людей. Дорошенко увлекъ своими успѣхами и Запорожье, оскорбленное русилкою въ Сѣчѣ, согласно 5 статьи московскаго договора, 1000 московскихъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ Косогова. Запорожцы начали дѣлать ему всякія пакости и оскорбленія. Имѣя при себѣ только тысячу человекъ, Косоговъ долженъ былъ вы-

(1) Лѣт. Велич. Т. II, стр. 100.

(2) Лѣт. Велич. Т. II, стр. 48.

(3) Лѣт. Самовидца, стр. 48.

(4) Лѣт. Величка, Т. II, стр. 185 и Latop. Sezliesza, Т. II, стр. 112.

ступить изъ Сѣчи. Такимъ поступкомъ запорожцевъ (1), до снѣ-
поръ вѣрнѣе всѣхъ украинцевъ державшихъ сторону царя, вычи-
лись враждебныя отношенія между ними и московскимъ дворомъ,
и партія Дорошенка на Запорожьи, доселѣ весьма слабая, уси-
лилась.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда вся Малороссія была готова
возстать по мановенію Дорошенка, былъ заключенъ андрусовскій
договоръ.

(1) Лѣт. Самовидца, стр 48 и 49.

(Продолженіе впереди).

III.

НОВЫЙ МОНУМЕНТЪ НАСТОЯЩАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Законодательство русское обогатилось новымъ документомъ, имѣющимъ историческое значеніе; западная Россія получила новую поддержку въ борьбѣ съ латинопольскимъ нашествіемъ; церковь православная сдѣлалась безопаснѣе отъ посягательствъ на ея цѣлость и спокойствіе, отъ вторженія въ ея ограду „прелазящихъ отънуды“ пастырей— „татей“; настоящее царствованіе воздвигло себѣ новый монументъ— „крѣпче стали и гранита.“ Мы не имѣемъ теперь причинъ завидовать тѣмъ законодательствамъ, которыя выработаны такъ называемымъ представительствомъ западныхъ народовъ, и которыми такъ шумно и порою такъ напрасно восторгаются ихъ производители. Пресловутое большинство не всегда есть безусловная гарантія истины, — вѣрное средство къ защитѣ законодательства отъ недоразумѣній, пробѣловъ и промаховъ. Въ большой массѣ людей также можно предполагать много здравыхъ убѣжденій, честныхъ намѣреній, какъ и заблужденій, пристрастій, личностей, увлеченій, — и едва ли не больше послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Какъ часто на трибунахъ представительства одерживала побѣду не истина, а сила, талантъ и ловкость знаменитыхъ декламаторовъ, интрига, страсти, стачка партій, упорство! Какъ часто твердая рука людей, держащихъ кормило правленія, спасала отъ крушенія и націи, и ея представителей, тогда какъ большинство, начиная отъ Пилата до Робеспьера, неразъ пятнало исторію страницами кроваваго содержанія и образцоваго безразсудства! Какъ часто разумъ и опытность главы семейства спасали отъ ошибокъ и несчастій заблуждавшихся его домочадцевъ! Но у главы націи настолько же больше шансовъ безошибочности убѣжденій, иѣropriатій,

насколько его разумъ и воля, его особенное положеніе и независимость выше всѣхъ пристрастій, личныхъ интересовъ, матеріальныхъ выгодъ,— насколько у него больше компетентныхъ судей и благонамѣренныхъ исполнителей, чѣмъ у главы семейства. А мы православные должны еще, кромѣ того, помнить, что „Вогомъ царіе царствуютъ“, что ихъ умъ и воля, въ важныхъ случаяхъ и моментахъ народной жизни, направляются, вдохновляются, просвѣщаются, руководятся Царемъ царствующихъ, не оставляющимъ безъ Своей помощи и всякаго съ вѣрою просиявшаго ее, а тѣмъ болѣе своихъ избранниковъ, попеченію которыхъ вѣрены Итъ судьбы миллионовъ разумныхъ существъ.

Мы даже не намѣрены извиняться предъ нашими читателями въ допущеніи того ниняго отступленія отъ темы настоящаго размышленія, въ какое вовлекла насъ предыдущая прелюдія. Эта прелюдія была самымъ естественнымъ произведеніемъ нашего сознанія при одной мысли о томъ, вдохновенномъ Вогомъ, Высочайшемъ указѣ, съ которымъ можетъ идти въ параллель развѣ указъ 19 февраля 1861 года, и которымъ однажды *навсегда* прекращается прямое вліяніе на дѣла латинствующихъ подданныхъ русскихъ власти не только чужой, но и враждебной Россіи и православію,— власти римскаго первосвященника. Едва ли нужно и договаривать, что мы разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ незабвенный указъ 22 ноября 1866 года— о „прекращеніи сношеній русскаго правительства съ римскимъ дворомъ и объ управленіи дѣлами *римскаго* иновѣданія установленными для того властями и управленіями“ (русскими).

Въ послѣдніе три года предприняты коренныя мѣры къ защитѣ Россіи отъ ближайшихъ, можно сказать, домашнихъ, и потому самыхъ упорныхъ, опасныхъ и непримиримыхъ враговъ нашихъ,— предприняты мѣры къ приобрѣтенію у нихъ *нашей собственной* территоріи,— къ обрусѣнію того, что отъ временъ до-историческихъ было русскимъ. Такія мѣры, хоть не скоро, могутъ повести къ побѣдамъ внѣшнимъ, къ возврату того, что намъ принадлежало, къ сокращенію средствъ матеріальныхъ, обыкновенно собираемыхъ и ассигнуемыхъ нашими злыми сосѣдями на нашу погибель. Приобрѣтеніе значительное; безъ ночки ничего не пошьешь. Но тотъ, кто полагаетъ въ этомъ приобрѣтеніи всю суть обрусѣнія и прочаго умиротворенія западной-Россіи, ошибается весьма горько. Если Кутузовъ сказалъ когда то На-

пониону: „Россия не въ Москвѣ“, то тѣмъ резоннѣе можемъ сказать мы: западная Россія еще не сдѣлается окончательно и всецѣло русскою, если мы *приобрѣтемъ* какую нибудь $\frac{1}{10}$ земли, *забвѣченной* у насъ поляками; все еще $\frac{9}{10}$ этой земли останутся подъ цитаделями людей, поминутно выжидающихъ оплошности и усилія враговъ, или тумана политическаго, и мечтающихъ о вылазкѣ. Тѣ, которые думаютъ иначе стоятъ на прямой дорогѣ къ этой гибельной оплошности, этому нравственному усилію; они не знаютъ исторіи, не знаютъ психологіи; они крѣпки только „заднимъ умомъ“, — ихъ логикой управляютъ самыя жалкія изъ русскихъ пословицъ: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, лежачаго не бьютъ.“ А если старое есть главное руководящее начало для настоящаго, — лучший урокъ для будущаго, если лежачій наводитъ на насъ дуло своего револьвера?..

Чтожъ намъ дѣлать? Не сражаясь *физически* съ тѣми, которые кричатъ: „до нутъ падамъ“, *считаются* мирными, мы, тѣмъ не менѣе, не должны забывать чувства самосохраненія и даже должны заботиться о *нравственномъ* разрушеніи непріятеля: объ укрощеніи его задора, объ упадкѣ воинственности его духа, о сокращеніи его иллюзій и надеждъ, объ устройствѣ своего рода шлабтаумовъ, для пресѣченія нравственной контрабанды, *извѣстной* подъ именемъ виѣшнихъ вліяній и подстрекательствъ. Къ послѣднимъ мы относимъ по преимуществу вліяніе латинствующаго запада, а особенно ватиканскаго повелителя — на задоръ и періодическія возмущенія поляковъ противъ православной Россіи. Если латинствующій западъ могъ втянуть въ свою противъ Россіи коалицію разумную и осторожную Англію, не побрезгалъ союзомъ съ мусульманами, направленнымъ къ униженію Россіи, къ угнетенію православія въ лицѣ православнаго востока; то что удивительнаго, если онъ ободряетъ надежды поляковъ, подстрекаетъ ихъ къ перемежающимся бунтамъ противъ лучшаго изъ правительствъ — нравственной и матеріальною поддержкой. Какъ ни бѣдна была политическимъ тактомъ и добрымъ смысломъ Польша въ эпоху даже своей самобытности, какъ ни понизился уровень и этого смысла въ современныхъ намъ мечтателяхъ воскресенія такъ давно скончавшейся *офизмы*, — мы все-же не можемъ предположить въ нихъ такой степени галлюцинаціи, чтобъ они не видѣли полнѣйшей своей несостоятельности *въ борьбѣ съ Россіей*, въ выраженіи утлымъ копьемъ громадной, каменной „мельницы.“

Откудажъ у нихъ почерпается отвага, задоръ на битву не по сламъ? Очевидно во враждебномъ Россіи лагерѣ, въ понукаемыхъ единовѣрныхъ поляку западниковъ. Но откуда, съ другой стороны, у этихъ западниковъ столько ненависти къ доброй, немязозлобной, дружелюбной Россіи? Россія никогда недѣлала ишествія на западъ, никому изъ сосѣдей не причинила кровавой обиды, никогда не занималась пропагандой, честиѣ всѣхъ въ мірѣ націй исполняла святость трактатовъ, больше всѣхъ дорожила правдой и миролюбіемъ международныхъ отношеній, — а между тѣмъ, въ теченіи слишкомъ четырехъ вѣковъ, она то — и дѣло — отбивается отъ набѣговъ и самыхъ дикихъ притязаній Запада. Чтожъ это значить, гдѣ искать истолкованія такихъ ненормальныхъ явленій? Въ папствѣ, въ одномъ папствѣ!

Послѣ того какъ римскій дворъ, по выраженію князя Горчакова, „вызвалъ насъ (извѣстнымъ своимъ „Сборникомъ“) на поприще состязанія и даже поставилъ насъ въ обязанность подражать ему“, — мы можемъ отказаться однажды навсегда отъ излишней въ отношеніи къ нему „скромности“ и стать въ открытую оппозицію. Во имя этой „обязанности“ мы говоримъ откровенно, что папство есть бѣлѣ секта политическая, чѣмъ религія христіанская, — чѣмъ смиренномудрое, миролюбивое, любвеобильное, консервативное ученіе Христово. На эту тему само папство представляетъ такъ много указательствъ, и апріорныхъ и апостеріорныхъ, что мы затруднимся не только резюмированіемъ, но даже названіемъ ихъ по имени. Ограничимся кое-чѣмъ покрупнѣе и существеннѣе. Папство есть секта, признающая видимаго, непогрѣшимаго главу вселенской церкви Христовой, въ лицѣ римскаго преосвященника или папы, забывшаго, вѣроятно, или незнающаго, что самое имя его — не римское. Какъ глава, какъ судія всѣхъ христіанъ (по ученію папистовъ), — ктобъ они ни были, — онъ есть свѣтскій государь не только въ своей области, но и государь надъ христіанскими государями, повелитель христіанскихъ народовъ. Это главнѣйшій и существеннѣйшій догматъ папства; различія папства отъ другихъ вѣроученій христіанскихъ — каноническія и обрядовыя — сочинены позже, съ очевидною цѣлью — прикритъ честолюбивыя и властолюбивыя посягательства какою-нибудь рознью религіозною. Что мы стоимъ въ настоящемъ случаѣ на почвѣ неодолимой истины, это видно изъ того, что папство всегда и вездѣ дѣлало всевозможныя уступки въ пользу религіозныхъ убѣ-

деній, даже суевѣрій своихъ прозелитовъ, лишь бы только они признали главенство, свѣтскую власть папы, свою „подчиненность“ римскому первосвященнику. Папы готовы на всяческую унию со всякимъ, кто только исповѣдуетъ ихъ „власть отъ міра сего.“ Это доказали разныя униі, какія только сочиняла, ad Dei gloriam, Propaganda Fidei съ православіемъ, арианствомъ, мусульманствомъ, даже язычествомъ.

Если такъ, то, по ученію папы, всякій христіанинъ, исповѣдующій римскую вѣру, имѣетъ двухъ государей: одного въ Римѣ, другаго въ той націи, къ которой онъ принадлежитъ. Но такъ какъ послѣдній, потому же ученію, въ свою очередь, есть личность подвластная, въ самыхъ важныхъ отправленіяхъ жизни, ватиканскому повелителю, то является тотъ дуализмъ, то столкновение властей, законоположеній, мѣропріятій, тѣ государства въ государствахъ, которыя, со времени отпаденія церкви римской отъ церкви вселенской— православной, произвели столько смуть, нестроешій, междоусобій, столкновеній власти духовной съ гражданской, народовъ съ ихъ повелителями, царствъ съ царствами,— покрыли міръ столькими руинами, обагрили землю такими обильными потоками человеческой крови, принесенной въ жертву Ватикану. Вчитайтесь, вдумайтесь въ исторію послѣдняго тысячелѣтія, и вы убѣдитесь осязательно, что едва ли не въ $\frac{2}{3}$ кровопролитій папство принимало явное или тайное, прямое или стороннее участіе, что оно не брезгало никакими средствами для униженія сава, для ослабленія власти законныхъ государей и для поднятія своего авторитета, что оно не разъ разрешало народы отъ присяги своимъ повелителямъ, предавало проклятію царей и царства, а когда виѣшняя сила была на его сторонѣ, изумляло весь міръ громадностью своего честолюбія и превознесенія, варварствомъ насилій и пытокъ, чудовищною нетерпимостью свободы совѣсти, глумленіемъ надъ униженными врагами—государями, цинизмомъ своей нравственности, непожѣрною роскошью и невѣроятнымъ корыстолюбіемъ. Вглядитесь пристальнѣй и въ явленія новѣйшей жизни, и вы замѣтите какъ мутитъ дѣлами и совѣстями клерикальная партія даже въ средѣ націй, имѣющихъ несчастіе исповѣдывать папскую доктрину. Говоримъ—мутитъ, потому что пора физической силы и виѣшнихъ насилій папства, благодаря Провидѣнію, миновалась невозвратно; въ рукахъ его осталось только одно орудіе— интрига,— орудіе, прав-

да, меткое, острое, опасное, но все таки въ меньшей степени рьяное и истребительное. Съ безпринципнымъ искусствомъ владычещей этики орудиемъ — клерикальной партіи весьма часто удается воставлять законъ римскій выше всякаго другаго закона, — выдвигать власть папы на первый планъ и давать своеобразное направление событіямъ. Послѣ этихъ нравственныхъ битвъ, не разъ являлись въ группѣ побѣжденныхъ, порой и плѣнниковъ, сами Наполеоны, Францъ-Иосифы, Викторъ-Емануилы, Максимилианъ и tutti quanti, не говоря уже о давнопрошедшихъ побѣжденныхъ и плѣнникахъ. Всѣ признають каноническую и рациональную нелѣдность главенства, непогрѣшимости, свѣтской власти римскаго архіепископа, всѣ чувствуютъ ея тяжесть, всѣ толкуютъ о несостоятельности римской доктрины, а никто не посмѣетъ нанести ей фактическое поражение. Отчего? Оттого, что все еще трусятъ стараго мечтателя клятвъ и разрѣшителя вѣрноподданническихъ присягъ. Есть газеты — болтуни, есть политики — мечтатели, трактующіе о примиреніи Италіи съ Римомъ. Насъ всегда изумляло и печалило это толченье воды. Миръ съ Римомъ, или точнѣе — епископомъ — *государемъ* возможенъ только послѣ окончательнаго отдѣленія послѣдней части этой титуляціи отъ ея цѣлага. А пока онѣ существуютъ нераздѣльно, миръ этотъ составляетъ несовершенство рѣша *desiderium* того лишь человѣка, который поддерживалъ въ послѣднее время престолъ папскій своими штыками, который болтается, чтобы, съ паденіемъ папства, не возстало православіе, не возвеличилась Россія, а съ овладѣніемъ Римомъ Италіей не поднялось нравственное и физическое значеніе послѣдней, а Франція не отодвинулась на второй планъ. Грустно, если Италія не понимаетъ этой *дружеской* политики, а еще грустнѣе, если понимаетъ и позволяетъ другу такъ безцеремонно нравить своимъ домомъ и домочадцами... Какъ бы то ни было, — если „имперія“, — конечно, въ добромъ значеніи этого слова, — „миръ“, то папство — война, — война до скончанія міра со всеми, непризнающими папскаго катихизиса, особенно догматовъ его о главенствѣ и свѣтской власти папы, — особенно, слѣдовательно, съ православною Россіей. Чтобы подтвердить наше мнѣніе собственными словами папствующаго запада, процитуемъ (1) еще разъ извѣстную тираду принца Наво-

(1) Изъ этой цитаты, для большей ясности дѣла, мы приводимъ въ настоящемъ мѣстѣ только голую мысль, оставляя въ сторонѣ доводы и поясненія.

леона, высказанную въ его органѣ „l'Opinion nationale.“ Вражды западныхъ державъ другъ къ другу—ссоры семейныя.... А Россія есть нашъ врагъ, потому что она не прошла путемъ католической цивилизаціи.“ Вотъ, слѣдовательно, гдѣ нужно искать, по приговору самаго запада, истолкованія вражды его къ Россіи, нашествій его на Россію, составляемыхъ противъ нея коалицій, затѣваемыхъ имъ во вредъ Россіи интригъ, внушеній, клеветъ, подстрекательствъ, маскированныхъ дружелюбіи, ложнаго толкованія фактовъ и проч.

Само собою разумѣется, что вниманіе римской интриги всего больше, всего постояннѣй обращено на православіе вообще и представительницу его — Россію особеннѣе. Такое вниманіе объясняется весьма удобно чистотой и святостью первой, объемомъ и неподатливостью послѣдней. Православное ученіе, сберегшее, если можно такъ выразиться, съ фотографическою вѣрностью ученіе Христа, Его апостоловъ, вселенской церкви первыхъ 9 вѣковъ христіанства, — уже тѣмъ самымъ есть живой, сильный и неумолкный обличитель властолюбивой, произвольной, човѣкообразной доктрины папской. Россія, въ теченіи 9 вѣковъ, дававшая сильный отпоръ римской пропагандѣ, отражавшая насиліе силой, интригу зоркостью и прямодушіемъ, — уже тѣмъ самымъ есть естественный и едва ли когда примиримый врагъ римскаго владыки. Мы такъ много уже трактовали о неудачныхъ попыткахъ папъ олатинить православную Россію, о нравственныхъ и физическихъ нашествіяхъ на нее подстрекаемаго Римомъ Запада; тема эта такъ побѣдоносно и окончательно развита въ извѣстномъ капитальномъ сочиненіи графа Д. А. Толстого, что мы избавляемъ и себя и читателей отъ излишняго повторенія грустныхъ эпизодовъ папскихъ притязаній къ подчиненію своей іерархической власти православной Россіи. Но мы не можемъ умолчать о томъ, что папская интрига и насиліе всегда почти избирали орудіемъ своихъ противъ Россіи агитацій ближайшихъ и единоплеменныхъ намъ — сперва сосѣдей, потомъ враговъ домашнихъ, — олатиненныхъ при Мечиславѣ 1-мъ поляковъ. И Гозій и Поссевицъ, и самозванцы, и Владиславъ королевичъ, и нашествіе разныхъ іезуитовъ на землю русскую, и покойница унія, и варварское преслѣдованіе православія въ областяхъ русскихъ, подпавшихъ было иту польскому, и періодическіе бунты поляковъ, — все это были композиціи римскаго маэстро, разыгранныя польскими артистами. Въ главѣ

этихъ артистовъ всегда стояли ближайшіе сотрудники папъ, — па-теры разныхъ цвѣтовъ и одинаковой нетерпимости. Ихъ задоръ, ихъ инициатива сообщались интеллигенціи и нерѣдко отражались въ массахъ народныхъ. Эти отцы, какъ извѣстно, не всегда ограничивались одною нравственною агитаціей, — они часто собственноручно подавали примѣръ разнаго душегубства и стояли въ челѣ разныхъ уцекинеровъ и жандармовъ вѣшателей. Они такъ умѣли электризовать своей ненавистью къ *москалю-сизмаму!* своихъ овецекъ духовныхъ, что послѣдніе обращались въ волковы: узаконяли клятвопреступленіе, святотатство, воровство, грабежъ, меджогъ и самое изобрѣтательное душегубство — частное и поголовное, въ видѣ двукратной рѣзни сонныхъ русскихъ воиновъ. Теперь всѣ эти печальныя явленія навремя прекратились потому только, что виѣшняя сила не на сторонѣ нашихъ враговъ; но надолго ли?... Не знаемъ...

Чтожь — спросимъ другой разъ — намъ дѣлать? Не сражаясь съ папствомъ равнымъ ему оружіемъ — интригъ и насилій, не ведя противъ него пропаганды, а la Лойола и К^о., гнушаясь всякимъ искусственнымъ прозелитизмомъ и предоставляя своимъ сосѣдямъ рѣдею въ туманной и цивилизованной Европѣ свободу совѣсти, — мы, тѣмъ не менѣе, обязаны позаботиться о защитѣ папства — въ Россіи отъ самаго себя, — отъ политическаго его характера и революціоннаго направленія, о задѣлкѣ той бреши, которую пробило папство въ западной стѣнѣ Россіи, и въ которую оно поминутно вторгалось съ своимъ — *non possumus*, тревожило умы, совѣсти и страсти во вредъ спокойствію, цѣлости и счастію Россіи и православія. Польское папство не столько было сильно своимъ упрямымъ и безпричиннымъ ожесточеніемъ противъ православной Россіи, не столько опасно и живуче своею собственною жизненностью, сколько ожесточеніемъ и живучестью главы папскаго организма, гарантирующаго своеволие, буйство, противленіе власти, опирающагося на 200,000,000 своихъ слугъ и читателей, да на миллионную армію своихъ интригановъ и сотрудниковъ. Въ этомъ отношеніи польскій папизмъ похожъ на то животное, которое умираетъ тогда только, когда будетъ разможжена голова его, или отдѣлена отъ туловища. Такое отдѣленіе и произведено тѣмъ благодѣтельнымъ увязомъ, который доставилъ намъ случай восторгаться прекращеніемъ зависимости латинянъ русскихъ отъ чуждой имъ власти и поставилъ въ

нормальное отношеніе подданныхъ къ своему законному и великодушному Государю. Мѣра рѣшительная; но она и вызвана крайнимъ проявленіемъ вражды папской къ Россіи. Не смотря на постоянные поводы къ разрыву съ дворомъ папскимъ, на ободреніе и поддержку этимъ дворомъ революціонной польской партіи, на слишкомъ рѣзкое и общее участіе въ польскихъ бунтахъ латинскаго духовенства, отличающагося слишкомъ рабскимъ послушаніемъ главѣ своей церкви и дѣйствовавшаго, конечно, не вопреки его волѣ, а всего вѣроятнѣе подѣ его даже внушеніемъ (1),— Россія все еще не хотѣла нарушать добровольно принятыхъ ею на себя обязательствъ въ отношеніи къ враждебной римской курии; но когда папа затѣялъ что то въ родѣ приглашенія къ крестовому походу противъ Россіи, когда онъ разметалъ по всему латинскому міру огромное полемическое сочиненіе, въ видѣ сборника документовъ, доказывающаго будто-бы угнетеніе римской вѣры въ Россіи и переполненнаго самыми неразборчивыми сочиненіями и клеветами— съ одной и злонамѣренными пропусками весьма характерныхъ и краснорѣчивыхъ документовъ— съ другой стороны,— что оставалось сдѣлать Россіи, какъ не то, что она сдѣлала,— какъ не разорвать, то есть, съ Римомъ и ту слабую нить отношеній, которой искусственность и натянутасть была замѣчаема и православными и неправославными, и которая была слишкомъ ничтожна для того, чтобы выдержать давленіе послѣдней выходки двора римскаго. Отнынѣ Россія сама у себя хозяйка дома; отнынѣ она не будетъ наводняема тѣми прелатами, которые, въ преувеличенной надеждѣ на римскую поддержку, почерпали дерзость, находили побужденіе къ открытому противленію властямъ предержавшимъ, и которые, быть можетъ, снабжались для подобнаго образа дѣйствій секретными полномочіями; отнынѣ папская пропаганда въ Россіи потеряла свою силу и даже свой смыслъ, такъ какъ она лишена и двигающей силы, и точки тяготѣнія, и такъ какъ зависимость римско-русской церкви отъ римскаго первосвященника будетъ существовать только въ теоріи, но не на дѣ-

(1) Правда, въ концѣ 1866 года, Пій IX почти осудилъ фактическое участіе своего духовенства въ польскихъ бунтахъ, но отъ чего онъ не сдѣлалъ того въ началѣ 1863 года? Не велика важность сказать нѣсколько запоздалыхъ словъ о томъ, что слишкомъ рѣзко поражаетъ вниманіе, и чего никакъ нельзя пройти молчаніемъ!...

лъ; отнынѣ и само латинство въ Россіи сдѣлается принципомъ не столько революціоннымъ, политическимъ, получить больше шансовъ для свободнаго отправленія духовной мисси, больше бешастрастія и меньше нетерпимости въ отношеніи ко всякому инословію, больше уваженія, или хоть робости, къ существующимъ постановленіямъ, больше повиновенія той единственной власти, которая не будетъ уже дѣлиться своими правами съ властью римской, не будетъ стѣсняться въ своихъ мѣропріятіяхъ и дѣйствіяхъ признаніемъ законности нравственнаго служенія такъ называемыхъ полявовъ двумъ господамъ; отнынѣ открывается для латинства въ западной Россіи свободный и безпрепятственный поворотъ къ единенію съ тою церковью, изъ объятій которой вырвало когда то нравственное и физическое латинопольское насліе родныхъ дѣтей православной Россіи. Да, если всѣ мѣропріятія настоящаго Царствованія благодѣтельны, незабвенны, то особенно указъ 22 ноября 1866 года; если указъ 19 февраля избавилъ народъ русскій отъ рабства крѣпостнаго, то указъ 22 ноября избавилъ латинство русское отъ рабства папскаго; если указъ 10 декабря положилъ начало внѣшнему обрученію западной Россіи, то указъ 22 ноября устранилъ главнѣйшее препятствіе къ обрученію этого края съ самой важной стороны, — со стороны нравственной и совпалъ съ самыми задушевными симпатіями и самыми святыми желаніями всѣхъ, понимающихъ значеніе, упругость и злобредность папской власти.

И такъ мы можемъ утѣшиться теперь надеждой прекращенія вѣковѣчныхъ столкновеній въ Россіи панства съ православіемъ и устраненія періодическихъ возстаній, волновавшихъ западную окраину Россіи? Не вполне. Панство въ Россіи не можетъ получать теперь явныхъ субсидій изъ Рима, но это еще не устраняетъ возможности тайныхъ подстрекательствъ, — вторженія въ предѣлы Россіи религіозныхъ эмиссаровъ. Власть папы надъ русскими подданными устранена гражданскимъ законодательствомъ, но она все тамъ осталась для латинянъ догматомъ религіознымъ, и вражда религіозная русскихъ папистовъ съ православіемъ продлится до тѣхъ норъ, пока они не вычеркнутъ изъ своего катихизиса разныхъ догматовъ, усвояющихъ римскому архіепископу власть надъ чужими подданными и почти божеское величіе. Тѣ публицисты, которые считаютъ возможнымъ обрученіе нашихъ папистовъ, при радикальномъ имъ противорѣчии святымъ отправленіямъ

русского духа, при непримиримой враждѣ папства къ православію, не понимаютъ значенія религіи въ жизни народовъ и людей вообще и закала папства в частности, судятъ о другихъ по себѣ, — гарантируютъ примѣнить къ другимъ свое личное безразличное отношеніе къ своей собственной религіи. Думать, что стоитъ только жить въ Россіи, быть русскимъ подданнымъ, говорить по русски, чтобъ быть полнѣ русскимъ, значить дать въ заключеніи втрое больше того, что обѣщаютъ послышки. Вѣдь вы сами называете же татаръ татарами, евреевъ евреями, поляковъ поляками и проч., не смотря на то, что они живутъ въ Россіи. Изрѣдка только вы прибавляете, для индивидуальнаго различія, или по другой причинѣ, къ этимъ названіямъ эпитетъ: *русскій*, означая тѣмъ татарина, еврея, поляка и проч., живущаго въ Россіи, но сколько не уничтожая его національныхъ примѣтъ, заключающихся въ его породѣ, религіи, исторіи и выработанныхъ имъ управленій внутренней и отчасти вѣшной жизни, — нисколько не уничтожая тѣмъ самаго названія. Религія есть духъ народа; она кладетъ неизгладимую печать типичности на его исторію, законодательство, цивилизацію, международныя отношенія, складъ жизни, обычаи, добродѣтели и пороки. Духъ евангелія, духъ талмуда, духъ корана, можно сказать, воплотился въ истинныхъ ихъ читателей, отлилъ ихъ въ извѣстныя формы, положилъ на нихъ то тавро, которое сглаживается только со временемъ духовною народомъ, — съ измѣненіемъ его религіи. Оттого всѣ народы такъ судорожно и отстаиваютъ свои религіозныя вѣрованія: они знаютъ, что отстаиваютъ жизнь народа, защищаютъ ее отъ смерти. На страницахъ исторіи едва ли найдется двѣ—три катастрофы, пять шесть крупныхъ столкновеній, происшедшихъ безъ участія религіи. То— и дѣло, поработитъ вниманіе антагонизмъ религіозный, борьба принциповъ, въ или иначе обуславливающихъ жизнь народовъ. Сперва язычество борется съ іудействомъ, іудейство съ язычествомъ, потомъ язычество съ христіанствомъ, христіанство съ язычествомъ и іудействомъ, наконецъ мусульманство съ христіанствомъ, христіанство въ мусульманствомъ. Настоящее движеніе востокѣ есть проявленіе того же столкновенія религіозностей, — въ желаніе читателей евангелія избавиться отъ суровой опеки ювѣдниковъ корана. Даже различныя отрасли одной и той же религіи нерѣдко ведутъ между собою ожесточенную, междо-

усобную борьбу за неприкосновенность или навязываемъ другимъ своимъ убѣжденій. Это доказываютъ кровавыя столкновенія ивства съ лютеранствомъ и православіемъ; это доказываютъ послѣднія междоусобія въ Битаѣ и отчасти въ Германіи, попытки нландцевъ-папистовъ обособиться отъ англиканъ-реформатовъ, и проч. Только православныя націи, — не забудьте этого, — никогда не боролись съ православными. — Изрѣдка только страсть къ завоеваніямъ и преобладаніямъ немногихъ извѣстныхъ честолюбцевъ сочиняла столкновенія международныя, какъ будто неподходящія подь обычную норму столкновеній религіозныхъ.

Если такъ, — а несомнѣнно такъ, — то только личный, выработанный послѣднимъ отрицаніемъ религіозно-національный индифферентизмъ, или умственная близорукость могутъ утверждать, что можно получить извѣстную національность, не принимая ея религіи, что можно быть русскимъ, въ точномъ и полномъ значеніи этого слова, не будучи православнымъ, что можно быть совершенно, искренно русскимъ, оставаясь татаринномъ, евреемъ, полякомъ — по вѣрѣ и національности, по розни въ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ, прикрывая эти розни и даже антипатіи одними только ширмами внѣшнихъ ассимиляцій: сосѣдствомъ, единствомъ подданства, и только. Бѣдная ассимиляція! По этой теоріи, одна и таже личность можетъ быть и татаринномъ, и евреемъ, и китаецемъ, и кѣмъ угодно, — смотря по тому, гдѣ она въ извѣстное время живетъ. Нѣтъ! инородцы — иновѣрцы могутъ только быть пріемными земли русской, нашими согражданами, сосѣдями, иногда даже весьма добрыми и мирными, но родными дѣтьми Россіи, родными нашими братьями не будутъ, пока не породнятся съ нами и Россіей духомъ. А истый папистъ едва ли можетъ быть, какъ видно изъ предыдущаго, даже мирнымъ сосѣдомъ нашимъ. Въ отношеніи къ такъ называемымъ полякамъ высказанныя сейчасъ истины являются еще въ большей очевидности. Пока полякъ остается папистомъ, — что бы ни толковалъ онъ и его адвокаты, какъ бы плотно ни закутывался въ маску примиренія, заявляя вѣрноподданическихъ чувствъ, истинно русскимъ онъ никогда не будетъ. Онъ будетъ только полурусскимъ. Его вражда религіозная къ православноѣ Россіи такъ перепуталась съ враждою политической, что одна безъ другой не мыслима, что онѣ составляютъ одну вражду, въ которой никакая химія не отдѣлать элемента политическа-

го отъ религіознаго. Извѣстное дѣло, что большинство такъ называемыхъ поляковъ западной Россіи — ренегаты Россіи и православія; а большинство ренегатовъ, по законамъ психическимъ, по условіямъ социальнымъ, по указанію опыта, — самые упорные и жестокіе фанатики. Чѣмъ сильнѣе столкнутся два твердыхъ и упругихъ тѣла, тѣмъ дальше отпрянуть онѣ другъ отъ друга. Еще бы поляки были такъ индифферентны въ дѣлѣ религіи, какъ большинство современной намъ молодежи (иногда и не молодежи) французской, нѣмецкой, еврейской и русской; тогда бы полякъ хоть не былъ папистъ — фанатикъ, не стоялъ къ Россіи въ такой оппозиціи, въ какой стоитъ папство къ православію. Но, къ несчастію, полякъ упорнѣйшій и нетерпимѣйшій папистъ во всемъ мірѣ панскомъ. Исторія и современность доказываютъ, что мы дружелюбно уживались со всѣми отраслями Лютеровой реформы. Случалось даже иногда то, что общность врага побуждала православныхъ и лютеранъ вступать другъ съ другомъ въ тѣсный союзъ и дружно отражать пушечныя въ нихъ стрѣлы папства. Это оттого, что ни лютеранство, ни православіе не пропагандируютъ, что онѣ вполне свободны отъ насилія чужой совѣсти; что у нихъ нѣтъ того *iusudaria* церкви, котораго бы честолюбивые и завоевательные виды они отстаивали. Совсѣмъ иное явленіе представляютъ наши есѣди паписты: искреннее, вѣчное примиреніе съ ними, окончательное обрусѣніе ихъ, слитіе съ нами въ одинъ народъ ны почитаемъ невозможными. Таковъ характеръ папства. Между нами и поляками, какъ славянами, нѣтъ племенной розни, антагонизма расъ; для поляка, какъ для человѣка утратившаго, и притомъ самую жалкую и безпутную, независимость политическую, разсѣяннаго, подобно израилю, по всему лицу земли и, въ двухъ третяхъ своего состава, поработеннаго чуждыми ему народностями, — казалось бы, весьма много чести применить къ огромнѣйшей семьѣ родныхъ ему русскихъ славянъ, стремиться вмѣстѣ съ ними къ великолѣпной будущности, отдохнуть подъ сѣнью лучшаго въ мірѣ правительства отъ былыхъ невзгодъ, неурядиць, кровопролитій; а между тѣмъ полякъ ведетъ съ православнымъ русскимъ вѣковѣчную борьбу — не на животъ, а на смерть, а между тѣмъ полякъ твердитъ: „якъ святъ святемъ (до скончанія міра), такъ полякъ русинowi (или москалюowi) не бендѣе братемъ.“ Почему? Другой причины такой упорной вражды нѣтъ кромѣ папства. А желаніе, скажутъ, возвратитъ по-

литическую независимость? Но вѣдь это нелѣпѣйшій изъ абсурдовъ, которымъ лишь прикрывается вражда иного свойства, съ иными цѣлями. Развѣ поляки засылали іезуитовъ, сочиняли самозванцовъ, дѣлали нашествіе на русскія области, навязывались Москвѣ съ своими королевичами, терялись въ изобрѣтеніи насилій, которыми хотѣли подавить въ западной Россіи православіе, а съ ними вмѣстѣ и народность русскую, — развѣ, говоримъ, поляки все это дѣлали для возврата своей политической независимости, которая тогда была при нихъ, и на которую никто не мечталъ даже дѣлать какія либо посягательства? Ни въ комъ нѣтъ такой силоченности, такого пристрастія въ своей національности, какъ въ нѣмцахъ; а между тѣмъ они, помимо языка и національности, — какъ доносятъ одна изъ послѣднихъ телеграммъ, — „подавали голоса при выборахъ въ имперскій сеймъ по исповѣданію, а не по національностямъ; кѣмъ-католики вообще подавали голоса въ пользу польскихъ кандидатовъ“, а не въ пользу нѣмцовъ — иновѣрцевъ. Религія, ставъ быть, взяла верхъ надъ всѣми другими принципами и симпатіями, даже въ средѣ самыхъ упрямыхъ патриотовъ.

Нѣтъ, господа публицисты, отдѣляющіе народность и гражданственность отъ религіи, — не говорите такъ вычурно, такъ категорически о томъ, чего вы не изучили. чего не почувствовали, и что вамъ, какъ людямъ пришлымъ, или отдаленнымъ зрителямъ, или индифферентнымъ и несостоятельнымъ теоретикамъ, проходившимъ кое — какъ вовсе непригодную для компетентнаго рѣшенія настоящаго вопроса профессію, — *рѣшительно* незнакомо.

IV.

СХОДСТВО И РАЗНИЦА УЧЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ И РИМСКОЙ ЦЕРКВЕЙ.

Аще кто хочетъ волю Божию творити, разумѣть о ученицѣ, аще отъ Бога есть, Иоан. 7, 17.

Съ давнихъ временъ поляки приняли отъ римскихъ папъ миссію обращать въ латинство православныхъ русскихъ тѣхъ странъ, которыя, въ несчастныя для Руси обстоятельства, подпали было прежде подъ литовское, а впоследствии подъ польское владычество. Здѣсь имѣлась въ виду двоякая цѣль: папа стремился къ расширенію своей теократіи, а поляки сдѣлались ополчители русскихъ своихъ подданныхъ съ тѣмъ, чтобы, лишивъ ихъ отеческой вѣры и языка, сдѣлать ихъ не похожими на остальныхъ русскихъ, и тѣмъ самымъ порвать самыя важныя нити, связующія ихъ съ восточной Россіею. Но эти цѣли не вполне достиглись. Въ свою очередь Польша ослабла отъ вѣро-нетерпимости и анархіи, а восточная Русь усилилась посредствомъ единой державы. Польша пала и западная Русь, за исключеніемъ галиційскихъ русиновъ, воссоединилась съ восточною. Польскіе и ополченные дворяне и римское духовенство, пользовавшіеся прежнею анархіею, не перестали и послѣ того стремиться къ возврату прежняго порядка вещей, при содѣйствіи заграничныхъ революціонеровъ, которыхъ употребляли какъ средство къ достиженію своихъ цѣлей.

Поляки, желая привлечь насъ западно-руссовъ къ мятежу, считывали на нашу простоту: они то льстили намъ, доказывая, что мы-не мы, не русскіе, а поляки, что нашъ языкъ не русскій, а испорченный польскій, не имѣющій ничего родственнаго съ *московскимъ*, что мы—не православные, но уніаты; то устрашали висѣлицею и кинжаломъ, а болѣе всего старались внушить намъ ненависть къ Москвѣ (такъ они называютъ великую Россію), пред-

ставляя ее полудикою страню, мало чѣмъ отличающаяся отъ кочующихъ народовъ. Такая ложь могла подѣйствовать только на людей, вовсе незнакомыхъ съ восточной Россіею, гдѣ промышленность, образованіе и богатство народа развиты болѣе, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. Но не столь легко открыть ложь и клевету, которыя употребили всендзы для того, чтобъ унижить греко-русскую церковь и чтобы внушить довѣрчивымъ своимъ слушателямъ то мнѣніе, что принадлежащія къ ней суть враги Божіи, лишены благодати и загробнаго блаженства. Внушеніе это, кромѣ словъ, сопровождалось еще болѣе понятными для простодушныхъ, чѣмъ самыя слова, жестами, которыми доказывалось самое кощунственное презрѣніе къ проклятымъ *схизматикамъ*.

Руководясь безпристрастіемъ и опытностію, скажу, что римское духовенство наше, за не многими исключеніями, не столько, какъ кажется, по природѣ своей враждебно къ Россіи и православію, сколько по внѣшнимъ влияніямъ. Съ давнихъ поръ заведенное одностороннее ультрамонтанское образованіе столь крѣпко организовано и глубоко вкоренило въ немъ фанатическія понятія о всякомъ инославіи, особенно православіи, что искусство пересилило природу. И между русскими, даже образованными, но не постигшими всей широты и глубины христіанства, бываютъ такіе, которые, находя въ латинской церкви обряды, отличные отъ обрядовъ православной церкви, преувеличиваютъ существенную разницу между обрядами этими церквами.

Между тѣмъ, теченіе историческихъ событій заставило латинянъ жить съ православными въ одномъ государствѣ, — и теперь на каждомъ лежитъ долгъ христіанскій и гражданскій ослабить противныя христіанской любви послѣдствія, порожденныя ослѣпляющими страстями.

Религіозное побужденіе къ враждѣ есть самое сильное изъ всѣхъ побужденій, особенно, если фанатизмъ успѣли не только согласить съ совѣстію, но и подчинить ей.

Совѣсть согласуется съ знаніемъ, фальшивыя же знанія обманываютъ совѣсть. Чтобы просвѣтить религіозную совѣсть тѣхъ, кои жаждутъ правды, и содѣйствовать устраненію религіозной вражды, столь много причинившей зла здѣшнему краю, — я намеренъ представить въ подлинномъ свѣтѣ ученіе какъ римской, такъ

православной церкви, преимущественно обращая вниманіе на то, что онѣ разнятся между собою и на чужь та и другая церковь ссылаются свои разницы.

Церковь православная во многомъ согласна съ римскою въ пониманіи Христова ученія. Обѣ онѣ почитаютъ Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ, содѣлавшимся человѣкомъ для искупленія и просвѣщенія человѣческаго рода, обѣ вѣруютъ, что Онъ, какъ человѣкъ, оплотился отъ пречистой Дѣвы Маріи, что онъ, какъ Богъ, редиѣчно существовалъ и существуетъ съ Отцемъ и Св. Духомъ, ставляя съ Ними три лица единого Божества, обѣ церкви принимаютъ семь таинствъ, установленныхъ Иисусомъ Христомъ, посредствомъ которыхъ сообщается людямъ благодать Божая; онѣ согласны, что ученіе Иисуса Христа нужно почерпнуть изъ св. Писанія; согласны въ томъ что извѣстныя книги должно считать св. Писаніемъ, и что смыслъ этихъ книгъ слѣдуетъ понимать такъ, какъ понимали великіе вселенскіе учителя первыхъ вѣковъ христіанства, и какъ опредѣлили вселенскіе соборы, то есть, собравшіеся во всѣхъ странахъ вселенной святыя пастыри,—для разрѣшенія, по внушенію Св. Духа, спорныхъ ученій; обѣ церкви согласны въ томъ, что слѣдуетъ считать св. отцемъ, какіе соборы, бывшіе до раздѣленія церковей должно считать вселенскими; наконецъ онѣ согласны и въ томъ, что различныя обрядовыя обычаи и различныя реакціи молитвословій не должны мѣшать церковному единству, ишь бы онѣ были согласны съ духомъ христіанства.

Въ продолженіи первыхъ 8-ми вѣковъ христіанства, обѣ церкви—восточная и западная не разнились въ религіозномъ ученіи, одна другую считали православною (ortodoxi), были съ собою въ общеніи и единогласно обличали и преслѣдовали возникавшія еретическія ученія. Такому единенію церковей способствовало то обстоятельство, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства, почти все христіанство сосредоточивалось исключительно въ предѣлахъ Римской Имперіи, распространенной еще во время язычества на огромномъ пространствѣ. Къ Римской Имперіи принадлежали всѣ земли, составляющія теперь Италію, Испанію, Португалію, Францію, Англію, Турцію, Персію, Египетъ и сѣверные берега Африки. Столицею этой Имперіи былъ прежде Римъ, а потомъ первый изъ принявшихъ христіанство государей императоръ Константинъ перенесъ столицу въ Константинополь.

Послѣ, когда римскій императоръ Феодосій Великій, въ 395 году по рождествѣ Иисуса Христа, раздѣлилъ, предъ своею смертію, Римскую Имперію между двумя своими сыновьями Аркадіемъ и Гоноріемъ на восточную и западную, это раздѣленіе Имперіи много способствовало и къ раздѣленію церквей. Столицей Восточной Имперіи былъ тотъ же Константинополь, а Западной Римъ; но преобладанію же языковъ греческаго въ Восточной, а римскаго въ Западной, эти имперіи назывались такъ же Греческою и Римскою. Черезъ 80 лѣтъ послѣ этого раздѣла имперіи, западная монархія пала и окончательно разрушена набѣгами варваровъ, которые угасили въ ней греко-римское просвѣщеніе и повергли весь западъ въ хаосъ и невѣжество, продолжавшееся почти тысячу лѣтъ. Въ Восточной же Имперіи, существовавшей послѣ паденія Западной болѣе 10-ти вѣковъ, просвѣщеніе не угасало, — хотя, отъ неудачныхъ войнъ, постепенно уменьшалось въ своемъ объемѣ. Послѣдствіемъ всего этого было затрудненіе общенія запада съ востокомъ, что и породило отдѣльную жизнь западной церкви, — жизнь, выродившую небывалое прежде явленіе: римскій епископъ сдѣлался государемъ! Это именно обстоятельство всего болѣе и содѣйствовало раздѣленію церквей, или точнѣе отпаденію церкви западной отъ восточной.

Всѣ эти событія слѣдуетъ имѣть въ виду для правильной оцѣнки разногласія ученій между православіемъ и латинствомъ. Каждое явленіе тогда только можетъ быть хорошо понято, когда оно будетъ разсматриваемо въ связи съ окружающими его явленіями. И такъ, чѣмъ же разнятся между собою эти церкви въ такихъ предметахъ, въ которыхъ, по ученію обѣихъ церквей, разница неизвинительна?

Это различіе заключается въ трехъ главныхъ пунктахъ: 1) прибавленіе, сдѣланное римлянами къ символу вѣры, что Св. Духъ исходитъ не только отъ Отца, какъ было поставлено въ древнемъ символѣ вѣры и утверждено всѣми 7-ью вселенскими соборами, но и отъ Сына (Filioque); 2) введеніе на западѣ обычая причащать ирландъ однимъ только Господнимъ тѣломъ, а не совмѣстно съ святѣйшею Его кровью, какъ это совершалось съ первыхъ дней христіанства; 3) возведеніе на западѣ въ догматъ ученія о главенствѣ, свѣтской власти и затѣмъ непогрѣшимости римскаго папы, и что только отъ него, посредственно или непосредственно, дается благодать христіанамъ и власть церковная.

Но самымъ главнымъ притязаніемъ западной церкви, безъ котораго она не хочетъ соединиться съ восточною, есть признаніе власти папъ надъ всею христіанскою церковью.

При не однократныхъ попыткахъ къ соединенію и при различныхъ переговорахъ по этому предмету, римскіе папы готовы были войти въ соглашеніе по первымъ двумъ пунктамъ, лишь бы только восточная церковь признала надъ собою власть папскую.

Разсмотримъ эти три пункта чрезъ сличеніе ихъ съ обще-принятыми обѣими церквами источниками христіанскаго ученія, то есть, съ св. Писаніемъ, ученіемъ св. Отцевъ и опредѣленіями 7-ми вселенскихъ соборовъ. Само собою разумѣется, что мы не будемъ принимать въ уваженіе постановленій соборовъ, бывшихъ безъ участія восточной церкви, въ эпоху общаго упадка просвѣщенія на западѣ.

1. О происхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Чтобы основательно судить объ этомъ предметѣ, взглянемъ, въ чемъ обѣ церкви согласны въ понятіяхъ о трехъ лицахъ Божества.

Обѣ церкви видятъ разницу между отношеніями лицъ между собою и существенными свойствами Божества трехъ лицъ. Существенныя свойства, какъ то: всевѣденіе, совершеннѣйшую волю, всемогущество, духовность, безначальность, вѣчность мы понимаемъ, хотя ограниченно, ибо и мы сами, по благодати Творца, имѣемъ подобіе этихъ свойствъ: и мы имѣемъ знаніе, волю, нѣкоторую силу свободнаго дѣйствія; можемъ даже составить нѣкоторое понятіе о безначальности и вѣчности, потому что имѣемъ понятіе о началѣ и времени.

Обѣ церкви согласны, что всѣ существенныя свойства принадлежатъ всѣмъ лицамъ Божества въ равной стѣпени, — Отецъ есть Богъ, — Сынъ есть Богъ, — и Святый Духъ есть Богъ.

Дальнѣйшее ученіе о пресвятой Троицѣ для насъ непостижимо, — понятіе объ ней дано намъ, кажется, для того только, чтобы мы въ благовѣрномъ трепетѣ воскликнули: дивенъ Богъ! Мы не можемъ дѣлать о Трїединомъ Богѣ никакихъ догадокъ и выводовъ, а только съ искренне вѣрующимъ сердцемъ должны принять то, что намъ объявлено и объяснено вселенскими соборами. Такъ, для насъ непостижимо, что три божественныя лица, изъ коихъ

каждое имѣетъ всёъ существенныя, равныя божескія свойства, составляютъ одно Божество. Приближаясь къ нашимъ понятіямъ, мы могли бы объяснить единство Троицы тѣмъ, что три лица Божества потому составляютъ одно Божество, что онѣ не разлиты ни въ вѣденіи, ни въ могуществѣ, ни въ желаніи, но и такимъ образомъ объяснять Троицу мы не имѣемъ права и не находимъ основанія ни въ св. Писаніи, ни въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, — въ этомъ согласны обѣ церкви.

Еще менѣе постижимы для нашего ума дальнѣйшія отношенія между Лицами Пресв. Троицы, а именно: рожденіе и исхожденіе одного отъ другаго, хотя и рождаемое и исходящее — равно вѣчны, не имѣютъ ни начала, ни конца. Такъ же мы не можемъ понять: какая разница между рожденіемъ и исхожденіемъ, однакожъ нельзя сказать, что Сынъ исходитъ, а Духъ рождается, но должно вѣрить, что Сынъ предвѣчно рождается, а Духъ предвѣчно исходитъ, — и въ этомъ обѣ церкви согласны.

Онѣ согласны такъ же и въ томъ, что Сынъ рожденъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ, а Духъ Святой исходитъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ.

Такое ученіе о пресвятой Троицѣ заключается въ Символѣ вѣры, называемомъ никейско-константинопольскимъ. Этого символа придерживается православная церковь; этого же символа придерживались и всѣ церкви запада. Но во время общаго упадка тамъ просвѣщенія въ среднихъ вѣкахъ осѣблались мудрствовать объ исхожденіи Св. Духа вопреки ученію вселенскому и, послѣ разныхъ софизмовъ, дерзнули учить, что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына.

Сперва это ученіе появилось въ Испаніи, гдѣ, къ ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, заключающемуся во вселенскомъ Символѣ вѣры, стали прибавлять слово и *отъ Сына*, уча, то есть, что Св. Духъ исходитъ не только отъ Отца, какъ учила и учитъ вселенская церковь, но и отъ Сына.

Такъ какъ сѣверная Испанія принадлежала къ Франціи, то ученіе это распространилось потомъ и во Франціи, гдѣ даже аяксъ-лешапельскимъ соборомъ опредѣлена правильность этой прибавки. Но, встрѣтивъ несогласіе съ новымъ ученіемъ, многие нововводители рѣшились отнестись по этому предмету въ Римъ. Тогдашній папа Левъ III осудилъ прибавленіе въ Символѣ вѣры

отъ Сына, и протестовалъ противъ такого прибавленія, приказавъ вырѣзать на двухъ серебрянныхъ доскахъ Символъ вѣры на греческомъ и латинскомъ языкахъ, безъ прибавленія въ сѣ: и отъ Сына. Доски эти были поставлены въ церкви в. Петра съ надписью: *я Левъ помѣстилъ эти доски, побуждаемый любовію къ православію и для сохраненія его.* (Это было въ 809 году).

Не смотря на это, новое прибавленіе къ Символу вѣры: *и отъ Духа Святаго, исходящаго отъ Отца и Сына*, постепенно распространялось—такъ что кромя Испаніи прибавляли къ Символу вѣры и отъ Сына во всей, возникшей на развалинахъ западной, имперіи Карла Великаго.

Позже всѣхъ,—именно въ одиннадцатомъ вѣкѣ, допустилъ это прибавленіе и Римъ, по просьбѣ императора Генриха. Кончилось, наконецъ, тѣмъ, что римскіе папы, допустили это прибавленіе къ Символу вѣры и возвели его въ догматъ. Всѣ же восточныя православныя церкви, въ числѣ ихъ и русская церковь, учатъ, что это прибавленіе незаконно и несогласно съ евангельскимъ ученіемъ, выясненнымъ св. отцами церкви и вселенскими соборами.

Объ церкви—восточная и западная согласны, что слово *исходящъ*, приимѣненное къ Св. Духу, употреблено въ св. писаніи только одинъ разъ; и именно: въ послѣдней бесѣдѣ Своей съ учениками, иисусъ Христосъ сказалъ: *егда придетъ утѣшитель, Его же азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца сходитъ, той свидѣтельствуеетъ о мнѣ.* (Іоан. 15, 26). На этихъ словахъ основано выраженіе въ символѣ вѣры: *отрую и отъ Духа Святаго... иже отъ Отца исходящаго.*

Прибавленіе и отъ Сына, сдѣланное римскою церковію, она новывааетъ на слѣдующихъ выводахъ, доказывающихъ, что нападѣ, во время невѣжества, не могли ясно различать понятій, и глѣдовательно дѣлать изъ нихъ логичные выводы. Современные ультрамонтаны, не находя лучшихъ доказательствъ, принуждены прибавляться средневѣковыми. Нельзя же отстать отъ признаннаго въ давнихъ временахъ догмата, не заподозривъ съ тѣмъ вмѣстѣ и непогрѣшимости папы.

Римляне говорятъ, что понятіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына заключается въ словахъ Спасителя: *Его же (Св. Духа)*

Азъ пошлю вамъ; что Спаситель не могъ бы *посылать* Св. Духа, если бы онъ отъ него не исходилъ.

Не видно ли въ этомъ аргументѣ средневѣковой путаницы представленій? Посланіе заключаетъ въ себѣ исхожденіе, параллельное рожденію! Если братъ брата посылаетъ, то значить ли это, что посланный родился отъ пославшаго его? Наниниъ языкомъ, конечно, не возможно выразить отношеній между лицами Пресвят. Троицы; по нашему предполагается, что посылающій имѣетъ какую либо власть, старшинство надъ посылаемымъ, но объ церкви учтъ, что всѣ три лица Божества по существу равны между собою. Слѣдовательно, слова *пошлю*, нельзя примѣнить къ нашимъ понятіямъ о старшинствѣ посылающаго; а что посланіе не значить предвѣчнаго происхожденія, то видно изъ другихъ словъ Спасителя, сказанныхъ имъ въ тойже послѣдней бесѣдѣ и о томъ же предметѣ: *умолю Отца* и иного Утѣшителя дать вамъ (Іоан. 14, 16). Сравнивая эти два изреченія, нельзя не видѣть, что *пошлю отъ Отца*, значить *умолю отца*, да дастъ. Такое поясненіе и согласуется съ ученіемъ обѣихъ церквей въ томъ, что люди сдѣлались недостойными благодати Божіей, а только могутъ быть участниками ея въ средство заслугъ Іисуса Христа, который Своєю кровію купилъ людей отъ грѣха и этою святѣйшею жертвою умолилъ и умолилъ Бога подавать людямъ дары Св. Духа. Поэтому то *посланіе* Св. Духа значить въ данное время дарованіе людямъ благодати Божіей, но не предвѣчное исхожденіе Его.

Далѣе, римляне возражаютъ, что Іисусъ Христосъ, въ тойже бесѣдѣ съ учениками Своими, сказалъ: (Св. Духъ) *отъ меня приметъ*,... *и все что имѣетъ Отецъ, мое есть* (Іоан. X VI ст. 14, 15); *отъ меня приметъ*, слѣдовательно, происходитъ... Придерживаясь правилъ грамматики, почему римляне не сказали: „пронзойдетъ?..“ Въдь слово „приметъ“ — будущее время; если же оно значить происхожденіе, то слѣдуетъ относить къ будущему, тогда какъ исхожденіе Св. Духа есть предвѣчное. Сказанныя Спасителемъ вѣствѣ съ этими слова: „*и возыститъ вамъ ея*“, конечно показываютъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ ученіи, а не объ исхожденіи.

„*Вся елика имать отецъ моя суть: сего ради рече, азъ отъ моего приметъ и возыститъ вамъ*. Если бы слова: „*ея елика имать Отецъ, моя суть*“ относились не къ ученію только и существеннымъ свойствамъ Божества, но и къ отношеніямъ

между собою лицъ Пресв. Троицы, то какой бы смысл имѣли слова Спасителя къ Богу Отцу: *моя вся твоя суть?* Основываясь на своемъ толкованіи, римляне поневолѣ должны прійти къ слѣдующему нелѣпному выводу, что Отецъ родился отъ Отца; Отецъ отъ Отца!...

Римляне также еще ссылаются на слова Апостола, гдѣ онъ называетъ Св. Духа „*Духомъ Сына*“; слѣдовательно, по словамъ ихъ, Духъ исходитъ и отъ Сына. Въ цѣломъ составѣ апостольскихъ словъ: „*посла Богъ духа Сына Своего въ сердца ваши,*“ православные видятъ, что здѣсь говорится не о личности Св. Духа, но о дарахъ Его, ниспосланныхъ въ сердца вѣрныхъ,— дарахъ, заслуженныхъ Иисусомъ Христомъ, какъ было сказано выше; посему то они и называются Христовыми, какъ Христомъ приобретенныя для людей.

Наконецъ, римляне, въ подтвержденіе своего нововведенія, указываютъ на дѣйствіе Иисуса Христа, описанное евангелистомъ Іоанномъ въ главѣ XX, ст. 22 и 23,—гдѣ Спаситель, по воскресеніи Своемъ, торжественно посвящаетъ Своихъ апостоловъ на проповѣдь евангелія и совершеніе таинъ; „*якоже посла мя Отецъ говорить оны, и азъ посылаю вы. И сіе рекъ душу, и слава имъ: примите Духъ святъ, имже отпустите грѣхи* и проч. Дуновеніемъ Сынъ Божій передаетъ апостоламъ Св. Духа, слѣдовательно Духъ Святый исходитъ и отъ Сына!.. Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, глава VIII ст. 17, мы видимъ еще болѣе разительный фактъ. Апостолы, чрезъ возложеніе на избранныхъ Своихъ рукъ, передаютъ имъ Св. Духа; за тѣмъ, слѣдуя римскою логикѣ, нужно предположить, что Св. Духъ исходитъ и отъ апостоловъ?!...

Защитники западнаго нововведенія утверждаютъ, что православные не хотятъ сдѣлать приложенія къ Символу вѣры словъ: *и отъ Сына* только по упрямству, хотя въ сущности такъ же вѣруютъ, какъ и западные паписты, только другими словами выражаютъ свою вѣру; что выраженіе православныхъ писателей: *Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына*, однозначно происхожденію Св. Духа отъ Сына. Но это выраженіе православныхъ имѣетъ иное значеніе. Православная церковь учитъ, какъ было выше сказано, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, а сообщается людямъ чрезъ Сына, то есть посредствомъ заслугъ Иисуса Христа,—и это

ниспослание Св. Духа людямъ не есть предвѣчное, но временное и разнится отъ исхожденія.

Бл. Августинъ, величайшій учитель западной церкви, силясь по возможности объяснить, какъ онъ самъ выражается, необъяснимое, сравниваетъ отношенія лицъ Пресв. Троицы съ дѣйствіями человѣческаго духа. Предполагая, что познаніе (*cognitio*) соотвѣтствуетъ Богу Отцу, — помышленіе (*cogitatio*), заключающее въ себѣ образъ познаннаго, соотвѣтствуетъ Богу Сыну, — и, наконецъ, воля, зависящая отъ познанія, соотвѣтствуетъ Св. Духу, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: образъ знанія есть рожденіе знанія, что похоже на рожденіе Бога Сына отъ Бога Отца, — нельзя желать того, чего не знаемъ, то есть, желаніе происходитъ такъ же отъ знанія, что соотвѣтствуетъ исхожденію Св. Духа отъ Отца же (*de Trinitate, lib. 15, 27*). Этими онъ указываетъ на разность исхожденія Св. Духа отъ рожденія Сына Божія, и тамъ же говоритъ: „потому то Сынъ не сказалъ, что Св. Духъ рождается отъ Отца, иначе былъ бы братъ Его, но исходитъ“.

Чтобы дать свой смыслъ только что приведенному мною ученію великаго своего учителя, римляне, въ потребныхъ для нихъ и соотвѣтствующихъ цѣли ихъ мѣстахъ этого писателя, переимѣнили слова и значеніе ихъ. Такъ, вмѣсто слова *cognitio* (знаніе), они поставили слово *cogitatio* (мышленіе). Такое самоправное искаженіе приводитъ къ заключенію, что будто бы бл. Августинъ сказалъ: что воля происходитъ не отъ знанія, но отъ мышленія, слѣдовательно Св. Духъ происходитъ отъ Сына. Но при такомъ сопоставленіи словъ у бл. Августина вышла бы нелѣпность, какъ то: „*помышленіе есть самый сходный образъ помышленія*, тогда какъ неискаженный текстъ даетъ такой смыслъ: *помышленіе есть самый сходный образъ знанія* (*Simillima cognitionis*).

Что текстъ бл. Августина искаженъ римлянами настолько, насколько имъ то было нужно для поддержанія нововводнаго ученія авторитетомъ знаменитаго этого учителя западной церкви, и искаженъ именно такъ, какъ я указалъ, въ томъ каждый наглядно можетъ убѣдиться, прослѣдивъ различныя замѣчанія издательской твореній бл. Августина въ разныхъ вѣкахъ. Такъ напримѣръ: въ венеціанскомъ изданіи 1552 года, издатель пишетъ: *vetera interea, loco cogitationis, habent: cognitionis* (въ древнихъ рукописяхъ, вмѣсто помышленія, стоитъ: познаніе); въ парижскомъ изданіи 1679 года и въ антверпенскомъ 1700 года, издатель сдѣлалъ такую

вѣтку: Omnes prope: M. SS. cognitionis ejus. Et infra: a cognitione procedere; ac paulo post: cognitionis imaginem (почти о **всѣхъ** рукописяхъ: *того познанія*; и ниже: исходить отъ познанія, и далѣе: образъ познанія). Изъ этого ясно видно, что **илянамъ** непремѣнно хотѣлось вложить въ уста бл. Августина свои **измудрованія**, — именно, чтобы, желаніе, какъ соотвѣтствующее Св. Духу, происходило отъ мышленія—*cogitatio*, которое соотвѣтствуетъ Сыну Божию, а не отъ знанія (*cognitio*), соотвѣтствующаго Богу Отцу. Теперь у меня нѣтъ подъ руками сочиненій св. Аванасія, напечатанныхъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ; но я твердо помню, что въ переводѣ латинскомъ вставлено въ символъ вѣры этого св. Отца слово *Filio que* и **Сына**), чего въ подлинномъ греческомъ текстѣ нѣтъ. Да и вообще римскіе переводчики св. Отцевъ церкви сознавались въ предсловіяхъ, что, найдя нѣкоторыя выраженія св. Отцевъ несогласными съ ученіемъ церкви (разумѣется римской), они подѣлали потребныя исправленія, — а по нашему, подлоги и искаженія.

Тотъ же бл. Августинъ, въ книгѣ *contra sermoneм агіанам* глава XXIII), излагаетъ слѣдующее православное ученіе: „Да не возмнѣть, будто чрезъ какія степени есть отъ Него (Духъ Святой), подобно какъ самъ (Сынъ) есть отъ Отца: напротивъ оба отъ Отца, тотъ рождается, сей исходитъ, которыя два дѣйствія, въ высотѣ онаго естества (Божьяго), различить, конечно, трудно.“

Дамась, римскій папа, на римскомъ соборѣ, съ согласія многихъ епископовъ, издалъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ бл. Августинъ (*serm. 129 de tempore*) и Феодоритъ (*lib. Histor. Eccles. M.*) читаютъ слѣдующія слова: „*аще кто не речетъ, яко Духъ святой отъ Отца есть истинно и собственно, якоже и Сынъ отъ сущности Божіей есть Божіе слово, анагема да будетъ.*“

Изъ сказаннаго мною о прибавленіи римлянами къ Символу вѣры словъ: *Filio que* (и Сына), видно, какая разница произошла въ сужденіи о Пресв. Троицѣ древнихъ отцевъ отъ ередневѣковыхъ! Въ первыхъ вѣкахъ христіанства, когда еще неупало гречко-римское просвѣщеніе, когда ученіе церкви не уклонилось отъ ученія Спасителя и апостоловъ, разсуждали объ этомъ святѣйшемъ таинствѣ осторожно и не отдѣлялись отъ словъ св. Писанія; въ послѣдующихъ же вѣкахъ, когда весь западъ помрачился средневѣковымъ невѣжествомъ, западники пустились въ умствованія и укло-

нились отъ истины. Впрочемъ, это общій законъ, что невѣжды смѣло отваживаются рѣшать самыя недоступныя для нихъ вопросы. Наши простолюдины не утверждаютъ ли съ самоувѣренностію, что громъ происходитъ отъ грохота колесъ, на которыхъ разъѣзжаютъ св. Илья по небу, что облака состоятъ изъ студенистой матеріи? А средневѣковыя западныя христіане не рѣшали ли такихъ вопросовъ: святыя на небесахъ ходятъ нагими или въ одеждѣ? было ли Божество въ волосахъ и ногтяхъ Иисуса Христа?; въ каждомъ ли евхаристійномъ атомѣ св. Тѣла и Крови Христовой находится всецѣло Христосъ Богъ? какъ рождала пречистая Дѣва Марія? и проч. и проч.

Если же какое *либо изъ подобныхъ умствованій распространилось въ западныхъ церквахъ, то тогда, на основаніи непогрѣшности папы римскаго, какъ главы этихъ церквей, оно дѣлалось догматомъ, — и тѣхъ, кои несогласались на такіе выводы, предавали анаемѣ. Таковъ Символь вѣры тридентскаго собора, утвердившій почти всѣ средневѣковыя заблужденія.

О причащеніи мірянъ однимъ только Тѣломъ Господнимъ.

Римскіе епископы и священники причащаются Тѣла и Крови Христовой такъ, какъ причащаются и всѣ православные: но мірянъ своихъ они причащаютъ однимъ только Тѣломъ Господнимъ. Этотъ обычай возникъ у нихъ такъ же въ среднихъ вѣкахъ, подъ тѣмъ пустымъ и трусливымъ предлогомъ, что, причащая мірянъ Тѣла и Крови Христовой, можно распространять заразы. Оправдываютъ же эту практику умствованіемъ, что въ каждомъ атомѣ Тѣла и Крови Христовыхъ заключается всецѣло Христосъ съ Тѣломъ и Кровію; а потому, причащающійся однимъ только Тѣломъ, вмѣстѣ съ нимъ причащается и Кровію.

Основаніемъ таинства св. причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ для обѣихъ церквей служитъ установленіе сего таинства Самимъ І. Христомъ, описанное всѣми евангелистами. Еван. Матѳеѣй, въ глав. XXVI. ст. 26 и д., обстоятельно повѣствуетъ объ этомъ событіи: *Идуцимъ же имъ, приемъ Иисусъ хлѣбъ, и благословивъ преломи: и дающе ученикомъ и рече: примите, ядите сіе есть тѣло мое и приемъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ глаголя: пейте отъ нея вси: сія бо есть кровь моя новаго завета, яже за многія изливается во оставленіе грѣховъ.* —

Еван. Маркъ, въ гл. 14 ст: 22.—24., повѣствуетъ то же, Ев. Лука, въ гл. XXII. ст. 19. говоритъ при этомъ, что Господь (Исусъ) повелѣлъ творить это таинство и послѣ себя, въ Его воспоминаніе: *сѣ творите въ мое воспоминаніе.*—Апостоль Павелъ такъ пишетъ въ коринѳянамъ, что оно должно быть совершаемо въ память смерти Господа до самаго втораго пришествія Его: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пьете, смерть Господню возвыщаете, дондеже придетъ.* (1. Кор. глав. XI. ст.: 23—26) Еван. Іоаннь, въ гл. VI ст. 53—59 такъ излагаетъ ученіе І. Христа объ установленіи сего святѣйшаго таинства, *Хлѣбъ, его же Азъ дамъ плоть моя есть, юже Азъ дамъ на животъ міра, плоть бо моя истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво. Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пьете крове Его живота не имате въ себѣ. Ядыи мою плоть и пияи мою кровь, имате животъ вѣчный: и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.*

Сравнимъ это основаніе съ ученіемъ римлянъ: они говорятъ, — гдѣ тѣло, тамъ и кровь, — но слово *изливаемо* показываетъ, что Кровь, во время страданій и смерти Спасителя была отдѣлена отъ Тѣла, и заповѣдалъ пречистое Тѣло ѣсть, а животворящую Кровь пить (1), въ воспоминаніе смерти Его; *елижды бо ясте хлѣбъ сей и чашу сію пьете, смерть Господню возвышаете*, учитъ апостоль Павелъ, — что не достигается причащеніемъ одного только Тѣла. При томъ же І. Христосъ, отдѣльно подавая чашу, сказалъ: *пійте вси* и грозно указываетъ на послѣдствія неисполненія сего завѣта: *аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пьете крове Его, живота не имате въ себѣ.*

И такъ позволительно ли произвольное толкованіе и неумѣстное умствование о такомъ важномъ предметѣ, — умствование столь противное самой опредѣленной Христовой заповѣди?

Въ оправданіе свое римляне приводятъ свидѣтельство древнихъ, говорящее, что отсутствующимъ и больнымъ вѣрнымъ посылали — одно только Христово Тѣло безъ Крови. Правда, что въ подобныхъ случаяхъ не носятъ чаши, но для этой потребности посылали Тѣло святѣйшею Кровью, какъ православная церковь и нынѣ дѣлаетъ это съ запасными для больныхъ дарами, основываясь въ этомъ случаѣ на древнейшемъ церковномъ правилѣ.

(1) Иначе хлѣбъ нужно было бы пить, а вино есть.

(Продолженіе впереди).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОГО КВРЯЙСКАГО СМОТРИТЕЛЯ УЧИЛИЩЪ 1го РАЗРЯДА. (1)

„Каковъ хозяинъ. таковы и домашніе.“

Недавно моей судьбѣ захотѣлось освободить меня на нѣкоторое время отъ города съ неотлучными его компаньонами: шумомъ, пылью, крикомъ, гамомъ и доставить мнѣ удовольствіе подышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ лѣсовъ и полей. Съ этой цѣлью добрая судьба отправилась со мной въ мѣстечко N...., расположенное на правомъ берегу Нѣмана. Въ одно, не совѣмъ прекрасное утро, я наскоро уложилъ въ чемоданъ свои вещи и отправился въ путь. Послѣ суточного движенія колесъ моей телеги, я отутился на маленькой площадкѣ мѣстечка N.... Я началъ протирать отъ пыли глаза и осматривать окружающіе площадку одноэтажные, деревянные домики, въ одномъ изъ коихъ, по указанію моей судьбы, мнѣ придется пробыть нѣкоторое время, — какъ вдругъ мнѣ бросилась въ глаза вывѣска съ русскими буквами. Подошедъ поближе къ дому, на которомъ красовалась эта рѣдкость, я, къ величайшему моему удовольствію, прочелъ: „Казенное первоурядное училище.“ Я помирился съ моею судьбою, на которую такъ еще недавно былъ сердитъ за то, что она затащила меня въ такую глушь, и велѣлъ фурману вести меня въ какую нибудь гостиницу, въ надеждѣ скоро возвратиться къ вывѣскѣ, чтобы познакомиться съ менторами училища и самымъ училищемъ. Но лишь только кони двинулись съ мѣста, какъ услышалъ я голосъ, кричавшій: стой! стой! Я оборотился въ ту сторону, откуда слышенъ былъ зовъ, и, представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ окнѣ училища моего стараго друга и товарища по училищу, — товарища, съ которымъ особенно сроднилась душа моя. Пріятель мой велѣлъ фурману внести вещи мои въ его квартиру, а я тѣмъ временемъ успѣлъ выкарабкаться изъ телѣги и взошелъ на лѣстницу, ведущую къ пріятелю. Послѣ обычныхъ привѣтствій и объятій, я вспомнилъ, что пріятеля слѣдуетъ поздравить съ кокардой, при чемъ я имѣлъ неосторожность прицѣпить

(1) Взято изъ недавней дѣйствительности.

слово „учитель“. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, позвольте вамъ замѣтить, что вы еще не знаете, съ кѣмъ имѣете честь говорить; я не какой нибудь простой учитель, мнѣ выпало на долю смотрительство, т. е., мнѣ ввѣрено все училище и я управляю имъ. Тутъ я принялся на новый ладъ поздравлять его съ высшимъ чиномъ и изъявилъ мое искреннее сочувствіе высотѣ его общественнаго служенія. Но вмѣсто обыкновенной монеты, которою платятъ за подобныя поздравленія, смотритель поподчивалъ меня слѣдующими фразами: оставьте наше поприще, оно слишкомъ незavidно; да укажетъ вамъ Всевышній другое, лучшее. Эти слова такъ поразили меня, что я обратился въ олицетворенный знакъ вопроса и удивленія. Я сей часъ хотѣлъ-было попросить бѣднаго смотрителя, чтобъ онъ объяснилъ мнѣ причину недовольства его своимъ положеніемъ, но, чувствуя себя слишкомъ усталымъ нравственно и физически, попросилъ себѣ комнату; она была указана и я туда удалился.

Съ того времени всѣ мои мысли были заняты однимъ смотрителемъ и у меня не выходило изъ головы положеніе этого молодого человѣка, и потому, при каждой новой встрѣчѣ съ нимъ, я всячески старался завести разговоръ объ училищѣ, а отъ него перейти къ личнымъ интересамъ смотрителя. Но онъ всякій разъ, на перекоръ моимъ стараніямъ, находилъ случай дать разговору другое направленіе. Я уже начиналъ отчаеваться въ удовлетвореніи своему любопытству, какъ добрая судьба и тутъ явилась ко мнѣ на подмогу. Однажды ночью, когда всѣ въ домѣ давнымъ давно погрузились въ міръ сонныхъ видѣній и только я съ смотрителемъ остались предъ чайнымъ столикомъ, дочитывая послѣдніе слобцы „Гаккармея“ (единственный журналъ, получаемый въ N....), смотритель обратился ко мнѣ слѣдующими словами: вы, какъ я вижу, хотите знать, почему я такъ не расположенъ къ моей должности, отчего я не доволенъ положеніемъ, которое вамъ и многимъ другимъ, кажется не совсемъ дурнымъ, и которое, наконецъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ, имѣетъ даже довольно заманчивую наружность, такъ что, пожалуй, есть люди, готовые завидовать мнѣ. Чтобъ удовлетворить вашему любопытству и разсѣять оптимизмъ любителей смотрительства въ перворазрядномъ училищѣ, — я вамъ передамъ нѣкоторые эпизоды изъ моего дневника. При этихъ словахъ онъ немножко задумался, закурилъ сигару и началъ такъ:

„Въ прошломъ году я получилъ изъ виленскаго округа оф-

официальную бумагу, которая гласила, что я назначенъ смотрителемъ N-скаго первообразнаго училища, гдѣ, до сего времени занималъ это мѣсто одинъ полякъ. По полученіи бумаги, я немедленно отправился въ N.... и заѣхалъ въ лучшую еврейскую гостиницу. Меня сначала приняли за христіанина (я, изволите видѣть, былъ въ мундирѣ), но когда я обратился къ домашнимъ на бессмертномъ жаргонѣ (для жителей N.... жаргонъ, кажется, бессмертенъ) во мнѣ признали своего единовѣрца. Узнавъ, что я изъ послѣдователей Моисеева закона, хозяинъ немедленно явился ко мнѣ, привѣтствовалъ меня обычною формулою: „шаломъ а. лехемъ“ (миръ съ вами) и спросилъ не лѣчу ли я больныхъ? Я отвѣчалъ ему, что къ сожалѣнію, я не изъ числа этихъ счастливицевъ и сообщилъ ему о цѣли моего пріѣзда. Дѣйствительно, можно пожалѣть вмѣстѣ съ вами, сказалъ мнѣ хозяинъ, что вы не докторъ; такъ какъ у насъ народонаселеніе густое, то, будучи докторомъ, вы несравненно больше имѣли бы работы, чѣмъ будучи смотрителемъ. Ха! ха! ха!.... вырвалось изъ широкаго горла хозяина, послѣ нѣкотораго молчанія, — скажите на милость, съ какой стати вы будете смотрителемъ, когда вамъ не надъ бѣмъ будетъ смотрительствовать; вѣдь тамъ въ школѣ вашей, думаю, всего на все считается, не забудьте, считается, восемь оборванныхъ мальчишекъ.

— Неужели у васъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ мало посѣщающихъ классовъ? спросилъ я хозяина.

— Честное слово говорю вамъ, что не больше.

— Скажите, Бога ради: отчегожъ такъ мало охотниковъ до ученя, вѣдь вы сами говорите, что здѣсь народу не мало?

— Евреевъ въ нашемъ мѣстечкѣ, слава Богу, очень то не мало; общество наше доходитъ даже до-порядочной цифры, а учениковъ въ школѣ не много, потому что каждому еврею хочется, чтобы сынъ его былъ истиннымъ евреемъ, чтобъ онъ не былъ обстриженъ подъ гребенку, какъ солдатъ, и не сидѣлъ четыре часа съ открытою головою!!....

— А смотритель чего смотреть? вѣдь ученіе для васъ теперь обязательно?

— Смотритель у насъ, извольте видѣть, полякъ. Не смотри на вашу обязательность, онъ насъ оставляетъ въ покоѣ.... Его мало интересуетъ, если наши дѣти не будутъ знать читать и писать по-русски. Онъ востойливо намъ твердитъ: „по мнѣ хоть не будь ни одного мальчика въ классѣ, мнѣ все равно; жалованье я получу“

исправно. Но, не ровень часъ, найдеть внезапно посѣтитель, тогда, пожалуй, могу еще мѣста лишиться.... поэтому давайте мнѣ хоть нѣсколькихъ учениковъ.“ Ну вотъ мы, ему въ угоду, достали восемь бѣдныхъ мальчиковъ, а отцы этихъ дѣтей, въ свою очередь, мнѣють оттого тоже свой хвбарь... мнѣ, какъ вамъ сказать, дѣлаются за то отъ общества кое-какія уступки и разныя одолженія.

„Выслушавъ такую *приятную* для меня исповѣдь, я нисколько не упалъ духомъ и повторилъ хозяину, что я не полякъ, а истый еврей, что я люблю свой народъ и потому я хочу, чтобы мои единовѣрцы знали что нибудь... Я даже мнѣль смѣлость обнаружить ему сильную надежду, что у меня пойдетъ дѣло другимъ порядкомъ и сказалъ: на Бога уповаю, что у меня будетъ больше ровности, наконецъ—больше наблюденія за обязательностью.

„Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ говорится“, прервалъ меня хозяинъ, „не скажи гопъ! пока не перескочишь“, говорить здѣшняя пословица. Если вы такъ думаете, то могу васъ увѣрить заблаговременно, что вы съ нами бочки соли не съѣдите“!!.... Говоря это, хозяинъ повелъ нѣсколько разъ рукою по обѣимъ сторонамъ своего горбатаго носа и отошелъ отъ меня, какъ я замѣтилъ, въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

„Вотъ первое угощеніе, которымъ встрѣтилъ меня, въ первый день моего прибытія, какъ я узналъ послѣ, одинъ изъ главныхъ представителей Н-скаго еврейскаго общества. Ночью, часовъ въ десять, мнѣ подали второе блюдо. Сидя у себя въ комнатѣ и размышляя, какъ тутъ мнѣ начать дѣло съ моими ретроградными упрямими единовѣрцами, какъ приманить ихъ къ себѣ, чтобы они имѣли ко мнѣ какое нибудь довѣріе, чтобы они поняли, что я желаю имъ добра,—я вдругъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ какой то шумъ. Я мимовольно приложилъ ухо къ стѣнѣ, грѣшнній человекъ! и вотъ что услышалъ: „Нѣтъ, началъ одинъ, не думайте, что намъ такъ дешево обойдется новый смотритель, не думайте, что мы съ нимъ такъ легко все устроимъ въ нашу пользу, какъ съ бывшимъ смотрителемъ; не думайте, что дѣти наши будутъ такъ свободно и исключительно заниматься талмудомъ, какъ въ счастливое бывшее время, нѣтъ! нѣтъ! говорю я вамъ, не льстите такую прекрасною будущностью!!... Слыхали ль вы что онъ говоритъ? онъ насъ любитъ, сказалъ онъ, и потому хочетъ, чтобы дѣти наши знали повинѣнному.... Ой! ой! ой! такая любовь хуже всякой

ненависти, хуже самой смерти!!... Да спасетъ насъ Господь и нашихъ предковъ отъ этого человѣка „!!... Эта молитва, составившимъ финалъ проповѣди, чуть не убила меня на мѣстѣ. У меня затуманилось въ глазахъ; мнѣ сдѣлалось дурно и отъ изнеможенія я ударился головою объ столъ. Отче небесный! сказалъ я, вотъ для чего я учился восемь лѣтъ въ раввинскомъ училищѣ, — вотъ для каковой цѣли я жертвовалъ моею будущностью!.. Мнѣ не хотѣлось лѣчить физическихъ ранъ моихъ собратій, я ниѣлъ въ виду быть ни полезнымъ въ нравственномъ отношеніи, ни хотѣлось быть педагогомъ дѣтей нашего бѣднаго народа, и вотъ что меня ожидаетъ, вотъ какъ меня встрѣчаютъ! Меня гонятъ, какъ дикаго звѣря, отъ меня бѣгаютъ, какъ отъ заразной чумы, отъ меня пресытъ спасенія Всевышняго!! Къ чему я тратилъ мои силы, къ чему учился, къ чему трудился?!

О моя юность!

О моя свѣжесть!...

„На слѣдующій день утромъ я отправился на ту сторону нѣсточка, гдѣ видѣлъ вывѣску съ русскими буквами, т. е., въ то счастливое мѣсто, откуда распространяется современное русское образованіе для N-скаго еврейскаго юношества. Очутившись въ корридорѣ училища, я принужденъ былъ остановиться на нѣсколько минутъ; мною овладѣло какое то тревожное чувство, — я никакъ не осмѣливался приступить къ дверямъ. При мысли о томъ, что я нахожусь въ зданіи, отъ имени котораго такъ трепещутъ сердца N-скихъ евреевъ, сердце во мнѣ такъ сильно стало биться, какъ билось нѣкогда сердце каждаго еврея при входѣ въ храмъ Соломоновъ. Простоявъ нѣсколько минутъ, я отворилъ дверь и вошелъ — въ классъ. Здѣсь мнѣ представилось самое оригинальное зрѣлище. На стулѣ, предъ маленькимъ класснымъ столикомъ, сидѣлъ толстенный баринъ, съ усами каждый длиною въ $\frac{1}{4}$ аршина, и громко читалъ небольшую книжку, лежавшую предъ нимъ. Что это была за книжка, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно; но что она была очень серьезнаго содержанія, я сей часъ догадался по внимательному и прилѣжному чтенію барина, а что онъ внимательно и прилѣжно читалъ, можетъ служить явнымъ доказательствомъ то, что онъ даже не замѣтилъ, какъ я вошелъ въ классъ, не смотря на то, что я былъ немножко небреженъ и порядочно хлопнулъ дверью. По всей плоскости комнаты широко раздвинулись шесть классныхъ скамеекъ, на послѣдней изъ коихъ сидѣли пять старшей и отъ ску-

ки иные зѣвали, а другіе перелистивали какія то книжки. Не удостоиваясь вниманія польскаго зрителя (это былъ онъ) минуты четыре, я далъ знать, что существую, посредствомъ общеупотребительнаго въ подобныхъ случаяхъ сигнала, а именно: я кашлянулъ изо всей мочи. Зритель вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ... Я подошелъ къ столику и представился. *Winszuje*, (поздравляю) отвѣчалъ мнѣ польскій зритель и началъ продолжать разговоръ на польскомъ языкѣ. Я извинился предъ нимъ, что не знаю польскаго языка и попросилъ его говорить со мною на отечественномъ языкѣ. Послѣднія слова мои ужасно разсердили ех—зрителя, онъ вытаришилъ на меня такіе большіе глаза и скорчилъ такую прескверную гримасу, какія врядъ ли удастся мнѣ видѣть еще разъ въ жизни. Я сначала не понялъ въ чемъ тутъ дѣло и хотѣлъ приписать неблагоклонность пана въ русскому языку особеннымъ причинамъ, но потомъ это объяснилось само собою и все вышло ясно, какъ день: въ разговорѣ ех—зритель высказалъ такіе неловкіе и нелѣпые обороты, которые были бы смѣшны и въ устахъ уличнаго еврея.

— Почему такъ мало учениковъ сегодня въ классѣ? спросилъ я ех—зрителя.

— Потому что ихъ никогда больше нѣтъ; во второмъ классѣ, правда записаны въ книгѣ еще три человѣка, но они, по особеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ, очень рѣдко бываютъ. Оттого по временамъ нападаетъ такая скука, что—волей неволей—берешь книгу и читаешь для развлечения.

— А что это у васъ за книжка въ рукахъ?

— Она не по вашей части, торопливо сказалъ ех—зритель,—она на польскомъ языкѣ.

Тутъ еврейскій зритель остановился; часы пробили двѣнадцать. Въ подсвѣчникѣ догорѣлъ послѣдній огарокъ свѣчи и отбрасывалъ черную, густую тѣнь на стѣны комнаты. Мало-по-малу тѣнь обхватывала и части потолка; въ комнатѣ становилось темнѣе. Вѣдннй зритель былъ погруженъ въ глубокую думу; на лицѣ его можно было прочесть и горькое отчаяніе, и печальную досаду. Желая вывести его изъ этого тяжкаго положенія, я прервалъ молчаніе.

— Что, спросилъ я, развѣ это все, что имѣете сказать о вашемъ вѣстечкѣ и что побуждаетъ васъ смотрѣть такъ мрачно на вашу священную службу?

— Ахъ и охъ! перебилъ меня смотритель и не далъ мнѣ свѣтить вопроса, которымъ я думалъ превратить все мнѣ рассказанное въ ничто и доказать ему, что всѣ эти исторіи, самыя обыкновенныя во всѣхъ еврейскихъ мѣстечкахъ, и выѣденнаго яйца не стоятъ. Неужто, сказалъ онъ, вы думаете, что это все? нѣтъ! прошу покорно подальше. Все что вы слышали есть только, такъ сказать, прологъ моего дневника, а самая суть вперед. Вамъ спать не хочется? спросилъ онъ меня.

— Я готовъ присидѣть цѣлую ночь и слушать васъ, отвѣчалъ я.

— Если такъ, то немножко продолжите. Смотритель зажегъ новую свѣчу, переложилъ одну ногу на другую, закурилъ въ другой разъ сигару и сталъ дальше читать свой дневникъ.

„На другой день по принятіи мною отъ quasi-смотрителя — поляка канцеляріи, библиотеки и училищнаго имущества, я созвалъ къ себѣ учениковъ и спрашивалъ ихъ обо всемъ, касающемся училища; о главныхъ лицахъ мѣстечка и правителяхъ. Отъ нихъ я узналъ, что самое главное лицо мѣстечка есть никто другой, какъ казенный раввинъ, что онъ составляетъ хвостъ и голову мѣстечка и что въ рукахъ его весь умъ и воля жителей, но старинному выраженію, какъ глина въ рукахъ горшечника, который страшаетъ изъ нея что и какъ ему заблагоразсудится. Мнѣ стало легче на сердцѣ; въ немъ я думалъ найти крѣпкаго сотрудника и помощника, но какъ я горько ошибся!. Я послалъ попросить его къ себѣ (1); но онъ долго заставилъ ждать себя, видно и его не чужды счеты визитами. Наконецъ раввинъ явился, и представилъ себѣ мое изумленіе! это былъ содержатель той самой гостиницы, въ которую я заѣхалъ. Долго стоялъ я предъ нимъ, не зная, что сказать ему. Зная образъ его мыслей въ дѣлѣ воспитанія вообще и взглядъ его на N-скую школу въ особенности изъ перваго діалога между нами въ его домѣ, и узнавъ потомъ, что отъ него зависитъ вся судьба училища, слѣдовательно и моя собственная, я на все махнулъ рукой и вовсе не хотѣлъ говорить съ своимъ гостемъ. Но раввинъ самъ далъ починъ и направленіе слѣдующей бесѣдѣ.

— Вы вѣроятно, началъ онъ, хотите посоветоваться со мною насчетъ вашей школы и надѣетесь, безсомнѣнія, на мою помощь!

(1) Не совсѣмъ вѣжливо.

Ред.

Какъ я вамъ напередъ скажу, что я никогда не вмѣшивался въ дѣла вашей школы и не думаю когда нибудь вмѣшаться. Я человѣкъ посторонній и нисколько не интересуюсь такими глупостями.

— Да какъ же это вы посторонній человѣкъ, спросилъ я его: вѣдь вы носите на себѣ названіе *казеннаго* раввина, вѣдь вамъ поручено смотрѣть за исполненіемъ всѣхъ обязанностей и предписаній не только правительственныхъ, но даже мѣстной администраціи?... Далѣе, какъ это вы позволяете себѣ называть воспитаніе юношества, о которомъ столько заботится наше гуманное правительство, глупостью?

— Мои обязанности, отвѣчалъ раввинъ съ негодованіемъ, знаю и лучше васъ; я въ здѣшнемъ мѣстечкѣ раввиномъ не со вчерашняго дня, а уже лѣтъ девять. Мое дѣло только записывать въ метрическую книгу новорожденныхъ, обозначать умирающихъ, дать позволеніе на обрѣзаніе, бракосочетаніе, — вотъ въ чемъ состоитъ моя должность, а не въ чемъ либо другомъ. Это во первыхъ. А что до вашего воспитанія, то его, по меньшей мѣрѣ, можно считать дѣломъ маловажнымъ, если не совсѣмъ лишнимъ. У насъ есть меланды, которые воспитываютъ дѣтей наилучшимъ образомъ: мальчикъ девяти лѣтъ уже знаетъ у нихъ нѣсколько трактатовъ талмуда, со всѣми комментаріями, такъ что если предлагаешь ему какой нибудь вопросъ, онъ отвѣчаетъ на всѣ четыре стороны, такъ что, право, иногда покраснѣешь по уши отъ стыда за предложеніе такого маловажнаго вопроса. А ваши школьники что знаютъ? читать и писать по русски? — эка важность!!... Охъ, охъ! развѣ это воспитаніе *еврейскихъ* дѣтей!... Вы скорѣе портите ихъ, нежели учите. Не дождавшись возраженія, раввинъ показалъ мнѣ синну, и хотѣлъ выйти; но я удержалъ его. Сдѣлайте мнѣ хоть это одолженіе, сказалъ я ему, скажите мнѣ, у кого изъ здѣшнихъ евреевъ есть взрослые мальчики, которые способны быть учениками: я самъ пойду къ отцамъ и поговорю съ ними, а высь мнѣ удастся увеличить скудное число учащихся, я буду вамъ за это много благодаренъ.

— Вы черезчуръ умны, сказалъ мнѣ раввинъ: вамъ хочется, чтобъ я вамъ указалъ на дѣтей израильскихъ, которыхъ вы нагѣрены испортить! Нѣтъ, не нашли дороги, смотритель; я не изъ такого десятка... нѣтъ, повторяю я вамъ, я не тогого закала, чтобъ продавать еврейскихъ мальчиковъ!!... Тутъ онъ хлопнулъ дверью и вышелъ.

„Послѣ всего этого я рѣшился оставить зкоренѣлаго фанатика, съ его зловредными предубѣжденіями, предаться всецѣло судьбѣ и ждать, что она приготовитъ для меня и для N-скаго учителя. Двѣ недѣли я долженъ былъ довольствоваться 8-ью учениками, воспитанными на еврейскій ладъ — съ польскими затѣями, но за то всѣ они каждодневно посѣщали классы. Сначала мнѣ пришлось бороться съ ихъ упорнымъ и, быть можетъ, напускнымъ невѣжествомъ. Когда я задалъ имъ урокъ по русской книжкѣ, всѣ, въ одинъ голосъ, отбѣкивались и роптали, говоря, что каждый изъ нихъ знаетъ, на всякій случай, какое нибудь стихотвореніе, кто „Птичку Божию“ Пушкина, а кто „Прохожіе и собаки“ Крылова; но послѣ того, какъ я имъ объяснилъ и доказалъ, что они должны больше знать, что это обманъ ихъ, выучить только по одному стихотворенію, для декламировки предъ ксѣтителемъ; что чѣмъ больше они будутъ знать, тѣмъ большее ожидаетъ ихъ счастье, — они замолчали и помирились со мною. Каждый день я замѣчалъ въ нихъ больше ко мнѣ расположенія и это было единственное мое утѣшеніе въ горькой моей участи, въ моею одиночествѣ.

„Познакомившись исподоволь съ N-скимъ обществомъ поближе, я началъ посѣщать вліятельнѣйшіе дома и часто проводить длинные зимніе вечера въ горячихъ бесѣдахъ съ батюшками и матушками стародавняго покроя, а частехонько и съ матушкиными сынками послѣдней еврейской моды. Узнавъ меня ближе, N-скіе евреи, въ свою очередь, сдѣлались со мною откровеннѣе. Нѣкоторые отцы настолько оказались современны, что изъявили желаніе отдать своихъ сыновей, воспитанныхъ въ чисто талмудическомъ духѣ, въ школу, — съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ, они знали хоть писать порусски. „Я согласенъ съ вами, г. сестритель, сказалъ мнѣ одинъ изъ N-скихъ аристократовъ, что при основательномъ знаніи талмуда, не мѣшаетъ знать и свѣтскія мудрости; вѣдь сказано, что талмудисты знали всѣ языки и мудрости не только того времени, но и нашихъ временъ; отчего же не знать и своимъ сыновьямъ немножко по вашему, поныѣшему? Но скажите сами, что за прокъ отъ вашей школы, если по окончаніи курса въ ней, воспитанникъ не знаетъ даже писать правильно порусски, не то чтобы читать и понимать кое-что! Вотъ напр., продолжалъ онъ разсуждать, сыновья моего бѣднаго брата пробыли въ школѣ пять лѣтъ, а что они знаютъ? ровню ничто.“

Противъ этихъ словъ, высказанныхъ N-скимъ евреемъ изъ глу-
 нины души и, по всей вѣроятности, справедливо, я не нашель ниче-
 го сказать, что могло бы служить въ оправданіе школы; но тутъ
 однако я увидаль, что дѣло начинаетъ идти на ладъ. Два часа
 употребилъ на то, чтобъ убѣдить компетентнаго еврея, что
 то нерадѣніе и незаботливость о пользѣ учащихся возможно было
 только при польскомъ смотрителѣ, который отъ недоброжелатель-
 тва къ евреямъ, а больше всего отъ неблагоклонности ко всему
 русскому, не обращалъ вниманія на своихъ питомцевъ. Я прочель
 ему программу перваго разряда, обѣщался держаться ея какъ мо-
 жно строже и ручался за успѣхи учениковъ. Наконецъ мнѣ уда-
 юсь заманить въ школу двухъ его сынковъ. Успѣхи первой моей
 лекціи заманили меня дальше. Какъ сомнамбулистъ, таскался я
 неустанно днемъ и ночью изъ дома въ домъ, чтобы собирать за-
 блуждавшихъ овечекъ моего народа и навести ихъ на путь исти-
 ны. Съ каждымъ днемъ росло число воспитанниковъ въ училищѣ,
 и какъ пріятно и весело было мнѣ на сердцѣ, когда, при исхо-
 дѣ втораго мѣсяца, послѣ пріѣзда моего въ N., въ обоихъ клас-
 сахъ считалось 48 воспитанниковъ!

— Отъ восьми на 48, вѣдь это порядочный скачекъ, замѣ-
 тилъ я.

— Да разность не малая, но слушайте, что было дальше.

„Три мѣсяца занятіе въ классахъ шло, какъ по рельсамъ: всѣ
 воспитанники всегда находились налицо и оказывали блистатель-
 ные успѣхи, — все было повойно, мирно, какъ нельзя лучше. Но
 предъ праздникомъ Оманскимъ (Пуримъ) счастье мнѣ измѣнило;
 противъ меня и училища въ мѣстечкѣ поднялась гроза. Ко мнѣ
 доходили слухи не совсѣмъ благопріятные для меня; всѣ они были
 въ родѣ слѣдующихъ: „мы его научимъ, онъ насъ будетъ помнить
 и здѣсь и тамъ, мы ему зададимъ, чтобъ своихъ не узналъ, или
 вотъ какого сорта: „Мы общество мѣстечка N. должны намылить смо-
 трителю шею такъ, чтобъ онъ самъ бѣжалъ отъ ненужной для насъ
 мудрости, мы докажемъ разъ навсегда всѣмъ и каждому, что му-
 дрость мудростью, а еврейское общество обществомъ!!...“ Дѣло бы-
 ло вотъ въ чемъ. Въ мѣстечкѣ узнали, что я преподаю библію,
 не на жаргонѣ, но въ русскомъ переводѣ, а этого только не доста-
 вало, чтобы раздражить гусей, или лучше сказать, чтобы развя-
 зать руки моимъ врагамъ, искавшимъ уже давно повода къ серь-
 ознымъ столкновениямъ; ну вотъ я имъ и далъ отличный поводъ.

Библия не на еврейскомъ языкѣ (на жаргонѣ значить)!... гдѣ это слыхано между евреями! Ой намъ, вей намъ!.. До чего мы, наконецъ, дожили!.. Святая Тора изучается сынами Израиля на чуждомъ языкѣ!... Нѣтъ, но допустимъ этого, но допустимъ, чего бы то намъ не стоило!!!

„Въ мѣстечкѣ все закипѣло противъ меня негодованіемъ. Противникамъ всякаго добраго дѣла, всякой здравой мысли, удалось удалить отъ меня и тѣхъ учениковъ, которыхъ я успѣлъ уже записать въ школу, и на дружбу конхъ я истратилъ столько усилій и времени. Всѣ, отъ мала до велика, ополчились противъ нововведенія; каждый старался принести посильную лепту общему противъ меня негодованію. Меня стали обвинять въ неслыханныхъ преступленіяхъ, составляли противъ меня приговоры, а въ подпискахъ, конечно, не оказывалось недостатка.

— Приговоры? это что за птица? спросилъ я, въ чемъ могли васъ обвинять N-скіе идіоты, когда вы вели дѣла ваши, какъ нельзя законнѣе и раціональнѣе? право, въ толкѣ не беру!

— Въ чемъ меня обвинили, право, я и самъ не знаю, а знаю только, что казенный раввинъ и польскій смотритель сѣлись по мѣстечку съ бумагою въ рукахъ и вербовали подписки. Благо еще, что начальство учебнаго округа знаетъ меня съ хорошей стороны, а то давно бы лишился я куса хлѣба.

— Первая гроза прошла, какъ въ пустынѣ, но причинивъ никакого вреда ни мнѣ, ни училищу; но вотъ что принесла намъ вторая.

— Извините, г. смотритель, сказала я, какъ скоро замѣтилъ, что онъ готовъ продолжать чтеніе: уже слишкомъ поздно, оставте все что на другой разъ.

— Ну, пусть будетъ и на другой разъ.

Лазарь II—н.

(Окончаніе будетъ).

ПОЛЯКУЮЩІЙ

ИЗЪ ДНЕВНИКА (N. N.)

(Окончаніе).

Пада ты, какъ трава полевая, подъ косой
искуснаго косца!

Добролюбовъ.

4.

Плоды польскаго катехизиса.

Когда я пришелъ въ себя, мнѣ чувствовалось, будто бы мое сердце оторвалось и на его мѣстѣ осталась болѣзненная пустота. Все прошедшее казалось мнѣ какимъ то мутнымъ сномъ, какою то хаотическою путаницею лицъ и событій. Предомной на диванѣ сидѣлъ горько плачущій Ома Петровичъ, судорожно сжимая въ рукѣ роковое письмо выроненное мной. Я смотрѣлъ на жалкаго отца и не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго состраданія, какъ будто бы все это такъ и должно быть, какъ будто бы я и не любилъ Юлію. Прежде я плакалъ отъ мотива родной пѣсни: „Лучина лучинишка“, а теперь не только ни слезинки, но даже ни какого внутренняго волненія. Странная человѣческая натура!...

— Что жъ мнѣ предпринять?... научите, ради' Бога, — обратился ко мнѣ Морсовъ.

— Подождите нѣсколько дней... Теперь ужъ всякая погоня будетъ бесполезна; обвиняются и возвратятся, — сказалъ я, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Хорошо какъ обвиняются, а какъ, избави Боже, этотъ хлыщъ опозоритъ ее, да потомъ и броситъ?!...

— Не беспокойтесь, Ома Петровичъ, Юлія Оминишна настолько ума, что не допуститъ такъ уронить себя.

— Не говорите этого... я больше жилъ вашего на свѣтѣ, знаю людей лучше васъ... Эти пустозвонны хоть кого сведутъ съ ума... Господи Боже мой! За что на старости лѣтъ послалъ Ты мнѣ такое испытаніе, вопилъ отчаянный Морсовъ.

— Будьте тверды, не падайте духомъ, сказалъ я. —

— Какъ не падать духомъ?!... Вы не знаете глубины сердца родителей, вы не понимаете величины нашего злоколючія. Одна у насъ Юлинка одна радость, одно утѣшеніе и вдругъ!.. И не докончивъ, Морсовъ захлебнулся въ рыданіяхъ.

Мои утѣшенія были бесполезны. Ома Петровичъ плакалъ какъ маленькій ребенокъ.

— Это обманъ со стороны Бояркина; подлый обманъ... Жениться нельзя; у ней при себѣ нѣтъ ни какого вида. Прежде водились священники, которые вѣнчали перваго встрѣчнаго и попережнаго. теперь не то время, особенно въ западномъ краѣ; при нынѣшнемъ положеніи и думать объ этомъ смѣшно... О, Господи помилуй! продолжалъ Ома Петровичъ.

— Да какъ же это случилось? спросилъ я Морсова, когда онъ намѣревался ѣхать домой.

— Да ужъ и самъ не знаю какъ... сегодня утрою за часомъ хвятились мы Юлиньки; горничная наша и говоритъ намъ: барышни нѣтъ дома. Гдѣжь она? спросилъ я ее. Не знаю, говоритъ, должно быть въ заутрени пошли, да вѣроятно и обѣдню слушаютъ.— Мы съ женой сначала и успокоились, но вотъ проходитъ часъ, другой, заходитъ отъ обѣдни отецъ благочинный: кончилась, батюшка, обѣдня? спросилъ я его; кончилась, говоритъ. А не была ли нигдѣ Юлія въ церкви? Нѣтъ, кажется, не была, не видалъ. Да не спитъ ли она на дивалѣ, подумалъ я и пошелъ въ ея спальню; гляжу вокругъ,—а ея нѣтъ—какъ нѣтъ... Осматриваю комнату внимательнѣй, и вижу на столѣ запечатанный конвертъ; я взял конвертъ, посмотрѣлъ на адресъ: „къ монтъ родителей, въ собственныя руки“, написано, сломавъ печать, я вынулъ письмо,—вотъ это самое роковое письмо; читаю, и глазамъ не вѣрю... кликнулъ жену, она прочитала, да такъ и рухнулась, какъ мертвая, на полъ... И силу въ чувство привели... Потомъ вотъ я къ вамъ прѣхалъ, заключилъ Морсовъ.

— А горничная ничего объ этомъ не знаетъ? спросилъ я.

— Не знаетъ ничего... да еслибъ и знала, то повѣрите намъ передалабы—заранѣе... Охъ, Господи помилуй! Я не знаю, что мнѣ теперь и дѣлать,—какъ мнѣ смотрѣть-то на людей?! Сидѣтьса будутъ; пожалуй, почтутъ семейнымъ деспотомъ, начнутъ звонить во всѣ уши то, чего и не бывало.

— Не безпокойтесь; васъ здѣсь знаютъ хорошо;—всѣ любятъ васъ, а на польскій людъ, по моему, обращать вниманіе и придавать

ихъ словамъ значеніе, право, не стоять. Всёми извѣстно, что здѣсь истинный русскій человѣкъ составляетъ мишень, въ которую летитъ польская клевета и грязь... Они готовы чернить всякаго русскаго, имъ больше ничего не остается дѣлать, какъ заниматься этимъ постыднымъ мазурничествомъ... Такъ пускай ихъ воркуютъ; вамъ отъ этого хуже не будетъ. Не лучше ли успокоиться, да потомъ подумать хорошенько, какъ бы это дѣло поправить?...

— Да... да нужно... пріѣжайте къ намъ сиротамъ черезъ чайникъ; умъ хорошо, а два лучше, и священникъ будетъ у насъ... а?

— Непремѣнно.

— Ну, пока до свиданья; поѣду къ женѣ что то она бѣдная?... такъ я васъ жду?

— Буду непремѣнно.

Морсовъ уѣхалъ, а я началъ безсознательно ходить по комнатѣ. Можно?—высовывая свою голову изъ задверей, спросилъ факторъ еврей.

— Войди.

— А вы знаете что Бояркинъ дѣлалъ? сказалъ еврей затворяя дверь.—

— А что?

— Ухъ... нехъ панъ Букъ брони!

— Что же?

— Гвалтъ... дали Букъ гвалтъ, увезъ дочку господина испривника...

— Кто тебѣ сказалъ?

— Всѣ знаютъ... всѣ...

— Знаю и я.

Факторъ вытаращилъ глаза, и фізіономія его приняла испуганный видъ.

— Ну что съ нимъ будетъ?... что ему будетъ?

— Кому?

— Бояркину.

— Да, сыщешь ты его теперь,—какъ же!..

— Ай вай, отцего же—не сыскать... полиція сыщеть...

— Разузнай поди хорошенько, куда онъ поѣхалъ, и если узнаешь, гдѣ онъ находится, пятьдесятъ рублей тебѣ.

— Заразъ,—пане, сказалъ еврей, исчезая за дверями.

— Да позови моего человѣка.

— Слушаюсь!

Одѣвшись, я отправился къ Морсовымъ, гдѣ засталъ уже священника и военного начальника. Общинный совѣтъ рѣшилъ сей часъ же послать въ В..... эстафету къ полицмейстеру о задержаніи Воаркина и Юліи Фоминины, — такъ какъ узнали изъ почтовой станціи, что Воаркинъ отправился по дорогѣ въ это мѣсто. Отправивши эстафету, послали на станцію за ящичкомъ, который возилъ Воаркина на первую станцію, но онъ еще не возвращался.

— Ну, пройдоха же Воаркинъ! Вѣдь какъ онъ ловко успѣлъ поддѣлаться къ намъ! Морсовъ и я за него постоянно хлопотали, освободили отъ слѣдствія; помогли ему въ продажѣ книгъ, и вотъ благодарность, — сказалъ военный начальникъ, когда мы выходили отъ Морсовыхъ.

— Да, признаюсь, не ожидалъ отъ него такой подлости, сказалъ я.

— Онъ извѣстный негодяй. Я удивляюсь, какъ это Фомъ Петровичъ пускалъ его къ себѣ, прибавилъ священникъ.

— Успѣлъ замскать, извергъ, довѣренность и любовь къ себѣ, продолжалъ военный начальникъ. —

Раскланявшись съ моими собесѣдниками, я пошелъ домой. Черезъ четверть часа явился запыхавшійся факторъ.

— Баринъ! сей часъ пріѣхалъ ящичекъ, якій возилъ Воаркина; идетъ сюда, къ вамъ письмо, есть... я хотѣлъ взять, да ящичекъ не далъ; на цай, мувить, мозе дадутъ.

— Письмо ко мнѣ?

— А такъ, ясновельможный господинъ — панъ, такъ, отвѣчалъ еврей.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ ящичекъ.

— Вашему благородію письмо отъ баринши, сказалъ онъ, подавая мнѣ письмо.

Съ лихорадочною поспѣшностью схватилъ я письмо и бѣгло прочелъ его; оно было такого содержанія: „Дорогой мой братъ N N... Съ этого дня я буду называть и любить васъ какъ брата, какъ друга, но не болѣе. Вы опоздали своимъ предложеніемъ; мое сердце далеко прежде было отдано моему Леониду... котораго на дняхъ я буду женой. Не сердитесь на меня за запоздалый отвѣтъ; я долго колебалась... Умъ и сердце ссорились между собой и сердце вышло побѣдителемъ. Не упрекайте меня за то, что бросила отда и мать и послѣдовала за своимъ суженымъ. Я дѣйствовала какъ автоматъ. я и доселѣ не знаю, что со мною дѣлается, я безотчетно слѣдую за

Леонидомъ, и думать ни о чемъ не способна; знаю только, что я его люблю, люблю безъ ума и слѣпо повинуюсь его волѣ. Звонъ колокольчика — напоминаетъ мнѣ что я ѣду, а куда не знаю... Умолю васъ самимъ Богомъ не оставляйте и успокаивайте моихъ родителей до моего возвращенія; я знаю, что поставила ихъ въ тяжелое положеніе. Поцѣлуйте у нихъ за меня ручки. Любящая васъ сестра Юлія Морсова.“ —

Теперь все ясно, подумалъ я и далъ полтинникъ ямщику, который поклонился и намѣревался выйти вонъ.

— Постой, погоди, сказалъ я ему.

Ямщикъ повиновался.

— Откуда ты взялъ барышню вчерась? спросилъ я его.

— За городомъ, около погоста; тамъ мы съ барининомъ и дожидались, отвѣчалъ ямщикъ.

— Это ночью было?

— Да-съ... Ужъ первые пѣтухи пропѣли...

— Чтожъ — когда она садилась, ничего не говорила?

— Дюжо плакала... Что ты, говоритъ, дѣлаешь со мной? говорила она барину, а баринъ — то, ни слова не говоря, посадилъ ее въ тарантасъ, да крикнулъ мнѣ: лети, говоритъ, стрѣлой, — трехъ — рублевою на чай получишь, а я, извѣстно барской волѣ препятствовать не могу... почалъ стегать лошадей, въ часъ двадцать верстъ проскакалъ.

— Долго они на станціи были?

— Пока лошадей не перепрягли, и чаю не пили... только записку вашему благородію барышня написали.

— А на словахъ тебѣ ничего не приказывала барышня?

— Ничего, ваше благородіе, только письмо велѣла отдать вашей милости.

— Ступай!

Ямщикъ поклонился и вышелъ.

— Ну что ему будетъ?... что съ нимъ будетъ? снова спросилъ меня еврей.

— Да — съ кѣмъ?

— А съ Бояркиномъ?

— Ахъ, отстань ты, пожалуйста, съ нимъ; — сходи къ инвалидному начальнику и попроси его сюда, приказалъ я фактору.

— Въ тебѣ моментъ, сказалъ онъ, уходя.

Через часъ пріѣхалъ ко мнѣ инвалиднѣй начальникъ; я ему хотѣлъ сообщить эту непріятную новость, но онъ перебилъ меня.

— Слыхалъ я уже; весь городъ гудитъ объ этомъ, а вы пошептѣли бы на лица поляковъ, которые всякой непріятной новости для русскихъ радуются... Надъ чѣмъ вы, говорю, сибѣтесь? надъ собою? Вѣдь Бояркинъ — то важъ — и духомъ и тѣломъ, только и русскаго въ немъ что фамилія... Ругаются, — одинъ даже иніонокъ меня назвалъ. Ну да чортъ съ ними... Дай Богъ, что бы новаго начальника края — назначили такого, который бы поддержалъ — начатое дѣло Михаиломъ Николаевичемъ; а то поляки опять носы вздернули, говорилъ инвалиднѣй начальникъ.

Долго мы съ нимъ проговорили о Бояркинѣ и Юліи Осенинѣ и вмѣстѣ отправились къ Морсовымъ, которые были неутѣшны.

Прошелъ день — другой; на третій рано утромъ Ома Петровичъ получилъ отвѣтную эстафету отъ В... полицмейстера — слѣдующаго содержанія —

„М. Г. и проч.: — Душевно раздѣляю ваше горе, но къ счастью, не смотря на мое сердечное желаніе, помочь ему не могу. По всѣмъ справкамъ оказалось, что ни Бояркинъ, ни ваша дочь въ вашъ городъ еще не пріѣжали. Если же будутъ, то съ моей стороны все будетъ сдѣлано. Такой то“ —

Не буду описывать слѣдующіе дни — дни отчаянія Морсовых. Всякій честный человекъ знаетъ, какъ убійственно — тяжело они для тѣхъ, у которыхъ вырвали любимую дочь. Скажу только, что посылали гонцовъ въ разные стороны, но о похитителѣ и похищенной не забрали никакихъ слуховъ, — какъ будто они сквозь землю провалились.

Во время этой суматохи, я находился въ какомъ то неопредѣленномъ состояніи: мнѣ хотѣлось выплакать свое горе, которое я глубоко чувствовалъ, но не могъ плакать. Стараясь анализировать душевное свое состояніе, я нашелъ; что ударъ поразившій меня былъ такъ силенъ, что убилъ во мнѣ чувствительную сторону — и словно парализировалъ весь мой организмъ. Такъ часто случается видѣть людей, пристально смотрѣвшихъ въ могилу, куда только что опустили для нихъ дорогое родное существо; они не плачутъ, у нихъ даже нѣтъ отпечатка на лицѣ душевныхъ страданій. Пытливый фізіономистъ можетъ только прочесть на ихъ лицахъ недовольство самими собой и горькое разочарованіе къ жи-

ни; но эти, невидимому, невозмутимыя личности страдают болѣе плачущихъ и видимо горюющихъ. Они не сознаютъ своихъ страданій и мукъ, но они страдаютъ—убійственно и разрушительно для человѣческаго организма. Ихъ стоны глухи и непонятны для другихъ. Послѣ слезъ, почти всегда становится легче; туча горя, словно вылилась дождемъ слезъ. Не то испытываютъ первые! на долю ихъ выпадаютъ безконечныя муки до самой могилы. Тоже самое испыталъ и я.

Прошла недѣля, другая, третья,—вотъ протянулся и мѣсяцъ, наступилъ другой, а объ Юліи Ооминишнѣ и Бояркинѣ не было ни какихъ слуховъ. Старики Морсовы приходили въ отчаяніе. По городу N*** ходили разные слухи и толки, выдуманные сторожниками польской sprawy и, конечно, компрометирующіе одну Юлію Ооминишну.

Но вотъ пришло къ намъ извѣстіе, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ пожалованъ графомъ, что новый начальникъ края К. П. фонъ-Кауфманъ прибылъ въ Вильну и что *еюмошцей* какъ громъ поразили слова его: „я ни на шагъ не отступлю отъ дѣйствій, принятыхъ моимъ предѣстникомъ“. Поляки опять опустили свои головы, опять началось лицемѣріе и униженіе, опять попрыгали въ свои тайники, изъ которыхъ такъ бодро выползали на свѣтъ Божій. Графъ Жердковскій, прозванный какимъ то остроюмъ индѣйскимъ пѣтухомъ безъ кишки, снова принялъ свою тихую походку; лицо его, представляющее собой полнолуніе, и лишнее всякаго выраженія и экспрессіи, обзавелось нѣсколькими морщинами.

Ровно чрезъ недѣлю послѣ вышесказаннаго извѣстія, радостнаго для всякаго русскаго, рано утромъ я получилъ съ почты письмо, на конвертѣ котораго было нѣсколько почтовыхъ печатей „Верхболово“, „Варшавская желѣзная дорога“. Распечатавъ конвертъ, я вынулъ письмо, рука была незнакома и безъ подписи, содержаніе слѣдующее. „Впередъ совѣтую вамъ никого не называть подлецомъ, потому что за оскорбленіемъ всегда слѣдуетъ удовлетвореніе и я удовлетворенъ. Возмите вашу невѣсту, она ждетъ васъ въ городѣ Г***, въ заѣдемъ домъ „Красное сердце“. Я вамъ говорю, чье сосалъ я молоко, а потому, пренебрегая дуэлью, я не пренебрегъ мщеніемъ болѣе чувствительнымъ. Милый другъ вашъ“.

— Подлецъ! снова вырвалось у меня.—

Медлить было нечего, и я сейчасъ же отправился къ Морсовымъ.

Въ гостининой я засталъ обоихъ горящихъ Морсовыхъ, которые приходу моему были очень рады.

— Я пришелъ къ вамъ, Ома Петровичъ, переговорить объ очень важномъ дѣлѣ.

— Говорите—говорите... Ужъ не объ дочери ли?, спросилъ меня Ома Петровичъ—

— Да, о ней.

— Что же такое?... говорите скорѣе.

— Дадите ли слово исполнить мои требованія? если даете. то я постараюсь возвратитъ вамъ дочь...

— Даю... даю... трепещущимъ голосомъ сказалъ Ома Петровичъ.

— Не слышалиль чего нибудь о Юлинкѣ? озабоченно спросила супруга его.

— Нѣтъ ничего не слыжалъ, но надѣюсь найдти ее, а какъ это моя тайна, то и мое дѣло, ваше же—дать мнѣ слово...

— Да я ужъ сказалъ что даю...

— Хорошо... я потребую отъ васъ, во первыхъ, не дѣлать ни малѣйшаго упрека вашей дочери, но съ отеческой любовью открыть для нея свои объятія—и...

— Согласенъ—согласенъ заранѣе.... Вѣдь мы любимъ ее, перебилъ меня Ома Петровичъ.—

— Только бы возвратилась... сказала супруга его, заливаясь слезами.

— Второе,—продолжалъ я, вы должны дать мнѣ согласие на бракъ съ вашей дочерью,— я предложу ей руку...

Оба Морсовы—удивленно посмотрѣли на меня, у Омы Петровица набѣжали слезы—и онъ, заплакавъ, бросился ко мнѣ на шею...

— Ваша будетъ... ваша... только возвратите намъ ее... Она добрая, съ ней вы будете счастливы, а мы будемъ васъ любить, какъ родного сына...

— Ну теперъ мнѣ больше ничего не нужно. До свиданья,—сказалъ я, намѣреваясь выйдти.—

— Куда же вы? спросилъ Морсовъ.—

— Въ казначейство за подорожной, а потомъ и въ путь; а куда этого пока я вамъ не скажу.

— Ну Богъ—благославить васъ на доброе дѣло!... Прощайте, сказалъ Ома Петровичъ, провожая меня.

Часа чрезъ два я уже выѣзжалъ—изъ города N***, а на дру-

гя сутки былъ въ городѣ Г***ѣ.

— Кудажь, пане, прикажете везти васъ? спросилъ ящикъ.

— Въ заѣзжій домъ „Красное сердце“, сказалъ я.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ этой плохой и вѣтвѣтѣ съ тѣмъ единственной гостинницѣ.

— Здѣсь живетъ молодая дама? спросилъ я номернаго.

— Якая дама? выпучивъ безсмысленно свои на меня глаза, спросилъ онъ.

— Да тутъ есть прїѣзжая дама или нѣтъ? спросилъ я снова...

— Есть молодая пани...

— Русская или полька?

— Русская.

— Какъ ея фамилія?

— Якъ ея фамилія—то?...

— Да.

— За позволеніемъ пана... заразъ узнаю у хозяина, сказалъ коридорный и ушелъ.

Что если не она? подумалъ я.

Въ это время въ сосѣднемъ номерѣ послышался слабый женскій кашель.

— А Богъ ее знаетъ, какъ ея фамилія—то... У ней, пане, нѣтъ билета; а сама она не говоритъ кто она, возвратившись отвѣчалъ коридорный.

— Давно она здѣсь живетъ?

— А будетъ недѣлю на другой мѣсяць, аль-бо двѣ...

— Она одна прїѣхала сюда?

— Съ паничомъ какимъ то прїѣхала, тотъ уѣхалъ, а она осталась одна...

Ясно какъ Божій день,—это она, подумалъ я.

— Въ которомъ номерѣ она живетъ?

— А вотъ въ этомъ, отвѣчалъ коридорный, указывая на сосѣднюю дверь.

— Хорошо, ступай.

Человѣкъ вышелъ,—а я въ раздумьи и нерѣшимости началъ ходить по комнатѣ,—прошло нѣсколько минутъ и я скрѣпя сердце, заперъ свой номеръ на ключъ и съ лихорадочнымъ волненіемъ взялся за ручку двери и не помню какъ отворилъ ее...

На диванѣ сидѣла Юлія Омнишна, рука ея, упершаяся на столѣ, поддерживала склонившуюся голову; лицо ея было блѣдно

и измуренно, подъ глазами образовались красные опухшие кольца, — прищипъ частыхъ слезъ. Долго она смотрѣла на меня безъ всякаго движенія, потомъ лицо ея подергнулось какой-то ядовитой улыбкой, на глазахъ набѣжали слезы, — схвативъ платокъ, она подошла къ глазамъ и дрожащимъ голосомъ сказала.

— Здравствуйте...

Я подошелъ къ ней и, молча, пожалъ ея руку.

— Живы ли, здоровы ли мои родители? спросила Юлія Фоминична, послѣ долгого гробоваго молчанія.

— Слава Богу, живы и здоровы; только по васъ очень горюютъ, отвѣчалъ я.

— Давно вы изъ N*** —? спросила она, немного успокоиваясь.

— Вчерашній день, отвѣчалъ я.

— Какъ вы узнали, что я здѣсь?

— Я показалъ ей письмо; она взяла письмо и нѣсколько разъ пробѣжала его глазами.

— Это рука не его, сказала она, стараясь не смотрѣть на него.

— Да, не его, но письмо все таки отъ него, отвѣчалъ я.

— Я ни о чемъ теперь не могу говорить... Я убита горель...

Какъ брату скажу вамъ, что я его еще люблю... Ахъ! какъ больно пошутила со мной судьба! сказала Юлія Фоминична, тяжело вздыхая.

Я молчалъ.

— Впрочемъ, я о себѣ не беспокоюсь; я только страдаю за нихъ родителей... Страдаю много... Я увѣрена, что это ихъ убьетъ, продолжала она.

— Все можно поправить, Юлія Фоминична, лишь бы только вы не противились ихъ желанію, сказалъ я.

— Поправить?... Поправить?... Что вы этимъ хотите сказать?

— Поѣдте домой.

— Демой!... А знаете ли, что несмотря на мое единственное желаніе, на мою мечту видѣть моихъ родителей — я не могу этого сдѣлать.

— Почему же?

— Я стыжусь поднять на нихъ глаза. я обманула ихъ, я убилъ ихъ.

— Не думайте такъ, Юлія Фоминична. Не услышите отъ нихъ вы ни одного упрека; напротивъ, вашъ пріѣздъ оживитъ ихъ, вы забудете про этого негодяя и все пойдетъ по старому.

— Ах! неговорите мнѣ этого... Было для меня повернется, мое счастье разбито...

— Время все передѣлываетъ по своему, — видоизмѣняетъ природу и людей. Быть можетъ въ вашемъ сердцѣ есть и для меня маленький уголокъ; тогда вамъ стоитъ только согласиться быть моею, и я возобновлю свое предложеніе.

При этомъ Юлія Ѳоминышна строго взглянула на меня и, горько улыбувшись, заплакала.

— Я не думала, чтобъ и вы могли смѣяться надомной,

— Не обижайте меня, Юлія Ѳоминышна, — я люблю васъ еще больше когда вы несчастны.

— Любите?... Быть можетъ и любите, но для той, которую вы называете женою своею, недостаточно одной любви, — надо ее уважать, а меня уважать, я уверена, вы теперь не можете; въ вашихъ глазахъ, быть можетъ, я по....

— Не договаривайте, ради Бога, не договаривайте; я люблю и уважаю васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!... тайный голосъ шепчетъ мнѣ, что вы дѣлаете мнѣ предложеніе изъ состраданія: вы любите меня, а это вижу и хотите сдѣлать жертву для меня, для моихъ родителей...

— Клянусь вамъ всѣмъ священнымъ въ мірѣ, что нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Согласенъ, что на всякую жертву для васъ я готовъ, но тутъ я ни жертвую ничѣмъ; напротивъ, я приобретаю дорогое мнѣ для меня существо, съ которымъ рука объ руку пойду по жизненному пути... Не отказывайте же мнѣ въ этомъ счастьи.

— Ни отказать, ни принять это предложеніе въ настоящее время я не могу... Я такъ много въ эти двѣ недѣли испытала горя, что рѣшительно ни о чемъ серьезномъ мыслить и говорить неспособна. Сперва доставьте мнѣ случай упасть къ ногамъ моихъ родителей, а тамъ я посмотрю.

— Въ такомъ случаѣ сегодня же ночью выѣдемъ отсюда, скажетъ я.

— Чѣмъ скорѣе брошусь я въ объятія моихъ безцѣнныхъ, тѣмъ лучше, воскликнула она съ жаромъ...

Долго мы проговорили съ ней и рѣшили ѣхать ночью. Въ вечеру разговоръ нашъ принималъ больше живости.

— Вы не знаете, какъ меня оскорбляли въ этой гостинницѣ! О, это хуже всякой пытки — хуже адскихъ мученій, — сказала Юлія Ѳоминышна предъ отъѣздомъ.

— Кто же? спросилъ я.

— Хозяинъ этой гостинницы. Представьте себѣ, онъ каждый день приходилъ ко мнѣ съ самыми наглými, съ самыми подлыми предложеніями. Много мнѣ стоило труда отдѣлываться отъ нихъ... Подскалъ двухъ жидовокъ съ предложеніемъ переѣхать къ нему; факторъ этой гостинницы то — и дѣло обивалъ пороги моего номера и говорилъ о какихъ то богатыхъ мущинахъ. Хозяинъ даже ослѣпился привести ко мнѣ въ номеръ какого то пьянаго офицера, именъ говорящаго порусски, который, наговоривъ мнѣ тысячу дерзостей и выдавая себя за барона, вышелъ съ ругательствами изъ моей квартиры. Положеніе мое было какъ видите болѣе чѣмъ незавидное, но я все крѣпилась и не рѣшалась писать къ родителямъ. Дня три тому назадъ я продала чрезъ фактора свой браслетъ и расплатилась съ хозяиномъ, думая, что послѣ этого онъ оставитъ меня въ покоѣ, но не тутъ-то было: вчера онъ снова явился съ дерзкими предложеніями и въ случаѣ моего отказа, угрожалъ выгнать меня сегодня изъ своей гостинницы, такъ какъ у меня нѣтъ никакого вида, а если приму его грязное предложеніе, то могу жить, сколько мнѣ хочется.... Чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? спросила Юлія Фоминишна.

— Выѣхалъ бы отсюда, отвѣчалъ я.

— И я рѣшилась выѣхать и выѣхать въ самыя далекія страны.

— Куда же?

— Туда, гдѣ нѣтъ ни стонать, ни слезъ, гдѣ нѣтъ злѣ и неправды, однимъ словомъ въ вѣчность,—а тутъ же кстаги на берегу рѣки есть крутой обрывъ: я бы бросилась въ воду какъ Катерина—въ „Грозѣ“, вы видѣли эту пѣсу?

— Я утвердительно покачалъ головой.

— Я предпочла броситься лучше въ рѣчной омутъ, нежели въ жизненный омутъ нравственной гибели. Если бы вы не пріѣхали сегодня, то завтра я навѣрно была бы въ царствѣ рыбъ.

Не дослушавъ ея, я отправился къ хозяину гостинницы, въ короткихъ, но полныхъ негодованія словахъ высказалъ ему всю низость его поведенія съ Юліей Фоминишной, выдавая ее за свою сестру.

— А цо-жъ панъ гнѣваешся... Якъ она ваша сестра, то проше дать мнѣ билетъ ея, я ея незнаю и не мамъ часу знать, яка она такая, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ гостинницы съ плутовскимъ нахальнымъ лицомъ.

— Чрезъ полицію узнаете, кто она, сказалъ я старича.

— Ну по-жь полиція?... Для чего до полиціи?... Я эту пани не незнаю, она у насъ и не жила, она съ вами пріѣхала, продолжалъ хозяинъ.

Я не выдержалъ и плюнулъ ему въ лицо.

— По те есть?!... Якъ же вы можете плевать въ меня, бо я **есть** шляхтичъ родовитый... я пойду до пана полицмейстра и падамъ до ногъ.....

— Жалуйтесь кому хотите, сказалъ я, удаляясь.

Поздно ночью мы съ Юліей Ѳомиניшна выѣхали изъ города Г..... Разговоръ нашъ какъ то не вязался. Юлія Ѳоминишна была задумчива и, я не рѣшился прервать ея молчаніе. Вынають моменты въ жизни человѣка, послѣ сильной горести, когда грусть сѣбяняется тихой покорностью судьбѣ. Тогда человѣкъ погружается въ думы, въ созерцаніе прошедшаго, сравненіе его съ настоящимъ; эти моменты проходятъ безсознательно, мысли неуволними и минулетны; въ это время человѣкъ думаетъ обо всемъ и ни о чемъ. Въ русскомъ народѣ такое состояніе называется забытьемъ. Это первый шагъ душевнаго примиренія съ дѣйствительностью.

Въ такомъ положеніи, повидимому, находилась Юлія Ѳоминишна до тѣхъ поръ, пока усталость не взяла своего и сонъ не сомкнулъ ея глазъ. Сонъ—самое лучшее успокоительное средство для душевно—страждущихъ. Нѣсколько станцій Юлія Ѳоминишна спала, но съ разсвѣтомъ проснулась. Удивленно и вопросительно она обвела глазами меня и тарантасъ, заглянула въ окно, и тяжело вздохнула.

— Мы ѣдемъ? спросила она, слегка улыбаясь.

— Да; а вы развѣ забыли?

— Нѣтъ....но я спала.... сонъ видѣла такой....

— Сонъ?! Ахъ, расскажите, пожалуйста,—вѣрно пріятный?

— Такъ себѣ... Однако желала бы вѣчно спать и видѣть такіе сны...

— Какіе же? скажите.

— Зачѣмъ вамъ знать?!

— Да такъ, расскажите, если это не секретъ.

— Мнѣ снилось мое безпечное дѣтство, родной городъ, родная Волга, кругъ моихъ юныхъ подругъ!... Зачѣмъ я проснулась?!... сказала Юлія Ѳоминишна.

— Да, воспоминанія дѣтства невыразимо пріятны, замѣтилъ я.

— Да, невыразимо,—съ грустью, заключила Юлія Ѳоминишна.

Наступило молчаніе; тройка наша поехала быстро; глядя глѣ какую то заунывную, сжимающую сердце бѣлорусскую нѣву; направо и налево мелькали засѣянные поля; съ неба сыпалась на землю звуки жаворожковъ; Юлія Фоминична слова погружилась въ задумчивость.

— Будемъ-те говорить съ вами откровенно, первая прервал тоскливое молчаніе Юлія Фоминична, обращаясь ко мнѣ.

— Сдѣлайте милость; вы сами назвали въ письмѣ меня братомъ.

— Разъясните мнѣ, пожалуйста, одно мѣсто въ письмѣ этого года, гдѣ онъ пишетъ къ вамъ о какой то вещи; ужасъ я была средствомъ мщенія?

Я рассказалъ ей все подробно, она заплакала.

— О, какъ непростительно я ошиблась въ немъ! После этого вѣрь сердцу! Оно, говорятъ люди, не обманываетъ, а вотъ какъ жестоко оно меня обмануло!

— Да-какъ же все это случилось? Какъ вы повѣрили себя этому пустозвону? Какимъ образомъ онъ сумѣлъ завладѣть вашимъ сердцемъ?

— Вы удивляетесь этому?

— Удивляюсь — и не безъ причины... Онъ такъ много говорил не въ пользу вашу, что я былъ далеко даже отъ мысли, что ли онъ любитъ.

— Точно также и я не думала, что вы меня любите: онъ и я часто увѣрялъ, что вы меня терпѣть не можете; крикидываетъ только влюбленнымъ, а за глаза браните меня...

— Низкая клевета!...

— Я теперь вижу, что клевета, но тогда я ему, къ несчастію, вѣрила... Всегда сердцемъ неопытной дѣвушки завладѣть очень легко. Еще до вашего пріѣзда въ N***, онъ разыгрывалъ роль влюбленного, но спустя нѣсколько недѣль, послѣ вашего пріѣзда онъ, оставаясь со мной наединѣ, началъ увѣрять меня въ своей любви, клялся, что жить безъ меня не можетъ и, за нѣсколько дней до вашего предложенія, окончательно потребовалъ моего признанія и руки. Признаюсь вамъ, я его уже любила и незадумываясь дать свое согласіе, но только просила переговорить съ моими родителями; онъ, повидимому такъ и хотѣлъ сдѣлать, только просилъ крикнуть пока это втайнѣ. Потомъ вы объяснились со мной, а отъ меня я объяснила вамъ откровенно высказать, что сердце мое занято и откладывала это объясненіе до болѣе удобнаго случая — гдѣ богъ.

то этотъ негодяй увѣрялъ меня, будто своимъ предложеніемъ вы только хотите помѣнать его намѣренія. И вотъ, на второй день взятой подѣли, онъ сказалъ мнѣ, что говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ этими родителями, которые будто бы и слышать не хотѣли о нашей вадѣбѣ. Я принялъ, прибавилъ онъ, свои шѣры, — уѣдемъ въ Г. Тамъ у меня, говоритъ, есть знакомый священникъ, обвиняемся и приѣдемъ съ визитомъ къ родителямъ. Сначала я противилась этому, хотѣла сама поговорить съ родителями; но онъ увѣрялъ меня, что этимъ признаніемъ я испорчу все дѣло. Нечего было дѣлать, я повиновалась ему, не предвидя настоящей плачевой развязки. — Вы помните какъ наканунѣ моего орѣзда со мной сдѣлалась истерика, — я не могла выдержать душевныхъ волненій. . . . Ночью, далеко за полночь, когда всѣ уснули, я одѣлась, взяла кое что изъ бѣлья и, рыдая, вышла изъ дому и сдѣлалась бѣглянкой. Остальное къ чему рассказывать; скажу только что я обманута. . . . Не вспоминайте мнѣ, пожалуйста, больше объ немъ. . . . Я никого не виню, кромѣ моего сердца, которое надорвало всю мою жизнь. . . . Что дѣлать! пословица говоритъ: не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ, со вздохомъ заключила Юлія Фоминична.

— Забудьте его Юлія Фоминична! онъ не стоитъ вашего воспоминанія, а тѣмъ болѣе страданій. . . . А я клянусь вамъ, употребить всѣ силы составить ваше счастье: во мнѣ вы найдете не только брата и друга, но вѣрнаго горячо любящаго — мужа, сказалъ я.

— Благодарю васъ. . . . я вижу, что вы меня любите. . . . Но, дайте собраться съ силами, сказала она, взявъ мою руку и крѣпко ее сжимая.

Бъ вечеру мы были верстахъ въ пяти отъ города N**. Солнце медленно подвигалось къ горизонту.

— Я бы не желала теперѣхъ въ городъ, подождешь, когда совсѣмъ стемнѣетъ, съ безпокойствомъ обратилась ко мнѣ Юлія Фоминична.

— Я тоже только — что хотѣлъ говорить вамъ объ этомъ, — а здѣсь и мѣстность чудная; пройдемтесь вотъ на этотъ полуостровъ озера, — сказалъ я — и остановилъ ямщика. Ямщикъ сперва не соглашался и только рубль убѣдилъ его свернуть на полуостровъ и дожидаться насъ.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! сказала Юлія Фоминична, выйдя изъ тарантаса и подходя къ береговому обвалу, заросшему орѣшникомъ.

— Да хорошо, говорилъ я, слѣдуя за ней.

Проходя въ по полуострову, мы взонли на самой нивѣ, далеко выдающійся въ озеро. Дѣйствительно, видъ былъ въликопный: прямо за озеромъ, въ туманѣ, чуть чуть видѣлся городъ N^{xxx} направо озеро терялось въ горахъ, поросшихъ густыми растеніями; налѣво гладкая равнина засѣянныхъ полей, горизонтъ которыхъ сливался съ небесной лазурью.

— Хоть бы здѣсь и умереть, сказала Юлія Фоминишна, садясь на траву.

— У васъ болѣзненно—поэтическое настроеніе.

Въ это время, далеко въ лѣсу, кукушка начала свою тоскливую пѣсню.

— Развѣ загадать, сколько мнѣ лѣтъ осталось жить? Въ престои народѣ кукушка слыветь предсказательницей, обратилась ко мнѣ Юлія Фоминишна.

— Что вамъ за охота все думать о смерти?! Ну загадайте...

Кукушка при этомъ умолкла.

— Какая умяница, съ улыбкой сказала Юлія Фоминишна.

— Пусть она до нашего отъѣзда молчитъ, а то вы какъ разъ, въ настоящемъ настроеніи, пожалуй, повѣрите ей,—заклучилъ я.

— Пусть молчитъ,—я загадаю на цвѣтокъ, сказала она, срывая полевую ромашку.

— О чемъ же вы будете гадать?

— Любите вы меня или нѣтъ? „Любить не любить, любить не любить“, говорила Юлія Фоминишна, обрывая стебельки ромашки.

— „Любить“, такъ вы, не шута, меня любите? сказала она, сорвавъ послѣдній листокъ.

Стемпло,—и мы чрезъ полчаса подкатили къ крыльцу Морсовыхъ.

— Ахъ, какъ сильно сердце бьется!.. Подите, пожалуйста, узнайте—нѣтъ ли кого чужихъ у насъ, трепещущихъ голосомъ присла меня Юлія Фоминишна.

Я повиновался; въ передней встрѣтили меня Морсовы со свѣчками въ рукахъ; стукъ экипажа не обмануть ихъ ожиданія.

— Гдѣ же Юлинька? Узнали ли вы о ней? Привезли ли ее? Спрашивали меня Морсовы вперегонку.

— Приѣхала,—встрѣчайте; только помните ваше слово, сказалъ я.

Добрныя родители со слезами бросились къ экипажу и, при помощи моей, почти внесли въ домъ полумертвую Юлію Ѳомиинишну.

Встрѣчу эту я не берусь описывать: она была неописанна. Съ Юліей Ѳомиинишной дѣлалось нѣсколько разъ дурно; родители ея какали и постоянно цѣловали ее; къ чести Морсовыхъ, они не цѣляли ни малѣйшаго упрека своей дочери, осыпали ее ласками отеческой любовью. — Когда всѣ немного успокоились я торжественно обратился къ Юліи Ѳомиинишнѣ съ своимъ предложеніемъ, прося е не откладывать день свадьбы.

— Вы теперь любите меня, не раскайтесь же послѣ! Вы знаете вѣтъ, что скажетъ общество? замѣтила она мнѣ.

— Что мнѣ свѣтъ и общественное мнѣніе! Я увѣренъ, что съ ами буду счастливъ, а до толковъ и пересудовъ людскихъ мнѣ дѣла нѣтъ, сказалъ я.

— Юлія, другъ мой, согласись; онъ любитъ тебя, ты будешь счастлива съ нимъ, говорилъ Ѳома Петровичъ.

— Юлія Ѳомиинишна, молча протянула мнѣ руку, я поцѣловалъ ее и насъ благословили. Не знаю отъ чего, но при этомъ я не выдержалъ и заплакалъ.

— О чемъ же ты плачешь? спросила меня съ участіемъ Юлія.

— Не знаю, знаю только, что мнѣ хочется плакать и что слезы эти для меня пріятны, отвѣчалъ я, цѣлуя ея руку.

И дѣйствительно, послѣ обильныхъ слезъ, мнѣ сдѣлалось отрадно; одиночество исчезло; горе, которое давило мое сердце, свалилось, Юлія мнѣ сдѣлалась дороже и милѣй чѣмъ прежде.

— Такъ ты забыла Бояркина, спросилъ я Юлію, прощаясь съ ней.

— Ахъ, не вспоминай о немъ, ради Бога, — поѣзжай, а завтра пораньше приходи къ намъ, а то я буду сердиться, сказала она.

— Цѣлый день буду съ тобой, только скажи мнѣ откровенно.....

— Что?

— Одно только слово.

— А! догадалась: люблю ли я тебя?

— Да, мой ангелъ.

— Успокойся, я оцѣнила тебя... я уважаю тебя.

— Нѣтъ, ты скажи, что...

— Ну люблю; до свиданья! сказала она, пожавъ мнѣ крѣпко руку.

Черезъ три дня была наша свадьба, на которую были пригла-

мани люди по моему выбору. Не могу умолчать о добромъ и благородномъ инвалидномъ начальникѣ, который почти настоятельно требовалъ взять его въ шаферн, что я съ удовольствіемъ исполнилъ. Прочіе же господа, съ своимъ шляхетскимъ гоноромъ, нисколько не сдѣлали мнѣ визитовъ (къ моему удовольствію), но даже не стали кланяться со мной. Я удивляюсь, почему этихъ господъ называютъ людьми образованными, гуманными, опередившими насъ! Я убежденъ всею душою въ противномъ... Они и послѣ нашей свадьбы позволяли себѣ клеветать на насъ и чернить Юлію.

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ со дня нашей свадьбы. Въ концѣ 1865 года я долженъ былъ, по требованію начальства, возвратиться въ Петербургъ. Приѣхавъ туда, мы съ женою заняли номеръ въ одной изъ петербургскихъ гостинницъ; это было вечеромъ. Въ сосѣдномъ номерѣ былъ слышенъ шумный говоръ, часто прерываемый звуками хрустала; наконецъ послышалось цѣнное нѣсколько мужескихъ голосовъ. Изъ любопытства, я подошелъ ближе къ запертой двери и явственно разслушалъ гимнъ „Боже корольсконъ“, и проч.

— И въ Петербургъ забрались! сказалъ я, подходя къ женѣ и пожимая плечи.

— Они намъ уснуть не дадутъ; нужно взять другой номеръ, сказала Юлія.

Въ это время послышался громкій возгласъ:

— За здравье Пустовойтовой.

— Вивать! нехъ жѣ пани Пустовойтова! отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Я не выдержалъ и позвалъ челоуѣка.

— Любезный, поди—попроси нашихъ сосѣдей вести себя немного поскромнѣе, мы съ дороги устали и хотимъ усноконься. сказалъ я.

— Да что, сударь, съ этимъ постояльцемъ хотъ бѣги вонъ: позоветь къ себѣ цѣлую ватагу такихъ какъ самъ и добонирить ночью, сколько душъ угодно; а станешь говорить, такъ драться наровить; ужъ и хозяину ходили многіе жаловаться, такъ мнѣ хозяину жалко упустить такого постояльца; нѣсячній, говорить: деньги, говорить, платитъ исправно, требуетъ много, отвѣчалъ коридорный, почесывая затылокъ,

— Онъ полякъ?

— Сдается мнѣ, что полякъ, хотя фамилія-то русская, а во

биходу-то русскимъ не выглядываетъ; прѣхаль тоже какъ и въ варшавской желѣзной дороги.... Хозяинъ нашъ у него часто нвааетъ, потому выходитъ, самъ тоже полякъ. Мѣсяцъ тому на-адъ, онъ три дня праздновалъ, потому мѣсто въ которомъ то лапар-аментъ получилъ, такъ было тутъ всего и шампанское, и что другое, говорилъ коридорный.

— Ну, поди, голубчикъ, попроси; быть можетъ уважутъ твою просьбу, — утихнуть; въ противномъ случаѣ, я переѣду въ другую остинницу.

— Слушаюсь, сказалъ коридорный, уходя.

Шумъ немного смолкъ.

— Онъ съ варшавской дороги? послышалось въ другомъ номерѣ.

— Съ варшавской, отвѣчалъ коридорный.

— Поди узнай: русскій онъ, или полякъ? продолжалъ тотъ же чюль.

— Велѣлъ, сударь, спросить васъ: вы полякъ, или русскій? казалъ коридорный, входя въ нашъ номеръ.

— Да развѣ ты не видалъ моего билета?

— Да я, сударь, неграмотный; на это канторщикъ есть, отвѣ-алъ коридорный.

— Русскій.

— Пусть скажетъ, что полякъ; быть можетъ для своихъ при-гнхнуть, перебила меня Юлія, плутовски улыбаясь.

— Слушаюсь, сударь; такъ и скажу, сказалъ коридорный, вы-ходя изъ номера.

— Полякъ, послышалось въ сосѣднемъ номерѣ.

— Тише... я самъ пойду, извинюсь предъ ними, сказалъ кто-го, и чрезъ нѣсколько секундъ дверь нашего номера съ шумомъ отворилась и на порогѣ, съ бокаломъ въ рукахъ, въ чамарѣ, поя-вился... Бояркинъ.

Юлія вспыхнула, я задрожалъ.

— За позволе..... началъ, Бояркинъ, но увидавъ насъ, выр-нилъ свой бокалъ, поблѣднѣлъ и лихорадочно схватился за ручку двери. Я быстро и безсознательно подскочилъ къ Бояркину; гулъ пощечины раздался въ воздухъ, Бояркинъ грохнулся объ корридоръ; я затворилъ дверь номера, я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, Юлія стояла блѣдная, какъ полотно. Шумъ въ сосѣднемъ номерѣ прекра-тился, — на утро мы узнали, что Бояркинъ, „якъ почтивы чловѣкъ“, дагъ тягу.

ОТЪ АВТОРА КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Этимъ и кончается дневникъ моего товарища, который сажу мимоходомъ, живетъ съ Юліей Фомининой вполнѣ счастливо въ нашей сѣверной Пальмирѣ. Не думайте, благосклонный читатель, что все вышесказанное есть плодъ моей фантазіи къ несчастію, это былъ, которой я былъ очевидцемъ.

С. Калужинъ.

Петербургъ, 1866 года, мая 3.

ВИРУТА И КЕЙСТУТЬ.

(Продолженіе) (*).

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

Картина 5.

Лѣсъ; сквозь верхушки деревь пробивается вечерняя заря; небольшая поляна; нѣсколько иней (старыхъ), направо—камень, возлѣ дуба; еще правѣе насыпь, съ замѣтнымъ углубленіемъ.

Я В Л Е Н І Е 1-е.

Князь Юрій.

Князь Юрій. (Въ бѣлой мантии крестоносцевъ, выходитъ измученный отъ усталости). Охъ!... совсѣмъ я измаялся!... Думалось быть въ замкѣ Выдимунда нынче по утру, а вотъ и ночь приходитъ, а еще не близко.... На дорогѣ заночевать придется.... Охъ, мочи нѣтъ, усталъ!.. (опускается въ изнеможеніи на траву). Ну слава Богу! хоть отъ погони-то укрылся, а то бы несдобровать мнѣ.... Кабы не вустъ, я бы попался. Нѣмцы мимо проскакали и не заглянули въ кустарникъ. Хорошо что я коня-то одного пустилъ.... Вотъ по слѣдамъ его они и скачутъ.... (Смотритъ на землю). Что это?... Кажись, дорога?... Нѣтъ, зачѣмъ такой чащею непроходной дорогу прокладывать... Слѣдъ есть... Конскія копыта... Ужъ не нѣмцы ли хищные тутъ скакали?.. Пожалуй— что такъ... Ну, пушай ихъ поскачутъ на здоровье... Я, благодаря Бога, спасень... Вотъ только рана моя на рукѣ недаетъ покою... Обмытъ бы ее; ну да сперва отдохну, а то хуже понедужится... Этакъ, пожалуй, и завтра не дойдешь до Полунги-то... Эхъ! кабы конь, давно бы я тамъ былъ!.. На берегу, на завѣтномъ мѣстѣ... Ку-

(*) Смотри 1 и 2 книжки „Вѣстника зап. Россіи.“

да приказала выходить Вирута... Увидѣлся бы я съ ней, слово перекинулся, бѣлу рученьку пригубилъ бы, рассказалъ бы пробой и про полонь свой... Оповѣдалъ бы ей все, что у меня на сердцѣ дѣлается... Можетъ статся она... (Остатакиваются и прислушиваются). Что это мнѣ послышалось?! Кажись, кто то крикнулъ.. (прислушивается). Шунить что то... далеко гдѣ то... (привладиваетъ ухо къ землѣ). Конскій топотъ!.. Нужно спрятаться, а то, пожалуй, опять въ полонь попадешь, а ужъ въ другой разъ убѣжать изъ твердыни трудно. Тутъ и бѣлая мантия не поможетъ.. (Встаетъ и идетъ къ дубу). Вотъ тутъ между камнемъ и дубомъ я укроюсь (ложится). Здѣсь и отъ злаго человѣка и отъ звѣря лѣтаго защищаться способнѣе... (Темнѣетъ. Изъ углубленія въ холмѣ слышатся искры огня).

Я В Л Е Н І Е 2-е.

К. Юрій и Вѣдьма.

Вѣдьма. (Сперва изъ углубленія показывается голова и рука, съ зашипенной головою, потомъ, оглядѣвшись, баба выходитъ вся и всматривается въ К. Юрія).

К. Юрій. (Послѣ мнутаго удивленія, дѣлаетъ шагъ назадъ, минуетъ свой мечъ и тоже смотритъ на вѣдму). Ты кто такая.. Колдунья или просто дьяволъ?..

Вѣдьма. Ты меня своей храбростью не испугаешь, мечъ я твоего не боюсь, захочу я, и мечъ и латы твои рассыплются... Я только дуну на тебя, и ты превратишься въ желтый осенній листь... И бѣлая твоя мантия не спасла бы тебя, если бы ты и въ заправду былъ рыцарь; а то я знаю, что ты нашъ русикъ.. Въ полонь, должно, былъ у нѣмцовъ?..

К. Юрій. Я русикъ, былъ въ полонь... Но почемъ ты знаешь?.. Ты колдунья?

Вѣдьма. Да, я колдунья... Мнѣ повинуются и люди, и звѣры, и рыбы... вѣтры, моря, земля, лѣса, огонь... и все... Я умѣю и колдовать, и будущность человѣка распознавать...

К. Юрій. Ты врешь, старая корга... Будущность распознавать можетъ только одинъ Богъ... А ты умѣешь только морочить, да глаза отводить...

Вѣдьма. Людей я не морочу, я знаю много заливъ, кореньевъ разныхъ и травъ волшебныхъ... Я знаю много заклинаній...

Я знаю много и гаданій... Коли ты хоцешъ испытать мою волшебную силу, я покажу ее надъ твоими доспѣхами...

К. Юрій. Показывай скорѣй... старая чертовка...

Вѣдьма. (Посмотрѣвъ на него). Али лучше погадать... Поворотить надъ водой и огнемъ... Ближихъ сердцу показать... Какъ думаешь, храбрый бояринъ?..

К. Юрій. Не вѣрю я тебѣ, колдунья...

Вѣдьма. Повѣришь, соколикъ, тогда, когда волосъ дыбомъ встанетъ... Ты хочешь ли, что бы я погадала и твою будущность узнала?..

К. Юрій. Хочу...

Вѣдьма. Только ты, храбрый бояринъ... славный витязь, на гаданье для заклинательной жертвы дай что нибудь...

К. Юрій. (Помолчавъ). Ты литвинка?..

Вѣдьма. Литвинка, русинка и жмудинка... Во мнѣ всѣ три силы... Я знаю всѣ три рѣчи, болтаю съ нѣмцами... Звѣри и птицы слова мои понимаютъ...

К. Юрій. Пусть будетъ это при тебѣ... Ты мнѣ вотъ что скажи: далеко ли отъ сюда Полунга?

Вѣдьма. Не близко, соколикъ... не близко... Дня два еще пройдешь...

К. Юрій. О, господи, помилуй!.. Хоть бы конь какой попался... А что, по близости тебя нѣтъ ли жилия литовскаго, русинскаго, аль жмудинскаго?.. Переночевать бы мнѣ хотѣлось, рану обмыть, да и силы пищей подерѣпить.

Вѣдьма. (Смотритъ на него). Жилия поблизости тутъ ни какого нѣтъ... Для тебя, храбрый, красивый бояринъ, я въ своей пещерѣ мѣсто порасчищу... Ты отдохнешь и усювоишься... Рану тебѣ водой цѣлебной обмою... и сухими волшебными листьями перевяжу... Въ одну ночь заживетъ она...

К. Юрій. За доброе слово спасибо, старушка.. Но къ тебѣ въ пещеру ночевать я не пойду... И цѣлебной твоей воды не хочу...

Вѣдьма. Не страшись ты моей пещеры... Изъ сѣрой землянки я здѣлаю богатые хоромы... Явятся горы сладкихъ яствъ, будетъ и *алусъ*, будутъ и красныя дѣвницы... и мягкій пуховикъ и мягкое изголовье... Для тебя, бояринъ, я сама приложусь... А на утро и коня достану... Скорѣе перелетной птицы

доставить онъ тебѣ къ твоей любезной, которая дала тебѣ кольцо это (показываетъ на его руку).

К. Юрій. (Удивляется). Колдунья ты и впрямь... Такъ давайже мнѣ теперь коня... Мнѣ князь Кейстута нужно застать въ Полунгѣ, а то, пожалуй, уйдетъ въ Троки съ дружиной и мнѣ опять придется одному до Трокъ тащиться... Подай коня, коня можешь... Изъ Полунги тебѣ я привезу богатые дары.

Вѣдьма. Подать такъ скоро коня тебѣ я не могу. А вотъ какъ только зорька утренняя загорится и ясные лучи солнца проглянутъ сквозь листья дерева; когда развернутся чашечки цвѣтовъ, запоетъ жаворонокъ, — тогда коня тебѣ доставлю я... А теперь силы у меня такой нѣтъ... Да и тебѣ слѣзнуть — то не пошто. Князь Кейстутъ съ своей дружиной, когда солнце пошло за полдень, прошелъ изъ Полунги въ Троки, вотъ здѣсь... взгляни на землю... конскій слѣдъ еще видѣть...

К. Юрій. (Послѣ молчанія). Да, видѣть...

Вѣдьма. Такъ въ Полунгу тебѣ слѣзнуть не зачѣтъ... А завтра поутру, на лихою конѣ, духомъ догонимъ дружину...

К. Юрій. Дружину догоню я и опосля, а къ князю Выдимунду нужнѣе...

Вѣдьма. Какъ вѣдаешь, такъ и дѣлай, а сперва переночуй у меня.

К. Юрій. Не хочу я твоего ночлега.. Переночую гдѣ Богъ пошлетъ... А на завтра пойду пѣшкомъ; коня твоего волшебнаго мнѣ не надо...

Вѣдьма. Не бойся, храбрый бояринъ, меня; худова я ничего тебѣ не сдѣлаю. Ты не нѣмецъ и не ляхъ. А въ лѣсу ночевать тебѣ не приходится, опасно; звѣрей лютыхъ въ этой сторонѣ больно много и много змѣй...

К. Юрій. Богъ милостивъ... На Него надежду возлагаю, а грѣшить съ твоимъ колдовствомъ я нехочу...

Вѣдьма. Какой тутъ грѣхъ, бояринъ!.. Грѣха тутъ нѣтъ ни въ чемъ... Я литвинка по рожденію и по духу... Я также люблю свою родину. Ненавижу враговъ ея и всегда рада сдѣлать все доброе храбрымъ защитникамъ Литвы. Меня самъ князь Выдимундъ знаетъ... Мнѣ жаль тебя видѣть измученнаго... Я добрая колдунья, клянусь тебѣ самимъ Прамжу...

К. Юрій. Ну ладно, старушка, вѣрю... Пожалуй, отдохнуть я готовъ... Перевяжи и разной мою рану... Только спо-

три, колдунья, коли что злое сдѣлается отъ твоего волшебства, не помилую, голову съ плечь сниму.

Вѣдьма. Соколикъ ясный, не дойдетъ дѣло до этого. За своихъ то я сама голову сложу... Я маленькой, старинькой чело-вѣчекъ, а за своихъ спуску никому не дамъ... Знаешь, бояринъ, пословицу: *и на маломъ тнѣ возъ опрокинется?*... Только скажи ты мнѣ, храбрый витязь: зачѣмъ ты мантию нашихъ враговъ надѣлъ?

Б. Юрій. Затѣмъ, что бы выйдти изъ твердыни, куда я засаженъ былъ нѣмцами... Съ ратнаго боя я въ полонъ попался... Заковали меня въ кандалы, отвезли въ крѣпкій замокъ, посадили въ подземелье, да на мое счастье стражъ былъ изъ литвиновъ; онъ заговорилъ со мной политовски, а потомъ и порусински... Любовь къ родинѣ проснулась въ немъ отъ свиданья и бесѣды съ горемычными землякомъ, — и когда другой стражъ смѣялъ его, мы оба бросились на него и убили его... Мой освободитель надѣлъ его мантию и доспѣхи на меня... Мы простились и оба отправились къ воротамъ... Возлѣ воротъ еще разъ простился взглядомъ я съ моимъ спасителемъ и прошелъ неузнанный мимо стражи, творившей молитвы... Когда я подошелъ къ опушкѣ лѣса, мнѣ захотѣлось оглянуться назадъ, — смотрю, всадникъ скачетъ отъ замка прямо на меня, я вынулъ мечъ и думалъ защищаться, но всадникъ былъ — мой спаситель... „Спасайся“, закричалъ онъ мнѣ, за тобой погоня... Изъ замка ужъ выѣзжаютъ латинки, я вызвался командовать ими и первый поскакалъ за тобой... Бери моего коня и скачи во весь опоръ!.. Только напередъ, для примѣру, давай поборежся, я упаду съ коня, а ты садись... Вонъ латинки выѣхали“. Мы такъ и сдѣлали, примѣрно поборолись, онъ свалился съ коня, я сѣлъ и скрылся отъ погони... Только вчера вечеромъ слышалъ я конскій топотъ и клики нѣмцевъ... Были близко океанские, — да Богъ вразумилъ меня пустить одного коня, а я пустил его и засѣлъ въ чашу молодого осинника... Проскакали мимо и за конемъ погнались... Вотъ съ той поры гвѣшномъ я и пробирался... Усталъ до смерти!...

Вѣдьма. (Въ сторону). Ишь какъ красно и чисто рассказалъ порусински, какъ будто и впрямь-то русинъ, а не нѣмецъ... Не меня ты, хищный ястребъ, не проведешь... Ты гвѣмцкой соглядатай, я это знаю... Изъ рукъ своихъ тебя я не выпущу, и только глаза сомкни, я духомъ къ князю Кейстуту слетаю, онъ

здѣсь поблизости... Тебя онъ въ жертву Кавасу принесеть, поганецъ (къ Юрію). Я благодарна богамъ нашимъ за твоё спасеніе... Ступай же сосни, прекрасный витязь. Вода и нѣща есть въ моей пещерѣ... На ночь, пожалуй, тебѣ я погадаю о будущемъ...

К. Юрій. Ладно, добрая старушка... Иди въ пещеру и изготви мнѣ мѣсто для покоя; да и води цѣлебной для раны припаси; я не забуду, только помолюсь Богу...

Вѣдьма. Молись, сердечный... Молитвы пріятны всякимъ богамъ... А за послугу и за коня я попрошу у тебя этого колечка... что змѣйной-священной твоей палецъ обвила.

К. Юрій. Скорѣе жизнь отдамъ свою, чѣмъ это кольцо... Нѣтъ, колдунья! ты больно— много заломила!.. За послугу я отдамъ тебѣ пока свою мантию...

Вѣдьма. И за то спасибо, голубчикъ сизенькой... Ну такъ молись, бояринъ, а я пойду изготвлять снадобье для твоей раны (Въ сторону). Попался коршунъ, сѣверный ястребъ (Уходитъ въ пещеру).

Я В Л Е Н І Е 3-е.

К. Юрій одинъ.

К. Юрій. (По уходѣ ея). Измучился я больно, а то бы ни за что на свѣтѣ не остался у колдуньи ночевать... Опасно на слова вѣдьмы полагаться... Да ужъ видно приходится... Глаза такъ и слипаются... Весь какъ изломанный... И рука отъ раны пухнетъ и болитъ нестерпимо... Кажись, и шагу то не сдѣлать мнѣ теперь... Пусть что будетъ, то и будетъ... Вѣдь и она тоже человѣкъ... (Снимаетъ шлемъ, становится на колѣна и крестится). Господи Іисусе Христе! Услышь меня грѣшнаго раба твоего, прости мнѣ согрѣшенія моя и помилуй мя... Будь твоя святая воля надомной... Сохрани мя отъ всякихъ золъ и бѣдъ! (крестится встаетъ и надѣваетъ шлемъ). Коли не вретъ колдунья, что коня достанетъ завтра, такъ это ладно. (Въ это время изъ пещеры вылетаетъ сова и исчезаетъ между деревьями). Тыфу ты, дьявольская сила!.. Наше мѣсто свято!.. Кажись, большое что то пролетѣло... (Крестится). Въ темнотѣ-то не видно...

Вѣдьма. (Изъ пещеры). Не пугайся, бояринъ, это мой носогъ полетѣлъ за лошадей тебѣ... Сходи же въ пещеру,— все готово...

К. Юрій. (Подумвъ). Эхъ!.. сѣвлинъ Богъ владѣеть! (вспрѣтается и уходитъ въ немеру).

Я В Л Е Н І Е 4-е.

Сцена нѣсколько времени пуста. Сквозь деревья видно, какъ всходитъ полная лѣсядь. Потомъ съ лѣвой стороны изъ лѣсу, озиралась кругомъ, послѣднѣе выходитъ Бирута.

Бирута. Охъ!.. Охъ!.. Духъ захватываетъ!.. Шибко бѣжала, дышать боялась... Охъ!.. нужно сперва духъ перевести... а потомъ укрыться куда нибудь... (Осматривается кругомъ). Между деревъ или кустовъ замѣтять при лунномъ свѣтѣ; я въ бѣломъ, да еще какъ на зло эти дѣвичьи бубенчики гремятъ въ тишинѣ такъ звонко... Проснется самъ, хватится меня... Казнить стражу... Пошлетъ погоню за мной во всѣ концы... Найдутъ меня, опять притащутъ къ моему учителю... Тогда онъ будетъ еще страшнѣе... Кабы знала я, что за побѣгъ мой онъ убьетъ меня, я бы сама пошла къ нему... А то, пожалуй... (прислушивается. Что это? Кричать?.. Гдѣ кричать?.. Далеко гдѣ то... Должно быть проснулись... Чу! какой поднялся гамъ... Куда же мнѣ дѣваться?.. О, Святая Прауриня! спаси меня!.. Я погибаю... (слышитъ очень далеко рогъ). Самъ князь трубитъ... Ахъ, Юрій!.. Милый Юрій!.. Явился ты тѣню предо мной и защити меня... Воже христіанскій, — хоть ты услышь меня злополучную и спаси!.. Тогда увѣрю въ тебя...

Я В Л Е Н І Е 5-е.

Бирута и К. Юрій.

К. Юрій. (Выходитъ изъ немеры и, не замѣчая Бируты, говоритъ). Сдается мнѣ, что то недоброе затѣваетъ эта колдунья... Я слышалъ рогъ...

Бирута. (Увидавъ бѣлую мантию и не узнавъ в. Юрія, вскрикиваетъ). Ахъ!.. (Бросается бѣжать).

К. Юрій. (Услышавъ голосъ Бируты, быстро оборачивается и, увидавъ въ профиль лицо бѣгущей Бируты). О, Господи, помилуй!.. Неужто это чернокожице колдунья?!.. И голосъ и лицо Бируты... Съ нами крестная сила!.. (крестится). Неужто вѣдьма творить это наважденіе?!.. Она вся въ бѣломъ, со звонками... (Дѣлаетъ крѣ-

свояко шаговъ въ ту сторону, куда направилась Бирута). Вошь... вошь она... мелькаетъ между деревьями!.. (Присматривается). Остановилась... смотреть сюда... Вотъ и лицо видно... Мѣсяць свѣтитъ прямо ей въ лицо... Какъ есть Бирута... Кажись рукой махнула?... Ну да! манить къ себѣ... О, господи, помилуй! (крестится). Не прощаетъ!.. Неужто..?!.. А можетъ..?!.. Не стучи, мое бѣдное сердце, такъ шибко... погоди, узнаешь все (выхватываетъ мечъ). Коль дьяволъ шутить, крестомъ и молитвой прогонимъ, а коли злой человѣкъ мечемъ усмиримъ (поспѣшно уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 6-е.

Сцена нѣсколько секундъ пуста. Слышенъ въ отдаленіи рожокъ и крики, потомъ все стихаетъ. Выходитъ изъ нещеры Вѣдьма.

Вѣдьма. (Отглядывается). А гдѣ же рыцарь мой?... Ушелъ... Я такъ и знала... Прикинулся русиномъ, нѣмецкой поганецъ... Выпытывалъ, гдѣ князь Кейстутій, гдѣ наше солнушко красное... Такъ— такъ и брякну тебѣ, проклятый ястребъ,— куда онъ ушелъ!.. Должно засада нѣмецкая близко? (Осматривается и долго смотритъ въ даль). Ну, такъ и есть!.. Ихъ двое; вошь какъ бѣгутъ отсюда!.. оба въ бѣломъ... Нѣтъ, поганцы! вамъ не провести меня! Князь Кейстутій недалече, пойду оповѣщу его... Попадется вы въ его лапы, какъ ни мудрите (поспѣшно уходитъ въ другую сторону).

Я В Л Е Н І Е 7-е.

За сценой шумъ и крики, потомъ выѣзжаютъ на коняхъ бояры и простые латники изъ дружины Кейстута. За ними нѣшіе латники и ратники, жмудины и литовцы, ведутъ вѣдму.

1-й Бояринъ. (къ вѣдьмѣ). Говори, старая вѣдьма, всю правду,— видѣла ты дѣвицу... вайделотку?

2-й Бояринъ. Разжирай же губы, старая корга, а не то пытать на кострѣ начнемъ.

Вѣдьма. Славные бояре, храбрые витязи! послушайте меня старую, рѣчь мою правдивую... Сама я бѣжала къ князю Кейстутію съ вѣстію недеброю...

1-й Бояринъ. Скорѣй, старуха, говори...

Вѣдьма. Говорю, соколикъ, говорю... Принялъ ко мнѣ въ мою землянку нѣмецкій песъ... Въ бѣлой курткѣ и началъ онъ выпытывать про князя Кейстутія, гдѣ онъ теперь; я не сказала, что,

близко, а молвила: далеко... хотѣла я его ночевать у себя оставить... да хитерь больно!..

2-й Бояринъ (Смѣясь). Заѣсто мужа чтоль?

1-й Бояринъ. Не замай ее, бояринъ... Досказывай скорѣй, старуха!

Вѣдьма. Пускай, думаю, только очи своимъ закрестъ и въ крѣпкій сонъ заляжетъ, — запрю его и камнемъ выхоть завалю... А сама князя Кейстутя оповѣщу, дѣло все шло на ладъ, да только онъ смекнулъ — чтоли, вышелъ изъ землянки, да и утѣкъ — вотъ въ ту сторону (показываетъ). Я глядь туда, а ихъ ужъ двое бѣгутъ отсюда прочь, а я къ вамъ бросилась, на васъ наткнулась, вотъ и все, а дѣвнцы вайделотки я не видала... побой меня боги, не видала.

2-й Бояринъ. Рыцари то пѣшіе, или конные.

Вѣдьма. Пѣшіе были, а тамъ не вѣдаю.

1-й Бояринъ. (къ 2 му). Гляди что вретъ старуха... Землянку нужно обыскать.

2-й Бояринъ. И вѣрно обыскать... На рѣчи ея полагаться боязно.

3-й Бояринъ. (къ 1-му). Княжну Виругу въ околотеѣ любятъ и почитаютъ... Колдунья, вѣрно, спрятала ее...

1-й Бояринъ. (къ латникамъ, пѣшимъ). Братцы! тащите эту чертовку въ ея подземное царство, обшарьте всѣ углы, всѣ щели; коли что прилѣтите: кричите намъ, а ее держите за поясъ.

3-й Бояринъ. А то уйдетъ... Въ птицу обернется... Я знаю ихъ!..

А. Латникъ. Пойдемъ, ребята... (Подходятъ къ землянкѣ) Ну Трофимъ, ступай впередъ... Прокладывай дорогу!

Трофимъ. Иди ты самъ... Ты посильнѣе...

Б. Латникъ. Да вонъ пушай Готко идетъ... А мы за нимъ...

Готко. Ишь — выдумалъ!.. Иди, коли хочешь самъ...

В. Латникъ. Литовцы только на словахъ смѣлы...

Врубгайло. Вы русины смѣлы?!.. Ну иди, коли есть смѣлость.

А. Латникъ. Давайте жеребій кидать кому первому.

Готко. Што первому?.. Коли мнѣ достанется жеребій, а не пойду... Тутъ не съ людьми придется воевать...

1-й Бояринъ. Да чтожь вы стали пнями? Аль хочется на веревкѣ покачаться, ась?!..

Голосъ. Ни кто идти не хочетъ... Боятся...

2-й Воляринъ. Мѣшкать не чего... Пускай колдунья идетъ сама впередъ...

Вѣдьма. Поиденте... обмыните... (идетъ въ немеру).

1-й Воляринъ. Да держите ее...

А. Латникъ. Держить за поясъ колдунью, крестится и дѣлаетъ шагъ за ней, потомъ оборачивается къ Готко и схватываетъ его за руку). Ну чтожъ, идите братцы (улекаетъ за собой Готко).

Готко. (Хочетъ вырваться, но не можетъ). Постой, а ты... Да ну пусти!.. Да штожъ ны двое!.. поидентъ ребята всѣ, (схватываетъ за руку Б. латника, и улекаетъ его).

Б. Латникъ. (къ другимъ). Поиденте всѣ... (схватываетъ за руку Врубга Ялу и улекаетъ его. За ними слѣдуютъ со страхомъ и другіе).

2-й Воляринъ. Да какъ она ушла?.. Чай сторожа видѣли?..

1-й Воляринъ. Ну вотъ поди ты... Я самъ дивлюсь... Гляди что сторожа спали...

3-й Воляринъ. А мнѣ сдается, бояре, совсѣмъ инос... На сторожѣ были жмудины, а они княжну Вируту любятъ, вчитаютъ; поди, чего добраго, сами пропустили... Я самъ слышалъ, какъ утромъ у нихъ шолъ говоръ. Князь, говорятъ, противъ закона идетъ; вайделотку изъ храма брать не пригоже...

1-й Воляринъ. Сказалибъ они это самому князю, такъ ушли бы лезвіе его меча... Вонъ онъ двухъ сторожей овошей ружьемъ зарубилъ, а другихъ велѣлъ повѣсить... кидается какъ левъ...

(Изъ немеры въ это время выбѣгаютъ латники опрометью, давая другъ друга. Нѣкоторые крестятся и отлеиваются. За ними идетъ вѣдьма).

1-й Воляринъ. Ну что? не нашли ни чего?..

А. Латникъ. Найдить-то нашли много непотребнаго, а княжны нѣтъ...

Вѣдьма. И невидала я ее... Пусть Перкунь убьетъ васъ стрѣлой, коли вру я...

2-й Воляринъ. Такъ нужно поразвѣдать, что за рыцари... Поиденте, можетъ, и догонимъ...

3-й Воляринъ. Извѣстно такъ... хѣшкать нечего.

1-й Воляринъ. Такъ ты, старуха, говоришь, что рыцари туда вонъ побѣжали, ась?

Вѣдьма. Да, родинный, туда...

1-й Воляринъ. Ну ладно... Смотри же ты, старая корта, с-

ни тутъ и не зѣвай; коли дѣвницу увидишь, лови ее и намъ кри-
ши... Поѣдете въ догонку. (Всѣ уѣзжаютъ и уходятъ).

Я В Л Е Н І Е 8-е.

ВѢДЬМА одна.

ВѢДЬМА. (по уходѣ). Какую то княжну ищутъ... А ииѣ то
кто?... Пускай ищутъ... А я пойду въ свою землянку, запрочусь
глубь подалше... за ужамн... Пожалуй, и свои ни зашто тутъ
придумать... (Уходить въ пещеру).

Я В Л Е Н І Е 9-е.

К. Ю р і й.

К. Юрій. (Выходитъ изъ лѣсу, едва держится на ногахъ; грудь вы-
соко вадмывается). Охъ... Охъ!.. О, Господи!.. Изъ силъ я... вы-
бился совсѣмъ... Она... Точь, вточъ... Она... Охъ, смерть моя
пришла!.. Мерещится ииѣ это... Голова горить моя... (Опускается
подъ дубомъ). Изъ раны струится кровь... Пить!.. Пить!.. кол-
дунья!.. Охъ!.. горить!.. воды... во... (Не докончивъ слова, шатает-
ся и падаетъ безъ чувствъ на землю).

Я В Л Е Н І Е 10-е.

К. Ю р і й и Стр а н н и к ѣ .

Странныкъ. (Долго еще до выхода на сцену, онъ поетъ что то ду-
ховное и съ вѣнцемъ выходитъ).

*„Господь прибѣжище и Спаситель мой,
кого боюся.“*

Вотъ тутъ въ уединеніи посижу и помолюсь... А то тамъ, въ
станѣ, такая неурядица идетъ, что Господи только помилуй...
И крикъ, и шумъ, и вошь, и смерть... Господи!.. Господи по-
милуй!.. Эхъ! хе, хе, хе!.. (Вадмываетъ). Суетятся люди о мір-
скомъ..., кричать, рѣжутъ другъ друга, а того не мыслятъ, что
всѣ предстануть предъ грознаго Судію... О, Господи, помилуй
и!.. (За кулисами шумъ). Чу! ни какъ самъ князь скачетъ сюда?
Это его голосъ!..

Я В Л Е Н І Е 11-е

Тяжель, Б. Кейстуть на конь и за нимъ много бояръ (русиновъ и литвиновъ) и Григорій.

Кейстуть. (Увидѣвъ Странника). Тутъ кто?..

Странникъ. (Кейстуть уѣзжаетъ съ боярами, а Григорій подходитъ въ Страннику).

Григорій. Это ты, батюшко крестный?

Странникъ. Я, Омучить... (*) Я, мой сынъ..

Григорій. Не видалъ, батюшко крестный, княжны Бируты?..

Странникъ. Не видалъ, Омучить, не видалъ... Гдѣ ее теперь сыщешь... Въ этомъ бору колдуновъ и колдуній много, — гляди что у нихъ спряталась...

Григорій. Еще бы ничего, кабы у колдуновъ спряталась, мамлибъ... А вотъ бѣда, коли на звѣря лютого навернется... Ну, я пойду за княземъ, а то хватится, — тогда бѣда!.. Прощай, пока. (Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 12-е.

Странникъ и К. Юрій.

Странникъ. (Помолчавъ). Ночь то какая тихая сегодня... Благодарить Божія!.. На небѣ звѣзды таково ярко горять... Свѣтитъ мѣсяць... О, Всевышній! Творецъ Милосердный! Хорошь твой мѣръ!.. Какъ не молиться и не вѣровать въ Тебя, види дѣярукъ Твоихъ!.. Отъ радости душа трепещеть... А что будетъ въ томъ мѣрѣ, на небѣ?!.. для тѣхъ, которые удостоятся царства Твоего?!.. О, господи, помилуй мя!

К. Юрій. (Стонеть). Охъ!.. жжетъ, горить!..

Странникъ. Кто то стонеть?!..

К. Юрій. Воды!.. охъ!.. умираю!..

Странникъ. Кажись подъ дубомъ?.. (идеть и смотрять). Воже! рыцарь... Рука въ крови!..

К. Юрій. Кто... въ Бога... въ... пусть...

Странникъ. Говорить по русински и голосъ его мѣть мамлибъ... (нагибается и смотрять). Господи Христе! да вѣдь это князь Юрій!.. Онъ и есть... Что съ нимъ сталося?!.. Сказали, что онъ

(*) Такъ звали по отеческу Григорій Русина. (Авт.).

убить... Въ мантии? Должно, изъ полона убъжалъ... Князь Юрій...
Князь Юрій... Очнись... Нѣтъ не глядись!...

К. Юрій. Воды... пить!..

Странникъ. (Поспѣшно встаетъ). Со мной есть жестяная кружка, а тутъ вотъ есть и родникъ (Въжить нальво за сцену и сейчасъ же возвращается съ водой къ Юрію). Выпей скорѣй, князь (подставляетъ ему кружку къ губамъ, к. Юрій пьетъ. Потомъ Странникъ вспрямкиваетъ водой и крестить). Что князь Юрій?.. Аль еще принесть водицы?..

К. Юрій. (приподнимается). Спасибо тебѣ... Скажи, милостивецъ, кто подаль мнѣ воды?..

Странникъ. Неужто, князь Юрій, меня ты не разпозналъ?..

Б. Юрій. Недужится мнѣ больно... Въ глазахъ темно... Ужъ не ты ли князь Иванъ?..

Странникъ. Я грѣшный... я... Вотъ сподобилъ Богъ тебѣ помочь... Слава Христу небесному!..

Б. Юрій. Не чаялъ я, князь Иванъ, жить больше... смерть была близка, да ты вотъ возвратилъ мнѣ жизнь... Обними меня какъ родного сына, а я не могу, рука моя...

Странникъ. (Обнимаетъ его и дѣлуетъ): Благословенъ Господь нашъ отнынѣ и довѣка!.. Привстань, князь Юрій, я помогу, да присядь вотъ къ камню, я руку твою перевяжу, а то струится кровь... (поднимаетъ его и сажаетъ спяной къ камню). Воды еще осталось, я помочу да перевяжу, у меня есть платъ... (Во все время слѣдующаго разговора онъ перевязываетъ ему руку). Зачѣмъ ты мантию латинскую надѣлъ, князь?

Б. Юрій. Бѣжалъ я въ ней изъ полона... Гдѣ мы теперь, князь, съ тобой?

Странникъ. Въ лѣсу...

Б. Юрій. За чѣмъ?

Странникъ. Не знаю ты зачѣмъ зашелъ сюда, а я съ княземъ Кейстугіемъ и съ его дружиной иду въ Троки.

Б. Юрій. Изъ Полунги?

Странникъ. Изъ Полунги...

Б. Юрій. А гдѣ же князь Кейстугій?

Странникъ. Здѣсь недалече... Тутъ станъ княжескій близехонько... А самъ онъ съ боярами княжну Вируту ищетъ...

Б. Юрій. Какую княжну Вируту?!

Странникъ. Дочь князя Выдымунда... Онъ насильно увезъ ее изъ капища Прауримы; жениться хочетъ... А она нынче и

убѣжала, Богъ вѣсть, куда; теперь гонимовъ потяли во все стороны... Ну вотъ я и покончилъ... перевязалъ, дай Богъ на здорье!..

К. Юрій. Она вся въ бѣломъ, со звонками!..

Странникъ. Ну да... Она въ нарядѣ вайдаготки...

К. Юрій. Кляже!.. кляже!.. Я видѣлъ ее!.. я видѣлъ ее!.. Вотъ здѣсь на этомъ мѣстѣ... Мнѣ чудилось, что это волшебство колдуньи, дьявольское наважденіе, мнѣ чудилось, что все мнѣ это въ грѣзахъ видится... Я боялся подойти къ ней, я бѣгалъ за ней... Теперь я вижу, что видѣлъ ее на яву!.. Что это князь, кричать?..

(За кулисами слышны крики „нашли, нашли.“ Трубить въ рожъ).

Странникъ. Чу! никакъ нашли!.. Ну, слава Богу! Подѣдутъ ваши, тебя, князь, на лошади до *стому* довозежъ, а тамъ благословеннаго хлѣбца поѣшь, да мясной пинци отѣдася, силы подкрѣпишь тѣлесныя...

(Въ это время Кейстутъ на лошади пробѣгаетъ сцену, держа на рукахъ безчувственную Бируту. За Кейстутомъ слѣдуютъ бояре, Григорій, латники и ратники нѣмце).

Странникъ. (къ Юрію). Вотъ князь Кейстутій, а вошь на рукахъ его и княжна Бирута!..

К. Юрій. Она!.. Она!.. Бирута!?! (Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, хочетъ сказать что то, но не можетъ и падаетъ безъ чувствъ на землю).

Конецъ 3-го дѣйствія 5-й картины.

(Окончаніе оперы).

ОСТРОВОРОННАЯ ЧАСОВНЯ ВЪ Г. ВИЛЬНѢ.

У православныхъ русскихъ, проживавшихъ въ г. Вильнѣ, со времени основанія этого города литовскимъ княземъ Гедимномъ, пользовался особеннымъ благоговѣніемъ образъ Божіей Матери, поставленный или на воротахъ, воздвигнутыхъ, по древнему русскому обычаю, въ концѣ той части города, которую они за-

нивали и названную по этому *русским концемъ*. Самые же ворота назывались *острыми* (т. е. угольными), по той причинѣ, что оканчивавшійся ими русскій конецъ города, относительно другихъ городскихъ частей, выдавался впередъ угломъ, а потому и поставленная на нихъ икона получила названіе *остро-брамской*, (*остро-воротной*). Что эта часть города Вильны была въ древности населена одними русскими, — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что почти у всѣхъ изслѣдователей виленской старины, даже польскихъ (Нарбута, Ярошевича, Крашевскаго, Лукашевича и друг.), она называется *русским концемъ*, да и пролегающія къ острымъ воротамъ окрестности и по нынѣ называются *Россою*. Это названіе ясно свидѣтельствуетъ о принадлежности ихъ русскимъ жителямъ г. Вильны. Въ этихъ окрестностяхъ русскіе, съ самыхъ древнихъ временъ, выбрали для своего кладбища одно мѣсто, называющееся и понынѣ тоже *Россою*, и построили тамъ православную церковь во имя св. Георгія; но впоследствии р. католики, позавидовавъ живописности этого мѣста, отняли, по принятой ими методѣ насилій, кладбище съ православною церковью у русскихъ и устроили тамъ свое кладбище, гдѣ и по настоящее время погребаются исключительно одни только р. католики.

Такія данныя, доказывающія принадлежность остро-воротной мѣстности русскимъ, ясно убѣждаютъ, что и находящаяся здѣсь ворота, съ иконою Божіей Матери, и имѣютъ русское происхожденіе и что послѣдняя, въ древности, составляла достояніе русскаго православія въ Вильнѣ: ибо, если помянутая мѣстность принадлежала исключительно русскимъ, — то, конечно, они, а некто другой, устроили на ней ворота съ часовнею и поставили принадлежащую имъ икону. Но чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, приведемъ слѣдующія доказательства. Когда р. католики захватили въ свои руки почти всѣ православныя церкви и разныя святни въ г. Вильнѣ, — острые ворота, съ находившеюся на нихъ часовнею, состояли въ вѣденіи Свято-Троицкаго монастыря, — искони православнаго, — который только въ эпоху водворенія въ Вильнѣ брестской уніи былъ обращенъ въ эту новую секту уніатскимъ митрополитомъ Поцѣмъ. Даже земля, не только подъ воротами, но и за ними, принадлежала Свято-Троицкому монастырю, что видно изъ сохранившихся въ архивахъ этого монастыря документовъ, между которыми замѣчательнъ уступочный

актъ 1624 года, кониъ базилиане Троицкаго монастыря, на долго предъ тѣмъ обращеннаго въ унию, уступили латинскимъ монахамъ — кармелитамъ боюмиъ плацъ у острыхъ воротъ, а си послѣдніе построили на этомъ плацу въ 1626 году свой клинтеръ и костелъ во имя св. Терезіи. Что касается до острыхъ воротъ и помѣщавшейся въ верху ихъ иконы, — то онѣ и послѣ постройки помянутаго костела оставались въ вѣденіи базилианъ до 1706 года, а въ этомъ году, во время случившагося въ Вильнѣ пожара, сгорѣли деревянныя острыя ворота, а икона была спасена живыми по сосѣдству кармелитами, которые поставили ее на время въ своемъ костелѣ. За тѣмъ были выстроены вновь деревянныя ворота, на мѣстѣ прежнихъ, съ часовней на верху; кармелиты перенесли туда икону съ величайшею торжественностію, и съ тѣхъ поръ, по праву сильнаго, оставили въ своемъ завѣданіи навсегда какъ ее, такъ и самыя острыя ворота.

Въ 1715 году пожаръ опять истребилъ острыя ворота и икона снова была поставлена въ костелѣ кармелитовъ, гдѣ и находилась нѣсколько лѣтъ, пока на пожертвованія небожныхъ иаиствоу не воздвигли кармелиты новыхъ, сохранившихся доселѣ, каменныхъ воротъ, на верху которыхъ устроена или часовня (часовня), съ великолѣпнымъ престоломъ (алтаремъ), для совершенія миссы, и органомъ. — Икона была перенесена туда еще съ большимъ торжествомъ, чѣмъ прежде. Въ торжественной процессіи (ходѣ) участвовало четыре бискупа, всѣ монахи виленскихъ клинтеровъ, все свѣтское (бѣлое) виленское духовенство, съ капитулою во главѣ, при стеченіи нѣсколькихъ тысячъ народа, нляхты, цеховъ съ знаменами, воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, войска и всѣхъ гражданскихъ и военныхъ салобнниковъ.

Сначала базилиане смотрѣли, повидному, равнодушно на этотъ захватъ латинянъ, но когда сіи послѣдніе съужѣли пустить въ народѣ громкую молву о безчисленныхъ чудесахъ, происходившихъ отъ захваченной ими у православныхъ Божіей Матери иконы, вслѣдствіе чего стали стекаться на поклоненіе ей тысячи богомольцевъ изъ Литвы, Польши и Вѣлорусіи, и когда такимъ способомъ, она сдѣлалась источникомъ огромныхъ доходовъ для кармелитовъ, — то базилианцы рѣшились возвратитъ эту икону себѣ, какъ древнее достояніе Свято-Троицкаго монастыря, для чего, въ концѣ XVIII столѣтія, завели съ кармели-

нии иשובую тяжбу. Но какъ мѣстные судьи были уже въ то время прозелитами папства, — то дѣло это было рѣшено въ пользу кармелитовъ. Недовольные такимъ рѣшеніемъ базилианцы апеллировали въ Римъ, и папа покончилъ эту тяжбу слѣдующею резолюціею: „оставить икону за тѣмъ монастыремъ, который ближе къ ней разстояніемъ, а дѣло предать вѣчному молчанію (*perpetuo silentio*)“. Разумѣется, папа сдѣлалъ такое постановленіе, ная навѣрно, что кармелитскій монастырь ближе къ Острымъ воротамъ, чѣмъ Св. Троицкій. Въ первой половинѣ XIX вѣка, базилиане опять возобновили свою тяжбу съ кармелитами, но она стала безъ послѣдствій. Тяжебное дѣло объ этомъ находилось въ тридцатыхъ годахъ въ архивѣ бывшей униатской коллегіи, оторній, послѣ воссоединенія униатовъ, поступилъ въ архивъ св. внода (*).

Кромѣ этихъ историческихъ доводовъ, самый наружный видъ конны остро-воротной Божіей Матери доказываетъ если не русское, то греческое, т. е. православное, происхожденіе: она написана, вопреки римскому обычаю, на доскѣ, масляными красками, съ покрытою головою Божіей Матери; живопись чисто греческаго древняго стиля, испорченная нѣсколько при позднѣйшемъ обновленіи, наконецъ многіе свидѣтельствуютъ, что, при обновленіи на ней серебряннаго оклада, видѣли вокругъ изображенія Божіей Матери золотую надпись, славянскими буквами: *честнѣйшую херувимъ и проч.*“

Впрочемъ и сами паписты плохо умѣютъ скрывать истину происхождения этой иконы и даже печатно проговариваются, что она первоначально была достояніемъ православныхъ. Такъ, напримѣръ, въ числѣ прочихъ латинскихъ писателей, говоритъ о происхожденіи этой иконы ксендзь Даниль Лодзята: „Великій князь литовскій Ольрдъ вывезъ много сокровищъ изъ Херсонеса въ Вильну, которыми обогатилъ свою казну. Въ числѣ этихъ сокровищъ находились разныя церковныя утвари и святыни, которыя онъ и его соремники роздали городскимъ церквамъ г. Вильны (замѣтьте церкамъ, а не костеламъ). Между этими святынями находился и стинный образъ Пресвятой Дѣвы Маріи, въ видѣ стоящей предъ сланникомъ Божіимъ — архангеломъ Гаврииломъ. Образъ этотъ

(* На этотъ фактъ указывалъ Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ литовскій Юсифъ въ примѣчаніи къ одной изъ проповѣдей, произнесенныхъ имъ въ 51 году въ виленскомъ Св. Духовскомъ монастырѣ.

находится теперь въ часовнѣ кармелитовъ на воротахъ восточной части города, называемыхъ обыкновенно острыми и проч.“ (*).

Извѣстно, что Ольгердъ, по убѣжденію православной сурьги своей Уліанн тварской, окрещенъ былъ въ православіе съ именемъ Александра и умеръ въ 1581 году, принявъ схиму, съ именемъ Алексія. Онъ строилъ православныя церкви въ Вильнѣ и весьма естественно, что церковныя утвари и сказанную икону, вывезенныя имъ изъ Херсонеса, роздалъ православнымъ церквамъ, которыхъ было при немъ въ Вильнѣ много, — такъ что въ числѣ ихъ находились уже и кафедральный соборъ, тогда какъ, во время Ольгерда, существовалъ (подъ сомнѣніемъ) въ Вильнѣ одинъ только р. католическій костелъ — францисканскій, да и то безъ прилежанъ, потому что было тогда въ Вильнѣ р. католиковъ не болѣе 2-хъ 3-хъ десятковъ, изъ числа окружавшихъ Гангольда, да и то не поляковъ, а нѣмцевъ.

Это свидѣтельство Лодзятн видимо не понравилось автору книжки „Wiadomość o cudownych obrazach“ и проч., ксендзу М. Г. Рокицкому, и онъ, въ опроверженіе его приводитъ другое сочиненіе о происхожденіи островоротной Божіей Матери (кажется, имъ самимъ выдуманное). Впрочемъ это сочиненіе относится скорѣе къ возобновленію, чѣмъ къ первоначальному происхожденію этой иконы.

„Трудно повѣрить, говоритъ Рокицкій, чтобы столь ограниченный образъ, который едва могутъ поднять съ мѣста 12 сильныхъ людей (и одинъ сильный подниметь), былъ привезенъ (какъ бы — принесенъ!) Ольгердомъ изъ Херсонеса въ Вильну иначе, какъ на особомъ *возозѣ* (эка трудность для владѣтельнаго князя!) и при особыхъ *подмосткахъ* (къ чему онѣ?), и при томъ когда въ то время не существовало безопасныхъ путей (развѣ сокромница были везены безъ конвоя?). Слѣдовательно гораздо болѣе похоже на истину извѣстіе отъ старыхъ людей, 60 лѣтъ и болѣе (глубокая старина!), почерпнутое изъ рассказовъ оо. кармелитовъ (еще бы?!), что, по обветшаніи первоначальнаго образа, казавшагося на деревянныхъ воротахъ, оо. кармелиты, вознамѣрившись построить новыя ворота, пожелали обновить и образъ. Пригласивъ *живописца изъ Кіева, съ Руси прибылаго* (обратите вниманіе на нашъ курсивъ!), они подражали его на два образа одинаковыя.

(*) Narbutt tom 3 stron. 137; смотри Wiadomość o cudownych obrazach w Wilnie. 1863 r. stron. 5 Nota 2.

го разгѣра, т. е. *Пресвятой Дѣвы*, который и доселѣ почитается вѣрными въ острой брамѣ, и Искушителя, *во вкусь треновосточномъ*, по обычаю, съ земнымъ шаромъ въ рукѣ, который (образъ) помещался въ концѣ корридора въ монастырѣ остробрамскомъ, предъ покоями оо. пріоровъ, а нынѣ находится въ пристѣннѣхъ каеедры, при входѣ отъ города, надъ дверями.“

Это сказаніе всендза Рокицкаго, заимствованное имъ (какъ онъ самъ говоритъ) изъ разсказовъ 60-лѣтнихъ людей и самихъ оо. кармелитовъ, не явно ли, — хотъ и вопреки желанію о. Рокицкаго, — указываетъ на русское, слѣдовательно православное происхожденіе остро-воротной иконы Вожіей Матери, когда для обновленія ея и для сбереженія прежняго вида, а слѣдовательно и народнаго почитанія, — нужно было выписывать русскаго иконописца изъ Кіева въ то время, когда скорѣе и естественнѣе было бы вызвать живописца паписта изъ Варшавы или другого какого либо р. католическаго города? Да и въ самой Вильнѣ было, безъ сомнѣнія, въ то время довольно, и при томъ весьма искусныхъ, живописцевъ, потому что тогда строились и снабжались образами такіе великолѣпные костелы, какъ кармелитскій св. Терезин, бернардинскій св. Анны и множество другихъ. Дѣло въ томъ, что такъ какъ обветшавшая икона была написана въ греческомъ или греко-русскомъ стилѣ, — то и могъ возобновить ее специалистъ этого рода иконописи, — именно русскій художникъ, — какого живописца кармелиты и выписали изъ русскаго Кіева. А что дѣйствительно эта икона возобновлена не слишкомъ давно, — можно заключить изъ того, что она писана масляными красками, тогда какъ древнія иконы писались красками на яичномъ бѣлкѣ.

Хотъ православнымъ былъ весьма обиденъ такой захватъ остро-воротной иконы, сдѣланный р. католиками; но всего обиднѣе и прискорбнѣе для всѣхъ православныхъ - русскихъ, что это ихъ древнее достояніе, эта заповѣдная ихъ святыня сдѣлалась впоследствии главнымъ орудіемъ польско-латинской пропаганды въ Вильнѣ, въ ущербъ интересамъ вѣры и народности прежнихъ ея хозяевъ. Мало того, что съ помощію этой иконы, въ началѣ настоящаго столѣтія (какъ видно изъ преданій и документовъ), ополчилось множество русскихъ, исповѣдывавшихъ униатскую и даже православную вѣру, — такъ что они теперь уже считаютъ себя поляками, — р. католики обратили *остробрамскую* часовню въ тайникъ своихъ политическихъ интригъ. Все вредное, пра-

вславію, русскої народности и русскому правительству итѣло главный секретный пріѣтъ въ этой часовнѣ и сосѣдственикъ съ немъ костелъ св. Терезіи. Расчетъ былъ вѣронъ. Святини мѣста не допускала мысли въ православномъ челоѣкъ, чтобы тамъ совершались дѣла недостойныя христіанина кѣмъ либо изъ послѣдователей Христа, а тѣмъ болѣе служителями алтара Его... И навѣрно никто не вадуналъ бы дѣлать, безъ особеннаго повода, обыски въ этихъ политико-религіозныхъ тайникахъ. Польское духовенство, понимая значеніе этого мѣста, старалось еще болѣе возвысить его въ понятіяхъ народа, и разными экзальтированными проповѣдями и вліяніемъ на восторженныхъ патріотовъ, особенно патріотокъ, такъ фанатизировало души своихъ адептовъ, что они не только снимали и снимаютъ шапки прохода чрезъ острия ворота, но даже, не смотря ни на какую погоду, идутъ съ непокрытою головою по всему остро-воротному переулку до конца костела. Но пусть бы они исполняли этотъ обѣтъ сами; они, съ давнихъ поръ, сдѣланы сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ, даже для евреевъ.

Но не выдержала латино-польская ревность!.. Въ 1796 году, когда русскіе войска усмиряли мятежъ въ литовскихъ губерніяхъ, — фанатикъ-ксендзъ Цѣлица изъ остробрамской часовни застрѣлилъ изъ ружья русскаго полковника Діева.

За это душегубство изъ-за угла слѣдовало бы тогда же образъ взять у кармелитовъ и отдать служителямъ православной церкви, которые умѣютъ уважать христіанскую святиню, а самыя острия ворота разрушить; однако, по великодушію русскаго правительства, этого не было сдѣлано. Потому, послѣ мятежа 1830 года, зорко слѣдившій за кознями поляковъ взоръ императора Николая I-го обратился на это мѣсто и, по разслѣдованіи объ неонѣ и значеніи соединенной съ часовнею костела политической интриги, покойный государь императоръ повелѣтъ соизволилъ: монастырь кармелитовъ босныхъ упразднить и костелъ св. Терезіи закрыть, разумеется и съ принадлежащей ему часовней, но тутъ, не извѣстно по чьему вліянію, приказаніе исполнено вопреки волѣ монарха. Нашли въ Вильнѣ другой костелъ, также кармелитскій, на предмѣстьи, называемомъ Рыбаки, и закрыли его, вмѣсто костела, находящагося возлѣ острыхъ воротъ, упразднивъ только монастырь, гдѣ теперь номѣщается училище для дѣвицъ духовнаго званія, настоящій же костелъ

св. Терезин, съ остро-воротной часовней, къ которымъ собственно относилось Высочайшее повелѣніе, остались неприкосновенными (*).

Въ послѣдній мятежъ 1863 года и въ эпоху предшествовавшихъ ему демонстрацій, остро-воротная часовня играла тоже весьма важную роль. Ежедневно, чуть не ежечасно, толпы мятежниковъ собирались въ остро-воротную улицу и, стоя на колѣнахъ предъ воротами, открыто воспѣвали польскіе революціонныя гимны, а въ самой часовнѣ дѣлались сборы денегъ и драгоценныхъ вещей на польскую справу. Отъ нея всегда начинались революціонныя процессіи по городу, въ томъ числѣ и извѣстныя двѣ процессіи на Лукішки и Погулянку, имѣвшія чисто-мятежническій характеръ.

Увѣряютъ также, что въ остро-воротной часовнѣ, въ 1863 году, до назначенія генераль-губернаторомъ графа Муравьева, приводимы были къ присягѣ герои лѣсныхъ бандъ, жандармы — вѣшатели и другіе фанатическіе — убійцы.

Узнавъ о такихъ продѣлкахъ мятежниковъ и о политическомъ значеніи „Острой брамы“, покойный графъ Муравьевъ, вскорѣ послѣ прибытія въ Вильну, сдѣлалъ было распоряженіе о передачѣ иконы въ виленскій кафедральный костелъ и объ уничтоженіи острыхъ воротъ, составляющихъ во всей западной Россіи какъ бы символъ польскихъ тенденцій и сборный пунктъ революціонныхъ агитаторовъ; но эта вопіющей необходимости мѣра почему то не осуществилась надѣль, тогда какъ это былъ и самый лучший моментъ для уничтоженія этого символа и самое законное возмездіе за тѣ враждебныя Россіи дѣйствія, какими ознаменовали себя въ 6³/₄ году Острыя ворота, или точнѣе — хозяева ихъ.

Какъ бы то нибыло, но то несомнѣнно, что *Острая брама* съ иконою есть хоругвь польскаго патриотизма въ Литвѣ.

Доказательствомъ тому служитъ недавно случившееся въ Вильнѣ происшествіе. Ксендзь Стрѣлецкій, вмѣстѣ съ приходомъ своимъ, принялъ православіе. Разумѣется, что такой поступокъ вызвалъ ищеніе въ душахъ фанатиковъ-панистовъ.

Въ концѣ октября, о. Стрѣлецкій пріѣхалъ въ Вильну и пробывъ нѣсколько времени у начальника уѣздной жандармской команды И...ва, возвращался на квартиру чрезъ Острыя ворота

(*). Дѣло о закрытіи этого костела по повелѣнію императора Николая находится въ канцеляріи Управленія виленскаго генераль-губернатора.

на извозникъ, который, какъ оказалось, былъ р. католикъ (это происходило въ 8 часовъ вечера). Вдругъ двое неизвестныхъ злоумышленниковъ напали на него и нанесли ему чѣмъ-то по головѣ такіе тяжкіе удары, что о. Стрѣлецкій свалился съ дрожекъ въ безпамятствѣ.

Это происшествіе надѣлало много шума какъ въ г. Вильнѣ, такъ и въ газетномъ мірѣ, — нашлись даже такія личности (разумѣется изъ поляковъ), которыя нагло утверждали, что это происшествіе съ о. Стрѣлецкимъ — сочиненіе *москалей*, что никто не билъ его, что онъ упалъ съ дрожекъ самъ, въ припадкѣ болѣзни, и по другимъ — въ нетрезвомъ видѣ... И эти поляцкіе комментаріи отмѣжвано самое видное мѣсто въ русской газетѣ „Вѣсть“, которая приписала паденіе о. Іоанна Стрѣлецкаго „снтному обѣду и *старой оудце*“ (чей образъ выраженія?), и за которую, къ стыду нашей мѣстной прессы, осталось послѣднее — слово. Слѣдствіе объ этомъ происшествіи, кажется, еще не кончилось, но едва ли откроетъ виновниковъ нападенія.

Вообще интересы здѣшняго края требуютъ перенесенія въ болѣе приличное и безопасное мѣсто остро-воротной иконы и уничтоженія самихъ воротъ — тѣмъ болѣе, что онѣ угрожаютъ собою проѣздъ въ городъ, вслѣдствіе чего часто случается въ воротахъ стѣсненіе и ломка экипажей, — а своею неуклюжею архитектурою эти ворота обезображиваютъ главную улицу въ Вильнѣ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить также, что ежедневное скопленіе у Острыхъ воротъ, на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, во время утренней миссы и вечера, совершаемыхъ всендзани въ открытой часовнѣ, при звукахъ органа и гнѣии польскихъ *массаней* и *супликацій*, народа, благоговѣнно стоящаго на колѣнахъ, — не можетъ не служить большимъ соблазнамъ для православныхъ, въ особенности изъ воссоединенныхъ униатовъ и недавно обратившихся р. католиковъ. Мы неразъ замѣчали между молящимися р. католиками набожно стоящихъ даже коренныхъ русскихъ-православныхъ. Да и самая эта публичная обрядность въ г. Вильнѣ даетъ поводъ думать, что здѣсь господствующая вѣра р. католическая.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Число присоединившихся въ православной церкви въ 1866 году въ литовской епархіи.

Въ минувшемъ 1866 году по литовской епархіи присоединилось къ св. православной церкви нашей:

- 1) Изъ римско-католическаго исповѣданія— мужскаго пола 13,470 и женскаго 11,724, а всего 25,194 души.
- 2) Изъ лютеранскаго - мужскаго пола 4, женскаго 5, всего 9.
- 3) Крещено изъ іудейства - мужск. п. 9, женск. 27, всего 36.
- 4) — изъ магометанъ — — 1, — 1, — 2.

Итого по епархіи присоединилось: мужскаго пола 13,484, женскаго 11,757, обоего 25,241 душа.

Въ числѣ принявшихъ спасительное православіе— большинство крестьянъ; но есть довольно лицъ и дворянскаго сословія, туземныхъ помѣщиковъ, изъ коихъ нѣсколько фамилій княжескихъ и графскихъ.

Объ обращеніи въ православіе французскаго аббата Мордреля.

О жизни аббата Мордреля и его обращеніи въ православіе находимъ въ «Соврем. Листѣхъ» слѣдующія подробности. Онъ родился въ департаментѣ Иль-и-Вилень въ Бретани. Получивъ элементарное образованіе въ коллегіи (гимназій) города Доля, онъ поступилъ затѣмъ въ епархіальную семинарію, гдѣ провелъ восемь лѣтъ. По окончаніи здѣсь полнаго курса наукъ, молодой Мордрель, вступилъ, въ качествѣ послушника, въ религиозную конгрегацію «Непорочнаго Зачатія,» которой семинарія находилась въ то время въ Марсели. Здѣсь онъ изучалъ въ теченіи

трехъ лѣтъ исключительно богословскія науки и былъ посвященъ, рукоположеніемъ епископа марсельскаго, въ первые четыре низшія степени клира (вратаря, свѣщеносца, чтеца и пѣвца). Въ сентябрѣ 1861 года, по распоряженію духовнаго начальства, онъ былъ командированъ на островъ Корсику, гдѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, преподавалъ воспитанникамъ коллегіи города Аяччіо предметы общеобразовательнаго курса. Въ это время онъ былъ посвященъ въ иподиакона и наконецъ во священника.

Духъ, господствовавшій въ конгрегаціи «Непорочнаго Зачатія» и общій всѣмъ р. католическимъ конгрегаціямъ, производилъ неблагоприятное впечатлѣніе на открытую и простую душу аббата Мордреля. Онъ неоднократно просилъ увольненія своего изъ конгрегаціи и въ ноябрѣ 1864 года получилъ позволеніе отправиться къ своимъ родственникамъ, у которыхъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Оттуда, въ октябрѣ 1865 года, онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ опредѣлился преподавателемъ въ коллегію отшельской Богоматери. Въ июнѣ слѣдующаго года, онъ познакомился съ настоятелемъ русской православной церкви въ Парижѣ, протоіереемъ І. В. Васильевымъ.

Сомнѣнія, которыя давно уже возникли въ душѣ аббата Мордреля относительно истинности римско-католической церкви, заставили его серьезно заняться изслѣдованіемъ вопроса о причинахъ раздѣленія между церквами восточною и западною. Бесѣды съ протоіереемъ Васильевымъ разсѣяли въ немъ послѣднія недоумѣнія, и онъ рѣшился наконецъ принять православіе, для чего еще въ октябрѣ истекшаго года пріѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ въ православіи.

Событіе присоединенія происходило, въ воскресенье 29 истекшаго января. Обрядъ совершенъ былъ протоіереемъ В. П. Полисадовымъ, передъ началомъ литургіи, болынею частію на французскомъ языкѣ. Обычные вопросы ново-обращаемому и отвѣты его, касавшіеся отверженія латинскихъ заблужденій и искреннаго признанія истины православія, происходили на этомъ языкѣ. Мы замѣтили, съ какимъ глубокимъ чувствомъ внутренняго убѣжденія дѣлалъ свои отвѣты и читалъ символъ православной вѣры аббатъ Мордрель. Обрядъ былъ завершеиъ возложеніемъ на новообращеннаго золотаго крестика на голубой ленточкѣ, присланнаго въ даръ преосвященнымъ Нектаріемъ, епископомъ нижегородскимъ. Свидѣтельницей обряда и, такъ сказать,

жриемницей новообращеннаго была супруга бывшего президента едикто-хирургической академіи М. А. Дубовицкая.

Когда обрядъ присоединенія былъ оконченъ, о. протоіерей Полисадовъ обратился къ новому сыну православной церкви, съ рѣ-лю на французскомъ языкѣ, въ которой убѣждалъ его стоять твердо на вновь избранномъ имъ пути и не страшиться опасностей, которыми могутъ окружить его враги православной вѣры. ожалѣвъ, что не можемъ сообщить читателямъ этой превосходной, глубоко прочувствованной рѣчи краснорѣчиваго нашего роповѣдника. Въ ней слышался голосъ духовнаго отца и наставника, исходившій изъ глубины любящаго сердца, и онъ, на-бѣмся, произвелъ сильное впечатлѣніе на новообращеннаго. Въ той рѣчи, о. протоіерей Полисадовъ привелъ, между прочимъ, поддержку изъ прошенія, посланнаго аббатомъ Мордрелемъ къ высокопреосвященному Исидору, митрополиту с.-петербургскому, вы-ержку, изъ которой видно, какія причины заставили новообра-ценнаго оставить священный санъ, въ который онъ былъ обле-ченъ въ римской церкви. Вотъ что было сказано, между прочимъ, въ этой части прошенія бывшего аббата:

«Если я прошу ваше высокопреосвященство отвереть мнѣ вра-ва православной церкви,— то я дѣлаю это безъ сомнѣнія не для ого, чтобы избѣгнуть какого нибудь церковнаго наказанія; ни-огда я не находилъсь подъ угрозой какой либо кары: документы, аходящіеся въ моихъ рукахъ, служатъ тому доказательствомъ. Je дѣлаю я этого также въ видахъ возможности вступить въ рабъ, или пріобрѣтенія какихъ либо мірскихъ выгодъ, какъ иные огли бы подумать. Нѣтъ, владыко, я объявляю во всеуслышаніе со всею искренностью сердца, что рѣшаюсь на этотъ шагъ, овинуясь глубокому убѣжденію. Оттого-то первымъ моимъ намѣ-еніемъ было принять православіе съ сохраненіемъ священнаго ана, который я почитаю и люблю. Но именно, вслѣдствіе это-о почтенія къ благодати священства, я и рѣшаюсь, послѣ дол-аго и зрѣлаго размышленія, сложить съ себя этотъ священный алогъ на прятѣ церкви, въ которую прошу ваше высокопреосвя-ценство допустить меня. Въ самомъ дѣлѣ, самыя обстоятель-тва, меня окружающія, дѣлають бесплодною благодать, низве-ценную на меня въ день рукоположенія моего во священника. ъ тому же, не говоря о тугѣ сердца, которую обстоятельство то причинило бы мнѣ, положеніе мое, какъ священника безъ

паствы и безъ обязанностей, было бы противно канонамъ церковнымъ. Такимъ образомъ, поелику священство мое не принесло бы никакой духовной пользы ни мнѣ, ни моему ближнему, то и тѣло священника и вѣщныя отличія сана не представляютъ уже для меня основаній къ ихъ сохраненію. Они только служили бы для меня препятствіемъ къ успѣшному прохожденію учебнаго поприща, на которое я уже вступилъ и къ которому имѣю склонность.

Въ заключеніе торжества, новый сынъ православной церкви былъ, въ обычное время литургіи, допущенъ къ принятію св. таинъ, причемъ молитву: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую» произнесъ внятнымъ, хотя и взволнованнымъ голосомъ, на французскомъ языкѣ. По окончаніи обѣдни, г-жа Дубовицкая благословила его образомъ.

Новообращенный сохраняетъ въ православіи имя Виктора.

Пріятно было видѣть, скажемъ мы въ исключеніе, какъ многія бывшія въ храмѣ и совершенно незнакомыя г. Мордрелю особы, привѣтствуя въ лицѣ его брата по вѣрѣ, принесли ему, по окончаніи обряда присоединенія, поздравленія со вступленіемъ его въ лоно православной церкви.

Народныя школы въ Гродненской губерніи.

Народныя училища, служатъ въ Западномъ краѣ самымъ могущественнымъ и успѣшнымъ средствомъ къ прочному его обрусѣнію. Образование здѣшняго народа въ духѣ православной вѣры и русской народности ведетъ къ результатамъ бѣрнымъ, прочнымъ. Русская книга, русскія понятія, почерпнутыя изъ этихъ книгъ, подъ руководствомъ русскихъ учителей, должны глубоко проникать въ сознаніе мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что сѣмена падаютъ на почву благодарную; русское образование потому именно легко прививается въ средѣ здѣшняго населенія, что народъ здѣшній почти ничего не утратилъ изъ русскаго склада своего ума, изъ своихъ русскихъ симпатій, не смотря на вѣковое лишеніе всякаго нравственнаго и умственнаго развитія, быть можетъ, даже— благодаря этому лишенію. Не вѣжествомъ здѣшній народъ сохранилъ къ себѣ все родное, все русское; ничему его не учили—ничего въ немъ не извратили.

Въ сознаніи огромнаго значенія русскаго образования для здѣшняго края, мѣстное учебное вѣдомство и мѣстная администрація всѣми мѣрами содѣйствуютъ возможному процвѣтанію народ-

ныхъ школъ въ краѣ, какъ относительно достаточнаго количества ихъ, такъ и относительно образовательно-нравственнаго ихъ преуспѣянія, при существенномъ условіи— православно-русскомъ направленіи. Въ этомъ отношеніи, повидному, дѣлается все, что позволяютъ средства и простая физическая возможность. Нужно замѣтить, что всѣ трудности, сопряженныя съ такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ открытіе и устройство сельскихъ школъ, не оставяли ни ихъ увеличенія, ни развитія ихъ внутренней силы. Можно и слѣдуетъ допустить, что тѣсная связь и полнѣйшее слитіе здѣшняго народа съ народомъ великорусскимъ подготовляются у насъ главнымъ образомъ системой народнаго образованія.

Въ убѣжденіи, что польза народно-русскаго образованія въ здѣшнемъ краѣ очевидна для всякаго, мы думаемъ, что нѣкоторыя данныя относительно народныхъ училищъ въ Гродненской губерніи будутъ не безынтересны.

Народныя школы Гродненской губерніи до послѣдняго времени состояли въ вѣдѣніи виленской дирекціи народныхъ училищъ. Съ 10 октября истекшаго года, по Высочайшему повелѣнію, учреждена отдѣльная для Гродненской губерніи дирекція народныхъ училищъ, на основаніи временныхъ правилъ 23-го марта 1863 года. По временному штату, дирекція состоитъ: изъ одного директора, трехъ инспекторовъ, одного писмоводителя и одного канцелярскаго служителя. Въ числѣ денежныхъ статей, опредѣленныхъ на содержаніе дирекціи, по штату полагается 1,000 руб. *на разходы для осмотра директоромъ и инспекторами училищъ* и 100 руб. *на размыку учебныхъ пособій по училищамъ*. Обѣ статьи обращаютъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что доказываютъ, что сельскія школы подчинены будутъ со стороны дирекціи постоянному контролю, а также будутъ снабжаемы необходимыми учебными пособиями. Оба эти условія очень важны, въ томъ именно отношеніи, что служатъ достаточною гарантіей той пользы въ дѣлѣ народнаго образованія и того преуспѣянія, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нашихъ сельскихъ школъ.

Народныя школы въ губерніи подраздѣляются: 1) на школы приходскія, съ женскими при нихъ смѣнами; 2) штатныя народныя училища; 4) отдѣленія народныхъ училищъ и 5) училища вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ.

Приходскія школы, одноклассныя и двухклассныя, существуютъ по городамъ и мѣстечкамъ, числомъ до 30. Въ нихъ обучаются 2,171 мальч. и 104 дѣвоч., въ томъ числѣ правосл. 844, р. катол. 387 и евр. 44. Въ женскихъ смѣнахъ, существующихъ при 9-ти училищахъ, обучаются 82 дѣвочки, въ томъ числѣ прав. 42, кат. 28 и евр. 12. Училища эти существуютъ на средства тѣхъ городовъ, въ которыхъ открыты.

Штатными народными училищами называются такія сельскія школы, которыя существуютъ на суммы, ассигнуемыя казною.

Ихъ считается въ губерніи 151. Въ нихъ учащихся 7,282, въ томъ числѣ 6,430 мальч. 852 дѣвоч.; изъ нихъ прав. 6,646, катол. 332 и евр. 4. На содержаніе каждаго училища отпускается ежегодно по 200 руб. сер., изъ коихъ жалованья учителю 150 руб.; гдѣ имѣется отдѣльный учитель, законоучителю, обыкновенно мѣстному священнику— 25 руб. и на учебныя книги и другія вещи 25 руб. Всего же на содержаніе штатныхъ школъ въ губерніи ежегодно отпускается изъ казны 20,200 руб.

Нужно замѣтить, что въ текущемъ году ожидается значительное увеличеніе числа сельскихъ школъ въ губерніи, на счетъ десятичнаго съ крестьянскихъ обществъ, съ этою именно цѣлью сбора. Сколько намъ извѣстно, со стороны мѣстной администраціи обращено на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе; съ другой стороны, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе относится къ этому же дѣлу съ просвѣщеннымъ и живымъ сочувствіемъ. Очень жаль, что въ эту минуту мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить цифру ожидаемаго на училища сбора. Не имѣя для этого никакихъ данныхъ (*). Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы сборъ этотъ далъ возможность увеличить число штатныхъ въ губерніи школъ по крайней мѣрѣ вдвое противъ числа существующихъ. Можно думать, что подобное желаніе не неисполнимо. Когда въ губерніи будетъ считаться однихъ штатныхъ сельскихъ училищъ до 300, то есть, въ каждомъ уѣздѣ приблизительно по 34 школы, тогда дѣло народно-русскаго образованія пойдетъ еще успѣшнѣе и быстрѣе.

Своерхштатными училищами называются такія, которыя не получаютъ содержанія отъ казны, но существуютъ средствами самихъ сельскихъ обществъ. Такихъ училищъ въ губерніи въ настоящее время считается только 3. Въ нихъ учащихся 61, въ томъ числѣ 52 мальч. и 9 дѣвочекъ; всѣ православнаго исповѣданія.

Отдѣленія народныхъ школъ открыты въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ, по дальности разстоянія нѣкоторыхъ деревень отъ штатной школы, встрѣчаются затрудненія для крестьянъ этихъ деревень посылать дѣтей въ школу. Отдѣленіе обыкновенно состоитъ подъ ближайшимъ надзоромъ штатнаго учителя, который избираетъ изъ своихъ учениковъ болѣе способнаго крестьянскаго мальчика и возлагаетъ на него обязанность учить въ отдѣленіи дѣтей грамотѣ.

Училища вѣдомства министерства юсударственныхъ имуществъ обезпечиваются средствами этого вѣдомства и дирекціи народныхъ училищъ подчинены только въ учебномъ отношеніи, то есть, дирекція назначаетъ въ эти школы учителей и слѣдитъ за успѣшнымъ и правильнымъ преподаваніемъ. Школъ этихъ въ губерніи

(*) Мы надѣемся скорѣ сообщить вѣрную цифру этого сбора и число школъ предполагаемыхъ къ открытію на счетъ суммъ этого сбора.

читается 39, учащихся въ нихъ всего 1786, въ томъ числѣ мальч. 1675 и дѣвоч. 111.

Такимъ образомъ народныхъ школъ въ губерніи существуетъ въ настоящее время 265 (*), въ нихъ учащихся всего 11,310, въ томъ числѣ мальч. 10,040 и дѣвочекъ 1,270.

Цифры эти даютъ довольно незначительный процентъ сравнительно съ массой городского и сельскаго населенія въ губерніи, простирающихся, по статистическимъ даннымъ, приблизительно до 800,000 душъ обоого пола. Но если принять во вниманіе, что въ сельскихъ школахъ обучаются грамотѣ крестьянскія дѣти не моложе 7-ми и не старше 15-ти лѣтъ, то, по вѣроятному исчисленію, число таковыхъ на всю массу городского и сельскаго сословія никакъ не можетъ быть выше $\frac{1}{6}$ всей суммы. Въ такомъ случаѣ 11,310 учащихся обоого пола составить довольно крупный процентъ, именно—слишкомъ 8% всѣхъ способныхъ къ ученію крестьянскихъ дѣтей обоого пола. Цифра эта, однако, гораздо ниже фактической и представляетъ минимумъ учащихся въ сельскихъ школахъ. Сказавъ, что цифра городского и сельскаго сословія въ губерніи простирается до 800,000 душъ обоого пола, мы не отдѣлили изъ этой цифры евреевъ и лютеранъ, между тѣмъ какъ первыхъ, по послѣднимъ даннымъ, считается въ губерніи до 103,000 душъ об. п., а послѣднихъ до 16,500 душъ об. п.; тѣ и другіе имѣютъ свои отдѣльныя школы. Такимъ образомъ цифра городскихъ и сельскихъ сословія въ губерніи, вѣроисповѣданій православнаго и р. католическаго, доставляющихъ почти исключительно контингентъ учащихся въ народныя школы, о которыхъ идетъ рѣчь, должна быть ниже 700,000 душъ обоого пола. Очевидно, что процентъ учащихся въ народныхъ школахъ долженъ увеличиться, такъ что, соотвѣтственно принятому нами расчету, процентъ этотъ въ настоящее время долженъ быть уже не 8%, а почти 10%. Цифра эта вполне утѣшительна.

Наставниками въ сельскихъ школахъ большею частію состоятъ мѣстные священники и только въ немногихъ мѣстахъ отдѣльныя учителя и сельскіе писаря.

Для снабженія школъ учебниками и другими пособиями открыты въ разныхъ пунктахъ при школахъ книжныя склады, которыхъ считается 42, именно: въ гродненскомъ уѣздѣ 5, въ кобринскомъ 10, въ брестскомъ 6, въ бѣльскомъ 3, въ бѣлостокскомъ 2 и въ совольскомъ 1. Кромѣ учебниковъ, въ этихъ складахъ продаются книги для чтенія общепользнаго, правоучительнаго и историческаго содержанія, иконы, крестики и т. п. Въ истекшемъ году выслано изъ учебнаго округа въ склады однихъ книгъ до 13,000 экземпляровъ на сумму около 4,000 руб.

(*) Кромѣ этихъ училищъ, существуютъ при церквяхъ частныя элементарныя школы, устроенныя священниками безъ всякихъ пособій отъ казны. Числа этихъ школъ намъ съ точностью неизвѣстно.

Вотъ общія данныя о вѣшной сторонѣ сельскихъ народныхъ школъ въ Гродненской губерніи.

(Грод. Губ. Вид.)

Письмо къ редактору „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, по поводу статьи его объ исповѣди присоединившагося къ православію князя Александра Друцкаго-Любецкаго.

Съ полнымъ душевнымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ прочитаны мною въ 37 № Губернскихъ Вѣдомостей строки, предисланныя исповѣди князя Александра Иеронимовича. Кто бы ни былъ авторъ ихъ— русское ему спасибо, за откровенное указаніе ополченнымъ русскимъ людямъ на ихъ старую русь, на ихъ рускія фамиліи традиціи, на ихъ старую чистую вѣру и родную національность. Пора наконецъ освѣтить темный путь исторической жи о бѣлорусской Польшѣ, слишкомъ ужъ наглою и безцеремонною жи, и задать ополченнымъ русскимъ людямъ прямой вопросъ о возвращеніи къ своей кровной народности.

Автора, какъ и меня, за такія откровенныя рѣчи иные судья, могутъ произвести въ фанатики... (*). Скажите, ради Бога, какой же тутъ фанатизмъ?... Я вижу, что своекорыстный лжецъ завязалъ моему брату глаза, играетъ имъ, какъ шаньюей, ведетъ его Богъ знаетъ куда, и стараюсь открыть брату глаза, чтобы онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ сознаниемъ... Стараться открыть другому глаза, не значить быть фанатикомъ. А открывать глаза нужно потому, что ложь, конечно, не дремлетъ и пользуется каждымъ случаемъ, чтобы, если не затыкнуть покрѣпче, то, во крайней мѣрѣ, возможно дальше задержать на глазахъ своихъ жертвъ повязку.

Авторъ указалъ ополченнымъ русскимъ на историческіе акты, на фамиліи воспоминанія: я кромѣ того хотѣлъ бы имъ указать на окружающій людъ, съ его говоромъ, и на мѣстности, съ ихъ названіями и преданіями, живущими въ народѣ.

Владѣльцамъ родовыхъ имѣній въ Бѣлоруссіи не худо бы прислушаться, какой рѣчью говорить это, съ незапамятныхъ временъ, окружающее ихъ, могучее въ своемъ терпѣніи, знаменитое би-

(*) Вы не ошиблись. Редакторъ неофициальнаго отдѣла нашей газеты давно уже попалъ на польскій зубокъ; онъ даже удостоенъ чести называться *Гроднскимъ II-мъ*. Но это обстоятельство не остановитъ его въ святомъ дѣлѣ служенія интересамъ православія и народности, въ особенности, въ настоящее время, когда труды его успѣли вызвать сочувствіе русской читающей публики и обратили вниманіе главнаго начальства. За нами правда, а за правду Богъ.

кло?... И ксендзовское и польское вліаніе, такое упорное, долгое и сильное, не передѣлало народной рѣчи: что? это обстоятельство ничего не говоритъ людямъ, называющимъ себя поляками и воображающимъ видѣть въ Бѣлоруссіи Польшу? Развѣ они объявятъ себя пришельцами въ край къ русскому народу и отрекутся отъ праха и могилъ своихъ предковъ?... Долго, пока не привыкъ, я дивился тому терпѣливому состоянію противорѣчія съ окружающей дѣйствительностію, въ какомъ нашелъ по прїѣздѣ на службу полявующихъ помѣщиковъ: многіе и до сихъ поръ вѣрны себѣ: вокругъ Русь, а они твердятъ, что они поляки!....

Прислушайтесь, ради Бога, къ названіямъ имѣній, сель, рѣкъ, озеръ, и т. д. Санники, Зарѣки, Иваново, Иванскъ, Кривино, Будники, Верховье, Щипцы, Ворохопки, Ведрень, Лугъ, Дворецъ, Берестни, Свѣча, Полуозеро, Орѣховно, Вѣтрино, Мартиново, Камень, Бобрица, Дѣвичье озеро, Пышно, Губино и т. д., и т. д. Кто далъ эти названія?...

Но вы хотите, можетъ быть, исторически— русскихъ мѣстностей, съ преданіями русскими: поѣдьте со мной по знакомымъ мнѣ такимъ мѣстностямъ....

Вотъ мы съ вами прїѣхали въ такъ называемое село Верховье, отъ котораго удержалось только названіе церкви, принадлежавшее къ родовому имѣнію старой бѣлорусской дворянской фамиліи. Вы видите за рѣкой одиноко стоящую православную церковь и вдали отъ нея тамъ и сямъ разбросанныя деревни. Села Верховья нѣтъ— есть только имя; между тѣмъ, когда подъѣзжаете къ церкви, вы видите въ сторонѣ отъ нея огромное пространство, занятое старыми могильными камнями, свидѣтельствующее о прежней населенности мѣста. Спросите у крестьянъ— стариковъ: вамъ расскажутъ, какое было здѣсь огромное русское село Верховье— и не такъ-то давно были остатки его при церкви; вамъ расскажутъ, кому съ незапамятнаго времени принадлежало это село; расскажутъ и не слишкомъ давнюю исторію о старомъ упрямомъ помѣщикѣ, который почему-то вынужденъ былъ принять католицизмъ, но до конца жизни не былъ ни разу въ костелѣ, не могъ слышать о ксендзахъ, постоянно ходилъ въ верховскую церковь и подъ нею велѣлъ похоронить себя.... прямой преемникъ духа своего предка (*), одного изъ вкладчиковъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря, который никакъ не хотѣлъ пустить въ монастырь Іоасафата Кунцевича.... Верховье, имя слишкомъ русское: за чѣмъ оставаться мѣсту съ такимъ названіемъ?... Вотъ и нѣтъ этого мѣста и плугъ по немъ прошелъ... Осталось только верстахъ въ 4 сельцо Вержхове— резиденція старой бѣлорусской фамиліи: но Вержхове уже польское слово, въ которомъ, конечно,

(*) Корсака.

мы съ вами никакъ не отгадаемъ русскаго имени Верховья... Поѣдемъ дальше.

Съ ведренскихъ возвышенностей вы видите вдаль въ южнѣ бѣлая башни костела, выглядывающія изъ за лѣсу,— это Чашники. Долго еще намъ ѣхать до Чашникъ; путь нашъ лежитъ по имѣнью, принадлежащему то же старой бѣлорусской дворянской фамилии, которой корни напрасно стали бы вы искать въ какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ русскаго, которой, одни члены были въ числѣ фундаторовъ стараго минскаго православнаго собора, а другіе, къ сожалѣнью, до сихъ поръ ни какъ не могутъ выучиться говорить по русски,— ну какъ потому не признать этихъ послѣднихъ поляками? вѣдь у нихъ и органы рѣчи устроены совершенно не подходяще къ русскому *бараньему* говору... Вотъ мы минуемъ извѣстное по 1812 году село— резиденцію старой фамилии, а вотъ и Чашники. Евреи загрязнили и задумали все въ мѣстечкѣ, у насъ съ вами духъ захватываетъ отъ жидовскаго зануху; мѣстечко превратилось въ столицу жидовн, вальтѣвшей, по зову Рапопортовъ, съ разныхъ концовъ въ эту торговую мѣстность. Много разъ вы могли слышать, что Чашники съ своимъ чудотворнымъ Езусомъ служатъ однимъ изъ главныхъ центровъ бѣлорусскаго католицизма: это басни, которыя тѣмъ дальше отъ Чашникъ рассказываются, тѣмъ становятся наивнѣй и курьезнѣе. Въ Чашинкахъ вы найдете только костель съ ксендзомъ, десятокъ старыхъ католическихъ богадѣльныхъ, да еще человѣкъ пять р. католиковъ разнаго званія. Зайдемъ-те въ костель онъ построенъ въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія— года не помню, внутри красивъ; надъ престоломъ вы видите углубленіе, задергиваемое занавѣсками— тамъ Езусъ. Вы хотѣли бы видѣть это пресловутое изображеніе Бога-Спасителя ближе и входите боковыми дверями.... въ комнату, совершенно похожую на русскій алтарь. Видно у фундаторовъ костела слишкомъ свѣжи еще были православныя воспоминанія, или, можетъ быть, они думали однимъ духомъ съ упрямымъ верховскимъ помѣщикомъ я, въ виду широкихъ размаховъ Руси прошлаго вѣка, утѣшались надеждой, что вотъ—вотъ, не сегодня-завтра, костель можно будетъ передѣлать въ церковь.... Впрочемъ не лишено вѣроятія и то предположеніе, что, можетъ быть, въ этомъ выразилась ксендзовская давняя теорія постепенности въ дѣлѣ окатоличенія края.... Поговорите съ старожилами— крестьянами, они вамъ расскажутъ про свои старыя привилегіи и обычаи, про пергаменный свитокъ, сохранившійся въ церкви подъ престоломъ, про свои старыя права, по которымъ, напримѣръ, каждый изъ нихъ могъ свободно распорядиться своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, продать сосѣду на правахъ собственника свой домъ съ участкомъ земли и т. д...., однимъ словомъ, расскажутъ вамъ вещи, изъ которыхъ вы увидите, что Чашники были нѣчто въ родѣ стараго русскаго торговаго села... И рассказываютъ— буйный, богатый,

рѣшкѣ и неподатливый народъ были чашницкіе жители: чтобы ломить ихъ, напустили жидовъ... жида одолѣли; затѣмъ постепенно русь отодвигали отъ площади и рынка и душили, перенесли церковь съ площади, а старую разрыли лѣтъ 15 назадъ, выстроивъ на мѣстѣ ея жидовскія лавки; отецъ нынѣшняго владѣльца даже проектировалъ совершенно очистить мѣстечко отъ русскихъ, но не успѣлъ... Поѣдемъ дальше: отъ Чашникъ пахнетъ идоломъ и гнилью, хоть русь и додержалась до своего праздника; олякующее усердіе старалось перековеркать русское имя Чашникъ въ Чашники— но слишкомъ ужъ неудачно.

Вотъ у самыхъ Чашникъ большое красивое село Коптевичи,— мимо его: загляните, пожалуй, въ волостную— тамъ увидите большую старинную московскаго письма икону Спасителя, найденную вышившимъ старшиной между разными старыми вещами, на хорахъ въ церкви: откуда взялась она здѣсь?... Церковь, говорятъ, принадлежала прежде отцамъ іезуитамъ....

Оставимъ въ сторонѣ Иванскъ, получившій названіе отъ цари Ивана, и неудачно передѣланный въ Иваньскъ.... Ёдемъ въ Стрижево!

Вотъ село Свѣча, съ ветхой деревянной церковью; дальше изъ а роцн выглядываегъ другая, то же ветхая деревянная церковь Стрижевской слободы, а вдали у опушки лѣса бѣлѣтъ погнщичій домъ имѣнія Стрижева; тамъ и сямъ, въ сторону отъ тихъ трехъ пунктовъ подъ Бѣшенковичи, вы видите разбросанная деревни и застѣнки, позапятавшіеся мѣстами въ кустахъ.... Іа этомъ мѣстѣ былъ большой, богатый русскій городъ Стрижевъ ли Стрежевъ: его нѣтъ, но онъ еще живетъ въ названіяхъ урочищъ замками и городищами, въ его святомъ озерѣ съ русской легендой о провалившейся церкви, въ слишкомъ отчетливыхъ разказахъ крестьянъ о его 40 церквахъ, о его богатствахъ, часть оторыхъ зарыта въ землю, живетъ и въ остаткахъ своихъ земляныхъ укрѣпленій; по всей вѣроятности— такъ рассказываютъ крестьяне— городъ занималъ все это широкое открытое пространство, на которомъ теперь стоятъ: Свѣча, Слобода, Духовщина, Стрижево, Болтутино, Генераловка, Лукашевка и Сеньковщина; съ одной стороны онъ опоясывался рѣкой Свѣчой и Стрижевскимъ озеромъ, съ другой рядомъ земляныхъ укрѣпленій, слѣды которыхъ въ правильныхъ фигурахъ слишкомъ еще ярки, и оторые, начинаясь отъ рѣки Свѣчи, ниже застѣнка Боръ идутъ е много по лѣсу, за тѣмъ тянутся между деревнями Гончаровымъ, Пятигорскомъ и Яновщиной и упираются въ непроходимый новскій мохъ; за тѣмъ по другую сторону мха видны по зарослямъ и на полѣ между Пушневщиной и Косаревщиной. гдѣ вѣоятно упирались въ рѣку Свѣчу... Теперь тутъ нѣсколько деревень, да поля, да заросли.... Недавно и имени Стрижева не было, а было Стрпжево. Въ 17-мъ столѣтіи и послѣ, Стрижево принадлежало Присецкимъ,— теперь и Присецкихъ нѣтъ. а есть Гржисецкіе.... Поѣзжайте дальше....

Побывайте въ Угѣ... тамъ вамъ кое-что поразскажутъ; тамъ еще не разобранъ старій деревянный костелъ, который похожъ на отобранную у русскихъ церковь.... Можетъ быть церковь отобрана разомъ съ цѣлымъ задвинскимъ крестьянскимъ приходомъ, по какому то чуду до сихъ поръ остающимся въ р. католичествѣ между православнымъ русскимъ крестьянскимъ населеніемъ...

Побъжайте въ Воронежъ.... Если вы любите пометтатъ, то пройдитесь, при свѣтѣ луны, по величественнымъ остаткамъ старыхъ земляныхъ сооружений, стѣною поднимающихся надъ облающими ихъ оверомъ и рѣкой Ушачью: вдаль къ сѣверу виднѣется широкая полоса лѣсу, а за ней уже близко.... столичный городъ великаго князя полоцкаго (*).

Побывайте въ Ушачи и въ другихъ мѣстахъ...

Но... пока довольно. Шагъ, сдѣланный княземъ Александромъ Іеронимовичемъ, и его исповѣдь—фактъ слишкомъ положительный, намъ кажется, что онъ долженъ быть богатъ послѣдствіями.... Посмотримъ, что будетъ. Будемъ смотрѣть прежде всего на извѣстныхъ намъ близкихъ родственниковъ князя....

Останутся ли глухи наши ополченные братья?... Станутъ ли на сторонѣ своихъ кровныхъ фамильныхъ преданій съ могилами предковъ, съ старой русской вѣрой и церковью, съ русскимъ народомъ, или отмолчатся и предпочтутъ безноконный сонъ надъ обаяніемъ польскихъ бредней и ксендзовскаго талмуда?.... Что? развѣ край не довольно еще истерзанъ внесенными изъ Рика распрами и не довольно нанесенъ русскою кровью?...

Какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что свѣтъ наконецъ возьметъ свое, тьма не будетъ, ложь вѣковѣчной никогда не была и быть не можетъ: она въ самой себѣ, въ самомъ зачатіи своемъ, носить задатки будущаго непремѣннаго своего разрушенія... Встрѣнется рано или поздно ополченное русское дворянство, сорветъ съ глазъ своихъ ксендзовскія пути, возвратится съ русскимъ духомъ и силой къ своей церкви и къ своему народу и... успокоятся въ могилахъ кости старыхъ бѣлорусскихъ дворянъ, не хотѣвшихъ и слышать о ксендзахъ....

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Вашъ покорный слуга

М. К.

(Витеб. Губ. Вид.)

Луцкъ въ 1429 году и Витольдова корона.

Скромный въ наше время, уѣздный городъ Волынской губерніи, Луцкъ, въ XV столѣтіи, долгое время служилъ резиденціей великаго князя литовскаго Витольда. Границы тогдашняго литов-

(* М. Воронежъ было столицей русскихъ князей Воронежскихъ—гѣты князей полоцкихъ.

жаго княжества простирались отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ владѣнія Польши до дальняго сѣвера Россіи. Польша во времена Витольда была вдвое менѣе пространствомъ, чѣмъ Литва. Огромное пространство литовскаго княжества и особенныя самостоятельныя начала народныя давали неоспоримое право Литвѣ отдѣлиться отъ Польши и сдѣлаться самостоятельнымъ королевствомъ литовско-русскимъ. Витольдъ искалъ только случая, чтобы германсій императоръ Сигизмундъ, въ присутствіи князей и государей Европы, возложилъ на его голову королевскій вѣнецъ. Случай представился. На западѣ Европы, въ это время сильно занимала всѣхъ мысль о всеобщемъ походѣ противъ турокъ. Магометанскій міръ, по мѣрѣ того, какъ разрушалъ византійскую имперію, болѣе и болѣе дѣлался страшнымъ для запада. По военнымъ талантамъ въ борьбѣ съ турками никто въ эту пору столько не прославился, какъ Витольдъ. Онъ имѣлъ такое сильное вліяніе на южное средоточіе татарской силы въ Крыму, что даже назначалъ туда хановъ. Нѣкоторые изъ этихъ хановъ, какъ Тохтамышъ, даже жили въ Литвѣ, находя здѣсь убѣжище и помощь противъ своихъ враговъ. Благодаря такимъ удачнымъ дѣламъ Витольда, значеніе его въ Европѣ поднялось очень высоко. Германскій императоръ Сигизмундъ для похода противъ турокъ желалъ соединить силы польскія, литовскія и восточно-русскія. Витольдъ естественно долженъ былъ, при этомъ играть важнѣйшую роль. Государя рѣшили сѣхаться къ нему для совѣщанія.

Съѣздъ былъ назначенъ въ 22-му января 1426 года. Къ этому дню начали собираться въ Луцкъ: князя, подчиненные Литвѣ, вельможи польскіе и литовскіе, папскій легатъ Андрей домини-канъ, внукъ (1) Витольда — великій князь московскій Василій Васильевичъ, московскій митрополитъ Фотій, князя тверскіе и рязанскіе, великій магистръ ордена, Павелъ Русдорфъ, со многими знатными представителями ордена, послы византійскаго императора Палеолога; явились даже нѣкоторые татарскіе ханы, каковы: переконскій изъ за Дона, изъ за Волги.

Всѣ эти гости Витольдовы были уже собраны въ Луцкѣ, когда императоръ Сигизмундъ съ своей женой Варварой, въ сопровожденіи многихъ нѣмецкихъ князей, также знаменитыхъ вельможъ чешскихъ, венгерскихъ, австрійскихъ, кроатскихъ и иныхъ странъ, подвѣдомственныхъ имперіи, пышнымъ своимъ пріѣздомъ произвелъ удивленіе въ жителяхъ великокняжескаго города Луцка. Прибывшихъ къ Витольду гостей было такъ много, что городъ Луцкъ

(1) Стрийковскій называетъ прибывшаго въ Луцкъ великаго князя московскаго зятемъ Витольда: «былъ на томъ съѣздѣ Василь велики князь москiewскі, зієнецъ Вітолда.» (Кроника польска, літєвска... томъ II стр. 168). Василій Іоанновичъ, зять Витольда, не могъ быть на этомъ съѣздѣ. Онъ умеръ за четыре года до этого съѣзда, въ 1425 году. Это былъ сынъ Василія Іоанновича, Василій Васильевичъ— внукъ Витольда, который прибылъ въ Луцкъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Фотіємъ. (Исторія Карамзина, томъ V, стр. 242).

не могъ дать всѣмъ имъ помѣщенія. По словамъ Стрыйковскаго (1), многочисленные гости, ненашедшіе мѣста въ Луцкѣ, были разселены въ окрестности Луцка, по деревнямъ и фольваркамъ, въ разстояніи на нѣсколько миль отъ города. Многие изъ прибывшихъ въ Луцкъ на этотъ съѣздъ, говорятъ (2), имѣли дѣло только увидѣть славнаго, уважаемаго европейскими знаменитостями, Витольда. Императоръ Сигизмундъ, по замѣчанію польскихъ историковъ, взялъ съ собою жену свою Барвару (3) и множество мелкихъ нѣмецкихъ князей, конечно, не для совѣщанія на съѣздѣ, а для почета самаго Витольда. Луцкъ былъ свидѣтелемъ, какъ представители всей Европы воздавали почетъ заботившемуся о самостоятельности литовско-русскаго народа Витольду.

Городъ же Луцкъ былъ свидѣтелемъ и роскошнаго пира для гостей Витольда. Говорятъ, что каждый день на пиръ для прибывшихъ гостей выходило у Витольда 700 бочекъ меда, кромѣ вина, мальвазіи, пива и другихъ сортовъ напитковъ. 700 воловъ и коровъ, 1,400 барановъ, сотня зубровъ, лосей, дикихъ свиней, не говоря о другихъ принадлежностяхъ кухни, ея потребностяхъ и расходахъ (4). Пиръ этотъ продолжался семь недѣль.

Сигизмундъ хотѣлъ быть выразителемъ общаго согласія вѣдѣтелей Европы, смотрѣвшихъ на Литву, какъ на особое сильное, самостоятельное государство. Сигизмундъ предложилъ короновать Витольда королевскимъ вѣнцемъ. Эта мысль у всѣхъ встрѣтила сочувствіе. Убийственна она была только для Ягелла и поляковъ. Ягелло, со дня полученія польской короны, всѣ заботы свои посвящалъ, вопреки стремленію Витольда, къ слитію Литвы съ Польшей. Витольдъ своей короной окончательнымъ образомъ парализовалъ стремленія Ягелла. Но когда всѣ присутствующіе изъ-

(1) Кроника польска, літвска... томъ II, стр. 168.

(2) Крутки рысь жыція Витолда пржезь Глебовича, стр. 102.

(3) Впрочемъ есть и другое мнѣніе, почему жена Сигизмунда прибыла въ Луцкъ. Станиславъ Руженскій въ своемъ сочиненіи: «Животы прикрасовъ в біскуповъ короны польскіей и В. кс. літвскаго», говоритъ, что она была привезена въ Луцкъ для того, «абы похлебитъ старала сіенъ вымеднаць у круда Владыслава коронень для Витолда», томъ II, стр. 64). Ничего не мѣшаетъ согласиться съ тѣмъ и другимъ мнѣніемъ.

(4) Глебовичъ (Крутки рысь жыція Витолда, стр. 102) сомнѣвается въ достоверности свидѣтельства объ этомъ Стрыйковскаго (Кроника польска, літвска... томъ II, стр. 162). Правда, Стрыйковскій не указываетъ, откуда онъ заимствовалъ это свидѣніе. Онъ въ этотъ разъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, выражается неопредѣленно: «на до сіенъ внистикъ літвиписце згадаюмъ». Но это свидѣніе въ высшей степени сообразно съ духомъ времени Витольда. Стоить только припомнить, что такое были рыцарскіе обѣды, такъ называемые *Ehgentische* (почетные столы). Не говоря о томъ, что предъ такими обѣдами задавались мысли, чтобы на нихъ не были употреблены никакія блюда, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ, на самыхъ обѣдахъ за признакъ довольства и гостеприимства считалось разливать и раскидывать предлагаемое по столу. Католическій тогдашній міръ былъ проникнутъ древними римскими началами. Послѣ предъ собою идеаль Юлія Цезаря, какъ завоевателя, тогдашній завадъ осуществлялъ и идеаль роскошнаго обжора, Лукулла.

види свое желаніе видѣть на головѣ Витольда королевскій вѣнецъ, Ягелло созналъ, что ему не ловко отказать брату въ его праведливомъ желаніи. Онъ отвѣтилъ, что онъ соглашается принять Витольда литовскимъ королемъ и что онъ только не знаетъ, огласится ли на это польскій сенатъ.

Между поляками, главными врагами мысли Витольда, оказались представители того вѣроисповѣданія, усердіемъ къ которому Витольдъ думалъ заслужить корону. Это латино-польское духовенство. Архіепископъ гнѣзненскій, примасъ Войцѣхъ Ястржембскій и епископъ краковскій Збигневъ Олесницкій, были во главѣ тѣхъ, которые доказывали несчастіе для Польши, для Литвы и въ особенности для р-католической вѣры, если только Литва сдѣлается самостоятельнымъ государствомъ.

Мысль о коронѣ Витольда не давала покоя Ягеллѣ. Онъ, не дождавшись развѣда. ночью, уѣхалъ изъ Луцка, даже не попрощавшись съ братомъ.

Витольдъ рѣшился во чтобы-то ни стало возложить на себя корону. Онъ надѣялся на свой мечъ, нѣмецевъ и папу, и послалъ виленскаго воеводу Гаштолда и маршала своего Ромбовада на корчинскій сеймъ съ тѣмъ, чтобъ они объявили полякамъ, что отягъ ли поляки или не хотятъ, а Витольдъ, владыка независимаго литовско-русскаго народа, будетъ королемъ. Поляки, при этомъ заявленіи пословъ Витольда, пришли въ ужасъ и бросились съ подарками къ папѣ, чтобы онъ не благословилъ Витольда на принятіе короны.

Въ то время на папскомъ престолѣ сидѣлъ Мартинъ V, человекъ хотя умный, но страшный взяточникъ. Дать папѣ взятку—это значило въ официальныхъ бумагахъ «eine Ehre anthun» (1). По замѣчанію нѣмецевъ, «нѣмецкая рѣчь при Мартинѣ V обогатилась новымъ синонимомъ: какъ слову essen есть синонимическое speisen, или слову schlafen синонимическое ruhen, такъ при Мартинѣ V слову Ehre синонимомъ сдѣлалось «Schande.» Поляки теперь спѣшили къ этому папѣ съ просьбою, чтобы онъ отъ нихъ принялъ «Ehre» и не благословилъ короны для Витольда.

И этотъ папа забылъ о человекѣ, который для папства жертвовалъ многимъ и даже очень многимъ, лишь бы заслужить корону! этотъ папа забылъ, что Витольдъ, чтобы снискать себѣ корону, строилъ католическія церкви и дарилъ богатыми фундами. Ничего не помогло. Папа не уважилъ справедливаго желанія Витольда. Въ одно и то же время онъ написалъ буллы: къ епископу хелминскому, которому Сигизмундъ поручилъ было возложить корону на Витольда, чтобы онъ не дерзалъ исполнить этого,—къ императору Сигизмунду и великому магистру ордена, чтобы не помогали Витольду достигнуть своей цѣли. Наконецъ самъ

(1) Von Rutenberg, Geschichte der Ostseeprovinzen, T. II, S. 45.

Витольдъ получаетъ отъ папы буллу, которою папа, для блага Польши (1), требуетъ, чтобы онъ отказался отъ короны.

Витольдъ этого никогда не ожидалъ. Теперь онъ понимаетъ, что чрезчуръ много сдѣлалъ для Польши и папы — и все напрасно! Поляки и папа за тѣ блага, которыя Литва оказала имъ, не захотѣли считать Литву страной равной, а считали ее подчиненной Польшѣ.

Восьмидесятилѣтній старикъ, всю жизнь стремившійся къ самостоятельности любимой имъ Литвы, рѣшился, хоть на закатѣ дней своихъ, увидѣть родную страну свою ни отъ кого независимой.

Изъ Киселянина.

(До слѣд. №).

Унія послѣ паденія Польши.

(Изъ рукописи: «Сводные о польскомъ мятежѣ 1863 года съ западной Россіи.» Собралъ генералъ-маіоръ В. Ратъ. Ч II, гл. 3).

Тма и мгла, напускаемая поляками на польскія дѣла, особенно отражаются на непродолжительномъ существованіи и судьбахъ уніи, по возвращеніи уже западной Россіи подъ русскую власть. Во времена Речи-посполитой, русскіе люди въ западной Россіи смотрѣли на унію, какъ на необходимую уступку слабаго предъ сильнымъ; съ принятіемъ уніи они избавлялись отъ насилій. Латиняне окольными путями, униженіемъ уніатовъ и притупленіемъ понятій, исподволь, глухо, вели задуманное дѣло къ окончанію, а весь свой натискъ обращали противъ оставшихся православныхъ. Съ паденіемъ Польши рушилась эта принятая система дѣйствій. Свѣжія преданія сливаются съ воспоминаніями въ средѣ туземнаго русскаго духовенства и даютъ обильныя свѣдѣнія о судьбахъ бывшей уніи; свѣдѣнія временами столь полны, что сохранившіеся акты — рядъ готовыхъ для нихъ ссылокъ. Офіціальные акты вполне выясняютъ всѣ фазисы, чрезъ которые прошли уніатскія дѣла, пока онѣ не обратились въ уніатскій вопросъ.

Историческіе памятники, русскіе и польскіе, одинаково свѣдѣтельствуя, что во время Речи-посполитой латинство, руководимое іезуитами, вторгалось насильяни въ среду русскихъ людей, со всею обстановкою инквизиціи. Въ виду упорнаго ихъ сопротивленія, іезуиты стали во множествѣ сами переходить въ унію,

(1) Скарбіецъ дипломатовъ напѣжскихъ, цесарскихъ... Т. II, № 1486. Рокъ 1429.

вступали въ орденъ греко-уніатскихъ монаховъ — базильянь (1). Базильяне старались вкрадчиво, исподволь, мутя понятія, незаметно обращать греко-уніатовъ въ совершенныхъ латинянь и постепенно сглаживали различіе въ обрядахъ и догматахъ, отличавшихъ уніатскую церковь отъ костела—тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что изъ среды базильянь выходили уніатскіе іерархи.

Греко-уніатское духовенство представляло двѣ, рѣзко отличившіяся между собою враждующія среды, два элемента противные своими стремленіями: элементъ *латинскій*, вліятельный, преобладающій, господствующій, и элементъ *русскій*—обижаемый, угнетаемый, беззащитный. Два наименованія одного и того же исповѣданія могутъ служить указаніемъ различія стремленій; принадлежащіе къ *латинскому* элементу, себя называли *римско-уніатами* (?), принадлежащіе къ *русскому*—*греко-уніатами*, и свою вѣру называли русскою (2). «Монахи базильяне, пишетъ графъ Дм. Толстой, собственно не были уніаты, но въ сущности фанатики-латиняне (3); они, латиняне по рожденію, обыкновенно были возводимы въ санъ епископовъ, — а потому и вся администрація греко-уніатской церкви была въ рукахъ латинянь. Понятна ненависть низшаго духовенства противъ базильянь; они были виновниками его униженія, нищенства; потому приходскіе священники уніаты смотрѣли на базильянь, какъ на отступниковъ уніатской церкви, стремящихся ее уничтожить,—и если они молчали, то только по тому, что были безсильны противъ вліятельнаго ордена. Населеніе было на сторонѣ своего бѣлаго духовенства; но въ то время оно было также несчастно и также угнетаемо, какъ и его пастыри» (4).

(1) Въ церкви уніатской, общее всей восточной церкви монашество преобразовано, почти въ самомъ началѣ уніи, при митрополитѣ Іосифѣ Рутскомъ, по примѣру латинской церкви, въ одинъ монашескую орденъ Василія Великаго, хотя, какъ извѣстно, Василій Великій не былъ основателемъ никакого ордена, остались правда, въ его твореніяхъ правила для монаховъ, но въ нихъ читаемъ также правила и для разныхъ другихъ сословій христіанскаго общества, даже и для супружества. Отсюда у уніатовъ и произошло названіе *базильянь*. Отъ первоначальнаго устройства орденъ сохранилъ только названіе, а его стремленія и учрежденія обратились въ чисто латинскія. Вскорѣ по появленіи уніи, генераль іезуитовъ *Аквавива* испросилъ у папы Павла V (1613 г.) разрѣшеніе іезуитамъ переходить въ базильяны безъ испрашиванія особеннаго дозволенія. *La cath. rom. en Russie par le comte Dmitri Tolstoj. Paris. 1864. Т. II. p. 70.*

(2) О греко-уніатской церкви архіепископа Антонія. Вѣстникъ Западной Россіи.

(3) *Le cath. rom. en Russie. Т. II. p. 85.*

(4) *Le cath. rom. en Russie. Т. II. p. 75.*

Базиліане смотрѣли на бѣлое униатское духовенство съ презрѣніемъ, какъ на нищихъ и на невѣждъ, захватывали доходныя мѣста, доходныя имущества, которыхъ назначеніе было содержаніе школъ и семинарій (1). Бѣлое же, приходское духовенство изъ среды народа, было доведено до крайняго невѣжества униатскими іерархами; многіе русскіе священники—униаты даже не были тверды въ грамотѣ и дошли до такой степени униженія, что даже польскіе источники свидѣтельствуютъ, что базиліане съ ними обращались какъ съ крѣпостными, ихъ вязали и били, а по конституціи 1764 года польскимъ помѣщикамъ было предоставлено: *своей русской греко-униатскихъ священниковъ, которые до 15-лѣтняго возраста не избрали себѣ промысла обращаться въ крѣпостныхъ* (2). При появленіи униі въ 1596 году, отъ обратившихъ изъ православія требовалось только, чтобы во время богослуженія, въ русскихъ церквахъ, вмѣсто константинопольскаго патріарха, поминался папа римскій; *притязаемый самимъ польскимъ королемъ*, когда же западная Россія возвратилась подъ русскую власть, то униатская церковь представляла самыя разнообразныя элементы по догматамъ, обрядамъ и церковнымъ правиламъ. Русская власть застала греко-униатскіе приходы на пути къ полному облатиненію на различныхъ степеняхъ успѣха костела, смотря по твердости населенія, или искусству употребленныхъ удовокъ. Въ пестрой картинѣ уставовъ греко-униатской церкви были приходы, гдѣ въ символѣ вѣры признавали Духа Святаго—и отъ Сына, по умышленно извращенному переводу св. Азанасія, съ греческаго языка на латинскій (3); приобщеніе св. Тавны происходило то подъ однимъ, то подъ двумя видами; во многихъ вновь возводимыхъ панами греко-униатскихъ храмахъ, уже не было иконостаса; русскіе священники начали брить бороды и мѣстами измѣняли одежду, стараясь походить на ксендзовъ; болѣе или менѣе обряды костела, особенно могущіе дѣйствовать на воображеніе простолюдина, и разныя костельныя церемоніи начали прививаться и къ русской униатской церкви (4).

Не смотря на эти наружныя проявленія, русская народность не искусственно была привита населенію; а потому она твердо сохранилась въ его средѣ и держалась борьбою. Церковь была знаменемъ русскихъ стихій народной жизни, — и это знамя держало приходское бѣлое духовенство; оно сберегло его до возвращенія западной Россіи подъ русскую власть. Сила русскихъ началъ западной Россіи ярко выступаетъ въ мрачной картинѣ минувшаго. Съ одной стороны нападающій полонизмъ, со всѣмъ

(1) Тамъ же, р. 73, 355.

(2) Тамъ же, р. 73.

(3) О греко-униатской церкви архіепископа Антонія. Вѣстникъ Западной Россіи.

(4) Тамъ же, и сообщенныя мѣстныя преданія.

обаяніемъ господства и могущества, со всѣмъ изувѣрствомъ фанатизма, со всею силою крѣпостнаго права, покровительствуемаго польскою легальностію, предъ которою ни для *схизматика*, ни для *хаона* не было защиты; съ другой стороны, изнеможенные въ-ковой борьбою русскіе люди, угнетаемые, доведенные до нищеты, униженные до крайняго невѣжества священники, какъ и простолюдины, отстаиваютъ остатки своихъ народныхъ началъ, съ слабою надеждою на своихъ восточныхъ братьевъ. Какъ ни скудны преданія и памятники внутренней, домашней жизни русскихъ людей въ это скорбное время, но, не менѣе того, они осозательно выражаютъ настроеніе темнаго слоя населенія западной Россіи въ составѣ Речи-посполитей, и озлобленіе противъ тяготѣвшаго надъ нимъ польскаго ига. Воспоминанія стариковъ священниковъ приводятъ, что въ краѣ сохранялись *образа и крестики*, нѣкогда занесенные *русскими коробочниками*, которые были потому дороги, что отъ нихъ ни всендзомъ, ни жидомъ.... не пахло. Сохранилась бѣлорусская пѣсня, въ которой поется :

Изъ за Слуцка, изъ за Клецка
 Ъзде дружба молодецка
 Отъ княжати изъ подъ Минска,
 Воевати мѣсто Пинска.

А я пойбд въ постъ великій
 До Турова, до владыки,
 Чтобъ молебень отслужити,
 Дай, покаюсь за грѣхи.
 День и ночь буду молити,
 День и ночь буду просити,
 Чтобы сгинули ляхи.

На всѣхъ нарѣчійхъ русскаго племени, отъ Днѣпра даже до Карпатъ (1) живеть пословица :

Пова святъ стоитъ святомъ,
 Русскій поляку не будетъ братомъ.

Другая пословица: *Лягъ, жидъ да собака*—вѣра одинака, еще болѣе выражаетъ всю ненависть, которую колонизмъ поселилъ въ народъ: слово *лягъ* обратилось въ бранное слово, а *пся-вира* въ его прилагательное (2).

Во время Речи-посполитой монашествующее греко-уніатское духовенство было управляемо своимъ генераломъ базильянскаго ордена, чрезъ подвѣдомственныхъ ему старшихъ въ областяхъ, называвшихся *провинціалами*. При настойчивыхъ мѣрахъ къ развитію уніи, развивалось и число базильянскихъ монастырей, вновь

(1) «Erringerungen aus Galizien.» Prag. 1863.

(2) Подобно тому слово католикъ составляетъ самое ругательное слово.

устраняемыми и отнимаемыми от православнаго духовенства, изъ которыхъ выгоняли монаховъ, несогласныхъ на переходъ въ унию. Сосѣдство Кіева поддерживало православіе въ Малороссіи, сила малороссійскаго племени ограничивала ретивыя покушенія римлянъ на скорое облатиненіе населенія; но на бѣлорусское племя напоръ былъ поведенъ съ несравненно большею настойчивостью: въ южной Минской губерніи, духовенство для быстрѣйшаго обращенія на унию довело число монастырей до того, что оно даже превысило число приходскихъ храмовъ (1).

Съ тою же цѣлью усиленія унии, по правиламъ латинской пропаганды, было увеличено во времена Речи-посполитой и число униатскихъ епархій; бѣлыми или приходскимъ греко-униатскимъ духовенствомъ управляли епископы, избираемые изъ базилянскаго ордена; въ частяхъ возвращенныхъ къ Россіи въ 1794 году была греко-униатская митрополія и три епархіи — нивская, луцкая и владимірская.

Греко-униатскій митрополитъ и генералъ базилянскаго ордена прямо относились къ папѣ, чрезъ постоянно проживавшаго въ Варшавѣ апостолическаго посла или нунція (2), который собственно былъ независимымъ правителемъ всего римско-католическаго духовенства въ Польшѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и греко-униатскаго, какъ признававшаго папу своимъ главою.

Этотъ порядокъ веденія греко-униатскихъ духовныхъ дѣлъ началъ измѣняться, по мѣрѣ возвращенія областей къ Россіи.

Съ 1772 года пресѣклись прямыя сношенія латинскаго духовенства въ части Бѣлороссіи, присоединенной къ Россіи, съ римскою куріею. Папскія буллы могли быть исполняемы только по предварительномъ ихъ одобреніи русскимъ правительствомъ: это распоряженіе было распространено и на греко-униатовъ (3). Для управленія духовными греко-униатскими дѣлами, была образована въ округахъ, по первому раздѣлу отошедшихъ отъ Польши, особая полоцкая греко-униатская епархія, для управленія которой былъ оставленъ тамошній архіепископъ Іакобъ *Смогоржевскій*, и при немъ учреждена консисторія—по его выбору изъ двухъ или трехъ духовныхъ лицъ. Для апелляціи на рѣшеніе дѣлъ консисторіи, была указана, на равнѣ съ учрежденною бѣлорусскою епархіею для латинянъ, юстиць-коллегія лифляндская, эстляндская и финляндская, откуда дѣла, для окончательнаго рѣшенія, могли быть переносимы въ сенатъ. Такими учрежденіями римская курія была устранена отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла (4).

Императрица совершенно на одинаковыхъ правахъ устроила управленіе духовными дѣлами какъ латинянъ, такъ и греко-уни-

(1) Le cathol. rom. en Russie. Т. II. p. 104.

(2) Тамъ же, p. 71.

(3) Le cathol. rom. en Russie. Т. II. p. 4.

(4) Le cathol. rom. en Russie. Т. II. p. 76 и 78.

говъ, не допуская ни какой зависимости одного исповѣданія отъ другаго. Всѣ латинскіе монашествующіе ордена были подчинены епархіальному начальству и имъ было строго запрещено имѣть какія либо сношенія съ генералами и провинціалами проживающими за границею, получать отъ нихъ повелѣнія и распоряженія, равно какъ и высылать имъ какую бы то ни было денежную дань; на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и базильяне, съ своими монастырями и имуществами, были подчинены полоцкимъ греко-уніатскимъ архіепископамъ, — и хотя эти іерархи и вышли изъ среды базильянъ, но базильяне съ крайнимъ неудовольствіемъ приняли это распоряженіе, подчинявшее ихъ духовному начальству бѣлаго духовенства (1).

При указахъ Екатерины къ огражденію мѣстнаго духовенства отъ всякаго иноземнаго вліянія, польское духовенство однако считывало легально обойти постановленія. Полоцкій греко-уніатскій архіепископъ *Смогоржевскій*, по присягѣ имъ принесенной императрицѣ послѣ перваго раздѣла, былъ русскимъ подданнымъ. Король *Станиславъ Понятовскій* обратился къ русскому двору, съ желаніемъ возвести полоцкаго архіепископа въ санъ греко-уніатскаго митрополита, на что и послѣдовало согласіе. (*Смогоржевскій*, ставъ митрополитомъ (1780 г.), въ свою очередь, обратился къ бѣлорусскому генералъ-губернатору графу Захару Григорьевичу *Чернышеву*, о дозволеніи ему остаться при управленіи греко-уніатскими церквами въ Россіи, если не на всегда при коадьюторѣ, то покрайней мѣрѣ до назначенія ему преемника. Императрица, неуклонно вѣрная принятой ею системѣ, писала 2-го іюля 1780 года *Чернышеву*, что, *согласясь на желаніе короля польскаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ ею увомла* отъ всѣхъ обязательствъ подданства и поручила объяснить *Смогоржевскому*, что устроеніе греко-уніатской епархіи есть дѣло самодержавной власти, — и его заботы и попеченія, какъ духовнаго посторонней державы, о праздности греко-уніатской епархіи не умѣстны; «всего менѣе остается права митрополиту *Смогоржевскому* присвоить себѣ ту епархію, по прихѣрамъ имъ увоминаемымъ общаго управленія оною съ митрополіею уніатскою. Такое общее управленіе могло имѣть мѣсто въ то время, когда сіи провинціи были соединены съ польскою короною, но теперь какъ можетъ онъ, учинясь гражданиномъ и прелатомъ въ другомъ государствѣ, служить вмѣстѣ двумъ разнымъ государямъ. Изъ чего слѣдуетъ, что онъ *Смогоржевскій* долженъ, отложивъ всѣ свои объясненія, отправиться въ мѣсту своему въ

(14) Противодѣйствіе базильянъ архіепископу Лиссовскому дошло до того, что императрица повелѣла, для прекращенія своевольствія и непокорства уніатскихъ монаховъ, двухъ первыхъ сего неурядиства виновниковъ игуменовъ Кириата и Дорошевскаго, выслать за границу. Собр. Зак. 1793 года. Декабря 12. № 17, 168. Т. XXIII, стр. 476.

Польшѣ.» Такимъ образомъ попытка Смогоржевскаго вторгнуться въ управленіе греко-уніатской церковью въ Имперіи не удалась. Императрица назначила новаго греко-уніатскаго епископа (Лисовскаго) только въ 1784 году (1). Въ этотъ промежутокъ времени греко-уніатскою епархіею управляла консисторія. Въ случаѣ вакансіи священника, государыня предписывала освѣдомляться отъ прихожанъ, желаютъ ли они имѣть священника православнаго восточнаго закона; въ такомъ случаѣ, опредѣлять людей достойныхъ: если же прихожане пожелаютъ имѣть священника уніатскаго, то консисторія должна поручить приходъ ближайшему священнику, куда, съ постановленіемъ архіерея, могутъ рукополагаемы быть новые священники (2).

При болѣе или менѣе упорной, но постоянной борьбѣ между русскою церковью и польскимъ костеломъ, какая же судьба должна была постигнуть унію, когда наконецъ на картѣ Европы исчезла граница между восточною Россіею и западною? Отвѣтъ по видимому, одинъ,—на сѣверѣ, подобно какъ и на югѣ:—уніа это уродливое, незаконное дитя латинской нетерпимости, должна была исчезнуть безвозвратно.

Что говорятъ преданія? Съ уніею были связаны понятія политическаго господства Польши, понятія о необходимой уступкѣ ослабленныхъ вѣковою борьбою, изнуренныхъ русскихъ элементовъ предъ сильнымъ іезуитскимъ напоромъ. Населеніе, по семейнымъ преданіямъ бывшихъ уніатскихъ священниковъ, совершенно было убѣждено, что, съ возвращеніемъ къ Россіи, оно само собою возвращается и къ православію; проявилось даже удивленіе, что правительство медлитъ освободить русскіе храмы отъ латинскаго наноса иконъ и книгъ, и не устраняетъ священниковъ уніатовъ, не жалавшихъ снова отпустить бороду.

Русскіе люди — уніаты, во времена Ржечи-посполитой, нравственно страдали отъ униженія ихъ церкви латинянами. «Религіозное движеніе къ восточному исповѣданію высказывалось съ такою ясностью въ западномъ краѣ, пишетъ графъ Дм. Толстой, что даже въ областяхъ, еще не присоединенныхъ къ Россіи, население торопилось отречься отъ уніи» (3). Въ послѣдніе года Ржечи-посполитой, чуя, что русское могущество беретъ верхъ надъ разшатавающимся польскимъ владычествомъ, польскіе подданные въ западной Россіи уже начали переходить въ православіе. «Послѣдніе администратора луцкой уніатской епархіи Стефана Левинскаго (26-го мая 1789 года) указываетъ, что возвращеніе къ православію проявилось уже въ опасныхъ для уніи размѣрахъ. Горячій поборникъ польскаго владычества, Левинскій, видя невозможность употребить силу, пастырскимъ словомъ убѣждалъ свои

(1) Le cath. rom. en Russie. Т. II, p. 77.

(2) Собр. Зак. Т. XX. № 15, 628, стр. 954.

(3) Le cath. rom. en Russie. Т. II. p. 79.

духовную паству, что унія тоже, что латинство, что *въра ляховъ также что въра русскихъ* (1).

Были примѣры и въ сѣверо-западной Россіи, что, опережая ожидаемое распоряженіе правительства, само населеніе со священникомъ во главѣ, присоединялось къ православію цѣлыми приходами.

Съ возвращеніемъ западной Россіи подъ русскую власть, латинское духовенство измѣнило тактику. Страшась потерять уже завоеванное для костела, оно, въ виду перехода уніатовъ къ православію, заботилось утвердить населеніе въ уніи; тогда унія явилась на устахъ ксендзовъ *родною, младшею сестрою истинной латинской въры*.

Вліяніе помѣщиковъ, воодушевляемыхъ ксендзами, одно только удерживало греко-уніатскихъ священниковъ отъ послѣдованія общему потоку и заставило ихъ парализовать обще-радостное настроеніе русскихъ людей западной Россіи, при торжествѣ русскаго могущества надъ павшею Ржечью-посполитою: ухищреніями латинства бѣлое греко-уніатское духовенство коснѣло большею частью въ глубокомъ невѣжествѣ, его хлѣбъ насущный зависѣлъ отъ пана землевладѣльца: какуюже нравственную поддержку могло оно найти въ самомъ себѣ, чтобы твердо идти за настроеніемъ прихожанъ и не поколебаться при внезапной переменѣ латинянъ? Латиняне, отъ оскорбительнаго презрѣнія, постоянно прежде оказываемаго уніатской церкви и столь раздражавшаго русскихъ людей, перешли къ ласкамъ, и отъ русской церкви только требовали, чтобы она осталась *уніатскою*; латиняне твердили *простоянщинамъ*: «Уніатская въра—въра вашихъ отцевъ и дѣдовъ.»

Взглядъ Императрицы на возвращеніе жителей къ православію вполне выражается ея приказаніемъ бѣлорусскому генералъ-губернатору Тутолмину, чтобы «*при обращеніи вездѣ и при каждомъ случай съ обоюднахъ сторонъ удаляемъ былъ всякій видъ принужденія и н насилія*» (2).

Императрица однако, инициативою правительства къ возвращенію уніатовъ въ православіе, не хотѣла дать повода, по мановенію Рима, кричать ультрамонтанцамъ о русскомъ варварствѣ и насиліи. Она устраняла только искусственно возводимыя поляками насильственныя тому преграды, сознавая, что безъ тѣхъ преградъ, слѣдуя естественному теченію народной жизни, уніатство погибнетъ само собою.

Правительство не знало, что обезпеченіемъ матеріальнаго существованія бѣлаго уніатскаго духовенства, сдѣлавъ его независимымъ отъ ополченныхъ помѣщиковъ, оно вполне достигло бы цѣли; но въ то время польскія дѣла были еще въ зародышѣ, и только послѣдствія доказали, съ какимъ вредомъ для Россіи были

(1) Тамъ же.

(2) Пол. Соб. Зак. Т. XXIII. № 17,390.

сопряжены успѣхи поляковъ въ удержанію униі, хотя и частіе; латинство и униа снова стали дѣлать обширные захваты.

Не смотря на эту невыгодную сторону, задержавшую торжество православія, на что указываютъ собранія свѣдѣнія, изъ которыхъ знаменательнѣйшія будутъ ниже изложены? Приходи, переходя въ православіе, если переходилъ не въ цѣломъ остави, то въ униатствѣ оставалось не болѣе одной трети. Помѣщики, всею силою — нравственною и физическою — крѣпостнаго права удерживали въ униі своихъ крестьянъ.

Часть Бѣлоруссіи, возвращенная къ Россіи по первому раздѣлу (1772), не представила особаго движенія къ возвращенію въ православіе; іезуиты, во множествѣ въ ней водворенные, не ищли никакъ усилій, чтобы удержать населеніе въ униі (1); противодействовали и греко-униатскій архіепископъ Смогоржевскій, впоследствии, съ званіемъ митрополита, уѣхавшій въ Варшаву, въ 1780 г.

Но когда совершилось давно ожидаемое событіе, и послѣднимъ раздѣломъ западная Россія вошла въ составъ Имперіи; тогда отъ сосѣдей Кіева, изъ Украины пошло быстрое движеніе къ переходу въ православіе; въ одной Брацлавской губерніи болѣе милліона жителей отреклись отъ униі (2).

«Расторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы съ удовольствіемъ видимъ, иссала Екатерина, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія Православной восточной церкви» (3). Но это народное движеніе полнаго возвращенія къ русскому отечеству быстро встрѣтило на дальнѣйшемъ пути къ сѣверу, въ Изяславской губерніи (4), и свои искусственныя препоны; *польская стѣна* успѣла остановить броженіе и на цѣлыя 45 лѣтъ удержала униі.

Русское правительство не принимало особыхъ мѣръ, чтобы дать починъ этому переходу. Оно ограичилось пастырскимъ посланіемъ православнаго минскаго архіепископа Виктора, предупреждавшаго разные ложные толки, пущенные ловкою интригою, дабы удержать переходъ униатовъ къ православію. Это пастырское посланіе имѣло однако благопріятный исходъ. Читанное во всѣхъ церквахъ населенію, оно указало ему, что правительство неоставитъ своимъ покровительствомъ и защитою возвращающихся къ вѣрѣ предковъ, — къ вѣрѣ, господствующей въ государствѣ. По собственнымъ словамъ Екатерины, пастырское посланіе архіепископа оказало самое благотворное дѣйствіе на обращеніе униатовъ, *свидѣтъ отътами, какое спасительное дѣйствіе произвелъ объмъ еде*

(1) Le cath. rom. en Russie. Т. II, p. 80, 83.

(2) Тамъ же.

(3) Собр. Зак. Т. XXIII. № 17, 384.

(4) Изяславъ, нынѣ мѣстечко въ Минской губерніи.

однѣя по повелѣнію Нашему архіепископомъ Минскимъ грамота» (1); онѣ ясно высказали народу сочувствіе правительства.

Съ возвращеніемъ западной Россіи подъ русскую власть, наше правительство являло ясный примѣръ своей вѣротерпимости; латинство тѣмъ воспользовалось и, не вида себя въ необходимости стать въ оборонительное положеніе, само перешло въ наступательное; началась въ исходѣ минувшаго столѣтія борьба шумная, но которая впослѣдствіи, среди многолѣтнихъ успѣховъ Чарторыйскаго, замолкла, когда преграды латинствомъ были преодолены, и костелъ, выйдя на новый путь, тихій и болѣе кроткій, достигъ результатовъ латинской пропаганды большихъ, нежели отъ прежнихъ насилій и неистовствъ.

Кто изъ русскихъ не считалъ тогда замыслы костела противъ русской церкви окончательно погибшими—послѣ паденія Варшавы и раздѣла Польши, при современномъ положеніи дѣла, при господствовавшемъ настроеніи умовъ, при могуществѣ Россіи рядомъ съ развалившеюся Ржечью-посполитою, при силѣ русскаго правительства и его дальнѣйшей дѣятельности? Екатерина не остановилась по пути диссидентскаго вопроса низведеніемъ съ престола Понятовскаго; религиозный вопросъ не пришелъ въ забвеніе среди ликованій побѣды; Императрица внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы унию предоставить свободному теченію дѣлъ, и чтобы не допускать искусственныхъ тому преградъ со стороны латинства. Для домогательствъ римско-католиковъ моментъ насталъ *критическій*—и латинское духовенство доказало все свое искусство въ интригахъ.

Съ паденіемъ Польши явилась *польская справа*, и она въ западной Россіи, какъ увидимъ, перешла сначала въ руки ксендзовъ; на первый случай латинскому духовенству было необходимо удерживать за костеломъ уже имъ отвоеванное въ вѣковой борьбѣ противъ православія, *за собою унию*; и дабы не допустить ее до окончательнаго совершеннаго исчезновенія, то таинственныхъ работы были быстро перенесены въ сокровенныя урочища. Русское правительство, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы, неутомимо заботилось положить твердыя основанія къ очищенію западной Россіи отъ полонизма; но въ то же время съ кипучею дѣятельностью латинское духовенство раскинуло пространную сѣть своихъ подземныхъ работъ; оно двинуло на дѣло *помышниковъ*; смутаніемъ понятій христіанскаго усердія съ вѣротерпимостью костела, двинуло *униатское духовенство*—*монашествоующее и блгое*, наконецъ двинуло и *мстныя русскія власти*, напускомъ тьмы и мглы. Екатерина считала, что униаты, русскіе люди, естественнымъ теченіемъ сольются съ православіемъ, если только оберегать населеніе отъ всякихъ враждебныхъ козней.

При первомъ еще раздѣлѣ, Императрица, въ указѣ отъ 14-го

(1) Сбор. Зак. Т. XXIII, стр. 615.

декабря 1772 года (1), предписывала губернаторамъ «крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицкіе у униатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные отнюдь не держали, ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ обращать православныхъ въ другую законъ.»

Русскіе люди западной Россіи, убѣжденные, что подъ русскою властью уже ничто ихъ не связываетъ съ униєю, стали сами обращаться къ православію тотчасъ по возвращеніи къ Россіи; ретивые латиняне для парализированія этого настроенія, охватившаго край, стали распускать застрашивающіе слухи о скоромъ возстановленіи Польши, о грозной карѣ, ожидающей возвратившихся къ православію и т. п. Православный минскій епископъ Викторъ, въ томъ же 1794 году, издалъ свое пастьрское посланіе *на счетъ живыхъ размашеній объ отторженіи ихъ отъ російскаго обладанія*. Епископъ успокоивалъ русскихъ людей, что *они могутъ пребывать въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевѣщіяго не попуститъ и никакая рука человѣческая не смѣла отнять ихъ отъ соединенія со прочими единовѣрцами.»*

Подъ вліяніемъ ксендзовъ, помѣщики, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, старались сохранить унию въ населеніи угрозами и наказаніями. Увѣдомленная о продѣлкахъ помѣщиковъ, ксендзовъ и униатскаго митрополита Ростоцкаго (2), Императрица, 22-го апрѣлѣ 1794 года, писала Тимошею Ивановичу Тутолмину, генераль-губернатору Минской, Изяславской и Брацлавской губерній, образованныхъ изъ возвращенныхъ частей по раздѣлу, въ 1793 году, что *жители Брацлавской губерніи, находящіяся въ униі, изъявали, чрезъ гражданское начальство, желаніе возвратиться къ православнои церкви, отъ которой они были насильственно отторгнуты,»* поручила ему *принять свои мѣры, чтобы никто изъ помѣщиковъ, чиновниковъ, духовныхъ и мірскихъ римскаго и униатскаго закона не осмѣлился дѣлать ни малѣйшаго въ томъ препятствіе: всякое подобное порушеніе, яко противное господствующей Вѣрѣ, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, влекущее севастръ имѣнія до окончанія дѣла,»* за тѣмъ Императрица поручала Тутолмину всѣ просьбы о возвращеніи въ лоно православія отсылать къ архіепископу Виктору и о таковыхъ только извѣщать униатскаго митрополита.

Первыми противниками отреченія населенія отъ униі оказались высшее греко-униатское духовенство; въ главѣ его стоялъ митрополитъ Ростоцкій и пять епископовъ.

Высшее униатское духовенство все было предано интересамъ костела; выйдя изъ среды латинства, для дѣла римской пропаганды, во время Ржечи-посполитой ушедшее въ унию, оно теперъ сто-

(1) Сбор. Зак. Т. XIX. № 13,922, стр. 689.

(2) Собр. Зак. № 17,199. Т. XXIII, стр. 509. Ростоцкій былъ митрополитъ въ областяхъ возвращенныхъ пѣ 1793 г.

яло столбомъ для защиты и укрѣпленія уніатства; тому содѣйствоваль самъ уніатскій митрополитъ Ѳеодосій Ростовскій; Императрица въ рескриптѣ отъ 6-го сентября 1795 года генералъ-губернатору Тутолмину поручала удалить Ростовскаго изъ возвращенныхъ отъ Польши областей и предложить ему или переѣхать въ С.-Петербургъ, или, какъ *несомненному приверженцу римскаго исповѣданія*, въ Римъ. Императрица назначила ему 6,000 руб. (1) пенсія въ годъ, а его суфрагану, епископу Вутривовичу и пинскому епископу Горбацкому, оставшимся за границею на такихъ же основаніяхъ, назначено по 3,000 руб., луцкому епископу Левинскому и владимірскому Младовскому, присягнувшихъ на вѣрноподданство, было также назначено по 3,000 руб. Но, по возвращеніи къ православію до полутора милліона уніатовъ, ихъ епархіи были сокращены, и все греко-уніатское духовенство въ Имперіи было подчинено одному полоцкому архіепископу Ираклію Лисовскому. Лисовскій, подобно Сестренцевичу, казался усердно преданнымъ Россіи; дѣйствительно, они и дѣйствовали въ такомъ духѣ при Екатеринѣ, и измѣнились, когда обстоятельства стали болѣе подходить къ ихъ истиннымъ влеченіямъ.

Землевладѣльцы съ одной стороны стали привѣтливыми, щедрыми помѣщиками, относительно своихъ приходскихъ священниковъ, обусловливая свои милости удержаніемъ возвращенъ отъ возвращенія въ православіе; съ другой стороны, при крѣпостномъ правѣ, помѣщики безнаказанно расправлялись съ крестьянами, дабы застрашать ихъ отъ желанія распроститься съ уніей, и силою противились освященію церквей изъ уніатскихъ въ православныя. Не мало способствовало къ удержанію уніи то обстоятельство, что вновь построенныя уніатскія церкви были уже безъ иконостасовъ, по образцу костеловъ. Заботы столь вліятельнаго въ западной Россіи сословія помѣщиковъ стали сильнѣйшею мѣстною поддержкою къ удержанію русскихъ людей отъ возвращенія въ православіе. Ксендзы опасались, чтобъ и простолюдины ихъ собственной духовной паствы не увлеклись общимъ настроеніемъ, — имя *мѣха* было ненавистно русскому населенію, — и они распускали слухи, что русская власть въ западной Россіи только временная, а съ возстановленіемъ Речи-посполитой послѣдуетъ и расправа за отступничество отъ костела и отъ уніи. Ксендзы стали исвать дружбы уніатскихъ священниковъ, — и когда церкви возвращались къ православію, тогда уніатскіе священники получали отъ ксендзовъ позволеніе служить въ ихъ костелахъ, и многіе изъ первыхъ стали уже противниками къ возвращенію въ православіе; одни — потому что сроднились съ обычаями латинства, проникнувшими въ унію, сроднились съ уніею, въ которой родились, а также потому, что видѣли помѣщиковъ, которые стали дожить унію, — а при панскихъ опасеніяхъ о переходѣ изъ хло-

(1) Собр. Зак. № 37,384.

повъ въ православіе, можно было еще болѣе извлекать выгоды изъ ихъ усердія къ римско-католичеству,

Но всѣ затанваемыя работы съ особою дѣятельностію были направлены къ тому, чтобы отуманить русскія власти. По мѣстныхъ преданіямъ, ревнители успѣли усиленными занскиваніями оупатъ изяславскаго губернатора Шереметева и добыть отъ него *билета*. Высшее униатское духовенство поддерживало такія заявленія помѣщиковъ, что съ броженіемъ сельскаго населенія, касательно обращенія въ православіе, нарушилось мирное благоговѣніе къ церкви и спокойствіе въ деревняхъ; что вмѣсто кроткаго смиренія и братской любви, являются столь несвойственныя христіанскому исповѣданію непокорныя, буйныя, враждебныя сходки, которыя, среди религіозныхъ распрей, не повинуются ни гласу пастыря, ни призывамъ къ порядку помѣщиковъ. Одни требуютъ немедленнаго присоединенія къ православію и отвергаютъ всякія требы отъ униатской церкви, другіе твердо желаютъ сохранить рѣру отцевъ, умереть въ томъ исповѣданіи, въ которомъ родились; отъ подобныхъ раздоровъ въ униатскихъ приходахъ — разладъ, разрывъ между прихожанами, доходящій до дракъ. Губернаторъ почелъ нужнымъ не дать разыгрываться подобному своеволю крестьянъ, онъ хотѣлъ дать единообразное, правильное направленіе обращенію и разослалъ по округамъ повелѣніе и «письма», *чтобы удерживать жителей въ уни, если приходскіе священники къ оному не присоединятся, или примѣчено будетъ неудовольствіе помѣщиковъ* (1). Дѣйствительно, велика была сила польской партіи, когда при направленіи, данномъ императрицею, при ея рѣшительныхъ и энергическихъ мѣрахъ и ясно ея высказываемому требованію устраненія всякихъ преградъ къ добровольному возвращенію униатовъ къ коренной церкви, было отдано подобное приказаніе.

Во время сильнаго броженія умовъ, этимъ неуклюжимъ распоряженіемъ былъ упущенъ моментъ; ксендзы и помѣщики вполнѣ воспользовались циркуляромъ губернатора. Въ Браславской губерніи 1,293,471 возвратились изъ униі къ православію, а въ Изяславской 97,568 (2).

«Развѣ, писала оскорбленная императрица Тутолмину 10-го января 1795 года, помѣщики имѣютъ право стѣснять отъ отпращенія господствующей вѣры, по внутреннемъ убѣжденію ихъ совѣсти, когда мы, никого не стѣсняя, не токмо терпимъ, но и покровительствуемъ свободное публичное отпращеніе ихъ римскаго исповѣданія. Въ Изяславской губерніи не только пренятствовали жителямъ обращеніе въ православіе, но *возмусили, побивали православныхъ священниковъ*..... Слѣдуетъ разумить помѣщиковъ и приходскихъ священниковъ, продолжала императрица, что извѣляемое при введеніи въ благочестіе сопротивленіе и разсѣваемыя

(1) Собр. Т. XXIII. № 17,289, стр. 615.

(2) Графъ Дм. Толстой, *le cathol. rom. en Russie*, стр. 83.

толки и выдумки ихъ самихъ довести могутъ до непріятностей». Императрица предписывала чтеніе посланія архіепископа Виктора «производить впродъ самимъ поселянамъ, безъ посредства духовныхъ и мірскихъ чиновниковъ римскаго и уніатскаго закона,» дабы возвратившіеся къ православію «отъ мести, притѣсненія и обидъ дѣлательно оберегаемы были» и «обратить вниманіе, дабы уничтожать пустые толки и вымышленія, разрушающіе спокойствіе жителей въ благоустроенномъ правленіи не терпимые».

Въ тотъ же день, 10-го января 1795 года, указомъ св. синоду, она поручала православнымъ епископамъ пастырскими грамотами увѣщевать жителей къ возвращенію къ православной вѣрѣ «во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она насиліями и лестью превращена была въ унию римлянами» (1).

Распоряженія императрицы явились запоздалыми; трудно было поправить дѣло, испорченное генералъ-маіоромъ Шереметевымъ. Преданія гласятъ, что польскіе ревнители по всей сѣверо-западной Россіи настойчиво повели въ темную среду престолоудиновъ вѣсть, что и со стороны русскаго правительства «вышелъ запретъ обращаться въ греко-россійское исповѣданіе.» Постановленія, непригодныя для польской sprawy, въ своемъ истинномъ смыслѣ не доходили до народа; это доказываютъ позднѣйшія событія, вспоминая роковой для польской sprawy указъ 19-го февраля 1861 года. При отсутствіи русскіихъ вліятельныхъ классовъ, правительство не могло слѣдить за глухою подпольною интригою латинскаго духовенства, но за то императрица зорко слѣдила за обнаруживающимися проявленіями. «Поступокъ помѣщиковъ Грузицкихъ, писала императрица, заслуживаетъ все вниманіе правительства; а буде окажется справедливымъ, то поступить съ виновными по законамъ въ страхъ другимъ для истребленія примѣровъ не послихнать и неустовѣтъ.»

Напуганные строгими мѣрами императрицы поляки въ западной Россіи угомонились, но не на долго. Л. Е. В.

В. Ратчъ.

Латинское духовенство сѣверо-западной Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II-й.

(Изъ сочиненія: Овѣднія о польскомъ мятежѣ 1663 г. въ с. з. Россіи).

Послѣдовательные раздѣлы Польши умножили число подданныхъ Россіи римско-католическаго исповѣданія. Императрица

(1) Собр. № 17, 299. Т. XXIII, стр. 616.

Екатерина, устранивъ, послѣ неурядицы Рѣчи-посполитой, возвращаемыя отъ нея области, обратила особенное вниманіе на мѣстное римско-католическое духовенство.

Назидательныи и поучительныи труды государыни. Она знала, что въ Рѣчи-посполитой политическія и общественныя дѣла до того поглощали всю дѣятельность духовенства, что оно подчинило имъ свои обязанности какъ служителей алтарей или, какъ выразился въ послѣднее время Владиславъ Мицкевичъ, *духовенство обратило религію въ прислужницу политики* (1). Для будущаго спокойствія страны, Екатерина хотѣла пересоздать римско-католическое духовенство въ предѣлахъ Имперіи: она хотѣла подыять въ немъ богословское образованіе, спустившееся въ Польшѣ на низкую степень, при господствующемъ взглядѣ на религію. Развѣтїемъ просвѣщенія императрица надѣялась пробудить въ духовенствѣ сознаніе его пастырскихъ обязанностей. Императрица рассчитывала, путемъ воспитанія, развить нравственную сторону русскаго римско-католическаго духовенства; а для того, чтобы оно разсталось со всякою политическою дѣятельностью, несоответствующею его назначенію, для того, чтобы оно вполне стало русскимъ, т. е. въ Россіи видѣло бы свое отечество и въ русскомъ правительствѣ источникъ власти, императрица неизменно заботилась устранить духовенство отъ всякаго иноземнаго вліянія. Рядъ указовъ, рескриптовъ и наставленій официальныхъ, частныхъ и секретныхъ (2), ярко выясняютъ основанія, принятія Екатериною и которыхъ она твердо держалась. Екатерина внушала мѣстнымъ властямъ, что христіанское ученіе православія начала Русской имперіи и политики, *при сознаніи, что православная црква российская есть господствующая въ государствѣ*, одинаково указываютъ на требованія *полной вѣрности относительно русскаго подданнаго другихъ исповѣданій*. Для устранения иноземнаго вліянія, Екатерина, признавая папу духовнымъ главою римско-католическихъ ея подданныхъ, стремилась, однако, устранить всякое его вліяніе на теченіе общественныхъ дѣлъ не касавшихся совѣсти римской духовной паствы. Папская була въ Россіи становилась обязательною только послѣ ея одобренія правительствомъ. Каждый монашествующій латинскій орденъ имѣлъ своего генерала и своихъ подчиненныхъ ему провинціаловъ, въ рукахъ которыхъ было высшее управленіе и вся администрація ордена. Генералы и провинціалы проживали за границею. Провинціалы жили въ Польшѣ; они давали направленіе дѣятельности настоятелямъ монастырей и получали отъ нихъ постоянныя денежныя приношенія. Императрица подчинила монашествующее духовенство, наравнѣ съ приходскимъ, его уставо-

(1) «Szartoryski» Paris 1863 г.

(2) Собр. законовъ: 1772 г. мая 24 № 1779 г. іюля 8. № 14891. 1783 г. янв. 17. № 15,328. 1772 г. декаб. 14. № 13922. 1780 г. янв. 9. № 44966

вленному мѣстному римско-католическому духовному начальству и строго запретила всякія сношенія съ границею. «Всѣ монашескующие ордена имѣютъ единственно зависѣть отъ епархіальныхъ своихъ епископовъ,» говорится въ одномъ указѣ (1). «Предписать, чтобы всѣ монашескующие ордена, единственно завися отъ епархіальныхъ епископовъ и консисторій, не дерзали навлекать на себя зависимость отъ какой либо духовной власти, внѣ Имперіи пребывающей, или высылать имъ доходы» (2). Самые строгія мѣры наблюденія были предписаны мѣстнымъ властямъ (3). Мѣстное римско-католическое духовенство должно было пополняться только туземцами, присягнувшими на вѣрноподданство Россіи. Строгія мѣры были предписаны, чтобы духовныя лица, тайно пробравшіяся изъ за границы, не могли ни укрываться въ стѣнахъ монастырскихъ, ни занимать мѣста приходскаго духовенства. Граница Имперіи была заперта для всякаго духовнаго римско-католика, неимѣющаго свидѣтельства на дозволеніе или призывъ отъ служащаго въ Россіи епископа (4).

Духовенству были неоднократно сдѣланы внушенія и предостереженія «подъ страхомъ взысканія, по всей строгости, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ склонять, привлекать и обращать въ исповѣданіе римской вѣры не только православныхъ восточныхъ церкви, но и другихъ христіанскихъ законовъ исповѣдниковъ» (5).

Послѣдовательный рядъ указовъ, начиная съ 1772 года, выясняетъ всю силу враждебной дѣятельности латинскаго духовенства по отношенію къ русскому правительству, принявшую новое направленіе. Мѣры для полнаго умиротворенія страны, принимаемыя императрицею, были извращаемы замысловатыми уловками или тайными сношеніями и интригами. Человѣкъ, избранный довѣренностью Екатерины въ главные дѣятели по вопросу о римско-католическомъ духовенствѣ, епископъ *Сестретичичъ*, не устоялъ противъ нравственнаго напора и искушеній римской куріи; сама императрица, опутанная сѣтью находчивыхъ и изобрѣтательныхъ интригъ латинскаго духовенства, теряла нить истиннаго пути. Нельзя однако не отдать справедливости великой государынѣ:

(1) Собр. закон. 6 сентября 1795 г. № 17,379.

(2) Собр. закон. 6 сентября 1795 г. № 17,380.

(3) Такъ, въ указѣ 3 іюля 1779 г. № 14,891 находимъ: „Всякіе самовольно прибывающіе изъ за границы провинціалы, визитаторы и т. п., покушающіеся мѣшаться въ правленіе церковное законовъ ихъ, въ земляхъ русскаго подданства отнюдь не должны быть терпимы; вѣдущихъ для посѣщенія и осмотра монастырей, независимо отъ епархіальнаго начальства, отнюдь не пропускать; кои предъявятъ собственныя свои нужды, тѣхъ препровождать, католиковъ къ бѣлорусскому епископу, а униатовъ къ подоцкому архіепископу. которме о ихъ пріѣздѣ, принятіи, употребленіи или отсылкѣ по надобности извѣщали генералъ-губернатора и за поведеніемъ надзора ихъ отвѣтствовали. (Изъ указа іюля 3-го 1779 г. собр. закон. № 14,891; 6 сентября 1795 г. № 17,379).

(4) Собр. зак. 1780 г. 9 января № 14,966.

(5) Собр. зак. 1795 г. сентября 6 № 17,379.

латинское духовенство торжествовало свои успѣхи; но императрица съ такою зоркостью видѣла тайныя козни, что самонаглѣнія ихъ проявленія немедленно встрѣчали отпоръ. и русская власть уничтожала дальнѣйшее развитіе таинственныхъ замысловъ. При первомъ раздѣлѣ Польши, императрица Екатерина, въ секретномъ наказѣ назначеннымъ губернаторамъ во вновь учрежденныя губерніи, указывала, что полная вѣротерпимость есть коренной законъ Имперіи: «Мы уже однажды навсегда во всей Россійской Имперіи области за правило постановили, что въ столь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или не дозволеніе ихъ различныхъ вѣръ. (Смотри 494, 495 и 496 ст. наказа комиссіи уложенія 1767 года). Вы во всей точности имѣете во вѣренной нынѣ вамъ губерніи сохранить сіи статьи какъ *коренныя*, основанныя на правилѣ правословія, политики и здраваго разсудка.» При такомъ широкомъ взглядѣ на вѣротерпимость, императрица ясно давала разумѣть всѣмъ и каждому, что, признавая папу духовнымъ главою русскихъ подданныхъ р. католиковъ, она не допускаетъ, чтобы римское духовенство, въ предѣлахъ Имперіи, было изъято изъ вѣрнопопданническихъ отношеній къ правительству и чтобы, подъ предлогомъ религіи, римскій дворъ могъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла. Мнѣніе государыни ясно выражено въ ея письмѣ къ папѣ Пію VI. «Слѣдуя примѣру моихъ предковъ, если я готова допустить въ предѣлахъ обширныхъ моихъ владѣній отправленіе богослуженія всѣхъ вѣроисповѣданій безразлично, въ томъ числѣ и римско-католическаго, то я не соглашусь ни подъ какимъ видомъ, чтобы мои подданные римско-католики зависѣли, въ какомъ бы то ни было отношеніи, отъ власти чужеземнаго государя: по этой причинѣ всѣ будды и бреве папскаго правительства могутъ быть обнаружены въ Россіи не иначе, какъ съ нашего разрѣшенія.»

При учрежденіи въ Россіи принятыхъ началъ полной вѣротерпимости, императрица желала, однако, при послѣдовательномъ поступленіи, вслѣдствіе раздѣловъ, значительнаго числа р. католиковъ въ число ея подданныхъ, совершенно пресѣчь возможность посягательствамъ римскаго двора, пресѣчь прямыя сношенія русскихъ р. католиковъ съ Ватиканомъ. Эта мѣра русскаго правительства измѣнила весь ходъ сношеній высшаго латинскаго духовенства съ папою. Римъ совершенно неограниченно управлялъ въ Польшѣ дѣлами церкви и, для этой цѣли, имѣлъ въ Варшавѣ постоянно своего нунція (1). Съ возвращеніемъ части Бѣлоруссіи, Екатерина хотѣла дать правильное устройство латинскому духовенству въ Россіи. Высочайшимъ указомъ, отъ 14 декабря 1772 г. (2), въ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ были учрежде-

(1) Собр. зак. глав. XIX № 18.922.

(2) Le cath. rom. en. Russie T. II. pg. 4.

ны епархіи православная, греко-уніатская и римско-католическая. «*Католическому епископу, который вскорѣ быть имѣетъ*», поручались въ духовное правленіе всѣ римско-католическіе монастыри и церкви, которые для экономическихъ дѣлъ должны были руководствоваться регламентомъ, изданнымъ для с. петербургской католицкой кирхи 1769 г. 12 февраля. Епископу, для управленія духовныхъ дѣлъ, придавалась консисторія изъ 2 или 3 лицъ по его усмотрѣнію. Губернаторамъ было предписано: «за духовными лицами имѣть крайнее наблюденіе, чтобы они отнюдь не дерзали, ни подъ какимъ видомъ, ни тайно, ни явно преклонять и обращать православныхъ греческаго исповѣданія въ другой законъ, о чемъ публиковать, съ угроженіемъ за такое преступленіе взысканія по законамъ. Недовольнымъ рѣшеніемъ латинскаго епископа было предоставлено право обращаться въ юстицъ-коллегію лифляндскую, а на оную, по порядку, въ сенатъ, какъ предписано въ регламентѣ с. петербургской католицкой кирхи». Указъ оканчивался запрещеніемъ всякихъ непосредственныхъ сношеній съ Римомъ. «Какъ въ сихъ провинціяхъ католицкая и уніатская церкви, въ разсужденіи ихъ вѣры, остаются при своихъ догматахъ и правилахъ, о чемъ ужъ и опубликовано; то ежели отъ папы прямо, или посредствомъ конгрегаціи, или иного католицкаго духовнаго начальства, прислана будетъ къ какой ни есть духовной власти булла, или иное какое повелѣніе, для обнародованія находящимся въ сихъ новопріобрѣтенныхъ отъ Польши провинціяхъ католикамъ и уніатамъ, таковыя папскія буллы и повелѣнія помянутыя власти духовныя отсылать прямо должны къ генераль-губернатору бѣлорусскому, для представленія намъ самимъ, и ожидать объ объявленіи того въ народѣ нашего соизволенія.»

Было необходимо найти въ средѣ латинскаго духовенства человека, способнаго и готоваго содѣйствовать ея видамъ. Преданный русскому правительству виленскій епископъ Масальскій указалъ Екаторинѣ на своего викарнаго Станислава Сестрениевича, который и былъ посвященъ епископомъ въ 1773 году. Станиславъ Сестрениевичъ де Богушъ былъ бѣлоруссъ и реформаторъ по родителямъ, и готовился въ пасторы. Онъ три года слушалъ курсы франкфуртскаго университета и много путешествовалъ по Европѣ. Честолюбивый отъ природы, онъ предпочелъ гусарскій мундиръ рясы и десять лѣтъ прослужилъ въ прусской и литовской кавалеріи. Успѣхи на военномъ поприщѣ не соответствовали его ожиданіямъ. Принявъ р. католичество, онъ сначала былъ домашнимъ учителемъ у князей Радзивилловъ, а потомъ вступилъ въ духовное званіе и дослужился до викарія при виленскомъ епископѣ. По рекомендаціи епископа Масальскаго, какъ выше сказано, императрица ввѣрила ему высшую власть надъ всѣмъ римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи, съ саномъ могилевскаго епископа (1773) (1), и съ огромнымъ содержаніемъ—60,000

(1) Le cath. rom. en Russie T. II. pg. 21.

руб. Болѣе полустолѣтія *Сестренцевичъ* былъ значительнѣйшимъ лицомъ среди римско-католическаго духовенства въ Россіи; его имя будетъ часто встрѣчаться на страницахъ собранныхъ нами свѣдѣній, потому заимствуемъ изъ сочиненія графа Дл. Толстого изображеніе этого р. католическаго іерарха, котораго русское правительство призвало для административной дѣятельности въ Россію.

Сестренцевичъ не удержалъ и не сохранилъ отъ своего воспитанія въ реформатскихъ школахъ ни богословскихъ мелочей, ни духа полемики противъ латинства, но истинное развитие ума, которое іезуиты своими правилами и принципами преднамѣренно искореняли въ своихъ воспитанникахъ, а эти почти безъ исключенія были духовныя лица, современники *Сестренцевича*. Это обстоятельство возвышало *Сестренцевича*, а потому онъ и возбуждалъ зависть и негодованіе. Ревностный въ дѣлѣ религіи, онъ до конца дней сохранилъ любовь къ наукѣ и, къ удивленію латинскихъ фанатиковъ, онъ не скрывалъ своихъ влеченій къ разумному образованію: онъ занимался литературой, исторіей, агрономіей, даже медициной. Все это было такъ ново въ его средѣ, что въ ней объясняли его наклонности тайнымъ отступничествомъ отъ католицизма; по понятіямъ латинскаго духовенства, умъ и наука не могли идти рука объ руку съ вѣрою (1). Мысль сдѣлаться со временемъ независимымъ владыкою католицизма въ Россіи имѣла слѣдствіемъ то, что *Сестренцевичъ* вполне содѣйствовалъ русскому правительству въ идеѣ: сдѣлать латинскую церковь въ Россіи независимою отъ Рима. Онъ ревностно помогалъ правительству до тѣхъ поръ, пока видѣлъ, что ему не предстояло другою пути дѣятельности. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, измѣнился и образъ дѣйствія *Сестренцевича*. Сближеніе дѣятельности латинскаго духовенства въ Россіи съ современными событіями выясняетъ, что оно неизмѣнно служило папѣ, и латинскіе іерархи, которыхъ въ Россіи почитали преданными правительству, даже и тѣ не колебались въ выборѣ и содѣйствовали постоянно Риму во всѣхъ случаяхъ, когда требованія русскаго правительства противорѣчили интересамъ римской куріи. Въ могуществѣ костела латинское духовенство видѣло собственное свое могущество, признавало папу истиннымъ своимъ духовнымъ государемъ и только по необходимости подчинялось власти русскіхъ монарховъ.

Сестренцевичъ былъ поставленъ главою латинскаго духовенства въ Россіи высочайшимъ указомъ отъ 22 ноября 1773 г., которымъ онъ былъ назначенъ епископомъ бѣлорусскимъ. Имя *Екатерины* пользовалось громаднымъ значеніемъ въ тогдашней Европѣ; государыня, съ полнымъ сознаніемъ своего могущества и си-

(1) Le cath. romaine en Russie T. II. p. 7.

лы своей имперіи, высказала, что она не признаетъ за римскою куріей ни какого права вмѣшательства въ государственныя учрежденія. По религіознымъ вопросамъ римскіе католики могли восходить до истиць-коллегии, но отнюдь не обращаться къ Риму для ихъ разрѣшенія (1), на основаніи этого высочайшаго указа и регламента 1769 г. римско-католической въ С. Петербургѣ церкви. Сестренцевичъ, по видимому, увлекся своимъ новымъ положеніемъ и надѣялся въ государствѣ православнаго исповѣданія, при направленіи, принятомъ Екаториною, исподоволь стать едва ли не совершенно независимымъ отъ Рима главою латинскаго исповѣданія въ Россіи. Принявъ за основаніе пополнять мѣстное духовенство туземцами издревле коренныхъ русскихъ земель, Екатерина рассчитывала, что оно скоро избавится отъ полонизма, какъ искусственно привитаго элемента, и надѣялась, что латинское духовенство, воспитанное въ предѣлахъ Имперіи, на принципахъ истиннаго христіанскаго ученія, устраненное, при содѣйствіи русской власти, отъ всякой политической дѣятельности, содѣлается достойнымъ своего пастырскаго предназначенія. Въ этихъ видахъ, она озаботилась учрежденіемъ учебныхъ заведеній для латинскаго духовенства. Сестренцевичъ вполнѣ былъ готовъ содѣйствовать императрицѣ: «онъ глубоко скорбѣлъ, пишетъ графъ Дм. Толстой, о распущенности монашеской жизни, о невѣжествѣ и дурномъ поведеніи своихъ монаховъ.» Латинское духовенство западной Россіи во время Рѣчи-посполитой не отличалось богословскимъ образованіемъ; Сестренцевичъ принялъ мѣры къ устраненію этого недостатка, такъ-что даже въ монастыряхъ монахи были поставлены въ необходимость учиться (2). «Да не смотря наши братья на просвѣщеніе, какъ на бѣдствіе, говорилъ Сестренцевичъ, обращаясь къ духовенству, но да потщатся они образовывать честныхъ гражданъ и разовьютъ въ нихъ любовь ко всему человѣчеству, не разбирая религіи и общественныхъ условий; да научатъ они ихъ не предпочитать почести истинѣ; да приучатъ они свою паству къ труду и къ вѣрной службѣ императрицѣ и отечеству.» Кромѣ этого, для образованія будущихъ ксендзовъ, онъ основалъ въ 1778 г. въ Могилевѣ семинарію на 20 клириковъ.— Такъ были установлены Сестренцевичемъ положительныя основанія къ образованію латинскаго духовенства въ западной Россіи. Дальнѣйшее развитіе этой мѣры, во время попечительства виленьскимъ учебнымъ округомъ кн. *Чарторыйскаго*, привело къ учрежденію гимназій при университетѣ, въ которую попали и юноши греко-уніаты, предназначенные къ духовному званію.

Нельзя при этомъ не остановиться надъ знаменательнымъ и назидательнымъ: одни и тѣже сѣмена, посѣянные на двухъ различныхъ почвахъ, къ какимъ привели діаметрально противу-

(1) Собръ зак. Т. XVIII. № 13251 и 13252, 1769 г. Le cath. en Russie T. II. pg. 8.

(2) Le cath. rom. en Russie T. II. pg. 11.

положнымъ послѣдствіямъ! (1). Съ развитіемъ университетскаго образованія, ополченные поставили себѣ цѣлью-отторженіе отъ Россіи и приобрѣли то вліяніе на дворянское сословіе, которымъ они и путемъ религіи неподатливыхъ обращали въ реннителѣй польской sprawy; русскіе же, просвѣщенные наукой, увидѣли все безобразіе уни и постоянными стремленіями къ возвращенію въ лоно православія достигли наконецъ своей цѣли, когда дослужились до званій, при которыхъ ихъ вліяніе не могло быть парализовано ни какими затаенными кознями и происками. Императрица подчинила Сестреницевичу не только учреждаемая латинскія епархіи, но и всѣ р. католическіе храмы въ Имперіи, а въ епархіяхъ не только приходское духовенство, но и монашествующее (2). Императрица ясно отдѣляла догматы религіи отъ административныхъ учрежденій римской куріи. Латинскимъ монастырямъ разныхъ орденовъ были строго запрещены всякія сношенія съ ихъ бывшими заграничными начальствами; монастыри были обязаны признать надъ собою одну распорядительную и духовную власть бѣлорускаго епископа Сестреницевича.

По первому раздѣлу Польши, къ Россіи отходило до 200 латинскихъ приходоѡ, и такъ какъ большинство населенія было уже обращено въ *униатовъ*, признаваемыхъ папою за его духовныхъ чадо, — потому римская курія выказывала себя весьма предупредительною къ требованіямъ императрицы. Конечно, ее устрашала мысль, что русское правительство въ возвращенныхъ областяхъ вспомнить столь многократныя свои заявленія объ уничтоженіяхъ русской церкви въ Рѣчи-посполитой и станеть сводить старыя счеты; римскій дворъ понималъ, что по папскимъ булламъ и посланіямъ, и съ папскаго благословенія и согласія, русскіе люди выдержали столько неправды и притѣсненій, что страшится возмездія и потери своихъ вѣковыхъ трудовъ, отнятія своей униатской паствы. Римъ съ готовностью исполнялъ требованія императрицы и безпрекословно утвердилъ *Сестреницевича* епископомъ: не прекословилъ освобожденію монастырей изъ-подъ власти ихъ патроноѡ и провинціаловъ и спокойно смотрѣлъ, какъ Сестреницевичъ ломалъ древніе монастырскіе статуты и перестраивалъ бытъ духовенства. Римская курія скоро однако же успокоилась: она увидѣла, что русское правительство было далеко отъ всякихъ крутыхъ мѣръ къ возвращенію въ православіе потомковъ тѣхъ, предки которыхъ насильно были увлечены въ латинство. Почув-

(1) Вѣдь это логическій выводъ, если почвы различны.

Ред.

(2) „Для спокойствія и добраго порядка между духовенствомъ римско-католическимъ, за благо мы разсудили не только всѣ нныя части епископствъ бывшихъ католическихъ совокупить въ одну епархію католическую же, но къ ней причислить всѣ какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ имперіи нашей, находящіяся крхи и по разнымъ мѣстамъ въ дальнемъ разстояніи живущее ихъ римско-католическое духовенство.“ Жакованная грамота февралъ 6 дня 1784 г.

ствовавъ это, римская курія снова начала тайными путями искать возвращенія бывшаго своего значенія; всѣ монашествующіе орденна ревностно ей содѣйствовали въ этомъ случаѣ. Прекращеніе высылки монастырской дани еще болѣе озлобляло противъ Россіи и генераловъ и провинціаловъ. Сношенія того времени римскаго двора съ туземнымъ латинскимъ духовенствомъ, конечно, на долго еще останутся покрытыми непроницаемою тайною; но послѣдствія выясняютъ, что на *Сестреничи* изъ Рима была наброшена узда и что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отказаться отъ смѣлыхъ проэктовъ.

Орденъ іезуитовъ, основанный для поддержанія папской власти, увлекаясь духомъ преобладанія, искалъ униженія другихъ латинскихъ орденовъ и тѣмъ возбудилъ въ нихъ зависть и вражду. При глухой борьбѣ римско-католическаго духовенства съ свѣтскою властью, латинскіе орденна, начиная постигать цѣли іезуитовъ, выводили на свѣтъ ихъ интриги. Папа Климентъ XIV увидѣлъ, что іезуиты нажили себѣ столько враговъ, что они болѣе вредятъ, чѣмъ помогаютъ интересамъ римской куріи. Буллою 1773 г. онъ уничтожилъ орденъ іезуитовъ: «объявилъ его лишеннымъ всѣхъ принадлежащихъ ему должностей, званій и отличій, всѣхъ имуществъ, домовъ, училищъ, коллегій и другихъ заведеній; отмѣнилъ всѣ статуты и постановленія для онаго изданнаго и совершенно подчинилъ членовъ его, на равнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ, епархіальнымъ епископамъ» (1). Іезуиты, пребывавшіе въ Бѣлоруссіи искали защиты у императрицы, императрица писала еще 28 мая 1772 г. губернаторамъ новыхъ русскихъ губерній: «Вы за сими (іезуитами) наипаче недремленно смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ, ибо у нихъ безъ согласія начальства, подчиненные ничего предпріять не могутъ» (2). Однако, по совершеніи перваго раздѣла, Екатерина оставила іезуитовъ; она ясно этимъ доказывала Риму, что въ Россіи никакія папскія буллы, безъ согласія русскаго правительства, не будутъ исполняемы. Этотъ случай на первый разъ былъ весьма пригоденъ; ибо со стороны іезуитовъ нельзя было ожидать ни какого противодѣйствія,—напротивъ: съ полнымъ сочувствіемъ они должны были встрѣтить оставленіе безъ вниманія буллы папы 1773 г. Императрица рядомъ указовъ устраняла въ возвращенныхъ къ Россіи областяхъ вліяніе польскаго духовенства; но іезуитская конгрегація, переполненная иноземцами: итальянцами, французами, испанцами, нѣмцами и другими тайными ревнителями латинской пропаганды, не много заботилась о полонизмѣ и шляхетствѣ. Іезуиты думали не о Польшѣ, но питали затаенныя надежды внести латинство въ Россію. Если поляки на политическомъ поприщѣ были бойцами за вѣковую вражду

(1) Изъ указа 13 марта 1820. Сбор. Зап. №

(2) Графъ Д. Толстой. *Le catholicisme romaine en Russie*, T. II. pg.

ду Польши къ Россіи, то іезуиты были мирными вояками вражды латинства къ православію и замыслили исподоволь вести пропаганду католицизма во внутрь Имперіи, преимущественно путемъ воспитанія юношества.

Преемники Климента XIV, подчинялся современному положенію дѣлъ, хотя и не рѣшались возстановить уничтоженный орденъ, столь полезный для интересовъ Ватикана, но, тѣмъ не менѣе, не оставляли его своимъ незримымъ покровительствомъ на перекоръ напсковой буллѣ. Пребываніе ордена въ Россіи не вызывало однако ни какихъ дальнѣйшихъ мѣръ папѣ противъ ослушниковъ, и іезуиты, согласно указовъ императрицы, черезъ русскіе власти, въ 1777 г. обратились къ папѣ о распространеніи ихъ ордена въ Россіи новициатомъ (1). Римская курія, конечно, была весьма довольна русскимъ правительствомъ, которое приняло іезуитовъ, въ то время, какъ въ угоду западной Европѣ, Климентъ XIV долженъ былъ выступить грознымъ караемъ общества Лойоли и принести въ жертву орденъ, наиболее преданный интересамъ Ватикана, ретивѣйшій защитникъ его правъ, усерднѣйшій помощникъ въ его домогательствахъ. Іезуиты, не переставая заявлять римскому двору о своей преданности, вопреки роковой для нихъ буллѣ 1773 г., въ тоже время, дабы избавиться отъ подчиненія Сестреничичу, старались расположить къ себѣ русское правительство тайными ему услугами. Іезуитское братство въ Полонкѣ, наполненное членами со всѣхъ странъ Европы, не находилось подъ влияніемъ польско-патріотическаго настроенія. И, когда русское правительство тщательно старалось очистить вновь возвращенныя области отъ ретивыхъ польскихъ патріотовъ и слѣдило за ихъ интригами, іезуиты явились самыми усердными соглядатаями, неизъдомыми помощниками полицейскихъ наблюдешій (2). Они ковели противъ *Сестреничича*, писать гр. Д. Толстой (3), всякія интриги и возни, заискивая милости у государственныхъ сановниковъ; своими услугами по часги тайной полиціи іезуиты снискивали ихъ довѣренность.

(Вил. Вист.)

В. Ратч.

(Продолженіе будетъ).

(1) Приложение, — указъ собр. зак. Т. XX 16 февраля 1777 года № 14803 стр. 500.

(2) Le cath. rom. en Russie T. II. pg. 19.

(3) Le cath. rom. en Russie T. II. pg. 19.

Что такое Москва?

(Слово къ галицко - русскому народу).

Въ прибавленіи къ *Львовскому Слову* (Додатокъ Слова для громады , напечатана нижепомѣщаемая статья, которую мы считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ.

Въ настоящее время поляки только и толкуютъ о »Москвѣ.« *Москва* у нихъ все на умѣ, на языкѣ, и вѣрно имъ и во снѣ грезится. Какую вы не возьмете въ руки польскую газету, тамъ болѣе ни о чемъ не пишутъ, какъ только о *Москвѣ* и о *Москвѣ*, а если начнешь съ полякомъ разговаривать, то онъ все будетъ толковать, что *Москва* сдѣлалась черезчуръ страшна, опасна, и что здѣшніе священники хотятъ привести къ намъ (въ Галицію) *москалей*. По этому, добрые люди, если вы хотите знать, что такое *Москва*, то послушайте, и вамъ о ней расскажу.

На свѣтѣ живутъ разные народы, которые Богъ сотворилъ. Одни лучше, многочисленнѣе другихъ, одни болѣе образованы, другіе менѣе; одни богаче, другіе бѣднѣе. Въ части свѣта, гдѣ и мы живемъ, то есть въ Европѣ, много народовъ. Самый великій и многочисленный народъ русскій; потомъ живутъ чехи, сербы, хорваты, болгары, волохи, поляки, венгерцы, мѣмцы, турки, итальянцы, французы, испанцы, англичане, шведы и пр.

Москва же не названіе народа, какъ ложно толкуютъ вамъ *ляги*, но названіе огромнаго города въ глубинѣ Россіи; величина ея въ длину и ширину болѣе 28 верстъ, окружность составляетъ 40 верстъ, а въ самомъ городѣ сорокъ-сороковъ церквей. Русскіе называютъ этотъ городъ: «Бѣлокаменной матушкой Москвой».

Такъ какъ въ Европѣ много народовъ, то и составилось много государствъ или державъ; каждое государство имѣетъ своего императора или короля, а также свои законы и языкъ. Россія самое великое государство въ свѣтѣ. За ней идутъ наша Австрія, Франція, Англія, Пруссія и т. д. Государства эти составлены или изъ одного народа, или изъ нѣсколькихъ; такъ у насъ есть деревни, гдѣ живутъ одни только русскіе, а есть и такія, гдѣ живутъ разные народы, какъ то: русскіе, поляки, нѣмцы, евреи, армяне. Такъ составлены и другія государства. Рѣдко, какое-нибудь государство населено однимъ народомъ. У насъ, напри- мѣръ, въ Австріи, живутъ нѣмцы, русскіе, поляки, чехи, мадьяры, кроаты, сербы, румыны, словаки и словенцы. Они всѣ говорятъ каждый своимъ языкомъ, но всѣ подданные одного австрийскаго императора, нашего монарха. Въ Россіи болѣе всего русскіхъ, (изъ 70 миллионнаго населенія коренныхъ русскихъ до 55 миллионъ), но живутъ и поляки и финны, и литовцы, и нѣмцы и черкесы, и другія племена, подвластныя россійскому императору.

Между этими обоими государствами (Австріей и Россіей), и между ихъ императорами, существуютъ такія же отношенія, какъ

между двумя общинами: случается иногда, что одна изъ нихъ просить помощи у другой, или спорить съ нею.

Взглянемъ теперь на наше австрійское государство и на сосѣдную Россійскую Имперію.

Надо благодарить Бога, что между нашими императорами и русскими государями никогда не было ни спора, ни войны, и наши монархи были всегда дружны съ русскими (не послѣдній ли?). Они всегда жили въ мирѣ между собою, (а 1853 и 63 годы?). Когда Польша, по гордости своей шляхты, вслѣдствіе безпорядковъ и несправедливостей въ отношеніи къ народу ослабѣла и распалась, тогда наша императрица Марія-Терезія, руссійская императрица Екатерина, и прусскій король Фридрихъ, раздѣлили Польшу по братски между собою, устроили въ ней порядокъ и учредили законы. Когда шель французъ Наполеонъ на нашего императора, тогда стояли въ нашемъ государствѣ русскія войска, а когда французы вступили въ Россію, тогда нашъ императоръ держалъ сторону Россіи. (Ну, это не совсѣмъ такъ). Когда въ 1848 году, возстали и мадьяры, и съ обѣихъ сторонъ прижали наши войска, тогда руссійскій императоръ, покойный Николай Павловичъ, дай ему Господи царство небесное! прислалъ нашему императору свое войско на помощь, для усмиренія Венгрии. Когда же, въ 1863 году, возстали поляки, то у насъ ихъ ловили и арестовали для того, чтобы они не переходили въ русскую Польшу, во время мятежа. (И это также не совсѣмъ такъ).

Слѣдовательно, между нашимъ цесаремъ и руссійскимъ императоромъ всегда было согласіе и дружба; они взаимно другъ къ другу расположены, и одинъ другому всегда готовы помогать.

Поляки же вамъ говорятъ и пишутъ въ своихъ газетахъ: «Не слушайте священниковъ, потому что они къ вамъ приведутъ москалей.»

Съ нами Богъ! наше мѣсто свято! Когда же священники, или русскіе приводили къ намъ москалей? Кто же ихъ привелъ 18 лѣтъ тому назадъ, въ 1848 году? неужели священники, или польскіе, или мадьярскіе бунтовщики? скажите, добрые люди, кто ихъ тогда привелъ. Не тѣ ли самыя, которые теперь кричатъ на священниковъ? Не они ли шли въ Венгрію, присоединились къ венгерцамъ, а въ Турціи принимали и мусулманскую вѣру? И вотъ тогда москали приходили помогать нашему императору, то о насъ не говорили, а о полякахъ, что они помогали венгерцамъ отдѣлиться отъ нашего императора, для того чтобы потомъ вмѣстѣ съ венграми возстановить Польшу. А теперь они говорятъ, что священники хотятъ привести москалей. Чуръ меня чуръ! (*мѣта чуръ*)!

Вы тоже знаете, добрые люди, что священники держатъ сторону народа, а народъ стоитъ за своего австрійскаго императора, и вся наша галицкійская Русь предана Австріи. И къ чему же наши священники стануть привлекать москалей, если у насъ, са-

ва Богу, есть свой императоръ, за которого мы всегда были и теперь готовы посвятить свою жизнь и имущество? И отчего же москали наводятъ такой страхъ? И почему же для насъ должна быть страшна Москва? Москали, правда, навели на Польшу страхъ, потому что тамъ русскій императоръ, какъ и у насъ цесарь, уничтожилъ барщину и всѣ подати, которыя тяготѣли на народѣ, отдавъ громадамъ (общинамъ) все что имъ слѣдовало, а у помѣщиковъ отнялъ все, чѣмъ они неправильно владѣли; вотъ за то поляки такъ и ненавидятъ его, что ихъ сильно подтянулъ, и велѣлъ бунтовщикамъ отправляться изъ своего государства куда имъ угодно.

Напрасно поляки пугаютъ насъ москалями; мы ихъ уже видѣли, когда они приходили помогать нашему императору. Русскіе какіе же люди какъ и мы; у нихъ, такіе же два глаза, носъ, лобъ, борода, руки и ноги, говорятъ-то они почти по нашему, ѣдятъ борщъ, капусту, сало, пироги тоже по нашему. Чего же намъ ихъ бояться? Правда, полякамъ есть чего бояться, но не намъ, потому что нашъ императоръ ихъ не затрогиваетъ, и они нашего не трогаютъ. А поляки вамъ все говорятъ неправду, и чему удивляться, что они бранятъ русскихъ. Русскій царь, который живетъ въ Петербургѣ,— хотя мы отъ него и не зависимъ, потому что мы всегда были вѣроподданные нашего австрійскаго монарха, не забываетъ и насъ бѣдныхъ ему единоплеменныхъ и, какъ добрый сосѣдъ, наблюдаетъ за дѣтми сосѣда.

Мы народъ бѣдный; у насъ нѣтъ ни шляхты— она ополячилась, нѣтъ у насъ своихъ господъ, потому что всѣ помѣщики поляки, нѣтъ и денегъ для нашего народнаго дѣла, такъ чтобы мы, подобно другимъ народамъ, могли имѣть своихъ ученыхъ людей. Нашъ австрійскій государь давно насъ узналъ и помогаль намъ,— дай ему Господи много лѣтъ царствовать, а также и его дѣтямъ! Намъ подарили во Львовѣ академію для народнаго дома, и императоръ назначилъ стипендіи для 20 русскихъ учениковъ, т. е. вспомошествованія по 105 рейнскихъ золотыхъ въ годъ, для того чтобы дѣти наши учились, и чтобы изъ нихъ образовались русскіе профессора, чиновники, адвокаты и проч. Намъ позволили устроить во Львовѣ русскій театръ,— а на это надо деньги.

Мы надѣялись, что поляки на сеймѣ, требуя для себя нѣсколько тысячъ, тоже выдадутъ и намъ 3000 золотыхъ для нашего театра, а наши депутаты крестьянинъ Демковъ и священникъ Наумовичъ говорили имъ, чтобы они поступали съ нами по братски; но поляки взяли наши деньги на свои школы и на польскій театръ, а на русскій не дали ни гроша; узналъ русскій императоръ въ Петербургѣ, изъ газетъ, что поляки притѣсняютъ насъ, и зналъ, что австрійскій императоръ нашъ назначилъ 20 стипендій для русскихъ студентовъ-юристовъ, назначилъ и отъ себя 20 стипендій по 450 рублей серебромъ, и 4 стипендіи по 600 рублей для галицкихъ русиновъ, а нашъ императоръ нисколько

не противился тому, чтобы наши молодые люди, сыновья священников и русских крестьянъ, шли обучаться въ Холмъ, Кіевъ, Москву, или Петербургъ, коль скоро русскій царь дастъ имъ такъ содержаніе, для того, чтобы они научились въ школахъ всему хорошему. И вотъ, движимые завистью поляки злятся на русскаго царя, и васъ пугаютъ. Что же мы отвѣтимъ на всю ихъ ложь? А вотъ что: мы имъ скажемъ по нашему: страхи на дяхи, а русина не испугаешь москалями, потому что они вѣрни своей государю, какъ и мы нашему, хвалятъ также Бога, какъ и мы, и ихъ языкъ, церковь, святія книги и обряды совершенно сходны съ нашими.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ 3, 4, 5 и 6 №№ „СТРАХОПУДА.“

1.

Что общаго между австрійскими славянами, нѣмцами и мадярами.

Говорятъ, что нѣтъ ничего общаго между австрійскими славянами, нѣмцами и мадярами; Страхопудъ находитъ, что, хотя между этими тремя народностями господствуетъ вѣчный антагонизмъ и вражда, все таки у нихъ есть что-то общее: И такъ напр. нѣмцы и мадяры боятся панславизма, славяне тоже боятся панславизма; нѣмцы и мадяры, опасаясь народнаго объединенія славянскихъ племенъ, желаютъ, чтобы славяне придерживались принципа федераціи,— славяне тоже стремятся къ федераціи; нѣмцы и мадяры желаютъ вѣчно господствовать надъ славянами,— славяне помогаютъ на дьямъ поработать себя самихъ нѣмцамъ и мадярамъ.

2.

TESTIMONIUM MORALITATIS—Свидѣтельство нравственности.

(Необходимо нужное приложение къ познійшей польской пресбѣ, адресованной на имя „дѣла народовъ и правительство Европы“ (*).

Со стороны страхопудскаго надзирательства за нравственностью— заявляется по совѣсти всѣмъ и каждому, кому о семъ знать

(*) Какъ извѣстно, составили поляки (т. е. шляхта и ошляхтившаяся „интеллигенція“) просьбу de dttto 26 Дек. п. г. „ко всѣмъ народамъ и правительствамъ Европы. Въ этой просьбѣ исчисляють они всѣ свои страданія, прося сочувствія и помощи. Такъ какъ просители забыли приложить необходимый для такой просьбы аттестатъ нравственности, то и постигаетъ Страхопудъ выдать полякамъ такое свидѣтельство.

подобаеть, что такъ называемая «Польша», дочь Февдализма и Деморализаціи, вѣронсповѣданія римско-аристократическаго, воспитывалась езуитами. Преисполнена езуитизма и аристократизма, она истребляла повсюду демокрацію въ какой бы формѣ она ни являлась: и она преслѣдовала славянскія демократическія начала не только въ жизни соціальной и политической, но даже въ религіозной, истребляя народное демократическое славянское православіе и вводя на его мѣсто аристократическій централизующій, чужій— римскій религіозный деспотизмъ. Служа такимъ образомъ чужимъ богамъ, она дѣйствовала безсознательно лишь въ пользу чужихъ, а во вредъ интересовъ своего собственнаго народа. Потому то народъ никогда ей не сочувствовалъ и теперь еще не сочувствуетъ, такъ якъ госпожа Польша еще и теперь не перестала служить чужимъ неславянскимъ и ненароднымъ богамъ. Потерявъ власть и господство, она старатется всѣми силами продолжать «свою миссію», несмотря на то, что исторія и народъ ужъ давно осудили ту «миссію». Имѣя горячій темпераментъ и встрѣчая въ стремленіи своемъ естественныя препятствія, она еще болѣе горячится и, въ экстазіеѣ, теряетъ присутствіе ума, ослѣпляется совершенно. Чувствуя немоць свою, она, въ воспаленномъ состояніи ума, нерѣдко впадаетъ въ бѣшенство, и, мстясь на своемъ притивникѣ, никакъ не разбираетъ средствъ, но часто впадаетъ въ самыя простыя преступленія. До какой степени подъупала нравственность Польши въ настоящую пору, и какимъ образомъ ея натура умѣетъ пользоваться властью и свободою, доказываетъ ея нынѣшнее поведеніе въ Галиціи. Вотъ какихъ злыхъ, безстыдныхъ, безчестныхъ, античеловѣческихъ, варварскихъ и подлыхъ средствъ хватается та «благородная польская нація», чтобъ истребить русскую народность на русской же земли,— въ Галиціи:

Русь имѣетъ свой словяно-русскій обрядъ. Чтобъ русскій народъ раздѣлить и ослабить, поляки, зная, что самымъ сильнѣйшимъ оплотомъ русской народности есть русская народная церковь, вознамѣрились прежде всего раздѣлить эту церковь. Это имъ и удалось посредствомъ такъ называемой уніи, которую приняла часть духовной, отъ Польши зависимой іерархіи. Чтобъ еще больше отдѣлить церковь русско-уніятскую отъ церкви русско-православной, стали поляки всѣми возможными средствами латинизовать обрядъ уніатовъ, хотя это противно условіямъ уніи, и запрещалось даже римскими папами. Поляки успѣли. Теперь, когда благороднѣйшая часть русскаго духовенства, ссылаясь на буллы папъ римскихъ и на букву церковнаго закона, начала въ томъ отношеніи противодѣйствовать латинизаціи и русскій обрядъ отъ латинизмовъ очищать,— что же, думаете вы, «народы и правительства Европы», какими средствами противодѣйствуютъ съ своей стороны подлѣи сему справедливому, благородному и вполне чистому начинанію духовенства?? Вотъ узнайте:

не только что преслѣдуютъ до крайности тѣхъ благородныхъ священниковъ всѣми возможными способами, но стали издавать въ Львовѣ газетку для народа п. з. „Tygodnik Niedzielny“ въ которомъ пишутъ темнымъ мужикамъ разныя басни и вѣдѣности...

3.

MODLITWA NOWA

na starą nótę.

Boże, coś Polskę przez tak liczne wieki
Trzymał na hańbę całego Słowianstwa,
Gdzie szlachcic broi, a lud, bez opieki,
Jęczał, brzemienny okową poddaństwa;
Przed Twe Ołtarze zanosim błaganie,
Byś dawniej Polski nie wskrzeszał nam, Panie.

Ty, któryś potem łzami ludu tknięty,
Rozproszył w nicość nieświętą jój sprawę,
By świat Twój uznał, żeś Ty niepojęty,
Wszechsprawiedliwy, Wielki i Łaskawy;
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Niedawnoś zabrał w zakordońskiej Rusi
Przywilėj szlachcic—dzięki Ci, o Boże!
Jakżeż to błogo w tēj ziemi być musi,
Gdzie szlachcic chłopa przygnębiać nie może!
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Wróc naszėj ziemi, co Polska zabrała:
Biédnym wieśniakóm ich lasy i łany,
Niechaj ożyje Ruś cała,
Otrząsłszy z siebie niewoli kajdany.
Przed Twe Ołtarze i t. d.

O! weź Polaków, weź z kraju naszego,
A jeżeli nie wiesz, gdzie dać im osadę,
Zabierz ich sobie do królestwa Twego,
Ty prędjéj z nimi dasz tam sobie radę.
Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże, którego ramie sprawiedliwe
 niesłuszne rządy kruszy,
 Zniwecz Polaków zamiary szkodliwe,
 Dzikie nadzieje, które karmią w duszy.
 Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy! my nie prosim cudu:
 «Sto słońc ze szczytu», «aniołów do boju», (*).
 Złącz tylko resztę słowiańskiego ludu
 W jedyny akord anioła pokoju!
 Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy, od którego woli
 Istnienie świata całego zależy,
 Wybaw ród ruski z «rodaków» niewoli
 Od gwałtów sejmu i szlachty grabieży.
 Przed Twe Ołtarze i t. d.

Jedno Twe słowo, wielki gromów Panie,
 «Upiorów ruskich» zamienisz w kozaków....
 A gdy zasłużym na Twe ukaranie,
 W co chcesz nas obróć— tylko nie w Polaków!
 Przed Twe Ołtarze i t. d.

Boże Najświętszy! na krew Nalewajki,
 Gonty, Pawluka— świętych męczenników,
 Wybaw Ruś naszą od szlacheckiej szajki,
 Od rządów Polski i jej popleczników!
 Przed Twe Ołtarze i t. d.

Gdy Polska we krwi tonie z własnej złości,
 My dla poległych modlitwy nie mamy,
 Tak jak i szlachta nie miała litości,
 Gdy lud nasz z głodu marł przed dworów bramy!

(*) W chorale: „Z dymem pożarów“, zachciwa się autorowi doko-
 niecznie cudu:

I patrzym w niebo, czy też ze szczytu
 Sto słońc nie spadnie wrogóm na znak
 Przy końcu zaś powiada już autor apodyktycznie (na pewniaka):
 I z Archaniołem Twoim na czele
 Pójdziemy potem na krwawy bój.

przyp. „Strachopeda.“

Przed Twe Ołtarze zanosim błaganie,
Byś dawnéj Polski nie wskrzeszał nam, Paniel

(I niechaj Polska daléj we krwi tonie,
Pamięć poległych nie będzie nam droga,
Bo Ruś szaleńcom nie uwieńcza skronie:
Kto sam żyć nie chce—szczęśliwa mu droga!...

Przed Twe Ołtarze zanosim błaganie,
Byś dawnéj Polski nie wskrzeszał nam, Paniel!)

(Переводъ).

НОВАЯ МОЛИТВА

по старому напѣву.

Боже, который такъ много вѣковъ сохранялъ Польшу на посрамленіе всего словянства, Польшу, гдѣ шляхтичъ дуралъ, а народъ, безъ покровительства, стоналъ обремененный цѣлыми рабства;

Къ Твоему Престолу возносимъ мольбы, дабы данной Польши не воскрешалъ, Господи!

Ты, который, тронувшись въ послѣдствіи слезами народа, въ ничто обратилъ несвятую ея славу, да узнаеть міръ, что Ты Непостыженъ, Справедливъ, Великъ и Милосердъ;

Къ Твоему Престолу и проч...

Недавно, Господи, Ты отнял въ заграничной Россіи у шляхты привилегіи — благодареніе Тебѣ, Боже! Какъ же хорошо должно быть въ этой странѣ, гдѣ шляхтичъ *хлопа* (мужика) уже не можетъ угнетать!)

Къ Твоему Престолу и проч.

Возврати нашей землѣ то, что отняла Польша: бѣднымъ земледѣльцамъ ихъ лѣса и поля, да воскреснетъ вся Русь, страхнувъ съ себя узы неволи.

Къ Твоему Престолу и проч...

Боже, котораго правосудная десница сокрушаетъ неправедную власть уничтожь зловредныя затѣи поляковъ и дикія надежды, которыми пропитаны ихъ души.

Къ Твоему Престолу и проч...

Пресвятый Боже! мы не просимъ чуда: «Ста солиць на

тверди,» «ангеловъ въ битвѣ» (1), — соедини только остатки славянскаго племени въ одинъ акордъ ангела мира!

Къ Твоему Престолу и проч...

Пресвятый Боже! отъ воли котораго зависитъ существованіе всей вселенной, освободи русскій народъ изъ неволи «земляновъ» отъ насилій сейма и грабительства шляхты.

Къ Твоему Престолу и проч...

Пресвятый Боже! — ради крови святыхъ мучениковъ: Наливайки, Гонты, Павлюка, избавь нашу Русь отъ шлякетской шайки, отъ польскаго управленія и его сторонниковъ!

Къ Твоему Престолу и проч...

Когда Польша тонетъ въ крови по собственной своей злобѣ; мы для падшихъ не имѣемъ молитвы, такъ какъ и шляхта не имѣла жалости, когда нашъ народъ умиралъ отъ голода у воротъ (панскихъ) дворовъ!

Къ Твоему Престолу и проч...

(Пусть себѣ Польша и дальше тонетъ въ крови, память падшихъ для насъ не будетъ дорога, ибо Русь чела безумцевъ не украшаетъ вѣнцами: Кто самъ не хочетъ жить — счастливая ему дорога!...

Къ Твоему Престолу возносимъ мольбы, дабы давшей Польши не воскрешалъ, Господи!)

4.

Разговоръ чертей въ аду (*).

Русскій чортъ (къ нѣмецкому и польскому): Знаете вы, братцы, що! — мнѣ дѣется великая кривда! Вы получаете каждый день о много больше душъ, чѣмъ я. Мнѣ кривда. Если вы мнѣ непоможете, то я буду жаловатися предъ люциферомъ, который намъ всѣмъ далъ равныя права.

Польскій чортъ: Шо ты, шо ты — развѣ мы тобѣ непомагаемъ? Вѣдь мы притѣсняемъ, на сколько можемъ, твоихъ русскихъ галичанъ, щобъ принудити ихъ измѣнити своей вѣрѣ и своему народу, и щобъ такимъ образомъ попали души ихъ въ твои руки.

(1) Въ гимнѣ «Z duchem rożarów» (Съ дымомъ пожаровъ) автору хочется непременно чуда:

«И посмотримъ на небо, не упадетъ ли изъ тверди сто солнць въ знаменіе врагамъ...»

Подъ конецъ же этого гимна, авторъ уже положительно говоритъ:

«И съ Твоимъ Архангеломъ во главѣ, пойдемъ потомъ въ кровавый бой.»

(2) Удерживаемъ языкъ подлинника. Ред.

Русскій чортъ: Ну да — по результаты то якіи? Нѣсколько «rozładnych» и «prawdziwych» — попадаеть, правда, въ мои руки, но зато большая часть погибающихъ отъ нужды и голода — попадаютъ просто въ небо.

Польскій чортъ: Ну — развѣ мы виноваты, що русскіи люди такіи тверды въ своей вѣрѣ, що, несмотря на всѣ притѣсненія и гоненія со стороны нашихъ, все таки немного отпадаютъ отъ своей вѣры и народности? Развѣ мы тому виноваты, що такий Наумовичъ, которого наши до такой степени притѣснули, що даже не въ состояніи послати дѣтей въ школу, що мимо крайней нужды — все таки неотступаетъ отъ русскаго народа и нехочеть сдаться Полякамъ, хотя ему и толстую парафію обѣщаютъ? Развѣ я виноватъ, що русское духовенство, несмотря на зависимость свою отъ польскихъ патроновъ, мимо обѣдности, мимо деморализующихъ примѣровъ, — все таки въ большой части остается вѣрнымъ и преданнымъ своей вѣрѣ и своему народу. Ты знаешь, що за моимъ побужденіемъ издается во Львовѣ и «Tygodnik niedzielny» — единственно въ сей цѣли, чтобы приобрести собѣ и тобѣ побольше душъ. Пожди, братъ! Вѣдь результаты будутъ непремѣнно.

Русскій чортъ (обращаясь къ нѣмецкому): Ну, а тыто що хорошого для мене сдѣлалъ?

Нѣмецкій чортъ: Weg — ich? якої ты дурна ruthenischer чортъ? Ты такой dumm, якъ и твои Ruthenen: Wie so я для тебе ничего несдѣлалъ? Развѣ ты того такъ неможешь понять, якъ и твои Рутены, що и старшій чортъ, и що все, що дѣлаеть для тебе polnischer чортъ, то дѣлаеть для того, ибо я ему позволилъ?!... Uebrigens — знаешь Ты що — weisst du was, Bruder — я тебѣ посоветую — якимъ образомъ могъ бы ты всѣхъ Рутеновъ безъ малѣйшого труда получить. Напиши имъ, что тутъ въ пеклѣ будетъ рейхсратъ — то они сейчасъ всѣ сюда пріѣдутъ — ха, ха, ха, ха, ха! (всѣ черты къ пеклѣ смѣются съ русскаго armer Teufel).

Русскій чортъ: Неужели пріѣдутъ?

Нѣмч ии чортъ: Ну да — ich sag' dir — что пріѣдутъ — kommen alle herunter! ха, ха, ха, ха!...

Польскій чортъ: I ja ci poradzę: отправися Ты во Львовъ и ступай до св. Юра, щобъ тебе тамъ «probitogosiawili» на доброе дѣло и «wypili» за твое здоровье — а все пойдетъ хорошо. Ха, ха, ха, ха, ха?

Русскій чортъ: Що Ты — съ ума спелъ? Якъ же то возможно, щобъ тамъ благословили чорта?

Польскій чортъ: Ну-дурный, разумѣется — непоблагословятъ тебе въ видѣ чорта; но ты переимѣнися въ человека и явись въ видѣ якого нибудь польскаго графа — а увидишь; що — ха, ха, ха, ха, ха! — (смѣются всѣ чорты въ пеклѣ).

Б.

Матеріалы, приготовленные „Страхопудомъ“ для польской эдукаціонной комиссіи, занимающейся исправленіемъ учебниковъ для галицкихъ школъ.

Значчи, якимъ принципомъ наміряеть руководитися эдукаціонная комиссія, предпринявшая исправленіе учебниковъ для Галицкой молодежи, считаетъ Страхопудъ своею должностію, въ цѣли пособленія важному дѣлу, обратити вниманіе комиссіи особенно на слѣдующія, *dla naszej młodzieży* совсѣмъ несоотвѣтныи и деструктивныи положенія въ разныхъ, въ школахъ преподаваемыхъ наукахъ. И такъ:

1) *Въ библейной исторіи*, гдѣ говорится о «трехъ волхвахъ, пришедшихъ отъ востока» (*trzech mędrcach od wschodu*); Страхопудъ совѣтовалъ бы то преданіе исправить и вмѣсто «*od wschodu*» написать «*od zachodu*», чтобы случайно *młodzież nasza* не соблазнилася и не думала, что *małdrość wyszła ze wschodu*. Желательно было бы также, чтобы вмѣсто «*Юда продалъ Спасителя за 30 серебрянниковъ*» написать: *Judasz sprzedał Zbawiciela za 30 rubli moskiewskich* (*).

2) *W katechizmie dla dzieci*, гдѣ говорится, что «люди сотворены по подобію и образу Божому»; тутъ нужно еще прибавить: *wyjąwszy Moskali*, gdyż oni, jak to «*Gazeta Narodowa*» słusznie zauważała, mają w sobie więcej coś «*zwierzęcego*». Дальше, наука о св. Троицы есть изложена, якъ извѣстно, особенно для малыхъ дѣтей, въ дуже абстрактной и трудной для понятія формѣ; не хорошо ли было бы указать на Польшу, которая, хотя была составлена изъ трехъ народностей (Польши, Литвы и Руси), тѣмъ не меньше представляетъ *jeden naród polski!*

3) *Въ исторіи церковной*. Якъ извѣстно стоитъ въ учебникахъ, что и *Moskwa jest chrześcijańska*, а даже твердятъ, что «*szuzma moskiewska*» самая ближшая «*katolickiemu kościołowi*», ближшая даже якъ вѣроисповѣданіе *мותרанское, кальвинское, англиканское* и пр.; такое ученіе самое пагубное для «*naszej młodzieży*». Желательно, чтобы въ новыхъ учебникахъ было сказано, что *szuzma* а хуже *мותרанизма, кальвинизма* и даже— «*od mojżeszowego wyznania*» и *маюмеднизма*— *jednym słowem: najgorsza na całym świecie*.

(Продолженіе впереди).

(*) Якъ то уже дѣйствительно одинъ *bardzo* czcigodny i *świętobliwy* ks. katecheta w K...-ой школѣ *bardzo* trafnie wyraził się.

6.

Докторъ Страхопудъ на визитѣ у больной Полони.

Докторъ Страхопудъ: Знаячи о твоей долголѣтней болѣзни и узнавши якъ безсовѣстно твои польскіи лѣвари-шарлятаны съ тобою поступаютъ, счелъ я, наконецъ, своимъ докторскою обязанностию посѣтить тебе, Полонія, чтобъ сообщить тебѣ свой совѣтъ.

Полоня: (кричить) Aj! moska! moska! chce mnie otu! Niechcę! niechcę!

Докторъ Страхопудъ: No, no, no — niech się Wielmożna Pani Dobrodziejka uspokoi! Я тебѣ ничего злого неслѣдамъ и отъ твоей воли зависѣти будеть моему совѣту послѣдовать — или нѣтъ; я же хочу лишь свою должность выолнити, чтобъ послѣ суда исторіи неупрекнулъ Доктора Страхопуда, что онъ, будучи такъ славнымъ медикомъ, непробовалъ тебе, вылѣчить!.... Позволь же несчастная, увѣрити тебѣ, что всѣ твои муки и страданія, который терпишь *теперь*, суть лишь результатомъ шарлятанизма, который тебѣ хочетъ усчастливити шайка твоихъ польскихъ лѣварей-литераторовъ. Сии безсовѣстные шарлятаны, вмѣсто того, чтобъ прежде всего приостановити ненормальное волненіе твоей крови, и дати твоему розстроеному организму не много необходимаго покоя — то они, эти глупыи шарлятаны, безпрестанно занисуютъ тебѣ самыи сильно-возбуждающіи средства, которые возбуждаютъ твои нервы, волнуютъ твою кровь и раздражаютъ умисль. Въ слѣдствіе того ты попадаешь непрестанно къ делириумъ, шалѣешь, дѣлаешь комедіи, надѣваешь на себе *łałobe*, навѣшиваешь на себе крестовъ, *łańcuchów*, *szkarłézy*, кричишь, лжешь, ругаешь, проклинаешь, плачешь, а послѣ вновь иллуминуешь, танцуешь, свою невинную сестру Русь прослѣдуешь, бьешь и опять сама плачешь, — а твои лѣвари-шарлятаны принимаютъ то все твое шаленство за признаки здоровой возбужденной жизни, кричатъ на весь свѣтъ: *Jeszcze Polska niezginęła*, и такимъ способомъ обманиваютъ тебе напрасно!.... Если не хочешь, любезная, преждевременнѣ, попроситися съ симъ свѣтомъ, то я совѣтую тебѣ: прогони прежде всего своихъ глупыхъ шарлятановъ отъ себе вонъ, и неслушайся ихъ! Они тебе никакъ недопровадятъ до счастья, а скорше прекратятъ твою жизнь, наготовивши тебѣ еще больше неслыханныхъ мукъ и страданій! Вотъ посмотри хотя бы лишь на того директора безсовѣстныхъ шарлятановъ — «*króla Jana IV*», который тебѣ теперь такъ страшно въ свои сѣти зануталъ и столько бѣдствій приготовилъ. Онъ тебѣ льститъ, удовлетворяетъ лишь твоимъ страстямъ, ослѣпляетъ тебе всегда больше и больше, и ты думаешь, несчастная, что онъ твой самыи лучший пріятель, — а между тѣмъ онъ *de facto* вредитъ тебѣ болѣ

ше всѣхъ. Подумай, кто собственно якъ не онъ съ другими шарлятанами наточилъ «*potoki krwi i rzeki łez,*» о которыхъ тобѣ геворить, что будто «*barbarzyńska moskwa niewinna polską krew przelewa.*» Кто якъ не они принудили Доктора Муравьева оперовати твое тѣло? Кто якъ не они уговорили тебе упорствовать противъ острей муравьевскаго ножа? Кто, если не они острятъ опять ножи для новой операціи? Кто если не они, заставляя тебе мучити несчастную Русь галицкую, уничтожаютъ къ тебѣ всю симпатію во всей Славянщинѣ? Кто если не они, вмѣсто ослабити или уничтожити, противодѣйствующую тебѣ силу, ее своими поступками постоянно лишь скрѣпляютъ? Кто, наконецъ, если не тѣ шарлятаны довели тебе до того, что ты, на все глухая, слушаешся лишь тѣхъ, которые тебѣ льстятъ и твоимъ страстямъ удовлетворяютъ?.... Полонія! Полонія! помни, что сладкость лѣкарства не есть еще вѣрнымъ признакомъ его доброты, а что, напротивъ, всѣ лѣкарства (якъ для тѣла, такъ и духа) обыкновенно бывають горькими и неприятными для вкуса, но за то благотворными для организма. Опомнись, наконецъ, и познай сама себе!

Полонія: Gwałtu! agent moskiewski chce mnie obałamucić, i na złą drogę naprowadzić!....

Докторъ Страхонудъ: Прощай неизлѣчимая!

7.

Пожорнѣйшая просьба къ монархамъ, которымъ ввѣрена судьба польскаго народа.

Ваши Величества!

Страданія и муки, которыя претерпѣла и терпитъ несчастная нація польская, суть такъ велики и ужасны, что побудили меня, ниже подписанную, вникнуть глубже въ причины этого жалкаго явленія и просить для несчастныхъ возможнаго прекращенія ихъ безконечныхъ страданій.

Никто не сомнѣвается, что правительства, управляющіе частями бывшей «рѣчи посполитой», отъ души желали бы примирить поляковъ и сдѣлать ихъ участниками всѣхъ благъ, какими пользуются народы, вѣрные государству. Къ сожалѣнію польская шляхта и такъ называемая «интеллигенція», несогласяясь съ условіями политической зависимости, дѣлаетъ невозможными всѣ, хотя бы и наилучшія намѣренія владѣющихъ правительствъ. Всякій человѣкъ имѣетъ право требовать независимости для себя—но только для себя, если онъ несвязанъ съ обществомъ въ какомъ

нибудь отношеніи: въ этомъ человѣческомъ правѣ не стѣсненъ ни одинъ полякъ. Но шляхтичи требуютъ возвращенія своей прежней власти и господства— и то отъ имени народа, который ихъ и знать нехочетъ, и ихъ господства вовсе не желаетъ. Тутъ шляхта и «интеллигенція» непользующаяся довѣріемъ народа— неправы, и потому справедливо преслѣдуются всѣ революціонныя ихъ дѣйствія въ этомъ направленіи. «Поляки» бунтуются— ихъ наказываютъ сурово, поляки опять бунтуются, ихъ наказуютъ еще строже, они еще бунтуются, ихъ наказываютъ еще суровѣе, они еще бунтуются— и такъ безъ конца!.....

Извѣстное дѣло, что между бунтовщиками польскими, большинство— люди необразованные, неумѣющие дать себѣ отчета изъ своихъ политическихъ дѣйствій и стремленій. Эти люди погибаютъ напрасно и невинно, такъ какъ ихъ только обманули бесовѣстныя агитаторы и фанатики есендзы. Тысяча молодыхъ людей падаютъ жертвою бѣшеной польской пропаганды, которая до такой степени овладѣла польскимъ обществомъ, что самостоятельное развитіе одинокихъ индивидуальностей— это первое и единственное условіе всесторонняго и объективнаго развитія каждаго общества— сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ. Очевидное дѣло, что при такихъ условіяхъ нормальное развитіе польскаго общества— немыслимо, немыслимо потому, что польская пропаганда, овладѣвшая литературою, уничтожила свободу и всю независимость лица. Изъ этого и выходитъ, что польская пропаганда проскрибуетъ уже дѣтей въ утробахъ матерей. Спрашивается теперь— чѣмъ виновато дитя въ утробѣ матери, что оно родится на свѣтъ при такихъ варварскихъ условіяхъ, что оно воспитывается именно въ извѣстномъ направленіи, что ему отнята возможность развитія самостоятельно?? Виновато-ли то польское дитя, что логика фактовъ доведетъ его подъ висѣльницу? Нѣтъ, а виноваты условія и обстоятельство, т. е. виноваты виновники (Urheber) тѣхъ условій и обстоятельствъ!... А между тѣмъ ни какъ невозможно и непозволительно не наказывать тѣхъ «невинныхъ» преступниковъ!... Извѣстно, что всѣ мѣры, принятія противъ упомянутой душегубной польской пропаганды, оказались недостаточными. Опытъ показываетъ, что эту польскую заразу нескоренишь никакими средствами духа, ибо духъ и сердце польскіе, зараженные духовною шляхетско-польскою чумою, находятся, такъ сказать, уже въ закоисѣломъ состояніи. Нынешнюю генерацию, ужъ спасти нельзя. Возможно же спасти еще только незараженную массу народа. Единственный же способъ спасти незараженныхъ— есть: отрѣзать совершенно зараженную часть отъ незараженной.

Слѣдуетъ для того основать гдѣ нибудь за Ураломъ для польской шляхты и шляхтизированной ея «интеллигенціи» и есендзовъ новую «ойчизну», а чтобъ нескучно было имъ въ этой новой ойчизнѣ, то переселить туда также и всѣхъ «braci mojżeszowego wuznania» — и оставить имъ полную свободу со всѣми шляхетскими правами и

привилегіями. Мѣра такого рода, хотя сама по себѣ и строга, но такъ какъ принята для блага огромнаго большинства славянскаго народа и для спасенія отъ навѣрной погибели всѣхъ будущихъ генерацій польскихъ, вполне оправдана и, ей Богу, гуманна.

О томъ просить:

Гуманность с. р.

vidi: *Докторъ Ст ахопудъ,*
Защитникъ правъ человѣчества.

8.

Строгая консеквенція гр. Борковскаго.

Графъ Борковскій не признавалъ въ Галиціи русской народности, и на томъ основаніи не признавалъ никакихъ правъ непризнанной народности. Якъ скоро лишь партія польская признала какъ на сеймѣ русскую народность, такъ сейчасъ и поднесъ гр. Борковскій свой голосъ и требовалъ для консеквенціи признанія народныхъ правъ для признанной народности. За то обругали поляки почтеннаго графа и назвали его измѣнникомъ. На ругательства отвѣтилъ графъ публично, что онъ, несмотря на всякія противности, останется всегда консеквентнымъ и вѣрнымъ своему убѣжденію.— Несмотря на такое противное польскому направленію заявленіе графа, выбрали поляки его теперь опять своимъ депутатомъ на сеймъ; «консеквентный» графъ Борковскій требуетъ теперь, чтобъ въ львовскомъ университетѣ преподавательнымъ языкомъ былъ исключительно языкъ польскій....

Общественное мнѣніе хочетъ видѣть теперь крайнюю неконсеквенцію въ поступкахъ гр. Борковскаго, но Страхопудъ, который смотритъ на все съ „вышей точки зрѣнія“, не видитъ тутъ никакой неконсеквенціи: вѣдь Графъ Борковскій прежде всего— полякъ и представляетъ собою въ пѣкоторой степени фактора въ польской исторіи; а такъ какъ въ исторіи неконсеквенція— немислима, то, стало быть, графъ Борковскій поступаетъ все таки консеквентно.

9.

Какъ высоко цѣнить австрійское правительство пріязнь Россіи.

Извѣстно, что австр. правительство не хочетъ отпустить нѣсколькихъ гимназіальныхъ учителей, которыхъ русское мини-

старство пригласило изъ Галиціи на службу въ Россію, пока не будутъ уплачены стипендіи получаемыя когда-то тѣми учителями. Такъ какъ эта мѣра австр. правительства не опирается ни на какомъ положительномъ законѣ, и такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ она никогда не принималась въ отношеніи ко всѣмъ другимъ правительствамъ, то и оно, что русское правительство можетъ видѣть въ упомянутой австр. мѣрѣ все другое, только не актъ сосѣдской пріязни. Вся же корысть, которую можетъ принести Австріи принятая мѣра, состоитъ въ нѣсколькихъ тысячахъ гульденовъ, которые въ финансахъ государства значатъ столько что = 0. Изъ этого и слѣдуетъ, что пріязнь Россіи значитъ для Австріи = 0; изъ чего опять слѣдуетъ, что Австрія сильна и могущественна— какъ ни одно государство въ Европѣ.

10.

З А П Р О С Ъ.

Я, ниже подписавшійся, полагаю, что моя уніятская вѣра самая лучшая. Какъ честный и праведный человекъ, желающій всѣмъ своимъ ближнимъ царствія небеснаго, желаю бы я обратить всѣхъ иновѣрцовъ въ уніятство; но такъ какъ всѣ иновѣрцы, къ сожалѣнію, считаютъ каждый свою вѣру самою лучшою, то и не возможно мнѣ обратить ихъ добровольнымъ способомъ въ мою уніятскую вѣру. Мнѣ представляется случай, однакожь, обратити въ уніятство нѣсколькихъ лицъ, именно дѣтей, немѣющихъ еще религіознаго сознанія, но для этого обращенія необходимо нужно убить ихъ родителей, которые, считая свою вѣру святою, всѣми средствами опираются обращенію ихъ въ уніятство. Дѣло опасное, ибо я самъ могъ бы поплатиться жизнію,—но еслибъ я зналъ, что церковь признаетъ меня, въ случаѣ моей мученической смерти, *святымъ*, т. е, еслибъ я зналъ, что церковь считаетъ такого рода поступокъ— дѣломъ святымъ и богоугоднымъ, то я спокойно рѣшился бы убить всѣхъ хранителей упомянутыхъ схизматическихъ дѣтей!...

Извольте, Ваше Высочество, поучить меня на счетъ этого вопроса!

Салафатъ Дуракъовичъ.

ОТВѢТЪ: Что касается духовной уніятской юрисдикціи, то я не могу рѣшить вамъ вопроса;— но что касается мірскаго правосудія, то могу васъ увѣрить, что, еслибъ только доказано было, что вы не сумасшедшій, васъ непременно повѣсили бы за убійство.

Докторъ Страховуцъ.

II.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Поляки распускают слухи, что будто бы нашъ галицкій митрополитъ намѣренъ отправиться съ депутаціею духовенства въ Римъ, чтобъ присутствовать торжеству канонизаціи гонителя русскаго народа, Иосафата Кунцевича, и что будто митрополитъ нанялъ въ Римѣ для себя и для своей свиты уже 40. комнатъ. Распространяя такіе неимовѣрные слухи, поляки, повидимому, желаютъ совершенно подкопать довѣріе русскаго народа къ его митрополиту и духовной іерархіи, такъ какъ они— поляки— хорошо знаютъ, что нашъ русскій народъ никогда не дойдетъ до такой степени невѣжества и безнравственности, чтобъ почиталъ пролившихъ его предковъ кровь за *тру*—своими святыми. Да, религіозное сознаніе и простой здравый смыслъ нашего народа никогда не могутъ отупѣть до такой степени, чтобъ вину кровопролитія за вѣру, за вѣру, за вѣру, за вѣру, за вѣру, признали дѣломъ святымъ, дѣломъ богоугоднымъ; иначе не узнавалъ бы нашъ народъ сущности вѣры—былъ бы самъ безъ вѣры.

Обращая вниманіе впр. митрополита и всѣхъ духовенства нашего на упомянутые, поляками распускаемые, зловерные слухи, надѣмся, что распространенію ихъ будетъ какъ нибудь положенъ конецъ.—
Отъ страхонудскаго полицейскаго надзирательства за общественною нравственностію и спокойствіемъ.

Страхонудъ.

12.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И МЕЖДУДЕРЖАВНЫЕ РАСЧЕТЫ.

Послѣ венгерской кампаніи 1848 и 1849 г., представило русское правительство австрійскому издержки на вспомогательную армію русскую въ суммѣ 2,500,000 р. Австрійское правительство жаловалось, что Австрія не въ состояніи уплатить такой суммы. Императоръ Николай Павловичъ подарилъ два милліона, а требовалъ только 500,000; но когда Австрія и этой суммы уплатить не могла, то русское правительство приняло всего на все 7000 р. величскою солью. —

Теперь требуетъ австрійское правительство отъ учителей, переходящихъ въ русскую службу, возвращенія стипендіи: (отъ Л.) 1347 + (отъ К.) 1213 + (отъ П.) 860 + (отъ С.) 1580 р. = 5000 р. И русское правительство согласилось, съ тѣмъ, чтобы эта сумма 5000 р. вычитана была отъ 2,500,000 — 7,000 — 2,493,000, а излишокъ въ суммѣ 2,488,000 немедленно уплаченъ былъ Австріей. —

13.

ВОЗМОЖНО ЛИ РАВНОВѢСІЕ (Gleichgewicht) ВЪ ЕВРОПѢ?

Первый витія французовъ—господинъ Тьеръ, старался объяснить въ парламентѣ, что первымъ принципомъ политики должно быть сохраненіе «равновѣсія» въ Европѣ, чтобъ сдѣлать невозможнымъ всемірное владычество, какъ самую опасную форму абсолютизма и деспотизма.

Всѣ здравомыслящіе люди, зная изъ статистики Европы, что въ Европѣ нѣтъ націи, которая обладала бы большимъ числомъ душъ, равнымъ суммѣ всѣхъ остальныхъ народовъ, нераздѣляютъ описанія г. Тьера, и просто не вѣрятъ въ возможность «всемірнаго владычества» (Weltherrgchaft.)

Несмотря на этотъ здоровый аргументъ мыслящихъ людей, не можетъ, однако, Страхопудъ не согласиться съ г. Тьеромъ и нераздѣлять его опасеній (обавъ): безъ всякаго сомнѣнія знаетъ и г. Тьеръ, что въ Европѣ противу стоятъ нынѣ 70-милліонному русскому народу какихъ нибудь 250 милліоновъ другихъ народовъ, но Г. Тьеръ, видя ихъ дряхлость и гнилость, справедливо опасается паденія ихъ самостоятельности; ибо не можетъ порохнавое и гнилое дерево стоять прямо, просто и высоко — на равнѣ съ деревомъ молодымъ, здоровымъ и растущимъ.

И такъ г. Тьеръ говорилъ правду; напрасны были только его совѣты, чтобъ правительство старалось возстановить равновѣсіе въ Европѣ. Между гнилымъ и здоровымъ организмомъ не возстановить равновѣсія и самъ Наполеонъ!—

ПРИЕМЪ ВЪ Г. ВИЛЬНѢ СЛАВЯНСКИХЪ ГОСТЕЙ, ПРОѢЗЖАВШИХЪ ВЪ МОСКВУ НА ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ВЫСТАВКУ.

Вѣсть о принятіи всѣми передовыми заграничными славянами приглашенія отъ учредителей московской этнографической выставки не только доставить разные предметы для этой выставки, но и участвовать въ ней лично, давно пронеслась въ газетахъ и возбудила по всѣмъ концамъ Россіи въ русскомъ народѣ живѣйшую радость, при мысли, что, наконецъ, настало время, что находя-

щієся, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, подъ иноплеменнымъ владычествомъ единокровные наши братья западные славяне, въ лицѣ своихъ представителей, стекутся въ сердце Россіи, — можно сказать, въ сердце всей славянщины, — въ нашу первопрестольную Москву, дабы лично познакомиться, сблизиться и возобновить давній родственный союзъ съ великимъ русско-славянскимъ народомъ, отъ котораго они такъ долго были отчуждены и политикою, и дальностью розстоянія, и незнаніемъ, или лучше сказать, искаженнымъ врагами славянства, среди которыхъ они живутъ, понятіемъ о Россіи, и, наконецъ, разными другими преградами, постоянно поставляемыми ихъ сближенію и знакомству съ нами западными правительствами, — усерднѣйшими агентами которыхъ, въ этомъ отношеніи, постоянно были, злѣйшіе враги наши, поляки.

Одушевилось этою радостью и наше виленское русское общество, но оно еще больше возрадовалось, когда узнало, что путь большинства славянъ, ѣдущихъ въ Москву, избранъ ими чрезъ Варшаву и Вильну. Телеграммы извѣстили насъ о времени проѣзда славянъ чрезъ эти города, о числѣ лицъ вмѣстѣ путешествующихъ и о званіи и фамиліи ихъ. Наше общество единодушно согласилось сдѣлать дружескій, братскій и, сколько возможно, почетный пріемъ во время проѣзда этихъ дорогихъ гостей чрезъ Вильну. Немедленно составилъ комитетъ для ихъ пріема и ко дню пріѣзда славянъ въ Варшаву отправлена была туда депутація отъ общества съ приглашеніемъ ихъ провести къ Вильнѣ хоть однѣ сутки. Предложеніе было принято и славянскіе гости, вступивъ въ Сѣверо-западный край, были пріятно поражены первою встрѣчею русскими въ Гроднѣ, на станціи желѣзной дороги, гдѣ русское общество криками «ура» и другими знаками восторга привѣтствовало ихъ выходъ изъ вагоновъ. Кромѣ того, гремѣла музыка, пѣли пѣсенники, дамы встрѣтили съ цвѣтами, — первый букетъ которыхъ достался знаменитому ученому галицкой Руси, уніятскому священнику, профессору Головацкому; затѣмъ угощали ихъ чаемъ, послѣ котораго провожали ихъ въ вагоны, для дальнѣйшаго шествованія, съ теплыми и душевными пожеланіями счастливаго пути и всякаго благополучія. Эта семейная, можно сказать, встрѣча со стороны русскаго общества древняго русскаго города Гродны, глубоко тронула нашихъ гостей и, такъ сказать, сразу сорвала съ глазъ нѣкоторыхъ сомнѣвающихся изъ нихъ ту повязку, которую навязали имъ враги и клеветники Россіи.

По пріѣздѣ въ Вильну, 6-го числа въ 11-мъ часу вечера, гости наши были встрѣчены собравшимся на платформу станціи здѣшнимъ русскимъ обществомъ, съ душевнымъ восторгомъ и радушіемъ, криками «ура!» Фронтонъ станціи, отъ платформы, былъ иллюминированъ обильнымъ газовымъ освѣщеніемъ. Многіе изъ встрѣчавшихъ нашли между гостями давнихъ, личныхъ, или по перепискѣ, своихъ знакомыхъ, которыхъ привѣтствовалъ братскими объятіями и цѣлованьемъ, а всѣмъ прочимъ

выражали свою радость дружескимъ пожатіемъ рукъ, затѣмъ, наши путешественники, размѣщены были въ экипажи по три чело-вѣка, и съ четвертымъ, назначеннымъ обществомъ, изъ среди его, лицомъ, для осмотра за полнымъ довольствомъ гостей, отпра-вились въ приготовленные для нихъ помѣщенія въ зданіи виле-ской гимназіи, въ конвентѣ, а отъ части, въ Европейской го-стинницѣ, — гдѣ ихъ ожидалъ чай и ужинъ. На другой день, напившись чаю, славяне, въ заготовленныхъ общества экипажахъ, въ сопровожденіи сказанныхъ лицъ — отъ общества, от-правились осматривать городъ, занявшій ихъ своею древностію, разноплеменнымъ населеніемъ и разказами о важнѣйшихъ исто-рическихъ событіяхъ этого города и края; по осмотрѣ города большинство ихъ отправилось (въ томъ числѣ много р. католи-ковъ и между ними три ксендза), въ православный св. Троицкій монастырь, гдѣ присутствовало у литургии, совершенной преосвя-щеннымъ Игнатіемъ, епископомъ гродненскимъ. Величіе богослу-женія и обрядовъ восточной церкви, стройное пѣніе пѣвчихъ на родномъ для нашихъ гостей славянскомъ языкѣ, стро-гий порядокъ и благочиніе въ храмѣ, самое, наконецъ, вели-колѣпное облаченіе служащаго духовенства, его численность и благолѣпная, наружность мастигаго архіерея — произвели ви-димое, благотворно-пріятное впечатленіе на славянъ (даже р. католиковъ, даже ксендзовъ), изъ которыхъ большая часть ни-когда не видала ничего подобнаго у себя дома. Въ особеннос-ти трогало ихъ души славянское пѣніе: мы слышали восторжен-ные отзывы о немъ нѣкоторыхъ, а одинъ ксендзь, почти въ слухъ, воскликнулъ, обращаясь къ своему сосѣду, «тутъ Богъ живетъ!» Разсказываютъ, что нѣкоторые, находясь подъ вліяніемъ этого впе-чатлѣнія, на обратномъ пути изъ церкви, съ ропотомъ изъясляли со-провождавшимъ ихъ въ экипажахъ русскимъ вильянамъ, свое сожа-лѣніе, что навязанное славянамъ Римомъ латинство, лишило ихъ сла-дости молиться и славить Бога пѣснопѣніями на родномъ языкѣ. А со-путствовавшій со мною ксендзь говорилъ мнѣ, что славяне р. като-лики въ Славоніи давно уже поняли несообразность употребленія ла-тинскаго языка въ славянскомъ народѣ для богослуженія, потому и уполномочили своего епископа просить папу о разрѣшеніи пере-вести богослужебныя книги и литургію на славянскій языкъ, на возвращеніе же мое: зачѣмъ понапрасну трудиться надъ новымъ переводомъ, который, быть можетъ, выйдетъ и неудачнымъ, когда есть готовый кругъ богослужебныхъ книгъ, переведенныхъ на славянскій языкъ равно-апостольными св. Кириломъ и Меодіемъ и другими славянскими вѣроучителями, — онъ отвѣчалъ: «да, я только теперь вижу, что это правда.»

По окончаніи обѣдни, принявъ, при выходѣ изъ церкви, архіе-рейское благословеніе отъ преосв. Игнатія, наши гости посѣтили православную литовскую семинарію, гдѣ, въ столовой залѣ, въ ко-торой находились уже за столами воспитанники, встрѣчени были

ректоромъ ея, архимандритомъ Іосифомъ, послѣ пѣнія «достоинно» и пасхальнаго канона, краткою, но въ высшей степени воодушевленной рѣчью, въ которой, между прочимъ, о. ректоръ уяснилъ воспитанникамъ многознаменательное значеніе перваго сѣзда славянъ въ Россію вообще и посѣщенія ими г. Вильны и семинаріи въ особенности, и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовала это ихъ посѣщеніе, какъ радостное для русскихъ вильнянъ событіе. На эту, умилившую какъ гостей, такъ и насъ присутствующихъ тутъ русскихъ, рѣчь, отвѣчалъ протоіерей о. Даниилъ изъ Далмаціи, благодарственнымъ словомъ за вниманіе и любовь къ гостямъ „старшихъ ихъ братьевъ“, здѣшнихъ русскихъ, и выражалъ надежду прежде на Бога, потомъ на великаго славянскаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА всероссійскаго и на русскій народъ, что недалекъ то время, когда, подѣ водительствомъ этого народа и его повелителя, всѣ славяне сольются въ одну семью,—если не въ политическомъ, то въ духовномъ и даже религіозномъ отношеніяхъ,—и что этого вождѣннаго событія дождутся, «если не мы старики,» то предстоящіе юные воспитанники. Всѣ гости и всѣ предстоящіе въ залѣ воскликнули: «да будетъ тако! да будетъ тако! да здравствуетъ великій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II, да здравствуетъ Россія, да здравствуютъ всѣ славяне и ихъ братнее единеніе! ура! ура! Вслѣдъ за тѣмъ пропѣто было многолѣтіе и гимнъ Боже Царя храни. Наконецъ, клики общаго одушевленія прервалъ профессоръ Головацкій. Онъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ семинаристамъ о значеніи воспитанія въ православномъ и національномъ духѣ, о племенномъ родствѣ ихъ съ заграничными славянами, въ особенности галицко-русскими, и о той благодарности, какую они должны всегда питать къ своему МОНАРХУ, Освободившему 20 милліоновъ народа изъ рабства и облагодѣтельствовавшему Россію многими полезными для нее реформами, и заключилъ рѣчь повтореніемъ тѣхъ же надеждъ, какія высказалъ о. Даниилъ. Оглушительное ура! было отвѣтомъ всего собранія на эту рѣчь, и вслѣдъ за тѣмъ воспитанники пропѣли «Славься,» пѣніе котораго привело славянъ въ такой восторгъ и умиленіе, что многіе изъ нихъ пролили обильныя ручьи слезъ.

По осмотрѣ семинаріи, которой чистота и опрятность вызвала громкій отзывъ одного изъ гостей, что подобнаго заведенія, для духовныхъ воспитанниковъ, ему не случалось видѣть за границею, наши гости сдѣлали визитъ г. главному начальнику края, а затѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ посѣтили и г. попечителя виленскаго учебнаго округа. (*).

(* Къ величайшему сожалѣнію нашему и нашихъ гостей, высокопреосвященный нашъ митрополитъ Іосифъ, по болѣзни, не могъ принять ихъ—жаждущихъ, по словамъ большинства изъ нихъ, получить архипастырское благословеніе отъ сего знаменитаго поборника русской народности и православія,—значить и интересовъ всего славянства,—въ западной Россіи іерарха; но многіе изъ нихъ, въ знакъ уваженія и преданности своей этой исторической личности, явились въ приемную его дома записать въ визитной книгѣ свои фамиліи.

Остающееся, послѣ этихъ визитовъ, время до обѣда, часть славянъ посвятила на осматриваніе города, а большинство поѣхало въ музей. Здѣсь особенное вниманіе ихъ привлекло собраніе древнихъ славяно-русскихъ рукописей, на пергаментѣ, и старовѣчатныхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Присутствовавшій же при семъ смотрѣ редакторъ Вѣстника западной Россіи раздалъ, на память, каждому изъ гостей по нѣскольکو изданныхъ имъ брошюръ, а нѣкоторымъ и по экземпляру издаваемого имъ журнала за всѣ годы изданія.

Между тѣмъ прибыла въ Вильну другая часть, оставшихъ по разнымъ причинамъ, путешественниковъ: нѣскольکو человекъ изъ Далмаціи и знаменитые чешскіе ученые Палацкій и Ригеръ: вмѣстѣ съ прибывшими число нашихъ гостей возросло до 70 человекъ.

Обѣдъ происходилъ въ залахъ виленскаго дворянскаго клуба въ пятомъ часу по полудни. Ему предшествовала весьма обильная закуска. Всего, вмѣстѣ съ гостями, собралось болѣе 200 человекъ, въ числѣ которыхъ было все виленское почетное православное духовенство, гражданскій губернаторъ, попечитель виленскаго учебнаго округа, помощникъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа, почти всѣ находящіеся въ Вильнѣ генералы и штабъ-офицеры, представители всѣхъ вѣдомствъ, начальники и наставники почти всѣхъ учебныхъ заведеній, гражданскіе чиновники разныхъ вѣдомствъ и разныхъ званій здѣшніе, болѣе почетные, русскіе люди, не только православнаго, но и лютеранскаго вѣроисповѣданій. Изъ р. католиковъ находились только три человека—испытанной впрочемъ преданности къ Россіи. Во время обѣда, на хорахъ, оркестръ театральнаго музыканта, подъ дирижерствомъ балетнаго дирижера с.-петербургскихъ театровъ г. Зеленова, исполнялъ однѣ только русскія и славянскія національныя пьесы. Мотивы изъ «Жизни за царя», весьма искусно разыгранные, производили на всѣхъ приятное впечатлѣніе.

Во время обѣда первый тостъ поднять былъ за здоровье Государя ИМПЕРАТОРА и встрѣченъ былъ съ всеобщимъ восторгомъ, и народный гимнъ былъ повторенъ два раза. За тѣмъ, подъ конецъ обѣда и послѣ обѣда, было сказано нѣскольکو привѣтственныхъ, со стороны русскихъ хозяевъ, рѣчей, на которыя гости отвѣчали душевнѣйшими словами. Говорили рѣчи: сербскій ученый г. Политъ, отецъ Данилъ изъ Далмаціи, Ригеръ, Милонъ-Миличевичъ, Головацкій и Ливчакъ, издатель «Страхопуда». Всѣ эти рѣчи были проникнуты глубокимъ къ намъ сочувствіемъ, сознаниемъ великихъ заслугъ Россіи для славянства, радостью при мысли, что настала пора, когда свободно, при свѣтѣ дня, западный славянинъ можетъ высказать горячее сочувствіе своему старшему брату русскому, когда онъ, не боясь преслѣдованій, какъ то бывало прежде, можетъ смѣло отправиться въ путь по Россіи. Нѣкто-

рые въ рѣчахъ своихъ выражали также надежду, что это первое прїшествіе всѣхъ передовыхъ людей— представителей западныхъ славянъ— въ Россію, послужитъ началомъ полнаго ихъ сближенія съ старшими ихъ братьями русскими и духовно-религіознаго слїтія въ одну славянскую семью, члены которой разрознены политическими событіями и разностью вѣроисповѣданій. Были и такіе, которые громко жаловались на поляковъ,— единственныхъ теперь выроdkовъ славянства,— своими кознями, лжею и клеветами, постоянно мѣшавшихъ этому вождѣльному сближенію. При чемъ, по временамъ; раздавались крики «враги поляки! они одни враги наши! враги всего славянства!» и эти и симъ подобныя восклицанія происходили преимущественно изъ кружка славянскихъ гостей. Послѣ каждой рѣчи всѣ толпою двигались къ говорившему съ радостными кликами, чокались съ нимъ и между собою и цѣловались по братски. Тостъ слѣдовалъ за тостомъ; оркестръ игралъ каждый разъ тушь, въ промежуткахъ же между тостами онъ исполнялъ и народныя русскіе мотивы.

Во время обѣда была получена привѣтственная телеграмма отъ чеховъ изъ Праги, на которую тутъ же отправили благодарственный отвѣтъ: это вниманіе чеховъ тоже привело всѣхъ въ неописанное умиленіе и провозглашенъ былъ тостъ за здравіе чешскаго народа, за здравіе всѣхъ славянъ. При оставленіи обѣденнаго зала, прощанье русскихъ хозяевъ съ дорогими гостями сопровождалось изліаніемъ чувствъ братской дружбы не только на словахъ, но и объятіями, цѣлованіемъ и взаимнымъ пожатіемъ рукъ. Обѣдъ состоялъ изъ 8 прекрасныхъ блюдъ, столы были отлично сервированы и украшены вазами съ букетами живыхъ цвѣтовъ, вкусныхъ и дорогихъ винъ было въ большомъ обиліи, прислуга клубская многочисленная, одѣтая въ парадной формѣ. Порядокъ во всемъ былъ безукоризненный, за что большее спасибо гг. распорядителямъ угощенія гостей.

Послѣ обѣда наши гости снова разсѣялись по городу: одни отправились въ театръ, гдѣ въ то время давали балетъ прїѣзжіе изъ с.-Петербурга артисты, другіе— въ музей, гдѣ ожидали ихъ съ цвѣтами нѣсколько русскихъ дамъ, иные осматривать виленскія достопримѣчательности, которыхъ не успѣли осмотрѣть до обѣда, нѣкоторые же ксендзы заключили свое путешествіе по городу посѣщеніемъ св. Духовскаго монастыря, гдѣ осмотрѣли и церковь и въ ней пещеру, въ которой приложились къ мощамъ трехъ виленскихъ св. мучениковъ, при чемъ, показывавшій пещеру іеремонахъ поднесъ имъ по экземпляру жизнеописанія сихъ мучениковъ.

Ко времени отхода вечерняго поѣзда наши гости, вмѣстѣ съ распорядителями ихъ прїема и множествомъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и дамъ, собрались въ вокзалъ станціи желѣзной дороги. Здѣсь на прощанье, сказано было нѣсколько теплыхъ и задумевныхъ словъ какъ проважавшими славянъ русскими, такъ

и ими самими. Говорили Палацкій, Ригеръ, Ливчакъ, Головацкій и проч. и провозглашено нѣсколько тостовъ за благополучное путешествіе, за здравіе всѣхъ гостей, за здравіе Палацкаго, Ригера, Головацкаго и пр., наконецъ, за здравіе русскихъ и славянскихъ дамъ. При ударѣ звонка всѣ гости, сопровождаемые со стороны русскихъ пожеланіями счастливаго пути и криками ура, бросились въ вагоны.

Такъ провели мы однѣ сутки съ посѣтившими насъ братьями славянами. И этотъ день останется незабвеннымъ для русскихъ вильнянъ. Мы его провели въ самыхъ изліяніяхъ чувствъ братской дружбы и въ оживленныхъ бесѣдахъ; здѣсь не было чеховъ, сербовъ, хорватовъ, словаковъ, русскихъ; здѣсь былъ только одинъ народъ, одни братья— славяне.

Въ заключеніе нашей статьи считаемъ нужнымъ представить вниманію читателей списокъ проѣхавшихъ чрезъ Вильну славянъ и краткую характеристику нѣкоторыхъ изъ нихъ.

(Ч е х и).

Палацкій, Ригеръ, Д-ръ Браунеръ, Гаммерникъ (знаменитѣйшій врачъ по болѣзни печени), Вавра, литераторъ, Черни, адвокатъ, Скрейшовскій, извѣстный редакторъ газеты Poletikъ въ Прагѣ, Верятко, Коляржъ, литераторы, Патера, Мавесь художникъ, Кубшита (купецъ), Ербенъ, ученый и поэтъ чешскій, Гоура, литераторъ, д-ръ Грегръ, редакт. Народн. листовъ, изъ Праги, д-ръ Миллеръ, Фекшеръ, Каванъ, Звѣрина, баронъ Вилани, Манкнеръ, художникъ.

(Хорваты, моравцы, далматы, сербы, русины, словенцы и др.)

Флай хорватъ, Суботинъ, септемвиръ, сербъ, Свяц. Данило, хорватъ, далматанецъ, Вукашиновичъ, сербъ, д-ръ Полить, сербъ, хорватскій депутатъ сейма, р.-кат. священникъ Маляръ, словенецъ, Гудецъ, словенецъ, Вильгоръ, словенецъ. Вукатиновичъ, великій жуланъ хорватскій, д-ръ, каноникъ Рачки, Мирко, хорватъ, депутатъ, Осенскій, адвокатъ, Мудронъ, (профессоръ, словакъ), свящ. Молчанъ, русакъ изъ Венгрии, проф. Шаффарикъ, д-ръ Милчевичъ, проф. Теодоровичъ, изъ Бѣлграда, отъ ученаго общества дружества, протопресвит. Милутиновичъ, сербъ, Мразовичъ, депутатъ хорватскій, графъ Пучичъ, далматъ, д-ръ Джоржевичъ, отъ литератур. общества «Зоря», р.-кат. свящ. Радлинскій, литераторъ и редакторъ, словакъ, Добрянскій, адвокатъ изъ Львова, проф. Я. О. Головацкій, Ливчакъ, редакторъ «Страхопуда», д-ръ Ичинскій, сотрудиникъ Страхопуда, чехъ, Карлъ Матушъ адвокатъ, Игнацъ Фузьъ, почтовый чиновникъ, Милонъ-Милчевичъ, Карлъ

Ротичекъ, адвокатъ, Антонъ Каутека, Тонинка, купецъ, Александръ Сусулинъ, Василій Котура, Живло Вхивевичъ, Драгужинъ Петровичъ, адвокатъ изъ Бѣлграда, Николай Ковачевичъ, правосл. купецъ изъ Бѣлграда, Георгій Миленковичъ, адвокатъ изъ Бѣлграда, Антонъ Немѣць, чешскій землевладѣлецъ, Антонъ Сенецкій, инженеръ изъ Бѣлграда, Крето Теодоровичъ, кадетъ изъ Бѣлграда, Ома Павловичъ, простой прислужникъ изъ Бѣлграда, Протопресвит. Бѣговичъ, съ Военной границы, Баракъ, купецъ, Павловичъ (изъ Галиціи), Вильгоръ (словенець).

(Нѣкоторыхъ фамиліи имѣе нецвѣтъны).

Францъ Палацкій, посѣдѣлый въ бояхъ за жизнь и честь своего отечества, старый, но бодрый еще исторіографъ чешскаго народа. Сорокъ уже лѣтъ несетъ онъ на своихъ плечахъ возрожденіе Чехіи. Твердый и неизмѣнный, удивительный самообладаніемъ и железной энергіей воли, онъ одинъ уцѣлѣлъ отъ эпохи великихъ чеховъ, уже вымирающаго поколѣнія, того поколѣнія, которое произвело Юнгмана, Шаффарика, Коллара, Челяковскаго, Ганку,—уцѣлѣлъ патриархомъ новаго поколѣнія, для того, чтобъ давать ему уроки народной мудрости, поддерживать уваженіе къ труду отцовъ и самоутверженіе въ стремленіи къ цѣли, хотя дальней и трудной, часто безнадежной, но все еще возможной для воли неутомимой и несокрушимой неудачами и разочарованіями... (*).

Др. *Францъ Владиславъ Ригеръ*, съ 1848 г., первый, въ собственномъ смыслѣ, общественный дѣятель Чехіи, одинъ изъ наиболѣе значительныхъ ораторовъ нашего времени. Очарованіемъ слова и беззаветной любовью къ родному дѣлу, онъ приковалъ къ себѣ народное довѣріе и сочувствіе до самозабвенія. Опытный знатокъ човѣческаго сердца, онъ умѣетъ играть на его струнахъ и вырывать изъ нихъ желанные звуки. Массы послушны его повелительному голосу, потому что онъ говоритъ «какъ власть имуцій». Рѣдкій даръ слова, развитый наукою и упражненіемъ, рѣчь смѣлая и одушевленная, потому что она выходитъ изъ полноты убѣжденія и патриотическаго энтузіазма къ цѣлямъ совершенно безкорыстнымъ,—даютъ ему преимущество перваго оратора «конституціонной» (!) Австріи. Много завоеваній дѣлаетъ онъ силою логики, побѣждая холодный умъ нѣмца; но гораздо болѣе говоритъ народному чувству его патриотическое чувство, часто поднимающееся до глубокаго паэоса, сопровождаемое жолчной, злой ироніей—оно дѣйствуетъ сокрушительно на мнѣнія его политическихъ противниковъ. Въ этой области онъ вотъ уже 20 лѣтъ не имѣлъ себѣ соперника ни въ вѣнской имперской думѣ, ни на пражскомъ земскомъ сеймѣ. И много воспоминаній, еще болѣе надеждъ связано теперь для чеха съ именемъ Ригера... Если возможно еще кому твердою рукой провести, порядочно-таки поврежденный уже, государствен,

(*) Краткая біографія Палацкаго помѣщена въ „Голостъ“ 9 мая.

ний корабль Чехи между этихъ опасныхъ пикеръ въ туманную погоду, когда небо заволокло тучами, и только вдали видѣется еще на небосклонѣ послѣдній лучъ догорающей вечерней зари, или сомнительный свѣтъ занимающейся утренней, а то, можетъ быть, и просто послѣднія волны сѣвернаго сіанія, величественнаго, но безплоднаго, — то, конечно, этихъ шкиперомъ въ настоящее время можетъ быть только Ригеръ.

Францъ Ав. Браунеръ — третій политическій дѣятель современной Чехи, членъ того чешскаго триумвирата (Палацкій, Ригеръ и Браунеръ), который заправлялъ выборами на чешскомъ сеймѣ. Браунеръ тяжелый, но неутомимый, простой, но твердый, какъ камень, умѣетъ спускаться въ низшія сферы и говорить тамъ съ мѣщаниномъ, ремесленникомъ, хлѣбопашкомъ. Между которыми онъ давно уже извѣстенъ за свою филантропическую дѣятельность при освобожденіи крестьянъ 1848 г., и своими сочиненіями по сельскому хозяйству. Но и на трибунѣ онъ грозенъ и неутомимъ; особенно если нужно поселить страхъ въ сердца нѣмцовъ, тамъ является Браунеръ. Въ 1848 г. онъ былъ вторымъ, послѣ Ригера, ораторомъ чешской депутаціи въ вѣнской имперской думѣ (Reichsrath). Онъ необходимое лице триумвирата: Палацкій составляетъ проекты и планы; Ригеръ развиваетъ ихъ на сеймѣ и въ высшихъ кругахъ; Браунеръ вербуетъ для нихъ голоса внизу, въ массѣ.

Карлъ Яромиръ Ербенъ, «витечны списователь», замѣчательный чешскій писатель, очень разносторонній, необыкновенно дѣятельный и неутомимый, историкъ, археологъ, палеографъ, юристъ, архивариусъ, бібліотекарь и ко всему этому еще одинъ изъ наиболѣе крупныхъ поэтическихъ талантовъ.

Яковъ Федоровичъ Головацкій, русскій изъ Галиціи, униатскій священникъ, докторъ Богословія, профессоръ львовскаго университета. Онъ одинъ изъ первыхъ русскихъ дѣятелей въ Галиціи, которые съ 1848 года трудятся надъ возстановленіемъ угнетенной и почти совершенно убитой полянами русской народности. При главномъ содѣйствіи его, возникла галицко-русская литература и введенъ, вмѣсто латинскаго, русскій гражданскій шрифтъ въ печати и письмѣ, такъ что въ весьма короткій періодъ времени галицко-русская литература обогатилась множествомъ сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ и нѣсколькими періодическими изданіями, въ которыхъ главное участіе принималъ о. Головацкій и напечаталъ отдѣльно множество брошюръ и книгъ, по части исторіи галицкой Руси, археографіи, археологіи, церковной исторіи и проч. Принималъ также участіе и въ изданіи Вѣстника западной Россіи, доставляя въ редакцію его много древнихъ историческихъ документовъ, интересныхъ статей собственнаго сочиненія, касающихся исторіи Галиціи и современнаго движенія русскаго народа къ возстановленію своей народности. Много также обязаны ему русскіе въ Галиціи за сильное содѣйствіе его къ очищенію греко-униатскаго богослуженія и образу отъ обезобразившаго прежде его величіе латинства. При

главномъ его содѣйствіи и трудахъ, созданы въ Львовѣ русскій народный домъ, русская публичная бібліотека, русскій театръ, русская гимназія и разныя другія народно-русскія учрежденія. Но его сильно огорчаетъ неудавшаяся, по милости происковъ поляковъ, попытка вмѣсто того чтобъ создавать русскую литературу на простолюднои жаргонѣ, воспользоваться готовою литературой велико-русской, или, лучше сказать, обще русской, и такимъ образомъ писать сочиненія и издавать газеты и журналы на языкѣ русскомъ; австрійское правительство изъ опасенія сближенія чрезъ это съ Россіею уничтожило эту попытку въ самомъ началѣ. Но не смотря на это запрещеніе русскій языкъ, въ сочиненіяхъ Головацкаго и большей части другихъ галицко и венгро-русскихъ литераторовъ становится со дня на день чище и ближе къ обще-русскому, такъ что въ издаваемой въ Львовѣ газетѣ «Слово» меньше уже чѣмъ прежде встрѣчаемъ разностей и полонизмовъ, что даетъ надежду на скорое слитіе галицко-русскаго литературнаго языка съ языкомъ обще-русскимъ, а сама современная, недавно созданная литература этой древне-русской страны перейдетъ въ область исторіи, чтобы служить памятникомъ козней поляковъ и притѣсненія русиновъ австрійскимъ правительствомъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что профессоръ Головацкій за свою патриотически ученую дѣятельность на пользу русской народности и вѣры пользуется во всей Галиціи и Угорщинѣ между русскими населеніями величайшимъ почетомъ и любовью, а мы должны питать къ нему и благодарность за возбужденіе своими сочиненіями въ галицкомъ народѣ сознанія единоплеменности его съ нами и любви къ Россіи и православію (*).

Размышленіе о сѣздѣ западныхъ славянъ въ Россію.

Главный источникъ несчастій западныхъ славянъ — это ихъ разединеніе. Отсюда неурядица, бесплодное раздраженіе и, разумѣется, общее безсиліе. На Россію смотрятъ славяне, какъ на сильный народъ, воспитанный въ политической самобытности; отъ насъ они ожидаютъ указаній опыта и примѣра. Ни наше равнодушіе, ни наши прошедшія ошибки, ничто не могло изгладить въ западныхъ славянахъ древнихъ къ намъ привязанностей.

(*) Характеристику прочихъ славянскихъ нашихъ гостей мы отлагаемъ до слѣдующей книжки, по причинѣ невозможности помѣстить ее теперь въ настоящей и по неимѣнію подъ рукою достовѣрныхъ свидѣній объ ихъ дѣятельности на поприщѣ литературы и политики.

Въ настоящую минуту мы выносимъ общее изъ міра славянскаго: прибытіе сюда гостей, изъ разныхъ частей западнаго славянскаго міра, свидѣтельствуеетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ о возстановленіи славянскаго союза на почвѣ взаимной поддержки, умственной и нравственной. Въ добрый часъ!

Мы убѣждены, что почтенные гости примутъ нашу братскую руку съ такимъ же сочувствіемъ, съ какимъ мы протягиваемъ ея имъ.

Западные славяне намѣрены на дняхъ соединиться, черезъ посредство своихъ представителей, въ древней столицѣ Русскаго царства. Во имя славянской науки, соберутся въ Москвѣ эти представители, цвѣтъ всѣхъ славянскихъ народностей. Люди, которые уже отличились въ качествѣ передовыхъ бойцовъ своей національности, и которые, своею богатою политическимъ опытомъ жизни, доказали, что идея, представителями которой они являются къ намъ, перешла уже у нихъ въ плоть и кровь.

Мы далеки отъ мысли заниматься національною пропагандою: но позволимъ себѣ спросить: почему бы въ настоящее время, когда сліяніе родственныхъ націй сдѣлалось цѣлью политическихъ стремленій, почему бы и славянамъ не соединиться вокругъ одного центра, который вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить имъ въ будущемъ опорной точкой? Мы встрѣчаемся теперь съ западными славянами на почвѣ науки, и нельзя не порадоваться, что именно наука выбрана исходной точкой нашихъ національныхъ стремленій, потому что сознаніе національнаго родства можетъ быть пробуждено у европейскихъ славянъ скорѣе и вѣрнѣе всего посредствомъ науки, которая выставляетъ въ полномъ свѣтѣ эту родственную связь всѣхъ славянскихъ племенъ.

Хотя Россія составляетъ самое большое, по пространству и народонаселенію, славянское государство, но, тѣмъ не менѣе, въ Россіи есть еще около 20 милліоновъ славянъ, которые до сихъ поръ, въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, были повидимому, чужды намъ, и которые по необходимости были ослаблены, благодаря разъединенію, въ которомъ они принуждены были жить. Родина этихъ разъединенныхъ славянскихъ племенъ находится главнымъ образомъ на юго-востоки Европы, т. е. въ той ея части, гдѣ Россіи предназначена великая историческая задача. Здѣсь же заключается и центръ политическаго значенія, которое имѣетъ сближеніе всѣхъ славянъ. До послѣднихъ лѣтъ наши славянскіе братья, живущіе за предѣлами Россіи, были намъ дороги, хотя отчасти и чужды; мы знали между ними отдѣльныя личности, выдающіяся своею дѣятельностью и своими стремленіями; но сознаніе національной связи не могло развиваться подъ гнетомъ политическихъ учреждений. Теперь мы взяли на себя инициативу въ этомъ отношеніи, которая, по всей вѣроятности поведетъ къ пробужденію новой жизни и національнаго сознанія между славянскими племенами и тѣснѣйшему сближенію ихъ между собою. Эта инициатива не имѣетъ въ виду какихъ либо политическихъ переворо-

товъ; мы не стремимся къ политическому соединенію съ Россією славянскихъ народовъ, непринадлежащихъ къ ней. Мы стремимся только ближе узнать другъ друга, ознакомиться съ нашими взаимными стремленіями, и оказать нашимъ братьямъ ту нравственную поддержку, какой можно по праву требовать отъ соплеменнаго народа. Чѣмъ далѣе будемъ мы держаться отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла иностранныхъ государствъ, тѣмъ могущественнѣе будетъ нравственное вліяніе, которое мы въ состояніи оказать на судьбу одноплеменныхъ намъ народовъ.

Еще недавно бывшая могущественною, чешская партія въ Австріи, въ настоящее время, въ слѣдствіе перевѣса въ австрійской имперіи такъ называемаго принципа дуализма, почти совершенно утратила свое политическое значеніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вліянія на правительство. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ голосъ представителей чешской партіи имѣлъ большой вѣсъ въ совѣтахъ австрійскихъ министровъ; между тѣмъ какъ теперь въ одной части австрійской имперіи господствуютъ неограниченно мадьяры, а въ другой—нѣмцы. Какъ бы ни было велико разногласіе между нѣмцами и мадьярами по политическимъ вопросамъ, въ *одномъ* пунктѣ эти двѣ партіи сходятся совершенно,— въ стремленіи уничтожить могущество чеховъ и поставить ихъ наравнѣ съ другими славянскими народами австрійской имперіи, подѣ главенство другихъ національностей. При такихъ обстоятельствахъ и при различіи политическаго развитія и политическихъ взглядовъ у самихъ славянскихъ племенъ Австріи, славянскій элементъ въ австрійской имперіи долженъ былъ бы утратить политическое значеніе, если бы не находилъ нравственной опоры въ единоплеменныхъ южныхъ и сѣверныхъ народахъ, при помощи которыхъ онъ можетъ завоевать себѣ положеніе, достойное самобытной націи. Уже въ этомъ отношеніи сближеніе всѣхъ славянскихъ племенъ, начало которому будетъ положено теперь въ Россіи, должно имѣть важное политическое значеніе. Мы всегда будемъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за борьбою, которую ведутъ западные славяне за свое независимое существованіе; мы всегда будемъ выказывать имъ наше полнѣйшее сочувствіе и, безъ сомнѣнія, употребимъ въ ихъ пользу наше нравственное вліяніе, что подкрѣпитъ въ нихъ увѣренность въ свои силы. Но, въ замѣнъ того, мы въ правѣ ожидать, что и западные славяне будутъ проникнуты къ намъ такими же чувствами и выкажутъ эти чувства въ отношеніи нашихъ стремленій такимъ же образомъ, какъ и мы выказываемъ въ отношеніи ихъ стремленій.

Хотя мы давно уже сокрушили господство татаръ, такъ что опасность съ этой стороны никогда не можетъ вернуться; но тѣмъ не менѣе мы все еще стоимъ лицомъ къ лицу съ могущественными врагами, которые затрудняютъ намъ рѣшеніе нашей политической и ис-

торической задачи, и которые въ особенности раздѣляютъ насъ съ остальными славянскими народами Европы. На югѣ такимъ врагомъ является Турція, всегда враждебно относившаяся къ нашимъ стремленіямъ; на юго-западѣ — Австрія, которая всегда дѣйствовала враждебно намъ въ важныхъ политическихъ вопросахъ, и, вѣроятно такъ же будетъ дѣйствовать и на будущее время.

Но такое неблагоприятное для насъ положеніе дѣлъ принять, конечно, иной оборотъ, если между всѣми славянскими племенами проснется сознание національной связи, если всѣ они будутъ выказывать взаимное сочувствіе и поддерживать другъ друга въ своихъ стремленіяхъ. Тогда мы будемъ встрѣчать въ Турціи и въ Австріи не одну только вражду; тогда мы будемъ имѣть въ этихъ государствахъ, по крайней мѣрѣ въ значительной части ихъ народонаселенія, друзей и союзниковъ, которые поймутъ наши намѣренія и отнесутся къ намъ съ сочувствіемъ. Когда положеніе дѣлъ измѣнится въ этомъ смыслѣ, намъ гораздо легче будетъ исполнить также и нашу историческую задачу на юго-востокѣ Европы, ибо тогда исполненіе этой задачи возможно будетъ безъ кровавой борьбы и продолжительныхъ войнъ. Россія имѣетъ право стремиться къ тому же, къ чему стремилась съ такимъ успѣхомъ Германія, — къ національному единству. Признавая стремленія Германіи законными, мы не противодѣйствовали имъ ни въ какомъ отношеніи, а потому имѣемъ полное право требовать, чтобъ и намъ не противодѣйствовали въ осуществленіи подобныхъ стремленій.

Имѣя въ виду этотъ возможный, благоприятный для насъ оборотъ дѣлъ, мы вдвойнѣ рады нашимъ славянскимъ гостямъ. Мы надѣемся, что они возвратятся въ свое отечество съ убѣжденіемъ, что великое Славянское Царство простираетъ свои крылья надъ всѣми славянскими племенами; что оно сочувствуетъ ихъ стремленіямъ, и всегда готово помочь имъ, въ чемъ можетъ. Мы желаемъ, чтобы гостящіе теперь у насъ славянскіе депутаты представили собою звено, связующее всѣ славянскія племена, и потому охотно вторимъ прекраснымъ словамъ одного изъ этихъ депутатовъ — Ригера: «Солнце славянскаго единенія уже взошло, и мы убѣждены, что, при взаимной поддержкѣ, мы сдѣлаемся великимъ народомъ не только по числу душъ, но и по славнымъ дѣламъ!»

Держаніе 3-ей кн. „Вѣстника западной Россіи.“ за 1867 годъ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— 1) **Универсалъ** короля Владислава IV о возвращеніи православнымъ жителямъ г. Вѣльска и к Клецеля церкви, отнятыхъ на унию. Стр. 27.— 2) **Рѣшеніе** вѣльскаго войтовскаго суда по жалобѣ православныхъ г. Вѣльска на униатовъ, отнявшихъ насильно у нихъ церкви. Стр. 28.— 3) **Жалоба** православнаго настоятеля вѣльскаго св. Николаевской церкви на униатскаго попа Іоанна Малишевскаго о нападеніи на него, недшаго по улицѣ къ больному со св. Дарами, причиненіи ему побоевъ, оскорбленій и отнятіи дарохранительницы и креста. Стр. 32— 4) **Рѣшеніе** комиссарскаго суда по дѣлу объ отнятіи униатами отъ православныхъ г. Вѣльска церквей и причиненіи симъ послѣднимъ разныхъ обидъ и насилій. Стр. 34.— 5) **Вводъ** во владѣніе инокѣвъ борисоглѣбскихъ церковью и монастыремъ св. Воскресенія въ г. Борисовѣ. Стр. 38.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ПРАСЛЬСКИЙ благовѣщенскій монастырь (продолженіе). Архим. **Медоста**. Стр. 83.— **ДРУССОВСКИЙ** договоръ и Петръ Дорошенко, Глава I. Андрусовскій договоръ. Взглядъ на внутреннее состояніе Малороссіи. Характеристика Бруховецкаго и Дорошенка. **М. Александрошича**. Стр. 118.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Вѣнскій монументъ настоящаго царствованія Стр. 27

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ОДСТВО и разница ученія православной и римской церквей **Архим. Антонія**. Стр. 337.

ДНЕВНИКА одного еврейскаго смотрителя училищъ 1 го разряда. Стр. 350.

ПЯКУЮ ЦІЙ NN. изъ дневника (окончаніе). **С. Калугина**. Стр. 361.

ПУГА и **КЕЙСТУТЬ** (Продолженіе), Дѣйствіе 3-е. **С. Калугина**. Стр. 381.

ТРОВОРОТНАЯ часовая въ г. Вильнѣ. Стр. 394.

ВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ и **ЖУРНАЛОВЪ**.— **Число** присоединившихся къ православію въ 1866 г. въ литовской епархіи. Стр. 403.— **Объ** обращеніи въ православіе французскаго аббата Мордреля. Стр. 403.— **Народнымъ** школамъ въ Гродненской губерніи. Стр. 406.— **Нѣмецко** къ редактору «Витебск. Губ. Вѣд.», по поводу статьи его объ основаніи присоединившагося къ православію князя Алекс. Друцкаго— Соколинскаго. Стр. 410.— **Лучшъ** въ 1429 году и Витовтова короля. Стр. 414.— **Униа** послѣ паденія Польши. **В. Ратча**. Стр. 418.— **Латинское** духовенство сѣверо-западной Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II. Егояхъ. Стр. 431.— **Что** такое Москва? Стр. 441.— **Выдержки** изъ 3, 4, 5 и 6 №№. «Страховуда»: 1) **Что** общаго между австрійскими славянами. вѣнцами и мадярами.— 2) **Свидѣтельство** поведенія Польши.— 3) **MODLITWA NOWA** na stara potę (Новая Молитва по старому наѣву).— 4) **Разговоръ** чертей въ адѣ.— 5) **Матеріалы**, приготовленныя «Страховудомъ» для польской эдукаціонной комисіи, занимающейся исправленіемъ учебниковъ для галицкихъ школъ.— 6) **Докторъ** **Страховудъ** на вивитъ у болъной Польши.— 7) **Непорочнѣйшая** просьба къ монархамъ, которымъ вѣрена судьба польскаго народа.— 8) **Страган** консеквенція (послѣдовательность) гр. Борковскаго.— 9) **Канъ** вѣскоко цѣнитъ австрійское правительство приязнь Россіи.— 10) **Запросъ**.— 11) **Предстерженіе**.— 12) **Международныя** и междудержавныя расчеты.— 13) **Возможно** ли равновѣсіе въ Европѣ? Стр. 444—458.

ПЕГЕМЪ славянъ въ г. Вильнѣ. Стр. 458.

ПИСКОПЪ славянъ проѣхавшихъ чрезъ Вильну и краткая характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ. Стр. 464.

ЗМЫШЛЕНІЕ по поводу сѣзда западныхъ словянъ въ Россію. Стр. 467.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящая (3) книжка Вѣстника запоздала выходомъ въ свѣтъ болѣе нежели мѣсяцомъ. Чтобм читатели Вѣстника не отнесли причины такой запоздалости къ матеріальной или нравственной несостоятельности редакціи, сія послѣдняя считаетъ себя обязанною заявить читателямъ Вѣстника, что единственною причиною этого явленія было то обстоятельство, что бумажная фабрика, поставлявшая бумагу для Вѣстника, по случаю поврежденія ея наводненіемъ, остановила на два мѣсяца свои операціи, а изъ Риги бумага запоздала высылкой по причинамъ, несколько независѣвшимъ отъ редакціи. За то 4-я книжка Вѣстника выйдетъ чрезъ двѣ недѣли послѣ 3, такъ — что на 6 книжкѣ Вѣстникъ вступитъ въ нормальные сроки своего выхода.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцовъ, весьма многіе подписчики разныхъ присутственныхъ мѣстъ сѣверо-западнаго края выслали на Вѣстникъ по 4, или по 5 руб. за экземпляръ. Это произошло отъ недоразумѣнія. Но такъ какъ это недоразумѣніе теперь уже устранено и такъ какъ уступка по вышеозначенной цѣнѣ Вѣстника вовлекла бы его редакцію въ большіе убытки; то сія послѣдняя проситъ покорнѣйше подписчиковъ Вѣстника, выславшихъ по 4 и по 5 руб., дослать, по крайней мѣрѣ, по 1 рублю на пересылку и укупорку журнала, безъ чего редакція не можетъ исполнить ихъ требованія. И эта огромная уступка дѣлается только тѣмъ, относительно — не состоятельнымъ мѣстамъ и лицамъ, которыя подписались по 1-е мая, и которыя были поставлены въ недоразумѣніе на счетъ цѣны Вѣстника. Изъ этого правила исключаются только волостныя правленія, которымъ, для большей популяризаціи изданія, оно уступается по 6 рублей. Что касается духовенства, редакція проситъ его покорнѣйше выслать деньги на экземпляры Вѣстника по указанной ему енархіальнымъ начальствомъ цѣнѣ, а тѣхъ, которые, по недоразумѣнію, выслали по 5 рублей, — въ возможной скорости, дослать недостающія до такой цѣны деньги, иначе редакція будетъ поставлена мѣ неодолимое затрудненіе исполнить заказы духовенства.

СОДЕРЖАНИЕ 3-ей кн. „Вѣстника западной Россіи“ ЗА 1867 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

- № 5. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ СІИ.— 1) **Универсалъ** короля Владислава IV о возвращеніи православнымъ телемъ г. Бѣльска и м. Клецеля церквей, отнятыхъ на унию. Стр. 27.— 2) **Рѣшеніе** бѣльскаго войтовскаго суда по жалобѣ православныхъ г. Бѣльска на униатскихъ отнявшихъ насильно у нихъ церквь. Стр. 28.— 3) **Жалоба** православнаго иереемъ бѣльскаго св. Николаевской церкви на униатскаго попа Іоанна Маліневскаго нападена на него, шедшаго по улицѣ къ больному со св. Дарами, причиненія ему болей, оскорбленій и отнятія дарохранительницы и креста. Стр. 32.— 4) **Рѣшеніе** комиссарскаго суда по дѣлу объ отнятіи униатами отъ православныхъ Бѣльска церквей и причиненіи симъ послѣднимъ разныхъ обидъ и насилій. Стр. 35.— 5) **Вводъ** во владѣніе инокъ борисовскихъ церквей и монастырей св. Крестенія въ г. Борисовѣ. Стр. 38.

ОТДѢЛЪ II.

- СУПРАСЛЬСКІЙ благовѣщенскій монастырь (продолженіе). Архим. **Мелеста**. Стр. 8.
АНДРУССОВСКІЙ договоръ и Петръ Дорошенко, Глава I. Андрусовскій договоръ. Вънутреннее состояніе Малороссіи. Характеристика Бруховецкаго и Дорошенка. М. **Александровича**. Стр. 118.

ОТДѢЛЪ III.

- НОВЫЙ монументъ настоящаго царствованія. Стр. 27

ОТДѢЛЪ IV.

- СХОДСТВО и разница ученія православной и римской церквей. Архiep. **Антонъ**. Стр. 337.

ИЗЪ ДНЕВНИКА одного еврейскаго смотрителя училищъ 1-го разряда. Стр. 350.

ПОЛЯКУЮЩІЙ **НН.** изъ дневника (окончаніе). **С. Калужина**. Стр. 361.

БИРУТА И КЕЙСТУТЬ (Продолженіе). Дѣйствіе 3-е. **С. Калужина**. Стр. 381.

ОСТРОВОРТНАЯ часовня въ г. Вильнѣ. Стр. 394.

- ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ и ЖУРНАЛОВЪ.— **Число** присоединившихся къ православію въ 1866 г. въ литовской епархіи. Стр. 403.— **Объ обращеніи** въ православіе французскаго абага Мордреля. Стр. 403.— **Народныя школы** въ Гродненской губерніи. Стр. 406.— **Письмо** къ редактору «Витебск. Губ. Вѣд.», по поводу статьи объ исповѣди присоединившагося къ православію князя Алекс. Друцкаго—Синьковского. Стр. 410.— **Луцкъ** въ 1429 году и Витовтова корона. Стр. 414.— **Униатскіе послѣ паденія Польши**. **В. Ратча**. Стр. 418.— **Латинское духовенство** съверпадной Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II. Егояж. Стр. 431.— **Что такое Москва?** Стр. 441.— **Выдержки** изъ 3, 4, 5 и 6 №№. «Страхопуды»: 1) **Общій договоръ** между австрійскими славянами, нѣмцами и мадьярами.— 2) **Сниженіе ценъ** поведеній Польши.— 3) **MODLITWA NOWA** na starą notę (Новая Молитва старому напѣву).— 4) **Разговоръ** нартей въ аду.— 5) **Материалы**, приготовленныя «Страхопудомъ» для польской эдукаціонной комиссіи, занимающейся исправленіемъ учебниковъ для галицкихъ школъ.— 6) **Докторъ Страхопудъ** на званіи ун. профессора въ Варшавѣ.— 7) **Новорішійшая** просьба къ монархамъ, которымъ вѣрноподданнаго польскаго народа.— 8) **Строгая** консеквенція (послѣдовательность) гр. Борозинскаго.— 9) **Какъ** высоко цѣнить австрійское правительство пріязнь Россіи.— 10) **Польскаго народа**.— 11) **Предостереженіе**.— 12) **Международныя** и междудержавныя расчеты.— 13) **Возможно ли** равновѣсіе въ Европѣ? Стр. 444—458.

ПРИЕМЪ славянъ въ г. Вильнѣ. Стр. 458.

СПИСОКЪ славянъ прѣѣхавшихъ чрезъ Вильну и краткая характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ. Стр. 464.

РАЗМЫШЛЕНІЕ по поводу сѣзда западныхъ славянъ въ Россію. Стр. 467.

